

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887

RUSSIAN COLLECTION OF 1922

I 334.

Т
334.

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Печатаю въ типографіи Департамента Удѣловъ. Литейный пр., № 39

1868

4807

СР 385.5

HARVARD COLLEGE
GIFT OF
OSCAR W. SMITH
JULY 1, 1922

Отъ С.-Петербургскаго Комитета духовной цензуры печатать позво-
ляется. 6 декабря 1867 года.

Цензоръ Архимандритъ Фотій.

ОСОБЕННОСТИ ВЪ ПОВѢСТВОВАНІИ ЕВАНГЕЛИСТА ІОАННА О ЧУДЕСАХЪ ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА.

Едва ли найдется такой слушатель или читатель повѣствованія Евангелиста Іоанна, отъ взора котораго укрылось бы то обстоятельство, что повѣствованіе это, отличаясь отъ повѣствованій другихъ Евангелистовъ вообще, особенно отличается отъ нихъ въ томъ отдѣлѣ, гдѣ говорится о чудесахъ Господа. Дѣйствительно, если сопоставить его съ этими послѣдними повѣствованіями, то прежде всего мы найдемъ, что, кромѣ одного чуда насыщенія хлѣбами (Іоан. 6), въ немъ нѣтъ ни одного (¹), о которомъ первые Евангелисты дали бы намъ хотя какое нибудь указаніе. Объясняя и дополняя себя взаимно, эти послѣдніе какъ будто и не знаютъ, что существуетъ еще цѣлый рядъ фактовъ и фактовъ самыхъ замѣчательныхъ. За тѣмъ начинаютъ останавливать вниманіе другія особенности, хотя и болѣе второстепенныя, но также довольно значительныя, — особенности, касающіяся мѣста и времени. По повѣствованіямъ пер-

(¹) О бѣдствіи въ пизаніи учениковъ Спасителя и шестомъ Ею по водамъ, кромѣ Св. Іоанна (6, 16—20), повѣствуютъ Евангелисты Матвей (14, 23—27) и Маркъ (6, 47—50). — Ред.

выхъ трехъ Евангелистовъ, мѣстомъ чудесныхъ дѣйствій Господа была по преимуществу Галилея, по повѣствованію же Евангелиста Іоанна, такимъ мѣстомъ былъ по преимуществу главный городъ Іудейства — Іерусалимъ. По повѣствованіямъ трехъ первыхъ Евангелистовъ, время совершенія чудесъ было время неопредѣленное, по повѣствованію же Евангелиста Іоанна, такимъ временемъ были по большей части іудейскіе праздники, напр. праздникъ пасхи, праздникъ поставленія сѣней и т. п. Послѣ особенностей мѣста и времени, не мало останавливаетъ на себѣ вниманіе и то обстоятельство, что по повѣствованію Евангелиста Іоанна, сила Божественная всегда дѣйствуетъ въ чудесахъ въ такой необычайной мѣрѣ, какой рѣшительно нѣтъ соответствія въ повѣствованіяхъ первыхъ трехъ Евангелистовъ. Много разслабленныхъ и различныхъ недужныхъ исцѣлялъ Господь, по повѣствованію первыхъ трехъ Евангелистовъ, но ни одного такого, о которомъ было бы замѣчено, что онъ 38 лѣтъ, или болѣе, одержимъ былъ своимъ недугомъ. Много слѣпыхъ, по сказанію трехъ первыхъ Евангелистовъ, получило прозрѣніе отъ Господа, но ни объ одномъ не упомянуто такомъ, который былъ бы слѣпъ отъ рожденія. О случаяхъ воскрешенія мертвыхъ говорится и въ первыхъ трехъ повѣствованіяхъ, но не было ни одного такого, который бы равнялся по силѣ, въ немъ проявившейся, великому чуду воскрешенія четверодневно-умершаго Лазаря. Всѣ это вмѣстѣ взятое неоднократно поставляло въ недоумѣніе даже тѣхъ, которые причисляютъ себя къ друзьямъ христіанства; что же касается враговъ его, особенно враговъ всего чудодѣйственнаго, то оно давало имъ прямой поводъ къ рѣшительному отрицанію

всѣхъ чудесъ, о которыхъ говоритъ Евангелистъ Іоаннъ. Этотъ голосъ отрицанія нигдѣ не выраженъ съ такою ясностію и опредѣленностію, какъ въ Тюбингенской школѣ, представителемъ которой былъ Бауръ. Онъ посвятилъ Евангелію отъ Іоанна цѣлую большую книгу, гдѣ употребилъ всю силу діалектики, чтобы доказать только, что это Евангеліе не имѣетъ характера историческаго. По его воззрѣнію, все это Евангеліе не болѣе, какъ плодъ писателя втораго вѣка, желавшаго провести въ кругъ читателей извѣстную идею. Эта идея есть идея борьбы владычества и господства Іисуса съ невѣріемъ Іудеевъ, борьбы свѣта съ тьмою, вѣры съ невѣріемъ. Подъ эту-то основную идею и подведены будто бы всѣ части Евангелія и особенно чудеса. „Эти чудеса, говоритъ онъ, суть не болѣе, какъ центральныя пункты, въ которыхъ сосредоточиваются лучи Божественнаго свѣта, исходящіе отъ личности Іисуса. То, что въ Синоптическихъ Евангеліяхъ, составившихъ для нашего Евангелиста матеріалъ, раздѣлено по различнымъ чудеснымъ рассказамъ, здѣсь, въ этомъ Евангеліи, подведено подъ извѣстныя категоріи; въ каждомъ чудѣ отображается общее понятіе; каждое изъ нихъ есть не болѣе, какъ тема, которая проведена въ слѣдующей рѣчи“ (1). Это-то иногда неправильное, а иногда и совершенно ложное пониманіе означеннаго отдѣла повѣствованія и побуждаетъ войти въ разборъ указанныхъ особенностей.

Первое, на что преимущественно обращается вниманіе, есть, какъ мы сказали, то, что, за исключеніемъ чуда насыщенія хлѣбами, нѣтъ ни одного, на которое

(1) Kritisch. Unt. üb. Kan. Ev. 191.

дали бы указание черным Евангелисты. Но эта, обращающая на себя внимание особенность, по нашему мнению, и принадлежит именно къ числу тѣхъ, которыми всего менѣе должны обращать на себя вниманіе. Для каждого, хотя сколько нибудь знакомаго съ исторіографіею, не можетъ быть не извѣстно, что требованіе отъ каждаго біографа полнаго и всесторонняго изображенія жизни повѣствуемыхъ лицъ есть требованіе далеко не всегда возможное. Или недостатокъ прочнаго матеріала, или многосторонность жизни повѣстующаго лица, или другія какія либо препятствія всегда служатъ причиною того, что рѣдко у какаго писателя можно встрѣтить полное и всестороннее изображеніе жизни того или другаго лица. Особенно мало примѣнимо такое требованіе къ восточнымъ писателямъ. Въ этомъ случаѣ, мы можемъ сослаться на знаменитаго знатока исторіи востока Нибура, который въ своей исторіи Сиріи и Вавилона такъ говоритъ о восточныхъ писателяхъ: „восточный историкъ въ хронологическихъ очеркахъ показываетъ большую краткость, по которой историческое изображеніе бываетъ такъ неполно, что пропускъ даже важныхъ событій ничего не можетъ говорить противъ истинности“ (1). Это свидѣтельство можетъ найти полное для себя подтвержденіе въ историческихъ книгахъ ветхаго завѣта. Тамъ примѣры подобнаго рода очень не рѣдки. Такъ, во 2-й кн. Царствъ опущено повѣствованіе о союзѣ царей пустыни противъ Израиля въ царствованіе Иосафата. Въ той же книгѣ опущено отведеніе Манассіи въ Вавилонъ и его возвращеніе. Итакъ, если полное и всестороннее изложеніе жизни историческихъ лицъ въ большинствѣ случаевъ

(1) § 6.

невозможно, а у восточныхъ писателей и въ обычаяхъ не было, то указанное выше требованіе уже въ самой основѣ своей оказывается не состоятельнымъ. Эта несостоятельность раскроется предъ нами еще яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на свойство первыхъ трехъ Евангелій и на свойство Евангелія отъ Іоанна. Первые не могутъ не сказать, почему ихъ писатели умолчали о событіяхъ Іерусалимскихъ, а послѣднее не можетъ не сказать, почему только эти, главнымъ образомъ, событія и заняли мѣсто на страницахъ этого Евангелія. Углубляясь въ содержаніе первыхъ трехъ Евангелій, мы не можемъ не замѣтить, что писатели этихъ Евангелій предметъ своихъ повѣствованій находили главнымъ образомъ въ Галилейской дѣятельности Господа; что же касается Іерусалимской Его дѣятельности, то они, по видимому, лишь на столько касались ея, на сколько это необходимо было для исторической связи. Надъ приискиваніемъ примѣровъ трудиться много не нужно. Всѣ три Евангелиста даютъ довольно ясное указаніе, что пребываніе Господа въ Іерусалимѣ имъ извѣстно Мѡ. 23, 37 ср. Лук. 13, 34. Мѡ. 26, 61. Марк. 14, 58 ср. Іоан. 2, 19. 21. Мѡ. 27, 57. Марк. 15, 42; Лук. 23, 50, между тѣмъ, въ ихъ повѣствованіяхъ ничего нельзя найти болѣе, какъ одну галилейскую дѣятельность Господа; о пребываніи въ столицѣ іудейства они не сообщаютъ никакого понятія. Едва только успѣли сказать о событіи искушенія, какъ уже, не обращая вниманія на цѣлый рядъ событій іерусалимскихъ, прямо переходятъ ко второму прибытію Господа въ Галилею и непрерывно излагаютъ Его дѣятельность тамъ до самаго послѣдняго путешествія въ Іерусалимъ. Что этотъ пропускъ событій дѣйствительно былъ, и что онъ извѣ-

стенъ былъ самимъ Евангелистамъ,—это видно изъ ихъ Евангелій. Начиная говорить объ этой галилейской дѣятельности Господа, они прямо даютъ замѣтить, что начинаютъ говорить только съ извѣстнаго времени. *Услышавъ же Иисуса, что Иоанна отданъ подѣ стражу, удалился въ Галилею* (Мѡ. 4, 12.) или: *послѣ же того, какъ преданъ былъ Иоаннъ* (*μετα δε το παρδεσθηναι τον Ιωαννην*) *пришелъ Иисусъ въ Галилею* (Марк. 1, 14). Это указаніе на заключеніе Иоанна въ темницу было бы рѣшительно не умѣстно, если бы Евангелисты не имѣли въ виду указать читателямъ, что между событіемъ искушенія и удаленіемъ Иисуса въ Галилею находится значительный пропускъ событій. Если же и бывали случаи, что имъ почему либо нужно было коснуться іудейскихъ событій, то они всегда касались ихъ такъ, что какъ будто событія эти происходили въ неопредѣленное время и въ неопредѣленномъ мѣстѣ. Такъ Евангелисту Лукъ нужно было указать на усердіе одной жены къ слову Божію. Не смотря на то, что событіе это происходило въ одной изъ самыхъ ближайшихъ къ Іерусалиму мѣстностей, въ одно изъ путешествій Господа къ Іерусалиму, въ кругу извѣстнаго семейства въ Виваніи, онъ, не только ничего не сказалъ о самомъ пребываніи въ Іерусалимѣ, но даже не хотѣлъ назвать самое это мѣстечко и потому выражался такъ: *въ продолженіи пути, Она пришла въ одно селеніе, здѣсь женщина, именемъ Марѡа, приняла Ею въ домъ свой* (Лук. 10, 38.). Есть и другіе факты не менѣ замѣчательные. Извѣстно, что Господь оставилъ Галилею довольно задолго до послѣдней пасхи; извѣстно, что Онъ жилъ въ это время въ странахъ по другую сторону Іордана, что Онъ отсюда ходилъ въ Іерусалимъ, и потомъ снова возвращался; но такъ какъ

эти событія не лежали въ планѣ первыхъ Евангелистовъ, то они, едва сказавъ объ оставленіи Галилеи, тотчасъ переходятъ къ послѣднему входу Господа въ Іерусалимъ. Евангелистъ Лука, хотя и долѣе останавливается на этихъ событіяхъ, но и у него лишь намеки на нихъ. Такъ о пребываніи Господа на праздникѣ кущей изъ того только и можно узнать, что онъ говоритъ о какомъ то пути чрезъ Самарію, который, безъ сомнѣнія избранъ былъ Господомъ, какъ путь кратчайшій (9, 51.) что онъ говоритъ о тысячахъ народа, которыя очевидно были не другія какія, какъ тысячи народа, возвращавшагося съ праздника (12, 1.), что ученіе Его состоитъ совершенно изъ тѣхъ же образовъ, какіе только можно взять отъ обстановки праздника кущей (Лук. 11, 33. 34). Все это приводитъ къ мысли, что первые три Евангелиста не имѣли намѣренія касаться событій іудейскихъ. Но если три первыхъ Евангелія говорятъ намъ, что писатели ихъ не намѣрены были касаться событій іудейскихъ, то четвертое Евангеліе говоритъ о своемъ авторѣ, что наоборотъ, этихъ то событій по преимуществу и намѣренъ онъ былъ касаться. Въ началѣ своего повѣствованія, онъ, хотя также прямо говоритъ о галилейской дѣятельности Господа (Іоан. 1, 43., 2, 13.), но онъ говоритъ о ней потому только, что эта дѣятельность пройдена молчаніемъ со стороны первыхъ трехъ Евангелистовъ (1). Когда же онъ пере-

(1) Эта дѣятельность по ясному выраженію самаго евангелиста Іоанна была тогда, когда Іоаннъ Креститель не былъ еще взятъ подъ стражу (Іоан. 3, 24.). Замѣчательно, какъ у первыхъ двухъ Евангелистовъ есть ясное замѣчаніе о томъ, что известные рассказы начинаются съ того времени, какъ Іоаннъ Креститель взятъ въ темницу, такъ наоборотъ у Евангелиста Іоанна—замѣчаніе о томъ, что известные событія относятся къ времени, когда онъ не былъ взятъ.

шелъ въ своемъ повѣствованіи къ тому времени, съ котораго начинается разсказъ первыхъ Евангелистовъ, то о событіяхъ галилейскихъ онъ начинаетъ уже говорить обще и просто подводитъ ихъ подъ цѣлую группу событій. Такъ, сказавши о второмъ посѣщеніи Господомъ Іерусалима, онъ продолжаетъ: „послѣ сего пошелъ Іисусъ по ту сторону моря Галилейскаго въ окрестности Тиверіады. За Нимъ послѣдовало множество народа, потому что видѣли чудеса, которыя Онъ творилъ надъ больными“ (6, 1. 2.). Правда, тотчасъ же послѣ этаго общаго опредѣленія, онъ упомянулъ о галилейскомъ чудѣ насыщенія хлѣбами, но нельзя не видѣть, что онъ упомянулъ о немъ какъ только о поводѣ, по которому произнесена была замѣчательная рѣчь въ Капернаумѣ. Когда же окончилъ онъ разсказъ объ этомъ, и когда нужно было снова перейти къ событіямъ галилейскимъ, то онъ опять начиналъ выражаться обще: „послѣ сего“, говоритъ онъ, „ходилъ Іисусъ по Галилеѣ, ибо по Іудеѣ не хотѣлъ ходить, потому что Іудеи искали убить Его (7, 1.). Изложивши въ этихъ двухъ краткихъ очеркахъ ту дѣятельность Господа въ Галилеѣ, о которой подробно говорятъ первые три Евангелиста, онъ тотчасъ возвращается къ избранному имъ предмету повѣствованія и говоритъ: *приближался праздникъ Іудейскій, поставленіе кущей* (7, 2.). Итакъ, если первые три Евангелія ясно говорятъ о томъ, что писатели ихъ не намѣрены были касаться событій іерусалимскихъ, а послѣднее—о томъ, что писатель его только этихъ событій и намѣренъ былъ касаться, то никто не имѣетъ права требовать, чтобы писатели первыхъ Евангелій говорили о событіяхъ ерусалимскихъ, а послѣдній говорилъ о событіяхъ

гадидейскихъ. Такое требованіе очень сходно было бы съ тѣмъ, если бы кто нибудь отъ ботаника началъ требовать знанія физиолога и наоборотъ отъ физиолога знанія ботаники. Какъ жизнь вселенной представляетъ такъ много сторонъ для разсмотрѣнія, что необходимо одному заняться тѣмъ, другому другимъ, а третьему — третьимъ и т. д., такъ точно и жизнь Иисуса Христа. Она такъ широка, такъ многостороння, что одному нѣтъ возможности вполнѣ исчерпать ее. Вотъ отчего даже послѣдній изъ Евангелистовъ кончаетъ свое Евангеліе слѣдующими словами: „многое и другое сотворидъ Иисусъ, но если бы писать о томъ подробно, то думаю, и самому міру не вмѣстятъ бы писанныхъ книгъ“ (Іоан. 21, 25.). Этими краткими, но выразительными словами Евангелистъ ясно призналъ, что полного и всесторонняго изображенія жизни Господа отдѣльно отъ того или другаго писателя — требовать нельзя. Слѣдовательно нѣтъ и не можетъ быть ничего удивительнаго въ томъ, что писатели первыхъ трехъ Евангелій, держась строго принятаго ими намѣренія говорить о событіяхъ гадидейскихъ, не считали нужнымъ говорить о событіяхъ іерусалимскихъ. Если же Бауръ замѣчаетъ, что къ этому могло и должно было побудить ихъ величіе вѣхъ чудесъ, то на это можно замѣтить, что такого раздѣленія чудесъ на великія и малыя, какого держится Бауръ, не только не существовало для писателей Евангелій, но даже и для первыхъ читателей. Для тѣхъ и другихъ всѣ чудеса были одинаково важны; всѣ одинаково говорили имъ о высшей творческой силѣ, въ нихъ проявлявшейся. Что же касается вопроса о побужденіяхъ, руководившихъ писателей къ избранію предметовъ повѣствованій, то на

этотъ вопросъ мы имѣли бы полное право и не отвѣчать, такъ какъ онъ совершенно равняется вопросу: почему тотъ или другой авторъ избралъ предметъ своего сочиненія ту или другую тему, или, почему художникъ написалъ именно эту, а не другую картину; но какъ и отъ этого вопроса возникаютъ своего рода недоразумѣнія и довольно важныя, то и его мы не можемъ оставить безъ отвѣта. Для рѣшенія его, мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ тому довольно отвлеченному отвѣту знаменитаго Генкетенберга, по которому все содержаніе Евангельской исторіи раздѣляется на два класса; къ одному принадлежитъ все болѣе простое, болѣе доступное, къ другому все болѣе таинственное, болѣе возвышенное, — и вотъ эти то двѣ стороны и раздѣлены будто бы были между Апостолами. Одному досталась одна, другимъ — другая. Такой отвѣтъ, если можетъ имѣть значеніе, то развѣ для тѣхъ только читателей, которые вполнѣ признаютъ Божественную силу, руководившую Апостолами; что же касается тѣхъ, которые относятся къ этому съ сомнѣніемъ, то онъ можетъ вызвать со стороны ихъ только одну улыбку. Есть данныя отвѣчать на этотъ вопросъ болѣе опредѣленно. Для писателей первыхъ трехъ Евангелій побужденіемъ къ избранію галилейской, а не іерусалимской дѣятельности Господа, служили просто тѣ отношенія, въ которыхъ были поставлены писатели къ этимъ двумъ дѣятельностямъ. Іерусалимская дѣятельность Господа, какъ извѣстно изъ Евангелій, не имѣла такого публичнаго характера, какой имѣла дѣятельность Господа въ Галилеѣ. Тамъ какъ умереть ранѣе времени, положеннаго въ Божественномъ планѣ, Онъ не хотѣлъ, то Онъ, хотя и

обращать рѣчь къ народу прямо и открыто, хотя и чудеса творилъ также, но, чтобы избѣжать преслѣдованія, избѣгалъ окружать себя многими послѣдователями. На одномъ изъ праздниковъ Ему нужно было даже чудесно скрыться, чтобы не сдѣлаться преждевременною жертвою (Іоан. 5, 13), а на другой, именно праздникъ кущей, онъ пришелъ уже не явно, а какъ бы тайно, по замѣчанію Евангелиста (Іоан. 7, 10.). Изъ всего этого нельзя не видѣть, что Господь, если отправлялся въ Іерусалимъ, то отправлялся не иначе, какъ только съ самыми близкими учениками, слѣдовательно непосредственныя свѣдѣнія о іерусалимской дѣятельности Господа имѣли только нѣкоторые изъ учениковъ Господа. Иное явленіе представляла дѣятельность Господа въ Галилеѣ. Здѣсь онъ былъ окруженъ тысячами народа (Мѡ. 4, 25. 8, 1. 9, 36. 13, 2. 15, 30. Марк. 3, 8. 8, 9. Лук. 5, 15. 8, 4. 12, 1.). Здѣсь, кромѣ двѣнадцати Апостоловъ, Его сопровождали еще 70 (Лук. 10, 1), которыхъ Онъ также избралъ особенно; слѣдовательно эта галилейская дѣятельность могла быть болѣе извѣстна, болѣе имѣть непосредственныхъ свидѣтелей, чѣмъ дѣятельность іерусалимская. Изъ этого различія въ характерѣ дѣятельности Господа, нельзя не видѣть, что послѣдняя, т. е. іерусалимская дѣятельность могла быть взята, какъ предметъ для повѣствованія, только такимъ лицомъ, который могъ быть непосредственнымъ свидѣтелемъ ея, и слѣдовательно такимъ, который принадлежалъ къ числу самыхъ близкихъ, самыхъ довѣренныхъ учениковъ Господа. Но на основаніи тѣхъ данныхъ, какія представляютъ намъ Евангелія, мы ни объ одномъ изъ писателей трехъ первыхъ Евангелій не можемъ сказать, чтобы кто ни-

будь изъ нихъ могъ быть такимъ свидѣтелемъ. О Евангелистахъ Маркѣ и Лукѣ и говорить нечего; принадлежа къ числу 70 учениковъ Господа, они очевидно не могли быть свидѣтелями всего, что происходило въ Иерусалимѣ. Болѣе основаній думать, что такимъ свидѣтелемъ могъ быть Евангелистъ Матѳеи, какъ принадлежавшій къ числу 12-ти, но если внимательнѣе прослѣдить то, что говорятъ намъ Евангелія, то и Апостола Матѳея нельзя совершенно отнести къ числу первыхъ свидѣтелей. Въ теченіи своего общественаго служенія роду человѣческому Господь посѣтилъ Иерусалимъ пять разъ. Въ первый разъ Онъ прибылъ туда вскорѣ послѣ открытаго вступленія въ общественное служеніе. Послѣ этого Онъ пришелъ сюда черезъ годъ и опять на праздникъ (Іоан. 5, 1). Въ третій и четвертый разъ Господь былъ въ Иерусалимѣ уже тогда, когда оставилъ Галилею. Сюда относятся праздникъ кущей и праздникъ обновленія храма. Въ пятый разъ Онъ пришелъ окончательно. Кромѣ этихъ пяти путешествій было еще одно, которое направлено было не собственно въ Иерусалимъ, а въ одно изъ ближайшихъ къ нему селеній, именно въ Виванію. Изъ всѣхъ этихъ шести путешествій нельзя почти назвать ни одного, въ которомъ возможно было бы предположить присутствіе Евангелиста Матѳея. При первомъ путешествіи объ этомъ и думать нельзя; оно было гораздо ранѣе призванія Матѳея къ апостольскому служенію. Оно было еще до взятія Іоанна крестителя подъ стражу, а призваніе Матѳея было послѣ (Іоан. 3, 24. Сравни. Мѳ. 9.). Трудно предположить, чтобы онъ былъ участникомъ и второго путешествія. На основанія того, что Господь скрывался (5, 13) и что Евангелистъ Іоаннъ рѣши-

тельно не замѣтилъ ничего о присутствіи 12-ти, можно думать, что и въ это время Господь не былъ окруженъ всѣми учениками. О путешествіи на праздникъ кущей прямо замѣчено, что оно было не явно, а какъ бы тайно (7, 10), но путешествіе въ сообществѣ 12-ти учениковъ не было бы путешествіе тайное. Путешествіе на праздникъ обновленія храма не раздѣльно съ путешествіемъ на праздникъ кущей. Есть нѣкоторое основаніе думать, что и путешествіе въ Виванію для воскресенія Лазари было не болѣе, какъ въ сообществѣ самыхъ избранныхъ учениковъ. При воскресеніи дочери Іаира Онъ никому не дозволялъ быть, кромѣ Петра, Іакова и Іоанна (Марк. 5, 37). Остается одно послѣднее путешествіе, при которомъ безъ сомнѣнія были всѣ Апостолы, о которомъ находятся сказанія у всѣхъ Евангелистовъ. Итакъ, если іерусалимская дѣятельность ни одному изъ первыхъ трехъ Евангелистовъ не могла быть вполнѣ извѣстна, извѣстна на столько, на сколько была извѣстна дѣятельность галилейская, то молчаніе ихъ о событіяхъ іерусалимскихъ становится весьма понятнымъ. Быть можетъ какому либо изъ Евангелистовъ, особенно Евангелисту Маттею, и пришлось быть въ Іерусалимѣ въ одно какое либо изъ путешествій туда, но у нихъ все таки былъ недостатокъ въ непосредственныхъ свѣдѣніяхъ о другихъ путешествіяхъ, и этотъ-то недостатокъ могъ быть достаточнымъ побужденіемъ, чтобы ограничиться сферою только тѣхъ событий, которыя были непосредственно имъ извѣстны. Притомъ они не могли не быть увѣрены, что эта мало извѣстная имъ дѣятельность не можетъ предаться забвенію, что она найдетъ себѣ повѣствователя въ такомъ лицѣ, которому болѣе близко она извѣстна. Они зна-

ли, что въ числѣ 12-ти были трое такихъ, которые были неразлучными спутниками Господа во всѣхъ Его путешествіяхъ, которые пользовались особеннымъ довѣріемъ со стороны Господа, и слѣдовательно были вполне убѣждены, что если не тотъ, то другой, или третій передадутъ объ этой дѣятельности. Это—то очень простое обстоятельство и было причиною, что три первые Евангелиста исключили изъ круга своихъ повѣствованій всё что не было имъ вполне извѣстно, и ограничились тѣмъ, что было имъ болѣе доступно. Относительно побужденій, руководившихъ Евангелиста Іоанна къ избранію іерусалимской по преимуществу дѣятельности Господа, мы еще болѣе имѣемъ данныхъ, заимствованныхъ изъ самаго древняго преданія. Эти побужденія происходили не отъ чего другого, какъ просто изъ того, что въ представленныхъ Апостолу Іоанну трехъ первыхъ Евангеліяхъ, онъ нашелъ значительный пропускъ событій, который и счелъ нужнымъ дополнить. Такое преданіе было распространено во всѣхъ почти церквахъ. Самыя ясныя и выразительныя свидѣтельства находимъ у слѣдующихъ отцевъ Церкви: Иринея и Епифанія, равно также: у Климента Александрійскаго, Евсевія и блаженнаго Іеронима. Такъ, Климентъ Александрійскій, извѣстный своею ученостію, своимъ знаніемъ библейскихъ книгъ, какъ преданіе древнѣйшихъ пресвитеровъ передаетъ слѣдующее: „Іоаннь, послѣдній изъ Евангелистовъ, замѣтивъ, что въ другихъ Евангеліяхъ возвѣщено только о тѣлесномъ (τα σωματικά) по просьбѣ друзей и по внушенію Св. Духа, написалъ Евангеліе духовное (πνευματικὸν εὐαγγέλιον) (1)“. Блаженный Іеронимъ,

(1) Евсев. Ист. Цер. VI, 14.

этотъ замѣчательный труженикъ по части библейскихъ книгъ, сказавъ, что Евангелистъ Иоаннъ написалъ Евангеліе по просьбѣ епископовъ, противъ Керинея и Евзонитовъ, прибавляетъ: „говорять еще и о другой побудительной причинѣ написанія Евангелія: когда онъ прочелъ свитки (volumina) Маттея Марка и Луки, то хотя и одобрилъ текстъ исторіи и утвердилъ, что они сказали истину, но замѣтивъ, что онъ изложилъ исторію одного года, въ которомъ Иоаннъ по заключеніи пострадалъ. Итакъ, опустивши годъ, коего дѣянія были изложены тремя первыми, онъ разсказалъ объ обстоятельствахъ времени предшествовавшаго заключенію Иоанна въ темницу, какъ это можетъ быть извѣстно тѣмъ, которые со вниманіемъ стали бы читать четыре свитка Евангелій. Это обстоятельство уничтожаетъ то разногласіе, которое, какъ кажется, имѣетъ Иоаннъ съ тремя первыми“ (1). Что такое преданіе можетъ найти для себя подтвержденіе въ самомъ Евангеліи, объ этомъ и говорить нечего. Не только цѣлыя группы событій—вставлены именно тамъ, гдѣ находится пропускъ въ первыхъ Евангеліяхъ (всѣ событія до взятія Крестителя подъ стражу), но даже въ частныхъ отдѣльныхъ событіяхъ (таковы событія страданія, погребенія и воскресенія Господа). Все сказанное приводитъ къ тому заключенію, что особенность молчанія первыхъ трехъ Евангелистовъ о событіяхъ іерусалимскихъ имѣетъ самое простое, самое естественное для себя объясненіе.

Особенность въ указаніи мѣста и времени еще менѣе можетъ представлять затрудненій. Если чудесная дѣятельность Господа была необходима для жителей

(1) Catalog. Script. Eccles. c. 9.

Хрест. Чт. № 1. Ч. 1.

Галилеи, то она также, если не болѣе, необходима и для жителей Иерусалима. Можно сказать даже, что если гдѣ, то именно въ Иерусалимѣ, и именно въ праздники, она и была всего болѣе необходима. Этого требовалъ характеръ мессіанской дѣятельности Господа. Какъ пребываніе въ Галилеѣ не мыслимо безъ пребыванія въ Иерусалимѣ, такъ точно и это послѣднее не мыслимо безъ чудесной тамъ дѣятельности. Какъ тотъ, такъ и другой фактъ т. е., какъ пребываніе въ Иерусалимѣ, такъ и чудеса тамъ, необходимо требуются тою задачею, какою должна была имѣть мессіанская дѣятельность Господа. Въ какихъ бы широкихъ размѣрахъ ни была представлена дѣятельность Господа въ Галилеѣ, но все таки эта дѣятельность, какъ дѣятельность въ довольно глухой, довольно изолированной провинціи, не можетъ назваться дѣятельностію вполне публичною, міровою. Такъ какъ жители Галилеи были по большей части простые поселяне, жившіе вдали отъ центровъ торговой дѣятельности и общественной жизни, то дѣятельность въ Галилеѣ могла быть извѣстна не болѣе, какъ въ одной этой мѣстности, и уже много, если въ какой либо изъ ближайшихъ сосѣднихъ, слѣдовательно мессіанская дѣятельность нигдѣ не могла бы найти здѣсь соответствующей для себя рамки. Будь сосредоточена эта дѣятельность только въ этой именно области, и задача мессіанства не была бы выполнена не только относительно всѣхъ народовъ, но даже относительно того самаго народа, къ которому прежде всего относилась она. Невѣріе, съ которымъ еврейскій народъ отнесся къ Мессіи, всегда имѣло бы для себя оправданіе въ томъ невѣдѣніи, на которое этотъ народъ могъ бы по всей справедливости ссылаться. Овъ

могъ бы сказать, что хотя многіе изъ насъ и слышали о необыкновенномъ ученіи, о необыкновенныхъ дѣлахъ, но слышали отъ людей страны, которая издавна славилась своею необразованностію; онъ могъ сказать, что я не слышалъ, чтобы Мессія заявилъ о Себѣ гдѣ либо публично, заявилъ предъ лицомъ моихъ руководителей: законниковъ, старѣйшинъ, учителей народа. „Если бы Я, говорить самъ Господь, не пришелъ и не говорилъ имъ, то не имѣли бы грѣха, а теперь не имѣютъ извиненія во грѣхѣ своемъ“ (Іоан. 15, 22). То же самое могли бы поставить въ свое оправданіе и другіе народы. Изъ всего этого необходимо слѣдуетъ, что Господь Іисусъ необходимо долженъ былъ заявить Себя, какъ Мессію, гдѣ либо въ такомъ мѣстѣ, откуда бы всего легче могла разнестись молва о Немъ, не только въ народѣ іудейскомъ, но и между другими народами. Господь Іисусъ и избралъ для этой цѣли Іерусалимъ, и избралъ не въ обыкновенное время, а въ праздничные дни, и по преимуществу въ праздники пасхи. Такое избраніе вполне соотвѣтствовало Бго цѣли. Іерусалимъ и самъ по себѣ, какъ столица, имѣлъ безъ сомнѣнія самое ближайшее сопрякосновеніе со всѣми іудейскими провинціями, но онъ при этомъ былъ еще средоточный пунктъ религиозный для всего народа; здѣсь находилось то святилище, которое было единственнымъ для всего народа, о которомъ каждый зналъ, что именно въ немъ долженъ былъ явиться Мессія; здѣсь находились всѣ духовные и гражданскіе правители народа, на которыхъ такъ много полагался онъ въ образѣ своихъ дѣйствій. Наконецъ Іерусалимъ не былъ чуждъ и для иностранцевъ. Находясь подъ владычествомъ сильнаго и могущественнаго въ то время народа римскаго, народъ іудейскій

по необходимости долженъ былъ имѣть сношеніе, какъ съ самыми римлянами, такъ и со многими другими неподчиненными имъ народами. Кромѣ того іудейская религія предъ временемъ Рождества Христова насчитывала у себя уже очень многихъ прозелитовъ. Все это вмѣстѣ взятое дѣлало жизнь іерусалимскую чрезвычайно оживленною. Но никогда эта оживленность не достигала такого развитія, какъ въ праздники іудейскіе и особенно праздникъ пасхи. Тысячи народа наполняли въ это время святой городъ. Волѣе чѣмъ 256,000 агнцевъ ⁽¹⁾, по свидѣтельству Іосифа Флавія, приносилось въ это время въ жертву истинному Богу. Вотъ отъ чего невѣрующіе еще братья Господа прямо говорили Ему, что если Онъ захочетъ открыть Себя міру, то долженъ открыть Себя въ Іудеѣ, разумѣя при этомъ главнымъ образомъ Іерусалимъ. „Выйди отсюда, говорили они, и пойдѣ въ Іудею, чтобы и ученики Твои видѣли дѣла, которыя Ты дѣлаешь. Ибо никто не дѣлаетъ чего либо въ тайнѣ и ищетъ самъ быть извѣстнымъ. Если творишь Ты такія дѣла, то яви Себя міру“ (Іоан. 7, 3. 4). Но какъ бы ни были удобны для Его цѣли мѣсто и время, однако ни то, ни другое не помогло бы Господу въ исполненіи Его Божественнаго плана, еслибы Онъ, явившись здѣсь, явилъ Себя не какъ Чудотворецъ, а какъ только великій Учитель. Въ этомъ случаѣ, цѣль мессіанской дѣятельности точно также не была бы достигнута, какъ въ томъ, еслибы эта дѣятельность была сосредоточена только въ Галилеи. Такое высокое и мало понятное, для человечества того времени, ученіе, какъ ученіе Іисуса Христа

(1) Jov. Bell. Jud. 6. 9. 3.

о Себѣ, какъ о Сынѣ Божиѣмъ, какъ о хлѣбѣ животномъ, какъ о свѣтѣ, просвѣщающемъ міръ, необходимо требовало, чтобы оно было чѣмъ либо оправдано. Это оправданіе тѣмъ болѣе требовалось, что ученіе это исходило отъ такого Лица, въ которомъ іудеи всего менѣе думали видѣть Мессію. Будь произнесено это ученіе такимъ лицомъ, которое, хотя не много бы подходило подъ составленный іудеями идеалъ Мессіи, и тогда они потребовали бы отъ него, чтобы оно доказало достовѣрность проповѣдуемаго имъ ученія; но какъ ученіе это выходило отъ смиреннаго учителя Галилеи, отъ такого лица, происхожденіе котораго не было тайною (какъ понимали происхожденіе Мессіи іудеи), но отца и мать котораго они знали хорошо, отъ лица, которое во многомъ отступало отъ принятыхъ въ народѣ обрядовъ, то требованіе это могло быть еще настойчивѣе. Но въ чемъ бы нашло это требованіе для себя удовлетвореніе, еслибы пребываніе въ Іерусалимѣ не ознаменовано было никакимъ чудомъ? Чудеса въ Галилеи были далеко недостаточны для этой цѣли. О нихъ могло сказать большинство въ народѣ, что оно, или совершенно о нихъ не знаетъ, или же, если и знаетъ, то не вполне довѣряетъ. Да и самое свойство невѣрія таково, что оно всегда старается найти всевозможныя для себя оправданія, что оно только предъ тѣмъ и можетъ преклоняться, поколебаться, что совершается непосредственно предъ нимъ. Еще менѣе могло быть достаточно для этой цѣли свидѣтельство Крестителя. Это свидѣтельство имѣло цѣлю только подготовить умы къ принятію Искупителя, но никакъ не служить окончательнымъ удостовѣреніемъ въ Его Божественномъ посланничествѣ. И въ обыкновенной жизни бываетъ такъ,

что какъ скоро требуется отъ какого либо лица ручательство въ чемъ либо, то это ручательство принимается только отъ такого лица, авторитетъ котораго вполне извѣстенъ, о которомъ всѣмъ извѣстно, что оно можетъ быть порукою въ этомъ дѣлѣ; точно также должно было случиться и въ жизни Искушителя. Если Онъ долженъ былъ имѣть какое либо ручательство за достовѣрность Своего ученія, то Онъ долженъ былъ имѣть его не отъ такого лица, которое было неизмѣримо ниже его, но отъ такого, которое было бы Ему равно, словомъ самъ Богъ Отецъ долженъ былъ засвидѣтельствовать о Его Божественномъ посланничествѣ. Это свидѣтельство и выразилось въ чудесахъ, которыя Онъ творилъ силою Своего Божества и силою Своего единства съ Богомъ Отцомъ. „Если Я свидѣтельствую Самъ, говорилъ Онъ, то свидѣтельство Мое не есть истинно. Есть другой свидѣтельствующій о Мнѣ, и Я знаю, что истинно то свидѣтельство, которымъ Онъ свидѣтельствуешь о Мнѣ. Вы посылали къ Іоанну, и онъ засвидѣтельствовалъ объ Истинѣ. Впрочемъ Я не отъ человѣкъ принимаю свидѣтельство.... Я имѣю свидѣтельство больше Іоаннова; ибо дѣла, которыя Отецъ далъ Мнѣ совершить, самыя дѣла сіи, Мною творимыя, свидѣлствуютъ о Мнѣ, что Отецъ Меня послалъ (Іоан. 5, 31—36). Если Я не творю дѣлъ Отца Моего, не вѣрйте Мнѣ. А если творю, то когда не вѣрите Мнѣ, вѣрйте дѣламъ Моимъ, чтобы узнать и повѣрить, что Отецъ во Мнѣ и Я въ Немъ“ (10, 37. 38).

Такимъ образомъ характеръ Мессіанской дѣятельности необходимо требовалъ не только того, чтобы Господь избралъ Іерусалимъ мѣстомъ Своей дѣятельности, но и того, чтобы эта дѣятельность была, между прочимъ, и дѣятельностію чудесною.

Намъ остается теперь рассмотретьъ третью и послѣднюю особенность, которая, какъ мы сказали, состоитъ въ томъ, что въ чудесахъ, повѣствуемыхъ Евангелистомъ Іоанномъ, сила чудодѣйственная проявляется гораздо сильнѣе, гораздо выразительнѣе, чѣмъ въ тѣхъ чудесахъ, о которыхъ говорятъ первые Евангелисты. Хотя особенность эта дѣйствительно довольно примѣчательная, но выводить, на основаніи ея, какія либо заключенія, неблагопріятныя для достовѣрности Евангелія, рѣшительно нѣтъ никакого права. Такого рода заключенія могутъ выводить развѣ тѣ только, которые заражены чудобоязнію. Только личности подобнаго рода, не будучи въ состояніи отдѣлаться отъ чудесъ вообще, желаютъ отдѣлаться отъ тѣхъ по крайней мѣрѣ, въ которыхъ особенно проявлялась сила Божественная и которыя были болѣе публичны. Но напрасная надежда; и эта особенность, при внимательномъ разсмотрѣніи ея, не можетъ дать никакого повода къ какому либо неблагопріятному заключенію о самомъ повѣствованіи. Если мы видимъ, что и обыкновенныя силы природы дѣйствуютъ не вездѣ одинаково, если мы видимъ, что и эти силы всегда дѣйствуютъ сильнѣе тамъ, гдѣ или находится болѣе для нихъ сопротивленія, или же тамъ, гдѣ болѣе для нихъ благопріятныхъ условій, то тѣмъ болѣе никто не въ правѣ требовать однообразія въ дѣятельности отъ силы Божественной, управляемой Божественнымъ разумомъ. Какъ первыя всегда дѣйствуютъ по однимъ и тѣмъ же законамъ, которые ни измѣнить, ни нарушить никто не можетъ, такъ точно и сила Божественная дѣйствуетъ по тѣмъ мудрымъ законамъ, которые предположены въ Божественномъ планѣ, и которые не только никто измѣнить не можетъ, но даже

ислѣдовать не въ состояніи. Основываясь на этомъ, мы имѣли бы право и не простираť сужденій объ этомъ предметѣ, но такъ какъ мы имѣемъ нѣкоторыя данныя, чтобы судить о причинѣ усиленія такой дѣятельности, то, для предотвращенія какихъ либо недоразумѣній, не намѣрены уклоняться отъ сужденія и объ этомъ предметѣ. Хотя сравненіе человѣка болѣзненнымъ душевно съ человѣкомъ болѣнымъ тѣлесно есть сравненіе уже довольно устарѣлое, но тѣмъ не менѣе оно очень примѣнимо въ настоящемъ случаѣ. Если мы обратимъ вниманіе на приемы врача при употребленіи лекарствъ для больныхъ тѣломъ, то мы замѣтимъ, что одно и то же лекарство онъ не для всѣхъ употребляетъ въ одинаковой мѣрѣ и степени: для однихъ, болѣе слабыхъ, болѣе воспримчивыхъ по своей натурѣ, онъ употребляетъ въ меньшей мѣрѣ, для другихъ же, болѣе крѣпкихъ, болѣе, такъ сказать, грубыхъ по своей натурѣ, онъ употребляетъ въ большемъ размѣрѣ, въ большей степени. Точно такой же предусмотрительности требуютъ и больные нравственно. Такъ какъ чудо есть тоже въ своемъ родѣ лекарство для врачеванія больныхъ нравственно, для врачеванія невѣрія, такъ какъ и Господь не иначе смотрѣлъ на него, какъ на дѣйствительное средство противъ невѣрія (Іоан. 4, 48); то очевидно тѣ изъ зараженныхъ этою болѣзнію, которые владѣютъ душою болѣе воспримчивою ко всему святому, духовному, тѣ менѣе нуждаются для своего убѣжденія въ какомъ либо необыкновенномъ проявленіи силы Божественной; напротивъ тѣ, которые болѣе упорны въ своихъ заблужденіяхъ, у которыхъ религіозныя, національныя и другіе предразсудки сильнѣе укоренились, для тѣхъ очевидно многое и очень многое тре-

буется, чтобы побѣдить это невѣріе. Слѣдовательно чудеса, какъ средство противъ невѣрія, не вездѣ могутъ имѣть одинаковое примѣненіе. Итакъ, если чудо необходимо должно имѣть примѣненіе къ нравственной природѣ человѣка, то Іерусалимъ и Галилея стояли далеко не въ одинаковыхъ между собою отношеніяхъ. Хотя о жителяхъ Галилеи также нельзя сказать, что они не были заражены невѣріемъ, но все таки, сравнительно съ жителями Іерусалима, они много имѣли въ этомъ случаѣ преимуществъ. Находясь вдали отъ храма, они, хотя также ревновали о соблюденіи закона, но ревновали далеко не такъ суевѣрно и сильно, какъ жители Іерусалима. Слѣдовательно покрывало религіозныхъ предразсудковъ всего менѣе могло заслонять для нихъ истинное достоинство лица Мессіи. Вотъ отъ чего Господь Іисусъ далеко не былъ для жителей Галилеи такимъ преступникомъ противъ закона, какимъ былъ онъ для жителей Іерусалима. Изъ Евангелія отъ Іоанна мы знаемъ, что въ одно время жители Галилеи хотѣли нечаянно взять Господа и сдѣлать царемъ (Іоан. 6; 15). Не таково было положеніе жителей Іерусалима. Находясь въ томъ мѣстѣ, гдѣ святилище, гдѣ Сунедрионъ, они были болѣе привязаны къ виѣшной обрядовой сторонѣ закона, и болѣе внимательны къ каждому даже малѣйшему его нарушенію. Вотъ отъ чего нигдѣ не приходилось Господу испытать такъ много обвиненій въ нарушеніи субботы, даже совершеніемъ чудесъ, какъ въ Іерусалимѣ. Слѣдовательно въ Іерусалимѣ нужно было имѣть дѣло съ гораздо большимъ упорствомъ невѣрія, чѣмъ въ Галилеѣ. Отсюда-то и можетъ объясняться то различіе въ характерѣ чудесъ, какое замѣчаемъ мы между чудесами, о кото-

рых говорить Ев. Іоаннѣ, и чудесами, о которыхъ говорятъ первые Евангелисты. Хотя и жители Галилеи нуждались въ проявленіи чудодѣйственной силы, но они далеко не такъ нуждались, какъ жители Іерусалима. Не будучи сильно заражены религиознымъ формализмомъ, они въ немногѣмъ нуждались, чтобы убѣдиться въ истинномъ достоинствѣ лица Мессіи. Слѣдовательно, если они видѣли, что слѣпые прозрѣваютъ, хромые ходятъ, мертвые воскресаютъ, то въ какой бы формѣ это не выразилось, для нихъ было вполне достаточно, чтобы видѣть въ чудотворцѣ, если не Мессію, то по крайней мѣрѣ одного изъ величайшихъ пророковъ. Для жителей же Іерусалима, какъ для людей болѣе упорныхъ, болѣе зараженныхъ религиозными предразсудками нужно было, хотя то же самое, только въ другой болѣе выразительной формѣ. Для нихъ нужны были такіа чудеса, которыя бы могли болѣе сильно подѣйствовать на ихъ нравственную природу, которыя бы заставили вдругъ заговорить цѣлый городъ и такимъ образомъ обратить вниманіе на великаго чудотворца. Вотъ и причина, что здѣсь изъ безчисленнаго множества недужныхъ избирается такой, который вмѣстѣ съ своимъ внутреннимъ достоинствомъ, соединялъ въ себѣ и то, что уже 38-мъ лѣтъ лежалъ при купѣли и который слѣдовательно былъ извѣстенъ не только большаиству жителей города, но и многимъ изъ иностранцевъ. Вотъ причина, что здѣсь получаетъ исцѣленіе не просто слѣпой, но слѣпой отъ рожденія, который, какъ показываетъ Евангеліе, хотя и самъ въ себѣ заслуживалъ, чтобы обратить на себя вниманіе чудотворца, но который вмѣстѣ съ тѣмъ и то еще имѣлъ въ себѣ, что всѣмъ извѣстенъ былъ, какъ сѣдѣй и просѣй (Іоан. 9, 8.).

Вотъ причина, что здѣсь умершій воскрешается уже тогда, когда дѣйствительность смерти была несомнѣнна. Это послѣднее обстоятельство особенно важно. Услышавъ, что Лазарь боленъ Господь идетъ въ Виванію, чтобы помочь больному; итъ, Онъ идетъ туда уже тогда, когда больной умеръ; можно думать, что даже и послѣ-то смерти, Онъ пробылъ на своемъ мѣстѣ два. Такъ какъ Господь Иисусъ прибылъ въ Виванію уже на четвертый день смерти, между тѣмъ отъ Вивавары было никакъ не болѣе двухъ дней хода, то очевидно Господь не тотчасъ пошелъ послѣ смерти своего друга. Да и Самъ Господь прямо сказалъ: „радуюсь за васъ, что Меня не было тамъ, дабы вы увѣровали“ (Іоан. 11. 15). Это обстоятельство ясно показываетъ, что проявленіе особенной силы въ чудесахъ іерусалимскихъ не было случайное, но стояло въ тѣсной связи съ особенною цѣлю этихъ чудесъ, и именно тою, чтобы сильнѣе противодействовать невѣрію іудеевъ. Итакъ, итъ ни одной особенности, которая бы могла говорить что либо противъ достовѣрности разсматриваемаго нами отдѣла повѣствованій.

Что же касается возрѣній Новотюбингеской школы, и особенно возрѣній Баура, отказывающаго означенному отдѣлу повѣствованій въ исторической достовѣрности, то оно, кромѣ выставленныхъ нами, при разборѣ особенностей, основаній, оказывается несостоятельнымъ и въ другомъ отношеніи. Известно, что каждый авторъ, какъ скоро рѣшается, подъ оболочкою известныхъ фактовъ, провести какую либо идею, то онъ, руководясь правиломъ благоразумія, повелѣвающаго избирать для каждой цѣли средства болѣе вѣрныя, всегда старается устранить всѣ случаи, могущіе бросить тѣнь

на его произведеніе. Въ противномъ же случаѣ, т. е. если ему замаскировать свое произведеніе не придется, онъ не только не достигнетъ своей цѣли, но даже навлечетъ на себя сильное обвиненіе во лжи и обманѣ. И такъ, если бы авторъ Евангелія принадлежалъ къ подобнымъ личностямъ, то онъ не преминулъ бы воспользоваться этимъ простымъ правиломъ благоразумія. Между тѣмъ, изъ разсматриваемаго нами отдѣла, мы не только не замѣтимъ въ авторѣ ничего, что указывало бы на такую предосторожность, но даже встрѣтимъ противное. Если авторъ дѣйствительно имѣлъ въ виду выразити борьбу владычества Іисуса съ невѣріемъ іудеевъ, то онъ рѣшительно не имѣлъ нужды прибѣгать къ такимъ средствамъ, которыя могли выдать его на первомъ шагу. Онъ рѣшительно не имѣлъ нужды выдумывать небывалыя чудеса и выдавать за дѣйствительно совершившіяся въ одномъ изъ самыхъ публичныхъ мѣстъ. Для его цѣли вполнѣ были достаточны и тѣ чудеса, о которыхъ говорятъ первые Евангелисты. Эти послѣднія чудеса только въ томъ и могли уступать первымъ, что не могли обратить на себя такъ быстро вниманіе, какъ могли обратить тѣ; что и было, какъ мы сказали, причиною того, что Господь совершалъ въ Іерусалимѣ чудеса, отличавшіяся болѣе сильнымъ, повидимому, проявленіемъ въ нихъ силы Божественной. Какъ скоро же и тѣ (т. е. чудеса, о которыхъ говорятъ первые Евангелисты) восприняты въ сознаніе, то дѣйствіе ихъ совершенно одинаково съ первыми; какъ тѣ, такъ и другія одинаково могутъ свидѣтельствовать и о величій чудотворца и о невѣріи іудеевъ. Чудо надъ разслабленнымъ не увеличивается отъ того, что оно совершенно надъ больнымъ, страдавшимъ 38 лѣтъ. Оно также

осталось бы великимъ и въ томъ случаѣ, если бы было совершенно надъ больнымъ, страдавшимъ меншее число лѣтъ. Чудо исцѣленія слѣпца также не становится еще чудеснѣе отъ того, что слѣпой является слѣпымъ отъ рожденія. Главное-то дѣло не въ томъ, когда человекъ ослѣпъ: до или послѣ рожденія, а въ томъ, что былъ слѣпъ, и что кромѣ Божественнаго Чудотворца исцѣлить его никто не могъ. Точно также и въ чудѣ воскрешенія Лазаря. Если уже человекъ былъ мертвъ, то два ли, три ли дня спустя было воскрешеніе — всё равно. Всѣ эти усиливающія чудо обстоятельства, повторяемъ, если и были нужны, то единственно для того, чтобы скорѣе обратить вниманіе и сильнѣе подѣйствовать на сердца болѣе упорныя въ невѣршіи. Итакъ, если Божественность Господа Іисуса не увеличивается, такъ сказать, отъ того, что авторъ представилъ дѣла Его въ болѣе яркомъ свѣтѣ, то и невѣріе іудеевъ точно также оставалось бы во всей силѣ, еслибы оно не преклонилось и предъ тѣми чудесами, о которыхъ говорятъ первые Евангелисты. Но предположимъ даже, что автору и пришлось бы представить свою идею болѣе выразительно, онъ за то проигрывалъ бы въ другомъ и самомъ главномъ, — это въ довѣршіи къ себѣ читателей.

Перейдемъ теперь къ частнымъ особенностямъ, заключающимся въ повѣствованіи о каждомъ фактѣ отдѣльно.

Чудо въ Канѣ Галилейской (Гл. 2, 1—11). Изъ всѣхъ особенностей, на которыя обращается вниманіе въ повѣствованіи объ этомъ событіи, самая главная та, что цѣль этого чуда стоитъ будто бы въ прямомъ противорѣчій съ цѣлю другихъ Евангельскихъ чудесъ. Эти по-

слѣднія имѣютъ будто бы всегда цѣль какую либо благодѣтельную, напримѣръ: избавленіе отъ зла физическаго; но чудо въ Канѣ не имѣло будто бы никакой другой цѣли, какъ удовлетвореніе чувственности (1). Какъ ложень, какъ неоснователенъ такой взглядъ на чудеса примѣтитъ очень не трудно. Если бы цѣль чудесъ состояла только въ избавленіи отъ зла физическаго, то для нея никакъ не требовалось бы такое сильное средство, какъ снисшествіе на землю Сына Божія. Она всегда бы могла быть достигнута чрезъ другое болѣе простое средство. Но какъ самое это снисшествіе имѣло другую цѣль, именно уврачеваніе нравственной природы человѣка, то и чудеса, главнымъ образомъ, направлены были именно къ этой цѣли. Вотъ отъ чего Господь всегда, какъ только совершалъ чудо, какъ главнаго условія для этого, требовалъ вѣры (Лук. 8, 50). Слѣдовательно, если цѣль чуда—не одно избавленіе отъ зла физическаго, то очень могло быть, что въ отношеніи къ этой то цѣли, оно могло стоять иногда довольно далеко. Таковы и видимъ чудеса: хожденіе по водамъ (Мѣ. 14, 25); изсушеніе смоковницы (Марк. 11, 11). Таково же точно чудо и въ Канѣ Галилейской. Не зло физическое, а зло нравственное имѣлось главнымъ образомъ въ виду при этомъ чудѣ. Чрезъ это чудо должно было въ первый разъ проявиться могущество Господа и такимъ образомъ возникнуть первое проявленіе вѣры въ сердцахъ избранныхъ учениковъ Его: „вѣриваша въ Него ученицы Его“ (2, 11). Впрочемъ нельзя сказать и того, что это чудо совершенно далеко было въ отношеніи къ первой цѣли. Только грубое невѣжество мо-

(1) Straus. Leb. Ies. 210.

жетъ назвать доставленіе вина брачному пиршеству по-творствомъ чувственности. Вино есть такой же жизненный продуктъ, какъ и всякіе другіе, и точно также служить на пользу человѣка, какъ и тѣ. Вотъ отъ чего оно было въ употребленіи даже при такихъ священ-ныхъ вечерахъ, какъ вечера пасхи. Оно было въ упо-требленіи даже и на той святой вечери, на которой Господь въ послѣдній разъ присутствовалъ съ Своими учениками. Слѣдовательно, еслибы оно было доставле-но семейству даже безъ отношенія въ случаю, то и тогда не было бы ничего удивительнаго. Но намъ извѣстно, что случаемъ къ доставленію вина былъ не-достатокъ его на брачномъ пиршествѣ. Это обстоятель-ство еще болѣе возвышаетъ значеніе чуда. Бракъ есть такое въ жизни человѣка событіе, отъ котораго зави-ситъ не только вся послѣдующая жизнь двухъ брачу-щихся личностей, но и жизнь ихъ потомства. Вслѣд-ствіе такого значенія брака, возникаютъ требованія, чтобы вся обстановка брака была такая, которая бы могла обрисовать характеръ жизни новыхъ супруговъ. Итакъ, если исполненіе этого требованія довольно важ-но, то ничто не можетъ быть въ этомъ случаѣ такъ при-годно, какъ вино; ничто не можетъ лучше, какъ оно, указать на самыя необходимыя качества брачной жи-зни: радость и веселіе. Что же касается злоупотребленій, то злоупотреблять можно чѣмъ угодно. Не только вино, но и хлѣбъ въ безмѣрномъ употребленіи также вреденъ. Совершая чудо, Господь зналъ свойства тѣхъ, которые будутъ имъ пользоваться, зналъ, что они не употребятъ во зло дарованныя имъ благодѣянія. Если неоснователь-на самая критика чуда, то еще болѣе неосновательны тѣ объясненія, которыя стараются придать ему. Первое

объясненіе, которое даетъ ему Штраусъ, это то, что оно есть мифъ. Но мифъ, какъ извѣстно, образуется изъ какихъ либо имѣвшихся уже представленій, а между іудеями, время ли Іисуса, или время боже раннихъ, сколько извѣстно, никакого подобнаго означенному представленію о Мессіи не было. Слѣдовательно, еслибы это былъ мифъ, то онъ не имѣлъ бы никакого историческаго основанія. Еще менѣе можно думать, что это притча, какъ думаетъ Вейсе (1). Если бы это была притча, то какъ же произошло то, что Апостолы и другіе слушатели, всегда умѣвшіе отличать притчу отъ факта, не умѣли сдѣлать этого въ отношеніи къ означенному случаю. Далѣе: если бы это была притча, то не былъ бы понятенъ смыслъ ея, и наконецъ эта притча совершенно стояла бы изолированно въ ряду другихъ Евангельскихъ притчей. Точно такую же неосновательностію страдаетъ мнѣніе Фрорера (2), по которому чуда собственно не было, а было только денежное вспоможеніе со стороны Господа и это-то простое вспоможеніе возведено на степень чуда. Если предположить такое возведеніе простаго факта на степень чуда, то нужно допустить, что оно было или ненамѣренно, или намѣренно. Но ненамѣренно оно быть не могло. Въ повѣствованіи объ этомъ чудѣ находятся такіа подробности, которыя прямо показываютъ писателя очевидца (2, 6). Еще труднѣе допустить намѣренное искаженіе факта. Такъ какъ свидѣтелями этого чуда было много іудеевъ, то не мыслимо, чтобы они не постарались при появленіи Евангелія разоблачить ложь и выставить дѣйствительность. По мнѣнію Баура, чудо въ Канѣ един-

(1) Привед. у Страуса, *Leb. Jes.* 11, 219.

(2) *Geschicht. Urchrist.* III. S. 304.

ственно для того вставлено въ Евангелии, чтобы показать ученикамъ Мессіанское достоинство Иисуса и выставить контрастъ между Нимъ и Іоанномъ, знаменитымъ строгостію своей жизни (1). Но еслибы Евангелисту нужно было выразить только эту мысль, то ему рѣшительно не было нужды прибѣгать къ такой формѣ, которая, съ одной стороны компрометировала всё его произведеніе, съ другой—на столько не ясна, не выразительна, что едва ли кто либо изъ читателей уразумѣлъ смыслъ ея. Итакъ всё объясненія критиковъ страдаютъ полною несостоятельностью.

Исцѣленіе сына капернаумскаго царедворца (4, 46). При повѣствованіи объ этомъ чудѣ, прежде всего оставливаетъ вниманіе самая постановка факта въ этомъ именно мѣстѣ. Читая повѣствованіе о немъ въ связи съ предъидущими и послѣдующими фактами, нельзя не видѣть, что оно какъ то стоитъ уединенно. Впереди говорится, что Господь только что возвратился съ одного изъ іерусалимскихъ праздниковъ, а послѣ него опять говорится о іерусалимскомъ праздникѣ и о новомъ пребываніи тамъ Господа. Но такъ какъ между тѣмъ и другимъ праздникомъ находится значительное пространство времени: годъ, или около года, то и не понятно, почему изъ всего этого довольно значительнаго промежутка времени взять именно этотъ фактъ. Эта особенность въ постановкѣ дала Бауру поводъ думать, что и это чудо не имѣетъ историческаго характера, что оно стоитъ въ непосредственной связи съ тѣми рѣчами Господа, о которыхъ Евангелистъ только что упомянулъ. Но такъ какъ совершенно от-

(1) Krilisch. Unters. üb. Kon. Ev. S. 116.

Христ. Чт. № 1.

казать этому факту въ исторической дѣйствительности было трудно, то Бауръ взялъ нѣсколько подходящій фактъ изъ сѣноптическихъ Евангелій и указалъ на него, какъ на матеріалъ, изъ котораго составлено означенное чудо. Но если бы дѣйствительно означенный фактъ былъ не болѣе, какъ переименованіе событія, о которомъ упоминаетъ Ев. Мѳ. (8, 5), то необходимо нужно предположить, что Евангелистъ измѣнилъ бы его только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя не подходили къ его воззрѣнію, во всемъ же остальномъ онъ долженъ былъ бы остаться вѣрнымъ первому источнику. Сопоставляя же матеріалъ и минимую передѣлку его, мы замѣчаемъ, что самое то нужное для цѣли автора не взято, а совершенно не нужное, ни мало къ дѣлу не относящееся, переименовано. Такъ какъ цѣль поддѣлки факта, по мнѣнію Баура, была та, чтобы, въ противоположность вѣрѣ Никодима, основанной на знаменіяхъ, показать превосходство вѣры, основанной на одномъ довѣрїи къ слову, то фактъ, прямо взятый изъ сѣноптическихъ Евангелій, лучше выражалъ эту мысль, чѣмъ передѣлка его. Тамъ проситель такъ твердо вѣруеть въ Господа, что одного слова Его считаетъ достаточнымъ для уврачеванія своего слуги. Далекое не такъ въ мнимой передѣлкѣ. Здѣсь проситель хотя также вѣруеть одному слову, но уже тогда, когда получилъ обличеніе за недостатокъ вѣры слову, когда пригласилъ Господа уже къ себѣ въ домъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ видѣть чудо. Но предположимъ даже, что эта передѣлка, такъ или иначе, нужна была для Евангелиста; въ такомъ случаѣ зачѣмъ онъ передѣлалъ даже тамъ, гдѣ совершенно это не было нужно? За чѣмъ нужно было, чтобы былъ не сотникъ (*εκατονταρχος*),

какъ у Ев. Маттея, а царедворецъ (*Βασιλικός*), чтобы былъ не слуга, какъ у Ев. Маттея (*παῖς μου*), а сынъ (*υἱός*)? Зачѣмъ нужно было, чтобы болѣзнь была не расслабленіе (*паралитиѣс*), какъ въ Ев. Мѣ., а горячка (*ο πυρετός*)? Ужели и это все относилось къ цѣли? Всѣ эти вопросы вовсе останутся не разрѣшенными, если предположить, что здѣсь не подлинный фактъ, а передѣлка. Но какъ и съ признаніемъ за чудомъ характера историческаго, хотя подобные вопросы и устраняются, не устраняется все-таки тотъ вопросъ: почему же этотъ фактъ занялъ такое изолированное мѣсто на страницахъ этого Евангелія, — то и мы должны дать съ своей стороны объясненіе. По нашему мнѣнію, этотъ фактъ принадлежитъ къ числу тѣхъ дополнительныхъ фактовъ, которыми изобилуетъ это Евангеліе. Думать такъ мы имѣемъ нѣкоторое основаніе. Евангелистъ Лука въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ о какомъ-то капернаумскомъ чудѣ, о которомъ между тѣмъ подробно не рассказываетъ (Лук. 4, 23); но какъ Ев. Іоаннѣ, по свидѣтельству древности, дополнялъ три первыя Евангелія, то и неудивительно, что онъ счелъ нужнымъ рассказать о немъ. Такое объясненіе ни къ какимъ затрудненіямъ не приведетъ, между тѣмъ будетъ вполне согласно съ преданіемъ.

Исцѣленіе расслабленнаго при купели Вноезда (гл. 5). Повѣствованіе объ этомъ чудѣ имѣетъ еще болѣе особенностей, чѣмъ повѣствованіе о двухъ предъидущихъ. Первое, что останавливаетъ особенное вниманіе — это самая купель Вноезда и то движеніе, которое въ ней происходило. Такъ какъ существованіе такой знаменитой водолечебницы не могло будто сокрыться отъ взора знаменитаго іудейскаго историка Флавія, то молчаніе

3*

его объ этомъ нѣкоторыхъ приводило въ недоумѣніе, а другихъ, какъ напримѣръ Штрауса и Баура, къ прямому отрицанію достовѣрности повѣствуемаго факта. Но прежде всякаго требованія отъ извѣстнаго лица того или другаго свидѣтельства, нужно спросить себя: въ правѣ ли мы требовать отъ него извѣстнаго свидѣтельства. Этого то вопроса и не предложили себѣ тѣ, которые требуютъ отъ Флавія свидѣтельства о водолечебницѣ. Іосифъ Флавій дѣйствительно знаменитый іудейскій историкъ и дѣйствительно онъ много оставилъ намъ описаній различныхъ мѣстностей; но онъ историкъ одного спеціальнаго предмета — іудейской войны, а слѣдовательно и описаніе мѣстностей Іерусалима имѣетъ у него спеціальный характеръ — отношеніе къ войнѣ. То, что относилось къ этой цѣли, онъ описывалъ, а все прочее — опускалъ. Слѣдовательно, мы никакъ не въ правѣ требовать отъ Флавія описанія этой купели, а тѣмъ болѣе дѣлать какія либо соображенія на основаніи этаго молчанія. Впрочемъ есть основаніе думать, что и у Іосифа Флавія есть упоминаніе объ этомъ мѣстѣ. Въ Евангеліи не говорится, что вотъ существовала купель съ такимъ то названіемъ, а допущено выраженіе: *επιλευόμενη* (1). Это выраженіе показываетъ, что существовали и другія названія этой купели. А если такія названія существовали, то можно думать, что и у Іосифа Флавія есть такое упоминаніе, только подъ другимъ названіемъ. Такъ какъ народное преданіе мѣсто означенной купели указываетъ на сѣверо-восточной части города, внѣ храма (2), то вполнѣ

(1) Хотя въ нѣкоторыхъ спискахъ и читается *λεουμένη*, но въ большинствѣ списковъ *επιλευόμενη*.

(2) S. Mandrell 6. Paulus Sammlung merkwürdigen Reisen in d. Orient Th. 1, V, 135.

вѣроятно, что упоминаемая у Иосифа Флавія: *ιμυδαχον* и есть самая Виеезда (1). Но если бы и дѣйствительно такого свидѣтельства у Флавія не было, то этотъ недостатокъ вполне могъ вознаграждаться свидѣтельствомъ Евсевія, который очень былъ близокъ къ древнему преданію (2). Ко всему этому нельзя не присоединить и того, что едвали какой бы писатель, искавшій довѣрія у читателей, рѣшился, безъ всякой нужды, упомянуть о существованіи лечебницы въ такомъ мѣстѣ, которое было извѣстно не только каждому іудею, но и многимъ изъ иностранцевъ, значить, со стороны молчанія о водолечебницѣ — затрудненій нѣтъ. Что же касается до самаго движенія воды, производимаго Ангеломъ, то сомнѣваться въ этомъ мы не имѣемъ никакого права. Уже одно то, что Евангелистъ рѣшился сослаться на это явленіе предъ лицомъ современниковъ, показываетъ, что это явленіе дѣйствительно было. Но въ какомъ видѣ было, — это не важно. Было ли это видимое снисшествіе, или невидимое, характеръ чудодѣйственный, какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, остается во всей силѣ. Не менѣе часто останавливало на себѣ вниманіе читателя Евангелія отъ Іоанна и самое положеніе больного. Въ ст. 6-мъ говорится о немъ, что онъ 38 лѣтъ лежитъ въ постели, между тѣмъ въ 7-мъ говорится, что онъ приходилъ. Но это недоразумѣніе очевидно происходитъ отъ недостатка пониманія состоянія больного. Если о больномъ сказано, что онъ лежалъ 38 лѣтъ, то это не значить, что онъ неподвижно находился при купели 38 лѣтъ. Нѣтъ, онъ жилъ, вѣроятно, гдѣ либо не далеко отъ купели и только каждо-

(1) Bell. Jud. V II. 4.

(2) Onomasticon ed. Klerickus.

дневно навѣдывался: не будетъ ли желаемого движенія воды; такъ какъ ждать приходилось долго, между тѣмъ силы больного были слабы, то онъ носилъ съ собою постель для отдохновенія. Но хотя онъ приходилъ, быть можетъ, каждодневно въ теченіи 38 лѣтъ, однако ему никогда не приходилось воспользоваться цѣлительною водою; причина этого была вѣроятно или та, что другіе больные сами владѣли достаточнымъ количествомъ силъ, чтобы воспользоваться удобной минутой, или же та, что другіе имѣли, по большей части, людей у себя, которые помогали имъ въ этомъ. Это то беспомощное состояніе и обратило вниманіе великаго Чудотворца. Быть можетъ, подобно Бауру, кто либо скажетъ: ужели такъ безчеловѣчна была надія, что въ средѣ ея не нашлось человѣка, чтобы помочь больному на нѣкоторое время. На это отвѣтимъ мы, что въ этомъ случаѣ требовалась далеко не такая ничтожная услуга, какъ думаютъ нѣкоторые. Такъ какъ ни для кого извѣстно не было, когда произойдетъ движеніе воды, то нужно было, по крайней мѣрѣ, около года находиться постоянно при больномъ, чтобы оказать ему услугу. Да и въ этомъ случаѣ успѣха не всегда ожидать было можно. Вѣдь не у одного этого больного могъ быть помощникъ; онъ могъ быть и у другихъ; слѣдовательно очень легко могло случиться, что и съ помощникомъ можно было не достигнуть желаемого успѣха. Что касается самаго способа исцѣленія, то здѣсь останавливаетъ вниманіе то, что исцѣленіе послѣдовало безъ всякой просьбы со стороны больного, чему будто бы положительно нѣтъ примѣра въ Евангельской исторіи. Но во первыхъ несправедливо то, что такихъ примѣровъ нѣтъ. Такъ, когда кровоточи-

вая хотѣла привоснуться только къ одеждѣ, то Господь Самъ обратился къ ней съ предложеніемъ помощи, (Мѡ. 9, 22); во вторыхъ, нужно взять то во вниманіе, что Іерусалимъ былъ не то, что различныя мѣстечки Галилеи. Въ этихъ послѣднихъ прибытіе чудотворца не могло оставаться неизвѣстнымъ, и потому каждый самъ легко могъ обратиться за помощію. Не то было въ Іерусалимѣ. Среди многочисленной массы народа, какая обыкновенно бываетъ въ городахъ столичныхъ, особенно среди іерусалимскихъ праздниковъ, очень трудно было узнать Того, къ Кому нужно было обратиться за помощію.

Чудо исцѣленія слѣпца (гл. 9). Такъ какъ въ повѣствованіи объ этомъ чудѣ нѣтъ ничего, что давало бы особенный поводъ къ отрицанію его, то стараются обыкновенно обратить вниманіе на тотъ вопросъ, который предложили ученики Господу при видѣ слѣпорожденнаго. Но это такой простой, такой естественный вопросъ, что только тотъ и можетъ видѣть въ немъ указаніе на какую либо идею, кто рѣшился во всемъ находить поводъ къ отрицанію. Известно, что между іудеями было довольно распространено то мнѣніе, что особенныя наказанія назначаются за особенныя грѣхи. Этого мнѣнія очевидно держались и ученики Господа, — но выразить его они до сихъ поръ не имѣли повода. Если они и видали слѣпыхъ, то видали такихъ, которые пріобрѣли слѣпоту со временемъ, которые, слѣдовательно, были, по ихъ воззрѣнію, сами виновниками своего бѣдствія. Но вотъ теперь представился ихъ взору человекъ, который былъ слѣпъ отъ рожденія, такой человекъ, положеніе котораго съ трудомъ приходило подъ ихъ воззрѣніе на человѣческія бѣдствія.

Такъ какъ самъ онъ едва ли могъ быть виновникомъ бѣдствія, то возникалъ вопросъ: ужь не виновны ли въ этомъ его родители? И такъ въ самомъ вопросѣ рѣшительно нѣтъ ничего, что могло бы указывать на какую либо идею. Еще менѣе можно найти ее въ отвѣтѣ Господа. Правда, Онъ указываетъ на славу Бога, которая должна проявиться въ исцѣленіи этого слѣпого, но вѣдь слава Божія не въ одномъ только этомъ проявилась чудѣ; она проявлялась и во всѣхъ тѣхъ, о которыхъ говорятъ первые Евангелисты; слѣдовательно, если видѣть идею здѣсь, то нужно будетъ видѣть ее и во всѣхъ другихъ случаяхъ.

Чудо воскрешенія Лазаря (гл. 11). Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами событій, ни на одномъ не останавливалось такъ долго вниманіе критиковъ отрицательнаго направленія, какъ на этомъ событіи. Вауръ, въ своемъ сочиненіи о каноническихъ Евангеліяхъ, посвятилъ этому событію цѣлый отдѣлъ, гдѣ прямо объявляетъ, что отъ того или другаго взгляда на это событіе зависитъ рѣшеніе вопроса: на сторонѣ ли сгноптиковъ истина, или на сторонѣ Евангелиста Іоанна. Хотя главное основаніе, какое приводится въ опроверженіе достовѣрности факта, здѣсь опять то же, какъ и въ опроверженіи предъидущихъ, но здѣсь оно приводится съ значительными особенностями. Здѣсь не просто говорится, что Евангелисты должны были упомянуть о фактѣ, а представляются основанія для этого: событіе воскрешенія Лазаря взволновало будто бы весь городъ; оно дало новый оборотъ судьбѣ Іисуса, и слѣдовательно, если бы даже это событіе и не входило въ планъ повѣствованій первыхъ Евангелистовъ, то оно должно было войти въ него, какъ поводъ къ рѣшенію судьбы надъ Іи-

сусомъ. Но ни одно изъ этихъ основаній не имѣеть силы. Прежде всего несправедливо то, что это событіе взволновало весь городъ. Что объ немъ знали многіе, особенно изъ вѣровавшихъ, — это правда, но чтобы весь городъ взволновался — это несправедливо. Число вѣровавшихъ было незначительно, а невѣрующіе іудеи не о томъ старались, чтобы разглашать объ этомъ событіи, а о томъ, чтобы какъ можно лучше скрыть его. Вотъ отъ чего іудеи, бывшіе свидѣтелями чуда, не пошли разглашать народу въ городъ, что сдѣлалъ Іисусъ, а пошли къ фарисеямъ, чтобы только ихъ предупредить объ опасности. Правда, это событіе имѣло вліяніе на увеличеніе числа вѣрующихъ; правда, оно главнымъ образомъ было причиною, что народъ вышелъ на встрѣчу къ Господу при Его входѣ въ Іерусалимъ; но все же это не значитъ, чтобы весь городъ взволновался. Но если бы даже и дѣйствительно весь городъ былъ въ волненіи, все же это не значитъ, что Евангелистъ необходимо долженъ былъ упомянуть объ этомъ фактѣ. Развѣ другія чудеса менѣе волновали города и селенія? Развѣ исцѣленіе расслабленнаго и слѣпнаго меньшее произвело впечатлѣніе, — однако отъ чего же и объ этихъ фактахъ нѣтъ ни слова? Итакъ волненіе въ народѣ, если бы оно даже и дѣйствительно было, не есть еще поводъ къ упоминанію. Повидимому важнѣе другое основаніе, состоящее въ томъ, что чудо воскрешенія дало поводъ къ рѣшенію судьбы Іисуса Христа, и что съ этой одной стороны требовало упоминанія. Но если чудо воскрешенія Лазаря имѣло такое значеніе для Баура, то это не значитъ еще, что оно должно было имѣть такое же значеніе и для Евангелистовъ. Оно дѣйствительно было окончательнымъ поводомъ къ рѣшенію

судьбы Господа, но все таки это был повод, а не причина. Правда, этот фактъ довелъ до послѣдней степени ненависть враговъ Господа, но не онъ одинъ довелъ, а при немъ былъ еще рядъ безчисленныхъ фактовъ, повторявшихся въ жизни Господа, следовательно важень-то былъ собственно не онъ, а тотъ мотивъ, который въ немъ дѣйствовалъ; важна была собственно причина, которая довела Господа до Его крестной смерти. Не будь этого факта и его замѣнилъ бы точно также каждый другой. Причина всегда имѣла бы свое дѣйствіе. Такимъ образомъ для первыхъ Евангелистовъ могъ быть не столько важень поводъ, сколько важна причина и, если они постоянно говорили о послѣдней, то совершенно имѣли право не говорить о первомъ. Притомъ, если бы они упомянули объ этомъ фактѣ, то имъ нужно бы было говорить и о другихъ іерусалимскихъ фактахъ, отъ времени до времени возбуждавшихъ ненависть въ іудеяхъ; одинъ бы этотъ фактъ, какъ мы сказали уже, былъ бы недостаточень. Но такъ какъ упоминаніе о другихъ фактахъ, по высказаннымъ уже нами причинамъ, не входило въ планъ повѣствованій первыхъ Евангелистовъ, то ни мало не удивительно, если не вошелъ и этотъ фактъ. Вауръ недоумѣваетъ еще надъ тѣмъ, какъ это событіе не имѣло вліянія на криминальный процессъ надъ Иисусомъ? Какъ никто не заявилъ объ этомъ замѣчательномъ фактѣ на судѣ у Пилата? Но вѣдь адвокатуры тогда еще не существовало. Да и кто бы былъ такимъ адвокатомъ? Апостолы? Но если припомнимъ, что случилось съ ними въ саду, если вспомнимъ, какъ поступилъ Ап. Петръ, то едвали будемъ рассчитывать на ихъ заступничество въ то время. Самъ Господь? Но въ чему бы послужило

это? Развѣ Онъ не заявлялъ открыто во храмѣ о своихъ дѣлахъ? Развѣ не подтвердилъ Онъ Свое Божественное достоинство на судѣ у первосвященника? Развѣ не зналъ наконецъ самъ Пилать о Его чудесныхъ дѣйствіяхъ? Нѣтъ, теперь ничего не оставалось для Него болѣе, какъ принять крестную смерть и тѣмъ искупить грѣшный родъ человѣческій.

Результатъ всего нами сказаннаго слѣдующій: повѣствованіе Евангелиста Іоанна о чудесахъ Господа дѣйствительно имѣеть значительныя особенности, но эти особенности никакъ не были слѣдствіемъ того, что онѣ нужны были писателю для какихъ либо особенныхъ цѣлей; эти особенности зависѣли отчасти отъ характера дѣятельности Господа въ Іерусалимѣ, отчасти отъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ стоялъ Евангелистъ къ другимъ повѣствованіямъ. Характеръ дѣятельности Господа въ Іерусалимѣ требовалъ, чтобы чудеса болѣе сильно могли дѣйствовать на упорныхъ въ невѣрїи жителей этого города; а отношенія Евангелиста къ другимъ повѣствованіямъ были причиною того, что многое вошло въ его повѣствованіе изъ того, чего не имѣютъ тѣ повѣствованія, и многое оставлено изъ того, что онѣ имѣютъ.

Діаконъ А. Кудрявцевъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ БИБЛЕЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ (*).

Женщины, имѣвшія вліяніе на судьбу Моисея. — Дочь Фараона. —
Есіоплянка. — Сенеора. — Маріамна.

Племя Авраамово возрасло въ Египтѣ въ цѣлый народъ. Какъ самъ Авраамъ нѣкогда уединился отъ своихъ родныхъ, чтобы среди чуждаго народа приготовиться къ своей высокой миссіи, такъ и его потомкамъ суждено было образоваться въ цѣлый народъ подъ чуждымъ господствомъ. И его племя не только не смѣшалось съ своими властителями, но въ чужой странѣ еще больше обособилось, еще рѣзче выказало свою самобытность. Послѣ двѣнадцати сыновей Іакова мы встрѣчаемъ тамъ уже тысячи ихъ потомковъ. Мы не видимъ, чтобы они вступали въ браки съ туземцами. Та осторожность, какую показалъ Авраамъ, — не брать жѣнъ между туземцами Ханаана, но скорѣе посылать за ними въ далекую страну къ своимъ роднымъ, вѣроятно строго хранилась и здѣсь. По крайней мѣрѣ, Еврейскій народъ живетъ совершеннымъ особнякомъ въ землѣ Гесемъ. При этой только особности онъ и могъ возбудить опасенія въ Египтянахъ и тѣ преслѣ-

(*) Извлеченіе изъ сочиненія, приготовляемаго къ изданію въ свѣтъ.

дованія, которыя наконецъ вынудили Евреевъ бѣжать изъ Египта.

На берегахъ Нила одна еврейская дѣвица чего-то повидимому ждала. Ея глаза были прикованы къ тростнику рѣки. Среди этой водяной травы плавала корзина изъ папируса.

Группа женщинъ сходила къ Нилу. Эту группу составляла одна госпожа, молодая женщина изъ египтянокъ съ своей свитой.

Купаясь въ рѣкѣ она замѣтила корзину. Тотчасъ же одна изъ ея служанокъ вынула корзину изъ воды и принесла госпожѣ. Молодая женщина открыла эту плавающую колыбель и ея глазамъ представился прекрасный трех-мѣсячный мальчикъ. Онъ плакалъ. Уступила ли она тому впечатлѣнію, подѣ которымъ каждая молодая женщина, при видѣ малютки, чувствуетъ въ себѣ бѣшеніе сердца матери? Или она была неплодная супруга, въ которой, при видѣ этого слабаго созданія, вдругъ ожили страданія ея неплодія? Ея волненіе означало ли предчувствіе, или просто сожалѣніе?

Смотря на малютку, она сказала:

— „Это изъ Еврейскихъ дѣтей“ (1).

Молодая женщина была дочь царя египетскаго, Рамзеса-Мейямуна, который у Грековъ извѣстенъ подѣ именемъ Сестоприса (2). Она знала, что храбрый государь, ея отецъ, опасаясь фамиліи того самаго Іосифа, котораго Египтяне нѣкогда считали и почитали какъ своего спасителя, страхомъ былъ доведенъ до варварства, чуждаго его великой душѣ.

(1) Исх. 11. 6. Пер. Синод.

(2) Сестоприсъ царствовалъ отъ 1394—1328 г. до Р. Хр. Исторія его изображаетъ великимъ завоевателемъ и великимъ государемъ. *Geschichte des Alterthums, von Max Duncker. Erster Band. стр. 31—42.*

Развѣсь помнить, что это было во время царей-пастырей, когда дѣти Иакова поселились въ землѣ Гесемъ; онъ зналъ, какое племенное сходство, какое однообразіе обычаевъ связывало древникъ тирановъ Египта съ израильскими гостями этой страны (1). Опасаясь, чтобы новое нашествіе азіатскихъ племенъ не нашло себѣ помощи въ возмущеніи многочисленныхъ жителей Гесема, онъ хотѣлъ ослабить, даже уничтожить въ нихъ глубоко-отличительный характеръ семитическаго племени, потушить въ нихъ стремленія къ свободѣ, къ которой ихъ приучала независимость патриархальнаго управленія. Для достиженія этой цѣли онъ подвергъ ихъ изнурительнымъ работамъ. Свободный трудъ, обнаруживая могущество воли человѣка въ его усиліяхъ, развиваетъ его силы. Трудъ насильный, лишая его права на свои собственныя способности, отнимаетъ у него чувство собственнаго достоинства.

Евреи, не привыкшіе къ осыдлой жизни и презиравшіе искусство строить, царствовали въ своихъ шатрахъ и на лугахъ, гдѣ паслись ихъ стада. И вотъ ихъ принуждаютъ подъ строгимъ надзоромъ приставовъ, воздвигать тѣ громадныя постройки, которыя до нашихъ дней продолжаютъ намъ рассказывать исторію притѣснителей Израиля. Руками Евреевъ были воздвиг-

(1) Египетъ находился подъ властью чужаго племени, известнаго подъ именемъ Гиксовъ отъ 2100 до 1580 г. до Р. Х. Эти Гиксы или цари-пастыри пришли изъ Сиріи и сѣверной Аравіи и были потомки Сима, т. е. пришли оттуда же и были того же племени, что и Евреи; тогда какъ Египтяне были племени Хама. Подозрѣнія и опасенія новой царствующей династіи противъ Евреевъ—племени, родственнаго прежнимъ притѣснителямъ Египта, были довольно естественны. Свостристы и войны свои вслѣдъ между прочимъ для того, чтобы оградить Египетъ отъ всякихъ вторженій другихъ народовъ. О Гиксахъ или царяхъ-пастыряхъ въ цитованной выше *Исторіи* Дункера, т. 1. стр. 22.

нуты двѣ сильныя крѣпости: Писонъ и Рамзесъ. Подъ двойныя триумфальныя ворота этого послѣдняго города египетскій поэтъ Пентауръ вводитъ Фараона Рамзеса-Мейямуна, побѣдителя ханаанскаго племени Хеттеевъ, въ ту минуту, когда начинается нашъ разсказъ (1). Пирамиды, каналы и другія громаднѣйшія постройки, которыя были сдѣланы при этомъ Фараонѣ, конечно были дѣланы не безъ участія Евреевъ.

Рамзесъ успѣлъ стѣснить Евреевъ нравственно; но число ихъ необыкновенно и непрерывно умножалось. И вотъ одно греческое пророчество даетъ знать царю, что между Евреями родится человекъ, который вдохнетъ имъ народный духъ и они отмстятъ своимъ притѣснителямъ (2).

Рамзесъ приказалъ умерщвлять всѣхъ дѣтей мужскаго пола, которыя отнынѣ будутъ рождаться у Евреевъ.

Поэтому то дочь Рамзеса, смотря съ участіемъ на дитя, найденное въ тростникахъ Нила, сказала: „Это изъ Еврейскихъ дѣтей“. Всѣ предупредительныя заботы матери пробудились въ душѣ царевны. Она хотѣла бы малютку воспитать, но едва ли какая либо египетская кормилица взяла бы его.

Дѣвица, которая до прихода царевны, казалось, наблюдала за плавающей колыбелью, подошла къ дочери царя.

— „Не сходитъ ли мнѣ и не позвать ли къ тебѣ кор-

(1) *Extrait d'un mémoire sur les campagnes de Ramsès II (Sésostris)*, traduction de M. le vicomte de Rougé. Повесть: *Pen-ta-our*.

(2) Преданіе это не противорѣчитъ Библии, но можетъ объяснить ближайшій поводъ распоряженія царя умерщвлять дѣтей Еврейскихъ мужскаго пола. *La femme biblique*, par M. Bader. стр. 280.

милицу изъ Евреянокъ, чтобы она вскормила тебѣ сего младенца?“

— „Сходи“, отвѣчала ей царевна.

Дѣвица удалилась. По ея зову явилась Еврейка.

— „Возми младенца сего и вскорми его мнѣ; я дамъ тебѣ плату,“ говорила этой послѣдней царевна (1).

Еврейская кормилица взяла малютку и онъ началъ сосать молоко, которое ему предложили: онъ питался отъ груди матери.

Никто и не подозрѣвалъ ни того, что молодая посланница царевны была Маріамна, сестра малютки, брошеннаго въ воду, ни того, что кормилица, приведенная ею, была Іокабеда, мать ихъ обоихъ. Это Іокабеда, скрывавшая новорожденнаго малютку въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, довѣрила его, наконецъ, Провидѣнію, пустивъ его на рѣку.

По вскормленіи малютка, который безъ сомнѣнія съ молокомъ матери всосалъ первое понятіе объ истинномъ Богѣ, былъ принесенъ Іокабедой къ царевнѣ. Она привязалась къ нему какъ къ сыну. Онъ имѣлъ ту прелесть молодого возраста (2), которая, трогая наше сердце, возбуждаетъ въ насъ самое чистое, самое пріятное и вмѣстѣ самое строгое чувство любви. Мы любимъ дитя, потому что его душа, свѣжая, какъ бы только вышедшая изъ рукъ Творца, еще не думала ни объ одномъ изъ нашихъ несчастій и она еще не знаетъ ни о чемъ, кромѣ любви. Мы любимъ дитя, потому что оно слабо и имѣетъ нужду въ нашей за-

(1) Исх. 11. 7—9. Пер. Синод.

(2) О томъ, что Моисей былъ прекраснѣе малютка и что это было, между прочимъ, побужденіемъ для матери и его родныхъ спасти его, преданіе сохранили намъ св. Ев. Лука и св. Ап. Павелъ. Дѣян. VII. 20; Посл. къ Евр. XI. 23.

шить, чтобы противостоять первому думовеню, которое может унести его къ его небесному отечеству. Мы любимъ дитя, потому что, воплощенная и живая надежда, оно будетъ однимъ изъ борцовъ за дѣло Воше, а можетъ быть и побѣдителей въ будущемъ.

Царевна слѣдовала влеченію своего сердца. Своего приемыша она назвала своимъ сыномъ. Правда, она не дала ему жизни, но она его спасла отъ вѣрной смерти, — а это почти то же значило для нея, что быть его матерью. Въ память дня и обстоятельствъ, при которыхъ была найдена эта отрасль отверженнаго племени, она назвала малютку Моисеемъ — *спасеннымъ отъ воды*.

Съ свободою, свойственною египтянкамъ того времени, для которыхъ были доступны даже почести трона, равно какъ уваженіе и власть въ семействѣ, царевна съ своимъ сыномъ на рукахъ приходитъ къ своему отцу и передаетъ на руки царя этотъ пріятный подарокъ *Нила* (1). Рамзесъ былъ еще не старъ и на верху своей славы послѣ своихъ побѣдъ надъ Египтянами и Хеттеями. Въ Луврскомъ музеѣ есть фаянсъ (2), который изображаетъ этого великаго египетскаго завоевателя. Прекрасная и величественная голова этого фаянса съ отпечаткомъ ума, откровенности и энергіи, соединенной съ кротостію, говорятъ намъ о совершенно царскомъ величій и красотѣ египетскаго царя. Именно такимъ мы представляемъ Рамзеса-Мейямуна, когда онъ впервые обращаетъ свой взоръ на малютку-Моисея,

(1) Josèph. Ant. jud. liv. II. c. V. Вообще отношенія дочери царя къ отцу, о которыхъ сохранились преданія, могутъ объяснить, какимъ образомъ могъ воспитаться въ семьѣ самаго царя мальчикъ, который былъ предназначенъ къ смерти.

(2) Въ залѣ Henri IV.

Христ. Чт. № 1.

быть может изъ рукъ дочери беретъ его къ себѣ въ объятія и прижимаетъ его къ своему сердцу.

Однажды во время тѣхъ семейныхъ радостей, которыми фараоны любили предаваться съ своими дѣтьми, Рамзесъ, какъ свидѣтельствуемъ преданіе, захотѣлъ по-мѣрить свою діадему на челѣ Моисея. Но послѣдній съ свойственнымъ его возрасту капризомъ бросилъ корону и затопталъ ее ногами.

Жрецъ, который предсказалъ, что между потомками Иакова родится дитя къ славѣ Израиля и къ стыду Египта, былъ тутъ. При такомъ дерзкомъ поступкѣ пріемнаго сына царевны, прилагая свое пророчество къ Моисею, жрецъ началъ настаивать и возбуждать Рамзеса тотчасъ же погубить маленькаго Еврея. Но испуганная царевна, схвативъ свое дитя, бѣжала съ нимъ, такъ что царь даже не обнаружилъ и мысли остановить это инстинктивное движеніе. Уступая нуждамъ своей политики, Рамзесъ могъ продиктовать смертный приговоръ противъ невинныхъ, которые ему были неизвѣстны; но могъ ли онъ дозволить принести въ жертву пріемнаго сына своей дочери, дитя, которое играло на его колыбельхъ, которое онъ самъ осыпалъ своими ласками?

Царевна сама слѣдила и направляла воспитаніе Моисея; она его ввела въ жреческую коллегію Иліополя, гдѣ онъ познакомился съ философскими знаніями, хранителями которыхъ были египетскіе жрецы (1).

Такимъ образомъ Еврейскій законодатель выросъ подъ двойнымъ вліяніемъ: — религіознаго вѣрованія, которымъ онъ былъ обязанъ своей матери Иоакабедѣ, — и философскихъ идей, которымъ онъ былъ обязанъ дочери Рамзеса.

(1) Давид. Ап. VII. 22.

Избранникъ Божій дѣлается сильнымъ въ словѣ и дѣлѣ (1). Своей миссіи онъ служитъ и своей душой и своей рукой.

Ефіопяне сдѣлали тогда нашествіе на Египеть; ихъ полчища доходили до пирамидъ Мемфиса и колоссальнаго сфинкса, высѣченнаго изъ Ливійскихъ горъ. Между тѣмъ таинственный голосъ возвѣщалъ, что только одинъ Еврей можетъ спасти Египеть. Вниманіе Рамзеса остановилось на приемномъ сынѣ дочери и царь упросилъ царевну дать ему Моисея въ предводители его арміи. Царевна уступила своего сына своему отечеству. Но боясь за Моисея больше впрочемъ возможности предательства народа, который онъ шелъ защищать, чѣмъ сопротивленія народовъ, съ которыми онъ шелъ бороться, она взяла съ своего отца клятву, что ея сынъ не подвергнется другимъ опасностямъ, кромѣ опасности сраженія. Теперь она гордилась тѣмъ, что, спасая Моисея отъ вѣрной смерти, она сохранила въ немъ послѣднюю надежду своей страны. Обращаясь къ жрецамъ, она сурово припоминала имъ то время, когда они хотѣли погубить какъ врага Египта того самого человека, который былъ предназначенъ отмстить за нихъ отечество.

Таково послѣднее появленіе дочери Рамзеса въ преданіяхъ іудейскихъ. Она является въ какой-то таинственной прелести. Библия не сохранила намъ даже ея имени (2). Принимая во вниманіе то вліяніе, которое

(1) Ibid.

(2) Иосифъ Флавій называетъ ее Термутисъ, каковое названіе понимается собою имъ данное дочери Сезостриса Дюдоромъ Сицилійскимъ, Атирта. По словамъ Иосифа, Арташана и Филона нареченная мать Моисея не имѣла собственныхъ дѣтей. *Moses, Pharaoh's daughter* въ Dictionary of the Bible, by Smith.

она имѣла на Рамзеса съ самаго начала его царствованія, мы невольно припоминаемъ Атирту, ту дочь Сезостриса, о которой говоритъ Діодоръ Сицилійскій ⁽¹⁾ и которая вдохнула своему отцу мысль сдѣлать изъ Египта царство міра и указала ему даже средства осуществить этотъ планъ, исполненный Фараономъ только въ половину. Героиню Діодора, эту женщину, которая съ силою воображенія соединяла твердость характера, можно вполне отождествить съ библейскою дочерью Фараона ⁽²⁾. Въ послѣдней мы находимъ тотъ же благородный порывъ, то же постоянство въ добрѣ, тотъ же великодушный и гордый характеръ, который греческій историкъ приписываетъ первой. Мы находимъ даже больше: въ нареченной матери Моисея мы находимъ женскую чувствительность, которая такъ хорошо идетъ мужественной смѣлости, которую Діодоръ приписываетъ дочери Сезостриса. Соединяя въ одномъ лицѣ черты этихъ двухъ портретовъ, мы получимъ одинъ изъ самыхъ величественныхъ образовъ, которые когда либо имѣли значеніе въ судьбѣ израильскаго народа. Благородныя и высокія черты ея показываютъ, что та женщина, которая пыталась поработить древній міръ египетскому владычеству, спасая и воспитывая основателя и законодателя народа Іеговы, была орудіемъ въ рукахъ Промысла, уготовлявшаго спасеніе цѣлаго человѣчества. Не

(1) Liv. 1. sect. II.

(2) Исследования древностей Египта еще далеко не доведены до конца и можетъ быть со временемъ онѣ дадутъ новыя данныя для опредѣленія лица нареченной матери Моисея. Между изображеніями, найденными въ постройкахъ Рамзеса, находятъ одну его дочь, которая представляется рядомъ съ отцомъ; но еще не вполне убѣждены, чтобы это была спасительница Моисея. *Egypte, par M. Champollion Figeac; Histoire d'Egypte, par le docteur Brugsch.*

въ этомъ ли должна была осуществиться та мечта о покореніи вселенной, которую желала дочь Сезостриса?...

Между тѣмъ Моисей, отбивши Ефіоплянъ, перенесъ войну въ ихъ собственную страну. Осаждая городъ Сава, котораго положеніе между тремя рѣками дѣлало его неприступнымъ, онъ скучалъ продолжительностію войны. Однажды, когда во время сраженія онъ напрягалъ всѣ свои усилія, съ высоты стѣнъ его замѣтила Тарбисъ, дочь царя Ефіопскаго.

Воинъ или мученикъ, который жертвуетъ собою дѣлу, имъ защищаемому, совершенно преобразуется подѣйствию того, что природа представляетъ наиболѣе божественнаго, — подѣйствию самопожертвованія, самоотверженія. Какъ бы отвлекаясь отъ матеріи, которую онъ забываетъ, поглощенный мыслию, которую онъ защищаетъ; онъ повидимому приобщается существованію чистыхъ духовъ, озаряется лучами безсмертія.

Тарбисъ конечно была воспримчива къ прелести воинской славы. Ефіопскихъ женщинъ одушевлялъ тотъ воинскій духъ, которымъ отличалось все ихъ племя; онѣ сами участвовали въ битвахъ и были знакомы со всѣми суровостями войны (1). Тарбисъ полюбила молодаго начальника вражеской арміи и выразила ему свое желаніе соединиться съ нимъ бракомъ. Сдача осажденной крѣпости—вотъ условіе, на которомъ вождь египетской арміи принялъ протягивавшуюся къ нему руку. Ефіопская царица вышла замужъ за сына Израиля (2). Тор-

(1) *Nubie*, par M. Cherubini: Спутникъ въ путешествіи въ Египетъ и Нубію Шампольена младшаго. Paris, 1847.

(2) Преданія, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя, которыя передаетъ Иосифъ Флавій (Ant. II. X.) объ отношеніяхъ Моисея—маютки къ отцу своей нареченной матери, о ненависти, которую питали къ иностранцу жрецы и наконецъ о его военномъ походѣ противъ Ефіоплянъ, съ которымъ связывается его женитьба на Ефіоплянкѣ, кажется знаютъ св. перво-

жествующій Моисей привелъ въ Египетъ войска Рамзеса.

Но въ то самое время, когда Моисей въ палатахъ своей нареченной матери наслаждался своею зачинающеюся славой, онъ видѣлъ, что его братья находятся подъ игомъ того самаго царя, котораго онъ защитилъ.

Однажды онъ увидѣлъ, что одинъ египтянинъ былъ израильянина; въ немъ закипѣла благородная кровь сына Авраамова: чтобы спасти и отмстить жертву, онъ убилъ обидчика. Рамзесъ узналъ объ убійствѣ и хотѣлъ наказать убійцу. Но Моисей по своей волѣ разорвалъ узы своего блестящаго рабства: онъ бѣжалъ въ пустыню. Онъ дошелъ до глубины Араміи, до той области, гдѣ жили Мадіаниты, потомки четвертаго сына Авраама отъ Хеттуры. Онъ остановился отдохнуть близъ колодезя. И вотъ семь дочерей одного мадіанскаго патріарха ⁽¹⁾ пригнали туда стадо своего отца, чтобы напоить его; онъ уже началъ свое дѣло, но прибывшіе другіе пастухи начали ихъ отгонять. Моисей, воспитанный между египтянами, которые окружали женщину должнымъ уваженіемъ, не могшій безъ негодованія видѣть униженіе и страданіе угнетеннаго, всталъ. Онъ отогналъ трусовъ, которые чувствовали себя силь-

мученикъ Стеванъ. Онъ говоритъ, что „Моисей былъ наученъ всей мудрости египетской, и былъ силенъ въ словахъ и дѣлахъ“ (Дѣян. VII. 22), прежде чѣмъ, живя при дворѣ, онъ вспомнилъ о своихъ братьяхъ. Подъ его славными дѣлами онъ, можетъ быть, и разувѣсть его военные подвиги.—Женитьба на Есіоплянкѣ имѣетъ основаніе въ самой Библии (Числ. XII. 1.). Кажется, Моисей долженъ былъ близко узнать жизнь всѣхъ народовъ, чтобы явиться потомъ законодателемъ для одного народа—хранителемъ всеобщей истины.

(1) Иосифъ называется въ переводѣ Библии священникомъ. Но нельзя думать, чтобы онъ былъ жрецомъ или священникомъ въ собственномъ смыслѣ слова: онъ былъ то, что у Арабовъ называется *шеикъ*, глава *эммиліи* съ религіозною и политическою властію. см. *Moses: Dictionary of the Bible.*

ними только предъ слабостію вѣсколькихъ молодыхъ дѣвицъ и самъ наполнилъ ихъ стадо. Благодаря такому внимательству иностранца дочери патриарха пришли къ своему отцу ранѣе обыкновеннаго.

— „Что вы такъ скоро сегодня пришли?“, спрашивалъ ихъ отецъ.

— „Какой-то египтянинъ защитилъ насъ отъ пастуховъ и даже начерпалъ намъ воды и наполнилъ овецъ нашихъ“, отвѣчали онѣ.

— „Гдѣ же онъ? Зачѣмъ вы его оставили? Позовите его вѣсть хлѣба. (1)“.

Моисею понравилась жизнь въ домѣ мадіанскаго патриарха Юфора. Онъ женился на его дочери Сесурѣ, одной изъ тѣхъ, которымъ онъ оказалъ покровительство. Дети Израиля, онъ нанялъ у Мадіанитянъ пастушескую жизнь израильскихъ патриарховъ. Онъ сталъ жить пастухомъ и этимъ восполнилъ свое воспитаніе. Высотою своего ума онъ былъ обязанъ софрцательнымъ наукамъ Иліополя, своею храбростію и смѣлостію—своимъ воинскимъ упражненіямъ; а его привычки при дворѣ дали ему пониманіе людей и вещей. Уединеніе пустыни очистило его расположенія, возвысило его мысль. И когда Іегова повелѣлъ ему освободить своихъ братьевъ и ввести ихъ въ землю, гдѣ поволился прахъ Авраама, Исаака, Іакова, онъ, не смотря на свое самоуничженіе, на свои недостатки, оказался достойнымъ сдѣлаться посланникомъ Господа, основателемъ народа Іеговы.

Сопутствуемый своей женою и двумя сыновьями, Моисей направился къ Египту (2).

(1) Исх. III. 18—21. Пер. сн.

(2) Исх. IV. 20. При этомъ ничего не говорится объ отъѣздѣ назадъ

Ааронъ, братъ его, встрѣтилъ его въ пустынь. По одному талмудическому преданію, указывая на Сепфору и дѣтей, Ааронъ спросилъ Моисея:

— „А это кто?“

— „Это моя жена, которую я взялъ въ Мадіанѣ, а это мои дѣти“, отвѣчалъ Моисей.

— „Куда ты ведешь ихъ?“

— „Въ Египеть (1)“.

Ааронъ замѣтилъ на это, что и безъ того велики ихъ скорби о несчастіи ихъ братьевъ въ Египтѣ, что его дѣти только увеличатъ число этихъ несчастныхъ, а слѣдовательно и скорби двухъ братьевъ.

Моисей цѣнилъ своего брата. Онъ не хотѣлъ подвергать заразы языческаго рабства свободное существованіе дѣтей пустыни. Жертвуя своими семейными радостями, спокойствіемъ самаго семейства, Моисей отослалъ свою жену и своихъ дѣтей назадъ въ шатеръ Іосора.

Моисей и Ааронъ пришли виждѣть въ землю Фарановъ.

Рамзесъ умеръ. Ему наследовалъ сынъ его Менесета (2). Сѣянкъ послѣдняго, находящійся въ Луврскомъ музеѣ (3), прекрасно выражаетъ его характеръ. Съ перваго раза думаешь видѣть въ чертахъ его лица добродушную улыбку; но, всматриваясь внимательно, тотчасъ же замѣтишь въ немъ выраженіе двоедушія, кото-

съ дороги семейства Менеса. Только изъ XVIII гл. мы узнаемъ, что Іосоръ приводитъ къ Моисею въ пустыню и его жену и его дѣтей, предъ тѣмъ *отпущенныя*.

(1) Это преданіе изъ Мехалты приводится Казномъ въ его переводъ Библии.

(2) Царствовалъ отъ 1328—1309 г. до Р. Хр. Вышецитованное сочиненіе Дункера стр. 197.

(3) Въ залѣ Немгу IV.

рое такъ рѣзко отличаетъ его отъ величественно и красноты и откровенности, которыми дышетъ эвѣионія Оезостриса. Это именно тотъ Фараонъ, который говоритъ одно, а дѣлалъ другое, нынѣ говорилъ да, а завтра нѣтъ, тотъ ожесточенный злоистъ и обманщикъ, съ которымъ пришлось бороться освободителю Израиля.

Во имя Іеговы Моисей и Ааронъ просили царя отпустить Евреевъ въ пустыню для принесенія жертвы въ Вогу. Менеста отказалъ. Но рука Іеговы поразила притѣснителей Его народа: какъ коршунъ, раненый, ослабленный истепающей изъ него кровію, выпускаетъ добычу изъ своихъ когтей, такъ и Египтяне многократно и чудесно пораженные гнѣвомъ Вожиаъ, наконецъ отпустили своихъ плѣнниковъ.

Потомки Іакова направились въ Красному морю. Господь ихъ сопровождалъ днемъ столпомъ облачнымъ, ночью столпомъ огненнымъ.

Евреи остановились ставомъ при Пигахироеъ. Отсюда они могли бросить послѣдній взглядъ на землю, которую оставляли. Они ужаснулись. Шестъ сотъ военныхъ колесницъ неслись въ погоню за ними. Менеста понималъ, что путешествіе его рабовъ въ пустыню для жертвоприношенія было только поводомъ къ ихъ бѣгству. Съ своими колесницами онъ самъ бросился за ними въ погоню. Запертые моремъ, по сторонамъ горамъ, саади египетской арміей, Евреи предалися самому мрачному отчаянію, которое еще больше возбуждалось слезами и воплями ихъ женъ и ихъ дѣтей. Они воспылали гнѣвомъ не противъ своихъ тирановъ, но противъ своего освободителя. Моисей обратился къ Господу. Египтяне все ближе и ближе настигали бѣглецовъ. Наступала ночь. Огненный столбъ освѣщалъ

путь Иаравгитанамъ, но столеть облачный скрылъ ихъ отъ Египтянъ. По велѣнію Іеговы Моисей простеръ руку на море и сильный вѣтръ подулъ съ востока; воды раздѣлились, показалось морское дно и Евреи прошли по суху между двумя водяными стѣнами. Колесницы Фараона устремились по этому новому пути. Египтяне были посреди моря. Богъ отнялъ колеса у ихъ колесницъ. Они испугались, хотѣли бѣжать, возвратиться на берегъ. Моисей простеръ руку свою на море. Земли содрогалась отъ ударовъ грома, ночь сдѣлалась черною, молнія по временамъ разсѣкала густыя облака ⁽¹⁾, и море, занимая свое русло, погребло подъ своими водами смѣшавшихся египтянъ.

Съ наступленіемъ дня Евреи чувствовали себя спасенными. Находясь на другой сторонѣ моря, не видя болѣе враговъ за собою, они вдохнули дыханіемъ свободы. Свои благодарственные клятвы они выразили въ торжественнѣйшей пѣснѣ Богу, выдвигавшейся изъ этихъ шести сотъ тысячъ грудей каинимъ-то стремительнымъ, порывчатымъ потокомъ.

„Пою Господу,
„Ибо Онъ высоко превознесся;
„Кона и всадника его ввергнулъ въ море.
„Господь хвала моя и пѣснь.
„Онъ содѣлался моимъ спасителемъ.
„Онъ Богъ мой, и прославлю Его;
„Богъ отца моего, и превознесу Его.
„Господь мужъ брани, Іегова имя Ему.... ⁽²⁾

Вся пѣснь хора мужчинъ дышетъ религіознымъ вос-

(1) Псал. LXXVI.

(2) Исх. XV. пер. Синод.

торгожь человѣка, изъ мучительной тѣсноты вырвавшегося на свѣтъ Божій, въ которомъ оживи всѣ лучшія надежды, всѣ благородные порывы, который чувствуетъ себя уже не боязливымъ рабомъ чужеземцевъ, но сыномъ Божиимъ и владыкою міра.

Мужскому хору отвѣчалъ болѣе протѣій, но не менѣе вдохновенный хоръ женщинъ. Сестра Моисея, Маріамна пророчица, а вслѣдъ за нею всѣ женщины Израиля, ударили въ тимпаны съ ликованіемъ, напоминали своимъ отцамъ, своимъ мужьямъ, своимъ братьямъ первую строфу благодарственной пѣсни.

„Пойте Господу;

„Ибо Онъ высоко превознесся;

„Кони и всадника его ввергнулъ въ море“ (1).

Впрочемъ этотъ восторгъ гѣры и патриотизма былъ только дѣломъ скоропреходящаго возбужденія минуты. Продолжительное рабство ослабило въ Израильтянахъ мужественную силу, которая одна преодоливаетъ всѣ невагоды, обычныя на первыхъ шагахъ къ независимости. Въ препятствіяхъ, которыя воздвигала противъ нихъ бесплодная природа пустыни, они тратили весь остатокъ своей энергіи, и не для того, чтобы препобѣждать трудности пути, но чтобы возмущаться противъ Моисея, своего великаго вождя. Бывали минуты, когда этотъ послѣдній, казалось, отчаявался самъ въ себя. Богъ поставилъ его опорой, питателемъ, законодателемъ Евреевъ. Моисей далъ имъ независимость, отдалъ имъ самаго себя; и эти люди, съ *отолстѣвшей шеей* (2) рабовъ,

(1) Исх. XV. 21. Пар. Синод.

(2) Господь называетъ Израильтянъ народомъ *жестокосердымъ*, указывая этимъ именно на рабское его паденіе. Исх. XXXII. 9.

платили, вспоминая клятву прутѣенителя. Даже при по-
дѣвѣ Синаи они дерзнули предложитьсь предъ Аши-
сомъ, для снѣтїа котораго послужили жемени драго-
цѣности.

Но Моисея ждали и другїе скорби. Если народъ со-
мнѣвался въ его мисіи, то его родные, которые его
принимали, ему завидовали.

Маріамна также чувствовала себя одушевленною бо-
жественнымъ Духомъ. Она была пророкица. Пророкъ
Микей считаетъ ее вмѣстѣ съ Моисеемъ и Аарономъ
освободительницей Израиля (1). Старшая Аарона и Мо-
исея, Маріамна захотѣла быть равною спасителю Из-
раиля.

Дѣло было въ Асироѣ. Моисей былъ женатъ на Еѳі-
оплянкѣ. Этимъ бракомъ была недовольна Маріамна
вмѣстѣ съ братомъ своимъ Аарономъ; даже больше, она
упрекала за него Моисея (2). Въ разговорѣ съ братомъ
она выразила такую мысль свою:

— „Неужели только чрезъ Моисея говорить Гос-
педь? Неужели Онъ не говоритъ и чрезъ насъ?“ (3)

Эти рѣчи гордости дошли до неба. Господь призвалъ
въ скинии всѣхъ троихъ. Онъ явился при входѣ и поз-
валъ къ себѣ Аарона и Маріамну. Онъ далъ имъ по-
нять все различіе между вдохновеніями, которыя Онъ
сообщаетъ имъ, и откровеніями, которыя Онъ довѣ-

(1) Мих. VI. 4.

(2) Эта Еѳіоплянка могла быть именно та Тарбизъ, съ которою онъ
вступилъ въ бракъ въ походѣ противъ Еѳіоплянъ. Она могла быть съ
нимъ въ разлукѣ, какъ и дочь Іоера, и притти къ нему въ пустыню.
Это соединеніе съ прежнею женою и могло дать поводъ къ неудоволь-
ствію Маріамны. Новая женитьба Моисея въ пустыни за иностранкѣ
была бы болѣе необъяснима и тогда неудовольствіе Маріамны было бы
болѣе невинительно.

(3) Числ. XII. 2. Пер. Сив.

рвать Моисею. Пусть такъ, высшая Истина открывает- ся Маріамнѣ и Аарону, во снѣ; но не въ смутныхъ, представлеиіяхъ сна, она явлется Моисею: ему она явлется во всей дѣйствительности. Маріамма поблдила. Ааронъ обратился къ ней: она была въ прогазѣ.

Въ словахъ покаянъ грусти и раскаянія обратился Ааронъ къ великодушію Моисея. Забывая, оскорбленіе Маріамны и думая только о ея страданіяхъ, Моисей считалъ ее уже достаточно наказанною. Мольба, съ которой онъ обращается къ небу о спасеніи своей сестры, сама по сабѣ уже говоритъ о его любви къ той сестрѣ, которая бодрствовала надъ его колыбелью и радѣла, съ нимъ опасности освобожденія.

— „Боже, испѣли ея!“ (1)

Маріамма на семь дней была удалена изъ стана. Народъ оставался въ Асироеѣ для того только, чтобы снова принять въ свою среду свою пророчицу.

Евреи достигли Кадеса близъ Мертваго моря. Это по- видимому былъ конецъ ихъ странствованія. Предъ ними было ихъ отечество, прекрасное, плодоносное, правда обитаемое только людьми страшными (2). Но страшны ли опасности народу Іеговы? Въ глазахъ тѣхъ, которые были увѣрены въ зашитѣ Бога, это отечество, которое имъ нужно было завоевать, должно бы быть вдвойнѣ привлекательнымъ и своими красотами и своими опасностями. Израильтяне должны были идти впередъ и съ торжествомъ привѣтствовать эту землю, гдѣ они должны были бороться, побѣдить и приобрести права гражд-

(1) Ibid. 13.

(2) Такъ описывали Ханаанъ двѣнадцать послать, которые возвратились въ Евраию въ Кадесъ, и изъ которыхъ двое, Імзусъ и Хаденъ показали вѣру, а другіе десять невѣріе въ завоеваніе страны. Числ. XIII и XIV.

данства. Но глѣтъ; они пугались. Они испугались за своихъ жень, за своихъ дѣтей, которыхъ они не надѣялись сьумѣть защитить: и они удалились растерянные съ порога страны, которую имъ указывалъ перстъ Божій; они хотѣли опять въ Египеть, въ цѣни рабства (¹). Это поколѣнїе, отупѣвшее и развращенное въ рабствѣ, не было способно выполнить намеренїй Господа. Онъ объявилъ, что за исключенїемъ Іисуса и Халева, всѣ, вышедшіе изъ Египта старше двадцати лѣтъ, помрутъ въ пустынь, въ которой Монсей, въ продолженїе сорока лѣтъ странствованїа, долженъ былъ воспитать въ страхѣ Божїемъ и любви къ отечеству новое поколѣнїе которое сьумѣло бы дать дѣлу Іеговы людей вполне достойныхъ и способныхъ (²).

Почти до конца странствованїа Евреевъ въ пустынь Марїамна сопутствовала Монсею; безъ сомнѣнїа, во главѣ всѣхъ матерей, она участвовала въ приготовленїи и воспитанїи новаго поколѣнїа. Этимъ, конечно, она искупила оказанную ею слабость противъ своего великаго брата и слѣд. защищаемаго имъ дѣла. По іудейскому преданїю (³) она была женою Урія и бабушкой художника Весеіаила, который былъ исполненъ „Духомъ Божїимъ, мудростїю, разумнїемъ, вѣденїемъ для всякаго дѣла, искусствомъ изобрѣтатъ, работать изъ золота, серебра и мѣди, рѣзать камни для вставляванья и рѣзать дерево для всякаго дѣла“ (⁴). Не можетъ быть, чтобы воспитанїе этого великаго строителя склннїи прошло безъ влїянїа его великой бабушки.

(¹) Числ. XIV. 3—5.

(²) Гл҃м. 11—35.

(³) Іосеф. Флав. Ant. III. 2. § 4. въ *Dictionary of the Bible* *Miriam*.

(⁴) Исх. XXXI. 2—6.

Но Маріамна не вступила въ землю Ханаанскую. Своимъ ропотомъ противъ Моисея она показала слабость, общую всему старому поколѣнію, вышедшему изъ Египта: она и подверглась общей участи. Она умерла, когда новое поколѣніе Евреевъ готово было вступить въ Обѣтованную землю и находилось въ Кадесѣ (1). Умереть въ ту минуту, когда дѣло, поддерживаемое ею всю жизнь, должно было наконецъ восторжествовать,—это было самое чувствительное наказаніе для этой восторженной и гордой натуры, которая со знавала свою миссію и даже превозносила ее.

Впрочемъ Маріамна своею смертію упредила Аарона только четырьмя мѣсяцами, а Моисея одиннадцатью, которые подверглись той же участи.

Во времена блаж. Иеронима еще помнили могилу Маріамны: ее указывали близъ Петры на восточной сторонѣ отъ „Мертваго Моря“ (2).

Поступокъ Моисея съ Амморейнками и Мадіанитянками.

Моисей надѣялся на молодое поколѣніе. Но и на немъ обваружилось рабское вліяніе Египта: оно стало также возмущаться противъ своего вождя. Горько было Моисею испытать подобныя огорченія отъ своихъ воспитанниковъ: онъ усумнился во всемъ, даже въ Провидѣніи. Моисей не замедлилъ раскаяться, но за свое сомнѣніе онъ былъ наказанъ тѣмъ, что не вступилъ въ землю Ханаанскую (3).

Своими послѣдними поступками Моисей, въ великомъ негодованіи, показалъ Израилю, въ чемъ его опасность

(1) Числ. XX. 1.

(2) *Miriam*: въ *Dict. of the Bible*.

(3) Числ. XX. 10. и 9.

и въ чемъ его сила: допускать въ семейство растлѣнное вліяніе иныхъ народовъ—въ этомъ для него опасность, блюсти чистоту семейной жизни—въ этомъ его сила. Только этимъ можетъ объясняться его грозный поступокъ съ беззащитными семействами Аммореевъ и Мадіанитянъ.

Моисей не хотѣлъ овладѣвать страной, расположенною на восточномъ берегу Иордана. Но Аммореевъ задумали заградить ходъ Израилю. За это Еврейскій народъ, подъ предводительствомъ Моисея, истребилъ всѣхъ ихъ, со всѣми женами и дѣтьми (1).

Сосѣдніе народы, Моавиты и Мадіаниты испугались нашествія Израильтянъ на свою землю; но, не смѣя напасть на нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, они хотѣли призвать на нихъ проклятіе неба. Впрочемъ напрасно они призвали для этого Балаама: онъ могъ только благословить народъ, противъ котораго призванъ былъ произнести анаему. Непонятная Балааму, особенная нравственная сила въ Евреяхъ не укрылась однакожъ и отъ самаго Балаама. Да, Евреи новаго поколѣнія, не смотря на свои великіе недостатки, имѣли эту силу, сообщаемую вѣрою въ божественныя обѣтованія. Чтобы погубить ихъ, нужно было отнять у нихъ и эту вѣру въ Иегову, которая дѣлала ихъ непобѣдимыми. По совѣтамъ Балаама, Моавиты и Мадіаниты задумали привлечь Евреевъ къ своему нечистому божеству — Ваалу при посредствѣ своихъ женщинъ. Въ этомъ они скоро успѣли.

Зараза поразила Евреевъ. Народъ раскаялся: окружая Моисея при дверяхъ Скинни, онъ оплакивалъ свое

(1) Числ. XXI.

развращеніе. Но были еще люди, которые даже въ эту минуту народнаго раскаянія осмѣливались предаваться всѣмъ своимъ развратнымъ инстинктамъ. Въ виду плакавшаго народа, нѣкто Зимрій, изъ колѣна Симеонова, провелъ въ свою палатку Лазву, дочь начальника мадіанитскаго. Недоставало только этого. Народъ вознегодовалъ. Внукъ Аарона, Финеесъ, тотчасъ же умертвилъ обоихъ виновныхъ. Мадіаниты вздумали отмстить за свою сестру. Моисей предвидѣлъ ихъ намѣренія и двѣнадцать тысячъ Израильтянъ атаковали ихъ, подъ предводительствомъ Финееса. Они истребили все мужское поколѣніе мадіанитянъ, а ихъ женъ и сиротъ привели съ собою. Видя пощаженныхъ женщинъ, которыя были причиною развращенія и наказанія Израильтянъ, Моисей, жестоко укоряя побѣдителей, приказалъ умертвить и этихъ беззащитныхъ. Оставлена была жизнь только двѣмъ (1).

Для того, чтобы Моисей принесъ въ жертву суровымъ требованіямъ своей религіозной и народнои миссиі эти слабыя существа, для которыхъ самая слабость должна бы служить защитою, — амморейскихъ и мадіанитскихъ женъ и дѣтей, — для этого нужно было, чтобы Моисей, нѣкогда покровитель угнетенныхъ, защитникъ дочерей Іофора, испыталъ всю пзмѣчивость характера Израіля, всѣ его возмущенія противъ Іеговы, такъ чудно ведшаго его сквозъ пустыню, чтобъ онъ слишкомъ опасался возвращенія подобныхъ тяжелыхъ паденій избраннаго народа Вожія!

Свящ. Еустодіевъ.

(1) Числ. XXIV. XXV. XXXI.

Христ. Чт. № 1.

ВОПРОСЪ

О СОЕДИНЕНІИ ЦЕРКВЕЙ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ (ВЪ ПЕРВЫЙ ЕГО ПЕРІОДЪ) НА ГРЕЧЕСКОМЪ ВОСТОКЪ И ЛАТИНСКОМЪ ЗАПАДЪ (1053—1453).

(Продолженіе).

Съ Григоріемъ X начинается новый и самый важный періодъ Лионской уніи. Дѣло идетъ быстро, безостановочно. Съ 1272 г. опять начались прерванные въ 1267 году открытыя, непосредственныя сношенія съ Римомъ и начались съ того, на чемъ остановились, именно съ исповѣданія вѣры, посланнаго въ Константинополь Климентомъ IV. Первый началъ сношенія самъ новоизбранный папа Григорій X, сильно заинтересованный дѣлами Востока, плачевнымъ положеніемъ Палестины, бывший тамъ въ то время, какъ заочно избрали его на папскій престолъ въ Римѣ, смотрѣвшій на Константинополь, какъ на оплотъ для Христіанскихъ владѣній въ Палестинѣ и потому, въ видахъ внѣшняго соединенія всѣхъ, и восточныхъ и западныхъ христіанъ противъ мусульманъ, предположившій себѣ во что бы то ни стало возстановить внутреннее, религиозное единеніе между право-

славнымъ востокомъ и латинскимъ западомъ. Еще съ дороги въ Римъ писалъ онъ Михаилу Палеологу о своемъ пламенномъ желаніи церковной уніи, убѣждалъ императора, если послѣдній расположенъ къ уніи, пользоваться обстоятельствами, доказывалъ, что теперь самый удобный случай осуществить мысль о соединеніи церквей. По прибытіи же въ Римъ, чрезъ четыре дня послѣ своего посвященія, Григорій уже объявлялъ будучю объ ишющемъ быть въ 1274 г. 1-го мая на вселенскомъ соборѣ въ Лионѣ разсужденіи по тремъ вопросамъ: по вопросу о схизмѣ грековъ, какъ онъ выражался, о жалкомъ состояніи св. Земли и объ умноженіи пороковъ и заблужденій въ церкви. Тогда же папа хотѣлъ было послать нунціевъ и письмо къ Михаилу Палеологу, звать православныхъ на соборъ и только кардиналы убѣдили его подождать до полученія императорскаго отвѣта на его письмо (1). Наконецъ посольство отъ М. Палеолога пришло и притомъ съ извѣстіемъ, что папу, возвращавшагося съ востока, ждали въ Константинополь и надѣялись, что присутствіе его будетъ очень важно въ отношеніи къ дѣлу уніи. Тогда Григорій рѣшился прямо предложить грекамъ унію и звать ихъ на Лионскій соборъ. Въ письмѣ своемъ къ императору Григорій напоминалъ М. Палеологу о посланномъ въ Константинополь папою Климентомъ IV образцѣ вѣры, требовалъ, чтобы единеніе устраивалось именно на основаніи этого образца, чтобы это условіе выполнено было прежде всѣхъ другихъ, настаивалъ, чтобы императоръ, если хочетъ продолжать переговоры и отправлять въ Римъ своихъ уполномоченныхъ, пред-

(1) Rayn. ad an. 1272 n. 21—25.

варительно представилъ отъ своего лица, отъ лица патриарха и знатнѣйшихъ епископовъ письменное съ рукоприкладствомъ удостовѣреніе, что онъ и епископы согласны признать Климентово исповѣданіе вѣры; отвергалъ необходимость предварительнаго собранія вселенскаго собора для изслѣдованія латинскихъ догматовъ и, если звалъ императора и епископовъ на Ліонскій соборъ, то спѣшилъ зашѣтить, что приглашаетъ ихъ не для догматическихъ разсужденій, а единственно для удостовѣренія въ ихъ подчиненіи римской церкви; въ награду за все это Григорій обнадёживалъ императора, что на предложенныхъ условіяхъ онъ хочетъ покончить войну Михаила съ королемъ сицилійскимъ. Въ томъ же тожъ писалъ папа и къ патриарху Іосифу (1). Въ то же время Григорій принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы предложенныя имъ императору условія были приняты послѣднимъ: не позволялъ венеціанцамъ возобновлять перемиріе съ Михаиломъ (2), написалъ ко всѣмъ европейскимъ королямъ и принцамъ, чтобы они имѣли въ готовности войска. Такимъ образомъ папа поставилъ императора въ совершенную невозможность дѣйствовать уклончиво. — Теперь Михаилу Палеологу оставалось или готовиться къ борьбѣ съ папою и съ возбужденнымъ имъ крестовымъ ополченіемъ, или открыто признать религіозную отъ него зависимость. Императоръ рѣшился на послѣднее (3) и притомъ твердо вознамѣ-

(1) *Вар. Annal.* 1272, п. 26 et seq. — 30. Просить же, между прочимъ патриарха прибыть съ подчиненнымъ ему духовенствомъ на вселенскій соборъ, имѣющій быть лѣтомъ 1274 года.

(2) *Вар.* 1272 п. 31.

(3) Впрочемъ только въ слѣдующемъ 1273 году отвѣчалъ онъ въ письмѣ Григорію X, отвѣчалъ полнымъ согласіемъ на всѣ предложенія папы. *Вар.* 1273 п. 44 et seq.

рился идти по избранному пути, ни мало от него не уклоняясь, не смущаясь никакими трудностями, какими бы они ни были. И онъ действительно остался вѣреть себя до конца. Онъ встрѣтился на пути къ своей цѣли съ неодолимыми преградами и не смущаясь вступилъ съ ними въ борьбу. Онъ испыталъ всевозможныя средства утвердить между греками унію; но ни его желѣзная воля, ни его замѣчательный умъ, не могли сдѣлать невозможнаго, то есть, не могли видоизмѣнить, преобразовать въ теченіи вѣковъ слагавшіяся убѣжденія, понятія, симпатіи, насильственно дать жизни иное теченіе, нежели по какому она шла доселѣ. Онъ былъ побѣжденъ, и въ могилу съ собою унесъ горькое сознание своего пораженія.—Итакъ, выслушавъ посольство отъ папы, императоръ рѣшился дѣйствовать въ пользу уніи и прежде всего дѣйствовать убѣжденіями. Когда не подѣйствовали на епископовъ убѣжденія папскаго легата Іоанна Парастрона, по происхожденію грека, какъ видно человѣка очень ловкаго, оказывавшаго необыкновенное благоговѣніе къ православному Богослуженію, предлагавшаго латинянамъ даже оставить прибавленіе къ символу, которое соблазняетъ братьевъ, очень много хлопотавшаго по дѣлу соединенія церквей; но получившаго на все свои старанія отвѣтъ, что его хлопоты о восстановленіи церковнаго мира конечно похвальны и полезны, но что причина соблазна не въ Греціи, а въ Италіи, что поэтому онъ долженъ напередъ „изгнать изъ послѣдней грѣхъ нововведенія въ символъ“,—послѣ всего этого императоръ рѣшился попробовать самъ лично убѣдить епископовъ къ миру. Онъ старался представить епископамъ воссоединеніе съ римскою церковію дѣломъ ничтожнымъ, имѣющимъ существовать только

номинально. Условія воссоединенія рекомендовалъ имъ, какъ самыя легкія: вотъ эти условія: православная церковь должна признать первенство папы, обращаться къ нему съ апелляціями и наконецъ поминать его въ молитвахъ при богослуженіи. Эти условія, по его словамъ, или сами въ себѣ чистая форма, или по своей неудобноисполнимости должны непремѣнно обратиться въ формальность. Съ цѣлію убѣдить епископовъ во всемъ этомъ, М. Палеологъ призвалъ ихъ разъ къ себѣ. Когда съѣхались къ нему патріархъ, епископы и нѣкоторые изъ клира, онъ съ жаромъ началъ излагать доводы въ пользу униі, съ одной стороны „изображая ужасы войны, представляя тогдашнія обстоятельства до крайности опасными“, съ другой — выставляя имъ на видъ ничтожность требованій папы, незначительность той цѣны, которою покупается избавленіе отъ серьезныхъ опасностей. Онъ доказывалъ, что возглашеніе папскаго имени при богослуженіи вовсе не составляетъ чего либо важнаго, что это знакъ только церковнаго общенія и ничуть не противно каноническимъ постановленіямъ. Далѣе, онъ старался убѣдить епископовъ, что они совершенно неосновательно избѣгаютъ называть папу братомъ и первымъ братомъ; когда даже Евангельскій Лазарь не усумнился назвать отцемъ Авраама, отъ котораго отдѣленъ былъ глубокою бездною. Право апелляціи къ папѣ называлъ дѣломъ совершенно непримѣнимымъ на практикѣ по причинѣ большаго разстоянія между Константинополемъ и Римомъ. Наконецъ доказывалъ, что въ важнѣйшихъ членахъ вѣры православные совершенно согласны съ латинянами, что вся разность между ними заключается въ названіяхъ, въ языкѣ, что изъ за одной прибавки къ символу

нельзя же латинянъ называть нечестивыми и гнушаться ими, что такъ смотрѣли на нихъ и во времена Іоанна Дуки Ватагиса и требовали отъ латинянъ только отреченія отъ прибавки къ символу (1). Противъ такого поверхностнаго взгляда на разности, отдѣляющія православныхъ отъ латинянъ и на папскія притязанія Хартофилаксъ, знаменитый Іоаннъ Веккъ, преодолевъ свою нерѣзительность и опасеніе раздражить императора, принужденъ былъ, по приназанію патріарха, высказать отъ лица всего собора православный, народный, раздѣляемый всею іерархіею взглядъ на латинянъ и называть ихъ прямо еретиками. Онъ сказалъ, что хотя латиняне и не называются еретиками, но на самомъ дѣлѣ еретики (2). Но эта неудача, раздраживъ императора, ни сколько не отклонила его отъ предположенной цѣли. Около него уже въ это время начала образоваться небольшая партія приверженцевъ уніи; къ нему примкнули: архидіаконъ Мелитионъ и Метохитъ и протоапостоларій Георгій Кипрскій. Съ ними то вмѣстѣ началъ дѣйствовать теперь императоръ. Не смотря на ходатайство патріарха, заключивъ Векка въ темницу, императоръ, вмѣстѣ съ своими единомышленниками, отъ устныхъ убѣжденій обратился къ литературнымъ: съ помощію архидіакона и протоапостоларія составилъ ученый трактатъ, исторически доказывавшій православіе латинянъ, императоръ потребовалъ отвѣта на него отъ патріарха и епископовъ,

(1) Хотя, какъ имъ видѣли, требовалъ этого одинъ только Ватагисъ, уступая латинянамъ употребленіе опрѣсеновъ и предлагая т. обр. и той и другой сторонѣ по уступкѣ. Епископы, какъ имъ знаемъ, совершенно отвергли сдѣлку съ латинянами, какую предлагалъ Ватагисъ.

(2) Виз. ист. Пахия. стр. 339—346.

думая, что теперь безъ Векка епископы опажутся совершенно несостоятельными. Но онъ обманулся въ своемъ ожиданіи: „Все, что было лучшаго между монахами и учеными“, сгруппировалось теперь вокругъ патриарха и собора епископовъ; соавтаны были все, кто стоялъ на сторонѣ православныхъ, „отборные люди изъ всей Церкви“, въ томъ числѣ и родная сестра императора Евлогія. Теперь представители православія поняли угрожающую имъ опасность. Въ короткое время общими силами составленъ былъ отвѣтъ царю, обнаружившій, что, и лишившись ученаго Векка, православные смогли справиться съ хитрыми доводами императора и его сторонниковъ. Но послѣдніе и послѣ этого случая не оставили своего намѣренія; они составили новый смѣлый планъ; они рѣшились увлечь на свою сторону главу и опору православныхъ, самого Векка, томившагося въ темницѣ. Императоръ началъ дѣйствовать на него и страхомъ и убѣжденіемъ; бросивъ вмѣстѣ съ Веккомъ въ тюрьму всѣхъ его родственниковъ, императоръ вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ давать Векку сочиненія защитниковъ единенія съ латинянами, особенно Блеммида (1), доставлялъ ему возможность изслѣдывать подлинность приводимыхъ въ пользу латинянъ свидѣтельствъ и наконецъ такимъ путемъ поколебалъ этого защитника православія, не чуждаго политическихъ расчетовъ, во многомъ сходнаго съ ловкимъ придворнымъ, хотя довольно честнаго, человѣка съ харак-

(1) Два сочиненія, имѣющія одно заглавіе: „de processione Spiritus sancti.“ Allatii Graec. Orth. t. 1. Блеммидъ доказывалъ въ этихъ сочиненіяхъ, что если греческіе отцы, говоря объ исхожденіи Св. Духа, прямо не употребляютъ формулу: изъ Сына, то обыкновенная формула ихъ чрезъ Сына всегда употреблялась ими въ смыслѣ однозначущей съ формулой изъ Сына.

теромъ гибкимъ, уклончивымъ, способнымъ, стало быть, на сдѣлки, наконецъ, что всего важнѣе, человека, не имѣвшаго подъ своими ногами твердой почвы, неспособнаго, какъ народъ, инстинктивно чувствовать всю невозможность единенія съ латинянами и не возвысившагося въ то же время до философско-историческаго пониманія разностей между Востокомъ и Западомъ въ религиозномъ отношеніи, а стоявшаго на зыбкой и удободвижимой почвѣ діалектики и софистики хотя и знаменитаго по тому времени ученаго (1). Но если важна была побѣда приверженцевъ униі, если дѣла ихъ пошли теперь счастливѣе прежняго, то не дремала и противная партія. Она сдѣлала весьма важный рѣшительный шагъ. Патріархъ, по предложенію монаха, Іова Іасита, рѣшился написать окружное посланіе и разослать его во все мѣста константинопольскаго патріархата съ клятвою, что патріархъ никогда не согласится на дѣло, задуманное императоромъ и Веккомъ. Это сдѣлано съ цѣлію, чтобы народъ не вѣрилъ, будто патріархъ ослабѣваетъ. Прежде, чѣмъ отправлено было это посланіе, оно торжественно было прочитано въ собраніи архіереевъ и клира; предложенъ былъ имъ вопросъ, устоятъ ли они въ томъ, что положено въ посланіи; полученъ общій утвердительный отвѣтъ и въ заключеніе отобраны отъ епископовъ собственноручныя подписи; только не многіе епископы не подписались подъ это посланіе. Такимъ образомъ іерархія сдѣлала рѣшительный шагъ; она связала сама себя клятвою; теперь даже слабому патріарху Іосифу нельзя уже было воротиться назадъ (2).

(1) Подтвердить фактами нашу характеристику Векка мы постараемся ниже, въ заключеніе своего обзорнаго Ліонскаго униі.

(2) Пахм. стр. 351.—

Не смотря однакожь на такой публичный протестъ представителей церкви противъ замышлявшейся унии и на малочисленность своихъ приверженцевъ, императоръ, ободренный своею побѣдою надъ Веккомъ, понуждаемый успѣхами Карлова оружія (едва сдерживаемаго папою), равно какъ приближеніемъ времени, назначеннаго для собора въ Лионѣ, рѣшился отправить на западъ своихъ уполномоченныхъ (1). Твердо увѣренный, что дѣласть рѣшительный шагъ, императоръ однакожь показывалъ видъ будто единеніе съ латинянами дѣло еще сомнительное. Онъ представлялъ патріарху, что этотъ послѣдній, связавшій себя клятвою, оставитъ патріархію, если единеніе состоится съ латинянами, въ противномъ же случаѣ удержитъ за собою патріаршую кафедру, а пока, въ ожиданіи чѣмъ кончится дѣло, будетъ проживать въ Перивлентской обители, будетъ пользоваться приличнымъ его достоинству содержаніемъ, даже имя его по обыкновенію будетъ провозглашаемо въ молитвахъ. Предложеніе императора было принято Іосифомъ. Такимъ образомъ М. Палеологъ сразу достигалъ двухъ цѣлей, и успокоивалъ нѣсколько епископовъ, и лишалъ ихъ средоточія, вокругъ котораго они группировались. Удаливъ патріарха и надѣясь легко справиться съ епископами, императоръ приступилъ къ составленію посольства. Со стороны іерархіи онъ назначилъ Германа, бывшаго прежде цареградскимъ патріархомъ, Теофана, митрополита никейскаго и съ ними нѣсколько клири-

(1) Письмо Палеолога къ папѣ заключается уведомленіемъ о скоромъ отбытіи его пословъ на предполагаемый вселенскій соборъ. Вауп. 1273 г. п. 44 sq. На это письмо папа отвѣчалъ Михаилу изъявленіемъ глубокой радости, но не скрывалъ и чувства недовѣрія къ искренности миролюбивыхъ стремленій Палеолога. Вауп. 1273 г. п. 50.

конь, съ своей же стороны—великаго логовста Георгія Акрополита, Протовестіарія Паварета и главнаго переводчика Верріота. Граматы, которыми императоръ снабдилъ своихъ пословъ, содержали слѣдующее: въ императорской папа титуловался первымъ (Государемъ) Первосвященникомъ, вселенскимъ Папою и отцемъ всѣхъ христіанъ; за тѣмъ въ письмѣ сполна отъ слова до слова повторено было исповѣданіе вѣры Климента IV; но при этомъ императоръ просилъ папу, чтобы послѣдній дозволилъ греческой церкви сохранить символъ безъ прибавленія и удержать всѣ обряды, бывшіе до раздѣленія, не противныя древнимъ церковнымъ и отеческимъ постановленіямъ (1). Въ граматѣ, написанной отъ лица 26-ти митрополитовъ, подчиненныхъ имъ епископовъ и константинопольскаго епископа (2), въ граматѣ (3), составленной очевидно кѣмъ нибудь изъ императорской партіи совершенно безъ вѣдома епископовъ, говорилось, въ весьма впрочемъ слабыхъ выраженіяхъ, о покорности іерархіи папѣ и упорствѣ патріарха, удалившагося по этому поводу въ монастырь, наконецъ о томъ, что епископы изберутъ новаго патріарха, если Іосифъ останется при своемъ прежнемъ мнѣніи. Не смотря на большую подозрительность епископской граматы, императоръ успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, благодаря удачному выбору своихъ пословъ, благодаря преданности его видамъ и уступчивости бывшаго патріарха Германа и митрополита ни-

(1) Sacros. Cons. Grossart. t. XI p. 961.

(2) Подписи имѣли слѣдующій видъ: Митрополитъ Евесскій съ своимъ соборомъ, митрополитъ Аенскій съ своимъ соборомъ и т. д. безъ означенія именъ митрополитовъ и подчиненныхъ имъ епископовъ. Пахим. нн. 6 гл. 17.

(3) Sacr. Cons. Grossart p. 968.

кейскаго. На четвертомъ торжественномъ засѣданіи Ліонскаго собора (1), 6 іюля 1274 г., послѣ торжественной папской рѣчи, въ которой Григорій объявилъ, что греки, свободно и безъ всякихъ временныхъ расчетовъ, покорились апостольской наведрѣ, а теперь явились засвидѣтельствовать ему покорность въ его присутствіи, по прочтеніи грамотъ императорской и епископской, принесена была отъ лица императора великимъ логоетомъ Георгіемъ присяга папѣ; въ ней логоетъ за императора отрекался отъ мнимой схизмы и признавалъ верховное главенство папы. Папа умилился: во время слѣдовавшаго за присягою пѣнія „Тебе Бога хвалимъ“ стоялъ безъ митры и проливалъ слезы. Послѣ „Тебе Бога хвалимъ“ и послѣ папской торжественной рѣчи папою и латинянами проиѣтъ былъ символъ на латинскомъ языкѣ, а патриархомъ Германомъ на греческомъ, съ прибавленіемъ „и отъ Сына“ и съ двукратнымъ повтореніемъ этого прибавленія (2). Такъ кончилось четвертое засѣданіе ліонскаго собора и, по видимому, такъ легко безъ всякихъ споровъ и разсужденій, совершилось воссоединеніе церквей. Папа торжествовалъ; въ письмахъ къ императору, сыну его Андронику и еписко-

(1) Ліонскій соборъ, состоявшій изъ 6 засѣданій, открытъ былъ еще до прибытія грековъ. Первое его засѣданіе было 7 мая, второе 18 мая, третье 7 іюня. Только къ четвертому засѣданію прибыли греки, отиравшіеся изъ Константинополя въ началѣ марта того же года и взявшіе въ Ліонѣ 24 іюня. Еще до соборнаго засѣданія греки выражали свою готовность подчиниться безусловно папѣ. Такъ 29 іюня, въ день Петра и Павла, во время совершенія литургіи папою, Патриархъ Германъ съ греческимъ архіеп. Калабріи и двумя папскими духовными, знающими по гречески, пѣлъ на греческомъ языкѣ символъ и при этомъ три раза повторилъ членъ вѣры о Св. Духѣ съ прибавленіемъ „и отъ Сына“. Тогда же патриархъ вмѣстѣ съ другими греками пѣлъ похвальные стихи въ честь папы.

(2) Cons. Drossart. p. 957 et sq.

памь выражалъ сильную радость; императора просить уничтожить въ имперіи остатки ереси, епископамъ приказывалъ извергнуть изъ нихъ стада всѣхъ больныхъ овецъ и поддерживать императора въ его добромъ настроеніи; наследнику престола, Андронику, рекомендовалъ во всемъ слѣдовать примѣру своего отца (1). Не забылъ и условій единенія, предложенныхъ ему императоромъ, послалъ аббата монтекассинскаго въ Сицилію хлопотать о примиреніи Карла съ византийскимъ императоромъ (2). По формѣ, офенціально, казалось все сдѣлано для воссоединенія церквей; но только по формѣ.

Съ возвращеніемъ пословъ съ собора и даже ранѣе, еще за нѣсколько времени до ихъ отправленія въ Ліонъ, наступилъ новый періодъ Ліонской уніи, періодъ дѣятельныхъ насильственныхъ мѣръ къ утвержденію уніи и постоянного противъ нея протеста православныхъ. До сихъ поръ дѣло касалось главнымъ образомъ переговоровъ на словахъ и перышки на бумагѣ, и потому хотя встрѣчало себѣ много сопротивленія, но все же шло впередъ. „До сихъ поръ, замѣчаетъ Пахимеръ, дѣла находились еще въ спокойномъ состояніи; обезпечены были только лица, стоявшія во главѣ управленія“ (3). До сихъ поръ императоръ и партія его приверженцевъ дѣйствовали очень хитро, довольно умѣренно и потому довольно успѣшно, хотя и встрѣчали себѣ отпоръ на каждомъ шагѣ; противная же партія дѣйствовала болѣе или менѣе уклончиво. Теперь наступило время слова обращать въ дѣла, дѣйствовать прямо, рѣ-

(1) Раул. 1274 г. 19. 20.

(2) Ibid.

(3) Пахим. стр. 354.

нительно, а потому и встрѣчать вездѣ неудачи, лицомъ къ лицу встрѣтиться съ народнымъ волненіемъ, смутить миръ всей Церкви. Уже вскорѣ послѣ отправленія пословъ на соборъ, или, какъ нѣкоторые думаютъ (1), за нѣсколько времени до ихъ отправленія, императору пришлось разубѣдиться въ своей надеждѣ мирнымъ путемъ, убѣжденіями склонить епископовъ на свою сторону. Не дѣйствовали на епископовъ ни ученые доводы Векка, ни почерпнутыя изъ житейскаго благоразумія убѣжденія императора. Епископы прямо высказали императору, что, *хотя бы дѣло соединенія пошло и успешно, они не примутъ его*. Кромѣ того они расторгли общеніе съ епископами, принявшими сторону императора, поносили и самого императора; по крайней мѣрѣ послѣдній укорялъ ихъ въ томъ. Еще разъ попробовалъ М. Палеологъ убѣдить епископовъ мирнымъ путемъ, ласками и различнаго рода представленіями. Такъ, однажды, пригласивъ ихъ къ себѣ и принявъ очень почтительно, онъ жаловался, что они, изъ за такихъ ничтожныхъ и на практикѣ не имѣющихъ никакого значенія вещей, какъ признаніе первенства папы и пр., отворачиваются отъ приверженцевъ уніи и проклинаютъ его самого, убѣждалъ ихъ, что пора чистосердечно окончить эти обоюдныя непріятности, что онъ нуждается въ ихъ совѣтѣ при своемъ настоящемъ затруднительномъ положеніи и, въ заключеніе, просилъ епископовъ безпристрастно и откровенно высказать, какъ они ду-

(1) Такъ думаетъ авторъ статей о Лионской уніи въ l'Union Chretienne (1861 г., № 25), хотя изъ словъ Пахиера скорѣе можно заключить, что все описываемое ниже случилось уже послѣ отправленія пословъ; да и самъ Пахиеръ говоритъ объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве прежде, чѣмъ о жестокостяхъ М. Палеолога, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь.

мають объ уніи съ папою. Но оны получили отъ епископовъ очень неудовлетворительный отвѣтъ. Отрицая, какъ клевету, будто они проклинали императора и его единомышленниковъ, епископы совершенно отказались сказать сообщая что яибудь рѣшительное императору, подѣ тѣмъ предлогомъ, что соборныхъ рѣшеній они не могутъ полагать безъ патріарха; соглашались впрочемъ по одиначѣ высказать личныя свои мнѣнія по занимавшему императора вопросу. Не отрадиже прежняго открылось предъ М. Палеологомъ положеніе дѣлъ, когда епископы по одиначѣ стали высказывать свои мнѣнія: одни прямо отвергали всѣ три пункта, всѣ три условія, на которыхъ предполагалось устроить соединеніе съ латинянами; другіе признавали за папою первенство и право апелляціи, но не соглашались допустить провозглашеніе папскаго имени при богослуженіи, потому что это, по ихъ понятію, значило бы, будто они принимаютъ папу въ церковное общеніе (1). Въ заключеніе императоръ долженъ былъ выслушать глубокую и горькую для себя истину: „Ксенолантъ, занимавшій должность великаго эконома, надѣясь на свою близость къ царю и на старость, всталъ и, касаясь колѣнъ царя, началъ умолять его, чтобы оны излишними усиліями избавиться отъ вѣшной войны не возбудилъ внутренней между ними самими; *вѣдь никогда не прижиритъ тебѣ вслѣдъ*, говорилъ оны, хотя бы насъ и удалось склонить къ миру (2). Императоръ, послѣ этого разго-

(1) А главнымъ образомъ, вѣроятно, потому что боялись народа, отъ котораго можно было скрыть призваніе за папою первенства и права апелляцій, но нельзя было, не возмутить народа, поминать папу публично за богослуженіемъ.

(2) Папки. стр. 359.

вера съ епископами не наставлявшій было на своемъ нѣскольکو времени, но скоро узнавшій, что дѣла церковныя приходятъ въ замѣшательство, что „одинъ не принимаетъ въ общеніе другаго, оставшія непреклонныи чуждаются того, кто склонился къ единенію“, рѣшился теперь испытать, не приведутъ ли его къ цѣли мѣры насильственныя. Отобравъ подписи отъ тѣхъ лицъ, которые держались его стороны, онъ объявилъ, что наибрень наказать своихъ недоброжелателей. Тотчасъ же императорская гвардія разсѣялась по домамъ лицъ, противившихся униі: началась опись всего ихъ имѣнія ⁽¹⁾, а сами они обвинены въ оскорбленіи величества. Приготовлены были суда для отправленія ихъ въ ссылку и многіе дѣйствительно сосланы были тогда въ заточеніе; нѣкоторые даже добровольно удалились изъ столицы; на другихъ же всѣ эти мѣры произвели такое сильное впечатлѣніе, что они успѣли отказаться отъ своихъ убѣжденій и потому, не успѣвъ еще выѣхать изъ пристани, были возвращены. Въ то же время императоръ на осмѣлившихся ему противорѣчить старался произвести впечатлѣніе страшными и позорными казнями надъ риторомъ Оловономъ и Іоанномъ Меліемъ, замѣнившимъ для православныхъ Векка, надъ племянницею Іаснта и еще надъ нѣсколькими лицами. Онъ приказалъ, избивъ и обвѣшавъ ихъ внутренностями животныхъ, водить ихъ въ торжественной процессіи по городу, „оноло же церкви подвергать еще большему без-

(1) Подъ тѣмъ предлогомъ, что императоръ, какъ завоеватель Константинополя, есть владѣтель всѣхъ домовъ въ городѣ, а потому какъ свою собственность разить ихъ своихъ приверженцамъ; у своихъ же противниковъ напротивъ онъ отнимаетъ ихъ, требуя вдобавокъ у послѣднихъ уплаты за все то время, какое пресидя они въ своихъ домахъ.

честію, угрожая чрезъ это духовнымъ лицамъ и наводя на нихъ страхъ“ (1). Такими мѣрами императоръ дѣйствительно на время какъ будто и достигъ своей цѣли; навелъ ужасъ на всѣхъ жителей Константинополя. Напрасно духовенство обращалось къ нему съ просьбами „водворить въ городъ спокойствіе, пока не возвратятся изъ Рима послы“ (2)“. Императоръ ничего не слушалъ и грозилъ самимъ ходатаямъ казнію и обвиненіемъ въ оскорбленіи величества. Но когда отъ всѣхъ этихъ ужасовъ нѣкоторые начали искать спасенія въ бѣгствѣ, императоръ наконецъ понялъ, что онъ зашелъ уже слишкомъ далеко и успѣшнѣе успокоить всеобщее волненіе официальнымъ, торжественнымъ объявленіемъ, золотоу буллою, въ которой, подъ самыми страшными клятвами, увѣрялъ, что онъ не хочетъ ни одной іоты прибавить къ символу и вообще дѣлать какія бы то ни было измѣненія въ вѣрѣ или обрядахъ, а *требуетъ только согласія своихъ подданныхъ на три пункта*, на признаніе первенства папы, права апелляцій къ нему и возглашенія имени его въ молитвахъ, да и то лишь *на славу, для цѣлей политическихъ*. Обезпеченные этою грамотою, архіереи подписались подъ предложенными условіями, сперва нѣкоторые, а потомъ, послѣ того, какъ остальные испытали сосылку, и всѣ, такъ что замѣчаетъ Пахимеръ: „никто изъ принадлежащихъ къ клиру не остался теперъ въ изгнаніи“ (3)“. — Но всѣ эти трудности, какія нужно было преодолѣть императору, въ промежутокъ времени отъ удаленія пословъ на соборъ

(1) Пахим. стр. 360—363.

(2) Тамъ же, стр. 361. Стало быть это было въ то уже время, когда послы отправились на соборъ.

(3) Пахим. стр. 365.

Христ. Чт. № 1.

до ихъ возвращенія, были только предвѣстниками еще большихъ трудностей, какия ему суждено было встрѣтить на пути къ своей цѣли по возвращеніи пословъ съ Ліонскаго собора. Когда, наконецъ, греческіе послы, одаренные митрами и перстнями отъ папы, обласканные имъ, осенью того же 1274 года возвратились въ Константинополь, когда 9 января 1275 г. прекращено было поминовеніе прежняго патріарха Іосифа и вскорѣ за тѣмъ, 16 января того же года въ праздникъ Петра и Павла, во время литургіи, совершаемой Николаемъ, епископомъ халкидонскимъ, „въ присутствіи папскихъ легатовъ и императора торжественно прочтаны были Евангеліе и Апостолъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ и провозглашено было имя папы съ титуломъ верховнаго архіерея апостольской церкви и вселенскаго папы (1), когда такимъ образомъ не оставалось уже никакого сомнѣнія, что унія дѣйствительно состоялась, тогда-то начались самыя смутныя времена для православной греческой Церкви. Никто не былъ доволенъ униєю; никто ей не сочувствовалъ, исключая Векка, поставленнаго на мѣсто Іосифа патріархомъ, и нѣсколькихъ лицъ, преданныхъ политическимъ соображеніямъ и угождавшихъ императору. Но недовольство и несогласіе не сплотило всѣхъ въ одну массу. Напротивъ явилось множество недоразумѣній между самыми противниками унии, явились между ними, какъ обыкновенно это бываетъ, партіи, стороны (2). Тогда явились,

(1) Пах. мн. 5 гл. 22.

(2) Вотъ какъ изображаетъ Пахимерь состояніе греческой церкви въ слѣдъ за возвращеніемъ пословъ съ Ліонскаго собора: „съ того времени церковныя дѣла пришли въ совершенное замишательство; люди начали чуждаться другъ друга и между тѣмъ, какъ одни желали общенія въ общественныхъ собраніяхъ, другіе говорили: не прикасайся, ниже осяжи,—и отчужденіе простиралось до того, что не хотѣли ни изъ одной

какъ видно изъ исторіи Пахимера, три класса людей, три партіи. Партія императорская, ничтожная по числу (1); это партія прямыхъ защитниковъ уніи. Затѣмъ партія народная, предводителями которой были иноки; она была партією крайнихъ противниковъ уніи. Наконецъ партія средняя между двумя первыми; во главѣ ея стояли епископы и вообще духовенство. Къ этой послѣдней принадлежали слѣдующія лица. Многіе, не примирясь ни за что внутренно съ унією, мирились однако же съ нею наружно, извиняя себя въ лицемѣрніи обстоятельствами времени, будучи поставлены лицомъ къ лицу съ беспощадною жестокостію и изумительною настойчивостію императора. Такихъ было разумѣется очень много; противъ нихъ сильно востаетъ во многихъ мѣстахъ своей исторіи Пахимерь. Главами ихъ были епископъ ефесскій и епископъ аѳонскій Мелетій. „Сначала епископы, по словамъ Пахимера, терпѣли сильныя притѣсненія за несогласіе принять церковный миръ, пока не принуждены были подчиниться волѣ царя и не показали вида, будто согласны на единеніе, врачуя свою совѣсть не писаніями, а тѣмъ, что согласіе приносило тогда церкви много пользы со стороны политики“ (2)... Эти лица „принимавшіе миръ, къ своему исповѣданію

посуды пить, ни выстъ разговаривать. Раздѣленіе увеличивалось съ каждымъ днемъ; съ кѣмъ кто сходился вчера, отъ того отворачивался сегодня.... Тѣ самые люди, которые одинаково несогласны были со всякою другою партією, разногласилъ еще и между собою, и способствовали умноженію раздѣленій; одни такъ, другіе иначе, *одни просто, другіе съ большою равеностію*“. Пах. стр. 369—370.

(1) По словамъ Пахимера, эту партію составляли, кромѣ императора и патріарха, только нѣсколько приближенныхъ къ нимъ лицъ: „кромѣ одного царя и патріарха, да нѣкоторые приближенные къ нимъ лица, говоритъ Пахимерь, все остальные отвергли миръ“. Стр. 467.

(2) Государственнаго домостроительства (*каі оікоνομία*). Пахим., стр. 364.

прибавляли слѣдующія слова: если они грѣшатъ, то грѣхъ ихъ пусть падеть на того, кто разсматривалъ основанія этого дѣла и священная клятва пусть обрушится на отступниковъ, которые ручались за его истинность“ (1). Но гораздо болѣе было людей другого рода. Многие крѣпко держались своихъ убѣжденій, за что и принуждены были страдать или спасаться бѣгствомъ. Не мало было такихъ людей, по свидѣтельству Пахимера, между знатными лицами; особенно много такихъ было между иноками и между простымъ народомъ. Толпы несогласавшихся съ императоромъ разсѣялись по Пелопонезу, Ахаіи, Фессалоникѣ и Колхидѣ. Во владѣнія главнымъ образомъ деспотовъ эпирскаго и трапезунтскаго устремились тѣ, кому дорога была вѣра отцевъ и которыхъ совѣсть не могла идти въ сдѣлку съ обстоятельствами. Это были большею частію иноки (2) и простой народъ (3). Но когда въ послѣдствіи времени во имя православія, руководясь при этомъ главнымъ образомъ династическими интересами, дуксъ патрасскій Іоаннъ и братъ его, деспотъ Никифоръ, подняли оружіе противъ М. Палеолога, называя папу, императора, патріарха и всѣхъ повиновавшихся папѣ еретиками; тогда открылось, какъ мало сочувствуютъ императору изъ за религіозныхъ его убѣжденій люди самые къ нему близкіе, даже его родственники; тогда на сторону яв-

(1) Пахимерь стр. 443.

(2) Тяжъ у дукса патрасскаго собралось около 100 иноковъ, много аввъ и 8 епископовъ, которые и держали соборъ противъ уніатовъ. Рауп. 1278 п. 13. 14.

(3) „Большая часть, говорить объ этихъ бѣглецахъ Григора, люди, не имѣющіе здраваго смысла, чернь и торговый людъ.... разсѣялись вездѣ по вселенной, гдѣ только надѣялись имѣть христіанъ, я разувью по Пелопонезу, Ахаіи, Фессалоникѣ, Колхидѣ и вообще по тѣмъ мѣстамъ, куда не простиралась власть царя“. Стр. 121.

ныхъ противниковъ: уніи перешли и пострадали за это лица очень значныя (1). Вотъ три класса людей, различно относившихся къ вопросу объ уніи. Изъ ихъ взаимныхъ отношеній и изъ ихъ борьбы между собой вытекли всѣ послѣдующія событія. Всѣ три стороны стали въ болѣе или менѣе ненормальное положеніе и дѣло очень запуталось. Императоръ и его партія общалась православнымъ одво, а латинянамъ другое; первыхъ увѣряла въ непркосновенности всего православнаго, требуя отъ нихъ уступокъ только въ трехъ пунктахъ, и въ то же время подписывала полное латинское вѣроисповѣданіе, выражала всевозможную покорность предъ папою. Партія, оказывавшая наружно покорность императору, оффициально не противилась уніи, а между тѣмъ въ душѣ питала въ то же время отвращеніе какъ къ латинянамъ, такъ и къ императору съ его приверженцами. Наконецъ третья партія, рѣшительно противившаяся

(1) Когда на вооружившихся разумѣется не могла подѣйствовать церковная анагема Векка и папскихъ легатовъ, которую императоръ вздумалъ употребить противъ ихъ, и когда М. Палеологъ объявилъ имъ войну; тогда обнаружилось, что люди, которымъ поручалъ императора свои войска, оказались извѣнниками именно по религиознымъ побужденіямъ (Пахим, кн. 6 гл. 16—24. Вауп. 1278 п. 13. 14.). Когда ихъ спрашивали, почему они такъ поступили, они публично отвѣчали, что причиною такого ихъ поведенія была ненавистная для нихъ уніа; за что и были жестоко наказаны. Таковы были—Кантакузенъ, Іоаннъ Палеологъ, Іоаннъ Тарханіотъ, Калоіоаннъ Ласкарисъ, Исаакъ Рауль и др. „Многія знатныя женщины и близкія родственницы императора, какъ записано съ собственныхъ словъ М. Палеолога, приняли участие въ возмущеніи; одна изъ его сестеръ, двѣ племянницы, сноха вдова севастократора. Между тѣмъ эти арестанты (т. е. женщины и вышеупомянутые вельможи) находились въ связи со всеми придворными соперниками, такъ что еслибы императоръ захотѣлъ послать войска противъ неаріетовъ, онъ подвергнулся бы опасности быть оставленнымъ тѣми, кому онъ вѣрилъ команду“.—Вауп. 1277. п. 60. — Vadding. 1279. п. 2. 3. Hist. de l'Eglis. Fleury an. 1278, n. XXIII.

уни, ненавидѣла латинянъ, разорвала связь съ партией крайнихъ поборниковъ уни, не хотѣла имѣть общенія и съ невольными ея послѣдователями. Императоръ, впрочемъ, на первыхъ порахъ не слишкомъ много затруднился своимъ положеніемъ, рассчитывая на свою изворотливость, на свой даръ убѣжденія, болѣе же всего на силу матеріальную, которая давала ему, по видимому, средства заставить все себя повиноваться (1).

При такомъ положеніи дѣлъ понятно, каковы должны были установиться отношенія между М. Палеологомъ и папою. Императоръ естественно долженъ былъ теперь особенно сильно хлопотать о томъ, чтобы пока оффициальнымъ изъявленіемъ покорности папѣ прикрывать внутреннюю несостоятельность своего дѣла. Но и въ такомъ видѣ дѣла не могли долго оставаться; папа и латиняне должны были рано или поздно узнать всю призрачность мнимаго подчиненія греческой Церкви. Правда, обстоятельства сначала видимо покровительствовали М. Палеологу: папа Григорій X умеръ вскорѣ послѣ Ліонскаго собора (въ 1276 г.) въ увѣренности, что ему удалось подчинить себя греческую Церковь; послѣ него въ продолженіи одного года перемѣнилось нѣсколько папъ—Иннокентій V, Адрианъ V и Іоаннъ XXI; такимъ образомъ въ продолженіи двухъ лѣтъ М. Палеологъ могъ быть спокоенъ. Въ этотъ промежутокъ времени, съ легатами Иннокентія V (который тотчасъ же по вступленіи своемъ на папскій престолъ позабо-

(1) Мы не можемъ, да и объектъ нашего сочиненія не дозволяетъ намъ прослѣдить, какъ именно, подъ вліяніемъ какихъ частѣйшихъ обстоятельствъ ссорились эти партіи и какими дѣйствіями каждая изъ нихъ обнаружила себя на первыхъ порахъ. Мы просто представляемъ только то, что явилось; вопроса же, какъ явилось, мы считаемъ себя въ правѣ не рѣшать.

тисся отправить ихъ въ Константинополь) императоръ послалъ въ Римъ преданныхъ себѣ Теодора, митрополита кизическаго, архидіаконовъ Мелитиниота и Метохита. Послы императорскіе снабжены были письмами къ папѣ отъ императора и патріарха; въ этихъ письмахъ со стороны императора подтверждалось все, что отъ его лица утверждено было на Лионскомъ соборѣ великимъ догматомъ, а со стороны патріарха признавались всѣ права папы и всѣ догматы римской церкви (1). Папа писалъ папѣ, какъ покорѣннѣйшій его слуга и подданный. Послы императорскіе не застали уже на престолѣ Іоанна XXI, въ которому были посланы. Ихъ встрѣтилъ Николай III (1277 г.). Этотъ человекъ рѣшился наконецъ энергичнѣе взяться за дѣло; возвратившіеся изъ Константинополя легаты, конечно, раскрыли предъ нимъ истинное положеніе дѣлъ. Пахимерь говоритъ, что начали доходить до Рима не очень лестные для папы слухи, будто бы его жестоко обманули, будто сами греки говорятъ, что „миръ церкви чрезвычайно забавная шутка“ и т. п. Папа наконецъ понялъ, что нельзя оставить дѣло въ такомъ положеніи, что нельзя водиться одними надеждами на императора и его вліяніе, что пора уже потребовать на дѣлъ исполненія того, что обѣцано на словахъ. Чтобы лучше успѣть въ своемъ намѣреніи, Николай между прочимъ нарочно давалъ аудіенцію Карлу Анжуйскому въ присутствіи императорскихъ пословъ; дѣлалъ ихъ; такимъ образомъ, свидѣтелями тѣхъ домогательствъ, какія употреблялъ Карлъ при папскомъ дворѣ, чтобы получить отъ римскаго престола разрѣшеніе идти на Константинополь и той досады, какую

(1) Rayn. ad an. 1277. n. 27. 30. 34.

обнаруживалъ онъ, получая постоянно отказы въ своихъ просьбахъ (1), именно по той причинѣ, что греки теперь сыны церкви. Все это вѣроятно дѣлалось съ тѣмъ цѣлю, чтобы заставить послать какъ можно дороже оцѣнить союзъ съ римскою церковію. При такомъ положеніи дѣлъ Николай началъ дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ, хотя въ то же время приступилъ къ дѣлу съ соблюденіемъ большихъ предосторожностей. По тайной инструкціи, какую онъ далъ легатамъ, посланнымъ въ 1278 г. въ Константинополь, послѣдніе должны были поставить на видъ М. Палеологу, что патріархъ и другіе епископы еще не представили исповѣданія вѣры по формулѣ, данной римскою церковію; почему *императоръ, который утверждаетъ, будто все дѣло у нихъ зависитъ отъ него, долженъ принять въ этомъ случаѣ свои мѣры.* Вместе съ тѣмъ, въ силу этой инструкціи легаты должны были отъ патріарха, епископовъ и клира каждаго города и селенія потребовать *отдѣльно* исповѣданія вѣры по формулѣ, представленной въ письмѣ Григорія X къ императору. Легаты должны были также настаивать, чтобы православное духовенство, принявъ римское вѣроисповѣданіе безъ всякаго прибавленія и измѣненія, *утвердило его клятвою, не отговариваясь отъ послѣдней никакими обычаями; такъ какъ обычай, говорилъ инструкція, хотя бы и самый древній, теряетъ свою обязательность, какъ скоро онъ противенъ правамъ римской церкви.* Легатамъ приказывалось также обязать всѣхъ епископовъ и всѣхъ клириковъ не учить противно римской

(1) По свидѣтельству Пахиера, Карлъ бросалъ къ ногамъ папы; получая же отказы въ своихъ просьбахъ, грызъ въ досадѣ скипетръ, который держалъ въ рукахъ. Виз. Ист. Пахим. стр. 379.

церкви, проповѣдниковъ же заставлять вѣрно изъяснить народу ея ученіе. Мало того, для надзора за точнымъ исполненіемъ всѣхъ этихъ мѣръ, легаты по инструкціи сами лично должны были отправиться во всѣ болѣе важныя мѣста имперіи и здѣсь должны были лично отобрать отъ духовенства исповѣданія вѣры и клятвы въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Далѣе инструкція гласила, что просьба императора относительно чтенія символа безъ прибавленія не можетъ быть уважена; такъ какъ единству вѣры противно различіе вѣроисповѣданій и такъ какъ однокобразіе особенно требуется въ отношеніи къ символу, который очень часто читается при богослуженіи. За положительно выраженными пунктами въ инструкціи находились еще пункты, которые легаты должны были передать грекамъ въ видѣ вопросовъ, нерѣшительныхъ требованій. Палсміе легаты должны были спросить православныхъ епископовъ, почему они доселѣ не позаботились снять съ своей церкви опредѣленій противъ нея папъ и соборовъ западныхъ премныхъ временъ; также почему патріархъ и другіе епископы до возвращенія въ нѣдра римской церкви доселѣ не обратились къ ней съ просьбою утвердить ихъ въ ихъ церковныхъ степеняхъ. Отсюда легаты имѣли приказаніе осторожно перейти къ предложенію—не желаютъ ли греки имѣть въ Константинополѣ постоянного кардинала-легата. Легаты должны были испуно довести императора до того, чтобы онъ самъ письменно, испросилъ у папы постоянного уполномоченнаго представителя римскаго престола; прежде всего они должны были спросить императора, не осталось ли нахвѣтъ извѣстій относительно того, какъ легаты апостольскаго престола принимаемы были прежде въ Константинопо-

лѣ, какова была ихъ обстановка, содержаніе, свѣта и пр.; если не послѣдуетъ благопріятнаго отчета, объяснить императору, какіе существуютъ на западѣ обычаи и законы относительно кардиналъ-легатовъ, представить нѣсколько доводовъ въ пользу пребыванія въ Константинополѣ кардиналъ-легата, напримѣръ, что онъ можетъ уничтожить много зла, какъ духовнаго, такъ и матеріальнаго, поднять благосостояніе имперіи, еще, что если онъ будетъ посланъ по просьбѣ императора, то это будетъ доказательствомъ искренности союза греческой церкви съ римскою. О всемъ этомъ легаты, по инструкции, должны были представить императору и епископамъ постепенно, не вдругъ, чтобы не испугать многочисленностію требованій. Впрочемъ, внушая легатамъ, чтобы при исполненіи возложеннаго на нихъ порученія они избѣгали поводовъ къ разрыву съ греками, папа замѣчаетъ въ своей инструкции: „однако же наше желаніе во всякомъ случаѣ то, чтобы вы не слишкомъ легко смотрѣли на дѣла, какъ нѣкоторые до сихъ поръ это дѣлали, но чтобы вы старались проникнуть въ сокровенныя намѣренія грековъ и чтобы на всякій пунктъ вы получили отъ нихъ какой нибудь отвѣтъ, положительный или отрицательный, такъ чтобы съ вашимъ возвращеніемъ къ святому престолу можно было ясно понять, какъ нужно вести себя на будущее время“ (1). Теперь, по основательному соображенію противниковъ уніи, императоръ „долженъ былъ избрать одно изъ двухъ: или не согласиться на это (на требованія легатовъ) и такимъ образомъ расторгнуть миръ, или нарушить нѣчто изъ основныхъ положеній церкви и, сдѣлавъ

(1) Allat. de consens. p. 730.

еще большій грѣхъ, дать имъ (противникамъ уни) поводъ сараведливо избѣгать единенія съ нимъ, какъ съ явнымъ преступникомъ (')". Но М. Палеологъ былъ не такой человекъ, который бы не могъ вывернуться изъ какихъ бы то ни было трудныхъ обстоятельствъ. Возвративъ Векка, подвергшагося около этого времени его гнѣву за свое смѣлое поведеніе и удалившагося по этому случаю въ монастырь, — возвративъ его, какъ человека необходимаго при тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, М. Палеологъ рѣшился успокоить и ту и другую сторону, и легатовъ и епископовъ, доселѣ болѣе или менѣе подчинявшихся существующему порядку, но предъ такими требованіями папскихъ легатовъ долженствовавшихъ, какъ опасался императоръ, выдти наконецъ изъ терпѣнія. Онъ началъ съ послѣднихъ. Созвавъ къ себѣ архіереевъ и весь клиръ и принявъ ихъ особо, безъ мірянъ, онъ началъ увѣрять собраніе, что не допустить латинянъ привести въ исполненіе ихъ замыслы, хотя во всякомъ случаѣ считаетъ нужнымъ успокоить ихъ ласками и обѣщаніями; при этомъ просилъ только духовенство ему не препятствовать, оставаться спокойнымъ въ то время, какъ онъ будетъ дѣйствовать на папскихъ легатовъ. „Я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ и убѣдить васъ, чтобы вы, нечаянно услышавъ слова пословъ, не обезпокоились и опять не вдалились въ худыя относительно правительственной нашей дѣятельности подозрѣнія. Богъ свидѣтель, что изъ ученія нашей Церкви не будетъ упущено ни одной черты, или іоты: я самъ обещаюсь Вожественный символъ отцевъ держать какъ знамя и воевать за него не толь-

(') Папм. стр. 421.

бо съ итальянцами, но и со всякимъ народомъ, кото-
рый бы сталъ въ немъ сомнѣваться... Впрочемъ, рас-
порядиться дѣломъ такъ, чтобы пословъ отпустить съ
миромъ, въ этомъ ни съ моей стороны не будетъ ни-
чего преступнаго, ни съ вашей несправедливаго. Итакъ,
я хочу дружески обнять ихъ и благосклонно привѣт-
ствовать, чтобы въ противномъ случаѣ *не стунуть, какъ
испорятъ добычи...* Моя забота будетъ—отвѣчать имъ,
не назначая опредѣленнаго времени для совѣта (1)“.

Предварительное объясненіе императора съ духовен-
ствомъ оказалось дѣйствительно полезнымъ. Когда соб-
рались у патриарха архіереи и набранный клиръ и ког-
да туда же явились папскіе легаты, собраніе довольно
благосклонно выслушало папскія предложенія изъ устъ
ѣтихъ послѣднихъ. Вѣсть съ тѣмъ императоръ, желая
доказать легатамъ, что миръ церквей не шутка, при-
казалъ показать папскимъ посламъ томившихся въ тем-
ницахъ своихъ родственниковъ (протостратора Андро-
ника Палеолога, виночерпія Мануила Раули, брата его
Исаака и роднаго племянника протостратора Іоанна Па-
леолога). Послѣ того составлена была „защитительная
грамата къ папѣ Николаю III и скрѣплена многими
подписами не дѣйствительныхъ епископовъ, управлѣв-
вшихъ дѣйствительными епископіями, а рукою одного и
того же писца, хотя такъ, какъ будто бы скрѣпляли ее
многія священныя и важныя лица“. Въ упомянутой гра-
матѣ, содержащей исповѣданіе вѣры, по словамъ Па-
химера „приведены были многія“ мѣста изъ писаній
нашихъ отцовъ, въ которыхъ выраженіями: Духъ свя-
тый отъ Сына изливается, предлагается, дается, воз-

(1) Пахим. стр. 421—423.

сѣиваетъ, является и под. принятое у латинянъ слово „ислодить“ какъ бы совсѣмъ *закрывалось* и въ заключеніи было сказано, что несоглагошающихся на примиреніе мы подвергаемъ достойному наказанію“. Наконецъ императоръ вздумалъ оказать папѣ еще одинъ знакъ своей преданности дѣлу уніи; именно онъ приказалъ двухъ епископовъ Мелетія и Игнатія, противившихся его мѣрамъ, отправить вмѣстѣ съ папскими легатами къ папѣ, предоставивъ послѣднему этихъ людей въ полное распоряженіе (хотя папа, какъ послѣ оказалось, и не оцѣнилъ какъ должно этого новаго доказательства императорской ревности къ уніи; такъ какъ онъ отпустилъ Мелетія и Игнатія назадъ изъ опасенія, чтобы оскорбленіемъ этихъ лицъ не увеличить препятствій къ утверженію единенія между церквами). Это было въ 1279 году (1). Въ своемъ письмѣ къ Николаю III М. Палеологъ повторялъ только исповѣданіе вѣры Климента IV и клятву, данную отъ его имени на соборѣ Лионскомъ великимъ логоветомъ, но ничего не отвѣчалъ на новыя папскія требованія, даже ни слова не упоминалъ объ нихъ. То же и въ томъ же духѣ писалъ и наследникъ престола, Андроникъ. Пахимерьъ ничего не говоритъ о томъ, остались ли довольны легаты тѣмъ, что нашли въ Константинополѣ и какъ убѣдили ихъ ограничиться тѣми слабыми доказательствами подчиненія греческой Церкви римской, какія представилъ имъ М. Палеологъ; но изъ того, что римскій дворъ до 1281 г. оставался въ дружественныхъ отношеніяхъ (2)

(1) Пахим. стр. 420—426.—

(2) Мы даже видимъ, что вскорѣ папа заключаетъ секретный союзъ съ М. Палеологомъ и Петромъ, королемъ аррагонскимъ противъ Карла анжуйскаго.

къ императору и греческой церкви, нужно заключить, что легаты остались довольны положеніемъ дѣлъ въ Константинополѣ.

Между тѣмъ въ греческой церкви послѣ этого дѣла стали еще хуже. Теперь всѣ увидѣли, что унія ведетъ прямо къ латинству, что такая унія, о какой хлопочетъ императоръ, *дѣло не только недостойное, но и невозможное*. Очень многіе, еще болѣе чѣмъ прежде, стали непріязненно смотрѣть теперь на умѣренную партію, особенно на епископовъ, терпѣвшихъ унію изъ повиненія власти и политическихъ расчетовъ. „Многіе, по словамъ Пахиера, сильно отвращаясь отъ итальянцевъ стали гнушаться и нашими священными предметами и бросали ихъ то въ рывины, то въ рѣки, то на горы, какъ вещи, незаслуживающія никакого уваженія (1). Императоръ старался и этихъ людей склонить къ повиненію себѣ также, какъ не задолго предъ тѣмъ склонилъ къ тому епископовъ. Вотъ почему, собравъ у себя епископовъ, онъ пригласилъ къ себѣ и нѣкоторыхъ явныхъ противниковъ уніи. При этомъ укорялъ ихъ за то, что подъ видомъ благочестія они дошли до презрѣнія къ святынямъ; отдѣлившись отъ церкви, стали самовольно совершать у себя на дому то, что слѣдовало совершать только въ храмахъ. Но его рѣчь не произвела должнаго впечатлѣнія на присутствующихъ. „Всѣ молчали, наблюдая крайнюю осторожность, избѣгая высказывать свои мысли“, говорилъ одинъ императоръ (2).—Около этого времени оппозиція уніи достигла крайней степени. Дѣло уніи перешло наконецъ въ область литературы. Противъ латинянъ и общенія

(1) Пахам. стр. 429.

(2) Ibid. стр. 426—429.

отъ него стало появляться много сочиненій. Тогда Веккъ, долгое время молчавшій, вопреки своему обѣщанію не отвѣчать своимъ противникамъ, выступилъ наконецъ въ качествѣ защитника уніи путемъ литературнымъ (1). Все свое вниманіе при этомъ устремилъ онъ на одинъ пунктъ, на догматъ объ исхожденіи Св. Духа. Пользуясь трудами Вленинда и Никиты Маронейскаго, архіепископа вессалоникскаго, Веккъ старался и самъ собрать какъ можно болѣе выдержекъ изъ св. Писанія и твореній отеческихъ. Безъ разбора, какъ замѣчаетъ Пахимерь, пользовался онъ всѣмъ, что хотя мало шло къ дѣлу; преимущественно же опирался онъ на тѣхъ мѣстахъ изъ отеческихъ твореній, въ которыхъ говорится объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца *чрезъ Сына*. За тѣмъ на основаніи другихъ мѣстъ изъ отеческихъ твореній доказывалъ, что частица *διὰ*, *чрезъ*, замѣняется очень часто частицею *ἐκ* изъ, *отъ*, что эти предлоги безразлично употребляются одинъ вмѣсто другаго и, стало быть, когда говорится объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца *чрезъ Сына*, то вмѣстѣ съ тѣмъ говорится уже и объ исхожденіи Его изъ Сына, отъ Сына. „Такіе доводы, приводилъ патріархъ, говоритъ Пахимерь, доказывая, что посредствомъ Сына необходимо требуетъ частицы „чрезъ“ (*διὰ*), частица же „чрезъ“ допускаетъ итальянскую частицу „изъ“ (*ex*), потому что эти предлоги безразлично употребляются одинъ вмѣсто другаго (2). Итакъ для Векка вопросъ о соединеніи церквей, сьуживаясь все болѣе и болѣе, превратился нако-

(1) Сочиненія Векка собраны Львомъ Алляцемъ въ его сочиненія „Græc. Orthod“, t. I et II. Веккъ писалъ по Пахимеру пять (Пах. кн. 6, гл. 23), по Фабрицію шесть разсужденій о Святомъ Духѣ (Bibl. Græc. Alb. Fabricii p. 384).

(2) Пахим. стр. 446.

еще не болѣе, какъ въ вопросѣ о двухъ часищахъ. Патриархъ въ высшей степени увлекся полемикою; онъ утверждалъ, будто ему и жизнь не въ жизнь, если не докажетъ изъ писаній, что не бывшіе прежде съ латинянами въ общеніи находились въ заблужденіи (1). Онъ собиралъ соборы, писалъ сочиненія. Но его доводы не убѣждали никого, ни явныхъ противниковъ уніи, ни людей, наружно примирившихся съ нею; послѣднихъ сильно соблазнили сочиненія Векка, хотя *и не отследили*, по замѣчанію Пахимера, „отъ общенія съ людьми, общающимися въ значеніи Божественныхъ догматовъ (2).“ Вѣроятно отъ этихъ послѣднихъ стали наконецъ до императора доходить просьбы, чтобы онъ запретилъ толковать о догматахъ, какъ бы кто ни содержалъ ихъ. Догматическіе споры были такъ сильны, что волновали всѣхъ (3). Императоръ пробовалъ было заставить молчать противную сторону, оставивъ въ то же время за своими приверженцами право писать и высказывать свои доводы; но это конечно не принесло никакой пользы. Не болѣе убѣдили рѣшительныхъ и нерѣшительныхъ противниковъ уніи и новыя жестокости императора, которыми хотѣлъ онъ прекратить всеобщее волненіе и литературную полемику. Около 1280 года особенно усилились казни противниковъ уніи. М. Палеологъ, все больше и больше вездѣ видѣвшій въ себѣ и къ своему дѣлу или ненависть, или слишкомъ сомнительную по-

(1) Пахим. стр. 444.

(2) Ibid. 446.

(3) По свидѣтельству самого Векка, въ это время было то же, что во времена Св. Григорія Нисскаго, т. е. всѣ и всюду спорили объ исхожденіи Св. Духа. Онъ же свидѣтельствуетъ и о томъ, что въ разгаръ этихъ споровъ имя латинянина противопоставляло имени христіанина.—Grass. Orth. t. II.

корность, тяготясь также своимъ двусмысленнымъ отноше-
ніемъ къ папѣ, чувствуя, что онъ стоитъ совер-
шенно одиноко, что онъ отсталъ отъ одной стороны и
не присталъ къ другой, мучимый, быть можетъ, раз-
думьемъ относительно своихъ религіозныхъ убѣжденій,
дѣлался все болѣе и болѣе подозрительнымъ и жесто-
кимъ. Онъ доходилъ до такой степени раздраженія, „что
едва только доносили ему о комънибудь, какъ тотчасъ
же за доносомъ слѣдовала и казнь“. Особенно сталъ онъ
ненавидѣть иноковъ, какъ лицъ самыхъ враждебныхъ
его дѣлу. Онъ зналъ, что „иноки считаютъ время, ког-
да они отъ него забавятся“. На этихъ—то лицъ, гово-
рить Пахимерь, „и обрушивались все ужасы со сторо-
ны державнаго“. Императоръ „оправдывался тѣмъ, что,
прослывъ съ дѣтства другомъ монашества, доведенъ
теперь до необходимости ненавидѣть монаховъ“ (1). Но
не одними иноками ограничивалась жестокость импера-
тора; теперь онъ совершилъ множество казней надъ
людьми очень высокаго общественнаго положенія, надъ
нѣкоторыми своими родственниками, содержавшимися
доселѣ въ тюрьмахъ и нѣкогда показываемыми пап-
скимъ легатамъ, и надъ многими другими; онъ ослѣп-
лялъ ихъ, рѣзалъ имъ языки, предавалъ ихъ смерти и
т. под.—Пасквили на него еще болѣе усилили его же-
стокости: Иступленный дикими мыслями и подозрѣні-
ми, онъ производилъ ужасы. „О томъ, что тогда имъ
сдѣлано, говоритъ Пахимерь, стоитъ писать не черни-
лами; а слезами“. Видно, что душевное состояніе им-
ператора было слишкомъ безотрадно. „Можетъ быть
къ довершенію всего онъ мучился призраками о себѣ и

(1) Пахим. стр. 453.

Христ. Чт. № 1.

религиозныхъ своихъ убъжденіяхъ, православнымъ ли, то есть, почитать ему самого себя, когда поносятъ его, какъ извратителя вѣры“ (1). Но ему, равно какъ и его уни, готовился новый рѣшительный ударъ. Расторгнувъ связь со всѣмъ окружающимъ, вооруживъ противъ себя всѣхъ своихъ подданныхъ, заставивъ говорить противъ себя и свою собственную совѣсть, потерявъ миръ душевный, императоръ имѣлъ случай испытать еще разрывъ съ тѣмъ, изъ за мира съ которымъ испортилъ всѣ свои отношенія. Въ 1281 году, 18 ноября, новый папа Мартинъ произнесъ на него отлученіе. Послы императора (епископы Левъ ираклейскій и Теофанъ никейскій), „который хотѣлъ привѣтствовать новаго папу съ вступленіемъ его на апостольскій престолъ, были приняты Мартиномъ очень плохо“. Узнавъ, говорить Пахимеръ, въ какомъ состояніи находится у насъ дѣло примиренія церкви и подозрѣвая, что все бывшее имѣло характеръ насмѣшки, а не дѣйствительной истины, — ибо кромѣ одного царя и патріарха, да нѣкоторые приближенныхъ къ нимъ лицъ, всѣ остальные отвергали миръ, особенно когда царь хотѣлъ утвердить его страшными казнями, латиняне приняли пословъ съ презрѣніемъ (2), и не скоро, да и то съ трудомъ

(1) Пахим. 446.—Иоаннъ Векъ въ это время, по свидѣтельству Пахимера, „готовъ былъ въ угоду императору сдѣлать все: ибо совершенно измѣнился въ своемъ характерѣ съ тѣхъ поръ, какъ повзаконился съ трудными обстоятельствами“. Стр. 457. Онъ сопровождалъ императора въ его развѣздахъ и присутствовалъ при его жестокостяхъ. За то разъ пришлось ему выслушать отъ знатныхъ Мануила и Исаака, готовившихся лишиться званія, горькій упрекъ, что настоящіе ихъ убъжденія не отличаются отъ прежнихъ его убъжденій, что, находясь въ цѣпяхъ, онъ вѣровала лучше, чѣмъ въ патріаршескомъ достоинствѣ. Пахим. стр. 447.

(2) „Я уважаю, говорилъ папа посланца Михаила, защитникомъ своего ученія, потому что лучше быть сознательнымъ и свободнымъ сви-

доставили имъ доступъ къ папѣ, и наконецъ и царя и сообщниковъ его, какъ насмѣшниковъ и людей, идущихъ къ миру путемъ казней, а не истины, отлучили отъ церкви, пословъ же отпустили назадъ, не удостоивъ ихъ должныхъ почестей“. Императоръ, разумеется, „пришелъ въ неописанный гнѣвъ, такъ что когда диаконъ хотѣлъ было по обыкновенію, въ присутствіи державнаго, провозгласить папу, онъ запретилъ, говоря: хороши плоды любви ихъ! Изъ за нихъ я вооружилъ противъ себя своихъ ближнихъ, а они не только не оказали мнѣ ни малѣйшей благодарности, но еще отлучили меня“. „Тогда же хотѣлъ было уничтожить договоръ да и уничтожилъ бы, еслибы не пришли ему на мысль нѣкоторыя соображенія“; именно онъ опасался, чтобы опять обстоятельства не поставили его въ необходимость обратиться къ папѣ и унию обратить въ орудіе своей политики. Но ему уже не пришлось еще разъ прибѣгнуть къ этому средству. Замѣчательная, полная тревогъ его жизнь кончилась 1282 г., успѣвъ разойтись со всѣми при жизни и возбудивъ всеобщую радость своею смертію, онъ, по настоянію всего народа, собственнымъ своимъ сыномъ лишенъ погребенія.

(Продолженіе будетъ).

матюшкѣ, чѣмъ жить мечтами; знаменитыя жертвы жестокости Михаила заслуживаютъ полнѣйшаго моего состраданія“.

НУЖНО-ЛИ ПРЕПОДАВАТЬ ВЪ НАШИХЪ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЯХЪ

УЧЕНІЕ О РАСКОЛѢ (*).

„Мѣры, предпріятыя и невыдержанныя, нередко бывають вредныя, нежели когда бы оныхъ совсѣмъ не было принято“ (*).

Прежде, чѣмъ приступимъ къ рѣшенію предложеннаго вопроса, считаемъ не лишнимъ указать на слѣдующіе факты, имѣющіе къ нему отношеніе. Въ 1853 году Св. Синодъ, „обозрѣвъ принятыя уже дотогѣ съ духовной

(*) Предлагаемая статья не можетъ не обратить на себя вниманія читателей, понимающихъ задачу и важность семинарскаго образованія нашихъ приходскихъ пастырей и знающихъ, что значить расколъ въ русской народной жизни. Новый Уставъ Семинарій, опредѣливъ въ § 127 предметы семинарскаго образованія, *обязательные для каждой духовной семинаріи*, § 129 весьма мудро предоставляетъ (мѣстнымъ властямъ), по мѣстнымъ потребностямъ епархіи, вводить особые предметы въ § 127 *не поименованные*, или усиливать преподаваніе въ которыхъ отдѣловъ наукъ, напр. *о расколѣ, или какомъ либо вѣроисповѣданіи, преобладающемъ въ данной мѣстности*. Кто лучше можетъ знать о такого рода потребностяхъ Епархіи, слѣдовательно и Семинаріи, какъ не само епархіальное начальство и не семинарскія педагогическія собранія, въ которыхъ, слава Богу, принимается дѣятельное участіе, благодаря тому же уставу, и само приходское духовенство, и кто, слѣдовательно, лучше оцѣнить и нужду, и размѣры, и самый характеръ преподаванія ученія и о расколѣ, какъ не епархіальное начальство и не педагогическое семинарское собраніе? Но авторъ предлагаемой

(*) Собр. постановл. по частн. раск. 1858 г. стр. 245.

стороны къ вразумленію раскольниковъ и къ огражденію православныхъ отъ раскола мѣры, признавъ полезнымъ и нужнымъ усилить ихъ“, между прочимъ, слѣдующимъ распоряженіемъ: „въ видахъ усиленія дѣйствующихъ по разнымъ мѣстамъ духовныхъ миссій, образовать“ при духовнымъ академіяхъ и семинаріяхъ отдѣленія, въ которыхъ бы лучшіе воспитанники „приготовлялись на дѣло съ раскольниками, какъ въ видѣ прямыхъ миссіонеровъ, такъ и въ видѣ священниковъ при церквахъ единовѣрческихъ и православныхъ, гдѣ есть раскольники“ (1). Такія миссіонерскія отдѣленія, „во исполненіе Высочайшаго повелѣнія“ (2), и были открыты въ разное время во всѣхъ нашихъ академіяхъ и почти во всѣхъ семинаріяхъ. Въ то же время Св. Синодъ опредѣлялъ: „собрать, сколько то окажется нужнымъ и возможнымъ, въ разныхъ мѣстахъ и у частныхъ лицъ находящіяся книги и рукописи, на коихъ раскольники обыкли утверждать свои мнѣнія, для снабженія таковымъ собраніемъ будущихъ миссіонерскихъ отдѣленій при академі-

статья находить основанія того-то именно и опасаться, что эта отрасль богословской науки, болѣе многихъ другихъ составляющая для приходскаго священника вопросъ жизни и, пока расколъ разъѣдаетъ нашу народную среду, требующая наибольшаго вниманія, можетъ, и при новомъ уставѣ, остаться въ Семинаріяхъ, какъ и прежде отчасти оставалась, на заднемъ планѣ, или и совсѣмъ исчезнуть изъ предметовъ семинарскаго образованія. А это было бы самымъ *блестящимъ* *и* *примѣнительнымъ* той свободой, которую Уставъ предоставляетъ мѣстнымъ епархіальнымъ властямъ относительно введенія непоименованныхъ къ немъ предметовъ или усиленія преподаванія нѣкоторыхъ отдѣловъ въ поименованныхъ наукахъ. Вотъ почему мы думаемъ, что замеченія, вызванныя по поводу новаго устава и подобныя предлагаемымъ въ этой статьѣ, содѣйствуя къ разъясненію и лучшему примѣненію его, могутъ быть столько же интересны для нашихъ читателей, сколько и полезны для всего дѣла семинарскаго образованія.—*Ред.*

(1) Собр. постановл. по части раск. 1860 г. кн. 2, стр. 526—7.

(2) Тамъ же стр. 534 и 538.

яхъ и семинаріяхъ“ (1). Съ этою цѣлю въ томъ же 1853 году поручено было тогдашнему ректору петербургской академіи, преосвящ. Макарію, „приобрѣсть“ на выданныя ему Св. Синодомъ деньги „раскольническія книги, не стѣсняясь требованіями продавцовъ значительныхъ цѣвъ, если книги окажутся дѣйствительно рѣдкими и необходимыми для воспитанниковъ миссіонерскихъ отдѣленій“, и кромѣ того „для преподаванія преосвящ. Макарію выцѣпшихъ способовъ къ отысканію необходимыхъ для точнѣйшаго исполненія возложеннаго на него порученія книгъ и рукописей“ предоставлено было ему „обозрѣть секретное отдѣленіе синодальной бібліотеки“ съ тѣмъ, чтобы, если олажутся между хранившимися въ немъ книгами и рукописями „соотвѣтствующія предположенной цѣли, представилъ онъ, преосвященный, по начальству реестръ онымъ, для зависающаго распоряженія о передачѣ ихъ въ его вѣдѣніе“ (2). Въ 1855 году преосвящ. Макарій уже доносилъ Св. Синоду объ исполненіи имъ возложеннаго на него порученія (3). Изъ купленныхъ имъ и выбранныхъ изъ секретнаго отдѣленія синодальной бібліотеки книгъ и рукописей большую часть опредѣлено было передать въ петербургскую академію въ той мысли, что здѣсь „онѣ наиболѣе могутъ быть нужны и полезны какъ наставникамъ при разработкѣ науки противъ раскола, такъ и воспитанникамъ при составленіи ими курсовыхъ сочиненій, направленныхъ къ той же цѣли“; остальные поступили въ миссіонерскія отдѣленія семинарій петербургскаго духовно-учебнаго округа (4). Въ послѣдствіи

(1) Тамъ же стр. 527.

(2) Тамъ же стр. 542 и 547

(3) Тамъ же стр. 611.

(4) Тамъ же стр. 612.

времени, по мысли преосвящ. Макарія (1), переданы были въ Петербургскую академію цѣлыя бібліотеки старинныхъ книгъ и рукописей, „какъ уважаемыхъ раскольниками, такъ и составленныхъ противъ нихъ“, и именно: бібліотеки Софійскаго новгородскаго собора и Кирилло-бѣлозерскаго монастыря. Что же касается другихъ духовно-учебныхъ округовъ, то, по мысли покойнаго высоко-преосвященнѣйшаго Филарета, митрополита московскаго, опредѣлено было Св. Синодомъ—раскольническія книги и рукописи, хранившіяся въ московской синодальной бібліотекѣ, передать „въ тамошнюю и казанскую духовныя академіи и московскую и виванскую семинаріи“ (2), и кромѣ того, по ходатайству покойнаго высокопр. митрополита Григорія и бывшаго казанскаго преосвящ. Аѳанасія, Св. Синодомъ, съ Высочайшаго соизволенія, переданы были въ 1858 году въ казанскую академію бібліотеки старинныхъ книгъ и рукописей соловецкаго монастыря и Ниловой пустыни, какъ весьма полезныхъ, между прочимъ, „для изученія исторіи русскаго раскола“ (3). Независимо отъ сказаннаго, въ томъ же 1853 году Св. Синодъ—съ цѣлію помочъ наставникамъ миссіонерскихъ отдѣленій въ изученіи раскола и дать православному духовенству больше средствъ къ вразумленію заблуждающихъ—опредѣлилъ: „поручить казанской духовной академіи, какъ еще не занятой никакимъ повременнымъ изданіемъ, издавать духовный журналъ, съ преимущественнымъ направленіемъ его противъ раскола въ разныхъ его видахъ, и въ то же время предписать редакціямъ суще-

(1) Тамъ же стр. 541—2.

(2) Тамъ же стр. 591—3.

(3) Тамъ же стр. 571 и 816—17.

свѣдущихъ уже духовныхъ журналовъ чаще помѣщать въ нихъ, между прочимъ, статьи, могущія служить къ разумленію раскольниковъ“ (1). Слѣдствіемъ этого распоряженія было явленіе въ свѣтъ въ 1855 году „Православнаго Собоудника“ (2) и—немалого числа статей по расколу въ другихъ духовныхъ журналахъ. Кромѣ того, еще прежде, чѣмъ открыты были миссіонерскія отдѣленія при семинаріяхъ, Св. Синодъ, „озабочиваясь, разумленіемъ заблуждающихся“ и сознавая „крайнюю надобность ускорить по дѣлу“ приготовленія миссіонеровъ, вызвалъ въ Петербургъ въ 1853 году нѣсколько священниковъ изъ разныхъ епаркій, поручивъ тогдашнему преосвящ. казанскому Григорію, жившему въ Петербургѣ, „преподать имъ, въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, исторію раскола въ главныхъ его чертахъ, понятіе о всѣхъ sectахъ и наставленіе къ разсвѣнію ихъ заблужденій“ (3), что и было исполнено имъ окончательно 10-го іюня 1854 года (4). Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени по всѣмъ почти епаркіямъ, гдѣ сильнѣе расколъ, существуютъ, по опредѣленію Св. Синода, особые миссіонеры изъ священниковъ, обязанность которыхъ—„дѣйствовать на раскольниковъ“ словомъ увѣщанія, „стоя на апостольской ногѣ, т. е. безъ всякаго пособія мѣстной полиціи“ (5). Наконецъ въ самое близкое къ намъ время, независимо отъ всѣхъ указанныхъ мѣръ къ ослабленію раскола, церковная власть признала нужнымъ „для усиленія вниманія епархіальныхъ преосвя-

(1) Тамъ же стр. 528—9.

(2) Тамъ же стр. 570.

(3) Тамъ же стр. 547—9.

(4) Тамъ же стр. 586.

(5) Тамъ же стр. 586, 593, 615, 639, 727, 736—7, 739—41, 746, 750, 779, 786—8, 805—7, 840 и др.

ценныя на дѣла раскола—учреждать викариатства въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ содержаніе викарныхъ архіереевъ можетъ быть достаточно обезпечено предоставленіемъ въ нихъ распоряженіе безбѣдныхъ монастырей“ (1).

Имѣя въ виду все сказанное нами и кое-что другое, многіе, пожалуй, вопросъ нашъ: нужно ли преподавать въ семинаріяхъ ученіе о расколѣ?—сочтутъ не только излишнимъ, но даже неумѣстнымъ. А между тѣмъ вопросъ этотъ неизбежно рождается въ головѣ у всякаго, кто успѣлъ ознакомиться съ новымъ „уставомъ православныхъ духовныхъ семинарій“ (2). Въ числѣ наукъ, которыя указаны въ немъ для преподаванія (§ 127) въ нашихъ семинаріяхъ, особой кафедрой для ученія о расколѣ нѣтъ. Что же это значитъ? Ужели всѣ прежнія, указанныя нами, распоряженія церковной власти касательно миссіонерскихъ отдѣленій и раскола вообще были не плодомъ серьезно обдуманной мысли, ясно сознанной цѣли, глубокаго убѣжденія въ ихъ пользѣ и необходимости, а слѣдствіемъ какихъ либо случайныхъ, внѣшнихъ вліяній, нынѣ уже не существующихъ? Но думать такъ не позволяетъ сама власть церковная, которая со времени открытія миссіонерскихъ отдѣленій и до нашихъ дней постоянно слѣдила за дѣломъ, порученнымъ этимъ отдѣленіямъ, то предписывая епархіальнымъ преосвященнымъ „обратить на вновь введенное примѣненіе системы духовнаго образованія къ одной изъ важныхъ потребностей ихъ епархій особенное архипастырское вниманіе и оказывать въ семъ дѣлѣ семинарскимъ начальствамъ возможное содѣйствіе доставленіемъ имъ положительныхъ свѣдѣній о состояніи и видахъ раскола

(1) „Христ. Чт.“ 1867 г. январ., стр. 85.

(2) См. напр. въ „Христ. Чт.“ 1867 г. ноябр., стр. 822.

въ управляемыхъ ими епархіяхъ, равно и другихъ по-собій, необходимыхъ для успѣшнаго направленія преподаванія миссіонерскихъ предметовъ въ каждой семинаріи“ (1), то рекомендуя „наблюдати за развитіемъ и усовершенствованіемъ практическаго или полемическаго способа преподаванія предметовъ въ миссіонерскихъ отдѣленіяхъ семинарій“ (2), то наконецъ требуя „усилить уроки по миссіонерскимъ отдѣленіямъ съ приспособленіемъ ихъ наиболѣе къ мѣстному расколу“ (3). Или, быть можетъ, указанныя выше мѣры власти уже достигли своей цѣли и раскола болѣе нѣтъ у насъ? Но, вмѣсто прямаго отвѣта на этотъ вопросъ, перенесемъ, читатель, мыслію изъ столицы въ наши села и деревни и посмотримъ, что дѣлается тамъ—вдали отъ шума городского. Вотъ деревня Лубенкина Владимірскаго уѣзда. На краю ея стоитъ деревянный домъ, хозяйка котораго—старая, сорокалѣтняя дѣва, по имени Акулина Тимоѣевна. Вечеромъ, на канунъ одного изъ двенадцатыхъ праздниковъ, къ этому дому осторожно пробираются толпы мужчинъ и женщинъ. Войдемъ и мы вмѣстѣ съ ними въ этотъ таинственный домъ и посмотримъ, что тамъ происходитъ. Вотъ, по обѣимъ сторонамъ чистой комнаты, сидятъ на лавкахъ крестьяне и крестьянки,—первые—по правую сторону, послѣднія по лѣвую. Впереди всѣхъ сидитъ хозяйка дома — Акулина Тимоѣевна. Послѣ чтенія Слова Божія и церковныхъ книгъ, послѣ пѣнія церковныхъ пѣсней и псалмовъ, что продолжается часа четыре-пять — до самой полночи,

(1) Собр. постановл. по част. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 539, 576, 582, 665 и др.

(2) Тамъ же стр. 678, 688, 713.

(3) Тамъ же стр. 761.

вдругъ мужчины и женщины встають съ своихъ мѣстъ и, снявъ съ себя обыкновенное свое платье и бѣлье, начинаютъ одѣваться въ особаго покроя бѣлыя рубашки, а на ноги—надѣвать нитяныя чулки и сверхъ нихъ — легкіе башмаки. Въ такую же, только кисейную и искусно вышитую шелками, рубашку одѣвается и Акулина Тимоеевна. Зажигаются восковыя свѣчи и всѣ начинаютъ пѣть протяжнымъ голосомъ слѣдующую пѣснь:

„Святый Боже, святый крѣпкій,
Святый безсмертный, помилуй насъ!

Дай намъ Господи Іисуса Христа,

Дай намъ, Сударь, Сына Божія

И помилуй, Сударь, насъ!

Сопли намъ Духа святаго, Утѣшителя“ и проч.

Во время пѣнія этихъ стиховъ Акулина Тимоеевна начинаетъ припрыгивать, потомъ хлопать въ ладоши, наконецъ—вертѣтся и плясать. За нею тоже начинаютъ дѣлать и другіе—такъ, что все собраніе превращается въ странное и страшное зрѣлище безобразія и безстыдства. Женщины полунагія начинаютъ ходить на четверенькахъ, а Акулина Тимоеевна—прыгать на нихъ верхомъ и производить омерзительныя безчинства. При этомъ одинъ крестьянинъ, по имени Иванъ Вуколовъ, изображающій собою апостола Петра, взбирается на лавку и, приподнявъ ногами, разводитъ руками надъ бѣснующимися... Все это оканчивается къ утру чаемъ, разными сладкими, ужиномъ, а верѣдь и, такъ называемымъ, свальнымъ грѣхомъ, при чемъ не обращается вниманія ни на возрастъ, ни на родство. Что это за дикая оргія, спросить читатель? Это — „радѣніе“, или

„богомолѣніе“ хлыстовъ подъ руководствомъ „хлыстовской богородицы — Акулины Тимофеевны“, дѣло о которой 24-го іюля настоящаго года докладывалось во Владимірской палатѣ уголовного и гражданскаго суда ⁽¹⁾. Изъ Владимірской губерніи перенесемъ мыслію въ Землю Войска Донскаго; здѣсь также совершаются странныя вещи. Вотъ — хуторъ Мало-набатовскій Голубинской станицы. Въ одинъ изъ мѣстныхъ праздниковъ мы видимъ въ этомъ хуторѣ огромныя толпы народа, окружающія деревянную часовню. Черезъ нѣсколько минутъ на крышѣ этой часовни является казакъ — съ привязанными къ рукамъ орлиными крыльями. Вотъ онъ въ виду толпы расправляетъ крылья, растягиваетъ ихъ по перышку, потомъ начинаетъ махать ими, поднимать ноги то одну, то другую, подпрыгивать и затѣмъ стремглавъ падаетъ на землю головою внизъ, при чемъ сперва стонетъ и охаетъ, а наконецъ остается неподвижнымъ. Что это за комедія, кончившаяся такой трагедіей? Это — неудавшееся *вознесеніе на небо* раскольника Селиверста Константинова. Этотъ сватоша, бывшій уставщикомъ въ раскольничьей моельнѣ, вздумалъ провозгласить своимъ прихожанамъ, что онъ вполне угодилъ Богу, что немного ему остается жить на землѣ, что Богъ самъ явился ему и велѣлъ ему живому летѣть на небо. Какъ ни нелѣпо было такое заявленіе, раскольники однакоже повѣрили Константинову и, разумѣется, толпами бросились къ мнимому святому, неся ему кто гривну, кто рубль, кто холста, кто что нибѣль, при чемъ каждый просилъ будущаго небожителя „поставить за него на небѣ

(1) „Вечерняя Газета“ 1867 г. № 203. О хлыстахъ и ихъ „радѣніяхъ“ см. подробнѣе въ „Прав. Собесѣд.“ 1858 г. ч. I, стр. 333—364, ч. II, стр. 361—407; 1860 г. ч. III, стр. 391—445.

свѣчку предъ престоломъ Божиимъ“. Хитрый казакъ все бралъ и торжествовалъ; но скоро дошла очередь и до него. Многие, соскучась ожидать, когда Константиновъ самъ вздумаетъ разстаться съ грѣшною землею, стали настойчиво просить его — поскорѣе летѣть на небо. Желая сдержать слово, святоша сначала объявилъ, что Богъ велѣлъ ему убить орла и орлиныя крылья привязать къ рукамъ. Купивъ за тѣмъ эти крылья у другаго казака-охотника, Константиновъ наконецъ назначаетъ день для своего вознесенія на небо. Что было дальше, мы уже видѣли. Прибавимъ къ этому, что хитрый святоша съумѣлъ оправдаться въ своей неудачѣ, объявивъ своимъ ученикамъ, что онъ, по немощи человѣческой, усумнился, да не тою ногой ступилъ на облако. По свидѣтельству „Донскаго Вѣстника“, здоровье Константинова поправилось и онъ снова собирается летѣть на небо, чтобы не остаться въ долгу предъ своими легковѣрными почитателями (1). Скажутъ: все это больше смѣшно, чѣмъ опасно? Но вотъ еще современная намъ картина, при взглядѣ на которую едва ли появится улыбка на устахъ самаго веселаго по характеру человѣка. Въ деревнѣ Слободищахъ Вязниковскаго уѣзда выходитъ на зарѣ изъ одного дома 57-лѣтній крестьянинъ и усердно начинаетъ молиться на восходъ. По окончаніи молитвы, онъ возвращается въ избу, гдѣ находитъ еще спящую женщину и небольшого ребенка. Разбудивъ женщину и отославъ ее въ другую деревню за овчинами, только что помолившійся крестьянинъ приступаетъ къ ребенку и начинаетъ убѣждать его — надѣть бѣлую рубашку. Когда же у мальчика та-

(1) „Вечерняя Газета“, 1867 г. № 205.

ной рубашки не оказалось, онъ надѣваетъ на него свою и кладетъ малютку на лавку—въ передній уголъ—подъ образами,—приговаривая: „лягъ, умница, на лавочку, я на тебя полюбуюсь“. Лишь только ничего не понимавшій ребенокъ спокойно улегся, какъ ухаживавшій за нимъ старикъ быстро отворачиваетъ подолъ рубахи и наноситъ мальчику нѣсколько ударовъ ножемъ въ животъ. Ребенокъ затрепеталъ и сталъ биться—такъ, что постоянно натывался на ножъ, отъ чего на животѣ его образовалось множество ранъ. Желая прѣбратить страданія ребенка, мнимо-набожный крестьянинъ разомъ распарываетъ ему животъ сверху до низу. Мальчикъ теряетъ силу сопротивляться, но еще не умираетъ. Заря, занявшая на востокъ, свѣтила дѣтоубійцѣ въ окно при совершеніи имъ преступленія; но когда ребенокъ былъ уже почти зарѣзанъ, вдругъ въ окнѣ являются первые лучи восходящаго солнца и багровымъ свѣтомъ падаютъ на лице невинной жертвы. Эта случайность—виѣсть съ видомъ крови такъ подѣйствовала на преступника, что онъ въ трепетѣ выпускаетъ изъ рукъ ножъ и, повергшись предъ образами, начинаетъ горячо молиться. Послѣ молитвы онъ подходитъ къ обливавшемуся кровью, но еще дышавшему, ребенку съ слѣдующими словами: „прости меня, Гришенька, Христа ради за то, что я навесъ тебѣ такую скорбь“ и, получивъ въ отвѣтъ: „Богъ тебя проститъ“, преступникъ затепливаетъ свѣчу предъ образами и снова начинаетъ молиться, прося ребенка повторять за нимъ молитву: „Богородице, Дѣво, радуйся“... Въ это время, когда молитва уже кончалась и ребенокъ, произносившій слова ея тихимъ голосомъ, замолкъ, вдругъ отворяется дверь и въ избу входитъ спавшая съ ребенкомъ и высланная изъ дома женщина.

Увидѣвъ все случившееся, она падаетъ отъ страха на землю, а дѣтоубійца, поднявшись съ пола, на которомъ стоялъ на колѣняхъ, обращается къ ней съ такими словами: „иди и объяви обо всемъ старостѣ; я сдѣлалъ празднигъ святымъ“. Что это за извергъ, спросить читатель въ ужасѣ, и что побудило его къ преступленію? Это—раскольникъ, такъ называемаго, Спасова согласія, Михаилъ Федоровъ Куртина; ребенокъ, котораго онъ зарѣзалъ, — родной и единственный его сынъ — семилѣтній Гриша; женщина, высланная изъ дома и по возвращеніи въ него нашедшая убитаго ребенка, — жена Куртина и мать Гриши; причиной, побудившей Куртина къ такому страшному, безчеловѣчному преступленію, было желаніе фанатика, лишивъ своего смышленнаго не по лѣтамъ и веселаго отъ природы сына жизни, спасти его отъ вѣчной гибели въ антихристовомъ царствѣ и тѣмъ угодить „Спасу и святымъ Его“ (1). Всѣ эти Акулины Тимоѣевны, Силиверсты Константиновы, Михаилы Куртины и многіе, весьма многіе подобные имъ изуверы, живущіе въ наше время и то подговаривающіе православныхъ дьячковъ красть изъ церквей старинныя Іосифовскія евангелія и на престольныя кресты съ мощами, то нагло-кощунственно, въ присутствіи православныхъ священниковъ, называющіе Святителя Дмитрія Ростовскаго — Кузьмою, московскимъ булочникомъ (2), и проч. и проч., — лучше всякихъ словъ и разсужденій показываютъ, что тѣма раскола, противъ которой направлены были указанныя выше распоряженія церковной власти, не разсѣялась и въ наши дни и

(1) „Вечерняя Газета“ 1867 г. № 203.

(2) „Вечерняя Газета“ 1867 г. № 218.

едва ли даже не одѣлалась нынѣ непроницаемѣ, гуща и зловреднѣе.

Наконецъ не потому ли ученіе о расколѣ не введено въ систему семинарскаго образованія, что существовавшія доселѣ миссіонерскія отдѣленія при семинаріяхъ не приносили надлежащей пользы? Но причину такого печальнаго явленія можно объяснить, и не прибѣгая къ закрытію этихъ отдѣленій. Она скрывалась въ неудачной постановкѣ кафедръ по расколу въ семинаріяхъ, въ слѣдствіе чего преподаваніе этого предмета въ большей части семинарій шло крайне неудовлетворительно. Прежде всего, какъ навѣстно, наука о расколѣ преподавалась въ семинаріяхъ не однимъ наставникомъ, а многими: одинъ напр. читалъ исторію раскола, другой занимался опроверженіемъ раскольническихъ заблужденій, третій знакомилъ будущихъ пастырей церкви съ сочиненіями, написанными какъ противъ раскола, такъ и въ защиту его и т. д. Что происходило отъ указаннаго порядка вещей, понять нетрудно. Не было въ лекціяхъ по расколу ни плана, ни порядка, ни связи; о многомъ, часто и не важномъ, говорилось по нѣскольку разъ, а о иномъ, болѣе существенномъ и полезномъ, ни слова; нерѣдко на одномъ классѣ слышалась похвала тому, что на другой лекціи положительно осуждалось—такъ, что воспитанники не знали, чему и кому вѣрить; а отъ всего этого происходила въ головахъ будущихъ миссіонеровъ такая путаница, которая отнимала охоту заниматься дѣломъ у самыхъ усердныхъ изъ нихъ. Далѣе: такъ какъ преподаваніе въ семинаріяхъ разныхъ частей науки о расколѣ поручалось разнымъ лицамъ по расчетамъ чисто финансовымъ, чтобы не платить особому наставнику лишняго жалованья,—то само собой понятно, что главное ви-

ишіе наставниковъ миссіонерскихъ отдѣленій обращено было на изученіе и разработку тѣхъ предметовъ, за преподаваніе которыхъ имъ платили деньги, а расколу, имѣвъ дѣлу побочному, второстепенному, удѣлялось имъ усердія и времени столько, сколько нужно было, чтобы нормально исполнить безплатное начальственное порученіе. Отъ того нередко и сами наставники миссіонерскихъ отдѣленій, особенно не слушавшіе въ академіяхъ уроковъ по расколу, знали объ немъ не болѣе сводя слушателей и пробавлялись на ассидіяхъ чтеніемъ статей по расколу, нѣкія находили въ разныхъ журналахъ духовныхъ и свѣтскихъ. Семинарское начальство, разумыетомъ, видѣло это зло; но такъ какъ распоряженіе о томъ, чтобы „преподаваніе наукъ въ миссіонерскихъ отдѣленіяхъ при каждой семинаріи было поручено двумъ или тремъ вѣдѣющимъ наставникамъ“, нѣвышнихъ уже въ своемъ завѣдываніи другія науки, сдѣлано было высшею властію (1), то, во избежаніе всякихъ недоразумѣній, оно по необходимости терпѣло его. Жаль только, что епархіальныя преемства, которыхъ всего болѣе и должны были интересоваться миссіонерскими отдѣленіями, не употребили съ своей стороны средствъ къ увѣщенію указаннаго вла—разъясненіемъ его. Св. Синоду, который, имѣвъ сомнѣнія, извѣстилъ бы свое первоначальное опредѣленіе о безплатномъ преподаваніи миссіонерскихъ предметовъ въ семинаріяхъ разными и многими наставниками, имѣвъ сдѣлать оныя напр. для академіи. Затѣмъ, хоти, при первой мысли объ отысканіи миссіонерскихъ отдѣленій, Св. Синодъ принялъ въ уѣздѣнкію, что для успѣха дѣла, необходимо снабдить

(1) Собр. постановл. по част. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 537; смес. стр. 575 и 581.

Семинарній: Прилевія зусилля для згуртованія расколу книгами и рукописами; хоти для осуществленія этой мысли онъ, какъ мы виждали, устремлялъ много заботы и денегъ, — тѣмъ не менѣе и доселѣ во многихъ семинарнѣхъ нѣтъ всецѣла заложили и вѣстия вѣрныхъ книгъ; безъ которыхъ нельзя звать раскола, и прикосновенныхъ не только раскольниками, — эти книги, благодаря разнымъ обстоятельствамъ, обыкновенно рѣдки и дѣльны, — во и православныи объяснителями раскола (1). Отъ чего бы и отъ чего бы ни зависѣлъ этотъ недостатокъ въ семинарнѣхъ необходимыхъ для обстоятельного изученія раскола книгъ, въ болѣе время всемогущей отбравшиися у раскольниковъ и дезориентировавъ въ восточнорусскіе архивы, — во всякомъ случаѣ онъ не могъ не отразиться невыгодными послѣдствіями для дѣла. Наставники болѣею части миссіонерскія отдѣленій, не имѣя подъ руками нужныхъ пособій, вмѣсто того, чтобы изучать и преподавать ученіе о расколѣ по сочиненіямъ позднѣйшаго времени, въ которыхъ духъ и жизнь раскола разумна и ясна, полна и глупа, изучали и преподавали свой предметъ по чуждымъ распространителю и другимъ сочиненіямъ, писаннымъ еще въ XVII вѣкѣ. А слѣдствіемъ этого было то, что воспитанники миссіонерскія отдѣленій выходили изъ семинарнѣхъ съ вѣдѣніемъ знаменія раскола не современнаго, противъ котораго и должны будутъ действовать въ качествѣ пастырей Церкви православной, а уже отжившаго свой нѣтъ, и только дивились при встрѣчѣ въ жизни съ раскольническими личностями, не подобными ни на Аввакума, ни на Никиту пустельгу и подобнымъ

(1) Тамъ же стр. 818—19.

нихъ первыхъ расколуучителей. О аманѣ подобными ин- томцами миссіонерскихъ отдѣленій разныхъ сектъ и, тол- ковь позднѣйшаго происхожденія, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Наконецъ даже главная мысль Св. Сино- да—помѣщать въ миссіонерскихъ отдѣленіяхъ лучшихъ воспитанниковъ семинарій (1)—не исполнялась почему-то въ точности во многихъ изъ нихъ. Отъ того и нынѣ можно найти въ разныхъ епаркіяхъ не мало молодыхъ священниковъ перворазрядныхъ, получившихъ, разу- мѣется, большіе и лучшіе приходы, которые не имѣютъ другаго понятія о раскольничьихъ, кромѣ того, что они крестятся двумя перстами, да не ходятъ въ церковь, хотя этотъ цѣльскій садьскаго духовенства учился въ се- минаріяхъ уже послѣ того, какъ открыты были въ нихъ миссіонерскія отдѣленія. При такомъ веденіи дѣла, по нашему мнѣнію, даже странно было бы ожидать отъ миссіонерскихъ отдѣленій ощутительной пользы для пра- вославія въ борьбѣ его съ расколомъ. Еще страннѣе, на нашъ взглядъ, было бы—уничтожать эти отдѣленія за указанные недостатки ихъ, въ которыхъ, говоря правду, они ни мало не виновны, и тѣмъ разрушать дѣло, на которое церковною властію употреблено было столько заботъ, хлопотъ и денегъ и которое въ наши дни требуетъ къ себѣ особеннаго, преимущественнаго вниманія. Такъ какъ, при болѣе и болѣе усвоеніи свѣтскою властію принципа невмѣшательства въ рели- гіозныя дѣла раскола (2), при той гражданской свободѣ, какою расколь уже приобрѣлъ въ настоящее царство- ваніе,—православію въ лицѣ нашего простонародья мо- жетъ грозить серьезная опасность, если церковная власть

(1) Тамъ же стр. 527, 537 и др.

(2) Тамъ же стр. 834—5.

не позаботится приготовить обличительное во всеоружіе истины борцовъ противъ заблуждающихся въ лицѣ приходскихъ священниковъ. Можно указать и еще обстоятельство, побуждающее насъ обратить на расколъ самое полное вниманіе. Въ послѣднее время, какъ всякому извѣстно, усилилось вниманіе къ нашей православной Церкви и основаніямъ западныхъ христіанъ. Въ Англіи и въ другихъ странахъ не мало явилось въ наши дни не только сочиненій—съ болѣе или менѣе безпристрастными отзывами о нашемъ православіи, но и—цѣлыхъ „обществъ“, поставившихъ свою задачу изученіе восточной православной Церкви—съ цѣлію отысканія въ ней Христовой и апостольской истины. Нѣтъ ничего удивительнаго, если эти искатели истины, не ограничиваясь изученіемъ нашего православія по символическимъ и другимъ книгамъ, вздумаютъ еще ознакомиться съ нимъ на дѣлѣ. Кто же будетъ виноваты, если они, пріѣхавъ къ намъ (какъ это не такъ давно и было) и обративъ свои наблюденія не на верхніе слои нашего общества, въ которыхъ нетрудно замѣтить сочувствіе къ инославію и иноземству, хотя и прикрытое православною внѣшностію, а на массу народную, встрѣтятся здѣсь лицомъ къ лицу съ нашимъ расколомъ,—съ его открыто враждебнымъ отношеніемъ къ церкви восточной греко-россійской, будто бы потерявшей истину и православіе, съ его заклятою, фанатическою ненавистію къ Церквамъ и обществамъ христіанскимъ западнымъ, какъ еретическимъ, антихристіанскимъ;—съ его слѣпотою умственно-религіозною, съ его мрачными недугами нравственными, и, узнавъ, что этому многоглавому, несчастному наекъ болѣе или менѣе сочувствуетъ и остальная масса православнаго населенія,—станутъ потомъ проповѣдывать

вмѣсто: „свѣтъ съ Востока“ — „тьма на Востокъ“? А
видъ подобное несчастіе легко можетъ случиться, если
мы, предаваясь журнальнымъ разглагольствамъ о сое-
диненіи церквей, не позаботимся присоединить къ сво-
ей церкви отпадника отъ мол.—оя собственныхъ дѣтей.
Нѣтъ, довольно съ насъ и того грѣха, что въ теченіе
200 лѣтъ мы не хотѣли или, по крайней мѣрѣ, не
стумѣли научить православной истинѣ не хитрыхъ и
образованныхъ еретиковъ, впадшихъ въ заблужденія,
противныя недоступнымъ разуму истинамъ вѣры, а
простыхъ и невѣстныхъ раскольниковъ, ратую-
щихъ за букву, привязанныхъ къ обряду, удаляющих-
ся отъ церкви изъ-за церковности. Продолжать подоб-
ное же отношеніе къ заблуждающимъ и въ новомъ-треть-
емъ отъ начала раскола столѣтіи значить усугублять
грѣхъ невниманія къ спасенію ближняго и рисковать—
болѣзнь церкви сдѣлать слишкомъ застарѣлою, а, мо-
жетъ быть, и неисцѣлимою. Въ виду такихъ сообра-
женій, существовавшія до сихъ миссіонерскія отдѣленія
должны быть не закрываемы,—что можетъ даже подать
заблуждающимъ поводъ думать, будто православная
истина не въ состояніи бороться съ заблужденіемъ рас-
кола,—а усиливается обязательнымъ поступленіемъ въ
нихъ всѣхъ, кто желаетъ со временемъ сдѣлаться па-
стыремъ церкви.

Намъ могутъ сказать, что и въ новомъ уставѣ для се-
минарій расколъ не забытъ, только изученіе его въ се-
минаріяхъ предоставлено на волю епархіальныхъ на-
чальствъ. Правда, въ § 129 прямо сказано, что по
мѣстнымъ потребностямъ епархіи въ семинаріи можетъ
быть усиливается преподаваніе нѣкоторыхъ отдѣловъ
наукъ, напр. о расколѣ, или какомъ либо вѣроиспо-

вѣданіи, преобладающемъ въ данной мѣстности⁴. Но если, какъ показала опытъ, даже открытыя по распоряженію высшей власти миссіонерскія отдѣленія не всегда пользовались надлежащимъ вниманіемъ епархіальныхъ начальствъ, то какой участи въ правѣ ожидать себѣ наука о расколѣ тогда, когда самое существованіе ея въ той или другой семинаріи будетъ зависѣть отъ соображеній мѣстнаго начальства? Намъ сказать, что кому же болѣе и заботиться объ искорененіи заблудшей раскола въ каждой епархіи, какъ не мѣстному епархіальному начальству? Это правда; но не подлежитъ сомнѣнію и то обстоятельство, что вотъ уже 200 лѣтъ расколъ существуетъ у насъ совместно съ епархіальными начальствами, а между тѣмъ, пока сама церковная власть не предписала епархіальнымъ преосвященнымъ обратить вниманіе на изученіе раскола и открыть для этой цѣли миссіонерскія отдѣленія, объ этой мѣрѣ противъ раскола ни одна епархія и не подумала. Мало этого: даже послѣ указаннаго распоряженія власти остались епархіальные начальники, которые прямо заявляли, что они „не признаютъ нужнымъ открывать миссіонерскія отдѣленія въ семинаріяхъ, состоящихъ въ управленіи ими епархіяхъ,“—на томъ основаніи, что число раскольниковъ въ нихъ не простирается дальше трехъ—четырехъ тысячъ⁽¹⁾, хотя, по ученію Евангелія, для спасенія даже одной заблудшей овцы пастырь можетъ и обязанъ оставить на время безъ своего попеченія девяносто девять не заблудшихъ⁽²⁾ и хотя въ другихъ епархіяхъ—даже съ меньшимъ числомъ раскольниковъ нужда миссіонерскихъ отдѣленій была признана

(¹) Тамъ же стр. 635.

(²) Мѡ. XVIII, 12.

безуспешно: И „въ видѣнноръ дѣлахъ, — означенъ словами одного, Височайше: высочайшию, документа по расколу; — хотя нѣтъ вѣрнѣе сказать, что арміей не захотѣть безъдоказательнаго, или обратитъ къ нему вѣрнѣе утверждать: или повелительныя слова, но имѣетъ служить, что истинно не довольно имѣть: еднѣ заблуждающаго“ (1); а этого и достаточно, чтобы преподаване науки и расколъ, поставленное въ законъ: етъ; соображеній подобающаго „истинна“, не только не усиливало въ мѣстной обществѣ, а даже совсѣмъ измѣнилось. Навсѣмъ не можемъ не повторить: не имѣетъ и того обременительнаго, что разношъ, но привлекать самой власти, состоятъ въ мѣстной мѣдуго той или другой епархіи, а болѣе: всей русской церкви, даже „болѣе: государственную“ (2). Значитъ, истинна мѣра: притомъ него: должна принадлежать какой дѣлать, а не мѣстными: епархіальными: на-чальствами, соображеніе: которыхъ: объ: этомъ: пред-метѣ: могутъ: быть: различны, въ: отношеніи: чего: пред-метовъ: могутъ: быть: и: основаны: на: нихъ: мѣры: про-тивъ: заблуждающаго. А: это: различіе: мѣръ: способно: также: возбуждать: разношъ: въ: раскольникахъ: разныхъ: епархій: и: —: заставить: ихъ: соединяться: изъ: одной: епархіи: въ: другую, болѣе: епархіальную: и: удобную: для: нихъ. Не: говоримъ: уже: о: томъ, что: на: только: раз-личіе: мѣръ: противъ: раскола: въ: разныхъ: мѣстахъ, а: даже: „во: точное: и: исправленіе:“: приложеніе: въ: исполненіе: еднѣ: и: тѣмъ: же: распоряженій: противъ: заблужда-ющаго: „мѣстными: властями“, признаво: вреднымъ: самую: истинна: (?).

(1) Собр. пост. по част. раск. 1858 г. стр. 248.

(2) Собр. постановл. по част. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 646 и 652.

(3) Собр. постановл. по част. раск. 1858 г. стр. 117; Собр. постановл. по част. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 631.

Далѣе: по смыслу 129 § указа, преподаваніе ученія о расколѣ въ семинаріяхъ можетъ быть усиливаемо, смотря по мѣстности потребностямъ каждой епархіи, но не въ видѣ отдѣльной, самостоятельной науки съ особыми наставничими для ней, а въ видѣ „отдѣла“ дружка науки. А это значить, что исторію раскола придется читать въ видѣ отрывка наставнику исторіи русской церкви, обзорніе раскольниковскихъ и противораскольниковскихъ сочиненій, вѣроятно, будетъ поручено преподавателю русской словесности съ некоторою русскою литературою, опроверженіе раскольниковскихъ заблужденій, делавшее прежде на наставникъ, такъ называемаго, обличительнаго богословія, съ уничтоженіемъ послѣдняго, вѣроятно, приметъ въ какому либо другому богословію, т. е. продолжится порядкомъ вещей, отъ котораго страдали и прежнія миссіонерскія отдѣленія. Надо замѣтить, что дѣлать изъ науки о расколѣ отдѣльную науку — смилкомъ роскошно! Но такъ думать значить не знать, что наука эта, не смотря на свое недавнее существованіе, успѣла уже развѣтвиться на нѣсколько потемнѣвшихъ по объему частей, что, по мысли Св. Синода, противъ исторіи раскола, опроверженія раскольниковскихъ заблужденій и обзорнія раскольниковскихъ и противораскольниковскихъ сочиненій, священнику-миссіонеру необходимо знать еще „современную статистику раскола по всемъ его видамъ и отраслямъ“ и „настроенію народагому относительно раскольниковъ“, т. е. тѣ пріемы и способы, какіе нужно наблюдать священнику при собѣдованіи съ заблуждающими, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на нихъ (1). Преподать со всею обстоятельностью

(1) Собр. востановл. на частн раск. 1860 г. кн. 2, стр. 535—7, 642—4 и др.

и подметая всѣ эти частные отдѣлы науки о расколѣ, впрочемъ, дѣло не легкое, особенно если взять во вниманіе те обстоятельство, что серьезное изученіе раскола началось у насъ недавно, что сторонѣ въ предметѣ научившимся и переработавшимъ еще слишкомъ много, а между тѣмъ дѣльцыхъ особій къ этому явилось въ печати еще очень мало, или, какъ изволилъ замѣтить въ 1858 году Государь Императоръ: „не смотря на обиліе у насъ печатныхъ книгъ и рукописныхъ записокъ, исторія, статистика и законодательство раскола еще весьма мало обработаны (1)“. А нужно ли священнику, желающему умѣнше дѣйствовать на заблуждающихъ, знать всѣ указанныя части науки о расколѣ, или вѣрнее знать: расколъ до мельчайшихъ подробностей—со всеми частностями и даже мелочами, это, думаю, поймутъ всѣхъ, кто знаетъ, что въ спорахъ съ раскольниками, почти неспособными по неразвитости къ отвлеченію и силлогистикѣ, недостаточно только доказывать ложность основаній, чтобы они увидѣли несостоятельность и тѣхъ частныхъ мнѣній, которыя утверждаютъ на этихъ основаніяхъ, но нужно разбирать, такъ сказать, по литейкѣ всѣ частныя свидѣтельства, всѣ самыя дробныя доказательства въ пользу того или другого свѣдѣтельнаго ревнителя буквы положенія, и только послѣ такого способа собесѣдованія можно ожидать побѣды надъ заблуждающими. Отъ того-то и въ инструкціяхъ миссіонерамъ предписывается имъ „перечитать всѣ уваженныя раскольниками книги богослужебныя и небогослужебныя“ и „особенно знать въ совершенной подробности всѣ возможныя доказательства

(1) Собр. постановл. по част. раск. 1858 г. стр. 677.

изъ старыхъ книгъ такъ, чтобы всякое доказательство могло быть произнесено наизусть во всякое время и безъ всякаго замедленія; а въ случаѣ требованія повторенія, показано и въ книгѣ¹⁾, и притомъ „приведенныя мѣста прочитывать отъ слова до слова“, т. е. съ буквальной точностью (1). Съ другой стороны въ расколѣ—въ частныхъ его сѣткахъ и толкахъ, которыхъ много множество, кромѣ общаго заблужденія, составляющаго основу вѣрованій всѣхъ раскольниковъ, есть свои частныя мнѣнія, которыя имѣютъ въ глазахъ октлатовъ одинаковую, если не большую, съ первыми важность. Знать эти частности особенно же необходимо, сколько и не легко.

Скажутъ: „въ каждой епархіи существуютъ только опредѣленные секты и толки старообрядства, ихъ только и должны изучать воспитанныи мѣстной семинаріей, а о другихъ отрасляхъ раскола могутъ имѣть свѣдѣнія только общія и краткія“. Съ этимъ замѣчаемъ можно было бы согласиться, если бы расколъ имѣлъ представлялъ изъ себя что либо мертвое, неподвижное, инертное—въ родѣ археологическихъ намятниковъ данной мѣстности, спокойно лежащихъ на мѣстѣ, нова рука какого либо любителя древностей не найдетъ имъ болѣе приличнаго помѣщенія—въ музей. Но счастливо, расколъ—живое общество людей, которые, не смотря на всѣ мѣры власти къ ограниченію „противозаконныхъ отлучекъ и сношеній раскольниковъ туземныхъ между собою и другихъ губерній съ туземными“ (2),—свободно разгуливаютъ по широкой Россіи и нередко „поис-

(1) Собр. постановл. по части раск. 1860 г. кн. 2, стр. 780—2.

(2) Тамъ же стр. 699 и 785. Собр. постановл. по части раск. 1858 г. стр. 644.

предлогомъ какиъ либо сельскихъ нуждъ, а иногда и безъ вредаго⁽¹⁾, (¹) проникаютъ въ тѣяя залогустыя, куда съ трудомъ попадаютъ и агенты власти, или даже епархіальныя начальники. А отъотвѣствіе этого бываетъ то, что иное епархіальное начальство, привыкнувше видѣть въ числѣ своихъ подчиненныхъ однихъ только напр. поповцевъ, вступъ въ одна на прекрасный день открываетъ между ними и безпоповцевъ — и нерѣдко такихъ толковъ, о которыхъ прежда и не слыжало. А зная силу и успѣхъ пропаганды раскольнической, можно думать, что подобнаго рода неприятныя открытія совершаются довольно часто. Въ виду указанного обстоятельства, ограничивать изученіе раскода въ каждой семинаріи только нѣотными сентами и толканьямъ значить забывать, что расколъ живетъ и движется по самымъ неопредѣленнымъ наравленіямъ и путямъ, не справляясь съ епархіальнымъ разграниченіемъ губерній и епарцій. Съ другой стороны, если власть находитъ почему либо необходимымъ и возможнымъ налагать равнаго рода ограниченія на „путешествія и отлучки“ (²) раскольниковъ, то не можетъ же она заставить сидѣть дома и православныхъ; а между тѣмъ, по свидѣтельству приходскихъ священниковъ, очень „многіе изъ православныхъ прикоманъ, не бывая на нѣскольну лѣтъ дома, являются въ свое семейство уже зараженными расколомъ и даже закостѣлыми раскольниками“ (³)⁴, нерѣдко усвоившими себѣ лжеученія разныхъ толковъ. Нужно ли послѣ этого священникамъ каждой епарцій знать

(¹) Собр. постановл. по части раск. 1860 г. кн. 2, стр. 726.

(²) Собр. постановл. по части раск. 1858 г. стр. 122, 147, 171, 196—7, 452—3, 484, 594, 656 и др.

(³) Собран. постановл. по части раск. 1860 г. кн. 2, стр. 719.

расколъ вообще—во всѣхъ его видахъ и толкахъ, или свѣдѣнія ихъ могутъ ограничиваться только мѣстными елигіозными разномыслиями, это, кажется, ясно.

Скажутъ: „отрывать въ каждой семинаріи самостоятельную кафедру по расколу нѣтъ нужды потому, что во многихъ губерніяхъ раскольниковъ слишкомъ мало, а въ иныхъ почти даже нѣтъ ихъ“⁴. Но, сколько намъ извѣстно, такихъ самостоятельныхъ епархій, гдѣ бы не было вовсе такихъ либо сектантовъ, не существуетъ; самыя отдаленныя изъ нихъ отъ центра появленія и сосредоточенія раскола—Великороссія, какъ напр. Калачанская и другія,—нѣтъ имѣютъ цѣлыя селенія заблуждающихся⁽¹⁾. Припомнимъ же сказанное нами прежде о раскольнической пропагандѣ, въ послѣдствіе которой часто цѣлыя деревни православныхъ превращаются или въ „странникоу“ въ расколъ, или по крайней мѣрѣ многіе православные, побывавъ въ раскольническихъ губерніяхъ, возвращаются въ дома совершенными раскольниками, мы поймемъ еще больше, могутъ ли оставаться спокойными и не предпринимать мѣръ противъ зла тѣ епархіи, въ которыхъ въ настоящее время раскольниковъ находится дѣйствительно немного. Въдѣ отсутствію возбуждать врага учатся не на полѣ брани, не во время сраженія, а до встрѣчи съ неприятелемъ. Что же касается тѣхъ епархій, въ которыхъ, по официальнымъ документамъ, раскольниковъ числится мало сравнительно съ другими губерніями, то, кромѣ сказаннаго, имъ можно поставить на видъ слѣдующее обстоятельство. Доселѣ, сколько извѣстно, ни власти церковной, ни власти свѣтской неизвѣстно въ точности, гдѣ сколько существуетъ сектан-

(1) Тамъ же стр. 619.

тебя; а смее говорить, что не знают этого и сами епархиальныя и губернская начальства. Извѣтень всѣмъ на этому вопросу курьезъ, произошедшій въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтїя. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по Высочайшему повелѣнїю, послано было въ это время нѣсколько чиновниковъ въ разныя губерніи для изслѣдованїя въ нихъ раскола и, между прочимъ, для приведенїя „въ точнѣйшую извѣстность дѣйствительнаго числа раскольниковъ“. Что же оказалось? Оказалось, что во многихъ епархіяхъ число раскольниковъ показывалось мѣстнымъ начальствомъ въ четыре раза меньше противъ настоящаго ихъ числа, а въ нѣкоторыхъ — въ двадцать и даже въ тридцать разъ меньше (1), — такъ, что число всѣхъ сектантовъ въ Россїи, ограничивавшееся, по показанїямъ мѣстныхъ начальствъ, 875,382 душами, возрасло, въ слѣдствїе болѣе точныхъ изслѣдованїй, до семи и даже до десяти милліоновъ (2). Правда, цифры, показанныя чиновниками министерства внутреннїхъ дѣлъ, нѣкоторые признаютъ положительными, не вѣрными и преувеличенными (3); но мы, оставивъ въ сторонѣ эту еще вопросъ, можемъ доказать другими фактами мысль, что и сами епархиальныя начальства не знаютъ въ точности наличнаго числа раскольниковъ, находящагося въ той или другой губерніи. Въ 1656 году миссіонеръ повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губерніи, священникъ Дубревскій донесъ епархиальному преосвященному, что, кромѣ раскольниковъ записныхъ, нахо-

(1) Статистич. табл. рос. импер. 1863 г. выпускъ 2, стр. 238—6.

(2) Тамъ же стр. 212 и 240—2; смес. Московск. Вѣдом. 1864 г. № 81.

(3) Думскополск. Чтен. 1864. г. июль, стр. 81—88.

пастыри, по сознанию самих епархиальных властей, „неблагонадежные, невнимательные къ исполнению своего долга, нерадивые, неспѣдующіе, неспособные, неблагонаправленные, равнодушные и слабые“ (1). Во вторыхъ — и это главное — тогда священники православныхъ приходовъ, приготовленные въ семинаріи на борьбу съ расколомъ, могли бы даже не допускать въ своихъ православныхъ предѣлахъ появленія лжеученія и тѣмъ избавили бы себя и епархиальное начальство отъ множества хлопотъ и заботъ, неизбежныхъ при обращеніи заблуждающихъ къ св. церкви. А наконецъ знаніе раскола можетъ быть не бесполезно священникамъ православныхъ приходовъ, и само по себѣ — безъ приложения его даже къ принятымъ дѣйствіямъ миссіонерства. При нѣкоторомъ отличіи отъ православія въ частныхъ пунктахъ вѣроученія и церковной обрядности, расколъ, какъ извѣстно, въ общемъ своемъ религіозномъ направленіи, въ бытовой жизни, въ своихъ нравахъ и обычаяхъ весьма сходенъ съ нашимъ православнымъ простонародьемъ, чѣмъ и объясняется успѣхъ пропаганды раскольнической въ низшихъ слояхъ нашего общества. А служащее основаніемъ для многихъ раскольническихъ мѣстныхъ памятниковъ древней нашей литературы — въ родѣ „изборниковъ, торжественниковъ, златоуструевъ, маргаритовъ, златыхъ чепей, пчель, зерцалъ душезрительныхъ, сыновъ церковныхъ“ и проч. и проч., составляютъ, какъ извѣстно, любимое чтеніе и нашего православнаго грамотнаго простонародья, изъ котораго главнымъ образомъ и состоятъ наши сельскіе приходы. Значитъ, знаніе раскола и источниковъ его вѣроученія мо-

(1) Тамъ же стр. 168—9, 735, 762 и др.

зять облегчать приходскому священнику изученіе и пониманіе строя нравственной жизни и религіознаго міросозерцанія его православныхъ прихожанъ. Не говоримъ уже о томъ, что знакомство съ расколомъ и его бытовою жизнію можетъ служить лучшимъ средствомъ къ изученію вообще нашего народнаго духа и нашей почтенной старины, со всѣми ея хорошими и дурными сторонами, ея заветныхъ, своеобразныхъ вѣрованій, правовъ и обычаевъ, болѣе и болѣе исчезающихъ изъ дѣйствительной жизни подъ вліяніемъ новѣйшаго прогресса и всестирающей западной цивилизаціи. А нужно ли въ наше время знать все это каждому образованному челоуѣку, а слѣдовательно и „просвѣщенному русскому священнослужителю“, — это, кажется, не требуетъ доказательствъ. Мы живемъ въ апоху возрожденія народа и его „милюбленныхъ, историчныхъ началъ земскаго устроенья“. „Въ новизнахъ Твоего царствованія, писали раскольники въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ адресовъ Государю Императору, — намъ старина наша слышится“ (1). И кто вдумывался серьезно во всѣ реформы, совершавшіяся и совершающіяся на нашихъ глазахъ по волѣ милосерднѣйшаго нашего Монарха, тотъ не усумнится сказать, что заблуждающіе наши братья русскимъ чутьемъ поняли ихъ *суть* и мѣтко охарактеризовали ихъ. Съ другой стороны и современное направленіе нашей литературы и науки — таково, что расколъ съ его народными воззрѣніями на жизнь и всѣ ея отношенія, съ его „богодуховенными“, хотя часто очень курьѣзными по содержанию, источниками народныхъ вѣрованій и нравственныхъ убѣжденій, невольно напра-

(1) См. въ Голосъ 1863 г. № 94 апрѣл. 20, всеподдан. адресъ безповодецъ Московскихъ и Петербургскихъ.

шивается на изученіе. Нынѣ, какъ извѣстно, историческая наука ставитъ своей задачей не поклоненіе въ умиленіи героямъ только и дѣятелямъ общественно-официальнымъ, а и вѣрную обрисовку внутренней жизни цѣлаго народа, не исключая и плебеевъ. А въ этомъ случаѣ самые мелочные, по видимому, памятники народнаго міросозерцанія и духовной и просто будничной жизни массы, разумѣется, если они не составляютъ случайнаго явленія, а имѣютъ основаніе въ духѣ народа, въ его особенностяхъ племенныхъ и историческихъ, — нѣрѣдко дороже для историка самыхъ великихъ дѣяній того или другаго историческаго лица. Этимъ направленіемъ и объясняется явленіе въ послѣднюю пору въ нашей литературѣ произведеній въ родѣ: „очерка домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ — Костомарова, „народныхъ легендъ“ и „поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу“ — Леанасьева, изданій Пыпина, Якушинна, Варенцова и др. И если ученый историкъ не нащелъ неприличнымъ для своей цѣли съ любовью останавливаться на разсказахъ о томъ, какія напр. были у нашихъ предковъ примѣты, какими церемоніями сопровождались у нихъ пиры и банкеты, сколько выпивалось на нихъ вина, сколько поѣдалось пироговъ, какъ у нашихъ „теремныхъ“ прабабушекъ устраивались любовныя интрижки и проч. и проч., — то мы право не понимаемъ, почему не считать серьезнымъ трудомъ изученія напр. раскольническаго своеобразнаго міросозерцанія и внутренней закулисной жизни заблуждающихся, многими еще напоминающей времена „Домостроя“, но въ тоже время не чуждой нѣкотораго вліянія и новѣйшей цивилизаціи, — *жизни, которую всецѣло жи-*

ствъ и нашъ православный народъ. Или: если находить дѣломъ не бесполезнымъ для науки издавать въ свѣтъ наши древнія былинны, пѣсни, духовныя стихи, сказанія и прочіе памятники нашей старины, то, намъ кажется, еще больше интереса, по крайней мѣрѣ практическаго, можно найти въ такъ называемыхъ раскольническихъ сборникахъ и цѣтникахъ, въ которыхъ, вромѣ оригинальныхъ воззрѣній раскольниковъ на современное положеніе вещей, на новѣйшія открытія и усовершенствованія, на наши европейскіе порядки, нравы и привычки, верѣдко ведется рѣчь и о такихъ жизненныхъ вопросахъ, рѣшеніе которыхъ принадлежитъ еще далекому будущему (1). Впрочемъ мы напрасно вдаемся въ подробности. Справедливость мысли, что священники наши приходовъ не только раскольническихъ, но и православныхъ, обязаны „знать исторію русскаго раскола, а также и лжеученіе онаго, дабы“, въ случаѣ нужды, „могли безъ затрудненія обличать его заблужденія, въ какомъ бы видѣ они не обнаруживались“ (2), уже давно признана многими епархіальными преосвященными и самою церковною властію. Нѣкоторые же изъ епархіальныхъ преосвященныхъ, болѣе другихъ знакомые съ дѣломъ, прибавляютъ, что знать расколъ должны не только наши священники, но и прочіе члены церковнаго причта; и поэтому еще въ 1857 году они заявляли предъ властію мысль о необходимости преподаванія въ семинаріяхъ ученія о расколѣ „не только уче-

(1) Для примѣра укажемъ на „дѣянія“ Евгенія, основателя страннической секты (Кельсиев. вып. 4, стр. 259—279) и на сочиненіе подъ названіемъ: „Зеркало для духовнаго внутренняго человѣка“ (Кельсиев. вып. 1. стр. 209—215).

(2) Собр. постановл. по частн. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 623—4, 692. и др.

ницамъ высшаго отдѣленія“—болѣе или менѣе несомнѣннымъ кандидатамъ на священство, „но и желающимъ изъ другихъ отдѣленій“, которые могутъ по обстоятельствамъ занять низшія степени въ клиръ, „и наконецъ чтобы общее понятіе о расколѣ и особенно мѣстномъ сообщено было ученикамъ и узданныхъ училищъ“, изъ которыхъ большинство поступаетъ на почетническія должности⁽¹⁾. Мысль на первый взглядъ странная; но если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что въ расколѣ учатъ вѣрѣ и нерѣдко даже со-вращаютъ въ эту мнимо—древнюю вѣру православныхъ простые мужички и даже женщины, то не найдемъ ничего страннаго и въ томъ, если наши напредъячки (о самихъ прихожанахъ нечего говорить) въ состояніи будутъ сказать слово въ защиту православной истины предъ своими православными прихожанами, или даже и предъ раскольниками, и для этого станутъ знакомиться съ заблужденіями раскола еще въ школѣ.

Скажутъ: „изученіе раскола всѣми воспитанниками семинарій можетъ обременить молодежь и безъ того обязанную выслушать и выучить во время семинарскаго курса не малое число наукъ“. Но если дѣйствительно курсъ предметовъ семинарскаго образованія такъ обширенъ, что введеніе въ него какаго либо новаго, не указаннаго въ уставѣ, предмета можетъ составить лишній—невыполнимый трудъ для воспитанниковъ, въ такомъ случаѣ для рѣшенія означеннаго затрудненія мы можемъ указать на мѣру, въ который обратился Св. Синодъ при открытіи миссіонерскихъ отдѣленій и которая состояла въ томъ, что воспитанники, слушавшіе

(1) Тамъ же стр. 762. Мысль эта принадлежитъ много лѣтъ подвизавшемуся въ борьбѣ съ расколомъ Пресвященному Олопецкому.

уроки по расколу; освобождались „отъ посвященія менше важныхъ классовъ“ (1), т. е. мы находимъ возможнымъ учениемъ о расколѣ замѣнить какія либо другія науки, менше необходимыми русскому пастырю церкви. Какіе же изъ поименованныхъ въ уставѣ предметовъ семинарскаго образования можно было бы исключить изъ программы и замѣнить катедрой по расколу — безъ опасенія выпустить изъ семинаріи не „просвѣщенныхъ священнослужителей“? При открытіи миссіонерскихъ отдѣленій „менше важными предметами“, отъ слушанія которыхъ освобождались воспитанники, были признаны церковною властію греческій и нѣмецкій языки (2), — первый не тѣмъ основанъ, что съ нимъ воспитанники могли достаточно ознакомиться въ нижнихъ классахъ, — послѣдній, вѣроятно, потому, что русскому сельскому священнику не съ кѣмъ объясняться по-нѣмецки; а читать нѣмецкія книжки ему, занятому, по сознанію епархіальныхъ преосвященныхъ, до „обремененія многими трудами“ (3) и добываніемъ себѣ и семьѣ насущнаго куса хлѣба, нѣтъ времени, да и покупать эти дорогія книжки не на что. Если взять во вниманіе то обстоятельство, что, по новому уставу семинарій и училищъ, для греческаго языка полагается въ училищѣ 18 уроковъ, а въ семинаріи — 20, для латинскаго въ училищѣ 22 часа, а въ семинаріи 15-ть, то представляется полная возможность изыскать нѣвольное часось въ пользу катедры по расколу и въ настоящее время, — безъ всякаго ущерба для классическаго образованія будущихъ пастырей церкви. Если же въ виду усиленія классическаго образованія будетъ признано не-

(1) Тамъ же стр. 537.

(2) Тамъ же стр. 536.

(3) Тамъ же стр. 700.

удобнымъ ограниченіе числа уроковъ по языкамъ, въ такомъ случаѣ мы можемъ указать нѣкую науку, которую весьма легко забыть наукою о расколѣ. Это— „обзоръ философскихъ ученій“, для котораго, сверхъ опредѣленнаго числа часовъ для логики и психологіи, назначено 4 урока. Не то мы хотимъ сказать этимъ, будто знакомство съ историческимъ развитіемъ философской мысли—дѣло не нужное, или не важное, а то, что если уже наши воспитанники семинарій,—будущіе сельскіе пастыри, не могутъ, какъ и всякій смертный, знать всѣхъ наукъ, въ такомъ случаѣ долга справедливости требуютъ учить ихъ тѣмъ изъ нихъ, которыя могутъ быть болѣе полезны и необходимы для нихъ въ жизни и пастырской дѣятельности. А вѣдь едва ли кому придетъ въ голову доказывать, что священнику напр. ивугскаго погоста, повѣнецкаго уѣзда, олонецкой губерніи необходимо и полезно знать то, чему училъ какой либо Гераклитъ, чѣмъ то, что проповѣдывалъ въ свое время въ слухъ всего поморья уроженецъ Шунга, извѣстный въ расколѣ Данила Викулинъ, послѣдователями котораго и до нынѣ кишеть олонецкая и другія губерніи Россіи. Впрочемъ дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, такъ ясно, что распространяться объ немъ было бы излишне. А потому обратимся къ другому, болѣе существенному, вопросу, и именно: на какихъ средства могутъ быть отырымы при нашихъ семинаріяхъ самостоятельными кафедръ по расколу?

Судя по тому, что преподаваніе ученія о расколѣ въ семинаріяхъ новымъ уставомъ поставлено въ зависимость отъ „мѣстныхъ потребностей епархіи“, можно думать, что и обезпеченіе преподавателей этого предмета должно составлять заботу мѣстныхъ епархіальныхъ на-

чальствъ. Но если мы припомнимъ, что, по новому порядку вещей, на средства, изыскиваемые духовенствомъ каждой епархіи, при пособіяхъ изъ суммъ Св. Синода, должны содержаться духовныя училища (§ 2 уст. дух. учн.), что, по желанію духовенства, для его дѣтей можетъ быть увеличиваемо число учащихся въ семинаріяхъ, если будутъ отысканы мѣстныя, независимо отъ состоящихъ въ распоряженіи Святейшаго Синода, средства къ открытію особыхъ классовъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ классами, по штату положенными (§ 8 уст. дух. сем.), и что въ тоже время мѣстныя средства многихъ епархіи весьма ограничены, — то поймемъ, что рассчитывать на открытіе въ семинаріяхъ каедръ по расколу на мѣстныхъ епархіальныхъ средства значить мечтать почти о невозможномъ. Что же остается дѣлать? Остается или просить помощи у правительства, или — прискаты источники средствъ, находящіеся въ вѣдѣніи и распоряженіи самой церковной власти. Мы сознаемъ, что, послѣ Всемилостивѣйше дарованнаго духовно-учебному вѣдомству значительнаго пособія изъ государственнаго казначейства, обращаться къ правительству съ просьбою о новой помощи — крайне щекотливо; но дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, такъ важно и въ государственномъ отношеніи, что успѣхъ его не можетъ не интересовать и свѣтскую власть, хотя бы для этого ей пришлось принести новыя жертвы въ пользу духовной науки. Каждый знаетъ, и министерство внутреннихъ дѣлъ знаетъ больше всякаго, сколько хлопотъ, заботъ и денегъ стѣбитъ расколъ каждый годъ свѣтскому правительству. Пусть хотя часть средствъ, которыя ежегодно тратитъ правительство на дѣла по расколу, поступитъ на приготовленіе дѣтелей противъ

заклуждающихъ — въ лицѣ приходскихъ священниковъ, и семинарскихъ каедръ по расколу будутъ обеспечены. И мы думаемъ, что, если для свѣтской власти не безразлично, платятъ ли крестьяне Владимірскаго уѣзда исправно подати, или не платятъ по наущенію хлыстовской богородицы Анулины Тимофеевны, — убиваетъ ли Куртинъ своего 7-ми-лѣтняго сына, или онъ остается живымъ и дѣлается въ послѣдствіи полезнымъ членомъ общества (1), обираетъ ли суевѣрныхъ казаковъ Голубинской станицы святоша Силвертъ Константиновъ, или ихъ деньги идутъ на улучшение хозяйства (2), приносятъ ли раскольники, поступающіе въ солдаты, присягу на вѣрность службѣ Государю, или нѣтъ (3), отбываютъ ли, такъ называемые, странники всѣ государственныя повинности, или только бродяжничаютъ во имя религіи, совершая при этомъ самыя тяжкія уголовныя преступленія (4) и проч. и проч., — если все это не безразлично для свѣтскаго правительства, въ такомъ случаѣ оно не можетъ отказать духовной школѣ въ пособіи при устройствѣ ея каедръ по расколу — для приготовленія пастырей церкви, способныхъ разсвѣять тьму раскола. Но если бы почему либо надежды наши на помощь гражданской власти не оправдались, — въ такомъ случаѣ мы можемъ указать средства, которыя находятъ ся въ вѣдѣніи власти церковной и которыя удобно обратитъ на жалованье семинарскимъ преподавателямъ науки о расколѣ. Это — выдаваемое изъ суммъ Св. Синода жалованье, такъ называемымъ, миссіонерамъ равныхъ

(1) „Вечерняя Газета“ 1867 г. № 203.

(2) Тамъ же № 205.

(3) Собр. постан. по част. раск. 1858 г. стр. 631 и 641.

(4) Тамъ же стр. 579—80.

епархій. Еще прежде мы говорили, что, по опредѣленію Св. Синода, существуютъ нынѣ во всѣхъ епархіяхъ, гдѣ сидѣтъ расколъ, особыя миссіонеры изъ священниковъ—съ особымъ и нерѣдко значительнымъ жалованьемъ. А теперь прибавимъ, что существованію этихъ лицъ, какъ' особыхъ, безприходныхъ миссіонеровъ, пора положить конецъ. Доказывать много справедливость такого приговора нѣтъ нужды. Миссіонеръ, разъѣзжающій по епархіи, гдѣ каждый приходъ имѣетъ *своего* священника, миссіонеръ, учащій чужую, незнакомую ему паству, помимо примаго ея пастыря, обязаннаго дѣлать тоже (1), а нерѣдко и съ униженіемъ его,—миссіонеръ, мечтающій обратить къ церкви раскольниковъ, съ которыми видится два-три раза въ годъ, да и то на нѣсколько дней, а часто и часовъ (2), между тѣмъ какъ, по сознанію самихъ епархіальныхъ начальствъ, „для успѣшнаго дѣйствованія на заблуждающихъ нужно выжидать благоприятныхъ къ сему случаевъ“ (3), миссіонеръ, назначенный для собесѣдованія съ раскольниками нѣсколькихъ уѣздовъ (4), а если и одного, то растянутаго слишкомъ на 38,000 квадратныхъ верстъ (5), и притомъ—съ сообщеніями самыми затруднительными,—миссіонеръ, самое названіе котораго, по донесенію епархіальныхъ начальниковъ, встрѣчаетъ въ заблуждающихъ предубѣжденіе (6) и который на глаза раскольниковъ есть не больше, какъ странствующій агентъ власти въ родѣ становаго,—однимъ словомъ—

(1) Собр. постанов. по част. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 614.

(2) Тамъ же стр. 781 и 787.

(3) Тамъ же стр. 613.

(4) Тамъ же стр. 616, 739, 741, 840—1 и др.

(5) Тамъ же стр. 596.

(6) Тамъ же стр. 740.

миссіонеръ противъ раскола въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ доселѣ у насъ,—это такое странное и непригодное для цѣли явленіе, что мы несколько не удивимся, если о подобныхъ лицахъ епархіальные преосвященные присылаютъ въ Св. Синодъ донесенія слѣдующаго рода: „миссіонеръ священникъ А..... въ теченіе первой половины 1857 года употреблялъ все свободное время на увѣщаніе раскольниковъ, но успѣха въ обращеніи ихъ не имѣлъ“, разумѣется, „по упорству раскольниковъ“ (1), и если, не смотря на существованіе подобныхъ миссіонеровъ въ епархіяхъ, расколъ не только не уменьшается въ своихъ размѣрахъ, а даже увеличивается. А между тѣмъ эти, ничего не достигающіе, дѣятели противъ раскола получаютъ изъ суммъ Св. Синода жалованье, какого дониндѣ не получаютъ наставники большей части семинарій. Напр. миссіонеры Олонецкой губерніи (а ихъ, кажется, нынѣ четыре) получаютъ каждый по 800 р., да помощники ихъ по 200 р. (2), а всѣ вмѣстѣ—такую сумму, на которую можно открыть каведры по расколу почти въ пяти семинаріяхъ, если даже полагать жалованье наставникамъ по новому штату, т. е. отъ 700 до 900 рублей каждому. А Олонецкая епархія не единственная, гдѣ такъ щедро награждаютъ миссіонеровъ (3). Вотъ эти-то средства, нынѣ безъ пользы для православія употребляемыя на жалованье миссіонерамъ разныхъ епархій, безъ всякаго затрудненія, по нашему мнѣнію, могутъ быть обращены на открытіе во всѣхъ семинаріяхъ каведръ по расколу. Потери для дѣла отъ этого не будутъ ни-

(1) Тамъ же стр. 806—7.

(2) Тамъ же стр. 737—739.

(3) Тамъ же стр. 741.

накой, а между тѣмъ подобный порядокъ вещей дастъ возможность готовиться къ успѣшному дѣйствованію на заблуждающихся цѣлымъ тысячамъ будущихъ пастырей церкви — такъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ у насъ будутъ миссіонерами по расколу всѣ наши священники — каждый въ своемъ приходѣ. При этомъ только условіи и возможно осуществленіе истинно мудрой мысли Св. Синода, чтобы „пастырская заботливость приходскихъ священниковъ не ограничивалась тѣмъ кругомъ, въ которомъ расколъ явно себя обнаруживаетъ, но простиралась бы гораздо далѣе, именно: проникала бы въ тѣ тайныя сборища, гдѣ, при всей видимости православія, подозрѣвается какое либо опасеніе для него отъ заражающагося раскола и темныхъ и превратныхъ мыслей о св. вѣрѣ“ (1), т. е. сборища, которыя можетъ знать приходскій священникъ, но которыя рѣшительно недопустимы для миссіонера по оффиціи, развѣщающаго съ словомъ благовѣстія по нѣсколькимъ уѣздамъ.

(1) Тамъ же стр. 711—712.

**АРХИПАСТЫРСКОЕ ПОСЛАНІЕ МОЛДАВСКАГО МИТРОПОЛИТА
ПО ПОВОДУ ИНОЗЕМНОЙ И ИНОВѢРНОЙ ПРОПАГАНДЫ ВЪ
ЯССАХЪ.**

*Извлеченіе изъ Молдавскаго официального журнала „Прогрессъ“
№ 69 отъ 13 сентября 1867 года.*

Грамота Архипастырская № 1804, адресованная Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ къ духовнымъ своимъ чадамъ, объявляется, во всемъ ея содержаніи, для общаго свѣдѣнія.

Смиренный Калининъ Миллеско,
Милостию Божіею Архіепископъ и Митрополитъ Молдавскій и Сучавскій.

Возлюбленные во Христвъ духовныя чада!

Первѣйшая цѣль основанія всякаго учебнаго института должна быть та, чтобы въ сердцахъ юношества, которое въ нихъ воспитывается и возрастаетъ, укоренить почитаніе вѣры отцовъ, почтеніе и любовь къ отечеству, почтеніе и любовь къ родителямъ, а затѣмъ уже слѣдуетъ познаніе и насажденіе другихъ наукъ и чувствованій.

Тѣ заведенія, которымъ недостаетъ одного изъ выше-

неисключенныхъ, необходимыхъ условій, или которыя на-
правлены бы къ иной цѣли, перестаютъ быть инсти-
тутами національными: они уже не представляютъ въ
себѣ никакого ручательства за благо воспитанія и про-
свѣщенія нашего юношества.

Учрежденіе такого рода несчастныхъ институтовъ въ
нашей странѣ, неимѣетъ слѣдственно другой цѣли, кро-
мѣ той, чтобы дѣйствовать, сколь возможно болѣе, къ
погашенію въ сердцахъ нашихъ дѣтей чувствъ націо-
нальности и любви къ отечеству, а еще болѣе — содѣ-
лать ихъ холодными къ вѣрѣ родителей своихъ, если
еще и не прозелитами иноземныхъ исповѣданій.

Если, возлюбленные духовныя чада наши, рѣшились
мы говорить вамъ объ учрежденіи подобныхъ институ-
товъ, то само собою разумѣется, что тутъ должна быть
причина великой важности для національности и для
нашей православной вѣры: тутъ должна быть причина,
побуждающая всякаго пастыря, всякаго духовнаго отца
положить руку на пастырскій свой жезлъ „Слово“ и
тѣмъ пробудить чадъ своихъ, дабы не были уловлены
въ сѣти, которыя разставляются имъ въ видѣ гуманно-
сти, но отъ которыхъ не можетъ быть иного результа-
та, кромѣ злополучнаго и опаснаго для нашей націо-
нальности и религіи.

Хранителями нашей національности были: вѣра и цер-
ковь. Имъ-то обязаны мы существованіемъ нашимъ по-
литическимъ и именемъ румыновъ. А потому — церковь
и вѣрѣ нашей да будетъ вѣчная благодарность наша!
Когда же, наконецъ, возникаютъ посягательства, тація,
которыя идутъ къ убійству наиглавнѣйшаго элемента
нашего существованія — религіи, тогда возможно ли намъ
оставаться хладнокровными зрителями? Еще болѣе, не

постыдно ли намъ собственными своими руками соорудить нашу гибель? О, нѣтъ, возлюбленные чада наши! На нашемъ достоинствѣ, на нашей обязанности лежитъ то, чтобы проникать со всѣмъ вниманіемъ даже въ самое добро, которое исходитъ бы къ намъ съ той стороны, гдѣ наша святая вѣра могла бы претерпѣть какой либо ущербъ. На нашей обязанности лежитъ показать себя достойными сынами пращуровъ нашихъ, достойными хранителями національности и нашей вѣры православной.

Отцы и пращеры наши боролись за охраненіе сихъ элементовъ, а мы нынѣ допускаемъ въ сердцахъ и душахъ дѣтей нашихъ, разрушеніе священныхъ и животворящихъ догматовъ, тѣмъ паче въ такое время, когда намъ не предстоитъ виѣшней борьбы и когда сохраненіе ихъ зависитъ единственно лишь отъ благоразумія и предусмотрительности нашего? Было бы постыдно для насъ, намъ надлежало бы краснѣть вспоминая о религіозныхъ и національныхъ подвигахъ отцовъ нашихъ, думая о попеченіи и благоговѣніи, которыми они питали къ религіи ихъ отцовъ!

Почти уже два года, какъ здѣсь, въ нашешъ городѣ Яссахъ, учрежденъ учебный институтъ для дѣвицъ, подъ управленіемъ вѣконихъ монахинь западнаго исповѣданія. Мы не были противъ учрежденія этого института, потому что въ нашей землѣ вѣротерпимость всегда была обеспечена. Ни въ какой странѣ вѣроисповѣданіе не имѣло столько свободы, сколько у насъ. Желаніе наше, однако, въ самомъ началѣ было то, чтобы въ томъ институтѣ преподавалась наша православная вѣра однимъ изъ нашихъ священниковъ, который имѣлъ бы

попечение о религиозныхъ обязанностяхъ дѣвицъ, само собою разумѣется дѣвицъ нашей православной вѣры.

Много мы старались, дабы достигнуть осуществленія нашего желанія; но все было тщетно. Наконецъ, по обязанности нашей, мы вступили въ сношеніе съ нашимъ правительствомъ, чтобы оно официально обязало тѣхъ монахинь обучать православныхъ дѣвицъ нашему православному исповѣданію; и правительство, сознавъ справедливость нашего ходатайства, приняло надлежащія къ тому мѣры; но за всѣмъ тѣмъ, не только доселѣ ничего въ этомъ отношеніи не сдѣлано со стороны тѣхъ монахинь, а напротивъ, дирекція этого института оказываетъ гораздо большее систематическое сопротивленіе во введенію преподаванія нашей православной вѣры нашимъ дѣвицамъ. Судите сами, любезныя наши чада! Если учрежденіе сего института среди насъ не имѣетъ затаенной цѣли, — вернуть нашу вѣру въ истинныхъ сердцахъ дѣтей нашихъ, то для чего же дирекція уклоняется отъ преподаванія нашей религіи дѣтямъ нашимъ? Для чего такое упорство? Это доказываетъ намъ, что учрежденіе сего института имѣетъ не добрую затаенную цѣль относительно религіи нашихъ праотцевъ. Колибы мы отправились въ страну тѣхъ монахинь, дозволили ли бы намъ открывать тамъ училища въ подрывъ религіи ихъ? Предоставляемъ вамъ, любезныя чада, отвѣчать на это.

Какъ восторгъ истребъ духовный, подвинутой чувствомъ долга и страхомъ ответственности предъ Богомъ, снѣ мы исполняемъ нашу обязанность. Но обращаемся и къ вамъ, любезныя чада наши, требуемъ и отъ васъ вниманія, пробуждаемъ и васъ и укажемъ вамъ опасность, которая виситъ надъ религіею нашею, опасность,

которая дѣти и кажется слабѣе генеръ, въ началѣ; но
необманывайтесь! Не въ дальнемъ времени она содѣ-
дается фактомъ ко вреду нашей вѣры, и тогда испра-
вленіе ада, ежели и не будетъ невозможно, встрѣтитъ
великія затрудненія. Такимъ образомъ, исполняя нашу
обязанность пробужденіемъ васъ, еще вызываемъ: не упу-
скайте изъ виду, возлюбленные во Христа чада, того,
что и вы, зная адо, понесете часть тяжкой отвѣтствен-
ности, если не будете заботиться о нашей вѣрѣ.

Отъ васъ, любезныя наши чада, зависитъ предупре-
дить опасность, не отдавая дѣтей своихъ въ тотъ ин-
ститутъ. Отъ васъ зависитъ болѣе, нежели отъ кого
либо, сдѣлать такъ, чтобы чужіе уважали нашу вѣру
въ землѣ нашей и познали, что румыны, держась сво-
его и борясь за отечество свое, никогда не забываютъ
вѣры отцовъ своихъ.

Для румыновъ вѣра и отечество суть одно и тоже.
Вѣра воодушевляетъ въ насъ любовь и преданность къ
отечеству, а отечество вселяетъ въ насъ благоговѣніе
къ вѣрѣ, древней и истинной вѣрѣ отцовъ нашихъ.

Только чрезъ такой взаимный союзъ сихъ великихъ и
животворящихъ началъ, румыны сохранили дебѣ дымъ,
отечество и церковь; иначе же, не будь сего вадимва-
го союза, давно исчезли бы, вмѣстѣ съ вѣрою, отече-
ство и національность наши.

Во все то время, на сколько милосердіе Божіе про-
литъ нашу жизнь, не переставемъ ни на одну минуту
имѣть попеченіе объ обязанностяхъ паствы нашей. Бу-
демъ блюсти, сколько возможно болѣе, чтобы духо-
wnыя наши чада, преусиѣвали на древнемъ пути ре-
лигіозности, нравственности и національности.

Не переставемъ такъ же возносить смиренныя наши

молитвы къ благому и всемогущему Господу Богу о сохраненіи и счастіи румынскаго нашего народа вообще, равно о счастіи и благоденствіи каждаго особо. А чтобы молитвы наши были угодны Отцу небесному, то и чада наши духовныя да не покинуть путь предковъ своихъ, путь добродѣтели, нравственности, религіозности и національности. Такимъ образомъ благословеніе Господне всегда пребудетъ съ вами, и дома ваши пребудутъ хранимы отъ всякой напасти.

(подписали:) *Калиникъ Митрополитъ Молдавскій.*

Директоръ Митрополіи *Мандре.*

Сентября 12 дня 1867 г.

Въ Мандре.

ВЕСЬЕЛЛЫЯ СТОРОНЫ НАШЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

(изъ епархіальныхъ вѣдомостей)

Двѣ статьи, одновременно (отъ 1-го ноября 1867 г.) появившіяся въ разныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, одна: *о чтеніи въ Церкви и церковномъ явленіи*, во Владимірскихъ, другая: *замѣтки для священно-церковно-служителей изъ наблюденій одного сельскаго блаочиннаго*, въ Вологодскихъ, останавливаютъ на себѣ особенное вниманіе. Изъ первой можно видѣть, какъ нашимъ православнымъ народомъ мало еще усвоены христіанскіе понятія и начала жизни; вторая свидѣтельствуесть, чего еще недостаетъ самому духовенству, чтобы оно могло содѣйствовать этому усвоенію. „Каковъ попъ, таковъ и приходъ“, говоритъ наша народная пословица; но столько же вѣрна и обратная мысль: „каковъ приходъ, таковъ и попъ“. Судить и осуждать кого либо въ этомъ случаѣ трудно, да и было бы безплодно. Несомнѣнно то, что если русской народъ имѣетъ свою лучшую духовную, а съ нею и матеріальную будущность, то этого лучшаго онъ можетъ достигнуть только чрезъ церковь, при содѣйствіи Ея служителей. Народъ воспитывается отълько вѣрою; а вѣра дается прежде всего словомъ;

кто не слышалъ евангельскаго ученія, то есть, не по-
нять и не усвоить его по ширѣ данныхъ силъ, тотъ не
можетъ быть христіаниномъ: истины — такія общемоу-
вѣстныя и простыя, что, кажется, къ чему ихъ и по-
вторять? А между тѣмъ намъ нужно не только повто-
рять ихъ, но и доказывать и непрестанно напоминать;
мы видимъ милліоны вращенныхъ людей, среди кото-
рыхъ цѣлыя столбѣя существуютъ православныя храмы
съ пріятами при нихъ и Богослуженіямъ въ нихъ, и
вторые, посѣщая даже эти храмы и присутствуя при
Богослуженіи, все еще не научились сосчитать хотя бы
того, сколько у нихъ боговъ, сколько бегородицъ,
которые не вдругъ отвѣтятъ на вопросъ: какіяница не
есть ли также Богъ, — а о молитвѣ, хотя бы только
Господней, и спрашивать ихъ нечего. Что же это зна-
чить, въ самомъ дѣлѣ? И въ самой дурной школѣ че-
му-нибудь да можно же научиться, если тамъ учитель
хотя чему-нибудь учить. За чѣмъ же эти люди ходятъ
въ церковь, что они тамъ дѣлаютъ и что оттуда вы-
носятъ? На это отвѣтить предлагаемыя упомянутыя
статьи, которые мы позволяемъ себѣ перепечатать лишь
съ небольшими сокращеніями. Дай Господи, чтобы по-
добныя, хотя бы и полезныя и благонамѣренныя голоса,
по всѣмъ концамъ православной Россіи и особенно по
важнымъ духовно—и педагогическимъ—учебнымъ заведеніямъ
раздавались непрестанно и напоминали бы намъ, какъ
мы, учаеъ повидимому многому, недоучиваемся на са-
момъ дѣлѣ до азбуки сознательной жизни. Доложь мы-
служители церкви—не возничаемъ себѣ на столюе, что-
бы напр. читая молитву въ слухъ, читать такъ, чтобы
ниши слова можно было явственно разобрать, или, —
приходя въ храмъ Божій, вести себя какъ слѣдуетъ че-

ловѣку, сознательно пришедшему для молитвы и слушанія слова Божьяго, — дотогѣ, чему бы ми ни учились, нѣтъ и не можетъ быть никакой надежды на развитіе православнаго народа церковію, — дотогѣ и раскольники, и магометане, и евреи, и особенно явнадное духовенство, тѣмъ и въ Россіи начинающее по русски совершать свое Богослуженіе и проповѣдывать, по ихъ совѣсти будутъ считатьъ себя въ правѣ искать вліянія на нашъ безграмотный народъ, никакому не могущій научиться въ своей церковѣ, и даже на очень грамотное общество, часто не менѣе народа жаждущее слова истины и церковной молитвы, — молитвы хотя бы неразвлекаемой живною небрежностію служащихъ и неблагоговѣніемъ предстоящихъ.

О чтеніи въ церкви и церковной проповѣди.

Разумѣли ли, какъ чтеніи?
(Дал. VIII, 30).

При слушаніи церковнаго чтенія, намъ не разъ приходилось повторять (про себя, разумѣется) вопросъ Филанна епископа царяца Кандави: *разумѣли ли, какъ чтеніи?*

Пока поютъ, вы замѣчаете еще иъветарое вниманіе въ предстоящихъ. Они еще внимаютъ стройному гвѣнію, восхищаются и умногора вить; слушаютъ, покажутъ, и безобразное гвѣніе и подоживаются, — особенно это можно замѣтить въ индяхъ, именующихъ себя образованными. Но вотъ навр: начинается чтеніе мѣстопсалма, — вы видите, что одни начинаютъ перешептываться, заглядывать по сторонамъ, заглядывать подъ шапки и

шапки, смотреть на часы — сколько доспать времени продолжится чтеніе шестосеалмія. Такъ ведетъ себя одна половина предстоящихъ, — это образованный классъ. Эти люди мнѣть про себя, что имъ давно уже известно все то, что читается въ церкви, что они пришли въ церковь и не выходить изъ нея больше для приличія, что они своимъ присутствіемъ дѣлають честь и украшеніе церкви... Другая половина, люди простые, люди одной вѣры, забывшись гдѣ нибудь въ уголокъ, просить Бога и святаго, которымъ поставили свѣчу, просить и благодарять всякій по своему, о своемъ и за свое (1). Начинается чтеніе „каонзми“, — и еще не внимательнѣе слушаютъ предстоящіе это чтеніе. Такъ, въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ церквахъ, при совершеніи богослуженія, можно увидать ту же картину, какую нарисовалъ соборъ 1666—67 гг. „читаютъ и поютъ въ два, въ три голоса, разговариваютъ о суетныхъ и притворенныхъ попеченіяхъ, взымаются всякъ своей иконѣ“ (теперь только изъ дому не приносятъ иконъ) и пр.

Гдѣ же въ нашей церкви единство, то единство, котораго желалъ Единородный Сынъ Божій? Гдѣ то единомысліе, единство сердца и устъ, о чемъ такъ по-

(1) Вотъ вы слышите изъ одного угла учащенное: „Господи Іисусе“; изъ другаго: „Мать Божія Богородица, Владимірская, Сморбшная, Неопалимаа Куниа“!... „Никола Милостивый сохрани насъ отъ водяной потопи“; изъ третьяго: „Хлоръ Лаверь, батюшка, попаси нашихъ лошадохъ отъ лихаго человека“! а Власій Недосій защита нашихъ коровъ отъ иброваго повѣтрія“! По народному названію Хлоръ—Лаверь одно лице и есть не что иное, какъ коневій богъ. Власій—Недосій тоже многими считается за одно лице за бога коровъ. Народъ потому, быть можетъ, и присоединилъ къ Власію Недосіа, что они часто рисуются на одной иконѣ и ижеа ихъ подходитъ подъ ризну. Выдаютъ и не такіа молитвы: иногда молятся „Николѣ милостивому“, чтобы онъ пособилъ мужику обдѣлать какое нибудь безчестное дѣльце. „Вынеси только, угонянкъ Божій, рублеву свѣчу поставилъ“!

стоинно молить православная церковь и къ чему приглашаетъ всѣхъ православныхъ христіанъ, предстоящихъ во храмѣ? Гдѣ тотъ страхъ и трепеть, съ которыми должны предстоить въ храмѣ православные христіане, когда мы нерѣдко не видимъ ни простаго приличія?..

Но здѣсь виновны не одни предстоящіе, а и творящіи съ небреженіемъ дѣло Божіе. Они не только что осорбляютъ Бога, но соблазняютъ и своего брата. Иной и желалъ бы помолиться вмѣстѣ съ церковію, да нѣтъ возможности: *ничего не разберетъ и не пойметъ*. Тутъ уже по необходимости всякій будетъ справлять свою службу. Религіозное чувство всегда такъ или иначе желаетъ выказаться предъ Богомъ. Тѣ же изъ предстоящихъ, которые легко смотрятъ на церковное богослуженіе, — еще легче, еще небрежнѣе начинаютъ относитися къ этому дѣлу, когда видятъ, что сами предстоятели считаютъ церковную службу дѣломъ оціальнымъ, когда стараются только выполнить такъ или иначе уставъ. А другая половина предстоящихъ, люди вѣрующіе въ простотѣ сердца и мнѣшіе достигнуть оправданія и святости одною вѣщностію, люди принимающіе средства къ оправданію и освященію за самую дѣль, — люди эти находятъ подтвержденіе своихъ ложныхъ мнѣній въ такомъ небрежномъ совершеніи богослуженія. Хожденіе въ церковь и стояніе при неразборчивомъ и непонятномъ чтеніи, а подъ часть, и пѣніи принимается ими за подвигъ благочестія. Они слышатъ, что нужно ходить въ церковь, что безъ церкви нельзя спастись; они и ходятъ и стоятъ тамъ безъ всякаго участія въ общихъ молитвахъ церкви, и думаютъ, что это-то и есть подвигъ и средство ко спасенію. При

такомъ убѣжденіи у нихъ очень естественно можетъ родиться и дѣйствительно рождается вотъ, какого рода мнѣніе: если самое стояніе при чтеніи отъ „божественныхъ писаній“ ведетъ къ спасенію; то, стало быть, гдѣ дольше стоять и больше читаютъ, тамъ скорѣе можно достигнуть праведности, а пожалуй, и святости. Но гдѣ дольше стоять, больше и даже чиндѣе читаютъ, какъ не у раскольниковъ? Что читаютъ, это имъ все равно лишь бы то было только отъ „божественныхъ писаній“. Такой взглядъ давно укоренился въ нашемъ народѣ (1).

Кромѣ того, что небрежное чтеніе служить одною изъ причинъ охлажденія къ св. церкви; оно же служитъ, одною изъ причинъ къ поддержанію языческихъ суевѣрій въ нашемъ народѣ. Это, во первыхъ, вотъ какъ бываетъ: народъ нашъ, участвуя при церковномъ богослуженіи и не имѣя возможности молиться по молитвамъ церкви, справляетъ въ церкви свою службу. Но всякому извѣстно, что народныя молитвы носятъ на себѣ языческій характеръ, болѣе или менѣе прикрытый

(1) Намъ привелось разъ слышать торжественное признаніе одного православнаго въ томъ, что онъ ходитъ въ церковь, чтобы послушать отъ Бож. Писаній и что, это „большо полезно“. „А что тамъ читается, понимаешь?—Нѣтъ. За чѣмъ же ты ходишь, когда не понимаешь?—Да полезно.—Что же тутъ полезнаго?—Вся такъ говорятъ.—Тебѣ скажутъ, что въ воду колесомъ деньги бросать, имъ бросишь?—Нѣтъ.—Почему?— Они зря пропадутъ.— А въ церковь дасць деньги?—Даютъ.—Можетъ быть и тамъ они зря (напрасно) пропадаютъ—Нѣтъ: тамъ читаютъ слово Божіе.—Да вѣдь ты не понимаешь? Нѣтъ.—Ну что, если вотъ теперь тебѣ почитаютъ изъ слова Божія, ты подумаешь, что это може полезно тебѣ будетъ и дашь денегъ?—Да.— Одинъ изъ бывшихъ въ этомъ собраніи раскрылъ Библию и началъ читать X гл. изъ книги Бытія, гдѣ, какъ извѣстно, разсказывается о потопѣхъ Иосифа съ женою. По прочтаніи, мужикъ, на слова не говоря, встаетъ и даетъ чтецу три копейки. „За что ты даешь?—За то, что ты читаешь изъ божеств. писанія.—Да ты понялъ ли что нибудь?—Нѣтъ, ничего!“ Полезно, значить одно чтеніе ..

христианствомъ, т. е. языческія понятія прикрываются христианскими именами, лицами и событиями. Такъ всѣ свойства и качества древнихъ божествъ Перуна, Велеса и пр. народъ перенесъ на св. пророка Ілію, св. Власія и проч. Далѣе—народъ выхватываетъ изъ чтенія только отдѣльные слова и фразы и понимаетъ ихъ по своему полуязыческому воззрѣнію, чего, разумѣется, не могло бы быть, если бы народъ разслушивалъ и понималъ все прочитанное. Черезъ это полуязыческія понятія получаютъ нѣкоторымъ образомъ санкцію на свое существованіе: народъ думаетъ, что самое божес. писаніе говоритъ то же самое, что у него на умѣ.— Это второе. Въ третьихъ: народъ, думающій, что спасительная сила находится въ самыхъ словахъ, написанныхъ или произнесенныхъ, не понятыхъ и не усвоенныхъ ни умомъ ни сердцемъ,—считаетъ эти слова за нѣкіе талисманы, имѣющіе магическую силу. И чѣмъ хитрѣе, чѣмъ непонятнѣе слово, тѣмъ оно кажется сильнѣе и привлекательнѣе. Такъ народъ нашъ привѣшиваетъ на крестъ многіе тексты изъ Библии, написанные на лоскутѣхъ бумаги, чтобы избавиться *отъ лихой болѣсти*; чтобы найти поправу и устигнуть вора, читаютъ: Отче нашъ „*наизворотъ*“, т. е. начиная съ послѣдняго слова: *отъ лукаваго насъ не избави* и проч. Чтобы отомстить своему врагу читаютъ псаломъ 108: *Боже ждали моя не премолчи* и до конца. Пожалуй нѣкоторые скажутъ, что произнесеніе священнаго текста, особенно произнесеніе нѣкоторыхъ словъ, какъ напр. бож. имени „*Іисусъ*“, можетъ имѣть чудотворную силу: произнесеніемъ имени Іисуса Христа изгоняются бѣсы; дальнѣе начертаніе этого достопамятнаго имени и начертаніе креста тоже могутъ имѣть спаса-

таинство дѣйствіе. Мы совершенно согласны, что досто-
покланяемое имя Іисусъ и крестъ Христовъ могутъ бли-
зывать сверхъестественную силу; но только тогда, ког-
да произносящій и начертывающій ихъ на себя будетъ
имѣть въ своемъ умѣ правильное понятіе о нихъ, ког-
да онъ имѣетъ ихъ уже начертанными въ своемъ серд-
цѣ, и воздѣетъ имъ должное чествованіе не словами
только и вѣншностію, но дѣлами по внутреннему че-
ловѣку. Мы знаемъ, что крестъ начертывался и изоб-
ражался и прежде распятія Христа и послѣ многими
неправовѣрующими и язычниками. Его изображали и
на одеждахъ и на украшеніи домашней утвари, на немъ
распинали—и все это было и прежде и послѣ распятія
Христового. Остало быть, можетъ имѣть спасительное
дѣйствіе не вообще „крестъ“, но только „крестъ Хри-
стовъ“. Мы знаемъ также, что достопокланяемое имя
Іисусъ Христовъ произносили и произносятъ, начерты-
вали и теперь изображаютъ многіе невѣрующіе въ не-
го и многіе неправовѣрующіе; но въ ихъ устахъ и на-
чертаніяхъ это имя не имѣетъ никакой спасительной
силы ни для нихъ, ни для другихъ; мало того, невѣ-
рующіе и неправовѣрующіе произнесеніемъ и начерта-
ніемъ бож. имени Іисусъ могутъ себѣ только вредъ
причинить: потому что въ ихъ сердцахъ нѣтъ должнаго
вниманія и благоговѣнія къ этому бож. имени. Мы
знаемъ изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, что невѣрую-
щіе во Христа іудеи думали было употребить Его
бож. имя для заклинанія духовъ нечистыхъ, думали во-
спользоваться стигмъ именемъ, какъ нѣкимъ таинствен-
нымъ талисманомъ; и что же вышло? Когда, скажемъ
словами книги Дѣяній, *начавша шцати отъ скитающахся
іудей заклинателей иметовати надъ иицими души му-*

камыя имя Господа Иисуса Христа, плачуще: *зашли-
наемъ въ Иисусама, Емо же Паведа впровадуети...* *Отъ-
шавъ же духъ лукавыи, рече: Иисуса амаю и Павла отма,
вы же кто есте? И отачи на нисъ чедотствъ, въ намъ же
бъ духъ лукавыи, и одальвъ имя, укрѣпясь на нисъ, яко
же нацима и уроченима избѣжати отъ храма амаю*
(Дѣян. XIX, 13, 15, 16). Стало быть, полевцо не од-
но произнесеніе имени Иисусъ, но живая и дѣятельная
вѣра въ Него, какъ въ Богочеловѣка.

Большинство нашего православно-русскаго народа
употребляетъ и до сихъ поръ нѣкоторыя священныя
изображенія и изреченія только съ внѣшней стороны,
только—какъ мы сазали—какъ магическіе талисманы,
замѣнившіе собою древнеязыческія чары гудесниковъ и
жрецовъ. Вы и теперь нерѣдко встрѣтите многихъ бо-
гобоязненныхъ старушекъ, которыя, чтобы избавиться
отъ *лихоманки* (лихорадка) идутъ къ священнику за
тѣмъ, чтобы онъ далъ священной зола, или нацисалъ
бы какое нибудь мудрое изреченіе. Если эти средства
не отгонять злой болѣзни, то вы увидите тѣхъ же
старушекъ у колдуна (который есть ничто иное, какъ
древне-русскій жрецъ—гудесникъ), который имъ дастъ
вмѣсто мудраго библейскаго изреченія какую нибудь
безсмысленную челуху, въ родѣ „абрамадобра“, вмѣсто
зола изъ кадила—сушеную змію и проч. Вы тутъ ви-
дите явное сопоставленіе язычества съ христіанствомъ
и замѣчаете какъ, конечно, между прочимъ, неприятное
чтеніе въ церкви поддерживаетъ въ народѣ увѣренность
въ спасительное дѣйствіе одной обрядовой внѣшности,
и какъ надъ этою внѣшностію, которая по своему зна-
ченію должна бы изображать наглядно ту или другую
христіанскую истину и быть средствомъ къ освященію

и оправданію, иль, говоримъ, подъ покровомъ этой
вѣщности доселѣ дышетъ язычество.

Конечно не вездѣ читають съ небреженіемъ. Мы слы-
шимъ въ нѣкоторыхъ церквахъ чтеніе внятное и раз-
дѣльное, въ которомъ можно разслышать каждое слово.
Но и тутъ довольно является вопросъ: разумѣють ли,
что читають? Многие чтецы, тамъ и чувствуется, что
не понимаютъ произносимыхъ ими словъ и фразъ: оста-
навливаются безъ всякой запятой, точки пречитываютъ
безъ всякой остановки, дѣлають логическое удареніе
на союзахъ, чувствуютъ на предлогахъ. Такое чтеніе
не многимъ чѣмъ удовлетворительнѣе чтенія нерабор-
чиваго; такое чтеніе пойметъ только тотъ, кто прежде
знакомъ съ его содержаніемъ.

Но есть и хорошіе чтецы, которые читають со смы-
словъ и понимаютъ. Понимають ли такое чтеніе пред-
стоящіе, православные христіане? *Какъ могутъ разу-
мѣть, еще не кто наставитъ ихъ?*... Все прочитанное
понимають не многіе, опять тѣ же, которые были пре-
жде знакомы съ содержаніемъ извѣстнаго чтенія или съ
содержаніемъ вообще христіанской религіи. Большин-
ство же выхватываетъ только отдѣльныя фразы и по-
нимаетъ ихъ по своему личному воззрѣнію. Однакъ во-
тикъ долгое время прислушивался къ воскресному еван-
гелію отъ Іоанна, 67 зач., и никакъ не могъ понять,
что такое тамъ говорится, хотя этотъ вотакъ хорошо
говорить по русски. Вотика этаго звали Семеномъ
Ивановичемъ. Вотъ онъ разъ и спрашиваетъ священника:
„бачева, что это ты все читаешь: Семенъ Иванычъ лю-
билъ ли меня?!“ Положимъ, что это вотакъ, а русскіе
правильно ли понимаютъ ясное и раздѣльное чтеніе?
Нѣкоторыя слова изъ церковно-славянскаго языка сла-

ли уже непонятны для русскаго челоуѣка. Многія фразы, подстрочно переведенныя съ греческаго языка, и образованному челоуѣку трудно уразумѣть, не то что простолюдину. Слыша отдѣльныя слова и фразы, народъ простой соединяетъ съ ними свои доморощенныя понятія, — какъ было выше сказано, — уцѣлѣвшія отъ язычества и получившія особенный характеръ отъ вліянія христіанства. Это смѣшеніе христіанства съ язычествомъ и укрытіе языческихъ понятій подъ христіанскою внѣшностію очень легко могло случиться вопервыхъ потому, что христіанская религія досталась намъ не на русскомъ языкѣ: догматы вѣры, выраженные съ свойственною въ то время грекамъ діалектическою тонностію, не могли быть съ точностію передаваемы на славяно-русскій языкъ, бѣдный въ то время, отвлеченными понятіями; развитыя понятія греческаго образованнаго ума не могли уложиться въ умъ тогдашняго русскаго челоуѣка. Развитыя, на основаніи слова Божія, правила нравственности и приспособленныя къ понятіямъ и складу жизни образованныхъ грековъ, не могли быть ни всецѣло поняты, ни приложены къ понятіямъ и жизни тогдашняго русскаго челоуѣка, только что начинавшаго вступать въ должное отношеніе къ обществу и государству. Для отвлеченныхъ, возвышенныхъ христіанскихъ истинъ нужно было брать обыкновенныя слова, отвлекать ихъ отъ предметовъ чувственныхъ къ сверхъ-чувственнымъ, отъ понятій языческихъ къ понятіямъ христіанскимъ. Но не многіе тогда могли возвыситься до того, чтобы разстаться съ своими доморощенными понятіями, выраженными тѣмъ или другимъ роднымъ словомъ. Для русскіихъ того времени трудно было уразумѣть подъ своимъ роднымъ словомъ совер-

еще другое понятие, и не легко было оставить свое доморощенное понятие, которое было выработано его собственной жизнью и такъ или иначе всецѣло входило въ жизнь народа.

Даже, тогда мало и работали о томъ, чтобы съ тѣмъ или другимъ словомъ соединилось христіанское понятие. Достаточно было, если человекъ опрещенъ, ходитъ въ церковь, почитаетъ Бога и св. угодниковъ. Тогда мало обращали вниманія на то, какія понятія русскій человекъ соединяетъ съ словами Богъ и св. угодники, какія свойства приписываетъ имъ. Обращали вниманіе только на дѣйствіе человека, думали вскорректировать язычество только сокрушеніемъ истребановъ, пощеніемъ священныя дубравы и уничтоженіемъ публично-общественныхъ празднествъ въ честь языческихъ божествъ, — словомъ уничтожали только видимаго идола, внутренній же идолъ оставался богъ вниманія. *Вотъ этотъ то внутренний идолъ и досель царитъ въ народныхъ понятіяхъ, прикрывшись христіанскою оболочкою.* Поэтому многие изъ православныхъ не могутъ объявить вамъ, въ какова Бога они вѣруютъ. Христіанскій Богъ, Богъ мира, любви и благости, но народными понятіямъ, есть только прозній судья и каратель. „Бойся Бога, Богъ побѣдитъ, божьяга накажетъ“ — вотъ дѣрвыя и почти единственныя понятія о Богѣ въ народнаго патхизиса. Не только народъ не знаетъ свойствъ и качествъ Божества, въ которыхъ изъ народа не знаютъ: какъ назвать Бога, не знаютъ сколько у насъ боговъ. Тотъ же проскомянинъ, который признавался, что ничего не понимаетъ въ церкви, насчиталъ до четырнадцати боговъ. „Сколько у насъ боговъ? — Да Богъ кто знаетъ! Назови хоть одного? Сказошь. — Еши: —

Господь, Владычица, Казанская, Михаилъ Архангелъ, Рождество, Пасха, Святки.—А масленица?—Нѣтъ, масленица не Богъ, онавалъ, подумавши⁴. Мы далеко бы отклонились отъ предмета, если бы стали распространяться о народныхъ полуязыческихъ понятіяхъ, вкравшихся въ христіанство.

Мы выше сказали, что народъ при неразборчивомъ чтеніи выхватываетъ только отдѣльными фразами, понимаетъ ихъ по своему, и что такія отдѣльныя и непонятныя изреченія налагаютъ нѣкотораго рода санкцію на существованіе полуязыческихъ повѣрій,—тѣмъ именно, что народъ слышитъ (по своему) въ божественныхъ книгахъ подтвержденіе своихъ понятій; но все это можетъ быть и при разборчивомъ чтеніи, особенно гдѣ встрѣчаются образныя выраженія. Такъ напр. въ образныхъ выраженіяхъ: „солнце праведное, солнце правды“, человекъ понимающій будетъ уразумѣвать истинный смыслъ, а человекъ неразвитый, нигдѣ не наученный, пойметъ эти образныя выраженія въ буквальномъ смыслѣ, и притомъ же, у него уже есть готовыя понятія о солнцѣ, какъ Богъ (Дашъ-богъ). Еще доселѣ мы можемъ слышать отъ дѣтей молитвенное обращеніе къ солнцу: „солнышко, солнышко! выгляни въ окошечко, твои дѣтки плачутъ, пить боги просятъ“. Равнозначныя выраженія, прилагаемыя къ Іоанну крестителю: „Предтеча солнца, денница солнца“, народъ понимаетъ по своему. Не даромъ въ русскомъ народѣ, почти повсемѣстно помнится Иванъ-Купала (древнее обоготвореніе высшаго развитія и проявленія оплодотворяющей силы солнца, съ которымъ связанъ въ народныхъ понятіяхъ Іоаннъ Креститель).

Въ самыхъ иконахъ народъ видитъ (по своему) не-

твержденіе своихъ ложныхъ мнѣній. Такъ напр. въ иконахъ Флора и Лавра часто рисуются лошади, и въродъ говорить, что „Хлоръ Лаверь коневій богъ“. Св. Ілія пророкъ рисуется на огненной колесницѣ, везеной огненными прирванными конями; народъ говорить, что Ілія пророкъ и доволъ еще водить по небу и производить громъ и молнію.

Такъ что же, скажутъ пожалуй, вы говорите о вредѣ дурнаго чтенія въ церкви? на это давно обратили вниманіе. Вы говорите, что и хорошее чтеніе непонятно для простаго народа, въ слѣдствіе подстрочнаго перевода нашихъ книгъ съ греческихъ и въ слѣдствіе образнаго выраженія, — такъ по вашему не перевести ли вновь богослужебныя книги на русскій языкъ и не ввести ли его въ церковное употребленіе? Не слѣдуетъ ли выбросить образныя выраженія и оставить нѣкоторыя иконы, такъ какъ, по вашему, народъ находитъ въ томъ и другомъ поддержку своимъ ложнымъ воззрѣніямъ? Совершенно мы имѣемъ въ виду другія слѣдствія. Мы только желали бы и смѣемъ думать, что отъ этого будетъ большая польза, — если бы священники, объясняя въ проповѣди св. писаніе, объясняли и значеніе предметовъ находящихся въ церкви и содержаніе церковнаго чтенія и пѣнія. Черезъ это люди простые, люди виѣшности, будутъ разумѣвать истинный смыслъ христіанскаго богослуженія; они уже не будутъ считать одну виѣшность достаточнымъ средствомъ для спасенія, такъ какъ усвоеніе внутренняго содержанія христіанскаго богослуженія требуетъ не виѣшняго только участія въ молитвахъ церкви, но болѣе всего — принятія известной истины умомъ и усвоенія сердцемъ. Народныя полуязыческія понятія, которыя суть не что иное, какъ непонятное благоговѣніе

предъ таинственными силами природы и олицетвореніе этихъ силъ челоъ различными внѣшними символами, па- руть сами собой, когда народъ уразумѣетъ истиннаго Творца и Провидителя, являемой природы.

Это объясненіе послужило нормовнаго богослуженія на мѣнѣ будетъ полезно и для другой категории пред- стоящихъ, для современныхъ образованныхъ людей. Лю- ди эти, хвалящіеся знаніемъ, очень мало смыслятъ во внутреннемъ содержаніи христіанства вообще, и въ част- ности въ пониманіи внутренняго смысла христіанста- го богослуженія. Оставивши народныя заблужденія, на- родное благоговѣніе къ внѣшности, благоговѣніе предъ таинственными для простаго челоука силами, явленія- ми и даже предметамъ природы, — люди эти холодны къ христіанству болѣе потому, что видятъ и видятъ одну внѣшность христіанства, которая для нихъ не имѣетъ важ- ности, такъ какъ они не понимаютъ внутренняго содер- жанія ея. При томъ же они слышатъ изъ другаго угла, что христіанство годно только для необразованныхъ лю- дей, что христіанство теперь уже не современно, и проч., и зная христіанство только съ внѣшней стороны, со- глашаются съ такими ложными взглядами, — начинаютъ либеральничать и либерализмъ ихъ обнаруживается преж- де всего въ томъ, что они перестаютъ ходить въ цер- ковь; а если и ходятъ, то держатъ себя тамъ очень боль- но, какъ въ обыкновенномъ мѣстѣ общественнаго соб- раанія. Есть, разумеется, и очень знакомые съ внутрен- нимъ содержаніемъ христіанства, и все таки не вѣду- ющіе ни ро что священное; но таковыхъ у насъ на Русь весьма мало; у насъ болѣе либеральничаютъ по на- слышкѣ, по мнѣнію.

Но позвольте, скажутъ мои собратія, чтобы объяс-

нить всѣ предметы находящіеся въ церкви и употребляемые при богослуженіи и все содержаніе богослуженія: чтенія и пѣнія на всѣ праздники, на всѣ дни во весь годъ, — да для этого не достанетъ времени и десяти лѣтъ?!

Мы не говоримъ, что въ годъ можно все сдѣлать; мы знаемъ только, что нѣкоторые священники священствуютъ въ одномъ и томъ же приходѣ по 15—20—40 лѣтъ, — и все таки не успѣваютъ объяснить ни одной церковной пѣсни, ни содержанія какого нибудь священнаго изображенія; а между тѣмъ нѣкоторые изъ таковыхъ священниковъ очень часто говорятъ къ народу поученія.

Мы не намѣрены распространяться о достоинствахъ и недостаткахъ нашихъ проповѣдей; объ этомъ уже довольно было говорено и писано въ духовныхъ и даже въ свѣтскихъ журналахъ. Говорили, что въ большей части нашихъ проповѣдей, писанныхъ на извѣстныхъ темы и по извѣстному всѣмъ семинаристамъ плану, нравственные выводы бывають натаянуты, чувства поддѣльны, — что чувства эти испаряются еще въ то время, когда авторъ пишетъ и выдумываетъ, какъ бы по чувствительнѣе и по рѣзче задѣть за живое слушателей, — испаряются и тогда, когда проповѣдникъ заучиваетъ свое произведеніе, — что очень многія проповѣди „сшиты“, т. е. приступъ списанъ изъ одной проповѣди, объясненіе текста изъ другой, нравственное приложеніе — изъ третьей, — что нравственныя приложенія неприменимы къ современной народной жизни, такъ какъ онѣ выписываются большею частію изъ греческихъ отцевъ, — что и самыя лучшія проповѣди, писанныя людьми образованными и для образованнаго класса, страдаютъ логической сухостью, что проповѣди эти больше годны

для аудиторій, а не для церкви, гдѣ истины христіанскія, принимаемыя умомъ, больше всего должны пониматься и усвояться сердцемъ и проч. Много разумѣется тутъ справедливаго высказано, особенно на счетъ „спитія“ проповѣдей семинаристами; и вообще много бы можно было сказать о недостаткахъ нашихъ проповѣдей, но мы имѣемъ въ виду предложить (осмѣлимся сказать такъ) нѣсколько совѣтовъ: какъ можно избѣжать означенныхъ недостатковъ и крайностей въ проповѣдяхъ и какъ составлять священнику проповѣди, чтобы избѣжать тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаются при сочиненіи на тему и по извѣстному плану и — главное, чтобы проповѣди имѣли вліяніе на слушателей.

Теперь, какъ каждому извѣстно, простой народъ смотритъ на церковное проповѣдничество, какъ на извѣстнѣйшій отдѣлъ праздничнаго Богослуженія; другіе — какъ на оффиціальную часть священнической должности. Первые во время проповѣди часто молятся и умиляются только одной интонаціей голоса проповѣдника, но не многіе стараются понять содержаніе проповѣди. И здѣсь, они думаютъ, одно стояніе и умиленіе полезны и спасительны для человѣка. Если и поймутъ нѣкоторые изъ простаго народа обличенія и увѣщанія проповѣдника, то и въ этомъ мало пользы бываетъ отъ проповѣди. Это во первыхъ потому, что проповѣдникъ высказываетъ обличенія большею частію общія и мало приложимыя къ жизни народа; во вторыхъ, народъ видитъ въ проповѣди обличеніе книги, а не лица, чувствованіе и сочувствіе радости и горя народа — тоже книги, а не пастыря. Но этому мы считаемъ не лишнимъ указать нѣкоторые способы и приемы проповѣдничества, при помощи которыхъ пастырь можетъ вліять на свою паству.

1) Начинайте, прежде всего, объяснять содержание священных изображений во храмъ; и ихъ истинный смыслъ въ христіанствѣ. А то видѣ многіе изъ престолюдиновъ не знаютъ, что за святой изображены на иконѣ, которому они молятся и ставятъ свѣчи; многіе молятся и ставятъ свѣчи просто иконѣ. Намъ разъ довелось слышать такой разговоръ между двумя простыми женщинами: „ты, няня, родимая въ обѣдѣ, — поставь нѣ за меня трѣхпаникову свѣчу. — Какому образу то? — Да тутъ, нянь, войдешь въ бабью то церковь (придѣлъ), — на правой сторонѣ, что лице то большое. — Да тамъ видѣ три ихъ. — Да той, что на тетушку то Орину пѣхожа — знаешь? — Знаю, знаю. — Ну ей: она больно (очень) милостива матушка, помогаетъ“. Различныя изображенія одного и того же святого, народъ считатьъ за разныхъ святыхъ. Особенно народъ заблуждается на счетъ иконъ Божіей Матери: „много ихъ заступницъ“, говоритъ народъ; тутъ, въ представленіи народа множество изображеній одной и той же Божіей Матери; сливается съ множественностію самыхъ лицъ Владычицы.

Объясненіе наглядныхъ изображеній святыхъ Божиихъ, дѣлій Бога и святыхъ Его можетъ всего удобнѣе напечатлѣть въ умъ и сердца народа тѣ истинныя вѣры и жизни, которыя чрезъ логическіе доводы мало упиваются въ головѣ простолюдина. Известно, что дѣти лучше всего усвоятъ даже сухія научныя свѣдѣнія посредствомъ рисунковъ. Простолюдины въ дѣлѣ вѣры — тѣ же дѣти.

2) Далѣе свѣдуетъ объясненіе священнодѣянія, гдѣ, какъ известно, наглядно изображается наше грѣхоначаленіе и все домостроительство нашего спасенія. Объяс-

неніе священнодѣйствій у насъ есть, но только въ книгахъ; и въ книгѣ-то и нужно передавать народу.

3) Послѣ этого слѣдуетъ объяснить содержаніе чтенія и пѣнія. Возьмите дневной Апостолъ или Евангеліе и объясняйте текстъ за текстомъ. Возьмите псаломъ изъ часовъ, изъ шестопсалмія, возьмите паремію (особенно пареміи у насъ прочитываются безъ всякаго вниманія), объясните ихъ содержаніе, ихъ значеніе въ В. и Н. заѣтахъ, ихъ приложимость къ церковному богослуженію. Во всемъ этомъ вы найдете и догматическія и нравственныя истины, а обличенія такъ и вытекаютъ сами собой, и обличенія удобоприложимыя, какихъ вы не найдете въ проповѣдяхъ, писанныхъ на тотъ или другой случай, тѣмъ или другимъ отцемъ и учителемъ церкви: тамъ обличеніе имѣетъ частный характеръ, частное отношеніе къ извѣстному строю общества, такому строю, который, быть можетъ, давно уже миновалъ; здѣсь же, въ словѣ Божиемъ, которое имѣетъ характеръ общечеловѣческой и всегда неизмѣнный, вы можете изъ общихъ, основныхъ истинъ вывести какую угодно частную, изъ общихъ обличеній—частное приложеніе. Главное — здѣсь легче всего можно избѣжать тѣхъ натяжекъ въ приложеніи къ жизни, которыя часто встрѣчаются въ проповѣдяхъ „на текстъ“.

Когда вы объясните содержаніе богослуженія, не общее только, — что вотъ пареміи читаются для того — то, шестопсалміе и каанамы имѣютъ такое-то значеніе въ христіанской церкви, — а когда раскроете все содержаніе церковнаго богослуженія, объясните все неудобопонятное: тогда можно будетъ ожидать, что предстоящіе внимательнѣе и дѣятельнѣе будутъ участвовать въ общихъ молитвахъ церкви, будутъ сами требовать отчет-

живаго чтенія и объясненія неудобоконятнаго, — будутъ считатьъ подвигомъ благочестія не одно слушаніе чтенія и стояніе при немъ, будутъ участвовать при богослуженіи не плотію только, но духомъ и умомъ. Тогда можно будетъ ожидать, что, хотя на время, въ церкви во время богослуженія осуществится то возжеланное единство мыслей и чувствъ, чаяній и желаній, и это временное, во храмъ, единеніе, мало но малу, будетъ переходить изъ храма въ жизнь, изъ временнаго дѣлаться постояннымъ и вѣчнымъ.

Такое умное и сердечное участіе при богослуженіи принесетъ еще ту пользу, что предстоящіе не будутъ жаловаться на вредоужительность церковнаго богослуженія. Не замѣчали-ль вы, читатель, сами надъ собой, что когда вашъ умъ и ваше сердце вполне заняты какимъ нибудь предметомъ, время проходитъ очень быстро для васъ: вы не замѣчаете, какъ проходятъ нѣлые часы, дни и даже мѣсяцы; но когда вы же сами ничего не дѣлаете и ждете только условнаго часа, чтобы отправиться на службу, въ гости, идете условнаго часа обѣда (хотя и кушать не желаете), — вамъ тутъ минуты кажутся часами. Когда же вы участвуете по нуждѣ, по официнѣ, даже по желанію, при чужемъ дѣлѣ, котораго не понимаете и нѣтъ вамъ возможности понять, когда васъ при этомъ не интересуется даже внѣшняя обстановка дѣла; то съ какимъ нетерпѣніемъ ждете условнаго часа для выхода, съ какою досадою смотрите на часы, если только они у васъ есть; если же вы ихъ не имѣете, то какъ часто надоедаетъ своему собесѣду, который по несчастію имѣетъ часы! То же самое бываетъ замѣтно и во храмѣ, разумѣется только въ одной половинѣ предстоящихъ, — считающихъ себя людьми

образованными. Другая же половина молится, по своему, сердечно; но одной сердечной настроенности не надолго хватает при единичной службе, которая очень коротка у нашего престолюдия, такъ какъ онъ въ немногихъ словахъ можетъ высказать свои двадцатидневныя желанія. Высказавши въ двасколькохъ словахъ свои и по своему желанія и благодаренія, и не имея въ окружающахъ себя ни поддержки, ни сочувствія своей сердечной настроенности, престолюдия охладываетъ и, убавляемый монотоннымъ чтеніемъ, начинаетъ засыпать и грешить. Не замѣтили ли мы, что иной вдругъ встретится и начнетъ ревниво упреждать креститься и молда замѣтитъ, что ипадаютъ Апостолъ или Евангеліе, сползнутся на свои кресты и поклоны и начнетъ оправдываться, чтобы скрыть отъ искуды свое „безвременное молеліе“ — свою наднимательность.

Низъ редко этого видно, что у насъ въ храмѣ не только нѣтъ единодушія и единства въ молитвахъ, не только каждый молится о своемъ и по своему, у насъ, сколько на зываетъ церковь, чтобы во храмѣ оставили неслѣдъ помеченіе о житейскихъ дѣлахъ, у насъ, говоримъ, многие не только не отпаляютъ заботы о необходимыхъ житейскихъ дѣлахъ, — у насъ опять и озабочиваютъ свой умъ и сердце пустыми мыслями, у насъ даже нѣтъ у престолюдия единства намѣренія, единства цѣли, въ каждую часовъ долженъ входить во св. храмъ — молиться. И много дана православно, что такое ходеніе въ церковь будетъ совершенно для нихъ! Вспомнига, даже апостолы и св. отцы заботились о единообразіи и благообразіи даже внѣшней стороны богослуженія, чтобы гдѣмъ лучше достигнуть внутренняго единенія. Апостолы сравниваютъ неопытное для

слушателей чтенія съ бездушными звуковыми орудіями, и поставляетъ даже ниже тѣхъ орудій, которые ядаютъ понятные условные знаки: *бездушная масса дающая, еще слышь, еще услы, еще различнаіа высканіемъ не дадутъ, како разумно будетъ высканіе или выдеце; ибо еще безвѣстемъ масса труба дастъ, кто уготовится на брань? Тако и вы еще не благодарно* (не понятно для слушателей, и даже не внятно для себя) *слово дадите языкомъ, како уразумѣется слышемое? Будете бо на воздухъ слышюще....* Если же самъ чтець и понимаетъ содержаніе своего чтенія, и тогда не будетъ пользы для предстоящихъ, если они не будутъ понимать: *ты* (когда читаешь и самъ только понимаешь) *добръ благодаршии, а другой не созидаетсѧ.*

Наконѣцъ, въ 4-хъ, мы укажемъ проповѣдникамъ на самый обширный, самый разнообразный, самый сподручный, особенно для сельскихъ пастырей, матеріалъ для церковнаго проповѣдничества—это житія святыхъ. У насъ въ проповѣдяхъ почти безъ всякаго вниманія оставляются житія святыхъ, а между прочимъ этотъ способъ проповѣданія ближе всего подойдетъ къ народному пониманію и будетъ оказывать большое вліяніе на слушателей, особенно изъ простаго народа. Здѣсь вы не голыми словами и доказательствами будете провоздѣть въ массу народнаго сознанія ту или другую истину; здѣсь самое лицо, самыя дѣянія святаго, — самая жизнь будутъ научать жить по христіански. У насъ на каждый день подлагается по нѣскольку житій; возьмите житіе того святаго, который по своей жизни ближе стоитъ къ пониманію извѣстнаго рода слушателей, — возьмите и прочитайте просто одно житіе безъ всякаго съ вашей стороны нравственнаго приложенія къ извѣст-

ному состоянію слушателей, поясните только неудобопонятныя мѣста, и вы увидите, съ какимъ вниманіемъ будутъ слушать предстоящіе вашъ рассказъ о жизни святаго и какое вліяніе онъ будетъ имѣть на простой народъ. Народъ нашъ любитъ слушать житія святыхъ Божіихъ; самый слогъ житій, самый языкъ близки къ народному пониманію и уважаются народомъ. Такимъ способомъ проповѣданія, если вы уже и не объясните содержанія церковной службы, вы все-таки заставите народъ дорожить божественною службою, — заставите чаще ходить въ церковь, по крайней мѣрѣ хоть съ той цѣлью, чтобы послушать понятное для ума народнаго и близкое его сердцу безхитрое, задушевное описаніе житія святаго.

Отцы и братія! Въ настоящее время, какъ вамъ извѣстно, враги церкви и царства Божія, съ двухъ сторонъ, съ силою и рвеніемъ стараются поколебать основаніе церкви и царства Божія на землѣ. Снизу идетъ дробное и безобразное множество раскольническихъ и еретическихъ (доморощенаго издѣлія) сектъ; это знамя войны поднимаетъ невозродившееся къ новой жизни человѣческое сердце, неосмысленное даже разумомъ — въ людяхъ слѣпаго фанатизма. Сверху поднялъ гордое свое знамя разумъ человѣческій, который съ дерзкою самонадвѣяностію отвергаетъ всѣ благодатныя средства и, въ гордомъ самообольщеніи, думаетъ собственными силами основать на землѣ, по его словамъ, царство мира и любви, на дѣлѣ же — царство грубаго эгоизма, — такое царство, которое въ самомъ своемъ основаніи носитъ зачатки вражды и ненависти. Силень Тотъ, Кто сказалъ, что и самыя врата ада не одолѣютъ церкви Божіей: церковь Божія на землѣ стоитъ и будетъ сто-

ять до скончания міра; но падаютъ ея отдѣльными чада, что особенно замѣтно въ настоящее время.

Въ образованномъ классѣ, какъ извѣстно, замѣчается большое охлажденіе не къ одной только внѣшности христіанства; но вслѣдствіе непониманія духа и силы христова ученія, люди этого класса холодны вообще ко всему, что содержитъ въ себѣ христіанство. Эта холодность замѣчается уже въ очень многихъ личностяхъ. Правда, это направленіе еще не проникаетъ въ массы народнаго сознанія, плаваетъ только по верху—въ головахъ людей поверхностно образованныхъ. За то простой народъ—одна половина его, которая еще не успѣла пережить періодъ поклоненія внѣшности,—не чужда стремленія въ расколъ. И нельзя сказать, чтобы только одна внѣшняя выправка раскольническаго богослуженія увлекала цѣлыя массы въ расколъ. У раскольниковъ есть учителя, которые благовременнѣе и безвременнѣе проповѣдуютъ (по своему) слово Божіе. У нихъ очень сильна энергія къ проповѣднической дѣятельности, а у насъ священники, думая выполнить долгъ священства совершеніемъ только церковнаго богослуженія и „требъ“, мало обращаютъ вниманія на дѣло учительства. Мы, разумѣется, не осмѣливаемся напоминать пастырямъ церкви о ихъ учительской обязанности; имъ самимъ извѣстно изъ слова Божія неоднократное указаніе на учительскую дѣятельность пастырей церкви, для нихъ нарочито въ „ставленной грамотѣ“, въ краткихъ нареченіяхъ выражены всѣ ихъ обязанности. Мы даже не будемъ напоминать и о той пользѣ, какая происходитъ отъ *настоятельнаго* проповѣданія Слова Божія; укажемъ только на то, что нерадѣніе многихъ пастырей къ проповѣданію слова Божія произвело то, что народъ иногда не считаетъ

наставленій за учителей, а только за совершителей таинствъ и „требъ“. Рѣдко можно встрѣтить такого простодушна, который бы обратился къ священнику за разрѣшеніемъ недоумѣній въ дѣлѣ вѣры и сомнѣній въ дѣлѣ нравственности. Вы видите, что народъ только „звать поповъ“ для соверщенія требъ, а именно: давать молитву „душамъ“ новорожденнымъ, крестить эти „души“, содѣлать бракомъ взрослыхъ „души“, напутствовать умирающія „души“ и погребать „души умершія“. Больше всего вы рѣдко гдѣ нибудь встрѣтите. Въ комъ же изъ православныхъ зарождается сочувствіе къ дѣлу религіи, тотъ или самъ начинаетъ читать отъ божественныхъ писаній и понимать по своему, или же слушаетъ какого-нибудь самоучку изъ своей же братіи. Тутъ встрѣчается двойная опасность для православнаго простодушна: 1) книги, которыя вращаются въ народѣ, большею частію раскольническаго, или еретическаго (домороженнаго издѣлія) содержанія; 2) самыя наставники тоже гайные или явные противники православной церкви. Намъ извѣстны нѣкоторые простодушныя, которые, родившись отъ православныхъ родителей и ревностно посѣщавшіе храмъ Божій и исподыявшіе всѣ предписанія церкви, попали въ расколъ единственно потому, что умѣли читать. Книгъ, какъ извѣстно, при сельскихъ церквахъ почти не существовало, кромѣ богослужебныхъ, которыя нерѣдко даются читать простодушнымъ (Нынѣ, благодареніе Богу, въ нашей епархіи заведены библіотеки при многихъ церквахъ; только книгами этими преимущественно пользуется духовенство. Нужно непремѣнно сдѣлать такъ, чтобы изъ церковной библіотеки могли брать книги всѣ прихожане, умѣющіе читать)... Но человекъ, выучившемуся

читать, кончается часто и самому научиться и другимъ по-узнать, вамъ просто у него есть потребность — читать. Такой — до человека и беретъ книги у раскольниковъ; раскольники, разумеется, являются съ полною готовностью къ его услугамъ. Больше всего тутъ дѣйствуютъ тайные раскольники, такъ какъ православный, умѣющій читать, сначала опасается обратиться за книгами къ явнымъ раскольникамъ, чтобы чрезъ явленіе ихъ книгъ не уклониться въ расколъ. Сначала чтеніе, а потомъ частныя и частныя бесѣды доводятъ такого любознательнаго до отпаденія отъ церкви.

Другая половина изъ престолюдиановъ стремится поподнять еретическія секты—Людей Божіихъ, Моложанъ, Скопцевъ и проч. Къ еретическимъ сектамъ отдѣляются тѣ изъ престолюдиановъ, релігіозное чувство которыхъ уже не удовлетворяется одною видностью въ религіи. Ихъ релігіозное сознаніе уже пережило періодъ поклоненія природѣ, олицетворенной подъ символомъ того или другаго предмета изъ видимой природы, они уже переходятъ отъ обожанія природы къ обоготворенію человека (1). Люди эти начинаютъ съ того, что отвергаютъ всякую внѣшность, которая ихъ не удовлетворяетъ и думаютъ служить Богу духомъ и истиною, Они стараются уразумѣть смыслъ писаній, но собственное невѣжество

(1) Люди развитые доходятъ до этого по естественной логикѣ необлагодетствованнаго ума человеческого, и обоготворяютъ умъ; люди неразвитые доходятъ до этого болѣе сердечно и обоготворяютъ сердце, какъ вмѣстилище божества. У насъ въ Россіи обоготвореніе человека прелюднаго рода. Прочтите сочиненія Людей Божіихъ, Скопцевъ, прислушайтесь къ ученію Моложанъ, вы ясно увидите, что, по ихъ ученію, каждый человекъ есть живой образъ Бога, каждый имѣетъ въ себѣ внутреннаго Христа и Св. Духа. Мало того: у нихъ есть Иже-Савасѣй—Давидъ Флавитичъ, Иже-Христосъ—Исаакъ Тамбовскій Селивановъ и проч.

и недостатокъ въ опытныхъ учителяхъ заставляютъ обращаться къ тѣмъ изъ своей братіи, которые довольно знакомы съ Божественнымъ Писаніемъ. „Люди Божіи“ бывають очень чутки въ такимъ испытующимъ; они приглашаютъ таковыхъ на частныя собранія, гдѣ пророкъ читаетъ и объясняетъ Слово Божіе. Вѣтвое чтеніе, наглядное и удобопонятное, хотя и ложное толкованіе, восторженная рѣчь лже-пророка съ перваго же раза располагаетъ простолюдина въ ихъ пользу. Таинственными, возбуждающимъ до духовнаго опьяненія „ночныя радѣнія“ развиваютъ въ немъ до послѣдней степени само собой зародившуюся мистичность. Вотъ на такихъ то людей, у которыхъ начинается переходъ, переходъ отъ внѣшности къ внутреннему уразумѣнію христіанской религіи, слѣдовало бы нашимъ пастырямъ обращать побольше вниманія. Эти люди, при опытномъ наставникѣ, могли бы быть самыми ревностными христіанами, самыми лучшими проповѣдниками христіанства и словомъ и житіемъ. Посмотрите, съ какою ревностію они въ своемъ религіозномъ заблужденіи выполняютъ всѣ опредѣленія своей секты, — для нихъ они жизни не щадятъ.

Знать все это — наше дѣло, пастыри — собратія; и сообразно съ этимъ знаніемъ намъ нужно дѣйствовать на свою паству единственнымъ нашимъ оружіемъ — словомъ или проповѣдничествомъ.

Замѣтки для священно- и церковно-служителей.

изъ наблюденій одного сельскаго благодѣвателя.

Водимый желаніемъ всякаго добраго преуспѣянія возлюбленному духовному сословію вообще, а вамъ прис-

ные братіе въ особенности, я рѣшился набросать на бумагу тѣ случаи и тѣ стороны, въ которыхъ и съ которыхъ наиболѣе и виднѣе выманиваются недостатки нашего сельскаго духовенства, съ цѣлюю способствовать по мѣрѣ силъ своихъ ихъ устраненію, полагая, что есть между нами погрѣшающіе противъ своего благоповеденія въ простотѣ сердца, почти не сознавая самихъ погрѣшешій, есть посягающіе, что погрѣшности ихъ не замѣтны для другихъ, и есть наконецъ тамъ, кои погрѣшаютъ съ сознательнымъ привыкомъ. Да не будетъ мое слово въ обиду ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ; но да примется оно въ духѣ любви, яко отъ согрѣшающа и спосотрадающа.

Но какъ моя небольшая задача состоитъ въ томъ, чтобы указать на особенно выдающіеся недостатки наши и менѣе замѣчаемые нами самими; то я начну перечень ихъ съ самаго виднаго мѣста нашихъ дѣйствій, именно съ церкви и по отношенію къ ней, а потомъ посмотримъ на самихъ себя въ кругу своихъ прихожанъ и своимъ собственномъ.

А.

1) Отъ священника, какъ настоятеля церкви, зависятъ весь порядокъ, и всѣ безпорядки въ церкви. Добрый примѣръ имъ подаваемый, тотчасъ, за страхъ-ли, за совѣсть-ли, отпечатлѣвается на прочихъ членахъ креста, и даже на цѣломъ приходѣ. Небреженіе или соблазнъ имъ производимые, у ревнителей по благочестію вызываютъ скорбь, негодованіе; а для остальныхъ—такъ бывають заразительнымъ, что свою тлетворную атмосферу реализуютъ на широкое пространство. Но на наше горе, встрѣчаются между нами личности, ими же соблазнъ.

приходить. Я не буду доискиваться причины такого при- скорбнаго явленія; второпя, кнѣзъ кажется; лежить глубо- же одной нашей привычки къ мѣсту святому, не буду угадывать и на случаи положительно пороки, грубые, потому что не вижу въ томъ пользы; а укажу лишь на тѣ недостатки, которые легко могутъ быть устранены. Къ нимъ я отношу: когда священникъ позволяетъ себѣ служить молебны въ подрясникѣ безъ оelonи и безъ пояса; когда священникъ и дьяконъ часто и безъ нуж- ды ходятъ въ царскія двери и между царскими дверя- ми и престоломъ; когда причетники облачаются въ сти- хари и снимаютъ оные на горнѣхъ мѣстѣ во время свя- щеннодѣйствія, трактуютъ въ алтарѣ о своихъ огоро- дахъ, пирожкахъ, или чивать чуть нѣ перебранку, дѣ- ля дохода; когда вводятъ въ храмъ крайне неряшливо, въ непристойной одеждѣ, нечистой обуви; когда не въ пору, не во время бродить въ алтари старосты; сто- рожки и міраны засвѣчать свѣчи, или снимать съ нихъ нагаръ; а иной разъ какъ будто провѣдать; особенно— когда это допускается въ самые важные моменты литур- гии, когда во время проповѣди разносятъ антидоръ, или собираютъ деньги; когда во время совершенія таинствъ, напримѣръ крещенія, допускаются говоры, шумъ и проч. и проч...

2) Известно, что хорошее пѣніе производитъ на слу- шающаго оное необыкновенно сильное и благотвель- ное дѣйствіе. Стало бытъ, худое пѣніе должно произ- водитъ обратное дѣйствіе; и оно точно его производитъ. Особенно это послѣднее не желалось бы слышать въ та- кихъ храмахъ, въ которыхъ оно могло бы быть очень дѣльнымъ; еслибъ только обращено было на него когдѣ съумно вибуда ишванія, или со стержня поощитъ; ни

со стороны настоятеля церкви; — когда и довольно дуровитые въ пѣніи причетники поютъ небрежно, не благоговѣнно, крикливо, безобразно. Ужь конечно такое пѣніе не поможетъ нашей бѣдной душѣ справиться съ своимъ беспорядочнымъ состояніемъ при обращеніи ея къ Богу. Не подумайте, что въ деревнѣ нельзя имѣть порядочныхъ пѣвчихъ; лишь не пожалуйте на этотъ предметъ вашего вниманія, вашего усердія, настойчивости, и вы — съ увѣренностію можно сказать — будете имѣть утѣшеніе слышать пѣніе дѣльное, приличное, или хотя сносное. Неспособны ваши причетники, найдутся способные и изъ прихожанъ, лишь пригласите ихъ, иль дѣтей, заохотьте, поощрите ихъ — и конечно всего лучше добрымъ вашимъ словомъ, и вы увидите что будетъ!

3) Чтеніе церковное во многихъ храмахъ совершается спѣшно. *Вся слышатъ отъ причетника до священника* и при томъ не всегда потому, чтобъ скорѣе кончить службу, а просто на просто по дурной привычкѣ. Молящихся утомляетъ не то чтеніе, которое продолжительно да толково, а то, когда они не разберутъ въ немъ ни мысли, ни слова. Еще хуже, когда чтеніе и пѣніе сливается въ одинъ беспорядочный гулъ, или когда одинъ поетъ то, другой-другое и оба вмѣстѣ; когда молитвы и ектеніи читаются невнятно и спѣшно, и иной разъ этотъ спѣхъ выходитъ изъ всякихъ границъ; возгласъ отъ священника, прокимень отъ діаконъ, охъ же и отъ клира и все это вмѣстѣ опять..... Спрашивается: для кого и для чего все это совершается жь?

4) Проповѣданіе слова Божія есть одно изъ самыхъ важнѣйшихъ дѣлъ нашего служенія; поэтому необходимо, чтобъ оно предлагалось народу сколько возможно чаще. Причетъ; если проповѣдникомъ предлагаются свои

поученія, то непремѣннымъ условіемъ ихъ, въ числѣ прочихъ качествъ, должна быть простота, удобопонятность для нашего простаго народа; а то у насъ въ обычаѣ слово назиданія облекать въ такую мудреную форму, въ какой оно никого не назидаетъ, потому что никто его не понимаетъ, а случается даже, что плохо понимаетъ его и самъ проповѣдникъ, и выходитъ, что мы, *хотяже бымы законоучители, не разумѣема, мы яже млоудамъ, ны о ныаъ же утверждаемъ* (I Тим. 1, 7.). Ужь если такіа велемудрыя проповѣди оскомину набили и городскому вкусу, то придутся ли онѣ по складу головамъ нашихъ сельскихъ слушателей? То ли дѣло слышать отъ служителя Божія назиданіе простое, сердечное, задушевное, *слово здравое, незаторное* (Тит. 2, 8.), *слово во благодати, солию растворено!* (Колос. 4, 6.). Изъ готовыхъ поученій, я съ своей стороны не нашелъ лучше, соответственнѣе для поселявъ, по своей лаконической простотѣ, силѣ, теплотѣ чувства—писаній Ефрема Сирина въ русскомъ переводѣ, напечатанныхъ въ твореніяхъ Св. Отцовъ за 1848—49 годы. Остается еще пожелать, чтобъ входящій на кафедру, не задавался мыслию отличиться, не преслѣдовалъ бы своей личной (выгоды) славы, а имѣлъ бы въ виду и вѣчную и временную пользу своихъ слушателей. Только при этомъ условіи, и въ слѣдъ за нимъ послѣдуетъ и его собственная слава, уже не суетная.

5) Ранѣе мы говорили о непріятномъ дѣйствіи, производимомъ на сторонняго небреженіемъ служащихъ въ церкви; теперь я за нужное считаю напоминать о неменѣе непріятно дѣйствующемъ и къ сожалѣнію нерѣдко замѣчаемомъ въ служителяхъ олтара—лицепріятіи. Когда, напримѣръ, они для одного поютъ молебствъ такъ, а

для другаго иначе, или поналу и самый благовѣсть совершается не по чести, воздаваемой воспоминаемому святому, а по чести — приходскому имяннинику; самая раздача просфоръ, подъ вліяніемъ подобныхъ побужденій, бываетъ очель соблазнительна, да и мало ли еще что... Приводимые обыкновенно въ оправданіе таковыхъ поступковъ бѣдность и въ слѣдствіе ея зависимость отъ прихожанъ, аргументы не довольно сильныя, чтобы оправдывать, *ибо работа нашего служенія не только есть исполняющая миссія святыхъ, но и избыточествующая многими благодареньми Богови (2 Кор. 9, 12).*

6) Въ церкви должна быть соблюдаема строгая опрятность. — Крайне не хорошо, когда на иконахъ, на стѣнахъ и прочемъ тебѣта и пыль, пыль и грязь на полу; не хорошо, когда священныя облаченія лежатъ гдѣ и какъ попало, на окнахъ, на столикахъ, на рѣшеткахъ, гдѣ риза, гдѣ стихарь; обидно видѣть тотъ же обиходъ въ отношеніи разныхъ иконъ, когда оныя разставлены на мѣстахъ не совсѣмъ пристойныхъ; или — когда здѣсь стоитъ бутылка съ елеемъ, тамъ коробка съ свѣчными огарками дадѣ разные сундуки, скамейки, сунари и прочій скарбъ. Чѣмъ менѣе въ церкви ненужнаго, тѣмъ лучше, а все нужное должно быть на своихъ мѣстахъ. Скажете: да кто всего этого не знаетъ — Правда. Однакожъ вачѣмъ же все это ведется?..

7) Хозяйство церковное должно быть ведено съ большою расчетливостію и глубокою обдуманностію. Нерѣдко случается, что иные, или не получивъ эстетическаго вкуса отъ природы, или не имѣвъ возможности развить его ни наукою, ни образцами, устраиваютъ при даривахъ такія вещи, которыхъ по истинѣ не желалось бы видѣть не только за дорогія деньги, на нихъ потраченныя, но Христ. Чт. М 1. 1/12

хоть бы и даромъ. Возьмемъ для примѣра хоть нашу пресловутую церковную живопись, которая впрочемъ въ большинствѣ для правильности должна быть названа жертвописью, мараньемъ, живописнымъ уродствомъ, пасквильною пародіею на живопись, разсматривать которую безъ волненія въ крови нѣтъ возможности. Подумаешь невольно: до чего дошло наше искусство! Да и можетъ ли оно быть названо искусствомъ, какъ не въ смыслѣ выпораживания церковныхъ денегъ самымъ недостойнымъ образомъ. До чего не развитъ нашъ вкусъ къ изящному, что одни въ состояніи создать такое уродство, а другіе—любоваться имъ,—этимъ пачаньемъ, именующимся живописью, да и соревновать одни другимъ, какъ бы не поддаться. „Тамъ написали, напишемъ и мы“. А господа доморощенные художники — жертвописцы—того и ждутъ, а нѣтъ и посовѣтуютъ; они знуютъ какъ зашибить копейку, и чуть случай — не ошибутся взять за свои произведенія истинно художественныя деньги. Справедливость и долгъ нашъ требуютъ отъ насъ, чтобы мы съ строгостію—впрочемъ благоразумною—относились къ обычной любви прихожанъ къ такого рода украшеніямъ. Говоря это, я ратую только противъ одной невѣжественной живописи, высоко цѣни истинную. Тамъ, гдѣ имѣютъ возможность наслаждаться ею — съ Богомъ! А нѣтъ, лучше имѣть не многое да хорошее.

В.

1) Святая Церковь съ посвященіемъ іеребѣвъ передаетъ имъ благодатную власть низводитъ на другихъ непосвященныхъ Божіе благословеніе подъ видомъ крестнаго осѣненія. Но достойно истиннаго сожалѣнія, что

многіе священники, не зная цѣны преподанному имъ церковію неоцѣненному дару, владѣють имъ съ явнымъ пренебреженіемъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, лишь стоитъ посмотрѣть, какъ благословляютъ нѣкоторые священники; да и кто не видалъ этого! Какъ иные при этомъ — безцѣльно мотають рукою, что со стороны трудно и опредѣлить, что они творять такое. Повторяемъ, возможно ли не пожалѣть отъ полноты души о такомъ легкомысленномъ взглядѣ на исполненіе своей самой священной обязанности и объ оскорбленіи тѣмъ христіанскаго чувства вѣрующихъ! Удивительно ли послѣ такого презрѣнія къ самымъ лучшимъ учрежденіямъ святой вѣры со стороны хранителей ея скрижалей, видѣть иногда невниманіе и холодность къ ней въ мірянинѣ. И что же? Чѣмъ оправдима? Не трудностию ли выполненія? — Конечно чѣмъ другимъ, видимое дѣло, когда мы и сами себя не можемъ осѣнить крестнымъ знаменіемъ по надлежащему, не то чтобы другихъ.

2) Словъ нѣтъ, что положеніе нашего духовенства въ отношеніи средствъ своего содержанія не совсѣмъ нормально. Духовный, если за своею надобностію не исполняетъ надобностей своихъ прихожанъ справедливо осуждается, при исполненіи же обязанностей въ приходѣ, онъ неизбѣжно испытываетъ ущербъ въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ, и это хозяйство, рядовое съ крестьянскимъ, естественно идетъ въ разрѣзъ съ лучшими сторонами его служенія. Наши нужды (разумѣется не общія всѣмъ), иногда крайнія вопіющія и ничѣмъ неотвратимыя, заставляютъ насъ насиловать собственную природу свою, — заставляютъ, скрѣпя сердце, за свои тяжелые труды протагивать благословляющую руну за подаваніемъ — милостынею къ своему прихожанину, кото-

рый послѣ этого по праву становится въ положеніе нашего мецената. Но я, господа, затронувъ вашу сердечную рану, конечно не въ состояніи чѣмъ либо помочь вамъ; только вотъ почему я заговорилъ обо всемъ этомъ: терпя нужду, нѣкоторые изъ насъ, сперва съ усиленіемъ съ борьбою ищутъ выхода изъ своего тѣснаго положенія въ помощи прихожанъ; потомъ привыкая къ этому время отъ времени, дѣлаются менѣе и менѣе разборчивыми и совѣстливыми въ выборѣ средствъ *собиранія*, и наконецъ доходятъ до того, что если тотъ, кто долженъ бы заплатить, или не столько состоятеленъ чтобы заплатить, или не столько добросовѣстенъ, — прибѣгаютъ уже, по выраженію одного свѣтскаго лица, и — ко всякаго рода прижимкамъ, нажимкамъ и выжимкамъ, которыя тѣмъ пошлѣе, чѣмъ безсильнѣе, почти и не замѣчая гадости такихъ мѣръ, лишь бы получить себѣ *слѣдующее*, а иногда уже и *не слѣдующее*. И эти *собиранія* бывають до безконечности разнообразны, мелочны и иногда безобразны. Мірѣ видятъ это, осуждаютъ, давши себѣ труда вникнуть въ причины такого явленія и все это обращается въ притчу и глумленіе: а вникающій міръ компетентный нашелъ даже, что *безъ этихъ отношеній нашихъ къ своимъ прихожанамъ, порвутся наши духовныя связи съ ними..!?* Такъ что же остается дѣлать? А ничего, братіе, — болѣе, какъ всею крѣпостию души вооружиться противу нашей бѣдности, гдѣ она есть, и противу причинъ къ нареканію на наше имя, и на наше званіе, помня слово Апостола: *Пасите еже въ васъ стадо Божіе, посещающее не нуждою, но волею, и не по Бозь; ниже неправедными прибытки, но усердно* (I Петр. 5, 2). *Чадю животомъ просливаемъ не живи. Лучше ужрети, нежели просити... Во устьзъ не-*

стыдливо прошение усладится; а во время его оны совершится (Сирах. 40, 29. 32).

3) Не худо бы было, еслибъ мы не забывали самой обычной вещи: что если человекъ неблагоразумно пользуется гостеприимствомъ и радушнаго хозяина, то ему послѣднему трудно устоять противъ искушенія осудить своего гостя; нечего и говорить о менѣе радушномъ, лже-радушномъ и т. далѣе, и если дома нужна благоразумная воздержность, то въ людяхъ ее нужно вдвое. Особенно стыдно и грѣхъ быть надшимъ на оживляющее. Известное дѣло, лишь стоитъ священнику показывать примѣръ выпиванья, какъ поводы къ нему явятся на каждомъ шагу; отъ этого, сколько мы видимъ — и видать всѣ — сценъ самыхъ возмутительныхъ, грязныхъ, совершаемыхъ — о ужасъ! — народными учителями, пастырями, служителями вѣры — Ташевъ Христомыкъ! Можетъ ли быть что либо хуже худыхъ поступковъ отъ такого лица, какъ священникъ! Спасибо нашему времени за то по крайней мѣрѣ, что нынѣ мало-мальски порядочное общество считаетъ пьянаго на ряду съ безчестнымъ, и что поэтому нынѣ въ духовномъ сословіи рѣдко слышно о трезвахъ въ честь былаго времени съ его возмутительными оценками, происходившими особенно на храмовыхъ праздникахъ, и о которыхъ наши старцы вздыхаютъ какъ о минувшемъ золотомъ времени. — поэзіи пѣвучести, веселья, лиризма. Можетъ статься, что между этими празднествами были и приличные, но тѣ, до коихъ достигаетъ наша память, не стоятъ сожалѣнія.

В.

4) *Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупу* (Псал. 132, 1). Доброе согласіе въ семей-

ствѣ, въ обществѣ, въ государствѣ — неопредѣлимое благо. Духовное сословіе, если въ чемъ, то особенно въ этомъ должно быть примѣромъ для всѣхъ прочихъ. — Этому отъ него можно желать и нужно требовать. Личности, встрѣчающіяся въ ономъ съ наклонностію къ сварливости, сутяжничеству, ябедамъ, составляютъ очень большіе мѣсто въ организмѣ сословія. *Убо отиждѣ вамъ срѣща естъ, яко тѣлѣбы имате между собою* (I Кор. 5. 7.). Начальствующій, не допуская своихъ подчиненныхъ до безпорядочной жизни, въ тоже время долженъ быть отцемъ для всѣхъ живущихъ и служащихъ честно, благодушнымъ при видѣ ошибокъ въ своемъ ближнемъ, и до послѣдней возможности снисходительнымъ даже къ слабостямъ его, врачуя ихъ добрымъ порядкомъ, съ состраданіемъ, и лишь въ самыхъ опасныхъ и безнадежныхъ душевныхъ недугахъ прилагать къ нимъ ѣдкія лекарства. Но прежде всего, самъ онъ долженъ обладать сильнымъ нравственнымъ авторитетомъ, который приобретается умомъ и доброю жизнію, — чтобы врачевать жизнь другихъ, и помнить, что иногда довольно разъ уронить себя, чтобы навсегда потерять свое доброе вліяніе на другаго. Одною властію, грозою, никто не заставитъ ни уважать себя, ни исполнять какъ должно своихъ требованій, ей лишь будутъ бояться и лицемѣрить.

Подчиненные не должны тяготиться ни преимуществомъ предъ собою начальствующаго, — *безъ всякаго прекословія меньшее отъ большаго благословляется* (Евр. 7, 7), ни исполненіемъ его законныхъ требованій. Добрый человекъ даже не огранится исполненіемъ одного требуемаго, онъ постарается сдѣлать болѣе; а грубый, безпокойный, безнравственный вездѣ старается на-

ходить себѣ обиду, и изъ пустаго лѣзеть или въ драку или въ тяжбу.

Конецъ же завѣщанія моего есть любви отъ чиста сердца! Да будетъ благословенъ Богъ и Отецъ Господа Иисуса Христа, благословившій насъ всяцѣмъ благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ о Христѣ (I Тим. 1, 5. — Евес. 1, 3).

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Въ Канцеляріи С.-Петербургской Духовной Академіи экстраорд. проф. Андреемъ Предтеченскимъ съ до 12 часовъ утра принимаются пожертвованія на сооруженіе надгробнаго памятника и бюста скончавшемуся 2-го декабря заслуженному профессору Василью Николаевичу Карпову. Пожертвованій записано уже больше 350 рублей; они вносятся въ особую книгу, своевременно будетъ опубликованъ отчетъ о количествѣ ихъ, о лицахъ, сдѣлавшихъ оныя и объ употребленіи въ Христіанскомъ Чтеніи, въ Современномъ Листкѣ и въ Страникѣ. Жертвователямъ будутъ разосланы фотографическія карточки покойнаго профессора, въ случаѣ значительнаго числа пожертвованій предполагается купить для Академіи у наследниковъ покойнаго его богатую философскую библіотеку, которая будетъ носить въ академическомъ казначеищѣ названіе—*Карповской.*

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

ДУХОВНАЯ БЕСѢДА СЪ ЦЕРКОВНОЮ ЛѢТОПИСЬЮ.

Съ окончаніемъ текущаго года исполнится десять лѣтъ отъ начала изданія *Духовной Бесѣды*. Значитъ, нѣтъ надобности много говорить о ея направленіи, содержаніи и объемѣ. Редакція неослабно вела свое дѣло, не отступая отъ данной программы и не запаздывая ни на одинъ день еженедѣльнымъ выпускомъ журнала.

По той же программѣ, въ тѣ же сроки, за ту же цѣну, та же редакція будетъ издавать *Духовную Бесѣду съ Церковною Лѣтописью* и въ наступающемъ 1868 году. Не распространяясь въ преждевременныхъ обществѣхъ, мы скажемъ только утѣрять читателей, что употребимъ всѣ наши силы и средства въ подержанію и возможному улучшенію нашего журнала.

Въ *Духовной Бесѣдѣ*, въ первомъ ея отдѣлѣ, по прежнему будутъ помѣщаться статьи по всѣмъ отраслямъ духовной науки и жизни, труды нашихъ ученыхъ и проповѣдниковъ.

Въ отдѣлѣ, называемомъ Церковною Лѣтописью, будутъ печататься, прежде всего, официальные извѣстія, Высочайшіе указы и манифесты, опредѣленія Святейшаго Синода, для опубликованія которыхъ Духовная Бесѣда служитъ непосредственнымъ органомъ, распоряженія и извѣстія по с.-петербургской епархіи, извѣстія о заграничныхъ церквахъ и иностранныхъ исповѣданіяхъ, свѣдѣнія о новыхъ книгахъ, разные замѣтки, выдержки и объявленія. На сколько зависить отъ человека, продолженіе Духовной Бесѣды, благодаря Бога, можетъ считаться обеспеченнымъ, такъ въ литературномъ, такъ и материальномъ отношеніи; число ея сотрудниковъ и подписчиковъ увеличивается.

Редакція принимаетъ всѣ мѣры къ исправной разсылкѣ журнала и спѣшитъ исполнять малоды (слава Богу, малочисленные). Со стороны подписчиковъ она покорнѣе проситъ, для достиженія той же цѣли, исполненія слѣдующихъ условій: 1) подписываться заблаговременно, не откладывая на долгое время; 2) ясно обозначать прежде всего — куда нужно доставлять журналъ, т. е. ближайшую къ подписчику станцію, уѣздъ и губернію; 3) четко писать свои:

Христ. Чт. № 1.

12 1/2

товскихъ. До насъ должно нѣсколько имѣть списковъ; нѣтъ нѣкъ одинъ неочетаны, другіе оставлены еще въ рукописныхъ; сверхъ того, есть указаніе въ Польскихъ исторіяхъ на существованіе лѣтописей этого же разряда, болѣе подробныхъ, чѣмъ тѣ, которыя находятъ теперь у насъ въ рукахъ. Академія предлагаетъ на разрѣшеніе слѣдующую задачу: опредѣлить по печатнымъ спискамъ, а, если угодно, то и по рукописнымъ, время составленія дошедшихъ до насъ Западно-Русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ, лѣтописей и ихъ составъ, и указать, какими извѣстными изъ этихъ лѣтописей воспользовались съѣзды. И стороны составители Русскихъ Литовскихъ Сборниковъ, съ другой Польскіе исторіи, какъ на прим.: Длугошъ, Стрыжковскій, Бѣльскій и другіе. При этомъ, изъ Польскихъ исторіевъ необходимо сдѣлать выборку событий, имѣющихъ отношеніе къ Западно-Русскому краю и находящихся въ напечатанныхъ спискахъ Западно-Русскихъ Лѣтописей; расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и привести соотвѣтствующія имъ мѣста, если таковыя имѣются, изъ Сѣверно-Русскихъ и Южно-Русскихъ лѣтописей, и указать, какія изъ этихъ извѣстій и на какомъ основаніи должны были находиться въ Литовскихъ лѣтописяхъ.

*IV. Историко-Литературное обозрѣніе печатныхъ полеми-
ческихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ
русскими въ Сѣверо- и Юго-Западныхъ краяхъ Россіи съ кон-
ца XVI до начала XVII столѣтій.*

Сочиненія эти хотя и касаются по большей части богословскихъ предметовъ, однако въ то же время заключаютъ въ себѣ не мало характеристическихъ чертъ и указаній для исторіи политическихъ отношеній, нравовъ и просвѣщенія помянутой эпохи. Въмѣстѣ съ тѣмъ тамъ сохранены свѣдѣнія о писателяхъ и дѣятеляхъ, въ настоящее время забытыхъ, или очень мало извѣстныхъ. Все это имѣетъ значеніе не только по отношенію къ исторіи русской литературы, но и для уразумѣнія духа и направленія умовъ въ тѣхъ краяхъ. Само собою разумѣется, что въ подобномъ изслѣдованіи нельзя пройти безъ вниманія польско-латинскія книги и брошюры, которыя или вызывали, или преслѣдовали полемическія сочиненія бѣлорусскія и малорусскія, но такъ какъ о первыхъ есть уже обстоятельныя описанія въ польской литературѣ (въ трудахъ Юхера, Вишневецкаго, Мацѣвскаго и друг.), то о нихъ въ обзорѣ можно уже говорить на столько, на сколько эти книги и брошюры послужатъ матеріаломъ для разъясненія бѣлорусскихъ и малорусскихъ проис-
сѣденій.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ ВЪ ПСИХОЛОГІЮ.

§ 1. *Способъ самопознанія.*

Въ неизмѣримой цѣпи существъ, населяющихъ землю, главное и начальное звѣно, безспорно, есть человѣкъ. По внѣшнимъ или органическимъ условіямъ своего бытія, онъ принадлежитъ къ роду животныхъ; и потому естественныя науки, занимаясь, между прочимъ, изслѣдованіемъ различныхъ организмовъ земной планеты, рассматриваютъ съ этой стороны и человѣка. Общій способъ рассматриванія всего видимаго въ природѣ, которымъ исключительно пользуются естествоиспытатели, называется *опытомъ внѣшнимъ*. Мы теперь не имѣемъ еще основанія для опредѣленія опыта внѣшняго; знаемъ только, что онъ совершается при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ, что посредство ихъ есть условіе необходимое, и что все, могущее существовать внѣ области чувственного усмотрѣнія, или по инымъ законамъ, отличнымъ отъ законовъ чувствопостигаемой природы, не можетъ быть доступно наукамъ естественнымъ. Но человѣкъ, по органической своей природѣ, предметъ естествознанія, самъ же и чувствуетъ все видимое, самъ и стремится къ тому, что чувствуетъ, самъ и познаетъ то,

къ чему стремится; и это начало чувствующее, стремящееся и познающее отнюдь не входитъ въ кругъ предметовъ, постигаемыхъ вѣшнимъ чувствомъ, слѣдовательно не подлежитъ и вѣшнему опыту, а не подлежа вѣшнему опыту, не можетъ быть доступно естествознанію. Отсюда въ человѣкѣ открывается другая сторона его существа, достойная большей внимательности и большаго изученія, чѣмъ первая: потому что чувствующее его начало чувствуетъ свой организмъ, а организмъ не чувствуетъ чувствующаго своего начала; стремящееся начало стремится къ своему организму, а организмъ не стремится къ стремящемуся своему началу; познающее начало познаетъ свой организмъ, а организмъ не познаетъ познающаго своего начала. Но какииъ образомъ эта непостигаемая чувствами и недоступная вѣшнему опыту сторона человѣка можетъ быть изучаема? Чтобы подробнымъ объясненіемъ требуемаго способа не опередить методическаго развитія науки, мы укажемъ только на фактъ самоусмотрѣнія, или на способность чувствующаго, стремящагося и познающаго начала — обращаться къ самому себѣ и наблюдать надъ самимъ собою, и это самонаблюденіе, не входя преждевременно въ его основанія, назовемъ *опытомъ внутреннимъ*. Опытъ внутренний есть исключительный способъ, при посредствѣ котораго изслѣдывается самодѣтельное начало человеческой жизни: только этимъ способомъ можетъ быть непосредственно познаваемо то начало, и только къ тому началу можетъ быть непосредственно приложено этотъ способъ. Какъ предъ вѣшнимъ опытомъ постепенно раскрывается многообразное богатство міра физическаго; такъ предъ внутреннимъ мало по малу обозначаются и отгѣняются, выступаютъ и просвѣтляются

безчисленные явления міра нравственнаго,—и человѣкъ съ изумленіемъ видитъ предъ собою неизмѣримое коприще самопознанія.

§ 2. *Понятіе о Психологій.*

Опираясь на внутренней опытъ, самопознаніе знакомитъ человѣка съ разнообразными фактами внутренней его жизни; и чѣмъ больше углубляется человѣкъ въ эту область, тѣмъ шире стелется она предъ его взоромъ и тѣмъ сильнѣе развлекаетъ его вниманіе множествомъ различныхъ явленій. Здѣсь замѣчаетъ онъ странную игру, а иногда даже страшную борьбу страстей; тамъ усматриваетъ необычайно смѣлый полетъ и радужныя мечты фантазій; въ одномъ темномъ углу своей природы встрѣчаетъ неутомимое труженичество и упорное домогательство ума; въ другомъ удивляется прихотливой разборчивости и вѣчному недовольству воли: вездѣ и во всемъ видитъ онъ дѣятельность, трудъ, стремленіе, заботливость, будто въ обширной и многолюдной мастерской какого нибудь художника. Что все это значить? Откуда все это берется? Вокругъ чего вращается? Чѣмъ движется? Къ чему направляется? Самопознаніе видитъ факты, слышитъ вопросы, — и ничего не отвѣчаетъ. Оно изображаетъ какъ бы состояніе того наблюдателя, который, смотря на какой нибудь многосложный механизмъ, замѣчаетъ быстрое вращаніе колесъ, смѣлое качаніе рычаговъ, легкое движеніе блоковъ; но какою связію соединено все это вращающееся, качающееся, движущееся и поражающее слухъ то свистомъ, то стукомъ, — въ какомъ все это находится отношеніи и зависимости, — не замѣчаетъ и, удивляясь мудрости ху-

дожника, старается найти достаточного истолкователя производимых механизмов явлений. Таково самопознание, в естественной своей деятельности опирающееся на опыт внутренний! Оно обогащает человека фактами нравственной жизни, раскрывает предъ нимъ сокровища его природы, безъ чего онъ никогда не узналъ бы, что въ немъ есть. Но всѣ дары, которыми осыпанъ онъ и которые находятся у него въ какой-то, еще не понятой имъ гармоніи, предъ взоромъ его самопознания суть только матеріалы, явленія отдѣльныя, безъ связи, безъ взаимоограниченія, безъ единства. Отыскать дѣйствительную между ними связь, показать, какъ они относительно ограничиваются и какимъ образомъ составляютъ одно гармоническое цѣлое, должна и можетъ только наука. Разсматривая приобретаемые внутреннимъ опытомъ факты, пользуясь матеріальными плодами самопознания и опредѣляя относительное значеніе и достоинство ихъ, она, сообразно съ своими изслѣдованіями, каждому изъ нихъ даетъ приличное мѣсто въ гармоническомъ развитіи чувствующаго, желающаго и познающаго начала, и называя это начало душою, сама, примѣнительно къ сему названію, получаетъ имя науки о душѣ, или *Психологій*. И такъ психологія есть наука, разсматривающая многоразличные факты самопознания и, соотвѣтственно характеру и достоинству каждаго изъ нихъ, гармонически соединяющая ихъ въ началъ нравственной жизни человека, чтобы такимъ образомъ объяснить по возможности его природу, происхожденіе и назначеніе, и чрезъ то опредѣлить законы всесторонней его дѣятельности.

§ 3. *Сознаніе, какъ начало Психологіи.*

Этимъ понятіемъ о психологіи достаточно обозначая главную ея задачу, мы по необходимости поставляемъ ее въ матеріальномъ отношеніи между двумя весьма грозными опасностями. Тутъ съ перваго взгляда представляется вопросъ: велика ли сумма фактовъ самопознанія, съ которыми должна имѣть дѣло наша наука? Если ихъ у насъ меньше, чѣмъ сколькоими проявляется начало нравственной жизни человѣка; то сводя ихъ способами науки въ одно цѣлое, мы этому началу припишемъ природу неполную, усѣченную, уродливую: а когда тѣми же способами введемъ въ него больше, чѣмъ сколько въ немъ замѣчается дѣйствительно, — въ его природѣ допущено будетъ нѣчто ей чуждое, обезображивающее ее излишествами, наростами. Исторія психологіи представляетъ множество примѣровъ, что философы впадали либо въ ту, либо въ другую крайность, и наука у нихъ приходила отъ того къ явно ложнымъ результатамъ. Такъ на примѣръ эмпиризмъ Локка отвергалъ въ душѣ бытіе враждебныхъ идей, и вслѣдствіе того долженъ былъ отвергнуть дѣйствительность внутренняго законодательства, направляющаго стремленія человѣка къ истинѣ и добру; раціонализмъ Канта не хотѣлъ, чтобы нравственная наша дѣятельность ограничивалась движеніями чувства, — и начало дѣятельности превратилось у него въ отвлеченный эгоистическій умъ, водящійся только холоднымъ сознаніемъ долга. Идеализмъ Декарта не взялъ во вниманіе проявляющихся въ душѣ побужденій жизни животной, — и тѣло у него сдѣлалось просто механизмомъ, живущимъ особою жизнію. Всѣ эти и подобныя этимъ заблужденія въ области психо-

логи происходили отъ недостатка фактовъ самопознанія, или,—что еще вѣрнѣе,—отъ напѣреннаго умолчанія о нихъ въ угодность извѣстной идеѣ и вопреки яскому свидѣтельству внутренняго опыта. Не менѣе нелѣпныхъ мнѣній вошло въ психологію и отъ того, что факты самопознанія, доступные только внутреннему опыту, философы думали выводить и объяснять изъ явленій, усматриваемыхъ опытомъ вѣшнимъ, и такимъ образомъ приписывали душѣ природу ей не свойственную. Такъ матеріализмъ, безусловно вѣруя въ одно свидѣтельство чувственнаго усмотрѣнія, полагаетъ въ смыслѣ не пререкаемой аксіомы, что все существующее есть матерія, и подводя подъ эту общую посылку существо души, заключаетъ, что и душа матеріальна. Такой именно силлогизмъ развивается въ теоріяхъ Демокрита, Эпикура, Лукреція, Гельвеція, Гольбаха, Ламетри, Бруссе и многихъ другихъ.

Въ наше время матеріалистическому ученію о душѣ покровительствуетъ особенно-необыкновенный упадокъ религіознаго чувства въ образованномъ классѣ народа, сильное развитіе эгоизма въ гражданскихъ отношеніяхъ, довольно распространившаяся система дѣйствій на основаніи своекорыстныхъ расчетовъ, неудержимое направленіе общества къ роскоши и чувственнымъ удовольствіямъ. И всѣмъ этимъ стремленіямъ матеріализмъ старается придать видъ законности, злоупотребляя замѣчательными нынѣ успѣхами естественныхъ наукъ, чрезъ произвольное приложеніе ихъ изслѣдованій къ той области человѣческой жизни, которая этими изслѣдованіями ни какимъ образомъ объяснена быть не можетъ. Чтобы избѣгнуть обѣихъ этихъ, равно гибельныхъ крайностей, мы должны найти какое нибудь несомнѣнное водителѣ-

ство въ самомъ, такъ сказать, преддверіи того храма, въ который теперь вступаемъ, и слѣдовать ему со всею точностію, не увлекаясь ни предзанятою идеею, ни духомъ школы. Такое водительство, способное въ одно и то же время какъ представить намъ полную сумму фактовъ внутренняго опыта, такъ и устроить явленія, тѣснящіяся въ нашу науку изъ области опыта внѣшняго, есть *сознаніе*.

Что такое сознаніе? Откуда оно въ человѣкѣ? Въ какой связи оно съ человѣческою природою? Какія условія большаго или меньшаго его развитія?—Эти вопросы, при самомъ вступленіи въ науку, основательно рѣшены быть не могутъ, если наука тотчасъ, съ перваго шага, не должна вступать на свое поприще въ вѣнчикъ языческаго оракула, провѣщавающаго какъ бы ея tripodē. При томъ рѣшеніе ихъ теперь и не нужно. Кому придетъ на мысль спрашивать придверника о его происхожденіи, знакомствахъ, отношеніяхъ, образѣ жизни и проч., когда требуется только, что бы онъ отворилъ дверь и доложилъ хозяину? Или станемъ ли мы изслѣдывать, гдѣ, кѣмъ и изъ какого матеріала отлита свѣча, когда при ея свѣтѣ нужно только войти въ темную комнату? Сознаніе въ природѣ человѣческаго духа есть фактъ, свидѣтельствующій о самомъ себѣ чрезъ самаго себя; оно есть единственная непосредственность или единственное непосредственное явленіе, для познанія котораго не требуется ничто другое, кромѣ его самого, тогда какъ само оно безусловно требуется для познанія всего другаго. Сознаніе есть свѣтъ, разъсѣивающій таинственный мракъ, которымъ облечено нравственное существо человѣка,—свѣтильникъ, при которомъ видно все, что въ немъ есть, и безъ котораго все

погребено было бы во тьмѣ безотчетныхъ животныхъ ощущеній. Этотъ то свѣтильникъ беремъ мы въ руководство съ совершенною увѣренностью, что при его свѣтѣ съ одной стороны обнажатся предъ нами всѣ факты внутренняго опыта, съ другой отдѣлятся и устранится все чуждое нравственной нашей жизни и пришлое отъ внѣ — изъ міра внѣшняго. Поэтому на сознаніе мы смотримъ, какъ на начало *Психологии*, и смыслъ этого начала опредѣляемъ самымъ его назначеніемъ — озарять факты познающей, жающей и чувствующей нашей природы. Въ основаніи нашей науки должно лежать непосредственно извѣстное и аподиктически вѣрное положеніе, что явленія, относящіяся къ существу нашего духа, сознаются, какъ добытыя внутреннимъ опытомъ, и на оборотъ, — всѣ явленія, входящія въ сознаніе, какъ факты внутренняго опыта, относятся къ существу нашего духа. Отсюда само собою явствуется, что сознаніе, какъ начало психологии, ни формально, ни реально: потому что оно во первыхъ не опредѣляетъ формы нашихъ познаній о душѣ, т. е. не показываетъ, какимъ образомъ факты внутренняго опыта должны быть взаимно соединяемы, чтобы составили одно гармоническое цѣлое; во вторыхъ, оно само по себѣ и изъ себя не даетъ матеріи для нашей науки, то есть, изъ понятія о сознаніи, какъ о свѣтѣ, озаряющемъ все, чѣмъ проявляется душа, нельзя вывести того, чѣмъ можетъ и должна она проявляться. Сознаніе въ формальномъ и реальномъ отношеніи есть начало не *доказательное*, а только *указательное*: озаряя тайники человѣческаго духа, оно этимъ самымъ какъ бы указываетъ въ нихъ на готовыя уже явленія и предшествуетъ внутреннему опыту въ его наблюденіяхъ, чтобы

онъ не упустилъ изъ виду ни одного факта въ существѣ имъ изслѣдываемомъ и могъ вѣрно опредѣлить значеніе каждаго изъ нихъ. Поэтому сознаніе не беретъ на себя отвѣтственности въ ошибкахъ психолога, допускаемыхъ при формальной или матеріальномъ построеніи науки: напротивъ психологъ грѣшитъ предъ своимъ сознаніемъ, если не обращаетъ вниманія на то, что сознаетъ, или привноситъ въ свою науку то, чего сознаніе ему не указываетъ.

Впрочемъ психологія, полагая въ основаніе своего развитія сознаніе, въ правѣ и съ своей стороны требовать отъ него нѣкоторыхъ условій. Оно, какъ начало, указывающее на факты внутреннего опыта, пока его природа еще не извѣстна, представляется намъ конечно началомъ абсолютнымъ: но эту абсолютность можно оставить за нимъ до времени только въ смыслѣ *качества*, подъ которымъ принадлежитъ оно всѣмъ людямъ, и потому имѣетъ характеръ всеобщности. Таковымъ ли найдемъ мы его, если будемъ разсматривать со стороны ясности его указаній? Все, что ясно, одинаково зависитъ отъ начала свѣтлаго; но не все свѣтлѣе сообщаетъ одинаковую ясность предмету освѣщаемому. Поэтому умѣстенъ вопросъ: въ одной ли и той же степени у всѣхъ людей озаряются сознаніемъ факты внутреннего опыта? Очевидно, что здѣсь спрашивается уже не о *качествѣ*, а о *количествѣ* сознанія; и отвѣтъ не труденъ: сознаніе въ количественномъ отношеніи не только не абсолютно въ человѣческой природѣ вообще, но до крайности измѣнчиво отъ разныхъ причинъ даже въ одномъ и томъ же человѣкѣ; а представленіе этихъ причинъ предполагаетъ возможность пропедевтики сознанія, или такихъ практическихъ и тео-

ретических, положительных и отрицательных мѣръ, при посредствѣ которыхъ свѣтъ его получаетъ больше напряженности и яснѣе озаряетъ факты внутренняго опыта. Посему психологія, повторяемъ, въ правѣ требовать, что бы сознаніе было въ достаточной степени развито и, получивъ навыкъ обращаться къ внутренней сторонѣ человѣческой жизни, осязательно указывало, что въ ней есть и чего нѣтъ. Это условіе для нашей науки тѣмъ важнѣе и необходимѣе, что при выполнении его она надѣется расширить горизонтъ своего зрѣнія; ибо какъ скоро факты внутренняго опыта будутъ озаряемы сознаніемъ съ надлежащею ясностію,—психологическій анализъ получить возможность раскрыть ихъ до такихъ подробностей, что найдетъ въ нихъ достаточное основаніе для заключенія даже къ тому, что непосредственно не подлежитъ сознанію и скрывается либо въ недоступной глубинѣ человѣческаго духа, либо въ неразгаданныхъ законахъ органической жизни. Посредствомъ такихъ заключеній психологія придетъ во внутреннюю связь съ одной стороны съ философіею религіи, а съ другой—съ физиологіею человѣческаго организма, и составитъ среднее звено въ ряду наукъ, раскрывающихъ двухстороннюю нашу природу.

§ 4. Предметъ Психологіи.

И такъ психологія стоитъ теперь на точкѣ сознанія фактовъ внутренняго опыта, и своими заключеніями, если найдутся достаточныя для нихъ основанія, готова проникнуть въ смежныя съ сознаніемъ предѣлы несознаваемаго. Ограничивъ такимъ образомъ ея сферу мысленною периферіею, которой многія точки впрочемъ теряются въ содержаніи соприкосновенныхъ съ нею

наукъ, мы можемъ, при свѣтѣ сознанія, сдѣлать по крайней мѣрѣ опытъ обзорѣнія тѣхъ многообразныхъ матеріаловъ, которые должны быть разработаны и исследованы ею. Но при одномъ, даже самомъ бѣгломъ взглядѣ на факты внутренняго опыта, озаряемые сознаніемъ, мысль теряется и исчезаетъ въ необозримомъ ихъ множествѣ. Возьмемъ психическую жизнь хоть одного человѣка, отъ первыхъ проблесковъ его сознанія до послѣднихъ предсмертныхъ проявленій его ума, воли и сердца. Какая это необъятная исторія мыслей, желаній и чувствованій! Они каждый день льются потокомъ, возбуждаются одни другими, будто волны волнами, и исчезаютъ одни въ другихъ, будто звуки въ гармоніи. Между тѣмъ все это жило, дало плодъ, было сознано и увѣковѣчено сознаніемъ; все это вошло въ смыслъ нравственнаго развитія человѣка и, ложась чертами въ психической его жизни, требуетъ себѣ мѣста въ ея исторіи. Но кто начерталъ такую автобіографію? Кто когда нибудь въ состояніи былъ слѣдовать мыслию за полетомъ собственныхъ мыслей, мелькавшихъ быстрѣе молніи, за движеніями сердца, опереживавшими быстроту свѣта, за стремленіями воли, перегонявшими время? Между тѣмъ эти летучія мысли, видоизмѣняясь, перерабатываясь, воспроизводясь и различнымъ образомъ соединяясь и раздѣляясь, мало по малу организовались въ понятія и приходили къ значенію умственнаго взгляда на вещи; эти сердечныя движенія, различно ограничиваясь безчисленными впечатлѣніями и входя въ соотношеніе съ ними то чувственною, то духовною стороною, будто токъ магнитной силы, — то отрицательнымъ, то положительнымъ полюсомъ, незамѣтно устанавливались въ эстетическую тему жизни; эти сво-

бодныя стремленія, чтобы не потеряться во множествѣ предметовъ, сосредоточиваясь въ болѣе тѣсной сферѣ избранія, нечувствительно приближались къ одному направленію и получали устойчивость въ значеніи нравственнаго характера. Да и тутъ все, добываемое временемъ изъ микроскопическихъ, такъ сказать, проявленій ума, воли и сердца, какимъ подвергается еще переработкамъ отъ наплыва новыхъ мыслей, желаній и чувствованій, отъ непрестанно вертящагося колеса обстоятельствъ, которыми вызывается въ область опыта то, что прежде не было испытываемо, и отъ большого или меньшаго развитія способностей въ разныхъ возрастахъ человѣка! Сколько разъ въ жизни переиначимъ свои понятія, перестроимъ свои взгляды, перемѣнимъ свои убѣжденія, передѣлаемъ свой характеръ, перестановимъ свои цѣли! Какъ же психологу услѣдить за всѣми этими перемѣнами, исчерпать всю эту бездну явленій внутренняго опыта только въ самомъ себѣ и — мало того исчерпать — еще поставить ихъ въ связь и зависимость, что бы дать себѣ полный и самый подробный отчетъ въ жизни и дѣятельности одной собственной своей души? Между тѣмъ вокругъ его — на всемъ пространствѣ земнаго шара, до тысячи милліоновъ такихъ же разумно — свободныхъ существъ, съ тѣмъ же сознаніемъ, съ тѣми же опытами самонаблюденія, съ тѣмъ же безсиліемъ самопознанія, но съ тѣмъ же правомъ видѣть и узнать себя въ наукѣ. И въ этой тысячѣ милліоновъ сколько такихъ людей, въ которыхъ явленія внутренней жизни, если не качественно, то количественно, могутъ быть до того высоки или низки, что степени нравственнаго стоянія ихъ психологъ и вообразить не въ силахъ! И однакожь европеецъ и ко-

возеландецъ, парижанинъ и юкагиръ, англійскій лордъ и бомбейскій раія—равно предметы психологіи. Есть статистика жизни народной, описывающая ее быть въ предѣлахъ ви́шняго опыта: можно читать цифры, опредѣляющія народонаселеніе страны, гражданскія, военныя, хозяйственныя и педагогическія средства ея силы и благоденствія. Но кто написалъ и въ состояніи написать статистику нравственную, которая бы во всѣхъ словахъ государства прослѣдила движеніе мысли и чувства и показала его въ опредѣленныхъ итогахъ? А сколько перемыслило, перечувствовало, переиспытало человѣчество въ продолженіе пережитыхъ имъ тысящелѣтій! Безчисленныя племена, живя частною и общественною жизнью, переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе, и факты внутренняго опыта, возбуждавшіеся въ каждомъ недѣлимомъ, завѣщавали исторіи, какъ доказательство, что они составлялись также изъ людей, и что эти недѣлимые были отнюдь не безразличными звеньями въ непрерывной цѣпи развивавшагося человечества. Между тѣмъ, что принесла намъ исторія изъ длиннаго ряда вѣковъ протекшихъ?—Принесла нѣсколько капель изъ цѣлаго океана мыслей, чувствованій и желаній, поколику тѣ капли, вытѣсненныя борьбою сокровенныхъ началъ нравственной жизни, вырывались наружу и становились достояніемъ опыта ви́шняго. Этимъ—то скуднымъ наслѣдіемъ прошедшаго обязаны мы исторіи, а внутренняя, собственно психическая жизнь историческаго міра, сокровенная пружина ви́шнихъ его явленій, остается для насъ большею частію предметомъ темныхъ догадокъ и произвольныхъ предположеній.

И такъ задача психологіи даже и въ тѣхъ предѣлахъ, которыми предметъ ея очерчивается частію со стороны

недоступной глубины человеческого духа, частью со стороны неразгаданных законов органической жизни, оказывается задачей неотъемлемою, или таким вопросом, за полное решение которого не ручается ни внутренний опыт, ни сознание. Поэтому психолог, обобщая теперь по своему предмету с нравственным бытием всего современного человечества, которого представителем однакож он, по видимому, быть не может, и с историческою жизнью всех минувших его поколений, которая большею частью исчезла для него въ безднѣ прошедшаго, долженъ ограничить свой предметъ такъ, чтобы самое это ограниченіе давало ему право разсуждать о разумно-свободной душѣ вообще и ручалось за то, что психологическія его изслѣдованія имѣютъ значеніе общечеловѣческое. Такое ограниченіе, сколь ни труднымъ представляется оно съ перваго взгляда, можетъ быть сдѣлано чрезъ достаточное различеніе только двухъ понятій: *матеріи* и *формы* фактовъ внутреннего опыта. Матерію явленій, которыми обнаруживается внутренняя человѣческая жизнь, составляетъ все то, что существенно входитъ въ нравственную ея природу, никогда отъ ней не отдѣляется и характеризуетъ ее такъ, что безъ этого характеристическаго содержанія она отнюдь не была бы тѣмъ, что есть, — нравственною человѣческою природою. Къ такому ея содержанію необходимо относится и свойственная ей способность принимать многоразличныя формы, — оразнообразиваться до безконечности. По матеріальнымъ чертамъ внутренней своей жизни и по своей способности различнымъ образомъ формовать ихъ, человекъ вездѣ и всегда — одинаковъ. Съ этой стороны миллионы разумно-свободныхъ существъ, населявшихъ искони и нынѣ населяющихъ

земной шаръ, суть не болѣе, какъ воспроизведеніе того же самаго существа, такъ что каждый въ себѣ самомъ, будто въ зеркалѣ, можетъ сознать все человѣчество. Но не такъ надобно думать о формальности психическихъ явленій. Форма нравственной жизни есть взаимное соотношеніе фактовъ внутренняго опыта. Человѣкъ можетъ свои мысли, желанія и чувствованія поставлять въ ту или другую связь, давать имъ то или другое направленіе, наклонять ихъ къ той или другой цѣли: отсюда проистекаетъ многообразіе понятій, стремленій, ощущеній, то пріятныхъ и утѣшительныхъ, то скорбныхъ и безотрадныхъ; отсюда человѣчество дробится на безконечное множество недѣлимыхъ, одно на другое непохожихъ: но все это проходитъ, измѣняется и, указывая на различныя состоянія человѣка, нисколько не показываетъ, что такое человѣкъ самъ въ себѣ, въ существенныхъ свойствахъ своей природы; все это напротивъ само должно и можетъ оцѣниваться непосредственно только матеріею фактовъ внутренняго опыта. Имѣя въ виду такое различіе между матеріальными и формальными явленіями нравственной жизни человѣка, мы ограничиваемъ предметъ своей науки лишь первыми изъ нихъ и чрезъ это не только не отнимаемъ у ней ничего изъ ея содержанія, но еще даемъ ей важнѣйшее значеніе въ отношеніи къ оцѣнкѣ современной и исторической дѣятельности человѣчества: ибо не формы жизни должны давать психологіи матерію ея изслѣдованій, а на оборотъ—матерія психологическихъ изслѣдованій должна обозначать, въ какихъ формахъ надлежитъ развиваться жизни; подобно тому, какъ не рынокъ долженъ указывать, что нужно человѣку, а на оборотъ — соображеніе потребностей человѣка должно

показать, чему слѣдуетъ быть на рындѣ. И такъ предметомъ предначертываемаго нами ученія о душѣ должна быть душа въ существенныхъ и основныхъ явленіяхъ ея природы, которыя матеріально общи всѣмъ людямъ и разнятся въ недѣлимыхъ только формою, то есть образомъ, отношеніемъ и направленіемъ своего развитія, которыми, поколику понимаются они въ значеніи матеріальныхъ дарованій, одинъ человекъ не отдичается отъ другаго, и которыя доступны внутреннему опыту каждаго недѣлимаго, сколько позволяетъ ему это большая или меньшая напряженность его сознанія. Но, ограничивъ такимъ образомъ предметъ своей науки, психологъ все еще не можетъ съ увѣренностію сказать, что онъ владѣетъ чистымъ ея содержаніемъ. У кого есть искусство внутренне созерцать самаго себя, тотъ, по словамъ одного германскаго философа, конечно открываетъ въ себѣ какъ бы новыя страны, недознанныя міры, гдѣ все, что для человека цѣнно, можетъ быть его приобрѣтеніемъ. И такое самосозерцаніе удобно во всякомъ положеніи, во всякое время; это—единственное занятіе, при которомъ не требуются ни книга, ни помощь другихъ. Но при этомъ надобно опасаться, какъ бы психологія, относительно къ своему предмету, не встрѣтила себѣ врага въ самомъ психологѣ, какъ бы, то есть, вмѣсто дѣйствительнаго богатства матеріальныхъ фактовъ внутренняго опыта, общихъ всѣмъ людямъ, не открылъ онъ въ себѣ какихъ нибудь частныхъ ограниченій, важитыхъ только собственною его природою, и, владѣя этимъ сокровищемъ самъ, не сталъ предполагать его въ другихъ, не почелъ достояніемъ общечеловѣческимъ. Внутренняя жизнь психолога, равно какъ жизнь каждаго, человека, можетъ различнымъ образомъ

индивидуальности и, подъ влияніемъ видѣннхъ условій своего развитія, превращать существенныя свои силы въ различныя формы, которыя, смотря по ограничивающимъ ее условіямъ, могутъ быть сообразны съ нею и несообразны, естественны и неестественны. Отсюда и самое чистое по видному созданіе его ума—идея науки, извѣстнымъ образомъ ограничивалась, можетъ принимать отъѣныя поддежательныя убѣжденія и выступать въ міръ опыта расщепленною, напѣненною согласно со вкусомъ и личными требованіями ея развитія. Это такъ называемое *vitiū subreptionis*, позволяющее себѣ выдавать поддежательныя мнѣнія за преддежательныя истины, бываетъ какъ бы эпидемическою язвою почти всѣхъ научныхъ взглядовъ и систематическихъ построений, въ которыхъ неизменно раскрывается такая илудь одна господствующая идея. Посему психологъ, чѣмъ послѣдовательнѣе и отчетливѣе хочетъ вести свою науку, тѣмъ болѣе долженъ стараться, чтобы въ его предмету не примѣшивалось ничто поддежательное,—частное и случайное. Входя, при свѣтѣ сознанія, въ область внутреннего опыта, онъ обязанъ и въ себѣ самомъ строго различать существенное содержаніе нравственной своей жизни отъ ограничивающихъ его формъ, и, оставляя послѣднія, разсматривать только первое. Пусть эти формальныя выраженія фактовъ самопознанія были бы и вѣрны,—они, поставленныя и на заднемъ планѣ, отъ того не теряютъ своего достоинства; наука выщепитъ ихъ, какъ скоро коренныя явленія человѣческаго духа потребуютъ соответственныхъ себѣ очертаній. Чистая истина постигается только чистымъ зрѣніемъ; чрезъ предрасположенія, или какія илудь преддежательныя начала, которыми нравственное око

Христ. Чт. № 2. 74

бывають вооружаемо, будто призрачными силами, она во всей своей чистотѣ не усматривается; эти своеобразности психолога должны оставить за порогомъ ея святилища и вступить въ него безъ заднихъ мыслей, съ простосердечіемъ и прямодушностію дитяти.

Принимая такія ограниченія, предметъ психологіи безспорно весь оаряется сознаниемъ, весь дѣлается доступнымъ внутреннему опыту и имѣетъ съ тѣмъ весь имѣетъ значеніе общечеловѣческое. Но рассматривая его въ этомъ объемѣ, психологія была бы наукою о душѣ все еще въ смыслѣ самого обширнаго и замыкала бы въ себѣ многія другія науки, которыя, по своимъ началамъ, хотя и могутъ быть почитаемы психологическими, по отдѣльности своего развитія однакожъ давно уже получили мѣсто въ ряду ученій самостоятельныхъ. Если предположимъ, что существенные факты внутренняго опыта суть не иное что, какъ силы души; то естественно согласимся, что эти силы, принадлежа душѣ, въ то же время должны обнаруживаться дѣятельностію: а если онѣ дѣйствуютъ, то въ душѣ необходимо быть законамъ, по которымъ производится ихъ дѣятельность. Если предположимъ дагѣ, что эти дѣйствующія силы, покуда дѣйствующія, сдѣлались предметомъ особаго изслѣдованія, которое поставило себѣ цѣлю раскрыть законы ихъ дѣятельности и, по существу этихъ законовъ, опредѣлить формы ея; то вонечно допустимъ, что сколько было бы замѣчено такихъ силъ, столько могло бы быть развито особыхъ психологическихъ наукъ, рассматривающихъ законы и формы дѣятельности нравственной человѣческой природы. Этимъ дѣйствительно путемъ развиты и обособлены науки — *Логика*, какъ ученіе о законахъ и формахъ мышленія; *Исика*,

какъ ученіе о законахъ и формахъ желанія; Астаскина, какъ ученіе о законахъ и формахъ чувствованія (1). Все эти науки таковы, что, съ одной стороны, по особенностямъ своего развитія, не хотѣя оставаться въ предѣлахъ психологіи и составлять съ нею одно органическое цѣлое, а съ другой, по имманентному порядку ихъ началъ въ живомъ организмѣ ученія о душѣ, не могутъ совершенно и отдѣлаться отъ него. Въ такомъ случаѣ психологія, какъ основа этихъ развѣтляющихся психологической анималогіи, должна, не загоняя ихъ вездѣ изъ своей области (что было бы болѣзненнымъ и для ней самой, и для нихъ), снова ограничить предметъ своихъ изслѣдованій такъ, чтобы онъ не смешивался съ предметами наукъ, отъ ней производимыхъ и развивающихся въ той же средѣ внутреннего опыта, озернаго сознанія. Это послѣднее необходимое ограниченіе предмета психологіи можетъ быть сдѣлано чрезъ подведеніе его опять подъ двѣ еще высшія категоріи: *бытіе* и *дѣятельность*. Все явленія нравственной нашей жизни, при одинаковой ихъ существенности и общности, создаются либо какъ нечто имѣющееся въ душѣ, либо какъ нечто, дѣлающееся въ ней. Человѣческая природа конечно не заключаетъ въ себѣ ничего, что имѣлось бы въ ней, не дѣйствуя, или дѣйствовало, не имѣясь; однакожь между этими фактами сознанія есть

(1) Къ сему же отдѣлу психологическихъ наукъ можно бы, если угодно, отнести и Мнемонику, какъ ученіе о законахъ и формахъ памяти: но Мнемоника еще не получила такого развитія, чтобы могла держаться самостоятельно. Память едва ли не менѣе всѣхъ другихъ силъ души подчинялась донынѣ психологическому анализу, и законы ея дѣятельности остаются почти вовсе неразъясненными. Поэтому выходившія въ послѣднее время опыты Мнемоники состоятъ болѣею частью изъ замѣчаній, не имѣющихъ значенія психологическаго, или въ собственномъ смыслѣ научнаго.

причинная связь и замѣчается только односторонняя зависимость: все дѣйствующее въ душѣ потому дѣйствуетъ, что имѣется; но все имѣющееся въ душѣ не потому имѣется, что дѣйствуетъ. Оцѣдительно одинъ и тотъ же фактъ внутренняго опыта можетъ быть разсматриваемъ особо, какъ имѣющееся, и фактъ особо, какъ дѣйствующее. При томъ, мы сказали выше, что къ матеріальнымъ фактамъ внутренней нашей природы относится также и способность ея принимать многообразныя формы. Эта способность во всякомъ случаѣ обуславливается положенными въ душѣ законами, которые, управляя дѣятельностію ея саль, въ то же время принадлежатъ ей, какъ бытіе. Такимъ образомъ законодательство нашего духа служитъ какъ бы гранью, отдѣляющею то, что въ немъ есть, отъ того, что въ немъ дѣлается, или точкою перехода отъ бытія къ дѣятельности. Законами предполагаются силы, — это область бытія; дѣятельностію же предполагаются законы, — это область формъ, которыми обнаруживается бытіе. Разсматриваніе силъ нравственной нашей жизни, поколику онѣ являются въ сознаніи просто какъ бытіе или факты внутренняго опыта, и опредѣленіе гармоническаго соотношенія ихъ въ человѣческомъ духѣ, — вотъ что въ тѣснѣйшемъ смыслѣ должно быть предметомъ психологіи; а разсматриваніе формъ дѣятельности психическихъ силъ, каковы онѣ должны быть сами по себѣ и во взаимномъ своемъ отношеніи, по требованію внутренняго нашего законодательства — есть дѣло упомянутыхъ выше наукъ мышленія, чувствованія и желанія. Ограниченная такимъ образомъ въ своемъ предметѣ психологія, по всей справедливости, относится къ разряду наукъ *реальныхъ*, потому что занимается исключительно изслѣдованіемъ са-

мага бытія, или того, что дѣйствительно есть въ душѣ. Напротивъ, науки мышленія, чувствованія и желанія объективно называются *формальными*, потому что предметъ ихъ ограничивается единственно наблюдениемъ того, какъ все, находящееся въ душѣ, живетъ и дѣйствуетъ.

§ 5. Метода Психологій.

И такъ психологія теперь у насъ—въ опредѣленной чертѣ своего предмета; опредѣленный ея предметъ оазрѣшенъ сознаниемъ; сознание, оазраи его, указываетъ воприще дѣятельности внутреннему опыту. Предметъ, сознание и опытъ,—этими тремя моментами самоознавія ограничиваются все средства нашей науки. Таинни средствами не можетъ ли быть указана и самая метода ея развитія?

Исторія философіи представляетъ много примѣровъ неострознія психологій и при другихъ способахъ: философіи болышую частію позволяли себѣ дѣлать заключенія о человеческой душѣ не по самымъ явленіямъ души, а по принятымъ взглядамъ на міръ, или по общидей, усвоенной наивысшимъ мыслителямъ, идея всего существующаго. Идея конечно еще рѣже, чѣмъ обыкновенное понятіе, возникаетъ въ душѣ съ неуозриженной чистотой, ибо почти всегда отгазняется чертами такъ или иначе слабающей жизни; однакожь она бываетъ самородною мыслию чловечеснаго духа, которая, незамѣтно ограничиваясь эмпирическими послышани, не соизвастъ вникъ ограниченній, не, неостроиз мирные свои идеалы, смотритъ на нихъ, какъ на произведенія самостоятельной и независимой умственной дѣятельности. Очевидно, что, проявляясь въ психологій съ такою самостоятельностью, она дѣлается глав-

нѣтъ, направительный ея начало, и многообразнымъ фантазмъ психической жизни указываетъ такое мѣсто и значеніе, какое позволяетъ имъ имѣть ея взглядъ на гармоническій составъ возмужной. Наприменяемая къ вѣстной идеѣ, психологія, въ своемъ развитіи, починается *методъ синтетической*, въ которой внутренней опытъ точно такъ же относится къ идеѣ, какъ въ организмѣ гражданского тѣла власть исполнительная къ власти законодательной. При господствѣ идеи въ наукѣ, внутреннему опыту предоставляется дѣятельность только второстепенная: онъ долженъ разсматривать явленія нравственной жизни человѣка, но не иначе, какъ прикѣпительно къ началу системы, занимающей воѣ виды бытія. По этому вызовъ явленій на первый планъ въ области науки, или помѣщеніе ихъ на второй планъ; поставленіе фактовъ подъ самую фокусъ сознанія, или наблюденіе его въ тѣни; полное раскрытіе того или другаго отколоска въ дуковномъ мірѣ, или совершенное умалчаніе о немъ; непосредственное соединеніе вѣстнаго явленія съ этими явленіями или съ тѣни;— все это зависитъ не отъ внутреннего опыта, а отъ начала или законодательной власти идеи. Само собой явствуетъ, что, вполне завися отъ идеальнаго взгляда человѣка на міръ, психологія не можетъ быть наукою самостоятельною, а тѣмъ еще менѣе основною. Въ такомъ случаѣ она есть не что иное, какъ часть онтософіи, которая въ самой себѣ, или въ своей идеѣ, полагаетъ основаніе ея развитія, и по силѣ этого идеальнаго основанія, сообщаетъ ей характеръ и самое имя *Психологія умственной*.

Психологія утверждаетъ конечно имѣть свои достоинства, потому что основывается на идеѣ и чрезъ то по-

лучше значеніе науки односторонней: но эти самны до-
слѣдства, какъ легко было замѣтить изъ вышесказан-
наго, могутъ въ области исследований породить и заблужденія, если идея психолога бываетъ ограничена и
отгнана несогласно съ дѣйствительною природою души: Такъ какъ здѣсь все зависитъ отъ идеи, то безъ сомнѣнія было бы гораздо лучше—не предполагать ея,
какъ вѣчто данное, а найти путемъ самопознанія, что-
бы потомъ на психологию равнивать по идеѣ филосо-
фіи, а философію по идеѣ психологии, и такимъ обра-
зомъ науку о душѣ положить въ основаніе всей энци-
клопедіи наукъ философскихъ. Такое стремленіе тѣмъ
повольнѣе, что человѣка искони называютъ ми-
рокосмомъ, или малымъ міромъ, и что слѣдовательно
въ немъ можно найти заложены всякаго бытія, подслушать
гармонію жизни, разлитой въ цѣлой вселенной, и со-
зерцать таинственные символы связей, соединяющихъ
все міроустройство. Не рѣшаемся преждевременно утвер-
ждать, что многовѣковая мысль о микрокосмѣ воцѣль
справедлива: потому что и она также представляется
намъ выраженіемъ идеи и требуетъ новѣрки: однакожъ
мы видимъ въ ней идею психологическую, которая мог-
ла быть найдена не иначе, какъ путемъ долговремен-
наго самонаблюденія, независимо ни отъ какого предва-
ннато философскаго взгляда. Это по крайней мѣрѣ
дастъ намъ право надѣяться, что психологія, и при по-
средствіи одного внутренняго опыта, руководимаго соз-
наніемъ, можетъ быть развита до того, что наконецъ
получитъ достаточную опору для заключенія всеобща-
го, которое повольнѣе будетъ принять за идеаль-
ное основаніе выводовъ, требуемыхъ антитезою фило-
софіи; ибо въ самомъ дѣлѣ не удивительно, что, познавъ

себя въ духовной нашей природѣ, мы въ этомъ познаниі нашли бы ключъ къ уразумѣнію всего существующаго. Но какинъ образомъ внутренней опытъ, не вомоществуемый ничѣмъ, кромѣ сознанія, можетъ идти къ этой цѣли? Въ опытѣ мы видимъ всегда дѣтели медленнаго, робкаго, не дальновиднаго, — и тогда какъ идея быстрымъ взглядомъ смѣло обнимаетъ весь горизонтъ своего предмета и силою полагаемаго ею начала держитъ его въ значеніи одного цѣлаго, тотъ идетъ шагъ за шагомъ, ощупью, отъ явленія къ явленію, и трудясь теперь, не знаетъ, что будетъ потомъ, работая здѣсь, не предвидитъ, что встрѣтится тамъ; его дѣло — разсматриваніе чего-то, еще неопредѣленнаго, по частямъ, чтобы наконецъ найти общій нтъ итогъ и опредѣлить нтъ цѣлое. Если наука избрала себѣ такой способъ познанія предмета, то она держится, говорятъ, *методы аналитической*.

И такъ, оставляя психологію въ области духовной нашей жизни съ однимъ внутреннимъ опытомъ и сознаніемъ, мы обрекаемъ ее на трудъ попотливый, медленный и, собственно говоря, несомнѣемый, требующій дѣятельности не одного человѣка, а цѣлаго человечества, не годовыхъ усилій, а многолѣтнихъ подвиговъ; ибо кто когда нибудь завершитъ изслѣдованіе неиссякаемой бездны человеческой природы? Кто закончитъ анализъ нашего духа во времени, когда въ немъ ясно замѣчаются основанія требованій вышевременныхъ? Сколько — даже почти на нашей памяти — открыто въ немъ новыхъ явленій и по этому поводу возбуждено новыхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ только еще ожидается? А сколько безъ сомнѣній скрывается онъ въ себѣ донныхъ недознаннаго и соблюдающаго въ даръ науцѣ другимъ

помощник! Но что? Неужели психология, следуя методу аналитической, должна быть только летописью душой жизни человека, присоединив новые страницы къ памятникамъ прошедшаго, чтобы потомъ передать ихъ для продолженія времени будущему? — Нѣтъ, она обязана также, смотря по количеству накопившихся фактовъ, порою дѣлать общія наведенія и черезъ нихъ выдвигать идеи для философскаго синтеза, или въ нихъ указывать правила для дѣлесообразнаго направленія человѣческой жизни и основанія для современнаго развитія философии. Но такіе наведенія не иначе возможны, какъ подъ условіемъ группированія явленій духовной природы человека, или введенія ихъ подъ какія нибудь категоріи, подобно тому, какъ ботаникъ, имѣя подъ руками безчисленное множество экземпляровъ растительнаго царства, можетъ составить гербарій только при посредствѣ какой-либо классификаціи ихъ. Группированіе же или классификація фактовъ внутренняго опыта есть уже дѣло не анализа, а синтеза. Изъ этого ясно, что психология, следуя методу аналитической, не можетъ имѣть достоинства науки, если ея развитію не будетъ помогать соиждествляющій идеѣ синтезъ; только послѣдній всегда остается въ ней дѣлителемъ второстепеннымъ, орудіемъ и зависящимъ отъ анализа. Какъ въ методѣ синтетической, при господствѣ идеи, опытъ бываетъ только случайнымъ средствомъ построенія науки, доставляя ей матерію: такъ въ методѣ аналитической, при господствѣ опыта, идея съ своимъ синтезомъ есть только вспомогательное средство ея развитія и даетъ ей форму. Держась этой методы, психологъ главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на содержаніе своей науки или на факты внутренняго опыта и, только

привычною въ найденныя имъ фактамъ, позволяеть ей принять ту или другую форму. Поэтому его наука, поставляющая всю сущность своего дѣла въ эстетическомъ разсмотрѣніи души, при свѣтѣ созанія, формальное же свое развитіе совершающая не иначе, какъ въ зависимости отъ фактовъ, справедливо называется *Психологіей эстетическою*.

§ 6. Цѣль Психологіи.

Подвизаясь на поприщѣ психологіи, слѣдуя такой конечной методѣ, то есть, дѣйствовать большею частью въ самомъ себѣ, не поддаваясь обаянію вѣшняго опыта, безъ сомнѣнія и скучно и утомительно; потому что здѣсь требуется упорная борьба съ привычною цѣлю жизни—искать впечатлѣній только за дверями своего дома. Но кромѣ скуки и утомительности, не есть-ли это вмѣстѣ трудъ безцѣльный? Кому и для чего нужно такое нравственное безразличіе психолога? Всѣ люди, сами смотрѣвъ на нить стремленія вообще, преслѣдуютъ дѣль цѣли: достигнуть возможно большаго личнаго совершенства и поставить себя въ возможно лучшія отношенія ко всему, чѣмъ окружена и обуславливается жизнь. Первую цѣль можно назвать *немедленною* или *непосредственною*, а послѣднюю—*посредственною* или *предельною*. Черезъ указаніе этихъ цѣлей, мы, надѣясь, нисколько не отыскаемъ понятія о прогрессѣ, который такъ радужно рисуется въ умѣхъ современнаго общества. Что же? Стоитъ-ли психологія на пути такого внутренняго и вѣшняго прогресса и помогаетъ ли человѣку достигать указаныхъ цѣлей? Намъ представляется, что разумное и сознательное достиженія ихъ не иначе, и возможно, какъ цѣль условіемъ сванія души;

а знание души, какъ выше сказано, приобретаетъ психологически.

« Понятіе о стремленіи человѣка къ совершенству, какъ моральное, весьма неопредѣленно: философія, еще во времена Лейбница и Вольфа, въ основаніе человѣческой дѣятельности полагала начало самоусовершенія, и однакожь никогда не удовлетворилась имъ окончательно, потому что оно не даетъ ни матеріи дѣйствій, ни реальнаго образца, прикѣпительнаго къ которому надобно дѣйствовать; а безъ этого, слѣдуя ему, всякій можетъ усовершенать себя по своему, и иной достигаетъ таковаго совершенства, отъ котораго въ послѣдствіи бываешь страшно и самому, и другимъ. Вся мы идемъ впередъ, чтобы чрезъ это поступательное движеніе сдѣлаться совершеннѣе: но кто скажетъ намъ, что, идучи по какому-нибудь направленію, мы придемъ къ тому, что составитъ дѣйствительное совершенство нашей природы? Очевидно, что это можетъ намъ указать только сама природа; ибо если она движетъ насъ по пути самоусовершенія, то въ ней, безъ сомнѣнія, должно быть сознаніе своего несовершенства, своихъ недостатковъ, которые она хочетъ восполнить. Въдѣ ищетъ пищи не сытый, а голодный, проситъ помощи не сильный, а слабый. Поэтому мы должны спросить у человѣческой природы, чего ей недостаетъ, въ чемъ она несовершенна, чтобы постараться доставить ей такое именно совершенство, въ какомъ она существенно нуждается. А эта вопрошающая и испытующая человѣческую природу наука и есть психологія; потому что, пользуясь матеріальными плодами самопознанія, она опредѣляетъ относительное значеніе и достоинство фактовъ внутренняго опыта. Следовательно на психологію-то и должны

обязанности — положить твердыя и прѣтоты матеріальныя основанія для самоусовершенія, какъ дѣломъ чело-вѣческой жизни. Ее можно назвать почти психическою діагностикою нормальнаго состоянія души, или лучше рефракторомъ, который тотчасъ показываесть, согласны ли съ ея требованіями наши мысли, чувстваванія и желанія, и если несогласны, то въ чемъ именно и какомъ Прозрѣніемъ уклоненіе, чтобы потомъ возстановить на-правление силы увлотившейся и устремить ее къ поти-ному совершенству челоуѣка. Отсюда выстуетъ, что достиженіе этой дѣли для нашей науки не безусловно; потому что ея дѣло — только показать содержаніе вы-шей, такъ сказать, посылки психического силлогизма (!); а практическое самопознаніе, или ниршая посылка, и подведеніе ея подъ высшую, непосредственно отъ ней не зависишь. Къ попринцу практическаго самопознанія челоуѣкъ готовится настроеннымъ нравственно вос-питаніемъ. Тогда какъ психологія рѣшаесть вопросъ, — что такое челоуѣческая душа вообще, въ чемъ и ка-

(!) Челоуѣка, по нравственной его природѣ, можно назвать живымъ, олицетвореннымъ силлогизмомъ: въ немъ есть общее и частное, теорія и практика, и эти термины, подведенные одинъ подъ другой, въ вышле-ніа даютъ жизнь, совершенно соответствующую посылаемъ. Психологія развиваесть содержаніе высшей посылки — теорію, общее; опытъ идеътъ своею дорогою и готовишь посылку меньшую — факты, частности. Не парадно бываесть, что каковой либо одней посылки у челоуѣка недо-стаесть; — тогда при недостаткѣ высшей, мѣсто ея занимаесть Я и въ за-ключеніе даесть зюизмъ; а при недостаткѣ низшей, вся жизнь характе-ризуесть формализмомъ. Если не итъ у челоуѣка ни той, ни другой, — онъ не естъ уже предметъ психологическій, но сознаеъ себя просто, какъ существо, живущее въ обществѣ и ограничивающееся только внѣшними условіями. Въ такомъ случаѣ онъ управляетъ лишь зако-нами цивилизаціи; по требованію каковой одна и таже Я; выдвигесть, по съ +, то съ —, и, смотря по надобности, выводитъ въ заключеніи либо 0, какъ 1, либо 1, какъ 0. Единственная опора цивилизаціи естъ формальная развитость, или внѣшняя образованность.

или образъ она должна быть усовершенна, — педагогич' сирашиваетъ, какова она въ тебѣ, и ища отвѣта на свой вопросъ, представляетъ воспитанника предъ зеркаломъ психологическихъ изслѣдованій. Правда, благотворно дѣйствуетъ и самъ психологъ, когда, озаренъ сознаниемъ область внутреннего опыта и, рассматривая природу души вообще, онъ по временамъ принимаетъ роль педагога и, бросая свѣтъ въ мрачныя и мучитныя обыденной жизни человека, представляетъ примѣры подведенія частныхъ явленій подъ общія психическія начала: но это не есть прямая его обязанность; это впадоу въ науку, или фигуры, оживляющія ландшафтъ.

Не смотря, впрочемъ, на очевидную необходимость психическаго основанія для успѣховъ самоусовершенія и для вѣрнаго понятія о самоусовершеніи, можно сказать безошибочно, что люди большею частію не только не слѣдуютъ этому основанію, но и не предполагаютъ его; а между тѣмъ стремятся усовершенать себя и условия развитія нравственной своей природы видятъ въ жизни и наукѣ, будучи совершенно увѣрены, что только жизнь и наука могутъ облагородить и возвысить человека. Явно, что наше усовершеніе такимъ образомъ поставлено въ зависимость не отъ внутреннихъ требованій, а отъ высшихъ наставленій и ограниченій; намъ предписывается усовершенаться, можетъ быть не такъ, какъ мы должны по существу своей природы, а такъ, какъ хочетъ принятый обычай, направленіе общества, или духъ времени. Общество, время, науки, вѣчно, — авторитеты великіе: но на нихъ съ равнымъ правомъ опирались и Тамерланы, и Нероны, и Гегели, и Штраусы, и Макиавелы, и Робеспьеры. Сколько во нихъ со-

временности, национальности и даже образованности бывало и бывает принимаемо таковы мѣры къ улучшенію человека, которыя не улучшили, а углубили его! Да и то странно, какъ эти инстинкты мѣры могутъ быть согласны съ стремленіемъ ума къ дѣятельности сознательной, свободной и самостоятельной? Мы не одобряемъ явленій, враждебныхъ предметамъ дѣятельности, началамъ нравственной жизни и гражданского порядка, но не одобряемъ не ради самихъ началъ, а потому, что такими явленіями обнаруживается ослѣвленіе, или личный произволъ, не имѣющій и не могущій имѣть силу правила всеобщаго. Мы порицаемъ отсталость въ области наукъ, но порицаемъ не въ угодность наукамъ, а по сочувствію къ требованіямъ души, ищущей истиннаго просвѣщенія. Намъ и жизнь не въ жизнь, если она не ведетъ насъ къ дѣйствительному совершенству, и наука не въ науку, если она не удовлетворяетъ существеннымъ нуждамъ нашего духа. Такимъ образомъ жизнь и наука, почитаемыя условіями развитія человѣческой природы, сами становятся и должны быть поставлены подъ контроль науки о душѣ, и контроль ихъ составлять вторую—посредственную или предметную цѣль Психологіи.

Изучая человѣческую душу, Психологія, конечно, замѣтитъ въ ней различныя стремленія и, по различію стремленій, различныя законы дѣятельности. Въ своихъ стремленіяхъ душа даетъ человеку много-содержательную тему жизни, указывающую ему соответственные духовному ея воззрѣнію предметы, которые, для удовлетворенія существующимъ ея требованіямъ, онъ долженъ или узнать, или почувствовать, или получить, вообще поставить себя съ ними въ же-

лавыми душою связя. Эти предметы—Богъ, природа и люди; и вся наша жизнь есть не что иное, какъ непрерывное усиліе занять въ отношеніи къ нимъ надлежащее мѣсто и значеніе. Ясно, что выполненіе такой задачи не иначе возможно, какъ чрезъ постепенное вхожденіе въ смыслъ стремленій души, а опредѣленіе смысла или опять не иначе возможно, какъ чрезъ углубленіе въ самое существо ея. Душа сама въ себѣ, конечно, не есть ни Богъ, ни природа, ни даже человѣкъ въ значеніи явленія, обрамленнаго формами пространства и времени; однакожъ если она требуетъ сихъ предметовъ, то безъ сомнѣнія носить въ себѣ идеи ихъ. И вотъ изъ этихъ-то реальныхъ идей должна быть выводима жизнь, чтобы развитіе ея было выраженіемъ всеобщей гармоніи; выведеніе же изъ нихъ правилъ жизни путемъ естественнаго самопознанія производится философскими изслѣдованіями, поскольку они основываются на познаніи человѣческой природы. Пусть наука о о душѣ распродетъ предъ нами, сколько можетъ, самое существо души: мы тотчасъ уразумѣемъ, чего она хочетъ, безъ труда опредѣлимъ, такова ли наша жизнь, какой она требуетъ, легко усмотримъ правильность или неправильность нашихъ отношеній къ Богу, природѣ и человѣчеству. Тогда узнаемъ мы и свои достоинства и свои недостатки, свою силу и свою немощь, и разрѣшимъ всѣми вѣками совнаемаый, но донынѣ еще (если исключаемъ гипотезы Платона и нѣкоторые символическія представленія древнихъ народовъхъ мнелогій) философски неразрѣшенный вопросъ о томъ, почему въ нашей природѣ такъ велики требованія и такъ мало средствъ къ удовлетворенію имъ, такъ высокъ идеаль ственнаго, добраго и прекраснаго, и такъ ничтожны—

наша истина, наше добро и наша прасота. Очевидно, что психологія, вѣрвая аналитической своей методѣ, приблизившись такимъ образомъ какъ бы къ непосредственному знанію души, для котораго она по этому самому будетъ имѣть значеніе существа идеальнаго, идеально созерцающаго всякую реальность, вмѣстѣ съ тѣмъ положитъ основаніе философскому синтезу и дастъ ему средства къ построенію синтетической системы философіи. Основаніемъ своимъ философія будетъ темеръ имѣть взглядъ на міръ и жизнь, исключительно согласный съ природою души, а средствами своего развитія—законы дѣятельности, найденные и опредѣленные психологическими изслѣдованіями. Съ точки своего основанія онъ будетъ созерцать область бытія метафизическаго, какъ философія религіи, философія природы и философія челоучества; а пользуясь своими средствами, бытіе метафизическое поставитъ въ связь съ міромъ явленій, гдѣ встрѣтится съ частными науками и, обусловивъ собою формальное ихъ развитіе, въ замѣнъ сообщаемыхъ формъ, получитъ изъ содержанія, чтобы такимъ образомъ видимое было живымъ выраженіемъ невидимаго и въ чувственномъ вѣрно изображалось духовное.

§ 7. Польза Психологіи.

Впрочемъ, и независимо отъ того, что психологія полагаетъ философскія основанія для развитія жизни вообще, какое обширное, разнообразное и сильное вліяніе имѣетъ она также на обыденную нашу жизнь во всехъ частныхъ ея проявленіяхъ! Нельзя представить ни одного дѣйствія, производимаго душею, при которомъ не нужно было бы знаніе самаго этого проводителя. Будемъ разсматривать человеческую дѣятель-

ность къ двухъ ея направленіяхъ: отъ другихъ къ намъ и отъ насъ къ другимъ,—при томъ между лицами какъ единичными, такъ и собирательными. Въ обоихъ случаяхъ успѣхъ отношеній долженъ зависѣть отъ удовлетворительнаго рѣшенія одного и того же вопроса: какова душа въ человѣкѣ дѣйствующемъ и принимающемъ дѣйствіе? И вопросъ этотъ рѣшается психологически.

Многому учать насъ въ низшихъ и высшихъ школахъ: какъ движутся небесныя свѣтила, какія на разныхъ полосахъ земли рождаются животныя, какъ построены города, которыхъ мы никогда не видали. А каковы окружающіе насъ люди и какими ходятъ они путями, этому никто не учитъ. Намъ сообщаютъ свѣдѣнія, какъ отличать полевые плоды отъ ядовитыхъ, какъ пользоваться ручными животными и обуздывать дикихъ, какъ переплывать моря и связывать берега рѣкъ мостами. Но какъ находить добрыхъ людей и узнавать злыхъ, какъ удерживать въ предѣлахъ человѣка гордаго и воодушевить робкаго, какъ переплыть море человѣческихъ страстей и соединить мостомъ взаимно враждебныя сердца,—объ этомъ никто не сообщаетъ намъ свѣдѣній. И жить согласно съ другими для большей части человѣчества по этому бываетъ дѣломъ случая, или плодомъ долговременной привычки. Между тѣмъ, какъ не допустить, что для обращенія съ людьми нужны извѣстныя правила, которыя предписывали бы разные способы дѣятельности примѣнительно къ личностямъ разныхъ характеровъ, напримѣръ, къ людямъ тщеславнымъ и скромнымъ, хитрымъ и простосердечнымъ, злымъ и добрымъ, скрытнымъ и откровеннымъ, мужичинамъ и женщинамъ, юношамъ и старцамъ, холерикамъ и флег-

матикамъ, и проч? Но явно, что для точнаго выполненія такихъ правилъ требуется изученіе этихъ характеровъ, какъ явленій психическихъ; ибо, не изучивъ ихъ, мы часто противъ собственной воли становились бы во враждебныя отношенія къ людямъ и не только не сдѣлали бы никакой пользы ни себѣ ни другимъ, но еще могли бы повредить истинѣ или добру. Изучаются же всѣ подобныя явленія, — если исключить внѣшній, до мозга продолжающійся и нерѣдко болѣзненный опытъ, — единственно въ области психологіи. Кто хорошо знаетъ человѣческую душу и законы происходящихъ въ ней перемѣнъ; тотъ между личностями, — сколь бы ни различались они своими воззрѣніями, чувствами и желаніями, — умѣетъ поставить столько и такихъ практически посредствующихъ терминовъ, что нечувствительно сближаетъ ихъ и приводитъ къ согласнымъ заключеніямъ. Этимъ способомъ, при помощи психологическихъ познаній, получаютъ разумное значеніе и отчетливость всѣ отношенія человѣка къ человѣку, являющіяся подъ формами знакомства, расположенія, уваженія, дружбы и любви. Психологія вводитъ въ сознаніе и осмысливаетъ даже такъ называемыя инстинктивными или стремленія и, ограничивая ихъ закономъ свободы, сообщаетъ имъ достоинство явленій разумныхъ.

Взглянемъ на пользу психологіи и съ другой стороны. Известно, что люди во всѣхъ частяхъ свѣта составляютъ особыя гражданскія общества, которыя въ свою очередь дѣлятся на сословія либо корпораціи, а эти опять группируются въ большіе или меньшіе кружки, и такая цѣль социальной жизни человѣчества замыкается обыкновенно союзами семейными. Всѣ кольца этой живой цѣпи держатся конечно то религіозными, то юри-

дическими, то житейскими или утилитарными целями, вызывающими известные законы, уставы, правила, обычаи: но централизация их не меньше условливается и особенностями психическими, каждая человеческая группа, начиная от самого великаго государственнаго тѣла до самаго малаго семейства, проявляетъ частный свой типъ, собственную нравственную физиогномію, которая сложилась изъ тѣхъ или другихъ душевныхъ наклонностей, расположений, страстей, привычекъ. И такъ, еслибы, имѣя это въ виду, какъ фактъ, мы встрѣтили вопросъ, — какимъ образомъ стать въ благоприятное отношеніе къ известному обществу, или общественному кружку, и особенно, какимъ образомъ, для достиженія предполагаемой цѣли, дѣйствовать на него, двигать имъ, давать ему желаемое направленіе; то безъ сомнѣнія отвѣчали бы указаніемъ на способы не столько официальные или внѣшніе, сколько нравственные, отъ которыхъ получаютъ вліятельность и первые. Мы сказали бы, что надобно, подъ руководствомъ науки о душѣ, изучить свойственный той или другой народной корпораціи психическій строй и, слѣдуя законамъ человѣческой дѣятельности, которыя опять раскрываются въ наукѣ о душѣ, давать ей нужное направленіе понятными и нравящимися ей мелодіями. Истина — одна, но въ сознаніи она обыкновенно является подъ какими нибудь формами. Эти формы суть частныя настроенія души, не зная которыхъ, мы не будемъ знать и тѣхъ способовъ, какими можно вести людей къ истинѣ, чтобы потомъ, озаривъ ихъ свѣтомъ истины, послѣдовательно улучшить, возвысить и облагородить самыя формы ихъ жизни.

Почитая это справедливымъ, мы думаемъ, что наука

о душѣ весьма полезна была бы дѣятельнѣе, подвизающимся на поприщѣ управления гражданскаго, если они хотятъ, чтобы вышнія ограниченія, которымъ подчиняются общество, благотворно дѣйствовали на внутреннія его расположенія, лежащія обыкновенно въ основаніи гражданскаго благоустройства; потому что можно ли управлять тѣломъ, не зная, какъ по естественнымъ законамъ своей природы должна жить и дѣйствовать душа, развивающаяся въ тѣлѣ! Вышнія явленія частной и общественной жизни суть выраженія души; опыты опредѣлили нравственное ихъ достоинство извѣстными законами, и эти законы святы, если душа слышитъ въ нихъ отголосокъ существенныхъ своихъ требованій и находитъ, что къ состоянію ея они примѣняются точно и вѣрно. Поэтому знаніе души гражданскимъ дѣятельнѣе необходимо и въ дѣлѣ ограниченія человѣческой жизни тѣми или другими законами. Они дѣйствуютъ на человѣка извнѣ; но цѣль ихъ дѣятельности должна быть не вышняя, а внутренняя: подъ вліяніемъ юридическихъ ограниченій ихъ, человѣку надобно сдѣлаться лучшимъ нравственно; потому что общество, въ высшемъ, благороднѣйшемъ своемъ значеніи, есть учрежденіе для духовныхъ интересовъ разумно-свободнаго существа. Но можно ли улучшать общество въ нравственномъ его состояніи и стремиться къ духовнымъ его интересамъ, не зная, что такое душа и каковы законныя ея требованія? Зная нормальную температуру крови, врачъ наблюдаетъ пульсъ и, опредѣливъ, здоровъ ли человѣкъ или боленъ, предписываетъ ему врачевныя или діететическія средства. Подобнымъ образомъ и гражданскій дѣятель, только чрезъ знаніе истинной природы души, можетъ оцѣнить духъ современнаго ему общества,

въ хорошемъ ли онъ состояніи или нѣтъ, и придумать вѣщныя мѣры къ надлежащему его настроенію.

Если же наука о душѣ такъ полезна и даже необходима для тѣхъ, которые призваны дѣйствовать на какое нибудь общество извнѣ; то тѣмъ необходимѣе она дѣятелямъ, поставленнымъ въ непосредственное отношеніе къ внутренней или нравственной его жизни, — разумѣемъ пастырей церкви и двигателей народнаго просвѣщенія, которыхъ прямое дѣло питать души и давать имъ сообразное съ ихъ природою направленіе. Очень понятно, что безошибочное опредѣленіе рода, свойствъ и мѣры пищи для души будетъ по силамъ только человѣка, болѣе или менѣе знающаго, въ чемъ именно, по своей природѣ и степени развитія, нуждается душа, чтобы въ противномъ случаѣ не предложить ей того, что она или не приметъ, или, принявъ, не переваритъ, или, переваривъ, ощутитъ въ себѣ дѣйствіе смертоноснаго яда. Но какъ узнать существенныя потребности души, не зная ни ея природы, ни условій правильнаго ея развитія? Можетъ быть скажутъ, что это — забота излишняго усердія, что люди, по роду своихъ занятій и должностей, стоящіе въ непосредственномъ отношеніи къ нравственной жизни общества, должны смотрѣть не на души той среды, въ которой дѣйствуютъ, а на свои officialныя и ученыя средства. Правда, часто случается, что пастырь церкви, совершая свое поприще, довольствуется только правомъ священнодѣйствовать и учить, да каноническими способами и нѣкоторою суммою познаній въ разныхъ наукахъ; правда и то, что органъ народнаго просвѣщенія, дѣйствуя на своемъ пути, иногда нисколько не считаетъ себя обязаннымъ имѣть въ виду интересы нравственной жизни

являть слушателей, а только старается преподавать науку въ томъ духѣ, какой, нравится ему самому, такъ какъ бы, на оныя назначался для слушателей, а слушатели ни него. Но, за то таковы и плоды. Духовная почва, можетъ быть, и засѣивается; но, не будучи воздѣлана, не разлагаетъ сѣмени и, какъ паздняя, произращаетъ рещейникъ. А наука въ молодыхъ умахъ производитъ смѣшаніе понятій, борьбу началъ, противорѣчіе взглядовъ, ослабленіе и потерю убѣжденій; результатомъ же такого Вавилонскаго столцотворенія обыкновенно бываетъ совершенное пренебреженіе нравственной жизни и разсѣянiе по пути жизни чувственной. Поэтому кто поставленъ непосредственно дѣйствовать на духовную сторону общественной жизни; тотъ конечно признаетъ первымъ своимъ долгомъ изучать природу человеческого духа, что бы все, что преподается человѣку, вполне соотвѣствовало существеннымъ его нуждамъ и, чрезъ то угоренившись, въ душѣ, естественно и живо выразилось во внѣшней его дѣятельности: ибо какъ гражданскія мѣры общественнаго управленія, чрезъ ограниченіе внѣшней дѣятельности гражданъ, должны способствовать улучшенію внутренней ихъ жизни; такъ духовными мѣрами, чрезъ приличное питаніе душъ, должны быть прекуротворяемы лучшія выраженія гражданской жизни. И на этомъ пути противоположнаго движенія, дундъ воителствъ народа возможна только полная сячувствія и взаимнаго довѣрія встрѣча ихъ. И гармоническимъ отголоскомъ этой встрѣчи будетъ народная литература, которая, нейтрализуя противоположность такъ направлений, является нераздѣльнымъ органомъ цѣлаго общества и показываетъ степень его силы, основанной на самопознаніи. Если же водительство гражданъ

свое поставляет свою цѣль въ жизни не внутренней, а внешней, равно какъ духовное видитъ свою не во внешней, а внутренней; то интересы ихъ необходимо распадаются и производятъ двѣ отдѣльныхъ, негармонизирующихъ между собою литературы—духовную и свѣтскую, которыхъ самое раздѣленіе свидѣтельствуетъ объ относительной слабости нравственнаго ихъ характера и безсиліи жизни общественной.

§ 8. Дѣленіе психологій.

И такъ, наука о душѣ должна представить основанія для соразснаго развитія всѣхъ видовъ дѣятельности чело-вѣка, имѣющихъ посредственное или непосредственное отношеніе къ природѣ его души. Но чтобы найти эти основанія, показать ихъ твердость, самостоятельность и постоянное вліяніе на жизнь, ей надобно идти къ своей цѣли не съ конкретною массою фактовъ внутренняго опыта, сколько озаряются они сознаніемъ, а взять полный составъ ихъ, какъ одно цѣлое, и содержаніе его расположить такъ, чтобы факты жизни чувственной не смѣшивались съ чисто духовными, предшествующіе не выступали за послѣдующими, производные не поставались въ уровень съ коренными. Очевидно, что для этого психология должна предварительно пересмотрѣть всѣ явленія, какими фактически обнаруживается жизнь души, и раскрывъ свойства каждаго изъ нихъ, по этимъ свойствамъ поставить ихъ подъ извѣстныя категоріи. Черезъ такое распредѣленіе и раскрытіе отдѣльныхъ явленій души, все озаряемое въ ней сознаніемъ представится намъ въ порядкѣ, стройности и опредѣленномъ отношеніи,—мы увидимъ предъ собою какъ бы полный нравственный организмъ, въ которомъ

каждый органъ на своемъ мѣстѣ, все составлено, слажено, приведено въ надлежащую связь съ цѣлымъ и ожидаетъ только дѣйствія основной силы, чтобы это нравственное цѣлое пришло въ движеніе и выразилось въѣми видами нравственной человѣческой жизни. Часть Психологіи, занимающуюся изслѣдованіемъ и распредѣленіемъ отдѣльныхъ явленій духовной нашей природы мы изложимъ подъ именемъ *Феноменологии души*. Итого, когда всѣ факты внутренняго опыта, какія только доступны ему при свѣтѣ сознанія, будутъ изслѣдованы и поставлены въ надлежащее между собою отношеніе, — сознаніе укажетъ опыту еще на одинъ такой фактъ, котораго бытіе, какъ непосредственно сознаваемое, хотя не подлежитъ никакому сомнѣнію, однакожъ для опыта само въ себѣ недоступно. Этотъ фактъ есть Я, или живое начало, обнаруживающееся дѣятельностію всѣхъ разсмотрѣнныхъ опытомъ силъ и условливающее собою единство ихъ, — этотъ фактъ есть душа. Сознаніе нудитъ опредѣлить ее, но опытъ не находитъ въ себѣ силъ непосредственно войти въ вышеопытныя условія ея существованія. Что же дѣлаетъ онъ? Слѣдуя обыкновенной своей методѣ, онъ принимаетъ за основаніе полный составъ явленій, какъ они стармодированы имъ, и отъ этого нравственнаго организма, въ которомъ должна существенно выразиться душа, заключаетъ въ ея природѣ. Этими именно способомъ Психологія придетъ къ опредѣленію души и найдетъ въ ней источникъ жизни, столь разнообразно и съ такимъ постоянствомъ являющейся подъ формою всѣхъ духовныхъ и животныхъ ея дѣателей. Разсматривая жизнь души во всѣхъ ея видахъ и замѣчая законы ея развитія въ каждомъ видѣ, наша наука раскроетъ вторую часть своего ученія, ко-

тору по всей справедливости надобно назвать *Віологією души*. Но между тѣмъ какъ всѣ явленія въ области сознанія, происходя такимъ образомъ изъ одного и того же начала и по извѣстнымъ законамъ жизни совершая свое развитіе, будутъ гармоническимъ своимъ соотношеніемъ представлять нормальное состояніе нравственной человѣческой природы, сознаніе укажетъ опыту множество и такихъ явленій, которыя, имѣя свой источникъ въ томъ же самомъ началѣ, повидимому слѣдуютъ однакожъ инымъ законамъ развитія и никакъ не примиряются съ обыкновеннымъ ходомъ душевной жизни человѣка. Эти отклоненія—то же въ душѣ, что aberrации въ движеніи солнечнаго луча, или что неправильности въ формахъ природы матеріальной. Они бывають не всегда; однакожъ, имѣя свое основаніе въ душѣ, должны въ ней же имѣть и причину своего проявленія, въ ней же и законы, по которымъ проявляются. Эти необыкновенныя состоянія души признаемъ ли мы ихъ состояніями ея разстройства, или ея существованія подъ какими нибудь высшими условіями, — во всякомъ случаѣ, относительно къ формамъ нормальной ея жизни, они будутъ болѣзненными; а потому ученіе Психологіи, рассматривающее происхожденіе и свойства этихъ состояній, можетъ быть названо *Патологією души*.

И такъ Психологія должна изложить: 1) Феноменологію души, 2) Віологію души и 3) Патологію души.

В. Карповъ.

ВАСИЛІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ КАРПОВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ)

Василій Николаевичъ Карповъ родился 2 апрѣля 1798 г. въ извѣстномъ селѣ *Хрумазовѣ* воронежской губерніи, бывшемъ имѣніи графини Орловой. Первоначальнымъ воспитателемъ его былъ его отецъ, священникъ этого села; съ ранней юности родители внушали сыну религиозныя понятія и правила нравственности. „Въ системѣ воспитанія,“ — пишетъ одинъ знакомый (1) *Василія Николаевича* — безъ сомнѣнія со словъ покойнаго, — „играло большую роль приученіе ребенка къ труду; учился онъ не по правиламъ новѣйшей педагогій; картинокъ для нагляднаго знакомства съ міромъ, модехей, разныхъ развивающихъ игръ и увеселеній не было: ребенокъ учился читать по букварю и учился не забавляясь, а трудясь, принуждая себя... Этого то первоначальнаго труда и приготовилъ въ немъ будущаго полезнаго труженника въ области науки. Физическое воспитаніе ребенка тоже не было въ пренебреженіи, но оно было такъ же естественно и разумно, какъ и воспитаніе нравственное. Ребенокъ не былъ удаленъ отъ

(1) Д. Щегловъ „Голосъ“ 1867 г. № 348. Некрологъ.

той сферы, въ которой ждало его семейство, рано узналъ экономическій бытъ своей среды и принималъ участіе въ хозяйственныхъ хлопотахъ отца. Покойный Василій Николаевичъ рассказывалъ, что съ раннихъ лѣтъ онъ любилъ и умѣлъ хорошо ѣздить верхомъ; отецъ нередко посылалъ его въ поле къ рабочимъ, въ степь за нѣскольکو верстъ; и двѣнадцатилѣтній ребенокъ съ умѣньемъ исполнялъ даваемые ему порученія, вознаграждая себя тѣмъ, что имѣлъ случай покататься по степному раздолью“.

Мы не имѣемъ возможности день за день прослѣдить послѣдующую жизнь покойнаго профессора. Еще въ Воронежской семинаріи, гдѣ онъ обучался, у него зародилась любовь къ философіи. Сѣмена этой любви посеялъ въ немъ одинъ изъ профессоровъ Воронежской семинаріи, жаркій послѣдователь Шеллинга, протоіерей *И. Я. Зацѣпинъ*. *Г. Щелковъ* о Зацѣпинѣ сообщаетъ слѣдующій разсказъ: „ему было уже около 50 лѣтъ и онъ давно самъ преподавалъ философію, когда во вновь открытій тогда Харьковскій Университетъ пріѣхалъ знаменитый нѣмецкій философъ Шада, въ качествѣ профессора. Почтенному протоіерею очень хотѣлось выслушать курсъ у Шада, и онъ сталъ просить годовой отпускъ съ этой цѣлю. Начальство нашло это желаніе излишнимъ, но протоіерей—философъ не уступалъ и наконецъ достигъ своей цѣли, отправился въ Харьковъ и выслушалъ курсъ философіи у Шада“. Въ семинаріи очень пригодились Василію Николаевичу любовь къ труду: и привычка принуждать себя къ занятіямъ, приобретенныя имъ еще дома подъ руководствомъ отца: онъ всегда здѣсь былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. „Я помню Василія Николаевича Карпова“,—пишетъ его

землякъ (1), „когда онъ былъ еще воспитаникомъ Воронежской семинаріи. И тогда выдавался онъ изъ среды своихъ товарищей; и тогда намъ дѣтямъ показывали на него, какъ на человѣка, заслуживающаго особенное вниманіе. Какъ теперь вижу я его въ длинномъ, нанновомъ сюртукѣ, съ тетрадами подъ мышкой, большими шагами идущаго мимо убогихъ аудиторій духовнаго училища, въ которомъ мы зябли и прозябали, приготовляя себя на дѣло и дѣланіе наше, еще ни передъ кѣмъ изъ насъ не рисовавшееся полно и отчетливо. Безпечныя, но небезсмысленныя дѣти, мы съ благоговѣніемъ смотрѣли на такихъ людей, какъ Карповъ, прозорливо провидя въ нихъ нашихъ будущихъ наставниковъ и руководителей, понимая, что и намъ придется со временемъ задаться тѣми же вопросами, какіе положили печать такой думы на ежедневно проходившаго предъ нами человѣка“.

Изъ Воронежской семинаріи онъ былъ назначенъ для дальнѣйшаго образованія въ Кіевскую Д. Академію, въ составъ втораго ея курса; первый курсъ далъ Россіи знаменитаго церковнаго проповѣдника — преосвященнаго херсонскаго архіепископа *Илюкентія*, второй — самостоятельнаго русскаго мыслителя Василія Николаевича *Карпова*. Кіевская академія первыхъ своихъ наставниковъ получила изъ петербургской академіи; между прочими наедрѣ философіи въ ней занималъ въ 1821 году первый студентъ втораго курса нашей академіи *И. М. Скворцова*, такъ что В. Н. Карповъ былъ для нашей академіи какъ бы уплатой со стороны кіевской за *И. М. Скворцова*. И теперь выпія наши духовныя училища

(1) *Домашняя Беседа* № 52, 1867 г.

находятся между собою въ родственномъ союзѣ: союзъ, этотъ начался и укрѣпился еще при самомъ основаніи академіи московской, кievской и казанской, которымъ первыхъ наставниковъ и первая программы дала наша академія. Подъ руководствомъ И. М. Скворцова изучалъ Карповъ въ академіи философію и началъ свое философствованіе подъ влияніемъ Канта; „но не полюбивъ его теоріи нравственнаго долга, обратился къ древнему Платону, который съ тѣхъ поръ сдѣлался любимымъ его философомъ“. Какъ добросовѣстно изучалъ онъ этого великаго мыслителя древности и съ какимъ уваженіемъ относился къ нему, — это доказывается между прочимъ тѣмъ, что, не довольствуясь употребленіемъ его собственно для себя, онъ передалъ его въ прекрасномъ русскомъ переводѣ. Тутъ онъ, по его собственнымъ словамъ, „предсталъ на судъ своихъ читателей не только какъ переводчикъ, но вмѣстѣ, какъ критикъ, и отчасти какъ комментаторъ платоновыхъ сочиненій, и къ каждому разговору приложилъ свое введеніе и нѣскольکو филологическихъ, историческихъ и философскихъ примѣчаній. Такимъ образомъ русская литература обогатилась единственно—лучшимъ переводомъ сочиненій Платона... Рѣшимость Карпова перевести сочиненія Платона и издать ихъ на свой счетъ въ четырехъ большихъ томахъ (пятый—последній переведенъ, но покойный не успѣлъ просмотрѣть его окончательно) доказываетъ лишь искреннюю любовь его къ наукѣ, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь. Честный и безкорыстный труженникъ, утѣшенъ былъ тѣмъ, что трудъ его обратилъ на себя Высочайшее вниманіе и удостоенъ былъ соответственной награды (1)“. Въ Киевской академіи онъ окончилъ

(1) Домашняя Бес. № 52.

курсъ въ 1825 году. Землянкъ его въ некрологѣ, изъ котораго мы привели уже двѣ выдержки, рассказываетъ слѣдующій случай, бывший съ Карповымъ на выпускномъ экзаменѣ. „Имя Карпова“, читаемъ въ Домашней Вестнѣ, „было для насъ предметомъ уваженія и тогда, когда его ужъ не было между нами (т. е. въ Воронежской семинаріи), когда онъ поступилъ въ Кіевскую Д. академію и потомъ кончилъ курсъ тамъ блистательнымъ образомъ. Мы съ нѣкоторою гордостью прислушивались къ доносившимся до насъ толкамъ, что Карповъ на выпускномъ экзаменѣ „сразился“ съ митрополитомъ Евгениемъ и былъ между прочимъ причиною того, что разгнѣванный архипастырь оставилъ на цѣлые два года весь второй академическій курсъ безъ соотвѣтствующихъ ученыхъ степеней. Чтобы сразиться съ Евгениемъ, нужно было много ума, а еще болѣе смѣлости,—и Карповъ, пятый по разрядному списку, стоялъ первымъ во мнѣніи нашемъ“.

По окончаніи академическаго курса Карповъ определенъ былъ учителемъ въ Кіевскую Духовную семинарію по классамъ греческаго и нѣмецкаго языковъ (30 дек. 1825 г.); 6 января 1826 г. ему поручено завѣдываніе семинарскою библіотекою; 1827 г. 29 ноября утверждень въ степени магистра; 1829 года октября 26 дня переведень въ Кіевскую Д. Академію на должность бакалавра французскаго языка, при чемъ объявлена ему отъ Комиссіи духовныхъ училищъ благодарность за усильное прохожденіе профессорской должности при семинаріи. Съ 10 марта 1831 г. по январь 1832 г. онъ исправлялъ должность бакалавра философскихъ наукъ въ той же академіи; въ январѣ 1832 г. утверждень въ этой должности. Въ декабрѣ 1831 года за усердную

службу при академіи объявлено ему одобрение Коммисіи духовныхъ училищъ. Въ май 1833 г. послѣ того, какъ онъ овдовѣлъ отъ перваго брака, онъ по прошенію уволенъ изъ духовнаго званія въ свѣтское, а въ октябрѣ того же года переименъ въ петербургскую духовную академию, куда онъ и отправился съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ Николаемъ, впоследствии студентомъ нашей академіи, скончавшимся предъ окончаніемъ курса въ 1855 году. На покрытие дорожныхъ издержекъ при переѣздѣ и за успѣшное прохожденіе должности бакалавра при кievской академіи получилъ награду въ 500 руб. ассигн. (1833 г. 27 окт.).

Жизнь ученаго или поэта не то что жизнь государственнаго человека или полководца; кабинетныя занятія первыхъ, изъ которыхъ почти исключительно состоитъ жизнь ихъ, бываютъ полны думъ и мечтаній, радостей и страданій; но такая скромная, уединенная жизнь ихъ, сама по себѣ составляя подвигъ и подвигъ великій, лишена бываетъ тѣхъ потрясающихъ, частныхъ подвиговъ, перечисленіе которыхъ доставляетъ такой интересъ некрологамъ и біографіямъ общественныхъ дѣятелей. Послужной списокъ В. Н. Карпова весьма однообразенъ; тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся посредствомъ печати сохранить его для потомства; быть можетъ будущій историкъ посвященія въ Россіи найдетъ въ немъ драгоценныя данныя для сравнительныхъ выводовъ и заключеній.

Въ 1834 году онъ опредѣленъ былъ бібліотекаремъ нашей Академіи, въ 1835 г. за выслугу лѣтъ произведенъ въ коллежские ассесоры. Съ 24 мая по 7 октября 1835 г. исправлялъ должность профессора философскихъ наукъ; 7 октября этого года прямо изъ бакалавровъ;

минуя званіе экстраординарнаго профессора, онъ удостоенъ былъ званія ординарнаго профессора. Въ 1837 г. (7 мая) за выслугу лѣтъ произведенъ въ надворные совѣтники; въ томъ же году за приведеніе въ порядокъ академической бібліотеки изъявлена ему отъ Академическаго Правленія благодарность. Въ 1838 г. (30 дек.) за выслугу лѣтъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники; въ 1839 г. (27 сент.), за усердную службу объявлено ему благословеніе Св. Синода. Въ 1840 году (іюня 12) за шестидлѣтнюю исправную и усердную службу при здѣшней академіи награжденъ годовымъ окладомъ профессорскаго жалованья 858 р. Въ 1841 г. (6 окт.) объявлено ему благословеніе Св. Синода. Въ 1842 г. (25 іюля) получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ. Въ 1843 г. (іюня 25) за выслугу лѣтъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и того же года (23 дек.) поручено ему вмѣсто философіи преподавать исторію философіи. Въ 1846 году (22 авг.) объявлена ему признательность Святѣйшаго Синода. Въ 1847 г., за усердное исправленіе должности вышедшаго наставника греческаго языка, выдана ему половина оставшагося по сей должности жалованья—265 р. 15 к., и награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ. Въ 1849 г. въ теченіи двухъ мѣсяцевъ (мая и іюня) безмездно исправлялъ должность профессора физико-математическихъ наукъ. Въ 1851 г. за ревность и особые труды по службѣ Всемилостивѣйше пожалованъ знаками ордена Св. Анны 3-й степени (6 апр.), и въ томъ же году объявлена ему признательность начальства (2 окт.). Въ 1852 г. (22 авг.) пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ. Въ 1853 г. за исправленіе должности вышедшаго профессора физики, почти

въ теченіи полугода, выдано ему оставшееся по сей должности жалованье въ количествѣ 426 р. 62 к.; въ томъ же году за приемъ книгъ изъ Императорской Публичной Библиотеки, переданныхъ въ духовное ведомство, и за выборъ изъ числа ихъ нужныхъ для здѣшней академіи и семинаріи, получилъ въ награду 100 руб. (10 мая); іюня 26 того же года въ награду отличію усердной службы и особыхъ трудовъ Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2-й ст.; сент. 11 за исправленіе должности профессора езики въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ выдано ему 225 р. 8 к.; 25 ноября объявлено благословеніе Св. Синода. Въ 1854 году по прошенію уволенъ отъ должности бібліотекаря (23 февр.) и въ награду за 20-ти-лѣтнее прохождение этой должности получилъ годовой окладъ—200 р. 20 к. Въ 1855 г. опредѣленъ членомъ Духовно-цензурнаго Комитета (10 мая); по представленію Высокопреосвященнаго митрополита Никанора выдано ему въ награду за ревностные труды— 250 руб. (21 дек.). Въ 1857 г., по уваженію къ полезнымъ его трудамъ по преподаванію философскихъ наукъ въ академіи, Всемилостивѣйше удостоенъ прибавки къ получаемому имъ жалованью по должности профессора 500 р. с. въ годъ (6 апрѣля); по случаю поднесенія Его Императорскому Величеству изданной имъ „Логикѣ“ Всемилостивѣйше пожалованъ ему подарокъ по чину въ 429 руб. (іюля 15); въ томъ же году (авг. 22) получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ и по случаю преобразованія духовно-цензурнаго комитета уволенъ отъ должности цензора (23 дек.). Въ 1858 году поручено ему, кромѣ логики и психологіи, преподаваніе исторіи философіи съ Канта (января 2). Въ ознаменованіе правдowanія пяти-

десятилѣтія академія въ 1859 году пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (февр. 9); въ томъ же году по вниманію къ долговременной усердной и полезной службѣ выдано ему въ единовременное пособие 429 руб. (22 августа). Въ 1860 г. ему поручено было обзорѣніе полоцкой духовной семинаріи и училища по всѣмъ частямъ управления (іюня 1). Въ 1861 г. назначенъ членомъ Внутренняго Академическаго Правленія (18 марта) и Всемилостивѣйше удостоенъ прибавочнаго жалованья вмѣсто 500 р. по 858 р. въ годъ (мая 15); въ томъ же году командированъ въ Пермь по дѣламъ службы (іюля 26) для изслѣдованія проявленій социалистическо-матеріалистическаго направленія въ тамошней семинаріи. Въ 1862 г. пожалованъ знаками ордена Св. Владиміра 3-й степени (19 мая); въ слѣдующемъ году обзорѣвалъ здѣшнюю семинарію и александровское училище по всѣмъ частямъ управления. Въ 1864 году получилъ благословеніе Св. Синода (4 ноября). Въ 1866 г. ему пожалованъ знакъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ. Въ 1867 г., по случаю поднесенія Государю Императору изданныхъ имъ четырехъ томовъ сочиненій Платона въ русскомъ переводѣ, удостоился получить Высочайшій подарокъ въ 858 рублей. Въ семействѣ его остались: жена, сынъ и шесть дочерей, изъ которыхъ три несовершеннолѣтнія.

Вотъ и весь послужной списокъ В. Н. Карпова; мы не станемъ дѣлать никакихъ выводовъ, предоставляя это дѣло будущимъ историкамъ. Сорокъ два года жизни профессора, полной думъ, душевныхъ тревогъ, сладкихъ вдохновеній, горькихъ разочарованій, сорокъ два года кабинетнаго самаго упорнаго и усидчиваго труда заняли въ нашемъ изложеніи нѣсколько десятковъ печатныхъ

строгъ: такова впрочемъ участь ученыхъ мыслителей во всѣ времена. Ихъ жизнь—совершается внутри ихъ и незрима міру; ихъ подвиги—подвиги духа, не поражающіе особеннымъ блескомъ современниковъ, но отличающіеся несокрушимою прочностію въ потомствѣ; ихъ сочиненія — вотъ источникъ для ознакомленія съ ихъ личною жизнью и дѣятельностію. Кромѣ упомянутыхъ уже нами сочиненій: 1) „Систематическое изложеніе Логикѣ“ и 2) „Сочиненія Платона въ русскомъ переводѣ“ (четыре тома), Василій Николаевичъ оставилъ: 3) „Введеніе въ философію;“ 4) переводъ „Истории философіи Риттера“ (первый томъ). Кромѣ того подъ его редакціею издано академіею четыре тома перевода Византійскихъ Историковъ, именно: 5) „Врѣмннѣ;“ 6) „Винцама;“ 7) „Анны Комниной“ и 8) „Пасимара“. Участвуя въ изданіи Христіанскаго Чтенія, онъ напечаталъ здѣсь много оригинальныхъ статей, напримѣръ „Взглядъ на новѣйшій германскій рационализмъ“ (1859 г.), „Философскій рационализмъ новѣйшаго времени“ (1860) (продолженіе послѣднихъ статей печаталось въ Странникѣ), и, какъ редакторъ перевода писаній Отцовъ Церкви и древнихъ Церковныхъ историковъ, печатавшихся въ „Христіанскомъ Чтеніи“, онъ проредактировалъ по крайней мѣрѣ десять томовъ (каждый не менѣе 25 печатныхъ листовъ). Кромѣ того въ прежніе годы онъ напечаталъ значительное число монографій и статей въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Плюшара, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, въ „Продлѣтѣхъ“, въ „Чтеніи для дѣтей“, въ послѣднее время въ „Странникѣ“, въ редакціи котораго нѣсколько послѣднихъ лѣтъ принималъ дѣятельное участіе. Приготовлялъ къ печати, кромѣ послѣдняго тома Платона, переводъ

„Всѣмѣльская Приготовленія“ Евсевія (большіе два тома). Вообще если соединить всѣ оригинальныя сочиненія и статьи, всѣ переведенныя или редактированныя имъ сочиненія, то число печатныхъ листовъ будетъ не меньше 600. Если мы къ этому присоединимъ собственноручныя его записки для студентовъ академіи по философіи, по исторіи философіи, по логикѣ и психологіи, конспекты, собственноручно писанныя имъ разныя мнѣнія и заключенія, представлявшіяся въ правленіе, въ конференцію, высшему начальству: то количество исписанныхъ имъ въ 42 года своей службы листовъ бумаги возрастеть до поразительной, громадной цифры. Тутъ поразителенъ даже одинъ механическій трудъ переписчика. Не даромъ въ послѣдніе годы многодѣльная и многоработавшая перомъ правая рука его тряслась и онъ съ трудомъ расписывался въ полученіи жалованья, а одинъ разъ, именно нынѣшнимъ лѣтомъ, когда онъ пріѣхалъ подписать адресъ отъ академіи покойному митрополиту Филарету, нужно было ему минутъ десять растирать руку холодною водою, прежде, чѣмъ онъ могъ взять перо для написанія своего имени и фамиліи. Физическіе органы, особенно упражняемые людьми учеными, прежде другихъ—собственно духовныхъ—способностей, измѣнили Василью Николаевичу, не выдержавъ сорокадвухлѣтней ежедневной усиленной практики. „Какъ досадно“, не разъ говорилъ онъ пишущему эти строки, при роспискѣ въ полученіи жалованья, „какъ досадно бываетъ часто на эту руку; душа-то бодря, и мысль работаетъ, и писать хочется, да вотъ рука-то не пишетъ, не слушается; часа четыре, пять напишешь, она деревенеетъ и въ пальцахъ ломъ, разотрешь—ни-чего, а на утро опять не можетъ держать пера, пока

не распишется. Эхъ, старость, старость!“ — тосливо восклицалъ онъ въ заключеніе. При соображеніи огромнаго количества исписанныхъ Васильемъ Николаевичемъ листовъ, какъ объясненіе этого факта невольно приписывается намъ многократно сдѣланное нами наблюденіе. Когда онъ жилъ въ лаврскомъ домѣ, путь въ академію послѣ десяти часовъ вечера лежалъ мимо его кабинета, окно котораго выходило на улицу: и сколько разъ случалось возвращаться въ два и три часа ночи, когда огни вездѣ подъ лаврой, обыкновенно, погашены, въ кабинетѣ нашего профессора, смотришь, еще горитъ свѣча—одинокій свидѣтель его трудовъ. Такъ онъ трудился до послѣдняго великаго поста, когда почувствовалъ, что „жизни его догораетъ“ и что трудъ, положенный человѣку въ наказаніе, не можетъ уже быть переносимымъ имъ во всей строгости и полнотѣ прежнихъ лѣтъ... Никто не скажетъ, что это наказаніе, положенное Творцомъ, не выполнено нашимъ профессоромъ.

Въ ночи съ 2 на 3 декабря достойно подражаемый труженникъ почилъ отъ трудовъ своихъ; мнѣ случилось быть у него за два дня до смерти его; силы физическія были уже весьма слабы, онъ едва и то на одно мгновеніе могъ приподняться на постели, слова выговаривалъ онъ съ трудомъ, но все, что онъ говорилъ, свидѣтельствовало, что сознаніе его полно, что онъ все, даже мелочи, хорошо помнитъ; онъ между прочимъ сказалъ, что казенныя книги у него собраны, пусть академія не беспокоится, что больше никакихъ порученій онъ мнѣ не имѣетъ сдѣлать. „Съ чувствомъ истиннаго христіанина и съ твердостью философа видѣлъ онъ приближеніе послѣднихъ минутъ своей жизни“ и во время послѣдней богузни два раза приобщился Святыхъ Таинъ.

Днемъ выноса сперва назначено было 5-е, а погребенія 6-е декабря; но вслѣдствіе многочисленныхъ заявленій со стороны петербургскаго духовенства о своемъ желаніи участвовать въ отпѣваніи покойнаго профессора и въ невозможности исполнить это желаніе въ праздникъ Св. Николая Чудотворца, дни выноса и погребенія были переименованы. Въ сумерки 6-го декабря преосвященный *Палладій*, епископъ ладожскій, вмѣстѣ со многими священнослужителями совершилъ выносъ тѣла изъ квартиры покойнаго въ академическую церковь; въ скорбномъ шествіи участвовали наставники и студенты академіи, родные и знакомые покойнаго, — толпа была довольно значительная. Во время литіи въ академической церкви одинъ изъ воспитанниковъ покойнаго, священникъ *Александръ В. Гумилевскій* произнесъ теплую, полную искренней признательности къ почившему наставнику, рѣчь. Къ шести часамъ церковь академическая опустѣла; видѣлись только въ ней, слабо освѣщенной, гробъ почившаго русскаго мудреца, очередной студентъ, читавшій тихимъ голосомъ молитвенныя славословія и воздыханія боговдохновеннаго израильскаго мудреца и поэта, да два студента академіи съ карандашемъ и бумагой въ рукахъ, снимавшіе съ лежащаго среди храма праха своего наставника посмертный портретъ, да еще дежурный сторожъ... Два раза я заходилъ въ церковь: и въ оба раза торжественная картина возбуждала въ душѣ тысячи воспоминаній, представленій и ощущеній самыхъ ободряющихъ и утѣшительныхъ. Надъ безмолвнымъ прахомъ нашего современнаго учителя читались уроки мудрости, вздохи покаянія и благоговѣйныя пѣнопѣнія царственнаго израильскаго учителя, отдаленнаго отъ насъ на три слишкомъ тысячи лѣтъ и не пе-

рстающего между тѣмъ поучать поимѣннѣ, преимствен-
но являющіяся и исчезающія на землѣ. Безсмертіе—
обязательно ясно видѣлось въ этой дивной картинѣ;
при гробѣ жаркаго проповѣдника истины безсмертія слы-
шались вѣчно-безсмертныя пѣснопѣнія; къ идеѣ безсмер-
тія приводили мысль и студенты, хлопотавшіе объ увѣко-
вѣченіи облика своего наставника; являлась мысль и о
собственной смерти, но она рѣшительно не имѣла пугаю-
щаго свойства... Возбужденная фантазія безстрашно и
быстро летала по всемірно-историческому кладбищу, вы-
зывая къ жизни то того, то другаго труженика мысли...

Въ 10 часовъ утра 7 декабря академическая, доволь-
но просторная, церковь стала наполняться народомъ,
котораго въ полъ-обѣдни набралось уже столько, сколько
небываетъ въ ней въ самые большіе праздники, ис-
ключая Пасхи. Обѣдню совершалъ преосвященный Пал-
ладій; высокопреосвященный Нектарій, самъ по болѣз-
ни не могшій почтить своимъ участіемъ скорбное тор-
жество своего бывшаго сослуживца, обязательно при-
слалъ своего протодіакона и свой прекрасный хоръ пѣв-
чихъ: студенты пѣли на лѣвомъ клиросѣ. На отпѣваніе
вышло болѣе 40 архимандритовъ и священниковъ, а
нѣкоторые изъ нихъ не облачались и не выходили, по
невозможности помѣститься. „И собрались они благо-
дарные“, скажемъ словами одного изъ присутствовав-
шихъ при погребеніи, „дать послѣднее цѣлованіе умер-
шему профессору, помолиться соборнѣ о упокоеніи тру-
женической души его,—и великъ былъ сонмъ близкихъ
къ престолу Божию молитвенниковъ! Убѣжденные сѣди-
нами и не преступившіе еще за половину предѣла жи-
зни человѣческой... стояли они длинными, уходившими
въ самый алтарь, рядами вокругъ гроба, который имѣ-

палъ въ себѣ бранные останки великаго учителя. Это было отпѣваніе не простаго мірянина, ибо самъ служитель алтара пѣлъ канонъ и трогательнѣйшую изъ духовныхъ пѣсней: *со святыми упокой*; сами возглашали вдохновенный плачь Св. Дамаскина, *рыдавшю* надъ обезображенною *красотою* челоуѣка, *созданнаго по образу Божию*... Гробъ изъ церкви на новое кладбище Невскаго монастыря, избранное мѣстомъ погребенія, несли на рукахъ большею частію священники и профессоры— всѣ ученики покойнаго. Съ могилы видѣются и лаврскій домъ, въ которомъ прожилъ покойный большую часть своего профессорства, и академія, которой онъ посвятилъ половину своей жизни. Назавнутъ 40-го дня студенты академіи обоихъ курсовъ обратились къ начальству академіи съ просьбою о дозволеніи имъ присутствовать при заупокойной литургіи и панихидѣ: конечно, въ этой благородной просьбѣ имъ не было отказано.

7-го декабря—въ день похоронъ—ректоръ духовной академіи протоіерей *Іоаннъ Янышевъ* за обѣдней сказалъ надгробное слово, во время отпѣванія экстраорд. профессоръ *Андрей Предтеченскій* и студентъ *Василій Перетерскій* произнесли надгробныя рѣчи. И слово и рѣчи читатель найдетъ дальше въ этой книгѣ. Гробъ уже спустился по лѣстницѣ на площадку у главнаго входа въ академію; шествіе остановилось, чтобы начать литію. Неожиданно для всѣхъ послышался тотъ громовый голосъ, которымъ обладали немногіе народные и парламентскіе ораторы, но который, когда онъ соединяется съ силою ума, съ глубиною чувства и съ даромъ импровизаціи, производитъ потрясающее дѣйствіе на слушателей. Такое именно дѣйствіе произвела на всѣхъ

рѣчь сказанная здѣсь землякомъ покойнаго, бывшимъ профессоромъ кievской духовной академіи *В. И. Аскоченскимъ*. Едва ли кто изъ присутствовавшихъ не былъ глубоко, до слезъ взволнованъ при задушевныхъ, но сильныхъ словахъ воодушевленнаго оратора: мужчины еще сдержались, только провели пальцами по глазамъ, а дамы—тѣ положительно зарыдали навзрыдъ.

Мы воздержимся отъ характеристики покойнаго профессора. Слово и рѣчи, которые печатаются ниже, представлять читателю достаточно данныхъ для вѣрнаго представленія личности Карпова и характера его дѣятельности. Но въ заключеніе позволимъ себѣ привести здѣсь изъ *„Выраженія Вѣдомостей“* слѣдующія строки, написанныя человекомъ, весьма близко знавшимъ и общественную и частную жизнь *Василья Николаевича* и знакомымъ съ его родственными и семейными правилами:

„Существенною, отличительною чертою покойнаго профессора, сказано въ этой газетѣ, былъ, по нашему мнѣнію, оправдываемому общимъ неподдѣльнымъ сочувствіемъ къ нему всѣхъ знавшихъ его, его высочайшій *нравственно-религіозный характеръ*, покрывавшій и дѣлавшій иногда какъ будто незамѣтными всѣ остальные его достоинства. Онъ никогда не хотѣлъ казаться ни философомъ, ни профессоромъ, какимъ теперь остается для исторіи, а всегда, на словахъ и на дѣлѣ, хотѣлъ быть и казаться только человекомъ; человекомъ же быть, по его задушевному убѣжденію, значило быть христіаниномъ, и не на словахъ только, и не по своему разумѣнію христіаниномъ, а на дѣлѣ и по требованію *православной церкви*. И онъ былъ имъ отъ начала до конца сво-

ей 70-лѣтней жизни. Его рѣчь, частная и публичная, отъ предметовъ отвлеченныхъ всегда оклонялась къ практикѣ, а практика всегда вкладывалась въ форму церковно-религіозную. Его день всегда начинался и оканчивался молитвою, а продолжался письменнымъ или устнымъ — на каедрѣ — трудомъ, потомъ различными семейными и общественными хлопотами. Хлопоталъ же онъ больше о другихъ, чѣмъ о себѣ и о семьѣ своей. Всѣмъ онъ былъ все, а своимъ служилъ только образцомъ трудолюбія и честныхъ правилъ въ жизни. Во внѣшнихъ отношеніяхъ для него не было ни старшихъ, ни младшихъ, ни учениковъ, ни учителей, хотя почти всѣ его сослуживцы и даже ближайшіе начальники въ послѣднее время были его бывшіе ученики; онъ со всѣми обходился, какъ съ товарищами, и въ то же время, безъ униженія собственнаго достоинства, воздавалъ всѣмъ должное. Въ обращеніи, прежде всего, онъ приковывалъ къ себѣ общее вниманіе своимъ твердымъ, разумнымъ и чрезвычайно теплымъ словомъ; за тѣмъ, внушалъ неизмѣнное уваженіе къ себѣ своею неподдѣльною искренностію и благонамѣренностію; наконецъ, совершенно покорялъ себѣ такимъ благородствомъ и рѣшительностію духа, что сейчасъ же готовъ былъ свое слово привести въ дѣло, такъ что въ немъ вовсе не замѣчалось того раздвоенія мысли съ словомъ, а слова съ дѣломъ, которымъ такъ недугуетъ настоящій вѣкъ. Однимъ словомъ, онъ былъ цѣльный, всегда и вездѣ одинаковый и сначала до конца жизни вѣрный себѣ человекъ. А это—кто не признается?—чрезвычайно рѣдкое теперь явленіе! Въ этомъ отношеніи, онъ, кажется намъ, заслуживаетъ не меньшаго, если еще не большаго изученія, чѣмъ и въ отношеніи ученомъ.

Впрочемъ, матеріалы для изученія его въ томъ и другомъ отношеніи почти одни и тѣ же; потому что въ его книжной философіи можно читать философію его жизни, а въ философіи дѣйствительной жизни видѣть и провѣрять его книжную философію. Книги-то его остались, а въ высшей степени назидательной жизни его уже не стало. — Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ будущій биографъ его долженъ собирать изъ устныхъ и письменныхъ разсказовъ черты его жизни. Въ нихъ онъ найдетъ дополненіе къ изображенію его ученой дѣятельности. Еще остались неизданными многія, стоившія ему большихъ трудовъ сочиненія. Особенно онъ жалѣлъ предъ смертію, что не докончилъ нѣсколько (одного тома) перевода сочиненій Платона и не издалъ своей психологіи, о чемъ много просили его. Но онъ умеръ съ надеждою, что найдутся продолжатели или, лучше, завершители его дѣла, на которое онъ положилъ всѣ свои силы и *всл свои средства*, оставивъ семьѣ въ утѣшеніе только увѣренность, что отъ 42-лѣтняго труда должно же ожидать какого нибудь плода“.

С Л О В О ,

СВЯЗАННОЕ ПРЕДЪ ОТІЗВАНІЕМЪ ПРОФЕССОРА ФИЛОСОФІИ
ВАСИЛІЯ НИКОЛАЕВИЧА КАРПОВА.

Чадо моє, писалъ Св. Евангелистъ Іоаннъ христіанской паствѣ, чадо моє, не любимъ словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною. И о семъ разумѣемъ, яко отъ истины есмь (1 Іоан. 3, 18. 19.).

И такъ, вотъ евангельскій пробный камень, или, какъ выражается наука, критерій истины: любовь, любовь не словомъ или языкомъ, но самымъ дѣломъ, истиною! Значить умъ, изслѣдователь и носитель истины, не имѣеть въ себѣ мѣры истинности своихъ познаній; значить занятіе наукою, хотя бы и самое настойчивое, познаніе умомъ, хотя бы и самое глубокое, сами по себѣ еще не приводятъ несомнѣнно къ истинѣ; значить между знаніемъ и дѣломъ, между наукою и жизнію можетъ лежать великая пропасть... Тогда лишь мы узнаемъ, что мы отъ истины, по мысли Св. Евангелиста, когда мы *любимъ*, любимъ не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною. Этимъ послѣднимъ сопоставленіемъ истины не съ словомъ, слѣдовательно и мыслию, и не съ языкомъ, слѣдовательно и съ выраженіемъ ея, а напротивъ, прямо съ дѣломъ, не выражаетъ ли Св. Евангелистъ, что истина есть плодъ не ума только, а

прежде всего сердца и воли, есть дѣло не науки, а жизни, есть сама эта жизнь, движимая любовью? И не напоминаетъ ли это намъ человѣка, вѣроятно не лишеннаго научнаго образованія своего времени, который однакоже и у стоящей предъ лицомъ его Истины все еще спрашивалъ: *что есть истина?*..

Но что же это значитъ, братіе: мы въ святилищѣ духовной науки, у гроба почти всѣмъ намъ общаго и, конечно, всѣми нами глубоко уважаемаго наставника, ревностнаго дѣлателя въ умственной области, которому собрались отдать послѣдній долгъ,—и между тѣмъ сомнѣваемся въ томъ, чтобы наука приводила къ истинѣ? Возможно ли, чтобы мы, изучая міръ и нашу собственную природу, изучая каждое слово и каждую черту жизни Того, Кто о Себѣ говорилъ: *видѣвъшъ Мене видѣ Отца* (Іоан. 14, 9), возможно ли, чтобы этимъ изученіемъ, добросовѣстнымъ и ревностнымъ, мы несомнѣнно не приобрѣтали истины? Не говоритъ ли Сама Истина: *уразумѣете истину и истина свободитъ вы* (Іоан. 8, 32)?

Да, Слово Божіе говоритъ это въ извѣстномъ смыслѣ. Но Оно же говоритъ и нѣчто другое; говоритъ, что блуждаютъ лица, и именно въ христіанскомъ мірѣ, въ нѣдрахъ Церкви Христовой, которые всегда учатся и однако же никогда не могутъ дойти до познанія истины: *всегда учащеся и николиже въ познаніе истины прити мѹуще* (2 Тим. 3, 7). И это бываетъ именно тогда, когда мы ищемъ истины не такъ, какъ она сама хочетъ, чтобы мы ее искали,—тогда мы хотимъ напередъ понять ее умомъ своимъ, чтобы потомъ усвоить сердцемъ и волею, тогда какъ она являетъ намъ себя затѣмъ, чтобы мы напередъ приняли ее всѣмъ существомъ своимъ,

жизни бы ею и среди этой цѣлостной жизни давали бы надлежащій просторъ между прочимъ и уму своему: истина сокрыта не столько въ холодныхъ представленіяхъ ея логичности, сколько въ живомъ сочувствіи ея красотѣ, и въ свободномъ обладаніи ея благами.

Умъ, по самой природѣ своей, не способенъ къ этому всестороннему усвоенію истины жизни, — живущаго и потому непрестанно видоизмѣняющагося бытія; потому что не съ этимъ бытіемъ, не съ самою жизнью имѣетъ онъ дѣло, а лишь съ понятіями о ней, т. е. съ слѣдами миновавшей жизни, и большею частію съ слѣдами не своей, а чужой, едва угадываемой нами часто по самымъ отдаленнымъ аналогіямъ жизни; а между понятіемъ, даже добытымъ собственнымъ опытомъ, о вещахъ и живымъ впечатлѣніемъ отъ нихъ — не малая разница! И если однихъ понятій достаточно бываетъ для истины формальной, состоящей лишь въ ихъ логической симметріи, то отнюдь недостаточно ихъ для живой области такихъ фактовъ, которые существуютъ для непосредственнаго вліянія на всѣ стороны нашей природы и которые безъ этого вліянія теряютъ свой характеръ, теряютъ цѣль своего существованія. Есть безъ сомнѣнія и въ этой области для ума своя задача; но добываемая въ этомъ случаѣ истина не останавливается на одномъ холодномъ зеркалѣ, представляемомъ ей въ умѣ; она стремится пробиться дальше въ наше существо, хочетъ обитать и дѣйствовать въ той глубинѣ нашей духовной природы, изъ которой бьетъ живой родникъ нашихъ чувствованій и стремленій, въ самомъ средоточіи нашей жизни.

И какъ рѣдко, Боже мой, какъ рѣдко приема ума пропускаетъ лучъ истины до этого средоточія нашей

духовной природы! Какъ часто, наоборотъ, она отражаетъ его отъ себя холоднымъ, бесплоднымъ, преломленнымъ и разложженнымъ такъ, что среди понятій о явленіи жизни, самое явленіе ускользаетъ отъ насъ, исчезаетъ для насъ! Какъ часто событіе самое близкое нашей душѣ, самое жизненное, сдѣлавшись добычею мысли, обратившись въ понятія, обогативши по видимому умъ, остается совершенно потеряннымъ для другихъ силъ души, которыя, вдали отъ жизни, болѣе и болѣе осуждаются на бездѣтельность, чахнутъ, тратятся въ праздности! А привычки мысли упорны, не менѣе всѣхъ другихъ привычекъ и, сдѣлавшись своего рода страстями, становятся непобѣдимыми, какъ и всякія другія страсти человѣческія. И вотъ выходитъ, что ученый человѣкъ, навывкшій схватывать явленія жизни съ ихъ умственной стороны, мало по малу становится неспособнымъ чувствовать ихъ, пользоваться ими, точно такъ, какъ еслибы гдѣсь могъ мѣшать кому-нибудь видѣть деревья и наслаждаться ихъ красотою, или свѣтъ могъ мѣшать видѣть солнце и согрѣваться лучами его. Или развѣ не бываетъ этого страннаго явленія, что мы бываемъ способны отдать самый точный отчетъ о вліяніи истины на человѣка и сами теряемъ способность чувствовать на себѣ это вліяніе? Развѣ не бываетъ, что иной изъ насъ можетъ написать цѣлый рядъ сужденій о дѣйствіяхъ благодати на душу человѣческую и не являть даже чаянія этой благодати въ своей жизни? О, если бы на свѣтѣ было столько же правдивно-добрыхъ людей, сколько въ немъ есть ученыхъ! Если бы въ Церкви Христовой было столько же дѣйствительныхъ христіанъ, сколько въ ней есть богослововъ!.. Какую силу имѣло бы тогда для всѣхъ

безъ изъятія просвѣщеніе, котораго и теперь такъ многіе все еще боятся, какъ заразы! Какое значеніе имѣло бы Слово Божіе, отъ котораго и теперь все еще многіе готовы бѣжать, не только изъ школъ, но и изъ храмовъ Божіихъ, лишь завидятъ проповѣдника.

Свѣтъ истины не былъ сокрытъ отъ ума и въ языческой древности. Не мало было и тамъ философовъ, которые умѣли, часто геніальнымъ умомъ, оцѣнить міръ, жизнь, себя самихъ,—которые, по мѣрѣ своего приближенія къ истинѣ, не могли не видѣть, какой густой мракъ они оставляли за собою, какое невѣжество тяготѣло надъ современнымъ имъ человѣчествомъ, предъ какими идолами оно слѣпо преклонялось, въ какомъ нравственномъ безсиліи оно безсознательно томилось. Но изъ всѣхъ этихъ мудрецовъ сколько нашлось людей, сохранившихъ въ себѣ живыми лучшіе инстинкты нашей природы, людей *отъ истины*, этихъ пророковъ языческаго міра, которые сочувствовали ей въ глубинѣ души, не пугались практическихъ задачъ, въ которыхъ неизбежно является она,—которые для того, чтобы не разстаться съ истиною, рѣшились, подобно Сократу, скорѣе умереть съ нею, чѣмъ измѣнить ей, или, подобно Платону, смиренно исповѣдать свое безсиліе и ждать помощи съ неба! А большинство философовъ? Умамъ этого, нравственно—мертваго большинства, такъ не трудно было заключать условія съ ложью, мириться съ нею, и свою шнймую мудрость зарывать въ пустой диалектикѣ и софизмахъ, которые уживаются со всѣмъ на свѣтѣ...

Но вотъ явилась въ міръ Сама воплощенная Истина, явилась живущею во очію людей. *Азъ есмь свѣтъ міру*, вѣщала Она (Іоан. 8, 12); *Азъ есмь путь, истина и*

жизни (Иоан. 14, 6). Все, что было лучшего, благодарнейшаго, въ человѣческомъ родѣ, надо по малу было привлечено къ явившемуся Солнцу Правды. Крестъ Единороднаго Сына Божія водруженъ на всемъ земномъ шарѣ. Милліоны дѣтокъ вѣрующихъ душъ готовы скорѣе умереть, чѣмъ расстаться съ обрѣтенною ими истинною во Христѣ. И какъ бы, кажется, и можно было всякому человѣку съ здравымъ умомъ иначе отнестись къ этому чуду безпредѣльной любви Отчей, величайшему изъ всехъ событій и чудесъ въ мірѣ? Когда отецъ дѣлаетъ что-либо пріятное для своихъ дѣтей, чего естественно ожидать отъ этихъ дѣтей: того ли, что они начнутъ умствовать, анализировать психологическія начала, которыми водится ихъ отецъ въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ нимъ, — или того, что въ простотѣ дѣтскаго сердца примутъ то, что имъ даютъ, будутъ чувствовать любовь Отца и радоваться ей? Растеніе, если бы представить его одушевленнымъ, тѣмъ ли живится и пытается, что оно знаетъ, какъ и откуда происходитъ дождь, или самую эту влагу? А между тѣмъ что дѣлаетъ съ богооткровенною, живою Истиною человѣкъ мысли? Въ это усвоеніе ея всю жизнь свою, онъ спѣшитъ прежде всего изслѣдовать ее, исчерпать своимъ умомъ, составить невозможно полное и законченное *воображеніе* о ней... Но содержаніе христіанства такъ безконечно-богато и неисчерпаемо для понятій и въ историческомъ и въ социальномъ и въ философскомъ отношеніи? Тѣмъ хуже для любознательнаго ума: онъ, не остановившись, не дастъ сердцу покоя, пока не подвргнетъ своему анализу и восторженному обсужденію всего, что только ни попадется ему на пути христіанства... Но христіанству, кажется, такъ не свойственна

ответченная теорія, оно такъ прямо затрогиваетъ наши глубочайшія чувства, такъ непосредственно касается нашей природы и жизни? Новая и еще большая опасность для самолюбивой мысли: она тѣмъ съ большею жадностію бросается на столь богатое и привлекательное содержаніе, спѣшитъ со всѣхъ сторонъ обозрѣть, измѣрить, разграничить его и тотчасъ же эгоистически овладѣть имъ, — чтобы самую жизнь такимъ образомъ сдѣлать лишь своимъ исключительнымъ достояніемъ, оцѣнить ее своими формулами, опредѣленіями, заключеніями, — задушить, такъ сказать, эту новую жизнь въ новой системѣ... И что же выходитъ? Выходитъ то, что свѣтъ дѣйствительно самъ закрываетъ отъ насъ источникъ свѣта — солнце съ живительною теплотою его; вмѣсто нравственнаго царства, во все времена являемаго истинною Церковію, мы получаемъ систему его; свободное вліяніе небесной благодати думаемъ замѣнить доказательствами школы; разслѣдованное, изученное, систематизированное немошною мыслию Откровеніе Бога становится недѣломъ Воинимъ, а будто нашимъ собственнымъ произведеніемъ; Евангеліе Сына Божія обращается въ мнимое философское убѣжденіе; Его таинства являются логическою необходимостію; Иисусъ Христосъ наконецъ есть какъ будто тоже своего рода логическая необходимость въ мірѣ; даже самъ Богъ оказывается естественнымъ произведеніемъ нашихъ собственныхъ мыслей... Но и этого для философской гордости мало: наша эгоистическая мысль, сама мысль или, какъ выражается известная школа, идея съ ея логикою и есть именно нашъ богъ, творецъ и зиждитель вселенной!...

Для здраваго смысла странныя, дикія, для вѣрующа-

го сердца—страшныя, невѣроятныя убѣжденія! Это ли духовная свобода, обѣщанная Спасителемъ отъ познанія истины? Это ли плоды любви—евангельскаго пробнаго камня истины? Это ли истина жизни, зарожденной изначала и обновленной христіанствомъ? Но для мысли, изомированной отъ ежеминутнаго, отрезвляющаго опыта этой жизни, и нѣтъ другаго исхода, какъ больше и больше *уразумѣвать суетная и быть, какъ Боги*. И если для человѣка съ здравымъ смысломъ съ перваго взгляда видна вся суета такого мнимаго знанія, то не такъ скоро могла это видѣть философская наука въ концѣ прошлаго и первой четверти настоящаго столѣтія, ослѣпившая ученый міръ такъ льстящимъ самолюбію чело-вѣка обоготвореніемъ его собственной мысли.

И вотъ, когда такое-то обоготвореніе мысли съ запада начало проникать и въ нашъ русскій ученый міръ и кружить головы неопытнымъ мыслителямъ, подъ сѣнію святой киево-печерской лавры выступилъ на духовно-учебную дѣятельность и нашъ почившій, дорогой наставникъ-философъ. Богато одаренный отъ природы не только умомъ, но и сердцемъ, отъ начала до конца своей жизни покровенный сынъ Церкви и горячій патріотъ, онъ смѣло изслѣдовалъ туманную глубину тогдашней гордой и блестящей философіи, русскимъ сердцемъ позналъ причину ея болѣзненныхъ крайностей и всю многолѣтнюю дѣятельностію, въ своей наукѣ и жизни, старался доказать, что *быть отъ истины* значить любить, любить не словомъ только или языкомъ, но дѣломъ и истинно.

Усиліе выслѣдить царственную печать, которою Творецъ запечатлѣлъ душу человѣка при его созданіи, и уразумѣть живой, въ каждый моментъ и во всѣхъ про-

явленияхъ человѣческой жизни двойствующей, союзъ нашей души съ одной стороны съ безконечнымъ Творческимъ Духомъ, съ другой—съ планетною жизнью, усиливъ самое настоящее, напряженное, въ будущности взгляда независимое отъ влияния какихъ либо иностранныхъ теорій, составляло отличительную черту всѣхъ философскихъ чтеній и произведений покойнаго профессора, и объясняетъ между прочимъ его преимущественную любовь къ великимъ мудрецамъ древности Сократу и Платону. Исторія въ свое время оцѣнить, насколько вѣрно понималъ покойный профессоръ потребность своего времени и насколько успѣлъ удовлетворить ей, и унажить ему достойное мѣсто въ ряду отечественныхъ мыслителей. Для нашей цѣли достаточно напомнить, что въ то время, когда западная философія цѣнила чело-вѣка преимущественно по его схоластически-развитой головѣ и едва удостоивала вниманія требованія живаго, любящаго сердца, — въ духѣ человѣческомъ видѣла почти одинъ холодный, всезнающій умъ, забывая, о другихъ, питающихъ самый умъ и по меньшей мѣрѣ столько же, какъ и онъ, коренныхъ сторавахъ нашей природы, — когда эта философія, лишенная сама, слѣдовательно, жизненной почвы, часто шла наперекоръ здравымъ практическимъ требованіямъ истины, — нашъ покойный представилъ видѣлъ узелъ, въ которомъ органически соединяются между собою небесный и земной элементы нашей чудной природы и сосредоточиваются все явленія и свойства человѣческой личности въ *чувствѣ*, или сердцѣ (1), одинъ полюсъ котораго оживляетъ и характеризуетъ наши земныя, планетныя отношенія, другой же

(1) См. Литограф. Записки по Психологіи, особенно заключеніе Пневматологіи.

непрестанно обращенъ къ питающему его вѣчному источнику свѣта и жизни, къ лонѣ безпредѣльной любви Отчей. Поэтому, отдавая должное стремленіямъ ума человѣческаго, „радуясь, какъ онъ вырастался, (1) волю „кому новому познанію и вливая его, какъ новое украшеніе, въ добрый вѣнокъ ума“, онъ отдавалъ преимущественное значеніе нравственнымъ интересамъ человечества, составляющимъ цѣль не только его знаній, но и всего его существованія; а „нравственно-добрый человекъ, по его словамъ, (2) не тотъ, кто думаетъ, что онъ обязательно исполнилъ нравственный законъ и остановился въ своей дѣятельности (горе ему!); но тотъ, кто неослабно и вѣчно стремится исполнить его. Въ этомъ стремленіи состоитъ его блаженство и наслажденіе!“

Одушевленный такою философіею жизни, какъ любилъ покойный профессоръ выводы своей *теоріи* прояснить явленіями ежедневнаго опыта, искать путей живой истины и въ сферѣ студенческаго быта, и на общественной площади, и въ мастерской какого либо ремесленника! Среди этихъ-то, можно сказать, дружескихъ, задушевныхъ бесѣдъ покойнаго наставника научились мы цѣнить не только глубокой умъ, но и теплое, благородное сердце его, научились не только уважать, но и любить его любовью, которая *каколикже отпадаетъ* и которая такъ отрадно для *каждаго* наставника выражается въ *настаивающемъ* многочисленномъ собраніи и въ скорби его бывшихъ слушателей.

Но, проповѣдая дѣятельной истины, онъ самъ былъ и добросовѣтѣйшимъ исполнителемъ ея вну-

(1) Введеніе въ философію Карлова. Стр. 106.

(2) Тамъ же.

женій, образцомъ ревности къ своему дѣлу, и трудолюбія, не ослаблявшагося ни лѣтами, ни несприятностями, испытанными имъ изъ за любви къ своей наукѣ, въ множествѣ разнаго рода обязанностей, которыя помимо профессорскаго долга возлагались на него начальствомъ, или которыя онъ самъ по лучшимъ побужденіямъ сердца возлагалъ на себя. Чего стоили для него одна переводъ на русскій языкъ и изданіе твореній любимаго имъ Платона, не только не обѣщавшіе переводчику матеріальныхъ выгодъ, но сопряженные для него съ немалыми пожертвованіями? „Великіе геніи на „поприщѣ науки“ такими мыслями и чувствами водятся покойный профессоръ (1), „суть свойственники не „народа, а дѣлаго челоуѣчества; ихъ произведенія суть „достояніе всѣхъ вѣковъ. Поэтому русской литературѣ „было бы стыдно предъ оулами и челоуѣчествомъ не „усвоить себѣ того, что справедливо почитается украшеніемъ каждой литературы“.

За нѣсколько недѣль до своей послѣдней болѣзни, чувствуя возрастающую слабость физическихъ силъ, онъ не безъ глубокаго душевнаго волненія заявилъ, гдѣ слѣдуетъ, о намѣреніи наконецъ оставить горячо любимую имъ академію; но за тѣмъ ли, чтобы искать себѣ такъ заслуженнаго имъ и нужнаго ему покоя послѣ 42-хъ лѣтнихъ трудовъ? Отнюдь нѣтъ; и малый остатокъ своихъ силъ онъ желалъ еще посвятить все же труду, все тому же духовному юностиству, только на другомъ, казавшемся ему болѣе сильнѣмъ, поприщѣ... Невольно становится стыдно за себя и вообще за болѣе молодое поколѣніе дѣятелей науки въ ви-

(1) Сочиненія Платона, переведенныя и объясненныя профессоромъ Карповымъ. Предисловіе къ первому изданію.

ду такого неутомимаго, честнаго и до послѣдняго издыханія вѣрнаго своему призванію труженника...

Уже легши въ постель, на которой скоро суждено было умереть покойному, какъ сожалѣлъ онъ, что его слушатели остаются безъ его уроковъ, какъ сожалѣлъ особенно, что не успѣлъ прочитать имъ еще одну, почему-то названную ему особенно нужною, лекцію: „хотя одну, только одну лекцію“, говорилъ онъ, „хотѣлъ бы я сказать своимъ студентамъ, и тогда покойникъ оставался бы дома“. Это вамъ, гг. студенты, такъ желалъ покойный профессоръ сказать свою лекцію. Вотъ онъ, — этотъ послѣдній урокъ, теперь слышится самъ собою изъ этого гроба, урокъ труда честнаго, неустаннаго до гроба, урокъ служенія истинѣ не словомъ, или языкомъ, но дѣломъ, любовію; ваши силы свежи и гибки, сердце воспримчиво; главная задача жизни еще предъ вами впереди; воспитывайте себя теперь же къ дѣятельной истинѣ, къ великому служенію благу обществу, къ бодрому перенесенію трудовъ въ дѣлѣ посвященія и утѣшенія меньшей братіи во Христа; будущіе провозвѣстники и служители небесной истины, не медлите теперь же, въ предѣлахъ вашей студенческой жизни и занятій усвоить ее не умомъ только, но прежде всего вашимъ сердцемъ и вашею волею, чтобы быть прежде исполнителями, и потомъ уже вмѣстѣ и учителями слова истины!

Всегда мы знали, что покойный профессоръ благоговѣлъ предъ всѣми внушеніями и обычаями церкви, и потому естественно было слышать, что предъ смертію своею онъ неоднократно удостоился приобщенія святыа Христоваго Тѣла. Но многимъ ли извѣстно, какъ онъ, самъ прошедшій путемъ бѣдности, такъ обильной

въ нашемъ званіи, сочувствовалъ всякому нуждающемуся, любилъ помочь совѣтомъ и дѣломъ и бѣдному семинаристу и оставшемуся почему либо ни причемъ студенту академіи, особенно же сиротамъ и вдовамъ, нерѣдко издалека обращававшимся къ нему за помощію и покровительствомъ? Въ послѣдніе дни его жизни, когда онъ могъ уже предвидѣть окончательную невозможность продолжать службу, его естественно тяготила мысль о возможной бѣдности и сиротствѣ собственныхъ своихъ многочисленныхъ дѣтей и о вдовствѣ собственной супруги, съ нѣжною любовію, какъ крохотный ангелъ, оберегавшей его старость; повѣривъ ей свои заботы на этотъ счетъ, онъ, какъ самъ еще рассказалъ мнѣ уже на смертномъ одрѣ, могъ утѣшить ее и себя только этими истинно — утѣшительными словами писанія: *возверзи на Господа печаль твою и Той ты претимаешь* (Пс. 54, 23).

Но я опасаясь, братіе, что увлекаемые воспоминаваніями о покойномъ, мы выражаемъ къ нему любовь нашу не столько дѣломъ и истиною, сколько словомъ и языкомъ. Любить же его дѣломъ и истиною въ эти священные минуты, значитъ молиться о немъ молитвою вѣры въ Бога, Который *не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ*, — и молитвою *никогдаже отпадающей любви*, которая составляетъ живой, во вѣки неразрываемый и сладостный союзъ вѣрующихъ и любящихъ душъ горняго и дожняго міра. Обратимъ же мысли и сердца наши горь и соединимъ ихъ предъ Отцемъ нашимъ небеснымъ во едино, въ этой заупокойной молитвѣ святой Церкви нашей:

„*Боже душою я во всемъ плоти, смерти неправый; и діавола упрямивый, и животъ шіру Твоему дарованный;*

Самъ Господи, упокой душу усопшаго раба Твоего Василія въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, отнюдуже отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе; всякое согрѣшеніе, содѣянное имъ словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ, яко благій человекълюбець Богъ прости; яко нѣсть человекъ, иже живъ будетъ, и не согрѣшитъ: Ты бо единъ кромѣ грѣха, правда Твоя правда во вѣки, и слово Твое истина“. Аминь.

П. І. Я.

РѢЧЬ

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ЗАСЛУЖЕННАГО ПРОФЕССОРА ВАСИЛІЯ НИКОЛАЕВИЧА КАРНОВА.

Въ двѣ недѣли русская духовная наука понесла двѣ, хотя и не въ равной степени, великихъ утраты: за смертію дорогаго для нашей академіи первоустроителя ея, патріарха русской духовной науки, оплакиваемого всею Россією московскаго митрополита, послѣдовала кончина другаго, несравненно болѣе скромнаго, и по своему положенію, и по степени и объему своего вліянія, дѣятеля духовной науки, старѣйшаго изъ современныхъ профессоровъ духовныхъ академій. Едва одна свѣжая могила успѣла сокрыть брѣнное тѣло, вмѣщавшее великій богословствующій духъ, какъ раскрылась другая, готовая принять брѣнные останки русскаго самостоятельнаго философа. Скошены и склонились долу два спѣлыхъ колоса, выросшихъ на народно-церковной русской почвѣ, свою силу и славу заимствовавшихъ не изъ чужихъ краевъ, не отъ западныхъ учителей, а изъ нѣдръ православно-русскаго, — всенароднаго и своего личнаго, — духа. Взглядъ за 85-лѣтнимъ первосвятителемъ и патріархомъ отечественной духовной науки по-

спѣшивъ *преломиться* къ людям своимъ и нашъ семидесятилѣтній патриархъ-профессоръ, и кочившій нѣтъ бы право повторить о себѣ слова Іакова Фараону: *малы и несчастны дни жизни моей и не достигли до лѣтъ жизни отцовъ моихъ* (Быт. 47, 9).

Малы?.. Но неужели и въ самокъ дѣлѣ *малы* дни жизни почившаго? Неужели 70 лѣтъ—срокъ жизни короткій? Напротивъ не поразительно ли продолжительнѣе 42-лѣтній наставническій подвигъ? Неужели мало для наставника шестнадцати, преемственно слушавшихъ его философскія лекціи, академическихъ курсовъ, воспитанниковъ которыхъ теперь собрались около гроба своего учителя? Или развѣ мало издано имъ въ свѣтъ своихъ ученыхъ трудовъ, которые свидѣтельствуютъ и будутъ свидѣтельствовать въ отдаленномъ потомствѣ о талантѣ и энергіи почившаго мыслителя? О, нѣтъ! Мы дивимся въ почившемъ его упорной и глубокой привязанности къ академіи, благоговѣйно преклоняемся предъ его сорокалѣтнимъ профессорскимъ аскетизмомъ, и благословляемъ его почтенную старость. Но когда представимъ, сколь многихъ рукъ требуетъ еще мало обработанное поле отечественной науки вообще и духовно-академической въ частности, мы, по чувству искренней любви къ отечественному просвѣщенію, съ скорбію восклицаемъ: *малы были дни жизни твоея*, старѣйшій изъ академическихъ профессоровъ! Когда представимъ потомъ, что энергія и любовь къ труду не ослабѣвала въ почившемъ до послѣднихъ дней, что еще недавно онъ выдалъ капитальнѣйшее пріобрѣтеніе въ руссоидъ литературѣ—4-хъ томный переводъ Платона, что онъ могъ до послѣдняго года просиживать ежедневно за работою отъ 14 до 17 часовъ, — тогда, вспомнивъ, что онъ при-

готовился къ изданію еще одинъ большой переводный трудъ и хотѣлъ печатать еще одинъ оригинальный, и не считая началомъ вполне самостоятельный, трудъ— *Психологію*: намъ становится тяжело — при мысли, что приходится хоронить эту безпримѣрную энергію и жельзную любовь къ ученымъ работамъ, что русскому міру не придется увидать осуществленія задуманнаго покойничаго изданія и особенно *Психологіи*, оригинальнѣйшаго произведенія русской философствующей мысли, и мы съ грустію думаемъ: *малы были дни жизни твоею*, энергическій, безустанный и самостоятельный русский мыслитель! Нановецъ, когда посмотримъ на эту осиротѣлую семью покойнаго профессора, на вдову и семейныхъ дѣтей, которыхъ онъ оставилъ въ наслѣдство свое честное и славное имя русскаго философа, не скопивъ и не могши свопить для нихъ матеріальнаго обезпеченія и подумать, что съ смертію своего главы средства содержанія семейства, въ которомъ есть еще несовершеннолѣтніе члены, и которое почти все состоитъ изъ лицъ женскаго пола, могутъ сопротавиться больше, чѣмъ на половину, тогда глубокая скорбь объ утратѣ русскою наукою самостоятельнаго и энергическаго русскаго дѣятеля переходитъ въ болѣе ягучую и живую скорбь за печальную участь семействъ труженниковъ духовной януки вообще и въ частности— осиротѣлаго семейства почивнаго профессора, который больше еще, чѣмъ *Иа-любовъ*, могъ сказать, глядя на оставяемыхъ сиротъ, что *малы были дни жизни ею*, потому что юнѣйшія дѣти его конче *милѣйшаго Вейсманна*... Скорбь осиротѣлой семьи о краткости дней житія покойнаго еще усиливается отъ безмилосерднаго предстаненія прекратившейся отеческой заботливости, отъ предстаненія вѣтъ ола-

дѣвннхъ рукъ, нѣкогда съ родительскою нѣжностію ласкавшихъ ее, этихъ закрытыхъ теперь глазъ, въ которыхъ она привыкла встрѣчать выраженіе отеческой любви. И плачь семьи о патріархѣ нашей духовной науки, и по жгучести слезъ и по силѣ скорби, мы увѣрены, не уступитъ *великому и сильному* плачу Юсифа и братьевъ его по отцу своему Іаковѣ—на гуннѣ Аладовомъ (Быт. гл. 50).

Малы и не особенно свѣтлы были дни жизни почившаго. Мы не знаемъ обстановки жизни его въ домѣ его отца—священника Воронежской губерніи, хотя увѣрены, что она не была богата, какъ и теперь обстановка жизни нашихъ сельскихъ священниковъ. Но о жизни покойнаго съ 1814 по 1825 годъ, когда онъ обучался сперва въ Воронежской семинаріи, а потомъ въ Киевской духовной академіи, мы можемъ нѣсколько судить по состоянію нашихъ семинарій и академій, въ какомъ онѣ были дѣль за 30 или за 25 назадъ, не забывая при этомъ, что раньше онѣ только еще устроивались. Если и доселѣ особенные успѣхи нѣкоторыхъ нашихъ воспитанниковъ зависятъ не столько отъ особенныхъ удобствъ образованія, сколько отъ природныхъ дарований и отъ личной самодѣтельности, то въ первой четверти текущаго столѣтія почти все здѣсь предоставлено было личной даровитости и энергіи. Въ этихъ школахъ,—бѣдности съ одной стороны и личнаго, энергическаго труда съ другой,—почившій приобрѣлъ навыкъ къ простотѣ и нетребовательности во внѣшней жизни и способность энергически и самостоятельно дѣйствовать въ области мышленія не ослабѣвая, не утомляясь и не поддаваясь въ тоже время влиянію самыхъ знаменитыхъ европейскихъ мыслителей. Въ 1831 году, когда

онъ былъ переведенъ на кафедру философіи въ Киевской академіи — по выбору покойнаго преосв. Иннокентія, опредѣлилась для него задача всей его жизни. Молодой 30-лѣтній бакалавръ отдавался своей новой кафедрѣ сполна; идеальность отъ природы, самъ способный увлекаться, онъ увлекалъ за собой и слушателей. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ увлекательный преподаватель философіи, подобно преосв. Иннокентію, былъ переведенъ въ столичную духовную академію и здѣсь, спустя только два года, по рекомендаціи покойнаго митрополита московскаго, былъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора. Десять ректоровъ и инспекторовъ академіи перемѣнилось, молодые наставники опредѣлялись и поспѣшно оставляли академію для другихъ болѣе обеспеченныхъ мѣстъ службы, шестнадцать курсовъ слушателей перемѣнилось, ученики покойнаго достигали высшихъ степеней въ отечественной іерархіи и занимали вдвое и втрое болѣе выгодныя мѣста, наконецъ старшіе профессора академіи всѣ оказались уже учениками покойнаго профессора, а самъ онъ не разставался и никогда не думалъ расстаться съ академіей; крѣпкій союзъ его съ своей кафедрой могла расторгнуть только смерть. И не какія вѣбудь выгоды или особенныя поощренія прививывали покойнаго къ академіи: первую Высочайшую награду, орденъ Св. Анны 3 ст., онъ получилъ на 26 году своей службы... Не всегда даже оставался ненарушимымъ внутренній душевный миръ, столь много необходимый и желательный для ученаго профессора: съ кафедры философіи въ 1843 году его перевели, поручивъ ему иностранцу, на кафедру исторіи философіи, обязавъ его читать новую науку по самой странной и прикотавной программѣ; потомъ сперва въ университе-

такъ, а затѣмъ и въ нашей академіи прекратилось преподаваніе полнаго курса философіи. Тоскливо принимая, тоскливо потому и вспоминалъ покойный — это невольное удаленіе свое съ любимой своей кафедрой, которую онъ, по свидѣтельству слушавшихъ его философскія лекціи, поднималъ на высоту, на какой она не стояла ни прежде, ни послѣ: слава его преподаванія была распространена по всей Россіи, и бѣдные семинаристы въ самыхъ отдаленныхъ городахъ имперіи знали имя Карпова, и пріѣзжалъ въ нашу академію, на пріемныхъ экзаменахъ и на первыхъ лекціяхъ вивались взорами въ его астетическую физиономію и мѣрляли глазами его открытый лобъ, сравнивая его съ Платоновскимъ. Но уже не такъ часто, какъ прежде, находило на него увлекающее вдохновеніе во время чтеній по исторіи философіи; мертвая программа мертвила рѣчь его. Вновь онъ омылъ, когда вѣручили ему преподаваніе сперва логики, потомъ психологіи, въ которыхъ успѣлъ высказаться, хотя и не во всей прежней полнотѣ и свѣжести, оригинальный русскій, самостоятельный складъ его философскихъ воззрѣній. Въ послѣдніе сорокъ лѣтъ русское образованное и мыслящее общество попеременно поклонялось разнымъ философскимъ авторитетамъ: то не знали цѣны Шеллингу, то Гегеля исповѣдывали, какъ высшую, всеобъемлющую и законченную философію, то наконецъ Бюхверъ, Молешоттъ и Вольф удостоивались идольскихъ требъ. Нашъ русскій мыслитель ни разу не отдался въ философскую навабу ни одному заграничному авторитету, и если кому изъ философовъ отдавалось въ его сердцѣ предпочтительное сочувствіе, такъ это безсмертному идеалисту древности, исторгавшему похвалы изъ устъ знаменитѣйшихъ отцовъ Церкви,

Платону. Ренкосно онъ оберегалъ границы независимаго царства самостоятельной, православно-русской мысли отъ иноземныхъ вторженій западнаго скептицизма и реализма. За великую будущность философствующей мысли славянскаго племени много говорить уже появленіе на первыхъ порахъ ея развитія—появленіе самостоятельнаго мыслителя, — не аскетика, не скептика или материалиста; потому что народъ, не лишенный отъ природы, какъ Римляне, вкуса и способности къ чистому философскому мышленію, никогда еще не начиналъ подражательностію и перенесеніемъ въ свое народное сознаніе чуждыхъ, сложившихся при другой исторической обстановкѣ, философскихъ теорій. Философія, какъ и искусство, какъ и литература, прежде, чѣмъ приобрести общечеловѣческое значеніе, должны быть національными...

Наука въ русскомъ обществѣ растеніе; можно сказать, *тепличное*; посаженная правительствомъ, она до сей поры питалась и поддерживалась правительственными мѣрами и поощреніями; особенно это нужно сказать о наукахъ, не имѣющихъ прямого и непосредственнаго приложенія къ жизни, и преимущественно о философіи; для ухода за этия благороднѣйшія произрастенія челоѣческой мысли въ нашихъ университетахъ въ послѣднюю пору онавалось необходимымъ приготавливать садовниковъ за границей, потому что само общество не заключало въ себѣ условій и не чувствовало особенной нужды къ воспитанію и поощренію въ своей средѣ высшихъ чистыхъ мыслителей; еще недавно названія „ученый“ и особенно „философъ“ въ обществѣ имѣли смыслъ ироніи... Такъ было всегда у насъ, за исключеніемъ вѣдущихъ церковныхъ, особенно

высшихъ, учебныхъ заведеній; причина, почему еще недавно философъ и семинаристъ на общественномъ языкѣ употреблялись, какъ синонимы, и почему мыслитель-философа, а въ послѣднее время даже кандидатовъ на кафедры философіи въ университетахъ можно было найти только въ стѣнахъ духовныхъ академій. Но и до сей поры истинный мыслитель только въ студентахъ академій можетъ найти себѣ достойныхъ слушателей; онъ можетъ въ академической аудиторіи, какъ Сократъ или Платонъ предъ аѳинскими гражданами, тонуть въ пучинахъ диалектическихъ тонкостей, или залетать высоко-высоко въ выпрєннѣйшихъ созерцаніяхъ, не рискуя быть непонятымъ, потому что слушатели его — цѣль семинарскаго юношества и всѣ равно образованы и подготовлены къ отвлеченному мышленію. Я позволилъ себѣ сдѣлать это небольшое отступленіе, чтобы объяснить предъ почтеннымъ собраніемъ глубокой смыслъ слѣдующихъ словъ покойнаго профессора: „только въ нашихъ академіяхъ и можно теперь съ удовольствіемъ и достоинствомъ читать философію“. Философская традиція шла въ нашихъ академіяхъ съ непрерывною послѣдовательностію; онѣ не послали готовить для себя, наставниковъ философіи за границу, а наставники всегда были въ нихъ, всегда съ достоинствомъ исполняли свое дѣло, поощряемые серьезными запросами, умственною даровитостію и развитымъ пониманіемъ своихъ слушателей. „Я умру на этой кафедрѣ“, недавно еще говорилъ покойный профессоръ: въ этомъ восклицаніи сколько сказалось любви и уваженія къ своимъ слушателямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько въ этомъ чувствѣ заключалось для него великихъ побужденій трудиться неустанно, терпѣть нужду и горе, — доводиться

малымъ и безропотно нести 42 года крестъ лишеній. Іаковъ, работавшій у Лавана вторые семь лѣтъ за Рахиль, которая *бы добра видима и красна взоромъ зало,* сдѣлалъ не больше, чѣмъ нашъ патріархъ—профессоръ, по выслугѣ срока на пенсію для своей любимой наездры работавшій еще 17 лѣтъ...

Но откуда въ немъ эта любовь къ наукѣ, откуда эта *крѣпкая, какъ смерть,* или крѣпкая до самой смерти привязанность къ ней, откуда эти поразительныя исключенія,—потому что примѣръ почившаго явленіе не одинокое въ нашемъ молодомъ русскомъ обществѣ? Откуда? Оттуда, откуда является въ мірѣ и все возвышенное и доброе, отъ Верховнаго Покровителя любителей мудрости—Бога. Матеріалистъ и эгоистъ по природному складу не оставался бы, не могъ и не долженъ былъ бы оставаться долгое время наставникомъ академикъ; для этого нужно родиться, нужно сдѣлаться идеалистомъ; нужно глубоко проникнуться высотой своего знанія и своихъ обязанностей, уваженіемъ къ природной даровитости и къ великому будущему назначенію своихъ слушателей; нужно привыкнуть терпѣть нужду, не смущаться, когда товарищи и ученики занимаютъ должности видныя, содержаніе получаютъ обезпеченныя; нужно родиться или сдѣлаться способнымъ полюбить тихій, уединенный трудъ, рѣшиться обречь себя или на одиночество или на семейную жизнь съ постоянными лишеніями, удовлетворяться за матеріальныя невыгоды и недостатки, за постоянную борьбу съ подступами нужды—удовлетворяться сладкими, рѣдкими вдохновеніями въ кабинетѣ и увѣренностію въ благотворности своего добровольнаго и продолжительнаго аскетизма. Академикъ до сей поры,—да будетъ благословенно отнынѣ и до

вѣка имя Создателя такихъ идеалистическихъ натуръ, — находили среди своихъ же лучшихъ воспитанниковъ подобныхъ самоотверженныхъ труженниковъ, и настоящій ученый составъ нашей академіи едва насчитываетъ среди себя одного, который бы не служилъ больше 4-хъ лѣтъ, и всѣ почти профессора, а старшіе рѣшительно всѣ ученики почившаго: прими же отъ насъ низкій, благодарный поклонъ, достойнѣйшій и старѣйшій нашъ идеалистъ-профессоръ!

Тридцать четыре года сряду проходить черезъ лавру сутуловатый, немного согнувшійся, углубленный въ себя до развѣянности и незамѣчанія знакомыхъ, извѣстный всѣмъ лаврскимъ и около-лаврскимъ обитателямъ, профессоръ, для чтенія своихъ лекцій; вчерашній день послѣдній разъ лежалъ его путь черезъ лавру — на свою послѣднюю безмолвную лекцію. Языкъ профессора нѣмъ; чело философа спокойно, потому что высшіе вопросы бытія и знанія теперь окончательно разрѣшились для него; спокойствіе смерти смежило нѣкогда горѣвшія огнемъ вдохновенія очи. А между тѣмъ эта послѣдняя лекція — лекція великая, собравшая слушателей разныхъ званій и лѣтъ, разныхъ степеней развитія и разныхъ направленій, соединившая въ одинъ благоговѣйный слухъ людей едва знакомыхъ другъ другу, для всѣхъ равно поучительная и для всѣхъ равно прискорбная! Вынесемъ же каждый изъ прощальной лекціи урокъ, который болѣе другихъ необходимъ и полезенъ, смотря по личному состоянію каждаго.

Сурово и безрадостно до послѣдней поры было на Руси поприще ученаго профессора; не любила баловать и покойнаго вишняго матеріальная сторона жизни; большое семейство, постоянно возрастающія издерж-

ни заставляли его, против охоты, брать на себя срочные, сторонние труды; нужда смотрѣла ему прямо въ глаза, она неотступно преслѣдовала его, какъ мать — недобимаго пасынка; нужно было ему въ одно и то же время и вспахивать поле философіи и отражать нападенія нужды, нужно было раздвигать такъ сказать свои способности и силы на служеніе наукъ и на приобрѣтеніе средствъ содержанія, или средствъ для изданія своихъ трудовъ. За одною изъ такихъ, вынужденныхъ изданіемъ Платона, работъ покойный прошлою зимою почувствовалъ первый припадокъ болѣзни, оказавшейся смертельною. Если при такой неблагоприятной обстановкѣ покойнымъ сдѣлано такъ много для своей науки, то сколько бы онъ сдѣлалъ при большихъ удобствахъ, при большемъ просторѣ для своей философской дѣятельности!.. Если наступать когда нибудь болѣе благоприятныя для нашихъ профессоровъ времена: то да не увлекутся тогда новые дѣятели чувствомъ своего превосходства надъ предками; далеко имъ будетъ до того престоанства и до того гордаго терпѣнія, съ какимъ предшественники боролись съ нуждой и горемъ и, говоря словами Карамзина, „своими бѣдствіями приготовили наше величіе“.

Провожалась иногда гробы, которые сильнѣе всего и исключительно говорятъ только о смерти: но бываютъ гробницы, при которыхъ тускнѣетъ, прячется страшный образъ смерти, и надъ которыми побѣдоносно и ярко горитъ лучъ безсмертія. Такой гробъ недавно провожала Москва и приняла на покой Сергіева Лавра; такой же гробъ теперь предъ нами и скоро его приметъ на вѣчное упокоеніе Невская Лавра, уже давшая тихій приютъ праху Ломоносова, Гнѣдича, Глинки, Суворова.

Муравьева и другихъ дѣятелей русской мысли и жизни. Почившій не умретъ въ памяти его родныхъ, его знакомыхъ, его учениковъ и сослуживцевъ; но и они вѣдь не безсмертны! Время покосить и ихъ!... Правда. Но надъ царствомъ мысли бессильно время, и въ немъ отдаленные пространствомъ вѣковъ труженики мысли духовно сближаются и вѣчно живы. Въ ту пору, когда истлѣютъ и разсыплются въ землѣ кости присутствующихъ здѣсь, когда родственныхъ отношеній къ намъ нашего отдаленнаго потомства не возьмется опредѣлить никакая родословная, когда наши отдаленные потомки твердою рукою вычеркнутъ наши имена, ставшія для нихъ пустыми звуками, изъ своихъ семейныхъ поминаньевъ, и тогда имя нашего русскаго, самостоятельнаго мыслителя будетъ произноситься съ тѣмъ же глубокимъ уваженіемъ, съ какимъ мы произносимъ его теперь. Труды самостоятельной мысли исторія вѣнчаетъ безсмертіемъ... Она, какъ и Богъ ангелу смирскаго Церкви, блюдетъ на своихъ страницахъ великое утѣшеніе безкорыстнымъ и честнымъ дѣтелямъ: *„знаю твою дѣла и скорбь, и нищету, впрочемъ ты богатъ... Будь впренз до смерти, и дамъ тебѣ вѣнецъ жизни“* (Апок. гл. 2, ст. 9, 11).

А теперь пока поставимъ надъ его могилой прочный памятникъ, который бы указывалъ будущимъ русскимъ мыслителямъ мѣсто, достойное ихъ благоговѣйнаго поклона, а въ одной изъ аудиторій академіи—бюстъ почившаго, какъ знакъ, что мы цѣнили своего современнаго мыслителя не меньше потомковъ, и какъ призывъ къ неустанной, самоотверженной дѣятельности сослуживцевъ и преемниковъ покойнаго.

ПРОЩАЛЬНАЯ РЪЧЬ

НЕЗАБВЕННОМУ НАСТАВНИКУ ОТЪ ЕГО УЧЕНИКОВЪ.

При прощаніи обыкновенно напутствуютъ удаляющагося выраженіемъ чувствъ любви, благодарности и благожеланія. Настала минута послѣдняго прощанія и съ тобой, нашъ незабвенный наставникъ: ты оставляешь насъ навсегда!.. Среди общихъ непритворныхъ выраженій сожалѣнія о разлукѣ съ тобою родныхъ, сослуживцевъ и многочисленныхъ учениковъ и почитателей, не можемъ удержаться и мы, твои послѣдніе ученики, чтобы не сказать своего послѣдняго прощальнаго слова! Не намъ цѣнить всѣ великіе труды, понесенные тобою на пользу отечественнаго духовнаго образованія, на пользу Церкви православной; но долгъ справедливости и чувство сожалѣнія о разлукѣ требуютъ, чтобы и мы, при послѣднемъ прощаніи, отъ себя и за себя, сказали тебѣ послѣднее слово вполне заслуженной благодарности и самаго искренняго благожеланія.

Послѣдніе въ многочисленномъ ряду твоихъ слушателей, первое слово благодарности приносимъ тебѣ за то направленіе твоихъ философскихъ чтеній, по которому, эту трудную и высокую науку наукъ, ты умѣлъ

установить на прочномъ основаніи, въ должныхъ предѣлахъ, умѣлъ сдѣлать ее достойною своего высокаго имени, „истинной дщерк неба“; ты умѣлъ всегда приводить философское значеніе въ полное согласіе и гармонию съ Богооткровеннымъ ученіемъ и чрезъ то дѣлалъ его полезнымъ и надежнымъ спутникомъ богословской науки, а для насъ учащихся—преддверіемъ богословскаго образованія. Возбуждая въ своихъ слушателяхъ жажду знанія, стремленіе къ истинѣ, ты съ искусствомъ направлялъ молодой нашъ умъ на истинный путь познанія, внимательно слѣдилъ за развитіемъ и направленіемъ его, постоянно напоминая намъ, что только то знаніе истинно, которое согласно съ откровенною истинною, только тогда наше образованіе прочно и полезно, когда критеріемъ всѣхъ научныхъ познаній бываетъ не мимолетная теорія, а вѣчная, непреложная истина, открытая самимъ Источникомъ истины.

Твое любомудріе не было только однимъ отвлеченнымъ холоднымъ процессомъ мысли, одной теоріей: согласно съ высокимъ понятіемъ о философій, ты считалъ ее руководительницею всей жизни человѣка и повтому не только самъ, всегда и во всемъ, слѣдовалъ своимъ твердымъ убѣжденіямъ, но старался постоянно внушить и намъ, что истинная философія состоитъ не въ одномъ только умствованіи, а и въ постоянномъ осуществленіи убѣжденій въ жизни, въ поступкахъ. Смѣло и открыто заявлялъ ты всегда свои твердыя, честныя убѣжденія, не обращая вниманія на то, что они, можетъ быть, и не согласовались съ измѣнчивымъ вѣтромъ времени, и чрезъ это предостерегалъ и насъ отъ увлеченія всякою заманчивою, но не всегда безопасною новизною.

Благодаримъ тебя, добрый наставникъ, за то, что ты

всегда охотно дѣлался съ нами мудрыми наблюденьями, плодомъ твоего долготѣνιαго и внимательнаго изученія жизни; за то, что съ любовію старался вкоренить въ насъ тѣ святія начала, которыя должны сдѣлать насъ полезными членами Церкви и общества; что раскрывалъ намъ, готовящимся еще вступить въ жизнь, здравый взглядъ на нее. О, какъ памятны всегда, какъ дорога будутъ намъ твои наставленія!

Благодаримъ тебя за истинно отеческую любовь, которую ты питалъ къ намъ, своимъ ученикамъ, за неунынную ревность, съ которою трудился надъ нашимъ образованіемъ, за снисходительность, съ которою исправлялъ наши недостатки. Мы хорошо знаемъ, что долгъ наставника ты считалъ священнымъ призваніемъ всей своей жизни и, не смотря на то, что изнемогавшія силы тѣлесныя уже отказывались служить тебѣ, ты съ одинаковой ревностію и любовію продолжалъ свое святое дѣло, продолжалъ до тѣхъ поръ, пока крайняя немощь не отняла наконецъ уже всякой возможности къ занятіямъ. Но и это не побѣдило твоего могучаго духа, твоей ревности и любви къ наукѣ: „нравственная потребность къ занятіямъ велика, да силы физическія отказываются служить“, вотъ послѣднія слова, слышанныя отъ тебя студентами, — которыми ты оставилъ долговременное поприще наставника за нѣсколько дней до совершенной разлуки твоей съ здѣшнимъ міромъ. Не забудемъ, добрый наставникъ нашъ, твоихъ трудовъ, твоей любви къ намъ! Повѣрь, что видимая разлука не разорветъ той тѣсной связи духовной, которая существовала и всегда будетъ существовать между тобой и твоими учениками!

Наконецъ мы, останокъ твоего духовно-разумнаго

«Давнѣя» свѣдѣніе можемъ сказать, что слушая тебя уже на началѣ дней твоихъ, мы не только *нашли-же* *любили-же* *предмиш* насъ, но еще имѣли возможность слышать и то, что составляло результатъ всей догматической, христіанской просвѣщенной дѣятельности твоей на попрѣцъ развитія мысли и знаній, мы слышали послѣднее слово твоей философіи. Какое это слово? Долгій опытъ жизни и науки привели тебя къ непреклонному убѣжденію, что полное знаніе истины и полное удовлетвореніе испытующему духу, въ предѣлахъ и условіяхъ земнаго бытія, силами и способностями познанія формальными недостижимы, что цѣль знанія и жизни нашей выше предѣловъ этого міра, что она состоитъ въ отверженіи всего условнаго и въ приближеніи къ безусловному. Вотъ твой взглядъ на человѣка и его назначеніе, вотъ твое убѣжденіе, которое ты любилъ часто повторять намъ, вотъ цѣль, стремленіе къ которой особенно сильно и замѣтно было въ послѣдніе годы твоей жизни, когда, находясь среди насъ, ты былъ, можно сказать, не нашъ, возвышаясь просвѣщеннымъ духомъ твоимъ надъ всѣмъ ограниченнымъ и условнымъ и витая въ области духовнаго созерцанія, гдѣ, въ сіяніи свѣта правды, чистому взору вѣры открывается безусловное вѣдѣніе.

Съ сердечною благодарностію прими, незабвенный и по истинѣ великій наставникъ, и послѣднее, самое искреннее благожеланіе твоихъ учениковъ: да наградитъ тебя Господь за твою долгую, самоотверженную и полную плодовъ благихъ дѣятельность, удовлетвореніемъ всѣхъ возвышенныхъ стремленій твоего духа — да почитъ онъ отъ трудовъ своихъ! да исполнится постоян-

наше стремленіе твое къ безусловному Источнику истины
и знанія; да всамнѣсь ты въ мѣстѣ свѣтлѣ и покой-
нѣ, идѣже присѣцаетъ свѣтъ лица Божія, при ново-
рэмъ и праведно похвизавшіеся здѣсь на землѣ сіюють
яко свѣтла, да уришь ты, наконецъ, самую вѣчную
Истину *лицемъ къ лицу, якоже есть!*

РЪЧЬ

ПРИ ВЫНОСЕ ТѢЛА ПРОФ. В. Н. КАРПОВА ИЗЪ ЗДАНІЯ
АКАДЕМІИ НА НЕВСКОЕ КЛАДБИЩЕ,

СКАЗАННАЯ РЕДАКТОРОМЪ ДОМАШНЕЙ ВВОЗДИ В. И. АСВОЧЕНСКИМЪ.

Благоговѣйные почитатели памяти усопшаго!

Тяжело умирать будничнымъ поденьщикомъ, не врѣзавъ въ скрижали народной жизни болѣе или менѣе глубокаго слѣда. Какъ-то больно, какъ-то обидно становится, когда на рубежѣ жизни и смерти не находишь отвѣта на вопросы: для чего жилъ, кому былъ нуженъ, что сдѣлалъ? — когда видишь, что ты одинъ изъ тѣхъ, *какъ поимбоша яко не сущи, и быша яко же не быше.* Конечно, временная жизнь есть перепутье къ жизни вѣчной: но на этомъ перепутьи есть станціи, на которыхъ останавливается человекъ, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, и на иной изъ нихъ дѣлается какъ свой, какъ хозяинъ ея, и кладетъ на все окружающее его печать временнаго своего пребыванія. Даже скоропроходящій путникъ болѣе людной станціи, тихонько отъ всѣхъ, вписываетъ гдѣнибудь въ углу не громкое имя свое, чтобы если не другихъ, то хотя себя потѣшить тѣмъ, что и онъ тамъ былъ, гдѣ были другіе, и безъ надписи напоминающіе о себѣ. Въ этомъ,

слишкомъ, повидимому, мелкою проявленіи невиннаго самолюбія проглядываетъ жажда должайшаго памятованія о себѣ, жажда безсмертія. И не осуждаетъ такой жажды само слово Божіе; оно даже заповѣдуетъ всякому заботиться о томъ, чтобы ~~память~~ его была *въ родѣ и родъ*, — и блаженъ человекъ, который, среди будничныхъ заботъ, успѣлъ вознести имя свое и заслужить благодарное памятованіе потомства!

Вы, грустные почитатели покойнаго, ждете теперь примѣненія сказанныхъ мною словъ къ усопшему. Нѣтъ, я не сдѣлаю этого. Иначе, я сталъ бы повторять и, можетъ быть, нескладно истолковывать то, что въ сердцахъ каждаго изъ васъ начертано крупными и понятными всѣмъ буквами. Имя *Василія Николаевича Карпова* знакомо всѣмъ, не чуждымъ просвѣщенія. Вѣсть о его кончинѣ потрясетъ сердца многихъ и многихъ, и въ одинъ общій гулъ сольется воспоминаніе о Карповѣ: „вѣчная, вѣчная память ему!“

Да, вѣчная, потому что онъ упрочилъ ее за собою неизгладимыми буквами!

И мраморъ и металлъ со временемъ падутъ;

А доблести его въ рядъ съ вѣчностью пойдутъ!

Нѣтъ, нѣтъ лести во устахъ моихъ! Я зналъ его прежде всѣхъ васъ, господа! Я научился питать уваженіе къ нему еще тогда, когда онъ ходилъ въ нагольномъ тулупѣ и въ нанковомъ сюртукѣ воронежскаго семинариста.... Василій Николаевичъ! Слышишь ли ты меня!... Передъ сонмомъ почитателей твоихъ склоняю голову мою и говорю громко: ты заслужилъ вѣчную память, и не лишитъ тебя этой памяти ни всеуничтожающее время, ни обычное безпамятство потомства!

Отецъ сыну, дѣдъ внуку покажутъ на оставшіеся труды твои, и скажутъ: „это Карповъ писалъ, помолись за него!“

Прости, незабвенный землякъ, искреннему слову: я завидую тебѣ; ты умеръ, обозначивъ рвѣжкою нертомъ свой слѣдъ на землѣ. Мы-то что, мы-то обозначимъ ли такъ честно, и благоотворно, какъ ты, обозначилъ?....

Гдѣ-жъ ты теперь, другъ нашъ? Должно быть, тамъ, гдѣ истина зрится лицомъ къ лицу. Не зеркаломъ и не въ гаданіи. Оставайся же тамъ! Земное ты все свершилъ, какъ добрый и вѣрный рабъ Божій, не зарывшій таланта своего въ землю. Небесный Домохозяинъ воздастъ тебѣ по заслугамъ; а мы, еще труждающіеся здѣсь и обремененные подвигомъ жизни, сами себѣ и другъ другу, дѣтямъ и внукамъ нашимъ передадимъ вѣчную память о тебѣ. Вѣчная память!

В. Асочекскій.

Оно совершается въ краѣ, гдѣ латинскій элементъ занималъ доселѣ преобладающее положеніе. Такъ въ Литовской епархіи, обнимающей три губерніи, римско-католическое населеніе болѣе, нежели вдвое, многочисленнѣе православнаго, находившагося при томъ въ теченіи мнѣгахъ вѣдѣхъ подъ чуждымъ гнетомъ. Не никакія прелестствія и протидодѣйствія не были въ силахъ помѣшать усилѣхъ дѣла, къ торжеству нашей Церкви и къ вѣдшему упроченію въ краѣ началъ русской жизни, знаменамъ которой всегда служила православная вѣра.

Причина ихъ.

Присоединенія въ большомъ числѣ напались почти непосредственно за подавленіемъ тамъ польскаго мятежа и по Всемилостивѣйшемъ дарованіи населеніямъ западныхъ губерній разныхъ гражданскихъ правъ. Предоставленіе ихъ, усиленіе въ краѣ чисто русскаго элемента и принятіе другихъ мѣръ, неминуемо повлекли за собою ослабленіе древняго вліянія на народъ со стороны поляцизны и ксендзовъ, довѣріе къ которымъ и безъ того уже сильно поколебалось вслѣдствіе преступнаго ихъ поведенія во время послѣдняго мятежа. Къ тому же значительное число присоединившихся было русскаго происхожденія, сообращенные нѣкогда въ латинство изъ православія, или изъ униі, а нынѣ добровольно оставившіе то, къ чему предки ихъ принуждены были силою. Такъ присоединенные къ православной Церкви 673 человека крестьянъ въ мѣстечкѣ Шумскѣ, Виленскаго уѣзда, всѣ русскіе, отцы и дѣды которыхъ сообращены въ латинство доминиканцами. То же должно сказать о новоприсоединенныхъ крестьянахъ въ Рудоминѣ и Рудойнѣхъ, Виленскаго уѣзда, и въ Крѣгѣ.

въ; Омицкаго уезда. Князь Александр Друцкой-Любецкий принадлежить къ потомкамъ того князя Павла Друцкого-Любецкаго, который еще въ 1617 г. былъ въ числѣ учредителей Луцкаго братства, основаннаго для отпора нападкамъ римско-католицизма и унии. Благо-творное также вліяніе имѣлъ переходъ въ Православіе самихъ ксендзовъ и въ особенности ксендза Подбрежскаго прихода Іоанна Стрѣлецкаго, принятаго въ число членовъ Литовской православной паствы съ оставленіемъ въ санъ священства. Путемъ изученія духовной литературы дойдя до убѣжденія въ истинности восточной Церкви, Стрѣлецкій своими наставленіями и примѣромъ содѣйствовалъ обращенію въ Православіе бѣгле 1500 прежнихъ своихъ прихожанъ. Въ новомъ званіи настоятеля православнаго прихода Стрѣлецкій выказалъ замѣчательное безкорыстіе. Онъ добровольно отказался отъ вознагражденія за труды и вся сумма получаемаго имъ вынѣ содержанія не превышаетъ 600 руб. въ годъ, тогда какъ прежде, въ бытность ксендзомъ онъ получалъ 400 руб. жалованья и до 1000 руб. дохода съ прихожанъ.

Дѣятельность православнаго духовенства и епарціальнаго начальства.

Умноженіе православной паствы десятками тысячъ присоединившихся изъ латинства вызвало усиленную дѣятельность со стороны мѣстнаго духовенства и епарціальнаго начальства. Они прилагали все стараніе под-держать пробудившееся въ народныхъ массахъ стремленіе къ Православію; на нихъ лежали труды благовѣстія слова истины и все труды по присоединенію возвращавшихся изъ латинства, по утвержденію ихъ въ сана-

святыхъ догматъ вѣры. Скоро явилась потребность въ образованіи новыхъ православныхъ приходовъ и въ сооруженіи храмовъ. Потребность эта быстро удовлетворена. По одной Литовской епархіи въ послѣдніе два года учреждено, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, 19 новыхъ приходовъ, на Высочайше ассигнованные 500,000 р. въ теченіи пяти лѣтъ, на средства, указанные мѣстною администраціею и на способы, доставленные приходскими работами, матеріалами и деньгами, построено 57 новыхъ церквей, въ томъ числѣ 40 каменныхъ, при полномъ содѣйствіи жъ тому со стороны гражданскихъ властей, устроившихъ для этой цѣли губерніе, уѣздныя и мѣстные комитеты, въ которыхъ отъ духовенства были депутаты.

Въ самомъ центрѣ сѣверо-западнаго края, въ Вильнѣ, дѣятельно производилось восстановленіе древнихъ памятниковъ русской святыхъ. Согласно Высочайше утвержденному представленію бывшаго главнаго начальника края графа Муравьева, обновлена уже древняя Николаевская приходская церковь; возстановлена еще древнѣйшая ея церковь Пятницкая; великолѣпно обновляются соборы кафедральный Николаевскій и митрополитій Пречистенскій. Такимъ образомъ древняя столица Литовскихъ князей съ своими десятью православными храмами, снова принимаетъ, послѣ вѣковыхъ невзгодъ, видъ вполне русскаго города.

Благочестивое сочувствіе православнаго народа къ дѣлу созиданія и обновленія сихъ храмовъ выразилось въ многочисленныхъ пожертвованіяхъ церковной утвари, иконъ и денегъ, а нѣкоторыя церкви удостоились получить приношенія отъ Государыни Императрицы и Особъ Августѣйшаго дома.

Освященіе новыхъ храмовъ даю епархіальнымъ начальствомъ прекрасный случай показать новоприсоединившимся во вѣснѣ православное богослуженіе. Это былъ цѣлый рядъ торжествъ, на который съѣхались тысячи народа всевозможныхъ исповѣданій: православныхъ, диктераль, ересей, магометанъ. Освященія совершались большей частью самими архіереями; всякій разъ они сопровождались приличнымъ случаемъ словомъ назиданія, назначеніемъ св. таинъ множества присоединившихся; раздачею народу престигионъ, вѣнчъ, молитвенниковъ. Благодушіе священнодѣйствій, стройное, внятное и умилительное пѣніе и чтеніе произвели глубокаго и знаменательнаго впечатлѣнія на молящихся. Были случаи, когда многіе десятки католиковъ, посѣтивши православное служеніе, тотчасъ послѣ него заявили рѣшительное желаніе вступить въ нѣдра святой нашей Церкви. Гражданскія и военныя власти, вообще единодушно дѣйствовавшія съ епархіальными, подавали народу поучительный примѣръ благоговѣйнаго уваженія и преданности къ Церкви. Народъ постоянно имѣлъ удовольствіе видѣть ихъ на торжествѣ освященія новыхъ приходскихъ храмовъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ. Одни явились сюда съ благоестивомъ желаніемъ принять участіе въ народной молитвѣ, выразить живое сочувствіе православно-народному дѣлу. Во время, напримѣръ, крестнаго хода бывшаго въ Вильнѣ вокругъ Николаевской церкви, въ день ея освященія, 8 ноября, за престольный крестъ несеши были впереди начальникомъ губерніи; хоругви, пожертвованныя отъ мировыхъ учреждений, — мировыми посредниками и другими лицами высшей мѣстной администраціи. Подобныя отрадныя явленія, происходившія и во многихъ другихъ мѣстностяхъ

стихъ, шедо по днмъ значеніе Православія, которое еще такъ недавно шлодетско-изученія вознмалось знаності въ главахъ народа на степенн мпосной вѣры.

Обнаружившееся повсемѣстно, на всемъ пространствѣ западнаго иран, настроеніе латинствующихъ населеній къ принятію Православія, внушаетъ епархіальнымъ начальствамъ надежду, что присоединенные останутся твердыми въ преданности православнои Церкви, что присоединенія продолжатся. Но вмѣстѣ съ тѣмъ епархіальныя начальства не скрываютъ и тѣхъ опасеній и трудностей, какія можетъ ожидать начавшееся движеніе въ будущемъ. Они вполне сознаютъ невозможность обойтись въ подобномъ дѣлѣ безъ колебаній при сильномъ противодѣйствіи со стороны римско-католическихъ ксендзовъ, столь опасномъ при вѣковой привычкѣ народа къ латинскимъ обрядамъ и носетамъ.

Опасность для Православія съ этой стороны была всегда велика въ западныхъ губерніяхъ, особенно для православныхъ частей, кои образовались изъ униатовъ, воссоединившихся въ 1839 году. Здѣсь сохранились до селѣ въ некоторые латинскіе обычаи и порядки; въ самыхъ церквахъ видны слѣды прежняго вліянія латинства, или остатки уніи въ украшеніяхъ, не свойственныхъ православнымъ храмамъ, въ разныхъ изваяніяхъ и изображеніяхъ святыхъ на иконахъ въ латинскихъ одѣяніяхъ, въ священныхъ принадлежностяхъ богослуженія (монстранци, подсвѣчники на престолахъ и т. п.); даже священники въ некоторыхъ мѣстахъ при совершеніи таинствъ и обрядовъ допускаютъ некоторые уклоненія отъ древняго чина православной Церкви, не касающіяся, впрочемъ, существенныхъ догматовъ вѣры и

коренныхъ, законныхъ, и не-присяжныхъ единству съ вселенскому Церковно, Но и эти уклоненія и отступленія, маде по малу прекращаются. Начиная съ 1839 г. уподобляются всѣ старанія къ сближенію западныхъ православныхъ пастырь съ общимъ типомъ нашей Церкви, къ деланію въ нихъ однообразія въ обрядахомъ отношеніи къ прочимъ русскимъ православнымъ епархіями. Непрерывное разумное кѣйствованіе епархіальныхъ начальствъ, западныхъ епархій, въ этомъ направленіи было вполне плодотворно. Такъ Литовская епархія, находящаяся при воссоединеніи почти въ олатинивномъ положеніи, до свидѣтельства митрополита Литовскаго Іоанна, совершенно преобразилась нынѣ въ церковномъ устройствѣ, богослуженіи, духовенствѣ и съ частію можетъ стоять въ ряду древне-православныхъ русскихъ епархій. При обзорѣи пресвященнымъ Подольскимъ своей епархіи найдено, что давно укоренившійся тамъ обычай крестить чрезъ обливаніе имѣя выводится изъ употребленія, св. таинства крещенія совершается чрезъ погруженія; при деревьяхъ имѣются купели и въ большомъ количествѣ крестяки для возложенія на крещаемыхъ; Въ епархіи Полоцкой хотя и держатся еще при нѣкоторыхъ церквахъ, обычаи обливанія, но народъ православный, глубоко уважаетъ погруженіе и считаетъ его преимуществомъ въ таинствѣ, что должно служить залогомъ успѣшности предпринимаемыхъ мѣръ къ уничтоженію въ пастырь послѣднихъ остатковъ латинства.

Въ то же время въ западныхъ епархіяхъ продолжается постепенное развитіе чистоты православныхъ учрежденій, которыя должны служить рассадками вѣры, благочестія и русскихъ началъ въ тамошнемъ православномъ населеніи. Еще въ концѣ 1864 года въ нихъ имѣнно

видахъ былъ основанъ въ Вильнѣ женскій первоначальный Маріинскій монастырь, съ приютомъ при немъ для воспитанія сиротъ духовенства и дочерей недостаточныхъ русскихъ чиновниковъ. Въ 1866 г. монастырь этотъ, по ходатайству бывшего главнаго начальника сѣверо-западнаго края генералъ-адъютанта Каушмана и согласно Высочайше утвержденному Вашимъ Величествомъ опредѣленію Святейшаго Синода, переименованъ въ общенительный съ цѣлю освобожденія инокинь отъ личныхъ заботъ о собственномъ содержаніи и представленіи имъ полной возможности всецѣло посвятить себя на дѣло своего служенія. Игуменья и монахини для него вызваны изъ Москвы. Теперь онъ имѣетъ до 45 сестеръ и устроивается въ матеріальномъ отношеніи.

Пастырская дѣятельность епархіальныхъ начальствъ и приходскаго духовенства въ западномъ краѣ, во всѣхъ потребныхъ случаяхъ, всегда находила себѣ поддержку со стороны Святейшаго Синода. По его распоряженію и въ 1866 году, въ видахъ уничтоженія книгъ униатскаго типа, безмездно отпускаемы были церковно-богослужебныя книги изданія синодальной типографіи для первой епархіи Подольской 965 экз., Минской 246 и Волынской 34. Сверхъ того снабжены книгами многія вновь устроенныя церкви въ Литовской, Минской и Могилевской епархіяхъ. Расходъ на этотъ предметъ составилъ сумму въ 20,691 р. 99 коп.

Присоединенія изъ раскола.

Присоединенія православной Церкви изъ раскола были весьма замѣтельными и утѣшительны по образовательному проявленію въ нихъ благодатной силы Божіей надъ сердцами заблуждающихся. Къ числу наиболѣе замѣчи-

тотниязь случаевъ въ этомъ родѣ слѣдуетъ отнести присоединеніе въ Архангельскѣ главнаго расколучителѣ безвѣнчивицкой секты филипповскаго толка, отставнаго матроса Артемія Ситкова, 90-лѣтняго старца. Въ продолженіе 50 лѣтъ не знавшій ни Церкви православной, ни ея таинства, онъ былъ привлеченъ въ православный храмъ, когда въ немъ, при первой вѣсти о чудесномъ спасеніи драгоцѣнной жизни Вашего Величества 4-го апрѣля, совершаемо было благодарственнае Господу Богу молебствіе въ собраніи всего духовенства, необыкновеннаго множества гражданъ, мѣстныхъ чиновъ и иностранныхъ консуловъ. По окончаніи молебствія, принимая отъ архіерея благословеніе, Ситковъ обратилъ на себя вниманіе по необычайно старческому виду и, услышавъ отъ пресвященнаго слова: „молись за Царя“, зарыдалъ какъ дитя. Вслѣдъ за тѣмъ, приблизивъ къ пресвященному, заявилъ, что тронутый всенародною молитвою въ храмъ, въ которой участвовали даже всѣ иновѣрцы, и обращенными къ нему словами архіепастера, онъ возненавидѣлъ филипповскій толкъ, запрещающій молиться за Царя, и обличаясь слезами, колѣнопреклоненный, горячо просилъ принять его въ члѣнъ православной Церкви. По удовлетвореніи его желанія, Ситковъ расположилъ къ принятію Православія двухъ своихъ сотоварищей по расколу.

Выслушивають также особеннаго вниманія предолжательскія обращенія въ Православіе влѣтательнѣйшихъ членовъ австрійской иерархіи. Выраженное, при представленіи Вашему Величеству присоединившихся къ Церкви въ 1865 г. раскольническихъ ижепаствей, молитвенное желаніе, чтобы доброму примѣру ихъ послѣдовали другіе, принесло благословенныя плоды. Въ

двѣдцѣмъ году, оставилъ заблужденія раскола иеродіаконы Θεодосій и Геннадій и иерархимандритъ Викентій. Кромѣ того, изъявилъ намѣреніе присоединиться къ православной Церкви одинъ изъ трехъ заграничныхъ раскольничьихъ иерархійеєвъ Тульчинскій иеродиокоуъ Густинъ. Всѣ эти лица пользовались въ кругу расколниковъ большимъ уваженіемъ, и вліяніемъ. Θεодосій навѣстанъ строгою иноческою жизнью, которой онъ посвятилъ себя съ 12-лѣтняго возраста; въ равныхъ раскольническихъ снѣтахъ, Викентій обладаетъ значительными способностями; довѣріе къ нему было такъ велико, что еще въ санѣ іеродіакона онъ представлялъ лице своего иереепископа на Московскомъ раскольническомъ иерееборѣ въ 1863 году; по возвращеніи изъ Москвы Константианъ пронавелъ его въ иерархимандриты по рекомендаціи иерархійеєвъ Московскаго иереебора, и передалъ ему все епархіальное управленіе; оставаясь въ расколѣ Викентій дѣлалъ не мало вреда Православію обращеніемъ неслѣдующихъ. Оба, Θεодосій и Викентій, дождебленные въ нравотѣ своихъ вѣрваній неустойчивыми и безпорядками въ средѣ раскола и ближайшимъ знакомствомъ съ духовными его дождями, окончатально расположились къ принятію Православія частію принятіемъ, частію личными собесѣдованіями съ единовѣрскимъ инокомъ Падунтіемъ, присоединившимся изъ раскольническихъ иерарховъ. Густинъ, по иждивеніи достовѣрнымъ свѣдѣніемъ, челоуѣкъ убѣжденія и по своимъ нравственнымъ качествамъ вполне безукоризненный. По собственному его признанію, внимательнымъ чтеніемъ и изученіемъ священныхъ книгъ и церковной исторіи пришелъ онъ къ убѣжденію, что австрійская іерархія ложная, основана на грубости, лавѣжествѣ,

фанатизмъ; что совершаемыя имъ церковные обряды и требы, подъяемыя труды и священныя обязанности, все это ложь и обманъ, что Богъ его накажетъ, если онъ не послѣдуетъ за побужденіями души и совѣсти своей. Искренность и чистота его намѣреній выше всякаго сомнѣнія: онъ покидаетъ архіерейскій санъ, дѣлаетъ епархію, приноситъ въ жертву свое независимое положеніе, полную свободу дѣйствій, хорошо знаа, что впереди не ожидаетъ его ничего, кромѣ скромной кельи инока въ какой-либо православной обители.

Не ограничиваясь описанными выше случаями, возвращеніе заблуждающихъ на путь истины производилось мѣрами пастырскихъ вразумленій и увѣщаній. Этотъ трудъ несли на себѣ какъ приходскіе священники, такъ и особы миссіонеры, учрежденные въ некоторыхъ епархіяхъ, болѣе зараженныхъ расколомъ, напримеръ, Олонцовой (4 миссіонера), Пермской (8) и другихъ. Для изобличенія неправды раскольническихъ джеученій были употребляемы преимущественно святоотеческія сочиненія и книги, уважаемыя самими сектантами. Такимъ образомъ воссоединено съ Церковію до 2.209 раскольниковъ. Сравнительно большее число ихъ обращено въ епархіяхъ Пермской (394) и Оренбургской (489). Были и другіе добрые плоды пастырскаго дѣйствованія. Многие изъ православныхъ, слабые въ вѣрѣ, удержаны отъ отпаденій; многіе раскольники, хотя кочуютъ еще въ своихъ заблужденіяхъ, но видимо обнаруживаютъ болѣе расположенія къ православной Церкви, болѣе склонности къ сближенію съ ея пастырями. Известны примѣры, что отцы семействъ, оставаясь сами въ расколѣ, заставляютъ православныхъ членовъ своей семьи неопустительно ходить къ церков-

нымъ службамъ, исполнить долгъ исповѣди и св. причастія въ положенные Церковію посты; сами приглашаютъ въ свои дома православнаго священника для христіанскаго напутствования дѣтей ихъ въ случаяхъ болѣзни, или для собесѣдованій о предметахъ вѣры; въ Московской епархіи замѣчено, что при архіерейскихъ служеніяхъ въ единовѣрческихъ церквахъ, раскольники входятъ въ церковь, чинно стоятъ и даже нѣкоторые принимаютъ архіерейское благословеніе.

При такомъ настроеніи раскольниковъ, сооруженіе единовѣрческихъ церквей, образованіе единовѣрческихъ приходовъ, учрежденіе единовѣрскаго монастыря въ мужскомъ отдѣленіи Преображенскаго богадѣльнаго дома не остается безъ вліянія на болѣе мирныхъ и благомыслищихъ изъ нихъ. Московская единовѣрческая обитель, устроенная пожертвованіями Московскихъ единовѣрцевъ, въ особенности купца Агасина, открыта и освящена 16 Мая преосвященнымъ Леонидомъ, викаріемъ Московскимъ, въ сослуженіи единовѣрскаго духовенства, при многочисленномъ стеченіи народа, и въ присутствіи начальственныхъ лицъ столицы. Для настоятельства и духовнаго благоустроенія ея вызванъ архимандритъ Керженскаго боговѣщенскаго монастыря старецъ Тарасій. Въ новооткрытомъ монастырѣ помѣщены иноки, принявшіе въ 1865 году единовѣріе, изъ членовъ австрійской іерархіи, исключая инокъ Паслутія, оставленнаго въ Чудовъ монастырь; какъ мѣсто болѣе удобное для собесѣдованій съ раскольниками. Церковь возлагаетъ надежды, что подвижники новой обители съ пользою послужатъ дѣлу духовнаго просвѣщенія бывшихъ своихъ собратій по расколу.

Успѣхамъ Православія не мало способствуютъ со-

временныя неустройства въ ядрахъ самого раскола, вос-
сидца на себя печать внутреннего его разложения. Дробле-
ние раскола на безчисленное множество противорѣча-
щихъ взаимно сектъ, томовъ и сомасій, это неизбежное
послѣдствіе неаррианаго абсолютнаго авторитета пра-
вославной Церкви, единой вѣрной хранительницы бо-
жественнаго откровенія; даже не прекратилось. По-
явились двѣ новыя секты, изумляющія крайнею неопы-
тностію и произвольностію своихъ ученій. Въ Саратов-
ской епархіи открыта секта численинговъ, отрасль
безпоповщинской, приверженцы которой, основываясь
на книгѣ полученной будто бы съ неба, стали празд-
новать воскресенье въ среду. Въ главнѣйшемъ средото-
чій раскола, Вѣлей Криницъ, митрополитъ Кирилль
впалъ въ ересь, ученіемъ которой отрицается и разру-
шается его собственное іерархическое положеніе между
раскольниками. По ученію новой ереси, въ великорос-
сійской Церкви царствуетъ антихристь; отъ него рас-
кольники принимали священниковъ, которые ихъ кре-
стили и напутствовали въ будущую жизнь. Этотъ ан-
тихристь зачать навѣишь Св. Духа словомъ арханге-
ла Гавріила, подъ именемъ „Иисуса“, родился спусти
8 лѣтъ послѣ Р. К. и распятъ на крестѣ. Ересь гла-
вы раскольниковъ заграничныхъ и значительной части
находящихся въ предѣлахъ Россійскихъ Имперій не мо-
гла не произвести потрясающаго впечатлѣнія. Чтoby
уничтожить произведенный соблазнъ, они составили
заграницею нѣсколько соборовъ изъ своихъ мѣіерар-
ховъ. Но эти соборы ничего не достигли и будутъ на-
матны лишь по происходившимъ на нихъ безпорядкамъ
и необузданному проявленію самыхъ диннахъ страстей
и глубокаго антагонизма между представителями авст-

рійскаго, а не священства. Дело кончилось тѣмъ, что послѣ бланкетный въ ереси Кирилль запрещенъ подчиненнымъ ему иерееподопами въ священнослуженіи и въ своемъ очередь самъ наложилъ на духовныхъ судей своихъ запрещение. Тѣ же безпорядки, тотъ же духъ несправедливой влады, постоянныхъ раздоровъ и раздѣленій господствуютъ и между другими расколуучителями разныхъ сектъ, кои находятъ себѣ приверженцевъ внутри нашего отечества.

Значеніе подобныя явленій вполнѣ понятно для людей, доступныхъ внушеніямъ истины и совѣсти, и они мало по малу уходятъ изъ раскола. Тѣмъ не менѣе опасность отъ раскола во многихъ мѣстностяхъ. Имперія еще велика. Въ болѣеизнѣ простонародья расколъ держится крайнею необразованностью, и неразвитостью своихъ послѣдователей, примѣромъ отцовъ и дѣдовъ, неумѣемъ отличить догмата отъ обряда, слѣпымъ довѣріемъ къ ижеучителямъ. По одній причинѣ и православные простолюдины часто дѣлаются жертвою обмана и оболъченій раскольническихъ наставниковъ. Съ другой стороны, богатые и сильные вліяніемъ на провинныхъ раскольники, не за личныхъ своекорыстныхъ расчетовъ, стараются держать въ своихъ рукахъ простонародье и давать ему свое направленіе. Искусные изъ руководителей раскола, поддерживаютъ связи съ столичными раскольниками; накупаютъ отъ нихъ деньги, книги, свѣдѣнія о состояніи раскольническаго общества въ разныхъ центрахъ и концахъ Россіи, золотые, прапческіе портреты раскольническихъ наставниковъ, ларчики въ раскольническомъ вкусѣ и утѣреніе въ свободѣ, будто бы дарованной правительствомъ, всакому по желанію обращаться въ расколъ. Эта утѣренность

много поддерживается не возбраняемым разномыслиемъ въ послѣдніе годы австрійской архіерархіи. Въ Москвѣ повѣстно, въ какихъ домахъ служатъ архіереи; въ Гуслицкой окрестности считаютъ до 18 жесвищенниковъ, которые собираются для разсужденій о дѣлахъ своей селты; жессборы раскольническіе видны въ печати.

Новыя мѣры противъ раскола.

Современное состояніе раскола указало духовному правительству на необходимость принять нѣсколько новыхъ мѣръ въ видахъ его ослабленія. Еще въ концѣ 1865 года, съ Высочайшаго соизволенія Вашего Величества, внесено было въ Святѣйшій Синодъ предположеніе мое объ учрежденіи викариатствъ въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ содержаніе викарныхъ архіереевъ можетъ быть обезпечено предоставленіемъ въ ихъ распоряженіе достаточныхъ монастырей, съ цѣлю дать имъ возможность обратить на расколъ усиленное вниманіе. Святѣйшій Синодъ, принявъ въ расужденіе настоящее развитіе порядка духовнаго управленія, требующаго лично отъ епархіальныхъ архіереевъ разрѣшенія или утвержденія по многоразличнымъ вопросамъ управленія и суда, и усиливающуюся въ послѣднее время дѣятельность расколуучителей, призналъ съ своей стороны весьма полезнымъ, въ помощь епархіальнымъ архіереямъ, учредить викариатства во всѣхъ епархіяхъ, съ тѣмъ, чтобы предварительныя утвержденія столь важной мѣры, были истребованы мнѣнія мѣстныхъ преосвященныхъ, и соображенія ихъ о тѣхъ способахъ, какіе ихъ епархіи могутъ доставить для содержанія вика-

ривъ, не обременя государственный казначейства новымъ расходомъ.

На сихъ основаніяхъ, удостоенныхъ Высочайшаго утвержденія, учреждено въ отчетномъ году шесть викариатствъ: въ Нижнемъ Новгородѣ, Костромѣ, Харьковѣ, Воронежѣ, Подольскѣ и Твери, съ наименованіемъ викарнаго преосвященнаго Нижегородскаго Балахнинскимъ, Костромскаго Кинешемскимъ, Харьковскаго Сумскимъ, Воронежскаго Острогоскимъ, Подольскаго Балтскимъ и Тверскаго Старицкимъ. Мѣстопробываніе викарнымъ архіереямъ положено имѣть: первому—въ Нижегородскомъ Печерскомъ первоначальномъ монастырѣ, который предоставленъ въ его управленіе; Костромскому—въ Ипатьевскомъ кафедральномъ монастырѣ, съ предоставленіемъ въ управленіе Песоченскаго Игрицкаго монастыря; Сумскому—въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ, съ передачею въ его завѣдываніе Старохарковскаго Куряжскаго монастыря; Острогоскому—въ Воронежскомъ Алексіевскомъ монастырѣ, предоставляемомъ въ его управленіе; Балтскому—въ Каменецъ-Подольскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, съ предоставленіемъ въ его управленіе; Старицкому—въ Тверскомъ Желтиковѣ монастырѣ, съ порученіемъ его въ управленіе викарія.

На усиленіе содержанія Нижегородскаго викарія, сверхъ настоятельскихъ жалованья и части братскихъ доходовъ Печерскаго монастыря, обращены 500 руб. въ годъ, производившіеся Нижегородскому епархіальному преосвященному, по Высочайше утвержденному въ 11-й день Августа 1861 года опредѣленію Святейшаго Синода, изъ процентовъ съ капитала на улучшеніе содержанія епархіальныхъ архіереевъ.

Видѣтъ съ тѣмъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го Декабря 1865 года, сдѣлано было сношеніе съ министромъ государственныхъ имуществъ объ изысканіи способовъ къ матеріальному обезпеченію духовенства епархій Тамбовской, Рязанской, Нижегородской и Костромской, въ особо зараженныхъ расколомъ приходахъ, въ видахъ устраненія всякой зависимости причтовъ въ содержаніи отъ приходовъ. По полученію отъ генералъ-адъютанта Зеленаго, для достиженія изъясненной цѣли не предвидится препятствія къ увеличенію нормальнаго надѣла причтовъ въ приходахъ раскольническихъ изъ прилегающихъ къ нимъ казенныхъ оброчныхъ статей, какъ скоро заявлено будетъ объ этомъ отъ духовенства, и контрактныя условія держателей сихъ статей не представятъ затрудненій. Отзывъ министра переданъ на дальнѣйшее соображеніе подлежащихъ преосвященныхъ.

Учрежденіе миссіонерствъ въ Самарской епархіи.

Приволжскія области Россіи, заселенныя, кромѣ христіанъ православнаго исповѣданія, многочисленными инородцами нехристіанами, а также инородцами и раскольниками, предстваряли обширное поле для миссіонерскаго дѣйствованія. Разноплеменность населенія этого обширнаго края, разнообразіе мѣстныхъ условій, вызвали и со стороны духовныхъ властей различныя мѣры пастырской попечительности о насажденіи и распространеніи здѣсь свѣта вѣры Христовой.

Въ Самарской епархіи, въ полутора милліонномъ населеніи которой насчитывается до 180 т. магометанъ, 4½ т. язычниковъ изъ чувашъ и вотяковъ и большое число раскольниковъ, въ Октябрѣ 1866 года разрѣше-

но Святѣйшимъ Синодомъ, согласно съ представленіемъ пресвященнаго Герасима, учредить пять миссіонерскихъ становъ, одинъ между язычниками, два вблизи населенія магометанскаго и два для обращенія раскольниковъ. Миссіонеры имѣются уже въ виду епархіальнаго начальства и признаются имъ совершенно благонадежными и достаточно приготовленными для предназначаемаго имъ поприща. Содержаніе ихъ обезпечивается назначеннымъ отъ Святѣйшаго Синода пособіемъ на первое время по 500 руб. въ годъ изъ суммы, Всемилостивѣйше пожалованной изъ капитула орденовъ на распространеніе христіанства между язычниками Имперіи, и обращеніемъ на этотъ предметъ кружечныхъ по Самарской епархіи сборовъ на распространеніе въ Имперіи христіанства.

Предположеніе о мѣрахъ къ обращенію калмыковъ въ христіанство.

Въ Астраханской епархіи вниманіе духовнаго правительства озабочивалось съ давняго времени существованіемъ тамъ, вблизи одного изъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ Имперіи, откуда должно распространяться просвѣщеніе на весь Востокъ, самаго грубаго язычества. Кочующіе въ ея степяхъ калмыки до сихъ поръ держатся жалкаго ламайскаго суевѣрія. Просвѣщеніе едва ихъ коснулось; сколько нибудь значительные случаи обращенія ихъ въ христіанство были очень рѣдки. Въ усердіи православныхъ пастырей никогда не было недостатка. Но для полнаго успѣха имъ не доставало общихъ руководительныхъ правилъ строго соображенныхъ съ условіями и особенностями быта калмыковъ. Потребность въ составленіи правилъ сознава еще въ

сорочинскихъ годаль при разработкѣ нынѣ дѣйствующаго положенія объ управленіи калмыцкимъ народомъ. Но исполненіе этого предположенія было отложено впредь до окончательнаго утвержденія мѣръ къ введенію у калмыковъ, на основаніи сказаннаго положенія, новаго административнаго и хозяйственнаго устройства. Настоящее время болѣе удобно для осуществленія этой важной мѣры. Въ Астраханской епархіи есть уже и готовые дѣтели для проповѣди; это пять православныхъ священниковъ, многіе знакомыхъ съ языкомъ бытомъ и религіей калмыковъ; изъ нихъ трое сами природные калмыки, окончившіе курсъ въ мѣстной духовной семинаріи. Посему во всеподданнѣйшемъ отчетѣ моемъ по обзорнію въ 1866 году учебныхъ заведеній Московскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ, я имѣлъ счастье всеподданнѣйше докладывать Вашему Императорскому Величеству, что по моему мнѣнію крайне необходимо приступить немедленно къ открытію въ Астраханской губерніи мисіонерскихъ дѣйствій для обращенія въ христіанство калмыковъ, начавъ исполненіе этой мысли предоставленіемъ Астраханскому архіепископу, совокупно съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ, составить подробный планъ мѣропріятій, который разсмотрѣть въ послѣдствіи въ особомъ комитетѣ.

По удостоеніи сего предположенія Всемилоствѣннѣйшаго вниманія Вашего Императорскаго Величества, сдѣланы всѣ нужныя распоряженія къ дальнѣйшему направленію этого дѣла.

Мѣры къ утвержденію въ Православіи крещенныхъ татаръ.

Необходимость мисіонерскаго дѣйствованія еще съ большою настоячивостію вымывается настоящимъ рели-

голанцы состояли: татаръ Казанской и соседствен-
ныхъ епархій. До одной Казанской губерніи татаръ
считается свыше 446 т. Въ томъ число вхождъ
крещенныхъ св. крещеніемъ 44 т. Изъ нихъ одни, старо-
крещенные, приняли православную вѣру въ XVI и
XVII вѣкахъ, а другіе новокрещенные въ позднѣйшее
время; первыхъ до 28 т., а послѣднихъ 16 т. Всѣ
остальные — поддѣшники магомета, обращеніе которыхъ
въ христіанство есть дѣло будущаго. Но въ положеніе
крещенныхъ татаръ представляетъ весьма печальное зрѣ-
лище. Съ 1865 года въ ихъ средѣ обнаружился по-
пытка уклоненія въ магометанство. Въ короткое время
движеніе это распространилось по многимъ мѣстностямъ
уѣздовъ Чистопольскаго, Тетюшскаго, Свияжскаго, Че-
боксарскаго, Цивильскаго и Лямбеевскаго и даже пере-
шло въ сосѣднія съ Казанскою губерніи. Увѣченные
нѣсколькими вожаками-фанатиками, отступивши прервали
всякія духовныя связи съ православными священниками
и вошли со всеподданнѣйшими просьбами въ Высочай-
шее Величество о дозволеніи имъ исповѣдывать магоме-
танство.

Причины отпаденій.

Прискорбный фактъ отпаденій лучше всего объясняет-
ся тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ уклоняющіеся отъ
Православія, подававшіе прошенія, за исключеніемъ
двухъ деревень, принадлежать къ новокрещенымъ та-
тарамъ и живутъ въ мѣстностяхъ, съ преобладающимъ
мусульманскимъ населеніемъ, чаще въ однихъ деревняхъ
съ магометанами и притомъ въ самомъ незначительномъ
меньшинствѣ. Племенное родство съ мусульманами,
единство языка, постоянныя сношенія съ некрещеными

по интеллигентным недостаткам, не рѣдко: матеріальная
отъ нихъ зависимость; сильно: отражалась на всемъ
сладкѣ жизни новокрещенныхъ; весь домашній бытъ:
нѣтъ и далеко нестому чисто татарскимъ; они: такъ брѣ-
ютъ голову, носить: тюрбеоданъ; эти: символы магоме-
танства. Разбросанность православныхъ: приходовъ, отъ:
далекости: приходе татарскихъ деревень отъ: приход-
скихъ: церквей на 12, 15 и даже на 20 верстахъ, затруд-
няли для приходскихъ священниковъ: исполненіе: долга:
неусыпной бдительности за нравственнымъ состояніемъ
своихъ духовныхъ чадъ, сохраненіе ихъ твердыми въ
чувствахъ: преданности: православною: вѣрѣ и церкви.
Сношенія: съ: ними: священниковъ: ограничивались: со-
большою: частью: случаями: совершенія: христіанскихъ: грѣбовъ.
Для православно-религіознаго: просвѣщенія: новокрещен-
ныхъ: татаръ, для распространенія: между: ними: право-
славно-русскихъ: понятій: до: сихъ: поръ: недоставало: мно-
гого; не было: распространено: въ: достаточномъ: коли-
чествѣ: православныхъ: книгъ; по: отсутствію: школъ: для:
новокрещенныхъ, грамотность: была: между: ними: на: са-
мой: низкой: степені: развитія; большинство: ихъ: почти:
вовсе: не: знаетъ: даже: русскаго: языка. Ослѣпость: сообра-
женій: для: нихъ: была: всегда: велика, тѣмъ: болѣе; что:
въ: каждой: татарской: деревнѣ, если: въ: ней: не: менѣ:
200 мусульманъ, есть: особый: мулла, мечеть, школа;
въ: большихъ: деревняхъ: по: два: школы: и: мечети. Подъ:
вліяніемъ: этихъ: неблагоприятствующихъ: условій, при-
дуть: пропаганды, весьма: сильно: развитомъ: не: только:
въ: муллахъ, но: и: въ: находѣ: послѣдователей: ислама,
между: новокрещенными: изданы: были: христіане: нена-
дежные, тайно: приверженные: къ: магометанству; это:
подтверждается: и: попытками: отпаденій: въ: магометан-

ство, бывшими въ 1827 и даже раньше, въ 1803 году, вследствие распространеннаго тогда слуховъ о дарованномъ будто бы правительствомъ дозволеніи свободно переходить въ магометанство. Тѣ же ложные слухи были распространяемы и предъ временемъ послѣдняго отступничества татаръ усиліями нѣкоторыхъ зачинщиковъ въ средѣ ихъ же самихъ, которые разбѣжались для этой цѣли по деревнямъ и базарамъ и увлекали простодушныхъ и легковѣрныхъ.

Первая мѣра противъ отступническаго движенія.

Самую надежную мѣрою къ подавленію отступническаго движенія является распространеніе между крещеными татарами христіанскаго просвѣщенія и здравыхъ нравственно-религіозныхъ понятій. Соответственно сему, въ бытность мою вътомъ 1866 г. въ Казанской и другія приволжскія губерніи, я вошелъ въ непосредственныя сношенія какъ съ духовными, такъ и съ свѣтскими лицами, которые могутъ имѣть вліяніе на просвѣщеніе татаръ, ознакомился на мѣстѣ съ тѣми средствами и личностями, коими могутъ располагать въ настоящее время въ этомъ дѣлѣ какъ Церковь, такъ и правительство, и далъ надлежащія указанія. Святѣйшій Синодъ, съ своей стороны, обратилъ вниманіе епархіальныхъ начальствъ на необходимость, при настоящихъ обстоятельствахъ ихъ епаркій, назначать въ татарскіе приходы пастырей вполне благонадежныхъ и способныхъ.

Всѣ эти распоряженія, въ совокупности, не остались безъ благотворнаго дѣйствія. Значительное число татаръ разныхъ деревень Казанской и Симбирской губерній сознали свое преступное нагвѣреніе и изъявили желаніе возвратиться въ Православіе, а по послѣднимъ свѣдѣ-

нiзмъ, полученнымъ отъ Казанскаго преосвященнаго, во вѣрной ему епаркiи случаи отпаденiя отъ христіанства съ нѣкотораго времени совершенно прекратились.

Школа Ильминскаго и Тимофеева.

Между тѣмъ зрѣлыми нѣсколькими частными лицами, горячо къ сердцу принимающихъ дѣло Православія, началось уже прочное начало религіозно-нравственному образованію татаръ. Съ 1864 года учреждена въ Казани, съ разрѣшенiя управлявшаго учебнымъ округомъ, спеціальная школа для начальнаго обученiя татарскихъ дѣтей; преподавателемъ Казанскаго университета Ильминскимъ и крещеннымъ татаринкомъ Василиемъ Тимофеевымъ, происходящимъ изъ крестьянъ Казанской губерніи, впоследствии перечисленнымъ въ духовное званіе и состоящимъ въ качествѣ практиканта татарскаго языка при Казанской духовной академіи. Дѣло воспитанiя ведется въ ней самимъ Тимофеевымъ, отличающимся замѣчательными педагогическими способностями и строгимъ православно-нравственнымъ направленіемъ. Предметами обученiя здѣсь: чтенiе по татарски и по русски, письмо, православный катихизисъ, рассказы изъ священной и русской исторiи, ариметика, объясненiя важнѣйшихъ священнодѣйствiй Церкви, изученіе общепотребительныхъ церковныхъ молитвъ и пѣніе. Сперва дѣти учатся татарской грамотѣ по изданнымъ на народномъ татарскомъ языкѣ книжкамъ Ильминскаго, который для этой дѣли перевелъ на простонародный татарскій языкъ нѣсколько русскихъ книгъ, въ томъ числѣ русскій букварь съ катихизисомъ, книгу бытiя, премудрости Иисуса сына Сираха, евангелiя, многія церков-

ныя пѣснопѣнія и молитвы. Своими релігіозными и нравственно-назидательными направленіемъ, толкованіемъ и скорнымъ образованіемъ школа видимо привлекаетъ къ себѣ сочувствіе старокрещенныхъ татаръ и они съ радостію спѣшаютъ отдавать въ нее своихъ дѣтей. Въ первый годъ своего существованія школа имѣла всего 3 воспитанника, отцы которыхъ были лично знакомы Тимошеву; въ 1865 году число ихъ возрасло до 20, а въ 1866 ихъ было уже 42. Теперь школа имѣетъ уже нѣсколько отраслей. Подъ вліяніемъ и направленіемъ ея открыты въ 1865 году въ деревнѣ Аришъ, Мамадышскаго уѣзда, школа для мальчиковъ, въ которой теперь обучается уже 45 крещенныхъ татарскихъ мальчиковъ и въ деревнѣ Никитиной, роднѣ Тимошева, школа для дѣвочекъ, гдѣ нынѣ 16 дѣвочекъ и 16 мальчиковъ; обучаемыхъ одию изъ бывшихъ воспитанницъ Казанской школы. Такимъ образомъ образуется явное ядро ревнителей Православія и Казанская школа постепенно приобретаетъ значеніе центрального и руководительнаго учрежденія, посредствомъ котораго удобно будетъ возможно-шире раскинуть сеть учебной мисіонерско-образовательной дѣятельности.

Пособіе школь отъ Святѣйшаго Синода.

Святѣйшій Синодъ, принявъ во вниманіе, что Казанская школа можетъ послужить самымъ дѣйствительнымъ орудіемъ къ утвержденію крещенныхъ татаръ въ Православіе и внутреннему общенію ихъ съ русскими народами, а также съ тѣмъ и къ дальнѣйшему распространенію христіанства между некрещеными тамъ единородными, разрѣшилъ, для поддержанія столь важнаго учрежденія въ самомъ его началѣ и для обезпече-

на, его, дальнейшаго развитія, отаубить школы въ одновременное масовое 1600 руб. изъ наштага, собираемаго на распространеніе Православія между язычниками Имперіи. Благовременная помощь дала учрежденію возможность приступить къ усиленному изданію книгъ, на народномъ, татарскомъ языкѣ и въ умноженію мѣсячныхъ школъ; предположено отыскать новыя школы въ шести мундтазахъ Казанской губерніи.

Назначеніе новаго архіепископа.

Дальнѣйшаго процвѣтанія мѣръ къ возвышенію религіозно-нравственнаго состоянія Казанской паствы и къ радикальному укрѣпленію обнаруживающагося въ ней зла и неустойчива, Святейшій Синодъ съ довѣріемъ ожидаетъ отъ просвѣжденной попечительности преосвященнаго Антонія, призваннаго къ служенію на Казанской кафедрѣ въ концѣ 1866 года.

Религіозное движеніе между черемисами Казанской епархіи.

Святыю старену въ жизни Казанской паствы представляеть религіозное движеніе, начавшееся между горными черемисами. Принятіе для приобщенія послѣдовало по второй поминанъ зрѣлѣннаго стоютиа. Но трудны были многіе годна для того, чтобы совершенно изгладилась у нѣкъ слѣда язычества. Рядомъ съ христіанскими полатіями универсалномъ здѣсь остатки прежней религіи къ древнимъ языческимъ обрядамъ, жертвеннымъ воздѣлканамъ и ардвошамъ; удѣлала мѣра въ перемѣлахъ, водруженіи, смѣ, ветрѣн, пришесть. Въ этой-то землѣ, еднѣственой средѣ съ давняго времени совершается нравственный переворотъ, подготовленный многолѣтнею, разностороннею и неустанною

пастырей. Въ молодомъ поколѣніи черемисъ пробудилось съ необычайною силою стремленіе къ православно-христіанскому просвѣщенію. Не одки дѣти, но и взрослые, 25-30 лѣтъ, принялись за ученіе. Предметы ученія—чтеніе преимущественно молитвъ, писемъ и пѣніе. Въ короткое время множество черемисъ стало грамотными и пристрастилось къ чтенію. Для чтенія обыкновенно избираются ими книги религиозно-нравственнаго содержанія, Св. писаніе, четьи-миней, духовные журналы и т. п. Богѣ ревностные изъ черемисъ добровольно и съ энергіей посвящаютъ себя на трудъ учить другихъ грамотѣ и при ея посредствѣ проводить въ жизнь народа истины вѣры и правила жизни христіанской. Духъ благочестія въ народѣ возбуждается въ высшей степени. Все молодое поколѣніе рѣзко отличается отъ стараго водержною жизнію, набожностью и приближеніемъ къ св. храмамъ, самыми усердными заботами о развитіи церковнаго благочестія, строгимъ соблюденіемъ уставовъ Церкви; христіанскій долгъ исповѣди и св. причастія выполняется черемисами съ рѣдкимъ усердіемъ; они гоняются не только въ великій постъ, но и въ другіе, напр., въ успенскій, не смотря на трудную рабочую пору, и притомъ иногда цѣлыми деревнями. Пренія языческія суевѣрія, обряды и обычаи теперь находятъ себѣ приверженцевъ только въ рядахъ людей неграмотныхъ и вообще въ старшемъ поколѣніи сѣкъ инородцевъ. Для твердаго противодѣйствія этой, все еще довольно многочисленной партіи, для окончательнаго искорененія остатковъ язычества въ странѣ, необходимо основаніе одного общаго, православно-просвѣтительнаго центра, который бы давалъ направленіе и поддержку новому противоязыческому направленію и имѣлъ

би своею ближайшею задачею развитіе въ край образованія народнаго въ православно-русскомъ духѣ. Сами чернышскіе первые сознали эту потребность и ходатайствуютъ о дозволѣніи имъ учредить мужескій монастырь со школою на средства, изысканныя ихъ благочестивымъ усердіемъ. Ходатайство сіе получило движеніе въ установленномъ порядкѣ.

Миссіи Иркутско-Забайкальскія и Алтайскія.

Насажденіе вѣры Христовой въ средѣ разноплеменныхъ иновѣрцевъ, обитающихъ въ предѣлахъ Сибири, совершалось преимущественно трудами миссій Алтайской и Иркутско-Забайкальской. Благодаря возрастающему съ каждымъ годомъ общественному сочувствію къ дѣлу проповѣди евангелія, миссіонерская дѣятельность постепенно приобретаетъ большее развитіе.

По учрежденіи въ 1861 году особаго викариата на Байкаломъ съ цѣлію усиленнаго распространенія христіанства, Забайкальская миссія состояла изъ начальника ея преосвященнаго Веніамина и четырехъ штатныхъ миссіонеровъ. Въ теченіи слѣдующихъ четырехъ лѣтъ число это увеличилось болѣе чѣмъ втрое, такъ что въ 1866 году въ Забайкальской миссіи было 18 миссіонерскихъ становъ, 14 миссіонеровъ, въ томъ числѣ 8 іеромонаховъ и 6 священниковъ. Кроме того въ Иркутскомъ отдѣленіи миссій, по ея сторону Байкала, трудилось 5 миссіонеровъ священниковъ. Въ 1866 году назначенъ Святѣйшимъ Синодомъ особый начальникъ Иркутскаго отдѣленія миссій архимандритъ Благоніицкій, бывшій ректоръ Казанской семинаріи, который съ перваго изъявилъ желаніе погрузиться на миссіонерскомъ дѣлѣ.

Алтайскую миссію составляютъ начальникъ ея архимандритъ Владимиръ, главный миссіонеръ С.-петербургской духовной академіи, помощникъ его протодіаконъ Дандицель; 4 священника, 4 іеромонаха, 1 іеродіаконъ и 1 дьячокъ.

Тамъ не менѣе вѣличное количество миссіонеровъ далеко не соответствуетъ потребности. Въ предѣлахъ дѣйствования Иркутско-Забайкальской миссіи обитаютъ болѣе 200 т. иногородцевъ изъ бурятъ, тунгусовъ и чаракасовъ, на протяженіи 3 т. верстъ, отъ Иркутской губерніи до Амурской области вдоль границы Китайской имперіи. Среднимъ числомъ на каждаго миссіонера приходится до 10 т. душъ непріемливыхъ язычниковъ. При томъ, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, цѣра инородцевъ неравномерно распределена между миссіонерами; такъ напримѣръ въ Иркутскомъ отдѣлѣ миссіи священникъ Родіоновъ одинъ несетъ на себѣ труды благовѣстія въ пяти инородческихъ вѣдомствахъ, Кудинскомъ, Капсальскомъ, Верхотенскомъ, Ленскомъ и Олдонскомъ, заплывающахъ въ себя свыше 50 т. душъ.

Недостатокъ въ миссіонерахъ, при огромномъ числѣ ламанниковъ, при обширности пространствъ, на которыхъ развинуты инородческія племена, составляетъ главное препятствіе успѣхамъ миссіонеровъ. Еще большія затрудненія причиняютъ христіанства инородцами преткновенствуются со стороны самихъ язычниковъ, которые, любяща сами въ адычествѣ, стараются и другихъ своихъ соплемянниковъ удерживать отъ крещенія, а противъ крещениковъ обнаруживаютъ открытое противодѣйствіе, что несомненно повелеваетъ дать христіанамъ, для оправданія ихъ безопасности, право набирать нѣтъ собою среды засѣдателя въ степную думу. Ламаишко: др-

ковенство, изъ-за своихъ интересовъ, расчуживъ, также употребляетъ всеуслия, дефакто народъ въ вѣдѣнствѣ и кочевой жизни. Разъѣзжая въ огромномъ числѣ по улусамъ, ламы отклоняютъ бурятъ отъ принятія христіанства хитрыми внушеніями, угрожаютъ желающимъ преставиться разрупонниці наборамъ, отъ которыхъ иногородцы освобождены по закону, земскими повинностями, но ограничены у инородцевъ мѣстными потребностями, принужденіемъ къ хлебопашеству, разными мѣстофранными оборонами на мѣстное управленіе христіанскимъ обществу и т. п. Самую недостаточность христіанскихъ миссіонеровъ, въ противоположность многочисленности и полной свлей (обеспеченности, ламы выставляють какъ доказательство несочувствія правительства къ дѣлу миссіонеровъ. Къ этому присоединяется азувѣрная и сильная денежными средствами среднеазиатская пропаганда. Выходцы изъ Монголіи, дубильники, распускають въ народѣ дальнѣе слухи о навалинкѣ и ташинкѣ послѣдствіяхъ вреденія, распространяють въ тысячахъ экземпляровъ разные воззванія и грамоты, ушавшія будто бы съ неба въ назиданіе грѣшному миру, а въ этихъ посланіяхъ предсказываютъ страшныя бѣдствія всѣмъ тѣмъ, кои рѣшились бы измѣнить ламѣйской вѣрѣ.

Дѣятельность Иркутско-Забайкальской миссіи.

На смотрѣ однакожь на всѣ вреденія, дѣйсствія Иркутско-Забайкальской миссіи сосредоточались значительнаго употребленія. Въ продолженіи 1866 года возпріимана преданія 1,057 язычниковъ шаманскаго и ламійскаго ружверія. Мѣсны миссіи въ томъ время занимались обученіемъ инородческихъ дѣтей грамотѣ въ училищахъ, введенныхъ при нѣкоторыхъ индустриальныхъ

станахъ и миссіонерскомъ посольскомъ монастырѣ. За немногими исключеніями, обучавшіеся дѣти содержались на средства самой миссіи.

Дѣйствія Алтайской миссіи.

Трудами Алтайскихъ миссіонеровъ обращено къ вѣрѣ Христовой въ теченіе 1866 года 490 инородцевъ.

Алтайская миссія, сравнительно съ Иркутско-Забайкальской, находится въ болѣе благоприятствующихъ условіяхъ. Здѣсь на 26 т. дунгъ инородческаго населенія, на пространствѣ 1400 верстъ; отъ Омской области до границъ Семипалатинской области и Китая, заведено 10 миссіонерскихъ становъ съ 11 церквями. Для образованія инородцевъ устроено 10 школъ.

Нѣкоторые изъ обученныхъ при миссіи русской грамотѣ и закону Божію на столько овладѣли, что съ помощью могутъ быть помощниками причетниковъ по церквямъ и училищамъ миссіи и подають надежду сдѣлаться въ послѣдствіи хорошими миссіонерами. Такъ какъ приготовленіе миссіонеровъ изъ среды самихъ инородцевъ, съ обученіемъ ихъ въ духовныхъ училищахъ и съ возведеніемъ на степени священства, можетъ значительно способствовать успѣху евангельской проповѣди между язычниками, то Святѣйшій Синодъ призналъ полезнымъ, согласно съ ходатайствомъ начальника миссіи, облегчить молодымъ алтайцамъ переходъ въ духовное званіе, затруднявшійся доселѣ отъ несогласія на увольненіе ихъ изъ инородческихъ обществъ со стороны секретенныхъ ихъ единоплеменниковъ. Для устраненія этого неудобства найдено нужнымъ распространить на алтайскихъ инородцевъ изъясненіе изъ общаго закона, допущенное въ отношеніи къ людямъ поддан-

ре состоянія въ Россійско-Американскихъ колоніяхъ и въ Якутской и Приамурской областяхъ Восточной Сибири, призываемымъ въ духовное сословіе по сношенію съ ихъ начальствомъ, и соответственно сему сдѣлать дополненіе къ примѣчанію 270 ст. свода 1857 т. IX зак. оост. по прод. 1863 г. предположеніе это было внесено въ Государственный Совѣтъ и, согласно съ его мнѣніемъ, удостоено Высочайшаго утвержденія Вашего Величества въ 9 день мая 1866 года.

Селенія новокрещенныхъ.

Не ограничиваясь проповѣдью евангелія изычникамъ, обученіемъ вѣры и грамотѣ новокрещенныхъ, алтайскіе миссіонеры приучаютъ ихъ къ осѣдлой жизни, знакомятъ съ началами гражданственности. Слѣдуя правилу приснопамятнаго основателя своего архимандрита Макарія, миссія поселяетъ по возможности всѣхъ новокрещенныхъ вблизи миссіонерскихъ становъ и заботится о водвореніи между ними русскаго быта, изъ собственныхъ небогатыхъ средствъ снабжая ихъ всѣмъ необходимымъ для первоначальнаго хозяйственнаго обзаведенія. Такихъ селеній заведено уже до 22.

Миссіонерскіе монастыри.

Железная общепительная община, учрежденная въ 1863 году въ главномъ станѣ миссіи, Удадь, приноситъ большую помощь миссіи въ дѣлѣ ея служенія. 40 сестеръ этой общины изъ новообращенныхъ калмычекъ и татарокъ, подъ духовнымъ руководствомъ прибывшихъ въ Удаду двухъ опытныхъ инокинь Давыдовской пустыни, подаяная примѣръ благочестивой христіанской жизни своимъ соплеменницамъ, принимаютъ на свое попеченіе безпріютныхъ и сиротъ женскаго пола, учатъ но-

вопреки грамотъ; руководящо, отбранивשותу, къ бѣдѣ, уходу за дѣтьми, домашнему хозяйству: Три изъ сестеръ отправлены къ Чемальскій станъ миссіи, гдѣ собрали до 20 ученицъ.

Открытый немного позже Улаинскаго Чульшманскій благоувищенскій монастырь на Телецкомъ озерѣ, предназначенный служить средоточнымъ пунктомъ Алтайской миссіи, оказывается въ высшей степени благотельнымъ учрежденіемъ для края. Новый монастырь постоянно привлекаетъ къ себѣ толпы окрестныхъ инородцевъ; предлагаемое имъ благоувищеніе спасенія, а также исполненное глубокаго назиданія богослуженіе, отправляемое здѣсь какъ на русскомъ, такъ и на природномъ языкѣ алтайцевъ, благотатно дѣйствуетъ на сердца. Число новообращенныхъ постепенно растетъ, такъ что миссія признала нужнымъ приступить къ постройкѣ, вблизи обители, цѣлой новой деревни, Казаковой, для поселенія новокрещенныхъ инородцевъ.

Миссіонерство въ Березовскомъ краѣ Тобольской епархіи.

На сѣверѣ Сибири, въ Березовскомъ уездѣ, Тобольской епархіи, трудятся на поприщѣ просвѣщенія язычниковъ священники с. Обдорска, г. Сургута, и монашествующіе Кондинскаго монастыря. Въ этихъ мѣстностяхъ обитаетъ до 9 т. остяковъ и до 3 т. самодѣдовъ. Изъ нихъ около одной трети приняли уже вѣру христіанскую. Для успѣшнѣйшаго распространенія тамъ христіанства, Святейшій Синодъ озабочивался изысканіемъ возможности увеличить число миссіонеровъ. Между прочимъ, по мысли архіепископа Тобольскаго Варлаама, Святейшимъ Синодомъ было сдѣлано приглашеніе братству Сомоведской обители. На этотъ призывъ отозвался:

полною готовності посвятить себя на трудное миссіонерское служеніе іеромонахъ Сомовецкаго монастыря Иривархъ, изъ студентовъ Тобольской семинаріи, бывшій потомъ священникомъ въ Томской епархіи.

Миссіонерства въ Камчатской епархіи.

Въ Камчатской епархіи къ 1866 году было 11 миссіонерствъ, 5 въ Америкѣ и 6 въ Азій. Кромѣ того обязанность миссіонерства между сосѣдними иныччлннани возложена на священниковъ Удскаго и Гинитинскаго, и одного изъ Камчатскихъ. Главное затрудненіе для миссіонеровъ въ этомъ отдаленнѣйшемъ краѣ Имперіи состоитъ въ неудобствахъ путей сообщенія; въ громадности пространствъ, которыя должны пробужать миссіонеры. Такъ Албазинскій священникъ на одно путешествіе свое къ тунгусамъ, совершаемое частью на верховныхъ оленяхъ, частью водою, на разстояніи свыше 3000 верстъ, долженъ употребить около семи мѣсяцевъ съ большими для себя издержками, весьма тягостными при скудости миссіонерскаго жалованья. Всѣ эти тунгусы, большая часть которыхъ принадлежитъ по гражданскому управленію къ Якутскому вѣдомству, давно охрещены, и составляютъ приходъ Албазинскаго священника. И между другими племенами, обитающими въ предѣлахъ Камчатской епархіи, мало по малу распространяется свѣтъ истинной вѣры. Съ 1866 года начали принимать христіанство голды, живущіе по р. Амуру. Ихъ крещено 36 человекъ; для новообращенныхъ предпринята уже постройка отдѣльнаго храма и школы.

Школы имѣются и въ другихъ мѣстахъ епархіи. Кромѣ того, въ видахъ приготовленія своихъ толмачей для переговоровъ съ сосѣдними манджурами, десять стар-

шихъ воспитанниковъ благовищенскаго духовнаго училища обучены чтенію и писъму по-маджурски.

Присоединенія къ православной Церкви въ Грузіи.

Распространеніе христіанства въ Грузіи продолжалось съ прежнимъ успѣхомъ. Къ болѣе замѣчательнымъ случаямъ въ этомъ родѣ слѣдуетъ отнести просвѣщеніе св. препоиномъ Дальскаго князя Альмаскитъ Мартави, Абхазскаго князя Соулаха Инали-Ипа, и 149 душъ кистинъ въ Тіонетскомъ округѣ.

Общее число принявшихъ въру православную.

Общее число присоединившихся въ 1866 году къ православной Церкви простирается до 55,466. Достоинно вниманія, что присоединенія совершались и совершаются даже при обстоятельствахъ, но видимому самыхъ неблагопріятствующихъ торжеству православныхъ началъ. Въ Варшавской епархіи, напримѣръ, состоящей изъ самой незначительной горсти православныхъ, разбросанныхъ среди сплошнаго иновѣрнаго населенія, никогда не прекращалось приращеніе православной паствы. Въ самый разгаръ польскаго мятежа въ Царствѣ, когда особенно затруднено было дѣйствованіе и вліяніе православной Церкви, она пріобрѣла изъ иновѣрія до 220 новыхъ чадъ; за тѣмъ въ 1865 г. 186, а въ 1866 году 215.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“

ВЪ 1868 ГОДУ.

«Труды Кіевской Духовной Академіи» будутъ издаваться и въ слѣдующемъ 1868 году. Въ этомъ журналѣ будутъ помѣщаться:

I. Лекціи наставниковъ академіи и произносимыя ими церковныя собесѣдованія.

II. Трактаты, очерки и изслѣдованія по разнымъ предметамъ богословской науки, преимущественно по исторіи отечественной церкви.

III. Переводы замѣчательныхъ сочиненій иностранныхъ богослововъ, преимущественно по христіанской апологетикѣ и по церковной исторіи.

IV. Статьи, влѣбшія предметомъ обзоріе и критическую оцѣнку произведеній современной (въ особенности иностранной) богословской литературы и явленій современной жизни.

V. Извѣстія и замѣтки, касающіяся современнаго состоянія отечественной церкви, въ частности духовно-учебныхъ заведеній.

VI. Извѣстія о состояніи церкви у единовѣрныхъ нахъ народовъ, а равно о замѣчательныхъ событіяхъ въ обществахъ христіанскихъ не православныхъ.

VII. Памятники, относящіеся къ исторіи русской церкви и русской духовной литературы, могущіе имѣть интересъ не для однихъ

Христ. Чт. № 2.

21

только специалистовъ, но и для большинства читателей духовныхъ журналовъ.

VIII. Въ приложеніи къ журналу будетъ помѣщаться переводъ твореній блаж. Иеронима и блаж. Августина. Редакція надѣется продолжать также переводъ пророческихъ книгъ Ветхаго Завета, приостановленный по случаю смерти проф. еврейскаго языка М. С. Гуляева.

Подписка принимается преимущественно въ редакціи журнала при «Кіевской Духовной Академіи»; а также въ Москвѣ у книгопродавца А. Н. Федоритова; въ Петербургѣ, у книгопрод. С. И. Литова.

Цѣна за годовое изданіе журнала (12 кн., не менѣе 40 печат. лист. каждая) шесть руб. съ перес.

По той же цѣнѣ можно получать «Труды» и за 1867 и 1866 годъ.

Въ той же редакціи можно получать «Воскресное Чтеніе», еже-недѣльный журналъ, съ XXXVI (1864—65 года) предзнаменованный для народнаго образованія и преимущественно для сельскихъ школъ. Цѣна за годовое изданіе текущаго (XXXI) года (начинающееся съ Пасхи) и прошедшаго XXX года 4 р. с. съ пересылкою. Изданіе «Воскреснаго Чтенія» будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ (XXXII—1868—69) году по прежней программѣ и по прежней цѣнѣ.

Въ той же редакціи предлагаются слѣд. книги по слѣдующей цѣнѣ, съ пересылкою:

- 1) Девять историческихъ книгъ свящ. писанія Ветхаго Завета въ переводѣ съ еврейскаго на русскій языкъ съ примѣчаніями филологическихкими, археологическими, историческими и друг. М. Гуляева. Цѣна съ перес. 3 р. а.
- 2) Творенія св. Кипріана съ біографіею его. Два тома. Ц. 3 р.
- 3) Творенія блаж. Иеронима съ біографіею его. Т. 1-й Ц. 2 р.
- 4) Жизнь и творенія блаж. Августина Ц. 50 к.
- 5) Бесѣды объ отношеніи церкви къ христіанамъ. Я. Е. Аментастрова. Новое изданіе дополненное. Ц. 1 р. съ перес.
- 6) Бесѣды сельск. свящ. къ прихож. (66 бесѣды). Ц. 1 р. 50 к.
- 7) Бесѣды сельск. свящ. къ прихожанамъ (26 бесѣды) Ц. 50 к. а.
- 8) Записки помонника св. горы. Ц. 50 к. а.

- 9) Последние дни жизни патр. Филарета Ц. 40 к. 10) Э. К. Ан-
фиматовъ, Ц. 40. к. с. 11) Дневникъ прот. Ив. Мих. Сквор-
цова. Ц. 1 р. с. 12) Записки по церковному законовѣденію его
же. Ц. 80 к. с. 13) Исторія Ветхаго Завета его же. Ц. 40 к. с.
14) О богослуженіи его же Ц. 50 к. с. 15) О видахъ и степе-
няхъ родства его же Ц. 40 к. с. 16) Кіевъ съ древнѣйшими учи-
лищамъ академіямъ. В. Аполочеваго. Два тома Ц. 8 р. с. 17) Ис-
сѣдованіе о Виблейской хронологіи. Ц. 60 к. с. 18) Михаилъ
Верулягій патр. константинопольскій. Ц. 40 к. с. 19) Историче-
ское обзореніе богослужебныхъ книгъ. Ц. 60 к. с. 20) Москов-
скіе еретики при Петрѣ 1-мъ. Ц. 20 к. с. 21) 6 придорожныхъ
крестахъ. Ц. 50 к. с. 22) Беконъ Верулягій. Соч. Куно Фи-
шера, изданное въ русскомъ изложеніи Ф. Терновскимъ. (Съ пор-
ретомъ Бекона). Цѣна 50 коп. сер. 23) «Земная жизнь Господа
нашего Иисуса Христа». Перев. съ нѣмецкаго подъ ред. проф. кiev-
ской духовной семинаріи X. М. Орды (болѣе 500 стр.) изд. 2-е
Цѣна 1 р. 50 к. сер.

О ПРОДАЖѢ

ТРУДОВЪ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

И

ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ

ЗА ПРЕЖНИЕ ГОДЫ.

Оставшіеся въ редакціи экземпляры «Трудовъ» за первые шесть
лѣтъ изданія журнала (1860—65) продаются по 3 руб. сер. за
годовой экземпляръ съ пересылкою.

Цѣна отдѣльной книгъ «Трудовъ» 50 к. съ перес. Въ той же
редакціи продаются по уменьшенной цѣнѣ экземпляры «Воскреснаго
Чтенія» за первые 29 лѣтъ существованія журнала. Имѣются въ

21*

продеть слѣдующіе годы: I (1837—38), II (38—39), IV (40—41), V (41—42), VI (42—43), VII (43—44) IX (45—46), X (46—47), XI (47—48), XII (48—49), XIV (50—51), XV (51—52), XVI (52—53), XVII (53—54), XVIII (54—55), XIX (55—56), XX (56—57), XXI (57—58), XXII (58—59). XXIII (59—60) XXIV (60—61), XXV (61—62). XXVI (62—63), XXVII (63—64), XXVIII (64—65) XXIX (65—66). Цѣна за экз. каждаго года съ перес. 2 руб. сер. Выписывающіе одновременно не менѣе 10 экземпляровъ «Воскреснаго Чтенія» прежнихъ годовъ платятъ только по 1 р., 50 к. с. за экземпляръ и получаютъ безплатно указатель къ 25 годамъ «Воскреснаго Чтенія». Цѣна указателя отдѣльно 50 к. с.

О ВЪ ИЗДА Н І И

К І Е В С К И Х ъ Е П А Р Х І А Л Ъ Н Ы Х ъ В Ѣ Д О М О С Т Е Й

ВЪ 1868 ГОДУ.

«Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости» будутъ издаваться и въ наступающемъ 1868 г. съ 1-го января, по той же программѣ, утвержденной св. синодомъ, два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 16-го числа выпусками отъ 1¹/₂ до 3-хъ листовъ.

Цѣна остается прежняя. т. е. съ пересылкою и безъ пересылки *три рубля серебромъ*.

Подписка принимается въ Кіевѣ: 1) въ кіевской духовной консисторіи. 2) у редактора протоіерея П. Лебединцева. На Старомъ Кіевѣ. и 3) въ книжномъ магазинѣ С. И. Литова—на Крещатикѣ.

Иногородные подписчики благоволятъ адресоваться такъ: Въ редакцію *Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей въ Кіевѣ*, означая званіе, имя, фамилію и мѣсто жительства.

«Редакція Епархіальныхъ Вѣдомостей» покорнѣйше проситъ всѣхъ

образованныхъ лицъ, содѣйствовать ей своими трудами. Въ особенности она приглашаетъ всѣхъ священнослужителей кievской епархіи сообщать ей свѣдѣнія относящіяся къ историко-статистическому описанію сей епархіи, а также—акты, грамоты и другіе документы, касающіеся исторіи церкви и духовенства кievской епархіи.

Редакторы: протоіерей *Петръ Лебедимцевъ*.

Протоіерей *Алексій Колосовъ*.

О ВЪ И З Д А Н І И

ТАМБОВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВЪДОМОСТЕЙ

ВЪ 1868 ГОДУ.

«Тамбовскія Епархіальныя вѣдомости» будутъ выходить въ 1868 г. по утвержденной святѣйшимъ синодомъ программѣ и, какъ было прежде, два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го числа.

Подписка принимается въ квартирѣ редактора вѣдомостей, Ректора семинаріи архимандрита Геннадія. На имя редактора редація проситъ адресовать деньги, высылаемыя за Вѣдомости. Цѣна Вѣдомостей за годовое изданіе, съ пересылкою, 4 руб. 25 коп.—Желающіе могутъ выписывать Вѣдомости и за прежніе годы. Цѣна прибавленій къ Вѣдомостямъ за прежніе годы—1861, 1862, 1863, 1864, 1865,—6 р. съ перес.

При редакціи имѣется въ продажѣ «Сборникъ сочиненій Іоанна Златоустаго». Цѣна 40. коп. съ перес.

Въ редакціи продается еще переводъ съ французскаго, замѣчательнѣйшаго въ богословскомъ отношеніи, сочиненія:

«Философскія размышленія о Божественности Редвиги Христіанской».—*Оюста Николл*.

Цѣна книги, соотвѣтственно ея достоинству и объѣму, полагается самая умѣренная — 2 руб. съ чересылкою, а безъ чересылки 1 руб. 50 коп.

Редакторъ ректоръ семинаріи архимандритъ *Геннадій*.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ“
ВЪ 1868 ГОДУ (ШЕСТОМЪ).

«Вѣстникъ Западной Россіи» остается неизмѣнно вѣрныиъ четыремъ рубрикамъ прежней своей программы, именно:

Отдѣлъ I. Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ книги, относящіеся къ церковной гражданской и народобытовой исторіи Западной Россіи, въ *буксальничьихъ* спискахъ съ подлинниковъ, съ переводомъ на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ, — съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій тѣхъ документовъ, которые писаны на древнемъ русскомъ языкѣ, и съ прибавленіемъ необходимыхъ примѣчаній.

Отдѣлъ II. Очерки и рассказы изъ событій прошедшаго быта и нравовъ, на основаніи источниковъ для исторіи западной Россіи, — научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ, біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ, свѣдѣнія о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣвшихъ историческое значеніе, и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

Отдѣлъ III. Критика сочиненій и статей, относящихся къ Западной Россіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ, — опроверженіе вымысловъ и клеветъ на Россію и правосла-

віе; розбратанямагы пачату прагани многаг отечества; обличеніе ихъ во всякомъ искаженіи фактовъ, — вообще полемика се зобича, чте направлено къ нарушенію благосостоянія и дѣлности нашей вѣры и народности.

Отдѣлъ IV. Повѣсти, разказы, очерки, описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной Россіи, вь связи съ ея прошедшею исторіею, — сужденія о заграничныхъ сравнительныхъ племенахъ вообще и въ особенноти о племенахъ, принадлежащихъ прежде къ Россіи, — о русской грамотности и распространеніи ея въ областяхъ западной Россіи, — новыя губернаторскыя постановленія и мѣстные административныя распоряженія, преимущественно касающіяся оныхъ областей, — извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной Россіи, — библиографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ эти области, — некрологи и разныя мелкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ Корреспонденціи, Объявленія, и проч.

Вѣстникъ будетъ выходить съ января мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Вильнѣ, въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ Г. И. Феннера, б. Семковскаго; въ С.-Петербургѣ, у комиссіонера «Вѣстника», книгопродавца А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, у Базанскаго моста, въ домѣ Ольгиной; въ Москвѣ, у такогоя комиссіонера, книгопродавца А. Н. Черепантова, на Никольской улицѣ, во Флигелѣ Заиконоспасскаго монастыря и у книгопродавца з. Черемина, на Никольской улицѣ; въ Варшавѣ, у книгопродавца з. Коржанчикова; въ Ковнѣ, въ книжномъ магазинѣ Косморова и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцовъ Имперіи.

ЦѢНА «ВѢСТНИКА»:

Для жителей Вильны, безъ доставки б р. 50 к., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями

несомнительно въ редакцію журнала: «Вѣстникъ Западной Россіи», въ Вильну.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: редактору-начителю «Вѣстника» Ксенофону Антоновичу *Говорскому*, въ Вильну.

Для желающихъ выпустить «Вѣстникъ» за истекшіе годы дѣлается уступка: за 1862—63 годъ, для жителей Вильны, по 5 рублей, для иногородныхъ по 6 руб.; за 1863—64 годъ — для первыхъ по 5 рублей 50 копѣекъ, для послѣднихъ по 7 руб., за 1864—65, 1865—66 и 1867 годы — для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. 50 к. Для выписывающихъ «Вѣстникъ», за истекшіе годы по менѣе 10 экземпляровъ дѣлается 5% — уступки въ цѣнѣ, по менѣе 25,—10%,—50,—15%—100,—20%.

Редакторъ-начитель *К. Говорскій*.

ОТЪ ХОЗЯЙСТВЕННОГО УПРАВЛЕНІЯ ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СУНODѢ.

Въ с.-петербургскія сунодальныя книжныя лавки: на Петровской площади въ зданіи святѣйшаго сунода и въ домѣ православнаго духовнаго вѣдомства на Литейной, № 36, поступилъ въ продажу вновь отпечатанный

„СЛУЖЕБНИКЪ“

въ 32-ю д. л., черн. печ. съ кинноварью, по слѣдующимъ цѣнамъ: въ переплетѣ бумажномъ по 30 к. въ американской клеенкѣ, или въ англійскомъ колленкорѣ, по 70 к.; въ гладкомъ сафлигѣ, безъ золот. образа, по 1 р. 10 к., въ шагрен. сафлигѣ, съ золот. или краснымъ обрѣзомъ по 1 р. 45 к.

Сверхъ того продается изданный въ томъ же форматѣ «Требникъ» съ кинноварью и безъ кинновари, и въ непродолжительномъ времени поступитъ въ продажу напечатанный уже «Часословъ».

Гг. иногородные сверхъ денегъ за книги, прилагаютъ пересылочную плату по почтовой таксѣ.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХ ПАСТЫРЕЙ

въ 1868 году.

Журналъ «*Руководство для сельскихъ пастырей*», издаваемый по благословенію святѣйшаго синода, при кievской духовной семинаріи, продолжится и въ слѣдующемъ 1868 году, и начнетъ съ 1-го января девятый свой годъ.

Этотъ журналъ, избравъ однажды особенную цѣль — способствовать сельскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ служеніи строителей тавны Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, будетъ имѣть въ виду эту цѣль неимѣнно; постоу и въ слѣдующемъ году онъ будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же направленіи, какихъ держался до сихъ поръ.

Въ составъ «Руководства для сельскихъ пастырей», по программѣ, утвержденной святѣйшимъ синодомъ, будутъ входить:

I. Поученія къ простому народу различнаго содержанія: догматическаго, нравственнаго, обрядоваго и проч., а также извлеченія и выписки изъ твореній св. отцевъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части сельскихъ церковныхъ библиотекъ.

II. Исслѣдованія о разныхъ церковныхъ и духовно-нравственныхъ предметахъ, приспособительными въ потребностямъ сельскаго священника какъ въ церковной проповѣди, такъ и въ частныхъ его бесѣдахъ съ прихожанами.

III. Произведенія проповѣдническаго литературы пренягаго времени, преимущественно тѣ, которыя отличаются своего рода современностію, простотою и общеняитностію.

IV. Оригинальныя статьи по части отечественной исторіи, а также матеріалы, относящіеся къ ней, съ надлежащемъ ихъ обработкою. Изъ матеріаловъ набираются исключительно тѣ, которые по содер-

жанию своему могут имѣть какое либо отношеніе къ потребностямъ священника или его паствы.

У. Забѣжанія, совѣты и наставленія, пригодныя сельскому священнику въ разныхъ случаяхъ его пастырской жизни и дѣятельности. И во 1-хъ, забѣжанія касательно отправленія богослуженія, благочинія церковнаго, совершенія таинствъ, обращенія съ прихожанами, отношенія къ вносаѣрцамъ и т. под. Во 2-хъ, замѣтки о характеристическихъ чертахъ простаго народа и о томъ, какъ пользоваться ими для успѣшнаго дѣйствованія на нравственность прихожанъ. Въ 3-хъ, свѣденія о благочестивыхъ мѣстныхъ обителяхъ и учрежденіяхъ, а также о предрасудкахъ, суевѣріяхъ, противныхъ духу православной вѣры и Церкви, съ указаніемъ, когда нужно, историческаго происхожденія тѣхъ и другихъ. Въ 4-хъ, замѣтки касательно обученія въ сельскихъ школахъ дѣтей прихожанъ, матеріалы для уроковъ въ церковно-приходскихъ школахъ и соображенія о первоначальномъ воспитаніи дѣтей священно и церковнослужительскихъ. Въ 5-хъ, библиографическія статьи о вновь выходящихъ книгахъ, особенно пригодныхъ сельскому священнику, и замѣтки по поводу журнальныхъ статей, касающихся сельскаго духовенства въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Сверхъ того иногда сообщаются: 1) общія замѣчательныя извѣстія, касающіяся русской Церкви и въ частности—свѣденія о достойныхъ вниманія распоряженіяхъ, учрежденіяхъ и церковныхъ событіяхъ въ разныхъ епархіяхъ; 2) свѣденія о положеніи единовѣрцевъ нашихъ въ Австріи и Турціи, и наконецъ 3) извѣстія и сужденія о замѣчательныхъ религіозныхъ явленіяхъ и переживаніяхъ въ католическомъ и протестантскомъ обществахъ.

Само собою разумѣется, что невозможно дать въ одинъ годъ полный объемъ всѣмъ указаннымъ отдѣламъ въ журналѣ, выходящемъ еженедѣльно, безъ опредѣленныхъ рубрикъ. Развѣтвіе того или другаго отдѣла указывается современными потребностями пастырей и пасомыхъ; поэтому главное вниманіе будетъ обращено на рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые вызываются текущими обстоятельствами; впрочемъ, для того, чтобы журналъ нашъ могъ доставить сельскимъ пастырямъ руководительное и образовательное чтеніе не для одного только года, но и на будущее время, въ немъ

но будут оставлены без внимания и дружию редакци его, обозначенным въ програмѣ.

Статьи постороннихъ сотрудниковъ, соответствующія цѣли и характеру изданія, будутъ помѣщены съ благодарностію и вознагражденіемъ. Редакція, на основаніи цензурныхъ правилъ, покорнѣйше просить гг. сотрудниковъ переписывать свои статьи разборчиво и съ полями для отиѣтокъ цензуры, и заявлять редакціи свои фамиліи и въ такомъ случаѣ, еслибы не помешали печатать ихъ подъ статьями своими.

«Руководство для сельскихъ пастырей» выходитъ еженедѣльно отдѣльными номерами, въ 3-ю долю листа, въ объемѣ отъ одного до двухъ съ половиною печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, каждый приблизительно отъ 30-ти до 35 печатныхъ листовъ, съ особымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ.

Подписная цѣна на мѣствѣ 4 руб., съ доставкою на домъ и пересылкою во всѣ мѣста внутри Россіи 5 руб. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ консисторій, духовныхъ правленій и благочинныхъ можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1868 года.

Въ редакціи находятся также экземпляры «Руководства для сельскихъ пастырей» за 1861, 1863, 1864, 1865, 1866 и 1867-и годы. Желающіе могутъ получить оныя въ бумажномъ переплетѣ, по обыкновенной цѣнѣ съ пересылкою 5 руб. Подписчикамъ рекомендуемъ обращаться съ своими требованіями: Въ редакцію «Руководства для сельскихъ пастырей» въ Кіевѣ.

Редакція «Руководства для сельскихъ пастырей», заботясь объ улучшеніи своего изданія по внутреннему его содержанію, въ то же время употребляетъ зависящія отъ нея мѣры къ своевременной и аккуратной высылкѣ подписчикамъ №№ журнала; гг. же подписчиковъ, живущихъ вдали отъ почтовыхъ конторъ, покорнѣйше проситъ, чтобы они въ адресахъ своихъ означали губернію, уѣздъ и село, куда слѣдуетъ высылать журналъ, и разборчиво прописывали званіе и фамилію получателя. Въ случаѣ неполученія подписчиками какихъ нибудь №№ журнала, редакція покорнѣйше проситъ обращаться къ ней съ своими требованіями, которыя немедленно

будутъ удовлетворены, по приѣзду прошлыхъ годовъ, если только, по справкѣ съ почтовымъ вѣдомствомъ, окажется, что вторично требуемые №№ действительно не посланы.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Архимандритъ *Феоктистъ*.

ВЪ РЕДАКЦИИ „РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“
МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ:

З Е М Н А Я Ж И З Н Ъ

ГОСПОДА СПАСИТЕЛЯ НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА.

Переводъ съ нѣмецкаго *Х. М. Орды*. — Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою. — Выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ пользуются уступкою 20 процентовъ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

ПРАВОСЛАВНОЕ СОВѢСЛОВИТЕЛЬНОЕ БОГОСЛОВІЕ

ИЛИ

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГОМИЛЕТИКА

(ТОМЪ ПЕРВЫЙ. НЕДЕЛИ ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ I — XVII)

для всѣхъ мірянъ вообще, въ особенности же для пастырей Церкви, равно какъ для воспитанниковъ духовн. академій и семинарій. Соч. протоіеря *И. Толмачова*. Цѣна 2 руб. Продается преимущественно у автора, въ домѣ придворнаго духовенства, противъ Таврическаго дворца, а также у извѣстныхъ книгопродавцевъ въ С.-Петербургѣ.

О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ

НА СООРУЖЕНІЕ НАДГРОВНАГО ПАМЯТНИКА И БЮСТА
ПРОФЕССОРУ В. И. КАРПОВУ,

ПОСТУПИВШИХЪ СЪ 7-ГО ДЕКАБРА ПО 20-Е ЯНВАРЯ.

Почитателями, сослуживцами и бывшими слушателями покойнаго профессора С.-петербургской духовной академіи В. И. Карпова сдѣланы пожертвованія на памятникъ и бюстъ почившему въ слѣдующемъ количествѣ:

Ректоромъ академіи, прот. *Г. Ямышевскіи*—30 р.;
в. проф. *А. Предтеченскіи*—15 р.; священникомъ *К. Блявскіи*—25 р.; свящ. *Г. Благовѣщенскіи*—25 р.;
прот. *Ф. Сперанскіи*—3 р.; свящ. *Н. Парійскіи*—5 р.;
прот. *С. Галаховскіи*—15 р.; прот. *Г. Дебольскіи*—10 р.; прот. *Б. Крупскіи*—10 р.; инспекторомъ академіи архимандр. *Хрисановскіи*—25 р.; прот. *А. Павловскіи*—5 р.; в. проф. *И. Троицкіи*—10 р.; прот. *В. Гречулевичскіи*—25 р.; коллежск. сов. *М. Верещинскіи*—10 р.; профессорами академіи *Е. Ловянинскіи*, *М. Колосовичскіи*, *И. Нильскіи*, *И. Чистовичскіи*, *М. Голубевскіи* по 10 р.—50 р.; *Т. Филиповскіи*—5 р.; свящ. *В. Серафимовскіи*—5 р.; прот. *А. Быстроумовскіи*—6 р.; врачомъ академіи *И. Лебединскіи*—5 р.; экстр. проф. *Н. Глоріантовскіи*—3 р.; бывшимъ проф. академіи *В. Левисономскіи*—10 р.; бакал. академіи *Т. Барсовскіи*—10 р.; *А. Верещинскіи*—3 р.; свящ. *Гумилевскіи*—3 р.; студентомъ академіи *Я. Ивановскіи*—3 р.; свящ. *Д. Соколовскіи*—5 р.; свящ. *Н. Мансветовскіи*—5 р.; архим. *Иннокентіевскіи*—10 р.; *И. Вольскіи*—3 р.; *В. Блявскіи*

вымъ—3 р.; бакк. академіи *П. Комаровымъ*—5 р.; свящ. *Б. Соколовымъ*—3 р.; *наличными студентами ХVІІІ и ХХІХ курсовъ акад.*—85 р. 10 в.; свящ. *В. Тихомировымъ* 3 р.; свящ. *З. Образцовымъ*—5 р.; прот. *П. Никитскимъ*—6 р.; свящ. *Г. Крыловымъ*—3 р.; прот. *В. Никитинымъ*—5 р.; прот. *А. Цепрооскимъ*—8 р.; свящ. *І. Гратинскимъ*—5 р.; *однимъ изъ бывшихъ воспитанниковъ академіи*—1 р.; свящ. *Брянцовымъ*—3 р.; *Б. Платоновымъ*—3 р.; прот. *А. Соколовымъ*—5 р.; колл. сов. *В. З. Мандюковскимъ*—3 р.; старостою академ. церкви *А. Целищевымъ*—15 р.; проф. академіи *И. Осининымъ*—10 р.; прот. *Б. Добронравинымъ*—10 р.; свящ. *В. Зосимовскимъ*—3 р.; свящ. *Н. Вирославскимъ*—5 р.; *Антоніемъ*, епископомъ Старицкимъ—5 р.; свящ. *Л. Петровымъ*—20 р.; ректоромъ С.-петерб. дух. семинаріи архим. *Павломъ*—10 р.; проф. семин. *А. Щелкуновымъ*—3 р.; экон. сем. *П. Троицкимъ*—3 р., свящ. *А. Никольскимъ*—10 р.; прот. *В. Полисадовымъ*—10 р., свящ. *И. Карашевичемъ*—3 р.; свящ. *П. Травлинскимъ*—3 р.; свящ. *С. Опатовичемъ*—3 р.; свящ. *Б. Стефановичемъ*—3 р.; свящ. *І. Цвѣтковымъ*—5 р.; свящ. *І. Образцовымъ*—3 р.; проф. сем. *Н. Барсовымъ*—2 р.; проф. сем. *Л. Гурновымъ*—2 р.; проф. сем. *А. Свѣтилинымъ*—2 р.; прот. *І. Скроботовымъ*—10 р.; проф. сем. *Вл. Довячинымъ*—2 р., прот. *А. Колоколовымъ*—3 р.; свящ. *Д. Флоринскимъ*—3 р.; свящ. *Б. Никольскимъ*—3 р.; свящ. *В. Головиннымъ*—3 р.; прот. *І. Цвиневымъ*—3 р.; свящ. *М. Предтеченскимъ*—5 р.; свящ. *Б. Селининымъ*—3 р.; свящ. *В. Черняевскимъ*—2 р.; прот. *В. Протопоповымъ*—3 р.; свящ. *Мих. Горчаковымъ*—3 р.; свящ. *Д. Тихомировымъ*—3 р.; свящ. *Фед. Павловичемъ*—3 р.; свящ. *Б. Галинскимъ*—3 р.; свящ. *Л. Богдаповскимъ*—3 р.; прот. *В. Славинскимъ*—1 р.; свящ. *Н. Большимъ*—1 р.; свящ. *Н. Малиновскимъ*—5 р.; дѣаков. *В. Смирницкимъ*—

2 р.; священ. *Петръ Спосародскимъ*—3 р.; прот. *Н. Седальскимъ*—5 р.; священ. *Г. Пробрядскимъ*—1 р.; прот. *Шабраковскимъ*—1 р.; священ. *А. Семеновскимъ*—5 р.; прот. *Д. Берисовскимъ*—3 р.; священ. *В. Георгиевскимъ*—3 р.; священ. *Г. Горскимъ*—3 р.; священ. *В. Гиларовскимъ*—3 р.; священ. *В. Михайловскимъ*—6 р.; священ. *Матей Волковъ*—2 р.; прот. *Е. Опатовичемъ*—3 р.; проф. сем. *П. Голосымъ*—2 р.; священ. *И. Спаскимъ*—5 р.; прот. *П. Солярскимъ*—5 р.; священ. *Г. Соболевскимъ*—3 р.; священ. *М. Морозинскимъ*—5 р.; диак. *Н. Волбуевскимъ*—3 р.; священ. *П. Краснополскимъ*—2 р.; священ. *В. Масловскимъ*—3 р.; священ. *Н. Булаковскимъ*—2 р.; священ. *Н. Георгиевскимъ*—5 р.; диак. *Андр. Давыдовымъ*—3 р.; священ. *А. Преображенскимъ*—3 р.; священ. *А. Неполитовскимъ*—2 р.; священ. *П. Имерскимъ*—2 р.; прот. *А. Базарниновымъ*—3 р.; священ. *П. Цытковымъ*—3 р.; священ. *Г. Цытковымъ*—3 р.; прот. *Г. Гиларовскимъ*—3 р.; прот. *Петромъ Горизантовымъ*—5 р.; проф. сем. *И. Страталатовымъ*—2 р.; священ. *Г. Лебедевымъ*—3 р.; прот. *М. Орловымъ*—3 р.; прот. *Г. Яхонтовымъ*—5 р.; священ. *Н. Верховскимъ*—3 р.; наст. семинаріи *Н. Вишняковымъ*—2 р.; прот. *Г. Любимовымъ*—5 р.; священ. *Цы. Жвановымъ*—2 р.; священ. *П. Слопскимъ*—5 р.; священ. *В. Предтеченскимъ*—2 р.; *Иваномъ Ив. Лапто*—2 р.; преосвященнымъ *Леонтиемъ*, епископомъ подольскимъ—15 р.; проф. *В. Долоцкимъ*—10 р.; проф. *И. Чельцовымъ*—5 р., бакалавромъ священ. *Л. Павловскимъ*—10 р.; священ. *П. Лебедевымъ*—10 р.; прот. *Самуиломъ Михайловскимъ*—10 р.; священ. *Николаемъ Делицынымъ*—3 р.; прот. *Александремъ Лавровскимъ*—5 р.

Всего записано пожертвованій съ 7-го декабря 1867 г. по 20-е января 1868 г.: восемьсотъ тридцать одинъ руб. десять коп. (831 р. 10 к.)

Пожертвованія продолжаютъ приниматься въ канце-

лярін С.-петербургской духовн. академіи секретаремъ экстраординар. проф. А. Предтеченскимъ — ежедневно съ 8 до 12 часовъ утра. Они вносятся въ особую книгу, и своевременно будетъ опубликованъ отчетъ о количествѣ ихъ, о лицахъ дѣлавшихъ оныя и объ употребленіи—подробный въ „Христіанскомъ Читеніи“, и въ „Современномъ Листѣ“, и краткій въ „Странинкѣ“,

Всѣ жертвователи получаютъ по экземпляру фотографическихъ карточекъ В. Н. Карпова и по экземпляру книжки, посвященной „Памяти его“. Въ случаѣ значительнаго числа пожертвованій предполагается купить для академіи у наследниковъ покойнаго его богатую философскую бібліотеку, которая въ академическомъ книгохранилищѣ сохранитъ названіе: „Карповской“. Требования на изданія покойнаго—1) *Систематическое изложене логики*—(цѣна безъ перес. 1 р. 50 к., на перес. за 2 ф.), и 2) *Сочиненія Платона въ русскомъ переводѣ* (4 тома безъ перес. 5 р., съ перес. 6 р.) могутъ быть адресуемы на имя канцеляріи академіи. — Здѣсь же желающіе могутъ получить хорошій *литографированный портретъ* Василья Николаевича, цѣна безъ пересылки 1р., съ пересылкою въ пакѣ 1 р. 50 к.

Секретарь вѣстр. проф. *Андрей Предтеченскій.*

С Л О В О

ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

И рече ему Иисусъ: аминь, славолю тебе, днесь со мною будешь въ рай (Луки 23, 43).

Мысль христіанина обращена сегодня къ востоку, къ Іерусалиму, на Голгоѳу. Тамъ, на этой горѣ, вѣкогда воздвигнуты были три креста, три орудія смертной казни. На одномъ изъ нихъ былъ пригвожденъ Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ; на двухъ другихъ, по обѣимъ сторонамъ Его, были повѣшены два разбойника. У подножія креста Господня—изнемогавшая подъ бременемъ душевныхъ страданій Богоматерь и Святый Іоаннъ, любовь котораго къ Учителю не могла его оторвать отъ Господа и тогда, когда другіе ученики, даже въ другихъ случаяхъ неустрашимый Петръ, оставили Его. Толпа римскихъ воиновъ и іудеевъ покрывала все это мѣсто казни.

Вчера и сегодня изъ Евангельскихъ чтеній и церковныхъ пѣсней, мы неоднократно слышали, христіане, что говорилось и что дѣлалось на этомъ мѣстѣ казни, въ этотъ часъ предсмертныхъ страданій Спасителя нашего: каждое Его слово со креста, каждое изъ окру-

жавших Его лицъ, каждое изъ совершавшихся во-кругъ Его дѣйствій приковываютъ къ себѣ вниманіе наше. На этотъ разъ остановимъ его на словахъ, обращенныхъ Господомъ къ покаявшемуся разбойнику: *аминь глаголю тебѣ, днесъ со мною будещи въ рай, и какъ сами—люди грѣшныя и христіане недостойныя, у него, у этого разбойника, поищемъ назиданія и утѣшенія для себя въ эти священныя минуты собранія нашего.*

Замѣтимъ прежде всего, что и того разбойника, который вмѣстѣ съ ослѣпленною толпою іудеевъ злословилъ Господа и повторялъ съ ними: „если Ты Христосъ, спаси Себя и насъ“, Господь нашъ не осудилъ. Да и чѣмъ этотъ разбойникъ, уже находившійся въ рукахъ власти и наказываемый, былъ хуже той свободной толпы, которая кричала: *распи, распи Его, и издѣвалась надъ Господомъ? Но и этой толпѣ, въ тягостныя минуты Своихъ страданій, Господь отвѣчалъ не осужденіемъ или проклятіемъ, а глубокою молитвою къ Отцу Небесному: Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ.* Таковъ отвѣтъ злобѣ мірской отъ Того, Кто пришелъ въ міръ не за тѣмъ, чтобы судить міръ, но чтобы спасти его, Кто и намъ говорить: *благовословите кленущія вы, и молитесь за творящихъ вамъ напасть* (Мѣ. 5, 44.)

За то другому разбойнику, который унималъ перваго и говорилъ: „мы достойное по дѣламъ нашимъ приняли, а Опъ ничего худаго не сдѣлалъ, и молился: *помяни мя Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ*“,— этому разбойнику Господь далъ величайшее изъ всѣхъ утѣшеній, какого даже не удостоивались и сами ученики Господа: *аминь глаголю тебѣ, сказалъ ему страж-*

дущій Спаситель, *днесъ со Мною будешьъ въ раи* (Луки. 23, 40—43).

Не спѣшите однакоже, братіе, думать, что и этотъ разбойникъ однимъ минутнымъ раскаяніемъ, одною мгновенною, хотя бы и самую искренною и горячею, молитвою удостоился Царствія Божія, которое, по слову Самого же Спасителя, *нудитсѣя*, т. е. борьбою и трудомъ достигается. Нѣтъ: въ такомъ случаѣ мы не научились бы ничему доброму и у этого разбойника, а скорѣе имѣли бы новый поводъ дать волю нашимъ дурнымъ наклонностямъ и надѣяться, что и предъ смертію еще можно легко покаяться; тогда мы должны были бы сказать, что въ послѣдованіи за Христомъ, въ христіанской жизни, нѣтъ постепенности, порядка, закона, что Спаситель напрасно требуетъ отъ Своихъ учениковъ, чтобы они для Его царствія отверглись себя, каждый день несли крестъ Его и неуклонно шли за нимъ. Нѣтъ; разбойникъ, какъ и самъ онъ исповѣдуется, правда по дѣламъ былъ преданъ смертной казни; но какъ можно, не дѣлая уголовныхъ преступленій предъ закономъ, быть въ тоже время ожесточеннымъ злодѣемъ, что видно на фарисеяхъ и другихъ іудеяхъ, хладнокровно осудившихъ Спасителя на смерть и—нераскаявшихся,—такъ и на оборотъ можно совершить преступленіе не по ожесточенности сердца во злѣ, но по временному увлеченію, по заблужденію, по страсти, которыя тяжко виновны, но не лишаютъ возможности покаяться.

Что покавшійся разбойникъ и въ прежней жизни, до встрѣчи со Спасителемъ на крестѣ, не лишень былъ чувства добра, что онъ почиталъ правду, что онъ нѣкогда жилъ нравственно—лучшею жизнію, это видно

22*

изъ того уже, что на крестѣ своемъ онъ ведетъ себя совсѣмъ не такъ, какъ нераскаянный разбойникъ: не участвуетъ съ нимъ въ Богохульствѣ, спокойно останавливаетъ его искреннимъ сознаниемъ, что они оба заслужили свое наказаніе, — твердо говоритъ о Спасителѣ, что Онъ ничего худаго не сдѣлалъ. Нѣтъ; такой разбойникъ походить не на ожесточеннаго злодѣя, внезапно и чудесно измѣнившагося, а скорѣе на каждаго изъ насъ, кто уже призванъ Господомъ, знаетъ Его святыя заповѣди, но не слѣдуетъ имъ неуклонно, сбивается съ добраго пути, и къ старости, къ концу жизни узнаеть, какъ глубоко онъ погрязъ во злѣ. Потому-то для насъ такъ и поучительно поведеніе покаившагося разбойника! Потому-то сердце наше такъ любить молиться молитвою его: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ.*

Однакоже намъ все еще не понятно: почему Господь молитву разбойника пріемлетъ съ такимъ необычайнымъ благоволеніемъ, вводитъ его немедленно въ райское общеніе съ собою, — тогда какъ другіе ученики Господа для этого царствія Вошія гораздо ранѣе должны были оставить свои семейства, дома, и цѣлую жизнь подвизаться, — или когда въ другихъ случаяхъ, напр. женѣ хананейской, такъ смиренно и горячо молившей о крупицахъ, падающихъ съ господской трапезы, Спаситель, хотя и исцѣлилъ ея дочь и похвалилъ ея вѣру, но не далъ обѣтованія общенія съ Собою *вз раи?*

Но, братіе, вѣра разбойника была по истинѣ велика, такъ велика, что если бы Господу со креста можно было бесѣдовать о ней съ учениками, какъ это Онъ дѣлалъ въ другихъ случаяхъ, то, быть можетъ, Онъ сказалъ бы объ ней то же, что говорилъ нѣкогда о рим-

скомъ сотникѣ: *ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ* (Лук. 7, 9). Подумайте,—сказать о Спасителѣ, что Онъ ничего худаго не сдѣлалъ,—тогда какъ Онъ цѣлые года возвѣщалъ, что для несчастнаго народа іудейскаго наступило новое царствіе, и что Онъ Самъ есть Основатель и Глава этого царствія, а между тѣмъ теперь находится во власти враговъ своихъ; сказать о Немъ, что Онъ ничего худаго не сдѣлалъ, когда Онъ у всѣхъ своихъ послѣдователей отнял всякую надежду на временное царство и когда при жизни уstraшенные самые близкіе ученики Господа оставили Его; сказать о Спасителѣ, что Онъ ничего худаго не сдѣлалъ и молиться Ему, какъ Царю Небеснаго Царствія, когда еще не было ни воскресенія, ни сошествія Святаго Духа, когда еще не извѣстно было, чѣмъ кончится судьба всей евангельской проповѣди, навлекшей на Иисуса ненависть власти и народа, и когда Онъ Самъ на ряду съ разбойниками умираетъ позорной смертію,—это сказать и такъ молиться могла только душа, способная въ страждущемъ Христѣ прозрѣть истиннаго Бога, могла только вѣра, которой не было подобной во время жизни Спасителя, такая вѣра, которая выше всѣхъ земныхъ расчетовъ, которая не колеблется въ счастья и несчастія, въ жизни и смерти, и которая и есть истинно—христіанская, животворная и спасительная. Вотъ этой-то вѣрѣ поучаетъ насъ разбойникъ со креста; этою-то вѣрой должны быть проникнуты и наши души, если мы, предстоя нынѣ мысленно кресту Господню, вмѣстѣ съ разбойникомъ желаемъ усвоить себѣ обѣтованіе: *Амишь, малою тебѣ, днесъ со мною будещи въ рай.*

Днесъ со мною будещи въ рай. Утѣшеніе достойное великой вѣры! Разбойнику не нужно было объяснать,

что такое рай, ожидавший его. Ему было ясно и утѣшительно одно то, что въ этомъ раю онъ будетъ съ Господомъ: *со Мною будешь*, а душа этого великаго Страдальца, разбойникъ уже видѣлъ и чувствовалъ это, ни на минуту не разлучалась съ Отцемъ Небеснымъ. Онъ, на его глазахъ, съ неземнымъ миромъ и кротостію переносилъ страданія и поруганія отъ народа Своего; Онъ на его глазахъ, съ любовью среди крестныхъ мученій молился за своихъ убійцъ, — продолжалъ созерцать дѣла Бога—Отца Своего, въ Его лицѣ совершавшіяся для искупленія рода человѣческаго, — Онъ наконецъ съ такою кроткою, дѣтскою покорностію, предалъ духъ свой въ рудѣ этого Отца Своего! Быть вмѣстѣ съ такимъ Божественнымъ Мученикомъ для разбойника уже и на крестѣ значило предвкушать рай, раздѣлять съ Нимъ чувства любви, преданности въ волю Божию, мира со всѣмъ миромъ; а эти чувства, какъ много должны были усладить въ разбойникѣ горечь воспоминанія о содѣянныхъ имъ преступленіяхъ, и коль много возвышать его и надъ всѣми ужасами смерти въ остальные часы его жизни на крестѣ! Припомнимъ, что разбойникъ пережилъ кончину Спасителя. И если эта кончина, необычайная въ нравственномъ отношеніи и сопровождавшаяся грозными, чудесными явленіями въ природѣ, заставила римскаго сотника невольно воскликнуть: *истинно человекъ сей былъ Сынъ Божій* (Марк. 15, 39), и заставила народъ—*бить въ перси своя* (Лук. 23, 48); то какъ же должна была уже и въ это время радоваться, какъ торжествовать душа помилованнаго разбойника, чувствовавшего, что онъ на вѣки соединенъ съ Сыномъ Божиимъ!

Великое утѣшеніе въ смерти разбойника, достойное

его великой вѣры! Кто изъ насъ, слушатели, не смотря на ужасающія обстоятельства крестной смерти, положи руку на сердце не скажетъ: о, если-бы и моя жизнь могла имѣть такую блаженную кончину,—о, если-бы и мои предсмертныя страданія могли найти такое великое утѣшеніе—соединить меня на вѣки съ Спасителемъ и Богомъ моимъ!

Господи, помани насъ, егда придеши во Царствіи Твоемъ!

О ЗНАЧЕНИИ НИКЕЙСКАГО СМВОЛА

ПРИ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАВЛУЖДЕНИЯХЪ.

Недавно (1867 г.) явилась на нѣмецкомъ языкѣ брошюра (переводъ съ англійскаго изъ книги: Reading, upon the Liturgy, London 1848) подъ заглавіемъ: „объясненіе никейскаго исповѣданія вѣры“ (1). Послѣ предисловія въ ней изложено символъ вѣры на трехъ языкахъ: на греческомъ, совершенно согласно съ нашимъ славянскимъ текстомъ, — на латинскомъ съ прибавленіемъ слова *Filioque*, которое впрочемъ поставлено въ скобкахъ, и на нѣмецкомъ языкѣ съ тѣмъ же прибавленіемъ. Затѣмъ излагается исторія символа, въ которой фактически доказывается, что прибавленіемъ слова *Filioque* западная церковь произвольно уклонилась отъ восточной и тѣмъ произвела великій расколъ (стр. 11, 12.) *Объясненія* символа приводятся раздѣльно на каждый членъ вѣры съ указаніями на свидѣтельства отцовъ и учителей церкви. Онѣ — просты, ясны, а главное, какъ намъ кажется, проникнуты искреннимъ чувствомъ

(1) Eine Erklärung des nicenischen Glaubensbekenntnisses. Aus dem Englischen übertragen von dr. Julius Pilgrim. Mit einem Vorwort von Heinrich Thiersch. Nördlingen, 1867.

христианина, который весьма далеко от западно-конфессиональных пристрастий и предразсудков. Но для нас важны не столько эти объяснения, сколько самое предисловіе переводчика оныхъ.

Авторъ предисловія — *Тиршъ* (Thiersch), по свѣдѣніямъ, какія мы получили отъ профессора Гееле (¹), лично знакомаго съ этимъ человѣкомъ, сынъ знаменитаго мюнхенскаго филолога, сопровождавшаго короля Оттона въ Грецію. Онъ сначала изучалъ протестантское богословіе и былъ профессоромъ въ Марбургѣ; но потомъ перешелъ въ ирвингианство (²), въ слѣдствіе чего

(¹) Гееле — знаменитый профессоръ ц. исторіи и каноническаго права въ Тюбингенскомъ университетѣ.

(²) Объ Ирвингианахъ читаемъ слѣдующее въ новѣйшемъ сочиненіи Пастора Карла Стракка (Strack): „основателемъ этой секты былъ *Эдуардъ Ирвинъ*, родомъ изъ Шотландіи. Уже на 18 году жизни онъ былъ учителемъ математики и впоследствии проповѣдникомъ въ Глазговѣ. Въ 1822 г. онъ опредѣленъ былъ духовникомъ при одномъ шотландскомъ приходѣ въ Лондонѣ. За свои энергическія проповѣди о покаяніи и обращеніи онъ пользовался здѣсь необыкновеннымъ сочувствіемъ. Онъ желалъ возстановить церковь въ ея первобытномъ состояніи и угрожалъ судомъ Божиимъ на непокорныхъ.

Большое смущеніе произвелъ Ирвингъ отрицаніемъ *безгрѣшности* въ лицѣ І. Христа, хотя онъ вовсе не называлъ его обыкновеннымъ человѣкомъ, а утверждалъ только, что человѣческая природа І. Христа подобно нашей была склонна ко грѣху, но І. Христосъ не подчинился ея склонности. Еще болѣе нападка подвергся онъ за то, что своими проповѣдями благопріятствовалъ языковщанію, возбудивъ въ своихъ послѣдователяхъ желаніе имѣть даръ языковъ по изображенію Ап. Павла (1 Кор. XIV). Онъ молился съ своими слушателями о возстановленіи духовныхъ даровъ апостольскаго времени, какъ знаменій царства Христова. Послѣдствія не замедлили обнаружиться. Изъ среды тѣхъ, которые собирались около него для общественной молитвы, слышались голоса и звуки, какъ бы языковщанія по изображенію Апостола (1 Кор. XIV.). Нясныя звуки стали переходить въ отдѣльныя понятныя восклицанія, которыми наконецъ превратились въ длинные рѣчи, продолжавшіяся отъ 2 до 3 часовъ. Увѣщанія къ покаянію, угрозы Англіи и ея церкви судомъ Божиимъ, провозглашеніе Ирвинга вѣрнымъ пастыремъ — были предметомъ этихъ рѣчей. Проповѣдники нередко приходили въ такой вѣстазъ, что теряли сознаніе и падали въ

былъ отставленъ отъ должности и жилъ частнымъ образомъ то въ Берлинѣ, то въ Мюнхенѣ. Здѣсь онъ недавно издалъ пространную монографію своего отца и написалъ это предисловіе къ „объявленію никейскаго исповѣданія вѣры“. Благородный по характеру, даровитый по способностямъ, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ христіанинъ по вѣрѣ, благочестивый по жизни. Въ ирвингиванской іерархіи онъ занимаетъ самое высокое положеніе въ чинѣ ангела (*ἄγγελος*) и много трудится для своей общины. Но, не смотря на это увлеченіе въ сектанство, теплое сочувствіе ко вселенской истинѣ, которымъ проникнуто предлагаемое ниже предисловіе Тирша, заставляеть забыть личность автора и внимать словамъ истины и безпристрастія, съ какими онъ излагаетъ историческое и догматическое значеніе нашего символа въ виду современныхъ заблужденій и уклоненій отъ церкви.

Вотъ это предисловіе:

„Никейское исповѣданіе вѣры основывается на древ-

судорожныхъ конвульсіяхъ, особенно женщины. Пока эти демонстраціи совершались въ частныхъ собраніяхъ, на нихъ мало обращали вниманія; но когда онѣ явились и при общественномъ богослуженіи, тогда церковное правительство отставило Ирвинга отъ должности (1832 г.) и отлучило отъ церкви. Ирвингъ умеръ 3 дек. 1834 г. въ Глазговѣ. Его послѣдователи образовали общество, имѣя цѣлюю восстановить хр. церковь Апостольскаго вѣда. У нихъ есть своя церковная іерархія и особыя ц. должности, какъ то: апостолы, пророки, евангелисты, пастыри и учителя. Во главѣ ихъ стоитъ епископъ (называемый апокалипсическимъ именемъ — ангель), которому помогаютъ въ управленіи шесть старѣйшихъ и пресвитеры; семь діаконовъ заботятся о временныхъ нуждахъ общины, особенно о бѣдныхъ; имъ помогаютъ въ дѣлахъ подіаконы и діакоиссы. Главное мѣстопробываніе этихъ „апостольскихъ“ общинъ въ Англіи, гдѣ насчитываютъ всѣхъ членовъ до 4000 лицъ. *Въ Германіи особенно усердно трудится для нихъ Тиршъ*; подъ его руководствомъ образовались эти общины въ Кёнигсбергѣ и Берлинѣ“. см. *Geschichte der ewangelischen Secten. von K. Strack. Leipz. 1867. S. 150—152.*

не-апостольскомъ символѣ, — на томъ исповѣданіи вѣры при крещеніи, которое было у первенствующихъ христіанъ какъ бы знакомъ (логунгомъ), по которому они распознавали другъ друга, называясь именно христіанами, т. е. исповѣдниками Господа Іисуса Христа. Это исповѣданіе при крещеніи служило въ то время правиломъ вѣры для охраненія истины противъ грубыхъ заблужденій евіонитовъ и гностиковъ. Но когда лукавыя заблужденія Арія возмутили миръ церкви, тогда собравшіеся въ Никее 318 и въ Константинополѣ 150 отцовъ изложили древне-христіанскую истину съ большею полнотою и опредѣленностью. Пусть въ исторіи этихъ обоихъ вселенскихъ соборовъ указываютъ на нѣкоторыя человѣческія слабости, сущность дѣла не подлежитъ никакому сомнѣнію. Епископы совѣщались на этихъ соборахъ отъ имени единомыслящихъ тогда церковей востока и запада. Они провозгласили не новые взгляды или богословскія мнѣнія, но ту самую истину, которую церковь пріяла отъ апостоловъ и содержала въ цѣлости подъ охраненіемъ Духа Божія. Они почерпали исповѣданіе Отца и Сына и Св. Духа изъ глубины христіанской жизни и богопочтенія. Тайна Божества — „*Богъ явися во плоти*“, этотъ высочайшій предметъ созерцанія и благоговѣнія, они изрекли достойными, превосходными словами св. Писанія.

„Это исповѣданіе вѣры имѣетъ для насъ въ настоящее время высокое значеніе, какъ памятникъ церковнаго единства и какъ свидѣтельство противъ уклоняющихся отъ христіанскаго вѣроученія. Пора оставить безотрадную и бесплодную работу конфессіональной полемики XVI вѣка; довольно повгорать одинъ и тѣже

старые упреки, взаимные суды и пересуды. Передъ нами лучшая задача, которой мы должны посвятить себя. Она состоитъ въ томъ, чтобы уяснить себѣ древне-христіанское исповѣданіе вѣры. Здѣсь заключается сокровище католической истины, доступное для каждаго христіанина; здѣсь—мирная область, чуждая конфессіональной непріязни. Пора остановиться на этой отеческой почвѣ, освѣжить себя древне-христіанскимъ ученіемъ вѣры и усвоить себѣ его богатое содержаніе. Эту древнюю истину, прекраснымъ выраженіемъ которой служить никейскій символъ, богословы должны сознать ясно и глубоко, раскрыть такъ убѣдительно, чтобы католикъ и протестантъ могли почувствовать миръ на душѣ и разсматривать свои частные спорные вопросы въ подчиненіи древне-католической истинѣ. Будетъ ли успѣхъ отъ этой работы вблизи или вдали, все-таки стремленіе къ этой цѣли для всѣхъ обязательно и благотворно.

„При тѣхъ заблужденіяхъ, какія въ наше время достигли своихъ послѣднихъ результатовъ, никейское исповѣданіе вѣры имѣетъ такое значеніе, о которомъ, можетъ быть, не предполагали сами составители символа. Мы говоримъ о новѣйшемъ невѣріи, конечно, не единственномъ, но самомъ опасномъ уклоненіи отъ христіанской истины.

„Сущность христіанства заключается въ тайнѣ (Geheimniss) искупленія вочеловѣчившимся Сыномъ Божиимъ. Сію тайну проповѣдуетъ христіанская церковь—богоучрежденное святилище на землѣ, въ которомъ сообщается вѣрнымъ благодать искупленія. Исторія церкви, свидѣтельствуя о чудесномъ распространеніи христіанской истины, въ тоже время указываетъ намъ,

какъ люди искажали и помрачали эту истину. Выника въ постепенное развитіе религиозныхъ заблужденій, мы замѣчаемъ, что послѣ утвержденія христіанской церкви у западныхъ народовъ, первымъ шагомъ къ заблужденію здѣсь было—не отрицаніе истины или невѣріе, а оскверненіе самаго святилища церкви мірскимъ духомъ и безнравственнымъ поведеніемъ, искаженіе христіанскаго преданія человѣческими установленіями и суевѣріями. Это—заблужденія средневѣковыя. Они подали поводъ къ сомнѣнію и отрицанію. Оскверненное святилище сдѣлалось предметомъ презрѣнія; искаженная фантастическими вымыслами истина стала предметомъ отрицанія. Невѣріе есть порожденіе суевѣрія. Нѣкогда Моисей противустоялъ двумъ египетскимъ волхвамъ Іанвию и Іамврию; теперь свидѣтельство христіанской истины должно противустоять двумъ врагамъ—суевѣрію и невѣрію. Но въ настоящее время невѣріе сильнѣе и опаснѣе своего предшественника—суевѣрія.

„Разсматривая происхожденіе и образованіе новѣйшаго отрицанія, мы замѣчаемъ въ немъ три степени развитія: во первыхъ явились ложныя ученія о церкви — какъ жилищѣ Св. Духа, потомъ—объ Іисусѣ Христѣ Сынѣ Божіемъ и Искупителѣ, наконецъ о Богѣ Отцѣ Вседержителѣ. Многіе въ настоящее время перешагнули уже на послѣднюю степень заблужденія, между тѣмъ какъ другіе стоятъ еще на первыхъ двухъ ступеняхъ. Эти три формы заблужденія, развившіяся одна изъ другой, организовались въ три большія системы, именно—религиозный *радикализмъ*, *раціонализмъ* и *пантеизмъ*. Но тремъ этимъ ложнымъ системамъ противустоятъ три члена символа, — какъ свидѣтельство церкви за истину.

„Мы въ правѣ провнестъ судъ надъ этими пагубными заблужденіями. Но нашъ судъ не касается лицъ, степени виновности ихъ или отвѣтственности; — Богъ судить ихъ! Нашъ долгъ прекрасно выраженъ словами Августина: *Interficite errores, diligite homines* (устребляйте заблужденія, но любите людей).

„Начнемъ съ религіознаго радикализма. Онъ еще поддерживаетъ христіанскую нравственность и признаетъ личную вѣру во Христа. Но онъ не знаетъ болѣе церкви въ собственномъ смыслѣ. Церковь, по его мнѣнію, не есть учрежденіе божественное, а такъ себѣ—произвольно сформировавшійся союзъ людей единомыслящихъ. Обыкновенно отрицаютъ благодать Божію въ таинствахъ и, — хотя еще придерживаются этихъ священнодѣйствій, но принимаютъ ихъ за символы духовныхъ дарованій, которыми вѣрующій и безъ того уже владѣетъ. Радикалы нисколько не понимаютъ важности того званія, которымъ облечены учителя христіанской церкви. Они забыли, какъ необходима эта должность для руководства, просвѣщенія и спасенія людей. Впрочемъ они все таки признаютъ, что Духъ Святой дѣйствуетъ на cadaго человѣка, и надѣются, что многіе люди достигнуть совершенства и спасенія. Но они забыли, что церковь есть *едино тѣло*, что только въ единеніи съ нею можно придти къ совершенству, что каждый частный человѣкъ только въ общеніи съ церковію можетъ достигнуть высшей цѣли небеснаго приванія. Словомъ: радикалы не вѣрятъ, что церковь есть храмъ Св. Духа. Они не признаютъ Духа Божія, который обитаетъ въ церкви, въ ней и чрезъ нее осуществляетъ божественныя опредѣленія къ славѣ Христа. Они не видятъ въ церкви той небесной лѣстницы,

которую видѣлъ Іаковъ; по ихъ мнѣнію—каждый чело-
вѣкъ можетъ руководиться самъ собой и достигнуть
царства небеснаго. Такихъ христіанъ можно сравнить
съ людьми, потерпѣвшими кораблекрушеніе. Плавая въ
волнахъ житейскаго моря, они хотятъ спасти свою
жизнь;—каждый изъ нихъ самъ по себѣ пытается до-
стигнуть пристанища Христова.

„Противъ всѣхъ этихъ тонкихъ и довольно темныхъ
заблужденій мы находимъ свидѣтельство *въ третьемъ
членѣ* (1) никейскаго символа. Согласно съ древнею
христіанскою церковью мы исповѣдуемъ Святаго Духа.
Онъ—истинный Богъ со Отцемъ и Сыномъ, Божествен-
ное Лице; потому что Онъ вѣщалъ чрезъ пророковъ
(безличная сила не можетъ вѣщать). Но такъ Онъ дѣй-
ствуетъ въ единой святой церкви-каволической, т. е. все-
объемлющей посредницѣ благодати, матери всѣхъ сыновъ
Божіихъ. Это—церковь апостольская, т. е. не людьми, а
Богомъ основанная, устроенная и облеченная авторите-
томъ. Духъ Святыи дѣйствуетъ въ крещеніи и прочихъ
таинствахъ, сообщая вѣрнымъ неслѣнные блага подъ
видомъ чувственныхъ знаковъ. Онъ никогда не остав-
ляетъ церкви; онъ ведетъ ее къ полнотѣ совершенства
въ воскресеніи праведныхъ. Мы не только признаемъ
воскресеніе мертвыхъ къ вѣчной жизни, но и „ожидаемъ“
его, желаемъ и надѣемся, что въ немъ исполнится упо-
ваніе вѣрующихъ. Тогда—именно при второмъ прише-
ствіи Господа—наступитъ „жизнь будущаго вѣка“.

„Но когда мірской духъ провикъ во всѣ части (im Gros-

(1) *Im dritten Artikel.* Изъ контекста рѣчи ясно видно, что подъ
„третьимъ членомъ“ авторъ разуметь наши: VIII. IX. X. XI и XII
члены, взятые вѣстѣ.

seel und Ganzen) *церкви* (1), когда сами управители стали злоупотреблять святилищем Божиимъ на землѣ, поругали и обезчестили его; тогда явилось сомнѣніе въ святости самой церкви, отрицаніе таинствъ ея—первое печальное послѣдствіе, но еще не единственное. При заблужденіяхъ о церкви человѣческой умъ подвергся другимъ болѣе тяжкимъ искушеніямъ. Онъ впасть въ сомнѣнія о Лицѣ Христа, началъ отрицать Божество Искупителя. Первый шагъ на этомъ пути сдѣлали соцініане; за ними послѣдовали разныя партіи деистовъ и унитаріевъ; наконецъ выступилъ нѣмецкій раціонализмъ, который пошелъ далѣе своихъ предшественниковъ. Раціоналисты начали отвергать не только Божество Христа, но и Его чудеса, воскресеніе и вознесеніе на небо (во что соцініане вѣровали). При всемъ томъ благотворные лучи евангельскаго свѣта еще не совсѣмъ померкли во тьмѣ этого заблужденія: осталась вѣра въ личнаго Бога и Отца, сохранялось сознаніе благодарности и поклоненія Иисусу Христу. Раціоналисты признавали Его совершеннѣйшимъ типомъ добродѣтели и мудрости. Между тѣмъ *Шлейермахеръ* сталъ въ нѣсколько иное, двусмысленное положеніе. Проповѣдая первообразное совершенство (*urbildliche Vollkommenheit*) богосознанія въ Лицѣ Искупителя, онъ, казалось, стоялъ выше обыкновеннаго раціонализма. Но съ другой стороны, примыкая къ пантеизму Спинозы, онъ потерялъ вѣру въ личнаго Бога и, такимъ образомъ, ниспалъ до третьей степени заблужденія.

„Еще въ древнее время Аріи отвергалъ истинное Божество Сына, хотя онъ почиталъ Христа первымъ и

(1) Подъ *церковью*, очевидно, авторъ разумѣетъ здѣсь Римско-Католическую церковь.

вещности, созданіемъ невидимаго шира, существовавшихъ прежде другихъ тварей. Аріанизмъ прикрывался вѣщностью прелословія; онъ обольщалъ народъ соблюденіемъ древняго божеслуженія. Аеоанасій В. и никейскіе отцы по истинѣ прозорливо увидѣли всю опасность лжеученія. Аеоанасій превосходно отстоялъ апостольское ученіе о Божествѣ Сына. Если Сынъ есть созданіе, хотя бы и высшее прочихъ тварей; то все-таки между Нимъ и Творцемъ было бы неизмѣримое разстояніе; возное молитвы къ Богу, мы не смѣли бы поклоняться Христу, потому что мы не можемъ почитать твари наравнѣ съ Творцемъ. Если бы Сынъ не имѣлъ Божеского естества; то и церковь не имѣла бы истиннаго Богопознанія; мы знали бы о Богѣ только по слухамъ и разсказамъ. Но теперь мы знаемъ о Богѣ чрезъ Сына Его: „кто видитъ Меня, — видитъ Отца“. Твореніе не можетъ быть источникомъ вѣчной жизни; между тѣмъ искупленіе по намѣренію Божию въ томъ и состоитъ, чтобы тварь пріобщилась жизни вѣчной. Если бы Явившійся между нами имѣлъ только сверхъестественную природу и не былъ Богъ; то Онъ не могъ бы сообщить человеческой природѣ вѣчной жизни и мы навсегда оставались бы подъ властью смерти. Еще Иринеи сказалъ: „Евѣониты, почитающіе Христа за простаго человека, самымъ лжеученіемъ своимъ лишаютъ себя вѣчной жизни“. „Ученіе Арія, говоритъ Аеоанасій, хуже самой смерти“.

„Все это относится и къ новѣйшимъ заблужденіямъ рационализма. Непременное свидѣтельство противъ нихъ заключается во *столбѣ членѣ* (1) никейскаго исповѣда-

(1) *Im zweiten Artikel*, т. е. отъ II до VIII члена по нашему дѣленію.

нiя вѣры. Здѣсь слышимъ мы благодарственное слово св. церкви за любовь Божiю къ намъ и дивныя дѣла ея для нашего спасенiя. Если бы кто илудь другой, а не *Божь*-человѣкъ, умеръ за насъ, въ томъ проявилась бы только любовь человѣческая, а не любовь Божiя, о которой мы оставались бы въ неутѣнiи. Но мы ново-вѣдуемъ Единого, Истиннаго Сына Божiя, Который имѣетъ тѣ же божественныя свойства, какия принадлежать Отцу. Божество Отца и Сына не только однородно (*gleichartig*), но и тождественно (*identisch*): Сынъ — „единого естества со Отцомъ“. Онъ есть второе божественное Лице, второе—Я—въ отличiе отъ Отца, но нераздѣльный съ Нимъ. Какъ свѣтъ, происходя отъ солнца, нераздѣльно съ нимъ бываетъ,—подобно тому и Сынъ есть — „Свѣтъ отъ Свѣта“, совершеннѣйшее блистаюиe славы Отчей. Тайну воплощенiя и искупленiя символъ изображаетъ словами Св. Писанiя, такими прекрасными выраженiями, что придумать лучшия—было бы напрасной попыткой. Напротивъ, какъ показываетъ опытъ, всякая новая терминологiя въ этомъ случаѣ ведетъ лишь къ злоупотребленiямъ, открываетъ двери старымъ и новымъ заблужденiямъ.

„Отрицанiе Сына Божiя не есть еще послѣднiй шагъ на обрывистомъ пути уклоненiя отъ вѣры. По внутренней необходимости оно влечетъ далѣе; потому что „кто не имѣетъ Сына, тотъ не имѣетъ и Отца“. Уже нѣкоторые деисты зашли такъ далеко, что потеряли всякое благоговѣнiе къ Сыну. Но въ такомъ случаѣ невозможно было сохранить вѣру въ личнаго, живаго Бога и Отца. Такимъ образомъ явилось мировоззрѣнiе пантеизма и натурализма, — послѣднiй видъ заблужденiя. Это мировоззрѣнiе, какъ туманное облако, — распространилось

на умственномъ горизонтѣ имѣть современниковъ и скрыто отъ нихъ небесный свѣтъ откровенной истины.

„Если христiанинъ выходяетъ отъ живаго общенiя съ Богомъ и вращаетъ лишь въ животной сферѣ падшей природы; то онъ уходитъ наконецъ такъ далеко, что у него заснѣтъ свѣтлѣйшiй богосознанiя и заглушается свѣдѣтельство совѣсти. Тогда онъ знаетъ только природу и сланы ея. Но такъ какъ разумъ человѣческой даже и въ этомъ состоянiи нуждается въ признанiи Высочайшаго Существа; то онъ принимаетъ вещественное (creatürliches) основанiе творенiя за нѣчто верховное и единое. Люди на этой степени паденiя, отвыкнувшiе отъ здраваго употребленiя разума, уже не видятъ изъ за дѣль творенiя—Самаго Создателя, Всемогущаго Огца. Они считаютъ вселенную (Weltall) бытiемъ вѣчнымъ, самостоятельнымъ и самосозданнымъ. Они знаютъ только природу, которая у нихъ все производитъ и опять все поглощаетъ. Если же пантеисты называютъ причину вещественныхъ перемѣнъ Богомъ, то они злоупотребляютъ этимъ свѣтымъ именемъ; потому что они разумѣютъ подъ этимъ только неразумную, безчувственную, слѣпую и глухонѣмую, словомъ безличную, первобытную силу (Urkraft).

„Пантеизмъ имѣетъ различныя формы, смотря потому, на какой степенi образованiя стоятъ представители его. Главное различiе заключается во взглядѣ на причину вещей: одни вывѣтъ съ Гегелемъ понимаютъ ее какъ идею, другiе, — новѣйшiе неоплатосфы, — какъ матерiю, но у тѣхъ и другихъ сущность заблужденiя остается одна и та же, — они обоготворяютъ тварь.

„Между мировоззрѣнiями древняго язычества на самой высшей степенi стоялъ эпикурейскiй материализмъ. Те-

перь, послѣ долгаго процесса духовнаго развитія, пришли наконецъ къ тому, что это мировоззрѣніе даже между христіанами стали выдавать за высшую мудрость и отвергать сокровище истиннаго ученія о Богѣ.

Противъ такихъ-то заблужденій новѣйшаго времени христіанская церковь возмываетъ свой голосъ въ первомъ членѣ исповѣданія вѣры. Она воззываетъ „Отца-Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимаго и невидимаго“. Здѣсь она стоитъ во свѣтѣ, который свѣтилъ древнѣйшимъ предкамъ человѣческаго рода и сохраняется въ потомствѣ Авраама. Она исповѣдуетъ и почитаетъ Личнаго, Всевѣдущаго Бога-Отца Вседержителя. Она прославляетъ Его, — потому что по волѣ Его (а не по закону необходимости) и по слову Его всемогущества, всѣ твари вызваны изъ небытія къ жизни. Между тѣмъ какъ пантеонамъ то обожаетъ человѣка, то считаетъ его неравнѣ съ животнымъ, — церковь Христова не превозноситъ человѣка до обожанія, потому что смотритъ на него какъ на существо созданное, но и не унижаетъ его до оскоточенія, потому что видитъ въ немъ образъ Невидимаго Бога. Въ силу свидѣтельства человѣческой души о бытіи Божиѣмъ она внушаетъ человѣку сыновнее послушаніе къ Вавошину всякаго добра, Праведному Судіи зла, и въ чувствѣ благоговѣнія и благодарности покланяется Вѣчному Отцу.

„Человѣкъ, погружившійся въ чувственность, знаетъ только видимыя вещи; но церковь Христова воззываетъ, что прежде этого видимаго міра и за предѣлами его существуетъ міръ невидимый, созданный по волѣ Того же Бога и Отца. Мы исповѣдуемъ бытіе ангельскаго міра. Мы признаемъ, что и человѣкъ лучшею стороною своего существа принадлежитъ къ этому невидимому и

незримому міру. Мы вѣруемъ въ тотъ незримый порядокъ міра, который здѣсь устроится въ духовной жизни вѣрующаго и наконецъ побѣдительно явится, какъ совершенное царство Божіе; потому что міръ въ настоящемъ состояніи не есть вполне законченный, совершенный, вѣчный. Какъ нарушительность человека служить эмблемой и выраженіемъ его внутреннего состоянія, такъ въ видимой природѣ мы замѣчаемъ образъ и подобіе невидимаго міра. Въ явленіяхъ природы и исторіи мы видимъ признаки и черты еще доселѣ несовершеннаго царства небеснаго, — и мы исповѣдуемъ, что оба эти міра воззвавъ къ бытію Одинъ Творецъ. Въ начальныхъ словахъ символа содержится патриархальная религія первобытнаго времени и христіанская церковь, исповѣдуя Всемогущаго Отца, согласно вѣруетъ со всѣми благочестивыми иерархиками прошлаго и настоящаго времени.

„Итакъ, мы исповѣдуемъ Единого Истиннаго Бога въ трехъ лицахъ. Это ученіе превосходитъ понятія нашего разсудка; потому что нашимъ познавательнымъ способностямъ надлежало бы быть безконечными, чтобы объять Безконечнаго. Но оно не противорѣчитъ законамъ человѣческой мысли. Хотя, по Аристотелю, невозможно, чтобы два тѣла существовали въ одномъ мѣстѣ; но это положеніе разума, взятое изъ чувственнаго міра, мы не имѣемъ права переносить въ высочайшую, духовную, божественную область и сказать: не мыслимы три Лица въ Единомъ Божествѣ.

„Противъ этого современнаго невѣрія христіанская церковь должна свидѣтельствовать не полу-истину, а всю истину, не новую, а древнюю, вѣчно-живую, которая должна быть предметомъ не изученія только, но

и жизни. Символь, по самому своему происхожденію, составленъ не столько для богословскихъ аудитерій, сколько для прославленія Бога въ священномъ собраніи дерзавъ. Истинное прѣдвѣщеніе его находимъ въ древне-христіанскомъ обычаѣ—произносить его лишь въ обидѣ собраніи вѣрующихъ передъ таинствомъ Евхаристіи. Здѣсь вѣрующіе находятся въ молитвенномъ настроеніи духа, и когда они въ этомъ расположеніи произносятъ символъ, тогда ихъ вѣра въ Трїединнаго есть истина и жизнь. Здѣсь, собравшись во едино, церковь познаетъ, что Господь близъ нея и мы живемъ о Немъ. Такимъ образомъ Богослуженіе церкви есть живое свидѣтельство тайны Св. Троицы; здѣсь чрезъ Сына и во Св. Духѣ приближаемся мы къ Вѣчному Отцу“.

Мы привели все предисловіе буквально словами автора и считаемъ нужнымъ замѣтить, что появленіе его среди протестантскаго и католическаго міра есть фактъ знаменательный и поучительный. Такъ вѣровать, мыслить и чувствовать, какъ пишетъ нашъ авторъ,—дай Богъ каждому православному христіанину!

В. Голубковъ.

ЗАДАЧА ПРАВСТВЕННОГО БОГОСЛОВІЯ, КАКЪ НАУКИ.

Нравственное Богословіе издавна считалось у насъ наукою не совсѣмъ удобною къ слушанію, говоря проще—скучною. Неохотно брались за нее и сами преподаватели.

Подобное воззрѣніе явилось не даромъ.

Нравственная сила есть столько же самостоятельный и живой дѣятель въ человѣкѣ, какъ и сила мысли. Но она опредѣляется въ своихъ обнаруженіяхъ представленіями, понятіями (1). По этому нравственность, практика всегда есть, въ большей или меньшей степени, результатъ теоріи, выводъ изъ догмата и отвлеченнаго тезиса. По этому она—элементъ менѣ подвижный въ процессѣ мышленія. Весь интересъ мыслительнаго процесса, съ его разнообразными комбинаціями представленій, остается на долю теоріи и догмата, а постулаты нравственнаго характера являются лишь какъ неизбѣжное

(1) Строго говоря, въ действительности такого раздѣленія между интеллектуальными и практическими силами въ душѣ не существуетъ. Все въ ней просто, все слито, все—неразложимая цѣльность. Нельзя указать, гдѣ кончаются обнаруженія мысли и гдѣ начинаются стремленія практическія. Но въ анализѣ психическихъ проявленій мысль является, какъ монахъ и регуляторъ дѣятельности.

приложеніе или дополненіе къ нимъ. Постулаты этого рода гораздо менѣе подвержены анализу, они — почти не разложимы.

Здѣсь, какъ намъ кажется, одна изъ главныхъ причинъ того, почему нравственное Богословіе болѣе, чѣмъ всѣ другія Богословскія науки, вращается въ сѣерѣ схемъ и опредѣленій и отличается особенною бездѣятностію своего содержанія. Въ самомъ дѣлѣ, если другія Богословскія науки, построенныя схоластическимъ методомъ, иногда рѣжутъ глаза своими рубриками и утомляютъ мысль однообразіемъ своихъ пріемовъ, то Богословіе нравственное переполнено ими.... Исключая начальные трактаты о нравственномъ законѣ,—трактаты общаго богословскаго и философскаго характера, все дальнѣйшее, специфически принадлежащее этой наукѣ, состоитъ почти изъ однихъ опредѣленій и раздѣленій. Часто эти опредѣленія имѣютъ слишкомъ общій характеръ и говорятъ не болѣе того, что любовь есть любовь, а смиреніе есть смиреніе. Единственная область въ нравственномъ Богословіи, гдѣ комбинируются различныя нравственныя представленія, это—область казуистическихъ вопросовъ. Но казуистика въ нравственности есть тоже самое, что софистика въ мышленіи. Не нужно прибавлять, что интересъ отъ этой игры въ нравственныя понятія, — игры замышленной католическими теологами, по преимуществу иезуитами, очень ничтоженъ....

Правда, въ замѣнъ этого, нравственное Богословіе прямо касается жизни и, вмѣсто отвлеченныхъ представленій, имѣетъ дѣло съ разнообразными обнаруженіями нравственности въ человѣкѣ дѣйствительномъ съ его страстями и съ тѣми коллизіями, въ которыя ставитъ его

нравственная борьба, — область, полная живаго, реального интереса....

Но задача науки, какъ науки — все таки — понятие; — живаго, действительнаго человека она въ некоторой мѣрѣ — обязана подвести подъ идеалъ, подъ норму, вставить въ рамку, чтобы онъ могъ имѣть въ ней мѣсто. Иначе она превратилась бы просто въ рассказъ о нравственныхъ подвигахъ, или въ исторію развитія страсти. А главное — все это очень трудно.

Трудно — потому прежде всего, что для этого нужно глубоко изучить и знать жизнь. А это дается не всякому и, быть можетъ, всего меньше людямъ научнымъ. Но и этого мало. Мало знать жизнь со всеми разнообразіемъ человѣческихъ проявленій, со всеми изгибами страстныхъ движеній, со всею глубиною различныхъ импульсовъ, которые движутъ человѣческою дѣятельностію, чтобы воспользоваться, какъ должно, этими богатыми матеріалами. Нужно обладать еще чисто художественнымъ тактомъ, нужно имѣть особенную способность схватывать характерныя, типичныя явленія. Иначе описаніе проявленій нравственности, взятыхъ изъ самой жизни, будетъ несравненно хуже, безсодержательнѣе всякаго самаго безсодержательнаго логическаго опредѣленія ихъ. Иначе — картина добродѣтели или порока будетъ безжизненнѣе всякой, самой жертвой научной формулы. Да у насъ и есть эти картины нравственныхъ подвиговъ, полныя своего рода художественности, есть этотъ своего рода священный эпосъ, писанный подъ вліяніемъ самаго живаго, непосредственнаго чувства вѣры и благоговѣйнаго одушевленія, отличающійся безискусственностію и самою цѣльною простотою. Разумѣемъ наши сказанія о жизни святыхъ. Ихъ любить нашъ

непосредственно-вѣдущій народъ, и, понятно, почему любить. Нравственный подвигъ является ему здѣсь въ живой, пластической формѣ, онъ усваиваетъ нравственную истину своимъ чувствомъ и воображеніемъ гораздо скорѣе, чѣмъ усвоилъ бы разумомъ. Тѣмъ не менѣе — снова повторимъ—это далеко не наука нравственнаго Богословія, а только матеріаль для нея—и эта послѣдняя, какъ и всякая другая наука, никакъ не можетъ отождествиться съ тѣмъ, что называется искусствомъ, картиной, типомъ....

Есть, однако же, другія стикія научнаго свойства, которыя могутъ оживить науку нравственнаго Богословія и которыя должны быть внесены въ нее.

Это—прежде всего—расширеніе и усиленіе психологическаго и особенно историческаго элемента.

Въ самомъ дѣлѣ,—задача науки нравственнаго Богословія — указать нравственный идеалъ христіанства и уяснить формы его обнаруженій.

Но идеалъ этотъ, какъ и само христіанство, не смотря на свои неизмѣнныя и вѣчныя основы, есть явленіе историческое. До него и послѣ него были и являются иные нравственныя воззрѣнія, иные нравственные идеалы. Сопоставленіе того и другихъ совершенно необходимо для уясненія характера и содержанія перваго. Такимъ образомъ воззрѣнія древности и новѣйшія философы необходимо сопрягаются съ внутреннимъ содержаніемъ науки нравственнаго Богословія и должны имѣть въ ней мѣсто. Это разъ.

Далѣе,—идеалъ этотъ осуществлялся въ дѣйствительности въ разнообразныхъ формахъ. Носители и представители нравственныхъ началъ христіанства оставили намъ множество примѣровъ христіанской жизни самаго

разнообразнаго характера. Разнообразіе это зависѣло не только отъ личныхъ характеровъ ихъ, личнаго одушевленія и проникновенія духомъ Евангелія, но отчасти и отъ общаго состоянія всего христіанскаго міра въ данное время, отъ духа эпохи и т. д., потому что полное отрѣшеніе исторій христіанскихъ подвиговъ и раскрытія христіанской нравственности отъ общаго хода исторій невысказано и невозможно, да его и не было въ дѣйствительности. Итакъ типическія обнаруженія христіанской нравственности подлежатъ — съ одной стороны — психическому анализу, съ другой — историческому приему изслѣдованія, безъ котораго явленіе ихъ не всегда было бы понятно. Въ примѣръ это возьмемъ. Возьмемъ фактъ болѣе рельефный и выпуклый. Весьма извѣстенъ подвигъ юродства и всегда онъ казался страннымъ, непонятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, — что значить это намѣренное подавленіе въ себѣ мыслительной силы? Зачѣмъ это видимое глумленіе надъ своею личностію? Зачѣмъ это видимое лицемеріе, притворство въ добродѣтели? Какъ можно сохранить чистоту чувства, позволяя себѣ соблазнительныя дѣйствія? Да и зачѣмъ производить соблазнъ въ другихъ? На этотъ вопросъ можетъ отвѣчать намъ прежде всего анализъ обнаруженій юродства, на сколько извѣстно оно въ исторіи. Всмотрѣвшись въ эти обнаруженія, мы могли бы придти къ заключенію, что это — *отрицательный* способъ представленія нравственнаго идеала въ жизни, — вѣчто подобное тому, что извѣстно въ поэзіи подъ именемъ отрицательнаго обнаруженія эстетическаго идеала. Возможно это послѣднее, возможно, чтобы повѣ „плакалъ незрими́ми міру слезами“ въ то время, какъ смѣется, повидимому надъ недостатками и пошлостію жизни; возможно, чтобы

въ это время предносился ему положительный, чистый, свѣтлый идеалъ ея, — почему же невозможно первое? Правда — это первое несравненно труднѣе, — но мы и не говоримъ о тождествѣ этихъ далеко отстоящихъ явленій, мы говоримъ только объ аналогіи явленій, объясняющей намъ психическую возможность того, что извѣстно въ исторіи христіанства подъ именемъ юродства. Если бы мы обратили при этомъ вниманіе на время, когда являлись такіа лица, то еще болѣе объяснилось бы намъ значеніе ихъ нравственной дѣятельности, мы увидѣли бы, быть можетъ, что явленіе ихъ вызывалось состояніемъ общественной нравственности въ данное время, что это было время нравственнаго упадка, нравственнаго разложенія, время, когда положительные уроки нравственности мало могли имѣть значенія, когда нужно было дѣйствовать *отрицательно*, когда нравственный идеалъ блекнулъ, становился безцвѣтнымъ, когда нужно было учить добродѣтели чрезъ отвращеніе отъ порока, когда нужно было обнаружить всю наготу страсти и картиною порока учить добродѣтели. Мы увидѣли бы, быть можетъ, что къ этому направлены были и ихъ, повидимому, странныя дѣйствія.... Таково значеніе того *дѣйствительнаго* юродства, которое извѣстно въ исторіи христіанской нравственности и съ которымъ такъ часто у насъ смѣшиваютъ обнаруженія, не имѣющія съ нимъ ничего общаго и которыя служатъ не столько подобіемъ его, сколько обезображеніемъ и всего болѣе свидѣтельствуютъ о полнѣйшемъ непониманіи истиннаго юродства. Это — подвигъ не столько личный, сколько *общественный*, онъ предполагаетъ глубокое пониманіе жизни и глубочайшее нравственное самообладаніе. За то — это явленіе въ исторіи христіан-

оной нравственности очень рѣдкое и при томъ такое, на которое всегда смотрѣли какъ на исключительность...

Столь же, если не болѣе разнообразными представляются намъ обнаруженія христіанской нравственной жизни, когда мы посмотримъ на нее въ ея цѣломъ ходѣ, обнимающемъ собою и то, что называется жизнью общественною и гражданскою. Христіанство не дало опредѣленной формы для этой общественной жизни, — это было ниже его задачи. Религія всеобщей истины, религія духа и вѣчныхъ идеаловъ жизни — не опредѣляетъ переходящихъ формъ ея, измѣняющихся подъ вліяніемъ разнообразныхъ историческихъ условій быта. Но эти переходящія формы не могли не видоизмѣниться подъ вліяніемъ новыхъ началъ, завѣщанныхъ Евангеліемъ. Новые нравственные начала, начала въ высшей степени жизненныя не могли не осуществляться въ жизни. Но, какъ и всякія новыя начала, онѣ не могли быть вдругъ поняты и усвоены жизнью народовъ. Усвоеніе ихъ совершалось постепенно, оно продолжается доселѣ и будетъ продолжаться. Такимъ образомъ нравственные начала христіанства могли не одинаково пониматься въ различныя времена христіанской исторіи, иначе не прим. въ средніе вѣка нашей, какъ и всякой другой исторіи, иначе нынѣ и т. д. Съ другой стороны жизнь христіанскихъ обществъ, какъ и мысль, не всегда положительно стремились къ цѣлямъ христіанства, уклонялась отъ нихъ, создавала сама свои типы и идеалы нравственности. Словомъ — въ области жизни практической происходило то же, что и въ сферѣ интеллектуальной. Каждое время, каждая эпоха производила свои образцы и положительнаго помысла христіанскихъ нравственныхъ началъ, и своеобразнаго отрицанія ихъ. Это своеобразное пони-

маніе нравственныхъ началъ чаще всего выражается въ литературныхъ типахъ, въ произведеніяхъ беллетристики. Разборъ этихъ нравственныхъ типовъ и положительнаго, и отрицательнаго характера, сопоставленіе ихъ съ нравственными идеалами христіанства, — такъ же праву пожелать имѣть мѣсто въ наукѣ, если только эти типы дѣйствительно имѣютъ характерное значеніе и служатъ выраженіемъ нравственныхъ воззрѣній времени.

Но все это болѣе или менѣе извѣстно и болѣе или менѣе входило въ содержаніе науки нравственнаго Богословія, и не на это не преимуществу мы хотѣли бы обратить вниманіе.

Доселѣ мы смотрѣли на обнаруженія нравственности съ обще-христіанской точки зрѣнія. Между тѣмъ христіанская истина, отъ начала и донынѣ, понималась различно различными народами и общинами, различно преломлялась, такъ сказать, въ обще-христіанскомъ сознаніи подъ вліяніемъ недоразумѣній сознательныхъ или несознательныхъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ историческихъ обстоятельствъ. Существуетъ таковыи образъ множество общинъ и сектъ. И никакъ нельзя сказать, чтобы ихъ отдѣляла отъ насъ, главнымъ образомъ или единственно только теорія, Какъ ни общи иногда кажутся ихъ нравственныя начала съ нашими, какъ ни неувловимы отличія, они все таки—есть. Лишняя мысль точно также, какъ и отсутствіе извѣстной догматической мысли не могутъ не отражаться и въ практикѣ, или вѣрнѣе,—не могутъ не указывать собою на особенности въ самой жизни и практикѣ. Страшно было бы не видѣть своеобразнаго вліянія на нравственную жизнь реформатства, наиримъ породившаго пуританизмъ, своеобразно сложившаго нравственный типъ голландца.

Страшно было бы не видеть отличія католическихъ нравственныхъ началъ отъ нашихъ, не смотря на все выдающее сходство—даже тожество въ общихъ тезисахъ нравственнаго Воголовія. Да! въ догматахъ католицизмъ не многими развится отъ насъ, а въ нравственномъ ученіи—во видимому ничѣмъ или почти ничѣмъ. Между тѣмъ католицизмъ въ жизни представляетъ собою міръ совершенно противоположный нашему. Дѣло, очевидно, не въ численной разности, а въ томъ, что она выражаетъ собою, въ томъ характеръ воззрѣнія, какое дается этою, повидимому, незначительною разностию. Еслибъ мы посмотрѣли на католицизмъ съ точки зрѣнія его общаго характера, выраженіемъ котораго служатъ его разности, то увидѣли бы, что его жизнь и бытъ не могутъ не быть совершенно отличными отъ другихъ христіанскихъ церквей, что всѣ жизненные обнаруженія католицизма, такъ рѣзко отличающія его отъ насъ, въ немъ неизбежны, какъ результатъ его началъ. Что такое - въ самомъ дѣлѣ—католицизмъ съ точки зрѣнія его началъ? Это видѣнное объективное воззрѣніе на христіанство. Все въ немъ видѣнное, начиная съ идеи Искупителя, олицетворенной въ образѣ Христа видимаго и кончая грубо чувственными церемоніями католическаго культа, все въ немъ направлено къ тому, чтобы, какъ можно меньше, способствовать внутреннему, искреннему, свободному, самостоятельному отношенію върующаго къ христіанской истинѣ;—и этотъ шагъ—косигель и подигель спасенія для всѣхъ, кто только проситъ этого, и это образъ орегамп, не требующее отъ върующаго ничего, кромѣ желанія принять на себя дѣйствія іераркія, и это запрещеніе върующему непосредственнаго, личнаго авальомента съ

источниками вѣры... Слово *credo*—слѣпая вѣра, тертуллиановское „credo, quia absurdum“—и отсутствіе всякой автономіи и сознательности въ религіи,—вотъ, что полагается въ основу нравственной жизни въ католицизмѣ. Удивительны ли, послѣ этого, поражающія своимъ глубоко не нравственнымъ характеромъ жизненныя обнаруженія католицизма? Удивителенъ ли этотъ санатизмъ католическій, отъ котораго онъ досадѣ не можетъ освободиться и который составляетъ его отличительную черту? Не есть ли онъ—напротивъ—явленіе самое логическое, самое необходимое въ жизни католицизма? Церковь, въ основѣ бытъ которой лежитъ виѣшнее-юридическое воззрѣніе на искупленіе, не можетъ быть проникнута чувствомъ мира и терпимости. Гдѣ все имѣется чисто виѣшними, юридическими отношеніями, тамъ нѣтъ мѣста чувству любви, которая все примиряетъ, все прощаетъ. Тамъ, гдѣ строй церкви слѣдуетъ съ гражданскаго, государственнаго быта, гдѣ верховный первосвященникъ вмѣщаетъ въ себя и церковную и гражданскую власть, нельзя дѣйствовать только моральными средствами. А этотъ тѣсно связанный съ санатизмомъ—іезутизмъ, проявляющійся, какъ демоническая сила, дѣйствующая незамѣтно, но тѣмъ немощѣе въ высшей степени губительно, не знающая различія между добромъ и зломъ, *per fas et nefas* достигающая своихъ цѣлей? А соціологическая доктрина этого іезутизма о такъ называемомъ нравственномъ „пробабилемъ“, въ концѣ концовъ разрѣшающагося нравственнымъ нигилизмомъ? Что такое все это, какъ не порожденіе началъ католицизма? Да! послѣдователи Лойолы не привнесли ничего новаго въ сферу нравственной жизни католицизма, они только раскрыли во всей во-

можною полнотѣ то, что лежало до нихъ въ нравственныхъ началахъ католичества, и что прежде уже проявлялось въ инквизиціи, вообще въ фанатическихъ дѣйствіяхъ католической церкви. Строго говоря—католикъ всегда болѣе или менѣе иезуитъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ духа любви, ревность по вѣрѣ не можетъ не быть страстною, не можетъ не обращаться въ личное чувство. А какъ скоро личное чувство руководитъ дѣйствіями, эти послѣднія перестаютъ быть нравственными... Что такое, наконецъ, сама наука католицизма, эта пресловутая схоластика, какъ не порожденіе тѣхъ же нравственныхъ началъ католицизма? Да! эта схоластика съ ея бездушнымъ, демонстративнымъ методомъ, съ ея стремленіями доказывать все *per fas et nefas*, разрешающаяся въ *methodus quodlibet*—*adus*, т. е. въ возможность все въ одно и тожѣ время и доказывать и опровергать — могла явиться только въ католицизмѣ, гдѣ требовалось чисто внѣшнее, юридическое отношеніе къ христіанской истинѣ. Но довольно. Подробный анализъ католическихъ нравственныхъ началъ показалъ бы намъ, что самый типъ праведности или святости здѣсь носить также особенный по большей части чисто внѣшній характеръ, что при отсутствіи внутреннихъ сердечныхъ возбужденій и подъ вліяніемъ внѣшнихъ пластическихъ формъ, которыми отличается католицизмъ (художественный элементъ въ этомъ вѣроисповѣданіи по преимуществу развитъ—и быть можетъ—въ ущербъ другимъ стихіямъ), религіозность обращается часто въ экзальтацію, иногда болѣзненную, въ эффектъ, часто ложный, въ настроенность, часто искусственную, въ дѣятельность мелочную, ничтожную. Читая описаніе жизни католическихъ подвижниковъ Кса-

верія или Франциска, вы непремѣнно встрѣтите здѣсь оломенныя на персяхъ руки, воздѣтыя къ небу очи, услышите блестящія фразы изъ ихъ устъ, но, прочитавъ біографію, не найдете ни глубины, ни искренности чувства. Все ограничивается какою-то фальшивою напряженностію чувства и воображенія. Но слова повторимъ подробный анализъ внѣ нашихъ дѣлей. Мы хотѣли показать только, что изслѣдованіе нравственныхъ особенностей въ различныхъ христіанскихъ церквахъ и общинахъ можетъ дать изъ себя богатый матеріалъ для науки нравственнаго Богословія, что это изслѣдованіе можетъ составить особый отдѣлъ въ этой наукѣ, который можетъ быть названъ *сравнительнымъ* отдѣломъ нравственнаго Богословія.

Для нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ предполагается элементарное знакомство съ содержаніемъ науки, все это, конечно, не необходимо, но для нашихъ вышнихъ курсовъ это было бы далеко нелишнее...

А. Х.

ВОПРОСЪ

О СОЕДИНЕНІИ ЦЕРКВЕЙ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ (ВЪ ПЕРВЫЙ ЕГО ПЕРІОДЪ) НА ГРЕЧЕСКОМЪ ВОСТОКЪ И ЛАТИНСКОМЪ ЗАПАДЪ (1053—1453).

(Продолженіе)

Со вступленіемъ на престолъ Андроника по смерти Михаила Палеолога (1) наступаютъ послѣдніе времена

(1) Позволимъ себѣ еще разъ остановиться на этой замѣчательной личности. Мы доселѣ смотрѣли на него какъ на религіознаго дѣятеля. Съ этой точки зрѣнія безспорно М. Палеологъ не заслуживаетъ сочувствія и не возбуждаетъ въ себѣ уваженія. Другое дѣло, если мы посмотримъ на него, какъ на дѣятеля государственнаго. Онъ былъ замѣчательный, даровитый государь, но жилъ въ очень трудныя времена. Если мы припомнимъ, что въ теченіе всего своего царствованія онъ отовсюду былъ окруженъ политическими врагами, и что онъ, какъ умный и энергическій человѣкъ, не будучи въ состояніи пассивно относиться къ такому положенію дѣлъ; съ необыкновеннымъ политическимъ тактомъ умѣлъ пользоваться единственнымъ средствомъ, бывшимъ у него въ рукахъ — обезоружить большую часть своихъ враговъ (мыслью объ униі), то, отрицая его достоинства нравственныя, не можемъ отказывать ему въ достоинствахъ умственныхъ, и въ этомъ отношеніи не можемъ не чувствовать къ нему уваженія. Въ теченіе 20 лѣтъ (1261—1281) при 8 нападахъ онъ умѣлъ сдерживать Западъ. Овладевъ Константинополемъ (1261 г.), при папѣ Урбанѣ IV, бывшемъ прежде латинскимъ патриархомъ въ Константинополѣ, онъ сразу же очутился окруженнымъ со всѣхъ сторонъ врагами. Урбанъ вооружаетъ противъ него весь Западъ: повѣляетъ ордену францисканцевъ во Франціи (Rayn. 1262 п. 37—38) и епископамъ многихъ другихъ катол. областей (Ibid. 1264 п. 55—56)

люнской унии. Теперь ничто уже не располагало поддерживать прежний порядок вещей; особенных нападений

воззвать къ народамъ съ призывомъ къ крест. походу, обещаетъ индульгенци, приказываетъ собирать деньги въ пользу Балдуина (Ibid. 1262 п. 38 et 1264 п. 19), отлучаетъ генуэзцевъ союзниковъ Михаила отъ церкви (Ibid. 1263 п. 16), разрѣшаетъ Вильгельма ахайскаго отъ клятвы не воевать съ Палеологомъ (Пах., кн. 1, гл. 3), убѣждаетъ Людовика IX стать во главѣ предполагаемой военно-религіозной экспедиціи въ Грецію. (Raup. 1262 п. 39). Венецианцы и Вильгельмъ ахайскій по возбужденію папы вскорѣ поднимаютъ оружіе (Lebeau Hist. du Bas. emp. t. 18, liv. 100, ch. 18); Генуэзцы поспѣшаютъ отказать отъ союза съ Михаиломъ (Ibid. сф. 20); Михаилъ дерзко въ имперіи добивается византійской короны и съ этою цѣлю постоянно непріязненно дѣйствуетъ противъ имперіи (Пах. кн. 1. гл. 30, кн. 3. гл. 16. Григ. 4, 9); Ирина, супруга болгарскаго царя Константина Тиха (родная сестра ослабленнаго Михаиломъ Іоанна) возбуждаетъ своего мужа къ мщению (Пах. 3, 8. Григ. 4, 6); кромѣ того набѣги со стороны мусульманъ (Пах. 1, 8. 3, 21—22). Если и не удалось папѣ возбудить кр. походъ (Lebeau t. 18 liv. 100 ch. 17. Raup. 1263 п. 19—21), то однихъ этихъ враговъ: венецианцевъ, генуэзцевъ, Вильгельма ахайскаго съ од. стор., деспота вѣрскаго, болгаръ и мусульманъ съ др. было достаточно, чтобы испугать даже храбраго человека и заставить его во что бы-то ни стало позаботиться о средствахъ уменьшить количество враговъ по крайнѣ мѣрѣ со стороны запада. Отсюда частыя посольства со стороны М. П. въ Римъ (Raup. 1263 п. 23—28 п. 1264 58—72 et sequi. при одномъ папѣ Урбанѣ по кр. мѣрѣ три отъ М. П. и два изъ Рима). Михаилъ между тѣмъ не перестаетъ усильно воевать съ остатками владычества латинскаго на островахъ; его успѣхи въ войнѣ и его посольства въ Римъ побуждаютъ папу остановить Вильгельма ахайскаго (Lebeau t. 18, liv. 100 ch. 20) и позволить венецианцамъ заключить съ Михаиломъ перемиріе. Такъ обр. на нѣсколько лѣтъ усильно Михаилъ обезопасилъ себя со стороны запада; ему оставалось только поддерживать сношенія съ западомъ. Онъ ихъ и поддерживалъ съ ирреминкомъ Урбана Климентомъ IV (Raup. 1267 п. 66—67. п. 72—80), съ управившимъ послѣ него конклавомъ кардиналовъ (Ibid. 1270 п. 1—4 et sequi.), съ Людовикомъ IX (Ibid. et 1272 п. 26 по кр. мѣрѣ три посольства). Черезъ эти сношенія онъ умѣлъ сдерживать не только прежнихъ, но еще новаго непріятеля, подстрекаемаго Балдуиномъ—Карла анжуйскаго, несмотря на всѣ домогательства послѣдняго въ Римѣ о дозволеніи ему воевать съ византіемъ. Съ 1272 (при Григоріи X) всѣ прежніе враги снова готовятся напасть на него, будучи не только не сдерживаемы, но еще поощряемы къ тому Римомъ: срокъ перемирія съ венецианцами кончился; Карлъ анжуйскій соединялся съ ними; папа вооружалъ и др.

деней съ запада ожидать было нельзя (1), недовольство унией въ народѣ достигло послѣднихъ предѣловъ. Теперь должна была наступить реакція; какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, должна была высту-

государей западныхъ. Сдерживать западныхъ непрітелей пражини средствами болѣе уже не стало никакой возможности; нужно было прибѣгнуть къ рѣшительному средству, къ заключенію формальной унии (сіонскій соборъ). Но чрезъ этотъ рѣшительный шагъ, обезоруживъ своихъ западныхъ враговъ, онъ въ то же время далъ, благодаря посвященнымъ чрезъ унію внутри греч. имперіи смутамъ, сильное оружіе своимъ врагамъ восточнымъ и севернымъ: развилъ претендентамъ на виз. корону, въ родѣ деспотовъ: эвирскаго, трапезунтскаго, духа патрасскаго; противники унии обращаются сами къ этимъ государямъ (напр. трапезунтскому Рауп. 1278 п. 13—14) съ предложеніемъ импер. престола; Михаилу провъ того угрожаетъ союзъ болгаръ съ султаномъ по инициативѣ противницы унии—Маріи, супруги болгарскаго царя (дочери Едлогія, сестры Палеолога. Пал. кн. 6, гл. 1). Но и изъ этихъ обстоятельствъ успѣлъ Михаилъ вывернуться, благодаря храбрости и политикѣ. Повидимому, послѣ отлученія его папою (1281 г.), Михаилъ долженъ былъ окончательно проиграть свое дѣло; главный его западный врагъ Карлъ анжуйскій снова вооружается противъ него; но опять храбрость и политика его выручаютъ, онъ одерживаетъ надъ Карломъ блистательную побѣду,—это была послѣдній его подвигъ (ум. 1282). Такимъ образомъ, какъ государственный человѣкъ, Михаилъ съ честью трудился на своемъ поприщѣ. Для правительскаго сужденія о немъ нужно отличать въ немъ государственнаго дѣятеля отъ религіознаго и въ известной степени недостатки его нравственнаго характера извинять обстоятельствами времени. Легко было его сыну и преемнику Андронику быть болѣе нравственнымъ послѣ того, что сдѣлалъ для безопасности имперіи со стороны Запада его отецъ.

(1) Отлученіемъ М. Палеолога развязаны были руки его противнику Карлу; Карлъ тотчасъ же рѣшился и съ суши и съ моря напасть на византійскую имперію. Но Михаилъ ловкимъ оборотомъ своей политики разбилъ его силы, возбудивъ войну противъ него въ Сициліи и такимъ образомъ оттякъ половину его силъ. Надъ другою половиною М. Палеологъ одержалъ блистательную побѣду подъ Балградомъ; эта побѣда сопровождалась совершеннымъ истребленіемъ Карловыхъ войскъ. Карлъ, пораженный этою потерей, а еще болѣе смертію своего сына, убитаго на войнѣ въ Сициліи, скоро умеръ съ горя. При Андроникѣ лотомки Карла затннулись въ другія войны; имъ было уже не до византійской имперіи. Теперь они уже не грозятъ войною, напротивъ стараются войти въ родственныя связи съ византійскими императорами

пить на поприще дѣятельности партіи крайнихъ противниковъ униі и выразить все, что скопилось у нихъ въ груди противъ латинскихъ, равно какъ и противъ настоящихъ и мнимыхъ защитниковъ униі. И дѣйствительно, едва вступилъ на престолъ Андроникъ, какъ въ дѣлахъ церковныхъ начался крутой поворотъ на прежнюю дорогу: во главѣ правленія стала крайняя, собственно народная, партія, заправителями которой были лица монашествующія. Дѣйствія ея отмѣчены крайнею неприязнью къ латинянамъ и направлены къ публичному заявленію того, что союзъ съ Римомъ расторгнуть и къ преслѣдованію прежнихъ дѣателей униі, равно какъ и лицъ мирившихся съ прежнимъ положеніемъ дѣлъ. Тотчасъ же по вступленіи на престолъ (12 Дек.), повинуясь обстоятельствамъ и подъ влияніемъ общаго настроенія умовъ, Андроникъ объявилъ, что онъ противъ воли, только по настоянію отца, принужденъ былъ принимать участіе въ униі, что онъ въ этомъ раскаивается и готовъ понести даже наказаніе, какое заслуживаетъ его грѣхъ, наконецъ, что онъ возвращаетъ изъ ссылки и заточенія всѣхъ тѣхъ, которые страдали за свое противленіе униі. За такимъ началомъ послѣдовало множество фактовъ, въ которыхъ выразились неприязненные отношенія къ латинянамъ и ихъ поборникамъ. Дѣло было около праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія. Въ первый праздникъ во дворцѣ не было литургій, чтобы не поминать въ молитвахъ Векка, какъ патріарха. Во дворцѣ явно показывали,

и стараются очевидно достигнуть своихъ цѣлей этимъ путемъ, не имѣя возможности достичь ихъ путемъ завоеваній. Такъ сынъ Карла предлагалъ въ замужество сыну Андроника свою дочь, родившуюся у него отъ дочери послѣдняго латинскаго императора Балдуина II. Григора, стр. 138—142, 186, 208.

что поражены печалію о вѣчной участи императора Михаила; Евлогія, сестра М. Палеолога, выражала скорбь о погибелі души своего брата въ слѣдствіе его дружбы съ латинянами и внушала тоже женѣ покойнаго императрицѣ Феодорѣ; послѣдняя также въ избыткѣ скорби спрашивала патріарха Іосифа, что она должна дѣлать для спасенія души ея мужа. На другой день Рождества Христова Венгъ удаленъ вѣжливымъ, впрочемъ, письмомъ Андроника, который увѣрялъ патріарха въ своемъ ему любви и уваженіи и представлялъ его удаленіе дѣломъ необходимости, дѣломъ обстоятельствъ. Наканувъ 1-го января, при многочисленномъ стеченіи народа, съ пѣніемъ, рукоплесканіемъ, при звонѣ колоколовъ торжественно перенесенъ въ патріаршій дворецъ едва уже живой патріархъ Іосифъ. 1-го января духовенство также не допущено было до совершенія обычнаго Богослуженія въ Великой церкви. На другой день, 2 Января, 1283 года совершена была церемонія освященія Великой церкви, какъ бы освященной латинянами. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при этомъ былъ Галактіонъ, монахъ галисійскій, (*Γαλισιώτης*) лишенный зрѣнія М. Палеологомъ, жаркій противникъ униі; онъ, водимый подъ руки, кропилъ святой водой и внутреннія и внѣшнія части храма, и колонны и иконы. Присутствующіе также желали быть очищенными и были также окропляемы. Мірянъ посылали къ монахамъ, которые и налагали на нихъ различныя епитиміи, смотря по степени общенія, до котораго они хотѣли быть допущены: одну для желающихъ участвовать въ псалмопѣніи, другую для желающихъ получить благословенный хлѣбъ и третью для желающихъ участвовать въ Евхаристіи. Наконецъ публично въ церкви

читанъ былъ декретъ, написанный отъ имени патріарха, но составленный крайнею партіею, объявлявшій епископовъ и священниковъ состоящими подъ запрещеніемъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ и опредѣлявшій для мирянъ эпитимию въ прямой пропорціи съ тѣмъ, къ какой степени общенія они желали быть допущены, а двухъ архидіаконовъ, Константина Мелитиніота и Георгія Метохита совершенно низлагавшій за то, что они нѣкогда присутствовали на мессѣ, совершаемой папою (1). Но это еще не все; это была еще не крайняя степень реакціи: она была дальше за этими событіями; серьезное дѣло было впереди. Былъ еще не тронуть чловѣкъ, котораго всѣ считали виновникомъ униі. Нужно было его низвергнуть и потомъ уже дѣйствовать противъ всѣхъ, по ихъ мнѣнію, неизгладимо запятнавшихъ себя униєю. И потому, до времени снисходительно обращаясь съ послѣдними, склонивъ на свою сторону всѣхъ бывшихъ въ Константинополѣ епископовъ и прежде всего бывшего тогда въ Константинополѣ патріарха александрійскаго Аеанасія, крайніе противники униі собрали противъ Векка соборъ. На этомъ соборѣ, на которомъ предсѣдательствовалъ патріархъ Александрійскій и присутствовали между прочимъ много потерпѣвшіе отъ М. Палеолога великій Логофетъ Музалонъ и Риторъ Оловоль, также ловко передавшійся теперь на сторону противниковъ униі, прежній ея послѣдователь, Георгій кипрскій и многіе другіе, Веккъ обвиняемъ былъ за свои сочиненія, смутившія миръ церковный, поднявшія ненужные вопросы, наполненныя ересями. Его сочиненія были осуждены и сожжены на со-

(1) Pashum. Andr. l. I, c. 2. 3.—Hist. de l'Eglise. Fleuri, an. 1283, n. LXVIII.

боръ. Звономъ колоколовъ собрали народъ, принудили итти туда самого Векка, долго не шедшаго на соборъ изъ опасенія народной ярости. Векка заставили сѣсть на послѣднее мѣсто и защищаться. Онъ оправдывался въ своей приверженности къ уніи обстоятельствоми времени, пользою союза съ Римомъ для Имперіи, но въ заключеніе принужденъ былъ отречься отъ своихъ сочиненій, подписаться подъ представленное ему исповѣданіе вѣры и также письменно отказаться отъ патріаршества; послѣ чего вскорѣ онъ сосланъ былъ въ ссылку въ Прузу, что въ Вѣннии, вмѣстѣ съ Мелитиніотомъ и Метохитомъ ('). При посвященіи новаго патріарха, врага и соперника Веккова, Георгія кипрскаго, еще въ нѣсколькихъ фактахъ выразилась неприязнь къ латинянамъ и уніатамъ. Императоръ, конечно по внушенію заправлившей тогда всѣмъ партіи, хотѣлъ, чтобы въ посвященіи новаго патріарха не участвовалъ никто изъ запятнавшихъ себя общеніемъ съ латинянами. Положено было воспользоваться для этой цѣли недавно пріѣхавшими въ Константинополь изъ Этоліи и Македоніи епископами козильскимъ и деврскимъ, не принимавшими никакого участія въ уніи. Итакъ прежде всего епископъ козильскій посвятилъ Георгія кипрскаго въ инока и діакона въ церкви одного монастыря (Предтечи), въ которой прежде не совершалось службы и которая слѣдовательно не была въ рукахъ приверженцевъ уніи. Потомъ тотъ же епископъ рукоположилъ одного монаха, относявшагося къ уніи совершенно безразлично, въ митрополита Иракліи еракійской, за которымъ издавна признавалось право по-

(') Pachym. Andr. l. VII, c. 7. — Hist de l'Eglise. Fleuri, an. 1283. n. VI.

святить константинопольскихъ патриарховъ, съ тою цѣлю, чтобы новосвященный митрополитъ въ свою очередь рукоположилъ Георгія кипрскаго въ самъ константинопольскаго патриарха. Наконецъ послѣ всѣхъ этихъ приготовлений и предосторожностей всѣ трое, то есть, митрополитъ ираклійскій, епископы козильскій и деврскій 11 Апрѣля 1283 года въ церкви св. Софїи рукоположили новаго патриарха, также съ соблюденіемъ большихъ предосторожностей. Предварительно освященъ былъ престолъ и совершенно удаленъ изъ храма весь клиръ этой Церкви. Послѣ посвященія еще въ нѣсколькихъ фактахъ выразилась заботливость ревнителей православія объ искорененіи изъ церкви вторгшагося въ нее латинства. Нѣсколько дней послѣ посвященія патриарха клиръ Церкви св. Софїи все еще не смѣлъ присутствовать при Богослуженіи; наконецъ въ среду на страстной недѣлѣ положено было произнести надъ нимъ разрѣшеніе. Клиръ палъ на землю и просилъ прощенья. Ему позволено было присутствовать при богослуженіи, но ни въ этотъ, ни въ слѣдующій день онъ не былъ допущенъ до Евхаристіи; вмѣсто Евхаристіи въ слѣдующій день онъ получалъ отъ патриарха по кусочку простаго неосвященнаго хлѣба (1).—Только теперь, послѣ всѣхъ описанныхъ событій, то есть, послѣ того, какъ низверженъ былъ Векъ и скончался не дѣятельный Іосифъ, когда избранъ былъ новый патриархъ, который имѣлъ возможность самъ непосредственно принимать во всемъ участіе и своимъ авторитетомъ освящать разнаго рода крутыя мѣры, только тогда открылась для господствующей

(1) Pachym. l. VII, c. 14.—Hist. de l'Eglis. Fleuri, an. 1283, n. VIII,

партія возмощаетъ безъ всякой помѣхи и безъ упрема въ самоволю энергически принятыя за окончательное очищеніе церкви отъ латинскихъ заблужденій, приступить къ низверженію всѣхъ епископовъ и клириковъ, принимавшихъ каковъ либо участіе въ униі, не обращая вниманія на ихъ раскаяніе. Теперь наступило то время, когда реакція предшествующему положенію дѣла стала на высшую свою степень. Черезъ нѣсколько дней послѣ описанныхъ нами событій во влахернскомъ храмѣ состоялся соборъ, заранѣе авторизованный Императоромъ. Андроникъ своимъ декретомъ заранѣе утверждалъ всѣ дѣйствія этого собора. Императорскій декретъ объявлялъ, что какъ съ оскорбителемъ величества будетъ поступлено съ тѣмъ, кто будетъ противиться соборнымъ опредѣленіямъ. Предсѣдателемъ на соборѣ номинально былъ новый патріархъ; на самомъ же дѣлѣ всѣмъ заправлялъ тамъ императорскій духовникъ, епископъ сардскій Андроникъ, строгій инокъ, и слѣдовательно жаркій противникъ униі. Большинство собора состояло изъ иноковъ и людей простаго происхожденія (1). На этотъ соборъ не было рассужденій;

(1) Что здѣсь преобладала варедная партія, видно изъ слѣдующихъ словъ Григоры: „послѣ известнаго сожженія въ Атрамирѣ книгъ, написанныхъ по внушенію вражды, всѣ показывавшіе въ себѣ ревность по вѣрѣ собрались въ Византію, гдѣ жодзали между собою митрополити и другіи высшія мѣста, или же рѣшили подѣлать и, пользуясь случаемъ, безъ всякаго снисхожденія и состраданія присудили къ полному отлученію архіереевъ и всѣхъ клириковъ, согласившихся относительно догмата съ царемъ Михаиломъ. Очень многіе изъ нихъ принадлежали къ *млоццадному, необразованному и своенравному* люду, и вчера или третьяго дня не смѣли даже посмотреть въ лице царю; теперь же внезапно и не по заслугамъ встрѣтивъ въ немъ большую благосклонность къ себѣ, они такъ загордились своимъ положеніемъ, что стали точно пьяные. Получивъ дозволеніе отъ царя, который уступалъ имъ во всемъ, по своему пламенному, наполнявшему его сердце желанію единенія церкви, они по-

тутъ совершался одинъ судъ и слышались одни судебные приговоры: „пустъ приведуть такого-то“, вотъ что поминутно слышалось въ собраніи. Когда требуемое лице являлось, его обвиняли въ нарушеніи церковныхъ правилъ. Обвинителями по большей части были инокѣ. Послѣ этого распорядившійся всѣмъ на соборѣ епископъ сарденій говорилъ: „пустъ его выведуть“; это несчастивецъ, присвокупляя присутствовавшіе и императорская стража съ посрамленіемъ тащала его вонъ. Нѣкоторые инокѣ приносили противъ нихъ анафему, другіе срывали съ нихъ епископскія облаченія, такъ какъ считали ихъ недостойными носить епископскія украшенія. За неявишимися добровольно на соборъ отправлялась императорская стража и приводила на соборъ насильно; нѣкоторые, совсѣмъ не явившіеся на соборъ, не смотря на то объявлены виновными, какъ напримѣръ митрополитъ визическій. Даже у патріарховъ александрійскаго (Аванасія) и антиохійскаго (Феодосія), жившаго въ то время въ Константинополѣ (1), вмѣстѣ съ огласіемъ на низложеніе епископовъ потребовали отреченія отъ униі, такъ какъ ревнителямъ православія и они казались уже запятнавшими себя, хотя они имѣли общеніе не съ латинянами прямо, а только съ тѣми, которые приняли латинявъ въ общеніе. Дѣйствія собора простерлись не на одну іерархію. У вдовствующей императрицы, матери Андроника, потребовали исповѣданія вѣры и письменнаго отреченія отъ униі, равно какъ обязательства, что она не будетъ домогаться погребенія

томъ уже, несколько не стѣсняясь, собрали какъ овецъ въ великій владерискій храмъ всѣхъ тѣхъ, на которыхъ положили произность то безчестное опредѣленіе“. Григоръ, стр. 163—164.

(1) Эти два патріарха постоянно жили въ Константинополѣ, такъ какъ латиняне владѣли еще Триромъ, Адронъ и многими мѣстами Сиріи.

ея мужа Мизанна Палеолога; въ награду за послѣднее Феодоръ обѣщали поминать ея имя въ общественныхъ молитвахъ на раду съ именемъ сына ея Андроника. Такимъ образомъ всѣ, кто хотя сколько нибудь почувствовалъ уни или по крайней мѣрѣ терпѣлъ ее подверглись соборному осужденію. Теперь, когда всѣ были изложены, когда не оставалось болѣе никого, противъ кого бы можно было ратовать, естественно должна была наступить въ церкви тишина. Но по временамъ и послѣ этого заявляла себя уни. По временамъ снова поднималось въ церкви волненіе, хотя уни теперь становилась уже на задній планъ, служила только предлогомъ, за которымъ скрывались и дѣйствовали отношенія личныя, страсти (1). Спустя два года послѣ описанныхъ выше событій, въ 1285 г. снова возникли споры объ исхожденіи Св. Духа; былъ даже соборъ; писались догматическія сочиненія; возникла полемика. Соборъ (второй Влахернскій) былъ направленъ противъ Векна; полемика—противъ Георгія Кипретаго. Когда новый епископъ Прузы (мѣста ссылки Векна) Неонитъ, какъ видно жаркій противникъ уни, при своемъ вступленіи на престолъ наложилъ на свою паству постъ для изглаженія преступленія, то есть уни, когда за тѣмъ народъ, находя, вѣроятно, эту мѣру своего епископа для себя тяжелою, въ ярости устремился къ Векку, жившему тамъ въ ссылкѣ, какъ къ виновнику уни, а слѣдовательно и валоженнаго поста, когда наконецъ Веккъ принужденъ былъ для успокоенія народнаго волненія предложить свое дѣло и ученіе еще разъ на соборное обсужденіе; тогда снова составился соборъ во Влахернскомъ

(1) *Решум.*, I. VII, с. 10; *Hist. Eccl. Flavi*, an. 1288, n. IX.

дворцѣ подѣ предѣдательствомъ двухъ патриарховъ, Георгія константинопольскаго и Афанасія александрійскаго, въ присутствіи самаго императора. На этомъ соборѣ было много вреній объ исхожденіи Св. Духа. Венкъ и особенно его сводвижники, когда потребовали отъ нихъ откровеннаго признанія, какъ они думаютъ объ этомъ догматѣ, старались и отеческими сочиненіями (особенно мѣстами изъ твореній св. Іоанна Дамаскина) и сравненіями (солнце, лучь, свѣтъ) оправдать свое ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца чрезъ Сына. Георгій и засѣдавшіе на соборѣ опровергали это ученіе различнаго рода соображеніями, именно, что этимъ ученіемъ вводится два начала въ одно божество, наводится на мысль, будто Отець не могъ извести Духа Святаго, какъ только подѣ условіемъ рожденія Сына, что чрезъ это расторгается непосредственная связь Духа Святаго съ Отцемъ. Спорили за тѣмъ о предлогахъ *εξ* и *διὰ* и проч. Далѣе одна сторона укоряла своихъ противниковъ за ненужное, только смутившее миръ церковный, прибавленіе къ символу; другая же оправдывая это прибавленіе доброю цѣлію—желаніемъ уничтожить раздѣленіе церквей, укоряла противную сторону въ безпощадной жестокости, въ томъ, что за прибавку къ символу, основанную на отеческихъ выраженіяхъ, стали трактовать ихъ, какъ отступниковъ и еретиковъ, лишали священныхъ степеней, омывали жертвенники, въ которыхъ они священнодѣйствовали, выливали, какъ нечистоту, миро, ими освященное и пр. Такимъ образомъ къ концу соборнаго засѣданія диалектика уступила мѣсто различнаго рода упрекамъ: заговорили языкомъ страстей. Соборное засѣданіе кончилось рѣзкою выходкою Венка. Объявляя,

что онъ не смотря ни на что, не смотря даже на собственное свое убѣжденіе, желаетъ лучше слѣдовать вмѣстѣ съ соборомъ православному ученію и, если весь соборъ заблуждается, рѣшается лучше вмѣстѣ со всѣми быть осужденнымъ, чѣмъ одному мнать спасенія, что онъ всецѣло вѣрится водительство православныхъ, Венигъ вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ опасеніе. Быть можетъ, говорилъ онъ (передаемъ сущность его рѣчи), мое ученіе вовсе и не думаютъ отвергать, быть можетъ противъ меня дѣйствуетъ одна ненависть, можетъ быть и отказавшись отъ своихъ убѣжденій я останусь для всѣхъ ненавистенъ, всѣ будутъ бѣгать меня и такимъ образомъ, подвергая опасности свою душу ради мира съ братією, я все-таки не достигну этого мира. Уколотый подобными намеками, соперникъ Венига и бывшій приверженецъ уніи, патриархъ Георгій разнаго рода кознями довелъ Венига до того, что послѣдній, совершенно вышедши изъ себя, обратившись къ императору и возвысивъ голосъ, съ клятвою объявилъ, что если Георгій не сойдетъ съ престола, тишина никогда не водворится въ церкви. Послѣ собора, не смотря на увѣщанія Андроника оставить споры и примириться съ церковію, Венигъ и его единомышленники объявили, что они готовы лучше вытерпѣть все возможное отъ императора, чѣмъ подчиниться тѣмъ, которые ихъ оклеветали. Послѣ многихъ безуспѣшныхъ попытокъ примирить враждующихъ, Андроникъ снова сослалъ Венига, Мелитиніота и Метохита въ Визанцію, въ крѣпость св. Георгія (1). Но этимъ дѣло еще не кончилось. Догматическіе споры, бывъ возбуждены, не могли скоро утих-

(1) Pashum. Andr. l. VII, c. 34, 35.—Hist. de l'Eglise. Fleuri, an. 1285, n. XXV, XXVI.

нуть; явились сочиненія. Сперва сочиненіе патріарха Георгія противъ ученія Векка объ исхожденіи Св. Духа. Сочиненію этому придано значеніе чего-то въ родъ символической книги. Его подписали императоръ, епископы и, разумѣется, его авторъ, патріархъ (2). Оно было читано въ церкви съ амвона и при каждомъ пунктѣ чтець, возвысивъ голосъ, аваематствовало пониманію Векка и его единомышленниковъ. Въ отвѣтъ на сочиненіе Георгія появились сочиненія Векка, обвинявшія Георгія въ томъ, что онъ вводитъ новыя ереси. Сочиненія Векка очень распространены были въ Константинополѣ и были тщательно обсуживаемы всѣми, которые боялись ошибиться въ такомъ щекотливомъ предметѣ и особенно тѣми, которые не подписались подъ сочиненіемъ Георгія, какъ подъ въроисповѣданіемъ епископовъ. Наконецъ, догматическіе споры окончательно стали покровомъ для интригъ, когда люди нерасположенные къ Георгію, воспользовавшись тревожнымъ настроеніемъ умовъ, успѣли за сочиненіе одного изъ учениковъ Георгія, поправленное послѣднимъ, объявить патріарха еретикомъ и свергнуть съ престола. Іоаннъ Веккъ умеръ 1298 г.—Константинъ Медитиніотъ и Ге-

(2) Но когда стали принуждать клириковъ подписаться подъ него, тогда начались волненія. Потерявъ не задолго передъ тѣмъ много непріятностей за то, что противъ воли принуждены были согласиться на унию, клирики боялись теперь снова сдѣлать что-нибудь такое, изъ-за чего могли осудить ихъ во второй разъ. Итакъ, многіе изъ нихъ, терпя въ догматическихъ тонкостяхъ, рѣшились лучше подвергнуться отлученію, чѣмъ подписаться подъ представленное имъ сочиненіе. За свое сопротивленіе патріарху они отлучены были отъ церкви, потерявъ свои вѣста. Они подписались только тогда, когда епископы дали имъ отъ себя письменное удостовѣреніе, что съ нихъ снята будетъ всякая отвѣтственность предъ Богомъ и предъ людьми, если сочиненіе патріарха содержать въ себѣ какую-нибудь мысль, противную православію.

оргій Метохитъ жили еще нѣсколько времени послѣ него, будучи по смерти Векна переведены въ Константинополь, снова безуспѣшно убѣждаемы императоромъ примириться съ православными и наконецъ заключены въ тюрьмѣ большого дворца (1).

Мы показали общій ходъ дѣлъ во времена ліонской уніи. Надѣмся, что излишне было бы рѣшать вопросъ, почему описанная нами попытка къ соединенію церквей была безуспѣшна; надѣмся, что отношеніе правительства, іерархіи и народа греческаго къ разсматриваемому нами вопросу, равно какъ и стремленію папъ, сами собою видны изъ нашего изложенія. Намъ теперь остается остановитъ вниманіе на одномъ изъ главныхъ дѣятелей этого времени, Веккѣ, — на личности, которая не можетъ быть вполне вычленена изъ нашего изложенія общаго хода дѣлъ; намъ нужно рѣшить вопросъ, что это была за личность, почему изъ защитниковъ православія Веккъ превратился въ поборника латинства. Мы уже высказали свой взглядъ на него; теперь остается подтвердить этотъ взглядъ фактами, по большей части уже изложенными. Прежде всего Веккъ былъ человѣкъ не чуждый вопросовъ, занимавшихъ тогда государственную политику. Когда на соборѣ при Андроникѣ, какъ мы видѣли, спрашивали его, почему онъ дѣйствовалъ въ пользу уніи, онъ прямо отвѣчалъ, что подобнаго рода дѣйствій съ его стороны требовали обстоятельства времени, нужды имперіи. Но если бы мы и не знали этого факта, и въ такомъ случаѣ уже на основаніи одной должности, которую занималъ Веккъ — должности Великаго Хартофилакса мы имѣли бы право заключать,

(1) *Pachym. Andr.*, l. VIII, c. 1—10. — *Hist. de l'Eglise. Fleuri*, an. 1269, n. LIV—LVI.

что дѣла тогдашней политики и нужды государства не могли конечно не занимать такого важнаго лица, какъ Великій Хартофилаксъ, соприкасавшагося по обязанностямъ своей службы съ первыми самовидами двора. А ясное сознание государственныхъ нуждъ, всякій съ нами согласится, было уже важнымъ предполагающимъ обстоятельствомъ въ пользу унія съ Римомъ. Въ характерѣ Векки было другое благопріятное условіе, которое при извѣстныхъ обстоятельствахъ могло привести его, какъ и привело къ тому же. Много мы имѣемъ данныхъ для того, чтобы приписывать Векку характеръ гибкій, уклончивый. Еще до своего перехода на сторону императора, Векка обнаружилъ свою уклончивость. Припомнимъ, какъ въ собраніи епископовъ и въ присутствіи императора онъ колебался высказывать свое мнѣніе относительно латинякъ, какъ патріархъ, чтобы заставить его говорить принужденъ былъ употребить противъ него угрозу отлученія отъ церкви, какъ Векка колебался при этомъ случаѣ, по словамъ Пахимера „между страхомъ царя и угрозою отлученія и сознавалъ неловкость своего положенія“, въ какихъ наконецъ смѣшавшихъ выраженіяхъ онъ высказалъ свое мнѣніе, что латиняне еретики (!). Повидному много твердости обнаружилъ Векка, когда послѣ измѣны православію сдѣлавшись патріархомъ, принялъ на себя обязанность ходатайствовать предъ императоромъ за людей страждущихъ, вышнивался въ дѣла и распоряженія императора, сдѣлался очень настойчивъ въ своихъ къ нему просьбахъ и чрезъ то навлекъ на

(!) „Одни—говорилъ Векка—въ отношеніи къ чему-нибудь и есть и называются; другіе и называются и не есть; а третіе опять хотя и есть, но не называются“. См. Пахли., стр. 345.

себя гнѣвъ Михаила Палеолога. Но, какъ, потому okaza-
лось, Векъ и въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ по раз-
счету. Онъ безъ сомнѣнія думалъ, что огромныя услуги,
какія онъ своимъ переходомъ на сторону уніи оказалъ
императору, слишкомъ достаточны для того, чтобы по-
слѣдній извинилъ ему многое. Векъ надѣялся, что ему
все сойдетъ съ рукъ, а онъ между тѣмъ своимъ пове-
деніемъ въ отношеніи къ императору приобрѣтеть себѣ
большой вѣсъ и уваженіе при дворѣ и въ обществѣ.
Но когда расчеты его оказались невѣрными, когда Ми-
хаила Палеологъ, по своей крайне деспотической на-
турѣ не могшій терпѣть вокругъ себя людей свободно
и настойчиво высказывающихся, удалилъ его, подвергъ
его своей немилости; тогда Векъ совершенно измѣнилъ
свою тактику. Обязанный своимъ возвращеніемъ на
патріаршію каведру стѣсненному положенію импера-
тора, въ каждомъ ощутился послѣдній съ прибытіемъ въ
1278 году послѣдъ отъ папы Николая III, Векъ послѣ
того сдѣлался крайне осторожнымъ. Боясь вторично
подпасть гнѣву М. Палеолога, Векъ началъ во всемъ
угодять императору. По замѣчанію Пахимера „готовъ
былъ въ угодность ему сдѣлать все; ибо совершенно
измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ труд-
ными обстоятельствами,“ (1): былъ свидѣтелемъ жесто-
костей Михаила и не возставалъ противъ нихъ. Мало
того, не считалъ излишнимъ прибѣгать къ низкой ле-
сти и угодничеству предъ лицами близкими къ импера-
тору (2). Наконецъ, отрешившись на соборѣ при Андро-
никѣ отъ всего, что такъ жарко защищалъ прежде, отъ
общенія съ латинянами и отъ ученія объ исхожденіи

(1) Пахим., стр. 457.

(2) См. Пахим., стр. 442.

Св. Духа и отъ Сына, Векъ еще разъ обнаружилъ въ себѣ недостатокъ устойчивости, твердости въ характерѣ. И такъ въ общественномъ положеніи Векка и въ его характерѣ скрывались два условія, имѣвшія, безъ сомнѣнія, вліяніе на переходъ его на сторону императора. Но всего важнѣе въ этомъ случаѣ была та степень пониманія православія и латинства, на какой стоялъ Векъ. Православіе и латинство онъ ограничивалъ, какъ многіе тогда ограничивали, нѣсколькими отдѣльными пунктами ученія. (1) Обстоятельства заставили Векка поглубже вникнуть въ то, почему въ самомъ дѣлѣ православные не имѣютъ общенія съ латинянами. Прежде, скрываясь за другими онъ и думалъ также какъ и другіе, не имѣя нужды критически отнестись къ основаніямъ, на которыхъ всѣ, а вмѣстѣ со всѣми и онъ, поступаютъ такъ, а не иначе. Заключение въ тюрьму заставило его тщательно взвѣсить все то, что имѣлъ онъ за и противъ общенія съ римскою церковію. Противъ послѣдней у него оказалось не много, а по тщательномъ обсужденіи, даже одинъ только догматъ объ исхожденіи Св. Духа. Остальныя основанія отчужденія отъ римской церкви, какъ ему безъ сомнѣнія казалось, скрывались въ различіи нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ, болѣе же въ чувствѣ воспитанной въ камнѣ неприязни къ латинянамъ; но эти основанія, конечно, не могли устоять

(1) Но не всѣ испытывали на себѣ тѣ предрасполагающія вліянія, какія испытывалъ, какъ мы видѣли, Векъ; притомъ не всѣ были поставлены въ то исключительное положеніе, въ какомъ очутился предъдній послѣ перваго собранія епископовъ у императора; а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что другіе устояли, а онъ палъ. Другіе имѣли за собою или болѣе твердости характера или были далье отъ политики двора или относились къ догматическимъ истинамъ болѣе сердцемъ, нежели умомъ, или наконецъ на нихъ не были, какъ на Векка, направлены преслѣдованія императора.

противъ его критики. Въ пользу же воссоединенія съ латинянами говорили ему, безъ сомнѣнн, извѣстными ему политическія обстоятельства отечества и всегда сильное въ человѣкѣ чувство самосохраненія съ благосклонностію императора въ добавокъ. Послѣ всего этого довольно было какого нибудь случая, который бы могъ натолкнуть его на мысль, что и одно имѣющееся у него препятствіе къ соединенію съ Римомъ можетъ быть устранено,—достаточно, говоримъ, было одного такого случая для того, чтобы Веккъ съ радостію ухватился за него, какъ человѣкъ уже сознавшій, что противная сторона не Богъ знаетъ какъ далека отъ православія. Тщательное знакомство съ сочиненіями знаменитаго, уважаемаго всѣми Влеммида, представленными Векку въ тюрьмѣ, было для него именно такимъ обстоятельствомъ ⁽¹⁾. Не удивительно послѣ этого, что состояніе души его, когда онъ прочелъ сочиненіе Влеммида „подобно было“, по словамъ Пахимера „тому, въ какомъ находятся безпомощные люди, когда во время гнетущей нужды неожиданно вообразятъ, что имѣютъ все“. ⁽²⁾ Оно дѣйствительно должно было быть на столько успокоительно, на сколько предъидущее было шатко, мучительно. Теперь можно было и

⁽¹⁾ Настроенный такимъ образомъ, онъ совершенно лишился надлежащаго критерія къ наследованію истины. Сочиненія св. отцевъ, въ которыхъ вылагалось православное ученіе, Векку представлялись или поврежденными (de process. Sp. Sancti Grac. Orth. p. 241—242) или подложными, какъ напр. сочиненіе Кирилла Алек.: „de trinitate“ (de process. Sp. S. cap. XII), почему онъ ихъ отвергалъ. Поврежденными же, напротивъ, пользовался, напр. (de un Eccl. Graec. Orth. p. 133)—поврежденнымъ спискомъ твореній Василія В., въ который внесены слова, благопріятствующія латинянамъ (что эти слова—вставка позднѣйшая, см. прим. къ русск. пер. Тв. Св. Отц., т. 7, стр. 128).

⁽²⁾ Пахим., стр. 350.

измѣнять православію и остаться въ то же время правымъ предъ своею совѣстію. По всей вѣроятности подобнымъ же образомъ совершился переходъ на сторону уніи и остальныхъ ея приверженцевъ—архидіаконовъ Мелитиніота и Метохита и протопостолларія Георгія кипрскаго (1), хотя можетъ быть Векку, какъ человѣку съ болѣе честными правилами переходъ въ унію стоилъ гораздо большихъ душевныхъ мученій, чѣмъ на примѣръ, Георгію кипрскому, для котораго, какъ видно, не составляло большого труда мѣнять убѣжденія, который два раза измѣнилъ ихъ. Не видно также, чтобы и Мелитиніотъ съ Метохитомъ сколько нибудь колебались подобно Векку прежде, чѣмъ перешли на сторону уніи.

ГЛАВА II.

Общая попытка къ соединенію церкви между ліонской уніей и александридскими соборами (1300—1416).

Послѣ всѣхъ вышеназложенныхъ событій ліонской уніи нужно было ожидать, что въ слѣдующія за тѣмъ времена вопросъ о соединеніи церквей вообще уже не будетъ обращать на себя такъ много вниманія, какъ прежде, что для него наступитъ время забвенія, пренебреженія, намѣреннаго отъ него удаленія. Такъ дѣйствительно и было.—На востокѣ не только народъ, но и іерархія совершенно имъ не занималась. Положительно извѣстно, что въ Греціи отъ народа даже намѣренно скрывали, какъ послѣ увидимъ, сношенія съ латинянами, держали эти сношенія въ тайнѣ. Разъ только

(1) И они, подобно Векку, были лица не маловажныя въ столичномъ духовенствѣ.

одинъ государь (Иоаннъ Палеологъ) позволилъ себѣ лично стать на сторонѣ латинянъ, но во первыхъ это было въ бытность его на западѣ, слѣдовательно не въ виду православнаго народа, во вторыхъ этотъ государь, какъ видно изъ исторіи, вовсе не намѣренъ былъ убѣждать кого нибудь послѣдовать своему примѣру; перешедши въ латинство лично онъ не принуждалъ къ тому ни народъ, ни іерархію, и дѣло это не произвело замѣтнаго движенія въ народѣ. Но, не говоря уже о народѣ, даже тѣ, которыхъ прямою обязанностию было заниматься рѣшеніемъ этого вопроса—православная іерархія равнодушно относилась къ нему, совершенно устранила себя отъ него. Вотъ почему при обзорѣннн этого періода времени намъ не придется уже быть свидѣтелями, какъ прежде, переговоровъ или письменныхъ сношеній патріарха и епископовъ съ латинянами. Пренннхъ небольшихъ соборовъ, и разсужденій на нихъ епископовъ о причинахъ раздѣленія и способахъ соединенія церкви мы совѣтъ не встрѣтимъ. Всего только разъ дѣло клонилось было къ диспуту между папскими нунціями и православными епископами, но и тутъ все дѣло ограничилось только однимъ пространннмъ разсужденіемъ о томъ, что не нужно поднимать щекотливаго вопроса. Замѣчательно, что даже патріархъ ни разу не писалъ папѣ, ни однажды не приложилъ своего письма къ письму императорскому, между тѣмъ какъ въ прежнее время весьма часто, мы видѣли, вмѣстѣ съ императоромъ писалъ къ папѣ и патріархъ. Даже императорскими послами, приносявшими папѣ императорскія письма были въ описываемое нами время не епископы или клирики, а люди свѣтскіе, придворные или же латиняне. Одинъ только разъ посланъ былъ въ Авиньонъ

архимандритъ, да и то однимъ императоромъ тайно отъ всѣхъ, притомъ какъ послѣ оказалось этотъ человекъ въ душѣ былъ латинянинъ. И такъ намъ приходится теперь имѣть дѣло исключительно съ дипломатическими сношеніями одного византійскаго императора съ латинскимъ западомъ.— На западѣ этотъ вопросъ какъ и всегда не занималъ народныхъ массъ; онъ интересовалъ собою только нѣсколькихъ лицъ. Народъ на западѣ смотрѣлъ на православный востокъ какъ на церковь, дошедшую за свою схизму до крайне бѣдственнаго положенія; таково было тамъ общее мнѣніе (*communis opinio*) (1); являлись тамъ даже предсказанія (Бригитты), что восточную имперію до тѣхъ поръ будутъ тревожить турки, пока не подчинится она церкви римской. (2) Но тѣмъ дѣло и ограничивалось. Петрарка упрекаетъ весь западъ въ пренебреженіи въ восточной церкви и къ тѣмъ отношеніямъ, въ какихъ эта послѣдняя стоитъ къ латинской (3). И такъ вопросъ о соединеніи церквей не занималъ въ разсматриваемый періодъ массъ западныхъ.— Кого же онъ интересовалъ въ это время на западѣ? Сначала онъ интересовалъ лицъ предъявлявшихъ права на византійскій престолъ, родственниковъ послѣдняго латинскаго императора, стало быть, занималъ собою два царствующіихъ дома французскій и неаполитанскій.

(1) *Annal. Eccl. Raynald.* 1373 n. 1—2.

(2) *Ibid.* ad. an. 1374 n. 5.

(3) Обвиняя латинскую церковь въ снисходительности къ греческой церкви, Петрарка говоритъ: „болѣе и болѣе изумляюсь я этой снисходительности и не могу понять, почему такіа важныя дѣла не обращаютъ на себя вниманія, когда о немъ важныхъ такъ заботятся; хотя *beneficentia* обще, касается *всѣхъ христіанъ*, однакожъ въ цѣломъ войскѣ, худо исполняющемъ свои обязанности, всего стыднѣе вождыхъ. (*Ibid.* ad. an. 1366 n. 24.)

Папа относился въ это время къ этому вопросу, не какъ лицо дѣйствующее самостоятельно, не въ своихъ собственныхъ интересахъ, но болѣе въ интересахъ французскихъ королей, какъ епископъ, находившійся по мѣстопробыванію своему — Авиньону подѣ вліяніемъ французскаго двора. Такъ было до половины XIV столѣтія. Затѣмъ, когда, въ половинѣ этого столѣтія, папы, понявъ всю унижительность своего положенія, стали стремиться поднять авторитетъ своего престола, стали дѣлать попытки (Урбанъ VI и Григорій XI) переселиться въ Римъ, въ это время вопросъ о соединеніи церквей сравнительно гораздо болѣе интересовалъ папъ; послѣдніе энергичнѣе взялись за него и самостоятельно при этомъ дѣйствовали. Такъ было съ половины XIV столѣтія до послѣдней его четверти. Наконецъ, всего менѣе расположенъ былъ западъ заниматься этимъ вопросомъ въ послѣдней четверти XIV столѣтія и въ началѣ XV. Притязанія на константинопольскій престолъ утратили для всѣхъ всякое значеніе; для папства наступило время самое несчастное; переселеніе папскаго престола изъ Авиньона въ Римъ кончилось расколомъ; явилось двое папъ и между ними завязалась ожесточенная борьба. Въ это время вопросомъ о соединеніи церквей на западѣ не занимался никто.

На востокѣ, какъ и на западѣ, вопросъ о соединеніи церквей занималъ въ описываемое время только одинъ дворъ визант. императоровъ. Какая же именно судьба была этого вопроса на востокѣ? Когда усиливались и когда ослабѣвали сношенія съ западомъ? Уже изъ того, какое значеніе въ разныя времена имѣлъ этотъ вопросъ на западѣ, кого и когда онъ особенно занималъ можно отчасти

видѣть ходъ сношеній востока съ западомъ по вопросу о соединеніи церквей въ разсматриваемое время, такъ какъ эти сношенія обуславливались столько же обстоятельствами запада, сколько и обстоятельствами востока. На востокъ, какъ извѣстно, императоры всегда смотрѣли на этотъ вопросъ со стороны положенія имперіи. Омотря по тому, каково было ея состояніе, императоры такъ или иначе относились и къ вопросу; холодно—если дѣла шли у нихъ хорошо, горячо—если имперія находилась въ критическомъ положеніи. Сначала въ первую половину XIV столѣтія Византійская имперія, хотя тревожима была турками, но еще не слишкомъ бѣдствовала; по крайней мѣрѣ еще дѣлы были въ европейскія ея провинціи; турки, гоня азіатскія ея владѣнія, поселившись въ Никею, не ступили еще на европейскій берегъ. Потому и вопросъ о соединеніи церквей въ первые 50 лѣтъ XIV столѣтія еще не слишкомъ занимаетъ императоровъ восточныхъ; они сносятся съ папою и королями французскими и неаполитанскими какъ бы не хотя, какъ бы вовлеченные въ это дѣло самими западомъ; вовсе не высказываютъ рѣшительнаго намѣренія подчиниться римской церкви; напротивъ выставляютъ на видъ трудности, сопряженныя съ этимъ дѣломъ. Съ половины XIV в. съ вступленіемъ на престолъ Іоанна Палеолога турки проникаютъ въ Европу: положеніе имперіи дѣлается весьма опасно. Съ тѣмъ живѣе вопросъ о соединеніи церквей дѣлается для византійскаго двора весьма важнымъ; императоры уже сами начинаютъ сношенія съ западомъ; соглашаются на все; дѣло теперь представляется имъ уже очень удобнымъ исполнимымъ. При начавшемся въ это время на самомъ папскомъ престолѣ движеніи въ пользу возстановленія

папскаго авторитета дѣло идетъ довольно быстро, принимаются съ той и другой стороны дѣятельныя мѣры къ окончательному рѣшенію давняго вопроса. Наконецъ, въ послѣднюю четверть XIV столѣтія и въ началѣ XV, послѣ указанныхъ выше неудавшихся попытокъ, во время великаго раскола въ латинской церкви, византійскіе императоры, не видя уже на западѣ ни малѣйшей для себя поддержки, принужденные заключить миръ съ турецкими султанами и даже признать себя ихъ данниками, потеряли всякую энергію, на время примирились съ своимъ положеніемъ; а тамъ вскорѣ ихъ положеніе улучшилось, когда туркамъ нанесено было внезапное и страшное пораженіе отъ такихъ же, какъ они кочевыхъ народовъ, предводимыхъ Тамерланомъ. Вопросъ о соединеніи церквей, такимъ образомъ, совершенно оставленъ былъ въ это время и востокомъ и западомъ; однимъ—съ отчаянія и отъ неожиданно принесеннаго ему Провидѣніемъ успокоенія; а другимъ—по увлеченію иными болѣе важными и ближе касающимися запада вопросами. Такимъ образомъ, въ рассматриваемый нами періодъ отъ лионской уніи до флорентинскаго собора, самыя оживленныя сношенія между византійскимъ дворомъ и папскимъ мы встрѣчаемъ въ срединѣ періода; въ концѣ его мы вовсе не находимъ никакихъ сношеній; въ началѣ отношенія между ними принимаютъ характеръ уклончивый, вялый, колеблющійся.

Въ началѣ этого періода, намъ приходится, какъ мы сказали, имѣть дѣло съ дипломатическими сношеніями императоровъ византійскихъ съ королями французскими и неаполитанскими и папами, находившимися въ рас-

пораженіи первыхъ. Много обстоятельство сложилось для того, чтобы французскій королевскій домъ и родственныи ему неаполитанскій, втянулись въ вопросъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Во-первыхъ, притязанія на константинопольскій престолъ отъ послѣдняго латинскаго императора Балдуина II, чрезъ сына его Филиппа, женатаго на дочери Карла Валуа, сицилійскаго короля, и чрезъ дочь его Еватерину Куртенайскую, вышедшую замужъ за графа Карла Валуа, перешли въ царствовавшій тогда во Франціи и Неаполѣ домъ Валуа. Притязанія эти заставляли не разъ членовъ этого дома обращать свои взоры на Константинополь. Во-вторыхъ, въ это время стали уже обращать на себя довольно много вниманія въ Европѣ турки; между тѣмъ всегда, а въ это время въ особенности, инициатива крестовыхъ предприятий (никогда, впрочемъ, въ разсматриваемое время не осуществлявшихся) принадлежала Франціи; здѣсь еще по временамъ пробуждались рыцарскія стремленія, хотя религіознаго одушевленія уже не было. Такимъ образомъ Византійская имперія, угрожаемая турками, невольно обращала на себя вниманіе во Франціи. Наконецъ, во Францію же перенесено было средоточіе духовной власти запада—папскій престолъ. Общіе интересы сближали, такимъ образомъ, Францію, Неаполь и Грецію: претензіи на престолъ, война съ мусульманами, желаніе подчинить греческую церковь французскому папѣ.

Сначала во Франціи смотрѣли на этотъ вопросъ исключительно съ точки зрѣнія претензій на константинопольскій престолъ и со стороны, доказанной мюнхенскою униєю, невозможности воссоединенія востока и запада въ одно религіозное общество. Съ самаго начала

XIV столѣтія французскій королевскій дворъ заявилъ свои претензіи на константинопольскій престолъ и во Франціи началось небольшое движеніе политически-религіозное. Инициатива этого движенія принадлежала брату короля французскаго (Филиппа Красиваго) графу Карлу Валуа, претенденту (по жень) на византійскую корону; затѣмъ оно сообщилось папѣ, который при всемъ своемъ упадкѣ и при всей своей несамостоятельности съ переселеніемъ 1303 г. въ Авиньонъ, могъ еще въ это время, т. е. на первыхъ порахъ послѣ лійонской уніи чувствовать себя болѣе или менѣе озлобленнымъ противъ восточной церкви, ускользнувшей отъ папскаго престола къ большой досадѣ этого послѣдняго и потому дѣйствовать болѣе или менѣе самостоятельно, хотя, быть можетъ, желаніе угодить королевскому дому было въ немъ преобладающимъ при этомъ побужденіемъ. Въ 1304 году графъ Карлъ Валуа послалъ сказать папѣ Бенедикту XI (1303—1305), что онъ вооружается для возвращенія Константинопольской имперіи, какъ собственности его супруги, и потому проситъ папу 1) пережѣнить обѣты крестовосцевъ, намѣревавшихся отправиться въ Палестину, чтобы эти войска могли отправиться съ нимъ противъ схизматиковъ (т. е. православныхъ), 2) предоставить для издержекъ на эту войну влады и разнаго рода пожертвованія, назначавшіяся первоначально для палестинскаго крестоваго ополченія, и наконецъ, 3) проповѣдать всеобщій крестовый походъ уже прямо для завоеванія восточной имперіи. Папы давно уже охладѣли къ освобожденію св. земли изъ-подъ иновѣрнаго ига; давно уже они злоупотребляли религіознымъ одушевленіемъ запада, пользовались имъ для возбужденія войнъ между христіанами, для по-

раженія личныхъ своихъ враговъ, въ особенности нѣмецкихъ императоровъ. Поэтому (не говоря уже о побужденіи, скрывавшемся въ чувствѣ досады на православную церковь) папѣ Бенедикту ничего не стоило согласиться съ желаніемъ Карла и дѣйствительно въ письмѣ (27 мая 1304 г.) онъ высказалъ Карлу, съ своей стороны, полное согласіе на всѣ его просьбы, исключая провозглашенія всеобщаго крестоваго похода, приводя въ оправданіе своего отказа войну, которую вела тогда Франція съ фламандцами (1). Въ доказательство своей готовности помогать и сочувствовать Карлу въ его предпріятіи, папа тогда же (20 іюня) писалъ посланіе къ прелатамъ Франціи, просилъ ихъ всеми силами содѣйствовать предпріятію Карла; „если вы знаете“, писалъ имъ папа, „какое презрѣніе питають къ намъ греки, знаете ихъ ненависть къ намъ и заблужденія въ вѣрѣ; то не имѣете нужды въ постороннемъ для себя убѣжденіи для того, чтобы съ жаромъ приняться за это дѣло“ (2). Но не такъ-то легко было составить тогда крестовое ополченіе; тогда, правда, очень охотно давали обѣты; нашивали на себя кресты и между тѣмъ преспокойно оставались на своихъ мѣстахъ и умирали не выдавъ Палестины (3). Если такова была участь крестовыхъ походовъ, которые провозглашались были

(1) Annal. Eccles. Rayn. ad an. 1304 p. 28.

(2) Тамъ же. Впрочемъ папа высказывалъ и нѣсколько аргументовъ въ пользу завоеванія Константинополя; говорилъ, что къ этому побуждаютъ католика ревность по вѣрѣ, которая безъ сомнѣнія должна воссламенить сердца вѣрныхъ къ освобожденію имперіи изъ подъ власти славянскихъ (т. е. православныхъ), татаръ — стѣжь для римской церкви и опасность для всего христіанства, если овладѣть имперією турки и наконецъ польза отъ этого предпріятія для св. земли, такъ долго остававшейся безъ всякой помощи.

(3) Ист. вѣст. вост. Сов. Мисс., т. IV.

для освобожденія Гроба Господня; то тѣмъ болѣе уже такой исходъ должно было имѣть предпріятіе Карла. Правда, черезъ два года, при другомъ папѣ Климентѣ V (1305—1316) еще разъ поднятъ былъ вопросъ о завоеваніи Константинополя и даже энергичнѣе, чѣмъ прежде взялся за это дѣло новый папа. Вѣроятно болѣе въ угоду Карлу Климентъ V сильно старался утвердить его въ мысли завоевать Константинополь (1), написалъ въ этомъ духѣ нѣсколько писемъ къ Карлу, приказалъ проповѣдать крестовый походъ для завоеванія Константинопольской имперіи, общая тѣмъ, которые примутъ участіе въ этомъ походѣ, отпущеніе грѣховъ (2), наконецъ, буллою (31 іюня 1307 г.) объявилъ Андроника Палеолога, какъ „защитника греческой схиамы“, т. е. православія, отлученнымъ отъ церкви, угрожая тѣмъ же всякому, кто окажетъ ему какую-либо помощь. Но въ это время и не такимъ сильнымъ движеніямъ суждено было разрѣшаться ничѣмъ: массы не увлекались уже болѣе религіознымъ энтузіазмомъ. Это небольшое движеніе, происшедшее при дворахъ королевско-французскомъ и папскомъ, не вызвало ничего со стороны двора византийскаго, потому-ли, что въ Константинополѣ нисколько не опасались этого движенія, имѣя въ виду воспользоваться при случаѣ противъ крестоносцевъ помощію другихъ своихъ враговъ—турокъ, или потому, что императоромъ въ это время былъ человекъ, заявившій себя непримиримымъ вра-

(1) Raynald Annal. Eccl. ad an. 1306 n. 6.

(2) Ibid. n. 7. Походъ долженъ былъ быть проповѣданъ въ Обоняхъ Сицилійскъ, въ Романи, Анжонъ и Венеціи. Сохранилось папское посланіе объ этомъ предметѣ къ архіеп. равенскому и епископамъ Романьи. Безъ сомнѣнія, подобныя же буллы отправлены были и въ другія провинціи.

гомъ латинявъ; которому затѣять религіозно-политическія сношенія съ латинскимъ западомъ значило измѣнить самому себѣ. Какъ бы то ни было, только сношеній между Византією и Францією, которыя бы относились къ этому времени, мы не находимъ.—Спустя лѣтъ 20 послѣ описанныхъ событій началось на западѣ новое движеніе, возбужденное уже не владѣтельными лицами, а однимъ изъ послѣднихъ апостоловъ крестовыхъ войнъ, — движеніе, хотя также оставшееся безъ послѣдствій, но на сей разъ увлекшее и византійскій дворъ. Теперь начали брать верхъ другія уже соображенія; претензіи на константинопольскій престолъ начали уступать стремленію противодѣйствовать успѣхамъ мусульманъ и религіозно-политическій союзъ съ православными греками занялъ мѣсто войны съ ними. Въ пылкомъ умѣ венеціанца Сануто составилъ планъ новаго крестоваго похода для освобожденія св. земли. Планъ его былъ плодомъ тщательнаго серьезнаго изученія прежнихъ неудачныхъ опытовъ войны съ невѣрными. Сануто написалъ даже двѣ книги, въ которыхъ изложилъ свой провѣтъ новаго крестоваго похода. Онъ успѣшно возбуждалъ къ осуществленію своего провѣта папу и западныхъ государей и вездѣ принимаемъ былъ отлично. Между тѣмъ въ широкій его планъ, какъ главнѣйшее средство къ его осуществленію, входила унія церкви римской съ церковію православною греческою. Сануто зналъ, что во Франціи и вообще на западѣ не расположены къ мирной унії съ греками; между тѣмъ онъ былъ убѣжденъ, что весь успѣхъ крестоваго похода зависить именно отъ восстановленія религіознаго мира между востокомъ и западомъ. Во Франціи думали, что если начинать крестовый походъ, то начинать его съ

завоеванія восточной имперіи. Сануто думалъ совершенно иначе; онъ спорилъ съ людьми, высказывавшими подобныя мысли, преимущественно съ французскими графами, лицами, принадлежавшими къ королевскимъ домамъ Франціи и Неаполя, происходившими изъ одной общей фамиліи Валуа, наконецъ со многими кардиналами. Онъ убѣждалъ своихъ противниковъ, что завоеваніемъ константинопольской имперіи они рѣшительно ничего не достигнутъ, только разрушать, но ни коимъ образомъ не сохранять ее для себя, только окажутъ своими завоеваніями услугу туркамъ. Онъ представлялъ людямъ съ нимъ не соглашавшимся, что и сохранивъ даже въ своихъ рукахъ нѣсколько провинцій греческихъ они не въ состояніи будутъ раскормлять народонаселеніемъ этихъ провинцій, сердцами народа для подчиненія его римской церкви и латинскому государству, какъ показали опыты во многихъ земляхъ ⁽¹⁾, что нужно постепенно сдѣлать членами римской церкви, привлечь на свою сторону сперва императора, патріарха, лицъ приближенныхъ къ императору, и тогда уже самъ собою подчинится римской церкви народъ и даже прибрѣтены будутъ для аностольскаго престола руссы, сербы, грузины и тѣ, которые находятся подъ владычествомъ франковъ, татаръ и султана египетскаго; впрочемъ, уступая Сануто, претенденты на византійскую корону должны быть чѣмъ нибудь вознаграждены ⁽²⁾. Какъ видно, наконецъ, фран-

(1) „Какъ мы это видѣли — говоритъ Сануто — въ Каирѣ, Кандіи, Морѣѣ, княжествѣ Аѳинскомъ, на островѣ Негропонтѣ и другихъ странахъ, находившихся подъ владычествомъ франковъ. Народъ тамъ не подчиненъ римской церкви; а если иногда и выражаетъ свое подчиненіе, то только устами, а не сердцемъ“.

(2) Raynald ad an. 1324. n. 39. 40. Все это находится въ инструкціи, которую Сануто далъ послу, отправлявшемуся къ Адриану.

пузскій, неаполитанскій и папскій дворы болѣе или менѣе поддались на время убѣжденіямъ Сануто; по крайней мѣрѣ самъ Сануто увѣряетъ насъ въ томъ. Итакъ Сануто въ 1324 г. обратился наконецъ къ Андронику (старшему сыну М. Палеолога) съ предложеніемъ своихъ услугъ въ пользу примиренія церкви и съ увѣдомленіемъ, что, находясь довольно долго при дворахъ французскомъ и папскомъ, онъ очень много говорилъ съ влиятельными лицами при обоихъ дворахъ на счетъ безопасности и чести византійской имперіи и будто бы нашептывалъ и другихъ расположенными раздѣлять его мысли⁽¹⁾. Получивъ отъ Андроника вѣжливое, состоящее изъ общихъ фразъ, письмо, Сануто еще разъ писалъ въ 1326 г. въ Константинополь, сильно убѣждая Андроника признать надъ собою власть римской церкви⁽²⁾. Папа съ своей стороны рѣшился также послать въ томъ же 1326 г. нунція къ Андронику, но приказалъ своему послу прежде отправленія въ Константинополь явиться ко двору неаполитанскому и переговорить съ королемъ и братомъ его принцемъ Тарентскимъ, къ которому вмѣстѣ съ дочерью Екатерины Куртенайской и Карла перешли притязанія на константинопольскій престолъ. Нунцій долженъ былъ узнать намѣренія того и другаго и мнѣнія ихъ относительно религіозно-политическаго союза съ православнымъ востокомъ и обо всемъ подробно отписать въ Авиньонъ⁽³⁾. Вѣроятно то, что

(1) Еще будто бы онъ узналъ, что къ нимъ расположенъ и самъ Андроникъ. Узналъ онъ объ этомъ—какъ самъ говоритъ—отъ еписк. Каомы, пришедшаго отъ Андроника.

(2) Ibid. ad an. 1326 n. 24.

(3) Raynald. ad an. 1326 n. 26. Все это видно изъ папскаго письма къ королю неаполитанскому Роберту. Изъ этого же письма видно и то, что Андроникъ писалъ королю Франціи Карлу о своемъ стремленіи дѣлать миръ со всеми и въ частности съ христіанами.

узнать папскій посолъ отъ короля неаполитанскаго и его брата, было неблагопріятно для замысловъ Сануто; по крайней мѣрѣ не видно, чтобы нунцій былъ въ Константинополѣ. Впрочемъ и весь вообще прое́кътъ Сануто по словамъ Мишо (1) „современники только хвалили, но осуществлять никогда не думали“ (2).

(Окончаніе будетъ).

(1) Ист. кр. пох. ч. IV, 550.

(2) Такимъ образомъ, какъ видно изъ отзывовъ еписк. Каэмъ объ Андроникѣ, на который ссылался Сануто, а также изъ письма, присланнаго къ Сануто самимъ Андроникомъ, этотъ послѣдній какъ будто сталъ нѣсколько примириться съ мыслию объ униі. Впрочемъ, дипломатическія письма не могутъ еще служить достаточнымъ основаніемъ для сужденія объ истинномъ расположеніи того или другаго лица, особенно если эти письма состоятъ изъ такихъ общихъ выраженій, какъ письмо Андроника къ королю Франціи, гдѣ говорится о стремленіи императора быть въ мирѣ со всеми и въ частности, въ особености съ христіанами. Правда, Андроникъ никогда не былъ самостоятеленъ. Прежде онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ огромной партіи крайнихъ противниковъ униі; теперь же въ послѣдніе годы своего 46-лѣтняго царствованія, когда онъ раздѣлилъ свою власть въ 1325 году съ своимъ внукомъ по имени также Андроникомъ (младшимъ), въ послѣдствіи выказавшимъ болѣе силъ и рѣшительности въ сношеніяхъ съ латинянами, онъ могъ податься вліянію либеральной партіи, окружившей молодого Андроника, очень знакомаго, по свидѣтельству Григоры, съ кварталомъ латинянъ въ Константинополѣ, благодаря своимъ тамъ походамъ. А можетъ быть даже именовъ своего дѣда тутъ дѣйствовалъ прямо Андроникъ младшій.

МАТЕРІАЛИЗМЪ БЮХНЕРА.

Имя Бюхнера еще недавно было однимъ изъ популярнѣйшихъ между представителями новѣйшаго германскаго матеріализма и пользовалось въ нѣкоторыхъ сферахъ современнаго европейскаго общества едва-ли не большею славою, чѣмъ имена его наставниковъ и собратьевъ по убѣжденіямъ—Молешотта и Фогта. Появленіе въ свѣтъ перваго пресловутаго сочиненія Бюхнера въ защиту матеріализма „Kraft und Stoff“ было литературнымъ событіемъ въ Германіи и вызвало самую одушевленную и энергическую полемику между защитниками и оппонентами его. Сочиненіе это, въ теченіе пяти лѣтъ, выдержало семь изданій, — что, по словамъ французскаго переводчика его Гампера, — неоспоримо доказываетъ высокое достоинство его ('). Какъ бы, впрочемъ, мы ни цѣнили ученнаго достоинства Бюхнера, слава его, какъ популяризатора матеріализма, несомнѣнна. Изъ Германіи матеріалистическая

(') Force et Matière. Ouvrage traduit de l'Allemand d'après la septième édition avec l'approbation de l'auteur par L. F. Gamper, Leipzig, 1863 an. avis au lecteur, p. V. За всиѣніемъ подлинника подъ руками, я мы будемъ цитовать мѣста изъ „Kraft und Stoff“ по этому переводу.

доктрина Бюхнера быстро распространилась по всѣмъ образованнымъ странамъ Европы и всюду находила себѣ широкую пропаганду; не только для умовъ молодыхъ, неопытныхъ, но и для умудренныхъ наукою и опытомъ жизни небольшая, бойко написанная книжка: „Kraft und Stoff“ имѣла самое вліятельное, законодательное значеніе; материалистическія понятія и выводы ея стали для многихъ нормою въ убѣжденіяхъ. Свѣжо еще преданіе, какъ и у насъ, на Руси православной, теорія Бюхнера проповѣдывалась какъ „последнее слово науки, самое полное и справедливое“, а здравый, научный протестъ противъ нея вызывалъ не просто одушевленную, энергическую полемику, какъ въ Германіи, но положительную брань, направленную противъ чести и добросовѣстныхъ научныхъ убѣжденій лицъ, осмѣливавшихся поднять свой благородный голосъ (1).

Такъ обаятельна была (а можетъ быть, кое-гдѣ есть и доселѣ) для многихъ умовъ нашего вѣка материалистическая теорія Бюхнера! На самомъ дѣлѣ, Бюхнера ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать корисеемъ и ученымъ защитникомъ нынѣшняго материализма; доставившимъ ему какими-нибудь своими учеными трудами прочность и силу, хотя онъ, дѣйствительно, и воображаетъ себя реформаторомъ въ европейскомъ образованномъ мірѣ (2). Ученая слава и популярность его имени, какъ представителя современнаго материализма, есть слава и популярность тѣхъ людей, во всякое время встрѣчающихся въ ученомъ мірѣ также, какъ и въ жизни прак-

(1) Разумѣемъ полемику, бывшую въ нашихъ литературномъ мірѣ по поводу статей г. Юркевича, направленныхъ противъ Чернышевскаго и Антоновича, популяризировавшихъ материалистическія идеи Бюхнера.

(2) Natur und Geist, p. XII; Aus Natur und Wissenschaft, p. V.

тической, которые, какъ говорится, ловко умѣютъ чужими руками жаръ загребать или радиться въ павлиньи перья для прикрытія собственного безобразія. Бюхнеръ всюду въ своихъ сочиненіяхъ показываетъ въ себѣ искуснаго мастера поговорить съ чужихъ словъ и не сказать ничего своего; онъ ловко эксплуатируетъ въ свою пользу сочиненія по разнымъ отраслямъ естествознанія различныхъ естествоиспытателей, нерѣдко вербуя при этомъ безъ разбору въ число защитниковъ материализма ученыхъ, — какъ нар. Либиха, I. Мюллера, Лётце и др., никогда и не помышлявшихъ о такой не лестной чести для себя; онъ беретъ также нерѣдко факты, совершенно безразличныя и думаетъ ими подтвердить или изъ нихъ вывести напередъ уже заданныя себѣ положенія. Отъ того-то страницы сочиненій Бюхнера, особенно „Kraft und Stoff“, испещрены щедрымъ наборомъ фактовъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія, выпискою именъ и фамилій разнообразныхъ представителей науки, нерѣдко весьма авторитетныхъ. И все это—не напрасно. Такая ученая обстановка дѣлаетъ дѣйствуетъ, очевидно, подавляющимъ образомъ на воображеніе и умъ неопытнаго читателя, привыкшаго благоговѣть не предъ истинною, а предъ книгами и именами ученыхъ, не всегда имѣющихъ эту истину у себя, и невольно располагаетъ его слѣпо; на вѣру принимать идеи автора сочиненія. Въ этомъ случаѣ справедливо сдѣланное относительно Бюхнера, въ сравненіи его съ Мошоттомъ, замѣчаніе А. Вебера, что тогда какъ заблужденіе послѣдняго только преступно, заблужденіе перваго и *преступно* и еще *коварно* (1).

(1) Die neueste Vergötterung des Stoffe, Dr. Med. A. Weber; Giessen, 1858. ss. XIII, XIV.

Кто любопытствовалъ прослѣдить внимательно историческое развитіе новѣйшаго германскаго матеріализма (а оно очень любопытно и поучительно), тотъ знаетъ, какимъ образомъ могло выработаться и еще всюду приобрести себѣ громкую славу и популярность такое узкое и грубое міровоззрѣніе, какое проповѣдуетъ Бюхнеръ, гдѣ та особенная почва, изъ которой извлекаетъ для себя соки подобное міровоззрѣніе, и на которой только и возможно его существованіе. Историческая критика успѣла доказать съ очевидностію, что нынѣшній германскій матеріализмъ, вмѣстѣ съ подобными литературными явленіями его, какъ „Kraft und Stoff“ „Natur und Geist“ и пр., есть болѣзненный плодъ того неестественнаго, крайняго раздѣленія между философіею и естествознаніемъ, вслѣдствіе котораго въ первой, какъ говоритъ Р. Вагнеръ, фразы взяли перевѣсъ надъ фактами, а во второй, наоборотъ, масса нахлынувшихъ съ успѣхами естествознанія, необработанныхъ фактовъ перепутала понятія натуралистовъ, чуждыхъ полнаго всецѣлаго образованія, и потому, естественно, неспособныхъ къ сколько-нибудь всестороннему, философскому воззрѣнію на вещи (¹). „Мы избавлены были бы, — говоритъ Шлейденъ, — отъ страннаго явленія новѣйшаго матеріализма, если бы *естествоиспытатели*, не хотѣвшіе ничего знать о философіи и ея изслѣдованіяхъ, *хотѣли только дѣлать свое дѣло*, если бы они въ такомъ положеніи по отношенію къ вопросамъ, выходящимъ за предѣлы опыта, довольствовались простымъ „я не знаю“. Но естествоиспытатели, вмѣсто того, чтобы сказать, какъ говоритъ человекъ, имѣющій въ карманѣ мѣдный грошъ:

(¹) Der Kampf um die Seele von Standpunct der Wissenschaft. R. Wagner. Göttingen, 1857. S. 211.

„здесь нѣтъ золота“, ошибочно стали утверждать, что во-все нѣтъ золота (1)². Такой приговоръ произносить нынѣшнему германскому матеріализму здравая и безпристрастная историческая критика! Она трактуетъ его какъ болѣзнь естественной науки и образованія нашего времени. Не такихъ понятій объ историческомъ значеніи нынѣшняго германскаго матеріализма держится Бюхнеръ. Онъ дорого цѣнитъ историческое значеніе материалистическаго направленія новѣйшей науки естественной и, съ утвержденіемъ господства этого направленія, находитъ возможнымъ произвести самую широкую реформу въ современномъ образованномъ мірѣ. Ученіе новѣйшаго матеріализма, по мнѣнію Бюхнера, есть законный плодъ научныхъ успѣховъ и открытій современнаго естествознанія, — составляетъ гордость и признанную славу нашего времени. Выступать на борьбу съ нимъ — значить идти противъ ясныхъ и очевидныхъ для всякаго фактовъ, противостоятъ которымъ невозможно. Близкое торжество его надъ своими врагами несомнѣнно. (2). Наоборотъ, Бюхнеръ изливаетъ самое желчное негодование противъ ненавистой для него философіи идеализма или спиритуализма. Онъ смѣло произноситъ ей смертный приговоръ. „Мы должны, — говоритъ Бюхнеръ, — устранить всю философскую болтовню, которою блещетъ германская философія, возбуждающая справедливое отвращеніе какъ въ ученыхъ, такъ и въ наукахъ. Теперь прошли времена, когда научныя фразы, философскій шарлатанизмъ и умственное гаерство были въ модѣ (3)⁴. Мѣсто философіи и самаго богословія, со

(1) Материалы для разоблаченія материалистическаго нигилизма. Взглядъ Шлейдена на матеріализмъ, стр. 235.

(2) Force et Matière, pp. VIII, IX; 256—258.

(3) Ibid., p. IX.

всѣми входящими въ нихъ вопросами, съ полнымъ правомъ можетъ и должна, по мысли Бюхнера, занять точная наука естественная; въ ней—начало и конецъ всѣхъ нашихъ знаній о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ (¹). Итакъ, вотъ какую смѣлую, капитальную реформу хотѣлось бы произвести Бюхнеру въ европейскомъ образованномъ мірѣ!

Пора наконецъ спокойно и безпристрастно обсудить такъ ли прочны и состоятельны предъ судомъ науки и здраваго разума матеріалистическія понятія и выводы, чтобы на основаніи ихъ можно было дѣйствительно преобразовать весь религіозно-нравственный строй современныхъ европейскихъ обществъ. Сущность всего вообще матеріализма, какъ отрицательнаго нигилистическаго міровоззрѣнія, можно выразить въ двухъ положеніяхъ: нѣтъ *Бога*, какъ духовной, внѣ міровой личности, какъ Творца и Промыслителя вселенной, и нѣтъ *духа*, какъ самостоятельной субстанціи въ человѣкѣ. Но эти два положенія составляютъ только слѣдствія одного основнаго и существеннаго начала всей вообще матеріалистической доктрины: разумѣемъ *ученіе о матеріи*, какъ первоосновѣ и послѣдней причинѣ всякаго бытія. Къ защитѣ и развитію этихъ трехъ положеній направлены также и всѣ вообще литературные труды Бюхнера (²). Примѣнительно къ этимъ тремъ положеніямъ поведемъ и мы свой разборъ его матеріализма.

(¹) Ibid. p. 257—259.

(²) Главныя сочиненія Бюхнера, въ которыхъ излагается его матеріалистическая система, суть слѣдующія: „Kraft und Stoff“, „Natur und Geist“ и—сборникъ разныхъ статей—„Aus Natur und Wissenschaft“.

I.

Къ материалистической системѣ Вюхнера, какъ и вообще ко всему новѣйшему материализму, со всею справедливостію можетъ быть приложено собственное же, остроумное изрѣченіе Вюхнера, высказанное имъ относительно новѣйшихъ философовъ: „наши новѣйшіе материалисты (вмѣсто: философы) любятъ разогрѣвать намъ старыя, остывшія блюда, величая ихъ новыми названіями, какъ будто бы послѣдними изобрѣтеніями кухни современной естественной науки“. Что, въ самомъ дѣлѣ, особенно новаго и отличительнаго представилъ намъ современный материализмъ въ сравненіи съ материализмомъ энциклопедистовъ XVIII вѣка или даже съ материализмомъ Левкиппа или Эпикура: расширилъ ли онъ болѣе, чѣмъ они, кругозоръ нашей мысли, придвинулъ ли ближе къ нашему пониманію природу вещей, установилъ ли болѣе прочныя и вѣрныя, чѣмъ они, начала для нашего познанія міра явленій, далъ ли болѣе удовлетворительныя и ясныя, чѣмъ они, отвѣты на насущныя вопросы ума о происхожденіи міра, о началѣ и внутреннемъ основаніи органической и духовной жизни въ мірѣ, о природѣ человѣка и пр.?... Въ рѣшеніи и обоснованіи нѣ одного изъ этихъ и множества другихъ пунктовъ современный материализмъ, какъ философская система міровоззрѣнія, не опередилъ ни на одинъ шагъ ни материализма энциклопедистовъ XVIII вѣка, ни даже языческаго материализма Левкиппа или Эпикура. Разница только въ суммѣ доказательствъ, которыми располагаетъ современный материализмъ, благодаря ненормальному въ нѣкоторыхъ

отношеніяхъ направленію современной естественной науки, выходящей во многомъ изъ предѣловъ своихъ изслѣдованій и своихъ сужденій,—разность, слѣдовательно, чисто внѣшняя, но никакъ не внутренняя, въ самыхъ принципахъ и ихъ развитіи. Матеріалистическая система Бюхнера оправдываетъ на себѣ самымъ точнымъ образомъ это сужденіе наше отъ начала до конца. Во всѣ времена матеріализмъ, отвергавшій бытіе премудраго, духовнаго Существа—Бога, какъ Творца и Промыслителя міра, искалъ себѣ опоры въ атомистической теоріи; въ ней же ищетъ опоры своей матеріалистической системѣ и Бюхнеръ. Онъ съ благоговѣніемъ преклоняется предъ необыкновенною мудростію Левкиппа, Демокрита и Эпикура, которые, на основаніи одного философскаго умозрѣнія, дошли до результатовъ и взглядовъ, которыми, какъ капитальнымъ открытіемъ, по его мнѣнію, хвалится и современная естественная наука (1). И по ученію Бюхнера, какъ по ученію этихъ древнихъ философовъ, весь міръ, со всѣми населяющими его существами и происходящими въ немъ явленіями, есть только механическая игра недѣлимыхъ матеріальныхъ частицъ или атомовъ. „Атомъ, говоритъ Бюхнеръ, есть тотъ Богъ, которому всякое бытіе, и низшее и высшее, обязано своимъ происхожденіемъ; онъ не имѣетъ ни начала, ни конца своего бытія; онъ вступаетъ только съ теченіемъ времени въ новыя соединенія, или выходитъ изъ нихъ, но всегда есть неизмѣнно одинъ и тотъ же, одаренный одними и тѣми же, отъ вѣка ему присущими, силами и свойствами (2). Итакъ, по этому принципу Бюхнера, высшая всѣхъ

(1) Natur und Geist, S. 101—102.

(2) Natur und Geist, Ss. 7—8.

наукъ, долженствующая объяснить намъ все мірозданіе и указать начальную причину и послѣднюю цѣль вѣхъ явленій мира, есть, очевидно, *механика*, съ вспомога-тельными для нея физикою и химіею, поопытку все въ мірѣ существующее можетъ быть сведено въ послѣд-немъ своемъ основаніи къ безсознательному механико-химическому движенію атомовъ. Богословіе, съ своимъ ученіемъ о Божественномъ твореніи міра и промышлен-ни о немъ, философія съ своими умозрѣніями о мета-физической основѣ бытія и порядка міра явленій, не могутъ имѣть мѣста и никакого смысла въ системѣ че-ловѣческаго вѣденія. Таковъ, естѣственно, слѣдуетъ выводъ изъ основныхъ онтологическихъ положеній си-стемы Бюхнера, — выводъ, какой и сдѣланъ былъ нѣ-когда Гольбахомъ въ его системѣ природы, но кото-раго не дѣлаетъ такъ прямо Бюхнеръ.

Такимъ образомъ, современной философіи опять при-ходится имѣть дѣло съ грубою атомистическою систе-мою, надъ несостоятельностью которой философствую-щій разумъ уже давно изрекъ свой правдивый судъ, и о которой исторія философіи рассказываетъ, какъ о попыткѣ еще младенчествовавшего философствую-щаго ума языческой древности — разрѣшить пу-темъ однѣхъ матеріальныхъ данныхъ всѣ проблемы міра и духа человѣческаго. Повидимому, на почвѣ хри-стіанской философіи возрожденія этой системы менѣе всего можно было бы ожидать. Тѣмъ не менѣе она является уже вторично и съ удвоенною надеждою — измѣнить, если можно такъ сказать, лице земли, весь духовный бытъ человѣчества, а главное — всегда также съ самолюбивою претензіею на современность своихъ понятій, на уровень ихъ съ послѣдними резуль-

татами точной науки. Бюхнеръ никакъ не хочетъ признать дѣйствительнаго, внутренняго тождества своей атомистической системы съ древними системами Демокрита или Эпикура. Какъ бы въ защиту европейской современной науки, онъ говоритъ, что атомы древнихъ были только философскими категоріями, произвольными спекулятивными предположеніями, въ которыхъ много было мистическаго и ложнаго, тогда какъ атомы новѣйшей естественной науки, къ которой тѣсно приурочиваетъ Бюхнеръ свою систему, составляютъ *положительное открытіе ея, результаты точною наблюденія* (1). Но эта оговорка Бюхнера совершенно напрасна и ею онъ только профанируетъ европейскую науку XIX христіанскаго вѣка, желая спасти свою систему отъ этой профанаціи. Дѣло въ томъ: справедливо ли Бюхнеръ называетъ атомъ положительнымъ *открытіемъ* современнаго естествознанія, а отсюда и свой грубый эпикурейскій атомизмъ выставляетъ, какъ несомнѣнную, оправдываемую всѣми опытами и наблюденіями естественной науки, *теорію* ея? Тѣмъ болѣе имѣетъ ли онъ какое-нибудь основаніе и право поставять вообще матерію, какъ послѣднее, метафизическое начало для объясненія всѣхъ явленій и міра физическаго и міра нравственнаго? Рѣшая эти вопросы, мы прослѣдимъ состоятельность одного изъ важнѣйшихъ пунктовъ материалистической системы Бюхнера — естественно-научную и философскую состоятельность его ученія *о матеріи*.

Отвѣчая на первый изъ поставленныхъ нами вопросовъ, мы неизлишнимъ считаемъ, прежде всего, указать на собственныя убѣжденія Бюхнера, какихъ нѣ-

(1) Natur und Geist, S. 102.

атомъ. Но и настоящая опора не болѣе ли еще шатка и несостоятельна, чѣмъ прежняя?..

Самъ Бюхнеръ является тѣмъ же несправимымъ радикаломъ и въ ученіи объ атомъ, какъ и всюду, неостанавливающимся ни предъ какими крайностями и смѣлостію, эксцентричностію своихъ понятій какъ бы желаетъ защитить ихъ внутреннюю несостоятельность. Отъ того вся его атомистическая философская теорія есть ученіе, которое, какъ справедливо замѣчаетъ А. Глоссъ, тѣмъ менѣе понимаешь, чѣмъ болѣе читаешь (1). То, что два года назадъ самъ Бюхнеръ считалъ за совершенное *ничто*, теперь онъ во всеуслышавіе называетъ открытіемъ современнаго естествознанія, справедливость котораго, по его мнѣнію, также несомнѣнна, какъ несомнѣнно открытіе Нептуна французскимъ астрономомъ Леверрье (2). Правда, атомистика есть гипотеза, но такая научная гипотеза, говоритъ онъ, которая обоснована на положительныхъ *фактахъ* и *опытѣ* и которую, посему, справедливѣе уже можно назвать положительнымъ ученіемъ науки естественной, чѣмъ гипотезою. Такъ самоувѣренно Бюхнеръ ставитъ свою атомистическую систему подъ защиту современной науки естественной и выдаетъ ее за послѣдніе результаты ея. Но оправдываетъ ли, дѣйствительно, современная наука естественная, остающаяся въ предѣлахъ своихъ точныхъ опытовъ и здоровой, основанной на нихъ логикѣ, возлагаемая на нее въ этомъ случаѣ надежды Бюхнера?..

(1) Wie viel entdeckte bis jetzt die neuere Naturwissenschaft? Ein kritischer Versuch im Sinne des Fortschrittes besonders gegen H. Dr. Büchner's Kraft und Stoff und „Natur und Geist“, A. Gloss, Braunschweig, 1859. S. 61.

(2) Natur und Geist, S. 80, 81.

Если останавливаться на одной видовой стороне дѣла, на однихъ названіяхъ и именахъ, не давая себѣ точнаго отчета о ихъ внутреннемъ содержаніи, то, конечно, вся естественная наука будетъ на стороне Бюхнера; съ нимъ будутъ за одно ученье, которое никогда и не думали служить ему опорой своими учеными трудами. Почти въ каждомъ новейшемъ сочиненіи, по предмету физики, химіи, физиологіи и др., можно встрѣтиться съ именами атома и атомистической теоріи, съ замѣчательнѣйшими теоріями и вычисленіями физико-химическими, на нихъ основанными. За физически необходимое понятіе элементарныхъ частей матеріи, называемыхъ атомами, высказываются первѣйшіе авторитеты въ области физики и химіи; — назовы: Бю, Коши, Фехнеръ, Амперъ, Пуассонъ, Араго, Берцелиусъ, Либихъ, В. Вабаръ и др. (1). Но *amicus Plato, amicus Aristoteles, magis amica veritas*. Какъ бы ни были велики и уважаемы для насъ авторитеты науки и высшихъ представителей ея, мы не можемъ и не должны рабски слѣдовать за ними тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ отысканіи еще болѣе дорогой и уважаемой для насъ истины, относительно которой можетъ иногда заблуждаться и наука съ своими представителями. Тамъ именно заблуждается она, по суду знатоковъ дѣла, и въ разбираемомъ нами случаѣ, если только, впрочемъ, она будетъ смотрѣть на атомъ и атомистическую теорію такъ, какъ учатъ объ атомѣ Бюхнеръ и его единомышленники. Явно не только то, что атомистика есть гипотеза, съ чѣмъ соглашается и самъ Бюхнеръ, — но и гипотеза, полная неразрѣшимыхъ противорѣчій, сама

(1) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici, Ss. 17—24.

себя уничтожающая, — что даже еще не вошло въ общее сознание, хотя и объ этомъ слышатся голоса въ совершенно одинаковомъ смысле и со стороны философии и со стороны точнаго естествознания. „Сама по себе атомистика, говоритъ I. Г. Фichte (1), есть несбыточство, но безпрямая функция доколовъ она остается въ области эмпирическихъ и химическихъ вычислений. Но какъ скоро ей, со стороны философии и естествознания, будетъ признана реальность, тѣмъ болѣе еще когда въ ней начинаютъ открыты истинный принципъ въ объясненіи природы, даже явленій міра духовнаго, то она такъ перепутывается въ наши сужденія, такъ абсолютнивается безпристрастное пониманіе фактовъ, что ее нужно причислить къ наивредившимъ заблужденіямъ“. Такой судъ произносить надъ атомистичекой одицъ изъ извѣстнѣйшихъ представителей германской философии нашего времени. Также ясно и отчетливо несбыточность, эмпиричность атомистической теории чувствуютъ и сами болѣе или менѣе безпристрастные физики и химики (2). И если большинство изъ нихъ заботливо остерегается входить въ какое-нибудь обстоятельное и внимательное изслѣдованіе принциповъ ея, толикая очень коротко, какъ у нихъ почти въ исчезаетъ произвольно созданная воображеніемъ почва, на которой воздвигнута столько незамѣнимыхъ доколовъ теорій для объясненія существующихъ явленій физики и химии, то другіе смѣло идутъ на встрѣчу заблужденію и раскрываютъ его вполне. Ограничиваясь доколовъ собственно вопросамъ, имѣеть

(1) Ueber die neuere Atomistik und ihr Verhältniss zur Philosophie und Naturwissenschaft, von J. H. Fichte, Ss. 26—27 (Zeitschrift für Philosophie und Philosophische Kritik, 1854, Bd. XXIV).

(2) Ulrici, a. a. o. Ss. 73—120.

ли хоть какія-нибудь данныя естественная наука допустить существованіе *атома*, о которомъ Бюхнеръ провозглашаетъ, какъ о знаменательномъ открытіи нашего времени, мы приведемъ мнѣніе объ этомъ двухъ современныхъ ученыхъ *сидиковъ*, изъ которыхъ одинъ есть вмѣстѣ и математикъ, — мнѣнія *Эттингсгаузена* и *Фишера*.

(Продолженіе будѣтъ).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

0

ПРЕПОДАВАНІИ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ СЕМИНАРІЯХЪ,

ПРИМѢНИТЕЛЬНО КЪ НОВОМУ УСТАВУ (*).

I.

Словесность въ настоящее время не въ семинаріяхъ только признается однимъ изъ наиболѣе трудныхъ предметовъ преподаванія. Въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ, повидимому, должно быть болѣе шансовъ на успѣхъ преподаванія, чѣмъ въ семинаріяхъ, такъ какъ тамъ преподаватели дѣлаютъ съезды (1), педагогическія собранія (2), съ цѣлю совокупнаго обсужденія методовъ преподаванія и пр., такъ какъ, далѣе, тамъ существуютъ педагогическіе курсы (3), дающіе возможность готовящемуся въ преподаванію предварительно ознакомиться съ своимъ дѣломъ, подъ руководствомъ болѣе

(*) Изъ записки, представленной въ учебный комитетъ при Св. Синодѣ.

(1) Напр. недавній съездъ преподавателей рус. языка и словесности въ казанскомъ учебн. округѣ, напечатавшій отчеты о своихъ засѣданіяхъ.

(2) Напр. педагогич. собраніе при 2-й с.-петербургской гимназіи.

(3) Напр. педагогич. курсы при 2-й военной гимназіи въ С.-Петербурѣ.

опытныхъ и искусныхъ преподавателей, — въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣло это, на сколько можно судить о немъ по официальнымъ заявленіямъ и по отзывамъ литературы, представляется далеко не въ блестящемъ видѣ. Повсюду слышатся жалобы на упадокъ преподаванія словесности. „Старые методы рухнули, а новые не создались,“ говорятъ сами преподаватели. „Мы не только не дерзнемъ требовать отъ нашихъ учениковъ основательнаго знакомства съ произведеніями знаменитыхъ русскихъ авторовъ, говорится въ одной изъ статей лучшаго нашего педагогическаго журнала „Учитель“, но даже смотримъ сквозь пальцы на то, что въ продолженіе семилѣтняго курса ученія наши не въ состояніи прочно усвоить правилъ орфографіи... Историко-литературныя свѣдѣнія нашихъ учениковъ ограничиваются голостовицкими фразами, словестическими опредѣленіями и публицистическими выходками...“ (1). Еще болѣе мрачными красками изображается преподаваніе словесности въ гимназіяхъ, въ официальныхъ документахъ, напримеръ въ отчетѣ коммисіи, реагировавшей съ.-петербургскій учебный округъ, въ особой обширной запискѣ одного изъ ревизоровъ, Шадранова, съ вопросомъ: „не въ осудъ будь сказано,“ въ циркулярахъ по управленію этого округа, помѣщаемыхъ въ официальномъ отдѣлѣ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Смутное или превратное пониманіе цѣлей преподаванія, преслѣдованіе дѣлѣй побочныхъ, второстепенныхъ, въ ущербъ цѣлямъ главнымъ и существеннымъ; неопредѣленность и неустойчивость программы или даже совершенное ея отсутствіе, совер-

(1) Учт. 1884. „О методѣ чтенія книгъ. произведеній“.

шестий произвогъ въ выборѣ предметовъ преподаванія; лицевнаго всакой системы, и вслѣдствіе этого — неполнота курсовъ; наконецъ, почти повальная безграмотности учащихся: таковы слабыя стороны преподаванія словесности въ свѣтскихъ учебникахъ заведеній, упоминаемыхъ въ упомянутыхъ официальныхъ документахъ.

Осознавая неудовлетворительное положеніе дѣла, преподаватели свѣтскихъ учебныхъ заведеній на съѣздахъ и собраніяхъ много разсуждаютъ, горячо спорятъ, но рѣдко приходятъ къ окончательному соглашенію (1). Желанное единообразіе въ преподаваніи словесности доселѣ еще составляетъ для насъ *prim desiderium*. Все это указываетъ на тѣ трудности, съ какими неизбежно встрѣчается преподаватель словесности въ настоящее время. Среди этихъ противорѣчій и разногласій, при недостаткѣ оцѣнчательно установленной программы, каждому преподавателю приходится самому выработать себѣ программу, особенно съ своими личными воззрѣніями и тѣми условіями, которыми обуславливается въ известномъ учебномъ заведеніи преподаваемый имъ предметъ. Въ виду этихъ трудностей начальстваніи учебныхъ заведеній программы болыною частью составляютъ свѣтскія краткія, чтобы извинило регламентаціей не стѣсняли личныя воззрѣнія преподавателя. Особенно поражаетъ свою неспритивительность программа для желающихъ поступить въ московскій университетъ: она ничто болѣе не требуетъ, какъ простаго умнаго отчетливо и силанно передать, устно и письменнo; содержаніе болѣе замѣчательныхъ произведеній

(1) См. протоколы засѣданій с.-петербургскаго педагогическаго собранія при 2-й гимназіи въ „Учитель.“

опечатавшейся литературы и мѣсячники произведений литературы иностранныхъ. Нормальная табель женскихъ гимназій (курсъ которыхъ почти ничѣмъ не различается отъ курса гимназій мужскихъ) всю программу словесности сворачиваетъ въ слѣдующіе три параграфа: 1) чтеніе образцовъ съ цѣлю вывода основныхъ логическихкихъ и психологическихкихъ понятій; 2) чтеніе и разборъ образцовъ съ цѣлю вывода элементарныхъ понятій теоріи прозы и поэзіи; 3) ознакомленіе съ исторіей русской литературы въ ея главнѣйшихъ представителяхъ, преимущественно со временъ Петра Великаго.

II.

Пока общій, почти общепринятый, взглядъ на преподаваніе словесности въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ состоитъ въ слѣдующемъ. Отвергнувши систематическое изложеніе теорій словесности — „отвлѣстину, риторикѣ общую и частную, мѣттику, „на томъ основаніи, что теоретическія отвлеченности, историческія прищель бы занимать при такомъ веденіи дѣла, самою комъ трудны для дѣтей, что ещѣ, при всякъ толкованіяхъ учителя, могутъ быть усвоены учащими лишь механически, одною памятью, слѣдовательно не только безъ пользы, но и съ вредомъ для дѣтей; отбросивши заглавы и исторію литературы, на томъ основаніи, что „важное среднее учебное заведеніе, которое держаетъ обязать познакомить учениковъ съ исторіею литературы, обманывать себя, учениковъ и ихъ родителей,“ и что систематическое изложеніе исторіи литературы можетъ дать только голую номенклатуру, теологическое

Наше подробное изложение различных взглядов наших соотечественных педагогов на преподавание словесности является бы и досе еще далеко. Довольно сказать, что в настоящее время существует уже целая литература по вопросу о преподавании словесности, в которой с достаточною обстоятельностью раскрывается этот новый метод преподавания. Укажем более замечательные из относящихся сюда сочинений: 1) „О преподавании литературы“ *Стеюнина*. Не соглашаясь съ воззрѣніями автора на древнюю русскую литературу въ особенности на проповѣдническую, и на произведенія народной нашей словесности, нельзя не признать достоинства метода, въ первый разъ въ его книгѣ объясненнаго; не лишены значенія и его образцы разбора стихотвореній. 2) Рядъ статей *Скопина* въ „Учитель“ за 1863—1866 годы; въ особенности статьи „О методѣ чтенія поэтическихъ произведеній“, въ которыхъ взгляды, высказанные въ книгѣ *Стеюнина*, раскрыты съ большею обстоятельностью по нѣмецкимъ источникамъ (по *Любену* и др.). 3) *Филологическія записки*, изд. въ Воронежѣ, журналъ превосходный, хотя весьма мало распространенный, специально посвященный преподаванію русскаго языка; редакторъ *Филологическихъ записокъ* тщетно ищетъ о поддержкѣ между прочимъ и къ вранскимъ семинаріямъ. 4) Въ *журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія* за послѣднія десять лѣтъ—подъ редакціей *Ушинскаго*, *Рихтвенскаго*, *Георгиевскаго*—нѣсколько статей различныхъ авторовъ о преподаваніи словесности. 5) Въ „*Педагогическомъ сборникѣ*“, издаваемомъ при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, рядъ уроковъ Словесности *Водовоза*. 6) Книга того же автора: словесность въ разбо-

рахъ и примѣрахъ 1868 г. 7) Въ „Обзорной Докладъ“ за 1865 г. статьи Галахова. 8) Записка *Шварцкопфа* о преподаваніи русскаго языка и словесности въ с.-петербургскомъ учебномъ округѣ — шотландскій трудъ, наполненный практическими указаніями и софійскою, драгоцѣннѣе въ особенности для преподавателя начинающаго. 9) Распределеніе учебнаго предмета въ гимназіяхъ с.-петербургскаго учебнаго округа, составленное въ 1866 г. учебнымъ совѣтомъ при попечителѣ учебнаго с.-петербургскаго округа. 10) Сошніевія *Булгакова* и *Среднеская*, о преподаваніи отечественнаго языка. 11) Образцы разбора стихотвореній въ „Учитель“ и въ „Журналъ для дѣтей“ Чистикова.

III.

Какъ должны отнестись къ толпамъ свѣтскихъ преподавателей преподаватель словесности въ семинаріи? Честь и слава ему, если онъ собственными усиліями съумѣетъ стать на должную дорогу, самъ выработаетъ себѣ и хорошую программу и правильный методъ. Но намъ кажется, что преподаванію словесности, какъ и другихъ общеобразовательныхъ предметовъ, входящихъ въ семинарскій курсъ, какъ и вообще педагогическому дѣлу, мы должны учиться у свѣтскихъ учебнаго заведеній, которыя, что бы пре. лект. не говорили, давно оставили за собою семинаріи даже въ томъ, что еще такъ недавно оставалось неоспоримое преимущество семинарій предъ гимназіями — въ знаніи массовнаго языка. Самообольщеніе, обособленіе, замкнутость здѣсь имѣе уместны, чѣмъ гдѣ-либо. Въ этомъ случаѣ насъ не

должно смущать то предубеждение, съ каковым еще доселѣ само свѣтское общество смотритъ на свѣтскихъ преподавателей словесности, считая ихъ пропагандистами нигилизма. Но: попушающе, добрая держите. Можно оставить безъ вниманія программы тѣхъ преподавателей, которые заботятся о социальномъ развитіи учениковъ, подготовленіи „будущихъ гражданъ“, изложеніи „честныхъ и твердыхъ убѣжденій“ посредствомъ изученія Некрасова, Гейне, Верамие и пр. (1); но игнорировать ихъ за нихъ все свѣтское преподаваніе было бы большимъ грѣхомъ. Не смотря на всѣ недостатки этого преподаванія, указываемые и официально и въ литературѣ, много въ немъ есть такого, чему стоитъ поучиться преподавателю семинаріи, приступающему къ дѣлу обыкновенно безъ всякой предварительной спеціальной подготовки, и во все продолженіе своей дѣятельности изолированному, предоставленному самому себѣ. Вотъ почему желательно было бы, чтобы преподавателямъ словесности въ семинаріяхъ, особенно начинающимъ, рекомендованъ и облегченъ былъ доступъ въ свѣтскія учебныя заведенія, гдѣ бы они могли посмотреть, какъ дѣлается дѣло у другихъ. Для всѣхъ стало очевидно, что уже нельзя довольствоваться стариннымъ домашнимъ нашимъ методомъ преподаванія по сокращеннымъ академическимъ запискамъ или по книгамъ Далскаго, Архангельскаго и пр., при чемъ чтеніе въ классѣ представлялось излишнею роскошью, напрасною тратой времени, а все вниманіе сосредоточивалось на заучиваніи тетрадокъ. Съ другой стороны практическій методъ преподаванія словесности,

(1) См. о такихъ программахъ въ упомянутой запискѣ Шваранова.

принятый въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, требуетъ большаго педагогическаго таланта, навыка и умѣнья. При недостаткѣ этихъ качествъ, приобретаемыхъ главнымъ образомъ чрезъ опытъ, практическія занятія легко могутъ обратиться въ простое чтеніе, въ праздную забаву, уместенно—разслабляющую учащихся, между тѣмъ какъ они должны быть работой, трудомъ. При такомъ положеніи дѣла ближайшимъ образомъ ознакомиться съ приемами лучшихъ преподавателей въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ напримѣръ въ Петербургѣ—Ращевскаго, Никольскаго, Стоюнина и др., дѣло далеко не излишнее. Въ чемъ именно можно слѣдовать примѣру свѣтскихъ преподавателей—мы скажемъ ниже.

IV.

Принимая къ свѣдѣнію и руководству отъ свѣтскихъ преподавателей то, что у нихъ есть пригоднаго для семинарій, семинарская программа во многомъ должна существенно разниться отъ программы гимназической, соответственно тѣмъ особымъ условіямъ, въ какихъ находится преподаваніе словесности въ семинаріяхъ. Таковы:

а) Вопреки свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ, поставленнымъ, въ преподаваніи словесности, на первомъ планѣ чтеніе и разборъ образцовъ, *главный предметъ занятій по классу словесности въ семинаріи должно составлять систематическое изложеніе элементарныхъ понятий теории и исторіи литературы*, какъ предметъ, узаконенный новымъ семинарскимъ уставомъ. Программа теоріи и исторіи литературы должна служить мас-

штатомъ, съ которыми соразмѣряются и къ которому приурочиваются все прочія занятія—чтеніе и разборъ въ классѣ, письменныя работы учениковъ на дому.

б) Примѣнительно къ строго—классическому характеру неваго устройства преподаванія въ семинаріяхъ, преподаваніе въ нихъ словесности должно имѣть *видъ строго-систематическій*. Въ этомъ случаѣ опять нельзя слѣдовать примѣру свѣтскихъ учебныхъ заведеній, гдѣ отсутствіе системы въ урокахъ словесности болышею частію—обыкновенное явленіе,—гдѣ теоретическія свѣдѣнія, если и сообщаются, то—отрывочно, по частямъ, при удобномъ случаѣ, въ видѣ случайныхъ замѣтокъ. Только систематическое усвоеніе знаній какого—бы то ни было предмета приучаетъ дѣтей къ строгому мышленію; отрывочное же и случайное ихъ сообщеніе подворяеть въ головахъ ихъ неурядицу. Только тѣ свѣдѣнія составляютъ дѣйствительное знаніе, которыя поставлены въ соотношеніе и связь между собою. Такъ, напримѣръ, при изложеніи теоріи словесности хорошо было бы выяснить, на сколько возможно, генетическую связь родовъ и видовъ словесности и, при изложеніи каждаго рода произведеній въ отдѣльности, дѣлать краткій историческій обзоръ ея развитія у разныхъ народовъ.

в) Въ семинаріяхъ словесность преподается въ нижнихъ классахъ, тогда какъ въ свѣтскихъ заведеніяхъ—въ старшихъ. Нельзя не видѣть преимущества, которое въ этомъ случаѣ выпадаетъ на долю словесности въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Теорія словесности—наука философская, исполненная отвлеченностей, для усвоенія которыхъ требуется нѣкоторая умственная развитость, болышая той, какою обыкновенно обладаютъ ученики, только что поступившіе въ семинарію. Кроме

того въ гимназіяхъ урокамъ словесности предшествуютъ уроки элементарной логики и психологіи; но крайней мѣрѣ такъ дѣлають некоторые, лучшие, преподаватели словесности, при урокахъ которыхъ намъ случилось присутствовать. Опять ходъ дѣла вполне естественный: слово—предуть мысли, законы слова—выраженіе законовъ мысли; предложеніе—выраженіе сужденія; періодъ—выраженіе умозаключенія, и т. д. Когда умелыя гимназіи слышатъ въ классѣ, что „сказка является у народа въ младенческую эпоху его жизни, когда у него надъ всѣми силами души господствуетъ фантазія“, то онъ уже знаетъ, что такое фантазія, и ему не трудно объяснить, почему сказка является именно въ этотъ періодъ народнаго развитія, а не въ другой, и въ чемъ состоитъ отличіе сказки отъ другихъ видовъ эпоса... У насъ логика и психологія слѣдуютъ за словесностью, а не предшествуютъ ей. Правда, за то у насъ изъ логики и психологіи преподаются не элементарныя новѣтїя, а цѣлая наука съ обстоятельными закононачіемъ философскихъ системъ, — а это составляетъ не малое преимущество семинарій предъ гимназіями... Далѣе: число уроковъ словесности въ семинаріи меньше, чѣмъ въ гимназіи: у насъ—по три часа въ недѣлю въ продолженіи двухъ лѣтъ, а тамъ—по три урока въ теченіе трехъ или четырехъ годовъ.. Все это мы говоримъ не потому, чтобы мы думали указывать недостатки устройства преподаванія въ семинаріи: въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ все должно быть направлено въ спеціально-бессловесному образованію будущаго священника, все должно быть приурочено и соразмѣрено съ главною задачею семинарскаго образованія; для уроковъ словесности едва ли можно быть отведено иное мѣ-

это, какъ въ младшихъ классахъ. Изъ всего, сказаннаго нами, выдвигается только то, что *объемъ семинарскаго курса исторіи и исторіи словесности долженъ быть значительно короче школьскаго*. Главное, на что должно быть у насъ обращено вниманіе, это то, чтобы преподаватель не задвинулъ слишкомъ широкими цѣлями, чтобы онъ отнюдь не выходилъ изъ круга *элементарнаго сельдья*. Имѣть сомнѣніи, что словесность—наука, но наука для академической аудиторіи, а не для низшихъ классовъ семинаріи, гдѣ сидятъ дѣти отъ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ. Между тѣмъ это обстоятельство досель у насъ, къ удивленію, оставалось совершенно безъ вниманія. Большой нашъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что мы все—профессоры, а не просто—учители, что мы любимъ читать „лекціи,“ а не уроки учебнаго предмета, любимъ больше говорить сами, нежели заставить работать учениковъ. Вообще нельзя не сознаваться, что наши доморощенные методы преподаванія требуютъ радикальнаго измѣненія, какъ и вообще наши понятія о приемахъ обученія, объ обращеніи съ учениками въ классѣ, о средствахъ поддержанія дисциплины и пр. Мы любимъ трактовать своихъ слушателей—дѣтей, точно также, какъ насъ недавно трактовали въ академіи—взрослыми людьми, „господами;“ насъ фразируетъ и обезкураживаетъ живость и непосредственность мальчишка въ классѣ, которой мы иначе не умѣемъ предотвратить, какъ карой, жалобой начальству; за которую слѣдуетъ дисциплинарное взысканіе. У насъ не шалости, а преступленія; наши наказанія не педагогическія мѣры, имѣющія цѣлю должнымъ образомъ направить живость ребенка, а грозная кара закона надъ преступникомъ. Не здѣсь ли, въ такомъ

пониманіи нашими преподавателями своихъ отношеній къ ученикамъ нужно искать источника той распущенности, на которую такъ настойчиво жалуются въ послѣднее время повсемѣстно въ семинаріяхъ, и которая влечетъ за собою изгнаніе бѣдныхъ семинаристовъ цѣлыми десятками. Не достаточно знакомые съ педагогическимъ дѣломъ, мы не умѣемъ стать въ должныя отношенія къ дѣтямъ, и за наше невѣжество дорого расплачиваются несчастныя дѣти и еще болѣе несчастныя ихъ родители.

Прежде, когда времени на преподаваніе словесности въ семинаріяхъ было такъ много (шесть уроковъ въ недѣлю), и когда все преподаваніе состояло исключительно въ изложеніи теоріи словесности, объемъ курса словесности бывалъ иногда у насъ непомерно обширенъ. Излагалась наука, въ которой, во введеніи, определялась словесность какъ наука и какъ искусство, показывалось, на сколько частей и главъ эта наука дѣлилась и подраздѣлялась, и почему такъ, а не иначе; затѣмъ слѣдуетъ общія риторика, въ которой говорится о слогахъ сжатомъ и обильномъ, высокомъ, среднемъ и низкомъ, объ источникахъ изобрѣтенія, о хризахъ, и пр. Затѣмъ слѣдовали изъ Давыдова правила о редахъ и видахъ прозы и поэзіи, между прочимъ подробно трактовалось о рѣчахъ военныхъ и академическихъ и пр. Все это преподаватель излагалъ въ обширныхъ запискахъ, исполненныхъ мудреныхъ опредѣленій. Записки эти болѣею частію компилируются преподавателями изъ академическихъ лекцій Давыдова, Зеленецкаго и пр. и представляютъ самую разнохарактерную мозаику. Чѣмъ усерднѣе преподаватель, тѣмъ обширнѣе записки и тѣмъ пестрѣе въ нихъ мозаика. Записки должны

быть на столько подробны, чтобы преподавателю ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ наблюдать за ихъ заучиваніемъ, — чтобы ихъ достало на весь курсъ, и чтобы на экзаменѣ, (который, въ подобныхъ случаяхъ, и есть главный стимулъ всѣхъ усилій преподавателя) на каждаго ученика достало по трактату. Нельзя, впрочемъ, строго винить наставниковъ семинарій за такую постановку дѣла. Цѣль и смыслъ критическаго чтенія образцовыхъ произведеній не ими только поняты еще такъ не давно. При прежнихъ понятіяхъ о преподаваніи словесности чтеніе въ классѣ считалось дѣломъ излишнимъ, вмѣнялось наставнику въ вину. Читали преподаватели въ классѣ лишь тогда, когда не успѣвали приготовить „лекцію“ или когда хотѣли побаловать учениковъ... Намъ кажется, что весь курсъ элементарныхъ понятій изъ теоріи прозы и повѣи, понятій, аналитически выведенныхъ изъ разбора образцовъ, если ужъ необходимо излагать ихъ въ запискахъ, легко можетъ умѣститься въ десяти листахъ въ тетрадь, никакъ не большей, а даже и меньшей книжечкѣ Минина и Петрова, которыя, впрочемъ, назначены для учениковъ старшихъ классовъ, а не для дѣтей отъ 12 до 14 лѣтъ, нисколько не подготовленныхъ къ теоретическимъ отвлеченностямъ. Предлагать болѣе подробное изложеніе теоріи словесности не значило ли бы насиловать дѣтскую натуру? Не поведетъ ли это неизбежно къ долбленію, къ которому такъ склонны наши ученики?

г) Обзорѣніе видовъ повѣи, вопреки общепринятому у насъ обычаю, должно предшествовать обзорѣнію видовъ прозы: во первыхъ потому, что первые легче, доступнѣе пониманію учениковъ (сочиненія философскія

или ученые должны заканчивать курсъ теоріи словесности, такъ какъ отъ нихъ прямой переходъ въ слѣдующей затѣмъ логикѣ); во вторыхъ — потому, что таковъ естественный ходъ развитія литературы у каждаго народа: сперва является поэзія—плодъ фантазіи и чувства, потомъ проза—продуктъ дальнѣйшаго умственнаго развитія народа, образованности, свойственной болѣе поздней эпохѣ развитія жизни народа (см. подробное развитіе этой мысли во введеніи къ опыту историческаго обозрѣнія русской словесности О. Миллера).

д) При изложеніи теоріи словесности на преподавателѣ лежитъ обязанность знакомить учениковъ съ главнѣйшими, болѣе замѣчательными произведеніями литературъ иностранныхъ, хотя и не въ такомъ объемѣ, въ какомъ это дѣлается въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это, впрочемъ, и неизбежно, потому что желая подтвердить свои опредѣленія того или другаго рода словесности образцомъ, преподаватель въ большинствѣ случаевъ не можетъ не отдать предпочтенія этимъ иностраннымъ произведеніямъ предъ отечественными. Говоря объ эпопее, можно и должно такимъ образомъ познакомить учениковъ съ Илиадою, Одиссеей, Энеидой; говоря о народномъ эпосѣ новѣйшихъ народовъ весьма прилично прочесть изъ Жуковскаго романа о Сидѣ или пѣснь о Роландѣ; преимущественно же слѣдуетъ остановиться на народномъ эпосѣ южныхъ и западныхъ славянъ, напримѣръ на пѣсняхъ о Маркѣ Кралевичѣ, судѣ Любуши, Краледворской рукописи (въ христоматіи Галахова). Говоря о древней трагедіи, слѣдуетъ поработать съ учениками надъ „Эдипомъ—царемъ“ или „Антигоной“ Софокла; при изложеніи драмы ново-европейской, можно разобрать „Макбета“ или „короля Ли-

ра“ въ параллель съ пьесой Островскаго: „Свои люди — сочтемся“.

е) Преподаваніе исторіи литературы вопреки мнѣнію свѣдѣвшихъ преподавателей, также можетъ имѣть систематическій видъ. Такъ какъ при изложеніи теоріи прозы и поэзіи, а также при практическихъ занятіяхъ преподаватель познакомитъ учениковъ съ достаточнымъ запасомъ произведеній русской литературы, то ему легко избѣжать „голословныхъ приговоровъ и общихъ обзрѣній“, которыхъ такъ боится г. Скопинъ: стоитъ только сослаться на извѣстныя ученикамъ пьесы. Приступая къ писателю, сочиненія котораго еще не были читаны, преподаватель разбираетъ одну, болѣе характеристическую его пьесу, предпосылая разбору біографическія свѣдѣнія о писателѣ, на сколько то находится въ связи съ исторіей его литературной дѣятельности и служить для объясненія его направленія; а также, если представится возможнымъ, читаетъ, для ознакомленія съ эпохой (которое необходимо для уразумѣнія писателя) соответствующій историческій разсказъ изъ Карамзина или историческаго романа; напримѣръ приступая къ эпохѣ Грознаго можно прочесть мѣста изъ „Князя Серебрянаго“, или „смерть Іоанна Грознаго“, графа Толстаго; говоря о Домостроѣ, можно предварительно разобрать „Пѣсню про царя Івана Васильевича,“ Лермонтова, предъ Котошихиннымъ — мѣста изъ Кохановской. Оканчивая древній періодъ русской литературы, можно прочесть выдержки изъ книги Терещенко — „бытъ русскаго народа“, изъ „очерковъ жизни и нравовъ великорусскаго народа“ Костомарова, изъ „домашняго быта русскихъ царей“ Забѣлина, и пр. При всемъ томъ общія обзрѣнія, конечно, будутъ неизбѣжны; но въ

этихъ случаяхъ болѣе близкое знакомство съ предметомъ ученики приобретутъ изъ другихъ курсовъ: напримеръ съ древними русскими проповѣдниками ближе они познакомятся изъ уроковъ Гомилетики, духовную литературу XV и XVI вѣковъ узнаютъ изъ исторіи русской церкви; съ литературною дѣятельностію Курбскаго—изъ гражданской русской исторіи, и проч.

V.

Одну изъ главныхъ цѣлей занятій по классу словесности составляетъ развитіе дара слова въ учащихса, приобретение ими навыка свободно и связно выражать свои мысли, не только письменно, но и изустно. Давно уже замѣчено, что наши семинаристы, даже болѣе развитые, обладающіе достаточными свѣдѣніями, *не умѣютъ говорить*... Этотъ важный недостатокъ прежде всего—плодъ несчастной привычки задалбливать записки преподавателей,—плодъ семинарскаго метода преподаванія въ видѣ лекцій (при чемъ на долю учениковъ выпадаетъ роль чисто—пассивная, роль слушателей),—наконецъ плодъ недостатка специальныхъ занятій, которыя имѣли бы въ виду именно эту цѣль, каковы, напримеръ, были въ старину диспуты и коллоквиумы. Такъ какъ развитіе дара слова находится въ непосредственной зависимости отъ развитія умственнаго, то въ связи съ этою цѣлію находится другая—развитіе умственное. Обѣ эти цѣли достигаются, конечно, совокупными усиліями всѣхъ преподавателей; но для преподавателя словесности онѣ составляютъ цѣль специальную. Для достиженія ея служатъ практическія занятія по классу словесности и такъ называемый *логическій разборъ*. Вотъ здѣсь то препода-

вателю семинаріи не остается ничего болѣе дѣлать, какъ послѣдовать примѣру свѣтскихъ учебныхъ заведеній, гдѣ этотъ логическій разборъ составляетъ главный предметъ уроковъ словесности. У насъ, въ семинаріяхъ, эти практическія занятія могутъ быть ведены въ такомъ порядкѣ:

а) Можно начать съ простаго чтенія въ классѣ, въ слухъ, по книгѣ, народныхъ сказокъ, былинъ, басенъ Крылова, историческихъ и повѣстическихъ рассказовъ. Привыкшіе въ училищѣ къ долбленію, ученики, болѣею частію, читаютъ, сначала дурно: тихо, монотонно, безъ должнаго выраженія, или же торопливо, скороговоркой, безъ надлежащаго соблюденія пунктуаци и удареній. Преподаватель требуетъ чтенія громкаго, членораздѣльнаго, съ остановками на знакахъ препинанія, съ соблюденіемъ удареній на словахъ болѣе важныхъ въ фразѣ.

б) Прочитанное въ классѣ какъ самимъ учителемъ (учитель читаетъ на первыхъ порахъ лишь для того, чтобы дать имъ образецъ правильнаго чтенія, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда по педагогическимъ соображеніямъ, статья не можетъ быть читана безъ пропусковъ, какъ это необходимо бываетъ при чтеніи, на примѣръ, большей части сочиненій Пушкина) такъ и самими учениками въ классѣ или на дому (назначая чтеніе на дому, учитель указываетъ, на что должно быть обращено вниманіе при чтеніи) ученики должны отчетливо передать, сначала со всѣми подробностями, потомъ въ сжатомъ видѣ, одни изустно, другіе въ тоже время письменно, на доскахъ; при чемъ обращается вниманіе на правильность выраженія, на послѣдовательность и связность разсказа. Пересказываніе прочитаннаго сопровождается вещественнымъ раз-

боромъ, т. е. краткимъ объясненіемъ предметовъ и понятій, дотолѣ незнакомыхъ ученикамъ. Дѣло это ведется способомъ собесѣдовательнымъ. При разсказѣ, при медленности ученика въ отвѣтъ, нужно быть терпѣливымъ, не слѣдуетъ постоянно вмѣшиваться, прерывать рѣчь ученика безъ нужды, и, не выслушавши одного, переходить къ другому. Когда стоящіе у доски окончатъ свое дѣло, устные отвѣты учениковъ прекращаются, преподаватель поправляетъ написанное на доскахъ, обращая вниманіе учениковъ на грамматическія ошибки, припоминая имъ грамматическія правила.

в) Въ послѣдствіи къ такому чтенію и разсказу присоединяется логическій разборъ. Въ чемъ состоитъ этотъ разборъ, какіе вопросы нужно предлагать ученикамъ и какъ предлагать—это съ достаточною обстоятельностью объяснено въ упомянутыхъ выше статьяхъ Скопина и въ книгѣ Стоюнина. Ученики отыскиваютъ планъ пьесы, т. е. указываютъ части, на которыя она распадается по мѣсту дѣйствія, описываемаго въ разсказѣ или по другимъ основаніямъ (это—такъ сказать - практическій урокъ логики: чрезъ такое отыскиванье плана ученики у образцовыхъ писателей перенимаютъ стройность и послѣдовательность изложенія), указываютъ переходы отъ одной части къ другой, и вообще связь между мыслями, отыскиваютъ главную мысль сочиненія. Потомъ обсуживаются характеры дѣйствующихъ лицъ разсказа (при этомъ чрезвычайно полезно сопоставленіе однородныхъ характеровъ, напримѣръ Плюшкина и Скупаго рыцаря, Простаковой и Адуевой, и пр., или изображеніе одного и того же лица въ двухъ разнородныхъ произведеніяхъ—напримѣръ Бориса Годунова—у Карамзина и въ драмѣ Пушкина, Рейнскаго водопада — у Карам-

зна и Жуковского и пр.) и при руководствѣ учителя составляются полныя характеристики (сначала, при помощи соответствующихъ вопросовъ учителя указываются частныя черты характера; къ концу урока подводятся итогъ, все выработанное общими усилиями учителя и учениковъ—резюмируется). Затѣмъ опредѣляются родъ и видъ, къ которому принадлежитъ разбираемая пьеса и указываются отличительныя черты этого рода и вида (почему разбираемая пьеса относится къ поэзиі? Что въ ней эпического? Почему ее называютъ сказкой, а не романомъ? и пр.); указываются мѣста, представляющія выполненіе или нарушеніе одновременно съ этими преподаваемыхъ правилъ теоріи; дѣлаются остановки на отдѣльныхъ выраженіяхъ, метафорахъ, фигурахъ и пр.; въ пьесахъ народныхъ указываются идиотизмы живой рѣчи—аллитерація, тавтологія, звукоподраженіе—и такимъ образомъ на практикѣ проходитъ стилистика—ученіе о благозвучіи, изобразительности рѣчи и другихъ свойствахъ слога.

г) Какъ солдатъ на войну безъ ружья, ученикъ въ классѣ безъ тетради и пера не приходитъ. У насъ, гдѣ ученики въ классѣ большею частію не работаютъ, а только слушаютъ, къ сожалѣнію это не всегда наблюдается. Обязанность учителя—строго слѣдить за опрятностію и порядкомъ этихъ тетрадей: свѣтскіе преподаватели приписываютъ этому обстоятельству важное воспитательное значеніе, такъ какъ порядокъ въ веденіи тетрадей и пр. пріучаетъ дѣтей къ драгоценной нѣмецкой аккуратности. Эти тетради служатъ и для домашнихъ письменныхъ работъ учениковъ и для записей въ классѣ, такъ что предъ учителемъ, когда онъ беретъ, хоть мимоходомъ, тетрадь ученика, отирается

вся мыслительная процедура ученика. Тогда не нужно учителю прибѣгать къ разнымъ ухищреннымъ способамъ ловитвы учениковъ въ пользованіи ими чужими трудами: при такихъ близкихъ отношеніяхъ учителя къ ученикамъ въ послѣднихъ невозможна самая мысль воспользоваться чужимъ трудомъ.

По мѣрѣ разбора пьесы въ классѣ ученики въ театрахъ дѣлаютъ свои помѣтки, на основаніи которыхъ къ слѣдующему классу готовятъ полный отчетъ о разобранный пьесѣ въ связномъ изложеніи: такимъ образомъ домашнія письменныя работы учениковъ находятся въ самой тѣсной связи съ занятіями ихъ въ классѣ. Учитель долженъ руководить записями учениковъ въ классѣ и отнюдь не допускать скорописанья. Записываніе „лекцій,“ это академическій приемъ, такъ распространенный въ гимназіяхъ, въ послѣднее время всѣми почти признается большимъ зломъ; мало того, что онъ портитъ почеркъ: онъ положительно препятствуетъ успѣху занятій, такъ какъ, не будучи въ состояніи записать всего,—для этого у учениковъ не достанетъ нужнаго проворства,—ученики неизбежно будутъ записывать кое что и притомъ будутъ опускать главное, а записывать второстепенное. Впрочемъ, такъ какъ разборъ пьесы дѣлается совокупными усиліями учениковъ и учителя, и дѣло ведется путемъ вопрошанія и собесѣдованія, то на этихъ урокахъ записи учениковъ могутъ быть достаточно полными. Главные вопросы, отвѣты на которые должна представлять письменная работа ученика, диктуются учителемъ или пишутся на доскѣ.

д) Декламация—осмысленное и одушевленное сказываніе стиховъ и рѣчей—дѣло очень важное въ заня-

тіяхъ по классу словесности съ будущими проповѣдниками. По этому говоренію въ классъ заученныхъ наизусть пьесъ, прозаическихъ и стихотворныхъ, должно быть отведено видное мѣсто. Изъ первыхъ заучиваются наизусть: поученія Путьгина, привѣтственные рѣчи митрополита Филарета, нѣкоторыя проповѣди Иннокентія, рѣчи изъ исторіи Карамзина. Учитель не ограничивается преподаніемъ правилъ декламации, но предварительно самъ говоритъ пьесу и потомъ уже, заставляя декламировать ученика, требуетъ отъ него выполненія преподаваемыхъ правилъ. Заучиванію наизусть предшествуетъ разборъ пьесы. Декламируютъ ученики не съ своихъ мѣстъ, а съ kneedры, лицомъ къ цѣлому классу, и говоренію своему каждый разъ предпосылаютъ объяснительное предисловіе.—Въ концѣ курса ученики, по крайней мѣрѣ лучшіе, пріучаются говорить небольшія импровизаціи на легкія темы, напримѣръ на нѣкоторыя пословицы (послѣ предварительнаго обдумыванья въ продолженіе часа), а также читаютъ свои сочиненія съ защищеніемъ высказаннаго отъ возраженій со стороны товарищей и учителя.

е) Письменные упражненія учениковъ начинаются письмомъ подъ диктовку: диктуются басни Крылова и лирическія пьесы изъ помѣщаемыхъ обыкновенно въ хрестоматіяхъ,—знаніе которыхъ пригодится при урокахъ теоріи и исторіи литературы. Прежде, чѣмъ диктовать по слову, учитель прочитываетъ всю пьесу, для того, чтобы ученики могли усвоить смыслъ ея. Знаки препинанія не говорятся: ученики должны сами умѣть разставить ихъ, прислушиваясь къ чтенію учителя и обращая вниманіе на паузы, имъ дѣлаемыя. По окончаніи диктовки учитель беретъ тетрадь одного изъ

слабыхъ учениковъ, указываетъ въ слухъ всѣхъ ошибки, припоминаетъ грамматическія правила; ученики сами исправляютъ указываемыя ошибки въ своихъ тетрадяхъ. Продиктованное стихотвореніе тщательно переписывается въ особую бѣловую тетрадь; при чемъ учитель требуетъ, чтобы переписано было старательно, по возможности красиво, и—непрѣменно—четко. Это дѣлается съ цѣлю упражненія въ каллиграфіи, которой также не слѣдуетъ упускать изъ вниманія: сельскому священнику, которому очень часто приходится самому вести церковныя книги, необходимо имѣть почеркъ, по крайней мѣрѣ разборчивый и четкій; между тѣмъ ученики, особенно поступающіе изъ домовъ родителей, очень часто совсѣмъ не имѣютъ почерка. Продиктованныя стихотворенія разбираются въ классѣ, заучиваются наизусть и декламируются, какъ говорено выше, и служить матеріаломъ для домашнихъ письменныхъ работъ, которыя сначала состоятъ въ простомъ перепоразѣ, въ измѣненіи стихотворной формы рѣчи на прозаическую, въ замѣнѣ однихъ оборотовъ рѣчи другими; потомъ ученики переходятъ къ болѣе сложнымъ работамъ: отыскиваютъ главную мысль стихотворенія, планъ, и проч., какъ говорено выше.

При неизбежной малоразвитости учениковъ 1 и 2 классовъ семинаріи—мальчиковъ отъ 12 до 14 лѣтъ—сочиненія на темы, которыя такъ упорно держатся у насъ въ семинаріяхъ, мы находимъ не практичными: у учениковъ нѣтъ въ это время ни достаточнаго запаса свѣдѣній, своихъ или чужихъ мыслей, ни необходимой находчивости и изобрѣтательности; съ такою „темой“ ученикъ рѣшительно не знаетъ что дѣлать и бесплодно продумавши надъ нею нѣсколько дней, онъ неизбежно

обратится за помощью въ знакомому ученику старшаго класса, который менторствуетъ въ этомъ случаѣ весьма охотно. Назначать сочиненія на темы учитель можетъ позволить себѣ развѣ въ послѣднюю треть втораго года: ученики въ это время уже въ состояніи составлять описанія, характеристики и разсказы о предметахъ, имъ знакомыхъ. Впрочемъ и тутъ дѣло не обойдется безъ помощи учителя, который или набрасываетъ планъ сочиненія, или указываетъ образецъ, которому ученики могутъ подражать и въ тонѣ рѣчи и въ расположеніи частей; на примѣръ, разобравши стихотвореніе Пушкина „опять на родинѣ“, учитель назначаетъ тему: „пріѣздъ семинариста домой на каникулы.“ Темы описательныя даются въ родѣ слѣдующихъ: „хозяйство крестьянина,“ „церковь роднаго села и ея достопримѣчательности,“ „деревенскія святки,“ „мое прошлое,“ „пожаръ,“ „мои мечты“ и проч. Отъ времени до времени ученики пишутъ экспромты въ классѣ, чтобы учитель могъ руководить самымъ процессомъ писанія сочиненій, а также для проверки ихъ способностей и успѣховъ.

VI.

Есть еще одна цѣль, которой желательно было бы достигать при преподаваніи словесности въ семинаріи. Каждый преподаватель есть вмѣстѣ и воспитатель; его обязанности не ограничиваются сообщеніемъ ученикамъ *свѣдѣній* по своему предмету: онъ долженъ стараться, не выходя, конечно, изъ круга непосредственныхъ своихъ замѣтъ, по возможности вліять также и на нравственный характеръ учениковъ и на ихъ эстетическое развитіе. Намъ кажется, что больше, чѣмъ кто-либо

ной долженъ это помнить преподаватель семинарія: у насъ логическое развитіе большею частію идетъ удовлетворительно, благодаря присутствію въ нашихъ программахъ логики и психологии, а также благодаря усиленнымъ занятіямъ учениковъ сочиненіями; за то средствъ для нравственнаго и эстетическаго развитія у насъ такъ мало!.. На преподавателя словесности, по самому свойству этого предмета, эта обязанность лежитъ больше, чѣмъ на комъ-либо другомъ. Словесность въ учебныхъ заведеніяхъ большею частію самый любимый предметъ. Пользуясь разумно этимъ обстоятельствомъ, учитель словесности можетъ сдѣлать свое преподаваніе самымъ могущественнымъ средствомъ не только умственнаго, но также нравственнаго и эстетическаго развитія учащихся, средствомъ для облагороженія ихъ понятій и вкуса, искорененія бурсацкой грубости, пробужденія лучшихъ возвышенныхъ помысловъ и стремленій. Не то это значить, что учитель словесности долженъ обратить свои уроки—въ уроки морали и педагогики: указанныхъ цѣлей онъ можетъ достигать удачнымъ подборомъ образцовъ, читаемыхъ и разбираемыхъ въ классѣ, и тѣмъ направленіемъ, какое онъ даетъ этому разбору. Уже одно чтеніе, осмысленное и одушевленное, истинно-поэтическое, высоко-художественныхъ произведеній всегда производитъ неотразимо-благотворное дѣйствіе на воспріимчивую дѣтскую натуру: оживляетъ мыслительность, развиваетъ чувство. Дѣти всегда не только съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ выслушиваютъ такое чтеніе: послѣ него большинство ихъ всегда съ охотой, съ рвеніемъ берутся за работу надъ прочитанною пьесой, по указанному учителемъ плану. Не даромъ знаменитый повтъ Шиллеръ

придавалъ такое важное образовательное значеніе чтенію поэтическихъ произведеній, что не совѣтовалъ даже анализировать ихъ послѣ чтенія, чтобы анализомъ не испортить впечатлѣнія.

Когда здѣсь сказать, что на обязанности учителя словесности лежитъ руководить и домашнимъ чтеніемъ учениковъ, приурочивая его къ общимъ педагогическимъ цѣлямъ и къ специальнымъ цѣлямъ своего преподаванія. Вопросъ о чтеніи въ семинаріи — очень важный вопросъ. Въ послѣднее время вездѣ, а въ семинаріяхъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, образование приняло характеръ самообразования. Главный дѣятель этого самообразования — безразборчивое чтеніе. Пропаганда англизма, если только справедливо, что она существовала въ семинаріяхъ, производилась именно этимъ путемъ: въ городѣ, у своихъ знакомыхъ, а особенно въ публичныхъ библиотекахъ (въ провинціи), гдѣ семинаристы всегда составляютъ весьма крупный процентъ читателей, они всегда, волей-неволей наталкиваются на произведенія новѣйшей журналистики и беллетристики, которые, конечно, всего менѣе пригодны для педагогическаго употребленія... И такъ чтеніе должно быть подчинено въ семинаріяхъ доброму руководству, строгому контролю. Намъ кажется, что это руководство должно принадлежать не инспекціи съ ея дисциплинарными мѣрами — (известно, что запрещаемый плодъ бываетъ особенно сладокъ, тогда какъ рекомендуемая начальствомъ книга всегда берется учениками въ руки съ предубѣжденіемъ относительно желаемой ими доброкачественности) — а главнымъ образомъ нравственному вліянію преподавателей словесности по преимуществу.

И такъ вопросъ сводится къ тому: что долженъ пре-

подаватель словесности разбирать съ учениками въ классъ, съ цѣлю нравственнаго и эстетическаго ихъ развитія? Какія книги и какихъ авторовъ можетъ онъ рекомендовать имъ для прочтенія на дому? Перечень сочиненій для домашняго чтенія — вопросъ объ ученическихъ библиотекахъ — не входитъ въ кругъ предметовъ, подлежащихъ въ настоящее время нашему обсужденію. Скажемъ о томъ, какихъ авторовъ долженъ читать учитель словесности въ классъ. Къ сожалѣнію ни одна изъ существующихъ христоматій — ни христоматія Галахова, ни христоматія Филонова — не удовлетворяютъ вполне потребностямъ семинарскаго преподаванія: обѣ — по своей дороговизнѣ, и кромѣ того — первая — потому, что даетъ лишь краткіе отрывки, а вторая потому, что страдаетъ неумѣстными тенденціями и наполнена излишнимъ балластомъ выписокъ изъ ученыхъ, для учениковъ по меньшей мѣрѣ бесполезныхъ.

Прежде всего, конечно, изъ семинарскаго курса должны быть исключены писатели отрицательнаго и сатирическаго направленія, такъ какъ чтеніе такихъ авторовъ поведетъ бы къ развитію въ дѣтяхъ неумѣстнаго критицизма и легкомысленнаго отношенія къ вопросамъ жизни. За тѣмъ на первомъ планѣ должны стоять: *Жуковский*, повѣсть юношества по преимуществу, — съ его высокими и благородными идеалами; *Карамзинъ*, чтеніе котораго благотворнымъ образомъ можетъ дѣйствовать на развитіе въ дѣтяхъ патріотическаго чувства, приучаетъ уважительно относиться къ общепризнаннымъ авторитетамъ, ко всему благородному. Потомъ слѣдуютъ: *Кольцовъ*, *Даль*, *Григоровичъ* — съ ихъ сочувственнымъ, но трезвымъ, чуждымъ односторонности, взглядомъ на народъ; *Кн. Одоевскій*; *С. Т. Аксаковъ* — лучший худож-

никъ русскаго слова, — съ его глубокимъ чувствомъ природы (записки ружейнаго охотника, записки объ уженъ рыбы), съ его спокойнымъ, умиротворяющимъ взглядомъ на жизнь (семейная хроника, дѣтскіе годы Багрова), *А. С. Хомяковъ*, нашъ лучший богословъ, богословъ не по официи, а по призванію, къ сожалѣнію слишкомъ мало извѣстный въ учебныхъ заведеніяхъ, хотя его сочиненія могли быть классической книгой въ семинаріяхъ; *Позановская*, съ ея своеобразнымъ, чисто-русскимъ складомъ рѣчи, съ ея художественнымъ, высоко-талантливымъ воспроизведеніемъ лучшихъ сторонъ старинной русской жизни; вообще писатели *славяно-фильской школы* — *А. Аксаковъ* (характеристики дѣятелей русской исторіи), *Кирпѣвскій* (о характерѣ просвѣщенія Европы и пр.), съ ихъ сочувственнымъ отношеніемъ къ религиознымъ интересамъ, горячею любовію ко всему отечественному, трезвостію и благородствомъ сужденій, наконецъ съ ихъ уваженіемъ къ высокому достоинству литературнаго слова, уваженіемъ, котораго такъ мало находимъ мы въ произведеніяхъ литературы новѣйшей.

Но особенное вниманіе преподавателя словесности въ семинаріи, какъ намъ кажется, должно быть обращено на изученіе *народной русской словесности*, не потому, что она стала нынѣ предметомъ моды, а въ силу ея дѣйствительныхъ достоинствъ и нарочитой пригодности для цѣлей преподаванія семинарскаго. У нѣмцевъ, законодателей въ педагогическомъ дѣлѣ, изученіе родины, отечества (*Vaterlandkunde, Heimathskunde*) родной народной рѣчи и словесности считается дѣломъ первой важности; сказки, собранныя Гриммами, изучаются, говорятъ, въ каждой школѣ германской... Изученіе памятниковъ народнаго творчества вводитъ семинариста,

на сколько то возможно по его возрасту и степени развитія, въ область народнаго русскаго міросозерпанія, съ которымъ придется имѣть дѣло будущему сельскому священнику. Работая надъ этими памятниками, ученикъ семинаріи осваивается съ народнымъ складомъ рѣчи, съ тѣмъ складомъ рѣчи, которымъ ему въ послѣдствіи всего приличнѣе будетъ говорить къ народу. Изучая эти памятники, онъ увидитъ, какъ давно уже и какъ глубоко народъ нашъ понималъ высокій смыслъ христіанскаго ученія о любви къ ближнему, когда, напри мѣръ, въ уста отца Ильи Муромца вагааетъ такое наставленіе сыну, пришедшему къ нему взять благословеніе великое на подвиги богатырскіе:

Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина...

Уже одно необычайное обиліе въ народной нашей словесности духовныхъ стиховъ и легендъ покажетъ, какое преобладающее значеніе въ русскомъ народѣ имѣеть религиозное чувство, хотя, большею частію, темное и неразборчивое: развить и осмыслить это чувство, дать ему должное направленіе—предстоитъ ему, будущему сельскому пастырю. Вообще изученіе народной словесности должно показать, какъ ошибочно мнѣніе тѣхъ, которые, въ слѣдъ за Бѣлинскимъ (письмо къ Гоголю по поводу „переписки съ друзьями“) думаютъ, что русскій народъ—самый безбожный въ мірѣ“. Наконецъ нужно сказать еще, что произведенія народной словесности, по простотѣ и удобопонятности своего содержанія, представляютъ особенно удобный матеріалъ для классныхъ и домашнихъ работъ учениковъ, изучающихъ словесность въ самомъ началѣ своего учебнаго курса.

Выборъ пьесъ этого рода такъ удобно нынѣ сдѣлать изъ богатыхъ сборниковъ Сахарова, Кирѣевского, Рыбникова, Бедсонова, Аванасьева, Даля.

Многое можетъ быть читано и изъ другихъ образцовыхъ нашихъ писателей, которыхъ мы не указали выше, — которыхъ нельзя дать въ руки ученикамъ въ полномъ составѣ: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Графа Л. Толстаго, Тургенева, Гончарова, Майкова, Полонскаго, Фета. Можно сдѣлать подборъ прекрасныхъ стихотвореній религіозно — нравственнаго содержанія, разборъ которыхъ будетъ какъ нельзя болѣе соответствовать общему духу семинарскаго преподаванія и свойственнымъ художественнымъ произведеніямъ образомъ, способствовать религіозно—нравственному развитію дѣтей. Такия пьесы мы находимъ у Державина, Языкова, Хомякова (переложенія псалмовъ и пр.), Ѳ. Глинки (поэма: „Іовъ“), Жуковскаго („Агаверъ“), Жемчужникова, Алмазова („Филаретъ милостивый“ и пр.), Гр. А. Толстаго („Дамаскинъ“), Мея („свѣпорожденный“ и пр.). Но это уже дѣло будущаго составителя христоматіи для семинарій.

Николай Барсовъ.

ОТЗЫВЫ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ГРЕЧЕСКОЙ ПРЕССЫ

ПО СЛУЧАЮ ИЗВѢСТІЯ О КОНЧИНѢ

МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА (*).

*Паде кодрь, плачевольюшима ели!
Егда веселствес еы, а мы слышаше,
веселію вашему стричашаюся, и плачу
вашему подобны есмы сообщницы,
понеже и бѣда отца.*

(Обращеніе къ московской паствѣ въ похвальному словѣ митрополиту московскому Кипріану, его племянника литовскаго митрополита Цамблака).

Извѣстно глубокое сочувствіе, съ которымъ встрѣтили предстоятели всѣхъ восточныхъ православныхъ церквей свѣтлое всероссійское празднество—пятидесятіе достохвальнаго служенія церкви московскаго святителя; не менѣ трогательно выразилось и всеобщее сочувствіе, по случаю извѣстія о его блаженной кончинѣ, послѣдовавшей столь неожиданно скоро послѣ празднества юбилея. Печальная новость одѣлалась мнѣ извѣстною въ Константинополь ранѣе всѣхъ, изъ частной телеграммы, полученной здѣсь изъ Москвы на 4 день послѣ самаго событія, а именно 24 ноября. Я успѣшилъ сообщить эту горестную вѣсть Его Всевышнему, патриарху константинопольскому Григорію, въ слѣдствіе чего въ патриаршей церкви тогда же было совершено соборное поминовеніе о усопшемъ. Патриархъ прислалъ къ г. послу нашему своего про-

(*) Сообщилъ о. Архимандритъ Леонидъ.

тоснигла выразить скорбь и сочувствіе Его Всесвятій-шества и всей Константинопольской церкви о великой потерѣ, понесенной русскою церковію и народомъ, лишеніемъ столь великаго святителя. Въ тоже время, въ Болгарско-константинопольской церкви совершена соборная панихида о упокоеніи души того, кто, какъ извѣстно, усердно желалъ и посылно содѣйствовалъ конечному умротовренію этой, бѣдствующей нынѣ, церкви, которой въ древности мы обязаны счастіемъ: слышать слово Божіе и совершать богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ. Аеонская гора также почтила память святителя-подвижника, согласно своему уставу, протяженнымъ молитвословіемъ. „5 числа (декабря), пишуть мнѣ изъ Русскаго Аеонскаго Пантелеймонова монастыря, было у насъ всенощное бдѣніе (всенощное въ буквальному смыслѣ этого слова) и божественная литургія о упокоеніи души въ Богѣ почившаго митрополита Фларета и за тѣмъ соборная панихида, совершенная о. духовникомъ (І. Макаріемъ), съ 12 іеромонахами и 3-мя іеродіаконами, въ Русскомъ Покровскомъ соборѣ, на которой присутствовали, кромѣ Русскаго братства обители, богомольцы и многіе изъ Русскихъ Аеонскихъ келіотовъ, а 7-го совершено такое же поминовеніе грехами (греческимъ братствомъ Русика) въ греческомъ соборномъ храмѣ“. Также почтили память святителя свята Русскій-Андреевскій и Мало-росорійскій-Ильинскій. — Нѣтъ сомнѣнія, что примѣру Константинополя и Аеона послѣдуютъ и всѣ другія ближнія и дальнія церкви востока, когда достигнетъ до нихъ печальная вѣсть, ибо гдѣ не знали московскаго святителя, куда не проникла слава его добродѣтелей, ученія, общенія и благотворенія?

На дняхъ (въ декабрь), въ Греческо-константинопольской газетѣ Армоніи (которую, по рубрицѣ духовныхъ извѣстій, считаютъ органомъ Греческо-константинопольской патріархіи) появился переводъ извѣстій о кончинѣ и погребеніи почившаго о Господѣ святителя изъ московскихъ газетъ (Москвы и Московскихъ вѣдомостей). Этому переводу предшествуетъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ глубоко прочувствовано, вѣрно понято и оцѣнено и краснорѣчиво выражено великое значеніе той утраты, которую въ лицѣ почившаго святителя понесла не одна Русская церковь, но все исполненіе православія. Вотъ эти строки: „съ полнымъ религиознымъ благоговѣніемъ извѣщаемъ нашихъ читателей о кончинѣ великаго Русскаго святителя Филарета, согласно съ заявленіемъ о семъ русской (московской) прессы, и находясь подъ влияніемъ первыхъ впечатлѣній этого горестнаго извѣстія. Впечатлѣніе, которое это внезапное событіе оставило въ душахъ нашихъ единоплемениковъ какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, не уступаетъ тому, которое оно произвело и въ самой Россіи. Восхищеніе изъ среды православнаго міра столь достоуважаемой личности, столь доблестной добродѣтели, столь неутомимой дѣятельности и столь истинной славы, есть потеря, такъ сказать, православная, скорбь каеволическая! Нѣтъ нужды, что почившій въ Возѣ, по раздѣленіямъ міра сего, принадлежать къ иной, а не къ нашей народности, и что онъ жилъ, подвизался, возвысился и скончался вдали, а не близь насъ. Крылами вѣры и добродѣтели, духомъ мудрости и разума, огненной колесницею любви къ Богу и ближнему, изъ святилища олтаря, по какой то премущественной благодати Божіей, возвысился онъ до

такой недостижимой высоты духовного совершенства, что образъ его, въ зѣирѣ святости, сливается съ тѣми великими и католическими отцами и свѣтильниками церкви, сіяніе воихъ и спасительная сила не ограничивается никакими предѣлами мѣста и времени. Посему—то иноземные и иновѣрные братія наши о Христѣ признають и чтуть какъ законныхъ своихъ отцевъ нашихъ Василиевъ и Златоустовъ, равно какъ и мы въ свою очередь хвалимся, какъ своими законными отцами ихъ Амвросіями, Августинами и другими святыми мужами древняго востока и запада. Такова тайна и чудо церкви Христа, разрушившаго всякое огражденіе и средостѣнныя разстоянія міра сего и черезъ все вѣка проповѣдующаго любовь и миръ къ ближнимъ и дальнимъ. Отовсюду видная нравственная и духовная личность дивнаго святителя Филарета разливала оживленіе и утѣшеніе на все изнуренныя тяготами времени церкви нашихъ странъ; одушевляла и оживляла единое и нераздѣльное тѣло православія. Онъ былъ для него однимъ изъ очередныхъ Ангеловъ хранителей, но, Ангелъ замной и слѣдовательно смертный! По его преставленіи обращаемъ скорбные наши взоры ко всемъ концамъ православнаго міра, ожидая съ нетерпѣніемъ появленія достойнаго наследника почившему. Кто будетъ сей? Найдеть ли духъ Иліи своего Елисея въ средѣ нашихъ Левитовъ? Будемъ желать сего! А между тѣмъ считаемъ дѣломъ достойнымъ высокаго церковнаго попеченія, дабы великая (Константинопольская) церковь вызвала переводъ на нашъ языкъ, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ лучшихъ словъ и сочиненій всеславнаго святителя для назначенія и пользы нашихъ единоплемениковъ“.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Два—три слова отъ летописца.—I. Правительственныя распоряженія: Перемены въ Иерархіи.—Назначеніе комитета для преобразованія духовныхъ академій.—Высочайшія награды.—Разрѣшеніе—издавать Мѣсяскія Епархіальныя Вѣдомости.—II. Библиографическія замѣтки: На что должно быть обращено главное вниманіе редакцій епархіальныхъ вѣдомостей?—Многія ли редакціи епарх. вѣдомостей надлежащимъ образомъ понимаютъ и выполняютъ свою задачу? — Епархіальная хроника.—*Православное Собесѣдовательное Божословіе* или практическая гомилетика *Прот. Іоанна Толмачева*. (Томъ I. Спбургъ. 1868 г.) III. Разныя извѣстія: Въ чемъ выражается современная дѣятельность духовенства?—Открытіе православнаго церковнаго братства во имя святителя Гурія при Каванскомъ кафедральномъ соборѣ.—Публичныя пренія съ раскольниками въ Саратовской епархіи.—Незначеніе старшихъ узденныхъ благочинныхъ во Владимирской епархіи. Участіе духовенства въ Земскихъ собраніяхъ. Замѣчательная дѣятельность некоторыхъ сельскихъ священниковъ (въ Смол. и Самар. еп.) по части народнаго образованія. Воскресныя школы при приходскихъ церквяхъ и семинаріяхъ. Связи духовенства въ Смоленской, Самарской, Нижегородской и Бѣвской епархіяхъ и результаты этихъ связей. Что можетъ сдѣлать духовенство въ пользу страдающихъ отъ голода? — Краткая замѣтка о В. Н. Карповѣ, по поводу высказаннаго о немъ мнѣнія въ первой книгѣ „Отечественныхъ записокъ“ за текущій годъ.

Всѣ журналы, издающіеся при нашихъ духовныхъ академіяхъ, поставляютъ главною своею задачею—научную разработку различныхъ церковно—историческихъ и философски—религіозныхъ вопросовъ, имѣющихъ преимущественно современный интересъ. Нельзя не согласиться, что такая цѣль и характеръ означенныхъ журналовъ вполне сообразны съ назначеніемъ высшихъ учебныхъ заведеній, при которыхъ они издаются. Но, съ другой стороны, нельзя не признаться, что подобнаго рода направленіе духовныхъ періодическихъ изданій не обнимаетъ собою всѣхъ тѣхъ предметовъ, обсужденіе которыхъ *непрелѣнно* должно входить въ кругъ обширной задачи духовнаго журнала. Последній, какъ

и всякій журналъ вообще, долженъ имѣть не столько *отвлеченный*, сколько *практическій*, *чисто жизненный* характеръ. Онъ долженъ заниматься обсужденіемъ, главнымъ образомъ, тѣхъ вопросовъ, которые вызываются самою жизнью. Въ этомъ послѣднемъ условіи заключается весь интересъ журнала и для большинства читателей его. — Если для христіанина важно серьезное обсужденіе той или другой нравственно-религіозной мысли и научное рѣшеніе того или другаго религіознаго вопроса, то еще важнѣе должно быть для него проведеніе этой мысли въ жизнь, примѣненіе этого вопроса къ практикѣ, къ современнымъ историческимъ обстоятельствамъ, къ требованіямъ духа времени. Между тѣмъ, немногіе изъ нашихъ духовныхъ журналовъ могутъ похвалиться подобнаго рода *практическимъ* направленіемъ. Этотъ недостатокъ христіанскаго практицизма составляетъ значительный пробѣлъ и въ тѣхъ духовныхъ журналахъ, которые издаются при нашихъ академіяхъ. Отъ души желательно, чтобы этотъ пробѣлъ, по мѣрѣ возможности, восполнялся и уничтожался:

Редакція „Христіанскаго Чтенія“, желая, съ одной стороны, оставаться болѣе и болѣе вѣрною своей учебной задачѣ, съ другой, стараясь придать своему изданію больше разнообразія и жизненности, — съ настоящаго мѣсяца, вноситъ въ свой журналъ новый отдѣлъ „*Современное обозрѣніе*“. Въ составъ этого отдѣла войдетъ все, что только, такъ или иначе, будетъ касаться современныхъ интересовъ религіи и церкви. Здѣсь займутъ мѣсто: I. разныя правительственныя распоряженія по духовному вѣдомству, наприимѣръ: перемѣны въ іерархіи, перемѣны въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ

и т. п. II. По временамъ, будутъ помѣщаться библиографическія замѣтки, съ краткимъ критическимъ отзывомъ о вновь появляющихся въ духовной и свѣтской литературѣ замѣчательныхъ сочиненіяхъ, а равно и замѣчательныхъ журнальныхъ статьяхъ. — Наконецъ, III. Разныя извѣстія, корреспонденціи, выписки и указанія на важнѣйшія событія и болѣе крупныя явленія въ нашей первоначально-религіозной жизни. Намъ хотѣлось бы всё, заимствуемая нами изъ разныхъ мѣстъ, выдержки и факты обобщать между собою одною какою-нибудь мыслию, такъ чтобы наше „обозрѣніе“ (особенно — послѣдній отдѣлъ его) не было простымъ *сборникомъ безсвязныхъ журнальныхъ извлеченій*, а представляло собою *нѣчто цѣльное и жизненное*. Мы желали бы, въ этомъ отношеніи, подражать лѣтописцу бывшаго духовнаго журнала „Духъ Христіанина“, (о прекращеніи изданія котораго нельзя не жалѣть). Лѣтописецъ этого журнала съ рѣдкимъ умѣньемъ подбиралъ и группировалъ нужные ему факты и явленія изъ современной жизни, освѣщалъ ихъ тѣмъ или другимъ взглядомъ, съ христіанской точки зрѣнія, и съ интересомъ останавливалъ на нихъ вниманіе своихъ читателей. — Постараемся вести свое дѣло, какъ можемъ.

I.

Господиномъ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ предложено Святѣйшему Синоду Высочайшій указъ, данный Святѣйшему Синоду въ 5 день января текущаго года, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, въ коемъ изображено: „Синодальному члену, архіепископу камчатскому Иннокентію, Все-

милостивѣйше повелѣваемъ быть митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ, Свято-Троицкія Сергіевы лавры священно-архимандритомъ“.

Января 12, въ Святѣйшемъ Синодѣ происходило нареченіе наместника Александро-Невской лавры, архимандрита Поликарпа во епископа Балахнинскаго, викарія нижегородской епархіи, а 14 того же мѣсяца, въ главномъ храмѣ Александро-Невской лавры, совершилась хиротонія его. Въ ней участвовали: высокопреосвященные митрополиты: Исидоръ, новгородскій и с.-петербургскій, и Арсеній, кievскій и галицкій; архіепископы: Филофей, тверской и кашинскій, Василій, бывшій полоцкій, нынѣ членъ Св. Синода, и Нектарій, нижегородскій и арамзаскій; епископы, викарія: Палладій ладожскій и Григорій выборгскій.

— Въ минувшемъ январѣ, по опредѣленію Св. Синода и Высочайшему соизволенію, въ Петербургѣ учрежденъ комитетъ для преобразованія духовныхъ академій. *Предсѣдателемъ* комитета назначенъ присутствующій въ Св. Синодѣ *Нектарій*, архіеп. нижегородскій. *Членами*: а) Главный священникъ арміи и флотовъ, Протоіерей М. И. *Богословскій*, б) Предсѣдатель духовно-учебнаго комитета, протоіерей І. В. *Васильевъ*, в) Ректоръ спбургской духовной академіи, протоіерей І. Л. *Янышевъ*; г) Ректоръ сибургской духовной семинаріи, архимандритъ *Цавель*; д) Профессоръ сибургской духовной академіи, Е. И. *Лоскиль* (въ качествѣ члена и дѣлопроизводителя); е) Профессоръ сибургской д. академіи, И. А. *Чистовичъ*; ж) Академикъ Галаховъ и 3) Профессоръ сибургскаго университета Андреевскій.—Комитетъ уже открылъ свои засѣданія.—Члены собираются два раза въ недѣлю.

— Господи́нь синода́льный оберъ-прокуроръ, отъ 16 декабря 1867 г., для зависящаго распоряженія, объявилъ Св. Синоду, что, по опредѣленію Св. Синода 22—29 ноября того года, онъ имѣлъ счастье всеподданнѣйше докладывать Государю Императору о похвальномъ поступкѣ священника Деревскаго погоста, въ крестецкомъ уѣздѣ, Григорія Домкинскаго, оказавшаго крестьянамъ денежное пособіе на покупку лошадей, которыхъ они лишились во время свирѣпствовавшей сибирской язвы. — Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 15 день того же декабря, Всемилостивѣйше наградить *скуфьею* священника Домкинскаго, согласно опредѣленію Св. Синода.

— 16 декабря 1867 г. г. оберъ-прокуроръ объявилъ Св. Синоду, что ректоръ востромской д. семинаріи, архимандритъ Корнилій Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени.

— Опредѣленіемъ Св. Синода, отъ 17 (30) ноября прошлаго года, разрѣшено изданіе, съ 1868 г., Минскихъ епархіальныхъ вѣдомостей.

II.

По примѣру Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, почти съ каждымъ годомъ являются на свѣтъ новыя епархіальныя вѣдомости въ разныхъ епархіяхъ. Теперь всего издается 28 епархіальныхъ вѣдомостей. Цѣна очень почтенная. Нельзя не радоваться этому явленію, на которое мы имѣемъ полное право смотрѣть, какъ на пробужденіе въ нашемъ епархіальномъ духовенствѣ сознанія собственныхъ силъ и стремленія къ церковно-

общественной дѣятельности. Но, въ сожалѣнію, немногими редакціями епарх. вѣдомостей вѣрно понята прямая задача ихъ.

Епархіальныя вѣдомости состоятъ, какъ извѣстно, изъ двухъ отдѣловъ: официальнаго и неофициальнаго. Первый изъ нихъ ужь *черезъ чурь оффиціаленъ*. Въ большинствѣ епарх. вѣдом. въ этомъ отдѣлѣ печатаются одни только синодскіе указы и больше почти ничего. Печатается, впрочемъ, еще то, *кто куда и когда* опредѣленъ на мѣсто. Но не это должно занимать главное мѣсто въ официальномъ отдѣлѣ. Въ немъ главный интересъ должны имѣть прежде всего официальные распоряженія епархіальнаго начальства; его *отчеты*, послѣ обзорнія имъ своей епархіи, его сужденія о состояніи своей епархіи, его желанія и надежды относительно своей паствы, — а равно — разные циркуляры архіеереевъ. Черезъ это, мудрыя распоряженія и предположенія одного епархіальнаго начальства могли бы быть съ пользою принимаемы къ свѣдѣнію другими епархіальными архіереями. Взаимное сближеніе и объединеніе епархій въ дѣлѣ церковнаго управленія необходимо для дѣла самого христіанства, для самой вселенской Церкви. Черезъ это, далѣе, редакціи епарх. вѣдомостей знакомили бы общество съ современнымъ религіозно-нравственнымъ состояніемъ народа, съ мѣстными народными обычаями, обрядами, преданіями и т. п. Черезъ это, наконецъ, официальный отдѣлъ, епарх. вѣдомостей, самъ по себѣ сухой и скучный, получилъ бы значительную долю не только церковно-историческаго интереса, но и влганія на современную жизнь церкви. Какъ на образецъ подобнаго рода литературнаго дѣла, мы можемъ указать на официальный отдѣлъ Владимірскихъ, Харьковскихъ и Смо-

ленскихъ епарх. вѣдомостей, за годы изданія послѣднихъ при бывшемъ смол. епископѣ Антоніи.

Еще менѣе вѣрными своей задачѣ остаются епархіальныя вѣдомости въ своемъ, такъ называемомъ, *неофициальномъ* отдѣлѣ, или „прибавленіяхъ“. Прямая задача и назначеніе епархіальныхъ вѣдомостей состоитъ въ томъ, чтобы онѣ служили литературнымъ органомъ мѣстнаго духовенства и потому имѣли бы, главнымъ образомъ, мѣстный интересъ. Эта задача, на первыхъ порахъ, хорошо понята была редакціею *Смоленскихъ* епарх. вѣдомостей и обстоятельно выяснена ею въ 1 № самаго перваго (1865) года изданія ихъ. Тамъ, между прочимъ, говорится, что „въ каждой епархіи найдется не мало умныхъ, даровитыхъ людей жаждущихъ дѣятельности... Найдутся такіе жерев, которые, по практическому складу своего ума, занимались обсужденіемъ разныхъ практическихъ вопросовъ и пришли, относительно рѣшенія ихъ, къ довольно значительнымъ результатамъ. Можетъ быть плодотворныя идеи ихъ готовы исчезнуть потому только, что не представляется возможности (печатно) заявить ихъ. И вотъ, они теперь могутъ, время отъ времени, высказывать (въ епарх. вѣдом.) свои мнѣнія, пастырскія наблюденія и т. п.“.— Подобно редакціи Смол. епарх. вѣдомостей, и редакція *Калужскихъ* епарх. вѣдомостей смотритъ на свое изданіе, какъ *на дѣло общее со всѣмъ духовенствомъ*. По мнѣнію этой редакціи, цѣль, которую имѣютъ въ виду епархіальныя вѣдомости, можетъ быть вполне достигнута только подъ ускореніемъ литературнаго содѣйствія ей со стороны духовенства (№ 2 1865 г.). Мысль совершенно справедливая. Кому, какъ не мѣстному духовенству, лучше и ближе всего знать нравы, обычаи, разные повѣрья и предраз-

судки, господствующія въ ихъ приходахъ? Кто, какъ не мѣстное духовенство, можетъ лучше другихъ знать религиозно-нравственныя потребности той среды, въ которой оно живетъ и дѣйствуетъ. Кто лучше другихъ можетъ дать благоразумный совѣтъ и указать средства къ возвышенію нравственно-религіознаго уровня народа, кто, какъ не пастыри церкви, предъ которыми, какъ предъ духовными отцами, отрываемы бывають народомъ самыя затаенныя стороны его духа, недоступныя для другаго сторонняго наблюдателя? А сколько, сверхъ того, можно отыскать, почти въ каждой епархіи, самыхъ интересныхъ археологическихъ памятниковъ! Все это вмѣстѣ могло бы составить самый жизненный, самый интересный матеріалъ для неофициальнаго отдѣла епарх. вѣдомостей. Собираніе и печатаніе подобнаго рода пастырскихъ наблюденій и указаній, этнографическихъ и археологическихъ свѣдѣній должно составлять, по нашему мнѣнію, самую главную и существенную задачу всѣхъ епархіальныхъ вѣдомостей.

Между тѣмъ, какъ мы уже замѣтили, немногія редакціи епарх. вѣдомостей выполняютъ эту задачу. Даже редакція Омол. вѣдомостей, которая сначала такъ дѣльно изложила взглядъ свой на задачу и значеніе епарх. вѣдомостей, лишь въ первые два года съ достоинствомъ выполняла свою задачу. Многія, помѣщавшіяся въ ней тогда статьи, — въ родѣ умныхъ статей почтеннаго о. Данила Лебедева и пастырскихъ замѣтокъ оо. В. Блавищева и П. Богдановича, — дѣлали честь какъ авторамъ ихъ, такъ и самой редакціи. Теперь же, съ переменною вѣроятію редактора, редакція печатаетъ въ своемъ изданіи, повидимому безъ всякаго разбора, все, что ни попадется ей подъ руки. Къ чему, наприимѣръ,

печатаются въ Смолен. вѣдомостяхъ статьи такого рода, какъ: „св. пророкъ Аггей“, или „объ ересяхъ въ вѣкъ апостольскій“ и т. п. Кроме того, что эти статьи вовсе не имѣютъ мѣстнаго интереса, — авторъ ихъ щедрою рукою разсыпаетъ предъ своими сиромышными читателями безчисленное множество цитатъ на разныхъ языкахъ, какъ будто стараясь удивить тѣмъ читателей своею ерудиціею. Въмѣсто того, чтобы разсуждать и печатать въ епарх. вѣдомостяхъ „объ ересяхъ въ вѣкъ апостольскій“, которыя и безъ того довольно извѣстны учившимся въ семинаріи, — не нужнѣ ли было бы заняться изслѣдованіемъ мѣстныхъ ересей, которыми, къ сожалѣнію, не бѣдна и смоленская епархія? Намъ хорошо извѣстно, что въ смоленской епархіи, особенно въ сычевскомъ и гжатскомъ уѣздахъ, находятся цѣлыя тысячи раскольниковъ, у которыхъ не только соблюдаются свои религіозно-суевѣрные обряды, но и содержатся свои совершенно неправославныя догматическія вѣрованія. Если бы съ умѣньемъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія объ этихъ раскольническихъ обрядахъ и вѣрованіяхъ, и о способахъ успѣшнѣйшаго дѣйствования къ ослабленію ихъ, то эти свѣдѣнія могли бы занять самое видное мѣсто на страницахъ Смолен. епарх. вѣдомостей и сдѣлали бы чести собирателю этихъ свѣдѣній гораздо больше, чѣмъ указанныя нами статьи. Но еще страннѣе видѣть, на страницахъ тѣхъ же вѣдомостей, статью „объ участіи духовенства въ управленіи *дремляю Новгородомъ*“ (№ 23. 1867 г.). Трудно понять, по какимъ побужденіяхъ *Смоленскія* епарх. вѣдомости толкуютъ о *дремляемъ новгородскомъ* духовенствѣ, несправедливо игнорируя *мѣстное современное* духовенство. Въ № 23 тѣхъ же вѣдомостей представляется еще болѣе курьеза. Въ немъ

мы встречаемъ статью съ заглавіемъ: „о древнемъ христіанскомъ богослужебномъ пѣніи и о пѣніи отечественной Церкви“. Читаемъ и удивляемся. Оказывается, что мы узнаемъ въ нихъ тѣ профессорскія лекціи по литургикѣ, которыя мы такъ недавно слушали въ академической аудиторіи и которыя однимъ изъ студентовъ (нынѣ пребывающимъ во владимір. епарх.) аккуратно записываемы были со словъ г. профессора, тщательно составлялись имъ и потомъ нѣсколькими студентами списываемы были съ записокъ составителя ихъ. И вотъ одинъ экземпляръ подобнаго рода списковъ съ оригинальныхъ записокъ студента—составителя профессорскихъ лекцій печатается въ смол. епарх. вѣдомостяхъ. Въ концѣ статьи подписано: „продолженіе будетъ“. Если оно дѣйствительно будетъ, то мы, если бы это нужно было, напередъ могли пересказать то, что будетъ печататься въ продолженіи“. Насколько странна подобнаго рода промышленность, особенно въ духовной литературѣ, —предоставляемъ судить другимъ.

Редакція *Владимірскихъ епархіальныхъ вѣдомостей*, какъ видно, располагаетъ богатыми силами своихъ сотрудниковъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ многія изъ тѣхъ дѣльныхъ статей, которыя мы встречаемъ на страницахъ ея изданія, каковы, наприм., статья „Основные вопросы о человѣческой жизни и отношеніе къ нимъ современной скептической (невѣрующей) мысли“. Статьи эти печатаются уже четвертый годъ и какъ, положимъ, они *ни дѣльны*, все—таки мы не можемъ не замѣтить, что онѣ неумѣстны въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Редакція Владимір. епарх. вѣдомостей напрасно, вѣсть съ нѣкоторыми другими, задавая фальшивую задачу, —именно: научною разработкою разныхъ

философски—религіозныхъ вопросовъ. Рѣшеніе этой послѣдней задачи едва ли можетъ составлять призваніе провинціальной литературы. Епархіальныя вѣдомости должны, какъ намъ кажется, имѣть совершенно другую, болѣе скромную и болѣе полезную цѣль—служить непосредственнымъ органомъ для заявленія мѣстныхъ, церковно-жизненныхъ потребностей духовенства и народа, а—не органомъ для выраженія отвлеченныхъ умиствованій. — Чрезвычайно странно и даже досадно видѣть, когда, напримѣръ, редакція Владимірскаго епарх. вѣдом., имѣющая у себя даровитыхъ сотрудниковъ и трагующая „объ основныхъ вопросахъ о человѣческой жизни“ и т. п., между тѣмъ игнорируетъ самыя близкія къ ней явленія, требующія гласности и объясненія. Таковы, напр., тѣ хлыстовскія оргіи, которыя совершались въ деревнѣ Лубенкинѣ Владимірскаго уѣзда подъ руководствомъ хлыстовской богородицы Акулины Тимошеевны, и любопытныя извѣстія о которыхъ сообщены были въ прошломъ году въ Вечерней газетѣ, № 203.

Итакъ, отъ души желательно, чтобы редакціи епархіальныхъ вѣдомостей, не задаваясь слишкомъ учеными цѣлями и тенденціями, вѣрнѣе поняли свою скромную и простую задачу и съ большимъ усердіемъ выполняли ее, направляя къ ней всѣ тѣ силы, которыми только онѣ могутъ располагать. Тогда, мы увѣрены, литературное дѣло епархіальныхъ вѣдомостей будетъ гораздо плодотворнѣе и усѣбнѣе, чѣмъ теперь. Изъ всѣхъ издаваемыхъ нынѣ епархіальныхъ вѣдомостей, по нашему мнѣнію, лучше другихъ понимаютъ и выполняютъ свою задачу вѣдомости: Керсонскія, Харьковскія, Вологодскія, Кіевскія, пожалуй, Самарскія, Саратовскія и Тамбовскія. Въ 1 № 1868 г. *Харьковскія* епархіальныя вѣ-

домостей помѣщенъ однимъ приходскимъ священникомъ о. Подольскимъ очень интересный этнографическій очеркъ изъ жизни его прихожанъ Алексѣевской Софійской церкви. Мы съ полнымъ удовольствіемъ сдѣдали бы здѣсь поддержку изъ прекрасной статьи о. Подольскаго, если бы у насъ поменьше было предметовъ, о которыхъ необходимо сказать еще впереди.

Не мѣшаетъ, наконецъ, сказать два-три слова о такъ называемой „*епархіальной хроникѣ*“, которая печатается въ большей части епархіальныхъ вѣдомостей. Страннѣ этой хроники едва ли можно и представить еще что нибудь въ литературѣ. Епархіальные хроникѣры до смѣшнаго узко понимаютъ свою задачу. Весь отдѣлъ своей хроники они ограничиваютъ тѣмъ, что сообщаютъ читателямъ: *въ какой день, идъ и съ кѣмъ совершалъ Богослуженіе мѣстный преосвященный*. Ужели же, кромѣ этого, нельзя найти ничего другаго, заслуживающаго вниманія епархіальнаго лѣтописца. Ужели вся жизнь епархіи и весь составъ епархіальной паствы выражаются въ одной особѣ служащаго епархіальнаго архіерея... Чрезвычайно странно!

Отъ епархіальныхъ вѣдомостей перейдемъ къ краткому разбору только что появившагося въ свѣтъ I тома почтеннаго труда о. прот. Іоанна Толмачева, съ заглавіемъ: *Православное собесѣдовательное богословіе или практическая юбилейка*.“ (С.-Петербург. 1868. Т. I 386 страницъ.) Авторъ предпосылаетъ своему труду небольшое предисловіе, въ которомъ весьма обстоятельно излагаетъ тѣ важныя побужденія и указываетъ ту добрую цѣль, по которымъ онъ предпринялъ свой замѣчательный трудъ. Прямое назначеніе этого труда состоитъ въ томъ, чтобы „*содѣйствовать облеченію, развитію и*

надлежащему направлению проповѣдничества.“ Авторъ практической гомилетики, не касаясь никакихъ гомилетическихъ правилъ, которыя предполагаются уже известными, *самымъ дѣломъ* вводитъ проповѣдника въ кругъ его гомилетическихъ занятій, раскрываетъ предъ нимъ библію и предлагаетъ ему всевозможные матеріалы для его проповѣднической дѣятельности, которыми онъ можетъ пользоваться для своей цѣли, примѣнительно къ своимъ условіямъ, таланту и обстоятельствамъ. Такимъ матеріаломъ служатъ темы съ расположеніями для проповѣдей. Въ этихъ темахъ указывается только то, что необходимо для каждаго проповѣдника, въ какихъ бы обстоятельствахъ онъ ни находился; раскрываются существенныя стороны текста и дѣлаются только такіе нравственныя выводы, которые прямо вытекаютъ изъ избраннаго для проповѣди текста и имѣютъ общее значеніе для всякаго рода слушателей.

Предметы для проповѣди авторъ Собесѣдовательнаго Богословія располагаетъ сообразно съ церковными службами церковнаго круга. Весь годичный кругъ, въ церковномъ отношеніи, раздѣляется на двѣ части: на *недѣли въ тріоди* или, такъ называемыя, недѣли по пятидесятницѣ и *недѣли тріоди*. Первый томъ Собесѣдоват. Богословія о. прот. Толмачева заключаетъ въ себѣ первое послѣдованіе недѣль по пятидесятницѣ, начиная отъ I до XVII недѣли включительно, т. е., тѣхъ недѣль, въ которыя читается Евангеліе отъ Матѳея. Первымъ, самымъ главнымъ и необходимымъ, источникомъ церковнаго собесѣдованія служатъ библейскія рядовыя зачала, предлагаемыя изъ Евангелія и Апостола. Авторъ Собесѣд. богословія поставляетъ своею задачею опредѣлить отношеніе этихъ зачалъ къ церковному проповѣд-

ничеству, указать главную мысль или, такъ сказать, идею дневнаго чтенія изъ Евангелія и Апостола, и затѣмъ вывести частныя и частнѣйшія истины, о которыхъ проповѣдникъ можетъ бесѣдовать на основаніи дневнаго зачала. Темныя мѣста, встрѣчающіяся въ дневныхъ чтеніяхъ изъ Евангелія и Апостола и требующія догматическаго, историческаго или филологическаго объясненія, истолкованы авторомъ въ примѣчаніяхъ. На долю проповѣдника остается только развить ту или другую тему. Обиліе предлагаемыхъ въ сочиненіи о. прот. Толмачева матерій можетъ, по справедливому замѣчанію самаго автора, удовлетворить самому възыскательному и ревностному проповѣднику. Здѣсь проповѣдникъ найдетъ и надлежащіе тексты изъ св. Писанія и основныя мысли и даже, по мѣстамъ, краткія выдержки изъ твореній св. отцевъ. При этомъ авторъ Собесѣд. Богословія обнаруживаетъ въ себѣ большое знакомство съ священнымъ писаніемъ—особенно новаго завѣта, пониманіе и усвоеніе его духа и силы, а также очень глубокое знаніе коренныхъ требованій человѣческаго духа, серьезный и вмѣстѣ свѣтлый взглядъ на жизнь и необыкновенно теплое христіанское чувство. А все это, взятое въ совокупности, составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ и существенныхъ качествъ, необходимыхъ для проповѣдника. Авторъ разбираемаго нами труда справедливо говоритъ, что „ораторство безъ серьезной мысли—пустая игра словъ; а крѣпкая мысль и глубокое чувство всегда найдутъ для себя и могучее ораторское слово.“

Для болѣе нагляднаго показанія важности и достоинства почтеннаго труда о. прот. Толмачева, считаемъ нужнымъ сдѣлать небольшую выдержку изъ его сочиненія. Для примѣра, можно открыть и взять любую

страницу: каждая изъ нихъ постоятъ за честь своего автора. Напр. на стран. 122 авторъ, сообразно съ мыслию апостола Павла, выраженною въ дневномъ чтеніи апостола (Римл. XII, 6—14), говорить о тѣхъ „достолавныхъ добродѣтеляхъ, которыми долженъ украшаться христіанинъ, какъ членъ тѣла Христова, которому ввѣрено то или другое дарованіе, дано то или другое назначеніе и служеніе. Общая мысль выводимая изъ дневнаго чтенія апостола, та, что благочестіе христіанина должно проявляться во всей его жизни и дѣятельности. Въ частности: 1) *благочестіе христіанина должно проявляться въ тщательномъ и добросовѣстномъ исполненіи обязанностей ея.* Истинный христіанинъ долженъ всегда и вездѣ смотрѣть на себя, какъ на приставника Божія, какъ на слугу Христова. Помышля объ отчетѣ, который нѣкогда предстоитъ ему отдать, онъ исполняетъ обязанности своего званія не такъ, какъ бы онъ служилъ людямъ только, но какъ Самому Богу, Который есть Господь всѣхъ господей, Царь всѣхъ царей, и отъ Котораго назначается каждому человѣку кругъ его дѣятельности... *Имѣешь ли служеніе, пребывай съ вѣрностію въ этомъ служеніи; не обращай вниманія прежде всего на свои выгоды и преимущества, а потомъ уже на должности и обязанности; твоя должность, напротивъ, должна быть для тебя величайшимъ удовольствіемъ и утѣшеніемъ, брашномъ и питіемъ, поелику тебѣ назначилъ ее Богъ. Пусть твое ремесло не богато, твое званіе не почетно, кругъ дѣятельности ограниченъ; однакожь никто другой, а Богъ опредѣлилъ тебѣ ихъ; будь вѣренъ въ маломъ! Учитель ли кто, пусть хранить вѣрность въ учени; будь добросовѣстенъ ты, наставникъ юношества, ты, отецъ*

„и мать, которымъ ввѣрены дѣти, для того, чтобы на-
 „учиться отъ васъ пути вѣчной жизни... *Раздаватель* *м*
 „кто, раздавай *во простотѣ*; къ вамъ, которые завѣды-
 „ваете благотворительными учреждениями, къ вамъ
 „особенно относится это наставленіе апостола; вы дол-
 „жны, въ простотѣ сердца, безъ заднихъ намѣреній, ис-
 „полнять свою должность и не отказывать въ раздаваніи
 „нуждающимся, хотя бы вы и имѣли что либо противъ
 „просящаго лица; но, съ другой стороны, не раздавайте
 „ввѣреннаго вамъ по лицепріятію, гдѣ нѣтъ дѣйстви-
 „тельной нужды, и т. д. 2) *Благодѣтели христіанина долж-*
 „*но отражаться во его любви къ ближнимъ. Любы,* го-
 „воритъ апостолъ, *да будетъ нелицемѣрна* (ст. 9), вы-
 „ражающаяся не словомъ только и языкомъ, но дѣломъ
 „и истиною.... Любовь—это божественная жизнь въ насъ,
 „и потому должна быть далека отъ грѣха. Твоя любовь
 „должна ненавидѣть зло вездѣ, даже въ твоёмъ другѣ;
 „ты не долженъ одобрять его несправедливостей, или
 „называть добромъ его ошибки, или намѣренно молчать,
 „гдѣ ты долженъ откровенно говорить и обличать; добро,
 „напротивъ, ты вездѣ долженъ любить, цѣнить, хвалить
 „и почитать, даже въ твоёмъ врагѣ... Кромѣ общей любви
 „къ людямъ, мы особенно должны любить нашихъ
 „братьевъ, нашихъ присныхъ въ вѣрѣ, какъ заповѣдалъ
 „Господь въ своей новой заповѣди (Іоан. 13, 34, 35);
 „любовь эта должна быть *любезна съ нѣжностію*, какую
 „питають родители къ дѣтямъ, дѣти къ родителямъ, доб-
 „рые братья и сестры другъ другу и т. д.“

Нельзя не радоваться появленію въ свѣтъ этаго, въ
 высшей степени полезнаго и благовременнаго, труда о.
 прот. Толмачева. Мы увѣрены, что каждый благора-
 зумный священникъ, внимательный къ своему пропо-

вѣдическому дѣлу, сочтеть своимъ непремѣннымъ долгомъ—приобрѣсти это сочиненіе. Нельзя также не пожелать, чтобы о. Толмачевъ окончилъ свой, такъ удачно начатый и такъ полезный для всего нашего духовенства, трудъ.

III.

Переходя изъ области литературы въ область церковной жизни, мы обращаемъ свое вниманіе, прежде всего, на пастырскую дѣятельность нашего духовенства. Дѣятельность эта оказывается, большею частію, отрадною; плоды ея—очевидны. Все вниманіе преосвященныхъ обращено на религіозно-нравственное развитіе ихъ паствы, на улучшеніе быта мѣстнаго духовенства и на устройство какъ духовно-учебныхъ заведеній, такъ и крестьянскихъ школъ. Приходское духовенство относится къ благимъ предпріятіямъ своихъ архипастырей съ полнымъ сочувствіемъ и энергіею.

Мы не можемъ не остановить вниманія нашихъ читателей на дѣятельности хотя нѣкоторыхъ епархіальныхъ начальствъ.

1) Преосвященный *Антоній*, архіепископъ *Казанскій*, заявившій себя неутомимою пастырскою дѣятельностію въ бытность свою смоленскимъ архипастыремъ, съ тою же апостольскою ревностію продолжаетъ свои труды и въ казанской епархіи. Религіозно-нравственное развитіе жителей казанской губерніи находится, какъ извѣстно, въ печальномъ состояніи. Иностранческое ея населеніе, большею частію, до сихъ поръ держится магометанства и даже язычества. Да и изъ просвѣщенныхъ св. крещеніемъ иностранцевъ (говорится въ воззваніи братства св. Гурія), многіе, по разнымъ причинамъ,

не утверждены еще вполне въ вѣрѣ и нравственности христіанской, заражены языческими суевѣрными обычаями и преданіями и, боже или менѣе, всегда склонны къ отпаденію отъ Православія. Недавніе примѣры уклоненія нѣсколькихъ тысячъ вращенныхъ татаръ въ магометанство огласились по всей Россіи и, конечно, поразили скорбію всѣхъ благомыслящихъ, искренно вѣрующихъ и искренно преданныхъ православію людей. Обращаясь къ средѣ русскаго населенія казанской губерніи, находимъ не больше утѣшенія: расколъ нерѣдко увлекаетъ простосердечныхъ братьевъ нашихъ въ свое самочинное служеніе Богу; суевѣріе и невѣжество искажаютъ св. вѣру Христову въ сердцахъ малообразованныхъ, а всеотрицающій духъ вольномыслія порождаетъ равнодушіе къ православію и даже подлѣйшее невѣріе въ средѣ называющихъ себя образованными. Печальное это явленіе не есть плодъ какихъ либо причинъ, намъ современныхъ. Это зло давнее, болѣзнь застарѣлая. Правительство принимало разныя мѣры къ пресѣченію этого зла; но успѣхъ далеко несоотвѣтствовалъ благимъ стремленіямъ. И вотъ, въ виду такого печальнаго состоянія религіозно-нравственнаго развитія жителей Казанской губерніи, по мысли казанскаго архіеписк. Антонія, лица разныхъ сословій положили „устроить *братство* изъ всѣхъ ревнителей благочестія, дабы общими силами, единодушною, братскою любовію содѣйствовать просвѣщенію и подкрѣпленію свѣтомъ Христовой вѣры меньшихъ братій нашихъ, невѣдущихъ благодати Божіей или уклонившихся отъ нея.“ Братство это открыто 4 окт. 1867 г. и названо „*братствомъ во имя святителя Гурія*, перваго архипастыря казанскаго и перваго ревнителя къ насажденію православія

среди инородческихъ племенъ здѣшняго края. Нельзя не сочувствовать этому доброму дѣлу и не питать справедливаго и искренняго уваженія къ казанскому архипастырю, какъ одному изъ самыхъ дѣятельныхъ и предприимчивыхъ архипастырей русской церкви. Въ братствѣ принимаютъ дѣятельное участіе, кромѣ преосвященнаго Антонія, казанскій губернаторъ Н. Я. *Скарятинъ* и попечитель казанскаго учебнаго округа П. Р. *Шестаковъ*. Тотъ и другой лично намъ извѣстны, какъ люди искренно преданные интересамъ церкви ⁽¹⁾ и энергическіе. Можно надѣяться, что, при такихъ дѣятеляхъ дѣло казанскаго церковнаго братства пойдетъ успешно.

2) Преосвященный *Іоанникій Саратовскій* заботится, главнымъ обр., объ обращеніи раскольниковъ. Для этой цѣли, онъ избралъ, по словамъ Самарскихъ епарх. вѣдомостей, какъ единственно-вѣрный путь для возвращенія раскольниковъ въ лоно православной Церкви — *свободное сразумленіе*, состоящее въ публичныхъ преніяхъ съ раскольниками. Всѣды, пренія, которыя члены саратовскаго братства миссіонерскаго ведутъ съ раскольниками въ церкви, сильно способствуютъ къ ослабленію ихъ нерасположенія къ православію. Протоіерей *Никольскій*, бывший профессоръ семинаріи, недавно открылъ въ г. Хвалынскѣ публичныя пренія съ раскольниками въ церкви. Протоіерей болѣе года приготовлялся къ этой дѣятельности. Прошлымъ великимъ постомъ было нѣсколько такихъ бесѣдъ, продолжавшихся до четырехъ и пяти часовъ. Слухъ о нихъ распространился въ ближайшихъ къ саратовской губерніяхъ; отъ того

(1) Объ усердіи Н. Я. Скарятина къ церкви Божіей см. „Смол. еп. вѣдом.“ 1865 г. № 9 стр. 354.

каждая бесѣда происходила при многочисленномъ стеченіи народа. Даже раскольническій архіепископъ казанскій Пафнотій прислалъ въ Хвалынскъ, для пренія съ о. Никольскимъ, одного изъ своихъ родственниковъ, уставщика и начетчика Шкина; кромѣ того, прибылъ въ Хвалынскъ ученикъ знаменитаго между раскольниками Павла Прусскаго, Макарій Ползуновъ, новенскій мѣщанинъ. Оба они участвовали въ преніяхъ въ соборѣ, познакомились съ о. Никольскимъ и сблизились съ нимъ. Результатомъ такого образа дѣйствованія противъ раскола было обращеніе къ православію одного изъ самыхъ умныхъ и дѣятельныхъ раскольниковъ. Все это, конечно, прекрасно; но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что, при подобнаго рода веденіи столь важнаго дѣла требуется, со стороны „представителей православія, самое близкое знакомство съ исторіею и ученіемъ раскола, требуется много опытности, благоразумія и христіанской терпѣливости. Раскольники часто бываютъ слишкомъ упорны въ своемъ ученіи. Ихъ грубыя выходки противъ православной Церкви часто бываютъ слишкомъ оскорбительны для православныхъ. Если эти выходки со стороны раскольниковъ дозволены будутъ и въ публичныхъ преніяхъ, то едвали эти пренія поведутъ къ хорошимъ результатамъ.

3) Преосвященный *Владимірскій Антоній*, отъ 23 августа 1867 г., сдѣлалъ консисторіи предложеніе слѣдующаго содержанія: „Въ настоящее время, по отношенію къ свѣтскимъ уѣзднымъ присутственнымъ мѣстамъ и имѣющимъ начальство надъ цѣлымъ уѣздомъ чиновникамъ,—съ духовной стороны, по закрытіи духовныхъ правленій, нѣтъ соответствующаго имъ присутственнаго

мѣста, ни начальствующаго лица. Между тѣмъ, въ томъ или другомъ, для удобства и скорости въ теченіи дѣлъ и исполненіи распоряженій, можетъ нерѣдко встрѣтиться нужда... Въ свою очередь, и для внутренняго порядка духовной администраціи недостатокъ средоточія власти въ уѣздныхъ городахъ не можетъ быть признанъ благотворнымъ: нѣтъ лица, обязаннаго и уполномоченнаго слѣдить за благоповеденіемъ пріѣзжающаго въ уѣздный городъ духовенства...; мѣстные благочинные, вдали отъ епарх. начальства, также остаются безъ ближайшаго надзора за ихъ дѣйствіями и безъ надлежащаго руководства...; далѣе, въ случаяхъ тяжелой болѣзни и самой смерти того или другаго благочиннаго, или по прикосновенности его по дѣламъ, по родству, свойству и др. видамъ, не можетъ быть сдѣлано на мѣстѣ никакого, даже временнаго распоряженія, доколѣ не получитъ указъ консисторіи. При такомъ положеніи дѣлъ, не легко достижимы исполнительность и надлежащій въ духовномъ вѣдомствѣ порядокъ, особенно въ епархіи обширной, многоцерковной и несвободной отъ раскола. По всѣмъ этимъ практическимъ соображеніямъ, преосв. Антоній Владимірскій нашелъ полезнымъ поставить штатныхъ протоіереевъ градскихъ уѣздныхъ соборовъ начальниками уѣзднаго духовенства, наименовавъ ихъ старшими благочинными⁴. Консисторія сдѣлала зависящее распоряженіе. Права и обязанности старшаго благочиннаго подробно изложены въ 1 и 2 №№ (1868 г.) Влад. епарх. вѣдом.

Дѣятельность *благотворенства* высказывается преимущественно въ участіи его въ земскихъ собраніяхъ, въ устройствѣ народныхъ школъ и сѣздахъ. Въ *земскихъ собраніяхъ* духовенство съ честью защищаетъ и отстаиваетъ

васть свои права и заботится объ улучшеніи быта своей братіи. Такъ въ Самарскихъ епарх. вѣдом. напечатано донесеніе епарх. начальству благочиннаго Михайловскаго объ участіи гласныхъ отъ духовенства въ бугурусланской земскомъ собраніи, бывшемъ въ началѣ сентября. На этомъ собраніи положено: „градскому духовенству въ г. Бугурусланѣ давать вознагражденіе за исправленіе требъ въ земской больницѣ; имѣть двухъ стипендіатовъ отъ бугурусланскаго земства при Самарской семинаріи изъ учениковъ въ ней, съ отпускомъ на каждаго по 100 р. въ годъ, оказать пособіе церковно-приходскимъ школамъ и, въ видѣ опыта, назначить 1000 руб., предоставивши училищному совѣту распределить эту сумму по своему усмотрѣнію на церковно-приходскія школы; давать земскія подводы благочиннымъ, отправляющимся по своему вѣдомству, по дѣламъ службы, а также и разсыльнымъ, посылаемымъ съ указами консисторіи или для собранія срочныхъ свѣдѣній по вѣдомству. Сверхъ того, гласные отъ духовенства настояли на учрежденіи въ Бугурусланѣ женскаго училища 2 разряда, которое должно открыться согласно постановленію послѣдняго земскаго собранія“. Въ тѣхъ же вѣдомостяхъ напечатано, что ставропольское земское собраніе, по вопросу, возбужденному гласными отъ духовенства о недостаткѣ матеріальныхъ средствъ къ усиленію народнаго образованія въ уѣздѣ, постановило: „въ 1868 году отпускать изъ суммъ земства 3,000 р. въ полное распоряженіе мѣтнаго уѣзднаго училищнаго совѣта—въ пособіе наставникамъ народныхъ школъ, на приобрѣтеніе учебныхъ пособій и на разѣзды членамъ совѣта для ревизіи школъ; кромѣ того, двумъ гласнымъ совѣта отъ духовенства особо

назначено 270 р. на развѣды для обривизованія школъ въ уездѣ. Добрые плоды участія духовенства въ земскихъ собраніяхъ громко и ясно говорятъ сами за себя. Объ нихъ нечего и распространяться.

Особенную честь нужно отдать сельскому духовенству за дѣло *открытія и устройства ими приходскихъ школъ*. Школы эти возрастаютъ замѣтнымъ образомъ. Однѣ изъ нихъ содержатся на счетъ правительства или прихожанъ, другія устроятся исключительно на средства однихъ приходскихъ священниковъ. Такъ мы знаемъ въ Смоленской губер. въ Сычев. уездѣ, въ селѣ Т... одного молодого священника, который въ собственномъ домѣ отвелъ комнату для училища; самъ *безмездно* занимается съ дѣтьми по нѣскольکو часовъ въ день; на собственные деньги купилъ для учениковъ и ученицъ разныя необходимыя училищныя принадлежности, какъ то: аспидныя доски, грифели, карандаши и т. п. Эта безкорыстная дѣятельность, эта самоотверженная любовь молодого священника о. В. С. къ своему пастырскому долгу—*учить*, становится еще выше и цѣннѣе, если мы скажемъ, что о. В. С. священствуетъ всего только два года,—слѣдовательно вовсе не можетъ похвалиться большими средствами къ жизни. Ктому же, онъ, кромѣ содержанія собственнаго семейства, состоящаго изъ 4 душъ, обезпечиваетъ существованіе сиротъ, на мѣсто отца которыхъ онъ поступилъ священникомъ. Обучающіеся въ школъ о. В. С.—ва, за одну прошлую зиму, научились хорошо читать и писать, знаютъ наизусть нѣсколько молитвъ. И это знаніе ихъ составляетъ самую отрадную и *единственную* награду для молодого сельскаго священника, трудящагося незамѣтно,—въ тиши.

Нѣкоторые приходскіе священники открыли воскресныя школы при своихъ церквахъ для тѣхъ, которые не имѣютъ возможности посѣщать существующія въ селахъ мужскую и женскую школы. Такая воскресная школа открыта, наприм., священникомъ Самарской г. Никол. у. въ селѣ Глушицкѣ о. К. Разумовскимъ.— А священникъ той же епархіи ставропол. у. села Хрящевки о. Бѣлгородскій сообщаетъ въ Сам. епарх. вѣдомостяхъ (№ 2. 1868 г.) очень интересныя и отрадныя извѣстія о благотворномъ вліяніи воскресныхъ школъ на прихожанъ.— По словамъ свящ. Бѣлгородскаго „воскресныя школы или собранія посѣщаются многими старичками и старушками, мужами, женами и дѣтьми. Многіе прихожане хрящевскіе *перестали ходить въ раскольническія собранія и слушаютъ совершающееся въ нихъ чтеніе*, а нѣкоторые, уже уклонившіеся въ расколъ, *снова обратились къ православію*.

Кромѣ сельскихъ воскресныхъ школъ нынѣ заведены *воскресныя школы при семинаріяхъ*, въ которыхъ, какъ говорятъ и печатаютъ, дѣло идетъ довольно успѣшно. Наприм., въ воскресной школѣ при Херсонской духовной семинаріи, въ послѣднюю половину 1867 года, обучалось 65 учениковъ, изъ которыхъ, по словамъ „Херсонск. епарх. вѣд.“, половина посѣщала школу очень исправно, не пропуская уроковъ и занимаясь съ усердіемъ. Преосв. *Димитрій Херсонскій*, 17 декабря 1867 г., самъ посѣщалъ воскресную школу при Херсонской семинаріи, сдѣлалъ ученикамъ маленькое испытаніе и, въ заключеніе, самъ роздалъ 17 ревностѣйшимъ ученикамъ воскр. школы пожертвованныя графомъ Д. А. Толстымъ хромолитографированныя изо-

браженія св. Кирилла и Меѳодія съ ихъ житіями (Херс. епарх. вѣд. № 2).

Во многихъ епархіяхъ бываютъ *сѣзды духовенства* для обсужденія различныхъ вопросовъ, вызываемыхъ мѣстными обстоятельствами. Напр., *въ Самарской епар.* учреждены ежегодные сѣзды духовенства по благочиніямъ. Предметы занятій духовенства на этихъ сѣздахъ слѣдующіе: изысканіе способовъ и мѣръ къ возвышенію вѣры и нравственности въ приходяхъ, въ искорененію сусвѣрій, соблазновъ, ересей и расколовъ; совѣщанія объ устройствѣ и должномъ направленіи дѣятельности приходскихъ попечительствъ объ открытіи и усиленіи церковно-приходскихъ школъ, библиотекъ при церквахъ, благотворительныхъ заведеній въ приходяхъ; изысканіе мѣстныхъ способовъ къ обезпеченію духовенства; сужденіе объ усиленіи средствъ эмеритальной (т. е. пенсіонной) кассы; разбирательство взаимныхъ неудовольствій между членами причтовъ по ихъ желанію; внушенія и братскія вразумленія замѣчаемыхъ въ неискоренномъ поведеніи и неисполненіи своихъ обязанностей; пересмотръ раскладки денегъ, вносимыхъ каждою церковію на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній; назначеніе жалованья благочиннымъ и гласнымъ отъ отъ духовенства въ земскихъ собраніяхъ.“ Подобные же сѣзды были *въ Смоленской губерніи*. Цѣлю ихъ было, какъ намъ писали, отысканіе мѣстныхъ средствъ на обезпеченіе вдовъ и сиротъ. Подробности результата этихъ сѣздовъ намъ неизвѣстны. Въ Самарской же епар., по предложенію одного благочиннаго, духовенство округа постановило положить изъ своихъ средствъ жалованье благочинному въ количествѣ 150 р. въ годъ. Преосвященный Самарскій, утвердивъ это постановле-

не, приказавъ напечатать его въ епарх. вѣд., въ тѣхъ видахъ, не послѣдуютъ ли этому доброму примѣру и прочія благочинія Самарской епархіи. Въ Туль. 1 сентября, на сѣздѣ для выбора членовъ семинарскихъ правленій, духовенство имѣло разсужденіе и о назначеніи жалованья благочиннымъ. Положено: по предвѣрительномъ совѣщаніи съ мѣстнымъ духовенствомъ въ благочинническихъ округахъ, составить о семъ приговоры и представить епарх. начальству. Въ Нижегородской епар. на училищныхъ сѣздахъ духовенства положено дать необходимое обезпеченіе тѣмъ выборнымъ членамъ училищнаго правленія, которые живутъ въ значительномъ разстояніи отъ училища, и между тѣмъ, по дѣламъ училища, должны часто являться въ оное, что, конечно, не можетъ обойтись безъ значительныхъ для нихъ издержекъ. Взносъ на этотъ предметъ назначенъ по 60 к. съ каждаго причта.

Въ послѣднее время духовенству не мѣшало бы, на своихъ сѣздахъ, подумать о *подаваніи пособія страдающимъ* отъ голода, который свирѣпствуетъ въ 17 губерніяхъ. Во многихъ мѣстахъ голодъ доходитъ до ужасающихъ размѣровъ. Правда, большинство православныхъ не остается равнодушнымъ къ несчастнымъ. Христіанское чувство любви къ страждущимъ ближнимъ сказалось въ весьма многихъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ несудныя пожертвованія въ пользу страдающихъ отъ голода, въ канцеляріи Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны и простирающіяся уже почти до 600 тысячъ руб. сер. Не смотря на это, дѣло пастырей церкви непрестанно внушать своимъ прихожанамъ объ ихъ священной обязанности оказывать благотворительность ближнимъ и побуждать и

приходскія попечительства къ отысканію средствъ для подаванія помощи голодающимъ. Слово пастыря церкви, сказанное во время и отъ души, не останется безъ своего дѣйствія, а что сказать о тѣхъ благодѣянїяхъ, которыя оказали сельскіе священники своимъ прихожанамъ, еслибы во время предъупреждали своихъ прихожанъ о грозящей имъ съ той или другой стороны опасности, своею безыскусственною проповѣдію возбуждали бы ихъ къ благовременному труду, къ мудрой бережливости, къ дружному, общими силами дѣйствованію во время общественнаго бѣдствія. Кто же будетъ и кто возьметъ на себя непрестанно руководить и въ житейскихъ общественныхъ дѣлахъ нашихъ поселенъ, если не *отецъ* ихъ духовной, поставленный отъ Бога учить благочестію, *на вся полезному?*

Этимъ мы и хотѣли покончить свою лѣтопись. Но, прочитавши „Соврем. обозрѣніе въ 1-й кн. Отечеств. записокъ за 1868 г., мы сочли своимъ священнымъ долгомъ—опять взяться за перо и сказать еще два — три слова. На стр. 165-й От. зап., послѣ нѣсколькихъ словъ о покойномъ митрополитѣ моск. Филаретѣ и извѣстномъ писателѣ Н. И. Гречѣ, вотъ что говорится о почтенномъ профессорѣ В. Н. Карповѣ: „такимъ же точно старцемъ, любимымъ и уважаемымъ всѣми знавшими его, скончался В. Н. Карповъ, этотъ *русскій философъ* и *русскій Платонъ*, какъ обыкновенно называли его духовные,—бывшій 34 года профессоромъ С-петер. д. академіи. Будучи строгимъ православнымъ христіаниномъ, онъ относился въ своихъ лекціяхъ съ необыкновенною терпимостію и *съ равнымъ вниманіемъ ко всѣмъ возможнымъ философскимъ мнѣніямъ и системамъ и самъ дозволялъ какъ себѣ, такъ и слушателямъ своимъ—три-*

христіански вѣрять въ одно, а философски думать какъ угодно“.—Замѣтка о почтенномъ профессорѣ совершенно несправедливая. Не думаемъ, чтобы авторъ этой замѣтки гдаль умышленно. Мы увѣрены, что онъ не сказалъ бы этого, если бы предварительно прочелъ напечатанные въ Февр. книжкѣ „Христіанскаго Чтенія“—некрологъ В. Н. Карпова и тѣ задушевныя рѣчи, которыя были произнесены при его погребеніи.—Если о комъ, то особенно о Карповѣ грѣшно сказать, будто онъ дозволялъ какъ себѣ, такъ и слушателямъ своимъ христіански вѣрять въ одно, а философски думать какъ угодно. За искренность убѣжденій покойнаго поручатся всѣ хорошо знавшіе его. У него никогда не было разлада ни между мыслию и словомъ, ни между словомъ и дѣломъ. Онъ былъ истиннымъ христіаниномъ въ душѣ, онъ же былъ и истиннымъ христіанскимъ философомъ. Всѣ лекціи его были пронизаны христіанскимъ духомъ. Этого христіанскаго духа онъ требовалъ и отъ своихъ слушателей. И,—какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ почтенныхъ сослуживцевъ В. Н. Карпова, — если бы покойный услышалъ такой недѣльный отзывъ о себѣ, какой позволила себѣ сдѣлать о немъ редакція „Отеч. Зап.“, то онъ, кажется, возсталъ бы изъ могилы, чтобы заградить уста говорящимъ о немъ такую недобросовѣстную ложь.

П. Н.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОТЪ КАНЦЕЛЯРИИ АКАДЕМИИ О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ НА СООРУЖЕНІЕ НАДГРОБНАГО ПАМЯТНИКА И БЮСТА В. Н. КАРПОВУ.

На сооруженіе надгробнаго памятника и бюста профессору В. Н. Карпову съ 20 января по 29 февраля поступили пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ:

Отъ протоіерея *Петра Разумовскаго* 3 р., отъ бакалавра Казанской академіи *В. Братолюбова* 3 р., отъ прот. *Даніила Блюковскаго* 3 р., отъ прот. *Іоанна Шероцкаго* 5 р., отъ инспектора Новгородской семинаріи архим. *Тихона* 3 р.; отъ наставниковъ Новгородской семинаріи: *Г. Пеньковскаго* 3 р., *Н. Бровковича* 1 р., *Н. Бударяцева* 1 р., *А. Щеколдына* 1 р., *И. Пеньковскаго* 3 р., *В. Руженцова* 1 р., *Ф. Павлинскаго* 1 р., *М. Желоменскаго* 1 р., *П. Абрамовича* 1 р., *К. Туберозова* 1 р., *А. Воскресенскаго* 1 р., *А. Бялецкаго* 1 р., отъ свящ. *Старовскаго* 3 р., отъ преосв. *Феофоста* викарія Подольскаго 8 р. 60 к., отъ свящ. *Н. Розанова* 3 р., отъ свящ. *В. Пьцова* 3 р. отъ прот. *Г. Смирянина* 3 р., отъ свящ. *П. Благовещенскаго* 3 р., отъ прот. *В. Доброправова* 3 р., прот. *І. Черепнина* 3 р., отъ прот. *И. Денисова* 3 р., отъ отъ прот. *Т. Серединскаго* 3 р., отъ

прот. *М. Боярлова* 3 р., отъ свящ. *Д. Васильева* 3 р., отъ свящ. *Н. Бенедиктова* 3 р., отъ свящ. *Ө. Быстрова* 3 р., отъ прот. *С. Ставровскаго* 3 р., отъ прот. *А. Строкина* 3 р., отъ свящ. *А. Ставровскаго* 2 р., отъ свящ. *А. Святлова* 3 р., отъ прот. *А. Булакова* 3 р., отъ свящ. *В. Барсова* 3 р., отъ професс. семинаріи *В. Рождественскаго* 2 р., отъ свящ. *А. Дзукратова* 3 р., отъ прот. *Павла Лебедева* 5 р., отъ студ. медико-хирургич. акад. *Г. Хвалынскаго* 1 р., отъ ректора Арханг. семинаріи архим. *Доната* 10 р. отъ инспектора іером. *Алексія* 5 р., отъ наставниковъ *Л. Корытова* 4 р., *Е. Шуйскаго* 3 р., *С. Арсеньева* 3 р., отъ стат. совѣтн. *А. Тимошьева* 10 р., отъ окончившаго курсъ въ акад. *В. Голубкова* 3 р., отъ преосв. *Александра* Ковенскаго епископа 10 р., отъ *Дм. Щелова* 5 р. и отъ священника *Н. Попова*—3 р.

Всего съ 20 января по 29 февраля поступило *сто семьдесятъ четыре рубля 60 к.*; а съ прежде пожертвованными 831 р. 10 к., за исключеніемъ изъ оныхъ 3 руб., записанныхъ, но не представленныхъ покойнымъ протоіер. *Ф. Сперанскимъ*, *девятьсотъ девяносто два рубля 70 коп.*

Пожертвованія продолжаютъ приниматься въ канцеляріи С.-петербургской Д. академіи секретаремъ экстр. проф. *А. Предтеченскимъ* — ежедневно съ 8 до 12 часовъ утра. Они вносятся въ особую книгу, и своевременно будетъ опубликованъ отчетъ о количествѣ ихъ, о лицахъ, сдѣлавшихъ оныя и объ употребленіи—подробный въ „Христ. Чтенія“ и „Современномъ Листкѣ“ и краткій—въ „Страничку“.

Всѣ жертвователи получаютъ по экземпляру фотогра-

фических карточек В. Н. Карпова и по экземпляру книжки, посвященной „Памяти его“. Въ случаѣ значительнаго числа пожертвованій предполагается купить у наследниковъ покойнаго его богатую философскую библиотечку, которая въ академическомъ книгохранилищѣ сохранить названіе „Карповской“. Въ канцеляріи желающіе могутъ получить хорошій *литографированный портретъ* Василья Николаевича; цѣна безъ пересылки 1 руб., съ пересылкою въ пакѣ 1 р. 50 коп.

Секретарь экстр. проф. *Андрей Предтеченскій.*

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВЯТЫЯ ПАСХИ.

Христось воскрес!

Святая Церковь, празднуя сегодня свѣтлое Христово Воскресеніе, приглашаетъ всѣхъ своихъ чадъ къ радости болѣе, нежели въ другой какой-либо изъ своихъ праздниковъ. *Сей день, ево же сотвори Господь*, — поетъ Она, — *возрадуемся и возвеселимся въ оны*. Въ восторгѣ отъ радостнаго событія, Она Сама воспѣваетъ его въ дѣсияхъ болѣе возвышенныхъ, болѣе восторженныхъ, нежели всякое другое событіе изъ жизни Спасителя; чаще же всего повторяетъ и напечатлѣваетъ въ сердцахъ вѣрующихъ эти главные, многознаменательныя слова: *Христось воскресъ; Христось изъ мертвыхъ воскресъ!*

Одно присутствіе ваше здѣсь, Христолюбивые слушатели, при большихъ неудобствахъ, которыя рѣдко позволяютъ вамъ принимать участіе въ церковныхъ Богослуженіяхъ и которыми для нынѣшняго дня вы пренебрегли ⁽¹⁾, одно ваше присутствіе здѣсь доказываетъ,

(1) Слово произнесено въ Висбаденѣ, 1853 г., когда русскіе еще мало жили въ этомъ городѣ, и въ тогдашнюю домовую церковь собирались православные изъ разныхъ городовъ южной Германіи.

что радость о Воскресеніи Христовомъ велика и для васъ, что не принять въ ней участія было бы большею потерей для вашей души.

Аще Христосъ не воста, говоритъ св. ап. Павелъ, *суетна вѣра ваша* (1 Кор. 15, 17). Т. е. еслибы Христосъ не воскресъ для насъ, то напрасна была бы наша вѣра въ Него; и тогда въ мірѣ вовсе не было бы христіанской вѣры. А еслибы не было въ мірѣ христіанской вѣры, то не было бы въ немъ и христіанской жизни. Слѣдовательно и мы всѣ были бы, можетъ быть, язычниками, — язычниками съ ихъ идолами, съ ихъ жертвами, съ ихъ дѣлами и жизнію, для которыхъ языкъ христіанъ не имѣетъ выраженій, предъ которыми чувство христіанское содрогается. Мы незаконно счастливы: Христосъ воистину воскресъ и наша вѣра не суетна! Счастливые земнымъ счастьемъ любятъ говорить о немъ: можемъ ли мы не желать продлить свой праздникъ въ этомъ святомъ храмѣ бесѣдою о воскресеніи Христовомъ, и именно о значеніи этого чуда для насъ для нашей вѣры?

До воплощенія Сына Божія, когда грѣхъ, можно сказать, безпрепятственно господствовалъ въ родѣ человеческомъ, когда понятія и сердца людей еще не были способны къ принятію христіанскаго Откровенія, являлось много великихъ пророковъ Божіихъ къ народу іудейскому, среди котораго, по предопредѣленію Божію, долженствовали явиться Искупитель міра. Облеченные силою Святаго Духа, пророки безъ всякаго лицепріятія обличали беззаконія и заблужденія людей и преимущественно іудеевъ, изрекали многія предсказанія, творили великія чудеса, за истину своего ученія многіе изъ нихъ умерли смертію мучениковъ. Но не было между

ниги ни одного, который бы умерь, былъ положенъ во гробъ и потому бы воскресъ! Умереть и собственною силою востать изъ мертвыхъ, могъ, по предсказаніямъ тѣхъ же пророковъ, только Самъ обѣтованный Мессіа, Самъ Сынъ Божій.

И если мы съ должнымъ вниманіемъ слушали святое Евангеліе, то не могли не замѣтить, что Самъ Спаситель, во время земной жизни Своей, для доказательства Своей Божественности, правда, призывалъ маловѣрный народъ іудейскій судить о Немъ по дѣламъ Его: *дѣла, которыя творю Я во имя Отца Моего, свидѣлствуютъ о Мнѣ*, говорилъ Спаситель; *смотрите: слепые прозреваютъ, хромые ходятъ, прокаженные очищаются, глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ* (Матѣ. 11, 5). Но часто, и что замѣчательно, при особенно важныхъ обстоятельствахъ, Онъ указывалъ на будущее воскресеніе Свое, какъ на главное доказательство Своего Божественнаго посольства. Такъ, лувавые и вѣротъ любопытные книжники и фарисей, объяснившіе чудеса Спасителя силою злого духа, однажды просить отъ него новыхъ и большихъ знаменій; Спаситель отвѣчаетъ: *родъ лукавый и прелюбодѣльный ищетъ знаменія; и знаменіе не дается ему, кромѣ знаменія Іоны пророка. Какъ Іона былъ во чревь китовомъ три дни и три ночи, такъ и Сынъ человеческій будетъ во сердцѣ земли три дни и три ночи*. Видя, какъ Иисусъ Христосъ изгоняетъ торжниковъ изъ храма іерусалимскаго, и желая обвинить Его въ своеволіи, они спрашиваютъ: *какими знаменіями докажешь Ты намъ, что имѣешь власть такъ поступать?* Спаситель отвѣчаетъ: *разрушите храмъ сей, храмъ тѣла Моего* (по объясненію евангелиста), *и Я съ три дня оседенну сію* (Іоан. 2, 18. 19.). Иисусъ Христосъ въ

первый раз говорить о святой Евхаристии, общается истинное Свое Тѣло и истинную Свою Кровь въ пищу вѣрующимъ, общается вкушающимъ отъ этой Божественной пищи вѣчную жизнь. Слушатели не понимаютъ этого; слова Господни имъ кажутся странными, и многіе изъ за этого оставляютъ Его. Спаситель говоритъ на это съ протостию: *это ли васъ соблазняетъ? Чтосказъ, если увидите Сына человеческого (по воскресеніи Его) восходящаго туда, гдѣ былъ прежде?* (Іоан. 7, 62.). Ближайшіе ученики Иисуса, по своимъ еще предрассудкамъ, нивалъ не могутъ представить, чтобы обѣтованный Мессія могъ страдать и умереть; при этомъ представленіи ихъ вѣра колеблется, они начинаютъ заботиться о своей будущей участи. Спаситель успокоиваетъ ихъ обѣщаніемъ будущаго Своего воскресенія: *Сыну человеческому, говоритъ Онъ, мною должно пострадать, и быть отвержену старцами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и въ третій день воскреснуть* (Лук. 9, 22).

Итакъ, святые пророки предвозвѣщали о воскресеніи Мессіи; Самъ Спаситель предъ учениками, равно какъ и предъ врагами Своими, неоднократно предсказывалъ, что Онъ умретъ и въ третій день возстанетъ изъ мертвыхъ. Судите же сами, что было бы съ нашею вѣрою, еслибы послѣ всѣхъ этихъ предсказаній Христосъ не воскресъ? *Аще Христосъ не воста, суетна вѣра наша.*

Во время земной Своей жизни, Спаситель, странствуя по Палестинѣ, непрестанно училъ и творилъ безчисленныя чудеса. Каждое Его слово было словомъ мудрости, каждый Его поступокъ былъ дѣломъ любви къ ближнимъ и особенно къ кающимся грѣшникамъ; въ то же время нравственная Его строгость по отношенію къ Себѣ была такъ велика, что ни враги Его, ни судьи,

ни Пилатъ, никто не могъ даже придумать и тѣни какого-нибудь недостатка въ Немъ; Иуда предалъ Его, и—погибъ съ отчаяніемъ, что предалъ кровь неповинную. Чудеса Его были такъ поразительны, что и невѣрующіе іудеи не разъ восклицали, что они ничего подобнаго не видали и не слышали, называли Его великимъ въ пророковъ, покушались поставить Его царемъ надъ собою. Ближайшіе же ученики прямо исповѣдывали Его царемъ израильтевымъ, Сыномъ Божиимъ. Но что же? При всемъ томъ,—при всемъ томъ, что Спаситель ясно предсказывалъ о своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи,—лишь появился Иуда съ врагами Иисуса, чтобы взять Его, все ученики Его разбѣжались. Святый ап. Петръ послѣдовалъ было за Нимъ до двора Каиафы, но тамъ же трижды отрекся отъ своего Учителя. При крестѣ умирающаго Спасителя мы видимъ только св. Іоанна Богослова, Пречистую Матерь Божию и нѣсколько благочестивыхъ женъ. Апостолы, даже апостолы скрылись... Скажите, что же было бы, еслибы Спаситель не возсталъ изъ мертвыхъ!

Враги Иисуса очень хорошо помнили, что Онъ предсказывалъ о Своемъ воскресеніи въ третій день по смерти; въ радости, что, умертвивъ Его, они избавились отъ Его присутствія, такъ тяжелаго для нихъ беззаконій и заблужденій, они хотятъ теперь воспользоваться предсказаніемъ Спасителя, чтобы представить Его, какъ явнаго обманщика въ глазахъ всехъ іудеевъ. Увѣренные, что еще ни одинъ изъ умершихъ на крестѣ не возвращается къ жизни, они, для предупрежденія всякаго подлога, спрашиваютъ у Пилата военную стражу, кладутъ печать на гробъ Спасителя и приставляютъ къ нему эту стражу. Копавъ это дѣло, они идутъ только

третьяго дня по смерти Иисуса Назарянина, чтобы себя торжественно оправдать въ убійствѣ Его, а Его еще однажды и уже навсегда провозгласить народнымъ обольстителемъ. Ахъ, ради Бога, что было бы съ нашею вѣрою, еслибы Христосъ не воскресъ?..

Аще Христосъ не воста, спсали бы тогда и мы съ апостоломъ, суетна вѣра наша.

Но скорѣе небо и земля преидеть, нежели одна юва изъ Божественныхъ словъ Спасителя не исполнится! Еще не взошло солнце на третій день по смерти Божочеловѣка, еще Иерусалимъ спалъ, и въ саду, Иосифа царствовала глубокая тишина, нарушаемая развѣ говоромъ бодрствующей стражи, какъ въ одно мгновение земля поколебалась, небесный свѣтъ озарилъ гробъ, въ которомъ покоилось тѣло Христово; явившійся ангелъ Господень отвалилъ камень отъ гроба и—Спаситель возсталъ! Воины, сначала омертвѣвшіе отъ ужаса, едва опомнившись, поспѣшили въ Иерусалимъ и принесли врагамъ Иисусовымъ первую вѣсть о томъ, что распятый ими на Голгофѣ живъ, что Онъ воскресъ! Въ страхѣ, не уцѣвъ придумать болѣе благовиднаго обмана, первосвященники и книжники учили воиновъ рассказывать, что тѣло Христово похищено, что спящіе на стражѣ римскіе воины видѣли, хотя и спали, какъ тѣло Христово было похищено!

Боже мой, какъ обрадовались святые апостолы и святыя жены, когда услышали отъ ангела Господня о воскресеніи Спасителя. Одинъ за другимъ спѣшать ко гробу, одинъ другому, въ восторгѣ передаютъ слова ангела: Христосъ воскресъ! Но состояніе ихъ сердца было неизобразимо, когда Воскресшій Самъ удостоивалъ являться имъ по воскресеніи. Святая Марія Маг-

дальна, во образъ вертоградари узнавшая своего Господа, воскликнула только: „Учителю!“ и пала къ ногамъ Его; больше ничего не могла она сказать. Какимъ огнемъ *горѣли*, по евангельскому выраженію, *сердца* двухъ учениковъ, шедшихъ въ Вѣннаусъ, когда на этомъ пути принялъ участіе въ ихъ разговорѣ сначала неузнанный ими Спаситель, и когда потомъ они узнали Его *въ преломленіи хлѣба? Господи. Ты еси тыси*, говорилъ апостолъ Петръ явшаемуся ему Воскресшему, *Ты еси, яко люблю Тя!*

Такъ чувствовали и говорили святые апостолы, своими глазами увидѣвшіе, своими руками осязавшіе, что ихъ Другъ, ихъ Учитель и Благодѣтель есть—Самъ Богъ! Да, Христосъ воистинну воскресъ; слѣдовательно Онъ есть истинно Тотъ, за кого Самъ Себя выдавалъ, истинно есть самъ Сынъ Божій, Самъ Богъ. Онъ есть Богъ; слѣдовательно каждое слово Его ученія, сохраненное до насъ православною церковію, есть глаголъ жизни вѣчной и мудрости Божественной, всякое правило жизни и дѣятельности, во всей чистотѣ сохраненное и во всей строгости предписываемое намъ церковію; есть заповѣдь самаго Бога; Онъ есть Богъ; слѣдовательно все обѣтованія, которыя Онъ далъ вѣрующимъ въ Него, обѣтованія нашего собственнаго воскресенія, всеобщаго суда и жизни вѣчной, суть обѣтованія непреложныя. Христосъ воскресъ, слѣдовательно Онъ есть Богъ и Спаситель нашъ,—и наша вѣра не суетна! Вотъ почему святые апостолы такъ радовались и нынѣ все вѣрующіе въ Спасителя такъ радуются о Его воскресеніи! Вотъ почему святая православная церковъ такъ *сильно* празднуетъ это чудо нѣ чудесь, этотъ праздничный праздникъ! И вотъ почему, кстати здѣсь замѣ-

тять, вымышленный евангелистъ святая церковь возвѣстала намъ возвышенное благовѣстіе Іоанна Богослова о Богѣ—Словѣ! *Сей день, въ же сотвори Господь, всерадуемся и возвеселимся въ оны!*

Христіолюбивые слушатели! мы не видимъ болѣе воскресшаго Спасителя тѣлесными очами: чрезъ 40 дней по воскресеніи Своемъ Онъ вознесся на небо; но меньше ли отъ этого радость наша? Напротивъ; тѣмъ блаженнѣе мы, если не вида, вѣруемъ: св. ап. Фомѣ, который только по ослзаніи язвъ Воскресшаго исповѣдалъ Его своимъ Господомъ и Богомъ, было сдѣлано отрадное для насъ Божественное обѣтованіе: *блаженны не видѣющіе и вѣровавшіе*. Мы не дерзнемъ и желать того, чтобы своими тѣлесными чувствами повѣрять Божественную истину; это значило бы, что мы болѣе не вѣруемъ въ истину, которая есть духъ и жизнь, или желаемъ вѣрвать только тогда, когда органическая или физическая необходимость заставитъ; это значило бы, что мы желаемъ жить не по духу вѣры, а по мудрованіямъ плоти, которыми всегда управляетъ испорченное сердце наше, страсти. А при этомъ никакое тѣлесное видѣніе и чудо не поможетъ намъ. Іуда былъ судѣтелемъ всей чудной жизни Спасителя, и — странно помыслить — предалъ Его! Огрубѣвшіе въ заблужденіяхъ и страстяхъ враги Спасителя, послѣ каждаго чудеснаго дѣйствія Его на пользу ближнихъ, только болѣе и болѣе негодновали на Него, и, наконецъ, распяли Его!

Мы не видимъ воскресшаго Господа тѣлесными очами, но мы можемъ, мы должны видѣть Его очами вѣры. *Чистіи сердцемъ, сказалъ Господь, Блага узрѣте*. Лишь бы сердце наше было чисто, лишь бы жизнь была праведна по заповѣдямъ Спасителя, — и Богъ Самъ дѣлать

Себя нашей душѣ, нашему сердцу, *осмотримъ* даже постоинную *обиталь* въ насъ! Это Его собственное—Божественное *объщаніе*! И смотрите: тысячи и тысяча праведниковъ Божіихъ, съ первыхъ временъ христіанства и до настоящаго времени, *возвѣщаютъ* всему свѣту, какъ блаженны они были въ общеніи со Христомъ! Между ними видимъ мы и царей, и рабовъ, людей образованныхъ науками и вовсе необразованныхъ, пастырей церкви и мирянъ, старцевъ и дѣтей, женъ и дѣвъ, здоровыхъ и больныхъ, нищихъ и богатыхъ; всѣ они свидѣтельствуютъ предъ всѣмъ міромъ, что нѣтъ счастья и блаженства на землѣ состояло ни въ богатой и пріятной жизни, которая такъ жалка безъ внутреннего мира и безъ благословенія Божія, ни въ мудрости земной, которая такъ мала предъ вѣчною истиною слова Божія; нѣтъ, они радовались среди несчастій и скорбей, радовались даже въ минуты смерти, единственно потому только, что они были неразлучны съ Спасителемъ своимъ, что Самъ Онъ Своєю *благодатию* обиталъ въ сердцахъ ихъ и дѣлалъ ихъ блаженными!

Воскресшіи Спаситель Своимъ *человѣчествомъ* вознесся на небо, и мы не видимъ Его болѣе *тѣлесными* очами; но, при *вознесеніи* Спасенъ, Онъ *сказалъ*: *et Ave se vobis esse eo vos omni die de cloniam vobis* (Мате. 28, 20). И Онъ, единственно Онъ Самъ, какъ Глаза церкви, *доселѣ* *создастъ* ее, *возвращаетъ* и *управляетъ*. Еслибы могли мы пройти своимъ *взоромъ* *поверхность* *земнаго* шара по *всѣмъ* его *направленіямъ*, мы встрѣтили бы на *горахъ* и *долинахъ*, въ *большихъ* *городахъ* и *селеніяхъ* *тысячи* и *тысячи* *храмовъ* *Божіихъ*, *украшенныхъ* *знаменемъ* *Креста* *Спасителя*; а *гдѣ* *храмы* *Божія*, тамъ *нашли* бы и *сердца* *людей*, *преданныхъ*

Исудителю. Что значить это явленіе? Что возбуждастъ людей къ устройству храмовъ Воинихъ? Кто собираетъ ихъ туда для молитвы и Богослуженія? Что находятъ они въ этихъ молитвахъ и Богослуженіяхъ? Если бы мы въ настоящую минуту глубокой ночи могли проникнуть своимъ взоромъ только по одному направленію — на сѣверъ, если бы могли однимъ взглядомъ обозрѣть только одну обширную часть земли, наше благословенное, православное отечество, мы поражены были бы явленіемъ неизобразимымъ! Мы увидѣли бы, что вся эта страна въ настоящія минуты есть ничто иное, какъ одинъ великій алтарь, освещенный безчисленными огнями, на которомъ руками Господнихъ служителей возносится къ небу Безкровная Жертва; при этомъ алтарѣ миллионы вѣрующихъ, забывъ о снѣ nocturno, въ духовномъ восторгѣ воснѣваютъ воскресеніе Христова; соединенные въ одно одною вѣрою и радостію, они, безъ различія сословій и состояній, называютъ себя братьями о Христѣ и объемаютъ другъ друга... Чѣмъ невидимая Деяница творить эти чудеса любви предъ нашими глазами? Кто движетъ сердцами миллионныхъ людей, приводитъ ихъ въ святой церкви, наполняетъ ихъ радостію и счастьемъ? Одинъ, одинъ только воскресшій Спаситель, Самъ обѣщавшій *создать Свою Церковь* такъ, что и *врата ада не одолѣютъ Ея!* Люди, сама по себѣ, безъ помощи благодати Божіей, способны только разрушать это зданіе!

Востану съ нами Господь во вся дни до скончанія свѣта! Мы не видимъ Его тѣлесными очами, но мы можемъ видѣть и видимъ Его *всюду*, видимъ въ природѣ, насъ окружающей, въ обстоятельствахъ нашей жизни, въ лучшахъ движеніяхъ нашего сердца, въ высшихъ,

благороднѣйшихъ требованій нашей природы, видимъ Его вѣрою въ святыхъ храмахъ, гдѣ Онъ всегда таинственно присутствуетъ на Своемъ престолѣ, слышимъ Его голосъ при чтеніи и слушаніи слова Божія, вѣруемъ въ Его Божественное присутствіе при нашей исповѣди въ свѣтомъ Таинствѣ покаянія, и, недостойные, видимъ и вкушаемъ Его Божественное Тѣло и Кровь въ святѣйшемъ Таинствѣ Евхаристіи.

Христосъ востанувъ воскресъ, Христіолюбивые слушатели, и наша вѣра не суетна. *Сей день, еси же сотвори Господь, возрадуемся же и возвеселимся въ оны!*

Воскресшій Спасителю! прими радость нашего сердца о Твоемъ воскресеніи какъ жертву благоприятную предъ Тобою. Отвори наши очи, какъ отвори Ты очи апостоловъ по воскресеніи, чтобы мы вѣрою зрѣли Тебя не только въ этомъ свѣтомъ храмѣ только, но и въ домахъ нашихъ, и на путяхъ нашихъ, и повсюду въ теченіе всей нашей жизни; чтобы мы были предъ Тобою и по Твоей только волѣ живи и исполняли обязанности свои на землѣ, которыя по Твоему же благому Промыслу возложены на насъ. Утверди миръ и радость въ сердцахъ нашихъ среди всехъ обстоятельствъ нашей жизни, счастливыхъ и несчастныхъ, и оподоби насъ до послѣдняго дыханія отъ чистаго сердца вѣровать въ Тебя и любить Тебя, дабы наконецъ со святыми Твоими вѣчно радоваться въ неопочерпимъ для царствія Твоего! Аминь.

ПЕРВЫЙ ВѢКЪ ХРИСТИАНСТВА

ВЪ ПИСАНІЯХЪ МУЖЕЙ АПОСТОЛЬСКИХЪ.

I.

Между тѣмъ какъ христіанство и церковь остаются неизмѣнными, духъ отрицанія измѣняется и превращается непрестанно. Въ существѣ дѣла онъ возобновляетъ все тѣ же нападки, но въ разные времена онъ выбираетъ для борьбы разную почву, различное оружіе и какой-нибудь отдѣльный пунктъ, противъ котораго и направляетъ свои усилія. Все искусство софистовъ состоитъ въ томъ, чтобы дать своимъ возраженіямъ одежду, которая бы имѣла видъ новой и которая бы завладела вниманіемъ вѣка, примѣняясь къ его вѣсумамъ и кругу господствующихъ въ немъ понятій. Настоящіе Протестанты, они хвалятся тѣмъ, что набѣгаютъ діалектическіхъ тонкостей, стараются сиречь, подъ новыми формами неисцѣлимую драхлость заблужденія. Въ продолженіе послѣдняго вѣка этотъ духъ оппозиціи нападаетъ, преимущественно на догматы, на богослуженіе, на таинства и на дисциплину церкви. Въ настоящее время онъ направляется преимущественно на историческіе факты, на которыхъ покоится зданіе нашихъ вѣрованій. Недавно формою его была гордая философія, которой несостоятельность равнялась ея дерзости и которая вооб-

решая; быть может чистосердечно, что довольно скромно или красноречиво и несколько гениальных людей, чтобы испровергнуть древнюю инсти­туцію ось­на­д­цати вѣковъ, всегда терпящую надъ своими врагами. Въ настоящее время это формулу составляетъ знаніе можетъ быть менѣе надменное, но равно увѣрен­ное въ своихъ силахъ, которое, подъ именемъ критики, разставляетъ съ хвастливимъ самодово­льствомъ аппаратъ своей эрудиціи, налагаетъ смѣлую руку на самыя священные преданія и воображаетъ, что оно совершенно разрушило истерическое ос­но­ва­ніе откровенія. Сохраняя вѣршинъ видъ уваженія къ христіанскому откровенію, рационалистическая критика испровергаетъ факты, на которыхъ оно основывается, только для того, чтобы послужить высшимъ интересамъ знанія и поддерживать неизмѣнныя права разума. Главную аксіому ее системы составляетъ то, что сверхъестественное не существуетъ. Она ставитъ этотъ принципъ, не стараясь или опасаясь его доказывать; но ее убѣжденію довольно знать его, чтобы выразить неутомимую очевидность. Если сверхъестественное невозможно, то вся проблема знанія сводится къ тому, чтобы утвердить рѣши­тельное согласіе между фактомъ и правомъ и исключить изъ жизни чело­вѣчества то, что очевидность кри­тики изгнала изъ чело­вѣческаго разума. Съ этихъ поръ уже дѣло философіи, экзегетики и поетическаго помысла споръ. На этомъ принципѣ богословъ критицизма утверждается; какъ на собственной и естественной почвѣ; изъ него онъ черпаетъ всѣ ресурсы своей диалектики, чтобы наловить факты къ требующимъ онаго отрицанію.

Впрочемъ мы не будемъ несправедливы къ рациона-

лютеической критикѣ. Она отличается отъ безрелигиозности послѣдняго лѣна своею силой, которая дѣлаетъ ей честь и, въ то же время, на защитниковъ церковнаго преданія налагаютъ обязанность опровергать ее соответствующимъ оружіемъ. Не малая выгода укъ те, что мы видимъ, какъ разсѣялось это грубое и слѣпое нечестіе, которое напускалось на христіанство съ такимъ невѣроятнымъ ослѣпленіемъ, пристрастіемъ ко всему и единственно предвзятое тѣмъ, чтобы уронить и разрушить церковь. Въ странѣ, гдѣ мы ищемъ нашихъ противниковъ, въ настоящее время стыдится прибѣгать къ этому старому арсеналу оскорбленій, соизмовъ и клеветъ, которыя составляли нѣкогда главный ресурсъ антирелигіозныхъ школъ. И если откровенная истина подвергается еще спорамъ, нападеніямъ, то крайней мѣрѣ тѣ, которые отвергаютъ ее, не отказываются признать ни нравственной красоты христіанства, ни величія его подвижниковъ, ни его дивнаго дѣйствія. Это уже прогрессъ, съ которымъ можно сравнить наше время точно также, какъ съ надеждою увидѣть, что отличнѣйшіе умы будутъ ютиться все болѣе и болѣе къ церкви.

Но самая эта перемѣна въ направленіи религіозной критики придаетъ спору болѣе энергии и устойчивости, потому что изъ области отвѣченной онъ перешелъ въ область фактовъ. Впрочемъ, если рационалистическая критика невоцѣла, къ чести своей, съ полемическими привычками своихъ предшественниковъ, она отъ этого не стала меньше опасна. Уваженіе, которое она, по видимому, возлагаетъ къ христіанской вѣрѣ и церкви, не препятствуетъ ей возвращаться къ прежнимъ основаніямъ, отвергать а priori всякое откровенное ученіе

и оспаривать древность, происхождение, смысл, важность каждого христианского памятника. По словам Штрауса, канригъ, и германскихъ рационалистовъ, наши священные книги суть не больше, какъ мифы, символы, легенды, философскіе или религіозные романы, изобрѣтенные обманщиками или порожденные политическимъ воображеніемъ народовъ, ненорченные интерполаторами или неразумными и искусными — переписчиками, изъ числа коихъ одни были обманщики, другіе обманутые, тѣ и другіе — жертвы лжи и обольщенія. Присоедините къ этому смѣлость утверждающей, тяжеловѣсность обширной эрудиціи, обаяніе новості, приманку легкаго натурализма, и вы поймете, отчего подобныя нападенія — такъ легко увлекаютъ умы и наводятъ страхъ на извѣстныя робкія души, что рушится и падаетъ вся религіозная достовѣрность. Этотъ новый аппаратъ не имѣетъ, однакожъ, ничего, что должно бы пугать вѣру твердо поставленную. Важно только то, что измѣняются отношенія между спорящими, что церковная наука направляетъ противъ своихъ противниковъ оружіе, которыми они пользуются противъ него, и такъ какъ они приближаются къ исторіи, то и она также пользуется исторіей, противопоставляя факты теоріямъ, положительныя доказательства смѣленнымъ догадкамъ, серьезныя умозаключенія произвольнымъ угаданіямъ. Такъ какъ христіанство, сверхъ того, имѣетъ своимъ основаніемъ и точкою отправленія историческіе факты, то защитники его не могутъ ничего сдѣлать лучше, какъ ориентироваться и оправдывать споръ на почвѣ исторіи. Такова задача нашего времени. Вотъ почему занятіе христіанскими древностями въ наше время болѣе въ чести, чѣмъ когда нибудь. Въ виду при-

твенній рационалистической критики ученые защитники христианства видят необходимость обратиться къ самымъ его источникамъ, изучить ихъ, подвергать новому и тщательному анализу всѣ первоначальные памятники. Въ частности нельзя обработать библейской экзегетики съ большимъ блескомъ и большею глубиною, какъ это сдѣлали особенно въ Германіи Толукиъ, Штауденмайеръ, Мелеръ, Сентъ. Но споръ начался главнымъ образомъ объ основаніяхъ церкви. Наставленія апостоловъ и ихъ непосредственныхъ преемниковъ, организація, дисциплина, нравственныя правила первоначальной церкви, вотъ что упорно просвѣваютъ со всѣхъ сторонъ. Здѣсь—напитальный пунктъ борьбы. Поэтому существенная задача церковной науки состоитъ въ томъ, чтобы доказать исторически, что церковь существовала съ перваго вѣка съ тѣмъ основнымъ характеромъ, съ какимъ мы видимъ ее въ настоящее время.

II.

Многіе думаютъ ошибочно, что исторія христианства не представляетъ эпохи, подобной эпохѣ великой борьбы съ язычествомъ и торжества, которое увѣичало эту борьбу. Нѣтъ сомнѣнія, что церковь пережила въ это время двѣ самыя блестящія фазы и потому не удивительно, что самое большое число умовъ занимаютъ предпочтительно этой эпохой. Но какъ бы ни было велико обаяніе, заинтересовывающее въ пользу такого занятія, мы однакожь осмѣливаемся думать, что углубленіе въ исторію первыхъ временъ церкви заключаетъ въ себѣ не меньше интереса и слѣдовательно дастъ не меньше плода. Мы думаемъ, что изученіе христианства

въ самомъ его основаніи и историческомъ происхожденіи не оставить мѣста никакому сомнѣнію въ божественности его начала. Кромѣ того едва ли можно составить полное и правильное понятіе о христіанской Церкви, не слѣдя за ея прогрессомъ, не изучая того, чѣмъ она была съ самаго начала, какія препятствія противолагались ея распространенію, какими средствами она восторжествовала надъ ними, какъ она достигла до того, что преобразовала вдругъ понятія, нравы и характеры.

Нельзя отрицать, что изъ всѣхъ христіанскихъ вѣровъ, первый прошелъ черезъ такіа важныя и трудныя испытанія, которыя рѣшительно свидѣтельствовали о сверхъ-человѣческой силѣ, поддѣрпывавшей церковь Іисуса Христа. Можетъ быть, возразятъ намъ, что эти испытанія не такъ очевидны; первыя усилія, которыя дѣлала христіанство, довольно легки; историческіе памятники едва позволяютъ найти въ нихъ порядокъ и опредѣлить ихъ природу. На это отвѣтимъ, что отъ первыхъ вѣровъ мы имѣемъ писанія, которыя намъ оставили отцы апостольскіе, эти славные преемники первыхъ учениковъ Іисуса Христа, о которыхъ справедливо можно сказать, что они жили въ устахъ еще слова апостоловъ и жизнь ихъ предъ глазами. По какому-то странному противорѣчію предполагаютъ трудности и недостатокъ интереса въ изученіи зачатковъ церкви и пренебрегаютъ памятниками, которые всего лучше объясняютъ религіозную исторію этой эпохи. Мы непротивъ великихъ авторитетовъ Златоуста, Василія великаго, Григорія Назіанзіана: но почему же меньше авторитета имѣютъ писанія Варнавы, Климента, Поликарпа или Игнатія? Если хотѣть дойти до серьез-

Христ. Чит. № 4.

наго познанія самыхъ зачатковъ христіанства, то нужно искать его въ писаніяхъ именно этихъ отцовъ, потому что они представляютъ собою истинные памятники христіанской мысли въ самое первое время церкви. Мы не будемъ, говорить здѣсь о литературныхъ красотахъ этихъ писаній, но только, съ исторической точки зрѣнія, оцѣнимъ несравненное достоинство этихъ твореній. Мы увидимъ, какъ легко слѣдить за ходомъ христіанства, изучая послѣдовательно разнообразныя писанія отцовъ апостольскихъ. Увидимъ, какъ церковь боролась противъ всякихъ измѣненій въ ученіи, старалась сохранить вѣрность наставленіямъ Учителя. Ея дивная организація обнаружится передъ нашими глазами въ своихъ основныхъ чертахъ. Наконецъ мы будемъ свидѣтелями вступленія новыхъ началъ христіанской правды въ среду историческаго міра и будемъ наблюдать съ удивленіемъ, какъ преобразовались нравы, какъ измѣнялись и возвышались характеры.

Въ этомъ очеркѣ мы начнемъ анализомъ посланія святаго Варнавы, старшаго по времени. Христіанство только еще зарождалось и еще раздавался голосъ апостольскій, когда явилось это посланіе. Нельзя лучше изобразить вліянія новаго ученія. Оно еще не возбудило большаго шума во вѣѣ, не подняло ужасовъ въ древнемъ мірѣ; не вооружило рукъ гонителей. Однакожъ явилось уже препятствіе на его пути, незначительное по вѣдмому, но въ сущности способное уничтожить всякую будущность человѣческой религіи. Странная судьба націй. Тотъ же народъ, который долженъ былъ доставить христіанству его первыхъ учениковъ, долженъ былъ также возбудить противъ него и его первыхъ враговъ. И церкви суждено было поль-

зоваться этимъ народомъ, какъ орудіемъ, и въ то же время безпрестанно отражать его. Въ самомъ дѣлѣ первая опасность, грозившая христіанству, идетъ отъ іудеевъ и даже не отъ іудеевъ враждебныхъ пришествію Христа, но отъ тѣхъ, которые всего больше склонялись къ Божественнымъ наставленіямъ. Эта оппозиція покажется необъяснимою, если не войти въ самое основаніе расположеній іудейской націи. Двѣ великія черты изъясняютъ, въ одно и тоже время, странную превратность судьбы іудейскаго народа и сознательное противленіе его христіанской вѣрѣ. Эти черты—упорство и плотскій смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ въ этомъ весь наранъ. Если съ одной стороны его неодолимое упорство и сила его предрасудковъ дѣлаютъ его способнымъ къ сохраненію буквы мессіянскихъ пророчествъ и охранителемъ его отъ идолопоклонническихъ обольщеній восточнаго міра, то съ другой стороны его ограниченный умъ, его грубыя склонности наклоняютъ его къ тому, чтобы не чувствительно измѣнять идею, которая ему ввѣрена и чтобы видѣть въ христіанствѣ только политическую реставрацію и матеріальное возвеличеніе іудейства. Только этимъ можно изъяснить, какимъ образомъ первымъ предпріятіемъ обращенныхъ іудеевъ было связать съ христіанской вѣрой Моисеевы заповѣди, считаемыя за обязательныя и почему они упорно старались заключить церковь въ тѣсныя предѣлы секты или національной церкви.

Подобныя тенденціи создали большую опасность для рождающагося христіанства. Святой Варнава даетъ вамъ чувствовать всю важность ея, употребляя для отраженія ея всѣ ресурсы своего ученія и весь авторитетъ своего апостольскаго служенія. Въ самомъ дѣлѣ легко

понять, что обращенные иудеи, требуя от язычниковъ соблюденія Моисеева обряда, какъ необходимаго условія для спасенія, стремились ни больше ни меньше, какъ къ тому, чтобы уничтожить распространеніе христіанства и отнимали у него самое существенное его свойство, его всеобщность. Между тѣмъ религія, будь она человѣческаго происхожденія, могла ли противостоять столь смѣлымъ притязаніямъ, каковы были притязанія этихъ первыхъ ея учениковъ? Не преклонилась ли бы она предъ ихъ требованіями, довольствуясь тѣмъ, что она приближается къ духу націи или дѣлается помощницею правительства? Многіе примѣры уполномочиваютъ насъ отвѣчать на эти вопросы утвердительно. Но Христосъ пришелъ возвѣстить истину и эта истина должна распространиться на всю вселенную и открыться всѣмъ народамъ. Церковь поняла это съ самаго начала и всегда держится убѣжденія, что она побѣдитъ міръ. Поэтому нечему удивляться, что уже апостолы не задумались осудить на іерусалимскомъ соборѣ ересь іудействующихъ. Опрежденіе, положенное этимъ августѣйшимъ собраніемъ, свидѣтельствуетъ о крайней осторожности въ отношеніи къ христіанамъ изъ іудеевъ, но тѣмъ не меньше оно прямо противно ихъ притязаніямъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что рѣшеніе этого перваго собора имѣетъ чрезвычайную важность, какъ бы ни относилась къ нему съ своими смѣлыми гипотезами и умозаключеніями новая раціоналистическая критика. — Она старается оспорить дѣйствительность этого определенія, не опровергая его никакимъ рѣшительнымъ доводомъ; и, чтобы она ни возражала противъ него, оно однакожъ съ полною силою доказываетъ, къ неудовольствію тюбингенской школы, что

между апостолами никогда не было никакого антагонизма принциповъ и что если между Петромъ и Павломъ возникло нѣкоторое разногласіе о вопросѣ чистоты дисциплинарномъ, то это разногласіе имѣло въ то же время мало силы, и продолжалось весьма недолго. Въ самомъ дѣлѣ доктрина іудействующихъ христіанъ никогда не преобладала въ церкви, какъ въ этомъ увѣряетъ тюбенгенская школа, но была доктриною партіи, согласимся даже, что партія вліятельной, къ которой естественно было бы отнести съ благоразумной снисходительностію; но тѣмъ не меньше іерусалимская церковь, имѣя въ своей главѣ апостоловъ и повинувась мысли Христа, не признала ее гласно, не опасаясь тѣмъ уменьшить еще незначительное число первыхъ обращенныхъ. Этому факту недаютъ довольно значенія, хотя онъ весьма ясно показываетъ, что апостолы не отказывались никогда отъ крайней, неумолимой строгости, когда дѣло шло объ осужденіи какой нибудь религиозной новизны. Въ виду столькихъ анаемъ, направленныхъ противъ тѣхъ, которые отказывались вѣровать или измѣняли вѣрованіе, трудно доказать, съ какою нибудь видимостію истины, что Іисусъ Христосъ не оставилъ никакого извѣстнаго, опредѣленнаго ученія. Откройте писанія апостоловъ и вы въ ту же минуту увидите, что они требуютъ безусловнаго подчиненія Евангелію, какъ установленному ученію, возобновляя или исполняя приказаніе учителя: Идите проповѣдуйте Евангеліе всей твари. Кто увѣруетъ и крестится, спасенъ будетъ, а кто не увѣруетъ осужденъ будетъ. Достаточно повторить извѣстныя сильныя выраженія апостола Павла къ Галатамъ (1. 16): когда мы вамъ проповѣдуемъ и если ангель съ неба будетъ проповѣдывать иначе, да бу-

детъ анагема; и это слово апостола Іоанна: всякій преступающій ученіе Христово и непребывающій въ немъ не имѣетъ Бога. Кто приходитъ къ вамъ и не приносить сего ученія, того не принимайте въ домъ и не привѣтствуйте его. (2 Іоанна, 9—10). Такія заповѣди и такія угрозы составляютъ совершенную противоположность съ тѣмъ отсутствіемъ твердаго и опредѣленнаго ученія, которое поставлено отличительнымъ признакомъ послѣдователей Христа и христіанской церкви.

Какъ бы то ни было, но святаго Варнаву не удерживаетъ, какъ не стѣсняла и апостоловъ, боязнь погрѣшать дѣлу церкви, если онъ выступить слишкомъ строгимъ бойцемъ православія. Будущность церкви не безпокоила тѣхъ, которые полагали ея основаніе, и принимали ея высокое предназначеніе. Ничто не могло ихъ удержать, ни утрашить ихъ ревности. Языкъ посланія святаго Варнавы, есть языкъ человѣка, котораго вѣрованія и надежды равно основываются на словѣ Божіемъ. Какая вѣрность взгляда, какая полнота, какая подробность какой авторитетъ ученія, какая совершенная сообразность съ наставленіями Христа и апостоловъ! Матеріалистическимъ тенденціямъ іудействующихъ христіанъ и рабству ихъ передъ буквой, Варнава противопоставляетъ самый чистый спиритуализмъ. Чтобы вѣрнѣе ниспровергнуть ихъ заблужденіе, онъ пользуется аллегорическими изъясненіями, какія были въ обычаѣ у іудеевъ и преимущественно этимъ путемъ доходитъ до заключенія, что Моисеевъ законъ и весь ветхій заветъ имѣетъ смыслъ и значеніе только по отношенію къ Новому Завету, котораго онъ былъ образомъ и вторымъ онъ и отиѣненъ.

Тѣмъ не меньше, однакожь, нельзя не примѣтить ру-

ли Божіей, руководящей свою церковь съ самаго ея начала. Въ самомъ дѣлѣ человѣческая ли мудрость внушила Варнавъ бороться противъ іудействующихъ христіанъ съ такою энергіею, съ опасностію отнять у новой вѣры столь многочисленныхъ учениковъ? Почему онъ не вступилъ въ сдѣлку съ ними? Подозрѣвалъ ли этотъ апостолъ, что какъ только онъ допуститъ хоть малую терпимость въ отношеніи къ рождающейся ереси, она не преминетъ разростись и погаситъ успѣхи христіанства? Справедливость вынуждаетъ приписать Самому Божественному Основателю церкви источникъ этой ревности, которая, по человѣческимъ соображеніямъ, и расчетамъ кажется столь неблагоразумною. Мудрость Божественнаго Начальника новаго учрежденія на землѣ не могла не предвидѣть ни тѣхъ враждебныхъ попытокъ, какія будутъ направлены на церковь, ни тѣхъ величайшихъ и многочисленныхъ послѣдствій; которыя происходятъ нерѣдко изъ самыхъ малыхъ заблужденій.

Такъ, дѣйствительно и было съ іудействующими христіанами. Эта секта, сначала не большая, произвела скоро другія, которыя, вслѣдъ за христіанствомъ, распространились въ разныхъ странахъ. Такъ сектанты, извѣстные подъ именемъ евѳонитовъ, происходятъ, по видимому, прямо отъ іудействующихъ христіанъ; они утвердились преимущественно въ малой Азій, Колоссѣ, Ефесѣ и въ Галатіи. Іудействующіе христіане, желая примирить съ божественнымъ посланничествомъ Христа, слѣпую привязанность къ національнымъ предразсудкамъ, начали тѣмъ, что связали законъ Моисеевъ съ заповѣдями Евангелія. Евѳониты, удерживая наблюденіе іудейскихъ обрядовъ, тотчасъ опередили — превзошли ихъ. Божество Іисуса Христа для нихъ не было уже

священнымъ: они отвергли его, смотря на Спасителя, какъ на простаго человека, рожденнаго отъ Маріи и Іосифа. Такимъ образомъ новая ересь, болѣе опасная нежели предшествующая, угрожала церкви.

Послания, писанныя святымъ Игнатіемъ къ различнымъ обществамъ христіанскимъ, въ продолженіи его суроваго путешествія по Азіи, показываютъ намъ, съ какою силою и какою ревностію первые епископы старались испровергнуть ее, противопоставляя всегда еретикамъ слово Христа или ученіе апостоловъ. Это именно методъ всѣхъ полемистовъ перваго вѣка, и въ самомъ дѣлѣ, эта крайняя заботливость, которую принимаютъ всѣ первые проповѣдники вѣры, чтобы сообразоваться съ словомъ Христа и апостоловъ, своихъ предшественниковъ и наставниковъ, поразительна. Такъ образовалась эта сильная цѣль преданія, которой связности не могли разорвать самыя энергическія нападенія. Но прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію главныхъ наставленій, которыми мы можемъ извлечь изъ посланій святаго Игнатія, нужно упомянуть еще о нѣкоторыхъ другихъ заблужденіяхъ, кромѣ евіонитовъ, заблужденіяхъ, противъ которыхъ равнымъ образомъ возставали эти посланія въ своей догматической части; потому что уже ко времени Игнатія ереси очень умножились. Между тѣмъ какъ евіониты старались уничтожить божественность Іисуса Христа, совершенно неожиданно поднялась другая, совершенно противоположная доктрина. Съ одной стороны отвергали божественность Спасителя; съ другой—отвергали Его человѣчество, такъ что было какъ бы два противоположныхъ теченія, которыя равно угрожали церкви. Но таково свойство духа человѣческаго—вращаться всегда между двумя

крайности, которыя равномерно удаляются от истины. Ереси едва берутъ свое начало; какъ уже теряются въ самыхъ странныхъ противорѣчяхъ. Совершенно различны вліянія управляють двумя системами, о которыхъ мы говоримъ: между тѣмъ какъ іудейскіе предразсудки вызвали заблужденіе езіонитовъ, платоническія теорія и религіозная теософія Востока, тогда очень распространенная въ Малой Азіи, дала начало доктринамъ докетовъ и гностиковъ. Вслѣдъ за своими учителями еретики Симонъ Волхвъ и Менандръ, рѣшались смотрѣть на тѣло Христа, какъ на призранный, не имѣвшій дѣйствительной жизни. Въ ошибочномъ убѣжденіи, что матерія есть сѣдалище зла, они не могли понять, чтобы Божественная природа могла соединиться съ нею и облечься въ человѣческую природу съ ея слабостями. Такимъ образомъ въ нихъ глазахъ страданіе, униженіе и смерть Сына Божія были только призраномъ. Гностики въ системѣ, вообще усвоенной ими, помѣстили между Высочайшимъ существомъ и вѣчной матеріей, живищемъ и источникомъ зла, воновъ—родъ духовъ, истекающихъ изъ Бога, изъ которыхъ одинъ сотворилъ міръ. Они допускали откровеніе верховнаго существа чрезъ посредничество Іисуса Христа, какъ одного изъ подчиненныхъ воновъ. Гностицизмъ принялъ разнообразныя формы. Онъ приравнивался весьма часто къ религіознымъ и философическимъ идеямъ, которыя господствовали въ разныхъ странахъ, гдѣ онъ распространился. Изъ послѣдователей его во второмъ вѣкѣ, когда онъ принимаетъ рѣшительный характеръ и приобретаетъ чрезвычайную силу, одни примкнули къ теологическимъ умозрѣніямъ Симона Волхва или Менандра, другіе основались на доктринахъ Александрійца Филона.

Между гностицизмомъ и докетизмомъ весьма много точекъ соприсносновенія. Можно почти навѣрное сказать, что докетизмъ былъ только одною изъ формъ, принятыхъ гностицизмомъ, распространеннымъ въ Сиріи. Но даже изъ того краткаго изложенія, какое мы сдѣлали, можно видѣть, какъ противоположны были двѣ секты евіонитовъ и гностиковъ. Однако нашолся человекъ, который надѣялся примирить ихъ: это былъ еретикъ Керинѳъ. Онъ пытался связать эти системы и изъ этой чудовищной смѣси родилась третья секта, которая присоединила къ грубымъ заблужденіямъ безстыдство, которое низводило ее еще на болѣе низкую ступень. Вотъ противъ какихъ противниковъ Игнатій долженъ былъ защищать истинное ученіе Христа и вотъ также противъ какихъ опасностей долженъ былъ предохранять церковь, къ которымъ адресовалъ свои посланія.

Великій епископъ опровергаетъ ереси, съ тою достовѣрностію ученія и съ тою твердostí языка, какія свойственны только истинѣ. Евіониты, также какъ докеты и гностики, также какъ послѣдующія ереси, находятъ свое осужденіе въ этихъ дивныхъ посланіяхъ, гдѣ изложены сокращенно всѣ главные члены христіанскаго богословія. Противъ евіонитовъ, Игнатій въ своемъ посланіи къ магнезіанамъ утверждаетъ, что нельзя призывать Иисуса Христа, а жить по іудейски, что не христіанство увѣровало въ іудейство, но іудейство во христіанство, въ которомъ соединились всѣ народы, увѣровавшіе въ Бога. Сдѣлавшись учениками христіанства; говоритъ онъ имъ, научимся жить по христіански; ибо кто называется другимъ, а не этимъ именемъ, тотъ не Божій.

1 Онъ немальною силой онъ наставляетъ на соедине-

нѣ въ лицѣ Слова двухъ природъ, Божественной и чело-
вѣческой, и дѣлаетъ это особенно въ посланіи къ
Ессенимъ, въ этихъ прекрасныхъ выраженіяхъ, кото-
рыхъ мы не можемъ привести здѣсь: „есть только
одинъ врачъ, тѣлесный и духовный, рожденный и не-
рожденный Богъ во плоти, въ смерти истинная жизнь,
отъ Маріи и отъ Бога, сперва подверженный, а потомъ
неподверженный страданію, Господь нашъ Іисусъ Хри-
стосъ“. Равнымъ образомъ онъ повторяетъ въ посланіи къ
Тралліанамъ, что Іисусъ Христосъ истинно родился, что
Онъ истинно совершалъ отпращенія челоувѣческой жизни,
истинно было осужденъ при Понтійскомъ Пилатѣ, исти-
но былъ распятъ и истинно умеръ въ виду небесныхъ
земныхъ и преисподнихъ, истинно возсталъ изъ гроба,
когда Его воскресилъ Отецъ Его, Который подобнымъ
образомъ воскреситъ и насъ, вѣрующихъ въ Него. А
если нѣме, продолжаетъ онъ, какъ нѣкоторые безбож-
ники, то есть невѣрующіе, говорятъ, что Онъ стра-
далъ только призрачно, — сами они призракъ, — то за
чѣмъ же я въ узахъ? За чѣмъ я пламенно желаю бо-
роться со звѣрми? Значитъ я напрасно умираю? Зна-
чить, я говорю ложь о Господѣ? И такъ убѣгайте злыхъ
промысленій, „принносящихъ смертоносный плодъ: кто
вкуситъ отъ него, тотъ немедленно умираетъ. Ибо ере-
тики не насажденіе Отца“. Это же составляетъ пред-
метъ его посланія къ Смирніанамъ, посланія, въ кото-
ромъ онъ евергически возстаетъ противъ тѣхъ невѣр-
ныхъ съ испорченными нравами, которые воздержива-
лись отъ евхаристіи и молитвы, потому что не хотѣли
признать, что евхаристіа есть плоть нашего Спасите-
ля, пострадавшая за наши грѣхи, по которую Отецъ
воскресилъ по Своей благодти. Такимъ образомъ, отме-

таа даръ Божій, они умирають въ своихъ преніяхъ. Имъ надлежало бы держаться любви, чтобы воскреснуть. Посему надобно удаляться такихъ людей и ни наединѣ, ни въ собраніи не говорить о нихъ, и внимать пророкамъ, особенно же Евангелію, въ которомъ открыто намъ страданіе Христа и совершенно ясно Его воскресеніе“.

Однимъ словомъ во всѣхъ этихъ посланіяхъ святой Игнатій даетъ ясное свидѣтельство о Божествѣ Іисуса Христа, Его вѣчномъ рожденіи, Его сосуществованіи съ Отцемъ прежде всѣхъ вѣковъ. Такимъ образомъ съ самаго начала былъ опредѣленный символъ, общій для всѣхъ вѣрныхъ, въ которомъ не могли ничего ни измѣнить, ни исключить, не переставая принадлежать къ обществу христіанскому. Изъ этого видно, какъ заблуждаются тѣ, которые смотрятъ на ученіе, содержимое въ настоящее время церковію, какъ на несообразное съ вѣрою первыхъ вѣковъ. Исторія открыто осуждаетъ всякую попытку разорвать связь церковнаго ученія съ ученіемъ Христа и апостоловъ. Пусть читаютъ Варнаву и Игнатія, чтобы убѣдиться, какія были вѣрованія перваго вѣка, какія начала положены были апостолами вслѣдъ за Христомъ и усвоены церковію съ ея, можно сказать, перваго дыханія. Легко, безъ сомнѣнія, основываясь на догадкахъ и произвольныхъ толкованіяхъ, создать между церковію и христіанствомъ оппозицію, болѣе или менѣе радикальную, легко представить ихъ двумя различными учрежденіями, изъ которыхъ одно будто бы восходитъ только ко второму или третьему вѣку; но какъ согласить эту систему съ свидѣтельствами, которые мы привели и изъ которыхъ мы убѣждаемся, съ крайнею очевидностію, что единство ученія господствовало въ церкви съ самаго ея начала.

И гдѣ найти, кромѣ того, такія вѣрныя доказательства, чтобы утверждать, какъ это дѣлають, что въ первомъ вѣкѣ были только церкви, а не церковь, и что раздѣленіе было уже между апостолами, точно также, какъ между ихъ непосредственными преемниками. Пусть они лучше посмотрятъ въ писанія отцовъ апостольскихъ и удостовѣрятся, что церковь, всегда вѣрная самой себѣ, только въ единствѣ могла найти основу своей силы и тайну своего преуспѣванія.

III.

Кто убѣжденъ, что церковь, въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ, не измѣнила своимъ началамъ, тотъ долженъ инстинктивно придти къ тому, чтобы предположить бытіе учительнаго авторитета, поставленнаго для того, чтобы удерживать вѣрующихъ въ неуклонномъ единеніи и согласіи съ однимъ общимъ символомъ. Никогда не понять дивнаго согласія между церковнымъ ученіемъ первыхъ вѣковъ съ ученіемъ, которое церковь преподаетъ теперь, если не допустить правила вѣры, назначеннаго предохранять вѣрныхъ отъ раскола и ереси; иначе надо предположить, что внѣ всѣхъ условійъ человѣческихъ и по непрестанному чуду Самъ Богъ взялъ на Себя заботу сохранять въ продолженіи девятнадцати вѣковъ цѣлость своего ученія. Но это значитъ оставлять чудо, чтобы найти его опять. Стоитъ хотя мало подумать объ этомъ серьезно и безпристрастно, чтобы не допустить, даже независимо отъ всякихъ доказательствъ, что Іисусъ Христосъ имѣлъ намѣреніе оставить на произволъ личнаго разума истолкованіе смысла и значенія откровенныхъ истинъ. Въ самомъ

дѣлъ какъ допустить, чтобы тотъ же разумъ, котораго нельзя постановить безусловнымъ судьей ученія Христа, былъ поставленъ его хранителемъ? Что стало бы съ нравственнымъ религіознымъ единствомъ, которое христіанство возстановило въ родѣ человѣческомъ, если бы самое начало этого единства, Вселенскій символъ, имѣло единственнымъ хранителемъ личный разумъ, вѣрный источникъ раздѣленія? Вообразимъ, что въ первое время христіанства каждый вѣрующій имѣлъ способность толковать писанія и исполнять по своему усмотрѣнію Евангельскія заповѣди: вообразимъ, что онъ въ дѣлѣ вѣры не признавалъ опредѣленій никакого авторитета. Что же произойдетъ? Каждый пастырь будетъ имѣть свою систему, каждый вѣрующій свою, потому одному, что каждый пастырь и каждый вѣрующій имѣютъ свой разумъ, подлежащій различнымъ влияніямъ, вращающійся въ противоположныхъ родахъ, и развившій свой особенный складъ понятій. Отсюда Евіониты и Гностики, Донеты и Керинѳіане. Кто виновать? Кто осудить однихъ и оправдаетъ другихъ? Кто противопоставитъ свой разумъ ихъ разуму? Кто уступитъ другому, что онъ лучше понимаетъ писанія, что онъ лучше вдохновенъ Духомъ Святымъ? Кто осмѣлится сказать: повѣрьте этому и бросьте это, здѣсь заблужденіе, тамъ истина? Никто. И вотъ мы низпали въ хаосъ системъ, противоположныхъ вѣрованій и мнѣній, хаосъ очень похожій на тотъ, въ которомъ находится въ послѣднее время языческій міръ. Что останется тогда изъ ученія Христа? Ничего, или очень мало. Оно будетъ обезображено, сглажено; о единствѣ нечего и думать. И это прекрасное слово св. Павла: *одинъ Господь, одна вѣра и одно крещеніе* — сдѣлается одною изъ самыхъ горькихъ насмѣшекъ.

Но въ чему вдаваться въ произвольныя гипотезы? Исторія, очевидные факты, неоспоримыя памятники доказываютъ намъ существованіе съ первыхъ вѣковъ учительнаго авторитета въ церкви. Таково наставленіе, которое мы можемъ извлечь изъ посланій святаго Игнатія. Что говорить, въ самомъ дѣлѣ, этотъ апостольскій отецъ Ефесянамъ, Тралліанамъ, Смирнянамъ, напоминая имъ о самыхъ основаніяхъ вѣры? Онъ повѣщаетъ имъ законъ, которому они должны подчиняться, чтобы сохранить эту вѣру и въ то же время предохранить себя отъ раскола и ереси. — „Какъ любовь не позволяетъ мнѣ молчать въ отношеніи къ вамъ, пишетъ онъ къ Ефесянамъ, то я и рѣшился убѣждать васъ, чтобъ вы сходились съ мыслию Божіею: ибо и Иисусъ Христосъ, общая наша жизнь, есть мысль Отца, какъ и епископы, поставленные по концамъ земли, находятся въ мысли Иисуса Христа“. Какъ Господь безъ Отца, по своему единенію съ Нимъ, ничего не дѣлалъ ни Самъ собою, ни чрезъ Апостоловъ: такъ и вы ничего не дѣлайте безъ епископа и пресвитеровъ. Не думайте, чтобы вышло что либо похвальное у васъ если будете дѣлать это сами по себѣ; но въ общемъ собраніи да будетъ у васъ одна молитва, одно прошеніе, одинъ умъ, одна надежда въ любви и радости непорочной“. (Къ Магнезіанамъ). — „Когда вы повинуетесь епископу (къ Тралліанамъ), какъ Иисусу Христу, тогда, мнѣ кажется вы живете не по человѣческому обычаю, а по образу Иисуса Христа, Который умеръ за васъ, чтобы вы, увѣровавъ въ смерть Его, избѣжали смерти. Посему необходимо, какъ вы и поступаете, ничего не дѣлать безъ епископа. Повинуйтесь также и пресвитерству, какъ Апостоламъ Иисуса Христа — надежды нашей, въ

которой дай Богъ жить намъ. И діаконамъ, служителямъ Тайнствъ Иисуса Христа, всѣ должны вслѣдствіе угождать, ибо они не служители яствъ и питей, но слуги Церкви Божіей. Всѣ почитайте діаконѡвъ, какъ заповѣдь Иисуса Христа, а епископа, какъ Иисуса Христа, Сына Отца, пресвитерѡвъ же, какъ Собраніе Божіе, какъ сонмъ Апостоловъ. Безъ нихъ нѣтъ церкви“. — Только та Евхаристія должна почитаться истинною — (къ Смирнянамъ) — которая совершается епископомъ или тѣмъ, кому онъ самъ предоставитъ это. Гдѣ будетъ епископъ, тамъ долженъ быть и народъ, такъ же какъ гдѣ Иисусъ Христосъ, тамъ и католическая церковь. Непозволительно безъ епископа ни крестить, ни совершать вечерю любви; напротивъ что одобрить онъ, то и Богу пріятно“.

Нельзя услышать ничего болѣе выразительнаго и точнаго о природѣ авторитета, существовавшаго съ самаго начала христіанства. Между тѣмъ послушаемъ, что говоритъ еще епископъ римскій, третій въ порядкѣ епископовъ римскихъ святой Климентъ, чтобы видѣть, какъ учительный авторитетъ церкви сохранялъ ея единство. Церковные историки тюбингенской школы считаютъ себя въ состояніи доказать, что существенная форма церкви не происходитъ ни отъ Христа, ни отъ апостоловъ, но, что учрежденіе, которое мы въ ней видимъ, организовалось только въ теченіи втораго вѣка и притомъ совершенно произвольно. Они полагаютъ, что могутъ доказать это, не заботясь о томъ, согласно это или нѣтъ съ первоначальными памятниками христіанства. Если же они видятъ, что нельзя умолчать о томъ или другомъ досадномъ авторѣ перваго и втораго вѣка или какомъ либо мѣстѣ ихъ тѣ-

реній, то безъ застѣнчивости заподозриваютъ подлинность ихъ твореній или отдаляютъ на нѣсколько сотъ лѣтъ эпоху ихъ составленія. Такимъ образомъ, пренебрегая самыми очевидными памятниками, самыми уважаемыми преданіями, они теряются въ пустыхъ теоріяхъ о первоначальномъ устройствѣ церкви. То они полагаютъ, что рядомъ съ первоначальною церковью, и богъ съ нею росли самыя разнообразныя элементы, между тѣмъ какъ сама она не имѣла определенной формы; то упорно доказываютъ, что въ первомъ вѣкѣ вѣрующіе находились въ полномъ равенствѣ, не имѣя среди себя папскаго авторитета; то полагаютъ, что различныя христіанскія общины управлялись въ своемъ началѣ сословіемъ священниковъ, изъ которыхъ каждый членъ владѣлъ равнымъ авторитетомъ. Высказывая такія различныя мнѣнія, ставя такія смѣлыя утвержденія, не подумаютъ о томъ, что въ вѣдрѣ самаго этого учрежденія существуетъ посланіе, относящееся къ первому вѣку, заключающее самыя подробныя наставленія объ устройствѣ церкви: это памятникъ важный тѣмъ болѣе, что многія христіанскія церкви читали его въ воскресные дни въ продолженіи вѣковъ и новѣйшая критика почти единодушно признала его подлинность. Между тѣмъ нельзя — лучше сдѣлать различія между священствомъ и мірянами, какъ это дѣлаетъ святой Климентъ, „первосвященнику, говоритъ онъ, дано свое служеніе, священникамъ назначено свое дѣло и на левитовъ возложены свои должности; мірской человѣкъ связанъ постановленіями для народа. Каждый изъ васъ благодари Бога за свое собственное положеніе, храня добрую совѣсть и съ благоговѣніемъ, не преступая опредѣленнаго правила служе-

нія своего⁴. Съ неменьшею ясностію онъ показываетъ, что епископство есть лишь преемство апостольское. „Апостолы были посланы проповѣдывать Евангеліе намъ отъ Господа Иисуса Христа, Иисусъ Христосъ отъ Бога. Христосъ былъ посланъ отъ Бога, а апостолы отъ Христа: то и другое было въ порядкѣ по волѣ Вожіей. И такъ, принявши повелѣніе, апостолы, совершенно убѣжденные чрезъ воскресеніе Господа нашего Иисуса Христа, и утвержденные въ вѣрѣ словомъ Вожіимъ, съ полнотою Духа Святаго пошли благовѣствовать наступающее царствіе Вожіе. Проповѣдуя по различнымъ странамъ и городамъ, они первѣнцевъ изъ вѣрующихъ по духовномъ испытаніи поставляли въ епископы и діаконы для будущихъ вѣрующихъ. И это не новое установленіе; ибо много вѣковъ прежде писано было о епископахъ и діаконахъ. Такъ говоритъ писаніе: поставлю епископовъ ихъ въ правдѣ и діаконѣ въ вѣрѣ (Исаіи LX, 17)⁴. Но и этого не довольно. „Апостолы наши знали, что будетъ раздоръ о епископскомъ достоинствѣ. По этой самой причинѣ они, получивши совершенное предвѣдніе, поставили вышеозначенныхъ служителей и потомъ присоветовали законъ, чтобы когда они почіють, другіе испытанные мужи принимали на себя ихъ служеніе. Такимъ образомъ духовная сила въ церкви никогда не оскудѣваетъ и единеніе ея съ первыми ея основателями продолжается безъ ослабленія и безъ перерыва.

И такъ вотъ какое было управленіе церкви въ самое первое время христіанскаго общества. Можно судить послѣ этого, какъ мало состоятельности у тѣхъ историковъ; которые стараются доказать, что въ первое время церкви не было точно опредѣленнаго устрой-

ства, никакой признанной дисциплины и что даже въ то время, когда начинаютъ обнаруживаться извѣстные учрежденія, невозможно съ точностію опредѣлить, въ чемъ состояли отправленія, присвоенныя или принадлежащія этимъ учрежденіямъ.

Въ самомъ дѣлѣ трудно сказать, гдѣ могли бы эти писатели заимствовать свое доказательство, чтобы поддержать съ полною достовѣрностію прочнаго убѣжденія, что въ началѣ церкви не было никакого раздѣленія между церковнымъ правительствомъ и обществомъ вѣрующихъ. Мы сейчасъ видѣли совершенно точное различіе, которое дѣлаетъ между ними святой Климентъ, и конечно мы не можемъ затрудняться въ выборѣ свидѣтеля, относительно факта современнаго святому Клименту, между Геттингенскимъ профессоромъ и этимъ славнымъ ученикомъ апостоловъ. Но, не говоря о свидѣтельствахъ писателя посланій къ Коринтянамъ, позволительно ли игнорировать тѣ многочисленныя доказательства, которыя доставляютъ намъ самыя дѣянія апостоловъ о существованіи съ первыхъ временъ христіанства правительственнаго церковнаго авторитета, безусловнаго и совершенно отличнаго отъ общества вѣрующихъ? Что избраніе первыхъ діаконовъ произведено съ народнаго совѣта, это справедливо; но кто поставилъ ихъ? По собственному выраженію дѣяній — апостолы. Когда появился протестъ противъ необходимости или бесполезности іудейскихъ обрядовъ для христіанъ, къ кому обращаются за рѣшеніемъ по этому дѣлу? Къ апостоламъ и старцамъ или пресвитерамъ. Доказательства сами собой тѣснятся подъ перо, но мы оставляемъ ихъ. Пусть прочитаютъ Дѣянія Апостоловъ, чтобы убѣдиться, какъ имъ избѣжать прискорбнаго за-

блужденія относительно учрежденія первоначальной церкви. Кажется одно слово апостола Павла могло-бы предохранить ихъ отъ этого заблужденія. Въ самомъ дѣлѣ, не говоритъ ли онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, въ своемъ посланіи къ Фессалоникійцамъ: просимъ васъ, братія, уважать трудящихся у васъ и предстоятелей вашихъ въ Господѣ и вразумляющихъ васъ и почитать ихъ преимущественно съ любовію за дѣло ихъ (V, 12, 13). Такимъ образомъ Дѣянія Апостоловъ уже провозглашаютъ существованіе въ церкви этого авторитета, который не распространяетъ въ народѣ, но сосредоточенъ исключительно въ сословіи пастырей. Святой Климентъ сообщилъ подробности его организаціи въ посланіи къ Коринтянамъ. Какого болѣе достовѣрнаго и болѣе авторитетнаго указанія о правленіи первоначальной церкви мы можемъ требовать кромѣ того, которое сообщаетъ намъ этотъ святой отецъ? Гдѣ найти свидѣтельство въ одно и тоже время болѣе ясное, добросовѣстное и почтенное? Невозможно опровергнуть факты, которые оно сообщаетъ, не колебля и не отрицая въ тоже время всей исторической достовѣрности. Кромѣ того нужно замѣтить, что свидѣтельство святого Климента, столь замѣчательное само по себѣ, подтверждается всѣмъ тѣмъ, что сообщаетъ намъ гражданская исторія о первыхъ вѣкахъ. Въ самомъ дѣлѣ мы не имѣемъ недостатка въ доказательствахъ того, что, въ продолженіи двухъ первыхъ вѣковъ, епископъ повсюду былъ дѣйствительно главою своей церкви, имѣя въ своемъ распоряженіи священниковъ, и что всѣ христіанскія церкви имѣли однообразную организацію. Но можно судить, когда дѣло идетъ о подобныхъ фактахъ, много ли значать отрывочныя данныя общей исторіи, сравни-

тельно съ такими точными наставленіями, какія мы находимъ въ писаніяхъ апостольскихъ мужей? Поэтому можно опредѣлить, какого они достоинства и въ какой степени справедливо и благоразумно брать отцевъ апостольскихъ за руководителей въ изученіи начала христіанства. Съ св. Варнавою и св. Игнатіемъ, мы показали, какое было ученіе, исповѣдуемое церковію въ первомъ вѣкѣ. Съ святымъ Климентомъ и св. Игнатіемъ мы видѣли организацію церкви, устроенной по плану Самаго Іисуса Христа, и главные черты ея первоначальнаго учрежденія.

Одни изъ этихъ отцовъ показали намъ торжество христіанскихъ идей въ единствѣ ученія, другіе въ единствѣ управленія; всѣ вмѣстѣ они убѣждаютъ насъ въ истинѣ того великаго факта, такъ часто оспариваемаго и столь важнаго, что необходимыя условія непрерывности вѣры были въ началѣ церкви безусловно тѣ же, что и въ настоящее время.

(Окончаніе будетъ).

МАТЕРИАЛИЗМЪ БЮХНЕРА.

(Продолженіе)

На дѣлимость матеріи обыкновенно смотрять атомисты, какъ на главнѣйшее основаніе для принятія бытія атомовъ. Но дѣлимость матеріи, сама въ себѣ разсматриваемая, можетъ-ли простирается въ безконечность, или же въ существѣ самой матеріи лежитъ ограниченіе этой дѣлимости, т. е. существуетъ ли вообще атомъ, или нѣтъ, — объ атомѣ, говоритъ Эттингсгаузенъ, ни непосредственный опытъ, ни теорія, на точномъ опытѣ обоснованная, не даютъ никакого рѣшенія, и все, что объ атомѣ съ разныхъ сторонъ было высказано, основывается на простой гипотезѣ (1). Для объясненія же самой дѣлимости матеріи достаточно, говоритъ тотъ же Эттингсгаузенъ, простаго, несомнѣннаго положенія, что тѣла состоятъ изъ частей, которыя, будучи отдѣльно взяты, по причинѣ своей малости, ускользають совершенно отъ нашего чувственнаго воспріятія (2). Противъ этихъ положеній Эттингсгаузена едвали что-нибудь

(1) Ueber die neuere Atomenlehre und Verhältniss zur Philosophie und Naturwissenschaft, J. H. Fichte, Ss. 35—36.

(2) Ibid. S. 35; ср. A. Weber, а. а. о. S. 15.

могут возразить физика и химія. Физика, какъ бы далеко ни простиралось дѣленіе ея матеріи, благодаря могущественнѣйшимъ микроскопамъ нашего времени, никогда фактически не достигала и недостигнетъ, конечно, никогда до атомовъ—частицъ абсолютно—простыхъ и недѣлимыхъ, въ чемъ искренно былъ убѣжденъ нѣкогда и Бюхнеръ ⁽¹⁾; крайній и благоразумный выводъ умозаключенія, дѣлаемый ею въ этомъ случаѣ, можетъ быть именно только тотъ, какой дѣлаетъ и Эттингсгаузенъ, что тѣла состоятъ изъ частей, вовсе не опредѣляя, какой видъ принимаетъ эта раздѣльность въ своей послѣдней инстанціи; но во всякомъ случаѣ она, на основаніи всѣхъ точныхъ опытовъ и существующихъ законовъ механики, не можетъ допустить первоначальнаго раздѣленія матеріи въ видѣ атомовъ, изъ которыхъ бы она впоследствии, путемъ механическаго сдѣвленія ихъ, приняла свой настоящій видъ ⁽²⁾. Опыты химіи относительно дѣлимости матеріи точнѣе опытовъ физики, но за то они съ большею точностію и рѣшительностію говорятъ противъ Левкиппо-Демокритовской атомистики Бюхнера, какъ и вообще противъ неразумныхъ приверженцевъ ея. Химіи удалось доселѣ открыть (по Грагаму и Отто) 61 простыхъ, элементарныхъ тѣлъ ⁽³⁾. Мы не выводимъ отсюда заключеній, какъ не выводять ихъ и химія, чтобы число этихъ, доселѣ извѣст-

⁽¹⁾ Force et Matière, p. 25.

⁽²⁾ Du Materialisme au point de vue des sciences naturelles et des progrès de l'esprit humain, par A. Neth. Böhner, traduit de l'Allemand par O. Bourrit, Genève, 1861 an., p. 343.

⁽³⁾ Въ настоящее время указанное нами число химически-простыхъ элементарныхъ тѣлъ увеличилось уже открытіями Бунзена и Кирхгофа, а также Крукса, открывшихъ нѣсколько новыхъ щелочныхъ металловъ, кромѣ извѣстныхъ доселѣ.

ныхъ химіи, простыхъ тѣлъ, съ усовершенствованіемъ химическаго анализа и вспомогательныхъ средствъ для этого, особенно при посредствѣ такъ называемаго спектральнаго анализа, не увеличилось открытіемъ новыхъ, — какъ оно и дѣйствительно увеличилось, — и чтобы въ самыхъ, называемыхъ доселѣ *простыми*, элементарныхъ тѣлахъ химіи не удалось открыть еще болѣе простыхъ, составныя частицы ихъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи этихъ давныхъ химіи, заключать къ бытію атома было бы еще болѣе поспѣшно и неосновательно, чѣмъ на основаніи дѣлимости матеріи въ физикѣ. И химія, точно также какъ и физика, положительно исключаетъ всякую возможность бытія отдѣльнаго атома, въ свободномъ состояніи существующаго *отъ себя и но себя*, какъ чего-то самодвижущагося и самодѣятельнаго (1); другими словами: атомовъ въ собственномъ смыслѣ слова не существуетъ, а существуютъ только *молекулы* — элементарныя частицы матеріи, видимыя нами подъ микроскопомъ; бытіе первыхъ, слѣдовательно, есть пустое представленіе, фикція. Такимъ образомъ, приведенное нами мнѣніе Эттингсгаузена относительно объясненія дѣлимости матеріи остается во всей силѣ и непреложности. Другой ученый, берлинскій физикъ и математикъ Фишеръ, совершенно отвергая также, подобно Эттингсгаузену, ученіе объ атомахъ съ притягательною и отталкивающею силами, показываетъ и самый источникъ заблужденія. Все представленіе объ атомахъ, по его мнѣнію, основывается единственно на одностороннемъ понятіи *экстенсивной* величины, между тѣмъ какъ наполненіе пространства и специфическая

(1) Lehrbuch der organischen Chemie, A. Kekulé, Erlangen, 1858. S. 97.

плотность тѣлъ можетъ быть объяснена только наъ понятія *интенсивной*, т. е. на качественномъ различіи, равно присущемъ самымъ малѣйшимъ частицамъ основывающейся величины. Уже одно то, говоритъ Фишеръ, само по себѣ неразрѣшимое противорѣчіе, уничтожающее до основанія атомистическую гипотезу, что двѣ противоположныя силы должны существовать въ одной и той же вещи (1). На это послѣднее обстоятельство противники атомистики удариютъ съ особенною силою и совершенно справедливо (2). Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ представить себѣ, безъ явнаго противорѣчія, бытіе такихъ атомовъ, которые одарены двумя взаимно противоположными, взаимно уничтожающими другъ друга силами? Что значитъ собственно: атомъ имѣетъ силы и еще противоположно дѣйствующія? Находятся ли онѣ въ немъ постоянно, какъ *qualitates occultae* подлѣ другъ друга, или же атомъ произвольно возбуждаетъ въ себѣ то одну, то другую, смотря потому—тѣло, которому принадлежитъ атомъ, приходитъ въ твердое или жидкое состояніе? Что такое попеременно возбуждаетъ эти силы въ атомѣ, такъ что то одна, то другая получаетъ перевѣсъ въ немъ? Наконецъ, какъ вообще онѣ могутъ дѣйствовать *онъ и между* атомами, хотя онѣ въ тоже время неразрывно соединены съ ними? Разрѣшая эти вопросы, атомисты, для спасенія своей гипотезы, должны строить гипотезу на гипотезѣ, и тѣмъ не менѣе къ рѣшенію проблемы они не придвинутся ни на одинъ шагъ. Неразрѣшимое противорѣчіе—бытіе и дѣятельность двухъ диаметрально

(1) Ueber die neuere Atomenlehre und ihr Verhältniss zur Philosophie und Naturwissenschaft, J. H. Fichte, S. 41.

(2) Ibid. S. 32—36

противоположныхъ силъ въ одномъ и томъ же субстратѣ остается во всей своей силѣ и дѣлаетъ совершенно немислимымъ не только бытіе, но и самое представленіе атома. Но сколько также неразрѣшимыхъ, метафизическихъ и логическихъ трудностей и противорѣчій, грозящихъ испровергнуть всю атомистическую гипотезу, заключаетъ въ себѣ, по сознанию самихъ приверженцевъ ея, самое понятіе атома, какъ частицы матеріи абсолютно-простой, совершенно невоспринимаемой для чувствъ, одаренной двумя противоположными силами и пр., если мы сопоставимъ его съ понятіями науки о матеріи вообще. Въ понятіи атома не уничтожается ли понятіе матеріи и одно изъ нихъ не служитъ ли отрицаніемъ другаго (1)? Наконецъ, если большинствомъ естествоиспытателей и утверждается вообще за матерію неизмѣняемость и атомы—мнимый субстратъ ея признаются также „неуклонно твердыми точками для построения системы явленій“, т. е. неизмѣяемыми, то съ расширеніемъ анализа физико-химическихъ явленій оказывается болѣе и болѣе признаковъ и поводовъ—допустить, какъ говоритъ Лотце, „поступательное внутреннее развитіе атомовъ“ или, что-тоже, измѣняемость ихъ (2).—А въ такомъ случаѣ можетъ ли быть опять и рѣчь объ атомѣ, какъ о чемъ-то дѣйствительно существующемъ. При такомъ взглядѣ бытіе его, какъ справедливо замѣчаетъ Розенкранцъ, опять становится совершеннѣйшей фикціей, падаетъ въ область миеовъ; не то хотимъ сказать этимъ, говоритъ Розенкранцъ, чтобы матерія не доходила въ своемъ дѣленіи до извѣстнаго *minimum*'а, которое можно назвать атомомъ;

(1) Ulrich, а. а. о. Ss. 331—333.

(2) Lötze, *Mikrokosmos* etc. 1856, 1, Ss. 33, 43.

но очень можетъ быть, что оно идетъ еще далѣе, — именно до отрицанія самаго minimum'a не чрезъ его уничтоженіе (Vernichtung), — что невозможно, — но чрезъ его измѣненіе или превращеніе (Verwandlung) ('). Представленныхъ нами данныхъ, полагаемъ, достаточно, чтобы мы могли теперь смѣло и не обвинуясь дать положительный отвѣтъ на вопросъ: имѣеть ли дѣйствительно какія нибудь права современная наука естественная провозгласить, въ слѣдъ за Бюхнеромъ, объ атомѣ, какъ о положительномъ, неподлежащемъ никакому сомнѣнію, *открытіи* своихъ точныхъ изслѣдованій? Очевидно, не имѣеть и даже не можетъ никогда имѣть; мнимое божество Бюхнера — атомъ остается и доселѣ въ области физико-химическихъ теорій такимъ же произвольнымъ, спекулятивнымъ предположеніемъ; каковымъ былъ онъ и для Демокрита или Эпикура. Утверждая это послѣднее, мы отнюдь, само собою разумѣется, не признаемъ за атомистическою гипотезою того неоспоримаго, почетнаго значенія въ наукѣ, какое придается ей большинствомъ современныхъ физиковъ и химиковъ, и которое на почвѣ матеріализма становится источникомъ самыхъ крайнихъ заблужденій. Большинство физиковъ и химиковъ возлагаютъ на атомистическую гипотезу самыя капитальныя научныя надежды, какъ на теорію, въ самомъ основаніи будто бы объясняющую всѣ доселѣ необъяснимыя явленія физико-химическія, какъ напр. явленія свѣта, теплоты, электричества, магнетизма въ физикѣ, кристаллизаціи въ минералогіи, или законъ химическихъ пропорцій и явленіе

(') Der deutsche Materialismus und die Theologie, Dr. Rosenkranz, S. 250 (Zeitschrift für Wissenschaftliche Theologie, herausg. A. Hilgenfeld, 1864. 3 Hef.).

изомеризма и изоморфизма въ химіи. Въ дѣтствѣ науки, во времена Демокрита или Эпикура, можно было еще, пожалуй, питать надежды проникнуть такъ легко до самой первоосновы, сущности вещей. Но теперь едва ли можете питать подобныя надежды сколько-нибудь провидцательный и безпристрастный естествоиспытатель. Самое соблазнительное и увлекательное въ атомистикѣ—это есть, конечно, та наглядность и кажущаяся математическая опредѣленность, съ какими она представляеть самые сложные, повидимому, и непроницаемые для наблюденія физико-химическіе процессы. Атомистика не останавливаетъ нашего вниманія на одной *видимой* сторонѣ предмета; она ведетъ насъ въ самые тайники природы и тамъ наглядно представляеть намъ, что происходитъ во-время сложенія и разложенія тѣлъ, что такое дѣлается въ химическомъ процессѣ, какъ тутъ атомы располагаются другъ послѣ друга, чѣмъ отличаются органическія комбинаціи отъ неорганическихъ и пр.; даже такое, повидимому, сложное и загадочное явленіе, какъ зрѣніе и свѣтъ, она объясняетъ самымъ простымъ и нагляднымъ образомъ, трактуя именно, какъ движутся атомы эфира, когда происходитъ свѣтъ, когда онъ преломляется, разлагается на различныя цвѣта и пр. Все и всюду представляется такъ просто и наглядно, что, кажется, если бы какой-нибудь микроскопъ сдѣлалъ видимыми для нашего глаза самые атомы матеріи, то мы могли бы созерцать лицомъ къ лицу всѣ доселѣ неразгаданныя явленія міра. Но именно въ этой-то кажущейся простотѣ и мнимой очевидности объясненія и заключается дѣйствительная фиктивность атомистической гипотезы. На самомъ дѣлѣ, при болѣе строгомъ и внимательномъ анализѣ его, оказывается, что

и въ физикѣ, равно какъ и въ химіи, атомистическая гипотеза въ объясненіи разныхъ явленій не простирается далѣе *механической стороны* ихъ, т. е. количественныхъ и пространственныхъ отношеній элементарныхъ частицъ матеріи между собою и къ другимъ тѣламъ; *качественная же* сторона ихъ остается совершенно необъяснимою, непроницаемою для нея ⁽¹⁾. Даже такое явленіе, которое, по представленію большинства современныхъ химиковъ, составляетъ самое капитальное основаніе для принятія атомовъ, — разумѣемъ законъ химическихъ пропорцій, — оказывается совершенно объяснимымъ съ гораздо большею основательностію и законченностію помимо всякихъ атомовъ ⁽²⁾. Неудивительно послѣ сего, если со стороны болѣе строгихъ представителей самой естественной науки слышится недовѣріе даже и къ простому физико-химическому значенію атомистической гипотезы ⁽³⁾. И во всякомъ случаѣ, если атомистическая гипотеза и удерживается еще естественными науками, то удерживается, повторяемъ, какъ неизбѣжная и незамѣнимая доколѣ фикція или средство — дать по возможности простое и по крайней мѣрѣ не прямо противорѣчащее основнымъ даннымъ физики и химіи представленіе, въ которомъ бы можно было обнять и объяснить множество однородныхъ явленій, — и удерживается при томъ совершенно не въ томъ видѣ и значеніи, какія придаетъ ей Вюхнеръ и его единомышленники; это стараются выставить на видъ сами приверженцы атомистической гипотезы, доказывая, что

(1) Ulrich, a. a. o. Ss. 76—84.

(2) Ueber die neuere Atomenlehre und ihr Verhältniss zur Philosophie und Naturwissenschaft, S. 40—42.

(3) Ibid. Ss. 40—42, 43, 44.

ихъ атомизмъ не имѣеть ничего общаго съ атомизмомъ Бюхнера, кромѣ одного имени (1).

Такимъ образомъ, самая основа материалистической системы Бюхнера рушится совершенно, — и при томъ рушится ноюъ ударами самой точной науки естественной, на которую Бюхнеръ болѣе всего возлагалъ всѣ свои надежды. Божество Бюхнера—атомъ, о которомъ онъ провозгласилъ, какъ о славномъ открытїи нашего времени, которому все, по его мнѣнїю, обязано своимъ бытїемъ, на самомъ дѣлѣ долженъ быть изгнанъ изъ предѣловъ даже физико-химической науки чрезъ судебскїй приговоръ этой же самой науки. На его мѣсто всюду, — и въ физикѣ, и въ химїи и др. съ болѣею справедливостїю и основательностїю можетъ быть поставленъ принципъ *качественной динамики*, который не только не стоитъ въ противорѣчїи съ данными эмпирическаго изслѣдованїа, напротивъ прямо по простотѣ своихъ объясненїй рекомендуется имъ.

Но если механическїй атомизмъ Бюхнера, въ смыслѣ физической теорїи, здравая, точная наука естественная должна признать крайне неудовлетворительнымъ, имѣющимъ очень ограниченное значенїе и во всякомъ случаѣ во-все не такое, какое думаетъ утвердить за нимъ Бюхнеръ, то еще болѣе въ смыслѣ метафизическомъ эту теорїю, чрезъ которую пытается Бюхнеръ объяснить все въ мїрѣ единственно изъ одной матерїи и силы, какъ ея свойства, и такимъ образомъ поставить матерїю метафизическимъ началомъ и первоосновою всего окружающаго насъ мїра явленїй, и здравая философія и точ-

(1) Du materialisme au point de vue des sciences naturelles et des progrès de l'esprit humain, par Nath. Böhner, с. v, pp. 338—344.

ная наука естественная должны отвергнуть, какъ совершенную ложь, заблужденіе.

Поставляя атомъ или вообще матерію, какъ метафизическое начало и первооснову для объясненія всѣхъ вещей и явленій міра, Бюхнеръ, очевидно, раздѣляетъ или еще болѣе—усиливается, на ряду со всѣми другими матеріалистами, подтвердить то общераспространенное заблужденіе, что матерія есть вещь наиболѣе для насъ ясная и понятная, есть нѣчто безусловно данное, существующее независимо отъ познанія субъекта, слѣдовательно какъ вещь, говоря философскимъ языкомъ, въ себѣ, изъясняющаяся сама изъ себя и по себѣ. Бюхнеръ совершенно успокаиваетъ насъ относительно полной справедливости этихъ предположеній, утверждая, что въ окружающемъ насъ мірѣ дѣйствительно существуетъ только *матерія и сила*, какъ ея свойство, что все видимое нами безконечное разнообразіе и неисчерпаемое богатство его явленій—прекрасныхъ формъ, цвѣтовъ, блесковъ, тѣней, съ ихъ безконечными переживаниями и разнообразною игрой, есть только механическая игра элементарныхъ частицъ или атомовъ этой матеріи, что надобно брать вещи такъ, какъ онѣ существуютъ,—разсматривать ихъ совершенно независимо отъ вмѣшательства какой-нибудь силы, существующей внѣ вещей (1). Словомъ, по Бюхнеру, выходитъ, что нѣтъ ничего дѣйствительнѣе и существеннѣе, нѣтъ ничего яснѣе и понятнѣе для насъ матеріи. Но гдѣ же, спросимъ прежде всего Бюхнера, эта матерія? Пусть онъ укажетъ ее намъ при помощи одного своего принципа познания—чувственнаго воспріятія?

(1) Force et Matière, p. IX, 1—8.

Матерія, по общему представленію и представленію самаго Бюхнера, есть всеобщій субстратъ видимыхъ вещей,—то, изъ чего состоятъ вещи, единое, общее всѣмъ имъ; тутъ, скажетъ намъ Бюхнеръ, и должно искать матеріи наше внѣшнее чувство. Но внѣшнія чувства представляютъ намъ матеріальные предметы въ безконечномъ разнообразіи; нѣтъ двухъ предметовъ, совершенно равныхъ между собою. Та или другая разность—въ пространственной ли формѣ или положеніи, или со стороны качественной,—непремѣнно существуетъ между ними. Если мы это безконечное разнообразіе формъ и качественныхъ явленій между вещественными предметами будемъ сводить къ единству, съ цѣлію отыскать въ нихъ общее всѣмъ имъ, ихъ сущность, основу, то этимъ общимъ, по отношенію къ *нашему чувству зрѣнія*, будетъ протяженіе и цвѣтъ. Безъ протяженія и цвѣта мы не можемъ видѣть вещи, и съ другой стороны—различіе ея пространственной формы и цвѣта образуетъ характеристическіе признаки, по которымъ мы различаемъ видимыя вещи. Разломимъ или разрѣжемъ вещь, если мы хотимъ проникнуть далѣе внѣшней ея оболочки,—мы увидимъ что-нибудь новое въ ней, но это новое для нашего глаза опять въ сущности будетъ только или протяженіе, или цвѣтъ. Но что же такое протяженіе и цвѣтъ? Есть ли это вещь въ себѣ или матерія, какъ понимаютъ ее матеріалисты? И протяженіе и цвѣтъ суть только образы явленія вещи нашему внѣшнему чувству—зрѣнію, а отнюдь не есть вещь въ себѣ, и слѣдовательно ни въ томъ, ни другомъ случаѣ мы не видимъ и не можемъ предполагать матеріи, которая, по ученію матеріализма, есть вещь въ себѣ и должна быть по преимуществу вещію, поколику составляетъ

основаніе и сущность всѣхъ другихъ вещей. Также безуспѣшно будетъ наше изслѣдованіе о матеріи, какъ вещи въ себѣ, и при помощи другихъ чувствъ. Всѣ онѣ представляютъ намъ вещь только въ ея явленіи, какъ она относится къ нашей чувствительности, а не то, что она есть сама въ себѣ. Мы называемъ вещи кислыми или сладкими, мягкими или твердыми, съ приятнымъ запахомъ или неприятнымъ и пр., но все это, очевидно, не матерія, какъ вещь въ себѣ, а только ея явленіе. Такимъ образомъ путемъ простаго наблюденія, при помощи внѣшнихъ чувствъ, мы не можемъ дойти до матеріи,—не можемъ тѣмъ болѣе, что даже въ предѣлахъ обыкновеннаго нашего чувственного наблюденія совершается непрерывное движеніе или, по отношенію къ царству органическому, жизненный коловоротъ вещей, т. е. происходитъ постоянное взаимодѣйствіе элементовъ, смѣна однихъ другими. При такомъ положеніи дѣла объекты нашего чувственного воспріятія, какъ протяженіе или цвѣтъ для зрѣнія, твердость или жидкость для осязанія, кислота или сладость для вкуса и пр., — становятся, очевидно, еще болѣе условными и относительными, тѣмъ болѣе не могутъ быть выраженіемъ матеріи, какъ вещи въ себѣ; ее нужно искать другимъ путемъ.

Можетъ быть, на помощь нашему чувственному воспріятію явится точная наука—химія, которая, посредствомъ своего анализа, изслѣдуетъ элементы, лежащіе въ самой основѣ явленій, и такимъ образомъ можетъ указать намъ искомую нами матерію, какъ вещь въ себѣ? Въ самомъ дѣлѣ химія путемъ своего анализа достигла, повидимому, до такихъ границъ, гдѣ она должна стать предъ матерією лицомъ въ лицу; она называетъ намъ

известное число материальных элементов — коковы: кислородъ, азотъ, углеродъ, фосфоръ, сѣра и т. дал., какъ основные элементы матеріи, которые уже не могутъ быть болѣе разложены на простѣйшіе. Тѣмъ не менѣе могутъ ли указать материалисты на эти химическіе элементы матеріи и сказать намъ: „вотъ матерія, какъ вещь въ себѣ“! — Могли бы они сказать это, если бы эти основные химическіе элементы матеріи отличались чѣмъ-либо отъ другихъ объектовъ чувственного воспріятія, если бы они также не представляли опять чувственному воспріятію только известныхъ формъ явленія матеріи — протяженіе, цвѣтъ, вкусъ и пр., если бы они, однимъ словомъ, представляли намъ нѣчто *единичное* и *основное*, общее всѣмъ чѣмъ и независимое отъ нашей чувствительности, что можно было бы назвать „матеріею“, вещью въ себѣ. Но даетъ ли намъ право на это указаніе химическій анализъ? Нѣтъ. Матерія опять, слѣдовательно, остается неизвѣстнымъ, искомымъ *икс*.

Итакъ, гдѣ же матерія? Отыскивая ее путемъ чувственного воспріятія, которое, по ученію Вюхнера, воспринимаетъ вещь въ себѣ, мы въ основныхъ химическихъ элементахъ достигли самыхъ границъ точной науки и, какъ нѣкогда говорилъ Лапласъ: „я изслѣдовалъ всюду небо, и нигдѣ не нашелъ слѣда Божія“, — что нисколько не удивительно, такъ какъ великій астрономъ искалъ Бога вовсе не тамъ, гдѣ слѣдовало, — въ настоящемъ случаѣ мы съ полнымъ правомъ можемъ также сказать: мы изслѣдовали всю область чувственныхъ явленій и нигдѣ не нашли матеріи. И это совершенно въ порядкѣ вещей, котораго только материалисты не хотятъ знать. Матерія вовсе не есть нѣчто готовое, данное, безусловно существующее въ мірѣ, какъ вещь

въ себѣ, а есть, какъ показалъ Шюенгауеръ, только *понятіе*, имѣющее значеніе для разсудка, мыслящаго по закону причинности и для воззрѣнія, пространственно созерцающаго (1). Не то хотимъ сказать этимъ, чтобы матерія была въ самомъ дѣлѣ однимъ пустымъ представленіемъ и чтобы въ основаніи вещей не лежало чего-либо независимаго, реальнаго, являющагося въ явленіяхъ, но что это независимое, реальное, являющееся существуетъ, какъ вещь въ себѣ, только для нашего ума, разумнаго духа, хотя и онъ не можетъ разгадать, что такое это независимое, реальное—матерія, какъ вещь въ себѣ. Такимъ образомъ не духъ предполагаетъ матерію, какъ учитъ Бюхнеръ, и имѣетъ ее, какъ метафизическое начало бытія своего, но матерія, наоборотъ, предполагаетъ духъ и въ немъ и для него только есть вещь въ себѣ (2). Можно судить послѣ всего этого, какова твердость матеріалистическаго начала Бюхнера, исходнаго пункта его философствованія. Бюхнеръ воображаетъ, что, поставивъ атомъ или вообще матерію съ ея силами, какъ метафизическое начало, онъ имѣетъ дѣло исключительно съ однимъ веществомъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ не простирается далѣе субъекта, представляющаго матерію, глаза, который видитъ ее, руки, которая ощущаетъ ее, разсудка, который познаетъ ее. Въ этомъ отношеніи Бюхнеръ, какъ и каждый матеріалистъ, похожъ, скажемъ словами Фрауэнштедта на барона Мюнхгаузена, который, плавая верхомъ на лошади въ водѣ, тянетъ ее вверхъ въ то же самое время, какъ самъ держится за ея шею (3). Объяс-

(1) Несостоятельность матеріализма („Труды вѣнской духовной академіи“, 1864 г., июнь), стр. 198.

(2) Kritik des Materialismus, R. Schelwein, S. 21, 26.

(3) Несостоятельность матеріализма, стр. 206.

снять вещи из матеріи, и притомъ надѣленной силами,— значить объяснять ихъ тѣмъ, что существуетъ только для познающаго субъекта и чего нельзя доказать, существуетъ ли оно въ себѣ именно такъ, какъ мы представляемъ его. Духъ, который матеріализмъ выводитъ изъ объективной природы, есть, напротивъ, основное условіе ея; міръ только для нашего сознанія, для нашего „я“, существуетъ такимъ, какимъ мы его представляемъ. Имѣй человечество другую голову — говоритъ Фраунштедтъ, съ другими приемами представленій, тогда перемѣнилось бы и все міросозерцаніе (1). Другими словами: смыслъ внѣшнихъ явленій и субстратъ ихъ — матерія съ ея силами могутъ быть разгаданы только изъ отъривленій нашего ощущенія и сознанія, только во взаимодѣйствіи ихъ съ разумнымъ духомъ. Можетъ быть нигдѣ философія не противорѣчитъ такъ общему представленію, но въ то же время нигдѣ не имѣетъ за собою такъой безспорной истины, какъ именно при разобраніи этого вопроса, — вопроса объ основаніи и условіяхъ бытія и познанія міра явленій. Совершенно справедливо говоритъ Бюхнеръ, что нѣтъ силы безъ матеріи и матеріи безъ силы, но при этомъ онъ забываетъ, что объ онъ, какъ абстракціи отъ дѣйствительнаго порядка вещей, не существуютъ безъ познающаго субъекта, и что поему объ суть нѣчто *сторичное* по отношенію къ нему; стало быть Бюхнеръ поступилъ бы гораздо рациональнѣе, какъ справедливо замѣчаетъ даже не Фраунштедтъ, еслибы въ смысловомъ положеніи матеріи если верховенствіи „всякаго бытія“ „есть“ перемѣнливая *идея* (2).

(1) Несостоятельность матеріализма, стр. 209.

(2) Ibid., стр. 208.

Но если, такимъ образомъ, вообще попытка Бюхнера—объяснить матерію единственно самою же матерію оказывается совершенно несостоятельною предъ судомъ здраваго философствующаго разума, то, частіе опредѣляя съ точностію значеніе самой дѣятельности матеріи въ явленіяхъ космической жизни, ни тотъ же опять здравый философствующій разумъ, ни точная наука естественная еще болѣе не могутъ, не выходя изъ предѣловъ благоразумія и осторожности, признать матерію основнымъ метафизическимъ принципомъ для объясненія міра явленій. Что матерія есть нѣчто дѣйствительно существующее, хотя и неизвѣстное въ своей сущности для насъ, и въ происхожденіи, развитіи космическихъ явленій принимаетъ свою долю участія—фактъ, спорить противъ котораго нельзя. Равно неоспоримо и то, что механическій принципъ мировоззрѣнія, на которомъ исключительно утверждается матеріализмъ Бюхнера, въ должныхъ границахъ не лишенъ истины и пригодности во многихъ отношеніяхъ, и ему-то естественныя науки нашего времени, особенно оптика и астрономія, во многомъ обязаны, какъ извѣстно, прекраснѣйшими результатами своихъ изслѣдованій. Отсюда и пресловутая, тривиальная, какъ называетъ самъ Бюхнеръ, аксіома его: „нѣтъ силы безъ матеріи и матеріи безъ силы“ ничего не говоритъ сама по себѣ ни *за*, ни *противъ* матеріализма. Все зависитъ отъ того: какое значеніе имѣетъ вообще матерія и дѣятельность ея элементовъ для науки въ изслѣдованіи общей космической жизни,—то ли, какое даетъ Бюхнеръ, или иное? Рѣшеніемъ этого вопроса опредѣлятся тѣ границы, далѣе которыхъ простой механизмъ отношеній матеріальныхъ элементовъ, а съ нимъ и все вообще механическое

мировоззрѣніе, возводимое Бюхнеромъ въ метафизическій принципъ, не могутъ переходить.

Съ особенною ясностію выдаются два пункта, которыми положительнымъ и неизмѣннымъ образомъ ограничивается кругъ дѣятельности матеріальныхъ элементовъ, и въ предѣлахъ которыхъ они могутъ имѣть полное значеніе и приложение въ наукѣ и принести ей существенную пользу для ея изслѣдованій. Первый изъ нихъ состоитъ въ томъ, что какъ бы ни была велика и обширна сфера дѣятельности матеріальныхъ элементовъ и цѣлыхъ массъ въ причинной связи космическихъ явленій между собою, тѣмъ не менѣе эта дѣятельность ихъ находитъ свои опредѣленные границы въ томъ, что она никогда не можетъ простираться далѣе и выше *механическихъ отношеній* самихъ же элементовъ и цѣлыхъ массъ между собою. Матеріальные элементы соединяются и раздѣляются взаимно, гдѣ позволяютъ это обстоятельства и вызываютъ на то различныя механическія и физико-химическія силы, или иная высшая разумная сила, вступаютъ во взаимныя отношенія другъ къ другу и пр. но дѣятельности *синтетической, организирующей*, т. е. совокупающей частное и обособленное въ одно стройное цѣлое, въ неорганическую и тѣмъ болѣе органическую систему, — такой дѣятельности или силы матерія сама въ себѣ не имѣетъ. И если она иногда, какъ напр. въ кристаллѣ, становится продуктомъ, представляетъ нѣчто систематически-цѣлое, то къ ея механическимъ отношеніямъ непременно приходится силы организирующія, доселѣ, впрочемъ, неразгаданныя натуралистами (1). Точно также мы очень хорошо мо-

(1) Die neueste Vergötterung des Stoffe. A. Weber, S. 9.

жемъ понять стройнее движеніе нашей солнечной системы, послѣ того какъ уже каждому мировому тѣлу развѣ навсегда назначено опредѣленное положеніе въ средѣ другихъ свѣтилъ и направленіе его движенія; но начало, первичное основаніе этой системы небесныхъ свѣтилъ, — системы, основывающейся на строго опредѣленныхъ, математическихъ взаимныхъ отношеніяхъ и связи отдѣльныхъ ея членовъ, никогда никакой здраво и основательно мыслящій астрономъ не сочтетъ возможнымъ возводить къ одной *механической, случайной дѣятельности* самой матеріи. Однимъ словомъ: принципа органическаго развитія матеріи не имѣетъ сама въ себѣ; ея дѣятельность не восходитъ далѣе механизма въ простыхъ и первоначальныхъ его формахъ, но и здѣсь подѣ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ей данъ былъ *толчекъ, движеніе* ⁽¹⁾. Матерія есть послушная, но слѣпая раба тамъ, гдѣ ей указанъ путь ея дѣятельности; но чтобы предназначать самой себѣ то или другое направленіе дѣятельности, въ тѣхъ или другихъ формахъ, къ той или другой цѣли, — сдѣлать это для нея абсолютно невозможно. На этомъ пунктѣ механизмъ и организмъ относительно своего происхожденія отличаются рѣшительнымъ образомъ другъ отъ друга.

Второй пунктъ, о которомъ мы упомянули, касается реальности матеріи, т. е. что матерія не есть призракъ или нѣчто, не имѣющее въ себѣ ничего твердаго и постоянного, но есть *реальность*, постоянно смѣняющая свои формы, но никогда не обманывающая насъ въ своемъ бытіи. Какъ ни простою и ни обыденною можетъ показаться эта истина, тѣмъ не менѣе она соста-

(1) Le materialisme contemporain en Allemagne, Paul Janet, pp. 47—48.

вляеть дѣйствительное, признанное торжество и славу естественной науки нашего времени. Въ этомъ понятіи она нашла какъ-бы ту точку опоры, о которой говорилъ нѣкогда Архимедъ, но не для того, чтобы на ней повернуть всю вселенную, а для того, чтобы стать въ своихъ изслѣдованіяхъ о ней на твердую почву и тѣмъ придать имъ ту математическую точность и вѣрность, которыми она въ наше время справедливо можетъ похваляться во многихъ отношеніяхъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и приложеніи ихъ на практикѣ. Съ уясненіемъ этой простой истины, природа, съ ея физической стороны, перестала быть для точнаго натуралиста нашего времени тѣмъ неуловимымъ мнѳологическимъ существомъ, какимъ была она нѣкогда для древнихъ, напр. Эмпедокла, или Гераклита, или для средневѣковыхъ алхимиковъ. Для механическаго воззрѣнія на природу матеріальные элементы образуютъ прочный, никогда непогибающій элементъ его вычисленій (1). Отношенія, комбинаціи, въ какія вступаютъ между собою матеріальные элементы, по разнымъ причинамъ, могутъ подвергаться постоянному измѣненію, но самыя элементы, лежащія въ основѣ этихъ комбинацій, сами въ себѣ неразрушимы, непреходящи. Ни одинъ атомъ того, что однажды въ кругу нашего наблюденія пользовалось дѣйствительностію бытія, никогда не можетъ пропасть изъ совокупности цѣлаго или перестать существовать. На этомъ простомъ положеніи основываются та увѣренность и точность, съ какими въ наше время физика и химія, равно какъ и астрономія, предпринимаютъ и выполняютъ разныя свои вычисленія и прилагаютъ свои теоріи къ опыту, къ практикѣ.

(1) A. Weber, S. 10, 11.

Итакъ, повторяемъ, вотъ два пункта, въ предѣлахъ которыхъ замыкается дѣятельность матеріи и ея значеніе для точной естественной науки. Бюхнеръ, переступая эти предѣлы, впадаетъ въ крайности и увлеченія, которыхъ никогда не можетъ позволить себѣ точная естественная наука. Соглашаясь съ Бюхнеромъ относительно *реальности матеріи*, точный и добросовѣстный естествоиспытатель никогда, конечно, не согласится съ нимъ въ той крайности матеріализма, что будто только то и есть дѣйствительно существующее, только то и имѣетъ истинное и дѣйствительное бытіе, что существуетъ именно подъ формами и условіями матеріальными. На взглядъ точнаго естествоиспытателя, то, что мы называемъ матеріею, есть не болѣе, какъ только необходимая форма бытія для опредѣленнаго круга существъ и явленій, составляющихъ видимый нами міръ; она образуетъ только низшую ступень, необходимый фундаментъ, чрезъ которую и на которомъ существа и явленія высшаго порядка получаютъ возможность и способность проявлять свое бытіе и раскрывать свои силы въ этомъ мірѣ явленій. Не потому матерія есть нѣчто существующее, реальное, что она наполняетъ собою пространство и всегда доступна для нашихъ высшихъ чувствъ, какъ это проповѣдуютъ Бюхнеръ и его братія; напротивъ, она потому и наполняетъ пространство и становится доступною для нашихъ высшихъ чувствъ и такимъ образомъ является какъ нѣчто дѣйствительно существующее, что она образуетъ необходимый членъ цѣлаго, что она въ общей связи вещей и явленій міра составляетъ нѣчто.—Другими словами: условій своей реальности и бытія она не имѣетъ въ самой себѣ; онѣ лежатъ въ общихъ основаніяхъ и условіяхъ, на кото-

рыхъ держится и развивается вообще бытіе и жизнь
видимаго міра (1).—Матеріи вообще, въ ея сущности
и, такъ сказать, въ чистомъ видѣ, въ мірѣ, какъ мы
уже видѣли, вовсе не существуетъ, а существуютъ
только конкретныя вещи съ опредѣленными качествами.
Весь міръ матеріальныхъ вещей есть строго урядо-
ченная система качественныхъ единицъ, которыя связа-
ны тѣсными взаимными отношеніями, и только при по-
средствѣ этихъ-то взаимныхъ отношеній возможно для
нихъ бытіе и проявленіе ихъ дѣятельности.—И прежде
чѣмъ говорить о *матеріальности* видимыхъ вещей, мы
должны рѣшить тотъ еще вопросъ: имѣемъ ли мы ка-
кія—либо основанія и какія именно—принимать, что онѣ
сами въ себѣ матеріальны, такъ какъ *причина* всѣхъ яв-
леній въ матеріи и слѣд. проявленія самой матеріи есть
сила и мы достигаемъ познанія предметовъ внѣшняго
міра единственно по ихъ *дѣйствию* на наши чувства,
т. е. чрезъ силу. Ничего этого Бюкнеръ не хочетъ
знать,—и отъ того-то, утверждая исключительную ре-
альность одной матеріи, онъ опускаетъ всегда при этомъ
изъ виду указанную нами форму бытія вещей, забывая,
что если гдѣ, то здѣсь-то именно *forma dat rei esse*.
Что „нѣтъ силы безъ матеріи и матеріи безъ силы,“—
эта пресловутая аксіома Бюкнера имѣетъ полное свое
приложеніе къ той области изслѣдованій, которая пред-
лежитъ наукѣ естественной и нашему внѣшнему опыту.
Но какой же точный и основательный мыслитель соч-
тетъ возможнымъ измѣрять все неизмѣримое царство
бытія этою матеріалистическою мѣркою,—отвергнуть
безусловно возможность сверхчувственнаго духовнаго

(1) Paul Janet, pp. 76, 77; A. Weber, S. 14, 15.

бытія, не имѣющаго нужды принимать на себя видимыя нами, космическія формы бытія? Поразительный примѣръ бытія и отношенія къ намъ сверхчувственнаго, духовнаго мы имѣемъ ежечасно предъ собою: явленія психическія также, конечно, реальны, такъ же фактически существуютъ для насъ, какъ и ближайшія къ нимъ явленія физиологическія, какъ и всѣ вообще явленія видимаго міра; большая часть самыхъ явленій физиологическихъ выступаютъ для насъ въ значеніи чувственнаго факта, дѣлаются предметомъ внутренняго и внѣшняго опыта, эксперимента, именно потому, что онѣ являются въ тѣсной связи съ фактами жизни психической,—съ ними вмѣстѣ входятъ въ область нашего сознанія и представленія; отвергать это не можетъ самый фанатичный матеріалистъ.—И не смотря, между тѣмъ, на такую несомнѣнную реальность этихъ явленій, какое же изъ внѣшнихъ чувствъ, хотя бы и вооруженное самыми сильными инструментами, можетъ заявить намъ о бытіи той или другой мысли, того или другаго чувства лица, бесѣдующаго, на прим. съ нами, коль скоро самъ собесѣдникъ не выразитъ ихъ словомъ или другими знаками? Послѣдовательный матеріалистъ долженъ былъ бы отвергнуть реальность этихъ явленій, потому что они дѣйствительно для его чувствъ не существуютъ, ни въ какой матеріальной формѣ не являются. И сами же матеріалисты, наряду со всѣми точными естествоиспытателями, признаютъ же бытіе матеріи, такъ называемой *неспособой*—свѣта, электричества, магнетизма,—хотя она, по своей космической формѣ бытія, совершенно не можетъ быть поставлена на одну линію съ тѣмъ, что мы называемъ соботвенно матеріею въ окружающей насъ природѣ. Почему же матеріализмъ

не хочется допустить, что есть еще высшій, совершеннѣйшій міръ существъ и явленій, не похожій, по своимъ формамъ и законамъ бытія, и на эту невѣсомую матерію, или даже стоящій выше, вѣдъ всякой зависимости отъ всѣхъ вообще космическихъ формъ бытія, ограниченныхъ временемъ и пространствомъ? Потому ли, что этотъ міръ не подлежитъ наблюденію нашихъ вѣдъшнихъ чувствъ и эксперимента? Но поставятъ исключительно наши вѣдъшнія чувства критеріемъ реальности всего существующаго въ окружающей насъ вселенной—такая крайность, которая нарушаетъ всѣ требованія и опыта и здравой логики. Чувства наши, какъ очень хорошо знаетъ всякій, доставляютъ намъ свидѣтельство о бытіи и дѣятельности только того, что имѣетъ ту или другую пространственную форму или, по крайней мѣрѣ, совершаетъ пространственный путь въ своемъ движеніи, и мы не имѣемъ никакого органа для воспріятія и наблюденія того, что не связано съ этою формою явленій. Но даже и изъ этой области явленій огромная часть недоступна нашему непосредственному воспріятію и наблюденію,—каковы, наприм., всѣ явленія физиологическія, совершающіяся внутри живаго организма. Если такъ ограниченъ кругъ наблюденія въ видимомъ мірѣ для нашихъ вѣдъшнихъ чувствъ, то какое же право имѣемъ мы ограничивать и измѣрять объемомъ нашихъ чувствъ все царство бытія?—

Но если, такимъ образомъ, по всѣмъ этимъ изложеннымъ нами соображеніямъ, мы никакъ не можемъ признать истиннымъ и сколько нибудь основательнымъ основной догматъ матеріализма, что только то, что, является въ какой нибудь матеріальной формѣ, есть дѣйствительное, единственно и исключительно реально-

существующее, то, само собою разумѣется, мы никакъ не можемъ признать и опирающагося на немъ заключенія, что все существующее, всякое бытіе и явленіе есть только функція матеріальныхъ элементовъ, одного механическаго взаимодействія ихъ, — признать въ той всеобщности и безусловности, въ какихъ признаеть это Бюхнеръ и вообще материалисты. Что составляетъ законъ для органическаго, подлежащаго нашему вѣдѣнію опыту и чувствамъ, круга явленій, того еще далеко нельзя возводить въ принципъ для всего міра явленій. — Бюхнеръ, поставляя такой принципъ для всего міровоззрѣнія, опять, очевидно, переступаетъ тѣ границы, которыми ограничена *дѣятельность матеріи* и въ предѣлахъ которыхъ она и можетъ имѣть значеніе для точной естественной науки. Окружающій насъ міръ, какъ онъ предлежитъ наблюденію самой же естественной науки, вовсе не столь бѣденъ и ограниченъ по своему содержанію, чтобы это содержаніе можно было свести исключительно къ принципу одного механическаго движенія матеріи, ея элементовъ. Если мы подвергнемъ дѣйствительное содержаніе космоса сколько-нибудь безпристрастному испытанію и внимательному анализу, то мы увидимъ на первомъ же шагу, что въ немъ соединяются весьма разнородныя космическія системы, — увидимъ, что каждая изъ нихъ состоитъ подъ управленіемъ и развивается въ кругу своихъ специальныхъ условій и причинъ, которыми онѣ положительно отличаются одна отъ другой, и по которымъ причины и условія бытія одной не могутъ быть измѣряемы подобными основаніями другой. Такъ отношенія массы одной къ другой или законъ тяготѣнія, на которомъ основывается наша планетная система,

составляет, конечно, существенно отличный родъ причинныхъ отношеній отъ того, какой мы признаемъ, какъ внутреннее взаимное средство различныхъ элементовъ, въ химическомъ процессѣ. Иной родъ причинъ управляетъ, такъ называемыми, тѣлами невѣсомыми, какъ во взаимномъ отношеніи ихъ элементовъ, такъ и въ отношеніи ихъ къ другимъ тѣламъ, и которыя физика, какъ извѣстно, излагаетъ то подъ образомъ *сн-браціи*, то подъ образомъ *токовъ*. Существенно, въ свою очередь, отличный отъ чисто механическаго и химическаго принципа причинныхъ отношеній, который составляетъ направляющую силу въ природѣ неорганической, тотъ рядъ причинъ и условій, который преобладаетъ въ органическомъ твореніи. Этотъ отличительный характеръ органическаго состоитъ не въ томъ только, что химизмъ многихъ матеріальныхъ элементовъ здѣсь принимаетъ совершенно иной видъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, но главнымъ образомъ въ томъ, что эти элементы, въ своемъ соединеніи, располагаются по опредѣленному типу, въ которомъ выражаются характеристическія отличія родовъ и видовъ животнаго и растительнаго царства. Въ частности, въ организамахъ высшихъ мы замѣчаемъ различныя системы съ различнымъ физиологическимъ характеромъ, изъ которыхъ каждая опять предполагаетъ для себя специфическую связь причинъ и отношеній своихъ составныхъ элементовъ между собою и въ отношеніи къ другимъ системамъ: иной рядъ причинъ развивается наприм. въ нервахъ, чѣмъ въ мускулахъ, или въ желѣзахъ, и вообще въ растительныхъ образованіяхъ. Наконецъ, на высшей ступени бытія, въ мнани духа человеческого, — въ ассоціаціи его представленій, въ

сознаніи и самоопредѣленіи его къ дѣйствию по чисто нравственнымъ мотивамъ и принципамъ, природа показываетъ намъ совершенно особенный, исключительный видъ причинныхъ отношеній, которому аналогіи мы не находимъ нигдѣ въ окружающемъ насъ мірѣ. Если только можно назвать жизнь психическую механизмомъ, то уже механизмомъ совершенно своеобразнымъ, части котораго вовсе не похожи на части физическаго механизма; для душевныхъ движеній, если можно такъ назвать психическія явленія, не имѣютъ никакого значенія ни законъ уменьшенія силы сообразно квадратамъ разстоянія, ни законы химическаго сродства, ни законы вибрацій и проч.; все въ этихъ явленіяхъ, сообразно самой природѣ ихъ, основывается на качественныхъ отношеніяхъ и развивается по чисто качественнымъ, нравственнымъ причинамъ — такимъ, которые доступны и понятны только разумному духу. — Такъ обширна и разнообразна, по своему характеру, и по своимъ основаніямъ и условіямъ, жизнь окружающаго насъ міра!

Послѣ всего этого, съ точки зрѣнія подобнаго внимательнаго и безпристрастнаго анализа всего богатаго содержанія міровой жизни, не должно ли показаться чудовищною односторонностію стремленіе Вюхнера — возвести все это содержаніе къ принципу одного механическаго отношенія матеріальныхъ элементовъ, — механизмъ матеріи поставить послѣднимъ метафизическимъ началомъ для изъясненія всѣхъ проблемъ, какія представляетъ намъ жизнь міра вообще и психическая жизнь человѣка въ частности? Вюхнеръ, очевидно, раздѣляетъ въ этомъ случаѣ общее увлеченіе материализма — привести все обширное и разнообразное содержаніе міро-

выхъ явленій, съ ихъ законами и условіями, къ строгому *единству*, — уничтожить такимъ образомъ дуалистическую противоположность между Богомъ и міромъ, духомъ и матеріею, и уничтожить, — это самый больной пунктъ матеріализма, въ которомъ концентрируются всѣ его стремленія къ *единству*, — раздѣленіе между душею и тѣломъ. Но онъ раздѣляетъ при этомъ также и общее заблужденіе своихъ собратьевъ по убѣжденіямъ, будто это единство міровой жизни состоитъ именно въ матеріальныхъ элементахъ и ихъ механическомъ взаимодействіи. Впрочемъ нигдѣ больше, какъ здѣсь, и не можетъ искать этого единства въ мірѣ, необходимости котораго онъ не можетъ не сознавать, потому что истинное-то единство — *разумный планъ* міровой жизни онъ отвергаетъ. Между тѣмъ, только полнѣйшее незнаніе міра и міровыхъ явленій, скажемъ словами Лётце, можетъ поставять желаемое единство міра въ его матеріальныхъ элементахъ и взаимодействіи ихъ, гдѣ, напротивъ, вся жизнь происходитъ именно только изъ разнообразныхъ и противоположныхъ дѣятельностей; это значитъ — подъ предлогомъ единства вводитъ начальную монотонію бытія ('). Согласиться на такое единство точная наука естественная не можетъ ни въ какомъ случаѣ; это значило бы для нея совершенно отказаться отъ самаго достоинства науки, особенно естественной, успѣшная тактика которой основывается именно на этомъ началѣ: *divide et impera*. Повторяемъ: механическая точка зрѣнія на природу, въ должныхъ предѣлахъ, не лишена, безъ сомнѣнія, истины во многихъ отношеніяхъ, — и ей-то есте-

(') *Medizinische Psychologie*, Dr. R. H. Lötze, S. 23.

ственные науки во многомъ обязаны прекраснѣйшими результатами своихъ изслѣдованій. Наука особенно не можетъ не раздѣлять ея руководительной идеи — привести всѣ явленія природы, какъ бы ни было велико ихъ различіе между собою, къ относительному порядку, къ количественной и качественной опредѣленности, въ какой эти явленія стоятъ въ отношеніи другъ къ другу, такъ какъ ни одна вещь въ мірѣ не существуетъ собственно сама по себѣ и для себя, но находитъ восполненіе своей сущности и своей жизни въ другой или вообще въ цѣломъ. Но возможно ли, если бы мы исключительно ограничились механическою точкою зрѣнія на весь міръ явленій, получить всю истину, какой мы ищемъ, разрѣшить съ помощью ея всѣ подлежащія намъ въ природѣ проблеммы органической и особенно психической жизни — на этотъ вопросъ точная наука естественная даетъ безусловный отрицательный отвѣтъ (1).

Въ нашемъ доселѣшнемъ разборѣ основнаго принципа материалистической системы Бюхнера остается еще весьма замѣтный для каждаго и весьма важный пробѣлъ, пройти который безъ вниманія — значило бы оставить начатое дѣло на половинѣ или, по крайней мѣрѣ, лишить себя одной изъ существеннѣйшихъ точекъ опоры въ дальнѣйшемъ разборѣ самой системы Бюхнера: разумѣемъ вопросъ о *силѣ и ея отношеніи къ матеріи*. Само собою понятно, что говоря доселѣ о матеріи, какъ метафизическомъ принципѣ материализма Бюхнера, мы уже разумѣли *implicite* и силу, потому что нѣтъ и не можетъ быть матеріи безъ силы. Выставляя теперь во-

(1) Die neuere Vergötterung des Stoffe, A. Weber, SS. 17—22, 78—79.
Христ. Чт. М 4. 36

прось о силѣ и ея отношеніи къ матеріи на видѣ, мы хотимъ этимъ выставить для разбора собственное и особенное ученіе Бюхнера объ этомъ предметѣ,—ученіе, въ которомъ онъ полагаетъ, какъ извѣстно, краугольный камень, какъ въ основаніе всего вообще своего материалистическаго міровоззрѣнія, такъ въ особенности для своихъ материалистическихъ выводовъ по отношенію къ вопросу о душѣ человѣка. Сила, по ученію Бюхнера, есть *свойство* матеріи или ея атомовъ, — свойство отъ вѣчности ей присущее и никогда и ни въ какомъ случаѣ неотдѣлимое отъ нея (1). Почему же это? Потому,—отвѣчаетъ Бюхнеръ,—что нѣтъ силы безъ матеріи, какъ нѣтъ матеріи безъ силы; онѣ восполняютъ себя взаимно и предполагаютъ одна другую; отдѣленные одна отъ другой, онѣ теряютъ свою реальность и становятся пустымъ, отвлеченнымъ понятіемъ; матеріи не есть колесница, къ которой можно припрягать и отъ которой можно отпрягать коня—силу (2)“. Вотъ всѣ существенныя доказательства и основанія пресловутой аксіомы Бюхнера, рѣшающей все для него и въ небѣ и на землѣ! Каково же достоинство этой аксіомы, и какова прочность ея основаній?

Называя силу свойствомъ матеріи и доказывая это всегдашнюю нераздѣльность ея съ матеріею, по которой одна безъ другой даже не мыслима, Бюхнеръ, какъ легко замѣтитъ каждый, становится въ этомъ случаѣ въ неискходный, заколдованный кругъ, дѣлаетъ тождество, всегда близкое къ пустословію. Спросите Бюхнера, почему онъ называетъ силу свойствомъ матеріи? Потому что она,—отвѣчаетъ онъ самъ, — нераздѣльна

(1) Force et Matière, pp. 1—4; Natur und Geist, SS. 45, 48 и др.

(2) Force et Matière, pp. 1—4; Natur und Geist, SS. 45—75.

съ нею, отъ вѣчности присуща ей. Но почему же сила не отдѣлима отъ матеріи и не мыслима безъ нея? Потому что она есть свойство ея—таковъ долженъ быть отвѣтъ. Тутъ у Бюхнера, въ постановкѣ его положенія и развитіи доказательствъ этого положенія, оказывается, очевидно, тотъ существенный недостатокъ, который называется на языкѣ логики *petitio principii*. Бюхнеръ утверждаетъ капитальный догматъ своей матеріалистической системы, не потрудившись прискать для него никакихъ метафизическихъ, ни даже дѣльныхъ физическихъ оснований и опредѣлить съ точностію какъ смысла этихъ отнованій, такъ и обоснованнаго на нихъ догмата. Бюхнеръ не дѣлаетъ этого,—и это весьма понятно. Ни метафизика, ни основанная на ней физика отнюдь не стоятъ на сторонѣ Бюхнера въ этомъ случаѣ.

Метафизика говоритъ намъ, что въ области матеріалистическаго міровоззрѣнія, утверждающагося исключительно на одномъ виѣшнемъ, чувственномъ воспріятіи, никогда не можетъ быть даже и рѣчи о силѣ, и тѣмъ болѣе о силѣ, какъ свойствѣ матеріи. Матеріализмъ, хвастающій пониманіемъ матеріи, не можетъ, какъ мы видѣли, доказать намъ и самаго существованія матеріи. Матеріи, какъ вещи въ себѣ, для него не существуетъ, а существуютъ только явленія ея, — и притомъ явленія, которыя развиваются на почвѣ нашей чувствительности, но подлинная натура которыхъ намъ неизвѣстна. Какимъ же образомъ Бюхнеръ, защитникъ матеріализма, можетъ послѣ сего трактовать о силѣ, какъ свойствѣ матеріи,—о свойствѣ чего-то неизвѣстнаго для него? Называя силу свойствомъ матеріи, Бюхнеръ дѣлаетъ, очевидно, въ этомъ случаѣ такъ на-

зывается *contradictio in adjecto* т. е. придает силы и дѣятельности тому, что составляет для него совершенно неизвѣстное X, совершенно недоступное ни для его воспріятія, ни для его опредѣленія, — о чемъ, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи. Строго вѣрный своимъ началамъ, материализмъ не можетъ даже имѣть никакихъ разсужденій о самыхъ свойствахъ чего бы-то ни было, но только о формахъ явленія, потому что свойства не являются, не подлежатъ нашему чувственному воспріятію; ему подлежатъ только замѣчаемыя нами тѣ или другія внѣшнія перемѣны въ тѣлахъ, происходящія въ нихъ подъ вліяніемъ силъ. Такъ понимаетъ это, повидимому, и самъ Бюхнеръ: „о существованіи силы ничто другое, — говоритъ онъ, — не можетъ дать намъ знать, кромѣ измѣненій, какія мы чувственно воспринимаемъ въ матеріи, и которыя мы, обобщая по замѣчаемому въ нихъ сходству подъ однимъ опредѣленнымъ именемъ, называемъ словомъ „сила“ (1). Основаніе для заключенія о бытіи силъ Бюхнеръ полагаетъ вѣрное, но въ самомъ опредѣленіи силы онъ впадаетъ уже въ заблужденіе, изъ котораго становится отчасти понятнымъ и то, почему называетъ онъ силу свойствомъ матеріи. Кто же логически разсуждающій, назоветъ силами измѣненія, являющіяся въ тѣлахъ? Безъ всякаго сомнѣнія, силами могутъ быть названы только *причины* этихъ измѣненій. Что же такое сила? Сила, какъ и матерія, существуетъ, какъ вещь въ себѣ, только для познающаго и мыслящаго субъекта; она есть только объективно — мыслимый нами законъ причинности, посколику мы къ перемѣнамъ, нами ощущаемымъ или

(1) *Force et Matière*, p. 4.

замѣчаемымъ, ищемъ причины ихъ производящей, — и эту причину возводимъ на степень силы (¹). Мы необходимо представляемъ себѣ силу въ матеріи, потому что видимъ постоянно вещи дѣйствующими и измѣняющимися, — дѣйствующими нерѣдко въ противоположномъ направленіи нашимъ силамъ, какъ ихъ ограниченіе, и полагаемъ причины этой дѣятельности и перемѣнъ ихъ внѣ себя, въ самой вещи. Отсюда становится понятнымъ и то, какъ надобно отвѣчать на вопросъ объ отношеніи матеріи и силы: можно ли, дѣйствительно, называть силы самостоятельными свойствами матеріи, какъ называетъ Бюкнеръ? Самостоятельность свойствъ матеріи предполагаетъ напередъ самостоятельность самой матеріи; такъ это, какъ извѣстно, и дѣлаетъ Бюкнеръ, рассматривая вещество, какъ самобытный субстратъ силъ. Но матеріи, какъ вещи въ себѣ, въ мірѣ мы вовсе не видимъ и не знаемъ: она есть нѣчто совершенно неизвѣстное въ своей сущности, существующее, какъ вещь въ себѣ, только для нашего мыслящаго и пространственно—созерцающаго ума; посему и силы, приписываемыя нами матеріи, выражаютъ только отношенія этой недовѣдомой для насъ сущности къ нашему уму, судящему о вещахъ по закону причинности и существуютъ только для нашего ума, какъ свѣтъ существуетъ только для глаза, звукъ для уха, запахъ для обонянія и проч. (²). Существуютъ ли эти силы самобытно, въ самой матеріи, какъ ея неотъемлемыя свойства, и въ такомъ ли именно видѣ и количествѣ, въ

(¹) Kritik des Materialismus, R. Schellübien, SS. 22—26; „Несостоятельность матеріализма“ („Труды кievской духовной академіи“, июнь, 1864 г.), стр. 203.

(²) „Несостоятельность матеріализма“, стр. 203—204.

какомъ мы принимаемъ ихъ, — этого не докажетъ намъ ни одинъ физикъ, какъ и метафизикъ. Известно, что настойчивое, глубже проникающее изучение природы все болѣе и болѣе упрощаетъ понятіе о такъ называемыхъ силахъ природы, доказывая, что эти будто-бы самостоятельныя силы или вещественныя свойства суть только видоизмѣненія единой, высшей основной причины или силы. Такъ, напр., различныя невѣсомыя: свѣтъ, теплота, электричество, магнетизмъ, гальанизмъ и проч. оказываются, математически достовѣрно, видоизмѣненіями одного и того же закона эфирныхъ колебаній. Съ другой стороны, и этотъ законъ, вмѣстѣ съ тяготѣніемъ, сдѣленіемъ, химизмомъ и всѣми законами физики, подчиняется одной высшей причинѣ бытія (¹). Мы выставляемъ на видъ этотъ фактъ, чтобы показать, до какой степени *условно* бытіе такъ называемыхъ нами силъ матеріи, — условно именно потому, что онѣ суть только *предикаты*, придаваемые нами матеріи, поколику мы наблюдаемъ разныя явленія и ищемъ причины для нихъ, и которыя, естественно, могутъ быть нами измѣняемы, или замѣняемы одніи другими, смотря потому какъ мы относимся къ этимъ явленіямъ, — на сколько ясно и основательно понимаемъ ихъ въ разное время. Отсюда мы должны сдѣлать тотъ существенно — важный для насъ въ разборѣ матеріализма Бюхнера выводъ, что не изъ матеріи и силы, какъ ея свойства, нужно выводить и объяснять *бытіе духа и его силъ*, а на оборотъ, потому что матеріи и сила только во взаимодействіи съ духомъ являются намъ таковыми по своему бытію и отношеніямъ, какими мы знаемъ ихъ въ нашихъ опытахъ.

(¹) Du materialisme au point de vue naturelle et... A. Böhm, pp. 355—370, 378, 379, 381 и друг.

Такъ рѣшаетъ вопросъ о силѣ и ея отношеніи къ матеріи философія, поколику она разсматриваетъ ихъ какъ предметъ нашего познанія и изслѣдуетъ метафизическія основанія бытія той и другой. Но сила, какъ и матерія, не есть одно представленіе ума, не имѣющее ничего соответствующаго себѣ въ дѣйствительности. Силы существуютъ и дѣйствуютъ въ окружающей насъ природѣ. И для физики, конечно, какъ и для метафизики, матерія и сила, въ своей сущности, непостижимы; тѣмъ не менѣе и первая, какъ и послѣдняя, должна установить для себя опредѣленные понятія о нихъ, особенно физика, если она хочетъ, чтобы выводы ея и разныя теоріи имѣли подъ собою твердую почву. Что же такое сила для точнаго и наблюдающаго физика? Какъ онъ долженъ рѣшить, на основаніи своихъ точныхъ опытовъ, вопросъ объ отношеніи матеріи и силы? Внѣшняя природа представляетъ всюду точному наблюдателю нераздѣльность матеріи и силы: гдѣ есть матерія, въ той или другой формѣ, тамъ есть непременно и силы; и даже тамъ, гдѣ простой, непросвѣщенный взглядъ не видитъ ничего, кромѣ одного грубаго и мертваго вещества, новѣйшая наука открываетъ существованіе живыхъ дѣятельныхъ силъ: разумѣемъ міръ инфузорій. Аксиома Бюхнера: „нѣтъ силы безъ матеріи, нѣтъ матеріи безъ силы“, какъ фактъ наблюденія, имѣетъ свое неоспоримое значеніе аксіомы. Говоримъ, какъ *фактъ*: но какой же смыслъ имѣетъ этотъ фактъ для точнаго натуралиста—тотъ ли, что сила есть, какъ говоритъ Бюхнеръ, свойство матеріи? Выводя такое заключеніе изъ существующаго факта, Бюхнеръ, очевидно, говоритъ въ заключеніи то, чего нѣтъ въ самомъ основаніи, или, по крайней мѣрѣ, говоритъ болѣе, чѣмъ сколько позволяетъ ос-

нованіе. Замѣчая тѣсную неразрывную связь между матеріей и силой, точная наука выводитъ отсюда, какъ и слѣдуетъ, только то, что онѣ соединены между собою такъ, что одна безъ другой быть не можетъ, что матерія не есть колесница, къ которой можно припрягать и отъ которой можно отпрягать коня — силу (слова Дюбуа-Реймонда.) И во всякомъ случаѣ признаніемъ взаимной нераздѣльности матеріи и силы нисколько не рѣшается вопросъ о томъ, сила или матерія служить основою, носителемъ и „существуетъ для себя.“ Если же Бюхнеръ позволяетъ себѣ, на этомъ основаніи, называть силу свойствомъ матеріи, то съ такимъ же или даже еще и большимъ правомъ, какъ справедливо замѣчаетъ у Бюхнера Вильгельмъ, въ бесѣдѣ съ Августомъ объ этомъ предметѣ, можно сказать на томъ же основаніи, что матерія есть только форма или свойство силы (1). Такое именно заключеніе и выводятъ, дѣйствительно, изъ этого основанія динамисты, доказывая, что сама матерія въ своей сущности, есть не что иное, какъ только проявленіе силъ, безъ которыхъ вещество не могло бы и быть тѣмъ, чѣмъ есть, что мы и воспринимаемъ въ своихъ внѣшнихъ впечатлѣніяхъ не матерію, а силы, дѣйствующія въ матеріи (2). И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ будетъ, напримѣръ, капля воды, если уничтожить въ ней силу сдѣленія, которая соединяетъ въ одно цѣлое безчисленное множество ея составныхъ частицъ? Чѣмъ

(1) *Natur und Geist*, SS. 46, 75.

(2) „Христіанское Чтеніе“ 1861 г., мартъ. „Взглядъ на ученіе современной геологіи о происхожденіи міра и будущей его судьбѣ при свѣтѣ Божественнаго откровенія“, Н. Г., стр. 193, 194; *Ueber die Wahrnehmung und das aus ihr sich ergebende Verhältniss von Kraft und Stoff*, Dr. M. Drosbach, SS. 51, 61, 62 (*Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, I. H. Fichte, 1864, Bd. 1).

будеть она, если уничтожить химическое средство, без которого она разложится на два газообразных вещества, а эти послѣднія, можетъ быть, разложатся еще на какія нибудь другія составныя начала, хотя теперь они и причисляются пока въ простымъ тѣламъ? Съ химическимъ же средствомъ имѣетъ тѣсную связь электричество, съ электричествомъ—магнетизмъ. Чѣмъ будетъ она, если уничтожить силу теплотворную, которая то приводитъ ее въ твердое состояніе, то даетъ ей видъ жидкости, то обращаетъ ее въ пары? А съ теплотворомъ въ самомъ близкомъ родствѣ свѣтъ. Такимъ образомъ въ одной каплѣ воды заключаются всѣ извѣстныя намъ силы природы.— Возьмемъ какое угодно другое вещество, — и въ немъ подобнымъ образомъ мы откроемъ всѣ силы природы, хотя нѣкоторыя иногда, по обстоятельствамъ, и не обнаруживаются, какъ на примѣръ, сила сдѣленія въ газообразныхъ тѣлахъ, изъ которыхъ многія, однакожь обнаруживаютъ ее со всею очевидностію, бывъ обращены въ жидкости, или въ твердыя тѣла. На основаніи такихъ фактовъ чѣмъ будетъ поспѣшно или неосновательно заключеніе—сказать не только то, что безъ силъ не можетъ быть и вещества, какъ это и говоритъ Бюхнеръ, но и то, что вещество есть только *форма*, *свойство* бытія и дѣятельности самыхъ силъ? Такой положительный выводъ относительно силы мы считаемъ себя вправѣ сдѣлать тѣмъ болѣе, что тогда какъ матерія, если уничтожить въ ней силы, тотчасъ, по собственному сознанію Бюхнера (1), превращается въ ничто, совершенно теряя бытіе свое, сила, напротивъ всегда можетъ быть представлена нами, какъ *ничто*

(1) Force et Matière, p. 4.

существующее и безъ матеріи, только не можетъ быть представлена въ *дѣятельности* безъ опредѣленнаго субстрата, на основаніи котораго, какъ точкѣ своей опоры, и въ предѣлахъ котораго она могла бы развивать свою дѣятельность. Таковъ истинный смыслъ аксіомы Бюхнера: „нѣтъ силы безъ матеріи;“ и только такимъ образомъ понимаемая, эта аксіома имѣетъ смыслъ. Въ такомъ именно смыслѣ пытается рѣшить и современная наука неразрѣшимый для нея вопросъ объ отношеніи матеріи и силы. Вопросъ этотъ для нея неразрѣшимъ съ точностію, потому что она въ совершенномъ невѣдѣніи остается доселѣ относительно существеннаго пункта этого вопроса: что такое матерія? Всѣ дѣлаемая ею опредѣленія матеріи или сливаются съ понятіемъ силы, или уже напередъ необходимо предполагаютъ бытіе силы для бытія матеріи, какъ вещи въ себѣ (¹). И это совершенно понятно, если не для физика, то для психолога. Матерія была бы совершенное *ничто*, для насъ по крайней мѣрѣ совершенно не существовала бы, если бы она не обнаруживала для насъ своего бытія какъ-нибудь или чѣмъ-нибудь, посредственно или непосредственно. Но это обнаруженіе ея для насъ возможно для нея только чрезъ воздействие на насъ, слѣдовательно чрезъ силу: матерія для насъ есть только *сила* или выраженіе силы (²). Въ такомъ именно видѣ рѣшается вопросъ объ отношеніи матеріи и силы и лучшими представителями современной науки,—а именно: матерія, какъ *vis inextitiae*, служитъ выраженіемъ или проявленіемъ силы, которая находитъ въ ней только опредѣленное ограниченіе своей дѣятельности и опредѣленную форму явле-

(¹) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrich, SS. 16, 350—357.

(²) Drosebach a. a. o. SS. 51, 62.

нія (1). Отсюда положеніе Бюхнера: нѣтъ силы безъ матеріи—значить, что сила не есть что-то *общее, безразличное, разлитое во всемія міръ*, но что она ограничена въ своемъ бытіи и дѣятельности известнымъ пространствомъ и видимою, осязательною формою. При такомъ пониманіи отношенія матеріи и силы сами собою рушатся и всѣ тѣ выводы, какія дѣласть Бюхнеръ, рассматривая матерію, какъ самобытный субстратъ силъ, раскрывающій ихъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ и при разнообразіи сочетанія своихъ элементовъ. Бюхнеръ выводитъ отсюда, что нѣтъ и не можетъ быть Бога, какъ безконечнаго Духа или Творческой Силы, что нѣтъ также и души человѣческой, какъ самостоятельной субстанціи,—нѣтъ ихъ, потому что нѣтъ силы безъ матеріи, потому что сила есть свойство матеріи. Но матерія, какъ мы видѣли, не есть вообще источникъ силъ, хотя бы то и неорганическихъ, а есть только *форма, проявленіе* ихъ. Утверждаясь на одномъ этомъ основаніи, какой же мыслитель, логически рассуждающій, можетъ придти къ заключенію, что вообще никакая сила, хотя бы-то духовная, существующая какъ лицо, субстанція, не можетъ существовать безъ матеріи? Что составляетъ форму бытія и дѣятельности для одного рода существъ и явленій, то для другаго можетъ быть совершенно и излишнимъ. Форма, по собственной же философіи Бюхнера, не составляетъ сущности вещи: не форма даетъ бытіе и опредѣляетъ сущность вещи, а на оборотъ—существо вещи опредѣляетъ форму ея бытія.

Этимъ мы заключаемъ разборъ основнаго принципа

(1) Ulrich, a. a. o. S. 28—30 и дал.

материалистической системы Бюхнера — его учения и материи и силъ какъ послѣднемъ основаніи всякаго бытія. Мы видѣли, что ни здраво-философствующій разумъ ни точная наука никогда не могутъ принять такого принципа для своего міровоззрѣнія и для своихъ изслѣдованій: это значило бы для нихъ—закрыть для себя навсегда и всѣ пути къ изысканію истины, какъ закрылъ для себя и Бюхнеръ. Доказательства этого у Бюхнера мы сейчасъ увидимъ лицомъ къ лицу.

(Продолженіе будетъ)

ВОПРОСЪ

О СОЕДИНЕНІИ ЦЕРКВЕЙ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ (ВЪ ПЕРВЫЙ ЕГО ПЕРІОДЪ) НА ГРЕЧЕСКОМЪ ВОСТОКѢ И ЛАТИНСКОМЪ ЗАПАДѢ (1053—1453).

(Окончаніе)

Доселѣ, какъ мы видѣли, на движенія, начинавшіяся на западѣ, константинопольскій дворъ сначала вовсе не отвѣчалъ, а потомъ, хотя и отвѣчалъ, но только по необходимости, изъ вѣжливости. Со вступленіемъ на престолъ новаго императора Андроника III младшаго (1328—1341), болѣе, чѣмъ его предшественникъ, дѣятельнаго, желавшаго заняться устройствомъ имперіи, несвязаннаго, подобно своему предшественнику—дѣду, отношеніями къ ліонской униі, притомъ сильнѣе, чѣмъ Андроникъ II, тревожимаго турками, — при византійскомъ дворѣ пробуждается уже на самомъ дѣлѣ мысль снова войти въ сношенія съ западомъ, просить помощи бѣдствующей имперіи; хотя эта мысль высказывается еще довольно осторожно. Въ то же самое время и западъ, устрашаемый возраставшими успѣхами турокъ (1),

(1) Турки, при вознившей около этого времени новой династіи Оттомановъ, безпрестанно усиливались; въ описываемое время они отняли у грековъ Никее и перенесли въ этотъ городъ свою столицу.

болѣе чѣмъ прежде расположенъ былъ соглашаться съ мнѣніемъ Сануто, что нужно поддержать константинопольскую имперію. По крайней мѣрѣ венеціане, видя, что завоеванія турокъ простираются и на ихъ владѣнія, начали хлопотать на западѣ о поддержаніи Восточной имперіи и о союзѣ съ нею противъ турокъ; они, какъ увидимъ ниже, являлись и посредниками въ сношеніяхъ византійскаго императора съ латинскимъ западомъ. Итакъ, и востокъ и западъ, вслѣдствіе всѣхъ вышеуказанныхъ обстоятельствъ, обнаружили нѣкоторое стремленіе къ взаимному сближенію. Сношенія въ это время имѣютъ слѣдующій видъ. Изъ Константинополя идутъ на западъ латиняне съ устными извѣстіями касательно того, что византійская имперія бѣдствуетъ и восточный императоръ не прочь отъ уніи съ латинянами, но безъ императорскихъ писемъ. Западъ пользуется доходящими до него извѣстіями съ востока; папа пишетъ письма къ императору, пишетъ и къ королю неаполитанскому, и такимъ образомъ завязывается довольно обширная переписка. — Около 1333 г. были въ Константинополѣ мимоходомъ два папскіе миссіонера изъ доминиканцевъ: Францискъ Камерино и Ричардъ. По прибытіи изъ Константинополя въ Авиньонъ, они представили папѣ и кардиналамъ, что императоръ Андроникъ желаетъ подчиниться римской церкви, что онъ высказалъ имъ это желаніе и что неминуемая опасность угрожаетъ восточной имперіи со стороны турокъ, если соединеніе церквей не состоится и не будетъ оказана помощь Константинополю. Сдѣлавъ этихъ миссіонеровъ епископами и отправляя ихъ опять на востокъ (одного въ Босфоръ киммерійскій, а другаго въ Херсонесъ таврическій), папа снабдилъ ихъ письмами къ императору

Андронику и къ патриарху, спрашивая послѣднихъ, въ этихъ письмахъ, желаютъ ли они бросить свои заблужденія, въ которые вовлекъ ихъ, по его словамъ, дьяволъ, и обѣщая имъ сильную помощь, если они согласны (1). Когда эти два епископа прибыли, въ 1334 г., въ Константинополь (2), тогда открылось вполне, въ какомъ положеніи находился тогда на востокѣ вопросъ о соединеніи церквей; тогда прямо обнаружилось нежеланіе іерархіи православной поднимать старое, всѣмъ надѣвшее и опасное дѣло. Правда, сначала многіе изъ народа, по словамъ Григоря, изъ ревности къ православію, требовали было, чтобы самъ патриархъ вступилъ въ состязаніе съ латинянами; но ученый Григоря въ частномъ совѣщаніи успѣлъ убѣдить всѣхъ епископовъ, которые безъ сомнѣнія и сами расположены были думать подобно ему (3), — успѣлъ убѣдить въ томъ, что не слѣдуетъ вступать въ состязаніе и споры съ прибывшими изъ Италіи. Много доводовъ въ пользу своей мысли приводилъ Григоря. „Дѣло рѣшенное, говорилъ онъ, между прочимъ, ни мы никогда не согласимся съ ихъ мнѣніями, ни они съ нашими, хотя бы утверждали это всѣ камни и всѣ деревья“. Доказывая,

(1) Raup. ad an. 1333 n. 17, 36.

(2) Ibid. ad an. 1334 n. 2. 3.

(3) Хотя Григоря и рассказываетъ, будто онъ одинъ убѣдилъ всѣхъ оставить въ покоѣ латинявъ, — изъ этого, однакожъ, нельзя вывести того, что епископы рады были вступить въ пренія съ латинскими миссіонерами. Крайне самолюбивый историкъ воспользовался, вѣроятно, случаемъ выставить при этомъ свою личность. Будучи въ данномъ случаѣ органомъ общаго мнѣнія, онъ принялъ, вѣроятно, общее одобреніе на свои слова за знакъ особенной убѣдительности своего краснорѣчія. Что іерархія была не расположена поднимать вопросъ, это видно изъ всѣхъ предъидущихъ и послѣдующихъ событій, равно какъ изъ самой личности, съ какою всѣ епископы согласились съ мнѣніемъ Григоря.

что недая въ догматическихъ разсужденіяхъ прибѣгать къ силлогизмамъ и научнымъ доказательствамъ, такъ какъ ученіе о Божественныхъ предметахъ не подходитъ подъ наши теоріи, недоступно для нашего разумѣнія, Григора прибавляетъ: „можетъ быть и Св. Отцы отвѣчали бы полнымъ молчаніемъ на нелѣпые споры извѣстныхъ лицъ, еслибы только не были поставлены въ крайнюю необходимость опровергать ихъ, видя, что народъ легко можетъ увлечься то тою, то другою появляющеюся ересію, будучи еще недостаточно тверды въ вѣрѣ. Но теперь, когда народъ такъ твердъ и крѣпокъ въ вѣрѣ, что скорее желѣзо измѣнится въ своихъ свойствахъ, чѣмъ онъ допуститъ незначительное отступленіе отъ отеческихъ догматовъ, какая нужда въ преніяхъ, не имѣющихъ принести никакой пользы?... Еще пусть бы уже латиняне впервые насъ беспокоили своими предложеніями; тогда, можетъ быть, мы и сами охотно вступили бы въ состязаніе съ Божіею помощію. Но, такъ какъ все это уже изслѣдовано, какъ должно, опредѣлено и давностію времени вполне утверждено и такъ какъ они, приходя къ намъ много разъ, столькоже разъ были и отвергаемы; то по какому праву мы будемъ теперь поднимать то, что прекрасно изложено издревле и трудиться попусту надъ повтореніемъ одного и того же“ (1). Съ доводами Григоры, по его словамъ, должны были согласиться

(1) Григора, стр. 501—513. Григора упрекаетъ латинянъ при этомъ въ страсти къ силлогизмамъ, называетъ ихъ сомнѣвающимися, пытливыми, раздробляющими мысль на мелкія части подобно тому, какъ поступаютъ непріатели съ награбленной добычей. Впрочемъ, говорить, что и православные не изъяты отъ упрековъ въ страсти къ богословскимъ преніямъ. „Теперь—по словамъ его—тайны богословскія открыты для самыхъ ремесленниковъ, и всѣ идутъ силлогистическихъ преній, какъ скотъ молодой травы и луговъ“.

„всѣ епископы, образованные и необразованные“, и съ папскими нунціями положено было не имѣть никакого дѣла. — Черезъ два года послѣ путешествія въ Константинополь этихъ двухъ латинскихъ епископовъ, именно въ 1336 г., снова является къ папѣ Венедикту XII одинъ изъ латинявъ, бывшихъ въ Константинополь, знатный венеціанецъ Стефанъ Дандоло и опять сообщаетъ папѣ о желаніи восточнаго императора и будто бы всѣхъ грековъ соединиться съ римскою церковію; онъ передаетъ Венедикту свой разговоръ съ Андроникомъ и знатнѣйшими изъ придворныхъ; изъ разсказа Дандоло папа узнаетъ, что греки желаютъ придти въ общеніе съ римскою церковію, готовы, если въ чемъ заблуждаются и будутъ уличены, оставить свои заблужденія, охотно войдутъ съ Авиньономъ въ переговоры относительно этого дѣла, именно пошлютъ своихъ апокрисиаріевъ въ Неаполь, если туда же отправить своихъ нунціевъ папа. И вотъ снова, въ слѣдующемъ 1337 г., пишетъ Венедиктъ XII Андронику, выставляетъ ему на видъ духовныя и матеріальныя выгоды воссоединенія православныхъ съ римскою церковію и проситъ прислать скорѣе уполномоченныхъ хлопотать по этому дѣлу; пишетъ и къ императрицѣ, супругѣ Андроника Аннѣ Савойской, убѣждая ее, какъ урожденную латинянку, дѣятельно трудиться въ пользу подчиненія греческой церкви римской; наконецъ пишетъ къ Роберту, королю неаполитанскому, заинтересованному въ судьбахъ Константинополя, прося его содѣйствовать дѣлу примиренія церквей (1). Папскія посланія имѣли силу какъ при дво-

(1) Raynald ad an. 1337 n. 31—34. Въ письмѣ къ Андронику, не называя послѣдняго императоромъ, а только повелителемъ грековъ (грас-согит moderator), въ угоду королю неаполитанскому и его брату князю Христ. Чт. № 4.

рѣ византійскомъ, такъ и неаполитаномъ. Въ 1339 г. отъ Андроника III пришелъ въ Авиньонъ, извѣстный въ послѣдствіи по спорамъ съ Паламою, архимандритъ Варлаамъ вмѣстѣ съ виновникомъ этихъ переговоровъ венеціанцемъ Дандоло. Пришли они не прямо изъ Константинополя; но сначала, какъ положено было прежде, были въ Неаполѣ и Парижѣ и заискали рекомендательными отъ обонкъ королей письмами къ папѣ (1). Но замѣчательно, послы, кромѣ этихъ рекомендательныхъ писемъ, не принесли съ собою ничего ни отъ императора, ни отъ патріарха; они же представили папѣ никакихъ документовъ, которые бы уполномочивали ихъ вести переговоры (2). Уже одно это обстоятельство должно было показать латинянамъ, съ какою осторожностію намѣренъ дѣйствовать при этомъ византійскій дворъ. Но истинное положеніе дѣлъ вполнѣ открылось при самыхъ переговорахъ. Въ данныхъ по требованію папы запискахъ и на словахъ Варлаамъ противъ воли раскрылъ всю невозможность возсоединенія церкви. Онъ не скрываетъ, что дѣло, теперь затѣянное, есть дѣло одного императора, что императоръ не смѣетъ объявить о томъ ни высшимъ классамъ, ни народу, что всѣ питаютъ въ латинянамъ страшную ненависть; отсюда онъ выводитъ, что латинянамъ нужно какъ нибудь зарекомендовать себя въ глазахъ грековъ, что самое

тарентскому, но въ то же время, въ письмѣ къ Роберту, настаивая, чтобы греческіе послы препровождены были для переговоровъ въ Авиньонъ, Венедиктъ XII видимо колеблется между боланію сдѣлать неудобное родственникамъ царствующаго дома и униженіемъ папскаго достоинства; онъ очевидно задѣтъ за живое предложеніемъ грековъ—вести переговоры, относящіеся къ дѣламъ религіознымъ, при дворѣ свѣтскаго государя.

(1) Raynald ad an. 1339 n. 19.

(2) Barlaam et Miles responderunt praedicti, se nequamquam habere hujuscemodi litteras vel mandatum. Allat. de Consens. p. 789.

лучшее средство привлечь къ себѣ благорасположеніе послѣднихъ — это послать состоящее изъ войска подкрѣпленіе на помощь бѣдствующей имперіи. „Знайте говорилъ Варлаамъ, что не народъ греческій послалъ меня къ вамъ, но одинъ императоръ и притомъ втайнѣ, такъ что, если не пошлютъ ему помощи, онъ не дерзнетъ даже объявить, что желаетъ мира съ вами (1)... Императоръ не смѣетъ объявить своего намѣренія соединиться съ вами потому что многіе изъ знатныхъ лицъ и изъ народа, опасаясь, чтобы онъ не вздумалъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ М. Палеологъ, будутъ искать случая умертвить его (2)... Знайте еще и то, что не столько разность догматовъ и обрядовъ дѣлаетъ васъ чуждыми грекамъ, сколько ненависть, которую получили къ вамъ по причинѣ жестокихъ зломъ, которыя вы имъ причинили и доселѣ еще ежедневно причиняете, и соединеніе не можетъ совершиться, если не уничтожится эта ненависть чрезъ какое нибудь великое благодѣяніе, съ вашей стороны имъ оказанное, безъ чего васъ не захотятъ даже слушать (3).“ Послѣ того, какъ латиняне, приславъ помощь грекамъ, расположатъ къ себѣ, такимъ образомъ, послѣднихъ, они могутъ уже, по мнѣнію Варлаама, приступить и къ рѣшенію вѣковыхъ распрей между востокомъ и запа-

(1) Ibid. p. 793.

(2) Allat. de perp. cons. p. 799. Imperator non audet manifestare se, quod velit uniri vobiscum: quoniam si manifestasset se, multi ex principibus suis, etiam ex populo, timentes ne forte si ipse vellet, sicut fecit ipsis Michaël Palaeologus, quarerent opportunitatem interficiendi illum.

(3) Ibid. p. 693. Scitote ex hoc vere, quia non tantum differentia dogmatum separat corda graecorum a vobis, quantum odium, quod intravit in animos eorum contra latinos ex multis et magnis malis, quae per diversa tempora passi sunt Graeci a Latinis, et adhuc patiuntur per singulos dies...

домъ. Но опять Варлаамъ не скрываетъ, что въ этомъ случаѣ не помогутъ ни насиліе, ни соглашеніе при папскомъ дворѣ нѣсколькихъ образованныхъ людей. По его мнѣнію о первомъ и говорить нечего; что касается до послѣдняго, то конечно выборные изъ православныхъ очень легко согласятся съ папскими депутатами (*concordabuntur vobiscum statim facillime*), но изъ этого не будетъ слѣдовать, что дѣло кончено. „Когда наши послы, говорятъ Варлаамъ, возвратятся на востокъ, они не въ состояніи будутъ заставить народъ думать такъ, какъ они между собой согласились; найдутся люди, которые по зависти, по тщеславію или, можетъ быть, убѣжденные, что поступаютъ хорошо, скажутъ народу: братья остерегайтесь, чтобы васъ не обольстили; эти люди (послы) или подкуплены подарками или поддались суетности; потому такъ и проповѣдуютъ; не измѣняйте ничего изъ того, что содержите. Такимъ образомъ, болѣе понимающіе дѣло и соглашавшіеся съ вами не смогутъ ничего сдѣлать и только подвергнуть себя опасности (*nihil facere poterunt, sed magis erunt in periculo a turba pereundi*) (1). Для убѣжденія народа единственнымъ средствомъ можетъ служить, по мнѣнію Варлаама, вселенскій соборъ, всегда пользующійся въ глазахъ народа большимъ авторитетомъ (2). Итакъ вотъ главныя положенія, которыя развивалъ предъ Венедиктомъ XII и кардиналами Варлаамъ: императоръ одинъ хочетъ униі; народъ питаетъ ненависть къ латинянамъ; насиліемъ ничего не

(1) Allat. de Cons. p. 790.

(2) Ibid. quaecunqae a Generali Consilio determinata fuerint, omnes Orientales libenter haec recipient et nemo erit, qui his contradicat. Выраженіе, почему же не принять былъ афонскій соборъ, Варлаамъ рѣшаетъ такъ: illi Graeci, qui interfuerunt isti Consilio non fuerunt missi neque a quatuor Patriarchis..., neque a populo, sed a solo Imperatore.

сдѣлаешь; если нѣсколько лицъ заключать миръ съ папою, то они будутъ заподозрѣны народомъ и также ничего не сдѣлаютъ; единственное средство для воссоединенія церквей—со стороны латинянъ помощь имперіи и съ обѣихъ сторонъ въ то же самое время вселенскій соборъ—авторитетъ для православнаго народа.— На просьбу о помощи противъ турокъ, папа и кардиналы отвѣчали Варлааму, что греки сперва должны соединиться съ римскою церковію и потомъ уже ждать съ запада себѣ вспоможенія; иначе можетъ случиться, какъ это и бывало прежде, что получивъ отъ римской церкви помощь, они потомъ не захотятъ уже обращать на нее ни малѣйшаго вниманія (1). Что касается до вселенскаго собора, то папа и кардиналы, по обыкновенію, представляли дѣло давнымъ давно уже рѣшеннымъ, ученіе объ исхожденіи Св. Духа давнымъ давно выясненнымъ и признаннымъ будто бы на многихъ вселенскихъ соборахъ (Ефесскомъ, Толедскомъ, Ліонскомъ и др.); новый вселенскій соборъ они представляли по этому излишнимъ и кромѣ того неудобнымъ по причинѣ военнаго времени; наконецъ въ созваніи новаго вселенскаго собора видѣли такое дѣйствіе, которое будетъ бросать тѣнь сомнѣнія (*in dubium revocare*) на постановленія прежнихъ соборовъ. Только единственно изъ снисхожденія къ грекамъ, для наставленія ихъ въ истинахъ вѣры, папа и кардиналы соглашались, чтобы отъ

(1) Allat. de Cons. p. 798. Quia si fortificati, ditati et confortati per Sedem Apostolicam, Reges, Principes et populos catholicos ante reunionem, postea terga et non faciem verterent Romanae Ecclesiae, sicut alias, dum credebantur reuniti... facisse noscuntur; procul dubio idem Dominus Pontif., Ecclesia et fideles alii remaneret delusi et dici posset opprobrium non modicum, quod suos et fidei juverant et fortificaverant inimicos et hostes, participassentque scandalosa cum eis.

всѣхъ патріарховъ явились на западъ депутаты и вошли въ сношенія съ папскими уполномоченными съ цѣлію не диспутировать съ послѣдними, но научиться отъ нихъ правой вѣрѣ ⁽¹⁾. Вопреки папѣ и кардиналамъ Варлаамъ старался напротивъ доказать, что помощь противъ турокъ будетъ помощію не грекамъ, а всему христіанству и слѣдовательно не должна быть откладываема; высказывалъ и другія соображенія въ пользу войны съ турками, основанныя на тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ востока и запада. Защищалъ затѣмъ мысль о необходимости вселенскаго собора, доказывая, что испытаніе въ дѣлахъ вѣры нинанимъ образомъ не повредитъ истинѣ, что новый вселенскій соборъ вовсе не предосудителенъ, что въ настоящее время невозможно прислать на западъ депутатовъ отъ всѣхъ вселенскихъ патріарховъ по многимъ причинамъ, что, впрочемъ, еслибы они и были посланы, никогда не получили бы полномочія дѣлать все, что найдутъ по своему разумѣнію необходимымъ; а между тѣмъ церковь константинопольская не можетъ начать дѣла безъ восточныхъ патріарховъ; притомъ, повторялъ Варлаамъ, императоръ не можетъ сдѣлать гласнымъ переговоровъ съ латинянами. Въ заключеніе Варлаамъ предлагалъ было даже проектъ посланія къ греческой церкви отъ лица папы,—посланія, которое, по мнѣнію его автора, если не всѣхъ, то многихъ примиритъ съ римскою церковію. Но это посланіе, которое отличалось вовсе несвойственною латинству умѣренностію, по которому допускалось, чтобы православная церковь и по соединеніи съ римской оставалась совершенно въ томъ

(1) Ibid. p. 795. non per modum disputationis vel concertationis, sed instructionis...

видѣ, въ какойъ была до того времени, даже въ отноше-
ніи къ догмату объ исхожденіи Св. Духа, не было
принято папою и кардиналами. Такимъ образомъ ни
на то, ни на другое предложеніе грековъ папскій дворъ
не хотѣлъ согласиться; не хотѣлъ хлопотать прежде воз-
соединенія съ греческою церковію о присылкѣ на во-
стокъ вспомогательныхъ войскъ; не соглашался также
и на вселенскій соборъ; папа съ кардиналами, какъ
видно, хорошо понималъ, что императоръ хочетъ толь-
ко въ приготовленіяхъ къ вселенскому собору выиграть
время, и, не сдѣлавъ ничего, воспользоваться помощію
запада. Впрочемъ о всемъ происходившемъ въ Авинь-
онѣ Бенедиктъ XII сообщилъ куда слѣдуетъ, т. е. къ
королямъ французскому и неаполитанскому⁽¹⁾, снабдивъ
Варлаама, когда онъ отправлялся въ обратный путь,
письмами къ обоимъ королямъ. Разумѣется такіе не-
удовлетворительные результаты авиньонскихъ совѣщаній
не могли произвести какогонибудь движенія при фран-
цузскомъ и неаполитанскомъ дворахъ и дѣло осталось
въ прежнемъ видѣ.

Тотъ же порядокъ вещей продолжался и въ царство-
ваніе Іоанна Кантакузена (1341—1355), слѣдовавшее
за царствованіемъ Андроника младшаго; также продол-
жались сношенія съ западомъ и Кантакузенъ поступалъ
также осторожно, какъ и Андроникъ III, несмотря на
усилившіяся въ его время бѣдствія имперіи внутреннія
и внѣшнія. Онъ даже еще менѣе возлагалъ надежды
на помощь запада и на связанный съ нею вопросъ о
соединеніи церквей, чѣмъ Андроникъ. Во время меж-
доусобныхъ войнъ съ партією, оспаривавшею у него

(1) Изъ письма къ Роберту неаполитанскому, помѣщеннаго у Аля-
ція, мы и заимствуемъ всѣ вышеприведенныя свидѣнія.

права на опеку надъ девятилѣтнимъ сыномъ Андроника Іоанномъ Палеологомъ, — войтъ, кончившихся для Кантакузена вступленіемъ на престолъ, онъ рѣшился лучше соединиться съ турецкимъ Султаномъ Орканомъ, выдавъ даже за него свою дочь; но не обратился за помощію къ папѣ. Правда, когда наконецъ въ 1347 г. междоусобная война кончилась, когда преніе союзники турки могли возбудить тѣмъ сильнѣйшее опасеніе, чѣмъ въ ближайшія къ грекамъ стали отношенія; тогда Кантакузенъ рѣшился искать себѣ опоры на западѣ; но и при этомъ не слишкомъ-то увлекался мыслию о соединеніи церквей. Съ цѣлю изгладить изъ ума папы и западныхъ христіанъ неблагопріятныя слухи, распространившіеся на счетъ связи его съ турками, расположить въ свою пользу сердца западныхъ христіанъ и такимъ образомъ, если удастся, найти себѣ помощь на западѣ, Кантакузенъ отправилъ въ 1348 г. троихъ свѣтскихъ пословъ къ папѣ Клименту VI (1342—1352). Онъ старался дать понять папѣ, что къ связи съ турками побудили его обстоятельства, но отнюдь не религіозныя какія нибудь расположенія. Императоръ желалъ также, чтобы папа назначилъ его главою предпріятія, приготовлявшагося тогда на западѣ противъ мусульманъ (1), объявляя, что онъ много поможетъ предпріятію, доставитъ арміи свободный проходъ въ Азію и самъ отправится съ своими войсками туда же (2). Климентъ VI очень хорошо принявъ императорскихъ пословъ, въ 1350 г. отправилъ въ Константинополь двухъ

(1) Въ это время еще продолжались движенія, сопровождавшія прибытіе во Францію Петра Лувиана короля кипракаго, который явился туда съ просьбами о помощи противъ кипрскихъ султановъ.

(2) Cantacuz. IV. c. 9. См. Hist. Eccl. Fleuri, an. 1347 n. XLII.

епископовъ съ двумя письмами—къ самому Кантакузену и къ военному начальнику Константинополя Ассану съ обыкновенными предложеніями оставить схизму. Кантакузень обошелся съ папскими послами, какъ человѣкъ сердечно желающій что нибудь одѣлать для примиренія съ римскою церковію, но рѣшительно лишенный всякой къ тому возможности, сознающій, что дѣло это выше его силъ и потому ни въ какомъ случаѣ непринимаящій на себя такой, превышающей силы одного человѣка, задачи, наконецъ возлагающій всѣ надежды въ этомъ случаѣ на вселенскій соборъ. Въ сущности Кантакузень выставилъ дѣло въ томъ же видѣ, какъ и Варлаамъ, только въ менѣе рѣзкихъ чертахъ. „Что касается до соединенія церквей, говорилъ Кантакузень, то я не могу довольно выразить, на сколько я его желаю... Однако дѣло такой важности требуетъ большой осторожности, потому что касается не временныхъ благъ, но вѣчныхъ и чистоты вѣры. Нельзя полагаться на одного себя, какъ будто возможно одному достигнуть столь высокаго знанія... Противный образъ дѣйствій не удался императору Михаилу, первому изъ Палеологовъ и только умножилъ раздѣленія“. Кантакузень старался въ тоже время внушить папскимъ посламъ уваженіе къ убѣжденіямъ; представлялъ имъ, что убѣжденіе въ чемъ либо во первыхъ нетакъ-то легко уничтожить, во вторыхъ люди, не скоро поддающіеся убѣжденіямъ другихъ, суть люди, на которыхъ можно положиться, которые и по перемѣнѣ убѣжденій будутъ также вѣрны новымъ, какъ крѣпко держались старыхъ. Итакъ заключалъ свою рѣчь императоръ: „я полагаю, что должно составить вселенскій соборъ изъ епископовъ восточныхъ и западныхъ и, если это случится, то Богъ

не позволить намъ отклониться отъ истины... Мы соединимся гдѣ либо въ приморскомъ мѣстѣ, на среднѣмъ пути, куда придетъ онъ съ епископами западными, а я съ патріархами восточными и подчиненными имъ епископами⁴. Удовольствовавшись этимъ отвѣтомъ и получивъ отъ императора подарки нунціи возвратились на западъ. Климентъ вскорѣ послѣ этого послалъ сказать императору, что его предложеніе держать соборъ ему—папѣ очень нравится, но что онъ напередъ долженъ собрать западныхъ епископовъ для того, чтобы согласиться на счетъ времени и мѣста. Не много времени спустя Климентъ снова писалъ императору, прося Кантакузена не приписывать его небреженію отсроченіе собора. „Я ничего болѣе не желаю, прибавляя папа, какъ только церковной уніи, но итальянскіе принцы и главнѣйшіе изъ владѣтелей нашего участка ведутъ теперь войну и готовы напасть одинъ на другаго съ многочисленною арміею, а моя обязанность, какъ общаго отца, заботиться о мирѣ между ними; когда всѣ эти обстоятельства прекратятся, я ничего уже не буду имѣть на сердцѣ кромѣ того, что относится къ собору и церковному миру⁴. Въ отвѣтъ на это письмо императоръ послалъ въ Авиньонъ одного латинянина (Іоанна изъ Доминиканцевъ); благодарилъ папу за его добрыя намѣренія и просилъ его продолжать начатое (⁴). Смерть Климента VI (1352) не остановила сношеній византійскаго двора съ авиньонскимъ; они продолжались и при слѣдующемъ папѣ, Иннокентіи VI (1352—1362). Кантакузень, узнавъ о вступленіи на престолъ Иннокентія VI, послалъ къ нему опять доминиканца,

(⁴) Cantacuz. lib. IV, c. 9. Hist. Eccl. Fleuri, an. 1350, n. LI.

по имени также Иоанна (может быть тоже лице, которое посылалъ и къ предыдущему папѣ) съ письмомъ, въ которомъ выражалъ свое желаніе церковной уніи. Иннокентій VI съ своей стороны отвѣчалъ ему также письмомъ, въ которомъ обѣщалъ ему всякую помощь духовную и матеріальную, если только онъ исполнитъ задуманное ⁽¹⁾. Главнымъ же образомъ нужда была въ послѣдняго рода помощи, потому что кромѣ турокъ имперію снова начали тревожить внутреннія смуты: Кантакузенъ снова поссорился съ своимъ зятемъ и настоящимъ государемъ, бывшимъ подъ его опекой, Иоанномъ Палеологомъ и снова началась междоусобная война. Переписка Кантакузена съ Иннокентіемъ VI была послѣднимъ его дѣломъ; вскорѣ, въ 1355 году, Кантакузенъ долженъ былъ оставить престолъ.

Время усиленныхъ сношеній между дворами папскимъ и византійскимъ наступило только теперь, со вступленіемъ на престолъ Иоанна Палеолога (1355 — 1391). Когда Кантакузенъ, въ 1355 г., промѣнялъ императорскій престолъ на монашество, тогда дѣло, казалось, пошло очень успѣшно; по крайней мѣрѣ одна сторона совершенно перестала задерживать ходъ дѣла, перестала представлять какія бы то ни было возраженія и затрудненія къ его выполнению; Иоаннъ Палеологъ, забывъ осторожность своихъ предшественниковъ, вдругъ, безъ всякихъ возраженій, согласился рѣшительно на все, чего требовалъ папа. Но, если дѣло повидимому быстро пошло впередъ, то это только на бумагѣ и въ отношеніяхъ только между папою и императоромъ. Самъ Иоаннъ Палеологъ не скрывалъ отъ папы, что народъ

(1) *Annal. Eoccl. Byz.* ad an. 1353 n. 22.

греческій, отъ долговременной привычки, закоренѣлъ, какъ онъ выражался, въ православіи, и что ему, можетъ быть, не удастся привести свой планъ въ исполненіе мирнымъ образомъ. Поставленный въ невыгодное положеніе при своемъ вступленіи на престолъ, имѣя себя соперника въ лицѣ сына Іоанна Кантагузена Матвея (который объявилъ себя также императоромъ), болѣе, чѣмъ всѣ его предшественники, угрожаемый турками, которые вторглись теперь уже въ европейскія области имперіи, завоевали многіе города Фракіи, не обладая, кромѣ того, твердостью характера и дарованіями, — Іоаннъ почувствовалъ себя въ отчаянномъ положеніи и, какъ свойственно человѣку въ такомъ состояніи духа, остановился на самыхъ несбыточныхъ, мечтательныхъ, безумныхъ планахъ. Ему казалось, что одно подчиненіе папѣ спасетъ имперію и вотъ, забывъ предшествующіе опыты, онъ начинаетъ дѣйствовать легкомысленно, очертя голову. Тотчасъ же, по вступленіи своемъ на престолъ, въ 1355 г., этотъ государь заключаетъ съ папою Иннокентіемъ VI актъ подчиненія римской церкви съ своей стороны и обязательства помогать имперіи съ его стороны. По соглашенію съ папскимъ интернунціемъ, Павломъ архіеп. смирнскимъ, императоръ написалъ оффиціальную грамоту и отправилъ этотъ важный документъ къ папѣ, съ вышеозначеннымъ латинскимъ епископомъ и однимъ изъ своихъ вельможъ, Николаемъ Сигеросъ. Въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ говорилось въ этой грамотѣ о подчиненіи императора папѣ и объ обязательствахъ съ его стороны подчинить всю православную церковь римскому престолу, о помощи, какую долженъ прислать папа подъ залогъ его сына Мануила и самой имперіи

греческой, о томъ, что папа дѣлается по этой грамотѣ полнымъ господиномъ и наследникомъ имперіи Андроника и самой имперіи, какъ скоро императоръ не исполнитъ своего слова. „Отсалъ“, писалъ императоръ въ этой грамотѣ, „я пребуду вѣрнымъ, покорнымъ, почтительнымъ и преданнымъ блаженнѣйшему отцу и господину нашему Иннокентію VI, святой римской и вселенской церкви верховному первосвященнику и его преемникамъ. Употреблю всѣ возможные средства къ тому, чтобы всѣ народы нашей имперіи также сдѣлались вѣрными, послушными, почтительными и преданными тому же нашему отцу и верховному первосвященнику и его преемникамъ. Но, такъ какъ время ожесточило сердца народа, такъ какъ его съ трудомъ можно отвлечь отъ того, съ чѣмъ онъ сроднился, и поставить его на новый путь можно не иначе, какъ дѣйствіями мудрыми и умѣренными, то я рѣшился употребить слѣдующія средства“. Но прежде изложенія этихъ послѣднихъ императоръ предлагаетъ папѣ условія, на которыхъ должно состояться подчиненіе греческой церкви римскому престолу. Предлагая Иннокентію въ заложники своего сына Мануила, Іоаннъ требовалъ, чтобы папа представилъ ему 15 транспортныхъ судовъ, 5 галеръ, 500 конницы и 1000 человекъ пѣхоты на шесть мѣсяцевъ для войны съ турками. Эти шесть мѣсяцевъ назначалъ императоръ вѣсть съ тѣмъ срокомъ для приведенія всего греческаго народа въ подчиненіе папѣ слѣдующими практическими мѣрами. „Въ продолженіе этого времени, писалъ онъ въ своей грамотѣ, легатъ господина нашего папы предоставитъ бенефиціи, церковныя должности способнымъ лицамъ изъ грековъ, тѣмъ, которые добровольно согласятся принять унію и подчиниться

должались. Въ отвѣтъ на папское письмо 1356 г. императоръ въ 1357 г. письменно также увѣрялъ папу въ своей вѣрности данному слову, изъявлялъ готовность послать къ нему сына своего Мануила (не смотря на увѣренія легата, что этого пока не требуется отъ него), даже обѣщаль, если Богу будетъ угодно, явиться лично къ папѣ для засвидѣтельствованія предъ нимъ своей покорности, увѣрялъ папу, что патріарха врага уни онъ изложитъ и на его мѣсто поставитъ другаго, расположеннаго къ римской церкви. „Но“, прибавлялъ императоръ, „что касается до настоящаго времени, я не могу сдѣлать, чтобы всѣ мои подданные повиновались римской церкви, потому что не всѣ вѣрны и покорны мнѣ самому; напротивъ многіе ищутъ случая поднять мятежь противъ меня самаго; впрочемъ, если вы пошлете мнѣ ту помощь, какой я прошу у васъ, въ такомъ случаѣ я исполню все (1). Въ 1359 г. Иннокентій пытался было удовлетворить требованіямъ Іоанна Палеолога, пробудить участіе на западѣ къ судьбѣ Константинополя. Буллою 11 мая 1359 г., адресованною къ Петру Томасу (бывшему прежде нѣсколько разъ посредникомъ въ сношеніяхъ визант. императора съ папою) общему легату Кипра и ближайшихъ провинцій, къ латинскому патріарху Константинополя, къ остальнымъ архіереямъ Романіи, Кипра, Крита, Смирны и ихъ викаріямъ, Иннокентій повелѣвалъ латинскимъ епископамъ поименованныхъ странъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Турокъ (2). Но и эта мѣра

(1) Это письмо Іоаннъ Палеологъ отправилъ съ тѣмъ же Петромъ Томасомъ, еп. Патты, который привнесъ папскій отвѣтъ на знаменитую грамату 1355 г.

(2) Hist. Eccl. Fleur. an: 1359 n. XL.

нигда также мало успѣха, какъ и прещія. — Чѣмъ даль-
ше, тѣмъ все рѣшительнѣе долженъ былъ дѣйствовать
Іоаннъ Палеологъ въ своихъ сношеніяхъ съ папою. Въ
1361 г. турки взяли близкій къ Константинополю го-
родъ Адрианополь; это было очень чувствительнымъ
ударомъ для имперіи. Между тѣмъ въ тоже самое время
при папскомъ дворѣ начали возникать стремленія под-
нять упавшій авторитетъ папскаго престола; явилась
мысль перенести резиденцію папы опять въ Римъ. Та-
кимъ образомъ обстоятельства препятствовали и тому
и другому двору холодно взглянуть на старый вопросъ;
одна сторона искала въ немъ единственнаго для себя
спасенія; другая чрезъ него надѣялась сколько нибудь
подняться въ своихъ собственныхъ глазахъ; этотъ во-
просъ гармонировалъ съ ея настроеніемъ. Потому-то
нѣтъ ничего удивительнаго, что, съ вступленіемъ (въ
1362 г.) на престолъ, задумавшаго переселиться изъ
Авиньона въ Римъ, папы Urbana V и со взятіемъ
Адрианополя турками въ 1361 г., папа и византійскій
императоръ вошли въ болѣе дѣятельныя, чѣмъ прежде,
сношенія между собою. Но дѣло въ томъ, что если
одна сторона готова была на всевозможныя уступки въ
письмахъ, на бумагѣ, то другая, уже не довольствуясь
одними подобными уступками, требовала самаго дѣла,
дѣйствительнаго перехода въ римскую царювь и при-
томъ не одного только императора, но и клира и на-
рода греческаго. Съ другой стороны и императоръ тре-
бовалъ себѣ дѣйствительной помощи противъ турокъ,
а не однихъ папскихъ обѣщаній и буллъ. Обѣ стороны
находились, такимъ образомъ, въ затруднительномъ по-
ложеніи потому, что обѣ не могли исполнить взаим-
ныхъ обѣщаній: одна не могла подчинить папѣ грече-

своей перьями, другая — доставить для греческой империи нужной помощи. Об императоре и говорить нечего; папа не могъ составить ополченія потому, что прошла пора подобныхъ предпріятій, притомъ грекамъ вавое не расположены были помогать на западъ, какъ такому народу, который не можетъ быть защитою для Европы отъ невѣрныхъ и который казался притомъ многимъ изъ западныхъ хуже самихъ невѣрныхъ (1). Но всего этого не могли или не хотѣли помыслить ни папа ни Іоаннъ Палеологъ и потому, побуждаемые своими расчетами и планами, они продолжали хлопотать о совершенно невозможномъ дѣлѣ. Въ 1365 г. началась довольно обширная переписка между Урбаномъ V и Іоанномъ Палеологомъ. Въ 1365, г. говорится у Райнвальда, папа, не обращая вниманія на тѣхъ, которые думали, что не нужно оказывать помощи грекамъ до тѣхъ поръ, пока не отвергнутъ они схизму, писалъ въ Іоанну Палеологу и въ своемъ письмѣ увѣряя послѣднего, что онъ (папа) часто думаетъ, какъ бы помочь восточной имперіи, обидствующей отъ турокъ и что, хотя въ настоящее время невозможно сформировать крестоваго похода противъ турокъ, однакожъ есть надежда привести въ исполненіе это предпріятіе, какъ скоро возстановится миръ между враждующими западными государями; въ заключеніе, разумѣется, увѣщивалъ императора самимъ дѣломъ перейти въ римскую церковь. Неизвѣстно что отвѣчалъ на это папское письмо императоръ; извѣстно только, что Урбанъ въ слѣдующемъ (1366) году опять писалъ въ Константинополь и на этотъ разъ уже

(1) Видно изъ письма Петрарки, которое мы уже два раза приводили выше, равно какъ изъ многихъ папскихъ буллъ и писемъ.

(2) Rayn. ad an. 1365 p. 22.

прямо завѣщалъ Юанна Палеолога, что ему готовы помочь Людовикъ король Венгерскій, Петръ король Кипрскій и Амедей графъ Савойскій, но только подъ условіемъ, если императоръ исполнитъ свое обѣщаніе и подчинитъ свой народъ апостольскому престолу; въ заключеніе своего письма Урбанъ присовокупилъ угрозу, что если греки по прежнему будутъ упрямы, то на нихъ будутъ смотрѣть какъ на язычниковъ и мытарей и не окажутъ имъ никакой помощи (1). Урбанъ V, какъ видно, довольно энергично взялся за дѣло подчиненія себѣ греческой церкви; по крайней мѣрѣ онъ принялъ мѣры, чтобы какъ нибудь не оказана была помощь грекамъ до подчиненія ихъ римской церкви. Въ такомъ духѣ писалъ онъ къ королю Венгерскому. „Конечно“ писалъ Урбанъ Людовику, „мы считаемъ рѣшеннымъ, чтобы дѣло защиты грековъ съ дѣлію приведенія ихъ къ единству съ римскою церковью ты исполнилъ должнымъ образомъ; однакожь нужно дѣйствовать при этомъ благоразумно и разсудительно, дабы не обратилось во вредъ то, что дѣлается для пользы“. По мнѣнію Урбана вопросъ о соединеніи церквей—вопросъ очень трудный и опасный; греки, по его словамъ, много уже разъ начинали переговоры о церковномъ мирѣ съ хитрою цѣлію и теперь они обратились съ предложеніемъ подчиниться римской церкви не по доброй волѣ, а единственно потому, что имъ нужна помощь венгерскаго короля (*coacti pro habendo tuo sussusu*); поэтому папа отлагалъ исполненіе взятаго Людовикомъ на себя предпріятія на годъ, до тѣхъ поръ, пока греки не исполнятъ всего того, что потребуетъ

(1) Rayn. ad an. 1366 n. 1—2.

отъ нихъ римская церковь; свою апостольскую властію разрѣшала венгерскаго короля отъ клятвы, какую послѣдній далъ грекамъ (1). Какъ видно, между императоромъ византійскимъ и королемъ венгерскимъ были сношенія и дѣло о походѣ противъ турокъ шло между ними успешно. Оно и понятно: опасность, грозившая Иоанну Палеологу грозила вмѣстѣ и Людовику венгерскому по смежности ихъ владѣній и по близости обоихъ къ туркамъ (2). Между тѣмъ все, что писалъ Урбанъ венгерскому королю, сдѣлалось извѣстнымъ Иоанну Палеологу. Тогда послѣдній для того, чтобы лично хлопотать о помощи противъ турокъ и лично увѣрить Людовика въ своей готовности подчиниться римской церкви отправился въ Венгрію. Здѣсь съ клятвою увѣрялъ онъ Людовика въ своей готовности повиноваться вмѣстѣ съ своими сыновьями всѣмъ повелѣніямъ апостольскаго престола. „Склоненный такими прекрасными обѣщаніями, говоритъ Райнальдъ, воспламененный желаніемъ распространенія вѣры, благочестивый государь (Людовикъ) обязался отразить нападенія турокъ, а Палеологъ съ своей стороны принять католическую вѣру и оба послали ораторовъ къ Урбану, чтобы онъ утвердилъ ихъ договоръ своимъ апостольскимъ авторитетомъ (3)“. Когда папа узналъ отъ пословъ императорскихъ и королевскихъ о всемъ происшедшемъ при венгерскомъ дворѣ, то рѣшился дѣйствовать также, какъ нѣкогда дѣйствовали папы во времена Михаила

(1) Если только ты далъ ее, прибавляетъ Урбанъ. Рауп. ad an. 1366 n. 3.

(2) Ibid. n. 4.

(3) Ibid. Какъ видно изъ слѣдующаго письма, это были со стороны императора его придворный Георгій Магницаргъ, а со стороны Людовика Стеванъ еп. витрійскій.

Палеолога; въ длинномъ своемъ письму, наполненному множествомъ восклищаній по случаю имѣющаго вскорѣ совершиться великаго событія, Урбанъ присовокупилъ въпервыхъ формулу вѣроисповѣданія Климента IV (1), приложенную нѣкогда Михаилу Палеологу и имъ подписанную, затѣмъ формулу присяги римской церкви и наконецъ формулу отреченія отъ схизмы. Въмѣстѣ съ императорскимъ послемъ Урбанъ отправилъ въ Венгрію своихъ интернунціевъ для того, чтобы утвердить все, те, что король венгерскій заключилъ съ императоромъ, съ клиромъ и народомъ греческимъ (2). Дѣло такимъ образомъ пошло повидимому успѣшно (3). Оно, казалось, еще болѣе подвинулось впередъ, когда въ 1367 году Урбанъ отправился изъ Авиньона въ Римъ и такимъ образомъ освободился отъ стѣснительной и унижительною для папскаго авторитета оцѣнки французскихъ королей. Еще не доѣзжая до Рима, въ Витербѣ, Урбанъ: V встрѣтилъ императорскихъ послевъ, которые извѣстили его, что въ непродолжительномъ времени Іоаннъ Палеологъ самъ лично явится въ Римъ засви-

(1) Объ извѣщеніи ерми Урбанъ писалъ, что оно должно быть признано войско и клиромъ и народомъ.

(2) Вауп. ad an. 1366 n. 4.

(3) Папа въ это время, довольный уступчивостію императора, дѣтельно сталъ хлопотать о крестовомъ походѣ противъ турокъ. По свѣдѣтельству Райнальда, Урбанъ возбуждалъ христіанъ въ Германіи, Богеміи, Венгріи, Болгаріи. «Въ окружныхъ посланіяхъ онъ старался, по слову Райнальда, воспоминать вѣрными къ послѣднему за знаменіемъ короля венгерскаго обѣщаніемъ индульгенцій (ad an. 1366 n. 4)». Но истинное положеніе дѣла раскрываетъ всего лучше письмо Петрарки къ папѣ (написанное въ томъ же 1366 г.), которымъ онъ убиваетъ Урбана возвратиться изъ Авиньона въ Римъ и между прочимъ дѣтельно заняться завоеваніемъ Константинополя, исполненіемъ важнѣйшаго дѣла, которое давно стоитъ на очереди, покореніемъ грековъ-охизматиковъ, которые, по его словамъ, хуже самыхъ невѣрныхъ (Ibid. n. 24).

дѣлствовать свою покорность апостольскому престолу. Такое извѣстіе побудило Урбана написать нѣсколько писемъ—къ сыновьямъ Іоанна, къ императрицѣ, ея отцу, нѣкогда императору, Іоанну Кантакутону, къ архимандритамъ и ко всѣмъ грекамъ (*salogeris Graeciae*), даже патріархамъ константинопольскому, александрійскому и іерусалимскому, убѣждая всѣхъ поспѣдовать примѣру Іоанна Палеолога (1). Іоаннъ Палеологъ дѣйствительно сдержалъ свое обѣщаніе; въ 1369 году онъ прибылъ въ Римъ и исполнилъ всѣ тѣ унижительные обряды, какимъ подвергались представлявшіеся папѣ западные государи, кромѣ того торжественно прочиталъ исповѣданіе вѣры, присягу въ вѣрности папѣ и отреченіе отъ склзим (*professionem, iuramentum et abjurationem*). 18 октября императоръ (2) отправился въ церковь Св. Духа и тамъ, въ присутствіи откомандированныхъ на этотъ случай четырехъ кардиналовъ, произнесъ все то, что отъ него требовали, т. е. исповѣданіе вѣры, присягу

(1) Вауп. ad an. 1367 n. 5 — 7. У Райнальда не разсказывается, будто бы патріархи Филосей константинопольскій, Никейскій александрійскій и Лазарь іерусалимскій сочувствовали дѣлу Іоанна Палеолога и прислали Урбану письма, въ которыхъ будто бы выражали свое желаніе подчиниться папѣ. Писемъ этихъ, впрочемъ, Райнальдъ не приводитъ. Во всякомъ случаѣ, извѣстіе это сомнительно, или по крайней мѣрѣ вовсе не такъ передано у Райнальда, какъ можетъ быть дѣло было на самомъ дѣлѣ. Обыкновенное желаніе воссоединенія церкви можетъ быть принято или за желаніе подчиниться папѣ.

(2) Въ документахъ, относящихся къ этому дѣлу (у Аляція въ его *de reg. cons.* p. 843—852), ничего не говорится о томъ, что именно былъ въ это время съ императоромъ. Въ швейцарской буллѣ, данной четырьмя кардиналамъ, имѣющимъ присутствовать при торжественномъ переходѣ І. Палеолога въ римскую церковь, упоминаются только то прелаты и миряне, прибывшіе съ императоромъ (*et alios graecos tam clericos et religiosos, quam etiam prelatos et laicos, existentes cum eo, qui ad ejus Ecclesiae venire voluerunt unitatem*), то престо и пречіе греки (*aliorum graecorum, qui venerant cum dicto imperatore et profiteri volebant*).

и отречение отъ схизмы. По окончаніи церемоніи кардиналы дали ему цѣлованіе, какъ истинному католику. Церемонія поцѣлованія папѣ исполнена чрезъ нѣсколько дней; 21 октября папа отправился въ храмъ Св. Петра и возсѣлъ на папскомъ престолѣ, одѣтый во все свои папскія одежды, окруженный также торжественно одѣтыми кардиналами. Въ это торжественное собраніе вошелъ Іоаннъ Палеологъ; увидѣвъ папу, онъ сдѣлалъ три коленнопримоченія; потомъ, приблизившись къ папѣ, поцѣловалъ у него *носу*, *руки* и *уста*. Послѣ этого папа всталъ, взявъ императора за руку и началъ пѣть *Te Deum*; затѣмъ началась латинская месса, которую совершалъ самъ Урбанъ V (1). Замѣчательно, въ какой мѣрѣ довѣряли латинские Іоанну Палеологу и вообще грекамъ. Опасаясь интриговъ и увертокъ со стороны послѣднихъ, Урбанъ принудилъ императора въ 1370 г. дать еще одинъ документъ, которымъ Іоаннъ Палеологъ во избѣжаніе обоюдности объяснилъ, что когда онъ торжественно свидѣтельствовалъ о своемъ подчиненіи римской церкви, то разумѣлъ при этомъ ту церковь, глава которой Урбанъ V, а не греческую церковь (такъ какъ греки, называя себя римлянами и свою церковь могли называть римскою (2)). Тронутый такою неискоренностію Іоанна Палеолога, Урбанъ торжественно обѣщалъ императору притти съ западными христіанами на помощь грекамъ; но когда обратился онъ съ предложеніемъ помочь восточной имперіи къ западнымъ государямъ, то получилъ отъ нихъ только пустыя обѣщанія (3). Безполезность всего, что дѣлалъ доселѣ грече-

(1) Rayn. ad an. 1369 n. 1—4.

(2) Rayn. ad an. 1370 n. 4.

(3) Ibid. Окружными посланіями извѣщалъ папа всѣхъ вѣрныхъ, что

скій императоръ для спасенія своей имперіи, открылась для него вскорѣ. Возвращаясь въ Константинополь, на пути онъ былъ задержанъ своими аннодавцами въ то самое время, когда готовился отплыть изъ Венеціи и здѣсь принужденъ былъ оставаться нѣсколько мѣсяцевъ; обѣщавшій освободить отъ турокъ восточную имперію папа не хотѣлъ или не могъ помочь освобожденію восточнаго императора, задержаннаго за долги (1). Возвратясь наконецъ въ Константинополь Іоаннъ Палеологъ тщетно ожидалъ исполненія папскихъ обѣщаній, въ кругу семейства, раздражаемаго несогласіями и посреди грековъ его презиравшихъ. Цѣлыхъ три года (1370—1374) онъ ждалъ помощи отъ папы и сносился съ римскимъ дворомъ. Папа въ свою очередь тщетно ожидая подчиненія себѣ клера и народа, въ своихъ письмахъ къ императору въ эти три года напоминалъ ему о переходѣ всѣхъ его подданныхъ въ лоно римской церкви. Уже въ 1370 г. папа писалъ къ греческому клеру, высказывая ему, что если велика была радость для римской церкви, когда перешелъ къ ней императоръ, то еще болѣе римская церковь возрадовалась бы, если бы возвратились во св. католическую церковь, являющуюся источникомъ спасенія, пастыри греческой церкви (2). Въ 1373 г. Григорій XI (1370—1378), принявъ императорскаго посла (Іоанна Ласкариса), прибывшаго умолять западъ о помощи, писалъ Іоанну, что западъ пока предлагаетъ ему незначительную помощь (нѣсколь-

теперь, весьма нужно обратиться къ визант. императору, какъ къ сильному и оказывать ему всякую помощь. Но никто не откликнулся на этотъ призывъ.

(1) Истор. вѣст. пох., соч. Мишо, ч. IV, стр 584.

(2) Вауп. ad an. 1370 п. 2—3.

по галеръ) (1), что болѣе значительное пособіе византийской имперіи будетъ оказано тогда, когда возстановленъ будетъ миръ на западѣ и когда имперіи и народъ греческій, оставивъ схизму, изъ за которой, какъ всѣ думаютъ, (ut compertis opinio est) греческая имперія дошла до ничтожества, обратится къ единенію съ римскою церковію; папа прибавлялъ, что когда это послѣднее сбудется, тогда „онъ самъ и западные государи будутъ безъ сомнѣнія поспѣшнѣе (promptiores) въ оказаніи помощи грекамъ“. Тутъ же папа совѣтовалъ императору, клиру и народу греческому (если только они хотятъ) подчиниться римской церкви и съ этою цѣлію начать снова переговоры и сношенія; просилъ ихъ также извѣстить себя письмомъ, каковы именно ихъ намѣренія (2). Такимъ образомъ Григорій XI снова поднималъ вопросъ, чувствуя, конечно, что, съ переходомъ Іоанна Палеолога въ латинство, дѣло воссоединенія церквей не подвинулось въ сущности ни на шагъ. Григорій не ограничился одними совѣтами, а сталъ принимать и мѣры къ подчиненію себя всей греческой церкви. Такъ въ 1374 г. онъ спрашивалъ одного латинскаго епископа (Раймунда Бн. Патавенскаго), жившаго на востокѣ, „сколько нужно употребить усилій“ для того, чтобы привести грековъ въ подчиненіе римской церкви и почему императоръ не доводитъ до конца начатаго имъ дѣла (3). Занятый подобными

(1) Тогда положено было папою, вмѣстѣ съ западными государями, для усмиренія турокъ, построить 20 галеръ, чтобы этотъ небольшой флотъ препятствовалъ переправѣ турокъ изъ Азіи въ Европу. Какъ увидимъ ниже и это обзвчаніе не исполнено.

(2) Ibid. ad an. 1373 n. 1 et 2.

(3) Папа для чего-то требовалъ еще, чтобы его корреспондентъ епископъ сообщалъ ему документы, относящіеся къ сношеніямъ правосла-

соображении, Григорій рѣшилъ въ томъ же 1374 г. отправить въ Константинополь своихъ легатовъ съ полномочіемъ принять въ лоно римской церкви клиръ и народъ греческій. Легаты (цѣль человекъ) снабжены были впервые доверительными грамотами къ клиру и народу греческому, формулами римскаго исповѣданія вѣры, присяги и отреченія отъ ереси, наконецъ письмомъ къ императору, увѣрявшимъ послѣдняго, что греческій народъ можетъ обратитъ опасность, грозящую ему со стороны турокъ, единственно только чрезъ тѣснѣйшій союзъ (*arctissimum foedus*) съ римскою церковью (1). Что дѣлали панскіе послы въ Константинополь и какъ ихъ тамъ приняли, сказать этого не можемъ по недостатку историческихъ данныхъ; можемъ только (впрочемъ почти съ несомнѣностію) предполагать, что они не были тамъ рѣшительно никакого успѣха. Между тѣмъ, какъ пала такъ наввно недоумѣвалъ, почему императоръ не доводитъ до конца начатаго имъ дѣла и принималъ указанныя выше мѣры, обстоятельства показали, что всѣ планы папы и императора были чистыми мечтами. Устрашенный побѣдами турокъ, Іоаннъ Палеологъ заключилъ въ 1374 г. съ Амуратомъ союзъ, призналъ себя его данникомъ и обязался выѣхать съ турками ходитъ на войну по приказанію турецкаго султана. Узнавъ о такихъ печальныхъ событіяхъ на востоцѣ, Григорій XI могъ отвѣчать Іоанну Палеологу только соболѣзнованіемъ къ его несчастному положенію, но не могъ возбудить въ западныхъ государяхъ дѣятельнаго участія къ судьбѣ бѣдствующей имперіи (2). До-
ной церкви съ латинскою во времена Климента IV, т. е. съ 1342—1352.
Rayn. ad an. 1374 n. 1.

(1) Ibid. n. 1—3.

(2) Впрочемъ даже въ 1373 г. Григорій XI все еще не терялъ на-

вольно энергично хлопоталъ въ это время папа о помощи для константинопольскаго императора, писалъ много писемъ къ венгерскому королю, къ родосланъ, призывая послѣднимъ переселиться въ предѣлы византийскаго имперіи для войны съ турками, къ готуецамъ и венеціанцамъ. Въ письмѣ къ королю венгерскому, изчисляя все, что дѣлалъ Іоаннъ Палеологъ въ угодность римскому престолу для полученія помощи съ запада, папа писалъ: „и не смотря на все это императоръ доселѣ не могъ получить этой помощи (illaud adhilum tamen adhuc obtinere nequivit) (1)“⁴. Это были послѣднія усилія папы, желавшаго, подобно своему предшественнику, поднять уваженій авторитетъ своего престола, но неуспѣшнаго въ своемъ намѣреніи. Черезъ два года послѣ описанныхъ выше событій: престолъ папскій находился въ такой же почти опасности, въ какой и византийскаго имперіи, и папа было уже не до подчиненія себя восточной церкви. Попытка Григорія XI освободиться изъ подъ вліянія французскихъ королей дорого стоила папскому престолу: съ 1378 г. начался въ западной церкви, такъ называемый, великій расколъ.

когда на подчиненіе себя православной церкви. Намѣревался, подобно своему предшественнику (Урбану V), но уже навсегда, остаться Армянъ-онъ и переселиться въ Римъ и узнать, что бывшій имп. Іоаннъ Кантакузень, а теперь инокъ, высказался въ пользу первенства римской папскаго (въ диспутѣ между католическими иудеями, идущими въ Армашію, и православными),—Григорій XI съ надеждою остановилъ свои взоры на инокъ императоръ. Въ своемъ письмѣ отъ 1375 г. къ Кантакузену онъ ршеуетъ послѣднему широкое поприще дѣятельности въ пользу римской церкви; старается внушить ему, что, по своему вліянію и авторитету, онъ можетъ быть заправителемъ великаго дѣла, приглашаетъ его для личнаго съ собою свиданія и совѣщанія въ Римъ, куда, по его словамъ, и онъ самъ намѣренъ прибыть въ слѣдующую осень. См. Рауп-адъ an. 1375 n. 2 et 3. ..

(1) Ibid. n. 6.

Слѣдующія за тѣмъ времена съ 1378 г. (до 1415, когда начались сношенія съ Римомъ, кончившіяся эдиренскимъ оборотомъ) вопросъ о соединеніи церквей рѣшительно не занималъ никого, не рѣшалъ быть даже предметомъ дипломатической переписки. Папы и антипапы были ваяты ожесточенными спорами между собою. Императоры византійскіе, испытавъ всю неосновательность своихъ расчетовъ на папу и его содѣйствіе имперіи, не знали теперь сверхъ того, къ которому изъ двухъ или трехъ папъ обратиться. Правда, состояніе имперіи тогда было таково, что если когда, то въ эти особенно времена она нуждалась въ помощи запада. Вся византійская имперія заключалась почти въ стѣнахъ одного Константинополя. Да и въ самомъ Константинополѣ императоръ не былъ полною властью государемъ. Іоаннъ Палеологъ, который задумалъ было укрѣпить свою столицу, принужденъ былъ по приказанію султана разрушить начатыя имъ укрѣпленія. Сынъ Іоанна Мануилъ долженъ былъ платить дань султану въ 10,000 елоринговъ. По настоянію султана въ Константинополѣ построена была мечеть и доущенъ кадіи для мусульманъ. Турки постоянно были въ виду Константинополя и эта столица находилась такимъ образомъ какъ бы въ постоянной осадѣ. При такомъ положеніи дѣлъ, казалось, непременно должны были завязаться, по примѣру прежнихъ временъ, сношенія между императорами и папами. Сношенія дѣйствительно завязались и начались. Мануилъ Палеологъ (1391—1425) обратился къ папѣ въ тяжелую для имперіи минуту, въ то время, когда Баязеть въ 1393 г. осаждалъ Константинополь и обязалъ Мануила вышеприведенными тягостными и унижительными условіями. Мануилъ не-

салъ къ папѣ Вонифацію IX, прося у него помощи противъ турокъ и конечно выставила себя расположеннымъ къ подчиненію римской церкви (1). Папа отвѣтилъ на его просьбу тремя буллами, которыми повѣлялось проповѣдать крестовый походъ въ мѣстахъ ближайшихъ къ туркамъ (2). Но это былъ, сколько намъ извѣстно, единственный случай, когда императоръ обратился къ римскому престолу въ разсматриваемое нами время, т. е. съ 1378 до 1415. Этотъ же случай показалъ Мануила, что совершенно излишне обращаться къ папѣ, что нужно дѣйствовать на другихъ и другими средствами, обращаться не къ папѣ, а къ рыцарямъ и баронамъ, дѣйствовать не на религиозное чувство западныхъ христіанъ, уже изсякшее, а на рыцарскій духъ, еще жившій во Франціи. Въ то время, когда просьбы Мануила и буллы папскія не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія на западѣ, послы венгерскаго короля, обратившись къ французскому двору и воззвавши къ рыцарскому духу французскихъ бароновъ, произвели сильное движеніе на западѣ: составилось огромное ополченіе (3). Какъ видно, это обстоятельство произвело на Мануила впечатлѣніе, потому что, послѣ пораженія при Никополѣ короля венгерскаго и соединившихся съ нимъ западныхъ дружинъ (1395 г.), опять почувствовавъ себя въ отчаянномъ положеніи и рѣшившись лично отправиться на западъ просить помощи противъ турокъ, онъ обратился уже не къ папѣ, а прямо къ западнымъ государямъ, ѣздилъ въ Венецію, Ми-

(1) Содержаніе этого письма не вполне извѣстно. Оно не приводится у Райналда. О содержаніи его узнаемъ изъ напечатанъ буллъ. Rayn. ad an. 1394 n. 23 et seq.

(2) Ibid.

(3) Ист. крест. пох. Соч. Мишо, т. IV, стр. 590 и дал.

лазь, Парижь и даже въ Англію; хотя и на этотъ разъ его хлопоты не принесли ему ничего (1). А затѣмъ съ 1402 г. такъ расположились обстоятельства на восто- гѣ, что императоръ византійскій не имѣлъ уже нужды прибѣгать не только къ посредничеству папы, но и вообще къ помощи запада. Судьба на время улыбну- лась несчастной византійской имперіи; съ 1402 до 1423 года для нея наступило такое время, когда она могла отдохнуть немного отъ предшествовавшихъ потря- сеній. Страшная битва (1402 г.) между Баязетомъ и Тамерланомъ доставила на нѣсколько лѣтъ спокойствіе византійской имперіи. Цѣлыхъ 20 лѣтъ турки не могли оправиться отъ нанесеннаго имъ удара. Притомъ си- ловья Баязета вели междоусобную войну и потому не нарушали мирнаго договора, заключеннаго Мануиломъ съ сыномъ Баязета Солманомъ, даже возвратили гре- ческой имперіи многіе отнятые у нея города. Такъ что только около 1415 г. Мануилъ возобновляетъ сно- шенія съ западомъ, которыя и имѣли слѣдствіемъ эо- рентинскую унію.

Очеркъ элорентинской уніи (1415—1453) (2).

Уже на соборѣ Константиномъ (1414 г.) присутствуютъ греч. послы (21 чел.), впрочемъ безъ полномочія хло- потать объ уніи. Въ 1415 г. ѣдетъ съ востока на Ко-

(1) Вауп. ad an. 1400 n. 8.

(2) Теперь слѣдовало бы изложить подробно попытки къ соединенію церкви то времена элорентинскаго собора; но съ одной стороны нѣтъ въ виду, что есть уже на русскомъ языкѣ прекрасное сочиненіе, по- священное этому предмету, съ другой — находитъ свое сочиненіе и безъ того очень длиннымъ, мы представляемъ только общій очеркъ событій элорентинской уніи.

станскій соборъ посоль (Евдемонъ) уже прямо съ дѣлю хлопотать не дѣлу объ уни. Благосклонный пріемъ его папою (Мартиномъ V) и любезное посланіе послѣдняго въ Константинополь въ 1418 г. побудили императора и патриарха къ новому посольству на западъ (1418 г.) съ изъясненіемъ въ грамотахъ отъ обоихъ готовности къ церковному миру и къ созванію вселенскаго собора, но только въ Константинополѣ. Въ 1422 году во время собора въ Павіи новое посольство отъ папы на востокъ съ запросомъ о мѣстѣ и времени собора и условіяхъ соединенія. Отвѣтъ, данный по смерти Мануила уже новымъ императоромъ—Иоанномъ VI Палеологомъ и П. Иосифомъ и настаивавшій промѣ помощи визант. имперіи на созваніи собора именно въ Константинополь, —обсуждаемъ былъ на Сіенскомъ соборѣ (1423 г.), но дѣло это отложено до времени. Въ 1425 г. ѣдетъ на востокъ снова посольство отъ папы съ дѣлю убѣдить грековъ на созваніе собора въ Итали. Отвѣтное греч. посольство (1425 г.) не навѣрно по содержанію порученій. Съ Базельскаго соб. (1431 г.), со времени папы Евгенія IV, посольства съ той и другой стороны безпрерывны (1).

Трудно сказать, кто въ комъ болѣе заискивалъ во время этихъ предварительныхъ сношеній до 1437 г., папы ли, старавшіеся привлечь грековъ на западъ и чрезъ нихъ дать западу соборамъ другое направленіе или греки—въ напахъ. Не на востокъ уже не такъ идутъ теперь къ рѣшенію вопроса, какъ во времена діонскаго уни. Императоръ уже не отдалаетъ намѣренно двѣ сто-

(1) См. Ист. елор. собора Моск. 1847 года и очень хорошее соч. Unionsverhand. seit d. Anf. d. XV Jahrh. zum. d. Conc. v. Ferrara — Thishman. 1868.

роны одну отъ другой, не становится между ними преградой, какъ во времена Лионской унии, не беретъ все-го на себя предъ латининами и православными; не уязвляетъ первыхъ, что все отъ него зависитъ, что ему ничего не стоитъ подчинить греческую церковь папѣ и не просить послѣднихъ (православныхъ) также во всемъ полагаться на него, не мѣшать ему имѣть дѣло самому съ папою, напротивъ видимо боится ответственности предъ народомъ и іерархіею особенно по смерти патріарха Іосифа, избѣгаетъ по возможности принужденія, явныхъ насильственныхъ мѣръ и послѣдности при рѣшеніи вопроса. Іерархія, и латинская и православная, становится лицомъ къ лицу: со стороны императора дѣло передается на ответственность православной іерархія; ей предоставляется рѣшить его такъ или иначе (конечно это вовсе не значитъ того, будто императоръ не старался имѣть и дѣйствительно не имѣлъ на нее вліянія). Дѣло принимаетъ видъ вселенскаго собора. Давнишняя мысль о созваніи послѣдняго осуществляется. На соборѣ въ Феррарѣ и Флоренціи являются, чего никогда не бывало, не только императоръ и патріархъ греческіе, но и представители другихъ патріаршихъ престоловъ востока. Соборъ идетъ очень медленно, тянется около двухъ лѣтъ (съ 9 апр. 1437 г. до 6 іюня 1439 г.), сперва среди утомительныхъ споровъ и разсужденій догматическихъ о разногласіяхъ между церквями, а потомъ среди придумыванья различныхъ формулъ, въ которыхъ бы спорное ученіе могло быть выражено, сколько можно удовлетворительнѣе для той и другой стороны. Но ни стремленія одной стороны убѣдить другую, ни примирительныя формулы не удалось. За то удалось хитрыя мѣры папы и отчасти (не слыш-

номъ впрочемъ энергичныя) убѣжденія императора (1). Папа отказалъ православнымъ въ средствахъ содержанія, склонялъ въ тоже время различнаго рода общающимися епископовъ и тѣмъ и другимъ путемъ, при помощи недостойныхъ отступниковъ отъ православія, достигъ своей цѣли. Въ вѣрности, почти всѣ епископы (2) православные принуждены были уступить латинянамъ. Но уступая необходимости, отвсюду опутанные сѣтями, не желая умереть съ голода или перенести всѣ бѣдствія дальняго пути безъ всякихъ средствъ, они въ тоже время во глубинѣ души рѣшили, что заключенный ими миръ съ латинянами одна пустая форма, существуетъ только на бумагѣ. Послѣ уже того, какъ объявлено было воссоединеніе церквей, они не участвовали съ латинянами въ Богослуженіи, не принимали отъ нихъ приобщенія Св. евхаристіи; въ латинскихъ храмахъ совершали литургію (какъ напримѣръ въ Венеціи) на греческихъ антиминсахъ, съ греческими священными сосудами, не поминали при этомъ папу, не дѣлали прибавки къ символу; по прибытіи же въ Грецію открыто и съ глубокою горестію говорили, что они продали вѣру, измѣнили православію. Вотъ почему почти не поддерживаемая хотя изъ опасенія раздражить папу и не отвергаемая императоромъ, совершенно не признанная іерархією и народомъ унія долго не могла быть

(1) Императоръ довольно скоро понялъ неосновательность своихъ расчетовъ на помощь запада и началъ сомнѣваться въ нравственномъ вліяніи папы на западъ; притомъ, какъ мы уже сказали, очень хорошо зная судьбу М. Палеолога, опасался брать на себя отвѣтственность въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ соединеніе церквей или, лучше, подчиненіе греческой церкви папѣ.

(2) Исключая Мирна Ефесскаго и тѣхъ, кто или не дождалъ до конца собора (патр. Гюсневъ и митр. Сардскій) или кто успѣлъ скрыться изъ Флоренціи (Исвія Ставроп. и еп. Иверскій).

обнародована. Прошло около 12 лѣтъ (1439—1452), умеръ самъ Іоаннъ Палеологъ (1448 г.), смѣнилось двое патриарховъ (Митрофанъ, бывший митрополитъ Кизическій и, послѣ трехлѣтней важности патриаршаго престола, Григорій Мамма), а подчиненіе православной церкви папѣ все еще не было объявлено. Были смуты въ церкви православной, шла полемика, но открытаго признанія воссоединенія съ Римомъ еще не было сдѣлано. Сторона защитниковъ уніи была слишкомъ слаба и не многочисленна. Правда, подобно какъ и во времена ліонской уніи, было трое или четверо горячихъ ея приверженцевъ: Виссаріонъ Нинейскій, Исидоръ Русскій, Митрофанъ Кизическій и императорскій духовникъ Григорій Мамма (были конечно и другіе менѣе рѣшительные ея приверженцы); правда два послѣдніе, одинъ послѣ другаго, стояли во главѣ іерархій; были патриархами; но имъ нельзя было теперь дѣйствовать открыто, какъ во времена М. Палеолога; они должны были дѣйствовать или силою убѣжденія или хитрыми, для всѣхъ впрочемъ замѣтными, мѣрами, мало по магу вводя въ явнрѣ людей способныхъ измѣнить православію. Такимъ образомъ унія во времена и послѣ флорентинскаго собора не имѣла ни внутренней силы, ни внѣшней значительной, открытой поддержки со стороны правительства. Уже при слѣдующемъ императорѣ, преемникѣ Іоанна Палеолога, Константинѣ Палеологѣ, не болѣе какъ за 4 мѣсяца до окончательнаго паденія имперіи, среди отчаяннаго положенія дѣлъ, она объявлена была (12 дек. 1452) въ храмѣ Св. Софіи, при самомъ не многочисленномъ собраніи духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ имперіи, послѣ того какъ въ предъидущіе годы нѣсколько разъ и въ Іерусалимѣ (1443 г.) и въ Константинополѣ (около 1450 г.)

была отвергнута всеми іерархами востока и слѣдовательно, не имѣя за собою силы нравственной, лишена была и основъ церковно-каноническихъ, законности юридической. Весь православный греческій народъ и почти вся іерархія одушевляемы были тѣмъ же чувствомъ, каковымъ проникнутъ былъ Геннадій Схоларій, усвоившій себѣ всю ревность по православію своего друга Марка Ефесскаго, тогда уже скончавшагося. „Я никогда не отступлюсь отъ тебя, любезное православіе, говорилъ Геннадій, и не скоро тебя, священное преданіе, доволъ духъ мой будетъ обитать въ семъ тѣлѣ (1)“. Когда совершалось въ Софійскомъ храмѣ чтеніе акта е соединеніи церквей, толпы православныхъ отправившись въ монастырь Вседержителя къ Геннадію Схоларію. Утвержденные послѣднимъ еще болѣе прежняго въ своихъ убѣжденіяхъ, они расторгли всякое общеніе съ уніатами; тѣхъ, которые имѣли общеніе съ послѣдними — епископы и священники подвергали эпитиміямъ; не хотѣли посѣщать даже храмъ Св. Софій, въ которомъ происходило чтеніе акта. Взятіе Константинополя турками (29 мая 1453 г.) черезъ четыре мѣсяца послѣ описанныхъ событій, сдѣлавъ излишнимъ всякіе хлопоты о помощи не существовавшей болѣе имперіи, нанесли рѣшительный ударъ флорентинской уніи. Итакъ флорентинская унія со всеми предшествовавшими и сопровождавшими ее событіями есть время послѣднихъ (сначала энергичныхъ, потомъ постепенно ослабѣвающихъ) усилій византійскихъ императоровъ путемъ угожденія папѣ достигъ своихъ политическихъ цѣлей; дагѣ она есть время самыхъ постыдныхъ, низкихъ ухищреній па-

(1) Fabr. Bibliot. Graec. T. XI, p. 359. Ист. елор. собора. М. 1847 года, стр. 202.

ны, діалектическия вреній между латинскою и православною іерархіями, — составленія примирательныхъ формулъ съ той и другой стороны (особенно же со стороны измѣнниковъ православія), — время по вренующеству дѣятельности іерархіи подѣ влияніемъ политическихъ соображеній и правительства, которое впрочемъ болѣе или менѣе сдерживало и замаскировывало свое на нее влияніе. Вопросъ о соединеніи церквей во времена елорентискаго собора и послѣ него исчерпанъ былъ вполне. Теперь нельзя уже было ссылаться на поспѣшность и крутость, насильственныхъ мѣръ Михаила Палеолога и нѣтъ однимъ приписывать весь неуспѣхъ дѣла. Теперь дѣло шло болѣе или менѣе путемъ убѣжденій, наслѣдованій, соглашеній почти по всѣмъ главнымъ пунктамъ разногласія между латинскою и православною церквами (а не по одному только пункту о Св. Духѣ, какъ было во времена ліонской униі); обѣ стороны стали здѣсь лицомъ къ лицу и въ теченіи двухъ лѣтъ имѣли время переговорить о многомъ; насиліе допускаемо было (особенно со стороны греческаго императора), въ ограниченныхъ размѣрахъ и никогда не выржалось въ крайнихъ грубыхъ формахъ и — однаковъ миръ церквей не состоялся между самими представителями православія и латинства, не говоря уже о народныхъ массахъ; сами византійскіе императоры увидѣли налицо всю несбыточность своихъ плановъ и охлаждѣли къ нимъ (1).

(1) Все дѣло представлено здѣсь такъ, какъ оно изложено въ известномъ сочиненіи: „Истор. елор собора“. Моск. 1847 г. Въ своемъ слатомъ очеркѣ елорентискаго униі мы старались показать одинъ только общія отношенія того времени между нами и латинянами съ одной стороны и правительствомъ, іерархіею и народомъ православныхъ съ другой, имѣя при этомъ въ виду сопоставить елорентискаго унию съ

Мы уже показали, въ самомъ началѣ нашего сочиненія, въ чемъ заключалась *главная* причина безуспѣшности всѣхъ вообще попытокъ къ соединенію церквей, слѣдовательно и описанныхъ нами, съ елорентинской уніей влключительно. Причина эта, какъ мы сказали, заключилась въ разнородности направленій, легшихъ въ основу православія и латинства. Въ самой глубинѣ жизни, которою жила та и другая церковь, въ началахъ, каковыи одушевлялись латинство и православіе, была отчужденность, непримиримость. Не могли эти начала уступить мѣсто одно другому, уничтожиться или взаимно замѣниться одно другимъ. Православіе, какъ истинное начало, одушевлявшее истинную христову церковь, не могло уступить мѣсто односторонности—латинству. Латинство, въ свою очередь, все прониклось крайними стремленіями; эти стремленія, развиваясь все болѣе и болѣе, превратились въ его душу, въ силу, которая или переработывала или отвергала все то, что не подходило къ ея настроенію, которая была *жесточа*, устойчива и доселѣ еще остается такою. Также невозможно было, чтобы истинное начало, одушевлявшее православіе, и одностороннее ложное, — проникавшее католичество, не уничтожая другъ друга, примирились между собою.

„Многихъ“, скажемъ съ знаменитымъ защитникомъ православія Маркомъ Ессетимъ, „соблазнила мысль, что можно отыскать нѣчто среднее между двумя ученіи-

лионской. Но мы не показали частнѣйшихъ взаимныхъ отношеній между правительствомъ, іерархіею и народомъ православнымъ, какія явились между ними *результате* такого, а не другаго отношенія *вѣкъ къ латинствамъ*. Сдѣлать послѣдняго не позволялъ намъ объемъ нашего сочиненія, невозможность обрисовать эти отношенія, не пускаясь въ частности, отчасти вконецъ недостаткомъ въ этого рода фактахъ.

ми. Но можно найти такой оборотъ рѣчи, который бы имѣя обоюдное значеніе, выражалъ нѣчто среднее между двумя ученіями; а ученіе среднее между двумя противоположными объ одномъ и томъ же предметѣ невозможно: ибо иначе оно должно быть чѣмъ-то среднимъ между истинною и ложью, утвержденіемъ и отрицаніемъ“ (1). Нельзя не признать глубокой истинности *за этимъ воззрѣніемъ* Марка Ефесскаго. Такое безцвѣтное и безжизненное явленіе, какъ нѣчто среднее между истинною и ложью илѣ односторонностію, не могло и никогда не можетъ долго существовать; оно можетъ имѣть мѣсто только въ мысли, но никакъ не въ жизни. Итакъ, на одной поверхности, но отнюдь не въ глубинѣ жизни, которою жила та и другая церковь, появились стремленія къ соединенію церквей. Они являлись, если можно такъ выразиться, какъ жалкія растенія на самой тонкой поверхности почвы, на самомъ тонкомъ ея слоѣ.—Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ тѣмъ простымъ сердцамъ, къ тому огромному большинству православныхъ, которые чувствовали истинность православія и непримиримость его съ латинствомъ, были ему преданы всею душою, хотя, по свойственной человѣку способности увлекаться, и впадали въ односторонности и крайности; ратовали за правое дѣло, хотя часто ихъ ревность была не по разуму; испытывая на себѣ множество неблагоприятныхъ обстоятельствъ, которыхъ виною отчасти были западные христіане, слишкомъ далеко увлекались отвращеніемъ къ латинству. Но истина не потому истина, что хороши и безукорызненны органы, которыми она выражается и въ жи-

(1) Synod. Flor. T. 2, p. 389 et seq. См. Изв. олод. соб. М. 1847 года стр. 192—193.

ни которыхъ она проводится, а потому что она такова сама въ себѣ. Равнымъ образомъ и ложь, не потому ложь, что она выражается въ крайнихъ формахъ, проводится, проповѣдуется лицами недостойными; нѣтъ, она остается ложью и тогда, когда облекается довольно благовидною наружностію. Последнее, впрочемъ (т. е. что ложь принимаетъ благовидную наружность), въ данномъ случаѣ не приложимо: массы латинянъ, какъ мы видѣли, не чужды были всѣхъ тѣхъ крайностей въ выраженіи своего отвращенія отъ православія, въ какихъ можно упрекнуть православный греческій народъ, не смотря на то, что имъ сравнительно гораздо менѣе приходилось страдать отъ православныхъ, чѣмъ греческому народу отъ ихъ самихъ. Но не это бросаетъ невыгодную тѣнь на латинство; все равно какъ нельзя подобнаго же обращать въ упрекъ православію. Православія и латинства не составляютъ личности; личности только ихъ органы. Религіозныя, какъ и всякія начала, выше личностей и не должны быть смѣшиваемы съ послѣдними.

А. Каламскій.

НАЧАТКИ ХРИСТИАНСТВА МЕЖДУ МАДЬЯРАМИ.

Хроники, легенды, а за ними и безразборчивыя исторіи представляютъ намъ заслуги св. Стефана, на счетъ введенія христіанства въ Венгрію, въ такомъ преувеличенномъ размѣрѣ, какъ будто бы этотъ король венгровъ, съ нѣсколькими нѣмцами, вдругъ обратилъ изъ полнаго язычества въ христ. вѣру всю землю угорскую, самыхъ даже славянъ, отпавшихъ будто бы опять въ язычество. Вѣрить этому значитъ не вѣрить въ ту несомнѣнную истину, что въ природѣ скачковъ не бываетъ. Народы въ одинъ мигъ не переходятъ въ иную вѣру: не перешли и мадьяры. Еслибы, при св. Стефанѣ, угорская земля находилась въ такомъ язычествѣ, какъ это представляютъ его восхвалители; то не только какая либо горсть рыцарей, но и цѣлая „священная римская имперія“ не въ состояніи была бы возложить на угровъ благое иго Христово. Дѣлалось же это само по себѣ постепенно, еще задолго до Стефана,—дѣлалось, такъ сказать, безъ свидѣтелей; ибо это событіе покрыто не проницаемымъ мракомъ. Весьма правдоподобно, что уже въ Молдавіи и Валахіи между мадьярами были послѣдователи Христовы. Ибо таковъ быва-

еть естественный ходъ при добровольномъ обращеніи народовъ изъ одной вѣры въ другую: сначала народъ сдружается съ новою вѣрою въ душѣ; потомъ начинаютъ принимать ее отдѣльными лицами порознь; наконецъ увлекаются потокомъ и властители, князья, которые, въ свою очередь, побуждаютъ къ новой вѣрѣ прочихъ. Этотъ естественный ходъ вещей мы должны предполагать и у мадьяръ; но объ немъ мы почти ничего не знаемъ по недостатку свидѣтельствъ и памятниковъ. Все не приготовленные, мы видимъ вдругъ, въ концѣ 10-го столѣтія, въ концѣ восточной церкви большую часть мадьярскаго народа, всю великокняжескую семью, и въ то же время вѣнцовъ, усердно трудящихся надъ искорененіемъ того, что пришло съ востока.

Какъ дѣло дошло до того? Изъ источниковъ, дошедшій намъ извѣстныхъ, мы не знаемъ. Только о двухъ случаяхъ принятія креста мадьярами ко временамъ Порфироднаго упоминають, (+ 959) греческіе дѣписатели Іоаннъ Скилитъ, Кедринъ и Зовара. Объяснимъ сообщаемое ими, какъ это намъ представляется.

Прежде всего пишутъ они, что, во времена Порфироднаго, пришелъ въ Царьградъ, принявъ крестъ и бывъ щедро одаренъ и патриціемъ наименованъ—мадьярскій князь (princere Turcaghi) по Кедрину *Вулосудъ*, по Скилитъ *Волесодъ*, по Зоваръ *Волонудъ*. Мы этого мадьярскаго князя принимаемъ за отца Гейзы, который (отецъ) именуется различно. Безымянный пишетъ его имя Тосцип, Турчанъ Тахис; Сиббертъ Гемблеченскій Тарис, Гепиданъ Pulszi; Алольдъ называетъ его Медвѣдежъ (Ursus), и употребляетъ это имя нѣсколько разъ. А что онъ разумѣетъ тоже лицо, которое иначе еще называется Таксомъ, видно изъ того, что наслед-

никемъ ему назначаетъ Гейзу. Авентинъ называетъ короля угровъ на роковой битвѣ при Аусбургѣ 955 г. Вулчкомъ. Пореиродный знаетъ также между Арпадовыми потомками Такенса, но говоритъ, что въ его время (ок. 950 г.) княжилъ (*qui nunc principatum tenet*) Talicim. Мы всё эти, хотя различно звучащія, имена, принимаемъ за одно имя и относимъ ихъ къ одному лицу, присовокупляя къ тому еще имя Вулосудъ. Ибо что значить Taxis? Въ мадырскомъ языкѣ нѣтъ этого слова; изъ греческаго Τάξον (лукъ) нельзя производить. По всей вѣроятности, это, какъ догадывается Калезій, нѣмецкое слово Dachs (*taisson*), барсукъ, *мышь шабес*. Этимиъ объясняется, почему Алольдъ называетъ его медвѣдемъ. Ugrus почти тоже, что Dachs. А что же такое Вулчко? Это должно быть славянское слово Волчокъ, которое вѣроятно и было причиною всей этой путаницы названій. Изъ него нѣмцы сдѣлали Вулчко, Vulsu (¹), Pulsi, греки—Talicim, Вулосудъ и т. д.; потому что это странно для нихъ звучало, и въ своемъ языкѣ они не имѣли буквъ для славянскихъ звуковъ. Другіе перевели это имя нѣмецкимъ словомъ Dachs и латинскимъ Ugrus. Славяне дали ему имя Волка, вѣроятно, вслѣдствіе дикости его вида. Алольдъ представляетъ его совершеннымъ чудовищемъ. „Мужъ, говоритъ, дикій и суровый, какъ то животное, отъ котораго получилъ прозвище“.

Но Вулосудъ, по словамъ Кедрина, потомъ отпалъ отъ христіанства. Это можетъ означать только то, что

(¹) Могло это быть и христіанское имя. Между Чавадскими епископами подъ годомъ 1244 читается „Blasius, alias Vulschi“. Подъ г. 1241 *Vulsu*. Если это допустить; то тамъ самымъ ужъ докажется христіанство отца Гейзова:

онъ оказался неблагодарнымъ, и что грекамъ и потомъ не давалъ покоя своими нападеніями.

Не много имѣетъ важности и то возраженіе Штильтинга (1), что Порфирородный не преминулъ бы упомянуть объ этомъ. Кто можетъ всему найти причину?

И потому-то почти неизбежно принять за истину, что уже Волчокъ принялъ въ Царьградѣ крестъ, когда сыновья его Гейза (Изяславъ или Гезо, Григорій?) и Михаилъ являются предъ нами полными православными христианами, безъ всякихъ слѣдовъ, когда бы они были окрещены.

Около тогоже самаго времени, по свидѣтельству тѣхъ же самыхъ писателей, далъ себя окрестить въ Царьградѣ другой князь мадыарскій (princers Turcicus), по имени Дюла (Gulas). Онъ взялъ съ собою инокъ Іероою, котораго патриархъ Теофилактъ поставилъ угорскимъ епископомъ (Turciae episcopus), и который потомъ обратилъ многихъ ко Христу.

Кто былъ этого Дюла? По свидѣтельству Порфиророднаго, при дворѣ великаго князя находились два сановника, Карханъ и Gulas. Карханъ вѣроятно былъ судьей, и имѣлъ имя отъ наказыванія, каранія виновныхъ. Касательно Дюлы, Готфр. Шварцъ предполагаетъ, что подъ этимъ именемъ разумѣется сеймъ, соборъ, по мадыарски gyűlés. Но мы скорѣе полагаемъ бы, что Gulas есть тоже, что славянское воевода. Происходить это слово отъ мадыарскаго gyűl—собирать, отсюда дружина, спопище, войскъ (2). Но такой великокняжескій воевода не могъ быть Gulas или Дюла, который далъ себя

(1) Въ его жизнеописаніи св. Стевана.

(2) Замѣчательно, что Турчанова хроника и вождя Кумановъ, вторгшихся при королѣ Соломонѣ называетъ Дюлою.

окрестить, потому что о немъ ясно говорится, что онъ былъ владѣтелемъ одной части Венгріи. Слѣдовательно это былъ природный князь мадьярскій, подчиненный великому князю.

Но гдѣ же онъ княжилъ? Готер. Шварцъ (1) принимаетъ его за Семиградскаго (Трансильванскаго) князя или воеводу, на котораго дочери потомъ женился великій князь Гейза. Подтверждаетъ это и Турчанова хроника, да и вообще это принимается за истину. Мы не противорѣчимъ, только отличаемся тѣмъ, что имя Gy-las не принимаемъ за имя лица, а за названіе достоинства, и что имя Дюла не производимъ отъ латинскаго Julius, а отъ мадьярскаго gyül.

Эти-то двѣ свѣтлыя точки видимъ мы въ томъ мракѣ, который покрываетъ первое обращеніе мадьяръ въ христ. вѣру, — въ ту вѣру, которую назвали потомъ, когда Гейза и св. Стефанъ справили мадьяръ въ латинскую церковь, да и по нынѣ называютъ, — старою вѣрою (öhitü, Altgläubiger, старовѣрецъ). Къ этому-то богѣ, а не къ обращенію дѣйствительныхъ язычниковъ, направлено было апостольство нѣмцовъ въ Венгрію при Гейзѣ.

Первый проповѣдникъ съ запада былъ монахъ Вольгангъ. О немъ впрочемъ упоминается только въ безыменной легендѣ. Пришелъ, говорится тамъ о немъ, около 971 года въ Паннонію, но ниче́го не успѣлъ. Поэтому его отозвалъ пассавскій епископъ Пилигринъ (Peregrinus), и поставилъ епископомъ въ Регенсбургѣ, принявъ самъ апостольство въ Венгрію по желанію императора Оттона. Оттонъ, по смерти Такса или Волчка,

(1) Jnit. rel. Christ. inter Hung. Lips. 1740.

никъ какъ бы тамъ овъ (отецъ Гейзы) ни назывался, послалъ къ Уграмъ Брунона, епископа, по Ганшичу, Вердюнскаго, приказавъ Пилигрину снабдить его всѣми потребными. Замѣчательна грамота объ этомъ императора. Овъ называетъ Гейзу королемъ; говорить, что хочетъ его расположить къ себѣ (*nostro arbitrio colligendus*); обѣщаетъ большія отсюда выгоды и самому Пилигрину (*vobis in hoc vestrisque omnibus consuletur*). Овъ разумѣлъ такія выгоды, какія принесло нѣмцамъ апостольство между славянами. На грамотѣ не означенъ годъ; поэтому нельзя съ достовѣрностію сказать ни того, который изъ Оттоновъ ее писалъ, такъ какъ Пилигринъ былъ пассивнымъ епископомъ при трехъ Оттонахъ (971—991), ни того, какой именно былъ этотъ Брунонъ, такъ какъ изъ этого времени извѣстны два епископа Брунона. Одинъ былъ братъ жены св. Стефана, Гизелы, другой инвезіонеръ епископъ Брунонъ, названный апостоломъ руссовъ. Сему-то послѣднему Адемаръ приписываетъ крещеніе Гейзы; но неправдоподобность этого достаточно доказали Ганшичъ и Штильтинъ. Это должно быть тотъ самый, который около 1006 г. пишетъ о себѣ Генриху 2-му (называя себя вѣрѣйшимъ его пособникомъ), что овъ цѣлый годъ напрасно пробылъ въ Венгріи, и потомъ отправился къ дикимъ печенѣгамъ, руссамъ, полякамъ и пруссамъ (1).

Брунонъ, отправленный Пилигриномъ, долженъ быть какою либо другою, потому что этотъ дѣйствовалъ въ Венгріи съ успѣхомъ, какъ это видно изъ весьма замѣчательнаго письма, писаннаго 973 г. къ папѣ Венедикту VI. Овъ пишетъ, что по уговору и велѣдствіе

(1) Monum. Hung. 6. т. стр. 15., письмо Пилигринъ у Фейера.

многихъ просьбъ (въ этотъ именно году Гейзовы послы были у императора въ Кведлинбургѣ) отъ велѣлъ проповѣдывать мадьярамъ евангеліе; что посланные проповѣдники окрестили уже около пяти тысячъ значительнѣйшихъ мужей и женъ; что народъ по большей части христіанскій, но до этого времени не смѣлъ открыто исповѣдывать свою вѣру, теперь же можетъ ставить и храмы, а священники могутъ ходить, гдѣ только хотять, что господа, остающіеся въ язычествѣ, не препятствуютъ своимъ подданнымъ креститься; что христіане живутъ съ язычниками въ полномъ согласіи; что цѣлый народъ расположенъ къ принятію христ. вѣры, равно какъ и славянскія провинціи. Изложивъ это, предлагаетъ намъ посвятить для угровъ нѣсколько епископовъ, такъ какъ его одного недостаточно для такой паствы, для себя же просить архіепископскаго достоинства.

Здѣсь вотъ отъ разу мы имѣемъ предъ собою угровъ почти всѣхъ въ христіанствѣ. Могло ли это совершиться въ два, три года? Правда, что Пилигринъ пишетъ такъ, какъ будто бы христіане состояли только изъ однихъ порабощенныхъ жителей; но изъ этого слѣдуетъ только то, что его миссіонеры искали главнымъ образомъ этихъ послѣднихъ. Могло, пожалуй, такъ быть такъ, какъ было въ Литвѣ, гдѣ литовскіе князья давно ужъ признавали истинность христіанской вѣры, ходили въ христ. храмы на богослуженіе, но однакожь не были еще обречены (¹). Что Пилигринъ не держится

(¹) Авторъ, кажется, не вполне знакомъ съ первоначальною исторіею хр. церкви въ Литвѣ, тогда какъ эта исторія еще болѣе оправдываетъ взглядъ его на первоначальный ходъ христіанства въ Венгріи: многіе литовскіе князья были даже крещены, но въ правосл. церкви, о какомъ однакожь крещеніи латинскіе миссіонеры и лѣтописцы знать не хотѣли и приписывали себѣ честь обращенія литовскихъ князей „изъ язычества“

сущей правды, и представлять страну болѣе язычскою, нежели это было на дѣлѣ, выдаетъ и православныхъ за язычниковъ, чтобы увеличить заслуги свои и своихъ миссіонеровъ, и тѣмъ подтвердить свою просьбу на счетъ архіепископскаго достоинства,—это видно изъ того, что онъ говоритъ объ областяхъ славянскихъ. И эти, говорятъ, готовы „принять вѣру“. Да развѣ славянскія провинціи не были уже христіанскія? Инородные дѣписцы дѣлають отсюда заключеніе, что съ приходомъ мадьяръ и славяне отпали отъ христіанства; мы же выводимъ, что Пилигринъ православныхъ не признавалъ за христіанъ.

Изъ того также, что Пилигринъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о крещеніи Гейзы, Катона выводитъ, что Гейза тогда не былъ еще христіаниномъ; но изъ этого скорѣе слѣдуетъ, что онъ христіаниномъ родился, (то-есть, крещенъ въ младенчествѣ христіанскими родителями. *Перев.*).

Впрочемъ нѣмецкое апостольство пресѣялось уже въ 975 г., когда баварскій герцогъ Генрихъ коронованъ былъ нѣмецкимъ королемъ противъ Оттона II. Такъ какъ Пилигринъ остался при Оттонѣ, а угры приняли сторону Генриха, то послѣдніе напали на „св. римскую имперію“, особенно же на Пилигрина, и эти нападенія продолжались долго. Изъ грамоты Оттона III отъ 983 г. видно, что угры не преставали дѣлать наѣзды на имѣнія Пилигриновы, жечь его деревни, убивать людей, такъ что все обратили въ пустыню.

Такой былъ конецъ краткаго апостольствованія нѣмцевъ въ Венгріи; но при всемъ томъ христіанство рас-

въ латинскую церковь; тоже по взгляду автора сообщаемой статьи было и въ Венгріи. — *Перев.*

пространдалось такъ, что уже въ 1000 году могъ быть учрежденъ цѣлый іерархическій составъ, что свидѣтельствуесть о государственной мудрости Гейзы. Онъ призналъ выгоднымъ поставить себя подъ охранный щитъ паны; но не хотѣлъ, чтобы подъ покровомъ религіи немандовали ихъ вѣрцы. Онъ хотѣлъ имѣть свою, отъ вѣрцовъ независимую, іерархію, какое желаніе въ скоромъ времени и приведено было въ исполненіе сыномъ его св. Стефаномъ. Черезъ это вѣрцы лишились тѣхъ великихъ выгодъ, которыхъ они ожидали себѣ отъ обращенія угровъ.

Вполнѣ соглашаемся съ мадырами, что ихъ сохранило это отъ погребели; но конечно и они могутъ согласиться съ Готер. Шварцомъ, что первое христіанство пришло къ нимъ съ востока, и что прежде они знали славянское „Господи помилуй“, нежели „Dominus vobiscum“.

Написалъ *Іона Заборскій*, приходскій римско-католическій священникъ въ Венгріи; перевелъ *В. В.*

Заимствовано изъ „Лѣтописи словенской Матицы“, за 1867 г. связокъ 1, стр. 20—23.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ (*).

I. **Правительственные распоряженія:** Увольненіе архіепа. Михаила отъ епископін.—Открытие новыхъ викаріатствъ.—Упраздненіе Макаріева Желтоводскаго монастыря.—Постановленіе касательно прошеній о закрѣпленіи священническихъ мѣстъ.—Предоставленіе лицамъ духовнаго званія права на полученіе ордена св. Анны 5-й степени за труды по народному образованію.—Библиографическія замѣтки: Перечень особенно замѣчательныхъ статей нашей текущей духовной и свѣтской журналистики.—*Иезуиты въ Россіи* съ царствованія Екатерины II и до нашего времени. Соч. свящ. М. Я. Морошкина. Ч. I. Сиб. 1867 г.—Дѣло о католическихъ патерахъ-напущникахъ, при Петрѣ Великомъ (въ рукописей синодскаго архива).—III. **Разныя извѣстія:** Разсказъ объ обращеніи въ православіе одной молодой еврейки.—Еврейскій вопросъ.—Пониманіе и исполненіе современными русскими евреями древняго Моисеева закона.—Несвѣтлыя стороны нравственной жизни нашего общества.—Тяжелое впечатлѣніе, вынесенное изъ Окружнаго суда.—Неразумный поступокъ одного квартальнаго надзирателя.—Обращеніе изъ россіи.—Сочувствіе къ голодающимъ.—Пастырскія поученія „о пособіи страждущимъ отъ голода“.—Сила милосердія.

I.

Г. синодальный оберъ-прокуроръ предложилъ святѣйшему синоду именной Высочайшій указъ на имя святѣйшаго синода, состоявшійся въ 23 день января сего года, въ коемъ изображено: архіепископа мінскаго Михайла, по разстроенному здоровью, всемилостивѣйше увольняемъ отъ управленія епархіею.

По представленію св. синода и Высочайшему соизволенію, въ 23 день минувшаго января, открыты *новыя викаріатства* въ епархіяхъ *владимірской* и *вятской*. Викарію первой епархіи повелѣно именоваться епископомъ *муромскимъ* и имѣть мѣстопробываніе въ г. Владимірѣ, викарію *второй* — епископомъ *саранульскимъ* и

(*). Слѣдшии исправитъ вправшіяся въ мартовское „Обозрѣніе“ погрѣшности: въ числѣ членовъ Комитета по преобразованію дух. академій пропущенъ правитель канцеляріи оберъ-прокурора св. синода Н. А. Сергіевскій и г. Галаховъ ошибочно названъ академикомъ.

жить въ Успенскомъ Трифономъ монастырѣ, въ г. Вяткѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. оберъ-прокурора св. синода, въ 23 день января сего года, высочайше утвердить соизволилъ опредѣленіе сват. синода *объ упраздненіи Макаріева Желтоводскаго монастыря нижегородской епархіи.*

Святѣйшій Синодъ, усматривая изъ дѣлъ канцеляріи, что въ послѣднее время поступило въ синодъ значительное число просьбъ отъ лицъ духовнаго званія о закрѣпленіи священнич. мѣстъ за родственниками, постановилъ: „подтвердить всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ печатными указами, чтобы они, съ своей стороны, поставили въ непремѣнную обязанность благочинныхъ—внушить лицамъ духовнаго званія, дабы они не утруждали св. синодъ, какъ *высшее духовное правительство*, прошеніями съ ходатайствомъ, явно противнымъ Высочайше утвержденному 22 мая 1867 года мнѣнію государств. совѣта, и тѣмъ самымъ не обременяли бы св. синодъ излишнею перепискою, и что если за симъ будутъ поступать въ св. синодъ просьбы отъ духов. лицъ о предоставленіи ихъ дѣтямъ или родственникамъ священно-церковно-служительскихъ мѣстъ, то *онныя будутъ оставлены безъ разсмотрѣнія и отвѣта.* 17 января 1868 г.“

Г. синодальный оберъ-прокуроръ, отъ 5 ноября 1867 года, предложилъ св. синоду, что а) въ государственнѣй совѣтъ внесено было, по Высочайше учрежденному присутствію по дѣламъ православнаго духовенства представленіе о предоставленіи лицамъ духовнаго званія правъ на полученіе ордена св. Анны 3 степени, по статуту, за труды по народному образованію, и что б)

нынѣ государственнымъ секретаремъ сообщено Высочайшее повелѣніе объ исполненіи послѣдовавшаго въ государственномъ совѣтѣ мнѣнія по этому предмету. Въ самомъ же мнѣніи государственнаго совѣта изъяснено: государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе обер-прокурора св. сивода о предоставленіи лицамъ духовнымъ правъ на *полученіе ордена св. Анны 3 ст., по статуту*, за труды по народному образованію, мнѣніемъ положилъ: *сохраняя для духовенства силу общаго узаконенія*, изображеннаго въ пункт. 22 ст. 631 т. 1 учр. орд., предоставляющаго право на награду орденомъ св. Анны 3 ст. *лицамъ вслѣхъ состояній*, кромѣ податнаго, за учрежденіе училища для 20 человекъ и содержаніе онаго въ теченіе *семи лѣтъ*, *постановить*, въ дополненіе п. 24 той же 581 ст., что *лицамъ духовнаго званія предоставляется право на полученіе ордена св. Анны 3 ст. и за особо усердное*, по засвидѣтельствованію начальства, *исполненіе въ теченіе 25 лѣтъ обязанностей по обученію въ народныхъ школахъ* (Дух. Бес.).

II.

Въ первыхъ нумерахъ нашихъ духовныхъ журналовъ за этотъ годъ особенное вниманіе останавливаютъ на себѣ: въ янв. кн. „Трудовъ К. Д. академіи“ статья а) „Боссюэтъ, епископъ москвій, и значеніе его для католич. церкви“ — М. *Лебедева* и б) Изслѣдованіе о талмудѣ“ — С. *Диминскаю*; въ первой описана судьба воспитанія Боссюэта и показано значеніе послѣдняго, какъ церковно-историческаго дѣятеля; во второй представлена ученая характеристика талмуда и изложена

сущность его содержания.—Въ янв. кв. «*Прав. Обзор.*: „Изъ соврем. быта англиканской церкви“—М. *Сухотина*; „Письма о соврем. состояніи религиозно-церковной жизни за границей“ — свящ. *Кустодіева*, и „Обозрѣніе франц. богословской журналистики“—свящ. М. *Морошкина*. Въ янв. кв. „*Прав. Собес.*“ „О татарскихъ мечетяхъ въ Россіи.“ Г. *Малова*. Авторъ этой послѣдней статьи, какъ видно, хорошо знакомъ съ религиознымъ бытомъ мѣстнаго исламизма. Онъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о фанатизмѣ татарскихъ муллъ и предлагаетъ благоразумныя мѣры къ ослабленію магометанства въ казанскомъ краѣ. Въ „*Руковод. для сел. паст.*“ съ интересомъ и пользою,—особенно для приходскихъ священниковъ, — могутъ быть прочтены слѣд. статьи: „Домашнее наставленіе сельскимъ прихожанамъ по случаю суевѣрнаго обычая — обыгрыванія воды подъ новый годъ“ (№ 1); „По поводу одного изъ суевѣрій, при совершеніи таинства крещенія“ (№ 2); „Къ рѣшенію неопредѣленныхъ вопросовъ въ церковной практикѣ“ (№ 3); „Поученія къ сельскимъ прихожанамъ о грамотности“ (№ 4) и т. п. Изъ статей, помѣщенныхъ за текущій годъ въ „*Странникъ*“, заслуживаетъ особеннаго вниманія простое и задушевное слово свящ. А. В. Гумилевскаго, сказанное имъ къ сельскимъ прихожанамъ „о кроткомъ обращеніи съ животными“ (1). Слово это можно бы назвать образцовымъ въ своемъ родѣ, если бы въ него не вкрались выраженія, не со всѣмъ умѣстныя на церковной кафедрѣ, въ родѣ слѣдующихъ: „лошадь отбивалась отъ мухъ хвостомъ“ или: „крестьянинъ билъ лошадь кнутовищемъ по мордѣ“ (стр. 112) и т.

(1) См. *Странникъ*. окт. 1868. стр. 106—115.

п.—Въ Саратовскихъ Епарх. Вѣд. (№ 4) помѣщено начало статьи съ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о новѣйшихъ событіяхъ въ расколѣ.“

Изъ свѣтскихъ журналовъ церковно-религіозными вопросами продолжаютъ, между прочимъ, заниматься два *Вѣстника*: „Вѣстникъ Европы“ и „Русскій Вѣстникъ.“ Въ первомъ помѣщены серьезныя статьи *по церковной исторіи*, наковы напр: „Русское масонство XVIII в.“; „Послѣдняя судьба папства въ Россіи“; „Сектаторы—колонисты, въ Россіи“ и т. п. „Русской Вѣстн.“ почти непрерывно знакомитъ своихъ читателей съ современными движеніями въ русскомъ расколѣ. Наше провинціальное и уѣздное духовенство, желающее слѣдить за свѣтскою литературою, сколько намъ извѣстно, иногда бываетъ поставлено въ затрудненіе, не зная, какой лучше выписать свѣтскій журналъ. „Заплатишь, — говорилъ намъ одинъ сельскій священникъ, — 16 р. 50 к., а тебя и угощаютъ *Взболамученными моремъ*: — жалѣешь, потому, что не съ кѣмъ было посовѣтываться при выпискѣ свѣтскаго журнала.“ Мы увѣрены, что изъ нашихъ читателей никто не пожалѣетъ, если выпишетъ одинъ изъ этихъ двухъ журналовъ, годовое изданіе которыхъ (12-ть объемистыхъ книжекъ) стоитъ, съ пересылкою во всѣ мѣста, 16 рублей. Въ первой кн. „*Педагогич. Сборника*“ нельзя не обратить вниманія на двѣ статьи: „Матеріалы, извлеченные изъ протоколовъ педагогическихъ комитетовъ и годовыхъ отчетовъ военныхъ гимназій, за 1863 — 68 г.“ и „Вліяніе личности воспитателя на воспитанниковъ въ нашихъ закрытыхъ заведеніяхъ.“ Въ февр. кн. „*Журн. Мин. Нар. Просв.*“ помѣщена очень интересная и дѣльная статья П. Θ. *Николаевскаго* о „Русской проповѣди въ XV и XVI вѣкахъ.“ Мы глу-

боко сожалѣемъ, что ни мѣсто, ни время не позволяютъ намъ ближе познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ указанныхъ статей, но, для интересующихся богословскою литературою, и эти краткія указанія на болѣе выдающіяся произведенія ея, думаемъ, не безполезны.

Недавно вышла въ свѣтъ первая часть замѣчательнаго сочиненія священника М. Я. Морошкина „*Иезуиты въ Россіи*“, обнимающая исторію иезуитовъ въ царствованіе Елизаветы Великой и Павла I. Литературная критика сдѣлала объ этомъ соч. уже два добрыхъ отзыва, помѣщенныхъ въ *Дух. Бесѣды* (№ 8) и журналѣ „*Совр. Обзорніе*“ (за янв. 1868 г.).—Болѣе подробная и серьезная критика на книгу о. Морошкина принадлежитъ рецензенту свѣтскаго журнала „*Современное Обзорніе*.“ Рецензентъ *Дух. Бесѣды* не столько разсуждаетъ о достоинствѣ 1 части соч. о. Морошкина, сколько, съ одной стороны, распространяется еще объ имѣющей только выйти въ свѣтъ 2 части, съ другой стороны, совершенно напрасно высказываетъ сожалѣніе, что подобнаго рода „*ученныя*“ сочиненія *не цѣнятся большимъ*, привыкшимъ къ легкому чтенію, и что (будто бы) они не только не доставляютъ своимъ авторамъ *ни хлѣба, ни чести* (kein Brodt ind Ehre), но даже не возвращаютъ издержекъ печатанія.“ Странно то, что этотъ рецензентъ, сочувствуя, повидимому, книгѣ о. Морошкина, — какъ бы мимо своего вѣдома,—заставляетъ заподозрѣвать въ ней какую-то *сухую* ученость, наводящую на читателя скуку и, съ двухъ страницъ, утомляющую вниманіе, — между тѣмъ какъ къ числу первыхъ достоинствъ труда о. Морошкина нужно отнести именно то, что въ немъ въ одинаковой мѣрѣ

совмѣщены и *замѣчательная ученость, и простота* изложения, а также *занимательность и легкость* разсказа. Авторъ, какъ видно, располагалъ самыми богатыми матеріалами, взятыми имъ изъ архивовъ — синодскаго и министерства иностранныхъ дѣлъ, а также изъ рѣдкихъ рукописей императорской публичной библіотеки, доступныхъ не для всякаго. — Собраніе этихъ, въ высшей степени любопытныхъ, матеріаловъ стоило автору необыкновеннаго терпѣнія, усидчиваго и тяжелаго труда. Въ своихъ выводахъ изъ фактовъ авторъ неумолимо логиченъ и добросовѣстенъ. — Съ честностію добросовѣстнаго историка, о. Морошкинъ не скрываетъ и мрачныхъ сторонъ церковной жизни, въ описанную имъ эпоху, каково напр. господствовавшее тогда невѣжество въ духовенствѣ, даже петербургскомъ. Собранные факты и матеріалы о. Морошкинъ излагаетъ съ рѣдкимъ умѣньемъ, — такъ художественно, что предъ его читателями являются какъ бы на яву типы ловкихъ іезуитовъ (напр. Черневича) и даже типъ самой Екатерины, какъ женщины тонкой, умной и стойкой. — За дѣйствіями іезуитовъ о. Морошкинъ слѣдитъ, такъ сказать, шагъ за шагомъ, и постепенно знакомитъ читателя съ складомъ мыслей, съ нравственными убѣжденіями, съ казуистическими принципами, съ завѣтными тенденціями и, вообще, съ цѣлымъ строемъ внутренней и внешней жизни этого ордена. Причемъ, о. Морошкинъ, — что составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ достоинствъ его книги, — весьма обстоятельно показываетъ какъ вліяніе іезуитовъ на складъ внутренней жизни тогдашняго нашего общества, такъ и на тѣ историческія условія, которыя благопріятствовали этому вліянію. Интриги отцовъ іезуитовъ, такъ рельефно представленныя о. Мо-

рошаннымъ, придають его сочиненію занимательность историческаго романа. Отъ этого книга о Морощкина читается съ необыкновеннымъ интересомъ, какъ учеными людьми такъ и лицами свѣтскаго образованія. Жаль только, что подстрочныя примѣчанія въ книгѣ, находящіяся въ подлинникѣ на иностранныхъ языкахъ, оставлены авторомъ безъ перевода на русскій; по содержанию своему они, кажется, вовсе не таковы, чтобъ ихъ почему-либо неудобно было издать въ печати на русскомъ языкѣ, между тѣмъ, можетъ быть, не всякій читатель въ состояніи понимать то, что напечатано по-французски, а тѣмъ болѣе по-латыни и по-польски. Вообще же, долгъ справедливости требуетъ сказать, что трудъ о Морощкина для нашей духовной, особенно же скудной церковно-исторической литературы составляетъ важное капитальное приобрѣтеніе. Дѣло читающей публики — отблагодарить автора означеннаго сочиненія своимъ вниманіемъ къ его труду. Вторая часть соч. о Морощкина, какъ мы слышали, будетъ еще интереснѣе и еще больше разоблачитъ характеръ иезуитовъ, которые, особенно при Александрѣ I, какъ смертельная зараза, старались проникнуть, съ своимъ вліяніемъ, во всѣ слои общества и, съ своею пропагандою, — въ самые отдаленные края Россіи.

Мы имѣемъ у себя подъ руками любопытныя свѣдѣнія, характеризующія собою дѣйствія папской пропаганды и предусмотрительность нашего правительства въ отношеніи къ папизму, еще при Петрѣ Великомъ (1). Четыре католическихъ миссіонера, — капуцины, — хотѣли проникнуть съ своею пропагандою въ Астрахань.

(1) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ бумагъ синодскаго архива и сообщены намъ дѣйстви. стат. сов. П. И. Савваитовымъ.

Въ виду этого, они (4 апр. 1722 г.) подали императору Петру Великому прошение, въ которомъ изъяснили, будто, „лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ Астрахань отправлено было трое капуциновъ, изъ которыхъ въ живыхъ остался только одинъ, и будто, по увѣдомленію капитана Шарге, въ низовскомъ корпусѣ находится много католиковъ—лицъ всякаго чина, а между тѣмъ духовника у нихъ не имѣется“.—Вслѣдствіе этого, капуцины просили Государя разрѣшить выдать имъ свободные паспорта на проѣздъ въ Астрахань и обратно во всякое время. Прошение сдано было въ синодъ, который, съ своей стороны, не замедлилъ сдѣлать зависящее распоряженіе о выдачѣ означеннымъ патерамъ должнаго паспорта. Коллегія же иностранныхъ дѣлъ, полагая, нѣтъ ли въ прошеніи капуциновъ лжи и какихъ-нибудь затаенныхъ цѣлей, до выдачи имъ билета, потребовала отъ астраханскаго губернатора предварительной справки о томъ, „сколько въ Астрахани, между русскими подданными, находится католиковъ; есть ли тамъ костелъ; давно ли онъ построенъ и были-ль тамъ какіе нибудь католическіе патеры раньше? А также: ежели теперь допущены будутъ туда два патера (Казиміръ и Фиделисъ), то не будетъ ли отъ того какой опасности или какого подозрѣнія?“. По справкѣ, наведенной по записнымъ книгамъ римско-католич. испов., оказалось, что въ Астрахани между русскими подданными нѣтъ, — какъ доносили коллегіи иностр. дѣлъ, — „ни французовъ, ни нѣмцевъ, а есть только нѣсколько католиковъ, пріѣзжавшихъ изъ Персіи и съ ними одинъ патерь Антоній.“—Что же касается костела и прочихъ патеровъ, то о нихъ никто даже и не слыхалъ въ Астрахани. Патерь Антоній объявлялъ, что онъ прибылъ въ

Астрахань по распоряженію папы и кардиналов для управленія католическимъ духовенствомъ (котораго тамъ не было), и что онъ слышалъ отъ католическихъ армянъ будто, къ его пріѣзду въ Астрахань, прибудеть сюда одинъ патеръ, имя котораго ему неизвѣстно. По пріѣздѣ своемъ въ Астрахань, Антоній дѣйствительно, какъ говоритъ онъ, засталъ тамъ двухъ патеровъ, которые отправляли церковную службу въ частномъ домѣ, а не въ настоящемъ костелѣ, „*пожеже въ то число „мостолцаю костела было не построено; а указа де Его „Императорскаго Величества у себя оныя патеры никакою не имѣли, а слушали съ позволенія онаго духовнаго чина папы римскаго, а нынѣ де онъ Антоній на „стоящій костелъ построилъ въ августѣ мѣсяцѣ 1721 г., „и, съ дозволеніи (астраханскаго) губернатора, воздвигъ „надъ костеломъ крестъ“* (1).—Св. синодъ, обстоятельно разсмотрѣвши это дѣло, опредѣлилъ: „выдать патерамъ паспорта до Астрахани; костелъ же въ Астрахани, какъ построенный *самовольно* патеромъ Антоніемъ, закрыть; строителя же его, какъ пріѣхавшаго въ Астрахань *съ умысломъ*, удалить изъ Россіи; прочихъ патеровъ *поручить строному надзору* мѣстнаго губернатора и архіерея, которые должны *бодростно* слѣдить за дѣйствіемъ патеровъ“.

III.

Изъ явленій современной церковной жизни, насъ не могъ не заинтересовать разсказъ объ одномъ событіи въ Петербургѣ, какъ мы знаемъ, не лишнемомъ досто-вѣрности и бросающемъ свѣтъ на многое. Въ С.-Пе-

(1) Объясненіе патера написано на латинскомъ языкѣ и переведено на русскій однимъ солдатомъ Смоленскаго полка.

тербургъ проживаетъ, по торговымъ дѣламъ, одинъ австрійскій подданный, *по роду и религіи — еврей*. Въ семействѣ у него — жена и дѣти, между которыми взрослая дочь — *дѣвица*; отецъ, какъ человѣкъ состоятельный, имѣлъ для своихъ дѣтей приходящаго учителя, молодаго человѣка, окончившаго курсъ въ дерптскомъ университетѣ. Учитель сначала былъ протестантомъ; потомъ принялъ православіе. — Къ обращенію въ православіе онъ расположилъ и взрослую дочь еврея, которой онъ давалъ уроки и на которую успѣлъ приобрести серьезное нравственное вліяніе. — Молодая дѣвица, весьма мало слышавшая прежде о Богѣ и вѣрѣ въ Него и убѣжденная своимъ учителемъ въ истинности христіанской православной вѣры, рѣшилась непремѣнно креститься. Учитель же, радуясь этой рѣшимости, предложилъ ей и свою руку. Со стороны молодой особы не было и въ этомъ отказа. — Дѣло, повидимому, улаживалось какъ нельзя лучше. Оставалось только одной креститься, а другому жениться, за тѣмъ чтобъ, потомъ, обоемъ вмѣстѣ благословлять свою счастлирую судьбу. — Но здѣсь-то и начинается завязка грустной исторіи.

Молодая еврейка, рѣшившись принять православіе, объявляетъ о своемъ намѣреніи своимъ родителямъ — евреямъ. Послѣдніе сначала, говорятъ, не вѣрили словамъ дочери и только подсмѣивались надъ ея желаніемъ. — Дочь высказываетъ свое намѣреніе болѣе рѣшительно и объявляетъ, что если родители не позволяютъ ей креститься, то она оставитъ ихъ. Отецъ опять холодно и даже съ ироніей отвѣчаетъ своей дочери: *„бъжу; а я подамъ тебѣ саломъ.“* Наконецъ, когда уже нельзя было сомнѣваться, что молодая дѣвица вовсе

не шутить дѣломъ вѣры, когда ея желаніе принять православіе было подтверждено самимъ учителемъ,— тогда въ душѣ родителей заговорило чувство религіознаго фанатизма, обнаружившееся въ преслѣдованіи ихъ дочери.—Сначала отецъ увѣрилъ ее, что она протестантка и, слѣд., крещена; дочь хорошо знала, что она, и по рожденію и по религіи, истая еврейка, и потому не боялась говорить отцу и матери прямо въ глаза, что все семейство ихъ не знаетъ христіанскаго крещенія и твердо держится закона моусеева.—Мать будтобы не переставала мучить свою дочь и упреками и даже побоями. Но сила религіознаго чувства, просвѣщеннаго евангельской истиною, вовсе не такова, чтобъ уступить напору внѣшнихъ обстоятельствъ, какъ ни были они тяжелы.—Поворотъ назадъ для молодой еврейки нравственно былъ невозможенъ, и она рѣшилась бѣжать, но куда? Къ единственному христіанину, котораго она знала, къ тому учителю, и просила его быть для нея ангеломъ—покровителемъ. Молодой человѣкъ не предвидѣвшій такого исхода дѣла, оказался въ самомъ неловкомъ положеніи: предъ нимъ бѣжавшая отъ родителей дѣвица; онъ холостъ, состоитъ на службѣ (въ какомъ-то, кажется, департаментѣ) и живетъ вдвоемъ съ своимъ сослуживцемъ, — тоже, холостякомъ.—Не задумываясь долго, молодой человѣкъ помѣстилъ свою невѣсту въ семействѣ, знакомомъ своему товарищу по квартирѣ, а самъ отправился къ оберъ-полиціймейстеру и выхлопоталъ для своей невѣсты паспортъ на свободное проживаніе въ Петербургѣ.—Благодаря участію одного добрыйшаго священника въ Петербургѣ Н. И. Б. молодая еврейка была опредѣлена въ только что за-раждающійся здѣсь еврейскій приютъ.

Между тѣмъ родители ея начали усердные поиски.— Агенты, разумѣется изъ евреевъ же, были разосланы по всему Петербургу и даже, будто бы, отправлены были въ Москву и Тверь. Всѣ поиски однакоже долгое время были напрасны. Наконецъ отцу кто-то внушилъ, что если дочь его задумала креститься, то это дѣло не можетъ совершиться безъ вѣдома консисторіи и что послѣдняя развяжетъ имъ весь узелъ занимающей ихъ тайны. Отецъ ищущей православія тотчасъ бросился въ консисторію съ полною надеждою на успѣхъ и расчетъ его оказался дѣйствительно вѣрнымъ. Какой то консисторскій чиновникъ, въ простотѣ сердца, рассказалъ еврею все, что ему нужно было узнать. Оказалось, что на другой день забранной евреемъ справки, назначено было крещеніе его дочери. Отецъ—еврей рѣшается на послѣднюю мѣру: отыскиваетъ священника о. К—ва,—который долженъ былъ совершать крещеніе молодой еврейки,—и предлагаетъ ему значительную сумму денегъ за то, чтобы онъ помедлилъ совершать крещеніе его дочери: священникъ, конечно со скорбію, отвергъ наглое предложеніе еврея и поспѣшилъ обо всемъ этомъ сообщить собрату своему Н. И. В. принимающему самое теплое участіе въ упомянутомъ приютѣ. Отецъ В. нашелъ нужнымъ ускорить совершеніе крещенія и молодая удостоилась его въ назначенный день. Тогда отецъ новообращенной *официально* заявляетъ, что хотя онъ, *по роду*, и еврей, *но исповѣданія протестантскаго* какъ самъ онъ, такъ и *все* его семейство, и что, слѣдов., дочь его крещена *отрично*. Запасшись, какъ говорятъ, документами сомнительной подлинности, свидѣтельствующими о томъ, будто все семейство его дѣйствительно протестантскаго

исповѣданія, еврей, отецъ новообращенной, обратился къ своему посланнику въ Петербургѣ съ жалобою на то, *будто въ Россіи обращаютъ въ православіе насильственными образомъ и даже крестятъ вторично*. Посланникъ повѣрилъ было словамъ еврея и хотѣлъ принять въ этомъ дѣлѣ участіе; но, потомъ, убѣдившись въ обманѣ, отказался отъ вмѣшательства въ это дѣло.

Подробности о дальнѣйшей судьбѣ новообращенной намъ хорошо неизвѣстны. Мы слышали только, что новообращенная продолжаетъ жить въ еврейскомъ пріютѣ и что нѣкоторые изъ евреевъ угрожаютъ, по ихъ выраженію, *поднять и раскопать* все зданіе этого убѣжища.

Разсказанный нами современный случай не можетъ не вызвать много думъ. Любопытно было бы заглянуть теперь въ душу новообращенной молодой еврейки: сколько тамъ борьбы и смѣны самыхъ сильныхъ и самыхъ заветныхъ чувствъ? и какъ она нуждается въ участіи къ ней со стороны христіанскаго, русскаго общества! Но мы желаемъ смотрѣть на фактъ не съ этой только стороны. Намъ прежде и больше всего занимаетъ слѣдующій вопросъ: если религиозный фанатизмъ евреевъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ обнаруживается въ нашей столицѣ, въ центрѣ правительственной власти какъ духовной, такъ и гражданской, которыя призваны защищать свободу христіанской религіи, а также права вѣрующихъ и интересы господствующей церкви, — то до какихъ размѣровъ и неправдъ можетъ доходить тотъ же фанатизмъ *вдали* отъ центральнаго правительства, гдѣ нибудь въ провинціальной глуши!

Извѣстно, что ни у одного народа религиозныя его убѣжденія не проникаютъ такъ глубоко въ жизнь, какъ

у евреевъ. Это обстоятельство имѣетъ важное значеніе при рѣшеніи еврейскаго вопроса. Вопросъ о реформѣ въ быту евреевъ сдѣлался, въ послѣднее время, однимъ изъ крупныхъ вопросовъ. О немъ разсуждаютъ въ обществѣ, о немъ толкуютъ публицисты, какъ наши, такъ и иностранные. Толки различны. Одни желаютъ уравнять гражданскія права евреевъ съ правами христіанъ. Другіе—противъ этого. Мы считаемъ неумѣстнымъ говорить здѣсь ни *pro*, ни *contra* выражаемыхъ мнѣній объ этомъ предметѣ. Замѣтимъ только, что, при обсужденіи еврейскаго вопроса не мѣшаетъ имѣть въ виду характеръ религиозныхъ убѣжденій послѣдователей талмуда (1). Евреи слишкомъ легко смотрятъ на нарушение законовъ христіанскихъ государствъ. Талмудъ не только не возстаётъ противъ этого нарушения законовъ, но еще самъ освящаетъ его. По духу талмуда, обмануть *юиловъ* (т. е. христіанъ) вовсе не грѣхъ. Далѣе, еврей, гдѣ бы онъ ни жилъ, не можетъ искренно любить и считать эту страну своимъ отечествомъ. „*Іерусалимъ есть отечество израиля, а никакая нибудь другая земля*“. Повтому-то евреи ежедневно молятъ Бога объ избавленіи ихъ отъ *пальма* (т. е. оттуда, гдѣ они живутъ) и о возвращеніи ихъ въ землю обѣтованную. Многіе изъ нихъ, подѣ старость, нерѣдко оставляютъ все, кромѣ денегъ, и ѣдутъ въ Іерусалимъ, затѣмъ чтобъ узрѣть этотъ священный городъ и умереть тамъ (2). Самое сближеніе евреевъ съ христіанами на-

(1) Мысль эта обстоятельно выяснена въ статьяхъ *А. Брафмана*, помѣщ. въ Вилен. Вѣст. за 1866 г. №№ 149, 151 и 173, подѣ заглавіемъ: „Взглядъ новообращеннаго еврея на реформу въ бытѣ еврейскаго народа въ Россіи.“

(2) См. Дух. Вѣст. 1868 г. № 9, стр. 152—158. Стоитъ замѣтить, что, по убѣжденію евреевъ, тѣ изъ нихъ, кои умираютъ въ Іерусалимѣ, въ-

чаюсь и совершается не во имя религіи, а во имя науки и цивилизаціи. Доселѣ оно носитъ тотъ же характеръ. Евреи доселѣ смотрятъ на свою религію, какъ на *единствен-но истинную и совершенную*. Упорство ихъ въ этомъ отношеніи поразительно. Отъ него не освобождало евреевъ и самое высокое образованіе, самый сильный умъ. Спиноза побеждаетъ синагогу, но не принимаетъ и христіанства... Мендельсонъ, этотъ знаменитый еврейскій ученый конца прошлаго вѣка, отъ души былъ преданъ вѣрѣ отцевъ и не разъ отвергалъ совѣты и внушенія своихъ христіанскихъ друзей (напр. Лафатера) обратиться къ христіанству (1).

При глубокой антипатіи ко всему христіанскому, большинство современныхъ русскихъ евреевъ слишкомъ грубо понимаетъ собственную религію и, *въ буквальномъ* исполненіи Моисеева закона, доходитъ часто до самыхъ нелѣпыхъ странностей. Такъ на примѣръ, во время извѣстнаго праздника, евреи, по закону, не должны переносить пищи изъ одного дома въ другой; но какъ это иногда бываетъ крайне необходимо, то они протаскиваютъ нитку отъ одного дома къ другому и, такимъ образомъ, соединивъ два дома только въ своемъ вооб-

бвляются многихъ мукъ и черем даже не прикоснутся къ ихъ греху. Они такъ вѣрятъ въ это, что многіе, при жизни еще, стараются достать хотя горсть земли іерусалимской, которою и завѣщаютъ посыпать свои могилы по смерти. Умереть въ Іерусалимѣ, по ихъ мнѣнію, выгодно и въ томъ отношеніи, что когда Мессія явится и будетъ собирать живыхъ и умершихъ израильтянъ въ Іерусалимъ, то покоющіеся тамъ явившимъ будутъ отъ дальняго путешествія, которое придется совершать съ трудомъ, ибо умершіе будутъ, какъ бочки, катиться въ Іерусалимъ, опираясь лишь на одніи палочки, которыя, для этой цѣли кладутся каждому еврею въ могилу (Ср. соч. архим. Хрисанова: „Соврем. іудейство и отношеніе его къ христіанству“, Спб. 1867. стр. 27).

(1) См. соч. арх. Хрисанова. Совр. іудейство и т. д. стр. 10, 53 и 54.

раженіи, убѣждаются, что они исполнили свой законъ (1). Не менѣе интересно также, какъ евреи иногда прилагаютъ къ жизни, такъ называемый, законъ *умищества* (Втор. 25, 5—10), по которому еврей можетъ вступить въ бракъ съ женою своего умершаго брата. Въ Виленскомъ Вѣстн. (2) разсказывается, что „одна молодая еврейка, съ хорошимъ состояніемъ, бывши нѣсколько мѣсяцевъ за мужемъ, овдовѣла. Братъ ея мужа, съ вѣдшими непріятными признаками болѣзненности, предъявилъ ей Моусеевъ законъ—выйти за него замужъ, или же *дать ему тысячу рублей за разводъ*. Вдова обратилась къ своимъ раввинамъ, прося защиты. Раввины судили—рядили, но, въ концѣ концовъ, объявили ей выйти замужъ или уплатить тысячу рублей... Еврейка вынуждена была обратиться къ полиціи и только съ помощію ея получила разводъ безъ уплаты тысячи рублей“.

Отъ современнаго юданзма обращаясь опять къ православію, мы, къ прискорбію, не можемъ не указать на печальный разладъ въ самомъ православномъ обществѣ между христіанскимъ ученіемъ и жизнью христіанъ. Нравственныя преступленія въ общественной жизни растутъ, такъ сказать, съ каждымъ днемъ. Въ одномъ мѣстѣ слышишь о кражѣ и грабительствѣ, въ другомъ объ обманѣ и страшныхъ убійствахъ, которыя стали слишкомъ часто являться особенно въ послѣднее время. Кто слѣдитъ за газетными новостями, тотъ имѣетъ случай убѣдиться, что рѣдко выпадаетъ день, въ который бы не было объявлено о какомъ-нибудь убійствѣ или гра-

(1) См. Вил. Вѣстн. 1866 г. № 173 (этнографич. очеркъ Лепельскаго уѣзда).

(2) См. Вил. Вѣстн. 1866 № 173.

бешѣ. Читая и слушая извѣстія объ этихъ грустныхъ явленіяхъ, невольно задумываешься о томъ, гдѣ причина этой нравственной деморализаціи... и не хочешь вѣрить, что все это совершается въ нѣдрахъ православной церкви, въ христіанскомъ обществѣ, основнымъ принципомъ жизни котораго должна быть святая *брамская любовь*. Намъ не разъ приходилось бывать въ залѣ для посѣтителей въ С.-пб. окружномъ судѣ, въ отдѣленіи уголовныхъ дѣлъ, и мы всякій разъ выходили оттуда съ тяжелымъ впечатлѣніемъ, которое производили на насъ разбираемая тамъ преступленія. Тяжесть этого впечатлѣнія усиливалась еще больше однимъ страннымъ явленіемъ въ нашихъ судахъ. При рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, всегда присутствуетъ священникъ для приведенія, кого нужно, къ присягѣ. При произхожденіи судебного приговора, какъ извѣстно, закономъ опредѣлено вставать всѣмъ, находящимся въ отдѣленіи суда, кромѣ самихъ судей. Законъ этотъ не имѣетъ исключенія и для священника, присутствующаго здѣсь для приведенія къ присягѣ. Тяжело видѣть, когда, при чтеніи судебного приговора, священникъ (почтенный старецъ), наряду съ прочими, долженъ бываетъ подниматься съ своего стула и *стоять* въ продолженіи часто (напр. 20 февр.) *около получаса*. Эта сцена становится еще неприятнѣе, когда въ залѣ не бываетъ стороннихъ посѣтителей. Тогда члены и прокуроръ сидятъ на своихъ мѣстахъ. Стоять же только (кромѣ чиновника читающаго приговоръ): *подсудимый, судебный приставъ, сторожъ* у дверей, *часовой съ ружьемъ*, да еще *священникъ въ епитрахили*...

Въ газетѣ „Голосъ“ (№ 67. корресп. изъ Москвы) опубликовано дѣло „о проведеніи кварталнымъ надзи-

рателемъ по улицѣ въ ризахъ и съ кадиломъ старообрядческаго священника Василя Щеголева. Дѣло это происходило слѣдующимъ образомъ: въ Москвѣ въ рождской части, во время совершения раскольническимъ священникомъ отпѣванія одной покойницы, въ частномъ домѣ, по обычаю старообрядческому, — ко гробу умершей явился квартальный надзиратель съ двумя полицейскими служителями, растолкалъ стоявшихъ у гроба родственниковъ и знакомыхъ умершей, взялъ священника, *одѣтаго въ ризу*, за грудь возлѣ шеи и, возвысивъ голосъ, сказалъ: Стой! Поняты сюда! На зовъ квартального явилось двое городскихъ. „Ты кто таковъ“, спросилъ квартальный совершавшаго погребальное отпѣваніе раскольницы. Тотъ назвалъ себя. „Замню, въ кварталъ!“—И тотъ же часъ квартальный надзиратель повелъ старика въ кварталъ *по улицѣ, въ полномъ облаченіи и съ кадиломъ въ рукахъ*... Такой поступокъ, говорятъ, произвелъ (и совершенно справедливо) сильное негодованіе не только въ средѣ московскихъ старообрядцевъ, но и въ большинствѣ православныхъ. Надъ квартальнымъ надзирателемъ производится слѣдствіе. Онъ отговаривается *незнаніемъ* дѣйствующихъ узаконеній относительно раскольниковъ. Отговорка, по нашему мнѣнію, совершенно неуважительная въ устахъ того, кто обязанъ быть *блюстителемъ* вѣдшаго порядка въ обществѣ. Зачѣмъ раздражать кого бы то нибыло всегда отталкивающею грубостію, а тѣмъ болѣе раскольниковъ, изъ которыхъ благоразумнѣйшіе въ послѣднее время не рѣдко возвращаются въ нѣдра святой церкви? Такъ еще недавно раскольники русскаго происхожденія *безповоинской секты*, подданные королевства прусскаго, въ числѣ двадцати лицъ обоего по-

ла, обратились къ варшавскому преосвященному съ просьбою о *присоединеніи ихъ къ православнои церкви на правилахъ единовѣрія*, и объ исходатайствованіи имъ дозволенія переселиться изъ Пруссіи въ царство Польское, съ причисленіемъ къ приходу единовѣрческой покровской церкви, сейненскаго уѣзда сувалкской губерніи. Въслѣдствіе сего, они и присоединены, по надлежащему, къ единовѣрью священникомъ сей церкви Іоанномъ Добровольскимъ, а о водвореніи ихъ, съ надѣломъ земли, въ сувалкской губерніи сдѣлано сношеніе съ варшавскимъ учредительнымъ комитетомъ. По докладѣ о семъ событіи Его Императорскому Величеству, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ отпустить изъ кабинета образъ древняго письма новоприсоединившимся, съ тѣмъ, чтобы образъ былъ выбранъ протопресвитеромъ Бажановымъ (Церк. Дѣт.)⁴.

Состраданіе къ голодающимъ продолжаетъ выражаться въ пожертвованіяхъ въ пользу послѣднихъ. Государь Наслѣдникъ съ своею Августѣйшею супругою, Цесаревною Марією Феодоровною принимаютъ въ судьбѣ несчастныхъ самое живое участіе. По ходатайству Государя Наслѣдника, Государь Императоръ повелѣлъ выдать изъ государственнаго казначейства, заимообразно, миллионъ рублей въ личное распоряженіе Его Высочества для изысканія средствъ къ пособію голодающимъ. Сверхъ этого, по приказанію Государя Наслѣдника, съ 31 января, у аничкова дворца выставлена кружка для сбора въ пользу голодающихъ. Въ кружку опускаются полушки и копѣйки, но въ то же время и отдѣльныя пачки бумажекъ отъ 10 до 2 тысячъ рублей, а въ числѣ высыпанныхъ 26-го февр. (въ день рожденія Государя Наслѣдника), найдена одна

начна даже въ три тысячи руб. Нынѣ, въ пользу страдающихъ отъ голода поступило въ собственную канцелявію Его Высочества *далеко болѣе* 600,000 руб.

Въ пожертвованіяхъ въ пользу голодающихъ многіе пастыри церкви побуждаютъ своихъ пасомыхъ своими истинно-пастырскимъ словомъ. Таково, напр., дышущее теплотою христіанской любви воззваніе къ жителямъ костромской епарх., приписываемое газетою „Голосъ“ (№ 64) пресов. костромскому Платону и разосланное во всѣмъ церквамъ костр. епарх. для прочтенія въ храмахъ. Таково же задушевное, а вмѣстѣ простое и назидательное слово свящ. Спасосѣиновской въ Петербургѣ церкви, Іоанна Яв. Образцова, напечатанное въ Дух. Бес. (№ 6); таковое же, говорить, было слово неутомимаго, талантливаго проповѣдника о. В. П. Полсадова (прот. Петропавл. собора), который приглашалъ своихъ слушателей дѣлать, послѣ каждой литургіи, въ церкви, пожертваніе въ пользу голодающихъ. Сумма пожертвованій, говорить, каждый разъ собирается значительная.

Намъ хотѣлось бы сказать еще нѣсколько словъ о воскресныхъ школахъ въ Самарѣ, а также о нѣкоторыхъ мудрыхъ распоряженіяхъ подольскаго епархіальнаго начальства, о сѣздахъ харьковскаго духовенства и т. п., но и безъ того увеличившійся объемъ нашего „Обозрѣнія“ заставляетъ насъ отложить рѣчь объ этомъ до слѣдующаго раза. Теперь же не можемъ не передать нашимъ читателямъ новаго горячаго воззванія по поводу голода, напечатаннаго въ „Голосъ“ № 74, которое относится къ страстной седмицѣ: но *блаотворити* никогда не поздно, и слѣды прошлагодняго неурожая едва ли еще скоро могутъ быть изглажены при самомъ дѣятель-

номъ участіи всего русскаго народа. Христосъ Спаситель непрестанно стоитъ у дверей нашего сердца и съ Божественнымъ долготерпѣніемъ ожидаетъ, не отверзутся ли оны для оказанія Ему милостыни въ лицѣ Его страждущихъ меньшихъ братьевъ.

— Великій день явленія вѣчной тайны—праздникъ Благовѣщенія—будетъ въ нынѣшнемъ году во всѣхъ голодающихъ мѣстностяхъ самымъ радостнымъ праздникомъ.

За нѣсколько дней до 25-го марта явятся въ городахъ: Повѣнецъ, Олонць, Кеми, Пинежь, Мезень, Бѣлой, Дорогобужъ, въ Финляндіи и другихъ мѣстностяхъ обозы съ хлѣбомъ, отправленнымъ туда отъ комиссіи, состоящей подъ высшимъ предѣдательствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича, для пособій жителямъ Россіи, пострадавшимъ отъ неурожаа.

Съ этими обозами посланы изъ склада, существующаго въ Солянномъ Городкѣ, шесть тысячъ пудовъ ржаной муки, которые дадутъ возможность препитать, до привоза новаго хлѣба водою, двѣ тысячи нашихъ братьевъ. Если принять въ соображеніе всю массу отправленныхъ въ голодающія мѣстности хлѣба и наличныхъ денегъ, то общій итогъ лицъ, спасенныхъ частною благотворительностью отъ голода, составитъ весьма значительную цифру.

Скорость въ доставленіи голодающимъ хлѣба и обращеніе жертвуемыхъ денегъ на покупку муки, съ условіемъ немедленной отправки ея къ нуждающимся, указаны самимъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Его Высочеству благоутрадно было не только обратитъ большую часть поступившихъ къ Государыни Цесаревнѣ Маріи Феодоровнѣ денежныхъ пожертвованій на покупку хлѣба, но и усилить эту покупку исхода-

тайствованіемъ у всемилостивѣйшаго Монарха милліона рублей.

Многія благотворенія, и весьма значительныя, одѣланы отъ имени неизвѣстнаго. Всѣ денежные и хлѣбныя приношенія, поступившія въ складъ Солянаго Городка въ Петербургъ, доставлены отъ трехсотъ жертвователей; но между ними пожертвовано отъ неизвѣстной 1,600 руб. и неизвѣстнаго 1,500 руб. Мы вправѣ сожалѣть, что не знаемъ этихъ, драгоценныхъ для русскихъ людей, именъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, не можемъ не преклониться предъ ихъ высокою любовью къ человечеству, предъ ихъ желаніемъ вписать свои тайныя пожертвованія въ книгу благихъ дѣлъ.

Пожертвованія, принесенныя въ складъ Солянаго Городка, спасли, какъ выше сказано, двѣ тысячи нашихъ братьевъ, повергнутыхъ голодомъ въ невыразимыя страданія. Положеніе ихъ всего вѣрнѣе изображаютъ слова пророка Давида: *„Одержаша мя болѣзнь смертныя и потоци беззаконія смятоша мя. Болѣзнь адовы обыдоша мя, предвариша мя спяни смертныя“* (Псал. 17).

Въ то время, когда ядущіе „пепель яко хлѣбъ“ приходили въ совершенное отчаяніе отъ стона голодныхъ дѣтей, когда жилища ихъ тщетно оглашались призывомъ спасенія, когда, наконецъ, голодь, изсушая ихъ внутренности, представляла имъ неизбѣжную смерть, внутренній голосъ ихъ твердой вѣры произносилъ неуклонно молитву упованія: *„Богъ мой еси ты, не отступи отъ мене, яко скорбь близъ, яко нѣсть помогающая ми“*.

И помогающими явились милостивые благотворители Петербурга, Москвы и другихъ городовъ Россіи.

Вотъ почему алчущіе страдалцы, при видѣ пришед-

шихъ къ нимъ обозовъ съ хлѣбомъ къ великому празднику Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы, узрять въ этихъ обозахъ надежду своего спасенія:

Но это начало спасенія нужно довершить полнымъ избавленіемъ отъ голода всѣхъ алчущихъ братій. Неужели въ Петербургѣ не найдется болѣе трехсотъ благодотворителей?

Первые друзья человѣчества въ числѣ трехсотъ сдѣлали праздникъ Благовѣщенія радостнымъ въ странѣ голода и скорби для 2,000 братій; вторые ревнуя первымъ, могутъ сдѣлать радостнымъ для другихъ тысячъ бѣдствующихъ тотъ великій день, въ который радость объемлетъ всѣ сердца—день Воскресенія Христова.

Мы легко можемъ достигнуть этого, сокративъ наши широкія денежные траты, обыкновенно дѣлаемыя къ Пасхѣ, и удѣливъ происшедшія отъ того сбереженія бѣдствующимъ отъ голода.

Страстная недѣля, съ воспоминаніями о страданіяхъ Христовыхъ не можетъ не подвинуть насъ къ человѣколюбію; но намъ нужно разбудить въ себѣ это чувство, заглушонное суетою и „злобою дня“, гораздо ранѣе, чтобъ къ Пасхѣ были уже зрѣлые плоды этого чувства: хлѣбъ на мѣстахъ голода, въ самыхъ жилищахъ бѣдствующихъ братій.

Направимъ же всѣ наши мысли къ Источнику милосердія, Совершающему на Голгоѣѣ великое таинство спасенія и обновленія человѣка, и увидимъ очами души животворящій крестъ съ пригвожденнымъ къ нему живоноснымъ тѣломъ, преданнымъ на смерть сребролюбіемъ Іуды.

Остановимся на этомъ мѣстѣ... Несытость Іуды къ стяжанію была *христуубійственною*; убояйся, чтобъ на-

ше равнодушіе къ голодающимъ не было *человѣкоубій-
ственно*.

Да не будетъ сего: иначе смерть голодающихъ бра-
тій вѣчно будетъ грызть совѣсть нашу и чадъ нашихъ.

Дѣло такъ грозно, такъ мучительно для совѣсти се-
мейной и общественной, потребность милосердія такъ
настоятельна, что и дѣти наши должны вопіять отцамъ
и матерямъ о скорой помощи алчущимъ, и грудные
младенцы своимъ умиленнымъ взглядомъ должны
призывать насъ къ милости. Вѣдь тамъ, въ странѣ го-
лода, всѣ младенцы изнываютъ безъ молока, котораго
не даетъ имъ грудь матери; иссохшая отъ хлѣба съ
мохомъ, соломой и древесной корой...

Но возвратимся на Голгоу. Кто же рѣшится, от-
вергнувъ страхъ, приступить къ беззаконному Пилату,
умывшему свои руки, всенародно съ мольбою о погребеніи
страннаго, бездомнаго, осужденнаго и *содержа-
щую вслѣдствіе*?

Являются два земные херувима, Іосифъ и Никодимъ,
и несутъ на своихъ раменахъ *имѣющую престолъ—но-
бо и подножіе—землю*.

Іосифъ и Никодимъ первые уязвились, при видѣ Ра-
спятаго, любовью къ Христу, а любовь къ Христу вы-
ражается, по заповѣди Христовой, любовью къ человѣ-
ку: „Глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ бра-
тій моихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе“.

Не ясно ли, что и нынѣ есть возможность исполнить
подвигъ Іосифа и Никодима? Нужно ли доказывать, что
исполненіе этого подвига составляетъ безотлагательный,
вопіющій долгъ вѣры, чести, совѣсти, долгъ нравствен-
ности, долгъ гражданина? Отрицаніе этого долга будетъ
отрицаніемъ вѣры, чести, совѣсти.

Святые Иосифъ и Никодимъ уязвились сокрушеніемъ сердца при видѣ великой и неизреченной Жертвы: уязвимъ же и мы наши сердца воспоминаніемъ о сей Жертвѣ. Между нами очень мало таяхъ, которые пожалѣли бы дать бѣдному, но очень много *кросто дѣлающихся* сдѣлать подаваніе, потому что для этого нужно куда-то идти. Еслибъ для сбора приношеній можно было, въ видѣ духа, явиться среди всѣхъ недостаточныхъ семействъ, то сборъ въ пользу голодающихъ былъ бы много-миллионный. Все это сводится къ тому, что намъ нужно заставить себя перейти отъ равнодушія къ сокрушенію, отъ невниманія къ искренней заботливости о судьбѣ страждущихъ братьевъ, и тогда благотворительность не только уничтожитъ настоящій голодъ, но дастъ огромныя средства и на самое обсымененіе полей. Неужели распространеніе христіанства и гражданскаго образованія такъ мало смягчило наши сердца, что и нынѣ намъ слѣдуетъ сказать то, что было сказано въ первыхъ вѣкахъ христіанства св. Іоанномъ Златоустомъ также по случаю голода: „Аще ты братня смерть не уцѣломудритъ, то кто ты уцѣломудритъ?“

Нѣтъ! сѣмена вѣры и разума не напрасно были сѣяны въ наши сердца и головы въ теченіе многихъ вѣковъ. Плоды ихъ выразятся теперь въ томъ, что мы пойдемъ быстро, *не озираясь всякъ*, къ подвигу братолюбія, движимые божественною силою креста. Хотя многіе и множайшіе предварили насъ въ подобныхъ подвигахъ, но и мы, приходище въ поздній 11 часъ, *тогда ужъ день склоняется къ вечеру*, получимъ свой пѣназь, потому что и первые и вторые и *последніе* *амидуютъ въ радость Господа своего*.

Устремимся къ этой радости, пока это устремленіе

зависитъ отъ насъ! дадимъ мало и получимъ мною, получимъ долю тѣхъ воздаяній, которыя приобрѣли первые христіанскіе Іосифъ и Никодимъ! Сила много-сердїя въ силахъ унаслѣдовать намъ эту славу и эту силу.

P. S. Въ Пруссїи собрано для голодающихъ тамъ 5 милліоновъ талеровъ. Эта благотворительность даетъ Пруссїи, въ глазахъ цѣлаго свѣта, завидное право на высокую степень уваженія. Неужели наша любвеобильная Россія въ дѣлѣ добра отстанетъ отъ Пруссїи? Сборъ пяти милліоновъ не представляетъ въ самой своей сущности ничего невозможнаго и необыкновеннаго; даже и особой щедрости не нужно—нужно только нѣкоторое вниманіе къ важности бѣдствія. Вотъ доказательство легкости и возможности: если только сто тысячъ—изобилующихъ пожелають удѣлить отъ своихъ избытковъ для голодающихъ совершенную бездѣлицу, каждый по 50 рублей, или 50,000 по 100 руб., то вотъ вамъ и пять милліоновъ, сумма, спасающая всѣхъ голодающихъ отъ многихъ бѣдъ и золь и нисколько не уменьшающая богатства изобилующихъ.

Прїемъ денежныхъ и хлѣбныхъ пожертвованій производится въ Солянномъ Городкѣ, у цѣпнаго моста, противъ Лѣтнаго Сада, ежедневно, съ 8 часовъ утра до 6 часовъ пополудни, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней; но въ настоящее время, по случаю прекращенія зимняго пути, *денежныя приношенія были бы полезнѣе хлѣбныхъ*. Они дали бы возможность переводить деньги въ голодающіе уѣзды по телеграфу, съ тѣмъ, чтобъ ихъ раздавали бѣднымъ на хлѣбъ въ тотъ же самый день, въ который они получаютъ въ складѣ Солянаго Городка. Во всѣхъ голодающихъ губерніяхъ,

по послѣднимъ свѣдѣнiямъ, люди бѣдствуютъ не столько отъ того, что тамъ нѣтъ хлѣба, сколько отъ неимѣнiя денегъ на покупку его, по случаю упадка промышленности и неимѣнiя средствъ къ заработкамъ.

Въ принятiи хлѣбныхъ приношенiй выдаются отъ склада квитанцiи, а денежные пожертвованiя покорнѣе просятъ записывать собственноручно въ имѣющiйся въ складѣ листъ, выданный отъ Государыни Цесаревны Великой Книжныи Марiи Феодоровны.

Н. П.

ПОСЛАНІЕ

БЛАЖЕННѢЙШАГО ІЕРОУЕЯ, ПАТРИАРХА АНТЮХІЙСКАГО,
СВЯТѢЙШЕМУ СУНОДУ.

Святѣйшіе члены Богоизбраннаго священнаго Синода, во Христѣ Возѣ возлюбленнѣйшіе и вождѣннѣйшіе Братія и Сослужители нашей мѣрности! Досточтимыя для насъ Преосвященства Ваши братски и отъ всего сердца привѣтствуемъ о Господѣ.

Когда за нѣсколько времени предъ симъ по всей необозримой Россіи праздновалось по Высочайшему указанію пятидесятилѣтіе Іераршескаго служенія Досточтимѣйшаго митрополита Московскаго, Киръ Фидарета, и вся православная восточная церковь ликовала и радовалась по поводу этого свѣтлаго всенароднаго торжества церкви, восхищаясь хриstopодражательными его совершенствами, тогда и мы на ряду съ другими и болѣе, чѣмъ кто либо, радовались и веселились о семъ. Ибо во время своего пребыванія въ Россіи, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, мы имѣли счастье лично знать мудрѣйшаго и пресловутаго сего мужа и пользоваться его великою братскою любовію, много мудрыхъ его наставленій и вразумленій и до сихъ поръ раздаются въ

нашихъ ухахъ, много мы видѣли отъ него благодарнѣй и почестей, и потому хранимъ живое и неизгладимое благодарное чувство.

При такомъ душевномъ расположеніи къ сему достойному мужу, мы внезапно поражены были неутѣшною скорбію, и наша прежняя радость смѣнилась печалію и слезами вслѣдъ за полученіемъ вашего братскаго синодальнаго посланія отъ декабря минувшаго года, извѣщавшаго о переселеніи приснопамятнаго изъ здѣшнихъ въ горнія селенія. Возскорбѣли мы, Братія наша во Христѣ, вождельныне, при этомъ извѣстїи и опечалились духомъ, представляя себѣ, что церковь лишилась многочтимаго мужа, многократно и многообразно просвѣщавшаго и утѣшавшаго ее свыше дарованною ему благодатію Всесвятаго Духа, и не только церковь, но и оскротѣвшее словесное стадо Христово, потерявшее добраго пастыря, спѣшившаго со своимъ любвеобильнымъ участіемъ ко всѣмъ страждущимъ отъ многоразличныхъ бѣдъ и обстояній.

Но почто все мы темемся и скорбимъ? Нѣсть бо человекъ, иже поживетъ и не узритъ смерти. Не всѣ ли идемъ тѣмъ же путемъ въ сей привременной жизни? Утолимъ же свою печаль надеждою, что приснопамятный ликуеть теперь, премѣнивши тлѣнныя и привременныя блага на нетлѣнныя и вѣчныя и за добро, содѣланное въ своей жизни словомъ и дѣломъ, получилъ уготованное ему небесное царствіе.

Немедленно, по полученіи извѣстїа о семъ, мы спѣшили по священнон обязанности со всѣмъ находящимся при насъ клиромъ вознести теплыя молитвы къ Всемогущему и Премилосердому Всевышнему Богу, и совершили поминовеніе, да упокоитъ душу его Господь

въ селеніяхъ праведныхъ, и долгомъ считаемъ совершать сіе постоянно какъ въ общественныхъ, такъ и въ частныхъ своихъ молитвахъ и моленіяхъ ко Господу.

Вотъ что мы сочли долгомъ отвѣтить по братской любви на ваше братское извѣщеніе. О себѣ же самихъ молимъ братски Ваши Досточтимые Преосвященства, да въ священныхъ Вашихъ молитвахъ ко Всевышнему цѣниваете и насъ, въ нашемъ крайнемъ положеніи терпящихъ непрестанныя нападенія отъ многообразныхъ враговъ нашей вѣры. А васъ, досточтимые для насъ Братія, да хранитъ Господь свыше въ неизмѣнномъ здравіи и къ душевному спасенію.

Вашего Досточтимаго Преосвященства
во Христѣ возлюбленный братъ

Иеромей Антіохійскій.

Въ Бейрутѣ.

6 февраля 1868 года.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНІЯ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ СЛУЖБЫ ПРОТОІЕРЕЯ ТРОИЦКАГО СОВОРА, ЧТО НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНѢ А. Я. РОЖДЕСТВЕНСКАГО (*).

Молите вы, братіе, знайте труждающихся у васъ, и настоятелей вашихъ о Господѣ, и наказующихъ вы: и имайте ихъ по превзвѣха въ любви за дѣло ихъ: мирствуйте въ себѣ (Солун. 5; 12—13).

Не въ однимъ только солунянамъ относилась сія апостольская заповѣдь. Обязательная сила этой заповѣди простирается на христіанъ всѣхъ мѣстъ и всѣхъ времявъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда жизнь поставляетъ ихъ въ соприкосновеніе съ людьми, которые своими заслугами и доблестями стяжали себѣ неотъемлемое право на уваженіе и любовь общества.

Отцы и братія! Не трудно исполнить какую угодно

(*) Съ удовольствіемъ помѣщаемъ на страницахъ „Хр. Чт.“ это искреннее похвальное слово одному изъ достойнѣйшихъ ветерановъ с.-петербургскаго духовенства. Нельзя не радоваться и не благодарить Бога, что въ нашемъ столичномъ духовенствѣ живетъ апостольскій идеалъ пастырскаго служенія, что изъ среды своей оно можетъ гласно, предъ собраніемъ и своимъ членовъ и прихожанъ, указать не на одного собрата, дающаго образъ впримѣръ — словомъ и житіемъ, и что оно въ то же время глубоко сознаетъ и свои недостатки, умѣетъ открыто и великодушно исповѣдывать ихъ, и тѣмъ лучше доказываетъ, что борется съ ними серьезно и безъ сомнѣнія, съ Божіей помощью, болѣе и болѣе будетъ освобождаться отъ нихъ. — *Ред.*

положительную заповѣдь, когда ея требованія легко пріемиются и усвоются сознаниемъ, и идутъ по одному и тому же направленію съ движеніями сердца и влеченіями воли. Настоящее наше собраніе вполне подтверждаетъ истину этихъ словъ. Поводомъ къ сегодняшнему нашему братолюбному собранію послужила чья-то добрая и прекрасная мысль почтить братскими празднествомъ заслуженнаго и нынѣ старѣйшаго по лѣтамъ изъ всѣхъ столичныхъ священно-служителей, общаго нашего духовнаго отца (1), протоіерея Александра Яковлевича. Лишь только эта мысль заявлена была гласно предстоящимъ здѣсь священно и церковно-служителямъ, какъ всѣ они отнеслись къ такому заявленію съ полнымъ одобреніемъ и сочувствіемъ. А такое дружное сочувствіе не то ли прямо значить, что вышеприведенная нами заповѣдь апостола, въ данномъ случаѣ, пришлась намъ какъ нельзя болѣе по сердцу, а потому такъ легко и возбудила въ насъ рѣшимость почтить нашего духовника торжественнымъ ему заявленіемъ нашихъ чувствъ уваженія къ нему и любви?

Отецъ нашъ духовный! Прости намъ эту рѣшимость. Знаемъ, что, чувствуя тебя такъ явно, мы какъ-бы бросаемъ камень въ глубину твоего смиренія, и этимъ возмущаемъ тишину твоего духа, всегда кроткаго и молчаливаго. Но, ей, ей,—отъ избытка сердца уста глаголютъ. Вѣрь, отецъ, что, чувствуя тебя такъ сегодня, мы только повинемся влеченію нашихъ сердецъ, и шествуемъ царственнымъ путемъ, который намъ укажетъ самъ апостоль Павелъ своею заповѣдію уважать и по презрѣнью любить всѣхъ общепользныхъ дѣятелей въ

(1) Большая часть священнослужителей, собравшихся на юбилей, были духовными дѣтьми отца протоіерея Рождественскаго.

христіанской церкви. Въ такомъ нашемъ тебѣ чествованіи, стало быть, мы видимъ ни болѣе, ни менѣе, какъ твое, заслуженное тобою, право, и нашъ, громко намъ вопіющій объ исполненіи, священный долгъ.

Отцы и братія! Воистину это—его право, а нашъ долгъ. Право на почетъ и любовь отъ окружающей среды людей, по слову апостола, приобрѣтается трудомъ, подъемлемыми ради пользы общественныхъ: *молимъ вы, братіе, знайте труждающихся у васъ*. А нашъ маститый духовникъ не изъ числа ли труждающихся у насъ?—Если мы прослѣдимъ теченіе его жизни отъ самаго ранняго дѣтства и до глубокой старости: то она представится намъ непрерывною цѣнью многообразныхъ трудовъ.

Все время дѣтства и юности нашъ духовникъ провелъ въ трудахъ приготовленія себя къ жизни—обученіемъ и воспитаніемъ. А труды воспитанія едва ли легче трудовъ самаго рожденія. *Жена, егда раждаетъ, скорбь имать*: въ болѣзняхъ, съ воплемъ и стономъ, является на свѣтъ Божій и раждаемое отроча. Много трудно и многоболѣзненно и дѣло воспитанія какъ для усердныхъ воспитателей, такъ и для старательныхъ воспитанниковъ. Для послѣднихъ оно особенно многотрудно и многоболѣзненно было въ старинныя времена, въ нашихъ старинныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ воспитывался нашъ о. духовникъ. Довольно только сказать слово „бурса“,—чтобы представить себѣ всю трудность, съ какою сопрягалось дѣло воспитанія въ нашихъ старинныхъ и низшихъ и среднихъ духовныхъ школахъ; чтобы понять всю тогдашнюю ограниченность и скудость благопріятствующихъ хорошему воспитанію условій, какъ экономическихъ, такъ и учеб-

но-воспитательныхъ, чтобы живо вообразить себя ту высокую степень напряженія и энциклопедическаго и духовныхъ силъ, на какую тогда лучшіе изъ духовныхъ дитомцевъ должны были подниматься для того, чтобы хоть сколько нибудь овариться сіяніемъ свѣтила Богословской науки, въ тѣ времена только что еще восходившаго на русскомъ горизонтѣ. А нашему духовному отцу, конечно, болѣе, чѣмъ кому другому, довелось извѣдать и испытать всѣ трудности стариннаго нашего воспитанія; потому что онъ болѣе, чѣмъ кто другой, всѣми силами души и тѣла старался ихъ препообдѣить, и дѣйствительно препообдѣилъ на столько, что удостоенъ былъ перемѣщенія въ С.-Петербургскую духовную академію для высшаго образованія. Въ семъ высшемъ святилищѣ Богословскихъ наукъ онъ снова началъ прилагать труды къ трудамъ, и снова оказалъ такіе бластательные успѣхи, что, сразу же по окончаніи курса, съ ученой степенью магистра, удостоился чести быть оставленнымъ при той же академіи въ качествѣ наставника. За таковыя труды, подъятыя въ дѣтствѣ и юности, съ тою цѣлю, что бы быть полезнымъ въ жизни для другихъ, не слѣдуетъ ли ему водать честию?

Отецъ нашъ! Воздаемъ тебѣ должную честь. Какъ нужу просвѣщенному, долгимъ ученіемъ подготовившему себя къ жизни, она принадлежитъ тебѣ по праву. Прими же ее отъ насъ съ любовію.

Однакоже не долго молодому наставнику судилъ Господь дѣйствовать на ученомъ поприщѣ. Изъ области науки и кабинетнаго мысленія пришлось ему перейти въ стать ближе къ жизни и обществу въ сиромомъ санѣ сядцешнослужителя. Съ той поры и по настоящее время онъ долженъ былъ испытать всѣ трудности пас-

тырскаго служенія. Вотъ, правда, не мало людей, которые въ нашемъ служеніи не видятъ никакихъ трудностей: но не видятъ, потому что не замѣчаютъ, или даже не хотятъ замѣчать.

Какойнибудь благопопечительный гражданскій или военный начальникъ разъ выпросилъ у царя какуюнибудь милость для своихъ подчиненныхъ: это всё видятъ; объ этомъ всё толкуютъ, какъ о замѣчательномъ подвигѣ. *Служа Христовъ*, и дома, и въ храмѣ, и днемъ, и ночью, непрестанно просить у Господа милостей и щедротъ для вѣренной ему паствы: этого люди и за трудъ не считаютъ. Какойнибудь, знающій свое дѣло, строитель умудрился чрезъ широкую и глубокую пучину перекинуть съ одного края на другой прочный и красивый мостъ: это люди видятъ и всё въ одинъ голосъ восхваляютъ: вотъ такъ трудъ! А строитель Тавня Божіихъ не разъ, не два, а много разъ, успѣлъ, съ Божьей помощію, соединить сердца недруговъ, раздѣленныхъ непроходимою злобою: это кому какая нужда замѣчать? Какойнибудь искусный хирургъ, удачно совершилъ надъ своимъ пациентомъ трудную и опасную операцію: объ этомъ всё говорятъ и пишутъ, какъ о какомъ-то чудѣ. Ревностный и назидательный пастырь, при помощи Благодати Божіей, то и дѣло отсѣкаетъ у страдающихъ душевными недугами людей ихъ земные уды: блудъ, нечистоту, сладострастіе, злую похоть, любостыжаніе (Кол. 3; 5) и т. п.: на это никто и вниманія не обращаетъ. Какойнибудь храбрый и разумный вождь со вѣренными ему отрядомъ побѣдоносно отразилъ жестокое нападеніе враговъ: ему всё воздаютъ громкую хвалу. Бдительный и богомудрый пастырь съ своими пасомыми всю свою жизнь ратуетъ противъ враговъ спасенія: этого никто и знать не хочетъ.

Таковой нашъ взглядъ на дѣло священнослуженія можетъ кому либо показаться уже слишкомъ высокимъ. Могутъ намъ возразить, что вполне осуществить образъ истиннаго священнослужителя могъ только самъ начальникъ и совершитель вѣры нашей Господь І. Христосъ; что, только приблизиться къ этому образу могли св. апостолы и отцы церкви. Правда, — но тѣмъ не менѣе каждый изъ священнослужителей, въ свое время, и въ своей мѣстѣ, обязанъ всѣми благодарованными ему способами вседушно стремиться къ тому, чтобы исполнить завѣтъ апостола Павла: *братіе, подобны мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу*. Теперь какъ бы мы стали отвѣчать, если бы намъ предложенъ вопросъ: кто изъ васъ, отцы, стоитъ ближе всѣхъ къ высокому образу священнослужителя? Этотъ вопросъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ минуты глубокаго раздумья, задалъ себѣ одинъ изъ почившихъ уже въ Божѣ и приснопамятныхъ нашихъ собратьевъ и сослужителей. Когда окружавшія его въ то время лица узнали, что предметомъ его думъ служитъ высказанный вопросъ, и, бывъ нѣмъ заинтересованы, просили у него самаго прямаго и откровеннаго отвѣта: тогда покойный нашъ собратъ, не обинуясь, сказалъ, что, по его мнѣнію, изъ всего петербургскаго духовенства болѣе всѣхъ соответствуетъ своему званію о. протоіерей Александръ Яковлевичъ Редественскій.

Отцы и братіи! Кто и изъ насъ не согласится, что покойный нашъ собратъ сказалъ святую правду? А за тѣмъ кто не согласится, что нашъ духовникъ имѣетъ полное право на почетъ отъ насъ?

Отецъ нашъ духовный! Охотно отдаемъ тебѣ должную честь. Какъ лучшему и достойнѣйшему изъ насъ

рей, она принадлежит тебѣ по праву. Прими же ее, отъ насъ съ любовію.

Изъ всѣхъ обязанностей священнослужителя духовничество едва ли не самая трудная. Нужно имѣть много мудрости, и еще больше любви, для того, чтобы, какъ должно, исполнить эту обязанность. При жалкомъ видѣ души, изъязвленной грѣхами, духовнику нужно быть несравненно добрѣе самаритянина, возмывшаго масло и вино на раны впадшаго въ разбойника. Отъ духовника требуются слова, которые бы паче елей умягчали, требуются совѣты, которые бы паче вина укрѣпляли болящую и разслабленную душу грѣшника. Скажемъ болѣе: духовникъ, въ отношеніи къ каждому изъ своихъ духовныхъ чадъ, долженъ имѣть и являть терпѣніе и бдительность любящей матери, которая не спускаетъ глазъ съ своего роднаго дѣтища и не только не пренебрегаетъ имъ, когда оно, безпокойное ѣдкою острою своихъ нечистотъ, кричитъ въ ожиданіи помощи, но собственными руками осторожно очищаетъ и омываетъ, утѣшая, лаская и нѣжно лобзая свое плачущее дитя. Не въ такомъ ли именно духѣ дѣйствуетъ и нашъ духовникъ?

Отецъ нашъ духовный! Воздаемъ тебѣ должную честь. Какъ разумительному, совѣтодательному и любвеобильному духовнику, она принадлежит тебѣ по праву. Прими же еѣ отъ насъ съ любовію.

Обязанности священнослуженія, и сами по себѣ всегда многотрудныя, еще большихъ требуютъ трудовъ, когда соединяются съ какими либо начальственными должностями. За то въ начальствованіи труждающихся естественно должна быть воздаема и большая честь: *знайте вѣстителей вашихъ о Господѣ.*

Правда, что нашъ о. духовникъ, кромѣ обязанности настоятеля равныхъ церквей, увѣщателя преступниковъ и благочиннаго, не нѣсь на себѣ бремени какихъ либо другихъ особенно важныхъ начальственныхъ должностей: но при всемъ томъ нельзя не согласиться, что быть и настоятелемъ, впродолженіе почти полулѣта, то одной, то другой, то третьей церкви въ столицѣ, не совсѣмъ легкое дѣло. Положимъ, что настоятельство само по себѣ еще не составляетъ сильно подавляющаго бремени. Понаблюдаи за неопустительностію и исправностію церковныхъ службъ и требъ, за благочиніемъ и порядкомъ въ храмѣ, за приращеніемъ, сохраненіемъ и употребленіемъ церковныхъ суммъ и вещей, не Богъ вѣсть еще какой тяжкій подвигъ: но только тогда, когда умному, доброму, и распорядительному настоятелю Богъ пошлетъ такихъ же, какъ и онъ самъ, умныхъ, добрыхъ и дѣятельныхъ сослуживцевъ. Благо настоятелю, если онъ отъ души можетъ назвать всѣхъ своихъ соотрудниковъ братією, въ полномъ значеніи этого слова. Но горе ему, если онъ въ лицѣ окружающей его братіи видитъ себѣ недруговъ. Отъ таковой лжебратіи, кромѣ одиѣхъ бѣдъ, больше ничего не жди настоятель, а потому каждую минуту будь на сторожѣ, и только и знай, что всѣ свои силы напрягай къ отраженію разныхъ враждебныхъ приращеній. Изъ таковой лжебратіи какойнибудь, вмѣсто того, чтобы точно выполнить твое распоряженіе, смотришь, и знать тебя не хочетъ, глядитъ на тебя такъ презорливо, обращается съ тобою такъ гордо: такого бойся, да и бойся, настоятель, и какъ можно дальше сторонись; не то — какъ разъ нападетъ на тебя, втопчетъ тебя въ грязь, и изъ себя и изъ тебя устроитъ посмѣшище и соблазнъ для людей. Другой

обратъ, которому болѣе, чѣмъ другому кому, слѣдовало-бы поощряться о церковныхъ или брасскихъ интересахъ, смотришь, относится къ нимъ небрежно, или, что еще хуже, нечестно: за таковыя смотри, да и смотри настоятель; не то—будетъ худо, послѣдствія могутъ быть весьма прискорбныя. Третій братъ, смотришь, непобѣдимо злобенъ, коваренъ, задоренъ: такого крѣпко берегись, настоятель, и не задѣвай его; на то,—Боже сохрани, придѣнется къ тебѣ такъ, что и не оторваться; сочинить на тебя и подать начальству какойнибудь доносъ,—и вотъ ступай, настоятель, подъ судъ, мучься, отписывайся, оправдывайся. А если такъ не легка и должность настоятеля церкви: то чтожь сказать объ обязанностяхъ благочиннаго, какъ настоятеля самихъ настоятелей и всѣхъ священно-и-церковнослужителей въ благочинническомъ округѣ? Не въ стѣнать ли онѣ тягостиѣ противъ обязанностей простыхъ настоятелей?

Отецъ нашъ духовный! Что я сей часъ сказалъ, все это ты на себѣ испыталъ. На поприщѣ полувѣковой службы своей встрѣчался ты и съ добрыми сослуживцами, которые и уважали, и любили тебя. Но случилось тебѣ сталкиваться и съ такими, которые старались очернить тебя и свергнуть въ бездну нищеты. Первымъ ты всегда отвѣчалъ взаимнымъ уваженіемъ и любовью. Отъ послѣднихъ старался только уклониться. Воздаемъ тебѣ должную честь. Какъ умному и доброму настоятелю и благочинному, она принадлежитъ тебѣ по праву. Прими же еѣ отъ насъ любовью.

Къ числу трудовъ, дающихъ право на особенное уваженіе и любовь со стороны христіанскаго общества, ап. Павелъ относитъ еще трудъ учительства: *знайте нака-*

зубориты ея, и младше или по времени ея работъ за-
дле имъ.

Маститый духовникъ нашъ не былъ чуждъ и этого
труда. Мы уже сказали, что въ за студенческой скандъ
академической аудиторіи онъ удостоенъ былъ чести
вступитъ прямо на одну изъ академическихъ кафедръ и,
стало быть, прямо перейти къ ученымъ трудамъ. Кто
слушалъ его уроки, тотъ, безъ сомнѣнія, впередъ знаетъ,
каковы были плоды этихъ трудовъ. Если бы скром-
ность нашего духовника не удерживала его отъ изданія
въ свѣтъ его ученыхъ трудовъ: то, конечно, и мы имѣ-
ли бы счастье видѣть, сколь доброзрачны, и неусить,
какъ щедры и пріятны плоды помянутыхъ трудовъ.

Впрочемъ духовнику вашему суждено испытать труды
учительства не столько на ученой, сколько на церков-
ной кафедрѣ. Около полулѣта прослуживши церкви Бо-
жіей въ должности пастыря, онъ естественно не могъ
не понести между прочимъ и бремени проповѣдничества.
Положимъ, что церковная проповѣдь нашего духовника
не оставила во себѣ грознаго эха въ обществѣ: но,
быть можетъ, потому только, что онъ не любилъ бро-
сать съ кафедръ церковной громы и молніи изъ безвод-
ныхъ обмановъ, — а подобно тихому, дробному, и теп-
лому дождю, безъ шума и треска, но тѣмъ не менше
обильно и плодотворно наполяя водами благочестія жаж-
дущія души своихъ слушателей. И тутъ опять скажу,
что если бы скромность не удерживала нашего духов-
ника отъ заявленія себя въ печати, — то, безъ со-
мнѣнія, онъ подарилъ бы публику прекраснѣйшимъ обра-
ніемъ назидательнѣйшихъ поученій.

А и то еще нужно сказать, что, при отличной даро-
витости и высокомъ образованіи, сочинять и проповѣ-

сить хорошия поученія не составляютъ еще для церковнаго учителя не только особенно тяжкаго труда, но и особенно важной заслуги предъ людьми. Не тотъ великъ предъ Богомъ и предъ людьми учитель, который умѣетъ только научить: но тотъ, который и самъ творить то, чему учитъ другихъ. А нашъ духовный отецъ не въ томъ ли и весь свой жизненный трудъ поставлялъ, чтобы предъ всѣми и всегда являть въ своемъ лицѣ учительнаго *пресвитера, дающаго образъ вѣрнымъ — словомъ и житіемъ* (1 Тим. 5;12)? Такого рода учительство, согласитесь, потрудитѣ и поважайтѣ всякаго другаго учительства.

Духовный нашъ отецъ всегда подаетъ образъ вѣрнымъ — своимъ словомъ. Не великъ членъ въ тѣлѣ — языкъ: а сколько безобразія, сколько зла выводитъ чрезъ него! Суесловіе, бусловіе, срамословіе, злословіе, похлогласованіе, кощунство, хуленіе, — но довольно и этихъ выраженій, чтобы понять хотя нѣкоторые отѣнки того зла, которое такъ часто причиняетъ нашъ языкъ. И сколько иногда нужно труда для того, чтобы удержать языкъ свой отъ зла! Иному легче днаго зѣбра уловить и связать, нежели языкъ свой обуздать. Въ этомъ отношеніи нашъ духовникъ не можетъ подлежать нареванію. Слышалъ ли кто когданибудь хоть одно какое либо гнѣное слово изъ устъ его? Слышалъ ли кто, чтобы онъ или когда ного польнулъ какимъ либо острымъ словцомъ, или надъ кѣмъ поглумился, или сказавъ какую пошлость? Нѣтъ! его слово всегда рождено солию благодати; въ его рѣчи всегда свѣтитъ ясный и твердый умъ, всегда звучитъ доброе, теплое сердце. Это поистинѣ пресвитерь, дающій образъ вѣрнымъ — *словомъ*.

И не только словомъ дать ему образъ жизни, но и жизнью, и даже больше жизнью, чѣмъ словомъ. Гдѣ бы въ какихъ отношеніяхъ и положеніяхъ ни поставила живущая среда нашего духовника, — вездѣ и во всякомъ случаѣ онъ является образцомъ для окружающихъ его лицъ. Напр., кто входитъ въ храмъ Божій и, видя его священнодіяствующимъ, не надеется его благословляющимъ слушеніемъ? Кто приглашаетъ его въ приходъ ради какой либо тробы, и не замѣчаетъ въ немъ внимательнаго и тщательнаго ревнителя о достойномъ твореніи дѣла Божія? Кто посыпаетъ его въ нивѣцѣ, и не видитъ въ немъ человека, *свой домъ добръ прелеща, чада и муща отъ послушанія со всякою чистотою* (1 Тим. 3; 4), — не смотря на то, что давно здоставуетъ? Образецъ, поучительный особенно для тѣхъ изъ насъ, оцы, кому судилъ Господь понести въ жизни среди міра и престоу вдовства! Кто вагунаетъ съ нимъ въ бесѣду, и не восхищается его всегда открытымъ, протннмъ и младенчески яснымъ взоромъ, не плѣняется его всегда задушевнымъ и отечески-привѣтливимъ словомъ? Является ли онъ предъ лицомъ высшей власти? Онъ всегда сохраняетъ къ ней должное почтеніе, но никогда не ведетъ себя раблнвно предъ ней. Находится ли въ кругу равныхъ ему? Онъ держитъ себя всегда просто, съ какою-то влевуцею къ нему наидаго пріятностию? Обращается ли съ низшими себя? Онъ всегда къ нимъ ласковъ, привѣтливъ, снисходителенъ. Радостнымъ ли кто предъ нимъ является? Онъ отъ души сорадуется радующемуся. Скорбитъ ли кто предъ нимъ? Онъ тлже отъ души сострадаетъ скорбнщему. Ему ли самому улыбается счастье? Онъ не забываетъ въ счасти. Горе ли какое постигаетъ его? Онъ не вдается въ уныніе, но

отъ твердостию и мужествомъ выносить бѣду. Врагъ ли какой нападаетъ на него? Онъ старается только удалиться отъ него и, удаляясь, не уносить съ собою ни слобовъ, ни мести врагу своему. Друга ли встрѣчаетъ на пути жизни? Онъ весь его. Всегда трезвенный, чистый, шестиматерный, братолюбивый, маститый нашъ духовный отецъ, какъ по всему видно, всегда руководствовался и руководствуется въ жизни своей однимъ правиломъ: возить добро, и никому зла!

Отецъ нашъ! Воздаемъ тебѣ должную чюстѣ. Какъ учительному пресвитеру, дающему образъ вѣрныхъ словомъ и житіемъ, она принадежитъ тебѣ по праву. Прими же ее отъ насъ съ любовію.

Отцы и братія! Полагаю, что не я одна такъ смотрю на нашего духовнаго отца. Сильно думаю, что и вамъ веѣмъ онъ представляется въ такомъ же точнѣ свѣтѣ. Почтемъ же его и возлюбимъ не словомъ только, или живомъ, но дѣломъ и истинною. Первымъ нашимъ дѣломъ пусть будетъ наше, едиными устми и единымъ сердцемъ, соборнѣ принесенное Господу Богу благодареніе за то, что Онъ сподобилъ нашего духовнаго отца потрудиться для церкви Божіей такъ долго и такъ благоплодно. Затѣмъ усугубимъ наши молитвы во Всевышнему, чтобы Онъ и еще приложилъ ему дни живота его на многая лѣта, и благословилъ его, и всѣмъ чадѣ его, и чада чадѣ его, великимъ благословеніемъ небеснымъ и земнымъ. Наконецъ постараемся и въ себѣ самѣхъ образить чертамъ его доблестной жизни; пече же всего потщимся *мирствовати въ себѣ*, какъ онъ всегда мирствовалъ даже съ нехристіанскими мира. *Се бо что добро, и се что красно, но оже житиѣ братіе оумъ!* Аминь.

Прот. А. Попроевскій.

О ЕСТЕСТВЕННОМЪ И РАЗУМНОМЪ

ВЪ ОБЛАСТИ ПРАВСТВЕННО-ДУХОВНОЙ.

Современное умственное настроеніе многихъ, стремясь быть естественнымъ и разумнымъ, пустилось преимущественно въ изученіе естества и его механическихъ законовъ, и впало, какъ это часто бываетъ у людей, въ крайность. Стоя за естественное, механическое, оно отрицаетъ важнейшую и главнѣйшую часть его—сверхъестественное, свободное, духовное, утверждая, что въ мірѣ все дѣлается одинаковымъ неизмѣннымъ, механическимъ образомъ, а потому всѣ событія въ мірѣ естественны; сверхъестественныхъ нѣтъ. Можно бы легко согласиться съ этимъ отрицаніемъ, еслибы въ немъ сохранилось желаніе включить въ область естественнаго все, что бываетъ въ мірѣ. Но отрицатели не хотятъ принимать естественное въ смыслѣ широкомъ, возвышенномъ, а стараются отвергнуть, какъ выражаются они, внимательство Творца Вседержителя въ управленіе міромъ, въ которомъ событія высшія, неподходящія подъ обыкновенный механизмъ естества, люди Богодуховенные, а за ними благомыслящіе и разумные находятъ необходимымъ приписать особенному участію Промысла и благодати.

Естественное и сверх-естественное въ природѣ, въ исторіи и въ понятіяхъ людей нераздѣльно соединены, сопутствуютъ рука объ руку одно другому, такъ что провести между ними и указать настоящія дѣйствительныя границы, едва ли возможно. По началу своему все въ природѣ и исторіи сверх-естественно, потому что обыкновенный, нынѣ существующій и называемый естественнымъ, чинъ движенія и жизни тварей возникъ не случайно, самъ собою, ибо премудрондеальное устройство міра предполагаетъ дѣйствіе не слѣпой случайности, съ которой совершеннѣйшее твореніе несогласно, но свидѣтельствуетъ о высочайшемъ и всебѣдущемъ творческомъ умѣ. Итакъ, все естественное, по своему началу отъ Бога, сверх-естественно, и это, по своему происхожденію сверх-естественное, въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи обратилось въ нашия понятія въ естественное. Естественнымъ теперь обыкновенно называютъ то, что бываетъ подъ общезвѣстными условіями механической силы естества. Привычка видѣть одни и тѣже явленія отъ однихъ и тѣхъ же причинъ дала этимъ явленіямъ названіе естественныхъ. Но сверх-естественное начальное возникновеніе тварей предполагаетъ сверхестественное участіе въ продолженіи ихъ существованія. Въ сотвореніи и сохраненіи тварей видна совокупная сила естественная и сверх-естественная. Начало тварей неизяснимо изъ естественныхъ силъ природы: равно необяснимо изъ естественныхъ причинъ и постепенное умноженіе и сохраненіе родовъ и видовъ тварей. Въ преемственномъ развитіи ихъ изъ первоначально положеннаго сѣмени, въ неизмѣнно продолжающемся управленіи небесныхъ свѣтилъ днемъ и ночью (Быт. 1) и проч. видна воля

и сила того же творческого ума, который первоначально все основалъ, установилъ и опредѣлилъ. Наше общечеловѣческое внутреннее сознание говоритъ намъ, что какъ все произвелъ, такъ все хранитъ Высочайшій умъ *словомъ силы своей* (Евр. 1, 2—3). Механика естества въ сущности своей есть постоянно-продолжающійся законъ творческой воли и силы, въ которомъ видѣть одну матеріальную сторону значить не замѣчать существеннаго. Въ самыхъ близкихъ намъ естественныхъ дѣйствіяхъ природы мы очень многое безъотчетно называемъ естественнымъ, потому что механическая работа естества не такъ строго подчинена закону непреодолимой необходимости, какъ механизмъ челоуѣческаго искусства, въ которомъ всѣ пружины совершенно извѣстны челоуѣку. Главнымъ и существеннымъ дѣятелемъ въ естественномъ движеніи натуры можно считать условіе, съ которымъ сочетается законъ природы и его матеріальная сила. При множествѣ приводящихъ условій, произведенія естества являются чрезвычайно разнообразны. Напримѣръ законъ природы произращать подчиняется безчисленнымъ условіямъ и поэтому произрашенія, растенія и плоды безконечно разнообразны.

Изъ безчисленныхъ условій, подъ вліяніемъ коихъ совершаются естественныя событія, инныя болѣе явны, открыты, удобопостижимы, а многія невидимы, сокровенны, исключительны, которыя, по непривычкѣ нашей видѣть ихъ въ ряду всегдашнихъ условій и по невозможности объять ихъ мѣриломъ нашего разума, кажутся необычайными и исключительными, такъ что о многихъ изъ естественныхъ явленій мы не можемъ съ достаточнымъ основаніемъ сказать—естественны они или вышеестественны.

При необъятности причинъ безконечно разнообразныхъ явленій въ мірѣ матеріальномъ и духовнонравственномъ названіе естественныхъ и сверхъестественныхъ въ настоящее время много зависитъ отъ умственнаго настроенія людей. Для иныхъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго, а для большинства, и притомъ для лучшихъ мыслителей, кромѣ естественнаго существуетъ и сверхъ-естественное.

Въ исторіи и природѣ разность между естественнымъ и сверхъестественнымъ всего правильнѣе и легче познается при свѣтѣ Откровенія въ силѣ, служащей знаменіемъ, по которому человѣкъ трезваго и внимательнаго ума и сердца можетъ и долженъ уразумѣвать Дѣйствующаго, какъ опытный глазъ различаетъ явленія естественныя отъ искусственныхъ, хотя тѣ и другія равно естественны. Неумѣющему отличить плодовъ дерева дикаго въ его состояніи естественномъ отъ плодовъ дерева прививнаго, тѣ и другіе кажутся одинаково естественны: такъ *духовный человекъ неразумлющій тому, что отъ Духа Божія* (1 Кор. 2, 14—15), во всѣхъ явленіяхъ природы усматриваетъ только одну виѣшнюю механическую сторону, которую подчиняетъ закону физической необходимости, а что не подходитъ подъ эту норму, то отвергаетъ или перетолковываетъ по своему. Но какъ дѣйствія искуснаго садовника извѣстны многимъ: такъ въ исторіи великаго сада Божія въ человечествѣ для нѣкоторыхъ видны и ясны знаменія высшей силы и цѣли, выходящія изъ обыкновеннаго порядка естества, но многими эта сила не примѣчается и даже не предполагается. Ап. Павелъ—учитель вселенной, обозрѣвая естественную исторію іудеевъ и язычниковъ, говоритъ: „въ судьбѣ ихъ видишь благость и строгость

Божію: строгость къ отпадшимъ, т. е. іудеямъ и благость къ язычникамъ. Но и тѣ, т. е. іудеи, если не пребудутъ въ невѣріи, привьются: потому что Богъ силенъ опять привить ихъ. Если язычникъ отсѣченъ отъ дикой по природѣ маслины, и не по природѣ привился къ хорошей маслинѣ: то тѣмъ болѣе сіи природныя привьются къ своей маслинѣ“ (Рим. XI). Тотъ же учитель вселенной въ исторіи человѣчества указываетъ на *велию благодѣтельную тайну* явленія Бога во плоти для искупленія міра (1 Тим. III, 16),—тайну, не примѣчаемую и даже отрицаемую душевнымъ человѣкомъ, тайну сколько насущную, столько и разумновысочайшую, и проч.

Два рода явленій естественныхъ и сверхъестественныхъ, нераздѣльно соединенныхъ въ мірѣ и человѣкѣ, премудро и благотворно соотвѣтствуютъ и удовлетворяютъ двумъ нераздѣльно и необъяснимо связаннымъ сторонамъ человѣческаго существа—тѣлесной и духовной. Всегда присущи и непреодолимы требованія внѣшней стороны: столько же присущи и неотклонимы требованія внутреннія, духовныя. Последнія даже требовательнѣе, роднѣе, ближе, необходимѣе человѣку. Первыя суть принадлежности плотской и нисшей жизни: вторыя суть условія жизни высшей, богоподобной, которыя по этому лучше и благороднѣе чувственныхъ и матеріальныхъ. *Духъ есть, иже оживляетъ: плоть не пользуется ничтоже* (Іоан. VI, 63).

Превосходство и преимущество стороны внутренней, духовной, предъ внѣшнею и плотскою явнѣ видны въ наибольшей естественности и разумности первой.

Преимущественная, наибольшая естественность духовнаго и сверхъестественнаго понятна каждому мыслящему человѣку во *всемірной вѣрѣ* всего человѣчества

въ духовное и сверхъестественное. Родъ человѣческій доселѣ не обходился, да никогда и не обойдется безъ духовнаго и сверхъестественнаго, а что такъ необходимо и безъ чего жить нельзя, то по преимуществу естественно, натурально; то-есть всемірный постулатъ челоуѣчества.

По этому сверхъестественное, какъ хлѣбъ насущный, какъ самое существенное и по преимуществу естественное намъ, никогда ни старѣется, ни ветшаетъ, но постоянно пребываетъ въ одинаковой свѣжести и животворить. Объ этой сторонѣ естественности, — не старѣемой свѣжести можно судить по учению, которымъ внутренній духовный челоуѣкъ питается и живетъ. Это ученіе библіи — книги книгъ. Библия древнѣе всѣхъ книгъ, но ея ученіе нисколько не устарѣло. При безчисленныхъ ежедневно являющихся челоуѣческихъ писаніяхъ, системахъ и ученіяхъ, оно всегда впереди ихъ, всегда новѣе и занимательнѣе, всегда возвышеннѣе и превосходнѣе: не признакъ ли это несомнѣнной, истинной чрезвычайной естественности!

Всемірное и неистощимое сокровище духа и сердца челоуѣческаго—сверхъестественное, какъ самое существенное и родное намъ, въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій, *не теряетъ своей силы и мощества*, а по этому оно по преимуществу естественно. Оно своею внутреннею силою *побуждаетъ міръ* (1 Іоан. V, 4). Ученіе Христоуо о духовномъ невидимомъ и сверхъестественномъ, о царствѣ не отъ міра сего, было столь могущественно и привлекательно, что *мытари и ирешницы*, — люди, привыкшіе къ своимъ порокамъ и закоснѣвшіе въ нихъ, скорѣе своихъ первосвященниковъ и старѣйшинъ обращались въ царство Божіе (Мате. XXI, 31). Слѣдо-

вательно ни глубина грѣхопаденія, ни привычка жизни грѣховной и закоснѣніе въ ней не были сильны отвратить слухъ людей плотскихъ и чувственныхъ отъ проповѣди Христовой, какъ самой естественной и потому могущественной. Если страсти, которыя управляютъ людьми, какъ своими плѣнниками, не сильны бывають удержатъ ихъ на путяхъ порока: то ясно, что духовное и божественное, для человѣка самое естественное, а плотскія страсти противуестественны. Люди увлекаются страстями и блуждаютъ во мракѣ, но часто естественныя правильныя требованія приводятъ блудныхъ въ чувство, раскаяніе и исправленіе своей жизни; они сбрасываютъ съ себя бремя страстей, какъ не естественное и гибельное.

Естественная сила религіи влечетъ людей на добровольныя за нее страданія и смерть. Конечно, многіе изъ добровольныхъ мучениковъ достойны осужденія, напримѣръ самосожигатели, морельщики и другіе фанатики, которые въ своемъ ослѣпленіи гибли безразсудно, но этотъ фанатизмъ возбуждала въ заблудшихъ доля истины, въ самыхъ заблужденіяхъ ихъ таящаяся. Заблужденіе, въ которомъ нѣтъ этой доли, не можетъ привлечь къ себѣ человѣка и сдѣлать изъ него жертву. Напримѣръ атеизмъ, деизмъ, нигилизмъ и проч. неимѣли и никогда не могутъ имѣть такихъ горячихъ защитниковъ, какъ заблужденія религіи, потому что въ атеизмѣ, деизмѣ, и нигилизмѣ нѣтъ нисколько здороваго матеріала, какъ въ пеплѣ, который не горитъ; потому что въ немъ нѣтъ вещества, а отъ слабаго къ нему прикосновенія рассыпается и разлетается.

Такимъ образомъ все сверхъестественное, даже доля его такъ дорога и сильна, что человѣкъ готовъ

за это жертвовать самымъ первымъ благомъ своимъ— своею жизнію, потому что религія есть настоящая полнота истинной жизни (1 Иоан. 1, 2).

Если духовное и вышечувственное преимущественно, наиболѣе естественно, потому что оно всемірно, не ветшаемо и могущественно: то вмѣстѣ оно по преимуществу разумно. Все естественное безъ сомнѣнія вполне разумно, потому что природа устроена *добро злыю*, — премудро, безъ излишествъ и недостатковъ, въ такой гармоніи, въ которой твари имѣютъ общую и частную цѣль бытія и жизни. Оттого мудрые законы естества, Высочайшею разумною волею въ немъ положенные, допускаютъ и принимаютъ всѣ разумныя сочетаемыя съ ними человѣкомъ собственные опыты и условия, или отвергаютъ, если эти сочетанія и опыты неразумны. Такимъ образомъ естественное разумно какъ по происхожденію законовъ своихъ, такъ и по допущенію сими законами только разумныхъ опытовъ и сочетаній. Поэтому въ мірѣ физическомъ, устроенномъ Высочайшимъ разумомъ, нѣтъ безсмысленныхъ безцѣльныхъ явленій, какія бываютъ въ дѣйствіяхъ человѣческаго разума.

Наибольшую разумность сверхъестественнаго можно видѣть въ ученіи библейскомъ, — второй единственной сокровищницѣ духовнаго, сверхъестественнаго. Ученіе библейское разуміе свободныхъ человѣческихъ ученій по своей внутренней, безпримѣрной, дивной связи, содержащейся въ священныя писанія разныхъ лицъ и временъ, на пространствѣ болѣе полуторы тысячи лѣтъ. Дивная гармонія ученія, совершенно подобная той, какую мы усматриваемъ въ природѣ между растеніями, животными и людьми древними, средними и новыми. Въ

природѣ постоянно одинаковы, при всѣмъ своемъ разнообразіи, виды и роды тварей на однихъ и тѣхъ же пространствахъ земли. Посмотрите на системы изложенія нравственносвободныхъ ученій человѣческихъ: сколько въ нихъ разногласій, противорѣчій, взаимныхъ гнушеній, униженій, опроверженій, осмѣяній, обличеній! Библейское же ученіе вездѣ одинаково по духу и цѣли своего ученія, какъ произведеніе одного разума.

Строгая внутренняя связь главнаго библейскаго ученія и признакъ неопровержимой его разумности заключаются въ постепенно уяснительномъ развитіи одной высочайшей идеи побѣды добра надъ зломъ, сотрѣнія главы змѣи сѣменемъ жены (Быт. 111, 15 Ап. XX, 2, 3.). Все, созданное Богомъ и поврежденное грѣхомъ, освящается во Иисуса Христа отъ прираженія грѣховнаго и снова покорится Богу. Первое нынѣшнее небо и первая нынѣшняя земля прейдуть и измѣнятся въ *небо ново и землю нову* (Ап. XXI): *вси мы измѣнимся. Подобаеть бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣннѣе и мертвенному сему облещися въ безсмертїе. Яко же бо во Адамъ вси умирають, такожде о Христѣ вси оживууть. Подобаеть ему (Христу) царствовать, дондеже положитъ вся враги подъ ногама своима* (1 Кор. XV, 22 — 25). *Егда же тлѣнное сіе облечетъ въ нетлѣннѣе и смертное сіе облечетъ въ безсмертїе, тогда сбудетъ слово писанїя: пожерта смерть побѣдою. Богу же благодаренїе, давшимъ намъ побѣду Господемъ нашимъ Иисусъ Христомъ* (1 Кор. XV, 51 — 57). Обѣтованная побѣда увѣичается тѣмъ, что *Богъ будеть всяческая во всѣхъ* (1 Кор. XV, 28).

Такимъ образомъ въ основѣ библейскаго ученія лежитъ высокоразумная идея постепеннаго освященія, оживленія и одухотворенія или спасенія міра Сыномъ Божиимъ.

Спасительная идея Библии есть такой ясный, всемирный призывъ истины, по которому легко взвесить и оцѣнить всякую религію, всякое ученіе и вѣроисповѣданіе. При свѣтѣ библейской идеи становится очевидно и понятно для всѣхъ, что язычество, талмудъ и алкоранъ суть отрывочныя, безжизненныя и бесполезныя для человѣка ученія, — не болѣе какъ наросты на деревѣ, его уродующіе.

Упомянутыя религіи въ историческомъ ходѣ событій не что иное какъ Божіи попущенія (Дѣян. XVII, 30), какія замѣчаются ежедневно въ беззаконіяхъ человѣческихъ. Трудно указать какую-либо пользу ученій — языческаго, раввинскаго и магометанскаго, изобрѣтателями которыхъ были люди. Конечно и божественныхъ библейскихъ откровеній провозвѣстниками были также люди — пророки и апостолы, но ихъ ученія истекали изъ мысли о Спасителѣ и создались на Немъ, какъ на краеугольномъ камнѣ, на которомъ все зданіе христіанства стройно возрастаетъ въ храмъ, посвященный Господу (Еф. 2, 20—21). Одно ученіе безъ Спасителя Бога бесполезно для спасенія. Существенная цѣль религіи быть сопровѣдницею и проповѣдницею не одного ученія, а главнымъ образомъ нашего спасенія. Иначе религія будетъ не полезна и не выше философской системы, которая обыкновенно только учитъ, но не спасаетъ. Хотя Спаситель есть вмѣстѣ и учитель, но главное и высшее въ Немъ не то, что Онъ учитель, а то, что Онъ Спаситель.

Идея библейскаго ученія можетъ и должна служить лучшимъ критеріемъ бесполезности каждой системы философской, особенно въ ея нравственномъ ученіи, которое предъ идеєю библии оказывается безжизненнымъ,

мертвымъ умствованіемъ; является отрывочнымъ, одиночнымъ, безъ связи и единства съ подобными мудрованіями, мечтательнымъ, притязательнымъ, вредно *ожидающимся на разумъ Божій* (2 Кор. X, 5).

Если подвести подъ библейскую идею жизни и спасенія разныя религіозныя лжеученія и исторіи—произведенія невѣрія и раскола: то разомъ обнаружится въ нихъ полнѣйшая порча животворнаго и спасительнаго ученія Христова и нетолько ихъ явная бесполезность, но и общественная смертоносная въ нихъ язва.

Даже чистоту христіанскихъ вѣроисповѣданій легко можно повѣрять и одѣвнть по общей идеѣ спасенія, раскрытой въ библии. Этой идеѣ нисколько не удовлетворяютъ язычество, жидовство и магометанство; такъ не вполне осуществляютъ ее даже христіанскія вѣроисповѣданія—лютеранское со всѣми его подраздѣленіями и вѣтвями и латинское или римско-католическое. Въ вѣроученіяхъ и исповѣданіяхъ западныхъ библейская идея спасенія очень отодвинута и затемнена; въ нихъ она занимаетъ не первое и главное мѣсто, а второстепенное. Въ лютеранствѣ на первомъ и главномъ мѣстѣ стоитъ разумъ, которому спасеніе въ Иисусѣ Христѣ слишкомъ подчинено, между тѣмъ какъ разуму слѣдуетъ быть въ послушаніи вѣрѣ во Христа Спасителя, Ходатая и Примирителя Бога и человѣковъ (2 Кор. X, 5. 1 Тим. 2, 5.). Идея спасенія есть идея разума Божія (1 Тим. 2, 4,) а не разума человѣческаго, которому она для его помощи открыта, дана свыше; которому для ея приобрѣтенія необходимо приложить всевозможное усиліе (Мате. XIII, 44, 46) и бдительно охранять и беречь ее, какъ небесное сокровище, неизмыслимое и невѣстимое, а потому зачастую искажаемое разумомъ. Но проте-

стантокій и реформатскій разумъ чрезвычайно самоу-
правно, вольно и превратно обращается съ религіею спа-
сенія, какъ бы съ своимъ изобрѣтеніемъ, какъ бы съ
ученіемъ человѣческимъ, философскимъ.

Еще превратнѣе ученіе спасенія въ латинствѣ; здѣсь
оно прежде и болѣе всего употребляется къ расширенію
земной власти папы, противной Евангелію и для спа-
сенія во Иисусѣ Христѣ не нужной; вѣроисповѣданіе
латинское есть религія, служебная папѣ, его политикѣ
и главенству. Въ протестантствѣ вѣра Христова обра-
щена въ предметъ человѣческаго разума и называется
обыкновенно не по имени Христа Спасителя, а по
имени реформаторовъ. Въ латинствѣ она превращена
въ орудіе мірской политики и всевозможныхъ ея тон-
костей, иногда въ орудіе лжи и искаженія истины Еван-
гельской, ради усиленія папства. Отношенія папизма
къ прочимъ вѣроисповѣданіямъ христіанскимъ всегда
враждебны, какъ къ непокорнымъ папѣ, хотя и покор-
нымъ Христу. Папизмъ называетъ лютеранство ересью,
не столько потому, что находитъ въ немъ лжеученіе,
столько и гораздо больше потому, что оно не вѣруеть
въ папу и не признаетъ его исключительной власти;
вѣроисповѣданіе православное унижаетъ названіемъ
схизмы не потому, что оно отдѣлилось отъ истины
ученія Спасителя, а потому что оно не пристаётъ къ
папству. Между тѣмъ обыкновенный образъ дѣйствія
латинства-ложь ясно открывается въ самыхъ назва-
ніяхъ, которыми Римъ хочетъ унижить вѣроисповѣданія
христіанскія, ему не служебныя.

Называя лютеранство ересью, папизмъ самъ совер-
шенная ересь; нарицая православіе схизмою самъ совер-
шенный расколъ, какъ отдѣлившійся отъ вселенской

церкви во имя папы. Если же библейскую идею спасения приложить къ православному христіанскому вѣроисповѣданію: то откроется, что спасеніе міра Сыномъ Божиимъ, — эта существенная черта Христіанства въ православной вѣрѣ, — стоитъ въ неприкосновенномъ свѣтѣ, на первомъ мѣстѣ. Глава православной церкви есть Самъ Спаситель, руководитель въ ней не разумъ человѣческій самъ собою, а *разумная свободная воля въ слово Откровенія*.

Православные Христіане всѣ свои дѣянія творятъ во имя Христа Спасителя; даже милостыню испрашиваютъ именемъ Христовымъ. Въ церкви православной нѣтъ повлоненія и служенія ни разуму человѣческому, ни человѣку.

Высокая разумность міра духовнаго и сверхъ-чувственнаго, свидѣтельствуя о его несомнѣнной естественности, открывается также въ высотѣ и чистотѣ библейскаго ученія о спасеніи міра. Высота этого ученія особенно видна въ основательномъ и разумномъ рѣшеніи величайшаго вопроса о единственной возможности спасенія міра только чрезъ единороднаго Сына Божія. *Ильсть бо мною имени подъ небесемъ даннаго въ чловѣцѣхъ, о Немъ же подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. IV, 12).

Въ религіяхъ, изобрѣтенныхъ и изобрѣтаемыхъ мудрованіями человѣческаго разума, самый важный и существенный вопросъ о спасеніи обыкновенно оставляется безъ рѣшенія, которое возможно и доступно только христіанству. Язычество, съ своими многочисленными идолами, талмудъ съ своими суевѣрными раввинами, алкоранъ съ своимъ истребительнымъ Магометомъ, лжеучители съ своими мертвыми мечтами и умышленіями, могутъ ли рѣшить вопросъ о вѣчномъ спасеніи міра

ли опыта и жизни. Каждому самому испытать все еще труднѣе, невозможнѣе, нежели самому независимо все разумомъ обслѣдовать, потому что дѣлу умственнаго познанія много помогаетъ соображеніе разума, которое доступнѣе человѣку, чѣмъ собственное опытное познаніе.

Вѣра сколько естественна по усвоенію предмета столько и разумна по основанію. Она утверждается также, какъ и познаніе разумомъ, на внутреннемъ сознаніи или признаніи. Мы вѣримъ не потому, что другіе намъ говорятъ, сообщаютъ, свидѣлствуютъ, но потому, что мы внутренне признаемъ вѣру въ стороннее свидѣтельство не безразсудною, правильною, достойною. Слушая и читая басни, никто, даже дитя, не повѣритъ баснописцу, что гдѣ нибудь или когда нибудь деревья, птицы, животныя дѣйствительно говорятъ и разсуждаютъ, какъ представляется въ басняхъ.

Внутреннее признаніе—эта необходимая основа и сила вѣры возвышеніе и свободнѣе, чѣмъ начало такъ называемое научное, непремѣнно требующее осязательныхъ, математическихъ доказательствъ. При такихъ вещественныхъ основаніяхъ и непреложныхъ законахъ разумъ нашъ зависитъ не отъ себя, а отъ необходимыхъ по симъ законамъ выводовъ, которые сами собою слѣдуютъ изъ данныхъ приѣмовъ и положеній и иными быть не могутъ, если приѣмы и вычисленія вѣрны. Такимъ образомъ работы разума, управляемыя и руководимыя законами необходимости, невольны и принужденны.

Тотъ же разумъ, не въ области нравственной, духовной и религіозной, дѣйствуетъ свободнѣе, нежели въ мірѣ видимомъ и вещественномъ, и свобода вѣры благо-

родяще свободы разума въ истинахъ откровенія. Свобода вѣры полагается болѣе на высшій авторитетъ, а свобода разума на себя. Довѣріе разума себѣ неизбѣжно сопровождается вліяніемъ страстей, часто столь тонкимъ, что самъ судья не замѣчаетъ этого зловреднаго тяготѣнія. Дѣятельность разума вообще рабская, не свободная, ограничивается или законами необходимости въ познаніи предметовъ опыта, или страстями въ сужденіяхъ своихъ о предметахъ нравственно-духовныхъ и святыхъ. Слѣдовательно одна вѣра свободна, а знаніе разума необходимость. Путь вѣры естественнѣе и законнѣе путей разума, въ мірѣ откровенія, религіи и нравственности. Для разума предѣлы видимыя—небо и земля, а небо духа, сердца, религіи, истинной свободы и нравственности свое—въ области вѣры. Для двухъ природъ духа и вещества равно необходимы и существенны и вѣра и разумъ, только каждому надобно господствовать въ своемъ царствѣ. Иначе, когда два способа познанія—разумъ и вѣра—вмѣшиваются въ чужія области и дѣла, всегда происходятъ противорѣчія, путаница и зло.

Замѣчательно, что люди разума здороваго и могучаго всѣ признаютъ вѣру за необходимый, самый естественный и самый приличный способъ познанія и усвоенія истинъ вѣчныхъ, небесныхъ и святыхъ; а дѣятельность разума ограничиваютъ видимымъ и вещественнымъ міромъ, для зрѣнія котораго соотвѣственное у человѣка око есть разумъ, а для видѣнія міра духовнаго наилучшее око у человѣка есть вѣра. При томъ вѣра правильнѣе, дальновиднѣе, возвышеннѣе, глубже, гармоничнѣе и благороднѣе видитъ и постигаетъ свои предметы, нежели разумъ свои.

Ученіе библейское, или ученіе вѣры, какъ самое естественное и разумное, всегда занимало и должно занимать первое и самое почетное мѣсто относительно разума по своему просвѣтительному вліянію на науки нравственныя, литературныя, художественныя, и политическія. Самое полезное въ нихъ вышло не изъ разума, а отъ вѣры—изъ нѣдръ христіанства, которое есть родитель лучшихъ, высшихъ, нравственныхъ знаній и дѣйствій, въ чистомъ естественномъ видѣ. Разумъ, самъ собою дѣйствующій, вноситъ въ царство Божіе только порчу и запускъ. Напримѣръ, христіанство, какъ религія чистѣйшей гуманности, сдѣлало человѣка полнымъ, цѣлымъ, совершеннымъ; доставило человѣческое достоинство женамъ, дѣтямъ и рабамъ. Но, почерпнувъ свое ученіе о гуманности въ христіанствѣ, современный разумъ прилагаетъ свою гуманность къ жизни не въ духъ христіанства. Разумъ не различаетъ, а больше путаетъ гуманность христіанскую съ своею искусственною; очень высоко ставитъ свое порочно естественное, независимое отъ христіанства добро и при этомъ отнимаетъ у христіанства его высокое назначеніе исправлять, улучшать нравственное состояніе человѣка. Гуманность, или лучше человѣколюбіе христіанское, гораздо чище, выше и естественнѣе гуманности разума. Последняя есть добро природы грѣховной, добро плотское, гражданское, формальное; первая есть добро во имя Христа, духовное, священное, по внутренней христіанской любви. Человѣческое достоинство возстановлено въ жейщинахъ, дѣтяхъ и въ слугахъ не гуманности разума, которая не восходитъ выше языческой, а человѣколюбіемъ христіанства, которое милосердствуетъ и сострадаетъ человѣку истинно, отъ сердца,

по вѣрѣ во Христа, а не играя и забавляясь. Гуманность разума никогда не дойдетъ до самоотверженія и следовательно до человеколюбія христіанскаго. Такъ начала гуманности разумъ заимствуетъ изъ чистѣйшаго источника—изъ ученія Евангелія, но, дѣйствуя внѣ его, искажаетъ и унижаетъ милосердіе христіанское.

Христіанство есть религія истинной свободы. Оно понимаетъ вѣру, какъ дѣло свободы нравственной, — преимущественно внутренней, свободы отъ грѣха, и ведетъ вѣрующихъ къ свободѣ чадъ Божіихъ (Іоан. VIII, 36),—и за тѣмъ къ свободѣ внешней, Духъ христіанской свободы побѣждаетъ рабство, дѣйствуя на внутреннее настроеніе человѣка и способствуя къ признанію права личности въ гражданскомъ обществѣ. Но современная свобода разума страстнаго ищетъ совершеннаго отрѣшенія отъ божественнаго порядка, сбросить съ себя всякую зависимость: а это въ сущности не свобода, а оковы, которые съ поправленіемъ всякой зависимости человѣкъ непременно воздастъ на себя и другихъ. Такъ разумъ, предоставленный самому себѣ, и начала свободы, заимствованныя изъ Евангелія, вводя въ свою отрѣшенную отъ Евангелія область, искажаетъ и унижаетъ истинную свободу.

Точно также, какъ начала гуманности и свободы христіанской, разумъ портитъ и уменьшаетъ сумму образованія человѣка. Полагая въ основаніе воспитанія и образованія религію или законъ Божій, разумъ на дальнѣйшемъ провѣтательномъ пути дѣдаетъ образованіе при всемъ широкомъ, распространенномъ умственномъ кругозорѣ, очень одностороннимъ по отношенію къ его чистому источнику. Образованіе, особенно современное, не стараются, гдѣ можно и нужно, примирять съ От-

кровеніемъ, и потому въ наши дни образованные и ученые люди встрѣчаются на практикѣ односторонними, мнимо—учеными, или, по боговдохновенному выраженію ап. Павла, *всегда учащеся и николи же въ разумъ истины пріити моущія* (2 Тим. III, 7). И *якоже не искусиша имѣти Бога въ разумъ* (Рим. 1, 28); то нравственно свободныя понятія, сужденія и жизнь современныхъ мнимоученыхъ идутъ большею частію въ противорѣчій, въ разладѣ и съ церковностію и съ народностію и даже съ общимъ смысломъ. Для нихъ нравственно просвѣтительная и духовно руководительная книга Откровенія страна невѣдомая; сами они служатъ и поклоняются богу невѣдомому.

Этотъ разладъ религіи и разума всеобщій, но у насъ—русскихъ—онъ ощутительнѣе, потому что образованіе и ученость русскихъ не самостоятельны, а слѣпоподражательны. Сами мы не думаемъ, а предоставляемъ думать за себя иноземнымъ философамъ и ожидаемъ, чтобы всецѣло принять то, что они выдумаютъ. Слѣпоподражательныя черты нашего образованія и учености видны особенно въ безчисленныхъ русскихъ переводахъ Фейербаховъ, Бюхнеровъ, Фохтовъ, Малешотовъ, Дарвиновъ и подобныхъ умствователей. Самые простые люди изъ нашихъ соотечественниковъ знаютъ имена сихъ просвѣтителей русскаго ума, потому что непрестанно слышать объ нихъ отъ нашихъ книжниковъ и писателей, которые читаютъ и переводятъ писанія съ иностранныхъ языковъ на русскій съ полною вѣрою въ авторитетъ писателей и въ содержаніе ихъ произведеній, хотя бы оно было самое безразсудное и жалкое.

Прот. Г. Дебольскій.

ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ ИЛИ СИСТЕМЪ

БОГОСЛОВСКИХЪ НАУКЪ (С.).

Слово *организмъ* выражаетъ собою понятіе недавняго времени. Идея *всеобщаго*, которое всецѣло живетъ въ каждой изъ своихъ частей, и всѣ члены котораго въ такомъ отношеніи располагаются одинъ къ другому, что отдѣльное познаніе одного изъ нихъ достаточно для опредѣленія всѣхъ другихъ и для воспроизведенія всецѣлаго бытія,—это, дѣйствительно, возвышенная идея есть произведеніе современной мысли, или, лучше сказать, это есть, какъ бы откровеніе, недавно сдѣланное наукъ самою природою. Ибо невѣроятно, чтобы умъ человѣческій самъ собою выработалъ подобное понятіе. Кьюве былъ (1), въ этомъ отношеніи, какъ бы пророкомъ: его ухо приняло, а уста, въ первый разъ, произглаголюли это понятіе, которому назначено играть рѣшительную роль въ наукѣ и даже въ исторіи человечества. Жоффуа Сент-Илеръ (2) распространилъ это

(*) Авторъ этой статьи руководствовался статьею, помѣщенною въ „Bulletin Théologique“ за 1863 годъ подъ заглавіемъ: „L'organisme de la science théologique“.

(1) Dans les leçons d'anatomie comparée. 1800—1805.

(2) Особенно въ la Philosophie anatomique. 1818. Сочиненіе это было предварено публикаціями, наполненными уже тою же самою мыслию.

понятіе на всю совокупность существъ, не смотря на то, что оно, будучи приложено къ отдѣльному даже существу, какъ сдѣлалъ это Кювье, казалось уже смѣлымъ. Съ тѣхъ поръ какъ твореніе открыло такимъ образомъ свою наиболее важную тайну, тайну своего органическаго единства и своей чудной гармоніи, понятіе организма сдѣлалось закономъ мысли и почти ея тираномъ. Натурально, что это понятіе стали прилагать и къ міру нравственному. Здѣсь, въ этомъ понятіи, стали искать ключа для всѣхъ наукъ вообще, и для каждой въ частности. Въ силу этого, всеобщая энциклопедія не должна была уже болѣе представлять собою какую-то искусственную классификацію человѣческихъ наукъ, на основаніи внѣшняго, болѣе или менѣе удачно приложеннаго начала,—а синтетическое построеніе знанія человѣческаго, отправляющагося отъ безспорнаго начала къ самой природѣ науки. Равнымъ образомъ и частная энциклопедія, вмѣсто того, чтобы походить на перечень познаній, сгруппированнымъ подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ, должна была отнынѣ имѣть задачу, чтобы каждая частная наука исходила отъ безспорнаго начала къ самому предмету этой науки. Гегель первый сталъ пытаться, чтобы лучъ этого новаго метода проникнулъ въ неизмѣрный хаосъ человѣческаго знанія (1); а Шлейермахеръ сдѣлалъ изъ него, въ первый разъ, особенное приложеніе къ наукѣ богословской, въ своемъ безсмертномъ же большомъ сочиненіи: *Darstellung des theologischen Studiums* (1811). Въ чемъ заключается, спрашивалъ себя этотъ великій мыслитель, тотъ отличительный элементъ, который напечатлѣвается,

(1) Смotr., особенно, его *Encyclopedie des sciences philosophiques*. 1817.

на известной отрасли наших познаний, характеръ, собственно богословскій? Отъ чего, напримѣръ, происходитъ, что исторія церкви есть для богослова нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ одна изъ отраслей всеобщей исторіи человѣчества? Почему экзегетика новаго завѣта не принадлежитъ къ литературному изученію древности, по тому же самому праву, какъ изученіе классиковъ, и занимаетъ отдѣльное мѣсто въ наукахъ философическихъ? Вопросъ, хорошо поставленный, въ самомъ себѣ почти заключаетъ уже рѣшеніе. Шлейермахеръ отвѣчаетъ на него такъ, какъ отвѣтилъ бы каждый изъ насъ: Тѣ, что отвѣчаютъ особенною печатію познанія, которыя мы отдѣляемъ отъ всѣхъ другихъ, соединяя ихъ подъ однимъ именемъ *богословія*, это есть ихъ цѣль, а эта цѣль есть практика, или дѣйствованіе, то есть служеніе церкви. Богословъ изучаетъ богословіе не въ качествѣ любителя или ученаго, и потому онъ не творитъ науки для науки. Цѣль его занятія, изученія богословія въ томъ именно состоитъ, чтобы пріобрѣсти умѣнье надежно управлять церковію, и наиболѣе дѣйственнымъ образомъ служить ей. Такимъ образомъ Шлейермахеръ нашелъ въ цѣли богословія начало научнаго единства, и на этомъ основаніи старался построить все зданіе богословскихъ наукъ. Тогда, въ первый разъ, увидѣли, что наука, подобно растенію (¹), органически развивающему богатства заключенныя въ своемъ зародышѣ, — исходитъ, какъ бы по закону необходимости, отъ единого и живого начала.

По мнѣнію Шлейермахера, Богословіе отдѣляется отъ стволѣ всеобщей науки въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта послѣд-

(¹) Мы уподобляемъ богословскую науку дереву или растенію, занимающему такое выраженіе дѣлѣ самаго Свящ. Діавола (Лук. XIII, 18—20).

няя принимаетъ на себя имя *философіи религіи*. Предметъ этой важной отрасли философіи духа есть изученіе религіи въ ея сущности и въ ея историческихъ обнаруженіяхъ или проявленіяхъ. А это изученіе, дѣйствительно, не составляетъ ли собою научнаго основанія, на которомъ каждая частная религія, слѣдовательно также и христіанство, должна воздвигать свое богословіе? Философія религіи доводитъ мыслителя христіанскаго до того самаго пункта, гдѣ, дѣлаясь богословомъ и поставляя себя въ самый центръ христіанства, онъ можетъ научно дать себѣ отчетъ въ характерѣ, свойственномъ этой религіи и утвердить ея отношенія, какъ къ религіи самой по себѣ, такъ и къ религіямъ положительнымъ. Въ этомъ самомъ пунктѣ богословіе непосредственно соединяется со всеобщей наукою. Здѣсь-то мы и находимъ первую часть богословской науки. Шлейермахеръ называетъ ее *философическимъ богословіемъ*. По его мнѣнію, оно обнимаетъ собою двѣ частныхъ науки:

1) *апологетику*, которая, опредѣливши сущность христіанства, доказываетъ тождество этой религіи съ сущностію религіи вообще; и 2) *полемику*, которая оказываетъ частному вѣроисповѣданію, къ которому принадлежитъ богословъ, ту же самую услугу, какую апологетика оказываетъ христіанству вообще; ибо полемика имѣетъ задачею доказать тождество этого вѣроисповѣданія съ сущностію христіанства, точно также, какъ апологетика доказала тождество христіанства съ сущностію религіи вообще.

Изучивши христіанство въ его *сущности*, богословъ, для того, чтобы поставить себя въ состояніе служить церкви, долженъ ознакомиться также съ развитіемъ христіанства *во времени*. Здѣсь является вторая группа

науку богословенныхъ, которую Шлейермахеръ означаетъ именемъ *богословія историческаго*. Если богословіе философическое есть корень, то богословіе историческое есть стволъ богословскаго дерева. Эта часть заключаетъ въ себя: 1) *Богословіе евангелическое*, которое знакомить насъ съ происхожденіемъ и началомъ христіанства и такимъ образомъ отрываетъ фактъ христіанскій въ его истинной природѣ; ибо, говоритъ Шлейермахеръ, нигдѣ фактъ не обнаруживается въ своей идеѣ столь чистымъ и совершеннымъ образомъ, какъ у своего начала или происхожденія (1);

2) *Исторію Церкви*, которая представляетъ намъ развитіе общества христіанскаго даже до нашихъ дней;

3) *Богословіе догматическое и статистику церковную*, которыя излагаютъ настоящее состояніе церкви: первая съ точки зрѣнія умственной усвоенія Евангелія, а послѣдняя, по отношенію къ внѣшнему состоянію церкви.

Но всѣ познанія, заключающіяся въ предъидущихъ двухъ частяхъ, не иначе могутъ принести дѣйствительную пользу для церкви, какъ съ помощію послѣдней части богословія, *богословія практическаго*. Эта послѣдняя часть поставляетъ богослова, непосредственно, лицомъ къ лицу съ управленіемъ церковію, съ служеніемъ въ приходѣ, и должна снабдить его правилами этаго труднаго дѣланія. Организуя съ этою цѣлію различныя должности церковнаго служенія, она вѣщаетъ богословское дерево науки множествомъ плодоносныхъ вѣтвей, съ которыхъ церковь будетъ собирать, для своего питанія, плоды. Такимъ образомъ, въ богословской наукѣ все неразрывно связано между собою, подобно звѣнцямъ одной цѣпи.

(1) Darstellung, § 83.

Въ ней ничего нѣтъ случайнаго или произвольнаго; но все, напередъ, представляетъ собою живое, органическое, цѣлое, въ которомъ все необходимо и логически вытекаетъ изъ одной практической цѣли, безъ которой, повѣствуя, не мыслимо самое существованіе богословія.

Этотъ краткій очеркъ вполне достаточно, для того чтобы дать читателю идею о сочиненіи Шлейермахера. Взглядъ его на богословіе замѣчательнъ столькоже по своему систематическому характеру, сколько по своему практическому направленію, эстетическому достоинству и оригинальности.

За всеѣмъ тѣмъ это построеніе богословенной системы, столь гармоническое и столь новое, не избѣжало самой страшной изъ критикъ, критикъ неуспѣха, почти совершеннаго. Оно осталось исключительною собственностью своего автора, не перейдя въ число приобретенной науки; оно даже никогда не было, сколько намъ известно, предметомъ глубокаго спора. Бѣда лишь пришла три года со времени второго изданія сочиненія Шлейермахера, какъ наиболѣе ученый изъ его учениковъ, Гагенбахъ, напечаталъ *Богословскую энциклопедію* (1), въ которой онъ почти совершенно бросилъ путь, предложенный своимъ учителемъ, и, отдавая должную похвалу его сочиненію (§ 31), возвратился самъ къ обычному раздѣленію богословія. Это раздѣленіе есть то самое, которое Андрей Гергардъ (2) въ шестнадцатомъ еще лѣтѣ, первый начерталъ и которое наиболѣе яс-

(1) Encyclopedie und Methodologie der theolog. Wissenschaften. 1-re édit. 1833.

(2) Theologia, seu de ratione studii theologicæ. Гергардомъ руководствовались, при составленіи учебниковъ, и наши русскіе богословы, напр. Феодосій Прокоповичъ (Слов. ист. пис. митр. Евгени т. 11, стр. 314. изд. 2).

не было единство въ сочиненіяхъ Пеллеа и Буддея, въ восемнадцатомъ столѣтіи. Здѣсь различные богословскіе матеріалы оупроупированы подъ слѣдующими четырьмя главами: богословіе *слекстическое*, *историческое*, *систематическое* и *практическое*. Это значило, — отъ организма перейти опять къ агрегату, или отъ живой логической связи членовъ — къ ихъ наружному, искусственному, между собою, соединенію. Съ тѣмъ же самымъ упрекомъ можно обратиться къ энциклопедическому опыту М. Кіенлена (1), напечатанному въ 1842, и перепечатанному въ Nouvelle Revue de théologie (3-е livr. de 1860), въ которомъ богословіе раздѣлено на три отрасли: богословіе *библейское* (или *экзегетическое*), *систематическое* и *церковное*; эта послѣдняя отрасль заключала въ себѣ *церковную исторію* и *богословіе практическое*. Въ этомъ раздѣленіи мы опять находимъ, подъ формою слегка измѣненною, древнее раздѣленіе на четыре группы, и дѣло не двинулось ни на одинъ шагъ далѣе. Хотя М. Кіенленъ пытается логически оправдать такое раздѣленіе, стараясь вывести его изъ факта испуленія, разсматриваемаго: 1-хъ въ себѣ самомъ; 2-хъ въ умѣ богослова; 3-хъ въ жизни церкви; но это начало раздѣленія есть совершенно внѣшнее: оно отнюдь не вытекаетъ изъ внутренней необходимости. Такимъ образомъ, ясно, что мы далеко отстали отъ сочиненія Шлейермахера.

Какая же могла быть причина недостатка въ успѣхѣ столь замѣчательной попытки этого знаменитаго германскаго богослова? Существенно, по всей вѣроятности, она заключается въ томъ, что у него, казначено

(1) Encyclopédie des sciences de la théologie chrétienne. Strasbourg, 1842.

неудачное мѣсто богословію систематическому. Не видѣть въ догматикѣ ничего болѣе, какъ одно лишь изложеніе пункта, до котораго дошла, въ настоящее время, христіанская мысль, и составлять, подъ этимъ названіемъ, науку чисто историческаго свойства, идущую рука объ руку съ статистикою, не значить ли это унижать систематическое богословіе и совершать преступленіе противъ царяцы наукъ богословскихъ? Когда подобное посягательство совершено такими людьми, какъ Шлейермахеръ, то оно достаточно наказано уже чрезъ самое молчаніе, въ которомъ остается, какъ бы погребеннымъ.

Попытаемся возобновить энциклопедическій трудъ съ того пункта, до котораго, неоспоримо, успѣлъ довести его этотъ великій богословъ. Построеніе его зданія можетъ имѣть свои и даже очень важные недостатки, — тѣмъ не менѣе, основаніе, положенное имъ твердо и чистого не менѣе гранита. Остережемся оставить его! Да; душа богословія, начало органическаго его единства, — это есть именно служеніе церкви. Богословіе есть наука, созданная церковію и для церкви. Это есть свѣтильникъ, возженный самою церковію, для того, чтобы онъ освѣщалъ ей шествіе и показывалъ ей путь къ достиженію своего назначенія въ этомъ мірѣ, исполненномъ тьмы. Безъ помощи и содѣйствія богословія — мракъ и ложный свѣтъ міра скоро успѣли бы овладѣть церковію и поставить ее саму на ложную дорогу заблужденій.

Если государство изобрѣло, для своей пользы, особую науку, политическую экономію, которая даетъ ему отчетъ о его состояніи, цѣли и средствахъ, — то почему же церкви не основать также науки, назначенной

для подобныхъ же цѣлей? Медицина, для осуществле-
нія своей, явно, вѣдшей задачи, беретъ, такъ сказать,
даль со всѣхъ естественныхъ наукъ. Она пользуется
ботаникою, химіею, физиологіею и проч. и изъ всѣхъ
этихъ разнородныхъ матеріаловъ создаетъ врачебную
науку. Почему же церковь, для выполненія своей, не-
сравненно болѣе возвышенной, задачи, для уврачеванія
душъ, для спасенія міра, не прибѣгнуть къ такому же
средству, и не выработать для себя и для своей поль-
зы, науки, пользуясь для составленія ея всѣми наука-
ми — историческими и нравственными? — Такимъ, дѣй-
ствительно, образомъ и составляется Богословіе. Въра-
говорить филологин: „обратись ко мнѣ за помощію для
выполненія названія, котораго ты не могла бы дос-
тигнуть безъ меня“, и филологія обращается въ экзе-
геттику. Она приглашаетъ въ свою школу философію, и
изучивши ее серьезно, извлекаетъ отсюда элементы дог-
матики, то есть естественныя, доступныя разуму чело-
вѣческому, понятія о Богѣ, человѣкѣ, мірѣ, и проч. Она
не пренебрегаетъ даже риторикою и дѣлаетъ ее своею
помощницею подъ именемъ гомилетики, — и такимъ об-
разомъ составляетъ всѣ другія богословскія науки. Но
должно ли отсюда заключать, что богословіе есть ничто
иное, какъ собраніе или соединеніе познаній чисто че-
ловѣческихъ, прижитыхъ, такъ сказать, одно къ дру-
тому? — Нисколько. Тѣло человѣческое прекрасно со-
ставлено изъ матеріаловъ, заимствованныхъ отъ окру-
жающихъ стихій, — но оно отнюдь не есть простой, такъ
сказать, агрегатъ; потому что въ немъ есть жизненная
сила, душа, которая, напечатлѣваетъ свой тѣдъ на
всей этой массѣ матеріаловъ, подвергая эту послѣднюю
процессу органической выработки. Богословіе также

владеет своимъ организующимъ началомъ, или центромъ, вокругъ котораго оно формируется въ тѣло науки. Этотъ центромъ, какъ имъ видѣли, служить для него цѣль, а цѣль его есть слушеніе церкви. Оттѣните отъ него эту цѣль, и съ нимъ произведетъ то же, что съ тѣломъ, лишеннымъ души. Какъ въ тѣлѣ, лишенномъ жизни, матеріальные элементы труппа, для того чтобы разсыпаться и снова возвратиться къ различнымъ стихіямъ, откуда душа ихъ заимствовала, подвергаются опять закону химическаго сродства, по которому они извлекались въ продолженіи дѣйствія жизненной силы, такъ точно и познанія богословскія, лишенные своего начала, которое собирало ихъ и выработывало, опять возвращаются въ свойственныя имъ области: церковная исторія опять дѣлается вѣтвью всеобщей исторіи; догматика становится не болѣе, какъ лишь опытомъ религіозной философіи; экзегетика не имѣетъ болѣе побужденій отдѣляться отъ филологій; священная критика представляетъ собою не болѣе, какъ одну изъ главъ исторіи литературы; литургика теряетъ свое значеніе и становится не болѣе, какъ приложеніемъ законовъ эстетики. Тѣло подверглось разрушенію; то же сдѣлалось и съ богословіемъ, лишеннымъ жизненнаго начала. Такимъ образомъ богословіе существуетъ въ той лишь мѣрѣ, въ какой служитъ вспомогательнымъ для церкви средствомъ къ достиженію ея назначенія *спасать міръ*, и услуга, которую оно должно оказать ей. Сама собою вытекаетъ изъ самой природы этого назначенія. Церковь должна требовать отъ богословія—двухъ слѣдующихъ вещей:

- 1) Глубокаго познанія факта;
- 2) Разумной теоріи искуства.

Объяснимся подробнѣе. Фактъ, на который богословіе должно распространить полный свѣтъ, это есть фактъ спасенія; искусство, котораго полнѣю и разумную теорію оно должно доставить церкви, — это есть искусство спасенія. Наука о спасеніи и теорія искусства спасенія — таковы суть двѣ вѣтви богословскаго дерева науки. Здѣсь заключается истинное начало раздѣленія всего содержанія богословія.

Эти двѣ части взаимно обусловливаются одна другою. Ибо, какимъ образомъ важно было бы установить теорію искусства спасенія безъ внутреннего познанія спасенія? И съ другой стороны, — къ чему послужила бы наука о спасеніи, если бы цѣлью ея не было снабдить церковь познаніями, способными усовершенствовать ея искусство спасенія? Въ богословіи, всякое *знаніе* необходимо клонится къ *дѣйствованію*; равно какъ и всякое *дѣйствованіе*, чтобы оно было сознательно въ себѣ самомъ и достойно церкви, должно покоится на *знаніи*. Не то же ли самое бываетъ въ изящныхъ искусствахъ? Здѣсь все покоится на теоріи изящнаго; но къ чему служить эта теорія, если не къ тому, чтобы изучить каждое изъ искусствъ, которыми осуществляется изящное? Точка отправленія богословія есть наука о спасеніи; но эта наука не иначе существуетъ, какъ лишь въ виду подвига спасенія.

Назовемъ первую отрасль богословской науки, ту, которая относится къ изученію спасенія, именемъ *богословія умозрительнаго или созерцательнаго*. Здѣсь необходимо опредѣлить слово *возерцательный*, по причинѣ злоупотребленія, которое вообще изъ него дѣлають. *Умозрѣть* или *созерцать* отнюдь не значить, какъ это думаютъ, извлекать изъ своей собственной мысли пред-

метъ своей мысли (1). Такое созерцаніе, очевидно, имѣть дѣло только съ призраками своего воображенія, Созерцать, собственно, значить—быть бодрствующимъ, высматривать. Вотъ характеръ истиннаго созерцанія, достойный этого имени: это есть ничто иное, какъ вникать въ предметъ съ любовію,—слѣдить, со взглядомъ испытующимъ и наблюдательнымъ, за его явленіемъ, развитіемъ, возрастаніемъ; совершенно отдать себя ему, рассматривая его съ тою сосредоточенностію, съ тѣмъ глубокимъ спокойствіемъ, въ которомъ онъ можетъ открыться душѣ, и душа можетъ усвоить его себѣ чрезъ процессъ внутреннаго воспріятія, который есть единственный методъ дѣйствительнаго познанія. Такимъ образомъ способность души, называемая созерцаніемъ, не есть творческая или изобрѣтательная. Она есть скорѣе характеръ внутренней сильной способности принимать въ себя впечатлѣнія, первое условіе которой составляетъ забвеніе самаго себя. Этотъ способъ познаванія есть собственно органъ богословскаго знанія. Чрезъ это единственно средство богословъ достигаетъ до построенія и усовершенствованія науки о спасеніи. Такимъ образомъ оправдывается названіе богословія созерцательнаго или умозрительнаго, чрезъ которое мы обоз-

(1) „Предметъ субъекта — говоритъ напр. Фейербахъ — есть не что иное, какъ объектированная сущность самаго субъекта“. Или, еще яснѣе, въ другомъ мѣстѣ: „Религія—особенно христіанская—есть омлащеніе человека къ себѣ самому, или правдивѣе къ слезѣ—и притомъ субъективной—сущности, но только какъ къ сущности другой. Божественная сущность есть не что иное, какъ сущность человѣческая, или лучше: сущность человека, очищенная, освобожденная отъ ограниченій человека индивидуальнаго, объектированная, т. е. созерцаемая и почитаемая какъ другая, отличная отъ него, собственная сущность—въ опредѣленія божественной сущности суть поэтому опредѣленія сущности человѣческой“ (стр. 22; 24—25 въ русскомъ переводѣ),

начать **первую** отрасль, часть, собственно научную, богословия вообще.

Вторая часть, та, которая должна начертать для нас теорию искусства спасения, есть **теоретическая** часть богословия. Она указывает церкви на средства осуществления той **цели спасения**, которая природою и развитіем **во** **настоящаго** времени разкрыта предъ нами — **богословіе систематическое**. Это будетъ, собственно такъ называемая, **практическая теорія**.

1. **Богословіе умеренное.**

Если бы христианство было произведениемъ религіознаго гения **человѣчества** системою истины, принадлежающею **уму** **человѣческому**, то первую задачу богословія и всякаго богослова было бы возвести всѣ элементы этой системы въ порядокъ, наиболее совершенный, къ своему началу, безусловной причинѣ. При такой точкѣ зрѣнія, первую отраслю богословія было бы конечно, богословіе **систематическое**. Но христианство, существенно, не есть система истины. Христианство, какъ развиваетъ это св. апостолъ Павелъ (1 Кор. 1) въ существѣ, своимъ не есть **премудрость**, но **спасение**. А спасеніе — есть дѣло и притомъ дѣло божественное, и върѣсть Богъ, Который спасаетъ. И Онъ Одинъ исполняющій это дѣло. Одинъ можетъ также и открыть его совершеннымъ образомъ, и представить чистымъ вѣрѣмъ **человѣка**. Какъ вѣрно то, что Богъ Самъ открываетъ намъ вѣсть о нашемъ спасеніи, такъ же вѣрно и то, что Онъ Одинъ и **совершилъ** его. Потому и развитіе отбрасыванія въ исторіи **человѣчества**, шло наряду, такъ сказать, рука объ руку, съ развитіемъ **искупленія**. Оно служило комментариемъ для другаго; это было дѣло.

истолковываемое чрез своего Дѣятеля: Искупленіе и откровеніе, начавшись вмѣстѣ съ самой минутой наде- нія, и будучи, такъ сказать, параллельно развиваемы въ продолженіе всего ветхаго заветѣ, совершились и исполнились, одновременно, при основаніи церкви. Это, постоянно развивавшееся, откровеніе было постепенно вносимо, какъ откровеніе Божіе, въ божественные до- кументы свящ. Писанія, и слѣдовательно первая услуга, которой церковь требуетъ отъ богословія, состоитъ въ томъ, чтобы оно помогло ей разобраться въ этихъ бо- жественныхъ Писаніяхъ, архивахъ откровенія, подлин- ныхъ документахъ спасенія, и открыло предъ нею весь ихъ смыслъ; потому что Свящ. Писаніе есть слово Бо- жіе, а не человѣческое и потому церковь болѣе всего имѣетъ нужду въ уразумѣніи его. Изъ такой сущест- венной потребности въ уразумѣніи Священнаго Писа- нія, на которую указываетъ само св. Евангеліе (Іоан. V, 39), сама собою вытекаетъ первая отрасль созерца- тельнаго богословія, которую, естественно, составляетъ собою *экзегетическая или истолковательная теорія*.

Подъ этимъ наименованіемъ, мы разумѣемъ не толь- ко, собственно такъ называемую, *экзегетику*, но вооб- ще всѣ науки, которыя относятся къ уразумѣнію Пи- саній, какъ-то: а) *практику священную*, которая научно изслѣдуетъ происхожденіе книгъ библейскихъ, и ста- рается возстановить текстъ ихъ во всей его чистотѣ; б) *священную филологію*, которая изучаетъ подлинныя языки, на которыхъ были составлены Писанія, и вы- сокою цѣлю которой служить вѣрное воспроизведеніе библіи на современныхъ языкахъ, чтобы сдѣлать ее равно доступною для всѣхъ; с) *священную герменевтику*, которая указываетъ какъ на видоизмѣненія, которымъ

должны подвергаться законы всеобщаго истолкованія, когда они прилагаются къ боговдохновеннымъ писаніямъ; такъ и на истинное руководительное начало при изъясненіи смысла Свящ. Писанія, какъ новымъ началомъ служить ученіе истинной церкви Христовой; d) *библейскую археологію*, которая собираетъ всѣ историческія, географическія и социальныя данныя, на которыя дѣлаютъ намекъ священныя писатели, и представляетъ картину, полную внѣшнихъ обстоятельствъ, среди которыхъ развивалось откровеніе. *Экзегетика*, собственно такъ называемая, составляетъ собою какъ бы вѣнецъ всѣхъ этихъ частныхъ наукъ, а эти послѣднія, по отношенію къ ней, не болѣе, какъ ея помощницы. — Телескопъ ежедневно отрываетъ на небѣ новыя солнца и поразительныя чудеса. Писаніе есть небо церкви, а экзегетика есть какъ бы инструментъ, посредствомъ котораго богословіе испытываетъ глубины его, и открываетъ для церкви различныя виды въ безпредѣльномъ божественномъ планѣ, этой *тайнѣ сокровенной, юже представи Боги прежде вѣкъ во славу нашу* (1 Кор. 11, 7).

Хотя Священное Писаніе Ветхаго и Новаго Заветъ заключаетъ въ себѣ все, что нужно и *полезно къ ученію, къ обличенію, къ исправленію, къ наказанію еже во правдѣ*, — тѣмъ не менѣе для насъ необходимъ и другой Божественный источникъ христіанской религіи, который и дарованъ намъ въ Священномъ преданіи. Безъ сего послѣдняго мы не могли бы убѣдиться въ подлинности и боговдохновенности книгъ Священ. Писанія, а равно и само Свящ. Писаніе, во многихъ мѣстахъ, было бы для насъ непонятно, и, вообще, мы не имѣли бы высшаго, божественнаго критеріума для окончательной пре-

врядки толькото и поодинаго змысла, токой срединности
 мы съ тѣмъ или двудвама мѣстами Священнаго Писан-
 ня. Вообще Священ. Преданіе¹⁾ поучаево св. Церк-
 ви православной, нужно для руководства къ правиль-
 ному разумѣнію св. Писанія, для правильного соверше-
 нія таинства и для соблюденія священныхъ обрядовъ въ
 чистотѣ первоначальнаго ихъ установленія, ибо многія
 изъ догматическихъ даже истинъ содержатся въ Свя-
 щен. Писаніи только въ видѣ намековъ и безъ Священ. Пре-
 данія они остались бы чуждыми для насъ и не вошли
 бы въ кругъ нашихъ вѣрованій, какъ это и бываеетъ
 у некоторыхъ христіанъ, напр. протестантовъ, не дер-
 жащихся свящ. преданія.

Отсюда сама собою вытекаетъ необходимость изуче-
 нія Священ. Преданія, соотвѣстно съ изученіемъ Свя-
 щеннаго Писанія. А такъ какъ оно заключаетъ раз-
 нымъ образомъ въ себѣ творенія св. Отцевъ, первыя же
 отсюда является новая отрасль богословскихъ наукъ —
 наука объ отцахъ церкви, а именно докт. названіемъ
 патрологіи или патристики. Она подраздѣляется а) биогра-
 фію каждаго св. отца; б) библіографію, гдѣ показыва-
 ется полнота ихъ сочиненій, ихъ главное содер-
 жаніе, расположеніе и отличительный характеръ; в) и, наконецъ,
 замѣчательнѣйшія мысли изъ этихъ сочине-
 ній, относительно догматовъ, вѣры, нравственности, об-
 рядовъ и церковныхъ постановленій. (1)

Но Екзегетика доставляетъ церкви элементы открове-
 нія въ томъ видѣ, какъ она сама надолжитъ ихъ въ
 свящ. дѣяніяхъ, гдѣ они заключаются. А въ Свящ. Пи-

но оваро азвотомъ азнономъ онъ св. Отцевъ (1) оваро и
 (1) Другіе источники Свящ. преданія, напр. обзорніе символы,
 удобнѣе входятъ въ программу церковной исторіи, а потому въ эту книгу
 не вошли.

самыя помнѣ издрисены безмощными коническими, и
 оными и разбросяны по разнымъ мѣстамъ, иныя въ
 рынки мысли разбиты, выраженіе которой должно было
 приспособляться ко всему энциклопедическому, въ историческому
 челоу чествованіи. Откровенна, и действительна, не о еста
 стематическое произведение въ ебрыи найри патеяныи.
 Развѣднѣ еста повсюду подчиняется особеннымъ обстоя
 тельствамъ времени и мѣста, которыя опредѣляи, и при
 каждомъ илѣ видоизмѣненіи, (содержаніе и общія видѣ
 аго, Благій пророкъ поумалъ иль солбевиндичи въ
 жественной мысли, илѣмъ столько, сколько еребован
 того, е сколько мотъ выволить въ себя, то въ мѣнѣтѣ,
 илѣ, который горорилъ оны, и Иаимъ же образомъ умнѣ
 челоу еский, и управитель законное единства, мотъ бы
 накрислеться прятаномъ. Мотъ ии отъ тоу удержанъ
 оны, тоу, что бы иже прирвети въ парадомъ тѣ мѣнѣра
 ны, которые вудѣ естественный раскрытѣ предѣ (и
 и, такъ сказать, разскѣ изъ рудины). Оны необходимо
 одѣлаеть еста, ии етѣмъ болѣе, что вреду надѣвати (и
 предугадувать въ етомъ видѣномъ безпорядкѣ мѣнѣ
 ній парадомъ, ии въ етомъ безпредѣльномъ разобобра
 зѣ, въ етомъ видѣномъ мѣнѣ и располженіи. Иаи еста
 естественная наука, до томъ не можетъ услаивѣтѣсь, до томъ
 не достигаеть до открытія мѣнѣ илѣ етѣмъ болѣе
 ственной мысли, ии между видѣомъ ии етѣмъ мѣнѣ
 евязи, и въ видѣномъ мѣнѣ етвореніи — единнаго понятію,
 непрерывнаго движеніи, — до открытія мысли, который
 развѣднѣ еста до безконечности, въ етомъ чюдномъ рав
 нообразіи формъ и организмовъ, илѣмъ е болѣе етѣмъ
 мѣнѣ възвоздѣтѣтѣ, который естѣмъ етѣмъ болѣе
 разбросаннѣмъ (an embarras de richesses). въ биологическомъ
 станѣ, ии прирвети еста эти матеріалы въ илѣ етѣмъ

ному единству, предшествующему всякому действительному существованію. Оно хочет быть *снова промыслить, прочувствовать* то божественное *πρόθεσις*, о которомъ такъ часто говоритъ св. апостолъ Павелъ, и которое есть вѣчное основаніе, откуда является исторія. И такъ, искомое чрезъ богословіе единство не есть простое логическое понятіе, — оно, на самомъ дѣлѣ, пребываетъ въ мысли Того, Который представилъ и совершилъ наше спасеніе. Богословіе, систематизируя его, ничего здѣсь отъ себя не выдумываетъ; оно открываетъ только то, что было. Но, скажутъ, Евангеліе въ такомъ случаѣ было бы, по существу своему, системою, премудростію? — Совсѣмъ—нѣтъ; потому что тотъ же св. ап. Павелъ, который отвергаетъ это столь энергично, между тѣмъ ясно объявляетъ, что онъ также возвѣщаетъ *премудрость между совершенными* (1 Кор. 11, 6). Эта-то премудрость и есть, действительно, тотъ вѣчный планъ спасенія, который совершился на крестѣ. Существова прежде міра, этотъ вѣчный планъ былъ началомъ его творенія, нормою его развитія, ключемъ его исторіи, типомъ его совершенства. Св. крестъ перевелъ въ самый фактъ эту вѣчную мысль; а богословіе стремится снова переложить этотъ фактъ въ мысль и, такъ сказать, привести его, такимъ образомъ, къ его первой формѣ, чтобы рассмотреть его въ самомъ его существѣ. Умъ человѣческій не можетъ имѣть никакой болѣе возвышенной задачи, — а между тѣмъ задача эта составляетъ собственно предметъ *систематическаго богословія*, второй отрасли созерцательнаго богословія.

Оно достигало этой задачи только постепенно. Нашъ умъ только мало-по-малу доходилъ до опредѣленія той связи, которая связываетъ съ центральною мыслию сна-

сенія всё разнообразныя и разнородныя элементы, доставляемые экзегетикою для нашего разсмотрѣнія. Задача богословія, въ этомъ отношеніи, можетъ считаться оконченною лишь тогда, когда все содержаніе всѣхъ текстовъ библейскихъ будетъ приведено къ связи съ мыслию спасенія, и подчинено ей, когда свѣтъ отъ креста, какъ отъ ея центра, проникнетъ даже до самыхъ отдаленныхъ пунктовъ библейской и церковной окружности; другими словами: когда всѣ результаты экзегетики и патристики найдутъ свое мѣсто въ системѣ.

Къ этой второй отрасли умозрительнаго богословія являютя принадлежащими три слѣдующія частныя науки: а) *догматика*, которая стремится объять спасеніе въ его осуществленіи, также какъ въ его предопредѣленіи и слѣдствіяхъ; б) *нравственное богословіе*, которое полагаетъ этотъ фактъ спасенія, какъ основаніе для нравственнаго зданія исполненной жизни человѣческой, какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ обществахъ; и с) *полемика*, которая опровергаетъ догматическія и нравственныя поврежденія, какимъ можетъ подвергаться въ церкви истолкованіе правды божественной. Предметомъ послѣдней науки служитъ сопоставленіе неправыхъ ученій съ ученіемъ православной догматики и нравственнаго ученія.

Вѣчная мысль о спасеніи осуществила себя во времени, и съ того момента была предложена вѣрѣ человѣка, чтобы развиваться и осуществляться въ человѣчествѣ. Итакъ, являясь со дня основанія церкви, спасеніе можетъ быть изучаемо не только въ словѣ писанномъ, которое представляетъ фазы внутренняго его развитія, или въ мысли божественной, которая содержитъ въ немъ вѣчный типъ; но и въ исторіи человѣчества, ко-

торой отныне слушать было главным двигателям, выдающим санкцию. Невозможно, чтобы церковь сама давала бытие и не потребовала учения, которую она употребляет для своей работы, суждений о развитии общества, которое можно назвать *обществом спасения*, и не постаралась бы представить себя в своем отношении к этому современному обществу.

Так как церковь обращается для уразумения Иисуса Христа к тем из своих членов, которые имеют право *свободной мысли*, т. е. независимого богословия; и как для того, чтобы быть посвященным в мысли божественному во всей их вечной простоте, она делает призыв *вступайте*, к тем, которые приняли *дар познания*, точно также она прибегает к тем из своих членов, которые владеют даром исторической проницательности, *духу мудрости*, для того, чтобы понять через свое прошедшее свое настоящее, и через себе настоящее увидеть свое будущее, чтобы таким образом покориться умиротворению Божию, над его осуществлением.

Богословие историческое заключает в себя следующие науки: 1) и 2) *Историю Церкви* (включая в себя с ее дополнением — *Восстановление библиологии*). Эта последняя наука старается объять, во всей их индивидуальности, непрерывности эпохи откровения, соответствующий фазам истории евокационной, также как различные и одновременные типы, посредства которых дано было откровение в концы своего развития, в лице Господа Иисуса Христа и Его святых апостолов. Библейское богословие могло бы быть названо историческим догматом во время самого течения или хода откровения; и что ничего бога не затруднило бы на покаяние

нашъ бы: идеальнъ къ идеу, съ развитіемъ божественнаго дѣла. Богословіе систематическое дало ей рассмотреть это дѣло въ его идеальномъ планѣ. Она увидѣла, наконецъ, въ историческомъ богословіи это самое дѣло уже осуществившимся, хотя и не совершеннымъ еще образомъ, въ собственной ея исторіи. Теперь къ дѣлу,—дабы окончить то, что Самъ Богъ насадилъ, и что церковь, при Его содѣйствующей благодати, возростила!—Но какимъ образомъ, и чрезъ какия средства? Это-то и должна намъ показать, на основаніи всѣхъ предыдущихъ наукъ, новая отрасль богословія. Ибо, послѣ того, какъ церковь ознакомилась съ исторіею, она призывается къ дѣйствованію. Конечъ умозрительнаго богословія, — познаніе настоящаго состоянія церкви, представляется такимъ образомъ точкою нормальнаго отпращенія богословія практическаго.

2. Богословіе практическое.

Изучивъ, чрезъ умозрительное богословіе, всѣ необходимыя данныя, церковь начертываетъ теперь, въ практическомъ богословіи, планъ своей дѣятельности, отправляясь, въ виду этой цѣли, отъ той точки, до которой достигло нынѣ Божественное дѣло. Форма же практической ея дѣятельности опредѣляется чрезъ разнообразное состояніе матеріаловъ, на которые она призвана дѣйствовать. Ихъ—три рода; одни принадлежатъ уже ей, въ известной мѣрѣ, *однородны* съ нею и она должна стремиться уподобить ихъ себѣ совершенно. Другіе ей еще *чужды*; она еще доселѣ не утвердила никакихъ отношеній къ нимъ; задача ея сблизиться съ ними и приобрести ихъ, овладѣть ими. Наконецъ, третьи

положительно ей враждебны. Они знают христианство, но пользуются этимъ знаціемъ только для того, чтобы нападать на него и разрушать его. Противъ нихъ церковь призывается къ защитѣ.

Итакъ искусство — спасать, или дѣло спасенія раздѣляется въ практикѣ на три различныхъ рода дѣятельности: это — созидать вѣрующихъ, обращать невѣрующихъ, опровергать противниковъ, или иначе: управлять, обращать къ вѣрѣ, защищаться, и слѣдовательно практическое богословіе будетъ заключать въ себѣ три главныхъ ученія: науку созиданія церкви, въ тѣло Христово, которую мы назовемъ *церковною догматическою* (1); науку приобрѣтенія міра или *теорію миссіонерства*, и, наконецъ, теорію защиты христианства или *апологетику*.

Церковное догматическое есть наука о руководствѣ и управленіи церкви, въ видѣ созиданія, собственныхъ членовъ ея въ тѣло Христово. Оно заключаетъ въ себѣ, какъ это можно видѣть, двѣ науки: *церковную политику*, или, какъ принято называть у насъ, *каноническое право и ученіе о священнослужителяхъ*. Первая, заимствуя идею церкви у систематическаго богословія, дѣлаетъ изслѣдованіе о первыхъ дѣятеляхъ церковной жизни и основываетъ на этомъ анализѣ теорію организаціи церкви, ея управленія, и ея отношеній въ другимъ общественнымъ формамъ, въ каѣхъ организуется жизнь челоуѣчества, въ формамъ, напр., государства. Вторая прилагаетъ эти начала къ много-

(1) Для такого названія мы находимъ основаніе какъ въ Свящ. Писаніи (Дух. XII, 42; 1 Тимое. III, 5), такъ и въ языкѣ богословскомъ. Въ послѣднемъ давно уже принято это выраженіе, хотя въ смыслъ болѣе обширномъ, напр. *догматическое Божіе, догматическое нашего спасенія* и проч.

особенныя обязанности, передаются, которых же по-
 щенство обязано питать и развивать жизнь церкви, по-
 кода не придет она въ широкую верность Крестоу.
 Обязанности эти — слѣдующія: богослужение, которое
 излагается въ *литургии*, проповѣданіе, теорія асета-
 го преподается въ *южнелетнихъ*, обученіе юному Воин-
 и попеченіе о пасомыхъ, въ чемъ должны руководить
 своими совѣтами *религиозныя* *добродѣтели* *и* *оцислорова*
исследования.
 Всѣ эти обязанности предполагаются уже невозмож-
 ными между тѣмъ, что ихъ исполнять въ наше вре-
 мя, и тѣмъ, на которыхъ сосредѣливается эта дѣятельность
 ея. Но церковь призвана не къ тому только, чтобы
 сохранять и воздвигать то, чѣмъ владѣла. Она имѣетъ
 права и даже обязательства дѣлать новыя открытія.
 Она призвана къ этому и чувствуетъ себя внутренне
 побужденною къ мисіонерской дѣятельности. Это, какъ
 сказать, *приобрѣтенная* дѣятельность быломъ понача-
 ла *наблюдѣ* *пробѣга* *побужденіи* *инстинкта* *христіан-*
скаго, то есть *благодати*, но церковь чувствуетъ себя
 поемъ *древнею* *обративши* *для* *полноты* *будущаго*
опыта *прошедшаго*. Тогда *мисіонерская* *дѣятельность*
 превращается въ дѣятельность *осознательную*, и такая
 форма *раздается* *теорія* *мисіонерства*, которая со-
 ставляетъ собою, какъ бы *целостную* *стремленіе*.
 Наука эта весьма *преданная* *промакожденія* *даже* *у* *западныя*
 христіану *вплывае* *вдаль* *положено* *ей* *то* *что* *помо-*
же *она* *начало* *въ* *пять* *пятидесяти* *мисіонерскихъ*
классовъ *учрежденных* *при* *дѣкоторыхъ* *семинаріяхъ*.
 Между тѣмъ дѣятельность церкви въ мірѣ вообще и
 въ своихъ собственныхъ членахъ производить не только
 въру, но и упорство, вызываетъ на борьбу *Землю*.

образомъ очерковъ принуждено бывать возвращаться отъ
приобретеннаго валища, въ постоянно, выходя впередъ
на чуждую почву, иногда должна отъодвигаться въ сво-
и въ собственнаго, приобретеннаго уже владѣннхъ, среди
своихъ, собственнхъ, оплотовъ. Аполлогетика, есть пре-
двѣтн, ирадуическаго богословія, и въ тоже время въ
вещи, и жарично воево богословія. Она, обращается,
дѣйствительно, въ науку, христіанской, за всѣми нуж-
нымъ, подобіямъ. Она, составляетъ, для богословія, тоже,
что, для народа, т. д. существующую, которая, охраняетъ
опасности, собрание, въ нѣкой, массѣ. Она, доказываетъ,
сначала, о, превращенномъ, документомъ, представляемыхъ,
сизневедкою, что, христіанство, *почта*, и стремится, быть,
религію, безучелною, и положительною. Такое, ея, стрем-
леніе, вытекаетъ, изъ, божественнаго, характера, какой,
ея, Основатель, приписываетъ, Себѣ, и своему, дѣлу. По-
тому, она, объясняетъ, что, то, чѣмъ, христіанство, домо-
гается, быть, тѣмъ, оно, *можетъ*, и только, оно, *одна*, мо-
жетъ, быть. Доказательство, для, этой, мысли, она, наведе-
ваетъ, на, ввученнаго, изученія, христіанства, и изъ,
критическаго, изученія, другихъ, религій. Для, этой, цѣли,
она, пользуется, особенно, богословіемъ, систематическимъ.
Наконецъ, она, доказываетъ, фактами, изъ, церковной,
исторіи, разсматриваемыми, въ, нѣкъ, самихъ, и, по, отно-
шенію, къ, исполнившимся, и, неисполнившимся, проповѣ-
ствамъ, что, то, чѣмъ, оно, то, есть, христіанство, *почта*,
и, *можетъ*, быть, тѣмъ, оно, давно, уже, *было*, и, теперь,
есть, для, нѣльхъ, милліоновъ, душъ, и, что, оно, дѣлается,
тѣмъ, частью, часу, болѣе, и, болѣе, для, всего, челове-
чества. Этотъ, такъ, сказать, *позитивный*, харак-
теръ, аполлогетика, оправдываетъ, то, послѣднее, мѣсто,
которое, естественно, назначено, этой, науцѣ, нашимъ, раз-

положеніемъ и планировкой воздѣлага богословія. Она представляетъ собою, какъ бы самый зрѣлый и лучшій плодъ всего богословія.

Теперь повторить вкратцѣ все сказанное нами: богословіе есть изученіе чудесъ божественной любви къ человѣчеству и изысканіе наилучшійшихъ средствъ къ тому, что бы содѣлать чудеса эти общезвѣстными и осуществить ихъ на всей землѣ. Для выполненія своей высокой задачи, богословіе начинаетъ *черезъ разсматриваніе*, или умозерпаніе. Оно разсматриваетъ и вслѣдуетъ чудеса спасенія таѣ, какъ являлись они на тверди писаній. Оно разсматриваетъ и обнищаетъ порадокъ, въ какомъ они группировались около своего центра, св. креста. Оно разсматриваетъ и слѣдитъ съ удивленіемъ за ихъ осуществленіемъ, хотя и несовершеннымъ еще, но постоянно возрастающимъ, въ развитіи церкви. Этимъ умозрительное богословіе обначиваетъ свое дѣло. Послѣ разсматриванія, наука обращается къ дѣйствованію. Воспламененное святою любовію къ церкви, какъ къ предмету, театру и орудію столь великихъ дѣлъ, богословіе изыскиваетъ, съ святою ревностію, наиболѣе дѣйствительныя средства къ тому, чтобы — окончить развитіе церкви чрезъ постепенное и постоянное усовершенствованіе ея членовъ, чрезъ распространеніе своего нравственнаго господства и вліянія, и, наконецъ, чрезъ приведеніе всѣхъ, чуждыхъ ей овецъ къ единому стаду Единаго Пастыря — Христа.

Исполнивъ это, богословіе обначиваетъ свою задачу. Вѣрѣ христіанской остается лишь только питаться плодами этого дерева науки, которое она сама насадила. Вышедши изъ жизни, богословіе обратно возвращается къ жизни. Служеніе церкви или священно-

служеніе есть какъ бы посредство, чрезъ которое совершается этотъ возвратъ. Ибо въ священническомъ служеніи нѣтъ ни одного такого дѣйствія, начиная отъ самаго скромнаго и, по видимому, незначительнаго; урокъ ли то религіи, посѣщеніе ли больного, совершеніе ли простой требы, нѣтъ, говоримъ, ни одного такого дѣйствія, при исполненіи котораго не отражалось бы всецѣло богословское знаніе, также дѣйствительно, какъ въ каждомъ плодѣ растенія сосредоточивается трудъ всего годичнаго ухода.

Передавъ такой взглядъ на богословіе, мы, въ сожалѣнію, не можемъ умолчать о томъ ошибочномъ пути, на который весьма часто уклоняется у насъ, въ нашихъ духовныхъ заведеніяхъ, занятіе богословіемъ. На мѣсто *практическаго* направленія, которое составляетъ ебою душу богословія, которое должно опредѣлять его существованіе и направлять его ходомъ,—не господствуетъ ли у насъ что-то—научное, такъ сказать, *умозрительное* направленіе въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова? Не занятіе спасеніемъ души, которое должно бы стоять во главѣ богословскаго ученія, а занятіе истинною, часто отрѣшенной отъ жизни, господствуетъ у насъ, по большой части. Такимъ образомъ богословіе терпитъ поврежденіе въ самомъ существѣ своемъ. На мѣсто науки, которую церковь основала и которую должна употреблять для своей пользы, мы имѣемъ скорѣе науку, назначенную для удовлетворенія суезнаго любопытства, служащую какъ бы для увеличенія суммы нашихъ познаній, необходимую для священника не столько *de facto*, сколько *de jure*,—словомъ—не науку о спасеніи, въ фактическомъ смыслѣ этого слова, а родъ какого-то религіознаго суемудрія, чаще надмыва-

рому должна стремиться вся наука богословская, — тщетны были бы всё наши богословскія познанія, какъ бы ни были они глубоки и обширны, и мы сами были бы, по слову св. апостола Павла, *яко жьдь звенящи, или кимвалъ звяцаий* (1 Кор. XIII, 1).

Заклучимъ нашу статью словами одного изъ западныхъ профессоровъ богословія: „Богословіе должно вести возрастающее поколѣніе къ тому, чтобы оно могло составить изъ себя союзъ вѣрныхъ пастырей, всегда готовыхъ и способныхъ собрать овецъ своихъ, слѣдить за ними, умѣющихъ искать и обрѣтать заблудшихъ. Богословіе должно воспитать пастырей, для которыхъ безпрестанный и неусыпный трудъ пастырства, охраненія и исканія овецъ былъ бы другою природою, которые бы сердечно скорбѣли о всякой разлукѣ съ своимъ стадомъ, которые бы въ этихъ заботахъ пастырства проводили всю жизнь свою, которые бы только съ послѣднимъ вздохомъ отрѣшились отъ этихъ заботъ“.

„Кто не обращаетъ всего своего вниманія на то, чтобы воспитать пастырей, тотъ не есть и учитель богословія“ (1).

Свящ. І. Флеровъ.

(1) Смotr. Дух. Бесѣду за 1865 годъ, № 8-й, стр. 328.
Христ. Чт. № 5.

СПИСОКЪ

ВОСХЪ ІЕРАРШЕСКИХЪ КАОЕДРЪ ВЪ СВЯТОЙ ПРАВОСЛАВ-
НОЙ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ ЗА 1867 ГОДЪ.

I.

ІЕРАРХІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ.

Всебвѣтѣйшій Архіепископъ Константинополя-
Новаго Рима и Вселенскій Патріархъ *Григорій VI.*

а) Въ Турецкой Имперіи.

Митрополиты:

- I. Кесарійскій въ Каппадокіи, Протоерогъ и
Экзархъ всей Анатолиі *Паисій.*
- II. Ефесскій и Экзархъ всей Азіи *Паисій.*
Каедра въ Магнезіи.

Епископы:

1. Иліопольскій и Фіатирскій Діонисій.
Каедра Гувель Иссаръ.
2. Кринскій и Анеонскій Амвросій.
Каедра Чесме.
- III. Ираклійскій и Редестскій и Экзархъ всей Тра-
кіи и Македоніи *Памаретъ.*

Епископы.

1. **Каллипольскій и Мадитскій Григорій.**

Катедрa въ Галлиполь (др. Каллиполь).

2. **Миріоэитскій и Перистасскій Григорій.**

3. **Метрскій и Аеирскій Теоклитъ.**

IV. **Кизическій и Экзархъ всего Эллиспонта Никодимъ.**

Катедрa въ Артаки.

V. **Никомидійскій и Экзархъ всей Виеини (1) Діонисій.**

Катедрa въ Никодиміи.

VI. **Никейскій и Экзархъ всей Виеини (2) Іоаннскій.**

Катедрa въ Кію.

VII. **Халкидонскій и Экзархъ всей Виеини (3) Герасимъ.**

Катедрa въ Кады-Кію (древній Халкидонъ), а постоянное мѣстопробываніе въ Константинополѣ.

VIII. **Дерскій и Неохорійскій, Экзархъ Фракійскаго Веспора Неофитъ.**

Катедрa въ Ферахъ на Веспора.

Епископъ Клавдіопольскій Климентъ, пребываетъ при Митрополіи.

IX. **Солунскій и Экзархъ всей Фессалии Неофитъ.**

Епископы:

1. **Китрскій Филаретъ.**

Катедрa въ Колоендро.

2. **Кампанійскій Іаковъ.**

Катедрa въ Колакии.

3. **Платамонскій Герасимъ.**

(1) (2) (3) Обстоятельство, что три различные архіерея именуются экзархами всей Виеини, показываетъ, что это только почетный титулъ, не болѣе.

4. Сервійскій и Колянскій *Василій*.
 5. Полянскій и Вардіоритскій *Мелетій*.
Каедра въ Дойранъ.
 6. Петрскій *Аиѳамель*.
Каедра въ Влахоливадъ.
 7. Ардамерійскій *Инатій*.
Каедра въ Галатясть.
 8. Іерисскій и Святыхъ Горы *Іоанникій*.
Каедра въ Назоро близъ Аона.
- X. Терновскій и Экзархъ всей Болгаріи *Гроторій*.
Каедра въ Великомъ Терновъ.

Е П И С К О П Ы :

1. Ловчанскій *Илиріонъ*.
Каедра въ Ловчѣ.
 2. Врачанскій *Паисій*.
Каедра во Врачѣ.
- XI. Адрианопольскій и Экзархъ всего Гемимонта
Кирилль.
- XII. Амасійскій и Экзархъ всего Вакцина *Софроній*.
- XIII. Янинскій и Экзархъ всего Епира *Паросій*.

Е П И С К О П Ы :

1. Бельскій *Германъ*.
 2. Парамеонійскій *Діонисій*.
- XIV. Бруссскій и Экзархъ Воннии *Константій*.
Каедра въ Бруссъ (ар. Прусъ).
- XV. Пелагонійскій и Экзархъ верхней Македоніи
Венедиктъ.
Каедра въ Битолихъ.
- XVI. Неокесарійскій и Инейскій и Экзархъ Понта
Полемонійскаго *Іеросей*.
Е п и с к о п ъ Никопольскій *Іеремія*.
Каедра въ Кара-Иссаръ (въ ар. Никопольт).

XVII. Иконійскій и Экзархъ всей Ликаоніи *Софроній* (1).

XVIII. Веррійскій и Наусскій, и Экзархъ Фессалии *Софроній*.

XIX. Плондійскій и Экзархъ Сиды, Муръ Атталии *Бесарій*.

Каедрa въ Кара-Иссаръ (др. Аламеъ-Кизотъ).

XX. Босна-Серайскій и Экзархъ всей Далматіи *Инатій*.

XXI. Критскій и Экзархъ Европы *Діонисій*.

Каедрa въ Кандіи.

Епископы.

1. Аркадійскій *Григорій*.

2. Реониній и Авлопотамскій *Каллиникъ*.

Каедрa въ Реонинъ.

3. Кидонійскій *Мисаилъ*.

Каедрa въ Канея (др. Кассанъ),

4. Петрскій *Мелетій*.

5. Херонисскій *Мелетій*.

Каедрa въ Ситіи.

6. Іерскій и Ситійскій *Іларіонъ*.

7. Кисамскій и Селинскій *Герасимъ*.

8. Лампскій *Паисій*.

XXII. Трапезунтскій и Экзархъ всей Лазиніи *Константій*.

Каедрa—Трепизонтъ (др. Трапезунтъ).

XXIII. Ларисскій и Экзархъ второй Фессалии *Стефанъ*.

Епископы:

1. Стагонскій *Феофилъ*.

Каедрa въ Каламбагъ близъ монастыря Метеорскаго.

(1) Въ 1862 г. сдѣлано новое распредѣленіе Митрополій Патриарха-та по іерархическимъ степенямъ.

2. Гардинійскій *Герофей*.

3. Фавмакскій *Хрисанов*.

4. Триввійскій *Мелетій*.

XXIV. Артскій и Экзархъ всей Этоліи *Серафимъ*.

XXV. Филиппопольскій и Экзархъ Фрввіи Драго-
витійской *Панаретъ* (1).

Епископъ Иринопольскій *Инатій*.

XXVI. Родосскій и Экзархъ всѣхъ Кикладскихъ остро-
вовъ *Синесій*.

Епископъ Лернскій и Патмскій *Инатій*.

XXVII. Серрскій и Экзархъ всей Македоніи *Неовитъ*.

XXVIII. Драмскій и Экзархъ Македоніи *Алавангелъ*.

Епископы:

1. Елевѣропольскій *Неовитъ*.

2. Христовольскій *Тарасій*.

XXIX. Смирнскій и Экзархъ Азіи *Хрисанов*.

Епископъ Московскійскій *Кириллъ*.

Местопробываніе въ метрополіи.

XXX. Митилинскій и Экзархъ всего Лесбоса *Меводій*.

Каедрa въ Кастро.

XXXI. Дидимотихскій и Экзархъ Родопы *Мелетій*.

XXXII. Ангырскій и Экзархъ всей Галатіи *Іоанникій*.

XXXIII. Филадельфійскій и Экзархъ всей Лидіи *Ме-
летій* (2).

XXXIV. Меланинскій *Діонисій*.

XXXV. Еносскій *Мелетій*.

XXXVI. Меонскій и Экзархъ Лесбоса *Алавангелъ*.

Каедрa въ Каллонъ.

(1) Живеть въ Константинополѣ въ ожиданіи рѣшенія Болгарскаго
вопроса, не признаваемый и непринимаемый большинствомъ населенія
Епархіи.

(2) Прежде назывался еще предсѣдателемъ Венеціи (*прѣдѣросъ тѣс Ва-
вертас*)

XXXVII. Мессимрийскій и Эгзархъ Чернаго Моря *Сифроній*.

XXXVIII. Видинскій и Эгзархъ всей Придунайской страны *Паисій*.

XXXIX. Доростольскій и Эгзархъ всей Придунайской страны *Дионисій*.

Каеэдра въ Свлястрин (др. Доростола).

XL. Самосскій и Икарійскій, и Эгзархъ Кикладовъ *Гавриилъ*.

Каеэдра въ Мегалъ-Хоръ на Самосъ.

XLI. Софійскій и Эгзархъ Болгарин *Доросей* (1).

XLII. Визійскій и Мидійскій, и Эгзархъ Чернаго моря *Платонъ*.

XLIII. Анхιάльскій и Эгзархъ Чернаго моря *Василій*.

XLIV. Варнскій и Каварнскій, и Эгзархъ Чернаго моря *Иоакимъ*.

Каеэдра въ Варъ.

XLV. Маронійскій и Эгзархъ Родопы *Аноимъ*.

XLVI. Силиврійскій *Захарій*.

XLVII. Созоагаеопольскій и Эгзархъ всего Чернаго моря *Проконій*.

Каеэдра въ Созополъ.

XLVIII. Ксанеійскій и Периеорійскій *Иларіонъ*.

Каеэдра въ Яндже.

XLIX. Гано-Хорскій, и Эгзархъ приморской Ора-кій *Хрисановъ*.

Каеэдра въ Хоръ.

L. Хиосскій и Эгзархъ всей Іоніи *Григорій*.

LI. Димносскій и Эгзархъ Егейскаго моря *Иоакимъ*.

LII. Имврскій и Эгзархъ Егейскаго моря *Паисій*.

(1) То же, что сказано въ примѣчаніи къ № XXXV.

LIII. Диррахійскій и Горскій *Виссаріонъ*.

Каедра въ Дурацио (др. Диррахія).

LIV. Скопійскій и Экзархъ нижней Мисіи *Іоакимъ*.

LV. Касторійскій и Экзархъ всей древней Болгаріи *Никифоръ*.

LVI. Раско-Призренскій и Экзархъ верхней Мисіи *Мелетій*.

Каедра въ Призрениъ.

LVII. Воденскій *Никодимъ*.

LVIII. Ерсекийскій (Герцеговинскій) и Экзархъ верхней Мисіи *Прокопій*.

Каедра въ Мостартъ (въ Герцеговиниъ).

LIX. Корицанскій (*Коруѳасъ*) и Селасфорскій *Неофитъ*.

LX. Самоковскій и Экзархъ Болгаріи....

LXI. Бѣлеградскій и Экзархъ всей Албаніи *Аноимъ*.

Каедра въ Бератъ.

LXII. Кестендлийскій и Стипійскій *Инатій*.

LXIII. Струмицкій и Тиверіопольскій и Экзархъ Болгарской Македоніи *Героевъ*.

LXIV. Нисскій (*Нисскъ*) и Экзархъ нижней Мисіи *Каллиникъ*.

Каедра въ Ниссъ.

LXV. Гревенскій *Геннадій*.

LXVI. Нишавскій *Пароетій*.

Каедра въ Шагаръ-кюй.

LXVII. Сивавійскій и Сіатистскій. и Экзархъ Македоніи *Александръ*.

Каедра въ Сіатистъ.

LXVIII. Зворницкій и Экзархъ Далматіи *Діонисій*.

LXIX. Моглинскій *Прокопій*.

Каедра въ Емборъ (селеніе).

LXX. Преспійскій и Охридскій *Мелетій*.

Каедра въ Охридъ.

LXXI. Дебрскій *Аноимъ*.

LXXII. Дмитріадскій и Загорскій, и Эгзархъ Пеласгін *Доровей*.

Каеэдра въ Загора.

LXXIII. Кассандрійскій и Эгзархъ Фермейскаго Залва *Гриорій*.

LXXIV. Халдійскій и Херіанскій *Гервасій*.

Каеэдра въ Юмушъ-Ханъ, въ Малой Азіи.

LXXV. Елассонскій *Кириллъ*.

LXXVI. Фанарійскій и Ферсальскій, и Эгзархъ Феи *Мелетій*.

Каеэдра въ Ферсахъ.

LXXVII. Приконисскій и Эгзархъ всей Пропонтыды *Гедеоиъ*.

Каеэдра въ Аловъ на островъ Мармара (др. Приконисъ), на Мраморномъ Морѣ.

LXXVIII. Преславскій и Эгзархъ Болгарской Мисіи *Аноимъ* (*).

Каеэдра въ Шумля.

LXXIX. Дринопольскій и Дельвинскій *Матосей*.

Каеэдра въ Аргиро-Кастро.

LXXX. Кооскій (*Κωσος*) и Эгзархъ Кибладовъ *Германъ*.

LXXXI. Велискій *Аноимъ*.

Каеэдра въ Коприги (др. Велесъ).

LXXXII. Литидскій *Инатій*.

LXXXIII. Халепійскій *Тимосей*.

Каеэдра въ Алепо.

LXXXIV. Червенскій *Пайсій*.

Каеэдра въ Рушугъ.

LXXXV. Карпатскій и Касскій *Никиворъ*.

Каеэдра въ Калсо.

(*). Тоже, что сказано въ примѣчаніяхъ къ ММ XXV и XLI. Управляетъ Богословскою школою, что на островѣ Халкѣ.

Епископы, по нѣзвѣщенію епархіи:

а) ПРИ АРХІЕПИСКОПѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ:

Харіопольскій Геннадій.

При Церкви св. Константина и Елены въ Икосмаевѣ.

Анастасіопольскій Кирилль.

При Церкви Богородицы-Надежды во Влангѣ.

Мелитопольскій Евменій.

При Церкви Богородицы въ Галатѣ.

Аргиропольскій Афанасій.

При Церкви св. Николая въ Галатѣ.

Памфилъскій Діонисій.

При Церкви Введенія въ Перѣ.

Евменійскій Панарета.

При Церкви Благовѣщенія въ Перѣ.

Бывшій Преславскій Веніаминъ.

При Церкви св. Димитрія въ Татамакѣ.

Бывшій Червенскій Кирилль.

При Церкви Успенія въ Егри-Капи.

Севастіскій Паисій.

При Церкви Архангеловъ въ Арнаутъ-Кію на Босфорѣ.

в) ПРИ НИКОМІДІЙСКОМЪ МИТРОПОЛИТѢ:

Евхаетскій Григорій.

в) ПРИ СМЕРНСКОМЪ МИТРОПОЛИТѢ:

Ксанеопольскій Инатій.

Пресвященныя, живущіе на острѣ:

Бывшіе вселенскіе патріархи:

Аноимъ IV. Византійскій. (Живеть на остр. Принкипъ).

Аноимъ V. Куталійскій (Живеть въ Кандили на Аз. сторонѣ Босфора).

Кирилль VII. (Живеть на остр. Халки).

Иоакимъ II. (Въ Кланѣ).

Софроній. (Живетъ на остр. Принкицѣ).

Митрополиты:

Селевкійскій *Аноимъ* (начальникъ Халкинскаго торговаго училища).

Бывшій Ефесскій *Аноимъ.*

„ Имбрскій *Неофитъ.*

„ Литицкій *Иосифъ.*

„ Касандрійскій *Хрисановъ.*

„ Филиппопольскій *Памсій* (низложенъ).

„ Силиврійскій... на Аеонъ.

„ Анкирскій *Геродей* въ Россіи.

} Живутъ въ столицѣ.

Епископы:

„ Москониіскій... на Аеонъ.

„ Лаодикійскій *Стефанъ* — въ Молдавіи.

„ Ерзерійскій *Аноимъ* — въ Смирнѣ.

„ Макаріупольскій *Иларіонъ* — низложенъ.

б) Въ княжествахъ, зависящихъ отъ Турціи:

а) въ Валахіи:

Митрополитъ Унгро-Влахійскій и Экзархъ Плагинскій, и имѣющій степень митрополита Кесарія Кападокійской *Нифонтъ.*

Каедрa въ Бухарестѣ.

Епископы:

1. Римникскій (1)

2. Бузейскій *Діонисій.*

(1) Есть два мѣста этого имени въ Валахіи; это — главный городъ на рѣкѣ Алута.

3. Арджичкій (бывшій Едесскій) *Гемнадій*.

Каедра въ Негро-Водъ.

В) ВЪ МОЛДАВИИ:

Митрополитъ Молдавскій *Каллиникъ*.

Каедра въ Яссахъ.

Епископы:

1. Романійскій. Мѣстоблюститель, Сотиріопольскій *Афанасій*.
2. Хусійскій *Іосифъ*.
3. Нижняго-Дуная *Мельхиседекъ*.

Каедра въ Тульчъ.

В) ВЪ СЕРВИИ:

Архіепископъ Бѣлоградскій, Митрополитъ
всей Сербіи *Михаилъ Іовановичъ*.

Епископы:

1. Ужичкій *Никифоръ Максимовичъ*.
2. Тимокскій *Тимовой Новаковичъ*.
3. Шабацкій *Мелетій Марковичъ*.

в) Въ Турецкой Имперіи:

А) НА ІОНІЙСКИХЪ ОСТРОВАХЪ (¹):

Епископы:

1. *Антоній* (Харіатисъ).
2. *Герасимъ* (Калокеринось).
3. *Даниилъ* (Петрулясь).

(¹) Эпархія Іоническихъ острововъ окончательно присоединена къ церкви Греческаго Королевства 21-го Іюля 1866 года. Эпархія эти еще не введены въ порядокъ каедръ мѣстной церкви на томъ основаніи, что митрополитамъ Іоническихъ острововъ предоставлено по дѣль ихъ смерти право пользоваться прежде дарованными имъ титулами.

4. *Кирилл* (Херонидесъ).
5. *Евфимій*.
6. *Вароломей*.
7. *Александръ* (Ликургосъ).
8. *Григорій*, бывший Триполійскій.

Б) ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Венеціанскій Предсѣдатель *Венедиктъ*.

II.

ИЕРАРХІЯ АЛЕКСАНДРІЙСКАЯ.

Блаженнѣйшій и Святѣйшій Папа и Патріархъ Великаго града Александріи, Левія, Пентаполи и Египтіи и всей земли Египетской, (Отець отцевъ, Пастырь пастырей, Архіерей архіереевъ, тринадцатый изъ Апостоль и Судія Вселенной), *Никаноръ*.

Митрополиты: -

1. Ливійскій и Экзархъ всей Африки *Аванасій*.

Живеть въ Каирѣ.

2. Пилусійскій *Амфилохій*.

Живеть въ Александріи

3. Киринейскій *Спиридонъ*.

4. Фивандскій *Мелетій*.

Пребываетъ на поковѣ (на о. *Митилинъ*), бывший Патріархъ Александрійскій *Каллиникъ*.

5. Трипольскій *Теофанъ*.

III.

ИЕРАРХІЯ АНТІОХІЙСКАЯ.

Блаженнѣйшій и Святѣйшій Патріархъ Вожія Града Антіохіи, Сиріи, Аравіи, Килікии, Иверіи, Месопотаміи и всего Востока, Отець отцевъ и Пастырь пастырей, *Геросей* (1).

Мѣстопробованіе въ Дамаскъ.

Митрополиты:

1. Веррійскій и Экзархъ первой Сиріи, мѣстоблюститель (2) Іеропольскій, *Кирилл* (3).
2. Епископійскій и Экзархъ второй Сиріи, мѣстоблюститель Апамяскій,

Каедрa въ Хамъ (др. Епископія).

3. Лаодикійскій и Экзархъ Теодоріады *Мелетій*.

Каедрa въ Влагаміи (др. Лаодикія).

4. Селевкійскій и Экзархъ первой Сиріи *Меводій*.

Каедрa въ Захлн.

5. Амидійскій и Экзархъ всей Месопотаміи, мѣстоблюститель Едесскій, *Макарій*.

Каедрa въ Діорбаркиръ (др. Амидя).

6. Тирскій и Сидонскій, и Экзархъ приморской Финикии *Герасимъ*.

Каедрa въ Оуръ (др. Тиръ).

7. Трипольскій и Экзархъ первой Финикии Ливанской *Софроній*.

Каедрa въ Триполн.

(1) При немъ сестъ, въ качествѣ Викарія, Епископъ Иривнопольскій *Серафимъ*.

(2) Мѣстоблюститель „Текторѣтисъ“ означаетъ іерарха, имѣющаго собственную епархію и управляющаго другою, низшею. Важность сего наименованія особенно видна на соборахъ, которые шедъ на востокъ.

(3) Митрополія отошла къ Патріарху Константинопольскому.

8. Виритскій и Экзархъ приморской Финикіи...
Каедра въ Бейрутъ (др. Виратъ).
9. Аданскій и Экзархъ первой и второй Киликіи,
мѣстоблюститель Селевкии Исаврійской, *Анемма*.
Каедра въ Тартъ.
10. Θεодосіопольскій и Экзархъ Великой Арменіи,
Тимосей.
Каедра въ Эрзерумъ (др. Θεодосіополь).
11. Иліопольскій и Экзархъ Финикіи Ливанской...
Каедра въ Бальбекъ (др. Иліополь).
12. Аркадіскій и Экзархъ горы Ливанской *Хрисанов*.
Мѣстопребываніе въ Триполи.
13. Емесскій и Экзархъ Ливанской Финикіи.....
Каедра въ Хомъ (др. Емесъ).
14. Пальмирскій....
Мѣстопребываніе имѣеть въ Валахіи, въ монастырѣ св. Спиридона.
15. Хавранійскій *Григорій*.
Мѣстопребываніе въ монастырѣ св. Фемъ въ Магузъ.

IV.

ІЕРАРХІЯ ІЕРУСАЛИМСКАЯ.

Блаженнѣйшій и Святѣйшій Патріархъ Святаго Града Іерусалима и всей Палестины, Сиріи, Аравіи, обонъ-полъ Іордана, Каны Галилейской и Святаго Сіона, *Кирилл II*.

Митрополиты:

1. Петрскій въ Аравіи и Экзархъ третьей Палестины...
Каедра въ Караъ, а мѣстопребываніе въ Іерусалимъ.
2. Птолемаидскій и Экзархъ всей Финикіи, *Іоасафъ*.
Каедра и мѣстопребываніе въ Адръ.

3. Вилеємскій и Эвзархъ всей Іудеи *Антій*.
Клеодръ и мѣстопробываніе въ Вилеємъ.
4. Назаретскій и Эвзархъ всей Галилеи, *Нифонтъ*.
Клеодръ и мѣстопробываніе въ Назаретъ.

Архіепископы:

1. Лидскій *Неоѳгтъ*.
2. Газскій *Прокотій*.
3. Неапольскій...
4. Севастійскій *Никифоръ*.
5. Горы Оаворскія *Григорій*.
Всѣ они живють мѣстопробываніе въ Іерусалимъ.
6. Филадельфійскій *Іоасафъ*.

V.

ЦЕРКАВІЯ ВСЕРОССІЙСКАЯ.

Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій
Синодъ.

а) ЦЕРКАВІИ ПЕРВАГО КЛАССА.

1. Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, и священно-архимандритъ мѣсто-печерскія Лавры, *Арсеній*.

Викарій:

Епископъ Читиринскій *Порфирій*.

Мѣстопробываніе въ Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ.

2. Митрополитъ Новгородскій (онъ же и Санкт-петербургскій и Финляндскій и священно-архимандритъ Александр-Невскія Лавры) *Исидоръ*.

Викарій:

Епископъ Старорусскій *Серафимъ*.

Мѣстопробываніе въ Новгородѣ.

3. Митрополитъ Московскій и Коломенскій, и священно-архимандритъ Троице-Сергіевой Лавры *Иннокентій*.

Викаріи:

4. Епископъ Дмитровскій *Леонидъ*.
Можайскій *Ивантій*.

Въ Москвѣ.

5. Митрополитъ Санктпетербургскій (онъ же и Новгородскій, см. выше 2).

Викаріи:

Епископъ Ладожскій *Палладій*.

— Выборгскій *Григорій*.

Мѣстопробываніе въ Санктпетербургѣ.

б) епархіи втораго класса:

1. Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій *Антоній*.

Викаріи:

Епископъ Чебоксарскій (вакансія).

Архіепископы:

2. Астраханскій и Енотаевскій *Аванасій*.
3. Тобольскій и Сибирскій *Варлаамъ*.
4. Ярославскій и Ростовскій *Нилъ*.
5. Псковскій и Порховскій *Феоноста*.
6. Рязанскій и Зарайскій *Алексій*.
7. Тверскій и Кашинскій *Филовей*.

Викаріи:

Епископъ Старичскій *Антоній*.

Мѣстопробываніе въ Тверскомъ Успенскомъ Жолтиковъ монастырѣ.

8. Архіепископъ Херсонскій и Одесскій *Димитрій*.

Каедръ въ Одессѣ.

• Христ. Чт. № 5.

47

Викаріі:

Епископъ Новомиргородскій *Софоній*.

Мѣстопребываніе въ Херсонѣ.

9. Епископъ Таврической и Симферопольскій *Гурій*.

Каедра въ Симеорополѣ.

10. Митрополитъ Литовскій и Виленскій *Іосифъ*.

Каедра въ Вильно.

Викаріі:

1. Епископъ Брестскій *Инатій*.

Каедра въ Гроднѣ.

2. Епископъ Ковенскій *Александръ*.

Каедра въ Ковнѣ.

Архіепископы:

11. Варшавскій и Новогеоргіевскій *Іоанникій*.

12. Рижскій и Митавскій (вакансія).

Викаріі:

Епископъ Ревельскій *Веніаминъ*.

Мѣстопребываніе въ Ригѣ.

13. Архіепископъ Могилевскій и Мстиславскій *Евсевій*.

Епископы:

14. Черниговскій и Нѣжинскій *Варлаамъ*.

15. Минскій и Бобруйскій (вакансія).

16. Подольскій и Брацлавскій *Леонтій*.

Каедра въ Каменецъ-Подольскомъ.

Викаріі:

Епископъ Балтскій *Теомостъ*.

Мѣстопребываніе въ Каменецъ-Подольскѣ.

Архіепископы:

17. Бишиневскій и Хотинскій *Антоній*.

18. Олонецкій и Петрозаводскій *Аркадій*.

Каедра въ Петрозаводскѣ.

19. Донскій и Новочернассій *Платонъ*.

Каедра въ Новочернасскѣ.

20. Иркутскій и Нерчинскій *Пароскій*.

Викаріи:

1. Епископъ Селенгинскій *Веніаминъ*.

Мѣстопробываніе въ Посольскомъ монастырѣ.

2. Епископъ Енисейскій и Красноярскій *Никодимъ*.

Каедра въ Красноярскѣ.

в) ЕПАРХІИ ТРЕТЬЯГО КЛАССА.

Епископы:

1. Екатеринославскій и Таганрогскій *Платонъ*.

2. Калужскій и Боровскій *Григорій*.

3. Смоленскій и Дорогобужскій *Іоаннъ*.

4. Архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій *Нектарій*.

Викаріи:

Епископъ Балахнинскій *Поликартъ*.

Мѣстопробываніе въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Печерскомъ монастырѣ.

Архіепископы:

5. Курскій и Бѣлгородскій *Сергій*.

6. Владимірскій и Суздальскій *Антоній*.

Викаріи:

Епископъ Муромскій (вакансія).

Мѣстопробываніе во Владимірѣ, въ Рождественскомъ монастырѣ.

Епископы:

7. Полоцкій *Савва*.

Каедра въ Витебскѣ.

8. Вологодскій и Устюжскій *Павелъ*.

9. Тульскій и Бѣлевскій *Никандръ*.

10. Вятскій и Слободскій *Аполлосъ*.

Викарій:

Епископъ Сарапульскій (вагансія).
Мѣстопробываніе въ Вятскомъ Трионовскомъ монастырѣ.

Епископы:

11. Архангельскій и Холмогорскій *Наванаилъ.*
12. Воронежскій и Задонскій *Серафимъ.*

Викарій:

- Епископъ Острогожскій *Теодосій.***
Мѣстопробываніе въ Воронежѣ.
13. **Епископъ Костромскій и Галичскій *Платонъ.***

Викарій:

Епископъ Кинешемскій *Ионафанъ.*
Мѣстопробываніе въ Костромскомъ Ипатіевскомъ монастырѣ.

Епископы:

14. Тамбовскій и Шацкій *Теодосій.*
15. Орловскій и Сѣвскій *Макарій.*
16. Полтавскій и Переяславскій *Іоаннъ.*
17. Волынскій и Житомирскій *Алаваннелъ.*

Викарій:

- Епископъ Острожскій *Героей.***
Мѣстопробываніе въ Житомирѣ.
18. **Архіепископъ Пермскій и Верхотурскій *Неофитъ.***

Викарій:

Епископъ Екатеринбургскій *Вассіанъ.*

Епископы:

19. Томскій и Семипалатинскій *Алексій.*
20. Пензенскій и Саранскій *Антонъ.*
21. Саратовскій и Царицынскій *Іоанникій.*

22. Архієпископъ Харьковскій и Ахтырскій *Макарій*.

Викарій:

Епископъ Сумскій, *Германъ*.

Мѣстопребываніе въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ.

Епископы:

23. Уфимскій и Мензелинскій *Филаретъ*.

24. Оренбургскій и Уральскій *Митрофанъ*.

25. Симбирскій и Сызранскій *Евсей*.

26. Кавказскій и Екатеринодарскій *Феофилактъ*.

27. Архієпископъ Камчатскій, Курильскій и Алеутскій (вакансія).

Каедрa въ Благовѣщенскѣ на Амурѣ.

Викарій:

1. Епископъ Новоархангельскій *Петръ*.

2. Якутскій *Діонисій*.

28. Епископъ Самарскій и Ставропольскій *Герасимъ*.

г) ГРУЗИНСКІЙ ЭКЗАРХАТЪ:

Экзархъ Грузіи, Архієпископъ Карталинскій и Кахетинскій *Евсей*.

Каедрa въ Тіоплісѣ.

Викарій:

Епископъ: Горійскій *Геронтій*.

Епископы:

1. Имеретинскій *Гавріилъ*.

2. Мингрельскій *Тарасій*.

3. Гурійскій *Гавріилъ*.

4. Абхазскій *Александръ*.

Просвященные, живущіе на покое.

Архiepископы:

1. *Евсей*, бывший Ярославскій, Членъ Св. Синода и присутствующій въ Московской Синодальной Конторѣ.

Мѣстопробываніе въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

2. *Михаилъ*, бывший Минскій.

3. *Василій*, бывший Полоцкій, членъ Св. Синода.

Мѣстопробываніе въ С.-Петербургѣ.

4. *Антоній*, бывший Минскій.

Мѣстопробываніе въ Пожѣйскомъ Успенскомъ монаст. Литов. епарх.

5. *Анатолій*, бывший Могилевскій и Мстиславскій.

Мѣстопробываніе въ Гербавецкомъ монастырѣ Кшиневаской епархіи.

6. *Иосифъ*, бывший Воронежскій.

Мѣстопробываніе въ Воронежскомъ Митроп. монаст.

7. *Ирмаргъ*, бывший Рязанскій.

Мѣстопробываніе въ Рязанскомъ Спасскомъ монаст.

8. *Іоанна*, бывший Донской.

Мѣстопробываніе въ Кременскомъ Вознесенскомъ монаст. Донской епархіи.

9. *Петръ*, бывший Епископъ Якутскій, членъ Московской Синодальной Конторы и Управляющій Ставроп. Воскресн. мон.

Епископы:

10. *Инокентій*, бывший Екатеринославскій.

Мѣстопробываніе въ Старо - Харьковскомъ Преображенскомъ монастырѣ.

11. *Іеремія*, бывший Нижегородскій и Арзамаскій.

Мѣстопробываніе въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ.

12. *Іоанникій*, бывший Кавказскій и Черноморскій.

Мѣстопробываніе въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ.

13. *Іоанна*, бывший Гурійскій.

Мѣстопробываніе въ Гавнатскомъ монастырѣ Имеретинской епархіи.

14. *Германъ*, бывший Имеретинскій.

15. *Германъ*, бывший Имеретинскій.

Мѣстопробываніе въ Гавлатскомъ монастырѣ.

16. *Антоній*, бывший Оренбургскій.

Мѣстопробываніе въ Предтеченск. Трегулявск. монастырѣ, Тамбовской епархіи.

17. *Александръ*, бывший Подтавскій.

Мѣстопробываніе въ Кіево-Соейскомъ Митрополитскомъ домѣ.

18. *Леонидъ*, бывший Екатеринославскій.

Мѣстопробываніе въ Ольговскомъ монаст. Рязанской епархіи.

19. *Іустинъ*, бывший Владимірскій.

Мѣстопробываніе въ Боголюбовомъ монаст. Владимірской епархіи.

20. *Феофанъ*, бывший Владимірскій.

Мѣстопробываніе въ Вышинской пустыни Тамб. епархіи.

21. *Христоворъ*, бывший Вятскій.

Мѣстопробываніе въ тотемскомъ Спасоуринѣ монастырѣ Вологодской епархіи.

VI.

ІЕРАРХІЯ ОСТРОВА КИПРА.

Блаженнѣйшій и Святѣйшій Архіепископъ Новой Юстиніаны и всего Кипра *Макарій*.

Катедра въ Никосіи.

Митрополиты:

1. Павосскій *Харитонъ*.

Катедра въ Хрисороатіи.

2. Китійскій *Мелетій*.

Катедра въ Ларнакѣ.

3. Киринійскій *Мелетій*.

Катедра въ монастырѣ св. великомученика Пантелеймона.

VII.

ИЕРАРХІЯ ВЪ АВСТРІЙСКИХЪ ВЛАДѢНІЯХЪ.

Влаженнѣйшій и Святый Патріархъ Сербскій, всего обрѣтающагося въ Австрійскихъ державахъ Сербскаго народа Митрополитъ, Архіепископъ Карловацкій *Самуилъ Машировичъ*.

Каедрa въ г. Карловцѣ въ Сремѣ (Сармїи)

Епископы:

1. Бачскій и Сегединскій.... Администраторъ Архимандритъ *Германъ Амеличъ*.

Каедрa въ Новомъ Садѣ въ Венгріи

2. Будимскій, Свято-Андрейскій, Пештанскій, Стольно-Вѣлградскій Могачскій и Сигедскій *Арсеній Стоиковичъ*.

Каедрa въ Будимѣ (Осень)

3. Вершадскій, Лугошскій, и Оршавскій *Емеліанъ Бенцелацъ*.

Каедрa въ Вершцѣ (въ Банатѣ).

4. Темишварскій, Липовскій, Велико-Бечкерекскій и Панчевацкій *Антоній Нако*.

Каедрa въ Темишварѣ.

5. Пакрачскій, Славонійскій, Пожегскій и всего Генералита Вараждинскаго *Никаноръ Груичъ*.

Каедрa въ Пакрацѣ (Славоніи)

6. Карлштадскій, Костанницкій, Корбавскій и приморскихъ городовъ Триеста, Рѣжи и Сени *Лукианъ Николаевичъ*.

Каедрa въ Плашвахъ (въ Кроаціи)

Митрополитъ всего обрѣтающагося въ Австрійскихъ державахъ Румынскаго народа Архіепископъ Германштадскій Баронъ *Андрей Шауна*.

Каедрa въ Германштадтѣ (въ Трансильваніи)

Е П И С К О П Ы :

1. Арадскій, Велико - Варадянскій, Ієнопольскій и Хальмачскій *Проконій Ивачковичъ*.
Каедрa въ Арадъ (въ Венгріи)
2. Баран-Себешскій *Іоаннъ Папазу*.
Каедрa въ Баран-Себешъ (въ Трансильваніи)
3. Буковинскій *Евменій Гакмана*.
Каедрa въ Черновцахъ (въ Буковинѣ)
4. Далматинскій, Которскій и Истрийскій *Стефанъ Княжевичъ*.
Каедрa въ Задръ (въ Далмаціи)

VIII.

ІЕРАРХІЯ ГОРЫ СИНАЙСКОЙ.

Честнѣйшій Архіепископъ Синаи *Кириллъ* (1).
Мѣстопребываніе въ Фанарѣ.

IX.

ІЕРАРХІЯ ЧЕРНОЙ ГОРЫ.

Митрополитъ Скандеріи и Морскаго Берега,
Архіепископъ Цетинскій, Экзархъ Священнаго
Престола Пекскаго, Владыка Черногорскій и Бердскій
Илларионъ Романовичъ.

(1) По настоятельному требованію Синайской обители 30 авг. 1867 г. рукоположенъ въ Іерусалимъ тамошнимъ патріархомъ новый Архіепископъ горы Синайской *Каллистрианъ*.

Х.

ІЕРАРХІЯ ЭЛЛИНСКАЯ.

Священный Эллинскій Синодъ въ Аѳонахъ.

1. Митрополитъ Аѳинскій *Теофилъ*.

Каедра въ Аѳонахъ

2. Епископъ Вюгійскій *Досифей*.

Каедра въ Фивахъ.

3. Архіепископъ Халкидскій *Баллиникъ* (Камбанисъ).

Каедра въ Халкидѣ.

4. Епископъ Каристійскій *Макарій* (Каліархисъ).

Каедра въ Клизъ

5. Архіепископъ Феотидскій *Каллиникъ* (Касторхисъ).

Каедра въ Ламія.

6. Епископъ Фовидскій *Давидъ*.

Каедра въ Амиксѣ.

7. Архіепископъ Акарнанійскій и Этолійскій...

Каедра въ Миссолонги.

8. Епископъ Эвританійскій *Аноимъ*.

Каедра въ Навпактѣ.

Архіепископы:

9. Арголидскій...

Каедра въ Навплин.

10. Коринтскій *Амфилохій*.

Каедра въ Коринѣ.

11. Епископъ Идрскій *Неофитъ* (Константинидисъ).

Каедра въ Идрѣ.

12. Архіепископъ Ахайскій...

Каедра въ Патрахъ.

13. Епископъ Калавритскій (*Καλαβρυτών*)...
Каедра въ Калавритъ, въ Морѣ.
14. Архіепископъ Мантинійскій *Θεοφάνης* (Сясистевъ).
Каедра въ Триполъ.
15. Епископъ Гортинскій *Φιλοθέη* (Икономось).
Каедра въ Димитсанъ.
16. Архіепископъ Мессинійскій *Προκόπιος* (Георгіадисъ).
Каедра въ Каламахъ.
17. Епископъ Трифилійскій...
Каедра въ Киварисимъ.
18. Архіепископъ Лакедемонскій *Διονυσίος* (Сасанасъ).
Каедра въ Спартъ.

Епископы:

19. Гноійскій *Ιωσήφ* (Константинидисъ).
Каедра въ Гноіонтъ.
20. Итильскій *Προκόπιος*.
Каедра въ Итиль.
21. Архіепископъ Кикладскій...
Каедра въ Эрмуполъ (въ Спръ).

Епископы:

22. Андросскій *Μητροφάνης* (Икономидисъ).
Каедра въ Андросъ.
23. Наксосскій *Παρωνίος* (Акиласъ).
Каедра въ Наксосъ.
24. Оирскій *Ζαχαρίας* (Матеасъ).
Каедра въ Санторино (Оира).
Σαμουήλ, бывшій Огисскій (живеть на оловъ).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. **Правительственныя распоряженія:** Назначеніе еписк. Веніамина епископомъ Камчатскимъ.—Хиротонія ректора Тульской семинаріи архимандрита *Андрея* во епископа Муромскаго. — Назначеніе протоіерейя *Гаверилкова* на должность ректора Полтавской семинаріи.—Высочайшія *нарады*. — II. **Библиографическія замѣтки:** Перечень особенно замѣчательныхъ статей нашей текущей журналистики. — Обзоръ епархіальной литературы.—*Новыя книги*.—III. **Разныя новости:** Церковная жизнь православнаго русскаго народа во время *великаго поста*, *страстной седмицы и пасхи*.—Обрядность и внутреннее настроеніе.—Замѣчательныя распоряженія нѣкоторыхъ епархіальныхъ архіереевъ: открытіе причетнической школы въ Саратовѣ; мѣры подольскаго епархіальнаго начальства къ предотвращенію ссоръ въ духовенствѣ; приглашеніе къ пожертвованіямъ въ пользу голодающихъ. — Общая сумма пожертвованій.—Дѣятельность *самарскаго* духовенства по части народнаго образованія. — Приходскія и воскресныя школы въ нѣкоторыхъ епархіяхъ и ихъ значеніе въ дѣлѣ релігіозно-нравственнаго воспитанія народа. — *Штундисты*; ихъ историческое происхожденіе и значеніе ихъ собраній. — Забота церковныхъ *попечительствъ* о нравственнои улучшеніи приходовъ, о народномъ образованіи и о матеріальномъ обезпеченіи духовенства.—*Слѣды* духовенства и ихъ результаты.—Недоразумѣніе на счетъ *костромскаго* духовенства по дѣлу народнаго образованія. — Учрежденіе въ Петербургѣ школы *Комисарова-Костромскаго*.

I.

Высочайше утвержденнымъ Его Императорскимъ Величествомъ, въ 18 день марта сего года докладомъ Св. Синода повелѣно быть викарію иркутской епархіи, епископу селенгинскому *Веніамину*, епископомъ камчатскимъ.

7 апрѣля, въ главномъ храмѣ Александро-невской лавры, происходила хиротонія ректора тульской сем., архим. *Андрея* во епископа муромскаго, викарія владимірской епархіи. Въ ней участвовали: митрополиты: Исидоръ новгородскій и с.-петербургскій, Арсеній кievскій; архіепископы: Филофей тверской и Нектарій нижегородскій; викаріи: Палладій ладожскій и Григорій выборгскій.

Опредѣленіемъ Св. Синода, отъ 8 янв. (11 февр.) 1868 г., постановлено: *ректора полтавской семинаріи, архим. Серафима*, согласно прошенію его, по болѣзни, *уволить* отъ занимаемыхъ имъ ректорской и настоятельской должностей, помѣстивъ его на вакансію соборнаго іеромонаха въ ставропигіальномъ московскомъ дономскомъ монастырѣ, а на мѣсто архим. Серафима ректоромъ полтав. сем. *опредѣлить протоіеря, магистра Михаила Гаврилкова* (Церк. Лѣт.)

Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать алмазные знаки ордена св. Александра невискаго преосвященнымъ архіепископамъ: варшавскому Іоанникію и могилевскому Евсевию; — сопричислить къ орд. св. Александра невискаго преосвященныхъ архіепископовъ: Антонія кишиневскаго и Парвенія иркутскаго; къ орд. св. Владиміра 2-й степени большаго креста преосвящ. Θεотимоста, архіеписк. псковскаго, Серафима, еписк. воронежскаго и Леонида, викарія московскаго; къ орд. св. Анны 1-й степ. преосвященныхъ епископовъ: Савву полоцкаго, Павла вологодскаго, Митрофана оренбургскаго, Порфирія, викарія кіевскаго, и Васіана екатеринбургскаго, викарія пермскаго; къ орд. св. Владиміра 3-й степ. епископовъ: Аполлоса вятскаскаго, Алексія томскаго, Тарасія мингрельскаго, Александра абхазскаго и Іоаннана, викарія костромскаго; возведены въ санъ архіепископовъ: преосв. епископы: черниговскій Варлаамъ, волынскій Афанасій и костромской Платонъ („Голосъ“ № 98).

Во 2-й день февр. Высочайше награждены серебряными медалями, съ надписью „за усердіе“ для пошевія на груди, на Александровской лентѣ, за труды по части народнаго образованія, слѣд. лица: діавоны — троицкой

соборной церкви въ посадѣ Дубовѣ, саратовской губ. Иоаннъ *Болтинскій* и воронежск. каведр. собора Алексѣй *Адамовъ*; дьячекъ села Георгіевскаго въ Раменѣ, рыбн. у., ярослав. губ., Арсеній *Лавровъ*.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМАТА

предсѣдателю духовно-учебнаго комитета при Св. Синодѣ,
Протоіерею Васильеву.

„Послѣ продолжительнаго священнаго служенія за
„границею, снискавшаго вамъ справедливое уваженіе
„соотечественниковъ и иноземцевъ, бывъ призваны къ
„обязанностямъ предсѣдателя вновь учрежденнаго при
„Святѣйшемъ синодѣ учебнаго комитета, вы положи-
„ли благое начало дѣятельности сего важнаго установ-
„ленія при содѣйствіи просвѣщенныхъ вашихъ сотру-
„дниковъ. На это служеніе, требующее усиленнаго тру-
„да, при совершающемся переходѣ духовно-учебныхъ
„заведеній къ лучшему положенію, новыми уставами
„узаконенному, вы съ истинною пользою посвятили
„всѣ ваши силы и обширныя познанія“.

„Обращая особенное вниманіе на преуспѣваніе духов-
„но-учебныхъ заведеній и воплѣвъ цѣня вашу ревность
„и успѣшныя труды на этомъ поприщѣ, въ изъявленіе
„справедливой признательности нашей, всемилостивѣй-
„ше сопричисляемъ васъ къ императорскому ордену На-
„шему св. *Анны 1-й степени*, знаки коего, присемъ пре-
„провождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя
„и носить по установленію“.

Пребываемъ императорскаго милостію нашею къ вамъ
благосклонны.

На подлинной собственною Его Императорскаго Величества рукою
подписано: „АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ С.-Петербургѣ,
31 марта, 1868 года.

II.

Въ текущей журналистикѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣд. статьи: въ февр. кн. „Трудовъ в. д. акад.“: св. Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдокія (продолженіе) и „Иудейскій народъ и Іудейство въ періодъ образованія талмуда (съ 70 по 500 г. по Р. Х.) г. А. В-нова. Въ февр. и мартов. кн. „прав. обзоръ“: исторія ветхозав. откровенія Лютардта; „о соврем. состояніи церк. дѣлъ въ Пруссіи“—Голубкова; „обозрѣніе франц. богосл. журналистики“—М. Я. Морошкина; письма о соврем. состояніи религіозно—церковной жизни за границую, II и III⁴ свящ. Кустодіева; „судьбы христіанства въ южной аравіи отъ вр. апост. до утвержденія въ ней магометанства (Иг. Арсенія). Въ 12 и 13 №№ „Дух. Бес: „мысли о христіанскомъ воспитаніи“ Арх. Павла.— Въ „руководствѣ для сел. паст.“ „гомилетическія замѣтки для молодыхъ проповѣдниковъ“ (№ 7); „о томъ, какъ должно проводить день причастный и, вообще, вести себя послѣ говѣнья“ (№ 10); „поученіе сельскаго священника къ прихожанамъ, нерадящимъ объ исполненіи христіанскаго долга исповѣди и святаго причастія“; „историческія свѣдѣнія о происхожденіи и составѣ постной тріоди“ (№ 11).— Въ „Вѣстникъ западной россіи, 1-й книжкѣ: любопытные „документы, относящіеся а) къ исторіи православія въ западной россіи, б) къ исторіи виленскихъ православныхъ церквей“. Въ мартов. кн. „Душеполезнаго чтенія“: „о безпорядкахъ на крестьянскомъ волостномъ судѣ (домашняя беседа священника съ прихожанами)“.— Въ мартов. кн. журнала мѣнѣист. нар. просвѣщенія: „два открытія въ неаполитанской области по Христіанской живописи“—

В. Виноградскаго.—Въ апрѣл. кн. „вѣстника европы“: „дѣло Новикова и его товарищей“ (по новымъ документамъ). 1—У. А. Н. Попова.—Во 2-й кн. „педагогическаго сборника“: „матеріалы по вопросу объ исправительныхъ мѣрахъ“, В. П. Коховскаго; „о преподаваніи русскаго языка и словесности“ г. В. Вульфа и „Еще о чтеніи библіи въ военныхъ гимназіяхъ“ свящ. П. А. Лебедева. Последнюю статью можно назвать образцомъ разумной и спокойной антикритики (1).

Изъ епархіальныхъ вѣдомостей обращаютъ на себя вниманіе своими статьями, замѣтками и распоряженіями мѣстнаго епархіальнаго начальства: 1) *Самарскія*, въ которыхъ, въ послѣднихъ нумерахъ, помѣщены интересныя свѣдѣнія о воскресныхъ школахъ и отчеты благочинныхъ (№№ 4 и 7). Редакція этихъ вѣдомостей ввела особый отдѣлъ подъ заглавіемъ: „извѣстія по общецерковному управленію“, гдѣ печатается все, что ост-

(1) Эта антикритика написана по поводу критической статьи о Иванцова-Платонова, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ „Педагогическаго Сборника“ за 1867 г. — О. Иванцовъ-Платоновъ въ своей статьѣ возсталъ на о. Лебедева за то, что послѣдній (въ своей первой статьѣ, помѣщенной въ августовской книжкѣ „Педагогич. Сборн.“) доказывалъ „необходимость чтенія библіи въ военныхъ гимназіяхъ на *русскомъ*, а не на славянскомъ языкѣ“. Повидимому, странно было бы и возражать противъ этой истины. Нѣтъ, о. И. Платонову *кажется*, что—воспользуемся словами о. Лебедева—„чтеніе библіи съ воспитанниками на родномъ для нихъ русскомъ языкѣ, въ переводѣ, изданномъ *православною русскою церковію*, угрожаетъ слѣдующими послѣдствіями: 1) „непониманіемъ церковно-славянскаго языка нашего Богослуженія; 2) охлажденіемъ къ общественному Богослуженію, совершаемому въ храмѣ; 3) ослабленіемъ, или даже расторгненіемъ союза съ православною церковію и образованіемъ сектантовъ, протестантовъ...“ (См. стр. 122 статья о. Лебедева и сравни стр. 1008 ст. о. И. Платонова). — Нельзя не удивляться и не пожалѣть, что подобнаго рода опасенія могутъ приходять въ голову и такимъ умнымъ и просвѣщеннымъ людямъ, какъ о. А. И. Платоновъ, законоучитель московскаго Александровскаго военнаго училища.

бенно—замѣчательнаго въ церк. отнош. происходить въ другихъ епархіяхъ. 2) Подобный отдѣлъ есть въ вѣдомостяхъ *Харьковскихъ* и *Владимірскихъ* (съ 7-го №), и ведется очень удовлетворительно и, конечно, съ болѣею пользою для духовенства. 3) Въ *саратовскихъ* и *подольскихъ* епрх. вѣд. обращаетъ на себя особенное вниманіе отдѣлъ оффиціальнѣй, въ которомъ печатаются распоряженія епарх. начальства. Впрочемъ, не лишешъ интереса и отд. неоффиціальнѣй, въ которомъ, въ саратов. еп. вѣд., кромѣ статей о расколѣ печатались интересныя свѣдѣнія „о братствѣ св. креста въ Саратовѣ (№ 7), а въ *подольскихъ* „о братствахъ въ подольской еп.“ (№ 4). 4) Въ *смоленскихъ* еп. вѣд., въ текущемъ году стали помѣщаться проповѣди извѣстнаго нашего богослова, *преосв. Іоанна* смоленскаго. Не можемъ не указать здѣсь въ особенности на рѣчь, сказанную въ прошломъ году въ смоленскомъ училищѣ дѣвицъ духовн. званія. „Въ такомъ, необыкновенно скромномъ и даже скудномъ во всей обстановкѣ, заведеніи, каково здѣшнее,—такъ начинается свою рѣчь, преосв. Іоаннъ,—не за чѣмъ брать широкіе и великіе предметы для слова.—Пойдемъ за словомъ туда, откуда пришли и куда возвратятся отсюда эти воспитанницы: тамъ,—въ *темныхъ* и *тьсныхъ* *избахъ*, гдѣ виды людей не простираются далѣе насущнаго хлѣба, гдѣ наилучшее наслажденіе имъ доставляетъ видѣ покрытаго хорошо уродившимся хлѣбомъ поля, гдѣ и пастырь духовный, какъ и овцы его, питается отъ земли и отъ тѣхъ мелкихъ долей, какія изъ своихъ трудовыхъ копѣекъ удѣляютъ ему пасомые,—тамъ найдемъ, что думать и сказать относительно училищъ, подобныхъ здѣшнему“.

„Посмотрите на священно-служителя, получившаго достаточное научное образование, когда, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, едва сошедши съ школьной скамьи, онъ поставленъ судьбою въ деревенской глуши, въ средѣ нисколько не развитыхъ поселянъ ...;—чего ему недостаетъ, когда при такой обстановкѣ жизни, онъ скоро впадаетъ въ тоску и уныніе и готовъ, для разсѣянiя ихъ, искать средствъ непозволительныхъ? Ему, конечно, недостаетъ способовъ къ умственному возвышенію духа надъ грустною обстановкою жизни,—недостаетъ силъ для постоянного поддержанiя мысли и чувства на духовной высотѣ сана близъ Бога; но, прежде всего, въ такой обстановкѣ, недостаетъ ему сколько-нибудь развитой умственно и нравственно подруги жизни, подруги, которая не однимъ внѣшнимъ сожитіемъ, а и умомъ, и сердцемъ дѣлила бы тяготу его жизни...и, раздѣляя съ нимъ радость и горе..., не давала бы ему чувствовать своего одиночества и въ собственномъ домѣ, и въ средѣ, его окружающей“. Затѣмъ, авторъ рѣчи, съ самой природы рисуетъ убогую домашнюю обстановку и, вообще, скудное домашнее положеніе сельскаго священника, приходитъ къ тому заключенію, что семейству сельскаго священника опять „недостаетъ серьезно обученной и благонастроенной матери, которая занялась бы и съ умѣла бы управлять домашнимъ воспитаніемъ дѣтей, и материнскимъ попеченіемъ и вліяніемъ довершила бы то, чего не можетъ тутъ сдѣлать одинъ отецъ“. Далѣе, входя въ бѣдное положеніе священнослужительскихъ вдовъ и сиротъ, преосв. Іоаннъ говоритъ, что „всѣмъ этимъ несчастнымъ, снова, недостаетъ предварительнаго воспитанiя и какого-нибудь образованiя, которое научило бы ихъ хоть трудить-

ся и, трудами собственных рукъ, а не чужихъ, приоб-
рѣтатъ себѣ пропитаніе, — научило бы хоть понимать
пользу труда и надобность какихъ-нибудь собственныхъ
соображеній къ чему-нибудь лучшему въ своемъ быту.
Увы! У насъ и этого нѣтъ...“ Потомъ, въ рѣчи выска-
зывается та мысль, что, при хорошемъ священникѣ,
образованная жена могла бы быть для прихода *исти-*
ною діаконой, и, за тѣмъ, самымъ нагляднымъ об-
разомъ, доказывается неприложимость свѣтскаго обра-
зованія къ сельской жизни нашихъ духовныхъ дѣвицъ,
какъ будущихъ женъ священно-служителей. Въ заклю-
ченіе, дѣлается слѣд. пастырское обращеніе къ воспи-
танницамъ: „Не забывайте жизни ни на минуту; она
впоследствии задасть вамъ строгое испытаніе въ пло-
дахъ здѣшняго образованія; приготовляйтесь къ этому
испытанію всѣмъ, что имѣете здѣсь подъ руками, и тѣ
малыя сѣмена, которыя здѣсь получаете, согрѣвайте въ
своемъ сердцѣ, чтобы онѣ въ теплотѣ его процвѣли
и, въ свое время, перенесенныя на почву, на которой
вы будете поставлены судьбою, дали жизненный плодъ.
Я говорю: въ сердцѣ, потому что умъ всегда слишкомъ
многого требуетъ, чего вы здѣсь не найдете; но за то
сила теплаго, нравственно развитаго сердца часто бы-
ваетъ крѣпче и дѣйственнѣе самаго развитаго ума“
(№ 3). Желательно, чтобы эта рѣчь, какъ *образцовая*
въ своемъ родѣ, была перепечатана во всѣхъ епрхіальн.
вѣд-хъ. Въ томъ же 3 № смол. вѣд. помѣщена статья
г. А. Смирнова: „Взглядъ на дѣятельность духовенства
Смоленской епархіи по поводу преобразованія духовно-
учебныхъ заведеній“. Авторъ доказываетъ, что, во имя
интересовъ епархіи, необходимо открыть при смоленской
семинаріи параллельные классы. Статья эта имѣетъ

свое значеніе уже по одному тому, что можетъ вызвать въ мѣстномъ духовенствѣ разные толки и заявленія разныхъ его мнѣній касательно этого предмета. 5) Въ *вологодскихъ* вѣдомостяхъ съ большимъ умѣньемъ ведется неофициальный отдѣлъ, въ которомъ помѣщаются статьи, имѣющія большой мѣстный интересъ (въ родѣ, напр. историч. свѣдѣній объ іерархахъ древне—пермской и вологодской еп., или—исторіи г. Вологды); 6) Въ *Полтавскихъ* епар. вѣд. № 5, въ офиц. отд. помѣщены очень любопытныя свѣдѣнія о дѣятельности приходскихъ попечительствъ, объ открытіи и матеріальномъ обеспеченіи школъ, а также и объ обеспеченіи мѣстнаго духовенства. Въ неоф. отд.: продолженіе статьи: „митрополиты кіевскіе и всея руси“, и „Замѣтки свящ. *Мазанова* о необходимости правильнаго распредѣленія приходоу въ г. Полтавѣ“.

Недавно въ нашей богословской литературѣ появилось сочиненіе знаменитаго нашего богослова и философа, покойнаго профессора московской дух. академіи, Федора Александровича *Голубинскаго*. Это — его *лекціи по умозрительному богословію* (Москва. 1868 г.), составленныя съ его словъ студентомъ XIV курса той же акад. *Владиміромъ Назаревскимъ*. Сочиненію предшествуетъ введеніе, въ которомъ излагается исторія науки умозрительнаго богословія, понятіе о немъ, источникахъ и предметъ его. Содержаніе самаго сочиненія составляетъ философически-богословское изслѣдованіе слѣдующихъ предметовъ: 1) бытія Божія, 2) божественныхъ совершенствъ и 3) дѣйствій Божіихъ, или проявленія божественныхъ совершенствъ въ мірѣ видимомъ и невидимомъ. Мы не намѣрены брать на себя труда—дѣлать *подробный* критическій разборъ этого сочиненія.

Скажемъ коротко: за достоинство его весьма краснорѣчиво говорить уже самый авторитетъ автора. И кто читалъ книгу „о конечныхъ причинахъ“, въ которой богословіе, философія и краснорѣчіе идутъ, такъ сказать, рука объ руку, тотъ знаетъ, какъ великъ талантъ о. Голубинскаго, на сколько крѣпокъ его умъ, обширна его ученость и какъ твердо было его православно-христіанское настроеніе. И во вновь изданныхъ лекціяхъ о. прот. Голубинскаго совмѣщено все, что только, въ его время, касательно изслѣдуемыхъ имъ предметовъ, выработано было въ западной (даже схоластической) богословской и философской литературѣ ('). Нельзя съ радостію не привѣтствовать появленіе въ свѣтъ этихъ замѣчательныхъ лекцій и не отдать должной справедливости какъ составителю, такъ и издателямъ ихъ. Онѣ изданы „московскимъ обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія“. Общество это, кромѣ того, издало, въ прошлый годъ, *Записки на книгу бытія* (нов. изд.) — преосв. митр. Филарета и, въ самый первый (1865) годъ своего основанія, — „Сборникъ разныхъ статей, съ

(') Лекціи о. прот. Голубинскаго, конечно, имѣли бы еще больше литературнаго достоинства, еслибы онѣ вышли непосредственно изъ-подъ пера самаго автора ихъ. Но хорошо и то, что онѣ, благодаря ревностному слушателю о. Голубинскаго не пропали даромъ — въ невѣстности для публики, подобно тому, какъ и до сихъ поръ пропадаютъ богословскія лекціи преосв. Инокентія Херсонскаго, которыя намъ, на дняхъ, приходилось видѣть въ рукописи. — Равнымъ образомъ, мы слышали отъ достовѣрныхъ людей, что тоже хранятся въ студенческихъ запискахъ очень дѣльныя лекціи по богословію слѣдующихъ лицъ: магистровъ *перваго* курса свб. дух. академіи: 1) преосв. митр. *Григорія*, часть которыхъ напечатана въ „Христ. Читаніи“: а) „Ученіе о Богѣ-поколикѣ Онъ есть единъ“ (1822 г. VI, 64) и б) „Ученіе о Богѣ-Отцѣ, Сынѣ Божіемъ и Св. Духѣ, или о Св. Троицѣ“ (1822 г. VI, 166, 176, 183 и 213); 2) архим. *Полликарпа* (Гойтанинкова), бывшаго ректора московской дух. акад. и доктора богословія; и 3) архим. *Евстиѣана* (Лестева), бывшаго ректора воронежской и вологодской семинарій.

заглавіемъ: „Чтенія въ московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“. На эту книгу наша дух. литература, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ, не обратила вниманія и не сдѣлала о ней ни одного критическаго отзыва. Между тѣмъ, въ „Сборникѣ“ помѣщены слѣдующія замѣчательныя статьи: 1) отвѣты на нѣсколько возраженій противъ православной церкви (покойнаго митрополита Филарета), 2) нѣчто о древнемъ образѣ крестнаго знаменія; 3) преподобный Діонисій, архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря (свещ. С. Поспѣлова); 4) способъ находить въ данномъ году день св. Христовой пасхи у христіанъ, какъ православныхъ, такъ и западныхъ (прот. П. С. Делицина); 5) *объ изданіяхъ для народа* (св. В. Рождественскаго). Въ послѣдней статьѣ сдѣланъ перечень ⁽¹⁾ и весьма дѣльный критическій разборъ разныхъ книгъ и брошюръ, рекомендуемыхъ для обученія и просвѣщенія народа. Кромѣ этого, въ приложеніи къ „сборнику“ помѣщены: 6) житіе препод. Іосифа Волоколамскаго, составленное Саввою, епископомъ Крутицкимъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями (К. Невоструева). 7) житіе Іосифа Волоколамскаго, составленное неизвѣстными. Съ предисл. и примѣч. (его же), и 8) надгробное слово преподобному Іосифу, игумену Волоколамскому, — ученика и сродника его, инока Досіея Топоркова. Съ предислов. и примѣч. (его же).

II.

Въ жизни каждаго человѣка бываютъ дни, которые онъ, по ихъ знаменательности для него въ какомъ бы

(1) Перечень этотъ можно бы, съ пользою для нѣкоторыхъ читателей, перепечатать здѣсь. Къ сожалѣнію, не позволяеть мѣсто.

то ни было отношеніи, старается выдѣлять предъ другими днями своей жизни и, въ своемъ провозженіи ихъ, большею частію, высказываетъ самыя характерныя особенности своей личности. Подобныя дни бываютъ въ жизни цѣлыхъ обществъ и народовъ. Жизнь гражданская и жизнь церковная имѣетъ свои особенныя воспоминанія и празднества, въ которыя она какъ бы выступаетъ изъ своей обыкновенной, обыденной колеи и принимаетъ совершенно иной колоритъ, рельефно отбѣняющій въ себѣ особенности какъ народнаго сознанія, такъ и цѣлаго строя всей, вообще, народной жизни. Въ области жизни церковной къ такимъ многознаменательнымъ днямъ принадлежатъ всѣ тѣ дни, въ которые св. церковь празднуетъ особенно-важныя для нея священныя воспоминанія, или въ которые она побуждаетъ своихъ чадъ, — болѣе, чѣмъ когда-нибудь, — подумать о ихъ высокомъ христіанскомъ призваніи. Между послѣдними днями, для православныхъ христіанъ, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаютъ, недавно минувшіе нынѣ дни *великаго поста, страстной седмицы и пасхи*. Никогда и ни въ чемъ, по нашему мнѣнію, церковно-религіозное сознаніе православнаго русскаго народа не высказывается *такъ полно* и такъ *характерно*, какъ именно въ это время, — въ провозженіи этихъ важныхъ и священныхъ для него дней. Какія же особенно характерныя черты церковно-религіозной жизни нашего народа высказываются въ эти дни? Много ли отраднаго представляетъ эта жизнь, и не вызываетъ ли она какихъ-нибудь особенныхъ думъ, серьезныхъ мыслей и истинно-христіанскихъ желаній?

Едва ли можно указать на какое-нибудь другое время церковнаго года, которое бы такъ отрезвляло умъ,

просвѣтляло чувства и упорядочивало стремленія воли въ православномъ русскомъ христіанинѣ, какъ именно-великій постъ. Начнемъ съ самаго перваго дня первой его седмицы. Этотъ день можно назвать, въ извѣстномъ смыслѣ, днемъ нравственнаго кризиса въ жизни нашего простаго народа. На канунъ этого дня, въ послѣдній день масленицы, толпы народа позволяютъ себѣ самыя шумныя увеселенія и удовольствія, часто нетолько противныя христіанской нравственности, но и выходящія изъ предѣловъ самаго простаго приличія. Съ первою же утреннею зарею, такъ называемаго, *чистаю* понедѣльника, жизнь нашего народа какъ-бы перераждается; улицы пустѣютъ; мѣста, недагѣе—какъ только на канунъ, служившія притономъ для разгульной толпы, становятся пустынными; въ семействахъ водворяется миръ и тишина. Съ первымъ ударомъ унылаго церковнаго колокола, изъ груди православнаго русскаго христіанина, какъ будто по какому-то инстинкту, вылетаетъ глубокий благочестивый вздохъ, сопровождаемый благоговѣннымъ крестнымъ знаменіемъ. Старики и, преимущественно, старухи спѣшаютъ въ церковь,—помолиться Богу и послушать, въ вечернѣ, чтенія умилительнаго великаго канона и пѣнія: „помилуй мя, Боже, помилуй мя“. Тѣ и другія считаютъ своею священною обязанностію непременно поговѣть въ эту первую недѣлю. Затѣмъ, хозяинъ и глава дома распредѣляетъ: въ какую недѣлю поста каждый членъ его семейства долженъ поговѣть, такъ чтобъ его семейству можно было исполнить свой христіанскій долгъ безъ ущерба дѣламъ домашняго хозяйства. Отрадно бываетъ смотрѣть на эту, такъ сказать, великопостную картину жизни нашего народа: много свѣтлыхъ сторонъ она представ-

лветъ въ себѣ. Постъ, въ смыслъ строгаго воздержанія отъ запрещенной церковію пищи *известнаго* рода, соблюдается большинствомъ во всей его неприкосновенной святости. Нарушеніе его считается смертнымъ грѣкомъ. Многіе, такъ называемые, *отъятые* пьяницы, на время поста, расстаются съ своею страстію. Равно и другія дурныя наклонности и страсти нашего народа, на это священное для него время, какъ бы скрадываются и затихаютъ. Даже дѣти бросаютъ свои обыкновенныя игры и самыя невинныя забавы. Такимъ образомъ проходятъ шесть недѣль великаго поста.

Наступаетъ *страстная седмица*. Церковно-религіозное сознаніе правосл. русскаго народа становится еще живѣе и сильнѣе. Число богомольцевъ увеличивается съ каждымъ днемъ. Къ великому четвергу церкви бывають переполнены народомъ. При чтеніи евангельскихъ страстей, часто гаснутъ свѣчи отъ духоты, вслѣдствіе множества молящихся въ храмѣ. Къ выносу св. плащаницы, спѣшать въ церковь всѣ, кромѣ крайне старыхъ и малыхъ. Съ чувствомъ благоговѣнія, толпы народа прикладываются къ плащаницѣ и, по усердію, одни жертвуютъ въ церковь деньги, другіе ставятъ свѣчи предъ св. плащаницею. Въ великую пятницу мирныя сельскія жилища превращаются какъ бы въ самыя строгіе монастыри. Въ нихъ, почти всѣми, отъ мала до велика, соблюдается самый строгій постъ. Въ великую субботу народная жизнь начинаетъ сбрасывать съ себя покровъ того аскетизма, которымъ она была облечена въ продолженіе всего поста. Тревожныя приготовления къ свѣтлому празднику „Воскресенія Христова“ дѣлають жизнь нѣсколько разнообразнѣе. Въ самой домашней обстановкѣ народа какъ бы отражается отрадный восходъ

великаго и торжественнаго праздника. Вотъ и сумерки. Вотъ слышится и благовѣсть большаго колокола, возвѣщающій о наступленіи времени чтенія „дѣяній апостольскихъ“.—Въ народѣ начинается оживленіе и движеніе. Въ городахъ толпы народа ходятъ изъ одной церкви въ другую, затѣмъ—чтобъ въ каждой изъ нихъ приложиться къ плащаницѣ. Въ селахъ же одни идутъ въ церковь—на ночное бдѣніе, другіе остаются дома и, съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ, ждутъ перваго удара колокола, призывающаго всѣхъ къ пасхальному торжеству.

Наконецъ, — ровно 12 часовъ ночи. При первомъ ударѣ церковнаго колокола, благовѣнный трепеть обнимаетъ душу православнаго христіанина. Въ этотъ моментъ какая-то таинственная и чудодѣйственная сила, глубоко западши въ его душу, радуется и восторгается его. Лишь только онъ въ первый разъ услышитъ въ церкви слова: „Христосъ воскресъ“, радость—какъ огонь, съ быстротою электрической искры, пролетаетъ по всей его душѣ, оживляетъ все его существо. И эта радость бываетъ всеобщая. Торжествуютъ: и богатый и бѣдный, и сынъ счастья и убитый горемъ, и хилый старецъ и, едва умѣющее лепетать, дитя. Эту радость усиливаютъ и возвышаютъ: самое пасхальное богослуженіе и торжественная обстановка въ храмѣ, какъ то: яркій свѣтъ отъ множества зажженныхъ свѣчъ и лампадъ, благоуханіе, благолѣпное украшеніе храма, блескъ свѣтлыхъ священныхъ одеждъ, торжественное пѣніе и т. п. Въ концѣ утрени, картина становится еще величественнѣе и отраднѣе. Между христіанами, предстоящими въ церкви, начинается взаимное поздравленіе съ праздникомъ и лобызаніе съ обычнымъ пасхальнымъ

привѣтствіемъ „Христосъ воскресъ“ и „вѣстину воскресъ“. Въ эту минуту всѣ объединяются и примиряются другъ съ другомъ, во имя Воскресшаго Христа — *Примирителя*, — всѣ чувствуютъ себя братьями во Христѣ. Смотри на эту картину, незольно переносишься мыслию въ первые вѣка христіанства и, въ лицѣ предстоящихъ предъ тобою христіанъ, видишь какъ бы воскресеніе самой первой церкви апостольской.

Религіозныя возбужденія русскаго народа не ограничиваются однимъ только первымъ днемъ пасхи, но продолжаются во всю свѣтлую седмицу, и, можно сказать, не затихаютъ даже до самой пятидесятницы. Въ селахъ и деревняхъ приходское духовенство, какъ извѣстно, въ силу утвердившагося въ правосл. Руси христіанскаго обычая, посѣщаетъ дома своихъ (и даже, по желанію, чужихъ) прихожанъ со св. иконами ⁽¹⁾ и служить молебны. Народъ принимаетъ духовенство съ полнымъ уваженіемъ и св. иконы съ искреннимъ благоговѣніемъ. На встрѣчу св. иконамъ изъ деревни выходятъ цѣлыя сотни народа всякаго возраста, иванія и пола. День присутствія въ извѣстной деревнѣ духовенства со св. иконами считается днемъ великаго мѣстнаго торжества. Во все время слышится въ народѣ не умолкаемое пѣніе „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ“. Пѣніе не умолкаетъ даже и ночью ⁽²⁾. По окончаніи

(1) Число св. иконъ, въ нѣкоторыхъ двухкомплектныхъ причтахъ, простирается до 20 и болѣе. Для носенія ихъ по приходу, отъсчитываются особые лица — изъ прихожанъ, которые, — что особенно замѣчательно, — за право носенія св. иконъ, дѣлаютъ извѣстный взносъ денегъ въ церковь и въ иныхъ мѣстахъ называются *подкрестниками*, въ другихъ — *волочбниками*.

(2) На ночь, деревенскій народъ, обыкновенно, собирается въ этомъ случаѣ въ тотъ домъ, гдѣ находятся св. иконы, и тамъ (большую частью на дворѣ) попережънно держатъ на рукахъ св. иконы, предъ во-

молебновъ во всей деревнѣ, духовенство, со св. иконами, идетъ въ поле—на озимую рожь, и тамъ, въ присутствіи *непрерывно* *всѣхъ* хозяевъ деревни, совершаетъ молебенъ празднику и водоосвященіе. Послѣ этого священникъ проходитъ со св. водою чрезъ всѣ засѣяныя нивы и кропитъ ихъ. Затѣмъ, св. иконы, въ отсутствіе духовенства, обносятся вокругъ всего поля и, потомъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ жителей этой деревни, переносятся въ слѣдующую деревню, при громкомъ пѣніи „Христосъ воскресъ“. Причемъ, эта пасхальная пѣснь поется поочередно мужчинами и женщинами, и въ пѣніи тѣхъ и другихъ слышатся особые напѣвы и мотивы.

Стоитъ упомянуть также и о томъ торжествѣ, каинтъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сопровождается возвращеніе въ церковь св. иконъ, носимыхъ по приходу. По окончаніи молебствій во всемъ приходѣ, духовенство старается возвратиться домой раньше, чѣмъ принесутся св. иконы обратно въ церковь. — На встрѣчу послѣднимъ выходитъ множество сельскихъ жителей и соединяется съ тою толпою, которая сопровождаетъ св. иконы изъ ближайшихъ деревень. Общее пѣніе „Христосъ воскресъ“ сливается въ одинъ радостный гулъ; при приближеніи св. иконъ къ селу, начинается благовѣсть и потомъ трезвонъ; священно-церковнослужители выходятъ на встрѣчу св. иконамъ въ священномъ облаченіи, съ преднесеніемъ предъ ними хоругвей и зазженныхъ свѣчъ. Встрѣтившись со св. иконами, священно-церковнослужители начинаютъ пѣть сначала „Христосъ воскресъ“ со стихами: „да воскреснетъ Богъ, — Яко исчезаетъ дымъ“

торыми, во всю ночь, горать свѣчи. Народъ поетъ при этомъ „Христосъ воскресъ“.

и т. п., какъ это бываетъ въ началѣ пасхальной утрани, потомъ поется пасхальный канонъ, и вся священная процессія направляется въ церковь, гдѣ совершается пасхальный молебенъ съ акаенствомъ Іисусу.

Замѣчательно, что во многихъ деревняхъ и селахъ крестьяне, отъ пасхи до пятидесятницы, не позволяютъ себѣ пѣть *народныя пѣсни*, и въ праздники, собравшись на улицѣ, обыкновенно, поютъ только „Христосъ воскресъ“. Какъ во всѣхъ этихъ обычаяхъ прекрасно высказывается та набожность русскаго народа, которая составляетъ, такъ сказать, его плоть и кровь!

Но на-ряду съ этими отрадными явленіями церковно-народной жизни, къ прискорбію, стоятъ другія, идущія въ совершенный разрѣвъ съ первыми. Кому неизвѣстно, что для русскаго человѣка ничего не значить, на-примѣръ, въ одинъ и тотъ же день и исповѣдаться, и причаститься, и, потомъ, только что пришедши изъ церкви, поссориться не съ однимъ, а съ нѣсколькими лицами. Намъ, родившимся и проведшимъ первыя лѣта своей жизни въ деревнѣ, часто приходилось встрѣчаться, такъ сказать, лицомъ къ лицу, съ цѣлыми сотнями подобнаго рода грустныхъ фактовъ.—Мы знали, на-примѣръ, одного мужа, который почти каждый день билъ свою жену,—не то, чтобъ-за дѣло, или по нерасположенности къ ней, а просто—такъ-себѣ, во имя своеобразно понимаемыхъ имъ правъ мужа. — Этой любезности въ отношеніи къ своей женѣ онъ не преминулъ оказать и въ Свѣтлое Христово воскресеніе, спустя нѣсколько минутъ послѣ того, какъ только поздравилъ ее съ праздникомъ и лобызалъ съ обычнымъ привѣтомъ.—И сколько подобныхъ грустныхъ фактовъ представляетъ современная жизнь нашего народа! Вотъ на-примѣръ, предъ вами

русскій купецъ: онъ считаетъ священнымъ своимъ долгомъ побыть, предъ каждымъ праздникомъ, у всеобщей, — дома зажечь предъ иконами нѣсколько лампадъ на всю ночь и на весь слѣдующій праздничный день; считаетъ смертнымъ грѣхомъ проспать раннюю обѣдню и не поставить большой свѣчи предъ праздничною иконою или поѣсть до обѣдни;—но въ тотъ же самый день, пришедши въ свой магазинъ или лавку, считаетъ непременнымъ и почти такимъ же священнымъ своимъ долгомъ—*обмануть первую покупателя*. Намъ, бродившимъ, въ пору своего дѣтства, вмѣстѣ съ приходскимъ духовенствомъ, по деревнямъ, за сборомъ копѣекъ и грошей, часто приходилось быть очевидцами самыхъ печальныхъ сценъ. Крестьянинъ одною рукою молится Богу, а другою съ гнѣвомъ щиплетъ за волосы багующееся около него дитя—несмысли. — Или: сейчасъ предъ вами двое христіански-обнимались и христосовались; а чрезъ полчаса, вы видите, что эти двое уже подрались и потащились въ судъ. А вотъ и еще.....—Впрочемъ, достаточно и этихъ фактовъ для того, чтобъ убѣдиться, какъ еще мало религиозная жизнь нашего народа проникнута духомъ христіанства.

Всѣ вопіющія противорѣчія въ церковно-нравственной жизни нашего народа зависятъ исключительно отъ непониманія или того, во что онъ веруетъ и зачѣмъ веруетъ. Нашъ народъ привязанъ исключительно къ церковной обрядности и любитъ ее до того, что въ ней—и только въ ней одной—часто видитъ и полагаетъ всю сущность христіанства. Причина самая простая: предписанія обрядности и внѣшней церковности исполнять гораздо легче, чѣмъ усвоить внутренний духъ религіи и исполнять возвышенные нравственные требованія,—

особенно для людей съ лѣнливою мыслию и нравственно-неразвитыхъ. Въ силу этого, христіанская религія и христіанская церковь, со всѣми ихъ установленіями и нравственными требованіями, являются для него чѣмъ-то *совершенно-внѣшнимъ*, съ чѣмъ онъ обращается, какъ лице стороннее, съ чѣмъ онъ не имѣетъ рѣшительно никакой *внутренней и личной* связи. Всѣ свои церковно-обрядовыя дѣйствія онъ цѣнитъ не по тому *внутреннему настроенію* духа и сердца, съ которымъ онъ совершаетъ ихъ, не по той *нравственной цѣли*, къ которой должна быть направлена его дѣятельность, а просто— по одной лишь *внѣшней* ихъ формѣ и для этой формы. Отсюда вѣра и церковь не оказываетъ постояннаго благотворнаго и живительнаго своего дѣйствія какъ на сознаніе, такъ и на жизнь нашего народа. Отсюда въ религіозномъ сознаніи его какой то хаосъ и какое-то броженіе неустоявшихся религіозныхъ понятій, а самая религіозно-нравственная жизнь его представляетъ въ себѣ какую-то жалкую смѣсь *полуязычества, полудеизма и полухристіанства*. Церковь, положимъ, предписываетъ ему, опредѣленное время, поститься. И онъ, дѣйствительно, постится—въ томъ смыслѣ, что не вкушаетъ, въ это время, скоромной пищи; но въ ту же пору не считаетъ грѣхомъ *просмачтаться* постною пищею и вполне увѣренъ, что онъ соблюдаетъ постъ и дѣлаетъ доброе дѣло. Ему внушаютъ ходить въ церковь, — и онъ идетъ въ нее, стоитъ, крестится и кланяется, но въ ту же пору, вовсе не понимаетъ, и не знаетъ, что въ эту минуту онъ долженъ находиться въ мирѣ и любви со всѣми и что молитва должна ставить его въ непосредственное личное отношеніе ко Христу Спасителю. Онъ считаетъ грѣхомъ работать въ праздникъ, но не

считаетъ грѣхомъ—позволять себѣ въ праздничный день нетрезвость, нескромность, праздность и т. п. Духа, характера и христіанскаго значенія праздничныхъ дней онъ вовсе не понимаетъ. Онъ не можетъ даже правильно и представить себѣ того, что значить, — послѣ шестидневной будничной работы, — въ седьмой день найти успокоеніе въ Богѣ.

Всѣ эти недостатки въ нашемъ народѣ могутъ быть искоренены только въ томъ случаѣ, когда его научатъ непрестанно обращаться отъ обрядности въ глубь собственного сердца, — когда христіанская религія сдѣлается доступною не для однихъ только его ушей и глазъ, а для его духа, — когда требованія евангельской истины будутъ усвоены имъ на столько, что станутъ какъ бы личными требованіями собственного его духа. Все зависитъ, въ этомъ случаѣ, отъ пастырей церкви. — А для того, чтобы имъ успѣшно дѣйствовать на своихъ пасомыхъ, нужно напередъ самимъ быть глубоко проникнутыми духомъ христіанства. — А это, въ свою очередь, даетъ намъ поводъ замѣтить, — какая высокая и трудная задача предстоить нашимъ духовно-учебнымъ заведеніямъ? — Сколько добра, но сколько и зла они могутъ принести православію, смотря потому какъ онѣ воспитываютъ будущихъ пастырей? — А между тѣмъ, священникъ, поступившій на приходъ сколько съ пониманіемъ духа христіанства, столько же и съ истинною любовію къ своему призванію и долгу, не можетъ не имѣть успѣха въ своей пастырской дѣятельности. Почва сердца русскаго народа слишкомъ богата и способна къ тому, чтобы воспринять и достойно возрастить съ себѣ сѣмена истинно-христіанскаго, а не вишняго только благочестія. — За это ручается уже самая любовь его къ церкви и

ая обрядая, которыми онъ бынеть предать отъ всей души. Эта преданность къ отцовскимъ вѣрованіямъ доходитъ у него до того, что онъ за одно сугубое аллилуіа готовъ идти на смерть, за одно двуперстное знаменіе, — съ оцовойнымъ и твердымъ духомъ, съ полнымъ сознаніемъ правоты своихъ религіозныхъ убѣжденій, рѣшается на самоожигательство. Нельзя строго винять его въ этомъ. Онъ такъ воспитанъ; ему внушены такія религіозныя понятія. — Уясните ему сущность религіи, приблизьте ее къ его пониманію, еродните ее съ его жизнью, — и тогда увидите, что можетъ выйти изъ русскаго православнаго народа. — Сколько бы, по истинѣ, *саммественной* религіозно-нравственной силы сказалось въ немъ если бы только его внешней набожности, — которую сама исторія и даже сознаніе всѣхъ образованныхъ народовъ присвоили ему, какъ неотъемлемую его собственность, — если бы этой набожности отвѣчало его внутреннее дѣйствительно христіанское настроеніе?

Въ настоящую пору, дѣятельность нѣкоторыхъ архипастырей направлена къ улучшенію религіозно-нравственнаго состоянія, прежде всего, самого духовенства. Въ этомъ отношеніи, обращаютъ на себя вниманіе распоряженія 1) *саратовскаго* епархіальнаго начальства. Пресвященныи *Іоаннмій саратовскій*, при обзорѣи епархіи, замѣтилъ, что „очень многіе причетники крайне слабо знаютъ предметы, отвѣщающіе на ихъ должности. О догматахъ христіанской вѣры, даже самыхъ главныхъ и существенныхъ, большая часть не имѣетъ никакого понятія; священную исторію очень многіе знаютъ такъ слабо, что не могутъ разсказать исторію крестоваго преддѣла, хотя бы онъ принадлежалъ къ числу дванадцатыхъ; съ уставомъ церковнымъ также

важно знакомы, такъ что и воскресную службу отправляютъ не безъ ошибокъ; поютъ нестройно, а нерѣдко и неправильно, въ особенности при перемѣнѣ гласовъ, а нѣкоторые и читаютъ по славянски плохо, вѣроятно безъ всякаго пониманія, но иногда не разбирая словъ, и—что особенно странно,—такъ дурно читаютъ не только по оному или иному, но даже и по псалтыри, которую, казалось бы, можно знать почти наизусть⁴, и т. д. Въздвигнута въ сарат. Иоаннiи считалась нужнымъ отырыть при крестовой церкви школу, въ которой могли бы готовиться къ причетнической должности желающіе занять причетническія мѣста. За преподаваніе въ школу не полагается никакой платы, но содержаться поступающіе въ нее должны на свой счетъ. Преподавателями будутъ: старшая братія крестовой церкви и регентъ. Объ этомъ распоряженіи предложено епарх. начальствомъ консисторіи объявить саратовскому духовенству и предъавать его тѣмъ, которые будутъ являться въ консисторію за справками о праздныхъ причетническихъ мѣстахъ (сарат. вѣд. № 7). Не прискорбно ли, что можно пробывать цѣлые года въ лавкахъ духовныхъ училищъ, и не только не получивъ никакого понятія о самыхъ главныхъ и существенныхъ догматахъ вѣры, но даже не научиться хорошо читать псалтыри? Не должны ли, послѣ этого нападъ училища сморгать на дѣло вводимого въ нихъ преобразования какъ можно серьезнѣе и заботиться, чтобы ученики переходили изъ одного класса въ другой не потому только, что имѣютъ удовлетворительные баллы по тѣмъ или другимъ предметамъ, а чтобы они действительно знали все то, что имъ преподается въ училищѣ.

2) *Подольское* епарх. начальство сдѣлало распоряженіе, „чтобы священно-церковнослужители, въ случаѣ „возникающихъ между ними споровъ и разныхъ претензій другъ къ другу, предварительно принесши „жалобъ епарх. начальству, заявили бы таковыя „жалобы мѣстнымъ благочиннымъ, которые, въ случаѣ „невозможности миролюбиво возончить тѣ жалобы, „обязаны представлять, съ своимъ отзывомъ епарх. „ному начальству. Въ противномъ случаѣ, всѣ жалобы „причтены, мимо благочиннаго подаваемыхъ епарх. на- „чальству, будутъ оставлены безъ послѣдствій (под. „ен. вѣд. № 3). Тому начальство, „принимая участіе „въ бѣдствіяхъ жителей“ сѣверныхъ губерній Имперіи, „страдающихъ отъ голода, предложило консисторіи— „пригласить духовенство подольской епархіи, какъ го- „родское, такъ и сельское, равно семинарское и учи- „лищныя управленія—къ пожертвованіямъ въ пользу „бѣдствующихъ. Съ своей стороны, преосв. подольскій „Леонидъ пожертвовалъ 25 р. (№ 4). Кстати, замѣтимъ, что теперь общая сумма пожертвованій простирается до милліона рублей“.

3) *Самарское* епарх. начальство обращаетъ все свое вниманіе на устройство приходскихъ школъ. Примѣрная забота его объ этомъ дѣлѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, не остается безъ благихъ послѣдствій.

Любовь къ грамотности и знанію, благодаря Богу, съ каждымъ днемъ пробуждается въ русскомъ народѣ. Духовенству стоитъ только не усыплять этикъ благородныхъ дорывовъ въ душѣ нашего простаго народа, а, всѣми мѣрами, поддерживать въ немъ жажду къ образованію и, по мѣрѣ возможности, удовлетворять ей. Знаемъ, что это стоитъ духовенству самыхъ тяжелыхъ

трудоу, самоотверженной борьбы съ разными нуждами и препятствіями: но оно, въ своемъ апостольскомъ призваніи—„учити“, должно быть выше всехъ обстоятельствъ. И действительно, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, на дѣло народнаго образованія, обращено, со стороны духовенства очень серьезное вниманіе. Кромѣ обыкновенныхъ приходскихъ школъ, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ заведены еще *воскреснія приходскія школы*. Объ нихъ мы упоминали въ своемъ мартовскомъ „обзрѣніи“. Не можемъ и теперь не сказать нѣсколько словъ объ этомъ отрядномъ явленіи. Предъ всеми другими епархіями, въ этомъ отношеніи, заслуживаетъ особеннаго вниманія и *подражанія самарская*, въ которой, въ одномъ только г. Самарѣ имѣется, *шесть воскресныхъ школъ*, именно:

- 1) *Петропавловская*, въ которой (12 ноября было) 12 дѣвочекъ и 25 мальчиковъ;
- 2) *Колосовская*, въ которой—отъ 20 до 30 учащихся;
- 3) *Успенская*, въ которой на первомъ урокъ было 24 ученика;
- 4) *Воскресенская*, которую постоянно посѣщали 20 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ;
- 3) *Троицкая*, въ которой постоянно уча-ся 16 мальчиковъ и 25 дѣвочекъ и
- 6) *воскресная школа при семинаріи*, открытая для мальчиковъ 30 окт. 1866 г. Съ 8-го же янв. 1867 г., при самар. семина. съ благословенія прасосв. *Герасима*, открыта *женская воскр. школа* въ особой классной комнатѣ. По распоряженію самар. пресвященнаго, для занятія съ приходскими дѣвочками въ воскр. школъ, назначены 6 воспитанницъ старшаго курса изъ тамошняго училища дѣвицъ духев. зв.—Въ началѣ открытія этой воскр. школы, было 18 мальчиковъ и 4 дѣвочки; потомъ число тѣхъ и другихъ возрастало все болѣе и болѣе. Самъ прасосв. Герасимъ, благословившій дн началъ занятіе въ

воскр. школѣ, не переставалъ посѣщать школу и въ другое время года и раздавалъ успѣшнымъ дѣтямъ св. иконы Кирилла и Мефодія и нѣсколько книгъ житія этихъ равноапостольныхъ просвѣтителей славянъ. Визманіе архипастыря произвело въ дѣтяхъ, при свойственной имъ любви къ подаркамъ, большой восторгъ (сам. еп. вѣд. № 4). Въ той же Самар. еп., въ г. Бузулукѣ, по распоряженію епархіальн. нач., отырыта, при Свято-троицкомъ соборѣ, воскресная школа не для дѣтей только, а и для взрослыхъ, и имѣеть единственную свою дѣлю—религіозно—нравственное образованіе прихожанъ. Занятія въ этой школѣ состоятъ въ слѣд. 1) священниками собора, поочередно, преподается ученіе церкви *историческое*, т. е. собираются общедоступные рассказы изъ повѣствовательныхъ книгъ ветхозавѣтныхъ, изъ дѣяній апостольскихъ, изъ жизнеописаній святыхъ и проч., 2) ученіе *догматическое*, о святой, правосл. вѣрѣ христіанской, а также объясняются общепотребительныя молитвы, нѣснопѣнія, обряды церковныя и 3) ученіе *нравственное* или уроки о томъ, какъ должны жить христіане, что должны дѣлать и чего не дѣлать; причемъ указывается на тѣ недостатки, которые замѣчаются между самими прихожанами и предлагаются убѣжденія—удалиться ихъ. Время занятія назначено между утренею и литургію, *неискусственно въ каждый воскресный день*. Открытіе этой школы встрѣчено и принято, со стороны гражданъ, съ полнымъ сочувствіемъ. Дружною толпою, отъ мала до велика, нѣмыми сотнями окружаютъ они своего пастыря, съ видимою любовію и удовольствіемъ внимая на досугъ простому, живому и назидательному слову Божию. „Безъ всякихъ особенныхъ убѣжденій, говорить

мѣстный свѣщ. Крыловъ, русскій человекъ сразу понялъ всю насущную пользу воскрес. школъ для себя и для своихъ дѣтей, и потому слышитъ въ нихъ, чтобы тамъ назидаться и умудряться во спасеніе свое (Сам. еп. вѣд. № 6). Отъ души желательнѣе, чтобы подобныхъ воскрес. школъ открывалось какъ можно больше. О громаднѣйшей пользѣ и значеніи ихъ для религіозно-нравственнаго воспитанія народа странно было бы и говорить здѣсь. Они слишкомъ очевидны для того, чтобы доказывать ихъ. Не лишнимъ только считаемъ рекомендовать тѣмъ изъ своихъ читателей, которые особенно заинтересованы этимъ дѣломъ, обратить вниманіе на весьма полезныя въ этомъ отношеніи статья г. Зайцева „о воскресныхъ школахъ во Франціи“, напечатанная въ Христ. Чт. за прошлый годъ. Теперь же не можемъ не сказать о той высокой нравственной пользѣ, какую приносятъ воскресныя благочестивыя собранія у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ колонистовъ въ южной Россіи, нѣвѣстныхъ подъ именемъ *штундистовъ* (1).

Свѣдѣнія о штундистахъ были помѣщены сначала въ „Одесскомъ вѣстникѣ“ и, потомъ, перепечатаны въ „Голосѣ“. Первая редакція этихъ свѣдѣній, перепечатанныхъ въ 71 № „Голоса“, оказалась невѣрною. Тамъ штундисты назывались сектантами и раскольниками. Мѣстный реформатскій пасторъ *Вонкимеръ*, въ своей статьѣ, напечатанной въ томъ же Одесскомъ вѣстникѣ и, потомъ, перепечатанной въ 86 № „Голоса“, опровергаетъ первыя свѣдѣнія о штундистахъ. Братство „штунде“, по словамъ пастора, началось не между рус-

(1) Такое названіе они получили отъ нѣмецкаго слова „Stunde“ (штунде), что значитъ: „часъ“, потому что члены братства „Штунде“ дѣлали свои собранія въ опредѣленные часы.

своими лицами, а—изъ Германіи и, по своему началу, восходить къ Шпенеру, (родившемуся около полов. XVII и умершему въ самомъ началѣ XVIII стол. (1)). Сколько можно судить по этой статьѣ пастора Бонекмера, братство „штундистовъ“ не составляетъ собою никакой религіозной секты, не заключаетъ въ себѣ ровно ничего догматическаго, эконолическаго и секретнаго, и по своему религіозно-практическому направленію близко подходитъ къ дулу и характеру пѣтизма Шпенера. Сущность его состоитъ въ одномъ только искреннемъ желаніи *установить личную, сознательную, живую и непрерывную связь съ Божественнымъ Искупителемъ рода человѣческаго*. Это—христиане обоаго пола, которые болѣе и болѣе проникаются христианскою жизнью. „Наши штундисты,—говоритъ пасторъ, всегда были „уосредѣннѣшими молящисками въ общемъ богослуженіи; „сверхъ того, они собираются на часы (Stunde) въ „приходскомъ домѣ, или чаще ради удобства, въ двухъ „частныхъ домахъ. Я самъ слѣжу за ними и, на досугъ, посѣщаю ихъ собранія. Тогда частный домъ становится импровизированною часовнею (Stundhaus). Я „говорю не древоѣдь, а. краткую душеспасительную

(1) Филиппъ-Яковъ Шпенеръ былъ родоначальникомъ такъ называемаго *пѣтизма*, строжившагося къ *практическому истинно-христианскому благочестію* и оказавшаго незабвенныя услуги въ исторіи христианскаго воспитанія и христианской нравственности. Пѣтизмъ, такъ сказать, пересоздалъ весь строй нравственной жизни протестантовъ, и у насъ въ насъ нескрапцливо съ нимъ пѣтизма соединяютъ понятіе о чашествахъ, религіозномъ мечтательствѣ и т. п. Ничего подобнаго не представлялъ въ себѣ пѣтизмъ Шпенера. Напротивъ, онъ проводилъ самый вѣрный взглядъ на сущность христианства, какъ на такую божественную силу, которая должна прожить собою всю жизнь христианина,—возвышать и облагораживать ее. — Современемъ, мы надѣемся сообщить своимъ читателямъ болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія „о пѣтизмѣ и его историческомъ значеніи“.

„бесѣду, незаслуженно отрывки св. писанія, соображаясь
 „со степенью развитія умовъ слушателей, и принимая
 „опытно слово Божіе къ потребностямъ жизни. За сѣмъ,
 „братія назидаются пѣсногѣніями, величующими Спа-
 „сителя, и всё расходится чинно по домамъ. Это дѣла-
 „ется по воскресеньямъ, послѣ обѣда и вечеромъ, въ
 „то самое время, когда братство другого рода, въ мо-
 „емъ же приходѣ, *убиваетъ деревое зрѣліе въ шумныхъ*
 „*ванханаліяхъ. Достигтели штурде; во всѣхъ отно-*
 „*шеніяхъ наши перемы (т. е. домовитые и богатые)*
 „*хозяева; они болѣе другихъ чистосердечны, просвѣ-*
 „*щонны, щедры, скромны, добродѣтельны и заботоч-*
 „*ны.*“ Нельзя не отдать полной справедливости этому
 доброму дѣлу иноисповѣдныхъ намъ христіанъ. Нельзя
 не пожелать, чтобы и наши духовные пастыри приохо-
 чевали своихъ прихожанъ къ воспр. школамъ. Сколько
 пользы и добра могло бы сдѣлать чрезъ это наше духо-
 венство не въ селахъ только, но и въ городахъ и сто-
 лицахъ. Не хочется вѣрить, чтобы нашъ народъ согла-
 сился скорѣе праздничное время убивать попусту, — въ
 праздности и разсѣяности, чѣмъ слушать живую рѣчь
 своихъ пастырей и усвоить изъясненіе необходимыхъ для
 всякаго христіанина религіозно-практическихъ истинъ.
 Отраднѣйшій примѣръ этому — упомянутая нами школа въ
 Вузулукаѣ.

Кромѣ духовенства въ дѣлѣ религіозно-нравственна-
 го воспитанія народа принимаютъ участіе и церковно-
 приходскія попечительства. Такъ *Радынское* попечитель-
 ство (*Смол. еп.*) еще въ 1865 г., въ видахъ возвыше-
 нія нравственности въ приходѣ, постановило: „подвер-
 гать небольшому денежному штрафу тѣхъ изъ радын-
 скихъ прихожанъ, которые будутъ замѣчаемы въ не-

ходьбы, безъ уважительныхъ причинъ, по воскрес-
нымъ и праздничнымъ днямъ въ церковь, а также— въ
пьянствѣ и т. п. Цѣль этого постановленія достигается:
„посѣщающихъ храмъ Божій видимо стало болѣе;
а безобразій замѣчается менѣе, и два изъ шести по-
теймныхъ засѣданій въ приходѣ прекратили свои торго-
вые операціи (смол. еп. вѣд. 1867, № 2). Далѣе, свя-
щенникъ *Шеркоцивскаго* прихода (*полтав. еп.*) „пред-
ложилъ мѣстному прих. попечительству позаботиться
объ отмѣненіи ночныхъ сборищъ молодежи,—въ особен-
ности предъ праздниками. Приход. попечительство еди-
нодушно приняло предложеніе своего пастыря и съ на-
рушителей благочинія положило взыскивать денежный
штрафъ отъ 10 к. до 1 руб., смотря по мѣрѣ винов-
ности. Тоже попечительство положило: „лицъ, участ-
ныхъ въ воровствѣ—штрафовать сообразно съ стоимо-
стію украденной ими вещи. Если хозяинъ вещи не
отыщется, послѣ трехкратнаго объявленія о ней, то ес-
продавать въ пользу попечительства, и деньги, выру-
ченные отъ продажи, записывать на приходъ въ осо-
бую шнуровую книгу, ссѣвленную благочиннымъ“.
Полтав. епарх. начальство утвердило означ. постановл.
приход. попечительства, отмѣнивъ штрафъ съ винов-
ныхъ въ посѣщеніи „сборищъ“, предоставивъ самимъ
родителямъ—увѣщевать своихъ дѣтей. Кроме того, въ
полтав. еп., попечительства заботятся объ усиленіи
средствъ для народнаго образованія и о матеріальномъ
обезпеченіи приходскаго духовенства. Такъ, приходская
„*Большая Кринка*“ общественнымъ приговоромъ по-
ложили: открыть въ своемъ селѣ приходское училище
и на содержаніе его предоставить слѣд. средства: 1)
доходъ съ мѣстнаго рынка; 2) каждый багачъ обязанъ

въ годовое или мѣсячное услуженіе, обязанъ платить, въ пользу учил., 20 к.; 3) плата съ каждой десятины земли по 10 к. крестьянами-собственниками. Попечительство *Антоновское* (тойже еп.) обязало рефъ прихожанъ: а) позаботиться безотлагательно приготовленіемъ матеріала для постройки домовъ для причта; б) дать своему причту отошеиіе; в) обезпечить свою приходскую школу комѣщеніемъ, отопленіемъ, слугами, книгами и др. учебными принадлежностями. Прихожане покров. д. села Антоновки *Пирятинск. уѣзда*, общимъ приговоромъ положили: назначить для приходскихъ священниковъ, діакона и пономаря хлѣбную ругу, въ количествѣ 91 четверти пяти мѣръ и двухъ гарцевъ ржи—на всѣхъ въ годъ⁴, (печт. еп. в. № 5).

Харьковское духовенство на своихъ съѣздахъ, бывшихъ въ самомъ Харьковѣ 15, 16, 17 и 18 янв., рѣшило: 1) открыть эмеритальную кассу для духовенства; для чего составленъ и одобренъ проектъ устава; 2) дать постоянное жалованье благочиннымъ изъ общецерковныхъ доходовъ, опредѣлять его *минимумъ* 150 р. въ годъ, но предоставить правомѣстнымъ благочинническимъ съѣздамъ увеличивать эту цифру, сообразаясь съ мѣстными средствами; 3) на усиленіе средствъ содержанія пензенарскихъ чиновниковъ консисторіи—учредить опредѣленные пошлины: за награды, выдаваемые духовенству, за выдачу билетовъ бѣлому и черному духовенству въ чужія епархіи, взимать съ каждаго печатнаго бланка для метрич. и исповѣдныхъ книгъ по 4 к., при полученіи этихъ бланковъ изъ консисторіи, и по 3 к. за каждый бланкъ для приходо-расходныхъ и объясненныхъ книгъ; 4) выражено желаніе (и одобрено епарх. начальствомъ) о введеніи выборнаго начала по отнош.

къ присутствующимъ членамъ консисторіи и о назначеніи имъ постояннаго жалованья изъ средствъ свѣтскаго завода⁴.—Духовенство 1 округа *Саратов. у.* на бывшемъ 8 февр. сѣданіи постановило: „завести духовенству шнуровыя тетради за сирѣной благочиннаго, для записыванія времени совершенія литургіи, съ поименованіемъ: съ пранидомъ сжигиль діавонъ, или безъ оного; всѣ ли члены причта были какъ на литургію, такъ и при прочихъ священнослуженіяхъ и требосправленіяхъ, и если кто изъ нихъ опускаетъ оныя безъ уважительной причины, то не давать отсутствовавшему той части доходовъ, которая причиталась бы за совершенныя, въ его отсутствіе, требы. Постановленіе это утверждено епарх. начальствомъ“.

Въ 87 № „Голоса“ помѣщена слѣд. корреспонденція изъ *Костромы*: „земство костромскаго у., въ 1866 году ассигновало для пособія народнымъ школамъ 1,500 руб.... Но изъ этой суммы сдѣлано пособія, согласно распоряж. училищн. совѣта, только 100 р., а въ 1867 году даже и этого не требовалось...—Уѣздная управа... приглашала сельскихъ священниковъ, при участіи, въ матеріальномъ отн., земства, открыть приходскія школы...—*Но ответа ни отъ одного священника не получено до сихъ поръ*“. При общихъ заботахъ о народномъ образованіи, апатія къ этому дѣлу, со стороны костромскаго духовенства, кажется намъ необъяснимою и невѣроятною. Мы не вѣримъ, чтобы эта апатія была на самомъ дѣлѣ и зависѣла отъ самого костр. духовенства. Желательно, чтобы этотъ фактъ и это недоразумѣніе уяснились.

Въ благодарность Промыслу Божию за спасеніе, 4 апрѣля 1866 г., драгоценной жизни Государя Импера-

тора, по ходатайству с. н. бургскаго купеч. сына Е. М. Русинова и 2 гильдин купцовъ: И. П. Павлова и Н. И. Иванова, послѣдовало Высочайшее соизволеніе— уредить въ Санктпетербургѣ бесплатную для дѣтей бѣдныхъ ремесленниковъ мужскаго пола школу, подъ названіемъ „Комисарова-Костромскаго“, съ принятіемъ ея подъ покровительство Государя Наслѣдника Цесаревича, по изъявленному на то Его Высочествомъ согласію (Голосъ № 93).

П. Н—въ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ канцеляріи академіи о пожертвованіяхъ на сооруженіе надгробнаго памятника и бюста В. И. Карпову.

На сооруженіе надгробнаго памятника и бюста профессору В. И. Карпову, съ 29 февраля по 19 апрѣля поступили пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ:

Отъ А. И. Поповицкаго — 8 р., отъ бакк. Кіевской д. академіи Зайцева—3., отъ ректора Ярославской семинаріи архим. Густина—10 р., отъ инспектора Казанской д. академіи архимандр. Владимира—10 р., отъ наставниковъ Казанской академіи: баккал. Н. Ивановскаго—5 р., баккал. А. Некрасова—5 р., препод. А. Волкова—5 р., бакк. Н. Рождественскаго—3 р., препод. В. Митрополитова—3 р., прел. Иеролимаса Тихонова—3 р., проф. А. Гренкова—1 р., проф. Н. Соколова—5 р., отъ окончившаго курсъ студ. С.-п. акад. Н. Вележева—1 р., отъ прот. Н. Горизонтова—10 р., отъ высокопреосвященнаго Іоанникія Архіеп. Варшавскаго—25 р., отъ свящ. Н. Брянцева—2 р., отъ высокопреосв. Платона Архіеп. Донскаго—25 р., отъ смотр. Задонскаго д. училища арх. Никодима—3 р., отъ студ. Московской д. акад. В. Благовещенскаго—1 р., отъ Любви А. Блюзю-

вой—8 р. 50 к., отъ *наставниковъ Полоцкой семина-
рии*—11 р.

Всего съ 29 февраля по 19 апрѣля поступило *сто сорокъ два руб. пятьдесятъ коп.*, а съ прежде пожертвованными 992 р. 70 к. *одна тысяча сто тридцать пять руб. двадцать коп.*

Пожертванія продолжаютъ приниматься въ канцеляріи С.-Петербургской дух. академіи секретаремъ встр. проф. А. Предтеченскимъ—ежедневно съ 8 до 12 часовъ утра. Они вносятся въ особую книгу, и своевременно будетъ опубликованъ отчетъ о количествѣ ихъ, о лицахъ, сдѣлавшихъ оныя и объ употребленіи—подробный въ „Христ. Чтен.“ и въ „Современномъ Листкѣ“, и краткій—въ „Странинкѣ“.

Всѣ жертвователи получаютъ по экземпляру фотографическихъ карточекъ В. Н. Карпова и по экземпляру книжки, посвященной „Памяти его“. Въ случаѣ значительнаго числа пожертвованій предполагается купить у наследниковъ покойнаго его богатую философскую бібліотечку, которая въ академическомъ книгохранилищѣ сохранитъ названіе „Карповской“. Въ канцеляріи желающіе могутъ получить хорошій *литографированный портретъ* Василя Николаевича; цѣна безъ пересылки 1 р., съ пересылкою въ банкѣ 1 р. 50 коп.

Секретарь в. о. проф. *Андрей Предтеченскій.*

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАННЫЯ,
НОВЫЯ КНИГИ,

изданныя прот. с.-петербургской Никольской единовѣрческой церкви
Гимнасемъ Верховскимиъ:

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЕДИНОВѢРІЯ.

Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

ИСКАНІЕ СТАРООБРЯДЦАМИ ВЪ ХУЩІ ВЪБѢ
ЗАКОННАГО АРХІЕРЕЙСТВА.

(Составлено по неизданнымъ документамъ).

Цѣна 50 коп. съ пересылкою.

Продается: у Глазунова, Коравлева — Сирякова,
Вазунова, Кожанчикова, Анисимова и Соловьева.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ“

ВЪ 1868 — 69 ГОДУ.

Журналъ «Воскресное чтеніе», издаваемый при Кіевской духовной академіи, будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ своемъ (XXXII) году, который начинается днемъ св. Пасхи.

Оставаясь вѣрною общед. принятой отъ самаго основанія журнала, задать — содѣлывать христіанско-православному образованію общества, по духу православной церкви, редація въ слѣдующемъ

году намѣрена обратить особое вниманіе на тѣ частныя задачи этого изданія, которыя усвоены имъ въ послѣдніе годы, поставивъ ихъ при томъ нѣсколько шире, а кнѣжетъ и тверже. Эти задачи состоятъ въ приспособленіи журнала къ современнымъ потребностямъ народно-пастырскаго учительства и христіанско-народнаго образованія. Но народно-пастырское учительство тогда только выйдетъ надлежащій объемъ и оказываетъ должную духовно-просвѣтительную и созидательную, силу, когда понимается въ смыслѣ не одного проповѣдничества съ церковной кафедры, но и постоянного живаго руководства пасомыхъ въ дугѣ православной истины во всѣхъ вопросахъ, имѣющихъ отношеніе къ ихъ духовному благу. Съ другой стороны христіанско-народное образованіе тогда только всесторонне-благоутвердно, когда подъ нимъ разумѣется не одно обученіе закону Божию, но вообще обогащеніе учащихся, дѣтой ли то, или и вѣровныхъ, доступными и особенно полезными имъ свѣдѣніями, и правильное общее развитіе ихъ ума, сердца и характера, — то и другое въ тѣсной живой связи съ закономъ Божиимъ, служащихъ драгоценнымъ камнемъ истиннаго образованія на всѣхъ его ступеняхъ. Наконецъ, какъ вообще, такъ и въ отношеніи къ частному учительству и къ образованію, народъ въ смыслѣ низшихъ классовъ общества не долженъ быть слишкомъ рѣзко отличаеми отъ другихъ классовъ: тѣ и другіе находятся въ живомъ соприсношеніи и взаимнодѣйствіи между собою, въ особенности въ нашемъ отечествѣ, вслѣдствіе благотворныхъ преобразованій послѣдняго времени; и потому изданіе, имѣющее въ виду духовную пользу ближайшимъ образомъ однихъ классовъ общества, не только безъ ущерба для этой задачи, но напротивъ ради лучшаго выполненія ея, можетъ служить на пользу и другихъ классовъ въ дѣлѣ христіанско-нравственнаго образованія.

Въ составъ журнала, въ этихъ видахъ, будутъ входить статьи трехъ родовъ:

1) Собственно духовно-наставительныя, относящіяся къ вѣрованію, богослуженію и управленію православною церковью, — въ формѣ научной, размышлительной, разговоровъ, писемъ, епископій и проповѣдей, какъ и другихъ частныхъ дѣлъ. Сюда будутъ относиться между прочимъ, и побѣдныя проповѣди г. Св. Пасанія, отечественныя

писаній и богослужебныхъ книгъ съ краткими поясненіями. Сюда же будетъ относиться рядъ педагогическихъ совѣтовъ для родителей и воспитателей по руководству Св. Писанія.

2) Статьи историческаго содержания. Очерки изъ истории церкви ветхозавѣтной и новозавѣтной. Очерки событій и предметовъ изъ истории гражданской, общей и отечественной, въ особенности такихъ, которые находятся въ связи съ событіями истории церкви. Черты нравственнаго характера, въ частности любви къ родинѣ, изъ жизни разныхъ историческихъ лицъ. Замѣчательныя изреченія ихъ.

3) Современныя замѣтки. Мысли по поводу разнаго рода замѣчательныхъ явленій въ жизни общественной, въ особенности церковной, какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и у иностранныхъ еднотѣрцевъ нашихъ, а частію и инотѣрцевъ; также по поводу возбуждающихъ въ данное время особое вниманіе замѣчательныхъ явленій природы. Описанія разныхъ благотворительныхъ учреждений и школъ. Описанія замѣчательныхъ произведеній современнаго религіознаго искусства. Краткіе отзывы о замѣчательныхъ произведеніяхъ литературы, въ частности указаніе книгъ, полезныхъ для церковно-приходскихъ библиотекъ и для школъ. Сюда же будутъ относиться замѣтки практическаго характера по вопросамъ о преподаваніи разныхъ предметовъ и о воспитаніи дома и въ школахъ; замѣтки гигиеническія; — объ общепользующихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ.

Статьи каждаго изъ этихъ отдѣловъ (на которые, впрочемъ, онѣ будутъ дѣлиться не въ каждомъ №), будучи писаны языкомъ по возможности общедоступнымъ и касаясь вопросовъ, имѣющихъ живое значеніе, могутъ частію представлять матеріалъ для настольныхъ бесѣдъ церковныхъ и домашнихъ, частію избираться въ разныхъ школахъ, воскресныхъ и ежедневныхъ для такъ называемаго объяснительнаго чтенія; съ другой стороны могутъ вообще служить для чтенія въ кругу семейномъ и въ добрыхъ христіанскихъ собраніяхъ, какія по мѣстамъ бывають, въ особенности въ воскресные и праздничные дни, не въ однихъ низшихъ классахъ общества.

Такова по крайней мѣрѣ будетъ цѣль усилій редакціи, сознающей ея трудность, не въ то же время полагающей, что, при изд. Христ. Чт. № 5.

1/450

нощи Божіей, не бесполезны могутъ быть самыя попытки къ достиженію ея.

Редакція будетъ принимать съ благодарностію и вознагражденіемъ согласныя съ цѣлію изданія статьи, присылаемыя для напечатанія, и сверхъ-того съ готовностію будетъ отвѣчать на обращаемыя къ ней вопросы, стоящіе въ связи съ тою же цѣлію (напр. по отношенію къ разнымъ предметамъ вѣры и церковной практики, по дѣлу воспитанія домашняго и въ разныхъ школахъ, о книгахъ или статьяхъ по какому-либо предмету и т. п.)

Журналъ будетъ выходить по прежнему еженедѣльно съ праздника св. Пасхи, нумерами въ печатный листъ и бѣлѣ. Цѣна за годовое изданіе «Воскреснаго Чтенія» безъ пересылки и доставки 3 руб., съ пересылкою во все города и доставкою на домъ въ Кіевѣ 4 руб. Та же цѣна этого журнала за XXIX (1865—66), XXX (66—67) и XXXI (67—68) г.

Подписка принимается преимущественно въ редакціи журнала при Кіевской духовной академіи, а также въ Москвѣ у книгопродавца А. Н. Ферапонтова, въ С.-Петербургѣ у С. И. Антонова.

Изъ той же редакціи можно выписывать:

I. Экземпляры «Воскреснаго Чтенія» за первые 28 лѣтъ существованія журнала. Имѣются въ продажѣ слѣдующіе годы: I (1837 — 38), II (38 — 39), IV (40 — 41), V (41 — 42), VI (42 — 43), VII (43 — 44), IX (45 — 46), X (46 — 47), XI (47 — 48), XII (48 — 49), XIV (50 — 51), XV (51 — 52), XVI (52 — 53), XVII (53 — 54), XVIII (54 — 55), XIX (55 — 56), XX (56 — 57), XXI (57 — 58), XXII (58 — 59), XXIII (59 — 60), XXIV (60 — 61), XXV (61 — 62), XXVI (62 — 63), XXVII (63 — 64), XXVIII (64 — 65). Цѣна за экземпляръ каждаго года съ пересылкою 2 руб. Выписывающіе одновременно не менѣе 10 экземпляровъ «Воскреснаго Чтенія» прежнихъ годовъ платятъ только по 1 р. 50 коп. за экземпляръ и получаютъ бесплатно указатель къ 25 годамъ «Воскреснаго Чтенія». Цѣна указателя отдѣльно 50 коп.

II. «Труды Кіевской духовной академіи» (ежемесячное изданіе, 12 книжекъ въ годъ) за 1868 годъ. Цѣна 6 руб. съ пере-

сылкою. Та же цѣна за 1867 г. А нѣтъющіеся еще въ редакціи экземпляры прежнихъ 1860 — 1866 годовъ уступаются по 3 руб. за каждый годъ.

III. Слѣдующія книги съ пересылкою: 1) Историч. книги свящ. писанія Ветхаго завета въ переводѣ съ еврейскаго на русскій языкъ. М. Гуляева. Ц. 2 руб.—2) Творенія св. Кипріана съ біографіею его. Два тома. Ц. 3 руб.—3) Творенія блж. Иеронима съ біографіею его. Два тома. Ц. 3 руб. 50 коп. — 4) Жизнь и творенія блж. Августина. Ц. 50 коп.—5) Бесѣды объ отношеніи церкви къ христіанамъ. Я. Е. Амфитеатрова. Новое изданіе дополненное. Ц. 1 руб. — 6) Бесѣды сельск. свящ. къ прихожанамъ (66 бесѣдъ) Ц. 1 руб. 50 коп. — 7) Бесѣды сельск. свящ. къ прихожанамъ (25 бесѣдъ) Ц. 50 коп. — 8) Собраніе поученій на дни воскр., празднич. и св. четьредесятницы, изд. 3-е, Томъ II, Ц. 1 руб. 50 коп.—9) Кіевъ съ древнѣйшимъ училищемъ, Академіею. В. Аскоченскаго. Два тома. Ц. 3 руб.—10) Изслѣдованіе о Виблейской хронологіи. Ц. 60 коп. — 11) Михаилъ Веруларій, патр. Константинопольскій. Ц. 40 коп.—12) Историческое обзорнѣе богослужебныхъ книгъ. Ц. 60 коп.—13) Московскіе еретики при Петрѣ I-мъ. Ц. 60 коп. — 14) О придорожныхъ крестахъ Ц. 50 коп.—15) Дидактическіе совѣты учителямъ народныхъ училищъ (очеркъ общей дидактики). Ц. 25 коп.—16) Беконъ Веруларскій. Соч. Буно-Фишера, изданное въ русскомъ изложеніи Ф. Терновскаго. (Съ портретомъ Бекона). Ц. 50 коп.—17) Религіозная монументальность (историко-литургическое изслѣдованіе объ устройствѣ и значеніи храмовъ) Ц. 75 коп. — 18) Земная жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Перев. съ нѣмец. Х. Орды. Ц. 1 руб. 50 коп.—19) «На общую потребу». Сборникъ общепонятныхъ статей изъ Русскаго Православнаго Календаря, относящихся къ св. вѣрѣ и быту гражданскому и домашнему. Съ портретами, рисунками и картою Россіи. 360 стран. Кіевъ, 1868 г. Ц. съ перес. 40 коп.—20) Въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ «Руководство къ начальному обученію (для учителей народныхъ школъ), составленное примѣнительно къ программѣ Педагогика, принятой въ дух. семинаріяхъ.

ПЕРВЫЙ ВЪЗГЛѢДЪ ХРИСТИАНСТВА

ВЪ ПИСАНІЯХЪ МУЖЕЙ АПОСТОЛЬСКИХЪ.

(Окончаніе).

IV.

Зрѣлище языческаго міра въ эпоху, когда евангельское ученіе предприняло обновленіе человѣческаго рода, возбуждаетъ обыкновенно два чувства, совершенно противоположныя. Если, съ одной стороны видятъ совершенно готовые пути для пришествія христіанской религіи и если ея торжество кажется совершенно естественнымъ и необходимымъ, то съ другой открываютъ въ состояніи древняго міра, также какъ въ свойствѣ евангельскаго ученія такія препятствія ко введенію христіанства, которыя могло бы побѣдить одно только могущество Божіе. Очень многіе убѣждены, что изъ этихъ двухъ чувствъ одно первое оправдывается исторіей и разумомъ и, что положеніе языческаго общества представляетъ совершенно естественное и достаточное объясненіе быстрыхъ и чудесныхъ успѣховъ христіанства. По ихъ понятію ученіе Іисуса Христа должно было безъ сопротивленія проникнуть въ умы и

сердца людей, потому что все было подготовлено къ радикальной перемѣнѣ религіи. Мы согласны, что это мнѣніе можетъ увлечь съ перваго взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, какое время могло быть благопріятнѣе того, о которомъ мы говоримъ, для распространенія ученія, имѣвшаго цѣлью поднять павшее человѣчество, сообщая ему вѣру въ лучшее будущее и въ болѣе чистую судьбу? Пресыщенный заблужденіями и испорченностію изысканій міръ изнемогалъ. Не имѣя довѣрія къ боже-ству, которое онъ могъ бы призывать и благословлять, лишенный всякихъ надеждъ, которыя его поддерживали до тѣхъ поръ, потому что, говоря словами Цицерона, ужъ не было старой бабы, которая бы вѣрила въ басню о тартарѣ и въ радости елисейскихъ полей, — онъ былъ равно безучастенъ и къ тягостямъ жизни и къ ужасамъ смерти. Напрасно испытывалъ онъ всѣ культы и вдавался во всѣ суевѣрія: тайна судебъ человѣческихъ ускользала отъ него безпрестанно, а между тѣмъ онъ мучился безпокойнымъ желаніемъ узнать ее. Такъ какъ онъ не имѣлъ ни боговъ, ни жрецовъ, которые могли бы научить его, то онъ обратился къ астрологамъ, къ магамъ, къ снотолкователямъ: — напрасная надежда обмануть стремленія, которыя могли найти успокоеніе только въ нѣдрѣ истины. Уже съ давняго времени философы пытались остановить постоянно возрастающее разложеніе общества, среди котораго они жили и желаніе уврачевать его не дѣлаетъ имъ безчестія; но къ чему же привели ихъ усилія, если не къ тому, чтобы обнаружить ничтожество ихъ системъ и ихъ предпріятій. Такимъ образомъ, оставленный какъ больной, въ безнадежномъ состояніи, древній міръ истощался въ безплодныхъ волненіяхъ и съ каждымъ днемъ погружался

въ несчастіе и порчу безпримѣрные. Лучшіе умы были не въ лучшемъ положеніи, какъ и толпа. Не одно сочиненіе этого времени открываетъ намъ ужасное безпокойство, которое овладѣло всѣмъ тѣмъ, что міръ еще заключалъ въ себѣ благороднаго. Особенно поразительное изображеніе этого мы находимъ въ сочиненіи, извѣстномъ подъ именемъ *Клементина*, которое появилось на востокѣ въ послѣднихъ годахъ втораго вѣка. Это твореніе или лучше это собраніе сочиненій, редакціи которыхъ, очевидно, нельзя приписать святому Клименту, наполнено драгоцѣнными указаніями о лицѣ этого апостольскаго отца, также какъ и о движеніи умовъ въ первомъ вѣкѣ. Мы не можемъ отказаться, чтобы не привести нѣкоторыхъ строкъ изъ *признанія*, которымъ открывается первая книга Клементина. Это признаніе влагается въ уста Климента и заключаетъ высокое наставленіе. „Я Климентъ, рожденный въ Римѣ, съ молодыхъ лѣтъ старался сохранить свое сердце чистымъ, направляя умъ мой къ вопросамъ, которые наполняли его заботою и печалью, потому что одна идея, не знаю откуда происходящая, заставляла меня часто задумываться о моемъ смертельномъ положеніи и я говорилъ самому себѣ: будетъ ли жизнь послѣ этой смерти или я буду поверженъ въ ничтожество. Вотъ мысли, которыя меня беспокоили такъ, что печаль иссушила мою душу. Во мнѣ было одно чувство, которое не давало мнѣ покою: это было желаніе безсмертія: находясь въ этомъ колебаніи я обратился къ философскимъ школамъ, чтобы тамъ научиться чему нибудь, но я встрѣтилъ тамъ только одну смѣсь утверженій, отрицаній, безконечныхъ споровъ, искусственную силлогистику, которая заключала въ себѣ одни только тождо-

сти. Утомленный этими пустыми находками, я сказалъ самому себѣ: зачѣмъ трудиться понапрасну, потому что извѣстно, что всякая вещь имѣетъ свой конецъ. Но откуда я возьму силу уничтожить наклонность, которая увлекаетъ меня ко злу, если справедливость заслуживаетъ награду? Но самая справедливость чѣмъ должна быть, чтобы быть угодною Богу? Это мнѣ также мало извѣстно, какъ безсмертіе души, какъ существованіе будущей жизни. И однакожъ я не могу успокоиться до тѣхъ поръ, пока меня занимаютъ эти вопросы. Что же дѣлать?«...

Такимъ образомъ языческій міръ дошелъ до той степени, что не могъ существовать болѣе безъ полного возрожденія, безъ быстрого выхода изъ сомнѣній, неизвѣстности и мрака, въ которыхъ онъ не находилъ ничего, кромѣ отчаянія и смерти. Замѣтимъ, что эти крайняя нужда, эта необходимость обновленія служили поводомъ къ ошибочной мысли, будто легкая побѣда и торжество христіанства обезпечены были самымъ распаденіемъ древняго міра. Говорятъ, что если языческое общество испытывало такую неодолимую потребность нравственнаго обновленія, то оно не могло противиться долгое время религіи, которая одна могла отвѣчать этой потребности. Не вѣроятно, чтобы оно упорно оттолкнуло единственное врачество, которое могло спасти его. Такимъ образомъ явленіе христіанства изъясняется простыми и естественными средствами, при которыхъ нѣтъ надобности прибѣгать къ невѣроятному предположенію божественнаго вмѣшательства. Вотъ мнѣніе, которое приходится слышать очень часто. И правду сказать, нельзя слишкомъ удивляться, что оно существуетъ, потому что къ несчастію общій обычай, при разсужденіи

о распространении христіанства, увлекаться единственно первымъ впечатлѣніемъ, которое возбуждается взглядомъ на тогдашнее языческое общество. Рѣдко кто поднимается выше поверхностнаго разсмотрѣнія, рѣдко кто старается измѣрить, до какой глубины простирались паденіе и слабость древняго міра и изслѣдовать, подъ какою формою евангельское нравоученіе сообщено было людямъ. Еще рѣже берутъ во вниманіе эти два важные предмета разсужденія. Отсюда это ложное убѣжденіе, которое не видитъ ничего, кромѣ естественнаго, въ величайшемъ нравственномъ преобразованіи, произведенномъ христіанствомъ, и которое не хочетъ понять, что это счастливое преобразованіе совершилось противъ желанія самыхъ тѣхъ, которыхъ оно хотѣло спасти. Да, безъ сомнѣнія, языческое общество вполне предано было лжи и пороку и пламенно ждало своего освобожденія. Но, чтобы возвратить потерянную свободу, достаточно ли чувствовать тягость цѣпей, которыя носятъ? Не нужно ли имѣть кромѣ того волю и силу свергнуть или разбить ихъ? Нѣкоторые писатели думаютъ, что высокія правила евангелія могли покорить міръ своею возвышенностію, своею силою. Но если даже предположить, что христіанство могло возбудить удивленіе въ нѣкоторыхъ избранныхъ умахъ, можно ли серьезно доказывать, что для его торжества довольно этого пустаго и безплоднаго удивленія? Можно ли утверждать, что довольно чувствовать совершенство ученія, чтобы усвоить его, и особенно, чтобы сдѣлать его правиломъ своего поведенія? Положимъ даже, что язычники чувствовали величіе, высоту христіанской морали;—но довольно ли этого, чтобы міръ былъ спасенъ, оживленъ, обновленъ? Едва ли; потому, что въ томъ же самомъ вѣгѣ уже

блистали возвышенныя ученія Сенеки и Діона и однакожь положили-ль они конецъ религіозному безпорядку эпохи? Имѣли ли они какое вліяніе на состояніе нравовъ? Самъ Сенека показываетъ намъ противное. Это значитъ, что нельзя безнаказанно ниспадать до послѣднихъ предѣловъ распущенности и нечестія; кто дошелъ до этой степени, тому нелегко подняться собственными силами; имъ овладѣваетъ безнадежность и отчаяніе. Въ немъ уже нѣтъ силы, которая должна привести его къ добру и истинѣ. Таково же было безсиліе и языческаго общества, при появленіи христіанства. Только божественная помощь могла дать ему силу, которой ему не доставало. Состояніе его истощенія было таково, что оно казалось совершенно погибшимъ нравственно.

Безчисленное множество свидѣтелей подтверждаютъ намъ столь ужасное положеніе; но особенно Сенека и апостолъ Павелъ даютъ яркія краски для его изображенія. Можно судить, въ какую бездну пало это общество, когда одинъ изъ его среды, изъ самыхъ членовъ его сдѣлалъ слѣдующее его изображеніе: повсюду разливаются пороки и преступленія, слишкомъ многочисленные для того, чтобы могла сдерживать ихъ узда законовъ. Началась страшная борьба нечестія; страсть къ злу возрастаетъ съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того, какъ уменьшается стыдливость. Потерявши уваженіе къ правдѣ и честности, порокъ смѣло поднимаетъ голову. Духъ зла не скрывается больше въ мракѣ, онъ ходитъ открыто предъ нашими глазами. Онъ до такой степени оцѣпилъ общество и такъ глубоко проникъ въ души, что невинность не только стала рѣдка, но совершенно скрылась. Дѣло идетъ не о личныхъ и рѣдкихъ уклоненіяхъ, но о всеобщемъ; родъ человѣческій какъ будто

по данному сигналу возсталъ, для того, чтобы смѣшать
понятія о добрѣ и злѣ“ (Seneca, De Ira, 11 8). Если
теперь отъ этой страшной картины, въ которой ничто
не даетъ намъ повода смягчать краски, мы перейдемъ
къ евангельскому правоученію, какъ оно проповѣдано
было въ первомъ вѣкѣ, если мы посмотримъ на сред-
ства, какия оно употребляло, чтобы преобразовать че-
ловѣчество, то мы не найдемъ въ мірѣ ничего болѣе
удивительнаго и болѣе труднаго для изъясненія чело-
вѣскимъ разумомъ, какъ торжество этого правоученія?
Одинъ отецъ апостольскій позволяетъ намъ сдѣлать это
сближеніе, указывая намъ въ сочиненіи, названномъ
пастырѣ, на всѣ фазы нравственнаго наставленія пер-
ваго вѣка. Имя автора этого сочиненія Ермъ. Если вѣ-
рить лучшимъ критикамъ, этотъ Ермъ тотъ самый, о
которомъ говоритъ святой Павелъ въ своемъ посланіи
къ Римлянамъ (XVI, 14). Какъ бы то ни было, несом-
нѣнно, что онъ былъ современникъ святаго Климента.
Пастырь Ерма есть изложеніе христіанскаго правоуче-
нія подъ формою откровенія или Апокалипсиса. Онъ
раздѣляется на три части: *видѣнія*, *заповѣди* и *подобія*,
которыя составляютъ, вмѣстѣ взятая, настоящую ди-
дактическую Трилогію. Какъ бы ни были разнообразны
части этого творенія, нетрудно уловить въ нихъ един-
ство, потому что можно всецѣло привести его къ одной
идеѣ, которая господствуетъ и управляетъ всѣми дру-
гими: это—идея покаянія, нравственной реформы. Вотъ
въ самомъ дѣлѣ настоящій характеръ христіанскаго пра-
воученія; вотъ откуда должно начинаться возрожденіе
міра. Прочъ мягкіе пути, чтобы придти къ христіанству,
ничего жосткаго и труднаго въ христіанской жизни не
должно быть скрыто отъ язычниковъ. Покаяніе—вотъ

первое условіе преобразованія нравовъ. Уже святой Павелъ такъ понималъ это, говоря Римлянамъ: *Не сообразуйтесь съ вѣкомъ симъ, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашимъ* (XII, 2). Апостолъ, безъ сомнѣнія, говорилъ о покаяніи, потому что оно одно обновляетъ духъ. И такъ, не преобразование социальныхъ учреждений было первой заботой христіанства; оно заботилось прежде всего о душѣ и посредствомъ этого преобразованія идей, чувствованій и нравовъ въ индивидуумѣ, оно хотѣло произвести параллельную и болѣе широкую перемену въ обществѣ. Оно направляется прямо къ душѣ, чтобы сдѣлать ее очагомъ цивилизаціи; изъ души человѣческой, просвѣщенной, очищенной, обновленной, выйдетъ и вышло всякое социальное возрожденіе.

Ермъ, какъ видно, проникнуть былъ глубоко духомъ христіанства, проповѣдуя прежде всего покаяніе и поставляя его условіемъ для званія христіанина и обновленія міра. Но развѣ это было средствомъ привлечь души и подчинить ихъ евангелію? Какимъ образомъ апостолы, преемники, Ермъ надѣялись исторгнуть языческое общество изъ удобствъ и удовольствій беспорядочной жизни, предлагая ему прежде всего то, что должно было оттолкнуть его еще болѣе, показывая ему безъ всякаго прикрытія, безъ всякой прикрасы все, что ни есть самаго труднаго и самаго отталкивающаго въ жизни самаго легкаго и пріятнаго? Нельзя отвергать, что всѣ расчеты человѣческаго благоразумія осуждали Ерма. Самая первоначальная политика должна была указать ему совсѣмъ другой путь для убѣжденія людей. Такимъ образомъ на перекоръ человѣческому благоразумію, на перекоръ урокамъ опыта, этотъ отецъ, согласно со всѣми споспѣшниками христіанскаго возрожденія, про-

повѣдуть народамъ слабымъ и одрѣхлѣвшимъ это великое слово спасенія. Прежде всего покайтесь. Покайтесь, это значитъ, начните съ того, чтобы вырвать изъ вашей души пороки, которыми вы ее предали, и которые вы считаете необходимыми для ея счастья. Сдѣлайтесь господами надъ самими собою, взойдите въ самую внутреннюю часть вашего существа, отыщите тамъ зло въ самыхъ его корняхъ и вырвите его разомъ. Неограничивайтесь этимъ первымъ долгомъ. Уничтожьте всѣ поводы къ злу, разорвите на всегда связь съ этими тысячами пріятныхъ вещей, которыя составляютъ въ вашихъ глазахъ утѣшеніе жизни, и которыя на самомъ дѣлѣ держатъ васъ въ плѣну зла; подчинитесь всѣмъ врачествамъ, которыя могутъ исцѣлить васъ; предайтесь нищетѣ, уединенію, посту, строгости, самоумерщвлению. Какая рѣчь для языческаго слуха и какъ это слово покаянія должно было странно звучать въ нѣдрѣ этихъ античныхъ городовъ, съ давняго времени плѣненныхъ любовію къ удовольствію и столь глубоко погребенныхъ въ чувственныхъ вещахъ! Что значитъ для постыдныхъ жителей этихъ городовъ, что значитъ для нихъ эта степень униженія, до которой они дошли? Что такое для нихъ стыдъ, непорочность? Какое дѣло имъ до упадка этихъ древнихъ нравовъ, которые не существуютъ для нихъ даже въ воспоминаніи? Они умерли для добродѣтели; она не имѣетъ для нихъ никакого значенія; для нихъ важно только, чтобы позволено было имъ дѣлать все, чего они захотятъ, чтобы ничто нечистое не было имъ запрещено, чтобы все наполнено было позорными женщинами. Вездѣ великолѣпные завтраки; повсюду роскошные дворцы. Вотъ что они говорятъ: наслаждайтесь, чѣмъ и какъ можете, день и ночь; по-

всюду игры, роскошные яства, развратъ; вездѣ звуки танцевъ; театръ трещить отъ разнузданной веселости, въ виду сценъ, столько же безславныхъ, какъ жестокихъ; тотъ, кому не нравятся эти удовольствія, есть врагъ общества. Таковы были безпорядки, посреди которыхъ Ермъ проповѣдывалъ покаяніе; таковы были ученики, которымъ онъ не боялся внушать чистоту жизни, нерасторгаемость супружества, прощеніе обидъ, страхъ лжи и злословія, отвращеніе отъ благъ, воздержаніе, постъ, самоумерщвленіе. Въ нѣдрѣ соединенія всѣхъ пороковъ и всякаго безславія, этотъ апостолъ, не довольствуясь осужденіемъ дѣйствій, противныхъ евангельскому закону, хотеть уничтожить самое виновное желаніе, порочную мысль, которая омрачаетъ чистоту души. Безъ сомнѣнія, человѣческая предусмотрительность не могла обобщать успѣха наставленій, столь враждебнымъ, которыя, составляютъ такой сильный контрастъ съ духомъ вѣка, съ наклонностями, нравами общества; но въ томъ-то и заключается особенность божественныхъ учрежденій, что они утверждаютъ и получаютъ побѣду отъ тѣхъ средствъ, которыя, повидимому, должны бы погубить ихъ.

Изъ всѣхъ правилъ христіанской нравственности покаяніе, безъ сомнѣнія, всего болѣе требуетъ усилія со стороны человѣка, потому что оно особенно противно душамъ испорченнымъ. Покаяніемъ начинается дѣло всеобщаго обновленія. Христіанство начало такимъ образомъ и должно было продолжать также; потому что религія Іисуса Христа располагаетъ людей къ принятію ея, не льстя имъ, но побуждая ихъ безъ послабленія, не приспособляя ученія ко вкусу ихъ наклонностей, но заповѣдая любить то, что они ненавидѣли, искать того,

чего они удалялись, почитать то, что они брали, и презирать то, что почитали, смиряться тамъ, гдѣ они возносились и возноситься тамъ, гдѣ унижались; однимъ словомъ, предписывая имъ дѣйствія, которыхъ большая часть казалась имъ ненавистною, и которыя всѣ были враждебны ихъ страстямъ. Вотъ почему христіанскіе правоучители перваго вѣка, научая покаянію, въ то же время проповѣдывали христіанское дѣвство и цѣломудріе. Мы не говоримъ, что заповѣдь дѣвства была безусловно новая. Языческая древность также предчувствовала красоту и возвышенность образа жизни, проводимой въ дѣвственной чистотѣ. Но это понятіе было очень несовершенное. Во времена болѣе чистыхъ нравовъ еще можно встрѣчать примѣры этой возвышенной добродѣтели; но чѣмъ она сдѣлалась въ вѣкѣ Августа? Этотъ вѣкъ, въ которомъ безраздѣльно владычествовала грубая чувствительность, вѣкъ, который не оставилъ ни одного рода нечистоты, въ которомъ бы онъ не испыталъ себя, — былъ ли онъ созданъ для того, чтобы, не говоримъ ввести въ жизнь, но хотя понять состояніе столь высокаго нравственнаго совершенства? Нѣтъ; конечно не изъ среды растлѣнія, въ которое было погружено языческое общество, возникла мысль объ этомъ чистомъ и святомъ состояніи; не по собственному движенію оно наложило на себя этотъ подвигъ. Идея дѣвства принадлежитъ христіанству — также всецѣло, какъ и заповѣдь покаянія: онѣ равно необходимы для принятаго христіанствомъ обновленія человѣческаго рода, потому что какъ покаяніе, обновляя души и дѣлая ихъ властелинами надъ собою, исторгаетъ ихъ изъ-подъ владычества чувственности, такъ дѣвство обезпечиваетъ побѣду духа. Недостаточно было снять иго матеріализ-

на, нужно было еще, по свидетельству апостола Павла, умертвить духомъ плотскія страсти. Такимъ образомъ не было ничего преувеличеннаго въ ревности, которую употребляли въ началѣ христіанства проповѣдники вѣры, чтобы возвысить значеніе и красоту чистоты и побудить къ ея сохраненію. Мы имѣемъ довольно памятниковъ отъ этой эпохи, которые показываютъ намъ, какъ высоко церковь цѣнила эту добродѣтель, равно какъ и то, что она разумѣла подъ дѣвствомъ. Наставлять невѣдущихъ, посѣщать бѣдныхъ и сиротъ, сохранять обѣтъ чистоты, такова задача, доставшаяся на долю тѣхъ, которые отказываются отъ супружества, по прекраснымъ письмамъ святаго Климента къ дѣвственницамъ. Какъ далеко отъ такой жизни до того вольнаго и эгоистическаго безбрачія, единственно распространеннаго въ то время, когда явилось христіанство! Нужна была божественная сила, которою и было вооружено христіанство, для того, чтобы доставить побѣду строгому ученію церкви и чтобы преобразовать изобрѣтеніе испорченности въ орудіе возрожденія. Эта чудесная перемѣна не заставила ждать себя долго, потому что Посланіе къ дѣвственницамъ показываетъ, что уже въ первомъ вѣкѣ было не мало примѣровъ этого рода жизни. Возстановленіе и возвышеніе женщины особенно надо считать между могущественными средствами, которыми воспользовалось христіанство для возрожденія человѣчества. Между чудесами, которые оно произвело, это есть, можетъ быть, одно изъ самыхъ дивныхъ; нѣтъ сомнѣнія, что оно имѣло самое могущественное вліяніе на учрежденіе домашняго и гражданскаго общества. Дѣвица, супруга, мать—однимъ словомъ женщина современіи христіанства принимаетъ совершенно другой характеръ и ея вліяніе на

судьбы міра начинаетъ обнаруживаться съ большою силою и очевидностію. Она совершаетъ подвигъ апостольскій, скромно и тихо, но тѣмъ не менѣе плодотворно. Вооруженная пріятнымъ скипетромъ домашняго очага, она управляетъ семьей, опираясь на ту неодолимую силу, которую даютъ ей вѣра, нѣжность и чистота нравовъ. Она не есть болѣе ничтожное орудіе удовольствія для мужчинъ, раба его напризовъ, жертва его неистовствъ. Согбенная долгое время подъ тяжестью какаго то таинственнаго проклятія, она возстаетъ теперъ при свѣтѣ Евангелія и оставляя постыдное рабство, наложенное на нее вѣками, научаясь служить Богу, она дѣлается госпожею самой себя. Съ этихъ поръ она соединится съ мужемъ неразрывной связью, чтобы быть подругою его дней и въ тоже время сохранить дѣвственную чистоту сердца и независимость.

Языческій міръ не сдался безъ бою. Пламенѣя отъ гнѣва, онъ вооружился противъ ненавистной реформы всѣми орудіями, огнемъ, зубами звѣрей, костромъ, но пусть свирѣпствуетъ язычество, пусть оно возводитъ на костеръ этихъ женщинъ, мученицъ нравственнаго совершенства и свободы добра. Вліяніе ихъ примѣра не угаснетъ вмѣстѣ съ ними. Поднятая, облагороженная, возвышенная мученичествомъ, женщина снова займетъ свое мѣсто при домашнемъ очагѣ; она пойдетъ равною мужу, его подругой, его сердцемъ, подъ чертами супруги и матери она сохранитъ эту дѣвственную стыдливость, свойственную ея состоянію. И если захотятъ узнать причину этого нравственнаго преобразованія, столь плодотворнаго для человѣчества, то не нужно искать ее ни въ лѣсахъ Германіи ни въ рыцарскихъ нравахъ; нужно подняться выше: это—тѣ костры, на

которыхъ христіанская женщина съ мужествомъ возста-
новила свой полъ и цѣною собственной крови приобрѣ-
ла ему равенство права при равенствѣ уваженія.

V.

Преобразовавши вѣрованія и измѣнивши нравы, хри-
стіанство, по естественной послѣдовательности своихъ
дѣйствій на умы, должно было также поднять и возвы-
сить характеры; потому что вѣрованія и характеръ
суть двѣ вещи, внутренне связанныя между собою: они
вмѣстѣ рождаются и укрѣпляются, вмѣстѣ измѣняются и
исчезаютъ. Чѣмъ сильнѣе люди привязываются къ ис-
тинѣ, тѣмъ болѣе они приобретаютъ въ силѣ характе-
ра, какъ прекрасно выражаютъ это слова ближняго
Августина: *Magnitudo ubi ipsa veritas est.* Напротивъ,
когда вѣрованія въ обществѣ начинаютъ клониться къ
упадку, когда пускаютъ въ немъ корень сомнѣніе и
индифферентизмъ, съ тѣмъ вмѣстѣ неминуемо насту-
паетъ конецъ для всякаго величія души и всякой нрав-
ственной энергіи. Положеніе римскаго міра при появле-
ніи христіанства служитъ самымъ неотразимымъ под-
твержденіемъ этого факта; но кромѣ того примѣры это-
го постоянно находятся предъ нашими глазами. Что
сдѣлалось въ ту пору со всѣми эгими великодушными
доблестями, съ тою твердостью при всякомъ испытаніи,
съ тѣмъ самоотверженіемъ, съ тѣмъ мужествомъ, до-
ходившимъ до героизма, съ терпѣніемъ, удивлявшимъ
своею непреклонностію,—что сдѣлалось съ этими добле-
стями, которыя дали древнему Риму столько и такихъ
прекрасныхъ образовъ и пронесли такъ далеко его имя

и его могущество? Когда религія процвѣтала и сохранила власть надъ умами, она возбуждала и силу характера; но когда вѣрованія упали, то вибогѣ съ ними упало величіе народнаго духа. Такимъ образомъ ослабленіе характеровъ неминуемо слѣдуетъ за упадкомъ вѣрованій, какъ и наоборотъ сила вѣры содѣйствуетъ величію духа. Въ то время, когда явилось Евангеліе, эта страна, бывшая родиной столькихъ мужественныхъ душъ и пріѣтствовавшая ихъ подвиги, представляла только поколѣніе людей разслабленныхъ, не способныхъ ни къ чему больше, какъ подставлять выю подъ безславное ярмо или съ неистовствомъ требовать хлѣба и зрѣлищъ. Этимъ то людямъ христіанство должно было возвратить нравственную свободу; оно должно было пробудить мужество въ совѣстяхъ изветшавшихъ; возжечь въ нихъ пламя преданности и подъ небомъ, привыкшимъ видѣть только рабовъ, оно должно было пробудить величіе духа, создать людей, мучениковъ. Оно сдѣлало это во первыхъ какъ мы уже сказали, возвративши вѣру этимъ народамъ, отвратившимся отъ истины; во вторыхъ оно это сдѣлало, закаливая ихъ въ терпѣніи, въ мужествѣ, въ самоотверженіи. Это—последнее дѣйствіе христіанскаго возрожденія въ первомъ вѣкѣ, о которомъ мы узнаемъ также отъ отцевъ апостольскихъ. Но здѣсь дѣла говорятъ лучше, нежели писанія.

Мы уже видѣли, какъ борется Игнатій, чтобы защитить цѣлостъ церковнаго ученія и чтобы обезпечить торжество началу авторитета въ церкви; теперь посмотримъ, какъ онъ пытался сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы поднять характеры. Въ его посланіяхъ къ Азіискимъ церквамъ мы видимъ епископа, евангельскаго учителя, въ славномъ посланіи къ римлянамъ видимъ хри-

стіанскаго героя, мученика, который поражаетъ всѣ взоры. Но остановимся на одну минуту, чтобы посмотрѣть на дивное зрѣлище, котораго свидѣтелемъ былъ тогда міръ языческій. Правителемъ имперіи былъ Траянъ. Вотъ одинъ человекъ оставляетъ Антиохію; онъ окруженъ конвоемъ и закованъ въ цѣпи. Едва этотъ человекъ оставилъ городъ, какъ вся Азія пришла въ движеніе. Каждая церковь посылаетъ къ нему депутатовъ; есть изъ Траллеса, Филадельфіи, Ефеса. Сказали бы, что это было триумфальное шествіе, путешествіе царя: но однако это только простой епископъ, вождь христіанъ; его смерть обѣщана римскому населенію; она займетъ тупые досуги Неронова города. Въ чемъ же состоитъ его преступленіе? Онъ провозгласилъ, что есть одинъ только Богъ, который создалъ небо и землю и все, что они заключаютъ. Что онъ чувствуетъ? Боятся, что не умретъ мученикомъ. Что хотятъ узнать отъ него эти многочисленные депутаты, которые идутъ совѣхъ сторонъ? Они хотятъ научиться исповѣдывать свою вѣру предъ лицомъ вселивной, чтобы запечатлѣть ее, въ случаѣ нужды, своею кровію. Вотъ школа, гдѣ закаляются характеры, гдѣ освящаются души, гдѣ угрощаются страсти. Святой Игнатій есть одинъ изъ наставниковъ этой школы и его посланіе къ римлянамъ, также какъ самая его смерть, есть одинъ изъ возвышенныхъ уроковъ, которыя онъ далъ людямъ. До какой высоты должно было подвять христіанскіе характеры это посланіе, дышащее любовью къ Богу и къ людямъ, гдѣ пламенѣетъ одна страсть — къ истинѣ, торжествующая надъ тысячами земныхъ привязанностей, надъ гоненіями, страданіями, смертію? Нѣтъ нравственной низости, слабости, испорченности, которая могла бы противиться дыханію этихъ дивныхъ словъ: простите меня братья...

Слыша такія слова, видя такіе примѣры, міръ пробудился; точно будто новая кровь потекла въ издохшихъ вѣкахъ падшаго человѣчества. И тотчасъ, среди этого общества испорченнаго, разслабленнаго, возстають не два — три человѣка, но множество людей бодрыхъ, звергическихъ, въ тоже время терпѣливыхъ, достойныхъ и простыхъ, какъ истинные герои, и преданныхъ истинѣ до пожертвованія жизни! Пусть откроютъ акты мучениковъ, эту золотую книгу искушеннаго чело-вѣчества, и пусть посмотрятъ, какъ проходятъ предъ ними всѣ эти мужественные характеры, всѣ эти высокія души, которыхъ ничто въ мірѣ не пугаетъ, кромѣ страха потерять любовь Христову. Между ними есть старцы, которыхъ нравственная энергія едва находитъ поддержку въ слабомъ остаткѣ физической жизни, — есть женщины, юныя дѣвицы, дѣти, слабыя созданія, являющія неслыханную силу духа, сильныя земли мѣшаются съ малыми; здѣсь сходятся всѣ состоянія, даже ничтожныя и презрѣныя въ глазахъ людей, даже рабы: всѣ украшаются славою исповѣдничества или мученическихъ вѣнцомъ. Вотъ перемѣны, которыя производятъ въ мірѣ эти двѣ великія вещи, составляющія жизнь народа какъ и индивидуумовъ: вѣра и мужество. Но сегодовольно того, что души укрѣпились, что эгоисты и слабыя сдѣлались съ тѣхъ поръ болѣе сильными, и болѣе преодолимыми. Характеры не только возвысились христианствомъ, они преобразованы. Безъ сомнѣнія языческая древность также удивлялась великимъ душамъ и преславляла героическія подвиги. Преданность, самоотверженіе, мужество, постоянство имѣли уже свои лѣтописи, которыя память народная хранила съ гордо-стію. Въ древности умѣли умирать такъ, какъ Кощей

или какъ Деицъ, чтобы обезпечить побѣду своимъ соотечественникамъ или какъ Регуль, чтобы сохранить вѣрность клятвъ; умѣли какъ Сократъ пить ядъ, чтобы сохранить повиновеніе законамъ. Но кромѣ того, что такіе подвиги были очень рѣдки, если сравнивать ихъ съ геройскими подвигами, явленными въ безчисленномъ множествѣ у христіанъ, — сколько низшихъ причинъ, сколько естественныхъ побужденій лежатъ въ основаніи этихъ прекрасныхъ примѣровъ! Безъ всякаго желанія уменьшить достоинства языческаго герояма, не справедливо ли сказать, что онъ почти всегда привязанъ къ интересамъ личнымъ или, по крайней мѣрѣ, мѣстнымъ, временнымъ, къ соперничеству часто дѣтскому, къ національной или племенной ревности, къ интересу возвышенія или приобрѣтенія имени или, наконецъ, къ какому-то чувству стоической презрительной гордости. Такой примѣръ, — а этого нельзя отрицать, — довольно для того, чтобы уменьшить красоту самыхъ возвышенныхъ чувствъ и самыхъ высокихъ дѣйствій. Видно ли что нибудь подобное въ героизмѣ христіанъ? Изъ-за чего въ самомъ дѣлѣ у нихъ такая преданность? Изъ-за того ли, чтобы прославить городъ, націю, чтобы дать имъ перевѣсъ передъ другими націями? Изъ-за того ли, чтобы обезпечить себѣ извѣстное безсмертіе въ будущности людей? Изъ-за того ли, чтобы доказать, что скорбь не значитъ ничего и что души избранныхъ легко могутъ произвольно играть ею? Ничего подобнаго не входитъ въ ихъ планы. Если они умираютъ, то для того, чтобы дать свидѣтельство вѣчному дѣлу, вѣчному спасенію, — величайшему изъ дѣлъ — истинѣ. Если они умираютъ, то для того, чтобы утвердить своихъ братьевъ въ вѣрѣ, какъ прекрасно говоритъ Игнатій въ Поли-

карпу; если, наконецъ, они умираютъ, то для того, чтобы на всегда утвердить въ мирѣ торжество справедливости и религiи. И замѣтимъ, что они велики не на минуту, въ рѣдкихъ и торжественныхъ обстоятельствахъ, увлеченные порывомъ энтузіазма или вдохновеніемъ гордости. Когда нужно быть великимъ только такимъ образомъ, природа собираетъ всѣ свои силы и гордость на вѣскольکو времени замѣняетъ добродѣтель. Но величіе христіанъ не такого рода: оно никогда не измѣняетъ себя, потому что не имѣетъ ничего общаго со страстями человѣческими. Не въ данную только минуту, но во всѣ минуты своей жизни, они скорѣе готовы пожертвовать всѣмъ, честью, счастіемъ, добрымъ именемъ, привязанностями сердца, нежели долгомъ и вѣрою. И въ самомъ пожертвованiи собственной жизни; какое разстояніе между ихъ героизмомъ и тѣмъ, которому мы удивляемся въ этомъ маломъ числѣ знаменитыхъ язычниковъ, умѣвшихъ презирать смерть и мужественно переносить ее, чтобы послужить великому дѣлу. Здѣсь умираютъ послѣ того, какъ апеллировали къ суду потомства, требуя отъ него пустаго удивленiя; тамъ ничего не просятъ у людей, но всего ожидаютъ отъ Бога. Здѣсь встрѣчаютъ смерть съ холоднымъ равнодушіемъ, или съ гордымъ презрѣніемъ; тамъ, принимаютъ ее съ лицомъ веселымъ, съ сердцемъ полнымъ надежды и показываютъ міру; какъ можно сохранить нѣжность даже въ самой смерти. Здѣсь не боятся страданiй, потому что презираютъ ихъ; тамъ идутъ имъ на встрѣчу, потому что находятъ въ нихъ истинную жизнь. Здѣсь, наконецъ, утѣшаются въ смерти, смотря на то, какъ мало оставляютъ послѣ себя, видя близкую старость, непостоянство счастья, людскую несправедливость. Тамъ смотреть

только вперед себя и, снѣдаемые любовью къ вѣчнымъ благамъ, не берутъ въ уваженіе ничтожныхъ земныхъ расчетовъ. Нужно признаться, однимъ словомъ, что въ язычникахъ всегда, даже среди самыхъ блестящихъ дѣйствій, мы видимъ людей; въ христіанахъ напротивъ дѣйствуетъ самъ Богъ. Такъ исполняется, въ особенности черезъ страданія и жертвы, великое дѣло преобразованія характеровъ. Въ гоненіяхъ, въ борьбѣ, въ скорьби, въ наказаніяхъ міръ возвращалъ то, что онъ потерялъ въ изнѣженности и въ нечестіи, то-есть, силу души, терпѣніе, достоинство, самоотверженіе и неодолимую вѣрность истинѣ. Мученичество было пробнымъ камнемъ однихъ и примѣромъ другихъ. Кто умѣлъ цѣнить его, оно сдѣлало изъ тѣхъ несравненныхъ героевъ, наводя въ то же время стыдъ и укоризну на сердца вѣтожнныя. Съ этихъ-то добровольныхъ и великодушныхъ жертвъ Божественной религіи, утвержденной кровію божественнаго учителя, начинается въ мірѣ преданность истинѣ и благу, составляющая благородство души; и если съ этой эпохи родъ человѣческой вошелъ въ обладаніе такими великими вещами, которыя никогда не погибаютъ, какъ уваженіе къ человѣческому достоинству, ненарушимость совѣсти, свобода истины и добра, и если съ этого времени, вопреки человѣческому страсти, которыя переживаютъ все, никакое могущество не въ силахъ погасить христіанскаго ученія, то мы одолжены этимъ, послѣ Бога, прежде всего этимъ героическимъ людямъ, которые написали свою кровію, на колыбели христіанскаго міра, безсмертныя права истины.

Такова слава христіанства, которое видѣно, какъ съ перваго вѣка обнаружилась въ отцахъ чистота и единство его ученія и въ мученикахъ его сила и его доб-

лести. Предпринятое одинъ разъ дѣло преобразованія
міра идетъ постоянно впередъ! Не было недостатка ни
въ учителяхъ, ни въ мученикахъ въ послѣдующее вре-
мя. Но въ I вѣкѣ особенно надо удивляться дивной сто-
ронѣ этого великаго движенія, которое должно было об-
новить человѣчество; потому что, если позже оно от-
крылось во всей своей широтѣ и во всемъ своемъ блес-
кѣ, то въ началѣ оно особенно проявило свою доблесть;
тѣмъ грознѣе были препятствія, тѣмъ рѣшительнѣе
торжество, и каждая черта, которою оно себя проявило,
должна была ввести въ жизнь и исторію новое начало.
Вся будущность христіанства въ этомъ вѣкѣ. Нѣтъ
истины, опредѣленной церковію впоследствии, которая
бы не существовала въ сѣмени въ основныхъ догма-
тахъ, провозглашенныхъ этой эпохой; нѣтъ правила
дисциплины церковной, культа, учрежденія, которые бы
не были естественнымъ послѣдствіемъ началъ и правилъ,
положенныхъ и признанныхъ въ это время. Божествен-
ное дерево будетъ расти, поливаемое непрестанно но-
вою кровію. Если его вѣтви еще не достигли своего
полнаго развитія, если оно не обнимаетъ, не осыпаетъ
еще всѣхъ частей вселенной, по крайней мѣрѣ оно уже
бросаетъ въ грунтъ столь глубокіе корни, что можно
надѣяться увидѣть, какъ оно повсюду распространитъ
свою охранительную тѣнь. Великій вѣкъ! Отцы апо-
стольскіе были не только славными орудіями, но досто-
вѣрными и вдохновенными историками великаго дѣла,
которое въ немъ совершилось. Съ нихъ начинаются тѣ
великія лѣтописи христіанскаго общества, то живое
преданіе, въ которомъ вѣрующій находитъ основаніе
для своей вѣры и обновленіе и утвержденіе для своей
надежды. Скоро раздается по всему свѣту этотъ могу-

щественный голосъ преданія; со 2-го и 3-го вѣка устами Іустина, Климента Александрійскаго, Оригена, Тертуліана, Кипріана, оно сдѣлаетъ себя повеюду слышнымъ и утвердитъ съ неодолимою силою великія свидѣтельства отцевъ 1-го вѣка. Съ ними церковь можетъ безбоязненно явиться предъ судомъ свѣта. Пусть разсматриваютъ, оспариваютъ ея древность, ея учрежденіе, ея характеръ; она имѣетъ своихъ свидѣтелей, которые, всякій разъ, какъ спросятъ ихъ, возстанутъ, чтобы дать торжество истинѣ и привести въ замѣшательство ея противниковъ.

Какимъ образомъ можетъ осуществиться единеніе армянской и православно-каео- лической церкви (*).

Для достиженія вождельннаго единенія церковей нуж-
ны прежде всего два главныхъ условія: 1) составить
комитетъ для предварительнаго разсмотрѣнія и смягче-
нія существующихъ между церквами различій и 2) до-
пустить нѣкоторыя уступки и оказать снисхожденіе *на*
основаніи древнихъ примѣровъ вселенской церкви.

О составленіи Комитета.

Комитетъ, который будетъ назначенъ для того, что-
бы смягчить различія и разсудить, на какомъ основа-
ніи можно достигнуть церковнаго примиренія, долженъ
быть *смѣшанный* и состоять изъ самыхъ просвѣщен-
ныхъ духовныхъ лицъ обѣихъ церквей.

Члены, избранные съ обѣихъ сторонъ въ равномъ

(*) Предлагаемый проектъ соединенія армянской церкви съ право-
славною, принадлежитъ преосвященному Григорію Византіосу, митропо-
литу хіосскому; въ греческомъ подлинникѣ онъ былъ напечатанъ въ
газетѣ „Византіосъ“ въ 1864—1866 годахъ.

числѣ, должны дѣйствовать на основаніи совершеннаго равенства и быть воодушевлены братскою любовію.

Вопросъ: „дѣйствительно ли правильно совершаются у армянъ таинства священства и крещенія“ не долженъ быть возбуждаемъ: всякое состязаніе объ этомъ противорѣчливо бы цѣли предпринимаемыхъ дѣйствій въ пользу единенія и умиротворенія *братій—христіанъ*. Самый приотупъ въ дѣлу уже необходимо предполагаетъ дѣйствительную благодать двухъ таинствъ, *составляющихъ одну изъ основныхъ ступей христіанства*. Если же есть сомнѣніе въ этомъ, то невозможно и думать о составленіи комитета: ибо какъ сходиться съ такими, которыхъ не признаемъ ни облеченными священствомъ, ни крещенными, иначе сказать, считаемъ *язычниками*; какъ совѣщаться съ ними въ духѣ совершеннаго равенства и братской любви о догматахъ Христіанской Вѣры?

Такъ какъ нѣтъ ничего щекотливѣе народнаго самолюбія, то, во избѣжаніе всякаго подозрѣнія, которое могло бы сдѣлать тщетными всѣ усилія, не должно давать повода заключать, что цѣль дѣйствій есть или обращеніе въ эллинство армянской церкви, или же обращеніе греческой въ армянство, и необходимо признавать, что ни одна изъ церквей не въ правѣ возлагать на другую частныхъ церковныхъ правилъ, постановлений и обрядовъ, но что, напротивъ, каждая должна быть готова измѣнить или даже отказаться отъ нихъ, если будетъ доказано, что они противны преданію *Богородицкой церкви*, и въ такомъ случаѣ принять правила другой уже не какъ частныя постановленія, принадлежащія *Греческой* или *Армянской* церкви, но какъ *Вселенскія*, согласныя съ постановленіями *апостольскими*, правилами *Вселенскихъ соборовъ* и *ученіемъ* св. Отцовъ.

Всѣ дѣйствія въ пользу единенія слѣдуетъ считать какъ бы продолженіемъ попытокъ, бывшихъ въ Румъ-Казе и Тарасѣ въ 1179 году, и потому необходимо, чтобы въ актахъ комитета помѣщалось историческое изложеніе прежнихъ дѣйствій, обращающее новое дѣло въ продолженіе древняго вѣдущаго.

Таки какъ открытость въ сношеніяхъ подобнаго рода можетъ возбудить подозрѣніе обоимъ народамъ и случайно сдѣлаться орудіемъ вредныхъ замысловъ враговъ единенія, въ особенности клира западныхъ церквей, то необходимо обнародованіе дѣйствій комитета, съ изложеніемъ ихъ на греческомъ, армянскомъ и французскомъ языкахъ. Кромѣ указанной нами пользы, такия свѣдѣнія будутъ имѣть еще и ту, что вызовутъ мнѣніе преданныхъ церкви ученыхъ о предлагаемыхъ вопросахъ, и тѣмъ проявятъ и приготовить общественное мнѣніе обоимъ христіанскимъ народамъ касательно предлагающаго единенія.

Главные рассматриваемые вопросы должны заключаться въ слѣдующемъ: 1) вопросъ о двухъ естествахъ во Христѣ, 2) объ употребленіи опръсноковъ и нераствореннаго вина въ евхаристіи, 3) о святомъ мръ 4) о тривѣтой пѣсни, 5) о праздникѣ Рождества Христова и 6) о постахъ.

Въ случаѣ, если найдется въ армянской церкви канонъ либо обычай, не соответствующій преданію Вселенской церкви и древнему ея обыкновенію, но исправленіе котораго впрочемъ окажется невозможнымъ, по причинѣ укоренившихся понятій въ совѣсти цѣлаго христіанскаго народа въ продолженіи многихъ вѣковъ, то, чтобы попытка единенія не осталась тщетною, или другими словами, чтобы не былъ нарушенъ законъ

любви, которая есть вервь *самельскно* совершенства, слѣдуетъ допускать соблюденіе такого обычая. Пусть, въ такомъ случаѣ, и греческіе и армянскіе члены комитета будутъ имѣть въ виду сказанное блаженнымъ Теофилактомъ: „*Не за есклія обывай слѣдуетъ отлучати отъ церкви, но только за тѣхъ, который водствъ къ различію въ догматы*“ (Очевидно, что окончательный голось о возможности такой уступки принадлежитъ только цѣлой церкви). Необходимо, впрочемъ, чтобы всѣ подробности подобныхъ уступокъ, равно какъ и тѣ древніе примѣры, на которыхъ они опираются, были основательно упоминаемы въ актахъ, для избѣжанія всякаго соблазна.

Разъ оконченыя дѣйствія комитета должны быть подвергнуты, во первыхъ, *частному* разсмотрѣнію церковнаго начальства, какъ православной, такъ и армянской церкви. Церкви эти потомъ могутъ войти въ болѣе официальные сношенія на соборныхъ совѣщаніяхъ, при чемъ каждая должна сообщать другой свою вѣру посредствомъ частной *граматы* и выказывать, въ духѣ христіанской любви, свое единомысліе касательно вопросовъ второстепенныхъ. За тѣмъ священныя акты *официальныя* и *соборныя* дѣйствія объ церкви должны повзрнуть на усмотрѣніе всѣхъ единовѣрныхъ церквей для *Вселенскаго* и окончательнаго приговора, сообразнаго съ законами церковными. Послѣ этого дѣло единенія осуществится чрезъ взаимное во Христѣ лобзаніе между пастырями обѣихъ церквей и чрезъ причастіе Божественныхъ Тайнъ; ибо, *по удаленіи причины соблазна, любовь должна быть возстановлена между есклія чрезъ взаимное общеніе.*

Этимъ заключимъ нашъ взглядъ на предполагаемыя дѣйствія смѣшаннаго комитета.

Такъ какъ уже выше было признано, что не слѣдуетъ касаться вопроса о крещеніи и священствѣ у братій нашихъ армянъ, но что безъ всякихъ разспросовъ должно признавать таковыя таинства у нихъ дѣйствительными; и какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не опасаться, чтобы совѣсть нѣкоторыхъ, по причинѣ излишне-живой ревности, не соблазнилась подобнымъ мнѣніемъ, то, для убѣжденія и успокоенія таковыхъ, считаемъ необходимымъ нѣсколько *уклониться* отъ главнаго предмета и сказать нѣчто о крещеніи и рукоположеніи отщепенцевъ и еретиковъ вообще, основывая нашъ смиренный взглядъ на соборныхъ дѣйствіяхъ *ка-толической* церкви и на *частныхъ* наставленіяхъ святыхъ Отцевъ.

Уже Вселенскій соборъ принимаетъ священно-служителей изъ Новатіанъ, возвращающихся къ православію, въ принадлежащемъ имъ санѣ, послѣ простой разрешительной молитвы (см. прав. 8 и толкованіе его въ кормчей книгѣ ст. 75).

Св. Мелетій былъ поставленъ епископомъ аріанами и ими же назначенъ въ Веррію, а за тѣмъ въ Антиохію; однако же ему вовсе не было поставлено въ упрекъ, что онъ получилъ свое рукоположеніе отъ еретиковъ; самъ онъ въ послѣдствіи рукоположилъ во диаконы святаго Іоанна Златоуста и святаго Василія; онъ же возстановилъ и святаго Григорія Богослова въ санъ патріарха константинопольскаго и былъ назначенъ *экзархомъ* II Вселенскаго собора, какъ о томъ свидѣлствуютъ историки Сократъ, Созоменъ и Блаженный Амфилохій (сокр. ист. церкви кн. II. гл. 43 и кн. V гл.

5, Созом. ист. церкви IV, 28 и Амел. въ словѣ къ св. Василю Великому) и нѣкоторые другіе (').

Св. Кириллѣ Іерусалимскій также аріанами былъ рукоположенъ во епископа; возвратившись же къ православію, онъ не только принятъ, какъ архіерей, вмѣстѣ съ рукоположеннымъ имъ клиромъ, но даже причисленъ церковію къ лику святыхъ (см. Сокр. ист. церкви вн. V гл. 8 Созом. IV, 25 и VII, 7. Θεοφ. хроногр. стр.

(') Вотъ съ какою похвалою стѣмляется объ этомъ святомъ мужѣ св. Василій Великій въ письмѣ къ Великому Афанасію: „Всему Востоку, а равно и какъ, во всемъ единомыслии съ нимъ (Мелетіемъ), было бы желательно видѣть его управляющимъ Церковію Господа, посланну оубо непорочно въ вѣрѣ, и не смотря на малое имѣніе сравнитель съ прочими (здѣсь св. Василій подразумѣваетъ Павлина и Виталіа, сопротивлявшихся престолу антиохійскому и отвергавшихъ права Мелетія, какъ рукоположеннаго аріанами); вообще же ему видѣлись бы преимущественно во всемъ касающемся Церкви, и необходимо, а елико срдѣ и полезно было бы прочимъ отовсюду сноситься съ симъ мужемъ, подобно тому, какъ текутъ маленькія рѣки въ большія. Братъ же св. Василія, знаменитый пастырь никейскій Григорій называетъ св. Мелетія, въ подробномъ о немъ словѣ, новымъ апостоломъ. Созоменъ, повѣствуя о живой ревности къ Православію и о страданіяхъ сего святаго отца, пишетъ слѣдующее („въ этомъ же отрывкѣ имъ находитца доказательство древняго обычая, апостолами предавнаго вѣрившихъ, дѣлать знаменіе креста слагая три перста, а не пять, какъ то дѣлаютъ латиняне и армяне“). Молва уже говорила о немъ, какъ о зачѣтнѣйшій догматѣ (о единбоуствѣ), утверждающаго себравшимся въ Никей отцами, и скоро случай доказалъ это на дѣлѣ. Ибо сначала онъ всенародно проповѣдывалъ все, касающееся до нравственности: впоследствии же сталъ открыто возвѣщать единбоуственность Сына Отцу: но когда онъ говорилъ сему, то архидіаконы, принадлежавшіи къ тамошнему клеру, прибѣгая, закрыли ему уста рукою: тогда святой рукою еще яснѣе, нежели голосомъ, явилъ свое убѣжденіе; выпрявивъ только три пальца, онъ за тѣмъ оубо прикулъ ихъ и показавъ однимъ, свидѣтельству таковыи образомъ народу то, чему самъ вѣровалъ и что стремился разгласить. Архидіаконы, видя бесполезность своихъ усилій, отняли руку отъ устъ его; и тутъ св. Мелетій сталъ уже свободно проповѣдать свои убѣжденія и поущилъ народъ даровать опредѣленій собора никейскаго“ (Ист. Церквей, Кн. IX гл. 28).

34 и Григорій Нисскій въ словѣ при перенесеніи мощей первоученика Стефана).

Отъ I до II вселенскаго собора прошло 40 лѣтъ, и въ этотъ промежутокъ времени большая часть священнослужителей приняла рукоположеніе отъ еретиковъ, епископствовавшихъ тогда въ Константинополѣ, каковы были Македоній, Евдоксій и друг., но тѣмъ не менѣе всѣ таковыя, присоединившись къ православію, засѣдали на II соборѣ, не подвергаясь никакому осужденію за неправильное рукоположеніе.

Св. Анатолій Константинопольскій былъ рукоположенъ ересеначальникомъ Монофизитомъ Диоскоромъ, убійцею св. Флавіана, патріарха Константинопольскаго, и не смотря на то, когда онъ защищалъ православіе на IV соборѣ, то рукоположеніе его еретикомъ и убійцею вовсе не было поставлено ему въ укоръ.

Всѣ епископы, поставленные Петромъ Моною, еретикомъ и дохитителемъ престола церкви Александрійской и убійцею законнаго пастыря Александрійскаго Протерія, *которымъ онъ былъ лишенъ сана*, отвергнувъ Евтихіезу ересь и, признавъ боговдохновеннымъ и святымъ соборъ Халкидонскій, были приняты въ церковь Христову какъ епископы, и ни одинъ не былъ лишенъ своей степени.

На V соборѣ всѣ бывшіе въ общеніи съ еретиками Акефалитами, т. е. Миссофизитами и Теопасхитами и получившіе отъ таковыхъ рукоположеніе, отвергнувши свою ересь и подписавъ исповѣданіе вѣры, были приняты на томъ святомъ соборѣ и утверждены въ принадлежавшемъ каждому санѣ.

Большая часть отцевъ, засѣдавшихъ на VI Соборѣ, были рукоположены епископами ереси Моноелитской,

какъ-то: Константинопольскими патриархами Сергіемъ, Пирромъ, Павломъ и Петромъ, Александрійскимъ Ки-ромъ, Антиохійскимъ Макаріемъ и Римскимъ Гоно-ріемъ. Не смотря на то, они не только сохранили дан-ныя имъ степени, но ублажаются церковію какъ святые за ихъ боголюбивую ревность къ благочестію.

Святѣйшій Германъ, изъ Кизики возведенный на все-денскій патриаршескій престолъ въ Константинополь и здѣсь показавшій себя мужественнымъ поборникомъ честныхъ иконъ, получилъ рукоположеніе отъ моноее-литовъ въ то время, когда ересь ихъ уже подверглась *соборному* осужденію:

Первыя попытки иконоборства продолжались 45 лѣтъ и въ продолженіе всего этого времени почти совсѣмъ прекратилось посвященіе чрезъ православныхъ; однако всѣ получившіе рукоположеніе отъ иконоборцевъ, от-вергшись этой ереси, остались при своемъ санѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ акты VII собора, подтвержден-ные слѣдующими словами Іоанна, епископа Халкидон-скаго: „Тарасій и всѣ избранные преемники апостоль-скихъ каведръ, наставлявшіе паству въ божественныхъ догматахъ вѣры, не подвергали безъ разбора никакому осужденію членовъ, принадлежащихъ священному кли-ру, за прежнія ихъ неправыя мнѣнія... и не только не исключали изъ паствы церковной рукоположенныхъ ерети-ками священнослужителей, но возвращавшихся къ мы-слямъ благочестія, какъ братьевъ и сослужителей, прили-мали въ свои обвятія, и оставляли каждому данную имъ каведру и санъ; храмлющихъ же и превратно смотрѣв-шихъ на вѣру, но впоследствии познавшихъ свою ошиб-ку и грамотою и анаеомою отвергшихъ прежнее заблуж-деніе, они равнымъ образомъ принимали, утверждали

на занимаемыхъ ими кафедрахъ, и своимъ миролюбивымъ поведениемъ и невозмутимымъ спокойствіемъ поддержали вселенскую церковь“ (Огласит. бесѣда, начинающаяся словами: „вотъ опять день спасенія, и мнѣ предстоитъ говорить о недостойно принявшихъ отъ еретиковъ рукоположеніе“).

При незабвенномъ патріархѣ Германѣ Новомъ, перенесшемъ патріаршескій престолъ въ Никею, по причинѣ утвержденія тамъ царскаго престола, архіепископъ Кипра Неофитъ и находившійся въ зависимости отъ него епископъ, подчинили себя Римскому первосвященнику: раскаявшись же, они и поставленные имъ священнослужители были приняты церковію и оставлены каждый при своемъ санѣ.

При императорѣ Феодорѣ Ласкарисѣ три іеромонаха Нектарій, Маркъ и Іаковъ, пришедшіе въ Царь-градъ изъ Сициліи и получившіе рукоположеніе отъ латинягъ, были приняты тогда патріаршествовавшимъ святителемъ Мануиломъ, и священнодѣйствовали въ находившемся близъ Никей монастырѣ св. Іакинава, гдѣ они подвизались.

Въ житіи св. Саввы написано, что, когда святѣйшій Идія оставилъ престолъ держки Іерусалимской, то Мексодантани, Подуарианами рукоположенъ былъ въ патріарха единомышденный имъ Іоаннъ, и что онъ, по убѣжденіямъ св. Саввы и Феодосія, обратился къ православнои вѣрѣ, и ему не вмѣнено было въ упоръ по священію принятое имъ отъ рукъ еретиковъ, но онъ даже ублажается церковію какъ святой за благочестіе, и необычайную святость жизни.

Св. соборъ Карфагенскій принялъ священнослужителей Донатистовъ, оставивъ имъ данныя степени и, сдѣ-

давъ это на основаніи древнихъ примѣровъ, выразился такъ: „Разсудилось намъ отправить посланія къ братіямъ и сослужащимъ намъ епископамъ, и особенно къ апостольской кафедрѣ, которою управляетъ достоуважаемый братъ и сослужитель нашъ Анастасій. Ибо, какъ ему извѣстно, Африка находится въ крайне бѣдственномъ положеніи, и потому для мира и пользы церкви мы рѣшили, клириковъ даже изъ донатистовъ, отказавшихся отъ своихъ заблужденій, если только это содѣйствуетъ водворенію мира среди христіанъ, принимать въ принадлежащемъ каждому санѣ, на томъ основаніи, какъ это совершалось въ предыдущіе вѣка въ такихъ же случаяхъ, о чемъ свидѣлствуютъ примѣры многихъ и почти всѣхъ церковей Африки, среди которыхъ возникали подобнаго рода заблужденія“ (Прав. 77).

Кромѣ приведенныхъ нами соборныхъ и церковныхъ дѣйствій и уступокъ касательно рукоположенія иновѣрцевъ, мы имѣемъ въ добавокъ и частныя мнѣнія о семъ св. отцевъ.

Св. Василій въ письмѣ къ Евлогію и Арпократіону пишетъ слѣдующее: „Евлогій напомнилъ мнѣ, какъ вы наблюдали осторожность не предпринимать ничего необдуманно или легкомысленно касательно послѣдователей Маркелла; но послѣдую Маркеллъ отлученъ отъ церкви по причинѣ догматовъ, то проклявшихъ ересь его, необходимо принять въ общеніе церкви“.

Того же мнѣнія касательно рукоположенія еретиковъ держались св. Іоанникій великій и святѣйшій патріархъ Меодій, какъ мы о семъ читаемъ слѣдующее въ житіи перваго изъ нихъ: „по отшествіи Θεοφιλα (императора) отъ сей жизни, сынъ его съ супругою Θεο도로ю принимаютъ жезлъ правленія; Меодій же поставляется на

св. престолъ, какъ истинный іерей и человекъ Божій; (скажу вкратцѣ), когда имъ всѣ были возвращены къ православной вѣрѣ, и всякое волненіе и буря утихла и дѣла успокоились, между людьми благочестивыми возникъ новый раздоръ, и опять раздѣлилось мнѣніе касательно дѣлъ церковныхъ: ибо одни смотрѣли на принявшихъ отъ иконоборцевъ санъ священства, какъ на служителей, не находя въ семъ ничего вреднаго для благочестія, другіе же считали дѣломъ неправильнымъ, богопротивнымъ и непозволительнымъ вѣрять святую оскверненнымъ рукамъ. Меодій, какъ истинный Божій человекъ, грустилъ, скорбѣлъ и томился духомъ: ему казалось, что въ ухахъ его раздается гласъ великаго Павла, какъ бы вѣщающій ему такъ: „я желалъ бы самъ быть отлученъ отъ Христа за васъ, братіи моихъ, если бы только вы стояли за одно съ нами и вмѣстѣ прославляли Святую Троицу“. Таково было его стремленіе; прочіе же (непринимавшіе какъ сослужителей тѣхъ, которые получили рукоположеніе отъ иконоборцевъ) готовы были скорѣе терпѣть все, нежели измѣнить свое мнѣніе, такъ что вся церковь вновь расторглась на части, тогда боголюбезный Іоанвикій, среди такого безпокойнаго состоянія дѣлъ, отчасти словомъ, отчасти же письмомъ, которымъ подобно трубѣ, призываетъ отдѣлившихся членовъ церковной паствы къ единомыслію, самъ погруженный душою въ Единомъ Богѣ, единомъ добромъ пастырѣ, а не наемникѣ, поддерживалъ въ особенности колеблющійся духъ святителя Меодія (отъ страха начинающій уже уклоняться на сторону отвергавшихъ рукоположеніе иконоборцевъ), написавъ ему о семъ между многими другимъ и то, чтобъ онъ вовсе не уклонялся на сторону раздѣлявшихъ на разные части

то, что должно быть единосущнымъ, и возбуждавшихъ, увы, неумѣстные раздоры; съ таковыми онъ совѣтуетъ ему даже и словомъ не входить въ общеніе и, сколько возможно, уклоняться отъ всякой встрѣчи съ ними. Іоанникій выражаетъ даже мысль, что отвергающій посвященіе другаго, самъ не можетъ считаться истиннымъ священнослужителемъ, и пишетъ, что Мееодій долженъ допускать въ богослужебное общеніе съ собою лишь такихъ, которые единомысленны съ нимъ относительно образа жизни и догматовъ православія. Когда Мееодій получилъ это посланіе, *то онъ принялъ во вниманіе все написанное; злые же люди, обративъ дѣло въ смѣхъ и шутку, начали злословить добродѣтельную Іоанникія*; но, узнавъ, что онъ оклеветанъ ими, онъ во всеуслышаніе сталъ возвѣщать о Богѣ и истинномъ богопочтеніи и тѣмъ такъ сильно подѣйствовалъ на клеветниковъ своихъ, что они не только перестали злословить его, *но даже перемѣнили свое мнѣніе на лучшее*; и онъ успѣлъ научить уклонившихся отъ догматовъ православной вѣры признать то, въ чемъ онъ самъ былъ убѣжденъ. Такимъ образомъ, огромное число народа было побѣждено добродѣтелию одного святаго мужа, и цѣлые города въ скоромъ времени, отложивши *изданна* принятыя мнѣнія, стали держаться его убѣжденій; столь велика была его забота для блага общественнаго. Нужно замѣтить, что когда, такимъ образомъ, поступили Іоанникій и Мееодій, иконоборцы были уже *официально* изгнаны изъ священной ограды церковной, вслѣдствіе рѣшеній VII вселенскаго собора. Одинакое мнѣніе съ этими отцами церкви защищаетъ и св. Феодоръ Студитъ въ цисемѣ къ нѣкому Стефану Чтецу: „Когда кто“, говоритъ онъ, „долженъ войти въ общеніе съ нами,

то мы испытываемъ и заботимся о томъ, держится ли онъ правой вѣры, не посвященъ ли онъ за деньги; но хотя бы онъ получилъ посвященіе отъ еретика или отъ приняшаго за деньги санъ священства, самъ же не есть еретикъ и неумышленно принялъ посвященіе отъ мздоимника, т. е. впашиаю въ грѣхъ схизма, и исповѣдуя всю истину и клянется хранить вѣру и правила, не преступая ихъ и отвергая преступившихъ ихъ, то противъ такую мы не имѣемъ достаточною обвиненія и такой не подвергается осужденію, согласно мнѣнію выше упомянутыхъ святыхъ и чрезъ нихъ согласно мнѣнію всѣхъ. Такъ мы принимаемъ въ общеніе церкви, и важъ советуемъ поступать также: ибо если станемъ изыскивать болѣе, то будемъ нарушать наставленія св. отцевъ, и въ насъ не будетъ доставать дара освященія, по которому мы имѣемъ право называть себя христианами и тогда будемъ впадать въ язычество и проч. Согласно съ этимъ выражается и блаженный Теофилактъ: „Православными должно быть принято, по преданію св. отцевъ, и рукоположеніе, совершенное еретиками, если рукоположенные таковыми держатся православія и принимаютъ оное (Изъ сочин. Дим. Хомат.)“⁴.

Ко всему этому надобно прибавить и то, что, согласно съ актами вышеупомянутыхъ соборовъ и съ наставленіями боговдохновенныхъ отцевъ, пречистая Матерь наша церковь вѣрно послѣдовала имъ и признала дѣйствительнымъ рукоположеніе мельхитовъ, въ 1860 году принявшихъ православіе, при знаменитомъ и мудромъ патріархѣ Іоакимѣ, уроженцѣ города Кизики (¹); подоб-

(¹) Я самъ, находясь тогда въ званіи секретаря при патріархѣ (константинопольскомъ) и святѣйшемъ синодѣ, присутствовалъ при этомъ святомъ и трогательномъ торжествѣ, когда грамоты были вручены, по-

нымъ образомъ поступила и православная церковь знаменитой Россіи, принявъ въ 1840 году съ сохраненіемъ сана возвратившихся къ православію епископовъ униатовъ.

И такъ, если церковь Христова принимала посвященія совершенныя, открыто признанными, еретиками, каковы были напр. рукоположеніе святыхъ: Мелетій тѳохійскаго, Кирилла іерусалимскаго, Германа константинопольскаго, Іоанна іерусалимскаго и др., не смотря на то, что посвященія эти были совершены еретиками, уже *официально и соборно*—*осужденными*, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ *поименно* преданныхъ анаемѣ, то зачѣмъ намъ говорить о рукоположеніяхъ братій нашихъ армянъ, которые *въ сущности не суть* еретики, и католикосы ихъ, отъ которыхъ происходитъ все освященіе армянской церкви, *не были ни осуждены соборомъ, ни слѣдовательно отлучены или преданы анаемѣ актомъ церковнымъ? Иное дѣло* быть достойнымъ и повиннымъ осужденію вслѣдствіе смертнаго грѣха, воспреещающаго посвященіе, или вслѣдствіе ереси, древней и соборно осужденной или даже новѣйшей; и опять *иное дѣло быть за сіе дѣйствительно и поименно осужденнымъ* (по этому то и Св. Кириллъ до соборнаго суда и осужде-

славными отъ мельхитовъ, іеромонахами Гаврииломъ и Іоанномъ, которые въ день св. Андрея отправили вѣсть съ патриархомъ и св. соборомъ праздничное служеніе. Но увы! славное это дѣло возвращенія къ православію 30.000 душъ осталось по большей части не совершеннымъ, по причинѣ послѣдовавшихъ для матери Церкви печальныхъ событий, въ числѣ которыхъ можно считать и болгарскій вопросъ, поднятый злоумышляющею и враждебною Греціи рукою, съ цѣлю посвятить раздоръ между православными народами востока. Но рано или поздно православіе восторжествуетъ на Востока, враги же его „погибнутъ, яко прахъ предъ лицомъ вѣтра“ по словамъ пророка, и вотще трудятся безразсудные!“

нія ересіарха Несторія *называется ею благословильшим Владыкою и сослужителем*), ибо не подвергшійся еще суду и неосужденный словомъ или актомъ соборнымъ, имѣеть дѣйствительную власть священства, по выраженію св. Іоанна Златоуста, и совершенныя имъ священнодѣйствія правы и имѣють силу даже въ томъ случаѣ, когда священнодѣйствующій тяжко согрѣшилъ, какъ говоритъ о семъ Исидоръ Пелусіотъ (1); одинъ только подвергшійся суду и осужденный рѣшеніемъ соборнымъ совершенно лишается права священства (2). Довольно и сихъ расужденій о рукоположеніи иновѣрцевъ; перейдемъ теперь къ вопросу о крещеніи ихъ.

Уже въ первые вѣка Христіанства былъ поднятъ вопросъ о переkreщиваніи еретиковъ. Приверженцы папы римскаго Стефана утверждали, что не слѣдуетъ переkreщивать ни одного, возвращающагося къ православію, послѣдователя какой бы то ни было ереси; этого же мнѣнія держался изъ числа восточныхъ епископовъ священномученикъ Діонисій александрійскій. Приверженцы же священномученика Кипріана противились Стефану, утверждая, что „слѣдуетъ переkreщивать всѣхъ,

(1) „Удалися“, говоритъ онъ, „отъ Божественнаго жертвенника, да не развратятъ казнь надъ главою твоею“ (посл. 570).

(2) Иные изъ нашихъ идутъ еще далѣе: они считаютъ священнодѣйствія людей даже поименно и церковнымъ рѣшеніемъ осужденныхъ дѣйствительными, говоря, что хотя они сами лишаются благодатнаго дѣйствія священства, но не теряютъ силы его, и потому, получивъ прощенье, не должны снова быть рукополагаемы. Нераскаянна-бо, говорятъ они, „дарованія Божіа“. Въ защиту столь смѣлаго мнѣнія они приводятъ какой-то соборный актъ, изданный въ 1098 году при константинопольскомъ патріархѣ Лукаѣ, которымъ былъ осужденъ изъкій Леонтій епископъ Валвнскій за переkreщенье христіанина, уже принявшаго крещенье отъ предавнаго аваемъ (соб. акты т. II стр. 993. Подобнымъ образомъ рассуждаетъ Іосифъ Врѣнскій въ письмѣ къ Ник. (Евгеній Булгарскій, въ критическомъ обзорѣнн грам. Неое. Кавсокалливита) и т. д.

тъ какой бы ереси они не принадлежали⁴. Церковь, избравъ средній и царскій путь, опредѣлила на святыхъ своихъ соборахъ: соблюдающихъ въ обрядѣ крещенія призываніе трехъ лицъ Божества и троекратное погруженіе (не смотря на еретическія ихъ о семъ толкованія) принимать чрезъ помазаніе Св. мѣромъ⁴. „Возвращающихся изъ еретиковъ къ православію и къ части спасаемыхъ“, гласитъ II вселенскій соборъ, „мы принимаемъ сообразно нижеслѣдующему порядку: арианъ, македоніанъ, савватіанъ, новатіанъ, аристеровъ, тессараспедекатитовъ и аполлинаристовъ мы принимаемъ по врученіи ими грамоты, по произнесеніи анаемы на всякую ересь, мыслящую не такъ, какъ мыслить святая каеолическая и апостольская церковь Божія, и послѣ помазанія таковыхъ святымъ мѣромъ... Евноміанъ же крещаемыхъ чрезъ однократное погруженіе (1), монотанистовъ и савелліанъ, признающихъ только Отца и Сына и держащихся всѣхъ остальныхъ ересей... желающихъ присоединиться къ православію мы принимаемъ какъ *аллиновъ* т. е. язычниковъ. Въ первый день мы вводимъ ихъ въ христіанство, и такимъ образомъ оглашаемъ ихъ; во второй день признаемъ ихъ оглашенными, въ третій заклиняемъ ихъ троекратнымъ дуновеніемъ на ихъ лица и уши, и такъ оглашаемъ ихъ; затѣмъ дозволяемъ оставаться въ церкви и слушать священное Писаніе и послѣ сего крещаемъ ихъ (прав. 7). Тоже опредѣляетъ и VI вселенскій соборъ (прав. 95). И помѣстный соборъ въ Карфагенѣ, уклонившись отъ

(1) Крещеніе у Евноміанъ совершалось подъ многими различными формами: иногда они крещали „въ смерть Господа“, иногда же во имя Бога несотвореннаго, Сына сотвореннаго и Духа освящающаго“, какъ о томъ свидѣтельствуетъ святой Епифаній.

строгости правилъ бывшаго предстоятеля своего св. Кипріяна, позволяетъ донатистовъ, возвращающихся къ церкви, сообразно древнимъ постановленіямъ принимать черезъ возложеніе рукъ, каковое правило изложено въ слѣдующихъ словахъ: „Благоизволилось намъ, чтобы между донатистами крещенные въ малолѣтствѣ и неспособные тогда познать свое заблужденіе, пришедши въ разумную мѣру возраста, по признаніи ими истины и по отреченіи отъ ошибочныхъ своихъ мнѣній, были сообразно древнимъ постановленіямъ приняты въ католическую церковь Христову посредствомъ возложенія рукъ и не были возбраняемы отъ степеней священства... Ибо, какъ ясно учить Боговдохновенный апостоль, единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе“, то не слѣдуетъ повторять того, что должно быть совершено только единожды и т. д. (прав. 68). Тоже постановленіе дѣлаетъ и I вселенскій соборъ касательно отщепенцевъ новатіанъ (собор. прав. 8) (1); равно и Блаженный Теофилактъ, слѣдуя сему соборному преданію, выражаетъ мысль, что должно требовать отъ латинянъ, присоединяющихся къ православной церкви, въ знакъ ихъ общенія съ нами, одного только исповѣданія непорочнаго символа, безъ прибавленія. Совсѣмъ этимъ согласна и церковь Христова константинопольская, какъ видно изъ посланія ея къ братьямъ нашимъ великобританцамъ въ 1723 году, гдѣ она отзывается объ еретикахъ, принявшихъ св. крещеніе чрезъ тоекратное погруженіе съ призваніемъ трехъ лицъ Пресвятыя Троицы, слѣдующимъ образомъ: „еретики, которое от-

(1) Извѣстно, что правила собора карагенскаго, хотя и помѣстнаго, имѣютъ силу „вселенскихъ“, какъ подтвержденныя VI вселенскимъ въ Трулль соборомъ.

реклись отъ своей ереси и желаютъ присоединиться къ католической церкви, принимаются церковію, какъ принявшіе *крещеніе совершенное*, хотя и имѣвшіе вѣру *несовершенную*. Почему, по усовершенствованіи въ вѣрѣ, они не перекрещиваются... и далѣе, „крещеніе налагаетъ печать неизгладимую: поэтому *не возможно* перекрещивать разъ крещеннаго *правильно*, т. е. по образу, преданному апостолами“.

И такъ, если церковь принимала за дѣйствительное крещеніе аріанъ, македоніанъ и аполлинаристовъ, находившихся подъ вліяніемъ столь тяжкихъ ересей и уже официально и соборно осужденныхъ; если признавалось дѣйствительнымъ такое крещеніе, въ уваженіе къ тому, что соблюдался неизмѣннымъ Богомъ преданный образъ таинства, то что говорить о крещеніи братій нашихъ Армянъ, которые вовсе не измѣнили обрядовъ таинства, и ктому же не суть ни еретики, ни приверженцы Еutihia, и католикосы ихъ (отъ коихъ происходитъ все священство армянской церкви [1]) хотя, по извѣстнымъ причинамъ и отвергали въ древности IV вселенскій соборъ, однако никогда не были преданы анаемѣ и во все не подпадали соборному осужденію католической церкви.

О смислительномъ воззрѣніи на выраженія богослововъ армянской церкви о догматъ божественнаго воплощенія.

„Можно уклониться отъ любви, ради *большой* любви, можно преступить правду ради *большой* правды: слу-

(1) Достойно замѣчанія, что никто изъ іерарховъ армянской церкви не имѣетъ права поставлять въ епископы за исключеніемъ одного только Католикоса Эчмиадзана.

чается, что и заповѣдь *ради заповѣди* преступается⁽¹⁾, говоритъ святой Іоаннъ Лѣствичникъ. Основываясь на такихъ христіанскихъ и философскихъ началахъ, мы разсуждаемъ такъ: „когда какое либо узаконеніе или обычай мѣстной церкви является несогласнымъ съ уставами церковными, но не касается однако вѣры и основныхъ нравственныхъ началъ евангелія⁽²⁾, и когда исправленіе подобнаго обычая окажется *совершенно невозможнымъ*, по причинѣ укорененія его въ *совѣсти* цѣлаго христіанскаго народа въ продолженіи многихъ вѣковъ, то не слѣдуетъ, чтобы изъ за этого народъ сей былъ отчужденъ отъ общенія прочихъ церквей, чѣмъ испровергается законъ евангельской любви, которая есть *верха* и *основаніе* христіанства: исправленіе же подобнаго противоканоническаго обычая пусть достигается мѣрами кроткими и снисходительными, согласно съ заповѣдію апостола: „мы сильные должны носить немощи *безсильныхъ* братій нашихъ“. Мнѣніе сіе, выраженное еще проще и сокращеннѣе, можетъ быть изложено такъ: „Не должно жертвовать главнымъ догматомъ христіанства⁽³⁾ ради обычая, съ давнихъ временъ существующаго среди какого либо народа, и вовсе не противнаго вѣрѣ или высокимъ нравственнымъ началамъ евангелія“. На основаніи такого разсужденія, мы смѣло идемъ впередъ, съ совершенно покорностію, пред-

(1) Того же начала держится и философія въ вопросѣ о столкновеніи обязанностей.

(2) „Я сказалъ „не касается вѣры“ потому что когда какой либо образъ прямо или косвенно стремится къ опроверженію вѣры и основныхъ началъ Евангелія, точное соблюденіе которыхъ и отличаетъ *любовь къ Богу*, то нѣтъ мѣста никакому снисхожденію или уступкѣ ради любви къ ближнему, ибо, по словамъ святаго Григорія Богослова: *лучше брань, нежели миръ, отчуждающій отъ Бога.*“

(3) Разумѣется „любовію“.

лагая нашъ смиренный взглядъ; касательно уступокъ и снисходительности, необходимыхъ въ дѣлѣ единенія съ братьями нашими армянами, на изслѣдованіе Матери нашей, единой, святой, каеолической и апостольской Церкви, которая есть *единый* не погрѣшительный судія въ дѣлахъ церковныхъ.

По нашему мнѣнію, между нами и армянами, относительно догмата Божественнаго воплощенія, нѣтъ никакого *существеннаго* различія и, какъ оказывается, недоразумѣніе происходитъ просто отъ превратнаго толкованія нѣкоторыхъ *словъ*. Известно, что это недоразумѣніе исчезло послѣ бывшихъ, въ 1179 году въ Румъ-Кале и Тарсѣ, взаимныхъ объясненій со стороны Феоріана и католикоса Нерсеса, когда ясно и точно исповѣдано было несліянное по уюстаси единство во Христѣ Божества и человѣчества, и когда признана была армянскою церковію боговдохновенность IV вселенскаго собора. И такъ несомнѣнно, что объ церкви легко могутъ сойтись касательно *сущности* этого вопроса. Но если армяне, хотя и справедливо мыслящіе о семъ божественномъ догматѣ, захотятъ остаться при обычныхъ своихъ выраженіяхъ, по примѣру католикоса Нерсеса III, то какъ слѣдуетъ намъ поступать? Уже ли мы должны тотчасъ и съ самаго начала прервать всякое съ ними сношеніе? Никакъ;—вотъ какъ, по нашему смиренному взгляду, слѣдовало бы дѣйствовать въ случаѣ подобной настойчивости. Если послѣ многихъ попытокъ не удастся намъ убѣдить ихъ измѣнить свои выраженія, отчасти оттого, что они основаны на особенностяхъ армянскаго языка, отчасти же потому, что освящены церковными ихъ писателями и находятся въ употребленіи въ продолженіе многихъ вѣковъ, то, мнѣ кажется, мы можемъ

довольствоваться слѣдующимъ. Должно требовать: 1) чтобы они ясно признали *вселенское* достоинство и *божественность* IV собора; 2) чтобы они предали анафемѣ Евтихія, Діоскора, Севира и остальныхъ монофизитовъ и еоопаситовъ, нечестиво признающихъ смѣшеніе и сліяніе двухъ естествъ во Христвъ; 3) чтобы они признали, что два естества неслиянно, непреложно и неизмѣнно соединились въ одномъ лицѣ Богочеловѣка ⁽¹⁾, и что каждое изъ этихъ естествъ сохранило невредимо отличавшее его свойство; 4) что Божество воплощеннаго Слова пребывало безстрастнымъ; 5) что, проповѣдуя *во Христвъ одно естество*, они далеки отъ нечестиваго толкованія еutihianъ и акефалитовъ, и подъ этими словами разумѣютъ не что иное, какъ то, что разумѣтъ католическая церковь подъ словами „два естества“, т. е. нераздѣльное и неслиянное единство Божества и челоувѣчества, и 6) что, хотя они и остаются при своихъ выраженіи, какъ болѣе свойственномъ ихъ языку и какъ надревле освященномъ ихъ церковью въ богословскихъ и поучительныхъ сочиненіяхъ, равно какъ и въ церков-

(1) О томъ, какъ слѣдуетъ понимать (сколько доступно уму нашему) единство по упостаси двухъ естествъ во Христвъ, VII вселенскій соборъ научаетъ насъ чрезъ діакона Епифанія: „Григорій Богословъ, говоритъ оны, пустыя ихъ (Несторіанъ) разсужденія опровергаетъ такими словами: когда естества раздѣлены въ умѣ, то и имена сами собою раздѣляются. И всѣ св. отцы наши, не признавая сліянія естествъ, говорятъ, что два естества Христовы отдѣляются въ умѣ по причинѣ различія, а не раздѣленія. Несторій же на дѣлѣ раздѣляетъ естества, говоря что *иное* слово, рожденное отъ Бога, *иное* же рожденное отъ Дѣвы, челоувѣкъ *самъ по себѣ* и Богъ *самъ по себѣ*: вселенская же церковь, признавая единство *неслѣдующе*, разумомъ токмо раздѣляетъ естества *нераздѣльно*, (по образу раскаеннаго желѣза) неговѣдуя единого и тогоже Еммануила и послѣ соединенія). Акты соб. т. II стр. 838; смотри также письмо св. Кириллора арх. константи. къ римскому Дѣву III и сокращ. изложен. Бож. догмат. Анастасія Парія стр. 313—317.

ныхъ ихъ пѣснопѣвнѣхъ, однакожъ они нисколько не оуждаютъ греческаго или лучше соборнаго выраженія („два естества во Христѣ“), напротивъ того, признаютъ выраженіе это благочестивымъ и православнымъ и т. д. Если они ясно и открыто признаютъ все это и утверждаютъ собственною подписью, то нѣтъ достаточной причины намъ отвергать общеніе съ ними и провозглашать ихъ еретиками и разномыслищими по вѣрѣ; напротивъ, мы должны извинить имъ это выраженіе *изъ снисхожденія*, должны обнять ихъ какъ братьевъ, исповѣдующихъ одну съ нами вѣру, слѣдуя въ семь богомудрому мнѣнію св. Григорія Вогослова: „Состязующіеся о божественномъ, да не осрамляются, какъ бы впра состояла для насъ въ словахъ, а не въ самой сущности (см. Сов. слово, также Акты Соб. Т. I, стр. 289), и далѣе у св. папы Юлія: „Различествующимъ въ догматахъ нечестиво притворно соглашаться на словахъ (¹), а соглашающимся въ догматахъ неразумно и безмысленно спорить изъ-за словъ“ (Акты соб. Т. I, стр. 211). Слѣдуемъ также и мнѣнію извѣстнаго Θεоріана: „когда мы слышимъ какое либо мнѣніе, кажущееся неправильнымъ, то не слѣдуетъ тотчасъ признавать таковое еретическимъ, но испытать его и узнать значеніе слова и смысла; въ которомъ оно употреб-

(¹) Несторій, напримѣръ на словахъ былъ согласенъ съ каеолитической Церковію, но въ объясненіи догматовъ разнствовалъ, признавая, правда, два естества во Христѣ, но по *раздѣленію* или по *смѣшанію*, а не по единству въпостасей, какъ свидѣтельствуеетъ о семъ св. Кириллъ Александрійскій: „Если Несторій и признаетъ, говорить онъ, два естества, соблюдая различіе плоти и Слова (какъ то дѣлаетъ Церковь), но соединеніе сихъ естествъ онъ уже не исповѣдуетъ съ нами и т. д. (см. въ сокращенномъ изложеніи Вожественныхъ догматовъ“ Θεоріана стр. 455; слѣдя акты собор. т. II стр. 232) равно и другой поборникъ заблужденія Несторія, Павелъ Самосатскій на словахъ былъ согласенъ съ православными, а въ догматахъ разнствовалъ отъ нихъ, по свидѣтельству папы Юлія (смотри акты собора. томъ II стр. 11) и т. д.

ляется“. Есть множество и других въ древности примѣровъ подобной церковной снисходительности и уступокъ, которыми мы можемъ руководиться въ извиненіи и оставленіи армянскихъ выраженій, если только мы предварительно получимъ отъ братій нашихъ, армянъ, устно и письменно необходимыя православныя изъясненія и толкованія, какъ было сказано выше.

Примѣры же, о которыхъ идетъ рѣчь, слѣдующіе:

Извѣстно, что склонный къ иудейству, Савеллій нечестиво проповѣдывалъ въ Богѣ одну вѣпостась или лице, измѣняющееся по временамъ сообразно подлежащей необходимости“ (св. Василій къ Амфилохію), т. е., онъ училъ, что то же лице иногда являлось какъ Отецъ, иногда же какъ Сынъ, а иногда какъ Духъ Святой; Аріій же, въ противоположность ему, въ свою очередь раздѣлялъ естество Божеское на три отдѣльныя и неравныя божества, различествующія по степенямъ, и училъ, что Сынъ есть твореніе Отца („было время“, говорилъ онъ, „когда Его не было“), а Духъ Святой—твореніе Сына. Отсюда многіе изъ православныхъ, равно отвергая обѣ эти нечестивыя противоположности, употребляли нѣкоторыя догматическія выраженія, различныя между собою. Иные возставали противъ Савеллія, другіе же противъ Арія; одни признавали въ Божествѣ три вѣпостаси; другіе же, — три лица и одну вѣпостась (принимая это слово въ смыслъ существа), отвергая выраженіе *три вѣпостаси*, какъ отзывающееся арианствомъ; отсюда исповѣдники трехъ вѣпостасей считали приверженцевъ несогласнаго съ ними ученія о трехъ лицахъ понимающими эти лица въ особенномъ смыслѣ, подобно какъ Савеллій (1); противники же упрекали не-

(1) Такое ихъ подозрѣніе касательно признающихъ три вѣпостаси не

признававшихъ одну въпостась, какъ раздѣляющихъ единую сущность и естество Божества, т. е. считали ихъ послѣдователями Арія; и „распря бѣ въ нихъ“. Боговдохновенный же Григорій совѣтуетъ имъ прекратить

было лишено нѣкотораго правдоподобія, ибо св. Василій Великій говоритъ: признающіе одно и тоже существо и въпостась принуждены исповѣдывать только различіе лицъ и, избѣгая выраженія „три въпостаси“, неизбѣжно впадаютъ въ заблужденіе Савеллія, который самъ часто, сливая смыслъ, былъ въ опасности *раздѣлять* лица, говоря, что одна и таже въпостась измѣнялась сообразно открывавшимся въ разные времена нуждамъ“ (изъ письма къ Амел.); что христіане, о которыхъ мы упомянули выше, не подлежали осужденію, какъ Савелліане, о которыхъ пишетъ св. Василій Великій, а были напротивъ совершенно православны, объ этомъ свидѣтельствуетъ, какъ мы увидимъ, св. Григорій Богословъ: ибо если они и погрѣшали въ богословскихъ выраженіяхъ, и тѣмъ подвергались подозрѣнію въ савелліанствѣ отъ единовѣрныхъ имъ христіанъ, но въ разумѣніи самаго догмата не погрѣшали вовсе, понимая подъ своимъ выраженіемъ то же, что понимали остальные изъ православныхъ признающіе три въпостаси, и касательно догмата о Божествѣ не разнѣкая ни въ какомъ отношеніи, какъ развѣ только въ однихъ *словахъ*. Замѣтъ, христіанлюбивый читатель, соотношеніе этихъ обстоятельствъ. Въ древности нѣкоторые изъ православныхъ, хотя враждебные мнѣнію Савеллія, не рѣшались признавать три въпостаси въ Божествѣ, избѣгая аріанства, равно и армяне, хотя враждебные моноэизитскимъ заблужденіямъ, не рѣшались говорить „два естества во Христѣ“, изъ страха несторіанства (ибо Несторій, какъ мы видали, злоупотреблялъ этимъ выраженіемъ). „Вообще же,—выраженіе: „два естества“ даетъ понятіе раздѣленія: и я боялся, чтобы, избѣгая пропасти Евтихія, признающаго одно естество, не упастъ намъ въ пропасть Несторія, для двухъ естествъ признающаго и два лица“ (какъ выражался Нерсесь Феоріану). Но вотъ и яснѣйшее изложеніе. Въ IV вѣкѣ, въ Антиохіи православные приверженцы Павліана и православные же приверженцы блаженнаго Иелетія нѣгли между собою споръ о догматѣ трівъпостаснаго Божества, и осуждали другъ друга въ аріанствѣ или въ савелліанствѣ, хотя обѣ стороны равно отвергали ересь Арія и Савеллія; равно и мы, вслѣдствіе недоразумѣнія разнѣкаясь отъ армянъ касательно догмата Божественнаго воплощенія: они до нѣкоторыхъ поръ упрекали насъ въ несторіанствѣ: мы же съ своей стороны (по созвучію ихъ догматическаго выраженія съ евтихіанскимъ) упрекали ихъ въ евтихіанствѣ, хотя обѣ стороны равно предають анаемію Несторія и Евтихія: подобно тѣмъ древнимъ христіанамъ, и мы не видимъ, что въ сущности держимся одного и того же мнѣнія о воплощеніи Божества, *хотя и разнѣкаемъ въ словахъ*“.

подобнаго рода пустое словопреніе, такъ какъ они въ сущности держатся одного праваго мнѣнія, и не спорить о *пустыхъ* словахъ, нарушая тѣмъ любовь во Христѣ. „Оставимъ, говоритъ онъ, спорныя переименованія и противопоставленія словъ, не признавая съ Савелліемъ одно вмѣсто трехъ и ошибочнымъ сліяніемъ разрушая отдѣльность; ниже признавая съ Аріемъ три вмѣсто единаго и лукавымъ раздѣленіемъ ниспровергая единство: ибо дѣло не въ томъ, чтобы неправильное мнѣніе измѣнять на худшее, но въ томъ, чтобы не уклоняться отъ православія, чтобы не стать посмѣшищемъ лукаваго, дающаго въ насъ перевѣсъ злу; мы же, избравъ средній и царскій путь, ведущій ко всякой добродѣтели, какъ явно для всѣхъ испытанныхъ въ въ этомъ, вѣруемъ въ Отца и Сына и Святаго Духа, единосущныхъ и еднославныхъ, въ нихъ же и самое крещеніе *имѣетъ совершенство и во словахъ и во дѣйствіяхъ*... Вѣдая единство по существу и по нераздѣльности поклоненія, и признавая *троичность* въ впоста-сяхъ или лицахъ (какъ хочешь называй ихъ); спорящіе же о семъ да не осрамляются, *какъ бы въра состояла для насъ во словахъ, а не во самой сущности*. Ибо что говорите вы, приводящіе три впостаси? Не три ли существа (согласно съ Аріемъ) проповѣдуете? Знаю, что вы будете громко вопіять противъ проповѣдующихъ такъ: ибо вы проповѣдуете одно существо и то же самое въ трехъ лицахъ. Что же говорите вы, признающіе три лица? Не создаете ли вы одно нѣчто сложное (подобно Савеллію) и совершенно трехъличное или чело-вѣкообразное? Никакъ! и вы возразите: что же вы разумѣете подъ впостасями, а вы подъ лицами?... Еще прибавлю: раздѣляемое — три, не по естеству, а по

отдѣльности свойствъ: прекрасно? *Можно ли быть въ болѣе согласіи и говорить одно и тоже, чѣмъ теперь дѣлаете вы, держась подобныхъ мнѣній, хотя и расходитесь на словахъ?* Видите каковъ я примиритель между вами, приводя васъ отъ буквы къ смыслу“ (Акты Соб. Т. I, стр. 281)? Такимъ образомъ, этотъ великій отецъ церкви приводилъ въ общеніе разнорѣчащихъ по одному простому недоразумѣнію, и *по снисходительности*, ради мира и любви во Христвъ, тѣмъ и другимъ извинялъ ихъ выраженіе, и не осуждая непринимавшихъ словъ *три ипостаси*, равно какъ и не требуя отъ противомыслящихъ непремѣннаго отреченія отъ употребленія этихъ словъ: „ибо, говорить онъ, спорящіе о семъ да не осрамляются, какъ бы *блазочестіе наше состояло въ словахъ, а не въ сущности*“, и т. д. Такому примѣру снисхожденія именитаго въ богословіи и великаго отца церкви, можно, думаю, послѣдовать и въ томъ случаѣ, когда бы братія наши армяне, по вышесказаннымъ причинамъ, не согласились (чего да не будетъ!) отречься отъ усвоенныхъ ими выраженій. При оказаніи снисхожденія и допущеніи уступокъ, полагаю достаточнымъ требовать того, чтобъ они ясно и снова передали анаеомъ послѣдователей ересеначальника Евтихія, вновъ провозгласивъ боговдохновенность IV и трехъ послѣдующихъ за нимъ вселенскихъ соборовъ въ отдѣльной *кратости*, и чтобы они изложили ясно, пространно и безъ суемудрыхъ словъ смыслъ, который они придаютъ своимъ выраженіямъ, т. е., что, признавая *во Христвъ одно естество*, они весьма далеки отъ нечестиваго мнѣнія Евтихія и принимаютъ оное въ смыслъ нераздѣльнаго, неслияннаго ипостаснаго единства во Христвъ

Исусъ Божества и человѣчества (1), что естество Божеское нимаю не смѣшалось и не слилось съ человѣческимъ, но что отдѣльное свойство каждаго существа сохранилось цѣлымъ и неприкосновеннымъ, что Божество пребывало безстрастнымъ, и что подъ выраженіемъ „одно естество“ они разумѣютъ *одну ипостась, одно лице*. И это и подобныя сему объясненія, мы убѣждены, братія наши армяне легко примутъ и подпишутъ (доказательствомъ чему служить ясное и не лицемерное признаніе, сдѣланное отъ лица армянской церкви Нерсесомъ III Теоріану). Если все это, равно какъ и символъ никейскій (въ чемъ нельзя сомнѣваться) будетъ ими подписано, то мы должны вступить съ ними въ общеніе и безъ дальнѣйшаго разбора словъ и выраженій. „Ибо однозвучныя слова“, говорить тотъ же вселенскій учитель, хорошо понятыя и истолкованныя,

(1) Христомъ Слово Божіе называется *послѣ неизвѣннаго его и неизглаголаннаго вочеловѣченія*, по ученію св. отцевъ. „Когда Слово стало плотію, говоритъ святѣйшій Кирилль Александрійскій, *тогда* говоримъ мы, Оно именуется Христомъ Исусомъ. Ибо когда онъ былъ помазанъ елеемъ радованія т. е. Духомъ Святымъ отъ Бога и Отца, *тогда же названъ Христомъ* (помазанныкомъ), что помазаніе касается Его человѣчества, о семъ никто изъ привыкнувшихъ правосмыслить не можетъ сомнѣваться: ибо какъ Богъ и Слово Онъ неимѣлъ нужды: никто не спянетъ, что Слово Божіе помазуется и освящается собственнымъ Духомъ, какъ бы по естеству превышающимъ и обладающимъ надъ нимъ: ибо безъ всякаго прекословія меньшій благословляется большимъ. Итакъ, поелику освященіе и помазаніе принадлежатъ человѣчеству, то Слово Божію прилично называться Христомъ не тогда, когда Оно еще не принимало человѣчества и не было воплощено, но тогда, когда, сдѣлавшись подобнымъ намъ человѣкомъ, Оно получило помазаніе по человѣчеству своему: и такъ имя „Христомъ“ никакъ не слѣдуетъ употреблять *прежде*, нежели Слово рожденное отъ Бога Отца сдѣлалось подобнымъ намъ: если же Оно и названо гдѣ Христомъ, то понимай это какъ связанное объ Немъ уже воплощенномъ (Акты собор. томъ I, стр. 388) и даже: „если называю Слово Божіе Христомъ, то *вочеловѣчиваюся* Того воззвѣщаю“. Тамъ же стр. 390).

Христ. Чт. № 6.

54

принадлежать *благочестію*; превратно же объясненными обращаются въ нечестіе“ (письмо къ Клидонію) (1). Перейдемъ къ другому примѣру смисхожденія.

Св. Аванасій великій, этотъ непоколебимый столпъ православія, жамъ о словоспореианъ между православными антиохійцами, пишетъ съ находившимися тогда въ Александріи епископами „изъ Италіи, Аравіи, Египта и Ливіи: Евсевіемъ, Астеріемъ, Гаіемъ, Агабіемъ, Аммоніемъ, Аггеодемономъ, Драконгіемъ, Аделоіемъ, Ермеономъ, Маріемъ, Теодоромъ, Андреемъ, Паонутіемъ

(1) Многіе примѣры сего мы находимъ въ исторіи Церкви. 1) Православные послѣдователи Павлина говорили, что *одна ипостась*, но понятіе ихъ было совершенно противоположно смыслу *того же* выраженія у Савеллія, ибо они правильно и благочестно понимали сіе, а не подобно тому нечестивому ересеначальнику, слыжавшему лица Божества, о чемъ свидѣлствуютъ, какъ мы уже видѣли, два великихъ свѣтильника церкви, Григорій и Аванасій. 2) Нѣкоторые изъ послѣдователей Савеллія употребляли слово *единосущный*, которое въ послѣдствіи соборъ Никейскій освятилъ, по вдохновенію Божию, въ составленномъ Символѣ вѣры, но понимали оное неправильно, т. е. не въ томъ благочестивомъ смыслѣ, въ которомъ употребляли оное еще прежде вышеупомянутаго собора два святыхъ Діонисія, Римскій и Александрійскій, согласно преданію Церкви, — но въ смыслѣ *единоипостасный* или *равноипостасный*: почему на соборѣ, бывшемъ въ Антиохіи противъ Павла Самосатскаго, слово это было отвергнуто (разумѣется только въ *одномъ этомъ смыслѣ*) (Контоговъ, Патрологія, томъ II стр. 117). 3) Несторій-человѣкоугодникъ самъ употреблялъ освѣщенное выраженіе „два естества“, которое бывшій послѣ него въ Халкидонѣ IV вселенскій соборъ Божодоволено освятилъ; но ересеначальникъ неправильно възялъ оное и разрушалъ смыслъ сочетанія во Христѣ Божества и чловѣчества, по свидѣтельству св. Кирилла, какъ было сказано выше. 4) Папа Юлій въ своемъ посланіи къ священномученику Діонисію Александрійскому противъ Павла Самосатскаго, исповѣдуетъ *одно естество во Христѣ*, разумя сіе правильно и благочестно (какъ то дѣлають и аріане), но это же слово совершенно неправильно истолковала пріверженцы начальника моноелзатовъ Евтихія, принимая его не въ благочестивомъ смыслѣ не раздѣльнаго и не слияннаго ипостаснаго единства, какъ святѣйшій папа Юлій, но въ неясномъ смыслѣ *смѣшенія и слѣдствія* и т. д.

Маркомъ, Зенонемъ, Георгіемъ, Луціемъ и Макаріемъ⁴, въ Епископамъ: Луціферу, Астерію, Кималию и Ана-толію, бывшимъ въ то время въ Антиохіи, утѣщаямъ Антиохійцевъ принимать желающихъ возвратившихся изъ аrianства въ лоно православной церкви, *не требуя отъ нихъ ничего болѣе, какъ только, чтобы они предавали анасемъ ересь Арія, чтобы исповѣдали преданную св. отцами въ Никее вѣру, чтобы также отреклись отъ называющихъ св. Духа тварью, различною отъ существа Христова, и совѣтуетъ имъ въ тоже время не спорить между собою о участіяхъ, потому что, говорить онъ, истощующіе отъ Божества три ипостаси, и признающіе одну, мыслятъ одинаково, и разумеютъ отъ однихъ только выраженіями* (Контогонъ въ патролог. т. II стр. 118). „Призывайте же къ себѣ (говоритъ онъ) желающихъ изъ арианъ, и принимайте же ихъ какъ учителя и начальники, и, введши ихъ въ общеніе съ возлюбленными намъ послѣдователями Павлина, *не требуйте отъ нихъ ничего болѣе, какъ только, чтобы они предавали анасемъ ересь Арія, чтобы исповѣдывали преданную св. отцами въ Никее вѣру, чтобы также отреклись отъ называющихъ св. Духа тварью, различною отъ существа Христова. Ибо это значить по истинѣ отвергать ненавистную ересь Арія т. е. не раздѣлять Пресвятой Троицы и не говорить, что одно лице въ ней есть тварь; выдающіе же себя за признающихъ исповѣданную въ Никее вѣру, а между тѣмъ осмѣливающіеся хулить Пресвятаго Духа, хотя на словахъ и отрекаются ереси Арія, въ мысляхъ держатся оной*“. И далѣе: „Между тѣмъ, какъ мы не можемъ не радоваться съ тѣми, которые желаютъ войти въ общеніе.... но вмѣстѣ просимъ васъ, чтобы у васъ было единомысліе, и что

51*

бы вы ничего болѣе не требовали отъ нихъ (т. е. о томъ, станутъ ли они говорить—однѣ или три ипостаси)... „Онъ прибавляетъ, что и церковь александрійская показывала подобное же снисхожденіе, говоря: „мы просили нѣкоторыхъ, которыхъ укоряли за признающихъ три ипостаси, послѣду слова были не написаны и поэтому нѣсколько подозрительны, *не требовать ничего болѣе, какъ исповѣданія никейскаго: и таковыя относительно спора мы распрашивали, не признаютъ ли они, подобно ревнителямъ ереси Арія, что ипостаси раздѣлены и различны между собою въ сущности, подобно прочимъ тварямъ, рожденнымъ отъ людей...* не такъ ли помышляя и они говорятъ о трехъ ипостасяхъ; но они увѣрили насъ, что никогда не говорили и не думали этого; когда же мы ихъ спросили, почему вы такъ говорите, или вообще для чего употребляете такіа слова, они отвѣчали, потому что мы вѣруемъ во св. Троицу, Троицу существующую не по имени только, но по истинѣ сущую и пребывающую... и не признаемъ трехъ боговъ, три начала, и даже во все не имѣемъ общенія съ такъ говорящими или мыслящими, но знаемъ Святую Троицу, одно Божество, одно начало... Получивъ такое отъ нихъ *толкованіе* словъ въ защиту ихъ выраженій, мы стали распрашивать и осуждаемыхъ ими за признающихъ одну ипостась, не говорятъ ли они такъ, какъ мыслить Савелій, во униженіе Сына и Св. Духа, считая Сына не имѣющимъ существа и Духа Святаго безъ-ипостаснымъ, но и они увѣрили насъ, что не говорятъ и никогда не мыслили такъ, *употребляемъ же слово ипостась (сказали они) полагая, что ипостась и существо имѣютъ тоже значеніе, одну же (ипостась) признаемъ ради про-*

исхождения Сына отъ сущности Отца и ради тождества ихъ—естества; ибо мы вѣруемъ, что одно Божество и въ одномъ ествѣ, а не иное Отца и отдѣльное отъ Него естество Сына и естество Святаго Духа. И такъ (прибавляетъ св. отецъ) *и тамъ осуждаемые, какъ признающіе три ипостаси, согласовались съ тѣми (кои признавали одну ипостась) и тѣ, которые ототавляли одно существо или ипостась, сходились съ первыми, такъ что обѣ стороны толковали, и исповѣдывали одно и тоже, и равно предавали анаѳемъ Арія, какъ Христорборца, и Савеллія и Павла Самосатскаго, какъ нечестивцевъ, и Валентина и Василида, какъ враговъ истины*“. За тѣмъ, св. отецъ и собравшіеся съ нимъ члены собора, обратившись къ православнымъ антиохійцамъ, разнствовавшимъ между собою въ отношеніи этихъ выраженій, увѣщываютъ ихъ сими словами: „послику эти выраженія такъ объясняются, то просимъ васъ, исповѣдающихъ и толкующихъ слова (одна ипостась, три ипостаси), которое бы изъ нихъ ни употреблялось, не осуждать опрометчиво оди другихъ, но скорѣе принимать въ общеніе примиряющихся и защитившихъ себя отъ нареканія; не желающихъ же такъ исповѣдывать и толковать эти слова не принимать въ общеніе, но бояться, какъ людей подозрительныхъ по образу мыслей и, не сообщаясь съ такими, право толкующимъ и мыслящимъ совѣтуйте не распрашивать больше другъ друга и не состязаться бесполезно, ниже спорить о такомъ рода словахъ, но соглашаться касательно разумнѣя благочестія. Ибо мыслящіе иначе и только спорящіе о такихъ маловажныхъ словахъ, и требующіе больше написаннаго въ Никей причиняютъ только паубное преткновеніе ближнимъ, ненавидя миръ,

и любя раздоры“ (Это Догмат. посл. собора александр. помѣщено въ собор. акт. т. I стр. 263) (1).

Этотъ же Боговдохновенный святой отецъ, хотя и былъ ревностѣйшимъ поборникомъ *единосущія*, но въ письмѣ о соборахъ, бывшихъ въ Армініѣ италійской и Селевнѣ исаврійской, „увѣщаваетъ христіанъ каволнчской Церкви, чтобы они не почитали еретиками тѣхъ, которые не принимаютъ слова: Единосущный, но держатся одинаковаго понятія съ нимъ“. (Контот. патрол. стр. 117).

Слѣдовательно, на основаніи такихъ примѣровъ цер-

(1) Такъ какъ я часто употреблялъ термины „существо“ и „ипостась“, то считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о значеніи ихъ. Вотъ какое толкованіе этихъ двухъ догматическихъ терминовъ даетъ Неблагословенный Отецъ Церкви. „Какое отношеніе имѣетъ общее къ частному, то же имѣетъ существо къ ипостаси. Подобно тому, какъ общимъ словомъ „существо“ мы выражаемъ нашу общую часть въ бытіи, но каждый имѣетъ свою личность, равно и здѣсь слово „существо“ ищца, какъ (многость, или Божество, или какое либо другое понятіе общее: ипостась же является въ частномъ о свойствахъ Отца или освящающей силы“ (письмо къ Терентію) и далѣе: „существо и ипостась имѣютъ такое отношеніе, какъ общее къ частному, какое напримѣръ, имѣетъ животное къ тому или другому человеку; и такъ подь словомъ существо мы признаемъ одно Божество, чтобы не употреблять различнаго слова для означенія бытія: признаемъ же отличающую ипостась, чтобы понятіе объ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ было для насъ несмѣльнымъ и яснымъ; ибо непонимающимъ отличительныхъ признаковъ каждаго, какъ-то свойства *Отчества*, *Сыновства* и *Освященности*, не исповѣдающимъ Бога въ общемъ о немъ понятіи, невозможно адрво дать отчетъ о своей вѣрѣ. Поэтому необходимо исповѣдывать вѣру, предлагая къ общимъ свойствамъ отличительныя; признавая *Божество* общица, а въ тѣхъ отличительныхъ свойствахъ называя *отчествомъ*: Вѣрую въ Бога Отца; и опять дѣлать то же въ исповѣданіи Сына, „въ общемъ включая частное, говорить: вѣрую въ Бога Сына; равно продолжая соображать слова съ мыслию, слѣдуетъ говорить о святомъ Духѣ: вѣрую въ Бога Духа Святаго, дабы въ исповѣданіи Божества совершенно сохранить единство, и чтобы отличительная черта каждаго лица была исповѣдуема съ опредѣленіемъ свойства, приписываемаго каждому“ (Канон. посланіе къ Амел. о св. Духѣ).

ковнаго снисхожденія, если братія наши армяне захотятъ, по приведеннымъ нами причинамъ, остаться при усвоенныхъ ими богословскихъ выраженіяхъ, „то должно развѣдать, не употребляютъ ли они слово „одно естество“ въ томъ смыслѣ, какъ принимаемъ его *Евтихіей*, т. е. въ смыслъ сліянія Божества и человечества во Христѣ, и въ уничтоженіе между ними различія. — За тѣмъ не слѣдуетъ требовать отъ нихъ ничего болѣе, кромѣ того, чтобы они, вмѣстѣ съ нами предали анафемѣ ересь *Евтихіанскую*; равно какъ и тѣхъ, кои слѣзаютъ и слѣзываютъ два естества во Христѣ, и приписываютъ страданіе безстрастному Божеству Слова, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ они исповѣдывали вѣру, утвержденную святыми *Отцами*, собранными въ *Никей*. Когда они такимъ образомъ будутъ исповѣдывать и толковать, *вышеупомянутыя* слова, то намъ слѣдуетъ принять ихъ въ общеніе безъ дальнѣйшихъ бесполезныхъ состязаній, но взаимно соглашаясь въ разумномъ благочестіи.“ Тоже выражаетъ св. папа *Юлій*, говоря: „Разнствующимъ въ догматахъ соглашаться на словахъ нечестиво, равно какъ и соглашающимся въ догматахъ спорить изъ за словъ—неразумно и бессмысленно.“ И св. *Григорій Богословъ* говоритъ тоже: „ибо вѣра наша состоитъ не въ словахъ и звукахъ, но въ самой сущности.“ И по словамъ св. *Аванасія Великаго* „мыслящіе о селѣ имате... причиняютъ только паубное преткновеніе ближнимъ, ненавидя миръ и любя раздоры,“ и какъ подтверждаетъ блаженный *Теофилактъ*: „они причиняютъ великій вредъ послѣдствію Сына, которое Онъ основалъ въ народахъ“ (*Изъ соч. Дим. Хом. отвѣтъ Теофил. Константину Кавасимъ, епископу Диррахіи*).

Если, впрочемъ, братія наши армяне не согласятся

дать своимъ выраженіямъ вышеозначеннаго толкованія, т. е. не захотятъ предать анафемѣ Евтихія и прочіихъ монофизитовъ и открыто (официально) не провозгласить боговдохновенность IV собора, чего впрочемъ, послѣ разъясненій нашихъ, никакъ невозможно предполагать, тогда, но *только тогда* мы должны смотрѣть на нихъ, какъ на еретиковъ и отвергать всякое духовное съ ними общеніе. „Ибо, какъ говоритъ знаменитый въ богословіи отецъ, *предпочтительна брань миру, отчуждающему отъ Бога*“ (въ прощальномъ словѣ)... *во прегн же* слова истины не слѣдуетъ мириться, уступая что либо въ видѣ снисхожденія, но доброе (т. е. имѣющее цѣлю миръ и любовь къ ближнему) слѣдуетъ стяжать добръ (тамъ же)... Отъ любви (къ ближнему) можно увлечься ради большей любви (т. е. Богу и откровенному Имъ слову истины). — (слова св. Іоанна Дѣствичника).

Но смаетъ кто либо изъ людей пытливыхъ и усматривающихъ вездѣ зло: „упорство армянь въ сохраненіи своихъ выраженій едвали не свидѣтельствуетъ о неискренности ихъ и не служитъ ли знакомъ *затаенной мысли*, которая въ будущемъ можетъ произвести пагубныя послѣдствія для церкви, и насъ самихъ подвергнуть осужденію предъ Богомъ и всѣми входящими въ полноту православія? По всему этому никакъ не слѣдуетъ позволять имъ употреблять подобныя выраженія, подъ предлогомъ снисхожденія, а должно требовать, какъ необходимаго условія единенія, чтобы они официально отреклись и осудили все это,“ и т. д. Послѣ приведенныхъ примѣровъ считаю лишнимъ разъяснять, какъ не сообразно было бы серьезно разбирать такія возраженія: Но, для успокоенія ильщине боязливой совѣсти такихъ лю-

дей, довольно будет привести слѣдующія многоцѣнные слова св. Василія Великаго, возстававшаго въ посланіи къ Терентію противъ пытливыхъ и усматривающихъ вездѣ зло людей. „Желающихъ опять возвратиться къ общенію съ православіемъ, равно какъ и тѣхъ, которые впервые поступаютъ въ число оглашенныхъ словомъ истины, слѣдуетъ учить вѣрѣ, изложенной блаженными отцами на бывшемъ нѣкогда въ Никеѣ соборѣ. Это будетъ *полезно* и для тѣхъ, которыхъ подозрѣваютъ держащимися ученія *противнаго* здравому и *скрывающимъ* свое *неправомысліе* подъ *блговидными* отговорками. Но и для сихъ *довольно* вѣры, изложенной (въ символѣ); и они или сами исправятъ скрытую въ нихъ болѣзнь или же, затаивая её въ глубинѣ сердца, *сами понесутъ* вину *своею* обмана, *нама же* *приготовляютъ* *легкій* *отвѣтъ* *въ* *день* *суда*, егда Господь приведетъ во свѣтъ тайныя тьмы и объявитъ совѣты сердечныя.“—Потому *слѣдуетъ* принимать ихъ, когда они исповѣдываютъ вѣру согласно правиламъ, изложеннымъ отцами нашими въ Никеѣ и *здравому* *разумнiю*, *заключающемуся* *въ* *нихъ*.

Перейдемъ теперь къ новѣйшимъ примѣрамъ церковнаго снисхожденія и уступокъ.

Блаженный Теофилактъ болгарскій, послѣдуя указаннѣмъ нами уступкамъ древнихъ и богомудрыхъ отцевъ, въ „Словѣ“ къ діакону Николаю (въ послѣдствіи бывшему архіепископу Малесофы) выражаетъ слѣдующее мнѣніе, „что на одномъ условіи употребленія ими (латинянами) символа безъ прибавленія, остальные обычаи можно по снисхожденію извинить имъ, съ цѣлію приблизить къ себѣ души братій, согласно съ заповѣдію апостола: „внѣждо ближнему да угождаетъ во благое къ созиданію.“ Теофилактъ сильно возстаетъ противъ

тѣхъ, кои безъ разбора порицають обычаи латинянъ. „Одни изъ сихъ обычаевъ“, говоритъ онъ, я не считаю подлежащими никакому измѣненію, другіе же—умѣренному, и то такому, отъ коего церковь выиграетъ не много: если же это и не будетъ сдѣлано, то отсюда для церкви не произойдетъ вреда; но то, что, мнѣ кажется, наиболѣе мѣшаетъ правосмыслимъ войти въ общеніе съ латинянами и что, не будучи исправлено, *причиняетъ великій вредъ насльдію Сына, Второму дады лзыки въ достояніе* (Псал. II), — это я постараюсь объяснить тебѣ по возможности... *Величайшая ихъ ошибка, вслѣдствіе которой они находятся въ опасности, по словамъ Соломона „обръстись во днь ада“* (Притч. IX. 18), есть сдѣланное ими въ символѣ вѣры нововведеніе, проповѣдующее Духа исходящимъ отъ Отца и Сына“... И далѣе онъ же говоритъ: „если у западныхъ встрѣчается какая либо ошибка въ отношеніи догмата, которая колеблетъ вѣру отцевъ, какова прибавка въ символѣ о Духѣ Святомъ, — *то въ этомъ заключается опасность величайшая и извиняющій сіе, не требуя исправленія онаго, самъ неизвинителенъ; хотя право на такое прибавленіе они (латиняне) и основываютъ на превозношеніи своего престола и высоко судящихъ на немъ, хотя выставляютъ самое исповѣданіе Петра, повторяя произнесенное за сіе ублаженіе, и хотя звучатъ на мѣхъ самими ключами царствія“*. Послѣ чего блаженный учитель, исполненный духомъ любви Христовой, прибавляетъ слѣдующее: „Объ опрѣсновахъ же и постахъ не станемъ ожесточаться противъ упорнаго разумѣнію народа („италійскаго“): *это было бы склеивать раковину съ раковиною, не влагая между ними никакою клейкою вещества, которое могло бы связать ихъ; не слѣдуетъ также*

мною говорить и объ остальныхъ упомянутыхъ различіяхъ, соблюдая которыхъ латиняне кажутся многими не простительно погрѣшающими, но не соглашаться съ ними, по моему мнѣнію, долженъ каждый, упражнявшійся въ исторіи церковной, и извѣдавшій, что не за всякій обычай слѣдуетъ отлучать отъ церкви, но только за тотъ, который ведетъ къ различію въ догматы. Нѣтъ сомнѣнія, что почитаемыя эти дивныя (!) судьями важныя заблужденія, суть не болѣе какъ обрядовыя... Если-бы я не опасался излишне распроегнаться и придать слову моему видъ повѣсти, то я нежаля бы тебѣ тысячи за тысячами обычаевъ, извиненныхъ древними отцами,—съ цѣлію обратить къ себѣ души братій: ибо отцы эти умѣли не себѣ угождать, но кѣждо работати ближнему во благое, къ созиданію; нынѣ же мы спрашиваемъ, кто ближній мой, и отвергаемъ тысячи, которые дѣйствительно таковы⁴ и т. д. (у Дим. Хомат. см. собраніе Св. Прав. Г. А. Ралли и М. Потли т. V стр. 431—434. Сличи также посланіе Петра Александрійскаго Михаилу Керуларію, помѣщенное во „Вселенской Правдѣ“ т. II стр. 220—223). Такого мнѣнія древнихъ отцевъ и блаженнаго Теофилакта держались и архіепископъ болгарскій Дмитрій Хоматинскій (Собр. Св. Прав.) и Іоаннъ Китрійскій, и „многие изъ ученыхъ мужей“, по свидѣтельству того же Хоматинскаго (Собр. Св. Прав. т. V стр. 435).

Наконецъ одинъ изъ трехъ новѣйшихъ педоборниковъ православія и великихъ іерарховъ, соревнователь и подражатель славнаго Фотія и Григорія Паламы, богумудренно опровергавшихъ сусвѣрія латинянь, Маркъ Ефесскій, по прозванію „Евгеникъ“, на извѣстномъ жесоборѣ елорентійскомъ, по опискожденію извинилъ

даже мнѣніе о двойномъ исхожденіи ради любви во Хри-
стѣ. Хотя онъ, какъ мы увидимъ, вовсе не одобрялъ
этого мнѣнія, однако онъ предложилъ латинянамъ изло-
жить его въ *отдѣльномъ* и *частномъ* символѣ или испо-
вѣданіи вѣры, или же въ Катихизисѣ для употребленія
въ своихъ училищахъ, чтобы затѣмъ всенародно чи-
тался во святыхъ храмахъ *вселенскій* символъ, состав-
ленный съ *общаю* совѣта и разсмотрѣнія *всѣхъ* церквей,
сошедшихся, такъ сказать, на „совѣщательномъ собо-
рѣ“,—чтобы этотъ символъ они привели въ древній его
видъ, отнявъ прибавку, которую они сдѣлали частно
и отдѣльно безъ вѣдома, и не испросивъ согласія па-
триархальныхъ церквей (1), считая „идотами“ (рабами)

(1) Церковь, съ самаго начала своего существованія, была *Единая*,
единство ея обнимало весь древній міръ, включая и Великобританскіе
острова и Испанію, равно какъ и Египетъ и Сирію. Когда же кака-
либо ересь касалась существенныхъ основаній религіи, то всѣ Церкви
посылали своихъ представителей для общаго разсужденія объ этомъ.
Такимъ образомъ соборы были *Верховнымъ совѣтомъ* Церкви: на нихъ
святители частныхъ церквей совѣщались какъ братія равносильные,
равночестные и равногласные. Опрежденія ихъ, если они были соглас-
ны съ *каеволическимъ*, *Апостольскимъ* и *живымъ* преданіемъ (которое
нѣсть достоиніе привилегированнаго сословія, или одного *высшаго* лица
какой либо части церкви, но всей полноты христіанства), подтвержда-
лись *общимъ мнѣніемъ* „Церковнаго міра; если же, напротивъ, они
оказывались противными преданію, то Церковь отвергала ихъ; такъ
напримѣръ опредѣленія бывшихъ въ Сиріи, Седевкіи и другихъ мѣс-
тахъ еретическихъ соборовъ, которые, хотя по внѣшней формѣ ничѣмъ
не отличались отъ „семи вселенскихъ“ (ибо, какъ на тѣхъ, такъ и
на этихъ присутствовали императоры (Константій) и папы (Ливерій) и
патріархи и множество епископовъ), но, не смотря на то, были отвер-
гнуты *вѣрнымъ* христіанскимъ міромъ, какъ невѣрно выражающіе Апо-
стольское и живое преданіе) пусть же теперь ученый христоборецъ Гиб-
боузъ говорить, что „à Constantinople, de même que dans les Conciles
précédents, la volonté du prince fut la règle de la foi“ (Hist. de la
décadence de l'Emp. Rom. Tome IX p. 278); но вопреки сего, таково
было управленіе и, такова была жизнь Церкви). Но съ VIII вѣка эта
духовная жизнь прекратилась въ западной части церкви по причинѣ
введенія *религіознаго* *самовластия* Рима, который держалъ провозгла-

равночестныхъ и равногласныхъ въ вѣрѣ братій на востоцѣ, въ противность католической церкви и основнымъ началамъ „семи-соборнаго общегласнаго“ ея управленія. Посредствомъ же такого самаго благоразумнаго снисхожденія, ошибочное мнѣніе латиняняъ, хотя помѣщенное въ „мѣстномъ“ исповѣданіи, но исторгнутое изъ „*ессенскаго*“ ученія христіанъ и оттого сдѣлавшееся *безопаснымъ для преданной чрезъ откровеніе, католической вѣры*, могло бы легко угаснуть само собою *въ продолженіе времени*. Что такова была цѣль снисхожденія, оказаннаго Маркомъ, и что, уступая въ этомъ, онъ вовсе не раздѣлялъ мнѣнія о двоякомъ исхожденіи, объ этомъ свидѣтельствуетъ Си-ропулъ въ своей исторіи, говоря: „когда Виссаріонъ сказалъ: „то, что мы теперь дѣлаемъ и о чемъ споримъ съ ефесскимъ, есть лишнее, потому что онъ уже извинилъ латинянямъ ихъ мнѣніе, то Маркъ вынужденъ былъ объявить, что имъ это сдѣлано въ томъ убѣжденіи, что „когда латинская церковь уже не будетъ (въ своихъ храмахъ) чрезъ символъ провозглашать это ученіе, то оно понемному само собою могло бы исчезнуть

*съ себя выше вселенскихъ соборовъ, т. е. совѣщательныхъ собораній Церкви, и присвоить себѣ право частнымъ образомъ рѣшать религіозныя вопросы и произвольно измѣнять св. символъ, т. е. основной законъ вѣроваій католической Церкви. Основа управленія церковнаго опирается на свободу во Христѣ; следовательно совершенно противоположно началамъ папскаго своевластія. Это показываетъ самое происхожденіе и значеніе слова „*Еκκλησία*“ (Екклезія), которое для выраженія совершеннаго духовнаго равенства и братства между вѣрными въ духовномъ ихъ отечествѣ было перенесено изъ свободныхъ греческихъ республикъ; и вотъ почему церковь въ святомъ Апокалипсисѣ называется „градъ Бога Живаго, нисходящъ съ небесе“ и следовательно градъ не одолимый, не порабощимый и не приступный И такъ власть папская есть опроверженіе или отреченіе отъ самаго слова Церкви, и прямое противорѣчіе семи соборнымъ и Богомъ утвержденнымъ совѣщательнымъ уставамъ объ управленіи ея...“*

изъ ума всидъ, или же коротко съ небольшимъ трудомъ могла бы испорчить его (Сиропулъ, въ Исторіи Флорентійскаго Соб.) (1). Песему-то и ученый составитель брошюры „*Quelques mots sur les communions occidentales*“, справедливо замѣчаетъ: „*Telle était évidemment la conviction du Grand Marc d'Éphèse, quand à l'assemblée religieuse de Florence il exigeait que le Symbole fut restauré dans toute sa pureté, et que la clause intercalée ne fut plus exprimée que comme une opinion hors de Symbole laissant à Dieu le soin de rectifier l'erreur, il la rendait innocente en ce qu'il l'excluait du dogme, c'est-à-dire de la profession de foi*“ (p. 45) (2).

(1) Изъ слѣдующаго разсказа ясно видно мнѣніе Марка: многіе (говоритъ Сиропулъ) приступали къ Марку, прося и умоляя его быть снисходительнымъ касательно прибавки въ символъ, но онъ на это отвѣчалъ: „не извинительно снисхождение въ дѣлѣ вѣры“; когда-же стремились къ единенію стали говорить ему, что „незначительно различіе обонхъ исповѣданій, и малое снисхождение соединитъ насъ, если бы ты только согласился оказать его“, то Маркъ на это вторично отвѣчалъ: „это походить на то, что сказалъ Епархъ св. Теодору начертанному или Студиту говоря: „войдите только на одно мгновеніе въ общеніе (съ еретиками) и больше ничего отъ васъ не потребуемъ; ступайте потому куда хотите“. Тогда святой отвѣтствовалъ ему: „ты говоришь, какъ тотъ, кто, упрощая другаго, сказалъ бы ему: прошу тебя только объ одномъ: дай разъ отрубить себя голову, а послѣ того ступай, куда хочешь“. Ибо въ такихъ дѣлахъ не маловажно и то, что кажется маловажнымъ“.

(2) Ясно, что въ предложеніи Марка возвратити символъ въ первоначальный его соборный составъ заключалось также и осужденіе папскаго своеволія, святотатственно присвоившаго себѣ права всецеловой и каеольческой церкви; иными словами, осужденіе непогрѣшимости папы (которая уже въ тѣ времена ясно начинала развиваться и распространяться на западѣ). И такъ чрезъ отреченіе отъ прибавки достигались двѣ цѣли: и Богомъ преданный догматъ объ исхожденіи св. Духа сохранился не прискосновеннымъ, и въ тоже время признавалось достоинство и свободное управленіе каеольческой церкви, въ опроверженіе папскаго властолюбія въ дѣлахъ вѣры. Но ослабленіи папы въ тѣ варварскія вѣка не могло дѣствовать предъ всѣмъ христіанскимъ миромъ, само навлекши на себя осужденіе.

Довольно и онихъ прихѣровъ древней и новѣйшей церковной снисходительности въ доказательство необходимой, по нашему мнѣнію, уступки братьямъ армянамъ въ догматическихъ ихъ выраженіяхъ, на представленныхъ нами условіяхъ, ради вождельнаго единенія обѣихъ церквей.

Извѣстно, что пять главныхъ различій существуетъ между армянскою и православною церковію: 1) употребленіе опрѣсноковъ въ Божественной евхаристіи; 2) употребленіе неразтвореннаго вина при священнодѣйствіи, въ томъ же таинствѣ; 3) употребленіе сосанскаго масла въ таинствѣ святаго миропомазанія; 4) и мѣненіе въ трисвятой пѣсни, и 5) перенесеніе праздника Рождества Христова на 6 число января. Разсмотримъ теперь, какіе изъ этихъ обычаевъ могутъ быть по саясхожденію извинены ради единенія церквей.

Во-первыхъ, мы должны доказать братьямъ армянамъ, на основаніи безпримословныхъ свидѣтельствъ исторіи, что обычай ихъ, о которыхъ идетъ рѣчь, несогласны со *вселенскими* преданіемъ церкви, а затѣмъ въ духѣ кротости и братской любви предложить имъ принять наши, не какъ обычай какой либо *частной* или *мѣстной* церкви, *греческой*, но какъ обычай, основанный на уставахъ католической церкви и подтвержденные св. вселенскими соборами: такъ наприхѣръ, состязуясь о „трисвятой пѣсни“, мы должны исторически доказать имъ, что пѣсня эта была предана намъ вселенскою церковію въ томъ видѣ, какъ она у насъ теперь поется, что такъ воспѣваетъ ее и церковь западная, что такъ приводится она въ актахъ IV собора; что съ намѣненіемъ ея нечестивымъ миссофизитомъ Петромъ Клафеемъ, сильно возстала противъ сего вся церковь Христова, и восточ-

ная, и западная; слѣдовательно, пѣніе трисвятой пѣсни основывается у насъ же на преданіи *мѣстномъ*, но на вселенскомъ преданіи католической церкви *свыше откровенномъ*, на преданіи, съ которыми и они, какъ „чада послушанія“, должны соображаться, приводя пѣснь въ первоначальный и *ангелами преданный* ея образъ и т. д.

Подобный же *каволическій* способъ мы должны употреблять и въ доказательство неумѣстности перенесенія праздника Рождества Христова, т. е., мы должны доказать имъ, что самими апостолами постановлено было праздновать дни Рождества Христова и Богоявленія, первое 25 декабря, а второе 6 января (1); что если въ первые вѣка частныя церкви и праздновали въ разные дни и времена года, но впоследствии, замѣтивъ необходимость изобразить внутреннее единство посредствомъ знаковъ внѣшнихъ, всѣ согласились праздновать ихъ вмѣстѣ, какъ узаконено „апостольскими постановленіями, и что удаляясь отъ сего общаго согласія, слѣдовательно, постысь и скорбя въ продолженіе тѣхъ двѣнадцати дней, когда остальной міръ христіанскій радуется, они отвергаютъ евангельскій законъ любви, которая „своиго си не ищетъ“, но всѣмъ вѣрнымъ налагаетъ какъ святой и непремѣнный долгъ „радоваться съ радующимися, и плакать съ плачущими“ и т. д. Тотъ же способъ мы должны употребить и въ разсмотрѣніи другихъ различій.

Но если, послѣ всего этого, братія армяне будутъ

(1) „Дни праздниковъ храните“, братіе; и первый изъ всѣхъ день Рождества, который да празднуется въ *двадцать пятый день десятаго мѣсяца*; за тѣмъ вустъ будетъ у васъ въ вышей чести день Богоявленія, въ который Господь явилъ намъ Божество свое; и сей день пусть празднуется въ *шестой день десятаго мѣсяца*“ (Апост. постановл. книга V, глава 12).

упорны въ соблюденіи своихъ обычаевъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ продолженіе столѣтій въ вѣковъ они укоренились въ совѣсти многочисленнаго народа, различающаго совершенно отъ другихъ, какъ въ умственномъ своемъ развитіи, такъ и въ общественномъ положеніи, и т. п., тогда что намъ дѣлать? Уже ли же слѣдуетъ намъ немедленно *ожесочиться* противъ упорнаго духа этого народа и отвѣргнуть церковное единеніе съ пятью миддіонами братій? Никакъ! восклицаетъ блаженный *Эвдофилактъ*. Что же намъ дѣлать? Поступать такъ, какъ *аповѣдуетъ законъ любви евангельской*, исторія церкви и самый здравый смыслъ, т. е. *мы должны оказывать снисхожденіе*, по приведеннымъ примѣрамъ св. отцевъ, свѣдущихъ въ сихъ дѣлахъ. *„Должны есмь мы сильнѣи немощи немощныхъ носити“* (апост. Павелъ) и *„не за всякій обычай слѣдуетъ отлучать отъ церкви, но только за тотъ, который ведетъ къ различію въ догматахъ (Евдоф.) и „можно преступить правду ради большей правды, случается, что и заповѣдь ради заповѣди преступается“* (Іоаннъ Лѣств.) и т. д.

Когда бываетъ столкновеніе между двумя обязанностями и одновременное исполненіе ихъ дѣлается невозможнымъ, то меньшая должна уступить мѣсто большей! Этому научаетъ насъ не только законъ Божій, но тоже аповѣдуетъ намъ и здравый смыслъ. Разумное отступленіе отъ меньшаго долга ради большаго явно одобряетъ и вышеупомянутое изрѣченіе богоглаголиваго Іоанна Лѣствичника *случается, что и заповѣдь ради заповѣди преступается* и т. д. Руководясь подобными философскими началами христіанской любви, боговдохновенные отцы наши въ древности оказывали всевозможное снисхожденіе и уступки, и какъ сказано: „благ-

женные эти мужи были воишь для вѣщихъ; дабы приобрьсть *всѣхъ*,“ по словамъ апостола. Такихъ примѣровъ снисхожденія я здѣсь помѣстилъ весьма не много, чтобы излишне не распространяться; но есть и многіе другіе имъ подобныя, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ блаженный Теофилактъ къ епископу Мелесову. „Если бы я не опасался быть *многорѣчивымъ*, то представилъ бы тебѣ *тысячи и тысячи* обычаевъ, извиненныхъ древними отцами съ цѣлю обратитъ къ себѣ души братьевъ“. Поэтому и намъ слѣдуетъ снисходить къ тѣмъ обычаямъ братьевъ армянъ; которые не ведутъ къ различію въ догматы. „Тѣ же изъ нашихъ, которые не убѣдятся вышеизложенными примѣрами снисхожденія святой Христовой церкви и наставленіями св. отцевъ:“ но будутъ мыслить иначе и „ожесточаясь противъ братьевъ армянъ, будутъ отклоняться отъ всякаго снисхожденія къ ихъ обычаямъ, и такимъ образомъ противятся церковному нашему единенію съ многочисленнымъ христіанскимъ народомъ, страдавшимъ за Христа, богѣ всякаго другого во вселенной, такіе, по выраженію поборника православія св. Аванасія, только причиняютъ пагубное преткновеніе ближнимъ, ненавида миръ церкви и любя раздоры“ (См. Т. Алекс. Соб. Т. I Авг. Соб. стр. 263). Разсмотримъ теперь частности, насколько можно оказать снисхожденіе и быть уступчивымъ относительно каждаго изъ упомянутыхъ армянскихъ обычаевъ.

1. О Трисвятой вѣсни.

Мы сказали выше, что если армяне будутъ настойчиво держаться своихъ обычаевъ, то ради любви во

Христѣ мы должны показать себя уступчивыми и снисходительными къ нимъ, но не прежде, какъ получимъ отъ нихъ необходимыя удостовѣренія, въ особенности относительно тѣхъ обычаевъ, въ которыхъ можно подозревать какой-либо еретическій смыслъ: такъ напримеръ необходимо, чтобы относительно трисвятой пѣсни въ томъ видѣ, какъ они ее употребляютъ; они письменно увѣрили что сохраняя неизмѣннымъ это пѣніе въ томъ видѣ, въ какомъ въ теченіи столѣтнихъ вѣковъ народъ привыкъ произносить оное, они однакоже отвергаютъ заключающійся въ выраженіи: „распныйся за ны“, еретическій смыслъ, который коварно усвоилъ ей Ѳеопасхитъ Петръ Кнафей; ибо одни изъ послѣдователей злочестиваго ересіарха измѣненную такимъ образомъ трисвятую пѣснь приписывали Пресвятой Троицѣ, другіе же Сыну и Слову Божію, *обнаженному* плоти, такъ что приписывали страданіе безстрастному Божеству; сами же армяне относятъ ее къ одному только Сыну и къ Нему, какъ воплощенному; что поѣтому тѣхъ, равно какъ и всѣхъ единомысленныхъ съ ними въ изъясненіи выраженія („распныйся за ны“), они предають вѣчной анаемѣ, и т. д. Послѣ такихъ и подобныхъ объясненій, утвержденныхъ собственно ихъ подписью; мы можемъ по снисхожденію извинить имъ такое измѣненіе, поелику *въ сущности* они не отличаются отъ насъ, касательно догмата Божественнаго воплощенія.

2. Объ опръснокахъ.

Изъ исторіи церкви извѣстно, что опръсноки были введены монофизитами на ихъ незаконныхъ собраніяхъ для символическаго изображенія и представленія едина-

го, по ихъ мнѣнію, *естества* *во Христь*, и что, по убѣжденіямъ епископовъ сирійскихъ, и армяне ввели этотъ обычай въ свою церковь около начала VI столѣтія; поэтому мы должны побудить ихъ отмѣнить сей обычай, какъ противный преданію Господню и дѣйствіямъ каеолической церкви, такъ какъ каеолическая церковь съ самаго начала приносила квасный хлѣбъ въ таинствѣ Божественной Евхаристіи; такъ поступала до IX вѣка и православная церковь на Западѣ, по свидѣтельству кардинала Бона (Смот. „Голось Православія“ стр. 125): такъ поступаетъ и англиканская церковь и другія религіозныя общества протестантовъ, возвратившіяся въ этомъ отношеніи, послѣ церковнаго отдѣленія ихъ отъ Рима, къ древнему *вселенскому* преданію и т. д. Для большаго же убѣжденія ихъ, мы должны подвергнуть безпристрастной ихъ критикѣ сочиненіе знаменитаго Евстафія Аргентиса противъ опрѣсноковъ, если же и тогда не убѣдятъ ихъ наши братскія увѣщанія, подъ предлогомъ освященнаго давнымъ временемъ возношенія ими въ церкви опрѣсноковъ, но между тѣмъ они скажутъ намъ, что анаеаметствуютъ всякое монофизитское или подобное сему еретическое понятіе въ употребленіи опрѣсноковъ, то какъ намъ поступить? Такой трудный вопросъ я не осмѣливаюсь рѣшить, хотя и нахожу въ исторіи церкви слѣдующіе достаточные примѣры снисхожденія касательно приношенія въ жертву опрѣсноковъ (1).

(1) Нельзя не признать, что примѣры эти носятъ характеръ частный; кромѣ того, обстоятельства, служившія тогда причиною снисхожденія касательно употребленія опрѣсноковъ, во многомъ различествовали отъ нынѣшнихъ. Посему, вмѣстѣ здѣсь событія просто, предоставляемъ разрѣшеніе подлежащаго вопроса святому голосу каеолической церкви, единой безграничной и непогрѣшной наставницей вѣрччъ.

Извѣстно, что церковь западная ввела употребленіе опрѣсноковъ при священнодѣйствіи таинства Божественной Евхаристіи около IX вѣка, отдѣленіе же западной церкви отъ восточной послѣдовало около 1050 года, т. е. почти два вѣка іерархи Восточной православной церкви показывали снисхожденіе къ сему нововведенію ради любви во Христѣ и только тогда прервали они всякое духовное общеніе съ Римомъ, когда онъ наложилъ дерзновенную руку на *основной* законъ вѣры, не обративъ вниманія на братскія ихъ увѣщанія.

Св. Петръ Антиохійскій въ посланіи къ Керулларію увѣщеваетъ его оказывать снисхожденіе къ прочимъ нововведеніямъ Рима, и только по отношенію къ дерзновенной ихъ прибавкѣ къ символу являться непобѣдимымъ и неумолимымъ.

Блаженный Теофилактъ Болгарскій единственнымъ условіемъ духовнаго общенія съ западомъ признаетъ неизмѣнное исповѣданіе Божественнаго символа безъ прибавки: по отношенію же къ опрѣснокамъ и остальнымъ нововведеніямъ латинянъ показываетъ величайшее снисхожденіе ради любви во Христѣ и единенія церквей. „Одна, говоритъ онъ, изъ сихъ обычаевъ я не считаю подлежащими никакому измѣненію, другіе же умѣренному, и то, такому, отъ исправленія которыхъ церковь выиграетъ не много, если же это и не будетъ сдѣлано, то и оставаясь неизмѣннымъ, оно не принесетъ вреда... Но то, что, мнѣ кажется, наиболѣе мѣшаетъ *правомыслии* войти въ общеніе съ латинянами... есть нововведеніе въ символъ вѣры...“, и далѣе: „если у западныхъ встрѣчается какая либо ошибка въ отношеніи догмата, *которая колеблетъ веру отцевъ*, какова, сдѣланная въ символъ прибавка о Духѣ Святомъ, то въ

этомъ заключается *величайшая* опасность и представляющій себѣ, не требуя исправленія онаго, самъ неизлечимъ... Объ опрѣсненіяхъ же и погстахъ не станемъ *ожесточаться* противъ упорнаго разумѣнія народа: *это было-бы оклеветать раковину съ раковиною, не вставя между ними никакого клейкаго вещества, которое могло бы связать ихъ*: не слѣдуетъ также много говорить и объ остальныхъ упомянутыхъ различіяхъ, соблюдая которыя латиняне кажутся многимъ непростительно погрѣшающими; но не соглашаться съ этимъ, по моему мнѣнію, долженъ каждый, упражнявшійся въ исторіи церковной, и извѣдавшій, что не за всякій обычай слѣдуетъ отлучать отъ церкви, но только за тотъ, который ведетъ къ различію въ догматы... если бы я не опасался быть многорѣчивымъ, то показалъ бы тебѣ тысячи за тысячами обычаевъ, извиненныхъ древними отцами съ цѣлію пріобрѣсть души братій; ибо отцы эти умѣли не себѣ угождать, но кійждо работати ближнему во благое, къ созиданію; нынѣ же мы спрашиваемъ: кто ближній мой? и отвергаемъ тысячи, которые дѣйствительно таковы“, и т. д.

Великій Маркъ ефесскій, въ своихъ сношеніяхъ съ латинянами, по снисхожденію, вовсе не упомянулъ объ опрѣсненіяхъ на флорентійскомъ соборѣ и единственнымъ условіемъ единенія полагалъ исключеніе изъ свѣвола слова „*filioque*“, какъ противнаго догмату Божественнаго откровенія, *разно какъ и духовной жизни и свободному составу* церкви, что было уже указано выше (1).

Подобные примѣры снисхожденія касательно употребленія опрѣсненіевъ, хотя и нахожу въ исторіи церкви, но

(1) Дѣйствительно странно, что и Теоріанъ въ изъясненіи новозавѣстныхъ; Аріяна, вовсе не упоминаетъ объ опрѣсненіяхъ.

рѣшать о семъ не осмѣливаемъ по вышесказаннымъ причинамъ, а потому разрѣшеніе предполагаемаго вопроса предоставляю всемірной церкви Христовой, единой надежной разсудительницѣ подобныхъ вопросовъ.

3. Объ употребленіи неразтвореннаго вина при Божественной трапезѣ.

Православно-католическая церковь, со времени Божественнаго ея установленія, употребляла въ таинствѣ евхаристіи вино, растворенное водою, основываясь на тайнодѣйствіи Владыки своего, на 45 стихѣ XIX гл. евангелія отъ Іоанна ⁽¹⁾, на свидѣтельствѣ четырехъ древле составленныхъ литургій: св. Іакова брата Господа, св. Климента или Іакова Заведеева, св. Вислія Великаго и св. Іоанна Златоуста, равно какъ и на свидѣтельствѣ священномученика Кипріана, св. Амвросія и другихъ древнихъ отцевъ. Также поступаетъ и церковь западная въ священнодѣйствіи этого таинства. При такихъ свидѣтельствахъ о правильности приношенія раствореннаго вина при божественной трапезѣ, надѣюсь, что армяне не будутъ настаивать на соблюденіи сего противоканоническаго обычая, который кромѣ того осужденъ 32 правиломъ VI вселенскаго (въ Трулль) собора. Въ противномъ же случаѣ они должны, по крайней мѣрѣ, письменно показать, что, употребляя при совершеніи Божественнаго таинства вино неразтворенное, они далеки отъ желанія выравить этимъ, какое либо понятіе еретическое или неправославное, но что поступающихъ такъ, съ цѣлію изобразить или символически

(1) И абіе куде кровь и вода.

представить неправомыслие монофизитовъ, или какого либо другаго еретическаго понятія, они предають вѣчной анаемѣ (1).

4. О святомъ мурѣ.

Приготовление святаго мурѣ изъ сесамскаго масла не согласно съ практикою вселенской церкви: равнымъ образомъ говорить, что поводомъ такого приготовления мурѣ служить холодный климатъ Арменіи, недопускающій роста масличнымъ деревьямъ, „есть только предлогъ, неоправдывающійся на дѣлѣ (см. „Разговоръ“ Θεоріана и Нарсеса въ Сократ. излож. Божеств. догмат. Аванасія Парія, стр. 494); если же армяне будутъ упорно отстаивать соблюденіе этого притивобиблическаго обычая, то остается разсмотрѣть, имѣеть ли онъ какое либо отношеніе къ догмату, и ради единенія, нельзя ли по снисхожденію извинить его, или не можетъ ли онъ быть замѣненъ равносильнымъ св. мурѣпомазанію дѣйствіемъ возложенія рукъ на вращаемыхъ, по примѣру многихъ древнихъ православныхъ церквей и т. д.

5. О праздникѣ Рождества Христова и о постахъ у армянъ.

Мы сказали выше, что великій праздникъ Рождества Христова установленъ былъ самими Апостолами, что

(1) „Такъ какъ мы узнали, что въ странѣ Армянъ приносящіе безкровную жертву при св. трапезѣ употребляютъ только вино, не растверзя оное водою, и въ оправданіе сего приводятъ слова учителя церкви Іоанна Златоуста: „почему возставъ, не воду пилъ онъ, но вино“..... Посеку поставоюкляемъ“..... и т. д. (прав. 32). Изъ этого правила ясно, что обычай, о которомъ идетъ рѣчь, произошелъ не изъ какого нибудь толкованія еретическаго, но изъ несомнѣнно не правильнаго объясненія словъ св. Златоуста.

мѣстныхъ церкви совершали его въ различные дни и времена года, и только около VI вѣка всѣ церкви согласились вмѣстѣ праздновать его 25 декабря, согласно приведенному нами апостольскому установленію, что одни только армяне отдѣлились отъ сего общаго согласія, и потому они вынуждены поститься въ продолженіе тѣхъ двѣнадцати дней, въ которые вся церковь Христова торжествуетъ. Все это мы должны напомнить братіямъ армянамъ, предложивъ имъ согласоваться съ практикой *каеволической* церкви и съ *апостольскими* преданіемъ о семь праздникѣ: если же они не убѣдятся братскими нашими увѣщаніями, то мы можемъ предложить имъ, ради единства внѣшняго, чтобы тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ Византіи, Руменіи, Малой Азій, Палестинѣ и другихъ православныхъ странахъ, соблюдали господствующее тамъ правило, т. е. вмѣстѣ съ греками, русскими, болгарами, сербами, албанцами, арабами и остальными православными народами праздновали Рождество Спасителя 25 декабря; тѣ же изъ упомянутыхъ ревнителей благочестія, которые пребываютъ въ странахъ армянскихъ, какъ-то: въ Тавридѣ, въ Еривани, Вакѣ, Ерзерумѣ, Акискѣ и др. м., въ свою очередь соображались бы съ тамошними мѣстными обычаями въ отношеніи соблюденія праздника, и съ соответствующими сему правилами о постѣ. Если же и эта мѣра покажется неудобоприлагаемою, то необходимо, думаю, ради единенія, и этотъ обычай оставить армянскому народу, предавая исправленіе его Богу мира и любви, тѣмъ болѣе, что нѣтъ ничего общаго между вѣрою, которая составляетъ истинное единство, и между тѣмъ или другимъ обычаемъ праздника или поста.

Нельзя не признать, что всего лучше, когда существуетъ однородность, во вѣщномъ Богослуженіи и въ дисциплинѣ, что особенно полезно для назиданія вѣрующихъ, но когда, вслѣдствіе обстоятельствъ и вслѣдствіе умственного и общественнаго состоянія какого либо христіанскаго народа, это оказывается неприложимымъ, то неужели изъ-за этого непременно слѣдуетъ расторгать святѣйшій союзъ христіанской любви, которая, по словамъ апостола, есть исполненіе Божественнаго закона („полнота закона любовь“); неужели изъ-за такого обычая цѣлый народъ долженъ быть отвергнутъ отъ духовнаго общенія прочихъ церквей, хотя онъ единомысленъ имъ и содержитъ одну съ ними вѣру, составляющую, какъ мы сказали, истинное и живое единеніе? Никакъ, отвѣчаютъ боговдохновенные отцы. Для большаго же подтвержденія нашего смиреннаго о семъ взгляда, и въ дополненіе выше приведенныхъ древнихъ примѣровъ снисхожденія церкви касательно служенія вѣщнаго и дисциплины, приводимъ еще слѣдующее.

Въ первые вѣка церкви, христіане торжествовали праздникъ Пасхи въ разное время и различно соблюдали предшествовавшій ему постъ, какъ свидѣтельствуеть о семъ св. Ириней, епископъ ліонскій. Такъ, напримѣръ, церкви востока, Египта, Палестины, Греціи, Понта, Рима, Галліи и другихъ странъ праздновали Пасху въ первый воскресный день послѣ полнолунія, слѣдующаго за весеннимъ равноденствіемъ; церкви же мало-азійскія праздновали въ самое полнолуніе, въ какой бы день оно ни случилось. Опять одни изъ христіанъ предъ пасхою постились одинъ день, другіе два, иные же болѣе и, наконецъ, нѣкоторые сорокъ часовъ дня и ночи и т. д. Когда епископъ римскій Викторъ

въ ослѣпленіи своемъ провозгласилъ отлученными церк-
ви мало-азійскія, называя азійскіхъ христіанъ тесса-
раскедекатитами, тогда первосвятитель Галліи Ирвзой
и первенствующій въ церквахъ азійскихъ Поликарпъ,
созвавъ соборы, сильно возстали противъ чрезырной
ревности папы (хотя и правосмыслиаго касательно
празднованія Пасхи) и ясно и открыто объявили, „что
различіе касательно поста и праздника ничѣмъ не вре-
дитъ единству въ вѣрѣ“. И такъ голосъ папы объ от-
лученіи ихъ отъ церкви остался не утвержденнымъ...

Вотъ какъ повѣствуетъ объ этомъ вопросѣ отецъ
церковной исторіи Евсевій. Такъ какъ всѣ колоніи азій-
скія, по древнему преданію, считали правильнымъ соб-
людать спасительный праздникъ Пасхи въ то число, въ
которое предназначено было іудеямъ вкушать пасхаль-
наго агнца, и полагали, что въ это число, въ какой
бы оно день недѣли, ни пришлось, слѣдуетъ прекра-
щать постъ; тогда какъ не таковъ былъ обычай въ
остальныхъ церквахъ вселенной: ибо онѣ съ своей сто-
роны, по апостольскому преданію, держались доселѣ
господствующаго обычая, чтобъ не разрѣшать постъ въ
другой день, какъ только въ день воскресенія Спаси-
теля (т. е. *въ день Воскресный*), то возникъ не малый
споръ, и по этому вопросу были созваны соборы и са-
вѣщанія епископовъ. Всѣ они, единогласно, чрезъ цер-
ковныя посланія, извѣстили преемоду находившихся хри-
стіанъ, постановляя, какъ догматъ, чтобы не въ иной,
а только въ воскресный день, праздновать таинства
воскресенія Господа изъ мертвыхъ и что только въ
этотъ день они дозволяютъ разрѣщеніе отъ поста пред-
пасхальнаго: и доселѣ сохраняется писаніе, собравших-
ся тогда въ Палестинѣ епископовъ, которыми руководятъ

дили Феофилъ, епископъ колоній кесарійскихъ, и Наркиссъ, епископъ іерусалимскій. Сохраняется также и другое писаніе, касательно того же вопроса, составленное собравшимися въ Римъ епископами, имѣвшими во главѣ папу Виктора, и писаніе епископовъ Понта, которыми руководилъ какъ старѣйшій Палмасъ: и еще писаніе епископовъ колоній въ Галліи, гдѣ начальствовалъ Иринея, и въ Овоиніи (верхней и нижней Иверіи) и тамошнихъ городовъ въ частности же Ванхила, епископа церкви коринеской и многихъ другихъ, которые, держась того же мнѣнія и образа мыслей, подали всѣ одинъ голосъ и рѣшеніе всѣхъ ихъ было тоже, какое мы уже упомянули. Епископами же Асіи, упорно желавшими сохранить преданный имъ издревле обычай, руководилъ Поликратъ (епископъ ефесскій), который самъ въ писаніи, обращенномъ имъ къ Виктору и къ церкви римской, въ слѣдующихъ словахъ излагаетъ дошедшее до него преданіе. „Мы празднуемъ день пасхи не своевольно установленный, не прибавивъ и не убавивъ въ семь случаевъ ничего. Ибо и въ Асіи почиваютъ великіе основатели, которые возстанутъ въ день явленія Господня, „когда онъ со славою придетъ съ небесъ и воскреситъ всѣхъ святыхъ“. У насъ Филиппъ, одинъ изъ двѣнадцати апостоловъ, почивающій въ Іераполѣ, тамъ же и двѣ дочери его, въ дѣвствѣ состарѣвшіяся, и другіе, подвизавшіеся о Святомъ Духѣ и почивающіе во Ефесѣ: еще же Іоаннъ, возмечавшій на персяхъ Господа, мученикъ и епископъ, носившій дщипцу освященія первосвященническаго и почившій также во Ефесѣ; еще же и Поликарпъ мученикъ и епископъ смирянскій и Фрасей мученикъ и епископъ, почивающій въ Смирнѣ; что же сказать мнѣ о Сохарисѣ, еписко-

гѣ и мученигѣ, почивающемъ въ Лаодиинѣ, еще и о блаженномъ Папирѣ и о Мелитонѣ, подвизавшемся всегда во Св. Духѣ и почивающемъ въ Сардисѣ, ожидая небеснаго предстоительства въ день, когда востануть отъ мертвыхъ? Сѣи всѣ соблюдали Пасху въ четырнадцатый день мѣсяца, согласно съ евангелиемъ, нисколько не отступая, но слѣдуя правилу вѣры; такъ поступаю и я, меньшій изъ васъ, Поликрать, держась, преданія родственниковъ моихъ, которымъ въ этихъ случаяхъ слѣдую. Ибо семь изъ родственниковъ моихъ были епископами, самъ же я восьмой, и всѣ они всегда совершали день (праздника), когда народъ (иудейскій) вкушалъ пасху. Я же братія, имѣя 65 лѣтъ о Господѣ и находившійся всегда въ единеніи съ братьями вселенской церкви и изучившій все Священное Писаніе, не страшусь угрожающихъ мнѣ: ибо высшіе меня сказали: „должно повиноваться Богу паче, нежели людямъ“. Къ сему онъ прибавляетъ (говоритъ Евсевій) относительно присутствовавшихъ при составленіи его посланія, единомысленныхъ ему епископовъ, слѣдующее: я могъ бы упомянуть и о присутствующихъ мнѣ епископахъ, которые, по достоинству вашему, были призваны и посвящены мною, и конхъ, если бы я сталъ исчислять, оказалось бы большое множество. Они, сошедшись, одобрили мое человекѣва незначительнаго посланіе, зная, что я не напрасно ношу сѣдла, но во Христѣ Иисусѣ всегда подвигаюсь...

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ (продолжаетъ историкъ) предстоятель римской церкви Викторъ силится отлучить всѣ азійскія колоніи, вмѣстѣ съ сопредѣльными церквами, отъ общаго единенія, и стремится, посредствомъ посланій, провозгласить всѣхъ тамонныхъ

братій состоящими въ общеніи. Но не всѣмъ епископамъ это нравится. Они совѣтуютъ ему помыслить о *миръ, единствѣ и любви къ ближнимъ и къ нимъ присовокупляются голоса, еще строже осуждающіе Виктора. Между такими былъ Иринеѣ, отправившій къ нему отъ лица братій; когда онъ управлялъ въ Галліи, посланіе, утверждавшее, что таинство Воскресенія Христова слѣдуетъ торжествовать только въ день воскресный. Должнымъ образомъ напомнивъ Виктору, что не слѣдуетъ отлучать отъ общенія цѣлыя церкви Востока; соблюдающія преданіе древняго обычая, онъ совѣтуетъ ему многое другое и между прочимъ прибавляетъ слѣдующее: „состизаніе идетъ не объ одномъ только днѣ (праздника), но и о самомъ образѣ поста: ибо иные думаютъ, что прилично поститься одинъ день, другіе же два, другіе же и болѣе того, иные же составляютъ этотъ день (время поста своего) изъ сорока дневныхъ и ночныхъ часовъ. Такое различіе произошло не теперь; но гораздо прежде, при праотцахъ нашихъ, соблюдавшихъ въ точности все, что слѣдуетъ, и въ послѣдствіи обратившихъ простыя, частныя обыкновенія во всеобщій обычай. *Тѣмъ не менѣе въ они находились въ мирѣ, и мы имѣемъ миръ между собою, и различіе въ постѣ не препятствуетъ единомыслію въ вѣрѣ...**

Но епископы, прежде Сотера бывшіе предстателями церкви, начальствуемой теперь тобою, именно Авиита, Пій, Гигинъ, Телесфоръ и Сикстъ сами не соблюдали сего (т. е. праздника Пасхи въ 14 день и т. д.) и бывшіе носятъ никъ не позволяли; *и тѣмъ не менѣе эти несоблюдающіе имѣли миръ съ приходящими къ нимъ изъ колоній (Малой Авіи), и въ сѣ соблюдалось... и изъ-за подобнаго обаянія никогда никто не былъ отлученъ (отъ*

духовнаго общенія изъ несоблюдающихъ). Вышше до тебя епископы, нехранившіе сего, посылали къ соблюдавшимъ въ колоніяхъ этотъ обычай дары святой еucharистіи (въ знакъ святаго общенія). И когда блаженный Поликарпъ посѣтилъ Римъ при Аникитѣ, то они имѣли между собою нѣкоторыя незначительныя состязанія о семь предметъ и нѣкоторыхъ другихъ; но вскорѣ прекратили о семь споръ и остались въ мирѣ между собою. Ибо хотя ни Аникита не могъ *убѣдить* Поликарпа измѣнить то, что онъ всегда соблюдалъ съ Іоанномъ, ученикомъ Господнимъ и прочими апостолами, бывшими съ нимъ въ сношеніи; ни Поликарпъ не убѣдилъ Аникиту соблюдать этотъ обычай; ибо послѣдній говорилъ, что долженъ хранить обычай бывшихъ до него предстоятелей, однако при такомъ положеніи дѣлъ, они имѣли общеніе между собою. И въ церкви Аникита допустилъ причастіеся Поликарпу; явно изъ уваженія къ нему, и они разошлись въ *миръ* другъ съ другомъ. „И миръ имѣли между собою всѣ члены церкви, и соблюдающіе, и несоблюдающіе“. Такимъ образомъ; Иринеи (прибавляетъ Евсевій), соотвѣтственно имени своему, сдѣлался *миротворцемъ*, заботясь и трудясь о умиротвореніи церквей. Онъ же не одному только Виктору; но и многимъ другимъ предстоятелямъ церквей письменно излагалъ тоже касательно возникшаго вопроса (Евсев., Ист. Церкви, кн. V, гл. 28—27).

Подобно сему, около начала III вѣка возникъ вопросъ о крещеніи еретиковъ. Римъ и нѣкоторыя церкви востока принимали въ общеніе всѣхъ, изъ какой бы то ни было ереси возвращавшихся къ православію, чрезъ возложеніе рукъ (за которыми слѣдовало помазаніе св. мирою); церкви же Малой Азіи и Африки, перешедши

въ противоположную крайность, перекрещивали всѣхъ безъ исключенія еретиковъ, возвратившихся въ лоно католической церкви, даже самыхъ отщепенцевъ, крещаемыхъ „черезъ троекратное погруженіе и равночисленное проименованіе имени Пресвятой Троицы“. И однако упомянутыя церкви не расторгли союза духовнаго общенія изъ-за этихъ различій, но исполненные духомъ христіанской любви, онѣ, каждая въ свою очередь, оказывали братское снисхожденіе къ удержанному другими мнѣнію о крещеніи. Когда же Стефанъ, епископъ Рима, провозгласилъ епископовъ Авіи и Аерки „анабаптистами“, а отсюда угрожало расторженіе духовнаго союза церквей, то Фирмилианъ, епископъ нокійскій, сталъ строго упрекать его, какъ преступающаго законъ христіанской любви. И тогда Стефанъ замолчалъ. Миръ же церквей сохранился, хотя различіе относительно крещенія существовало до II вселенскаго собора. До такой степени процвѣтала и жива была любовь между христіанами въ тѣ золотыя вѣка!

Мы сказали выше, что въ продолженіе многихъ вѣковъ, мѣстныя церкви праздновали въ различные дни и времена года великій день Рождества Христова, и что только около VI вѣка всѣ соглались праздновать его 25 декабря. Очевидно, какъ время празднованія было различное, такъ различно было и время назначеннаго передъ нимъ поста. Однако вѣрныя не расторгли духовнаго между собою общенія, но хранили миръ, и „различіе въ соблюденіи поста и праздника не препятствовало *единомыслию* въ вѣрѣ“.

Извѣстно, что римская церковь еще задолго до ея отпаденія уклонилась во многія нововведенія, изъ коихъ нѣкоторыя являю противны, какъ Ветхому и Новому За-

нѣту, такъ и аностольскимъ и соборнымъ постановле-
ніямъ. Таковы: дозволеніе ѣсть удавленнику и кровь;
поставленное въ IV вѣкѣ папю Сиріциемъ безбра-
чіе духовенства; наложенный преемникомъ его, Иннокен-
тіемъ I, во всѣхъ церквахъ завета постъ въ субботу;
разрѣшеніе въ великій постъ ѣсть яйца и молочную
пищу; снѣженіе званій священныхъ чиновъ и нѣкото-
рыя другія, за которыя отчасти прямо, отчасти косвен-
но VI вселенскій соборъ, бывшій въ Труллѣ, упрекаетъ
Римъ на основаніи Св. Писанія и постановленій апо-
стольскихъ и соборныхъ (См. Дѣяній Апост. XV, 28
и 29, Бытія IX, 34, Левитъ гл. XVII, XVIII. Прав.
Ап. 5, 63, 64 и 69 и Прав. I Всел. Соб. 18). Упомя-
нутая церковь не только уклонилась въ такія нововве-
денія, но, переходя отъ одного отступленія къ другому,
ввела около IX вѣка употребленіе опръскаговъ въ та-
инствѣ Божественной евхаристіи.

Не смотря на то, восточныя церкви съ евангельскимъ
снисхожденіемъ и протостью смотрѣли на *немощи* се-
стры своей во Христѣ и съ истинною братскою лю-
бовію побуждали ее къ исправленію. Тогда только онѣ
принуждены были отступить отъ духовнаго съ нею об-
щевія, когда около 1040 года, при папѣ Христофорѣ,
она дерзнула принять и освятить прибавку въ символѣ,
которая въ VIII вѣкѣ насильно была наложена Карломъ
Великимъ на французскія и германскія церкви, вслѣд-
ствіе постановленій собора ахенскаго и вопреки благо-
разумнымъ настояніямъ папы Льва III. Такъ посту-
пили патриаршескія церкви востока, покоряясь бого-
мудрому изрѣченію знаменитаго въ богословіи отца:
„лучше брань, нежели миръ, отчуждающій отъ Бога“,
и т. д.

Такое снисхождение и уступки оказывали другъ другу церкви Востокъ, движимыя духомъ любви во Христвѣ и слѣдуя примѣранъ богопресвѣщенныхъ учениковъ Спасителя: такъ апостолъ Петръ въ Антиохіи вступалъ въ сношенія съ язычниками, а въ Іерусалимѣ дозволялъ обрѣзаніе; апостолъ же Павелъ, въ посланіи къ евреямъ, богомудро указывая на слабость закона Моисеева, тѣмъ не менѣе, чтобы не соблазнить христіанъ изъ іудеевъ и ради требуемаго закономъ очищенія, допустилъ Тимошеею обрѣзаться въ Листрахъ, вопреки постановленіямъ апостольскаго собора въ Іерусалимѣ (Дѣяній Ап. XV 13—30). Подобнымъ же образомъ, ради мира Христова, онъ увѣщиваетъ увѣровавшихъ изъ язычниковъ римлянъ не быть слишкомъ строгими къ тѣмъ христіанамъ изъ іудеевъ, которые соблюдаютъ дни установленныхъ закономъ постовъ. „Мудртвуйъ бо день“ (т. е. соблюдающій день праздника или поста). Господевъ мудртвуетъ (т. е. соблюдаетъ его во славу Господа). И не мудртвуйъ день, Господевъ не мудртвуетъ (для Господа не соблюдаетъ его) (Къ римл. XIV, 1 и 6). Показывая подобное же снисхождение, богодуховенный апостолъ говорилъ: „всѣмъ себе поработихъ, да множайшія приобрящу: быхъ іудеямъ яко іудей, да іудей приобрящу: беззаконнымъ быхъ, яко беззаконенъ, не сынъ беззаконникъ Богу, но законникъ Христу, да приобрящу беззаконныя“.

Поучаемые такими примѣрами снисхожденія святыхъ отцевъ, соборовъ и церкви, какіе я приводилъ выше, и наконецъ примѣрами самихъ Богодуховенныхъ учениковъ Спасителя, будемъ, ради Бога мира и любви, снисходительны и уступчивы относительно обычаевъ о постахъ и праздникахъ, равно какъ и относительно

остальныхъ постановленийъ братій нашихъ армянъ, конечно на сколько такими вовсе не касаются догмата, „такъ какъ не за всякій обычай слѣдуетъ отлучать отъ церкви, но только за тотъ, который ведетъ къ различію въ догматы“. „Не ожесточаясь противъ упорнаго (быть можетъ) разумнѣша народа“ (Опять повторю): „мудрствуй день поста или праздника, Господеви мудрствуй: и не мудрствуй день Господеви не мудрствуй“.

Песему и армяне, соблюдающіе двѣнадцатидневный постъ (но причинѣ перенесенія праздника Рождества Христова на 6-е число января) во славу Господа соблюдаютъ его: и опять мы не соблюдающіе его во славу Господа не соблюдаемъ. Подобно тому, какъ въ золотые вѣка церкви христіане асіійскіе, не соблюдающіе праздника пасхи (въ тотъ день, въ который соблюдали его вѣрующіе прочихъ церквей) „имѣли миръ (т. е. духовное общеніе) съ соблюдающими, и изъ за сего различія (праздника или поста) никто никогда не былъ отчуждаемъ“, по свидѣтельству Божественнаго Иринѣя.

Такъ и мы не торжествующіе праздника Рождества Спасителя 6 января и отсюда не соблюдающіе предварительнаго двѣнадцатидневнаго поста должны быть съ миръ съ соблюдающими этотъ обычай армянами, (въ иномъ вовсе не заблуждающимися по отношенію догмата, но въ сущности исповѣдывающими одну съ нами православную вѣру, какъ было уже прежде о семъ ясно изложено). Подобно тому, какъ въ древности у вѣрующихъ, такъ и у насъ теперь *разномасіе относительна поста и праздника да не препятствуетъ единству съ Варъ*, по выраженію того же имениаго От-

ца мира. Упомянутыя апостольскія завѣщенія не только могутъ быть прилажены къ обычаю армянь отно- сительно востова и праздникова, но и къ нѣкоторымъ другимъ изъ ихъ обычаевъ и узаконеній, не касающихся вѣры. Тотъ же, кто не убѣдится вышеизложенными примѣрами церковнаго складованія, но возре- буетъ, какъ непрѣмное условіе единенія, немедлен- ное уничтоженіе армянскихъ обычаевъ, такой ничѣмъ не отличается отъ древнихъ возмутителей мира и един- ства церкви, каковы напр. папы Викторъ и Стефанъ, которыхъ излишнее живую и неразумную ревность еди- ногласно осудила вся церковь Христова, какъ мы ви- дѣли это.

Все, касающееся единенія армянь съ православною церковію, мы сочли необходимымъ долгомъ изложить въ этой статьѣ, смиренно повергая наше мнѣніе объ этомъ суду и разсмотрѣнію единой, святой, кафолической и апостольской Церкви. Надѣемся, что наши во Христвѣ братія, армяне, часто выражавшіе искреннее желаніе единенія, не забудутъ, хотя бы по поводу этой статьи, выказать на дѣлѣ ревность свою о спасительномъ единеніи (которое будетъ *торжествомъ армянской любви*), размысливъ, источникомъ какой несчастливой духовной и нравственной пользы оно будетъ для всѣхъ христіанскихъ народовъ Востока.

Прерывая здѣсь слово наше, просимъ всѣхъ благо- честивыхъ и православныхъ христіанъ молить человеко- любиваго Владыку нашего и въ смиреніи сердца не престанно звать къ Нему: „Господи, уаши насъ, да не будемъ, какъ были въ началѣ, когда Ты не водилъ насъ и не призывалось еще надъ нами имя Твое. Видѣй, Господи, какъ прежде единомысленные и единоголасно

взывавшіе раздѣлились на языки многіе, и дщери ино-
племенныхъ возрадовались о возникшихъ въ насъ раз-
ногласіяхъ. Господи Боже нашъ, подаждь намъ миръ,
потерянный нами отъ небреженія заповѣдей Твоихъ, и,
разрушивъ средостѣіе, сотвори обоя во едино. Соприч-
ти насъ, вводя одного за другимъ въ число новаго из-
раиля Твоего, *созидаѣя Иерусалимъ и собираѣя разсыянная
Израиля*: да будемъ вновь едино стадо, и да вси бу-
демъ утѣшены Тобою, *Ибо Ты пастырь добрый*, душу
свою полагающій за овцы. Возстани, Господи, что спи-
ши? Возстани и не отвержи насъ до конца. *Запрети
сѣтрамъ и морю* и подаждь тишину и волю утѣщеніе
церкви Твоей“!

Подобнымъ оему гласомъ прошу благочестивыхъ бра-
тій моихъ взывать къ Богу *мира и любви*: ибо Онъ,
нашъ Благій и человеколюбивый и всегда исполняющій
волю боящихся Его, услышитъ молитву нашу, утишитъ
настоящую бурю, даруетъ вождѣльное безмятежіе, и
соединитъ расточенная; тогда вновь услышится гласъ
радованія и спасенія, и мы, получивъ просимое, хва-
ляще Его возопимъ: „Благословенъ еси Боже, не от-
вергшии молитвы нашей и не удалившии милости Твоея
отъ насъ“.

Тому слава во вѣки, Аминь.

Григорій, Митрополитъ Хіосскій.^{П.}

Во святой митрополіи Хіоса
1-го марта 1866 г.

ПРЕДМЕТЪ И МЕТОДЪ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ (*).

Исторія церкви есть исторія вѣры, а исторія вѣры есть исторія всего человѣчества. Ни въ древнемъ, ни въ новомъ мѣрѣ не было ни одного народа, который бы не поклонялся какому-нибудь божеству. Названіе извѣстнаго народа безбожнымъ всегда употреблялось только въ смыслѣ относительномъ; напр. язычники такъ называли христіанъ за то, что они не почитали боговъ, почитаемыхъ язычниками. Извѣстія открывателей новыхъ странъ и народовъ, въ которыхъ по первымъ наблюденіямъ описывались народы, невѣрующіе въ Бога, по внимательномъ изученіи мнимо-безбожныхъ народовъ, оказывались всегда несправедливыми. Поклоняется ли народъ единому Богу или многимъ, поклоняется ли невидимому духовному существу или видимой природѣ, поклоняется доброму или злему богу, поклоняется духовно или грубо по степени своего ум-

(*) Вспомогательная лекція по исторіи церкви, читанная въ Казанскомъ университетѣ 19 апрѣля. Такъ какъ въ это время оканчивается учебный академическій годъ, то профессору пришлось ограничиться только этими двумя вопросами и притомъ приблизительно къ настоящимъ слушателямъ, изъ которыхъ весьма не многіе будутъ слушать полный курсъ науки.

отвѣннаго развитія, пожелается ли наконецъ сознательно или инстинктивно, — но все же пожелается, выражая тѣмъ внутреннюю неодолимую потребность найдѣться въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ высшему существу — Богу. Можетъ народъ стать въ самыя неблагопріятныя условія относительно богопочитанія, но, не смотря на то, не перестаетъ почитать Бога; и еще болѣе, въ слѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, еще горячѣе обращается къ Богу. Народъ неразвитъ, грубъ, всецѣлый сынъ природы, какъ дикіа дѣти пустынь и одавленныхъ острововъ, но Бога знаетъ и почитаетъ. Подтачиваютъ религіозное сознаніе, развращаютъ народъ безбожныя философскія ученія, но не могутъ изгнать религію, народъ не перестаетъ почитать Бога. Ополчаются на религію народа виѣшней силой, думая заставить его оставить религію, но народъ рѣшается скорѣе умереть поголовно, нежели оставить религію, и оттого самыя жестокія войны — войны религіозныя, священныя. Бывали въ исторіи народовъ и такіа времена, когда все, — и нравственное растлѣніе, и безбожныя теоріи, и политическое насиліе, — все зло, со всѣми доступными ему средствами, вооружалось на богопочитаніе народа во имя поправленыхъ будтобы религіей правъ разума, самаго дорогаго для человѣческаго згнана предмета; но написанный въ сердцахъ народа религіозный законъ не исчезалъ, самозваный богъ не возвышался надъ кратковременной и жалкой ролью революціонной богини разума прошедшаго вѣка, ослѣпленный отъ безумія народъ протрезвлялся и возвращался къ почитанію существа высшаго, Бога дѣйствительнаго. Можетъ народъ, вслѣдствіе всецѣлаго духовнаго поврежденія, потерять политическую самостоятельность и

предаться такому нравственному разложению, отъ котораго вырветъ и физически, но вѣра его умретъ только съ послѣдней жертвой нравственной чумы. Отъ того это, что народъ безъ религіи не мыслитъ, какъ человѣкъ безъ души: можно отрицать, сколько угодно, бытіе души, но она не перестаетъ проявлять себя въ разумно-нравственныхъ дѣйствіяхъ; можно мечтать объ уничтоженіи вѣры въ человечествѣ, но нельзя привести мечту въ исполненіе.

Утверждая это, я предвижу возраженіе въ существованіи безбожія или лучше безбожничанья. отдѣльныхъ личностей и малыхъ обществъ, прослышавшихъ въ исторіи безбожниками, и считаю нужнымъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Наблюдать надъ выраженіемъ религіозныхъ идей въ малыхъ обществахъ и особенно въ отдѣльныхъ личностяхъ гораздо труднѣе, нежели въ массахъ—въ народахъ: народъ существуетъ вѣка, свойства его мѣняются тоже только вѣками, и потому существенныя качества его у всѣхъ на виду. Не то съ малыми обществами и особенно съ единицами. Религіозное настроеніе отдѣльнаго человѣка и даже малаго общества можетъ мѣняться, такъ сказать, ежедневно, по вліянію многоразличныхъ обстоятельствъ: сегодняшній безбожникъ завтра можетъ оказаться вѣрующимъ, а послѣ завтра опять безбожникомъ, и т. д. Это показываетъ всю силу упругости религіозной идеи въ человѣкѣ: какъ бы ни ослаблялъ ее человѣкъ умственными соображеніями, страстями и житейскими дѣлами, она проявляется въ различныхъ моментахъ его жизни, то въ формѣ сомнѣнія въ правотѣ своихъ убѣжденій, то въ безпомощности совѣсти, то въ логическомъ противорѣчій практикѣ съ теоріей, то другимъ какимъ нибудь образомъ; безбож-

низмъ въ теоріи часто безсознательно показывать въ ру или на крайней мѣрѣ религіозное колебаніе въ дѣлахъ совѣсти, и наоборотъ нравственный безбожникъ—молодой часто бываетъ вѣрующимъ въ умѣ. Обще-человѣческой взглядъ на этотъ предметъ выразился въ изреченіи одного древняго наблюдателя духовной жизни челоѣка, мудраго еврейскаго Псалмопѣвца: „безумецъ сказалъ (и то только) въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога“. Такъ неестественнымъ представляется здравому смыслу твердое сознательное безбожіе; онъ скорѣе сочтетъ его плодомъ безумія или сумасшествія, т. е. животнаго состоянія челоѣка. Тотъ же общечеловѣческій взглядъ на этотъ предметъ высказывается по поводу каждаго акта самоубійства, когда законодательство допускаетъ, а обществѣ склонно бываетъ обвинять его умопомѣшательствомъ. Такъ неестественно отрицаніе безсмертія души и бытія Бога—здороводителя, выражаемое актомъ самоубійства! Что касается до обществъ безбожниковъ, то эмпирическія школы ихъ, сравнительно съ другими школами, всегда отличались и кратковременностью процвѣтанія и непослѣдовательной невыдержанностью и чрезвычайно малымъ числомъ стойкихъ послѣдователей; а послѣдовательнѣйшіе изъ всѣхъ безбожниковъ, религіозные оплосови—богословы, подобныя Фейербаху, на разсужденіи въковъ считаются единицами. Большая часть пантеонистовъ, матеріалистовъ и другихъ безбожниковъ, т. е. такъ или иначе приходящихъ въ своемъ ученіи къ отрицанію религіозныхъ идей, останавливается на полдорогѣ и какъ бы страшится выговорить послѣднее слово; немногіе, подобно Вокнеру, закрывши глаза, рѣшаются не смотреть на свѣтъ и утверждать, по его выраженію, „нелогическую истину“. Чрезвычайно удач-

ное опредѣленіе всѣхъ подобнымъ системъ, соразмѣсилось съ языкомъ материалиста! Поэтому что всѣ послѣдніе выводы ихъ, не смотря на видную логичность, страдают отсутствіемъ здравой логики и, не судя общечеловѣческаго смысла, суть не что иное, какъ *saltus mortalis* науки.

Исторія не можетъ входить въ изслѣдованіе внутреннихъ основъ религій, хранящихся въ глубинѣ чело-вѣческаго духа; этотъ предметъ рассматриваетъ другая наука—энцисософія религій. Церковная исторія за-нимаетъ только фактъ—бытіе религій у всѣхъ народовъ, фактъ для нея очень важный: не будь его, не возможно было бы и христіанство, потому что христіанство, хотя и богооткровенная религія, со стороны чело-вѣка предполагаетъ способность воспріятія, т. е. тѣ же внут-ренніи основы религій, бытіе которыхъ дѣлало воз-можнымъ и замѣшное богопочтаніе. Не этого мало. Исторія церкви своимъ бытіемъ и наблюденіемъ за-нимаетъ другой фактъ, еще болѣе важный, именно, что единственно истинная религія, удовлетворяющая суще-ственнымъ потребностямъ чело-вѣческаго духа, есть ре-лигія христіанская; потому что, по выраженію древняго учителя церкви, Тертуліана, душа чело-вѣческая *naturaliter christiana*—по природѣ христіанка. Въ этомъ выраженіи заключается глубокая истина: въ сознаніи язычника, хотя и смутно, всегда должна была суще-ствовать мысль, что почитаемые имъ боги не соотвѣ-ствуютъ идеѣ Бога истиннаго, что, кромѣ поклоняемыхъ боговъ, есть Богъ невидимый и невѣдомый. И дѣйстви-тельно, этому невѣдомому Богу ставился въ извѣсто-рыхъ мѣстахъ жертвенникъ: извѣстно, къ какой пре-красной рѣчи далъ поводъ апостолу Павлу подобный

жертвенникъ въ Афинахъ на высотахъ акрополя (Дѣян. 17, 22—31). Рѣчь его сопровождалась обращеніемъ нѣкоторыхъ къ христіанству, потому что указывала на тѣ свойства человеческой души, природѣ которыхъ отъвѣчаетъ христіанство. Тѣ же свойства человеческой души приводили нѣкоторыхъ философовъ и вообще людей, для которыхъ дорога вѣра, въ открытіямъ, граничащимъ съ христіанствомъ. Угль, отуманенный политензмомъ, чувствовалъ свое бессиліе создать себѣ потивную вѣру и устами лучшихъ мыслителей древности сознавался, что Бога найти трудно, а нашедши невозможно высказать о немъ, что слѣдуетъ; воля, погруженная въ грубую чувственную жизнь, и желала бы, но не могла возвыситься до смутнопредставляемаго идеала нравственности; сердце жаждало спасенія изъ этого тяжелаго, безотраднато, невыносимаго положенія, и въ многоразличныхъ образахъ представляло себѣ возможность спасенія жалкаго человечества. Все гаданія, чувства и пожеланія сливались въ одну идею, разнѣшующую въ народныхъ массахъ, что должно произойти что-то сверхъестественное, что съ востока и въ частности изъ Іудеи придутъ люди, которые оснуютъ новое царство и доставятъ человечеству золотой вѣкъ. Это убѣжденіе тогдашняго человечества высказывалось интайцами, персами и другими народами съ большей или меньшей ясностью; оно же записано у римскихъ писателей (Тацитъ и Светоніа), и дѣйствительность его не заподозривается никакимъ Штрауссомъ, какъ напротивъ заподозривается евангельское сказаніе о происшествіи на поклоненіе новорожденному Мессіи восточныхъ мудрецовъ, вслѣдствіе той же неутолимои жажды сердечной, иславшихъ Испытателя человечества.

Но я долженъ просить васъ не думать имѣть мысль словъ какого-нибудь послѣдшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ неправильнаго вавличенія. Не то хочу я сказать, что христіанство, требуемое и соответствующее свойствамъ человеческой души, есть изобрѣтеніе чловѣка, гениальнаго правда, но все тѣмъ чловѣка, для что оно есть естественный продуктъ умственно-религіознаго броженія того времени, наль старіиются доказывать послѣдователямъ навѣстной историко-богословской ново-тюбингенской школы; потому что, не смотря на всѣ ихъ усилія, имѣ досель не удалось еще доказать, чтобы какая-нибудь восточная религіозная система, или Сократъ и Платонъ, возвышеннѣйшіе изъ греческихъ философовъ, которыми пользовались и отцы церкви въ защиту и объясненіе христіанства, или александрійскіе философы и другіе современники Иисуса Христа могли, въ какомъ нибудь отношеніи, служить источникомъ возвышеннаго христіанскаго ученія. Я хочу сказать только, что измученное виѣшнимъ деспотизмомъ, нравственнымъ безобразіемъ и умственной слѣпотой, жаждавшее спасенія и доходявшее до религіознаго отчаянія отъ невозможности найти его, чловѣчество находило въ христіанствѣ то, чего оцупью искало: и просвѣтительное ученіе и высокую нравственность и примиряющія съ Богомъ средства. Само собою разумѣется, что, не смотря на соответствіе христіанства духовной природѣ чловѣка, созданныя тысячелѣтними религіи, подарившаеыя новой философіей и всемірной виѣшной силой, не могли уступить ему безъ борьбы свое мѣсто. А чтобы показать, какова была эта борьба и слѣдовательно какова была христіанства, сравнительно со всеми другими религіями и всеми вообще силами чловѣческими, я пред-

волю себѣ, въ самыхъ краткихъ замѣчаніяхъ, скажемъ вамъ, при какихъ обстоятельствахъ возникло христіанство и распространилось и почему существовали христіанская вѣра и церкви. Черезъ это, надѣюсь, легче опредѣлится предметъ церковной исторіи, нежели посредствомъ логическихъ опредѣленій.

На восточномъ берегу Средиземнаго моря лежитъ маленькая полоса земли, называемая обыкновенно Палестиной и Иудеей. На этой полосѣ, задолго до рожденія Основателя христіанства, поселился маленький еврейскій народъ, впоследствии цѣлкомъ почти озвещенный въ плѣнъ знаменитымъ Навуходоносоромъ и возвращенный на родину великодушнымъ Киромъ. Пользуясь, при временникахъ Александра Великаго, тѣнью самостоятельности, этотъ народъ, при первыхъ римскихъ императорахъ, потерялъ всякую политическую самостоятельность, въ страшной катастрофѣ лишился столицы—Иерусалима и затѣмъ отечества и разбѣлся по разнымъ угламъ громадной римской имперіи. Но этотъ, ничтожный политически, народъ имѣлъ предъ другими преимущество быть избраннымъ Божиимъ народомъ, владымъ завѣтомъ съ Иеговой, закономъ—дѣловодителемъ ко Христу (Гал. 3, 24) и обѣтованіями, что отъ него произойдетъ Искупитель человеческого рода. Какъ избранный Божій, еврейскій народъ, по возвращеніи изъ вавилонскаго плѣна, совершенно замкнулся въ себя, прервалъ всякое духовное общеніе съ окружающими его языческими народами, предался мелочному болѣеменному выполненію внѣшнихъ предписаній закона и самымъ нетерпѣливымъ ожиданіямъ Мессіи, царя и всемірнаго завоевателя, имѣющаго освободить его отъ иноземнаго и иновѣрнаго владычества и даже покорить ему все народы.

Но, гонимые за внешними предписаниями закона, богоизбранный народ утратил понимание истинного смысла закона и представители еврейского богословия, во времена Христа, раздвинулись на три партии, которые всё, больше или меньше, превратили в закон. Это были все же с своим сектантским характером, садукеев с легкомысленным невѣріемъ и фарисеев с мертвымъ формализмомъ въ ученіи. Весь простой народъ, наученный точному исполненію обрядоваго закона и преданій фарисеевъ, былъ подъ полнымъ ихъ руководствомъ. Жытннчки, владѣніе философіей и вообще наукой, которая сдѣлала въ тому времени значительные успѣхи, съ славной столицей исполннаго государства — Римомъ, этимъ всемірнымъ канекономъ, въ которомъ собраны были всевозможныя божества съ нышними богослуженіями и съ претензіями на мнеческую древность, соединены подъ управленіемъ могущественнаго Августа, не хотѣли знать религіи евреевъ или распущади нечѣпныя сказки о нихъ и вообще смотрѣли на нихъ какъ на народъ жалкій, невѣжественный, суетливый и безбожный и, за еанатическую исключительность ихъ и отверженіе тогдашней цивилизаціи, платили имъ ненавистью и предѣлдованіемъ. При такомъ положеніи древняго міра является христіанство. И каваа грустная обстановка колыбели христіанства!

На скалистыхъ высотахъ іудейскихъ горъ, въ двухъ часахъ отъ столицы іудейскаго царства, лежала маленькій городокъ Виледемъ. По случаю перемены, дѣланной по распоряженію римскаго правительства, народъ собрался сюда въ большомъ числѣ, такъ что многіе должны были располагаться внѣ города. Въ числѣ таиныхъ была молодая дѣва, съ обрученнымъ мужемъ-старикомъ,

которая, за неимением мѣста въ городѣ, пріютилась, отъ зимняго холода въ наемной пещерѣ, куда заговялася на ночь скотъ. Здѣсь рождается отъ нея младенцацъ Иисусъ, котораго, вскорѣ, по причинѣ гоненія Ирода, родители, въ послѣднемъ бѣгствѣ, уносятъ въ Египетъ и, по смерти послѣдняго, уходятъ оттуда въ презрѣнную у евреевъ Галилею, изъ которой, по мнѣнію ихъ, ничего не могло выйти добраго, и поселяются въ незначительномъ городѣ Назаретѣ, среди народа, сидящаго во тьмѣ (Мѣ. 4, 16). О жизни этого, съ колыбели гонимаго, Младенца до тридцатилѣтняго возраста въ достовѣрныхъ сказаніяхъ почти ничего не говорится; замѣчено только, что Онъ, будучи двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ, въ храмѣ іерусалимскомъ удивилъ всѣхъ своими вопросами и отвѣтами, что росъ въ повиновеніи у родителей, помогалъ отцу въ плотничествѣ и вообще получилъ самое скромное воспитаніе отъ бѣдныхъ родителей, такъ что впоследствии знавшіе Его семейную обстановку съ недомыслиемъ спрашивали: какъ Онъ знаетъ писанія, неучившись (Іоан. 7, 15). Но, по достиженіи тридцатилѣтняго возраста, Иисусъ является общественнымъ дѣятелемъ, во модному выраженію, преобразователемъ вѣры: не отрицая вѣщаго закона, не отрицаетъ его обрядовыя предписанія, усматриваетъ догматическую сторону его, возвышаетъ нравственную и проповѣдуетъ, что наступило царство Божіе на землѣ съ царемъ—Сыномъ человеческимъ, Мессіей, Искупителемъ человечества. Собираются около новаго Учителя слушатели и потомъ ученики—люди темные, галилейскіе рыбаки и подобныя, все, что, по слову Апостола, было въ глазахъ міра „безумнымъ, немощнымъ, нематнымъ и униженнымъ“ (1 Кор. 1, 27, 28), нацъ, по презрительному выраженію еарисе-

ствъ, „этотъ народъ, невіжда въ савонѣ“ (Іоан. 7, 49). Но слушатели часто не понимали возвышеннаго ученія новаго Учителя и особенно мессіанскаго достоинства Его: по примѣру другихъ евреевъ, сколько ни говорилъ имъ Учитель о царствѣ не отъ міра сего, они видѣли въ Немъ только будущаго царя, освободителя богобраниннаго народа изъ-подъ иноземнаго ига, и которому опорили о первыя мѣстахъ при Его будущемъ дворѣ: духовное ученіе Его казалось ученикамъ „странными словами“, вслѣдствіе которыхъ многіе изъ нихъ отходили и оставляли Его навсегда (Іоан. 6, 60, 66). Записанъ въ евангеліи одинъ случай свѣтлаго пониманія учениками Божественнаго лица своего Учителя, когда, на вопросъ, за кого они почитаютъ Его, апостолъ Петръ за всѣхъ сказалъ: „ты Христосъ, Сынъ Бога живаго“; но какъ неотчетливо было еще это пониманіе, видно изъ того, что, когда Іисусъ, вслѣдствіе этого исповѣданія, началъ открывать ученикамъ Свои тайну исполненія человечества Своей смертью, тотъ же Петръ сталъ противорѣчить Ему (Мат. 16, 16, 21, 22), возвращаясь къ народнымъ воззрѣніямъ на Мессію. Недолговременна была дѣятельность галилейскаго Учителя, около трехъ лѣтъ съ половиною; враги Его—учители закона—схватили Его, причемъ ученіи разбѣжались и самый смѣлый изъ нихъ Петръ отрекася отъ Него; предъ судомъ іудейскимъ и языческимъ Онъ исповѣдалъ себя Сыномъ Божиимъ и духовнымъ царемъ человечества, за что, какъ богохульникъ и врагъ цесаря, былъ приговоренъ къ позорной казни на крестѣ, на которомъ и умеръ. На третій день по смерти, не смотря на приставленную ко гробу врагами Его охрану, тѣла Его не оказалось тамъ и между іудеями про-

неслась нева, мущенная въ ходъ тѣмъ же врагами, что ученики украли тѣло своего Учителя. Но благодѣице ученики Его, разогнанные гонимымъ на Учителя, сами сначала не удивлялись, куда могло дѣваться тѣло Его, и, разсуждая о смерти своего Учителя, готовы были отстуниться и отъ того неточнаго повѣдiя, какое прежде имѣли о лицѣ Его: „я мы надѣялись было, что Онъ есть тотъ, который долженъ избавить Израилѣ“ (Лук. 24, 21). Украдкой собирались они въ продолженiе 50 дней и просиживали цѣлые дни съ запертыми дверями, опасаясь одинаковой участи съ Учителемъ. Когда, такимъ образомъ, сидѣли они, въ такъ называемой сионской горницѣ, мгновенно произошло съ ними несомновенный переворотъ: день, съ котораго начинается свое существованiю христанская церковь! Въ этотъ день возвака иудейской исключительности спала съ глазъ учениковъ Христовыхъ; непросвѣщенные рыбаки оказываются глубоко и обширно знающими писанiя; робiе бѣданы выступаютъ всенародно и проповѣдуютъ универсальное христанство, включающее всякую другую религiю, не включая и закона Моисеева; то, чего не понимали ученики при жизни Учителя, теперь понимаютъ слушатели ихъ и, по первой проповѣди, обращаются въ вѣру Христову въ водичествѣ 3,000 человекъ; апостоловъ призываютъ на судъ, запрещаютъ имъ проповѣдывать, сажаютъ въ темницы, бьютъ, но они проповѣдуютъ и проповѣдь ихъ распространяется по всѣмъ странамъ извѣстнаго тогда мiра.

Такое было внѣшнее, видимое начало христанства и Христовой церкви. Первымъ Учителемъ и Главой ея была галилейскiй плотникъ, распятый на крестѣ и оставившiй ученикамъ одно пророчественное утѣшенiе, что,

на исповѣданіи Его Сыномъ Божиимъ, Онъ создалъ Свою церковь, которой никакія силы не одолѣютъ (Мѣ. 16, 18); первыми проповѣдниками Его ученія были люди темные, невѣжды въ законѣ, по отзыву тогдашнихъ учителей вѣры; а первыми слушателями іудеевъ съ бого-преданными законами и язычниками съ обольстительной для чувственнаго человѣка религіей. Въ настоящее время, когда все, имѣющее претензію называться образованнымъ, просвѣщеннымъ, украшаетъ себя именемъ христіанина, трудно представить себѣ всю дистармонію евангельской проповѣди съ тогдашней цивилизаціей, такъ что происхожденіе и побѣда христіанства надъ язычествомъ людямъ непредубѣжденнымъ справедливо представляется величайшимъ изъ чудесъ. Апостолъ Павелъ въ слѣдующихъ немногихъ словахъ изобразилъ отношеніе своей проповѣди къ слушателямъ: „іудеевъ требуютъ чудесъ и еллины ищутъ премудрости, а мы проповѣдуемъ Христа распятаго, для іудеевъ соблазнъ, а для еллиновъ безуміе“ (1 Кор. 1, 22, 23). Часто приходилось проповѣдникамъ христіанства находиться въ томъ положеніи, какое испыталъ этотъ апостолъ, проповѣдая въ Афинахъ эпикурейскимъ и стоическимъ философамъ и вообще образованной языческой публикѣ о воскресшемъ Христѣ: „услышавъ о воскресеніи мертвыхъ, одни насмѣхались, а другіе говорили: объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время“ (Дѣян. 17, 32). Хотя проповѣдь о вѣстѣ для погибающихъ только есть безуміе, а для спасаемыхъ сила Божія (1 Кор. 1, 18); но эта сила Божія должна была преодолевать непреодолимыя, по суду человѣческому, препятствія, переработать весь строй жизни тогдашняго міра, возвысить плотскій разумъ язычника до духовнаго пониманія Боже-

ственных предметов и уничтожить иудейскую исключительность. И если провозглашаемая послѣдователями новотюбингенской школы борьба иудейскаго и христіанскаго элементовъ въ пониманіи христіанства самими апостолами не оправдывается исторіей церкви: за то, со времени самихъ апостоловъ, между ближайшими ихъ учениками ведется продолжительная борьба языческихъ и иудейскихъ началъ въ христіанствѣ, смѣшеніе чисто христіанскихъ началъ съ иудейскими и языческими. Многие иудеи, принявшіе христіанство, не хотѣли отказать отъ своей исключительности, старались сохранить въ христіанствѣ законъ Моисеевъ и считали язычниковъ недостойными наслаждаться благами царства Мессіи: отсюда возникли, такъ называемыя, иудействующія секты въ христіанствѣ. Для многихъ образованныхъ язычниковъ, принявшихъ христіанство, простая евангельская проповѣдь казалась слишкомъ простой; по примѣру языческихъ жрецовъ, они и въ христіанствѣ старались построить высшую народную (вульгарную) вѣры систему и проповѣдывали особенный гносіисъ, въ которомъ, кромѣ имени Христа, не оставалось почти ничего христіанскаго: отсюда многочисленныя развѣтвленія, такъ называемыя, въ христіанствѣ гностическихъ сектъ. Смѣшеніе христіанскаго ученія съ иудействомъ и борьба съ этой смѣсью чистаго христіанства продолжается два вѣка и переходитъ въ третій. Не окончилась еще эта борьба, какъ является новое направленіе въ христіанствѣ, которое старалось сдѣлать христіанское ученіе доступнымъ разуму и искажало главный догматъ христіанства о Троицѣ. Это направленіе продолжается весь третій вѣкъ и въ первой четверти четвертаго перерождается въ самую опасную для христіанства ересь

арианскую, которая отвергала равночестность и единство Искупителя человечества — Сына Божия съ Богомъ Отцемъ, т. е. отвергала самую сущность христіанства. Подъ покровительствомъ императоровъ—арианъ, она охватывала весь тогдашній христіанскій міръ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ предстоятелей церкви, и были времена, когда по видимому весь христіанскій міръ арианствовалъ. Борьба чистаго христіанства съ арианскою ересью и ея послѣдствіями—ересями македоніанской, еutihанской, несторіанской, монофизитской и монофелитской продолжается цѣлыхъ четыре вѣка и притомъ большею частію противъ свѣтовой власти, защищавшей еретическія направленія, т. е. борьба слабого духовнаго оружія со внѣшней силой.

Раздираемая внутренней борьбой съ ересями, церковь Христова, можно сказать, со дня своего рожденія подверглась внѣшнимъ гоненіямъ, свачала отъ іудеевъ, а потомъ отъ язычниковъ. Всѣ почти первые проповѣдники христіанства, апостолы и ихъ ученики, начиная съ первомученика Стефана, погибли мученической смертью; потомъ гоненію подвергался всякій, носившій имя христіанина. Умерщвляемы были за христіанство и при такихъ императорахъ, которые совершенно равнодушно относились къ религіознымъ дѣламъ или даже запрещали преслѣдовать христіанъ; но невозможно изобразить всѣхъ ужасовъ мученій, которымъ подвергали христіанъ прямые гонители императоры: Неронъ, Домиціанъ, Маркъ Аврелій, Септимій Северъ, Каракалла, Децій, Діоклитіанъ, Галерій, Максиминъ и Лидвій. Тысячами, десятками тысячъ умерщвляли христіанъ за исповѣданіе вѣры самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, не разбирая ни пола, ни возраста, ни пола, наконецъ, го-

нителі не убѣдились, что невозможно истребить христіанское имя на землѣ. Вслѣдъ за этимъ сознаніемъ, христіанство возсѣло и на императорскомъ престолѣ, въ лицѣ Константія Великаго. Но язычество далеко еще не умерло; послѣ неразумныхъ реактивныхъ дѣйствій аріанствующаго Констанція противъ язычества, Юліанъ, извѣстный въ церковной исторіи подъ именемъ отступника, эта въ высшей степени трагическая личность, достойная лучшей участи, старался возвысить и оживить падающее язычество чрезъ подражаніе христіанству. Но попытка Юліана возстановить язычество не удалась: приписываемое ему предсмертное восклицаніе: „побѣдилъ, Галилеянинъ“ — это отчаянный вопль издыхавшаго язычества, который возвѣстилъ старому міру окончательное обновленіе его новою и животворною силою христіанской вѣры.

Не безъ борьбы продолжала свое существованіе христіанская церковь и послѣ того, какъ христіанство мало по малу принято было всѣми европейскими народами; потому что борьба есть существенное достояніе, по богословскому выраженію, воинствующей церкви на землѣ. Возникшій въ началѣ VII вѣка Исламъ кровавымъ мечемъ отнялъ у церкви три восточные патріархата и всѣ африканскія церкви, а впоследствии покорилъ себѣ и всѣхъ восточныхъ, т. е. православныхъ христіанъ, грековъ и часть славянъ. Но внѣшнія бѣдствія для церкви обыкновенно менѣе губительны, нежели внутреннія разногласія и раздѣленія. Скоро начались религіозныя раздѣленія востока и запада, происходившія отъ притязаній папъ на главенство и тираннію въ церкви и потомъ въ государствахъ, отъ деспотическаго вмѣшательства византійскихъ императоровъ во внутреннія дѣла церкви,

отъ честолюбивыхъ стремленій константинопольскихъ патріарховъ, которые, впрочемъ, ограничивались болѣе восточно-пышнымъ титуломъ вселенскаго, отъ различія народныхъ характеровъ, языка, нравовъ, умственного міросозерцанія, и наконецъ, отъ образовавшихся въ теченіе вѣковъ обрядовыхъ и даже догматическихъ различій. Столкновенія эти при двухъ знаменитыхъ патріархахъ — Фотіи константинопольскомъ и Николаѣ I римскомъ кончились взаимными анафемами, а чрезъ два вѣка — при константинопольскомъ Михаилѣ Керуларіи и римскомъ Львѣ IV — окончательнымъ раздѣленіемъ великихъ церквей. Миротлюбивыя попытки къ соединенію во время крестовыхъ походовъ и позже на ліонскомъ и флорентійскомъ соборахъ только расширяли пропасть, раздѣлявшую церкви. Правда, и восточная церковь, извѣстная у церковныхъ историковъ, даже католическихъ, подъ именемъ православной, и католическая — западная продолжали имѣть благотворное цивилизующее вліяніе на сосѣдніе варварскіе народы; но вредныя послѣдствія раздѣленія очевидны и неисчислимы. Восточная церковь, подвергнувшаяся иновѣрному рабству и соединенному съ нимъ варварству, по выраженію западныхъ историковъ, окаменѣла въ православіи, т. е., по нашему сказать, отстала въ богословской наукѣ отъ западныхъ церквей, но зато по собственному же ихъ сознанію, осталась болѣе, нежели онѣ, вѣрною ученію, обрядамъ и устройству древней, еще нераздѣленной христіанской церкви. Западная, признавшая главенство папы въ церкви, какъ намѣстника Христова, и непогрѣшимость его въ дѣлахъ вѣры, оторванная отъ вселенскаго единства, „лишенная, по словамъ лучшаго современнаго католическаго историка Дёллингера, помощи

греческой церкви и ея тоннаго богословскаго смысла, оказалась несостоятельной въ рѣшеніи важнѣйшихъ богословскихъ вопросовъ“ (1), во внѣшнемъ отношеніи изъ духовнаго царства Христова, сдѣлалась мірснымъ институтомъ, съ притязаніями на деспотическое господство, не только надъ совѣстью людей, но и надъ царями и народами, впадала въ обскурантизмъ въ XIV и XV вѣкъ (2), и вслѣдствіе всего этого вызвала реакцію, извѣстную подъ именемъ реформаціи. Громадное явленіе новой исторіи съ доселѣ еще продолжающимися послѣдствіями, реформація, произведенная на католической почвѣ, католическими монахами и священниками, не смотря на видимую противоположность католичеству, есть самый логическій выводъ папской системы. Если одному человѣку, хотя бы и римскому первосвященнику предоставлено было право неограниченно господствовать надъ совѣстью народовъ, по собственному усмотрѣнію измѣнять и составлять догматы, т. е. право посягательства на божественный авторитетъ, то съ такимъ же правомъ, т. е. одинаково незаконно августинскій монахъ Лютеръ, швейцарскій священникъ Цвингліи, французскій богословъ Кальвинъ, англійскій король Генрихъ VIII и другіе, могли присвоить это право себѣ. Несомнѣнно, что реформація, освободившая христіанскую совѣсть изъ-подъ гнета монашескаго невѣжества и іерархическаго деспотизма, оказала великія услуги наукамъ и особенно богословской, но несомнѣнно

(1) Изъ устной лекціи мюнхенскаго профессора церковной исторіи Дѣллингера, рассказывавшаго исторію вопроса объ опредѣленіи и отношеніи благодати къ человѣку (въ 1867 г.).

(2) Я заимствую слово изъ *epistolae obscurorum virorum*, памфлета 1515—17 г. на католическое духовенство, который, впрочемъ, ниже действительнаго невѣжества тогдашняго духовенства.

также и то, что она своей отрицательной остротой, нанесла великий вред церкви и христианству. Новая философская система скептиков, деистов, сенсуалистов и пантеистов, суть ее произведения. Оттавленная насильственно и нелогически, так называемыми, символическими пантами, она въ богословскомъ отношеніи необходимо ведетъ не только къ ядковсвертыванию и вульгарному рационализму прошедшаго вѣка, но и къ абсолютному нигилизму (1) Бауровой школы, по справедливому замѣчанію одного современнаго протестантскаго историка (Шаффа). „Никогда нельзя отвергать, говоритъ онъ, между прочимъ, что революціонныя и разрушительныя тенденціи, отверженіе всякаго авторитета въ государствѣ и церкви, горячка своеволия нашего времени стоятъ въ извѣстной связи съ протестанствомъ“. Въ послѣдствіи мы познакомясь съ этимъ дѣломъ поближе; а теперь я мимоходомъ упомяну объ извѣстныхъ вамъ изъ всеобщей исторіи послѣдствіяхъ религіозныхъ раздѣленій—о войнахъ крестоносныхъ, тридцатилѣтнихъ и другихъ; о взаимной международной враждѣ, имѣющей основаніе въ различіи вѣроисповѣданій; о современныхъ вопросахъ—польскомъ, папскомъ и восточномъ, болѣе религіозныхъ, нежели политическихъ, потому что, не будь религіознаго раздѣленія, не было бы ни польскаго, ни папскаго вопросовъ,—не покровительствуя православнымъ грекамъ и славянамъ иновѣрныя державы, они давно бы выбросили въ Азію гниющій трупъ ислама. Такова сила религіи и религіозныхъ раздѣленій! И едва ли нужно считать пророчествомъ, а не логиче-

(1) Считаю нужнымъ замѣтить, что такъ часто злоупотребляемъ у насъ словомъ нигилизмъ, въ Германіи дѣтъ 30 уже назадъ стали характеризовать богословское направленіе новотюбингенской школы.

онийъ выводитъ исторію религіи слова Лазоли, который, разсмотрѣвши слабость язычества въ сравненіи съ христіанствомъ, приведшую его къ паденію, заключаетъ: „и вытъ еще лучшее и прекраснѣйшее въ жизни европейскіхъ народовъ связано съ христіанствомъ; и когда исполнятся грозныя судьбы будущаго и придетъ богатое событіями время великой борьбы народовъ въ Европѣ, то не можеть подлежать никакому сомнѣнію, что и здѣсь послѣдняя побѣда останется на той сторонѣ, гдѣ будетъ господствовать болышая сила вѣры“.

Вотъ эту-то исторію христіанской вѣры и церкви, какъ великой значительной и цивилизующей силы, я и буду имѣть честь преподавать своимъ слушателямъ, т. е. исторію преобразования языческаго міра въ христіанскій, усвоеніе имъ цивилизующихъ началъ христіанства, догматическихъ и нравственныхъ, исторію просвѣщенія и освященія христіанскихъ народовъ духовно-благодатными средствами — въ богослуженіи и церковномъ управленіи. Ни время, ни потребности вступительной лекціи не позволяютъ мнѣ дать логическія опредѣленія исторіи и церкви, церковной исторіи и ея объема, отношенія ея къ богословію и факультетскимъ наукамъ, источниковъ и вспомогательныхъ средствъ, необходимости для филолога изученія ея и подобныхъ предварительныхъ понятій и вопросовъ. Но я не могу не сказать теперь же о методѣ и характерѣ, какой предполагаю дать своимъ чтеніямъ по церковной исторіи. Первое требованіе, предъявляемое всякому историку и въ частности церковному, есть такъ называемая объективность, или даже всецѣлая объективность въ противоположность субъективному изложенію предмета науки. Въ особенности это требованіе предъявляется защитниками отрицатель-

ной богословско-исторической школы и главой ее, Бау-ромъ, выражено въ слѣдующихъ словахъ: „историкъ мо- жетъ отвѣчать своей задачѣ только въ той мѣрѣ, въ какой онъ свободенъ отъ всякой односторонности субъ- ективныхъ воззрѣній и интересовъ, каковаго бы рода они ни были, самъ переносится въ объективность предмета, чтобы самому быть только зеркаломъ, въ которомъ от- ражаются историческія явленія въ ихъ истинномъ и дѣй- ствительномъ образѣ, вмѣсто того, чтобы дѣлать исто- рію рефлексомъ своей собственной субъективности“. Я не буду говорить о томъ, что для такого абсолютно-объ- ективного изложенія требуется абсолютная вѣрность са- маго зеркала, что невозможно, такъ какъ ни одинъ че- ловѣкъ не можетъ представить себя неспособнымъ оши- баться существомъ; я долженъ сказать болѣе, именно, что требованіе полной объективности изложенія есть историческій и логическій абсурдъ и потому самому не- научно. Историческіе факты не совершаются предъ гла- зами историка; они совершились давно и совершены людьми, имѣвшими при этомъ тѣ или другія внутрен- нія побужденія и мысли; переданы людьми же, пони- мавшими и передавшими ихъ такъ или иначе, смотря по способности къ пониманію и къ передачѣ; рассмат- риваются и преподаются историкомъ — человѣкомъ же, который не въ состояніи ничего понять безъ посредства своего мышленія и сужденія. Потому достаточно тре- бовать отъ церковнаго историка, чтобъ онъ имѣлъ выс- шей цѣлью полную, безусловную истину, насколько это доступно человѣку, отвлекся отъ всѣхъ предразсудковъ и интересовъ партіи; но абсолютно невозможно требо- вать, чтобъ онъ отбросилъ свою субъективность, свой характеръ, даже свою религію, и сдѣлался *tabula rasa*,

чтобы т. е. показавъ въ своей исторіи совершенную безхарактерность. „Для писателя съ характеромъ, говоритъ Шафъ, это абсолютная невозможность и бессмыслица... Безъ христіанской вѣры нѣтъ правильного разумѣнія св. Писанія, невозможна и церковная исторія“. „Всецѣло объективное изложеніе есть самообольщеніе, говоритъ Кёлльнеръ; можетъ и невѣрующій написать исторію христіанской церкви, но не можетъ написать истинной, христіанской исторіи церкви. Кто не имѣетъ христіанской вѣры или содержитъ ее неправильно, тотъ не въ состояніи будетъ ни понять, ни оцѣнить внутреннихъ производящихъ дѣятелей движенія и развитія, а тѣмъ болѣе — изложить, такъ что и здѣсь имѣетъ силу слово: *ἐκαστος ὡς ὁ θεὸς ἐμέρισε μέτρον πίστεως*“. Я могъ бы собрать вамъ безчисленное множество совершенно такихъ-же отзывовъ церковныхъ историковъ, католическихъ и протестантскихъ, объ абсолютной объективности въ исторіи; я могъ бы показать вамъ, что такой объективности на дѣлѣ никогда не бывало, что ея не имѣютъ ни піетисты—Арнольдъ и Милнеръ, ни супранатуралисты—Мосгеймъ, Шрёнкъ и Планкъ, ни рационалисты—Землеръ, Генке, Гиббонъ, Гизелеръ, ни отецъ новой церковной исторіи—пекторалистъ Неандеръ съ своей многочисленной школой, ни лѣвые гегелианцы—Бруно-Бауеръ, Давидъ Штраусъ, Христіанъ Бауръ, ни либеральный Пихлеръ, ни ультрамонтанъ Гергенрёттеръ. Я замѣчу только, что изъ всѣхъ церковныхъ историковъ, по отзыву всѣхъ компетентныхъ судей, наибольшей субъективностью отличаются писатели противорковнаго и антихристіанскаго направленія. Такъ напр. Арнольдъ, задавшись предположеніемъ, что единственно порядочные христіане—еретики, пришелъ къ нелѣпой, съ научной

точки зрѣнія, мысли доказать, въ своей „безпристрастной исторіи церкви и еретиковъ“, что вселенская церковь, со времени Константина в., сдѣлалась вавилонской блудницей и народила Христу милліоны бастардовъ; то же только въ другой формѣ, повторилъ недавно Газеманъ въ своей „исторіи греческой церкви“; такъ гегелианцы лѣвой стороны, представители новотюбингенской школы, въ своихъ трудахъ по церковной исторіи, занимаются, вмѣсто дѣла, діалектическимъ процессомъ, мыслятъ посредствомъ историческихъ натяжекъ свое мышленіе и, при первой встрѣчѣ съ дѣйствительными фактами, съ историческими документами, становятся въ неразрѣшимое противорѣчіе съ ними. Вообще не мыслимо, чтобы уважающій науку церковный историкъ сталъ на сторону этихъ немногихъ представителей антирелигіознаго направленія противъ осмнадцативѣковаго преданія и противъ многочисленнаго сонма современныхъ читателей христіанской вѣры и церкви. Если у насъ при слабомъ развитіи религіознаго и научно-богословскаго образованія, произведенія, подобныя „жизни Іисуса“ Штрауса и Ренана считаются научными и даже опасными для христіанской вѣры; то на мѣстѣ появленія онѣ давнымъ давнымъ давно потеряли уже кредитъ. Если у насъ почти одиночно возраженіе на книгу Ренана московскаго профессора архимандрита Михаила, прекрасно опровергающее коренныя положенія новотюбингенской школы, да и это возраженіе, — можно съ увѣренностію сказать, — не прочитано почти никѣмъ изъ читавшихъ Ренана, въ нарушение юридическаго правила: *audiatur et altera pars*; то тамъ не только составилась, но и прочитана и усвоена уже цѣлая литература противъ антихристіанскаго направленія новотюбин-

генцевъ. Не въ похвалу нашу, конечно, я долженъ сказать и то, что когда у насъ, при полупотряхиваніи существованіи богословской науки, съ жадностью и безотчетно читали безбожный французскій романъ, студенты молодого веннскаго университета писали дѣльную книжку κατά *Ερνεστ Ρενάν*.

Но если церковная исторія должна быть христіанской и не можетъ не быть христіанской, не отказавшись отъ имени науки, то возникаетъ другой вопросъ—вѣроисповѣдный, т. е. должна-ли церковная исторія быть по направленію своему католической, протестантской или православной, и можетъ ли она быть наукой, придерживаясь взглядовъ того или другаго вѣроисповѣданія? Въ этомъ отношеніи отъ церковнаго историка требуется уваженіе къ тому, что есть въ христіанскихъ исповѣданіяхъ соответствующаго ученію Христа и апостоловъ, и такъ какъ всѣ онѣ вѣруютъ въ того же Бога и въ того же Сына Божія—искупителя человечества, что составляетъ, по апостольскому ученію, признакъ происхожденія отъ Бога (Іоан. 4, 2) и условіе вѣчной жизни (Іоан. 17, 3), то отъ историка требуется невозможное безпристрастіе и терпимость къ вѣроисповѣднымъ разногласіямъ, не составляющимъ сущности христіанства, какъ прекрасно выразилъ это покойный московскій м. Фидаретъ въ своихъ „разговорахъ о православіи между испытующимъ и увѣраннымъ“. Поэтому церковная исторія исключитъ, какъ ненаучное, безусловное осужденіе чужаго и восхваленіе своего, и станетъ выще узкаго взгляда православнаго народа, по которому у грековъ франки, а у русскихъ ифимцы—нехристи; но чрезъ это она еще не сдѣлается индифферентной относительно вѣроисповѣданій. Къ

счастію, сами иномыслящіе помогаютъ намъ въ рѣшеніи вѣроисповѣднаго вопроса въ наукѣ. Если сами католическіе историки и особенно католическіе народы своими сужденіями опровергаютъ или, по крайней мѣрѣ, ограничиваютъ и ослабляютъ обличительные пункты католичества, начиная съ главнаго, съ непогрѣшимаго главенства папы въ церкви, вслѣдствіе чего учащаются папскія энциклики, осуждающія эти воззрѣнія, и увеличивается католическій *index librorum prohibitorum*, т. е. противокатолическихъ; если сами протестантскіе историки и народы откровенно сознаются въ отступленіи отъ древнихъ церковныхъ формъ и признаютъ въ реформаціи разъединяющія и разрушительныя начала, несоотвѣтствующія истинному христіанству; если въ Англіи и Америкѣ тысячами собираются на митинги для разсужденій о соединеніи съ восточной церковью, какъ дознано, наиболѣе соотвѣтствующей Христову ученію и христіанской древности: то церковному историку держаться въ своей наукѣ ортодоксальныхъ, католическихъ или протестантскихъ взглядовъ было бы по меньшей мѣрѣ несовременно и гораздо естественнѣе держаться тѣхъ началъ, къ которымъ наклоняются въ настоящее время сами иномыслящіе, составляя либеральную партію въ тѣхъ вѣроисповѣданіяхъ. Впрочемъ, лучший судья въ этомъ дѣлѣ сама церковная исторія. Когда вы увидите въ ней, въ чемъ состояло ученіе и устройство древней христіанской церкви, признававшееся всѣми христіанскими народами единымъ истиннымъ или, на богословскомъ языкѣ, православнымъ, когда увидите, какъ восточная церковь, по выраженію западныхъ историковъ, окаменѣла въ этомъ православіи, считавшемся истинной вѣрой въ продолженіе осми вѣковъ, осталась и доселѣ остается

въ точности вѣрной ему, какъ сознаются строго научные западные историки, а западная, оставивши преданіе христіанской древности, которое впрочемъ въ теоретическомъ богословіи и у нихъ считается критеріемъ истины, пошла, по ихъ выраженію, путемъ развитія и прогресса и прогрессивнымъ развитіемъ не свойственныхъ христіанству началъ привела чрезъ реформацію къ антихристіанству новотюбингенской школы, когда т. е. увидите, что восточная церковь есть та самая церковь, въ которой, въ продолженіи осьми вѣковъ принадлежали всѣ христіанскіе народы, и православіе есть та самая вѣра, которая въ древней церкви считалась истинной Христовой: то поймете, что церковная исторія, какъ наука, по своему направленію не можетъ быть ни католической, ни протестантской, а должна быть и не можетъ не быть православной, если желаетъ говорить истину—первое требованіе всякой науки. И какъ исторія восточной православной церкви менѣе извѣстна, нежели исторія католичества и протестанства, а при большей извѣстности, безъ сомнѣнія, возбудитъ и большее уваженіе къ себѣ и сочувствіе со стороны иномыслящихъ: то православная церковная исторія имѣетъ право и обязанность посвятить особенное вниманіе исторія восточной церкви, нашей многострадальной матери, что я и постараюсь сдѣлать въ своихъ чтеніяхъ.

Было время, когда Карамзинъ считалъ нужнымъ оправдываться предъ русскими и писать: „знаю, намъ нужно безпристрастіе историка; простите, я не всегда могъ скрыть любовь къ отечеству“. Не мое дѣло рѣшать, совмѣстима ли съ безпристрастіемъ историка

любовь къ отечеству; но я увѣренъ, что вѣрность православно-го историка православной вѣрѣ и церкви или, что тоже, истинѣ, найдетъ сочувствіе у православныхъ студентовъ православнаго университета.

И. Добротворскій.

ПРОЕКТЪ ПОЛОЖЕНІЯ

О ПЕНСИОННОЙ КАССѢ ДЛЯ ДУХОВЕНСТВА С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХІИ.

Мы слышали, что с.-петербургскою духовною консисторіею разсматривается проектъ положенія о пенсионной кассѣ духовенства с.-петербургской епархіи, составленный протоіереемъ А. П. Рудаковымъ, по порученію высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора. Проектированная пенсионная касса, на сколько намъ извѣстно, имѣетъ своею цѣлю выдачу пенсій вдовамъ и сиротамъ духовныхъ лицъ, участвовавшихъ въ составленіи съ своими взносами, а равно и самимъ священно-и-церковнослужителямъ, оставляющимъ службу, по исполненіи опредѣляемаго положеніемъ числа платныхъ лѣтъ.

О денежныхъ средствахъ пенсионной кассы.

Основной капиталъ кассы долженъ составиться первоначально изъ всехъ суммъ, которыя поступятъ въ кассу, по день открытія ея дѣйствій, а послѣ того изъ остатковъ отъ ежегодныхъ доходовъ кассы. Доходы пенсион-

ной кассы должны составлять: 1) ежегодные взносы отъ участвующихъ въ ней духовныхъ лицъ с.-петербургской епархіи; 2) проценты съ капиталовъ кассы; 3) пособіе, ежегодно отпускаемое изъ церковныхъ сборовъ, и различныя случайныя поступления въ кассу. Пособія изъ церковныхъ сборовъ провѣтъ требуетъ въ пользу кассы въ первыя 10 лѣтъ по 10,000 руб., въ слѣдующее пятилѣтіе по 15,000 руб., а затѣмъ по 20,000 руб. (1). Взносы священно-и-церковнослужителей соразмѣряются съ избираемыми окладами пенсій: за 10 руб. пенсія полагается 2 руб. 50 коп. взноса, а за 100 руб. — 25 руб. взноса и т. д. По одобреніи провѣта въ главныхъ его чертахъ епархіальнымъ начальствомъ, всѣ священно-и-церковнослужители обязываются заявить о пенсіи, которою желаютъ обезпечить себя при оставленіи службы, а также и свое семейство, по своей смерти, и затѣмъ производить ежегодные взносы въ кассу соразмѣрно предназначенной себѣ пенсіи. Отъ взносовъ могутъ быть освобождены, при открытіи пенсіонной кассы, только священно-и-церковнослужители, получающіе откуда-либо пенсію, а также имѣющіе 60 лѣтъ отъ роду и при этомъ вдовыя и бездѣтныя. Оклады пенсій установлены различныя:

Для столичныхъ:

Священниковъ	отъ 180 до 400 руб.
Діаконовъ . . .	— 100 — 240 —
Причтениковъ	— 60 — 150 —

(1) Въ настоящее время изъ церковныхъ суммъ выдается пособій вдовамъ и сиротамъ духовныхъ лицъ с.-петербургской епархіи болѣе 25,000 руб. Следовательно требованіе провѣта нельзя назвать неумѣреннымъ.

Для уѣздныхъ и сельскихъ:

Священниковъ	отъ 100 до 200 руб.
Діаконовъ . . .	— 60 — 100 —
Прчетняковъ	— 30 — 75 —

Взносы обязательны для всѣхъ священно-и-церковно-служителей только по низшему обладу, по высшимъ же окладамъ предоставляются на волю каждаго. Съ низшихъ взносовъ можно переходить на высшіе, но пенсія по симъ послѣднимъ выдается только тогда, когда они производились не менѣе пяти лѣтъ. Въ случаѣ же смерти лица, измѣнившаго свой взносъ на высшій, ранѣе сего срока, семейству его выдается пенсія по прежнему взносу, причѣмъ ему возвращается и излишекъ взносовъ за послѣдніе годы, но безъ процентовъ.

Дозволяется и съ высшихъ взносовъ переходить въ низшіе, кромѣ овдовѣвшихъ, причѣмъ излишекъ первыхъ его взносовъ возвращается, по смерти вкладчина, его семейству, но безъ процентовъ.

Взносы должны поступать въ правленіе кассы къ 15-му января, но, для облегченія вкладчиковъ, они могутъ быть представляемы въ два срока: къ 15-му января и къ 1-му мая, съ приложеніемъ однако къ послѣдней половинѣ взноса 3% на нее.

Не представившій взноса къ 1-му мая за каждый просроченный мѣсяць платитъ по одному проценту.

Если кто не представитъ своего взноса въ теченіи цѣлаго года, то правленіе кассы обращается къ епархіальному начальству съ представленіемъ о взысканіи въ неисправнаго вкладчика непредставленнаго взноса съ процентами на оный. Непредставившій взноса въ теченіи двухъ лѣтъ лишается тѣмъ самымъ пенсіи себя

85*

и свое семейство, прежніе же его взносы возвращаются, въ случаѣ его смерти, его семейству, но безъ процентовъ.

Каждому члену дозволяется дѣлать взносы впередъ, причемъ, однакожъ, въ его пользу не причитаются ниѣдущіе проценты на вносимую имъ сумму процентовъ.

Лица, дѣлавшіе въ теченіе 35 лѣтъ взносы, освобождаются отъ нихъ на послѣдующее время, удерживая за собою право на пенсію, какъ себѣ, при выходѣ въ заштатъ, такъ и своему семейству.

Освобождаются отъ взносовъ, не теряя правъ на пенсію, ранѣе сего срока: 1) всѣ выходящіе въ заштатъ за выслугою положенныхъ закономъ лѣтъ; 2) подвергшіеся помѣнительству разсудка или лишившіеся своихъ мѣстъ за сокращеніемъ штатовъ, тяжкою болѣзнію и по другимъ уважительнымъ причинамъ. Въ случаѣ же ихъ выздоровленія и поступленія на службу, они обязаны по прежнему продолжать свои взносы.

Священно-и-церковнослужители, заботливости и хощащайству которыхъ касса будетъ обязана какииъ-либо пожертвованіемъ, освобождаются отъ взносовъ въ размѣрѣ, соответствующемъ количеству ежегоднаго дохода, доставляемаго пожертвованіемъ, — и вполнѣ, если количество этого дохода будетъ равняться или превышать количество ихъ взноса, вполнѣ сохраняя въ томъ и другомъ случаѣ право на пенсію.

Священно-и-церковнослужители, переходящіе изъ с.-петербургской епархіи въ другую, изъ епархіальнаго вѣдомства въ другое (придворное, гвардейское, армейское) получаютъ свои взносы обратно, но могутъ и продолжать ихъ, если только они состояли на епархіальной службѣ, не менѣе 20-ти лѣтъ. Въ послѣднемъ

случаѣ они сохраняютъ право на пенсію, какъ лично для себя, такъ и для своихъ семействъ, на общихъ основаніяхъ.

Священнослужители, лишившіеся сана по суду или собственному желанію, и причетники, исключенные изъ духовнаго званія, получаютъ обратно свои взносы, и затѣмъ отношеніе ихъ и ихъ семействъ къ кассѣ прекращается.

Всѣ возврата взносовъ производятся только самими вкладчикамъ или ихъ семействамъ, т. е. женѣ и дѣтямъ, а не родственникамъ, и производятся безъ процентовъ, которые остаются въ пользу кассы.

Объ открытіи дѣйствій кассы и размѣрѣ пенсіонныхъ выдачъ

Дѣйствія пенсіонной кассы открываются тогда, когда, при ежегодныхъ взносахъ въ 57,000 руб., основной капиталъ возрастетъ до 392,000, т. е. будетъ въ семь разъ болѣе высшаго ежегоднаго взноса, и когда въ пособіе ему будетъ гарантированъ отпускъ изъ церковныхъ суммъ, въ теченіи слѣдующихъ тридцати лѣтъ, ежегодно не менѣе 10,000 руб.

Всѣмъ вдовамъ и сиротамъ священно-и-церковнослужителей, умершихъ до открытія дѣйствій кассы, никакихъ пенсій не полагается, а только возвращаются взносы, сдѣланные въ кассу ихъ мужьями или отцами, безъ процентовъ.

Выдача пенсій производится по одной изъ двухъ предлагаемыхъ системъ: или по системѣ *страховой*, по которой выдаются по преимуществу полныя пенсіи, или — *акрипитальной*, по которой пенсіи выдаются въ доляхъ соотвѣтственно числу платныхъ лѣтъ. Принятіе той или

другой системы предоставляется усмотрѣнію самого духовенства.

При системѣ страхово́й, священно и церковнослужителямъ, дѣлавшимъ взносы въ теченіи 35 лѣтъ, при оставленіи ими службы, выдаются полныя оклады пенсій, а дѣлавшимъ взносы только въ теченіи 25 лѣтъ, при выходѣ ихъ въ заштатъ на 60 лѣтнемъ возрастѣ, выдаются половинныя оклады пенсій, но семействамъ остающимся послѣ нихъ выдается полная пенсія.

Священно и церковнослужители, дѣлавшіе взносы въ кассу менѣе 25 лѣтъ, при выходѣ въ заштатъ, хотя и освобождаются отъ дальнѣйшихъ взносовъ, но пенсій никакой не получаютъ; за вдовами же и семействами ихъ право на пенсію остается.

Подвергшіеся увѣчью, тяжкимъ неизлѣчимымъ болѣзнямъ, какъ-то: разбитію параличемъ, помѣшательству, разсудкѣ, потерѣ зрѣнія, не дозволяющимъ оставаться на службѣ, за 5 и до 10 платныхъ лѣтъ получаютъ $\frac{3}{8}$ полного оклада пенсій, за 10 и до 20 платныхъ лѣтъ $\frac{5}{8}$, а за 20 и болѣе платныхъ лѣтъ — полный окладъ пенсій.

По открытіи дѣйствіи кассы, вдовы и сироты священно и церковнослужителей, дѣлавшихъ взносы менѣе пяти лѣтъ, получаютъ половинный окладъ пенсій, но если ими при жизни были сдѣланы взносы впередъ за пять лѣтъ, то полный окладъ пенсій.

Вдовамъ и сиротамъ священно и церковнослужителей, дѣлавшихъ взносы пять лѣтъ и болѣе, производится полная пенсія: первымъ т. е. вдовамъ пожизненно, а послѣднимъ до 25 лѣтняго возраста. Малолѣтнимъ дѣтямъ, остающимся безъ отца и матери, выдается на каждого по $\frac{1}{3}$ полвой пенсій, такъ что тремъ и болѣе выдается полная пенсія.

При эмеритальной системѣ, пенсіи выдаются въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Священно и церковнослужителямъ, оставляющимъ службу въ 60 лѣтнемъ возрастѣ, выдается.

За 5—10 платныхъ лѣтъ	$\frac{3}{8}$	полной пенсіи		
— 10—15 — —	$\frac{4}{8}$	— —		
— 15—20 — —	$\frac{5}{8}$	— —		
— 20—25 — —	$\frac{6}{8}$	— —		
— 25—30 — —	$\frac{7}{8}$	— —		
— 30—35 — —	$\frac{8}{8}$	— —		

Вдовамъ и сиротствующимъ семействамъ священно и церковнослужителей, дѣлавшихъ взносы отъ

5 до 10 лѣтъ	выдается	$\frac{4}{8}$	полнаго оклада пенсій		
10 — 15 — —		$\frac{5}{8}$	— — —		
15 — 20 — —		$\frac{6}{8}$	— — —		
20 — 25 — —		$\frac{7}{8}$	— — —		
25 — 35 — —		$\frac{8}{8}$	— — —		

По открытіи дѣйствій кассы, вдовамъ и сиротамъ священно и церковнослужителей, дѣлавшихъ взносы менѣ пяти лѣтъ выдается $\frac{3}{8}$, а сдѣлавшимъ взносы впередъ за 5 лѣтъ $\frac{4}{8}$ оклада полной пенсіи.

По смерти заштатныхъ священно и церковнослужителей, пользовавшихся пенсіею при жизни, вдовамъ и сиротствующимъ ихъ семействамъ пенсія на $\frac{1}{8}$ прибавляется т. е. производится на общемъ основаніи.

Никто, состоя на службѣ, пенсій изъ Пенсіонной кассы получать не можетъ.

Вдовы а равно и дочери священно и церковнослужителей, вышедшія въ замужество, удовлетворятся слѣдующею имъ пенсіею по день вступленія въ замужество.

Опротамъ, поступившимъ на службу, производившаяся имъ пенсія прекращается.

Пенсии выдаются по третямъ: 15 января, 15 мая и 15 сентября.

При исчисленіи пенсіонныхъ выдачъ, дроби копѣекъ отбрасываются.

Объ управленіи и отчетности по дѣламъ пенсіонной кассы. Дѣлами пенсіонной кассы, подъ высшимъ наблюдениемъ епархіальнаго начальства, завѣдываютъ 1) общія собранія духовенства; 2) правленія пенсіонной кассы и 3) отдѣленія Правленія.

Общія собранія назначаются съ разрѣшенія Его Высочайшаго Преосвященства и бывають обыкновенныя одинъ разъ въ декабрѣ мѣсяцѣ и чрезвычайныя въ случаяхъ особой важности. О мѣстѣ и времени собраній, а равно и о предметахъ разсужденія, столичное духовенство извѣщается за 3 недѣли, а уѣздное и сельское, по возможности, за 2 мѣсяца. Въ общемъ собраніи участвуютъ всѣ вкладчики пенсіонной кассы, но причетники пользуются правомъ одного голоса, діаконы—двухъ, а священники трехъ голосовъ. Оно считается дѣйствительнымъ, когда въ немъ будетъ присутствовать не менѣе сорока членовъ. Для соблюденія порядка въ своихъ разсужденіяхъ, общее собраніе прежде всего закрытою баллотировкою избираетъ предсѣдателя изъ наличныхъ протоіереевъ или священниковъ. Къ кругу занятій общаго собранія подлежатъ: а) избраніе трехъ членовъ правленія пенсіонной кассы и двухъ къ нимъ кандидатовъ: они избираются изъ священнослужителей, живущихъ въ столицѣ; б) разсмотрѣніе годовыхъ отчетовъ правленія; в) назначеніе ревизоровъ для подробной повѣрки приходорасходныхъ книгъ и прочихъ документовъ

правления; г) обсужденіе случаевъ, признанныхъ правленіемъ сомнительными; д) измѣненія и дополненія положенія пенсіонной кассы. Избраніе членовъ правленія и ревизоровъ совершается закрытою баллотировкою, а прочія дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ. Никто изъ избранныхъ общимъ собраніемъ не имѣетъ права отказать отъ должности, ему поручаемой; иначе подвергается пеня, равной ежегодному обязательному взносу въ пользу пенсіонной кассы, но отслужившій по избранію однажды можетъ, не подвергаясь пеня, отказаться отъ вторичнаго принятія на себя какой бы то ни было должности по пенсіонной кассѣ. Вопросы касательно измѣненія и дополненій положенія предлагаются собранію не иначе, какъ по предварительному о томъ заявленію, сдѣланному столичному духовенству за два мѣсяца, а уѣздному и сельскому за четыре до собранія съ обстоятельнымъ объясненіемъ, что предполагается измѣнить, почему и какимъ образомъ. Самое же измѣненіе или дополненіе рѣшается большинствомъ $\frac{3}{4}$ голосовъ наличныхъ членовъ собранія, и за тѣмъ эти рѣшенія представляются на утвержденіе начальства, после чего получаютъ силу закона.

Правленіе пенсіонной кассы состоитъ изъ трехъ членовъ и двухъ числящихся при нихъ кандидатахъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ духовенства. с. п. епархіи и утверждаемыхъ въ своемъ званіи его высокопреосвященствомъ. Получившій наибольшее число избирательныхъ шаровъ состоитъ въ званіи предсѣдателя правленія, а двое слѣдующихъ за нимъ по взаимному согласію, или усмотрѣнію предсѣдателя, принимаютъ на себя одинъ должность казначея, а другой дѣлопроизводителя. Для переноски бумагъ правленіе имѣетъ инвез-

новодителя съ жалованьемъ въ 300 р. и съ квартирою при правленіи. Въ засѣданіяхъ правленія по очереди присутствуютъ и кандидаты, чтобы имѣть полное свѣдѣніе о порядкѣ и теченіи дѣлъ пенсіонной кассы, а во время болѣзни или отсутствія котораго либо изъ членовъ старшій кандидатъ заступаетъ его мѣсто. Члены правленія избираются на три года, по истеченіи которыхъ, могутъ быть выбраны и вновь, если только пожелають принять эту должность. Въ случаѣ оставленія должности всѣми членами, старшій кандидатъ вступаетъ въ число членовъ правленія, и общее собраніе избираетъ только двухъ новыхъ и двухъ кандидатовъ. Члены правленія собираются въ мѣстѣ, въ дни и часы, назначаемые ими самими по взаимному согласію. Дѣла въ правленіи рѣшаются большинствомъ голосовъ, при чемъ имѣеть право голоса и присутствующій кандидатъ; при равенствѣ голосовъ принимается мнѣніе той стороны, которой держится председатель. Къ обязанностямъ правленія принадлежать: попеченіе объ исправномъ поступленіи доходовъ кассы, выгодномъ помѣщеніи ихъ въ государственныя процентныя бумаги, исправной выдачѣ пенсій; веденіе надлежащей отчетности о капиталахъ и дѣйствіяхъ кассы; собраніе статистическихъ свѣдѣній, на которыхъ основаны расчеты о дѣйствіяхъ кассы; составленіе годовыхъ отчетовъ о приходѣ, расходѣ и положеніи капитала; о прибыляхъ, убыткахъ и наличномъ числѣ пенсіонеровъ; навѣщеніе всего епархіальнаго духовенства о мѣстѣ, времени и предметахъ, которые будутъ предложены на обсужденіе общаго собранія. Сообразно съ симъ правленіе ведетъ въ двухъ экземплярахъ слѣдующія книги: 1) списокъ всѣхъ церквей и духовныхъ лицъ, дѣлающихъ взносы въ кассу;

2) списокъ убылыхъ за каждый годъ пенсионеровъ и вкладчиковъ; 3) списокъ наличныхъ пенсионеровъ съ обозначеніемъ получаемыхъ ими пенсій; 4) приходорасходную книгу; 5 и 6) книги входящихъ и исходящихъ бумагъ; 7) вѣдомость объ основномъ капиталѣ съ обозначеніемъ достоинства и №№ процентныхъ бумагъ и №№ квитанцій, подъ которыми онѣ записаны въ Государственномъ Банкѣ, въ отдѣленіи вкладовъ на храненіе. Одинъ экземпляръ этихъ книгъ, перенумерованный, прошнурованный, и скрѣпленный предсѣдателемъ общаго собранія хранится у предсѣдателя правленія, а другой, скрѣпленный подписью предсѣдателя правленія у дѣлопроизводителя. Всѣ дѣла въ правленіи производятся на простой бумагѣ. Правленіе имѣетъ собственную печать съ изображеніемъ государственнаго орла и съ надписью: „печать правленія пенсионной кассы духовенства с. п. епархіи“. правленіе пользуется содѣйствіемъ и защитой епархіальнаго начальства, какъ скоро представится въ томъ надобность.

О храненіи капиталовъ Пенсионной кассы.

Всѣ суммы, поступающія въ пенсионную кассу, принимаются предсѣдателемъ правленія, въ присутствіи прочихъ членовъ и, по записи ихъ въ приходорасходную книгу, помѣщаются въ казнокранилице. До открытія дѣйствій пенсионной кассы, или до начала выдачи пенсій, всѣ поступающіе взносы и суммы изъ церковныхъ сборовъ, за оставленіемъ суммъ, подлежащихъ возвращенію семействамъ умершихъ вкладчиковъ, а по открытіи дѣйствій кассы, всѣ остатки отъ ея расходовъ обращаются немедленно въ 6⁰/₀ и 5⁰/₀ билеты государственной комиссіи погашенія долговъ и другія

процентныя бумаги, гарантированныя правительствомъ. Чтобы возносимыя даньги не оставались, по возможности, ни одного дня безъ приращенія процентами, правленіе, до поступленія ихъ, входитъ въ сношеніе съ какимъ либо банкирскимъ домомъ о заготовленіи процентныхъ государственныхъ бумагъ на сумму, имѣющую приблизительно поступить въ пенсіонную кассу и, по поступленіи ея, тотчасъ же пересылаетъ въ банкирскую контору, въ обмѣнъ на заготовленныя процентныя бумаги. Точно также слѣдуетъ поступать и предъ полученіемъ процентовъ изъ государственнаго банка на хранящіеся въ ономъ капиталы кассы. Счеты банкирскихъ конторъ на проданныя кассѣ процентныя бумаги, вмѣстѣ съ биржевыми бюллетенями на стравшія тогда цѣны сими бумагамъ, должны храниться при дѣлахъ. Всѣ процентныя бумаги должны быть переводимы на имя пенсіонной кассы духовенства с.-петербургской епархіи и помѣщены въ государственный банкъ въ отдѣленіе вкладовъ на храненіе. Наличныхъ денегъ никогда не должно быть въ казнохранилищѣ кассы болѣе, чѣмъ нужно для ближайшей выдачи пенсій. Если до выдачи оставаться будетъ болѣе мѣсяца, то всѣ наличныя деньги должны быть помѣщены въ государственный банкъ на текущій счетъ. Какъ наличныя деньги, такъ и квитанціи изъ отдѣленія вкладовъ на храненіе съ подробною вѣдомостію ихъ, подписанною всѣми членами правленія, должны храниться въ несгораемомъ сундукѣ, за тремя замками, отъ коихъ одинъ ключъ находится у председателя, другой—у казначея, а третій—у дѣлопроизводителя. Сундукъ сей помѣщается въ одной изъ с.-петербургскихъ церквей, или въ кладовой конюшери.

По мѣрѣ надобности, правленіе пенсіонной кассы открываетъ свои отдѣленія въ уѣздныхъ городахъ и другихъ мѣстахъ. Сии отдѣленія состояются также изъ трехъ членовъ: предсѣдателя, казначея и дѣлопроизводителя, избираемыхъ изъ своей среды мѣстнымъ духовенствомъ, какъ священниковъ, такъ и изъ діаконовъ и причетниковъ. Отдѣленія правленія пенсіонной кассы имѣютъ свою обязанностію принимать взносы отъ мѣстнаго духовенства, выдавать, по опредѣленію правленія, пенсіи мѣстнымъ пенсіонерамъ, доставлять въ правленіе остатки отъ взносовъ за выдачею пенсій, съ приложеніемъ должныхъ расписокъ отъ пенсіонеровъ въ полученіи выданныхъ имъ пенсій, представлять, при наступленіи каждой трети, свѣдѣнія объ умершихъ владчикахъ, числѣ прибывшихъ пенсіонеровъ, общую сумму выдачи пенсій, а по окончаніи года, представлять въ правленіе подробный отчетъ о приходѣ и расходѣ суммы и списки всѣхъ наличныхъ и убылыхъ владчиковъ и пенсіонеровъ. Подробнѣе же обязанности и предметы занятій каждаго отдѣленія правленія опредѣляются инструкціями, составляемыми для нихъ самимъ правленіемъ, сообразно съ мѣстными условіями каждаго изъ нихъ.

Для повѣрки дѣйствій правленія пенсіонной кассы, общее собраніе духовенства ежегодно избираетъ трехъ *ревизоровъ*. Они избираются на годъ изъ священно- и церковнослужителей г. Петербурга и ближайшихъ уѣздныхъ городовъ и селъ, въ сообщеніи которыхъ съ столицею не предстоитъ затрудненій и большихъ издержекъ для избираемаго. Ревизоры повѣряютъ годовой отчетъ правленія съ документами и наличными суммами кассы, свидѣтельствуютъ своевременность записи всѣхъ взносовъ и законность всѣхъ выдачъ, осматри-

вають порядокъ и исправность книгъ правленія, случая ихъ между собою и отмѣчаютъ на нихъ о найденныхъ ими правильности и порядокъ, или о замѣченныхъ недостаткахъ и упущеніяхъ. На производство ревизіи назначается полтора мѣсяца. По окончаніи повѣрки всѣхъ книгъ, документовъ и суммъ кассы, ревизоры составляютъ записку о произведенно ими ревизіи и представляютъ ее ближайшему общему собранію. Свидѣтельствуя своею подписью вѣрность всего обревизованнаго, ревизоры принимаютъ на себя отвѣтственность наравнѣ съ членами правленія по упущеніямъ, которыя откроются впоследствии за тотъ годъ, на который они были избраны ревизорами. Въ случаѣ найденныхъ ими книгъ либо важныхъ упущеній, они имѣютъ право съ разрѣшенія его высокопреосвященства созывать чрезвычайныя общія собранія духовенства. Для повѣрки суммъ, книгъ и документовъ отдѣленій, правленіе назначаетъ ревизоровъ, по своему усмотрѣнію, давая имъ инструкціи соотвѣтственно предметамъ ревизіи.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ВНОВЬ ОТПЕЧАТАННЫЯ КНИГИ:

Въ синодальныхъ книжныхъ лавкахъ въ С.-Петербургѣ (въ зданіи Св. Синода на Петровской площ. и въ домѣ Духовнаго Вѣдомства на Литейномъ просп., № 36).

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивахъ Св. Синода съ 1542 по 1721 г. Отпечатано въ небольшомъ числѣ экз. Гражд. печ., въ 8 д. л., въ 48 печ. лист. Цѣна за экз. въ бумажномъ перепл. *4 руб.*— Гг. иногородные покупатели прилагаютъ вѣсовыхъ и страховыхъ по почтовой таксѣ за 6 фунт. на каждый экз.

Принятая въ руководство въ духовныхъ училищахъ **Греческая азбука.** *Яковса*. Ч. I. Цѣна за экз. въ корешк. перепл. *30 коп.* (Прод. также въ *Москвѣ*).—На высылку иногороднымъ должны быть прилагаемы вѣсовыя и страховыя, по почтовой таксѣ.

Акаѳисты святителямъ Гурію и Варсоноію, казанскимъ и свѣжскимъ чудотворцамъ. Церк. печ., въ 4 д. л. Цѣна каждому акаѳисту въ бумажномъ перепл. *20 коп.*—На пересылку этихъ книгъ должны быть прилагаемы вѣсовыя и страховыя, по почтовой таксѣ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ „ХРИСТИАНСКАГО ЧТЕНІЯ“

ЗА 1868 ГОДЪ.

	Стран.
Особенности въ повѣствованіи евангелиста Іоанна о чудесахъ Господа нашего І. Христа	3 — 43
Изъ исторіи библейской женщины	44 — 65
Вопросъ о соединеніи церкви восточной и за- падной (въ первый его періодъ) на греческ. во- стожъ и латинск. западѣ (1053—1453) 66—99. 367—399.	557—599
Нужно ли преподавать въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ ученіе о расколѣ?	100—139
Архипастырское посланіе молдавскаго митро- полита по поводу иноземной и иновѣрной про- паганды въ Яссахъ	140—145
Несвѣтлыя стороны нашей церковной жизни	146—183
Вступительная лекція въ психологію	189—229
Василій Николаевичъ Карповъ. (Некрологъ).	230—247
Слово, сказанное предъ отпѣваніемъ процес- сора философіи В. Н. Карпова	248—261
Рѣчь при погребеніи заслуженнаго профессора В. Н. Карпова	262—273
Прощальная рѣчь незабвенному наставнику отъ его учениковъ	274—278
Рѣчь при выноскѣ тѣла профессора В. Н. Кар- пова изъ зданія академіи на Невское кладбище, сказанная редакторомъ «Домашней Бес.» В. И. Аскоченскимъ	279—281
Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета оберъ- прокурора св. сѣнода графа Д. Толстаго по въ- домству православнаго исповѣданія за 1866 г.	282—316
Слово въ великій пятокъ	333—339
Христ. Чт. М 6.	459

О значеніи Никейскаго символа при современныхъ заблужденіяхъ	340—354
Задача нравственнаго богословія, какъ науки	355—366
Материализмъ Бюхнера	400—415. 518—556
Нѣсколько словъ о преподаваніи словесности въ семинаріяхъ приспособительно къ новому уставу	416—445
Отзывы константинопольской греческой прессы по случаю извѣстія о кончинѣ московскаго митрополита Филарета	446—449
Современное обозрѣніе	450—477. 609—636. 728—760
Слово въ день св. Пасхи	481—492
Первый вѣкъ христіанства въ писаніяхъ мужей апостольскихъ	493—517. 769—790
Начатки христіанства между мадырами	600—608
Посланіе блаженнѣйшаго Іеродея, патріарха антиохійскаго, св. сѣноду	637—639
Слово въ день празднованія пятидесятилѣтія службы протоіерея Троицкаго собора, что на Петербургской сторонѣ, А. Я. Рождественскаго	640—652
О естественномъ и разумномъ въ области нравственно-духовной	653—672
Объ организаціи, или системѣ богословскихъ наукъ	673—701
Списокъ всѣхъ іераршескихъ кафедръ въ святой православной восточной церкви за 1867 г.	702—727
Какимъ образомъ можетъ осуществиться единеніе армянской и православно-каатолической церкви?	791—853
Предметъ и методъ церковной исторіи	854—880
Проектъ положенія о пенсіонной кассѣ для духовенства с.-петербургской епархіи	881—894
Объявленія 184—188. 317—332. 478—480. 761—767.	895—896

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

2044 105 195 085

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>